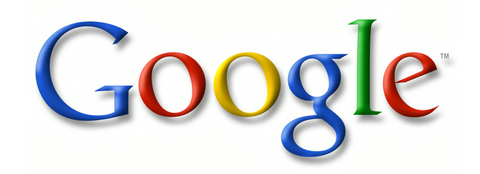
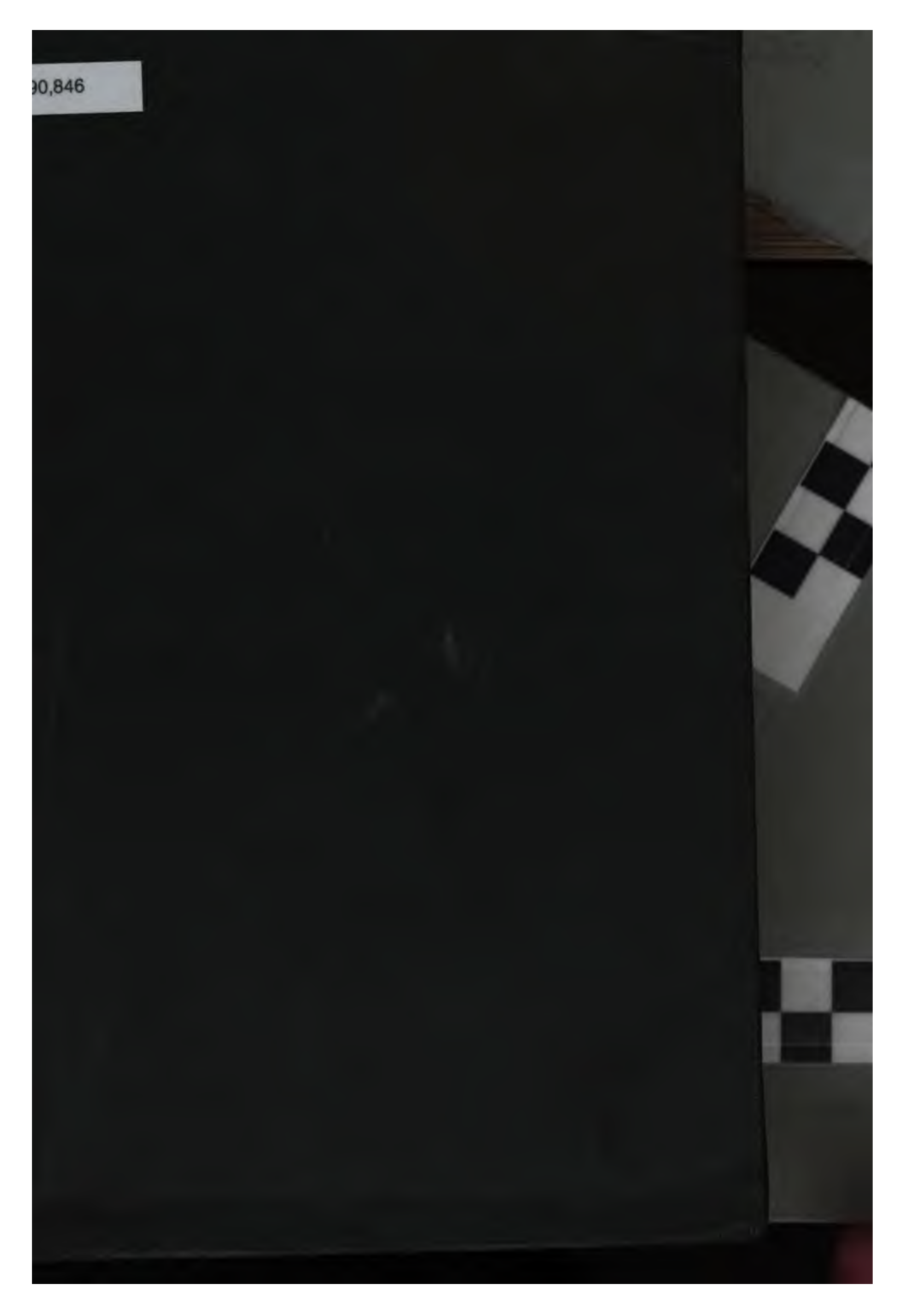



90,846

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ
ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ТОМЪ ШЕСТЬДЕСЯТЪ ШЕСТОЙ.

66

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1900.

ПРОДАЕТСЯ У КОММИССІОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:
И. И. Глазунова, К. Л. Риккера въ Санктпетербургѣ; **Н. П. Карбасникова** въ Санктпетербургѣ, Москвѣ и Варшавѣ; **М. В. Клюкина** въ Москвѣ; **Н. Я. Оглоблина** въ Санктпетербургѣ и Кіевѣ; **Е. Распопова** въ Одессѣ; **Н. Киммеля** въ Ригѣ; **у Фоссъ (Г. Гессель)** въ Лейпцигѣ, а также и въ Книжномъ складѣ Императорской Академіи Наукъ.

Цѣна этого тома **Сборника** *три рубля.*

СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ТОМЪ ШЕСТЬДЕСЯТЪ ШЕСТОЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1900.

СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ТОМЪ ШЕСТЬДЕСЯТЪ ШЕСТОЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1900.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ. Ноябрь 1900 года.
Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ.*

ОГЛАВЛЕНIЕ.

ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ ПРОТОКОЛОВЪ ЗАСѢДАНІЙ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ЗА ЯНВАРЬ — МАЙ 1897 ГОДА.

Г. предсѣдательствующій въ Отдѣленіи академикъ А. Ѳ. Бычковъ заявилъ о кончинѣ академика К. Н. Бестужева-Рюмина, послѣдовавшей 2 сего января. Въ лицѣ покойнаго Отдѣленіе потеряло образованнѣйшаго сочлена, живо до послѣднихъ дней интересовавшагося его дѣятельностію.

Г. предсѣдательствующій заявилъ о полученіи отъ члена-корреспондента Императорской Академіи Наукъ по Историко-филологическому Отдѣленію, профессора Императорскаго Московскаго университета Ѳ. Е. Корша писемъ, въ которыхъ онъ увѣдомляетъ о полученіи по случаю 30-тилѣтія его научной дѣятельности привѣтствія отъ Отдѣленія русскаго языка и словесности, подписаннаго Августѣйшимъ Президентомъ Академіи и всѣми наличными членами Отдѣленія, и проситъ принять глубокую благодарность за то драгоцѣнное поощреніе, котораго удостоили его Августѣйшій Президентъ Академіи и Отдѣленіе русскаго языка и словесности. Положено принять къ свѣдѣнію.

Читана записка учителя Мещовскаго уѣзднаго училища В. И. Чернышева, переданная въ Отдѣленіе г. вице-президентомъ Императорской Академіи Наукъ академикомъ Л. Н. Майковымъ, къ которой приложены „Проектъ нѣкоторыхъ преобразованій въ дальнѣйшей обработкѣ академическаго Словаря русскаго языка съ двумя приложеніями пополненій I тома

Словаря". Положено проектъ г. Чернышева передать на заключеніе редактора Словаря русскаго языка адъюнкта А. А. Шахматова, который, возвращая бывшую у него на разсмотрѣніи записку г. Чернышева и приложенія, отозвался сочувственно объ этомъ трудѣ и предложилъ Отдѣленію, не найдетъ ли оно возможнымъ выразить ему свою благодарность за доставленіе любопытныхъ замѣтокъ. Одобрено.

Вслѣдствіе возбужденнаго г. предсѣдательствующимъ вопроса о способѣ доведенія до конца за смертію академика К. Н. Бестужева-Рюмина, 3-го и послѣдняго тома Онежскихъ былинъ, собранныхъ А. Θ. Гильфердингомъ, — присутствовавшіе въ засѣданіи академики Л. Н. Майковъ и А. Н. Веселовскій изъявили согласіе принять на себя и послѣ смерти академика Бестужева-Рюмина чтеніе по-прежнему корректуръ этого изданія и выпустить его подъ своимъ наблюденіемъ. Одобрено. Такъ какъ послѣ нѣкотораго перерыва, послѣдовавшаго за смертію члена Отдѣленія, академика К. Н. Бестужева-Рюмина, типографія снова стала доставлять корректурные листы упомянутаго тома печатающихся въ Сборникѣ Отдѣленія Онежскихъ былинъ, собранныхъ А. Θ. Гильфердингомъ, то положено просить упомянутыхъ академиковъ взять подъ свое наблюденіе печатаніе этого тома, пригласивъ къ участію для чтенія корректуръ П. К. Симони.

Доведено до свѣдѣнія Отдѣленія, что вдова покойнаго академика К. Н. Бестужева-Рюмина, Е. В. Бестужева-Рюмина доставила въ двухъ переплетенныхъ томахъ оригиналъ собранныхъ покойнымъ А. Θ. Гильфердингомъ Онежскихъ былинъ въ своеручной записи послѣдняго карандашомъ. Положено увѣдомить Е. В. Бестужеву-Рюмину о полученіи въ Отдѣленіи означенныхъ рукописныхъ томовъ и благодарить ее отъ имени Отдѣленія за доставленіе ихъ, а также сообщить и вдовѣ собирателя, В. Ф. Гильфердингъ, что рукопись Онежскихъ былинъ, какъ необходимая при веденіи академическаго изданія этого сборника былинъ, передана въ Отдѣленіе и хранится тамъ для пользованія редакціи новаго ихъ изданія.

Адъюнктъ А. А. Шахматовъ доложилъ Отдѣленію, что отъ одного изъ учениковъ профессора Ф. Θ. Фортунатова И. І. Яблонскаго, къ которому онъ, по просьбѣ сочленовъ, обращался съ предварительнымъ запросомъ о согласіи принять на себя редактированіе Литовско-русско-польскаго сло-

варя А. Юшкевича, получилъ отвѣтъ, что въ случаѣ, если Отдѣленіе поручитъ ему это дѣло, онъ готовъ немедленно приступить къ печатанію; для ознакомленія же проситъ прислать ему рукопись Словаря и отпечатанную часть его и введеніе. Положено: а) поручить г. Яблонскому редактированіе и печатаніе Словаря; б) выслать отпечатанные листы Словаря и ту часть рукописи, которая была сдана г. В. Юшкевичемъ въ типографію.

Адъюнктъ А. А. Шахматовъ сообщилъ слѣдующее письмо Ив. Ос. Яблонскаго изъ г. Ревеля отъ 1 сего апрѣля:

„Рукопись Словаря Юшкевича отъ E до Ež и отъ G до Gv я получилъ вмѣстѣ съ отпечатанною частью Словаря. До сихъ поръ я пріобрѣлъ всѣ нужныя для меня, какъ редактора Литовско-русско-польскаго словаря, пособія и переписалъ начисто (для печати) рукопись до слова *gajšti*. Во время праздниковъ надѣюсь выслать въ Академію первую тетрадь. Потомъ работа будетъ легче и задержки съ моей стороны не будетъ". Положено сообщеніе г. Яблонскаго принять къ свѣдѣнію.

Читана обширная докладная записка И. О. Яблонскаго изъ Ревеля отъ 22 сего апрѣля, въ которой онъ знакомитъ съ ходомъ приготовительной работы по редактированію слѣдующихъ томовъ Литовскаго словаря Бр. Юшкевичей, приводитъ рядъ своихъ недоумѣній и проситъ для ихъ разрѣшенія указаній со стороны Отдѣленія. При этомъ г. Яблонскимъ представлены въ 2-хъ тетрадяхъ: часть оригинала Литовскаго словаря Юшкевича, доставленная ему Отдѣленіемъ на буквы E и G (до слова Gátas) и на 45-ти листахъ примѣрная обработка, имъ нынѣ сдѣланная, этой же части словаря E — Gata. Вмѣстѣ съ этимъ г. Яблонскій проситъ доставить ему, до его отъѣзда въ Ковенскую губ. (до 1 іюня), и всѣ остальныя части рукописнаго оригинала Словаря. По прочтеніи означенной записки г. Яблонскаго и обсужденіи заключающихся въ ней запросовъ, положено: 1) копію съ записки и представленную часть Словаря въ переработкѣ г. Юшкевича препроводить къ Ф. Ѳ. Фортунатову и просить его, какъ лицо ближе всѣхъ стоящее къ изданію Словаря, дать необходимыя указанія г. Яблонскому по предъявленнымъ имъ вопросамъ, и 2) остальную часть оригинала Словаря послать къ г. Яблонскому. Вскорѣ г. И. І. Яблонскій письмомъ на имя г. предсѣдательствующаго изъ г. Ревеля, отъ 9 сего мая, увѣдомилъ

1*

о полученіи въ полной сохранности десяти тетрадей (5a, 5b и 6—13) Литовско-русско-польскаго словаря А. Юшкевича, содержащихъ слова на буквы: I. J. K. Ł. L. M. N. O. P. R. S. Š. T. U. Ū. V. Ž и Z. Въ заключеніе этого своего письма г. Яблонскій пишетъ: „На каникулы я уѣду (послѣ 10 іюня) въ Ковенскую губернію, гдѣ буду работать надъ подготовленіемъ словаря для печати. Хотя поѣду я туда по собственной инициативѣ и на свои средства, однако въ виду возможныхъ недоразумѣній на мѣстѣ и для пользы самого дѣла, я желалъ бы, чтобы моя поѣздка носила характеръ командировки, иначе говоря — для меня было бы крайне желательно получить открытый листъ, въ которомъ значилось бы, что командированъ я въ Ковенскую губернію для изученія литовскаго языка (или для подготовленія къ печати Словаря А. Юшкевича) Академіею Наукъ“. По выслушаніи письма г. Яблонскаго, Отдѣленіе нашло вполнѣ справедливымъ исполнить его просьбу объ облегченіи ему сношеній съ мѣстнымъ населеніемъ Ковенской губ., почему и положило обратиться къ г. Непремѣнному секретарю Академіи съ просьбою исходатайствовать для г. Яблонскаго отъ г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ открытый листъ, необходимый г. Яблонскому при разъѣздахъ по Ковенской губерніи.

Редакторомъ Словаря русскаго языка акад. А. А. Шахматовымъ были розданы всѣмъ присутствующимъ корректурныя формы (гранки 1—10) и Указатель источниковъ Словаря (стр. 1—10).

Читано сообщенное г. вице-президентомъ Академіи Наукъ, академикомъ Л. Н. Майковымъ письмо профессора Историко-филологическаго института кн. Безбородка въ Нѣжинѣ М. Н. Сперанскаго, съ увѣдомленіемъ, что въ бумагахъ Н. С. Тихонравова, доставленныхъ ему душеприказчиками покойнаго, академика для приготовленія ихъ къ печати, нашелся рефератъ о новомъ спискѣ „Девгеніева Дѣянія“ въ томъ видѣ, какъ онъ былъ читанъ Николаемъ Саввичемъ на Московскомъ археологическомъ съѣздѣ 1890 года. Впослѣдствіи, по сообщенію г. Сперанскаго, Н. С. Тихонравовъ началъ переработку этого реферата (должно быть для чтенія въ Академіи), но переработалъ только начало, которое, однако, не сливается въ одно съ продолженіемъ. Г. Сперанскій, которому поручено приготовленіе къ печати и печатаніе одного изъ томовъ

Собранія сочиненій Н. С. Тихонравова, предполагая печатать этотъ рефератъ, какъ онъ былъ читанъ на Съѣздѣ, съ отнесеніемъ второй его редакціи въ примѣчанія, вызывается доставить въ Академію оригиналъ этого изслѣдованія и предлагаетъ напечатать его при изданіи славянскаго текста „Девгеніева Дѣянія“ по рукописи Мыкова, принадлежавшей академику Тихонравову и нынѣ уже доставленной его душеприказчиками въ Академію. Положено благодарить проф. М. Н. Сперанскаго за означенное предложеніе и просить его доставить въ Отдѣленіе на нѣкоторое время подлинную рукопись реферата акад. Тихонравова.

Проф. М. Н. Сперанскій вскорѣ извѣстилъ объ отправкѣ имъ въ распоряженіе Отдѣленія собственноручнаго изслѣдованія покойнаго академика и профессора Н. С. Тихонравова о Девгеніевомъ Дѣяніи, а именно 3-хъ тетрадей: 1 на 14 листахъ, обозначенныхъ лит. Е. 2 на 6 листахъ, обознач. Еа. и 3) на 4 листахъ, обознач. Еb. и съ просьбою не отказать въ увѣдомленіи о полученіи означенныхъ бумагъ Н. С. Тихонравова для сообщенія наслѣдникамъ и издателямъ трудовъ покойнаго академика. По полученіи въ Отдѣленіи всѣ указанныя выше рукописныя замѣтки тогда же доставлены акад. А. Н. Веселовскому.

А. А. Шахматовъ сообщилъ Отдѣленію, что бывшій проф. Императорскаго Юрьевскаго университета И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ въ частномъ къ нему письмѣ выразилъ желаніе получить чистые отпечатанные листы издаваемаго Отдѣленіемъ Литовско-русско-польскаго словаря Юшкевича и просить посылать таковые по мѣрѣ отпечатанія г-жѣ М. Ф. Юшкевичъ (вдовѣ Ивана Юшкевича), высылка которыхъ была ей съ нѣкотораго времени прекращена академическою типографіею. Положено сдѣлать распоряженіе о посылкѣ нынѣ же по экземпляру всѣхъ отпечатанныхъ листовъ Литовскаго словаря какъ г. Бодуэну-де-Куртенэ такъ и г-жѣ Юшкевичъ, а также и тѣхъ, которые будутъ вновь печатаемы.

Сообщено о полученіи отъ епископа Антонія Барановскаго, суффрагана Тельшевской епархіи, рукописной статьи подъ заглавіемъ: „Замѣтки о литовскомъ словарѣ и языкѣ“, составляющей переработку одного прежняго его тоже рукописнаго труда, хранившагося съ давняго времени при дѣлахъ Отдѣленія. По предложенію Отдѣленія еп. Барановскій любезно

согласился пересмотрѣть прежнюю свою статью, вызванную частнымъ случаемъ, и приготовить ее къ печати съ необходимыми пополненіями и измѣненіями. Положено напечатать въ одномъ изъ ближайшихъ томомъ Сборника Отдѣленія присланный трудъ еп. А. Барановскаго, а автора этой столь цѣнной въ научномъ отношеніи статьи, нынѣ пополненной анализомъ литовскаго акцента, изложеніемъ ритмическаго и фонетическаго строя словъ, а также главныхъ различій между говорами литовскаго языка въ предѣлахъ Ковенской губерніи, опредѣлено благодарить отъ имени Императорской Академіи Наукъ.

По предложенію адъюнкта А. А. Шахматова, сообщившаго Отдѣленію о трудахъ К. П. Михальчука по изученію Малорусской діалектологіи, послѣднее опредѣлило: обратиться къ г. Михальчуку съ предложеніемъ принять на себя составленіе (IV) Программы для собиранія особенностей говоровъ малорусскаго нарѣчія, подобной уже изданнымъ программамъ I—III для собиранія особенностей говоровъ сѣверно- и южновеликорусскаго и бѣлорусскаго нарѣчій, предоставивъ на его усмотрѣніе составить или одну общую Программу для собиранія особенностей говоровъ малорусскаго нарѣчія или трудъ этотъ разбить на части, напр. выдѣливъ малорусскіе говоры въ предѣлахъ Россійской Имперіи въ одну часть, а внѣ ея (Галичины и Венгріи) въ другую. Вскорѣ отъ К. П. Михальчука (24 минувшаго февраля изъ Кіева) было получено письмо съ извѣщеніемъ о полученіи отъ Отдѣленія предложенія принять на себя трудъ по составленію IV Программы для собиранія особенностей говоровъ малорусскаго нарѣчія и съ выраженіемъ полнаго согласія приложить всѣ старанія къ возможно тщательному выполненію, по мѣрѣ его силъ и знаній, поручаемаго ему труда. Положено принять къ свѣдѣнію.

Г. предсѣдательствующій въ Отдѣленіи заявилъ о новой чувствительной потерѣ, постигшей Отдѣленіе и русскую литературу: 8 марта утромъ скончался членъ-корреспондентъ Императорской Академіи Наукъ по Отдѣленію русскаго языка и словесности А. Н. Майковъ, принимавшій всегда живѣйшее и дѣятельное участіе въ занятіяхъ Отдѣленія.

Читано представленное въ Отдѣленіе заключеніе Комиссіи образованной изъ членовъ Отдѣленія А. Н. Веселовскаго и А. А. Шахматова, а также академика А. А. Куника, доцента Императорскаго Александровскаго университета д-ра I. А. Мик-

кола, пастора д-ра Я. И. Гурта и приватъ-доцента Императорскаго Санктпетербургскаго университета Э. А. Вольтера, по вопросу объ установленіи единства и правильности въ веденіи на русскомъ языкѣ инородческихъ протестантскихъ церковныхъ книгъ слѣдующаго содержанія:

„Выработанныя правила и вообще не должны расходиться съ укоренившимися пріемами передачи иностранныхъ словъ русскими буквами. Для нѣкоторыхъ именъ и фамилій, согласно мнѣнію и Генеральной Консисторіи, требуется сохранить ту русскую форму, которая установилась уже долголѣтнимъ единообразнымъ ихъ правописаніемъ въ офиціальныхъ документахъ. Такимъ образомъ заключенія комиссіи сводятся къ слѣдующимъ положеніямъ:

I. Имена собственныя, которымъ находятся соотвѣтствующія русскія имена, должны быть, по мнѣнію комиссіи, согласному съ мнѣніемъ и Генеральной Консисторіи, передаваемы въ метрическихъ книгахъ въ русскомъ переводѣ, т. е. въ той формѣ, въ какой эти имена извѣстны изъ русскихъ святцевъ и изъ русскихъ офиціальныхъ документовъ: Alexander — Александръ, Ephraim—Ефремъ, Claudius—Клавдій, Hiob—Іовъ, Elisabeth — Елисавета и т. д.

> *Примѣчаніе.* Переводу подлежитъ только первое имя лица, носящаго нѣсколько именъ; но въ скобки заключаются въ подлинныхъ написаніяхъ и остальныя имена: Павелъ (Paul, Ioseph, Heinrich) Томсонъ (Tomson). Если же извѣстное лицо имѣетъ только одно имя, переводимое по-русски, включеніе подлиннаго имени въ скобки представляется излишнимъ: Петръ Мартенсъ (Martens).

II. Въ виду того, что нѣкоторыя изъ христіанскихъ именъ, извѣстныхъ и въ русскомъ языкѣ, употребляются въ нѣмецкомъ, латышскомъ и другихъ языкахъ въ двухъ, а иногда и въ нѣсколькихъ формахъ, при чемъ, напримѣръ, Alexis и Alexius, Pahwils и Pahwuls, Koders и Kweders и т. п. обозначаютъ разныхъ лицъ и не смѣшиваются въ употребленіи, комиссія полагала, что въ метрическихъ книгахъ при такихъ именахъ, извѣстныхъ въ инородческомъ языкѣ и въ нѣсколькихъ формахъ, необходимо во всякомъ случаѣ, вслѣдъ за русскою формою имени, помѣщать въ скобкахъ ту или другую форму его, которою называется данное лицо на родномъ языкѣ: Екатерина

(Kate или Kattrihne), Давидъ (Taavi и Taavetti), Филиппъ (Pihlups или Fihlips) и т. д.

III. Имена собственныя, которыхъ въ русскомъ языкѣ нѣтъ, и фамиліи слѣдуетъ передавать въ приблизительной транскрипціи на русскую азбуку по особо для того выработаннымъ правиламъ, при чемъ за фамиліями въ скобкахъ должно слѣдовать подлинное написаніе ихъ на инородческомъ языкѣ. Примѣры: Антонъ Крюгеръ (Krüger), Магнусъ (Magnus) Линдстремъ (Lindström).

Примѣчаніе. Имя собственное ставится во всякомъ случаѣ впереди фамиліи, хотя бы въ инородческомъ языкѣ оно слѣдовало за нимъ, согласно употребленію.

IV. Имена собственныя и фамиліи, русская форма которыхъ установлена употребленіемъ, должны быть вносимы въ метрическія книги въ этой именно формѣ, при чемъ фамиліи сопровождаются подлиннымъ написаніемъ ихъ на инородческомъ языкѣ. Примѣры: Оттонъ Кригеръ (Krüger), Эрнестъ Киммель (Kümmel) вм. Отто Крюгеръ, Эрнстъ Кюммель, какъ бы слѣдовало въ силу выработанныхъ правилъ".

Къ протоколу Комиссіи приложены „Правила передачи инородческихъ именъ и фамилій русскими буквами".

Отдѣленіе одобрило заключеніе Комиссіи и, въ виду заявленнаго академикомъ Куникомъ желанія, чтобы результаты совѣщаній Комиссіи были сообщены и въ III-е Отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ,—положило препроводить къ г. Непремѣнному секретарю Академіи подлинный протоколъ Комиссіи съ просьбою представить его на разсмотрѣніе ближайшему собранію членовъ III-го Отдѣленія и возвратить его по возможности въ скорѣйшемъ времени въ Отдѣленіе для напечатанія.

Г. Непремѣнный секретарь, при письмѣ отъ 15 сего мая возвратилъ одобренный Историко-филологическимъ Отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ подлинный протоколъ образованной при Отдѣленіи русскаго языка и словесности Комиссіи, вслѣдствіе чего и положено: 1) напечатать его и сообщить въ копіи г. Товарищу Министра Внутреннихъ Дѣлъ барону Икскулю; 2) за просвѣщенное участіе въ Комиссіи образованной при Отдѣленіи выразить искреннюю благодарность отъ имени Академіи: доценту Императорскаго Алексан-

дровскаго университета д-ру I. А. Миккола, пастору Я. И. Гурту и приватъ-доценту Императорскаго Санктпетербургскаго университета Э. А. Вольтеру.

Въ дополненіе къ протоколу засѣданія Отдѣленія 5 октября минувшаго года, — по ознакомленіи съ 5-ю присланными по просьбѣ Отдѣленія проф. Имп. Юрьевскаго университета Е. В. Пѣтуховымъ, для образца, проповѣдями извѣстнаго сподвижника Петра Великаго Гавріила Бужинскаго (по общему счету VII, XX, XXVII, XXXI и XXXV) и въ виду сообщенія академика М. И. Сухомлинова, что г. Пѣтуховъ желаетъ чтобы Отдѣленіе приняло для напечатанія въ Сборникѣ все собраніе проповѣдей Г. Бужинскаго, извлеченное имъ изъ собственноручнаго списка хранящагося въ библіотекѣ Московской Духовной Академіи, Отдѣленіе постановило: увѣдомить проф. Е. В. Пѣтухова, что оно, печатая значительное число другихъ изданій, не имѣетъ нынѣ возможности принять для напечатанія полностію въ Сборникѣ Отдѣленія доставленные имъ списки всѣхъ проповѣдей Г. Бужинскаго (числомъ 45) и потому положило тетрадь съ текстомъ упомянутыхъ пяти проповѣдей Г. Бужинскаго возвратить г. Пѣтухову.

Прочитана записка академиковъ М. И. Сухомлинова и А. А. Шахматова слѣдующаго содержанія:

„Одною изъ главныхъ задачъ Второго Отдѣленія Имп. Академіи Наукъ слѣдуетъ признать всестороннее изученіе памятниковъ русской словесности. Въ настоящее время успѣшность работъ ученыхъ, посвятившихъ себя историко-литературнымъ трудамъ, въ значительной степени зависитъ отъ наличности изданій нѣкоторыхъ произведеній нашей литературы. Но бо́льшая часть ея памятниковъ остается неизданною или извѣстна въ такихъ изданіяхъ, пользованіе которыми ни въ коемъ случаѣ не можетъ привести къ надежнымъ результатамъ. Русская наука въ правѣ ожидать отъ своихъ дѣятелей труда, который возможно совершить лишь совокупными усиліями, а именно полнаго изданія всѣхъ произведеній отечественной словесности. Начало такого научнаго предпріятія и постоянное руководство имъ естественно принадлежитъ II Отдѣленію Академіи Наукъ, совершившему уже не мало работъ по критическому изданію нашихъ писателей. Въ виду того, что среди произведеній русской словесности, начиная съ XI и кончая XVII в. и даже болѣе позднимъ временемъ, не мало такихъ,

которыя по происхожденію своему принадлежатъ литературамъ Византіи и Запада; въ виду того также, что памятники нашей словесности въ большинствѣ случаевъ отражаютъ работу позднѣйшихъ сводчиковъ и переписчиковъ — въ полномъ изданіи произведеній русской литературы цѣлесообразнѣе всего держаться порядка изданія сочиненій отдѣльныхъ писателей. Отдѣленіе русскаго языка и словесности можетъ положить основаніе полнымъ собраніямъ сочиненій русскихъ авторовъ и привлечь къ работамъ надъ такимъ изданіемъ современныхъ дѣятелей науки и литературы. Если Отдѣленіе найдетъ возможнымъ рѣшить теперь же вопросъ о цѣлесообразности такого изданія, для котораго несомнѣнно понадобятся труды и деньги, оно могло бы одновременно обсудить въ общихъ чертахъ планъ изданія и позаботиться о болѣе подробной разработкѣ этого плана, привлекши для этого лучшія наши научныя силы. Предполагаемому изданію можно было бы присвоить названіе — „Полнаго Собранія сочиненій русскихъ писателей“. Отдѣленіе приняло это предложеніе съ полнымъ сочувствіемъ и положило просить М. И. Сухомлинова и А. А. Шахматова совмѣстно приступить къ подробной разработкѣ плана упомянутаго изданія, который и представить на обсужденіе Отдѣленія въ ближайшее осеннее засѣданіе.

Читана переданная г. Непремѣннымъ секретаремъ Академіи Наукъ, записка угличскаго почетнаго гражданина Л. Ѳ. Соловьева, въ которой онъ, извѣщая, что среди угличанъ возникло желаніе поставить въ своемъ родномъ городѣ, передъ Публичной библіотекой памятникъ земляку, народному поэту, крестьянину И. З. Сурикову, и что въ виду сего, предварительно постановки памятника, желательно было бы имѣть сочувствіе къ самой идеѣ со стороны ученыхъ обществъ и частныхъ лицъ, — обращается къ Академіи Наукъ съ просьбою не оставить его, какъ иниціатора этого дѣла, сообщеніемъ отзыва какъ вообще о достоинствахъ произведеній покойнаго поэта, такъ и о своевременности постановки ему памятника въ г. Угличѣ. Выслушавъ означенную просьбу г. Соловьева, Отдѣленіе постановило сообщить ему, что оно не можетъ не выразить своего сочувствія къ тому, чтобы память о мѣстныхъ дѣятеляхъ сохранялась на ихъ родинѣ.

По случаю исполнившагося 24 сего марта сорокалѣтія учено-литературной дѣятельности члена-корреспондента Отдѣленія

А. Н. Пыпина Отдѣленіе опредѣлило обратиться по сему случаю съ привѣтствіемъ къ юбиляру и поднести ему отъ имени Императорской Академіи Наукъ слѣдующій адресъ, подписанный Его Императорскимъ Высочествомъ Августѣйшимъ Президентомъ Академіи Наукъ и всѣми присутствовавшими въ засѣданіи членами Отдѣленія:

Глубокоуважаемый

Александръ Николаевичъ.

Сорокъ лѣтъ минуло съ тѣхъ поръ, какъ 24-го марта 1857 года Вы защищали въ Санктпетербургскомъ университетѣ свою магистерскую диссертацію: „Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ". Что эти сорокъ лѣтъ прошли недаромъ для Васъ и для тѣхъ, кто у Васъ поучался и поучается, про то знаетъ всякій, слѣдящій за ходомъ русскаго просвѣщенія. Покинувъ каѳедру въ силу обстоятельствъ, Вы продолжали и на новомъ поприщѣ поддерживать живыя связи съ тѣми областями спеціальнаго знанія, которыя такъ часто уединяются отъ нарастающихъ требованій литературы и спросовъ жизни. Вы сумѣли соединить любовь къ наукѣ съ чуткостью къ теченіямъ современной мысли, и Второе Отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ, гордясь Вами какъ своимъ сочленомъ, привѣтствуетъ Васъ! —

Но въ виду того, что привѣтственный адресъ А. Н. Пыпину не могъ быть своевременно изготовленъ, г. Предсѣдательствующимъ была отправлена отъ имени Отдѣленія телеграмма слѣдующаго содержанія:

„Отдѣленіе русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ шлетъ своему глубокоуважаемому члену-корреспонденту сердечное привѣтствіе по случаю исполнившагося сорокалѣтія его неутомимой научно-литературной дѣятельности. Многочисленные Ваши труды, высокочтимый Александръ Николаевичъ, по исторіи русской литературы снискали Вамъ громкую и заслуженную извѣстность. Отдѣленіе выражаетъ сердечное желаніе, чтобы еще много лѣтъ Вы продолжали съ неослабною энергіею трудиться для науки и чтобы Отдѣленіе продолжало пользоваться Вашимъ просвѣщеннымъ содѣйствіемъ въ предпринимаемыхъ трудахъ". Принято къ свѣдѣнію и одобрено.

Съ соизволенія Его Императорскаго Высочества Августѣйшаго президента Академіи Наукъ, г. предсѣдательствующій въ

Отдѣленіи академикъ А. Ѳ. Бычковъ прочелъ составленную имъ записку объ ученыхъ трудахъ адъюнкта А. А. Шахматова съ 1894 г. (см. Приложеніе I) и предложилъ его къ избранію въ экстра-ординарные академики. По произведенной вслѣдъ затѣмъ закрытой баллотировкѣ шарами, адъюнктъ Шахматовъ оказался избраннымъ единогласно въ это званіе. По сему Отдѣленіе постановило сообщить о семъ избраніи г. Непремѣнному секретарю Академіи съ просьбою представить о томъ ближайшему Общему Собранію Академіи и приложить читанную въ Отдѣленіи записку академика А. Ѳ. Бычкова.

Академикъ Л. Н. Майковъ, возвращая бывшую у него на разсмотрѣніи рукописную статью студента Московской Духовной Академіи И. С. Петровыхъ съ изслѣдованіемъ его о текстѣ „Слова похвальнаго Пре͠стыя Вл͠чцы Нашея Б͠цы образа Одигитрїя, яже избави градъ Устюжну отъ безбожныхъ ляховъ и нѣмецъ", съ самымъ текстомъ Слова по новому списку и обильными замѣтками, — сообщилъ Отдѣленію, что печатать означенный списокъ Слова, какъ не лучшій изъ числа уже извѣстныхъ въ печати, не представляется необходимымъ; любопытны могутъ быть лишь мелкіе варіанты списка и особенно археологическія и другія замѣчанія И. С. Петровыхъ. По выслушаніи означеннаго сообщенія положено принять его къ свѣдѣнію.

Академикъ Л. Н. Майковъ предложилъ для напечатанія въ изданіяхъ Отдѣленія рукописную автобіографію покойнаго академика К. Н. Бестужева-Рюмина, доведенную имъ до 1860 года, до его переѣзда въ С.-Петербургъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ указалъ на необходимость собрать въ одинъ небольшой томъ статьи покойнаго академика по литературнымъ и историческимъ вопросамъ, особенно тѣ, которыя не утратили до сихъ поръ своего значенія. Одобрено.

Тотъ же академикъ представилъ всѣмъ присутствовавшимъ экземпляръ печатнаго образца изданія предпринимаемаго имъ по порученію Отдѣленія Собранія сочиненій А. С. Пушкина. Отдѣленіе одобрило съ типографской стороны представленный образецъ.

Сообщенную академикомъ Л. Н. Майковымъ просьбу занимающагося собираніемъ матеріаловъ для біографіи Н. А. Полевого г. Н. К. Козмина о выдачѣ ему для занятій изъ дѣлъ бывшей Россійской Академіи рукописнаго разбора сочи-

нія Н. А. Полевого подъ заглавіемъ: „Новый способъ спряженія русскихъ глаголовъ“, бывшаго на разсмотрѣніи Россійской Академіи и удостоеннаго сею послѣднею 9 сентября 1822 года медали (Извѣстія Россійской Академіи 1823 г., кн. 11, стр. 7), положено исполнить, для чего и сдѣлать соотвѣтственное распоряженіе о доставленіи г. Козмину всѣхъ хранящихся въ Архивѣ Россійской Академіи матеріаловъ по занимающему его вопросу.

Академикъ Л. Н. Майковъ сообщилъ Отдѣленію для напечатанія въ Извѣстіяхъ переданную ему отъ проф. Лининченка рукописную статью его слушателя А. Белича подъ заглавіемъ: „Замѣтка о славянскомъ житіи св. Пятки-Петки“. Положено статью г. Белича передать на разсмотрѣніе академику А. Н. Веселовскому. Послѣдній, возвращая эту статью, далъ о ней одобрительный отзывъ, почему и назначено отпечатать ее въ 4-й книжкѣ Извѣстій за настоящій годъ.

Въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ Отдѣленіе подвергло пересмотру Правила о присужденіи преміи Костомарова за лучшій малорусскій словарь. Исправленный по замѣчаніямъ членовъ Отдѣленія экземпляръ означенныхъ Правилъ былъ представленъ г. Непремѣнному секретарю Императорской Академіи Наукъ для внесенія на утвержденіе ближайшаго Общаго Собранія членовъ Академіи. Утвержденныя Общимъ собраніемъ Академіи 3-го мая сего года Правила о присужденіи означенной преміи положено напечатать въ приложеніяхъ къ протоколамъ Отдѣленія (см. Приложеніе II).

А. А. Шахматовъ, заявивъ о полученіи въ обиліи интереснаго матеріала какъ въ отвѣтъ на разосланныя двѣ Программы для собиранія особенностей сѣверно- и южно-великорусскихъ говоровъ, такъ и въ видѣ приложеній къ этимъ отвѣтамъ, — высказалъ предположеніе о необходимости дать болѣе мѣста въ изданіяхъ Отдѣленія для обнародованія этого хотя сырого, но въ высшей степени важнаго для спеціалистовъ матеріала, чѣмъ сколько до сихъ поръ отводилось ему въ книжкахъ Извѣстій. По обсужденіи означеннаго предложенія положено предоставить А. А. Шахматову печатать упомянутые матеріалы въ видѣ особыхъ приложеній къ книжкамъ Извѣстій Отдѣленія и затѣмъ выпускать ихъ отдѣльно, въ видѣ самостоятельнаго изданія.

Нѣсколько времени тому назадъ былъ доставленъ экзем-

пляръ I Программы для собиранія особенностей говоровъ сѣверно-великорусскаго нарѣчія по просьбѣ Этнографическаго отдѣла Императорскаго Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи при Императорскомъ Московскомъ университетѣ, И. Е. Неклепаеву, который прислалъ изъ Устьсысольска слѣдующаго содержанія письмо:

„На дняхъ я получилъ изъ Книжнаго склада Академіи Наукъ Программу для собиранія особенностей народныхъ говоровъ. Насколько мнѣ извѣстно, программа эта выслана мнѣ по просьбѣ Этнографическаго отдѣла московскаго Общества Любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, къ коему я обратился съ запросомъ объ условіяхъ помѣщенія въ издаваемомъ имъ „Этнографическомъ Обозрѣніи“ моихъ очерковъ по русской этнографіи Сургутскаго края (сѣверъ Тобольской губерніи) подъ заглавіемъ: Обычаи, обряды и суевѣрія русскаго населенія Сургутскаго края, въ приложеніи къ которымъ помѣщены „Матеріалы для областного словаря“ (собраніе разныхъ мѣстныхъ словъ, выраженій и названій). Вѣроятно это послѣднее приложеніе и дало поводъ Этнографическому отдѣлу Моск. Общества любит. естествознанія обратиться въ Академію Наукъ съ просьбою о высылкѣ мнѣ вышеназванной программы. Но при ознакомленіи съ этой программой у меня встрѣтились кой-какія затрудненія въ практическомъ исполненіи ея требованій, о чемъ и позволяю себѣ сообщить во II Отдѣленіе Академіи. Дѣло въ томъ, что кромѣ „матеріаловъ для областного словаря“ — масса разныхъ мѣстныхъ словъ и выраженій разсѣяны у меня въ самомъ текстѣ очерковъ. Выбирать ихъ оттуда представляется дѣломъ довольно затруднительнымъ, такъ какъ повлечетъ за собою массу выписокъ изъ текста очерковъ для объясненія словъ. Гораздо лучше напечатать эти очерки цѣликомъ.... Съ такимъ предложеніемъ о напечатаніи моихъ очерковъ въ Этнографическомъ Обозрѣніи я и обратился въ Этнографическій отдѣлъ Моск. Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, а равно и въ редакцію Живой Старины, изд. при И. Русск. Геогр. Обществѣ. Отвѣта же я не получилъ еще. Въ виду всего этого я и позволяю себѣ обратиться во II Отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ съ просьбою, не возьмется ли оно войти въ сношеніе съ И. Русск. Геогр. Обществомъ объ изданіи моихъ сургутскихъ очерковъ или въ Живой Старинѣ (если она выходитъ и сей-

часъ) или въ какихъ-либо другихъ изданіяхъ Общества по этнографіи. Или не возьмется ли Второе отдѣленіе напечатать мои очерки по этнографіи само въ своихъ изданіяхъ. Я былъ бы очень признателенъ II-му Отдѣленію, если бы оно почтило меня своимъ отвѣтомъ по поводу всѣхъ возбужденныхъ здѣсь вопросовъ".

Положено прежде чѣмъ дать какой либо отвѣтъ г. Неклепаеву — обратиться съ просьбою къ г. предсѣдательствующему въ Отдѣленіи Этнографіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества В. И. Ламанскому — извѣстить Отдѣленіе, будетъ-ли напечатана въ „Живой Старинѣ" статья г. Неклепаева и, если будетъ, то можетъ-ли онъ расчитывать получить за нее какое-либо вознагражденіе.

Читано письмо завѣдующаго Черниковскимъ еврейскимъ начальнымъ училищемъ И. Х. Пахмана, вызывающагося продолжать чтеніе дальнѣйшихъ корректуръ Словаря русскаго языка и вносить примѣры изъ писателей, которыхъ въ этихъ листахъ не окажется. Вскорѣ въ Отдѣленіи были получены отъ г. Пахмана примѣры употребленія глаголовъ изъ писателей на букву З. Положено эти выписки передать редактору Словаря русскаго языка А. А. Шахматову.

Экстраординарный профессоръ Казанскаго университета Е. Ѳ. Будде препроводилъ къ А. А. Шахматову, какъ къ редактору Словаря русскаго языка, исполненныя подъ его руководствомъ г.г. Кряжинымъ, Петровскимъ и Рождественскимъ систематическія выборки словъ изъ Сочиненій И. Богдановича, М. Н. Муравьева и Хемницера. По ознакомленіи съ упомянутыми извлеченіями словъ А. А. Шахматовъ нашелъ ихъ весьма пригодными для пользованія при приготовленіи оригинала для набора листовъ Словаря русскаго языка и обратился къ Отдѣленію съ предложеніемъ, не найдетъ ли оно возможнымъ, согласно съ ходатайствомъ о томъ проф. Будде, выдать безплатно для успѣшности занятій упомянутымъ выше тремъ студентамъ по экземпляру Матеріаловъ для Словаря древняго русскаго языка И. Срезневскаго каждому, и одного экземпляра изданныхъ Отдѣленіемъ сочиненій Державина, т. I—IX и Ломоносова, т. I—III и слѣд., а также I т. Изслѣдованій по русскому языку. Одобрено.

В. Н. Щепкинъ въ письмѣ къ г. предсѣдательствующему увѣдомилъ, что онъ готовитъ для Извѣстій Отдѣленія статью,

заключающую въ себѣ разсмотрѣніе состава и изслѣдованіе языка лицевого сборника второй половины XV в., въ которомъ помѣщены историческая часть Библіи и Троянская исторія. Принято къ свѣдѣнію.

Сообщено о полученіи изъ Вѣны отъ С. Н. Северьянова, при препроводительной запискѣ отъ 20 апрѣля (1 мая) 29 картоновъ снимковъ съ люблянскаго отрывка Супрасльской рукописи (л.л. 15 а — 44 а и б, безъ л. 38, подлежащаго помѣщенію между л.л. 88—89) и тетради (въ 30 л.л.) колляціи, содержащей въ себѣ результаты исполненнаго имъ сличенія этихъ снимковъ съ подлинникомъ. Въ этой же запискѣ г. Северьяновъ упоминаетъ, что первые 14 снимковъ были уже представлены въ Отдѣленіе акад. Ягичемъ, а слѣдующіе по нумераціи снимки будутъ доставляться по мѣрѣ переписки исполненной имъ работы. Положено принять къ свѣдѣнію и ожидать присылки съ продолженіемъ.

Доложено Отдѣленію, что къ 1 мая, сроку для представленія сочиненій на соисканіе премій гр. Д. А. Толстого въ 1897 г. не было получено ни одного труда. Положено сообщить о томъ въ Правленіе Академіи Наукъ и г. Непремѣнному секретарю.

Адъюнктъ А. А. Шахматовъ представилъ въ Отдѣленіе пачку листовъ съ записями малорусскихъ пѣсенъ, сдѣланными Н. И. Коробко въ разныхъ мѣстностяхъ уѣздовъ Овручскаго, Ровенскаго, Житомирскаго и Новгородъ-Волынскаго (Волынской губ.) всего въ количествѣ 455 помѣченныхъ (=458: №№ 246, 398 и 399 на двухъ листкахъ каждый) листовъ (безъ № 355, оказавшагося недостающимъ), съ обозначеніемъ мѣстъ записи, и 78 №№ пѣсенъ непомѣченныхъ и безъ обозначенія, гдѣ онѣ были записаны. При этомъ А. А. Шахматовъ сообщилъ, что г. Коробко выразилъ желаніе, чтобы это собраніе пѣсенъ хранилось въ Отдѣленіи.

Читано письмо и. д. экстраординарнаго профессора Императорскаго Казанскаго университета Е. Ѳ. Будде, отъ 3 сего мая, на имя г. предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи акад. А. Ѳ. Бычкова, слѣдующаго содержанія: „Получивъ отъ факультета командировку въ Тульскую и Калужскую губерніи для изученія русскихъ народныхъ говоровъ и собиранія образцовъ народной рѣчи въ теченіе трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, съ пособіемъ отъ университета въ 125 руб., беру на себя смѣлость

обратиться къ вамъ съ вопросомъ, не подойдутъ ли мои лѣтнія занятія въ означенныхъ выше губерніяхъ подъ программу занятій II Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ и, если подойдутъ, не могу ли я разсчитывать на нѣкоторую денежную субсидію отъ II Отдѣленія, такъ какъ на 125 руб. нельзя объѣхать двухъ губерній, пробывъ въ пути 3 мѣсяца. При содѣйствіи II Отдѣленія я могъ бы, по крайней мѣрѣ, обслѣдовать хоть одну Тульскую губернію. Надѣюсь на то, что II Отдѣленіе не откажетъ мнѣ въ командировкѣ и денежномъ пособіи, если я попрошу васъ ходатайствовать объ этомъ". По обсужденіи означенной просьбы г. Будде, она найдена заслуживающею вниманія и Отдѣленіе опредѣлило: 1) принять предложеніе г. Будде обслѣдовать говоры Тульской губерніи и просить его, по возвращеніи изъ командировки, представить въ свое время Отдѣленію русскаго языка и словесности отчетъ и собранные матеріалы, для напечатанія въ изданіяхъ Отдѣленія, и 2) выдать на упомянутый выше предметъ профессору Е. Θ. Будде изъ суммъ Отдѣленія субсидію на означенную поѣздку.

Почти въ каждомъ засѣданіи Отдѣленія были сообща обсуждаемы доставляемыя Его Императорскимъ Высочествомъ Августѣйшимъ Президентомъ Академіи и членами Отдѣленія замѣчанія на корректурные листы издаваемаго Отдѣленіемъ подъ редакціею акад. А. А. Шахматова Словаря русскаго языка.

Доведено до свѣдѣнія Отдѣленія о полученіи отъ:

1) Учительницы Кугушерскаго начальнаго народнаго училища Яранскаго уѣзда Вятской губ. Серафимы Гудимовичъ экземпляра I Программы для собиранія особенностей говоровъ сѣверно-великорусскаго нарѣчія съ замѣчаніями о говорѣ жителей села Кугушерги и приложеніями (на 4 листахъ) о селѣ Кугушергѣ и 9-тью №№ пѣсенъ.

2) Учителя Вас. Григор. Лавинскаго — экземпляра той же Программы (I) съ замѣчаніями о говорѣ жителей села Ембулатова Буинскаго уѣзда Симбирской губ. (съ рукописнымъ прибавленіемъ на 8 листахъ).

3) Учителя Дубровскаго земскаго училища Тверской губ. Зубцовскаго уѣзда Гаврiила Иванова—экземпляра II Программы для собиранія особенностей говоровъ южно-великорусскаго нарѣчія съ замѣчаніями его о говорѣ жителей деревни Дубровки (Тверской губ., Зубцовск. у., Ульяновской вол., съ рукоп-

приложеніемъ (записей пѣсенъ сдѣланныхъ ученицами на 13 листахъ).

4) Учительницы Соколовскаго начальнаго народнаго училища (земской школы) Нолинскаго уѣзда, Вятской губ. О. А. Дьяконовой—экземпляра I Программы съ замѣчаніями о говорѣ жителей села Соколова и приложеніемъ (на 40 листахъ) записей пѣсенъ.

5) Черезъ посредство г. директора народныхъ училищъ Симбирской губ.—экземпляра I Программы съ отмѣтками о говорѣ села Аргаша Корсунскаго уѣзда, съ приложеніями на 19 листахъ („Изложеніе особенностей говора крестьянъ села Аргаша Корсунскаго у., Симбирской губ. и записями пѣсенъ).

6) Учительницы Пышакскаго земскаго училища Орловскаго уѣзда, Вятской губ.—экземпляра I Программы съ замѣчаніями о говорѣ жителей села Пышака и съ приложеніемъ „Списка мѣстныхъ словъ и выраженій, употребляющихся среди русскаго крестьянскаго населенія Вятской губ., Орловскаго у., села Пышака“ (на 7 листахъ).

7) Учительницы Полынскаго земскаго училища Александры Косаревой—экземпляра I Программы съ замѣчаніями о говорѣ жителей села Полынки Слободского уѣзда, Вятской губерніи.

8) Его Высокопреподобія, г. ректора Костромской Духовной семинаріи, о. архимандрита Менандра—6 экземпляровъ I Программы съ замѣчаніями: а) воспитанника Костромской Духовной семинаріи Вячеслава Ласточкина о говорѣ жителей г. Галича Костромской губ. (съ приложеніемъ на 2 листахъ); б) съ наблюденіями г. Румянцева надъ говоромъ жителей дер. Борка Семеновской волости, Кинешемскаго у., Костромской губ. (съ приложеніемъ на 5 листахъ); в) съ наблюденіями Конст. Цвѣткова надъ говоромъ жителей села Якунькина Макарьевскаго уѣзда, Костромской губ. съ приложеніемъ (на 14 листахъ замѣчаній къ § 14—48 Программы: „Мѣры. Деньги. Люди по возрастамъ. Божба. Обращенія. Особенности словообразованія и т. п. Фразы съ особенностями. Пословицы, употребляемыя крестьянами. Пѣсни народныя. О селѣ Якунькинѣ); г) съ замѣтками воспитанника V класса Костромской Духовной семинаріи Конст. Клевцова — о говорѣ жителей села Халбужъ, Кологривовскаго у., Костромской губ.; д) съ замѣтками воспитанника же Костромской Духовной семинаріи—о говорѣ населенія Чухлом-

скаго, отчасти и Кологривовскаго, Солигаличскаго и Галичскаго уѣздовъ; е) съ замѣчаніями воспитанника той же семинаріи Александра Аристова о говорѣ жителей села Ильинскаго, Матвѣевской волости Кологривовскаго уѣзда съ приложеніемъ (на 32 листахъ): Предисловіе. Провинціализмы съ объясненіемъ ихъ. Пѣсни. Духовный стихъ. Хороводныя пѣсни. Замѣтки о нихъ. Пѣсни надгробныя. Замѣтка о плачахъ. Пословицы и прибаутки. Разсказъ, какъ образчикъ повѣствовательной рѣчи моихъ односельчанъ. Бесѣда двухъ бабъ. Отрывокъ изъ допроса. На сходкѣ. Послѣсловіе. Біографія автора замѣтокъ и объ исторіи и населеніи с. Ильинскаго.

9) Учителя Ивана Вечерина — экземпляра II Програмы съ его замѣчаніями о говорѣ жителей села Жданова Курмышскаго у. Симбирской губ. съ приложеніемъ (на 13 листахъ): Особенныя слова, сказка и пѣсни въ записяхъ крестьянъ.

10) I Програмы для собиранія особенностей говоровъ сѣверно-великорусскаго нарѣчія отъ учительницы А. В. Косаревой — съ ея замѣчаніями о говорѣ жителей села Николаево-Березинскаго, Вятской губ., Слободского уѣзда, Островновской волости;

11) Учительницы Колобовскаго земскаго училища Нолинскаго уѣзда Вятской губ. Маріи И. Разумовской — съ замѣчаніями о говорѣ крестьянъ села Колобова и съ приложеніемъ (исторіи села Колобова, Словаря, Разсужденій одной крестьянки, пѣсенъ и пословицъ);

12) Штатнаго смотрителя Холмскаго уѣзднаго училища — съ замѣчаніями учителя Торопатцкаго сельскаго училища Холмскаго уѣзда, Псковской губ. Василія Покровскаго о говорѣ населенія села-погоста Торопатцы;

13) Учителя Оларевскаго Григорьевскаго училища, Вологодской губерніи и уѣзда Андрея Ѳ. Костылева — съ замѣчаніями о говорѣ населенія Оларевской волости (почт. станція);

14) Учительницы села Спасскаго Каинскаго округа, Томской губ. Маріамны Степановой замѣчанія о говорѣ населенія с. Спасскаго съ приложеніями на 6 листахъ (лл. 1—2: Исторія и описаніе села, особенности быта и языка жителей с. Спасскаго и окрестныхъ ему мѣстностей; лл. 1—4: приложеніе къ вопросу 39-му Програмы о колдовствѣ, заговорахъ; л. 40—41: пословицы);

15) Учителя Бедрицкаго земскаго училища Мещовскаго уѣзда Калужской губ. Тихона Васил. Корнѣева—рукописная тетрадь на 48 листахъ (въ 4 д. л.) подъ заглавіемъ: „Особенности крестьянскаго говора въ деревняхъ, расположенныхъ вблизи города Мещовска“ (л. 2: Предварительныя свѣдѣнія; л. 3—26: Отвѣты на II Программу; л. 37 сл.: Мѣстныя слова и выраженія; л. 45: Пѣсня изъ д. Городищи (въ ученической записи); л. 46: Сказка о Струе и Струпхе (дер. Колодези, въ ученич. записи);

16) При отношеніи г. ректора Тобольской духовной семинаріи отъ 18 марта 1897 г. за № 168—семь экземпляровъ I Программы:

а) Отъ воспитанника Тобольской духовной семинаріи Василія Шумилова—съ замѣтками о говорѣ населенія села Большаковскаго (на р. Емуртлѣ) Ялуторовскаго округа.

б) Отъ воспитанника Тобольской духовной семинаріи Ивана Поспѣлова—съ отмѣтками о говорѣ населенія села Уватскаго (Тобольскаго округа и губерніи) съ приложеніемъ на 22 листахъ (1. Образчикъ словаря языка и говора въ селѣ Уватскомъ (А—Ѳ), л. 1—13; 2. „Приговорка“ ребятъ при „Славленьи Христа“ (л. 13); 3. Названіе нѣкоторыхъ праздниковъ (л. 14); 4. Нѣкоторыя пословицы и побасенки (прибаутки); 5. Народныя пѣсни №№ 1—10 (л. 15); 6. Разсказъ о ванцахъ (Чуди), записанный со словъ крестьянина (л. 20); 7. Чудится (л. 21); 8. Краткое описаніе села Уватскаго Тобольскаго округа и губ. (л. 22 и обор.).

в) Отъ воспитанника VI класса Тобольской духовной семинаріи Николая Чистякова съ отмѣтками о говорѣ населенія села Моршихинскаго Тобольской губ., Курганскаго округа съ приложеніемъ на 7 листахъ (Словарчикъ въ видѣ отвѣтовъ на вопросы № 46—47: Б—Ч, л. 1—2-й; Заговоры: отъ уро́ковъ (л. 3), отъ родимца, отъ безсонницы (л. 4), отъ кровотеченія (л. 4 об.); Пѣсня; Сказка (о Московск. цыганѣ); пословицы и поговорки (л. 6 об.); Заговоръ отъ кровотеченія (л. 7); о селѣ Моршихинскомъ (л. 7 и обор.).

г) Отъ воспитанника Тобольской духовной семинаріи V класса Антонина Виноградова съ отмѣтками о говорѣ жителей села Утчанскаго Ишимскаго округа, Тобольской губ. съ приложеніемъ на 3 листахъ (о с. Утчанскомъ).

д) Отъ ученика Тобольской духовной семинаріи Петра Рубцова съ отмѣтками о говорѣ населенія станицы Арыкъ-Балыкской Кокчетаевскаго уѣзда, Акмолинской области и 2 приложе-

ніями: а) Общія замѣчанія о населеніи станицы (на л. 1—2) и б) „Наборъ словъ, употребляемыхъ казаками Арыкъ-Балыкской станицы“ (л. 3—8 и 9—11).

е) Отъ воспитанника Тобольской духовной семинаріи III класса Ивана Емельянова съ отмѣтками о говорѣ жителей села Бронниковскаго Тобольскаго округа и губ. съ приложеніемъ на 12 л.: „Краткое описаніе Бронниковскаго села Тобольскаго округа и губерніи“ (л. 1); (л. 5): Пѣсни Бронниковскихъ крестьянъ № 1—9; л. 9 об.: „Выпись нѣкоторыхъ словъ говора Бронниковскихъ крестьянъ, словъ, мало знакомыхъ живущимъ въ городѣ и не принятыхъ въ литературномъ языкѣ“, Б—Я.

ж) Отъ воспитанника Тобольской духовной семинаріи (Парышева?) съ отмѣтками о говорѣ жителей села Курейнскаго Тобольской губ. (и деревень: Мартино и Степной) Курганскаго округа и съ приложеніями на 60 листахъ: а) л. 1: Описаніе села; л. 2—6: Пословицы, поговорки и присказки; б) л. 7—24 (Пѣсни), л. 25—42 (Пѣсни); л. 43—48: (Пѣсни); л. 49—58 (Пѣсни) и л. 59—60: Свадебная пѣсня (въ ученическихъ записяхъ).

17) Отъ учителя Ѳ. Костенко — экз. II Программы съ замѣчаніями о говорѣ населенія села Ивановскаго Льговскаго уѣзда, Курской губерніи.

18) Отъ учительницы Ивановскаго сельскаго училища Ялуторовскаго округа, Тобольской губ. экземпляра I Программы съ замѣчаніями о говорѣ жителей с. Ивановскаго (съ приложеніями на 5 листахъ).

19) Отъ г. Полубинскаго изъ Иркутска разсказа „Ближній сосѣдъ“, написаннаго имъ вслѣдствіе требованій I Программы для собиранія особенностей сѣверно-великорусскаго нарѣчія. Въ этомъ разсказѣ авторъ, описывая бытъ мѣстнаго населенія, ввелъ особенности мѣстнаго говора и мѣстныя слова.

Положено всѣ означенныя сообщенія о говорахъ и матеріалы передать ак. А. А. Шахматову, а лицамъ и учрежденіямъ отъ которыхъ они были получены выразить благодарность за содѣйствіе ученымъ занятіямъ Отдѣленія на пользу родного слова. По прежнимъ примѣрамъ извлеченія изъ присланныхъ сообщеній будутъ печататься въ „Матеріалахъ для изученія великорусскихъ говоровъ“, издающихся подъ редакціею А. А. Шахматова, словарный же матеріалъ будетъ имъ вводимъ въ печатающіеся (на букву Е—Ж) листы издаваемаго Отдѣленіемъ Словаря русскаго языка.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Объ ученыхъ трудахъ адъюнкта А. А. Шахматова.

Со времени избранія А. А. Шахматова въ адъюнкты по Отдѣленію русскаго языка и словесности прошло болѣе двухъ лѣтъ. Оцѣнка его ученыхъ трудовъ до выбора его въ адъюнкты была дана въ представленной мною запискѣ по случаю избранія его въ члены Академіи. Съ конца 1894 года А. А. Шахматовъ усердно и много трудится по порученію Отдѣленія. На него было возложено собраніе матеріаловъ для продолженія Словаря русскаго языка, и въ настоящее время къ печатанію второго тома Словаря уже приступлено. Г. Шахматовъ значительно расширилъ первоначальный его объемъ, введя въ него, съ одобренія Отдѣленія, элементъ народной рѣчи. Составленный и напечатанный г. Шахматовымъ списокъ источниковъ, изъ которыхъ онъ черпаетъ матеріалы для словаря, показываетъ, какую массу труда онъ долженъ былъ употребить на это дѣло.

Одновременно съ Словаремъ русскаго языка онъ редактируетъ матеріалы для областного словаря Олонецкаго нарѣчія, собранные г. Куликовскимъ, къ которому присоединяетъ и имъ самимъ собранный матеріалъ по этому нарѣчію.

Изучая народные говоры русскаго языка, — предметъ, которымъ Алексѣй Александровичъ уже давно занимается, — онъ составилъ и напечаталъ программы для собиранія особенностей говоровъ сѣверно-великорусскаго и южно-великорусскаго нарѣчій. Эти программы являются плодомъ многолѣтнихъ и тонкихъ наблюденій надъ живымъ русскимъ языкомъ. На эти программы, разосланныя разнымъ лицамъ, Отдѣленіе уже получило довольно значительное число отвѣтовъ, во многихъ отношеніяхъ весьма важныхъ. Извлеченія изъ тридцати двухъ разсмотрѣнныхъ г. Шахматовымъ такихъ отвѣтовъ онъ напечаталъ въ „Извѣстіяхъ“ Отдѣленія. За послѣднее время вниманіе г. Шахматова привлекла „Повѣсть временныхъ лѣтъ“. Плодомъ изученія этого памятника является: напечатанная въ „Из-

вѣстіяхъ» Отдѣленія замѣчательная статья, обратившая на себя общее вниманіе: «Нѣсколько словъ о Несторовскомъ житіи св. Θеодосія»;—помѣщенная въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія статья «Исходная точка лѣтосчисленія Повѣсти временныхъ лѣтъ» и читанный въ Обществѣ любителей древней письменности рефератъ «Кѣмъ и когда составленъ лѣтописный сводъ „Повѣсть временныхъ лѣтъ"», изложеніе содержанія котораго помѣщено въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ.

Нельзя пройти молчаніемъ очень важной статьи, появившейся на страницахъ «Извѣстій» Отдѣленія «Къ исторіи звуковъ русскаго языка. Смягченныя согласныя», составляющей первую главу исторической грамматики русскаго языка, которою занимается г. Шахматовъ.

Кромѣ этихъ главныхъ трудовъ Алексѣй Александровичъ напечаталъ въ Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ статьи: «Юрій Крижаничъ о сербско-хорватскомъ удареніи» и «Звуковыя особенности Ельнинскихъ и Мосальскихъ говоровъ» и помѣстилъ разборы разныхъ сочиненій въ «Извѣстіяхъ» и «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія».

Въ виду такой ревностной ученой дѣятельности А. А. Шахматова, онъ предлагается, съ разрѣшенія Августѣйшаго Президента Академіи, къ избранію въ экстраординарные академики.

II.

ПРАВИЛА

о присужденіи премій Н. И. Костомарова за лучшій Малорусскій Словарь.

Утверждены Общимъ Собраніемъ Императорской Академіи Наукъ 3 мая 1897 года.

---

1) Премія Н. И. Костомарова составляетъ внесенная имъ въ Императорскую Академію Наукъ въ 1881 году сумма 4000 руб., въ закладныхъ листахъ Харьковскаго Поземельнаго банка об-

ращенныхъ нынѣ въ свидѣтельства 4% Государственной ренты съ накопившимися на нее процентами.

2) Преміи эти присуждаются Академіею Наукъ за лучшій изъ представленныхъ на ея разсмотрѣніе словарей малорусскаго нарѣчія съ объясненіемъ словъ на русскомъ языкѣ.

3) Главную основу словаря долженъ составить народный языкъ. Изъ словаря не исключаются и слова, принадлежащія одной лишь или немногимъ мѣстностямъ; но при такихъ словахъ должны быть по возможности означаемы и самыя эти мѣстности.

4) Кромѣ народнаго малорусскаго нарѣчія, въ словарь должны войти съ особыми обозначеніями:

а. общеупотребительныя между малоруссами слова иноземнаго происхожденія.

б. слова старинныя, вышедшія или выходящія изъ употребленія; они заносятся въ словарь въ томъ видѣ, въ какомъ встрѣчаются въ рукописныхъ или печатныхъ памятникахъ, и притомъ съ указаніемъ этихъ послѣднихъ.

в. слова, извѣстныя только изъ сочиненій авторовъ.

5) Словарь долженъ заключать въ себѣ не одинъ лишь переводъ словъ съ малорусскаго нарѣчія на русскій языкъ, но также и примѣры важнѣйшихъ случаевъ употребленія ихъ, въ томъ или другомъ значеніи: въ пѣсняхъ, сказкахъ, поговоркахъ, загадкахъ и т. п., или въ произведеніяхъ письменной литературы; при чемъ, если примѣръ заимствованъ изъ произведеній устной или письменной словесности, долженъ быть указанъ и его источникъ.

6) Значенія словъ приводятся въ порядкѣ, соотвѣтствующемъ естественному развитію ихъ.

7) При начертаніи звуковъ малорусскаго нарѣчія составитель словаря имѣетъ послѣдовательно держаться одного правописанія.

Примѣчаніе. Пока малорусское правописаніе не опредѣлится прочнымъ образомъ, желательно, чтобы соблюдались слѣдующія правила: 1) мягкое *и* изображать черезъ *i*; 2) тамъ, гдѣ мягкій звукъ *и* не есть первоначальный или постоянный, а образовался изъ *о* или *е*, употреблять, по примѣру Максимовича, *ô*, *û*, *ê*, напр. кôнь, коня; нêсъ, несу; лѐталъ, лечу; 3) не писать вовсе буквы *ѣ*; равнымъ образомъ не писать *ы*, употребляя безразлично *и* въ тѣхъ

случаяхъ, когда по-русски слышатся звуки ѣ и ѣ, такъ какъ буквы ѣ и ѣ произносятся малоруссами одинаково; 4) букву э также исключить изъ употребленія, мягкій же звукъ е означать буквою є.

8) Надъ каждымъ неодносложнымъ словомъ должно быть означаемо его удареніе, и ко всѣмъ словамъ присоединяемо ихъ грамматическое опредѣленіе.

9) За словарь, вполнѣ удовлетворяющій требованіямъ, изложеннымъ въ §§ 3—8, назначается первая премія въ 400 рублей, съ накопившимися на нихъ процентами до 1891 года, когда былъ назначенъ первый срокъ для представленія словаря. Проценты, накопившіеся на сумму съ 1891 года по 1900 годъ, срокъ новаго конкурса, образуютъ вторую премію, которая присуждается за словарь, въ значительной степени удовлетворяющій выше изложеннымъ требованіямъ.

10) Словарь долженъ быть представленъ въ Академію чисто и четко переписанный, съ раздѣленіемъ, для практическаго удобства, на нѣсколько отдѣльныхъ частей.

11) Конкурсъ на представленіе словаря закрывается 1-го декабря 1900 года; въ случаѣ, если къ тому сроку не будетъ представлено словаря, или представленный трудъ не будетъ одобренъ, Академія объявляетъ новый конкурсъ.

12) Если представленный словарь не будетъ удостоенъ которой либо изъ премій, то проценты на суммы, назначенныя для премій за время до новаго конкурса, присоединяются къ нимъ.

13) По присужденіи премій конкурсъ на ихъ соисканіе закрывается.

14) Если будетъ присуждена только первая премія, то конкурсъ на соисканіе второй преміи закрывается и сумма назначенная на нее вмѣстѣ съ процентами сохраняется въ Академіи до объявленія новаго конкурса.

15) Оцѣнка представленныхъ на конкурсъ словарей поручается Академіею особой коммиссіи, состоящей изъ трехъ ученыхъ филологовъ, знатоковъ славянскихъ нарѣчій и въ особенности русскаго языка. Въ составъ этой коммиссіи могутъ входить академики и посторонніе ученые, но во всякомъ случаѣ одинъ изъ ея членовъ непремѣнно долженъ быть чистый малоруссъ, усвоившій съ дѣтскихъ лѣтъ малорусское нарѣчіе.

16) Отчетъ о присужденіи премій Н. И. Костомарова чи-

тается въ торжественномъ годовомъ собраніи Академіи Наукъ 29-го декабря, черезъ годъ по представленіи словаря.

17) Печатаніе удостоеннаго преміи словаря производится на счетъ Академіи Наукъ, съ тѣмъ, чтобы первое его изданіе составляло ея собственность.

18) Дѣйствительные члены Императорской Академіи Наукъ не имѣютъ права на полученіе преміи Н. И. Костомарова.

ЗА СЕНТЯБРЬ — ДЕКАБРЬ 1897 ГОДА.

Г. предсѣдательствующій заявилъ о горькой утратѣ, постигшей Отдѣленіе. 31 іюля сего года въ подмосковномъ селѣ Люблинѣ скончался ординарный академикъ Ѳедоръ Ивановичъ Буслаевъ, состоявшій членомъ Отдѣленія съ 3 іюня 1860 года. Подробныя воспоминанія о дѣятельности покойнаго были прочтены г. предсѣдательствующимъ въ сентябрьскомъ Общемъ Собраніи Академіи Наукъ [1]).

Представленный преподавателемъ Литовской Семинаріи г. Антономъ Вышемирскимъ рукописный сборникъ свадебныхъ бѣлорусскихъ пѣсенъ, записанныхъ, съ сохраненіемъ особенностей мѣстнаго говора, со словъ крестьянскихъ дѣвушекъ и женщинъ въ періодъ времени съ 1887 по 1890 гг. Ипполитомъ Харсевичемъ, состоявшимъ въ то время псаломщикомъ Хоревской церкви Пружанскаго уѣзда Гродненской губ., — положено, по разсмотрѣніи его академикомъ А. А. Шахматовымъ, препроводить къ проф. Имп. Варшавскаго университета Е. Ѳ. Карскому съ просьбой принять на себя трудъ извлеченія для напечатанія въ редактируемыхъ имъ, по порученію Отдѣленія, „Матеріалахъ для изученія бѣлорусскихъ говоровъ“ — данныхъ по языку и словарю и, по минованіи надобности, — сборникъ этотъ переслать въ Отдѣленіе, для возвращенія его г. Вышемирскому.

Доведено до свѣдѣнія Отдѣленія о полученіи отъ г. С. Н. Северьянова изъ Москвы картоновъ фотографическихъ сним-

---

[1]) См. въ Извлеченіяхъ изъ протокола Общаго Сбранія 6 сентября 1897 г., въ „Извѣстіяхъ Имп. Акад. Наукъ“. т. VII № 4, за *ноябрь 1897 года* стр. XXXIX—XLIV.

ковъ съ Супрасльской рукописи, съ листовъ 45—69, и соотвѣтственнаго этимъ листамъ продолженія свѣрки означенныхъ снимковъ съ подлинною рукописью (квиніоновъ 4 и 5-го). — Положено пріобщить замѣчанія г. Северьянова и снимки къ полученнымъ ранѣе, въ первой присылкѣ.

Академикъ А. А. Шахматовъ сообщилъ Отдѣленію, что С. Н. Северьяновъ, подъ ближайшимъ присмотромъ котораго производилось фотографированіе части текста Супрасльской рукописи XI в., хранящейся въ Люблянѣ, и отъ котораго въ два раза были получены результаты его сличительной работы фотографическаго снимка съ подлинною рукописью (лл. 1 — 68 а и б), находится нынѣ въ Санктпетербургѣ и обращается къ Отдѣленію съ слѣдующимъ предложеніемъ:

„Супрасльская рукопись извѣстна теперь въ трехъ своихъ фрагментахъ: въ начальномъ, хранимомъ въ г. Люблянѣ въ Австріи; въ серединномъ — въ Петербургѣ и въ конечномъ — въ Варшавѣ. До сихъ поръ наука пользовалась этимъ памятникомъ старославянскаго языка по существующему изданію Миклошича, изданію, исполненному небрежно. Въ литературѣ появились работы по исправленію изданія, но, во 1-хъ, не простирались вовсе на первую половину памятника; во 2-хъ, и въ области второй половины рукописи не исчерпывали всѣхъ ошибокъ изданія. Въ виду важности памятника я обратился къ нему съ мыслью о переизданіи. Дать свѣту исправный текстъ въ его палеографической картинѣ было поставлено цѣлью изданія. Изготовивъ списки всей рукописи, какъ она дошла до нашихъ дней, и хорошо вывѣривъ копію съ пергаменомъ непосредственно, я рѣшаюсь предложить Академіи Наукъ помочь мнѣ осуществить переизданіе, такъ какъ я не имѣю собственныхъ средствъ для печатанія. Собственно изданіе памятника я не ограничиваю только палеографической картиной текста, но имѣю въ виду и аналитическую часть изданія, какъ я склоненъ назвать статистическую передачу лексическихъ, морфологическихъ и фонетическихъ фактовъ языка памятника. Эта вторая часть обрабатывается мною въ настоящее время и находится еще въ той стадіи, что я считаю за нужное просить Академію объ осуществленіи пока первой части работы. Неотложная нужда въ литературѣ побуждаетъ меня къ такому ходатайству“. — При этомъ были представлены образцы печатнаго набора. Отдѣленіе, отнесясь съ живѣйшимъ участіемъ къ пред-

ложенію г. Северьянова и въ виду того, что изданіе исполненнаго по предложенію академика И. В. Ягича и при его руководствѣ полнаго фотографическаго снимка хотя бы одной люблянской части Супрасльской рукописи потребовало бы большихъ издержекъ и было бы все-таки не вполнѣ достаточнымъ пособіемъ къ изученію текста Супрасльской рукописи, опредѣлило: 1) приступить нынѣ же къ изданію Супрасльской рукописи въ полномъ ея объемѣ типографскимъ способомъ, для чего воспользоваться матеріалами, собранными г. Северьяновымъ; 2) общую редакцію изданія и наблюденіе за нимъ просить принять на себя академиковъ А. Ѳ. Бычкова и А. А. Шахматова; 3) самое печатаніе текста и вообще веденіе изданія поручить г. Северьянову, который въ нынѣшнее свое пребываніе въ Петербургѣ можетъ установить порядокъ набора и веденія изданія; 4) церковно-славянскій текстъ памятника печатать страница въ страницу и строка въ строку, необходимыя примѣчанія палеографическаго и отчасти критическаго характера печатать внизу страницы подъ строкой; 5) печатать означенный трудъ г. Северьянова отдѣльнымъ изданіемъ на счетъ Отдѣленія, 6) просить академическую типографію приступить къ набору текста немедленно и вести его безостановочно и 7) выразить отъ имени Императорской Академіи Наукъ признательность графу М. Ѳ. Замойскому, къ фамильной библіотекѣ котораго г. Северьяновъ получилъ доступъ для занятій хранящимся тамъ отрывкомъ упомянутой рукописи, а также библіотекарю этой библіотеки Ѳ. А. Корзону и проф. Императорскаго Варшавскаго университета Е. Ѳ. Карскому, благодаря содѣйствію и просвѣщенному вниманію которыхъ г. Северьянову было облегчено пользованіе и тою частью Супрасльской рукописи, которая хранится въ Варшавѣ. — Вскорѣ затѣмъ, г. предсѣдательствующимъ былъ представленъ Отдѣленію первый сверстанный листъ печатнаго изданія текста всей Супрасльской рукописи XI в.; послѣднее, сдѣлавъ нѣкоторыя исправленія въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ къ тексту, постановило вести печатаніе и далѣе по представленному образцу.

По порученію Отдѣленія, составленіе Отчета о дѣятельности его за 1897 годъ принялъ на себя академикъ М. И. Сухомлиновъ. Положено озаботиться доставленіемъ Михаилу Ивановичу своевременно необходимыхъ матеріаловъ и обра-

таться съ такою же просьбою къ членамъ Отдѣленія, проживающимъ внѣ Санктпетербурга. — Но по случаю неожиданно постигшей затѣмъ акад. М. И. Сухомлинова болѣзни, составленіе этого отчета принялъ на себя г. предсѣдательствующій въ Отдѣленіи, академикъ А. Ѳ. Бычковъ. Составленные имъ какъ Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія за 1897 г., такъ и краткій отчетъ о присужденіи въ этомъ году Ломоносовской преміи были прочитаны въ Отдѣленіи и одобрены послѣднимъ.

Читано письмо проф. Императорскаго Казанскаго университета Е. Ѳ. Будде къ г. предсѣдательствующему, въ которомъ онъ сообщаетъ, что отчетъ о своей поѣздкѣ съ цѣлію изученія народныхъ говоровъ, для совершенія которой Отдѣленіе назначило ему денежное пособіе, будетъ въ скоромъ времени доставленъ въ Отдѣленіе. Принято къ свѣдѣнію.

Читано препровожденное на заключеніе Отдѣленія г. непремѣннымъ секретаремъ Академіи Наукъ письмо г-жи М. В. Безобразовой съ просьбою о напечатаніи въ „Запискахъ Императорской Академіи Наукъ“ труда ея: „Къ исторіи просвѣщенія въ Россіи“ и съ запросами о томъ: а) имѣетъ ли она право поставить вторымъ заголовкомъ: „Опытъ исторіи философіи въ Россіи, ч. I-я“, б) въ какой степени слѣдуетъ ей пользоваться указаніями ея рецензента проф. Духовной Академіи А. И. Пономарева, в) слѣдуетъ ли ей совершенно заново переработать этотъ трудъ и какъ понимать слова проф. Пономарева „объ изложеніи и языкѣ“. Отдѣленіе постановило просить г. непремѣннаго секретаря Академіи доставить рукопись труда г-жи Безобразовой на разсмотрѣніе гг. членовъ Отдѣленія, которая, по полученіи, и была передана на заключеніе акад. А. А. Шахматова, сообщившаго о ней слѣдующій отзывъ: „Сочиненіе М. В. Безобразовой „Къ исторіи просвѣщенія въ Россіи“ состоитъ изъ введенія, нѣсколькихъ статей о славянскихъ, русскихъ и славяно-русскихъ переводахъ памятниковъ философской литературы и изъ небольшого заключенія. Во введеніи мы встрѣчаемъ рядъ общихъ положеній, выясняющихъ взглядъ автора на исторію философіи въ Россіи; между прочимъ, находимъ здѣсь утвержденіе, что философскія мысли издавна были не чужды русскимъ людямъ, что это дѣлаетъ даже возможною исторію русской философіи, начиная съ XI в.; охарактеризовавъ главныя направленія русской философіи въ различные періоды ея существованія, г-жа

Безобразова дѣлитъ исторію этой философіи на три періода. Разсмотрѣнныя ею сочиненія относятся всѣ къ первому періоду, обнимающему XI—XVI вв. Имѣя въ виду, что, по словамъ самой г-жи Безобразовой, для того, чтобы подвести итоги нашему философскому прошлому, „требуется, чтобы философскіе памятники, которые теперь не всѣ еще извѣстны, были бы изучены со всѣхъ сторонъ, и въ особенности со стороны историко-философской", что, по указанію автора, такая работа только начата, при чемъ памятники далеко не всѣ разсмотрѣны и изучены, — дѣленіе нашей философіи на періоды, общіе выводы на основаніи нѣкоторыхъ древнихъ философскихъ памятниковъ о различныхъ направленіяхъ философской мысли представляются слишкомъ поспѣшными. Вотъ почему желательна была бы, — въ томъ случаѣ, если сочиненіе г-жи Безобразовой будетъ напечатано, — полная переработка первой его части — введенія. Обращаясь къ отдѣльнымъ статьямъ, слѣдующимъ за введеніемъ, нельзя не замѣтить, что многія изъ нихъ содержатъ въ себѣ довольно обстоятельныя историко-литературныя изслѣдованія о произведеніяхъ древней русской словесности; впервые здѣсь видимъ попытку взглянуть на нѣкоторыя изъ нихъ съ точки зрѣнія ихъ философскаго значенія. Но, къ сожалѣнію, авторъ, и какъ это видно изъ введенія — умышленно, не провелъ должнаго различія между тремя совершенно разнородными по происхожденію памятниками, имъ изученными. Во 1-хъ, находимъ здѣсь памятники церковно-славянской или древне-болгарской литературы (Кириллъ Философъ, Іоаннъ екзархъ Болгарскій), во 2-хъ переводные памятники съ греческаго языка и, наконецъ, въ 3-хъ, памятники русскіе или возникшіе въ Россіи. Только эти послѣдніе памятники могутъ въ строгомъ смыслѣ свидѣтельствовать о развитіи философской мысли у насъ въ Россіи, а первые два вида памятниковъ важны для насъ только настолько, насколько оказывали вліяніе на чисто русскія произведенія или подвергались измѣненіямъ и дополненіямъ въ Россіи. Вотъ почему въ сочиненіи, озаглавленномъ „Къ исторіи просвѣщенія въ Россіи", не мѣсто разбору статей Изборника 1073 г., составленнаго, а точнѣе — переведеннаго съ греческаго языка для Симеона Болгарскаго, или еще анализу „Пчелы", точному изслѣдованію, изъ какихъ именно греческихъ философовъ заносились въ нее разныя мысли и изреченія. „Пчела" принадлежитъ русской

[illegible]

[illegible]

[illegible]

ной исторіи „Писемъ"; разрѣшеніе этого вопроса помогло бы мнѣ возстановить до нѣкоторой степени первоначальный видъ „Писемъ русскаго путешественника". Именными Высочайшими указами: 16 сентября 1796 г. (1-е Полн. Собр. Зак., т. XXIII, № 17508), 22 октября 1796 г. (ibid. № 17523) и 16 февраля 1796 г. (т. XXIV, № 17811) — учрежденная „цензура" поставлена въ зависимость отъ 3-го Департамента Правительствующаго Сената. Такимъ образомъ, дѣло о „Письмахъ русскаго путешественника" должно находиться въ Архивѣ Московскаго Сената. Не будучи самъ въ состояніи ѣхать въ Москву, не зная навѣрно, сохранились ли дѣла, меня интересующія, рѣшаюсь обратиться съ просьбою ко II Отдѣленію Императорской Академіи Наукъ, не отказать мнѣ въ отправленіи запроса въ Архивъ Московскаго Сената относительно того, сохранились ли бумаги Архива за 1797 г., касающіяся „Писемъ русскаго путешественника". Кромѣ Архива Московскаго Сената бумаги, относящіяся къ интересующему меня вопросу, могутъ находиться и въ Архивѣ Императорскаго Московскаго университета, такъ какъ цензоромъ „Писемъ русскаго путешественника" былъ проф. Прокоповичъ-Антонскій и разрѣшеніе, имъ данное на печатаніе „Писемъ русскаго путешественника", совершенно тожественно, и по формѣ, и по содержанію, съ тѣми, которыя выдавались, когда цензура подчинена была Московскому университету. Поэтому я покорнѣйше прошу II Отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ послать запросъ и въ Архивъ Московскаго университета относительно цензурныхъ дѣлъ 1797 года". — По сдѣланіи Отдѣленіемъ сношеній съ Московскимъ Архивомъ Министерства Юстиціи и Императорскимъ Московскимъ университетомъ, были получены отвѣты: 1) отъ г. ректора сего университета, что въ Архивѣ онаго находятся дѣла только съ 1813 г., до этого же времени всѣ дѣла погибли отъ огня во время пожара 1812 года, и 2) отъ директора упомянутаго выше Архива, что хранящіяся въ Московскомъ Архивѣ Сенатскія производства, въ томъ числѣ и дѣла 3-го Департамента Правительствующаго Сената, по времени относятся къ 1711—1796 гг.; дѣла же послѣдующихъ лѣтъ находятся въ С.-Петербургскомъ Сенатскомъ Архивѣ. Сверхъ сего, г. Министръ Юстиціи, статсъ-секретарь Н. В. Муравьевъ, вслѣдствіе ходатайства Отдѣленія, увѣдомилъ о разрѣшеніи магистранту В. В. Сиповскому приступить къ занятіямъ въ

Сенатскомъ Архивѣ и въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи, съ цѣлію ознакомленія съ хранящимися въ этихъ архивахъ цензурными дѣлами XVIII ст. Обо всемъ вышеизложенномъ положено увѣдомить г. Сиповскаго.

Въ дополненіе къ предложенію, внесенному въ одно изъ весеннихъ засѣданій Отдѣленія, объ изданіи сочиненій русскихъ писателей, начиная съ древнѣйшаго времени, и отдѣльныхъ безыменныхъ памятниковъ русской словесности, академики М. И. Сухомлиновъ и А. А. Шахматовъ представили нынѣ на обсужденіе сочленовъ подробный планъ этого изданія и свѣдѣнія о способѣ изданія и пріемахъ, которыхъ необходимо слѣдуетъ при этомъ держаться. Предложеніе это сочувственно принято Отдѣленіемъ и къ подробному обсужденію его частностей положено обратиться въ ближайшее засѣданіе. Разсмотрѣвъ затѣмъ записку академиковъ М. И. Сухомлинова и А. А. Шахматова, Отдѣленіе постановило: 1) приступить на предложенныхъ въ упомянутой запискѣ основаніяхъ къ изданію; 2) просить принять на себя редакцію и завѣдываніе этимъ дѣломъ академика М. И. Сухомлинова и 3) ходатайствовать объ отпускѣ особой суммы на это изданіе.

Академикъ А. А. Шахматовъ представилъ вниманію Отдѣленія полученный имъ отъ кандидата Санктпетербургской Духовной Академіи Д. И. Абрамовича планъ его труда (см. въ *Приложеніи* II-мъ), посвященнаго изученію сочиненій, приписываемыхъ преподобному Нестору Лѣтописцу. При этомъ А. А. Шахматовъ сообщилъ, что въ виду того, что въ Отдѣленіи уже состоялось рѣшеніе приступить по опредѣленной программѣ къ изданію сочиненій русскихъ писателей, начиная съ самаго древняго времени, полезно было бы поручить г. Абрамовичу приготовленіе къ печати сборника литературныхъ трудовъ, приписываемыхъ препод. Нестору, по представленному имъ плану. Отдѣленіе вполнѣ согласилось съ мнѣніемъ акад. А. А. Шахматова.

Завѣдующій редакціей Словаря русскаго языка академикъ А. А. Шахматовъ сообщилъ, что на дняхъ имъ будетъ приступлено къ версткѣ первыхъ листовъ 4-го выпуска (1-го выпуска II тома) Словаря и что корректуры перваго сверстаннаго листа, для разсмотрѣнія и замѣчаній, будутъ разосланы своевременно. При этомъ акад. Шахматовъ указалъ на одного изъ усерднѣйшихъ и полезнѣйшихъ своихъ сотрудниковъ,

учителя прежде Мещовскаго, нынѣ Боровскаго уѣзднаго училища В. И. Чернышева, и высказалъ надежду, что со временемъ, быть можетъ, удастся устроить переводъ его въ Петербургъ и тѣмъ самымъ доставить ему возможность быть еще болѣе усерднымъ вкладчикомъ въ Словарь отечественнаго языка.

Вскорѣ затѣмъ тотъ же академикъ прочелъ составленное имъ Предисловіе къ 4-му выпуску Словаря. Отдѣленіе одобрило къ напечатанію это Предисловіе и положило присоединить его къ означенному выпуску Словаря.

Читано отношеніе г. Министра Народнаго Просвѣщенія на имя Его Императорскаго Высочества Августѣйшаго Президента Академіи Наукъ слѣдующаго содержанія: „Въ текущемъ году Министерство Народнаго Просвѣщенія входило къ Министру Финансовъ съ ходатайствомъ о продолженіи отпуска изъ казны кредита на изданіе Императорской Академіи Наукъ историческихъ документовъ и памятниковъ, относящихся до исторіи Академіи. Въ настоящее время статсъ-секретарь С. Ю. Витте увѣдомилъ меня, что онъ, съ своей стороны, не можетъ не обратить вниманія на то, что на изданіе указанныхъ документовъ изъ казны отпущено уже по настоящее время 64.000 р., на каковую сумму издано 8 томовъ Матеріаловъ по исторіи Академіи Наукъ. Въ настоящее же время, для доведенія этого изданія до 1801 года, предполагается издать еще около 12 томовъ, приблизительно по 4000 р. за томъ. Такимъ образомъ, общая стоимость изданія опредѣлится въ 112.000 р., т. е. въ сумму, которая едва ли можетъ считаться соотвѣтствующей значенію этого изданія въ ряду другихъ историческихъ матеріаловъ. Посему статсъ-секретарь Витте, находя нежелательною затрату на это изданіе слишкомъ значительныхъ средствъ, полагалъ бы необходимымъ, ранѣе приступа къ продолженію изданія, принять мѣры къ возможному сокращенію исчисляемыхъ на этотъ предметъ расходовъ, чего, по видимому, можно было бы достигнуть путемъ болѣе строгаго разбора хранящихся въ архивахъ Академіи Наукъ памятниковъ и документовъ и напечатанія только тѣхъ изъ нихъ, которые дѣйствительно могутъ имѣть серьезное историческое значеніе. О такомъ отзывѣ Министра Финансовъ долгомъ считаю довести до свѣдѣнія Вашего Императорскаго Высочества“. — По выслушаніи означеннаго отношенія г. Министра Народнаго Просвѣщенія, Отдѣленіе обратилось съ просьбой къ академику М. И. Сухомлинову дать

[illegible]

[illegible] Вѣте [illegible] [illegible] Императорской Академіи Наукъ [illegible] Императорской Россійской Академіи — [illegible]

[illegible]

Академикъ А. Н. [illegible] Наукъ. — [illegible]

Отдѣленіе [illegible]

Читано [illegible] Антона [illegible] и выразить [illegible] доставленіе ихъ.

Читана препровожденная изъ Канцеляріи г. непремѣннаго секретаря Имп. Академіи Наукъ записка преподавателя Тобольской духовной семинаріи Ив. Ловягина слѣдующаго содержанія: „Представляя одновременно съ симъ въ десяти экземплярахъ брошюру — отрывокъ изъ предположеннаго къ изданію въ свѣтъ „Объяснительнаго славяно-греко-русскаго словаря“, осмѣливаюсь обратиться къ Вашему Превосходительству съ покорнѣйшею просьбою, не найдете-ли возможнымъ предложить означенную брошюру милостивому и благосклонному вниманію Августѣйшаго Президента и гг. академиковъ, каковое вниманіе со стороны ученѣйшей корпораціи послужитъ мнѣ необходимою поддержкою при предпринятомъ мною не маломъ трудѣ“. Доставленные экземпляры означенной записки г. Ловягина съ образчикомъ его труда были розданы гг. присутствовавшимъ. Отдѣленіе, разсмотрѣвъ отрывокъ составляемаго г. Ловягинымъ Славяно-греко-русскаго словаря по книгамъ Св. Писанія и книгамъ богослужебнымъ, нашло предпринятый имъ трудъ весьма полезнымъ не только въ интересахъ духовнаго просвѣщенія, но также съ точки зрѣнія науки о церковно-славянскомъ и русскомъ языкахъ и вообще славяно-русской филологіи. Судя по предложенному отрывку, Словарь составляется по плану, строго выдержанному, и руководствуется пріемами, заслуживающими полнаго одобренія. Впрочемъ, въ предпосланномъ отрывку предисловіи недостаточно ясно выражено, заносятся-ли въ Словарь всѣ слова изслѣдуемыхъ текстовъ или же только малопонятныя и непонятныя. Желательно было бы включеніе въ Словарь рѣшительно всѣхъ словъ, встрѣчающихся въ книгахъ Св. Писанія и богослужебныхъ, при чемъ простыя, всѣмъ понятныя слова могли бы сопровождаться одною или двумя оправдательными ссылками. Не мѣшало бы приводить въ красной строкѣ нѣкоторыя образованія и формы со ссылками на то слово, подъ которымъ найдется къ нимъ объясненіе. Такъ формы: *обрѣтоша*, *обрѣтый* относятся собственно не къ *обрѣтати*, а къ *обрѣсти*. Поэтому слѣдовало бы привести *обрѣсти* въ красной строкѣ, сдѣлать ссылку на *обрѣтати*, а въ ссылкахъ на случаи, гдѣ встрѣчается *обрѣтати*, различить формы, восходящія къ основѣ *обрѣта*-ти и къ основѣ *обрѣт*(с)-ти. То же относительно *обраща*-ти при *обрати*-ти, *обнажа*-ти при *обнажи*-ти и т. д.

Вообще, не мѣшало бы имѣть въ виду филологическую сто-

рону языка и для этого строго различать различныя глагольныя основы. Въ красной строкѣ, напр., читаемъ: Обинитисѧ, обинутисѧ. Далѣе приводятся ссылки, при чемъ въ одной изъ нихъ встрѣтилась форма обинухсѧ. Остается невыясненнымъ, какія именно формы находятся въ остальныхъ мѣстахъ: тѣ-ли, которыя восходятъ къ *обини*-тисѧ, или тѣ, которыя возводятся къ *обину*-тисѧ. Не лишне было бы поэтому нѣсколько чаще приводить ту форму слова, которая встрѣтилась въ томъ или другомъ текстѣ. Нѣкоторыя, съ точки зрѣнія славянской грамматики, неправильности въ образованіи временъ глаголовъ, падежей и т. п., можетъ быть, также не лишне бы оговаривать. Весьма полезно было бы указаніе удареній на словахъ, приведенныхъ въ красной строкѣ. Весьма сочувствуя работѣ г. Ловягина, Отдѣленіе рѣшило выслать ему въ даръ слѣдующія свои изданія, могущія служить справочными руководствами: Матеріалы для словаря древне-русскаго языка И. Срезневскаго, Грамматику церковно-славянскаго языка Востокова, Служебныя минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь и Церковно-славянскій словарь Востокова.

Сообщено о полученіи отъ г. Н. Пѣнькевича (изъ г. Замостья, Люблинской губ.) записки съ указаніемъ пропущенныхъ въ „Академическомъ словарѣ" словъ: амеба, викунья, гуро, детритъ и фильдекосовый.

На запросъ г. А. Д. Шевчука (со ст. Рахны-Лѣсовые, Подольской губ.) „о разъясненіи, какъ правильнѣе пишутся слова: мѣстность *обезлѣшенная* или обезлѣсенная? и употребляются ли выраженія (вм. лѣса уничтожаются) *обезлѣшиваются* мѣстности, *обезлѣшиваю?*" — положено передать письмо г. Шевчука съ просьбою сообщить свое мнѣніе по сему запросу акад. А. А. Шахматову, который вскорѣ и представилъ слѣдующія свои соображенія по сему случаю: „Сравненіе съ образованіями, какъ *навѣшенный*, *навѣшивать* при *навѣсить*, *окрашенный*, *окрашивать* при *окрасить*, указываетъ на то, что слѣдовало бы ожидать при *обезлѣсить* — *обезлѣшенный*, *обезлѣшивать*. Но глаголъ *обезлѣсить* сравнительно новаго происхожденія и этимъ объясняется нерѣдкое теперь произношеніе — *обезлѣсенный*, *обезлѣсивать*. Во всякомъ случаѣ такое произношеніе болѣе употребительно, чѣмъ то болѣе правильное съ точки зрѣнія русской грамматики".

На свободную вакансію ординарнаго академика Отдѣленія русскаго языка и словесности, съ соизволенія Его Император-

скаго Высочества Августѣйшаго Президента Имп. Академіи Наукъ, былъ предложенъ извѣстный своими учеными трудами членъ-корреспондентъ Отдѣленія А. Н. Пыпинъ. По прочтеніи въ Отдѣленіи записки объ ученыхъ трудахъ г. Пыпина, составленной академикомъ Л. Н. Майковымъ, была произведена баллотировка шарами, при чемъ А. Н. Пыпинъ оказался единогласно избраннымъ въ ординарные академики. Положено сообщить объ этомъ г. непремѣнному секретарю Академіи Наукъ для представленія о томъ ближайшему Общему Собранію Академіи и приложить читанную въ Отдѣленіи записку объ ученыхъ трудахъ г. Пыпина. (См. въ Приложен. I).

Въ члены-корреспонденты Отдѣленія русскаго языка и словесности избранъ бывшій проф. Имп. Юрьевскаго университета Иванъ Александровичъ Бодуэнъ-де-Куртенэ, о чемъ и положено сообщить г. непремѣнному секретарю Академіи выпискою изъ протокола для внесенія въ ближайшее засѣданіе Общаго Собранія.

Вслѣдствіе просьбы г-на Коробка о доставленіи ему на нѣкоторое время рукописнаго сборника малорусскихъ пѣсенъ, собранныхъ имъ въ Волынской губ., и имъ принесеннаго въ даръ Отдѣленію, — положено означенный сборникъ препроводить къ акад. А. А. Шахматову для передачи просителю.

Г-нъ Найденъ Геровъ (изъ Филиппополя), препровождая въ Отдѣленіе два экз. II-го тома издаваемаго имъ Словаря болгарскаго языка, обратился къ Академіи Наукъ съ просьбою прислать ему по одному экземпляру тѣхъ изъ числа изданныхъ ею Словарей русскаго языка, которыя могли бы ему служить пособіемъ при изданіи остальныхъ трехъ частей его Словаря болгарскаго языка. Положено принять къ свѣдѣнію и послать г. Герову по экземпляру: 4-го выпуска Словаря русскаго языка и всѣхъ вышедшихъ выпусковъ Матеріаловъ для словаря древне-русскаго языка И. И. Срезневскаго, о чемъ и сдѣлать соотвѣтственное распоряженіе по Книжному складу Академіи Наукъ.

Читано письмо библіотекаря Науковаго товариства имени Шевченка во Львовѣ, г. М. Павлика, съ благодарностью за присылку Сборника Отдѣленія и другихъ изданій и съ просьбою о досылкѣ Товариству недостающихъ томовъ Сборника и Сочиненій Ломоносова и Державина. Положено просьбу эту удовлетворить.

Г. непремѣнный секретарь Имп. Академіи Наукъ, письмомъ на имя г. предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи, академика А. Ѳ. Бычкова, увѣдомилъ, что дѣйствительный статскій совѣтникъ М. И. Михельсонъ представилъ въ Академію 15.000 рублей на учрежденіе преміи его имени за труды въ области науки о русскомъ языкѣ и составленный имъ проектъ правилъ для присужденія этихъ премій. Препровождая проектъ этотъ въ подлинникѣ, г. непремѣнный секретарь присовокупилъ, что Общее Собраніе Академіи Наукъ, въ декабрьскомъ засѣданіи своемъ, постановило передать означенный проектъ правилъ на обсужденіе II Отдѣленія и, согласно желанію жертвователя, при обсужденіи проекта, пригласить его въ засѣданіе Отдѣленія, для сообщенія тѣхъ основаній, которыя имъ руководили при составленіи Правилъ. По ознакомленіи съ проектированными г. Михельсономъ правилами, Отдѣленіе нашло необходимымъ измѣнить постановку и редакцію нѣкоторыхъ пунктовъ ихъ, съ каковыми измѣненіями согласился и учредитель преміи М. И. Михельсонъ. Посему Отдѣленіе постановило сообщить г. непремѣнному секретарю Академіи, для доклада Общему Собранію, о сдѣланныхъ Отдѣленіемъ измѣненіяхъ въ проектѣ правилъ о преміяхъ имени М. И. Михельсона, — для утвержденія ихъ.

Сообщено о полученіи отъ директора народныхъ училищъ Тульской губ. 2-хъ экз. II-ой Программы для собиранія особенностей говоровъ южно-великорусскаго нарѣчія — съ отмѣтками объ особенностяхъ говоровъ Крапивенскаго и Веневскаго уѣздовъ, сдѣланными священникомъ Вл. Іоанн. Благовѣщенскимъ. Положено выразить о. Благовѣщенскому отъ имени Отдѣленія признательность за доставленіе столь любопытныхъ матеріаловъ, которые и передать академику А. А. Шахматову.

Доведено до свѣдѣнія Отдѣленія о полученіи нижепоименованныхъ матеріаловъ по говорамъ великорусскаго и бѣлорусскаго нарѣчій, вызванныхъ вопросами, разосланными отъ Отдѣленія въ разныя губерніи въ видѣ I, II и III-й Программъ для собиранія особенностей народныхъ говоровъ, — отъ слѣдующихъ лицъ и учрежденій:

1) Учительницы Брюхачевой (?) — экз. I Программы съ отмѣтками свѣдѣній о говорѣ жителей деревни Большое Жирново (Вятской губ., Малмыжскаго уѣзда, Вихаревской волости), съ приложеніемъ на 4 листахъ. — 2) Учительницы Константи-

новскаго училища Малмыжскаго уѣзда, Вятской губ., Евдокіи Садовской — экз. I Программы съ отмѣтками о говорѣ населенія села Константиновскаго, съ приложеніемъ (о селѣ Константиновскомъ) на 2-хъ листахъ. — 3) Учительницы Кизнерской земской школы Клавдіи Воробьевой — экз. I Программы съ отмѣтками объ особенностяхъ говора населенія села Кизнери Малмыжскаго уѣзда Вятской губ., съ приложеніями на 6-ти листахъ (1 а и б: о селѣ Кизнерь, 2 л.: названія птицъ, сельско-хозяйственныхъ орудій, кушаній, 3 л.: пѣсня, записанная со словъ работницы, пріѣхавшей изъ Елабужскаго уѣзда, пѣсня, записанная со словъ мѣстной крестьянки, и 4 листъ: игра въ карты, словарь и фразеологія. — 4) Миссіонера Кемскаго и Кольскаго уѣздовъ Архангельской епархіи, священника Николая Дьячкова изъ г. Кеми — экз. I-ой Программы съ отмѣтками особенностей говора жителей города Кеми Архангельской губ. и съ свѣдѣніями о гор. Кеми. — 5) Учителя Касимовскаго духовнаго училища Владимира Ильинскаго — экз. II-й Программы съ отмѣтками о говорѣ жителей гор. Касимова, съ приложеніемъ на 3-хъ листахъ: „Особенныя слова и выраженія говора жителей гор. Касимова“. — 6) Учителя земскаго начальнаго народнаго училища въ деревнѣ Отарахъ Владимира Сергѣева — экз. I Программы съ замѣтками о говорѣ крестьянъ деревни Отаръ и Пегануръ Кадомской волости, Яранскаго уѣзда, Вятской губ., съ приложеніями на 7 листахъ (словарь, пѣсни и т. д.). — 7) Учительницы Смородинскаго училища Анненковой — рукописной тетради: „Отвѣты на вопросы Программы для собиранія южно-великорусскаго нарѣчія“ стр. 1: говоръ крестьянъ села Смородины, Курской губ., Грайворонскаго уѣзда, Дорогощанской волости. Звуки гласные и т. д.; стр. 25: Пѣсни мѣстныхъ крестьянъ, пѣсни свадебныя, поздравленія съ новымъ годомъ; стр. 26: загадки, сказка про мужика, медвѣдя и лису; стр. 27: краткое описаніе села Смородины (всего 30 страницъ). — 8) Учительницы Столыпинскаго сельскаго училища Зубцовскаго уѣзда, Тверской г., Юліи Ѳедоровны Рахманиной — экз. I-й Программы съ отмѣтками объ особенностяхъ говора жителей села Столыпина съ приложеніемъ (на 46 страницахъ): Пѣсни (с. 1—8), прибаутки (9), пѣсни хороводныя (20), пѣсни свадебныя (29), поговорки (36), примѣты, сказки (37): 1) Баба-яга, 2) Яшка-мѣдная пряжка; замѣчанія о селѣ Столыпинѣ (45—46). — 9) Учителя земской школы Ивана

А. Утѣхина — экз. I Програмы съ замѣчаніями объ особенностяхъ говора жителей села Судосева, Карсунскаго уѣзда, Симбирской губ., съ приложеніемъ на 4 страницахъ „Краткой исторіи села Судосева“. — 10) Учительницы Вѣтчанскаго сельскаго училища Людмилы Петровны Крашенинниковой — экз. II Програмы съ замѣчаніями о говорѣ населенія деревни Вѣтчаны Касимовскаго уѣзда, Рязанской губ., съ приложеніемъ на 3-хъ листахъ: „Пѣсни которыя поются дѣвицами д. Вѣтчанъ“ (л. 1), № 1—4 и „Описаніе мѣстности“ (л. 3) съ препроводительной запиской г-жи Крашенинниковой. — 11) Н. Г. Моисеенка изъ м. Поставы Виленской губ., Дисненскаго уѣзда — экз. III-й Програмы съ отмѣтками особенностей говора крестьянъ мѣстечка Поставы, съ приложеніями на 4 листахъ: Сказка (дѣдъ, баба и кабылка) и „Па́нская игри́ща“. — 12) Замѣтки объ особенностяхъ говора жителей села Никулина, Карсунскаго уѣзда, Симбирской губ., собранныя учительницей Никулинскаго училища Софіей Онуфріевной Александровичъ согласно I Програмѣ и полученныя отъ директора народныхъ училищъ Симбирской губерніи: I. Географическое положеніе с. Никулина (л. 2). II. Краткая исторія с. Никулина (л. 2-ой). Составъ населенія (л. 3). Отвѣты на I Програму по §§ (л. 3-ій). Старинная солдатская пѣсня (л. 22). Современная пѣсня (л. 23). Свѣдѣнія о составительницѣ отвѣтовъ (л. 23-ій). — 13) Василія Александровича Сучкова — экз. II Програмы съ замѣтками о говорѣ крестьянъ села Панькова, Паньковской волости, Новосильскаго уѣзда, Тульской г., съ приложеніемъ на 40 листахъ: О мѣстѣ наблюденій (л. 1); къ § 25 Програмы — Прозванія людей (л. 3); § 26 — Бранныя слова (л. 3); ласкательныя слова (л. 3-ій); § 37 — Названія праздниковъ. Божба; § 40. Имена людей (л. 4); § 43 — клички собакъ (л. 5); клички лошадей, клички коровъ. Сказки (л. 6): 1) Попъ и дьячекъ; 2) Хитрый работникъ (л. 6-ой); 3) Дурачекъ (л. 7) 4) Про казу (л. 7-ой). 5) О Ваньки (л. 8-ой). 6) Про бабку брюхатаю (л. 9). 7) Работникъ и чартенакъ. Побасенки (л. 10). Разсказы (л. 10-ый): Вѣдьма (№ 1—2). Пѣсни (л. 12): №№ I—XXIX; Пѣсни свадебныя (л. 23): № I—X. Пѣсни подблюдныя (л. 27): № I—XX. Загадки № 1—21. Пословицы, поговорки и прибаутки (л. 29) № 1—112. Народныя слова и выраженія (л. 33—40). — 14) Директора народныхъ училищъ Минской губерніи — экз. III Програмы съ отмѣтками, сдѣланными въ ней учительницей Га-

товскаго народнаго училища г-жею Ситкевичъ о говорѣ жителей села Гатовъ, Минской губ. и уѣзда. — 15) Старшаго учителя Васильковскаго II училища Ярославской губ., Мышкинскаго уѣзда Александра Георгіевича Черёмхина — экз. II Программы съ отмѣтками особенностей говора населенія с. Василькова, съ приложеніемъ на 6 листахъ: „Краткое описаніе села Василькова и нѣкоторыхъ селеній, надъ которыми производились наблюденія надъ народнымъ говоромъ" (л. 1); пѣсни № 1—4 (л. 4); пригудки и пѣсни. — 16) В. И. Чернышева, изъ г. Мещовска, матеріаловъ подъ заглавіемъ: „Свѣдѣнія о мещовскомъ говорѣ" (въ отвѣтъ на II Программу) (л. 1); особенности мещовскаго ударенія, какъ южно-великорусскаго вообще (л. 17), словообразованіе (л. 21-ый); синтактическія особенности (л. 28); собраніе словъ мещовскаго просторѣчія (л. 34); дополненіе къ нему преподавателя мещовскаго духовнаго училища А. Д. Воскресенскаго (л. 80); мещовскія дѣтскія пѣсни (л. 84), № 1—46; списокъ словъ портновскаго языка (л. 90),—всего 96 писанныхъ листовъ.—17) Учителя Кузнецовскаго (Тверской губ.) приходскаго училища Тихона Васильевича Корнѣева—замѣтки: „Главныя особенности крестьянскаго говора въ окрестностяхъ г. Мещовска Калужской губерніи", въ дополненіе къ сообщенію его отъ 5 апрѣля сего года.—18) Директора народныхъ училищъ Минской губ.,—экз. III Программы съ отмѣтками объ особенностяхъ говора жителей села Хотыничи, Пинскаго уѣзда, Минской губ., сдѣланными учителемъ Хотыничскаго народнаго училища, Пинскаго уѣзда, Александромъ Ляховскимъ. — 19) Совѣта Кіевской Духовной Академіи — экз. I Программы съ отмѣтками о говорѣ жителей селеній Муромскаго уѣзда, Владимірской губ., и гор. Мурома, съ приложеніемъ пѣсенъ на 2 листахъ, сообщенными проф. Кіевской Духовной Академіи В. Пѣвницкимъ. — 20) Учителя 1 класса Воскресенскаго двухкласснаго сельскаго училища Павла Львовича Плечева съ отмѣтками объ особенностяхъ говора жителей селеній Благовѣщенскаго и Воскресенскаго обществъ, Благовѣщенской волости, Шенкурскаго уѣзда, Архангельской губ., съ приложеніями на 127 листахъ: (л. 2) Шенкурскій уѣздъ, г. Шенкурскъ, Благовѣщенское сельское общество (л. 4); особенности народнаго говора (л. 6); имена (названія) урочищъ (л. 8); словарь; имена существительныя (л. 9); глаголы (л. 18); прилагательныя, нарѣчія и

проч. (л. 18); отдѣльныя выраженія (л. 22); названія деревень (л. 24); пословицы, причёты, записанные со словъ крестьянской дѣвушки (л. 26); слова на Привороты (л. 28); пѣсни (л. 32); святочныя пѣсни (л. 35), пѣсни свадебныя (л. 57); письмо крестьянской дѣвушки 1897 г. (л. 59); тетрадки съ Молитвами и Словами (л. 61) свадебныя слова (л. 68); молитвы (л. 76); Книги Степана Кокшарова 21 декабря 1850 г. (л. 82); молитвы Господу Іисусу; молитва для охраненія скота (л. 94); молитвы (л. 117).— 21) Директора народныхъ училищъ Минской губерніи — экз. III Программы съ отмѣтками учителя Бѣлянскаго народнаго училища Пинскаго уѣзда, Минской губ., Михаила Георгиевича Фенюка объ особенностяхъ говора жителей села Бѣлаго и его окрестностей, Пинскаго уѣзда, Могилевской губ., и съ приложеніемъ на 2 листахъ: (сказка: „Вовкъ-дурень" и свѣдѣнія о селѣ Бѣломъ и о бытѣ его населенія). — 22) Директора народныхъ училищъ Минской губерніи — экз. III Программы съ отмѣтками учителя Плотницкаго народнаго училища Пинскаго уѣзда, Минской губ., Семена Григорьевича Малахи — объ особенностяхъ говора села Плотницы, того же уѣзда.—23) Преподавателя Новочеркасской гимназіи М. Калмыкова — тетради въ листъ на 47 страницахъ: „Особенности Кочетовскаго говора Донской области" (наблюденія производились въ поселкѣ-хуторѣ Ещауловѣ, находящемся въ 1-мъ Донскомъ Округѣ Донской Области, въ юртѣ Кочетовской станицы): Общія свѣдѣнія о станицѣ и ея населеніи; о низовыхъ и верховыхъ казакахъ Донскихъ и ихъ говорахъ; стр. 4: особенности Кочетовскаго говора, звуки; стр. 17: удареніе, склоненіе; стр. 24: синтактическія особенности; стр. 25: отдѣльныя слова (іюль 1897 г.), стр. 47: біографическія свѣдѣнія о доставителѣ (М. Калмыковѣ). — 24) Директора народныхъ училищъ Минской губ. — экз. III Программы съ отмѣтками учителя Шацкаго народнаго училища Адама Андреевича Лагуна объ особенностяхъ говора населенія всей Шацкой волости, Игуменскаго уѣзда, Минской губ., съ приложеніемъ 3-хъ сказокъ (№ I—III).—25) Правленія Казанской духовной семинаріи — 2-хъ экз. II Программы: а) съ замѣчаніями воспитанника IV класса этой семинаріи Владимира Челнокова объ особенностяхъ говора жителей села Параты Казанской губ. и уѣзда, съ приложеніемъ на 24 стр.: русскія пѣсни № 1—11, заговоры (стр. 15), пословицы и поговорки (стр. 16), народныя слова и выраженія (стр. 19), оправданія

автора замѣчаній и собирателя свѣдѣній (стр. 22), описаніе села, — и б) съ отмѣтками о говорѣ села Богородскаго, Кулаевской волости, Казанской губ. и уѣзда,— ученика V класса упомянутой семинаріи Степана Ивановича Веселицкаго, съ приложеніемъ на одномъ листѣ. — 26) Директора народныхъ училищъ Минской губерніи — экз. III. Программы съ отмѣтками учителя Морочанскаго народнаго училища Василія Аврамчика о говорѣ крестьянъ села Морочно, Пинскаго уѣзда, Минской губерніи. — 27) Директора народныхъ училищъ Минской губерніи — экз. III Программы съ отмѣтками учителя Угриничскаго народнаго училища Пинскаго уѣзда Осипа Тарасевича о говорѣ населенія въ селѣ Угриничахъ, въ деревнѣ Седлицахъ, въ селѣ Червищахъ Пинскаго уѣзда, Минской губ. — 28) Учителя начальнаго земскаго училища въ с. Любѣгощахъ, Весьегонскаго уѣзда, Тверской губ., Николая Спиридоновича Доброхотова — экз. II Программы съ отмѣтками о говорѣ жителей въ дер. Дудкино Тверской губ., Весьегонскаго у., и сосѣднихъ съ ней: села Никольскаго, дер. Щернино, Солнцёва, Петрова и Мартьянцева. — 29) Канцеляріи Минской Дирекціи народныхъ училищъ — экз. III Программы съ замѣтками учителя Комаровичскаго народнаго училища Николая Юшкова „Особенностей говоровъ бѣлорусскаго нарѣчія въ средѣ крестьянъ дер. Заполья и с. Комаровичъ, Комаровичской волости, Мозырскаго уѣзда, Минской губ.“ — 30) Учителя Мокрянскаго народнаго училища Быховскаго уѣзда, Могилевской губ., Н. Короленка — экз. III Программы съ замѣтками о говорѣ села Мокраго, съ приложеніемъ записи на 2-хъ листахъ сказки „Мужикъ и цыганъ“ со словъ крестьянъ села Мокраго. — 31) Василія Кузьмича Влазнева — „Алфавитнаго списка старинныхъ словъ, употреблявшихся и употребляемыхъ въ разговорной рѣчи жителей большихъ селеній: Дѣдинова, Любичи, Ловецъ, Верхняго и Нижняго Бѣлоомутовъ Зарайскаго уѣзда, Рязанской губ., составленнаго мѣстнымъ крестьяниномъ В. К. Влазневымъ въ 1897 году“ (на 4 листахъ: А — Я = 181 слово) и на 1 листѣ — замѣчанія о собирателѣ ихъ В. К. Влазневѣ. — 32) Сельской школы Казинской волости, Елецкаго уѣзда, Орловской губ. — экз. II Программы съ замѣчаніями учительницы села Запол(ьнаго)-Тербунца Александры Ивановны Никольской объ особенностяхъ говора жителей села Запол-Тербунца.— 33) Учителя Вачскаго фабричнаго 2-хклассного училища

П. Ремезова — экз. I Программы съ отмѣтками особенностей говора жителей села Вачи, Новосельской волости, Муромскаго уѣзда, Владимирской губерніи. — 34) Воспитанника Тверской духовной семинаріи Н. Преображенскаго съ отмѣтками „Особенностей разговорной рѣчи крестьянъ Тверской губ., Осташковскаго уѣзда, Новинской волости". — 35) Директора народныхъ училищъ Пермской губ. — экз. I Программы съ замѣчаніями учителя Чердынцевскаго народнаго училища И. В. Надсадина объ особенностяхъ говора кр. села Чердынцевскаго, Екатеринбургскаго уѣзда, Пермской губ. — 36) Учителя А. И. Петрова — экз. II Программы съ отмѣтками о говорѣ крестьянъ деревни Елисѣева, Богоявленской волости, Семеновскаго уѣзда, Нижегородской губерніи. — 37) Учителя Бронницкаго городского 3-хклассnúmаго училища И. А. Глѣбина — экз. II Программы съ отмѣтками объ особенностяхъ говора населенія уѣзда и города Бронницъ, Московской губерніи. — 38) Благочиннаго 5 округа Слободского уѣзда, Вятской губ., — экз. I Программы съ замѣтками учительницы Кирсинскаго земскаго училища А. Бобровской объ особенностяхъ говора населенія Кирсинскаго завода, Слободского уѣзда, Вятской губ. — 39) Директора народныхъ училищъ Пермской губерніи: а) экз. I Программы съ отмѣтками учительницы Першинскаго училища А. Флоринской о говорѣ крестьянъ села Першинскаго, Шадринскаго уѣзда, Пермской губ.; б) экз. I Программы съ отмѣтками (неизвѣстно чьими) и съ приложеніемъ; в) экз. I Программы отъ помощника учителя Осиновскаго начальнаго училища В. Яхонтова съ отмѣтками особенностей говора крестьянъ села Осиновскаго, Шадринскаго уѣзда, Пермской губерніи; г) тетрадь (на 6 листахъ): „Слова и выраженія, записанныя въ деревнѣ Махнёвой, Махневской волости, Верхотурскаго уѣзда, Пермской губерніи. Декабря 1896 года" (записаны учителемъ А. И. Мартыновымъ) и д) тетрадь (на 20 листахъ) отвѣтовъ на I Программу — о говорѣ населенія Шайтанскаго завода, составленныхъ учительницею Шайтанскаго мужского училища, Красноуфимскаго уѣзда, А. Богдановою. — 40) Учителя земской школы села Новаго Буяна, Ставропольскаго уѣзда, Самарской губ., С. Л. Васильева — экз. II Программы съ замѣтками о говорѣ жителей села Новый Буянъ и окрестныхъ селъ. — 41) Директора народныхъ училищъ Ковенской губерніи — экз. III Программы съ отмѣтками учителя М. Герштo-

повича объ особенностяхъ говора жителей села Плюсъ и окрестностей дер. Павловщины, Красногорской волости, Новоалександровскаго уѣзда, Ковенской губерніи, съ приложеніемъ на 4 листахъ — 42) Учителя Микуличскаго народнаго училища, Рѣчицскаго уѣзда, Минской губ., А. И. Іолоба — экз. III Программы съ отмѣтками особенностей говора крестьянъ села Микуличей. — 43) Директора народныхъ училищъ Томской губерніи — 17 экземпляровъ I Программы: а) съ замѣтками учителя сельскаго Кытмановскаго училища о говорѣ жителей села Кытмановскаго и сосѣднихъ деревень: Ереминой, Зарниковой, и Безпаловой Уксунайской волости, Кузнецкаго округа, Томской губ.; б) съ замѣтками учителя Локтёвскаго сельскаго училища А. Т. Степанищева о говорѣ жителей села Локтёвскаго (на р. Алеѣ, прит. Оби) и деревни Ново-Алейской, Змѣиногорскаго округа, Томской губ., съ приложеніемъ на 2-хъ листахъ; в) съ замѣтками учителя А. Калмакова объ особенностяхъ говора жителей и козаковъ Чарышскаго поселенія 3-го военнаго отдѣла Сибирскаго казачьяго войска, Томской губ. Бійскаго округа, съ приложеніями на 7 листахъ; г) съ замѣтками (не оконченными) учителя Кузнецкаго уѣзднаго училища Й. Шункова — о говорѣ простонародья въ гор. Кузнецкѣ, Томской губ.; д) съ замѣтками учителя Колыванскаго 2-хклассснаго городского училища А. М. Кутузова съ отмѣтками о говорѣ населенія заштатнаго города Колывани Томской губ., съ приложеніями на 4-хъ листахъ; е) неизвѣстно съ чьими отмѣтками объ особенностяхъ говора мѣщанъ города Бійска; ж) съ отмѣтками завѣдующаго Барнаульскимъ 2-хклассснымъ городскимъ училищемъ В. Обабкова объ особенностяхъ говора учащихся преимущественно изъ среды мѣщанъ гор. Барнаула, Томской губерніи; з) съ замѣчаніями врем. испр. должность помощника учителя Маріинскаго городского училища П. Шадрина о говорѣ жителей города Маріинска, Томской губ.; и) съ замѣчаніями, неизвѣстно кѣмъ составленными, о говорѣ крестьянъ села Ординскаго, Барнаульскаго округа, Томской губ.; і) съ замѣчаніями сельскаго учителя М. Снигирева о говорѣ крестьянъ села Тагана (на берегу озера Чаны), Каинскаго округа, Томской губ., съ приложеніемъ на 2-хъ листахъ; к) съ замѣчаніями кончившаго курсъ въ Акмолинской учительской семинаріи И. Т. Кукажина объ особенностяхъ говора жителей села Зюзинскаго, Казанской волости

Каинскаго округа, Томской губ., съ приложеніемъ на 1 листѣ, л) съ замѣчаніями (учительницы ?) объ особенностяхъ говора крестьянъ села Казаткуль(скаго), Каинскаго округа, Томской губ., м) съ замѣчаніями учителя Юдинскаго сельскаго училища В. І. Сибирцева о говорѣ крестьянъ села Юдинскаго, Каинскаго округа, Томской губ., съ приложеніями на 15 листахъ; н) съ замѣчаніями учителя Медвѣдскаго сельскаго училища И. Я. Покровскаго объ особенностяхъ говора крестьянъ села Медвѣдскаго, Легостаевской волости, Барнаульскаго округа, Томской губ. съ приложеніемъ на 2-хъ листахъ; о) съ замѣчаніями неизвѣстно чьими объ особенностяхъ говора населенія с. Коргатскаго форпоста, Убинской волости, Каинскаго округа; Томской губерніи; п) съ замѣтками учителя Булатовскаго сельскаго училища К. Ф. Соболевскаго о говорѣ крестьянъ села Булатовскаго, Нижнекаинской волости, Каинскаго округа, Томской губерніи и р) съ замѣчаніями учителя Карачинскаго сельскаго училища И. Д. Созинова объ особенностяхъ говора жителей села Карачинскаго, Покровской волости, Каинскаго округа, Томской губерніи, съ приложеніемъ на 13-ти листахъ. — 44) Учителя Мануйловскаго начальнаго училища С. Я. Леонова — экз. II Программы съ отмѣтками о говорѣ крестьянъ деревни (сельца) Мануйлова, Ржевскаго уѣзда, Тверской губ., съ приложеніями на 20-ти листахъ. — 45) Священника Архангельской губерніи, Шенкурскаго уѣзда, Предтеченской волости, Ямскогорскаго общества и прихода Аникиты Попова (благочиннаго 3-го Шенкурскаго округа) — экз. I Программы съ замѣтками о говорѣ крестьянъ упомянутаго прихода, съ 2-мя приложеніями. — 46) Учителя Гришинскаго земскаго училища Гавріила Ананьевича Тихонравова — тетради на 77 листахъ „Сборникъ особенностей народнаго говора села Гришина, Казанской губ., Цивильскаго уѣзда". — 47) Учителя Лепшинскаго земскаго училища Ивана Кузьмича Корехова экз. I Программы съ замѣчаніями о говорѣ жителей Лепшинскаго прихода Каргопольскаго уѣзда, Олонецкой губерніи, съ приложеніями на 10 листахъ. — 48) Учителя Михайловскаго начальнаго народнаго училища Дмитріевскаго уѣзда Курской губ. Антона Коростелева — экз. II Программы съ отмѣтками. — 49) Учителя Благовѣщенско-Сусканскаго сельскаго начальнаго земско-общественнаго училища Василія Васильевича Бондина — экз. II-ой Программы съ замѣчаніями о говорѣ жителей села Благо-

вѣщенскій Сусканъ, Нижне-Санчелеевской волости, Ставропольскаго уѣзда, Самарской губерніи, съ приложеніемъ на 2-хъ листахъ. — 50) Н. А. Иваницкаго — экз. предварительнаго изданія I-ой (Сѣв.-великор. нар.) Программы съ отмѣтками его, со словъ крестьянина Вологодской губерніи, Сольвычегодскаго уѣзда, Метлинской волости, дер. Маркова Лаврентія Андреев. Черкасова о мѣстномъ говорѣ и съ „Дополненіями къ словарю вологодскихъ словъ: Слова Сольвычегодскаго уѣзда“ (на 6 листахъ). — 51) Учительницы Корчевского женскаго приходскаго училища Антонины Львовны Васильевой — экз. II Программы съ отмѣтками наблюденій о говорѣ крестьянъ Корчевского уѣзда и отчасти жителей гор. Корчевы, Тверской губ., съ приложеніемъ на 29 листахъ.

Положено всѣ означенныя сообщенія о говорахъ и матеріалы передать академику А. А. Шахматову, а лицамъ и учрежденіямъ, отъ которыхъ они были получены, выразить благодарность за содѣйствіе ученымъ занятіямъ Отдѣленія на пользу родного слова.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Записка объ ученыхъ трудахъ члена-корреспондента Академіи Наукъ А. Н. Пыпина.

Научная разработка русской литературы началась, строго говоря, лишь около полувѣка тому назадъ, и въ этой ученой области едва ли не одно изъ самыхъ видныхъ и почетныхъ мѣстъ принадлежитъ члену-корреспонденту нашей Академіи Александру Николаевичу Пыпину. Еще въ 1853 году, на страницахъ „Отечественныхъ Записокъ“, появилась его первая ученая работа — изслѣдованіе о Владимірѣ Лукинѣ, мало извѣстномъ драматургѣ Екатерининскихъ временъ, между прочимъ мечтавшемъ о созданіи русскаго народнаго театра. Содержаніе

этого труда представляло въ свое время полнѣйшую новость; избравъ такую тему, начинающій ученый сразу показалъ свое умѣнье отыскивать въ старой литературѣ интересныя явленія и давать имъ правильное историческое освѣщеніе.

Вслѣдъ за этимъ первымъ опытомъ г. Пыпинъ обратился къ изученію нашей древней письменности, при чемъ ему приходилось знакомиться съ ея памятниками преимущественно по рукописямъ, ибо въ то время очень немногое изъ старой литературы было издано. Занимаясь въ Императорской Публичной библіотекѣ и Румянцовскомъ музеѣ, г. Пыпинъ обратилъ особенное вниманіе на столь распространенные въ нашей старинной письменности апокрифы и на произведенія мірского повѣствовательнаго характера. Однако, по обстоятельствамъ, отъ него не зависѣвшимъ, онъ не имѣлъ въ то время возможности посвятить себя ближайшему изученію апокрифической литературы и ограничился только подробнымъ изслѣдованіемъ судебъ извѣстной статьи „о книгахъ истинныхъ и ложныхъ", издалъ нѣсколько произведеній апокрифическаго содержанія и о нѣкоторыхъ изъ нихъ предложилъ отдѣльные этюды.

Напротивъ того, исторія русской мірской повѣсти и сказки, оригинальной и переводной, была обслѣдована г. Пыпинымъ всесторонне, на сколько то было возможно въ тогдашнее время, и въ 1857 г. появился его прекрасный трудъ подъ заглавіемъ: „Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ". Здѣсь опять мы встрѣчаемся со свѣжестью научной задачи и съ тщательностью въ обслѣдованіи вопросовъ, ею вызываемыхъ. Въ „Очеркѣ" разсмотрѣны, съ одной стороны, повѣсти иноземнаго происхожденія, то-есть, переведенныя съ греческаго, латинскаго, польскаго и нѣмецкаго, а съ другой — повѣсти и сказки оригинальныя русскія. Первымъ отведено большее мѣсто, и авторъ тщательно указываетъ подлинники тѣхъ иноземныхъ произведеній, которыя перешли на русскую почву; при этомъ постоянно обращается вниманіе на различныя редакціи этихъ памятниковъ. Если отдѣлъ книги, посвященной русскимъ повѣстямъ, не столь обширенъ, то потому именно, что и самыхъ повѣстей было мало въ нашей старинной литературѣ.

„Очеркъ" г. Пыпина, представленный какъ диссертація въ въ Петербургскій университетъ, доставилъ автору ученую степень магистра русской словесности, а въ 1858 г. г. Пыпинъ

былъ командированъ за границу для приготовленія къ профессурѣ по каѳедрѣ исторіи западныхъ литературъ. Но профессорская дѣятельность г. Пыпина продолжалась всего одинъ годъ—1860-1861. Съ тѣхъ поръ мы видимъ его исключительно учено-литературнымъ дѣятелемъ, печатающимъ свои труды въ періодическихъ изданіяхъ или отдѣльно; число статей, помѣщенныхъ имъ въ журналахъ, весьма значительно, и перечислять ихъ всѣ было бы крайне трудно, но многія изъ этихъ статей вошли впослѣдствіи въ отдѣльно изданныя имъ сочиненія; поэтому обзора этихъ послѣднихъ трудовъ г. Пыпина будетъ совершенно достаточно, чтобы дать понять, какъ развивалась его ученая дѣятельность.

Въ 1865 г. А. Н. Пыпинъ напечаталъ „Обзоръ исторіи славянскихъ литературъ", книгу въ высшей степени полезную и удовлетворяющую насущнымъ потребностямъ славистики. Такого обзора еще не было ни въ одной изъ славянскихъ литературъ, не смотря на постоянные толки о славянскомъ общеніи и взаимности. Конечно, при обработкѣ столь обширнаго предмета авторъ не могъ быть самостоятеленъ во всѣхъ его частяхъ; онъ даже предоставилъ весь польскій отдѣлъ труду другого лица (В. Д. Спасовича); но во всемъ, что̀ написано самимъ г. Пыпинымъ, обнаруживаются свойственныя ему качества — обширность предварительно собранныхъ свѣдѣній, искусный ихъ выборъ, точность и тщательность въ ихъ сообщеніи. Эти достоинства труда г. Пыпина еще болѣе ясны во второмъ его изданіи (1879—1880 гг.), въ которомъ „Исторія славянскихъ литературъ" удвоилась въ своемъ объемѣ, и такимъ образомъ сдѣлалась по истинѣ классическою книгой по своей части.

Послѣ этого счастливаго уклоненія въ область западныхъ и южныхъ славянскихъ литературъ г. Пыпинъ снова возвратился въ область своихъ излюбленныхъ занятій русскою литературой. Въ теченіе 1870-хъ годовъ имъ написаны три сочиненія, касающіяся исторіи русской литературы и просвѣщенія въ текущемъ столѣтіи: 1) „Общественное движеніе при Александрѣ I"; 2) „Характеристики литературныхъ мнѣній отъ 1820-хъ до 50-хъ годовъ" и 3) „Бѣлинскій, его жизнь и переписка". Всѣ эти три сочиненія, стоящія въ связи одно съ другимъ, представляютъ большой историческій интересъ. Первое изъ нихъ очень ярко изображаетъ внутреннюю жизнь Александровскаго времени, просвѣтительныя стремленія той поры,

борьбу культурныхъ направленій и ихъ характерныя черты; это именно исторія движенія идей въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ. Оцѣнка этихъ явленій сдѣлана авторомъ съ живымъ сочувствіемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ справедливо, на основаніи весьма обширнаго знакомства съ фактами. Во второй книгѣ, посвященной литературнымъ явленіямъ съ 1820-го по 1850-й годъ, авторъ замкнулъ свое изложеніе въ болѣе тѣсныя, исключительно литературныя рамки; здѣсь мы не найдемъ картины движенія общественной мысли, и въ этомъ заключается слабая сторона сочиненія; тѣмъ не менѣе, не смотря на нѣкоторую односторонность воззрѣній, книга содержитъ въ себѣ много интересныхъ данныхъ, искусно и поучительно сгруппированныхъ. Оба названныя сочиненія выдержали по два изданія („Общественное движеніе" вышло 2-мъ изданіемъ въ 1885 г., „Характеристики"—въ 1890), безъ сомнѣнія, потому, что авторъ, касаясь предметовъ высокаго интереса, умѣлъ придать своему изложенію общедоступную форму; но еще важнѣе то, что при перепечаткѣ названныхъ книгъ авторъ кореннымъ образомъ переработалъ и умножилъ основной ихъ текстъ. Къ „Характеристикамъ литературныхъ мнѣній" непосредственно примыкаетъ особое сочиненіе г. Пыпина о Бѣлинскомъ (1876 г., два тома). Этотъ прекрасный, съ любовью обработанный трудъ даетъ обстоятельное понятіе о ходѣ умственнаго развитія нашего знаменитаго критика и вмѣстѣ съ тѣмъ вноситъ много новыхъ фактовъ въ исторію нашего умственнаго движенія 1830-хъ и 40-хъ годовъ.

Нѣсколько особымъ характеромъ отличается обширный трудъ, занимавшій г. Пыпина въ 1880-хъ годахъ и затѣмъ, въ 1890—92 гг., изданный въ четырехъ томахъ подъ заглавіемъ: „Исторія русской этнографіи". То своеобразное и въ высшей степени важное значеніе, какое имѣла народность въ развитіи русской образованности, дало г. Пыпину поводъ спеціально заняться разсмотрѣніемъ хода нашихъ этнографическихъ изученій, и онъ нашелъ въ этомъ предметѣ рядъ характернѣйшихъ проявленій нашей культуры. Въ частности онъ обозрѣваетъ здѣсь труды всѣхъ русскихъ изслѣдователей народности, дѣлаетъ ихъ оцѣнку и подводитъ итоги ихъ изысканіямъ. Сочиненіе это, очень оригинальное по своей основной мысли, чрезвычайно богато новыми фактическими данными и можетъ быть

названо однимъ изъ крупнѣйшихъ явленій въ исторіи молодой русской науки.

Въ самые послѣдніе годы А. Н. Пыпинъ возвратился къ задачѣ, давно его занимавшей, — къ составленію обширнаго общаго сочиненія по исторіи русской литературы. Отдѣльныя статьи изъ этого труда были печатаемы имъ разновременно въ журналахъ, а въ самое послѣднее время вышелъ первый томъ этой „Исторіи литературы", заключающій въ себѣ обзоръ древней письменности до начала XVI в. Этимъ трудомъ, который является какъ бы итогомъ всего, что донынѣ сдѣлано по разработкѣ русской литературы, г. Пыпинъ воздвигаетъ себѣ литературный памятникъ который надолго сохранитъ въ наукѣ его имя.

Членомъ-корреспондентомъ нашей Академіи А. Н. Пыпинъ состоитъ лишь съ 1891 года; но его тѣсныя связи съ Академіей восходятъ къ гораздо болѣе давнему времени: его „Опытъ исторіи повѣстей и сказокъ" былъ напечатанъ въ Запискахъ II-го Отдѣленія еще въ 1857 г.; три изъ его сочиненій, именно: тотъ же „Опытъ", „Обзоръ исторіи славянскихъ литературъ" и „Исторія русской этнографіи" были увѣнчаны академическими преміями. Академія неоднократно поручала ему составленіе рецензій для выдаваемыхъ ею наградъ и еще недавно возложила на него составленіе біографіи покойнаго слависта Котляревскаго. Нынѣ было бы вполнѣ умѣстно и справедливо упрочить эту связь избраніемъ А. Н. Пыпина въ число дѣйствительныхъ членовъ Академіи на вакансію ординарнаго академика во II-мъ Отдѣленіи.

II.

Біографическія свѣдѣнія о преп. Несторѣ Лѣтописцѣ.

Литературные труды Нестора. I. *Чтеніе о житіи и о погубленіи блаженную страстотерпцю Бориса и Глѣба.*

Подлинность Чтенія, время написанія, отношеніе къ лѣтописному разсказу подъ 1015 г. и Сказанію, приписываемому Іакову Мниху.

Источники для изученія текста Чтенія.

Текстъ Чтенія, заимствованный изъ Сильвестровскаго Сбор-

ника Московск. Синодальной библіот., и варіанты — по рукопис.: Казанск. дух. Акад. № 518 (Чет.-Мин. 1494 г.) и 850 (Сборн. конца XV — нач. XVI в.), И. Публ. библ. Q. I. 933 (Сборникъ Житій и Словъ, XVI в.), бывш. б. Царскаго № 87 (XVI в.), Новгор. Софійск. № 1419 (Сборн. XVI в.) и 1321 (Чет.-Мин., XVI в.).

Замѣчанія о литературной сторонѣ памятника.

II. *Житіе преп. Θеодосія Печерскаго.*

Подлинность Житія, время написанія и источники для изученія его.

а) Успенскій Сборникъ XII — XIII в. Открытіе памятника, изданія и языкъ (нѣсколько замѣчаній о палеограф., фонетич., морфологич. и діалектич. особенн.).

б) Кіевопечерскій Патерикъ.

в) Четьи-Минеи: до-Макарьевск. и Макарьевскаго состава.

Несторово Житіе въ Печерскомъ Патерикѣ и Чет.-Минеяхъ: появившіяся въ разное время вставки и объясненіе происхожденія ихъ.

Текстъ Житія по Успенскому Сборн. XII—XIII в. и варіанты по рукописямъ: И. Публ. б. Q. п. I. № 31 (Берсен. сп. Арсеньевск. ред. Печ. Патер.), Новгор. Соф. № 1394, 1364, 1389 (Печ. Патер. Кассіан. первой ред.), Погод. XVI в. № 891, Румянц. Муз. № 305 (Патер. Кассіан. второй ред., XV в.), Новгор. Соф. № 1363, Погод. 893, 896 (Патер. К. второй ред. XVI в.), Моск. дух. Акад. № 597 (Волокол. Чет.-Мин. до-макар. состава) и Новгор. Соф. № 1321 (Макар. Чет.-Мин. за м. май).

Несторово Житіе, какъ историко-литературный памятникъ: источники Житія и историко-бытовой интересъ его.

III. *Повѣсть временныхъ лѣтъ.*

Краткая исторія вопроса о происхожденіи Повѣсти времен. лѣтъ и отношеніи къ ней Нестора, автора Житія Θеодосія Печерск. и Чтенія о Борисѣ и Глѣбѣ.

Данныя за и противъ Нестора, какъ лѣтописца.

Повѣсть временныхъ лѣтъ есть лѣтописный сводъ, а Несторова Лѣтопись — одна изъ составныхъ частей этого свода.

Составъ предполагаемый Несторовой Лѣтописи и общія замѣчанія о литературной исторіи ея, на основаніи сопоставленія списковъ Печерскаго Патерика 1 и 2 Кассіан. редакцій.

а) Сказаніе что ради прозвася Печерск. монастырь;

б) Слово о первыхъ подвижникахъ Печерскихъ;

в) Слово объ обрѣтеніи и перенесеніи мощей преп. Ѳеодосія;

г) Краткія лѣтописныя замѣтки.

Текстъ указанныхъ лѣтописныхъ статей по Лаврент. списку, съ варіантами по Ипат., Радзив. и Академич., а также — по древнѣйшимъ спискамъ Печерскаго Патерика.

Общее сужденіе о Несторѣ какъ древнерусскомъ литературномъ дѣятелѣ.

Словарь къ сочиненіямъ Нестора.

Подробныя библіограф. указанія будутъ даваться въ разныхъ мѣстахъ.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LXVI, № 1.

ОТЧЕТЪ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

за 1897 годъ,

составленный
предсѣдательствующимъ въ отдѣленіи ординарнымъ академикомъ
А. Ө. Бычковымъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1900.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Октябрь 1900 г. Непремѣнный Секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

ОТЧЕТЪ

О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

за 1897 годъ,

составленный Предсѣдательствующимъ въ Отдѣленіи,
Ординарнымъ Академикомъ **А. Ѳ. Бычковымъ**.

Тяжелыми утратами ознаменовался для Отдѣленія русскаго языка и словесности истекающій 1897 годъ. Оно потеряло трехъ своихъ членовъ: двухъ ординарныхъ академиковъ К. Н. Бестужева-Рюмина и Ѳ. И. Буслаева и члена-корреспондента А. Н. Майкова. Эти чувствительныя утраты съ искреннею скорбію были встрѣчены не только членами Академіи, но и всѣми, кому дороги успѣхи знанія и живое русское слово въ нашемъ отечествѣ.

К. Н. Бестужевъ-Рюминъ (род. 18 мая 1829 † 2 января) происходилъ изъ старинной дворянской фамиліи; подъ руководствомъ родителей онъ готовился въ гимназію, до поступленія въ нее уже достаточно зналъ французскій и нѣмецкій языки и, благодаря хорошей и богатой библіотекѣ отца, пріобрѣлъ любовь къ чтенію, которую не покидалъ до послѣднихъ дней своей жизни. На литературное поприще онъ выступилъ,

имѣя 18 лѣтъ отъ роду, тотчасъ по окончанiи курса въ Нижегородской гимназiи. Первыя его статьи, помѣщенныя въ неофицiальной части Нижегородскихъ Губернскихъ Вѣдомостей, уже показывали несомнѣнную талантливость молодого автора. Для довершенiя образованiя онъ прiѣхалъ въ Москву и въ 1847 году поступилъ въ Университетъ на первое отдѣленiе философскаго факультета (нынѣшнiй историко-филологическiй), съ котораго, подъ влiянiемъ прослушанныхъ имъ нѣсколькихъ лекцiй Кавелина, перешелъ на юридическiй. Въ 1851 году онъ кончилъ курсъ кандидатомъ. Съ теплымъ чувствомъ Константинъ Николаевичъ нерѣдко вспоминалъ годы своего пребыванiя въ Университетѣ и говаривалъ, что блистательнымъ лекцiямъ даровитыхъ профессоровъ, бесѣдамъ съ ними, наконецъ, знакомствомъ съ нѣкоторыми лицами, стоявшими внѣ университетскаго круга и принадлежавшими по своимъ взглядамъ и убѣжденiямъ къ двумъ противоположнымъ лагерямъ, онъ обязанъ своимъ умственнымъ развитiемъ, массою прiобрѣтенныхъ положительныхъ свѣдѣнiй и установленiемъ твердыхъ взглядовъ на многiе предметы. По выходѣ изъ университета К. Н. Бестужевъ-Рюминъ провелъ нѣсколько времени въ деревнѣ у Чичериныхъ въ качествѣ домашняго учителя и въ это время прилежнымъ чтенiемъ восполнилъ, по его словамъ, пробѣлы въ своихъ знанiяхъ. По возвращенiи въ 1854 году въ Москву онъ занялъ мѣсто преподавателя въ московскихъ кадетскихъ корпусахъ, а затѣмъ въ 1856 году принялъ на себя обязанности помощника редактора Московскихъ Вѣдомостей и своимъ участiемъ въ литературномъ ихъ отдѣлѣ много способствовалъ ихъ распространенiю и извѣстности. Рядъ напечатанныхъ въ Вѣдомостяхъ статей, имѣвшихъ предметомъ разсмотрѣнiе Смирдинскихъ изданiй нашихъ писателей, и отзывы о вновь появлявшихся въ печати сочиненiяхъ были замѣчены многими. Въ 1859 году въ 1-ой книжкѣ журнала «Критическое Обозрѣнiе» появилась его статья подъ заглавiемъ: «Современное состоянiе русской исторiи какъ науки», написанная по поводу восьми томовъ Исторiи Россiи С. М. Со-

ловьева. Эта статья, не подписанная авторомъ, обратила на себя общее вниманіе, какъ талантливый и безпристрастный опытъ русской исторіографіи въ ея главныхъ чертахъ, а послѣдовавшіе за нею разборы какъ вновь появлявшихся томовъ труда Соловьева, такъ и нѣкоторыхъ другихъ выдающихся сочиненій по отечественной исторіи показали, что, кромѣ обширнаго запаса свѣдѣній, Константинъ Николаевичъ имѣетъ самостоятельный взглядъ на многія явленія прошлой жизни русскаго народа.

Съ переѣздомъ въ 1859 году въ Петербургъ Бестужевъ-Рюминъ принялъ дѣятельное участіе въ редакціи Отечественныхъ Записокъ. Онъ взялъ на себя разсмотрѣніе выходившихъ новыхъ ученыхъ трудовъ и въ своихъ отчетахъ о нихъ, строгихъ, но всегда справедливыхъ, а нерѣдко даже излишне осторожныхъ, старался знакомить общество съ сущностью взглядовъ и направленіемъ разбираемыхъ писателей и попутно возбуждать въ немъ интересъ къ исторіи, которая подъ его перомъ не являлась сборомъ сухихъ, ничего не говорящихъ фактовъ, но живою картиною общественной жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ.

Съ этого времени отечественная исторія сдѣлалась излюбленнымъ предметомъ занятій Константина Николаевича, и на него стали смотрѣть, какъ на выдающагося знатока этого предмета. Въ 1863 году Бестужевъ-Рюминъ выдержалъ экзаменъ на степень магистра, а въ слѣдующемъ году, по предложенію бывшаго министра народнаго просвѣщенія А. С. Норова, былъ избранъ въ члены Археографической Комиссіи. Въ Лѣтописи ея занятій онъ помѣстилъ замѣчательное изслѣдованіе: «О составѣ русскихъ лѣтописей до конца XIV вѣка», за которое былъ удостоенъ С.-Петербургскимъ университетомъ степени доктора русской исторіи. Въ томъ же 1864 году онъ былъ призванъ преподавать отечественную исторію Великому Князю Александру Александровичу и его Августѣйшимъ братьямъ и сестрѣ, а въ слѣдующихъ годахъ онъ занимался этимъ же предметомъ съ другими членами Императорской фамиліи. Въ 1865 году С.-Петербургскій университетъ пригласилъ Бестужева-Рюмина читать

лекціи по русской исторіи въ качествѣ исправляющаго должность доцента. Блестящее, живое изложеніе предмета, широта взглядовъ, способность освѣщать и обобщать факты, въ особенности же читанные имъ спеціальные курсы, поставивъ его въ рядъ замѣчательныхъ университетскихъ преподавателей, доставили ему званіе ординарнаго профессора и снискали ему любовь и уваженіе слушателей, которые въ немъ находили не только профессора, преданнаго всею душою дѣлу, но живого собесѣдника и во многихъ случаяхъ доброжелательнаго совѣтника, съ охотою дѣлившагося съ ними своими знаніями и снабжавшаго ихъ книгами изъ своей богатой библіотеки.

Въ 1872 году вышелъ первый томъ его Русской исторіи, составленный изъ лекцій, читанныхъ студентамъ на спеціальныхъ курсахъ. Этотъ трудъ, оканчивающійся воцареніемъ Іоанна Грознаго, отличается тѣмъ, что въ немъ главное мѣсто отведено изображенію внутренней и духовной жизни русскаго общества. Впослѣдствіи эта Исторія была доведена до воцаренія Дома Романовыхъ.

Но не одному университету отдавалъ Бестужевъ-Рюминъ свое время. Онъ былъ нѣсколько лѣтъ предсѣдателемъ С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества, такъ какъ близко принималъ къ сердцу судьбы угнетенныхъ славянскихъ народовъ на Балканскомъ полуостровѣ; былъ убѣжденнымъ поборникомъ идеи о необходимости развитія въ Россіи женскаго образованія, своимъ горячимъ словомъ и неустанными домогательствами содѣйствовалъ учрежденію высшихъ женскихъ курсовъ и въ первое время былъ ихъ душою; наконецъ, принималъ участіе въ повременныхъ изданіяхъ, помѣщая въ нихъ разныя статьи, преимущественно біографіи писателей и ученыхъ, и разборы книгъ, по чему-либо его заинтересовавшихъ. Біографическія статьи и воспоминанія о нѣкоторыхъ ученыхъ и писателяхъ были имъ собраны и изданы въ 1882 году особою книгою подъ заглавіемъ: «Біографіи и характеристики»; изъ нихъ особенно важна статья: «Василій Никитичъ Татищевъ, администраторъ и историкъ начала XVIII вѣка».

Послѣдствія вынесенной Бестужевымъ-Рюминымъ жестокой болѣзни заставили его покинуть на время Россію, отказаться отъ каѳедры въ университетѣ, для котораго онъ успѣлъ однако подготовить нѣсколько лицъ себѣ въ преемники, и разстался съ учеными занятіями. По возвращеніи изъ-за границы, съ нѣсколько возстановленнымъ здоровьемъ, онъ не могъ оставаться совершенно бездѣятельнымъ; съ 1885 по 1887 годъ съ увлеченіемъ занимался редактированіемъ Извѣстій Славянскаго Благотворительнаго Общества; возобновилъ ученыя работы, но онѣ уже шли не такъ успѣшно, какъ прежде. Въ 1890 году послѣдовалъ выборъ его въ ординарные академики Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Это избраніе его порадовало и нѣсколько оживило; онъ началъ составлять отчеты Отдѣленія, писать рецензіи на книги, представляемыя въ Академію на соисканіе премій, но, къ сожалѣнію, такое оживленіе продолжалось не долго; болѣзнь не уступала лѣченію и вскорѣ привела Константина Николаевича къ могилѣ.

Бестужевъ-Рюминъ не принадлежалъ къ числу узкихъ, сухихъ и одностороннихъ спеціалистовъ. Онъ въ одинаковой степени интересовался литературою и искусствомъ, какъ и движеніемъ исторической науки. Библія, Шекспиръ и Пушкинъ, равно какъ Собраніе лѣтописей и Исторія Карамзина были его настольными книгами. Стихотворенія Пушкина онъ почти всѣ зналъ наизусть и засматривался гравюрами въ изданіяхъ картинныхъ галлерей Западной Европы. Бывъ убѣжденнымъ поклонникомъ Императора Петра Великаго за его преобразовательную и просвѣтительную дѣятельность, онъ не скрывалъ его недостатковъ и старался найти имъ причину; ратовалъ за самобытность Россіи и являлся ярымъ защитникомъ ея отъ нелѣпыхъ нападокъ на нее иностранныхъ писателей и противникомъ захвата иностранцами ея природныхъ богатствъ. Величіе Россіи и распространеніе въ ней просвѣщенія были его задушевною мечтою. Всѣ эти качества, соединенныя съ тѣмъ, что совершено К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ на пользу русской исторической науки, даютъ

ему право занять почетное мѣсто въ исторіи нашего образованія, а въ сердцахъ людей, близко его знавшихъ, сохранится о немъ память, какъ о человѣкѣ въ высшей степени общительномъ и благожелательномъ.

Выдающееся мѣсто въ исторіи нашего умственнаго движенія занимаетъ Ѳедоръ Ивановичъ Буслаевъ (род. 18 апрѣля 1818 г. въ г. Керенскѣ, † 31-го іюля въ подмосковномъ селѣ Люблинѣ). Сынъ керенскаго уѣзднаго стряпчаго, Буслаевъ первоначально обучался дома и въ Пензенской гимназіи, и по окончаніи въ ней курса, послѣ усиленныхъ подготовительныхъ занятій, поступилъ 16-тилѣтнимъ юношею по экзамену въ Московскій университетъ на словесное отдѣленіе философскаго факультета, въ число казеннокоштныхъ студентовъ. Еще на студенческой скамьѣ онъ обратилъ на себя вниманіе профессоровъ своими выдающимися способностями, трудолюбіемъ и представленными имъ сочиненіями. По окончаніи курса въ университетѣ кандидатомъ онъ былъ назначенъ преподавателемъ русскаго языка въ гимназіи, но въ этой должности оставался не долго и по счастливо сложившимся обстоятельствамъ отправился, въ качествѣ воспитателя, за-границу съ дѣтьми бывшаго въ то время попечителя Московскаго учебнаго округа графа С. Г. Строганова. Два года, проведенные Буслаевымъ за-границею, преимущественно въ Италіи, принесли ему огромную пользу. Все свободное время отъ занятій со своими воспитанниками Буслаевъ проводилъ въ тамошнихъ библіотекахъ и музеяхъ, изучая творенія поэтовъ и художественные памятники, и такимъ образомъ пріобрѣлъ обширныя свѣдѣнія по исторіи искусствъ и археологіи и образовалъ эстетическій вкусъ. Возвратясь въ Москву, онъ снова получилъ мѣсто преподавателя въ гимназіи и вскорѣ выступилъ на литературное поприще, которое не покидалъ до послѣднихъ годовъ своей жизни. Среди педагогическихъ занятій онъ выработалъ методъ преподаванія отечественнаго

языка, который изложилъ въ своемъ сочиненіи «О преподаваніи отечественнаго языка». Этотъ методъ, въ основаніи котораго были положены научныя и педагогическія начала, быстро вытѣснилъ господствовавшія дотолѣ схоластику и рутину въ преподаваніи этого первенствующаго въ народномъ образованіи предмета. Это сочиненіе Буслаева обратило на себя общее вниманіе; намѣченные въ немъ впервые многіе вопросы по исторіи нашего литературнаго языка получили дальнѣйшее развитіе въ послѣдующихъ филологическихъ трудахъ по русскому языку.

Въ 1846 году Θедоръ Ивановичъ былъ приглашенъ въ Императорскій Московскій университетъ въ качествѣ сторонняго преподавателя, такъ какъ не имѣлъ ученой степени. Для полученія степени магистра онъ представилъ въ качествѣ диссертаціи свое сочиненіе «О вліяніи христіанства на славянскій языкъ. Опытъ исторіи языка по Остромирову Евангелію». Въ исторіи русской науки эта книга имѣетъ чрезвычайно важное значеніе; она была первымъ опытомъ примѣненія сравнительнаго и историческаго языкознанія къ древностямъ славянскаго языка.

Какъ профессоръ, Буслаевъ въ теченіе многихъ лѣтъ читалъ студентамъ спеціальные курсы, каждый годъ новые. Большую часть этихъ курсовъ, въ видѣ статей, онъ помѣщалъ потомъ въ повременныхъ изданіяхъ, а въ 1861 году, значительно дополнивъ и переработавъ эти статьи, собралъ ихъ въ особое изданіе, вышедшее подъ заглавіемъ: «Историческіе очерки русской народной словесности и искусства». Помѣщенныя здѣсь статьи преимущественно по народной поэзіи, а также по древней русской литературѣ и искусству, заключаютъ въ себѣ массу цѣннаго и любопытнаго матеріала, который впервые былъ обнародованъ и обслѣдованъ Θ. И. Буслаевымъ.

Исторіею древняго русскаго искусства Буслаевъ началъ заниматься послѣ того, какъ прочелъ въ рукописи археологическую монографію графа Строганова о Дмитріевскомъ соборѣ во Владимирѣ на Клязьмѣ. Съ этого времени иконописный по-

длинникъ, лицевыя рукописи и русскій орнаментъ служили матеріаломъ для многихъ его изслѣдованій.

Несмотря на увлеченіе древнею нашею письменностію и русскимъ искусствомъ, Буслаевъ не покидалъ занятій исторіею русскаго языка и считался лучшимъ знатокомъ по этому предмету, и когда І. И. Ростовцевъ предложилъ ему составить для военно-учебныхъ заведеній историческую грамматику церковно-славянскаго и русскаго языка и историческую христоматію, которая должна была состоять изъ памятниковъ языка и памятниковъ словесности, онъ съ большою охотою принялъ это предложеніе. «Опытъ исторической грамматики русскаго языка» (1858 г.) явился въ свѣтъ тому назадъ 40 лѣтъ, выдержалъ пять изданій и, несмотря на новые труды ученыхъ, отчасти дополнившіе, отчасти видоизмѣнившіе положенія Буслаева, еще долго не потеряетъ своего значенія по массѣ собраннаго въ немъ матеріала. Историческая Христоматія церковно-славянскаго и древне-русскаго языка, напечатанная въ 1861 году, была въ то время весьма важнымъ явленіемъ въ наукѣ, такъ какъ въ ней Буслаевъ помѣстилъ много памятниковъ, хранившихся дотолѣ въ рукописяхъ, и такимъ образомъ далъ всѣмъ возможность ими пользоваться.

Въ концѣ 1859 года Буслаевъ получилъ лестное приглашеніе прочесть Государю Наслѣднику Цесаревичу Николаю Александровичу курсъ исторіи русской словесности. Съ любовію и одушевленіемъ онъ исполнилъ это важное дѣло. Обаятельное вліяніе, которое оказывалъ Буслаевъ на студентовъ, отразилось и на покойномъ Цесаревичѣ: въ немъ Ѳедоръ Ивановичъ развилъ любовь къ прошлому Россіи, уваженіе къ памятникамъ нашей старинной письменности и искреннее увлеченіе русскою народною поэзіею.

Въ 1881 году Буслаевъ оставилъ университетъ; 35 лѣтъ съ честію онъ занималъ каѳедру въ нашемъ старѣйшемъ разсадникѣ высшихъ знаній и оставилъ о себѣ свѣтлую память въ своихъ многочисленныхъ слушателяхъ. Нѣкоторые изъ нихъ стали

замѣчательными изслѣдователями судебъ русскаго языка и словесности, другіе начали собирать былины и пѣсни и обогатили литературу сборниками поэтическихъ сокровищъ русскаго народнаго творчества, а иные съ почетомъ занимаютъ университетскія каѳедры и идутъ по стопамъ своего наставника.

Съ выходомъ изъ университета ученая дѣятельность Буслаева не прекратилась. Въ 1884 году явился его громадный трудъ: «Русскій лицевой Апокалипсисъ. Сводъ изображеній изъ лицевыхъ Апокалипсисовъ по русскимъ рукописямъ съ XVI вѣка до XIX в.». Ни въ одной литературѣ нѣтъ сочиненія, въ которомъ бы такъ всесторонне были обслѣдованы и объяснены многочисленные рисунки, украшающіе это произведеніе.

По-прежнему Ѳ. И. Буслаевъ продолжалъ помѣщать свои изслѣдованія, иногда весьма важныя, въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ. Впослѣдствіи они были имъ перепечатаны въ двухъ сборникахъ: «Мои досуги» (1886 г.) и «Народная поэзія» (1887 г.). Такъ какъ нѣкоторыя изъ монографій, помѣщенныхъ въ сборникѣ «Народная поэзія», были напечатаны въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, то самъ Буслаевъ находилъ, что, съ успѣхами науки, ихъ слѣдовало бы не только переработать на основаніи новыхъ матеріаловъ и пособій, но и поставить на другія основы, выдвинутыя новою теоріею взаимнаго между народами общенія въ устныхъ и письменныхъ преданіяхъ; но на это онъ не рѣшился. Впрочемъ, и безъ исправленій эти монографіи сохраняютъ свое значеніе и достоинство.

Въ послѣдніе годы зрѣніе у Буслаева начало слабѣть, и наконецъ онъ его окончательно потерялъ, но, несмотря на это и на тяжкую болѣзнь, его посѣтившую, онъ продолжалъ знакомиться съ новыми произведеніями въ наукѣ и литературѣ, которыя ему читали и на которыя онъ иногда дѣлалъ замѣчанія. Наука была его жизнью, а все остальное, стоявшее внѣ ея, было ему почти чуждо.

Болѣе полустолѣтія Ѳедоръ Ивановичъ неустанно трудился надъ развитіемъ и укорененіемъ народнаго самопознанія; и свое

имя онъ вписалъ на страницы исторіи русской литературы. Она всегда будетъ помнить, что Буслаевъ далъ новое направленіе въ изученіи русской словесности, первый обратилъ вниманіе на многіе памятники древней нашей письменности, которыми до него никто не занимался, первый примѣнилъ къ ихъ изученію сравнительный методъ, первый прилежно занялся исторіею русскаго народнаго пѣснотворчества.

Непосредственнымъ преемникомъ Пушкина и рано погибшаго Лермонтова слѣдуетъ считать А. Н. Майкова (род. въ Москвѣ 23-го мая 1821 года, † 8-го марта); его кончина составляетъ для нашей литературы незамѣнимую утрату. Отецъ его, извѣстный художникъ, принадлежалъ къ старинной дворянской фамиліи, изъ которой вышло много писателей и поэтовъ, между прочимъ духовный писатель XV вѣка, преп. Нилъ Сорскій. Свое дѣтство, до 12-тилѣтняго возраста, Майковъ провелъ въ подмосковной деревнѣ отца близъ Троице-Сергіевой лавры, въ семьѣ, гдѣ все жило наукой и искусствомъ, такъ какъ и мать его писала повѣсти и стихи. Здѣсь онъ полюбилъ русскую природу, русскую деревню, познакомился съ русскимъ народомъ, и впечатлѣнія отъ этого знакомства глубоко запали въ душу ребенка, отражаются на всѣхъ произведеніяхъ Аполлона Николаевича и остались неизмѣнными, несмотря на послѣдующія душевныя наслоенія. Для лучшаго воспитанія сыновей, Майковы переѣхали въ 1834 году въ Петербургъ, гдѣ Аполлонъ Николаевичъ, подъ руководствомъ своего дяди, В. А. Солоницына, человѣка весьма образованнаго и начитаннаго, и И. А. Гончарова, получилъ не только основательное образованіе, но и подготовился къ поступленію въ Петербургскій университетъ, куда и былъ принятъ въ 1837 году на юридическій факультетъ. Исправное посѣщеніе лекцій своего факультета, особенно по Римскому праву и энциклопедіи законовѣдѣнія, въ связи съ занятіями философіей не мѣшали ему посѣщать лекціи и словеснаго факультета и слушать

русскую исторію у Устрялова, всеобщую у Куторги, русскую словесность у Никитенка — все это обогащало его умъ знаніями, а чтеніе лучшихъ произведеній изящной словесности образовывало и развивало его вкусъ. Несмотря на серьезныя занятія въ университетѣ, симпатіи юнаго студента были обращены въ сторону искусства: изъ-подъ его кисти вышла удачная картина Распятіе, а изъ-подъ пера выливались небольшія легкія стихотворенія, обратившія вниманіе Плетнева и Никитенка и удостоившіяся ихъ похвалы. Еще бывъ студентомъ, А. Н. Майковъ напечаталъ въ Одесскомъ Альманахѣ два стихотворенія, и одно изъ нихъ, подъ заглавіемъ: «Ночь», начинающееся стихами:

Когда ложится тѣнь прозрачными клубами
На нивы желтыя, покрытыя скирдами...

было прочитано С. П. Шевыревымъ на лекціи студентамъ Московскаго университета и названо имъ прямо Пушкинскимъ. Бѣлинскій отозвался объ этомъ стихотвореніи также съ большою похвалою.

Въ 1841 году А. Н. Майковъ кончилъ курсъ первымъ кандидатомъ, и съ этого времени начали появляться въ повременныхъ изданіяхъ его стихотворенія, которыя въ 1842 году вышли отдѣльною небольшою книжкою подъ заглавіемъ Стихотворенія А. Н. Майкова. Эта книжка заключала въ себѣ большею частію антологическія его стихотворенія, проникнутыя задушевностію, красивыя по формѣ и звучныя по стиху, и заслужила лестные отзывы критики.

Несмотря на занятія поэзіею, Майковъ не покидалъ кисти, и одно время можно было думать, что онъ свою дѣятельность посвятитъ живописи; но бывшій въ то время министромъ народнаго просвѣщенія С. С. Уваровъ представилъ Государю Императору Николаю Павловичу вышедшую книжку стихотвореній А. Н. Майкова, указалъ на несомнѣнный его талантъ и на необходимость его поддержать и способствовать его развитію, и Государю благоугодно было дать ему средства на поѣздку въ Италію. Плодомъ двухлѣтняго пребыванія Майкова въ этой

классической странѣ искусства и поэзіи, въ которой онъ и изучалъ остатки древности и восторгался дивною природою, былъ рядъ образцовыхъ стихотвореній, вышедшихъ въ 1847 году подъ заголовкомъ: «Очерки Рима». Въ нихъ тонко очерчены картины природы, быта и типовъ тогдашняго Рима. На возвратномъ пути изъ Италіи въ отечество А. Н. Майковъ провелъ зиму 1843 года въ Парижѣ, а оттуда проѣхалъ въ Чешскую Прагу. Знакомство здѣсь съ Ганкою и Шафарикомъ содѣйствовало тому, что онъ съ любовью принялся за изученіе Славянскаго міра, а знакомство съ чешскою поэзіею оставило слѣды на многихъ произведеніяхъ нашего поэта.

Съ возвращеніемъ въ Петербургъ возобновилась литературная дѣятельность А. Н. Майкова; онъ началъ помѣщать въ повременныхъ изданіяхъ стихотворенія; напечаталъ въ 1845 году не помѣщенныя, къ сожалѣнію, въ Полномъ собраніи сочиненій быль «Двѣ судьбы» и поэму «Машенька», хотя онѣ имѣютъ историко-литературный интересъ и хотя въ нихъ встрѣчается много изящныхъ описаній. Въ это же время онъ началъ создавать большую лирическую драму: «Выборъ смерти», теперь извѣстную подъ заглавіемъ «Три смерти». Событія Крымской войны нашли также откликъ въ стихотвореніяхъ Майкова, и имъ была напечатана книжка подъ заглавіемъ: «1854 годъ», гдѣ, между прочимъ, была помѣщена пьеса «Клермонтскій соборъ». Второе путешествіе Майкова за-границу въ 1858 году, по порученію Великаго Князя Константина Николаевича, обогатило русскую литературу нѣсколькими художественными произведеніями; къ ихъ числу относятся «Неаполитанскій альбомъ», Новогреческія пѣсни и стихотворенія, которымъ нашъ поэтъ далъ названіе «Изъ странствованій».

Шестидесятые и семидесятые годы, мало благопріятные для истинной поэзіи, не остановили поэтической дѣятельности Майкова; въ теченіе двадцати лѣтъ непрерывно появлялись его стихотворенія.

Въ 1882 году явилась въ свѣтъ трагедія «Два міра» — ис-

тинно-художественное произведеніе, на выполненіе котораго нашъ поэтъ посвятилъ многіе годы. Изобразить картину борьбы умирающаго языческаго міра съ зарождающимся христіанствомъ было подъ силу такому таланту, какимъ обладалъ Майковъ.

Послѣднія пятнадцать лѣтъ поэтической дѣятельности А. Н. Майкова были ея лучезарнымъ закатомъ, но и въ этотъ періодъ времени онъ подарилъ нашу литературу многими перлами поэзіи.

Извѣстно выраженіе Пушкина: «слова поэта суть уже дѣла его». Оно совершенно справедливо относительно А. Н. Майкова. И впечатлѣнія, полученныя отъ природы и людей во время путешествій, и событія внѣшней и внутренней жизни Россіи, и отношенія самого поэта къ лицамъ, и его взгляды, чувства, тревоги, ожиданія — все это можно прослѣдить въ его стихотвореніяхъ, которыя такимъ образомъ являются поэтическою лѣтописью его жизни.

Напрасно поэтъ въ своемъ посланіи «Моему издателю» сказалъ, что

Онъ жилъ въ самомъ себѣ, писалъ лишь для себя,
Безъ всякихъ помысловъ о славѣ въ настоящемъ,
О славѣ въ будущемъ... Лишь Красоту любя,
Искалъ лишь Вѣчное въ явленьи преходящемъ.

Напротивъ каждый, любящій родную поэзію, повторитъ относительно произведеній нашего поэта начальныя строки его стихотворенія «Перечитывая Пушкина»:

Его стихи читая — точно я
Переживаю нѣкій міръ чудесный —
Какъ будто надо мной гармоніи небесной
Вдругъ понеслась нежданная струя.

Юныя же поколѣнія, заучивая дома и въ школѣ многія прекрасныя стихотворенія поэта, пронесутъ память о немъ въ далекое потомство.

Я не коснулся многаго, что вышло изъ-подъ пера А. Н. Майкова, между прочимъ его историческихъ статей и переложенія

Слова о полку Игоревѣ; не сказалъ ни слова объ его скромной, но многосложной службѣ, которую онъ началъ помощникомъ библіотекаря въ Румянцовскомъ Музеѣ, продолжалъ цензоромъ въ Комитетѣ иностранной цензуры и кончилъ предсѣдателемъ этого Комитета; прошелъ молчаніемъ его литературныя и ученыя связи, отношенія къ нему критики; все это дѣло подробной біографіи, которая дастъ и справедливую оцѣнку его произведеніямъ. Но не могу умолчать въ заключеніи теперь же объ его нравственныхъ качествахъ. Они были столь же прекрасны и увлекательны, столь же отзывчивы ко всему доброму и высокому, какъ и его стихотворенія. Человѣкъ и поэтъ въ немъ слились и прошли жизненный путь рука-объ-руку.

Отъ скорбныхъ воспоминаній объ утратахъ лицъ, которыя посвятили всю жизнь наукѣ и литературѣ, перехожу къ ученой дѣятельности Отдѣленія.

Въ 1897 году продолжались усиленныя работы надъ Словаремъ русскаго языка. Уже въ январѣ мѣсяцѣ Отдѣленіе нашло возможнымъ приступить къ печатанію перваго выпуска второго тома. Корректурные его листы разсылались всѣмъ тѣмъ, кто выражалъ свое согласіе помочь Отдѣленію въ его словарныхъ работахъ, а число такихъ лицъ было весьма значительно. Листы эти возвращались большею частью со многими поправками и дополненіями, значительно увеличивавшими и измѣнявшими первоначальную редакцію. Частью это обстоятельство, значительно замедлявшее печатаніе, частію же и то, что одновременно съ изданіемъ выпуска велись подготовительныя работы ко всему словарю — были причиною того, что выпускъ оконченъ печатаніемъ только къ настоящему дню. Онъ обнимаетъ слова на буквы Е и Ж и доводитъ Словарь до слова *Желтзный*. Редакторомъ этого выпуска Словаря былъ академикъ А. А. Шахматовъ. Непосредственное участіе въ просмотрѣ корректуръ и обсужденіи замѣчаній, которыя предлагали члены Отдѣленія, принималъ

Августѣйшій Президентъ Академіи. Наиболѣе трудностей Отдѣленіе Русскаго языка и словесности встрѣтило при обработкѣ этого выпуска, какъ и перваго тома, — въ точномъ опредѣленіи научныхъ и техническихъ терминовъ. Недостатокъ этотъ, благодаря участію нѣкоторыхъ спеціалистовъ, отчасти устраненъ. Дальнѣйшіе выпуски Словаря будутъ слѣдовать безостановочно.

Съ выходомъ въ свѣтъ перваго тома Литовско-Русско-Польскаго Словаря братьевъ Юшкевичей продолженіе печатанія его, какъ было заявлено въ прошлогоднемъ отчетѣ Отдѣленія, остановилось по случаю внезапной кончины В. И. Юшкевича, котораго Отдѣленіе пригласило для редакціи словаря. Нынѣ продолженіе этого труда Отдѣленіе поручило молодому ученому И. І. Яблонскому, ученику профессора Московскаго Университета Ф. Ѳ. Фортунатова. Въ концѣ ноября г. Яблонскій сообщилъ Отдѣленію, что лѣтомъ онъ провѣрялъ въ Ковенской губерніи тотъ матеріалъ, который собранъ покойнымъ А. Юшкевичемъ. При этомъ онъ записалъ около двухъ тысячъ такихъ словъ, которыя не значатся въ рукописи покойнаго А. Юшкевича, но зато довольно большого числа словъ, помѣщенныхъ въ рукописи, онъ не нашелъ, хотя за лѣто успѣлъ побывать въ разныхъ мѣстахъ Литвы. Довольно подробно онъ изучалъ на мѣстѣ два говора — веліонскій и ольсядскій. Изучая эти и другіе говоры литовскаго языка, онъ нашелъ въ рукописи Юшкевича много ошибокъ какъ въ написаніи самихъ словъ и переводѣ ихъ на польскій и русскій языки, такъ и въ помѣщенныхъ въ Словарѣ литовскихъ текстахъ. Несмотря на все это, г. Яблонскій надѣется въ непродолжительномъ времени приступить къ дальнѣйшему печатанію Словаря, хотя и предвидитъ многія затрудненія.

Въ настоящемъ году оконченъ печатаніемъ подъ наблюденіемъ академика А. Ѳ. Бычкова второй выпускъ второго тома Матеріаловъ для Словаря древне-русскаго языка по письменнымъ памятникамъ, собранныхъ покойнымъ академикомъ И. И.

Срезневскимъ. Этотъ выпускъ оканчивается словомъ пакъ. Нельзя не отнестись съ благодарностію къ члену-корреспонденту Отдѣленія О. И. Срезневской и ея брату Вс. И. Срезневскому за тщательность, съ которою изготовляется текстъ Словаря для печати.

Приближается къ окончанію печатаемый, подъ редакціею академика А. А. Шахматова, Областной Словарь Олонецкаго нарѣчія, составленный Г. И. Куликовскимъ.

Въ 1897 году вышло подъ редакціей академика А. Ѳ. Бычкова четыре книжки Извѣстій Отдѣленія Русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Въ числѣ многихъ статей по языкознанію и исторіи отечественной литературы, помѣщенныхъ въ этомъ повременномъ изданіи, слѣдующія заслуживаютъ быть упомянуты: В. В. Сиповскаго — «Къ литературной исторіи Писемъ Русскаго путешественника (Н. М. Карамзина)»; М. И. Сухомлинова — «А. С. Кайсаровъ и его литературные друзья»; Е. Ѳ. Карскаго — «Западно-русскій сборникъ Императорской Публичной библіотеки, палеографическія его особенности, его составъ и особенности языка»; В. М. Истрина — «Замѣчанія о составѣ Толковой Палеи»; Д. Ѳ. Кобеко — «Опытъ исправленія текста Бесѣды о святыняхъ Царяграда»; Е. А. Ляцкаго — «Нѣсколько замѣчаній къ вопросу о пословицахъ и поговоркахъ».

Въ истекающемъ году вышла въ свѣтъ первая часть второго тома обширнаго труда П. А. Ровинскаго: «Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ». Главную и важнѣйшую часть этого труда составляетъ этнографія, въ которой представлена по возможности самая точная и подробная характеристика черногорскаго народа и его жизнь во всѣхъ сферахъ и отправленіяхъ со всею окружающею ее обстановкою.

Въ этомъ же году отпечатанъ посмертный трудъ академика И. И. Срезневскаго: «Обозрѣніе древнихъ русскихъ списковъ Кормчей книги». Въ этомъ трудѣ заключается: Описаніе четы-

рехъ основныхъ списковъ Русской Кормчей книги Ефремовской, Рязанской, Новгородской и Устюжской, къ которому приложена статья покойнаго академика о Воскресенской Кормчей и присоединенъ сравнительный указатель перевода отдѣльныхъ частей Кормчей. Въ приложеніяхъ помѣщены: Собраніе каноновъ Іоанна Схоластика, Собраніе постановленій въ 87 главахъ, Новеллы, Синтагма въ XIV титлахъ и Законъ судный. Большая часть описаній рукописей и всѣ выписки были вновь провѣрены по подлинникамъ редакторомъ этого труда, сыномъ покойнаго академика В. И. Срезневскимъ.

Оканчивается печатаніемъ первый томъ составленнаго П. В. Шейномъ сборника великорусскихъ народныхъ пѣсенъ, озаглавленнаго: «Великоруссъ въ своихъ пѣсняхъ, обрядахъ, обычаяхъ, вѣрованіяхъ, сказкахъ, легендахъ и т. п.»

Отпечатанъ трудъ епископа Сейнскаго Антонія Барановскаго, подъ заглавіемъ: «Замѣтки о литовскомъ языкѣ и словарѣ».

Приступлено къ печати фотографической копіи съ извѣстной Супрасльской рукописи XI вѣка, содержащей въ себѣ мартовскую Минею-Четью, тщательно и въ высшей степени добросовѣстно провѣренной съ подлинною рукописью С. Н. Северьяновымъ. Веденіе этого изданія поручено г. Северьянову, подъ наблюденіемъ академика А. А. Шахматова.

Слѣдующія изданія, начатыя Отдѣленіемъ въ 1896 году, продолжались печатаніемъ и въ текущемъ: П. В. Шейна — третій томъ «Матеріаловъ для изученія быта и языка русскаго населенія Сѣверо-Западнаго края»; третій томъ «Онежскихъ былинъ, собранныхъ А. Ѳ. Гильфердингомъ»; второй томъ «Изслѣдованій по русскому языку»; «Апокрифическіе тексты», собранные изъ южно-славянскихъ рукописей П. А. Лавровымъ, и составленный С. А. Венгеровымъ: «Списокъ русскихъ писателей и ученыхъ и источниковъ для ихъ изученія», который въ настоящемъ году доведенъ до слова: *Беркутовъ*.

Учено-литературные труды членовъ Отдѣленія были слѣдующіе.

Академикъ А. Ѳ. Бычковъ напечаталъ третьимъ изданіемъ Лѣтопись по Лаврентьевскому списку, въ приложеніяхъ къ которому помѣстилъ: дословную перепечатку изданія Лаврентьевскаго списка, предпринятаго профессорами Московскаго университета Чеботаревымъ и Черепановымъ; рѣдчайшаго, не доведеннаго до конца, изданія Лаврентьевскаго списка, сличеннаго съ пергаменнымъ Троицкимъ спискомъ, сгорѣвшимъ въ 1812 году въ нашествіе Французовъ, и писанное полууставомъ конца XVIII вѣка начало поученія Владимира Мономаха. Сверхъ того онъ былъ занятъ приготовленіемъ къ печати IV тома «Писемъ и бумагъ Петра Великаго». Въ этомъ томѣ будутъ напечатаны документы, относящіеся къ 1706 г. Бо́льшая ихъ часть касается военныхъ дѣйствій въ Польшѣ въ этомъ году, а также Астраханскаго бунта. Особенный интересъ имѣютъ бумаги, относящіяся къ блокадѣ Карломъ XII нашей арміи въ Гроднѣ и ея отступленію изъ этого города. Положеніе нашего войска, запертаго Шведскимъ королемъ въ Гроднѣ, было крайне затруднительно; отступленіе тоже было соединено съ большими опасностями. Благополучнымъ выходомъ изъ Гродны и своимъ спасеніемъ наша армія была вполнѣ обязана распоряженіямъ самого Государя. За 1706 годъ до насъ дошло гораздо бо́льшее число писемъ и инструкцій Петра Великаго, чѣмъ за предыдущіе годы, и новый томъ дастъ богатый матеріалъ для историка царствованія Петра Великаго.

Академикъ М. И. Сухомлиновъ напечаталъ IV томъ Сочиненій М. В. Ломоносова. Въ этотъ томъ вошли сочиненія нашего знаменитаго академика, относящіяся къ области языкознанія, и нѣсколько рѣчей, произнесенныхъ имъ въ торжественныхъ собраніяхъ Академіи Наукъ. Изъ сочиненій по филологіи здѣсь помѣщены: Россійская Грамматика; Разсужденіе о пользѣ книгъ церковныхъ, опредѣляющее взаимное отношеніе двухъ

элементовъ въ языкѣ: церковнославянскаго и русскаго; Указаніе предметовъ для филологическихъ изслѣдованій, изъ котораго видно, что Ломоносовъ считалъ необходимымъ историческое и сравнительное изученіе языка, какъ литературнаго въ его различныя эпохи, такъ и живого, народнаго въ его мѣстныхъ особенностяхъ, и нѣсколько другихъ статей. Изъ рѣчей въ этотъ томъ вошли: Похвальныя слова Петру Великому и Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, слова: О пользѣ химіи, О воздушныхъ явленіяхъ, происходящихъ отъ электрической силы, О происхожденіи свѣта, представляющее новую теорію о цвѣтахъ. Всѣ эти труды снабжены объяснительными примѣчаніями, на составленіе которыхъ уважаемый академикъ употребилъ много труда и времени.

Въ отчетномъ году тотъ же академикъ окончилъ печатаніемъ IX томъ Матеріаловъ для Исторіи Императорской Академіи Наукъ, заключающій въ себѣ извлеченіе изъ протоколовъ Академіи и изъ дѣлъ, хранящихся въ ея архивѣ, за 1748, 1749 и 1750 годы. Къ этому тому приложенъ обстоятельный указатель, который значительно облегчаетъ пользованіе изданіемъ, заключающимъ въ себѣ любопытныя данныя для исторіи нашего просвѣщенія. Такъ напримѣръ изъ журнала 1748 года помѣщена выписка, чтобы профессоръ и исторіографъ Миллеръ, представившій президенту Академіи таблицу родословную Высочайшей фамиліи Ея Императорскаго Величества, ни въ какія родословныя изслѣдованія не токмо Высочайшей фамиліи Ея Императорскаго Величества, но и партикулярныхъ людей, безъ особливаго на то указа не вступалъ и никому бы такихъ родословій, подъ опасеніемъ штрафа, не подносилъ, и трудился бы только въ одномъ томъ, что ему поручено отъ президента или, въ отбытность его, изъ канцеляріи, какъ то изображено въ его контрактѣ.

Своеобразное понятіе о достоинствѣ трагедіи Сумарокова «Гамлетъ» мы получаемъ изъ донесенія В. К. Тредіаковскаго,

которому было поручено ея разсмотрѣніе. Онъ нашелъ ее «довольно изрядною». «Подлинно, — писалъ онъ, — авторъ самую важную погрѣшность, въ первой своей трагедіи Хоревѣ (въ которой порокъ преодолѣлъ, а добродѣтель погибла) въ сей прилѣжно исправилъ, и такъ здѣлалъ, что здѣсь всѣ, въ чемъ главнѣйшая польза отъ трагедіи, пороки истреблены, а добродѣтели торжество, съ великимъ удовольствіемъ сердцу читателеву, законно себѣ получили».

Академикъ А. Н. Веселовскій напечаталъ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія статью подъ заглавіемъ: «Эпическія повторенія, какъ хронологическій моментъ». Продолжая свои работы по исторической поэтикѣ, академикъ обратился къ изученію повтореній, обычныхъ въ народномъ эпосѣ и лирикѣ. На это явленіе смотрятъ, какъ на очень древній стилистическій пріемъ; авторъ видитъ въ немъ, какъ и въ эпической словоохотливости, retardatio, въ постоянныхъ эпитетахъ и обиліи общихъ мѣстъ — признакъ поздняго времени, а повторенія пытается возвести къ механизму стараго народнопѣсеннаго исполненія, хорическаго и антифоническаго, распространяя на эпическій сказъ аналогію антифонизма, широко примѣняющагося и теперь въ народной лирической пѣснѣ. Въ основѣ — повторенія не что иное, какъ захваты стиха или стиховъ отъ одного пѣвца къ другому, ему вторившему, изъ строфы въ строфу; при единоличномъ исполненіи пѣсни, эти захваты очутились формулой повторенія, которой стали пользоваться, какъ стилистической, служащей цѣлямъ психологическаго и художественнаго анализа.

Отрывки изъ «Planctus Italiae», встрѣтившіеся академику Веселовскому въ италіанскихъ сборникахъ съ именемъ Евстахія, составили предметъ его статьи, помѣщенной въ томъ же Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія: «Евстахій изъ Матеры (или Венозы) и его Planctus Italiae». Эти отрывки оказались принадлежащими къ поэмѣ, авторомъ которой былъ Евстахій, одинъ изъ забытыхъ латинскихъ поэтовъ конца XIII

вѣка, предшественниковъ южно-италіанскаго Возрожденія. Академикъ Веселовскій склоненъ отождествить его съ нѣкіимъ Евстахіемъ, о которомъ Боккаччьо зналъ лишь со словъ своего учителя Паоло изъ Перуджіи.

Порученный Академіею А. Н. Веселовскому разборъ книги г. Истрина: «Александрія русскихъ хронографовъ» — далъ нашему академику поводъ пересмотрѣть критически новѣйшія работы по исторіи псевдо-каллисѳенова романа и его многочисленныхъ отраженій въ средневѣковой литературѣ. Важными оказались эѳіопскіе тексты, изданные Бёдшемъ, особенно такъ называемый христіанскій романъ объ Александрѣ, представляющій яркій образецъ христіанизованныхъ Александрій, въ родѣ сербской; генеалогическія отношенія послѣдней, предположенныя авторомъ въ одной изъ предшествовавшихъ работъ, находятъ себѣ параллель и подтвержденіе, и освѣтили новыми данными нѣкоторые изъ переходныхъ разсказовъ, обогатившихъ псевдокаллисѳеновскій текстъ. Вопросъ объ отношеніи Дучипала сербскаго романа (Букефала Псевдокаллисѳена) къ Dulcifal'ю сѣверной саги — не лишній для хронологіи источниковъ сербскаго текста, столь популярнаго въ древней Руси.

Академикъ И. В. Ягичъ, проживающій въ Вѣнѣ, но принимающій дѣятельное участіе въ трудахъ Отдѣленія, напечаталъ въ 1897 году второй томъ «Источниковъ для исторіи славянской филологіи», о которомъ уже упоминалось въ прошлогоднемъ отчетѣ. Въ обширномъ введеніи, которое г. Ягичъ предпослалъ изданнымъ имъ письмамъ, представлена картина замѣчательнаго умственнаго движенія, охватившаго южныхъ и западныхъ славянъ, отчасти въ концѣ прошлаго столѣтія (чехи, сербы), отчасти въ первые годы нынѣшняго (словинцы). Въ разнообразной перепискѣ, которая собрана въ этомъ томѣ, такъ и слышится одинъ общій голосъ, чтобы, наконецъ, и славяне взялись за великое дѣло просвѣщенія своихъ племенъ и народовъ для поднятія уровня образованія, для разра-

ботки отечественной исторіи и для развитія своихъ языковъ и литературъ.

При пособіи Вѣнской Академіи Наукъ И. В. Ягичъ издалъ текстъ хорватскаго перевода Пророковъ по единственному, имъ недавно найденному экземпляру, напечатанному въ Тюбингенѣ. Изданіе вышло подъ заглавіемъ: «Veteris testamenti Prophetarum interpretatio istro-croatica saeculi XVI».

Въ 1896 году академику Ягичу удалось пріобрѣсти нѣсколько славянскихъ рукописей, попавшихъ въ Вѣну съ Востока (онѣ куплены въ Каирѣ). Эти рукописи пожелала отъ него пріобрѣсти наша Императорская Публичная Библіотека, но до передачи ихъ по назначенію нашъ уважаемый сочленъ захотѣлъ познакомить ученый міръ съ ихъ содержаніемъ. Объ одномъ Евангеліи, названномъ, по отмѣткѣ въ рукописи, Евангеліемъ Добромировымъ — оно написано въ предѣлахъ Македоніи въ концѣ XII столѣтія — И. В. Ягичъ представилъ изслѣдованіе въ Извѣстія Вѣнской Академіи Наукъ, въ которыхъ оно вскорѣ будетъ напечатано подъ заглавіемъ: «Evangelium Dobromiri». Гораздо замѣчательнѣе по содержанію другая рукопись — сборникъ средне-болгарскаго письма конца XIII столѣтія, который по подбору Словъ можетъ быть названъ Златоустомъ. Разсмотрѣніе одного текста этого важнаго сборника составило предметъ особой статьи академика Ягича, озаглавленной: «Критическія замѣтки къ славянскому тексту апокрифическаго первоевангелія», которую онъ доставилъ для помѣщенія въ Извѣстіяхъ нашего Отдѣленія и которая появится въ нихъ въ одной изъ книжекъ 1898 года.

По случаю командировки Вѣнскою Академіею Наукъ трехъ южно-славянскихъ ученыхъ для діалектологическихъ изслѣдованій на Балканскомъ полуостровѣ, г. Ягичъ напечаталъ въ Вѣнскомъ академическомъ Указателѣ (Anzeiger) двѣ статьи: а) «Die Aufgabe der Erforschung der südslavischen Dialekte» и б) «Vorläufige Berichte der Balkan-Commission über Dialektforschung

auf der Balkanhalbinsel». Сверхъ того И. В. Ягичъ издалъ XX томъ Архива славянской филологіи (Archiv für slavische Philologie), въ которомъ его статья «О спорныхъ вопросахъ въ славянской филологіи» несомнѣнно обратитъ на себя вниманіе спеціалистовъ.

Дѣятельность академика Л. Н. Майкова была въ нынѣшнемъ году сосредоточена по преимуществу на работахъ по порученному ему критическому изданію Сочиненій А. С. Пушкина. Къ печатанію перваго тома этого изданія приступлено, и оно уже доведено до половины. Интересъ этого тома заключается въ слѣдующемъ: здѣсь должны быть помѣщены прежде всего такъ называемыя лицейскія стихотворенія Пушкина, при чемъ многія изъ нихъ, благодаря тщательному изученію редакторомъ авторскихъ рукописей, явятся въ новомъ, болѣе исправномъ видѣ. Къ сожалѣнію, тяжкая болѣзнь академика Майкова во второй половинѣ года воспрепятствовала ему закончить печатаніе перваго тома къ настоящему дню. По примѣру прежнихъ лѣтъ, Л. Н. Майковъ продолжалъ поиски Пушкинскихъ рукописей и рукописныхъ свѣдѣній о немъ. Въ истекшемъ году имъ сдѣланы слѣдующія пріобрѣтенія: графомъ С. Д. Шереметевымъ доставлено еще одно не напечатанное доселѣ письмо Пушкина къ княгинѣ В. Ѳ. Вяземской, найденное въ принадлежащемъ нынѣ графу Остафьевскомъ архивѣ, а внукой княгини, графинею Е. П. Шереметевой, переданы два весьма интересныхъ письма княгини Вѣры Ѳеодоровны изъ Одессы, относящихся къ тому времени, когда послѣдовала высылка Пушкина въ деревню. Внука псковской сосѣдки Пушкина П. А. Осиповой, М. Б. Карпова, рожденная баронесса Вревская, сообщила двѣнадцать писемъ поэта къ ея бабкѣ и къ ея дядѣ А. Н. Вульфу, между которыми есть и не бывшія въ печати, С. А. Никитенко, дочь покойнаго академика — письмо къ ея отцу, не напечатанное, а П. Я. Дашковъ — два письма къ П. А. Корсакову. Наконецъ, одно письмо Пушкина къ А. Г. Родзянкѣ

получено Л. Н. Майковымъ въ фотографическомъ снимкѣ, при содѣйствіи г. Засядка, изъ библіотеки Императорскаго Харьковскаго университета, а другое письмо, еще не изданное, получено въ такомъ же снимкѣ изъ Краковскаго музея Оссолинскихъ при содѣйствіи профессора И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. Сенаторъ Андр. Ник. Маркевичъ сообщилъ любопытный въ литературномъ и художественномъ отношеніи альбомъ своего отца, литератора 1830-хъ и 40-хъ годовъ и товарища Льва Пушкина по ученію. Въ этомъ альбомѣ нашлись два стихотворенія нашего великаго поэта, давно напечатанныя, но въ особой редакціи.

Всѣмъ этимъ лицамъ, оказавшимъ просвѣщенное содѣйствіе предпринятому изданію, Отдѣленіе выражаетъ живѣйшую благодарность.

Кромѣ занятій по изданію сочиненій Пушкина, академикъ Л. Н. Майковъ помѣстилъ въ Русской Старинѣ статью подъ заглавіемъ: «Княжна Марія Кантемирова», а въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія начало изслѣдованія: «Юность Тредіаковскаго».

Академикъ А. А. Шахматовъ напечаталъ слѣдующія статьи: въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія — «Исходная точка лѣтосчисленія Повѣсти временныхъ лѣтъ»; «Хронологія древнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ сводовъ»; «Древнѣйшія редакціи Повѣсти временныхъ лѣтъ»; въ Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей — «О начальномъ Кіевскомъ лѣтописномъ сводѣ»; въ Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ — «Звуковыя особенности ельнинскихъ и мосальскихъ говоровъ»; въ Извѣстіяхъ II Отдѣленія — «Кіевопечерскій Патерикъ и Печерская лѣтопись» и нѣсколько рецензій на новыя книги. Кромѣ того представилъ обширный разборъ сочиненія профессора Е. Ѳ. Будде «Опытъ историко-сравнительнаго изслѣдованія народнаго говора въ Касимовскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи».

Въ средѣ Отдѣленія возникъ вопросъ о необходимости и своевременности научнаго изданія сочиненій русскихъ писателей въ хронологической послѣдовательности. Планъ такого изданія составленъ и утвержденъ Отдѣленіемъ. Сочиненія каждаго писателя будутъ сопровождаться объяснительными примѣчаніями, а также библіографическими указаніями и біографическими свѣдѣніями о писателѣ. Будутъ допущены и болѣе обширныя изслѣдованія о личности писателя и его литературной дѣятельности. Предположено начать это изданіе съ писателей XI и XII вѣка. Къ XI вѣку отнесены: Леонтій, митрополитъ кіевскій; Лука Жидята; Иларіонъ, митрополитъ кіевскій; Ѳеодосій, игуменъ печерскій; Георгій, митрополитъ кіевскій; Іоаннъ, митрополитъ кіевскій; Іаковъ черноризецъ; Ефремъ, митрополитъ кіевскій; преп. Несторъ; Василій, авторъ сказанія о Василькѣ; Григорій, творецъ канововъ, и относимыя къ XI вѣку анонимныя: слова и поученія, историческія повѣсти и сказанія, и житія святыхъ.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LXVI, № 2.

ОТЧЕТЪ

о

ПРИСУЖДЕНІИ ЛОМОНОСОВСКОЙ ПРЕМІИ

въ 1897 году.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12).
1898.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Августъ 1898 г. Непремѣнный Секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ.*

ОТЧЕТЪ

о

ПРИСУЖДЕНІИ ЛОМОНОСОВСКОЙ ПРЕМІИ,

читанный въ торжественномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 29 декабря 1897 года Предсѣдательствующимъ въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности Ордин. акад. А. Ѳ. Бычковымъ.

Въ настоящемъ году присужденіе Ломоносовскихъ премій предстояло Отдѣленію русскаго языка и словесности. Представлено было на соисканіе два труда: 1) профессора Императорскаго университета св. Владимира Т. Д. Флоринскаго подъ заглавіемъ: «Лекціи по славянскому языкознанію. Часть I (Кіевъ, 1895): I. Введеніе. II. Юго-западные славянскіе языки» и 2) профессора Императорскаго Казанскаго университета Е. Ѳ. Будде: «Къ исторіи великорусскихъ говоровъ. Опытъ историко-сравнительнаго изслѣдованія народнаго говора въ Касимовскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи. (Казань, 1896 г.)».

По порученію Отдѣленія означенныя сочиненія были разсмотрѣны—первое профессоромъ Императорскаго Московскаго университета Р. Ѳ. Брандтомъ, второе академикомъ А. А. Шахматовымъ, которые дали о нихъ слѣдующіе отзывы:

I.

Доставленное на соисканіе Ломоносовской преміи сочиненіе профессора Флоринскаго, говоритъ профессоръ Р. Ѳ. Брандтъ,—представляетъ объемистую книгу, содержаніе которой, какъ опредѣляетъ его самъ авторъ, «характеристика юго-

западныхъ славянскихъ языковъ въ звуковомъ и формальномъ отношеніи, съ указаніемъ важнѣйшихъ данныхъ по исторіи и діалектологіи ихъ»; цѣль ея—прежде всего «оказать посильную помощь студентамъ-филологамъ при изученіи славянскихъ языковъ», а вмѣстѣ съ тѣмъ представить опытъ «подведенія итоговъ современному изученію славянскихъ языковъ». Авторъ, по словамъ рецензента, вообще прекрасно разрѣшилъ поставленную имъ себѣ задачу: хотя онъ самъ и не работалъ въ грамматической области славянской науки, но онъ проявляетъ основательное знакомство съ трудами другихъ ученыхъ и сумѣлъ извлечь изъ этихъ трудовъ все существенное.

Особенное значеніе придаетъ рецензентъ прилагаемой къ отдѣльнымъ главамъ чрезвычайно богатой библіографіи, въ которой почти что нѣтъ упущеній. Эти отдѣлы книги, равно какъ та часть, которая названа введеніемъ, дѣлаютъ книгу г. Флоринскаго очень цѣннымъ руководствомъ для начинающихъ славистовъ. Правда, въ введеніи кое-какія положенія автора вызываютъ на возраженія, но тѣмъ не менѣе здѣсь, какъ и въ другихъ отдѣлахъ книги, г. Флоринскій представилъ въ объективномъ изложеніи все существенное. Въ изложеніи звуковыхъ и формальныхъ особенностей рецензентъ отмѣчаетъ рядъ недостатковъ, легко устранимыхъ при переработкѣ сочиненія: такъ авторъ, вдаваясь въ область діалектологіи, иногда недостаточно выдѣляетъ мѣстныя явленія отъ явленій болѣе или менѣе общихъ; дорожа вообще исторіей языковъ и постоянно приводя изъ нея данныя, авторъ иногда допускаетъ нѣкоторую неосторожность въ своемъ изложеніи; строго различая вообще явленія звуковыя и явленія аналогіи, авторъ иногда подводитъ подъ фонетическій законъ такія явленія, объясненіе которыхъ надо искать во вліяніи аналогіи и т. д.

Кромѣ того г. Флоринскій допустилъ въ своемъ изложеніи нѣсколько неточностей и ошибочныхъ толкованій и данныхъ. Нѣкоторые отдѣлы изложены имъ недостаточно полно, иногда въ книгѣ попадаются недосмотры.

Но всѣ эти недостатки нисколько не могутъ повредить тому общему весьма благопріятному впечатлѣнію, которое производитъ разбираемое сочиненіе. Вотъ почему рецензентъ въ заключеніи своемъ находитъ, что книга г. Флоринскаго заслуживаетъ увѣнчанія Ломоносовскою преміею.

II.

По словамъ академика А. А. Шахматова, трудъ г. Будде тѣснымъ образомъ примыкаетъ къ предшествующимъ работамъ автора: — «Къ діалектологіи великорусскихъ нарѣчій (Варшава 1892)» и «Отчету о командировкѣ въ Рязанскую губернію» (Казанскія Университетскія Извѣстія 1895 года). Изслѣдованіе говоровъ южныхъ уѣздовъ Рязанской губерніи вызвало у г. Будде желаніе познакомиться съ сѣверными уѣздами той же губерніи, а рѣзкія отличія между языкомъ сѣвера и юга побудили его искать границу между этими говорами. Такой границей оказалась рѣка Ока: къ югу отъ нея наблюдается одинъ типъ говоровъ, типъ, описанный авторомъ въ его работѣ 1892 года, а къ сѣверу и сѣверовостоку находятся говоры, особенности которыхъ г. Будде описалъ въ настоящемъ своемъ сочиненіи. Авторъ задался цѣлью связать настоящее одного изъ живыхъ говоровъ русскаго языка съ предполагаемымъ его прошедшимъ, для чего онъ и обратился къ сравнительно-историческому изслѣдованію современныхъ говоровъ и древнихъ памятниковъ языка. Вотъ почему въ изслѣдованіи г. Будде находимъ рядъ экскурсовъ въ область исторіи русскаго языка: для того чтобы объяснить происхожденіе современнаго звукового состава Касимовскаго говора, ему пришлось подробно остановиться на исторіи отдѣльныхъ звуковыхъ явленій, и расширяя свое изслѣдованіе коснуться всѣхъ главнѣйшихъ вопросовъ исторіи нашего языка. Обнаруживъ при этомъ весьма обширныя знанія въ области фактовъ какъ современнаго, такъ и древняго языка, авторъ представилъ рядъ новыхъ въ наукѣ соображеній, разъясняющихъ

историческій процессъ измѣненія звуковъ въ русскихъ говорахъ. Нѣкоторыя изъ этихъ соображеній, равно какъ многія наблюденія надъ современнымъ произношеніемъ, могутъ быть признаны цѣнными вкладами въ науку. Такъ весьма важны соображенія автора, доказавшія, что Касимовскіе говоры—говоры смѣшанные, при чемъ въ основѣ ихъ лежатъ говоры сѣверно-русскіе, подвергшіеся вліянію южно-великорусскихъ говоровъ. Очень любопытны наблюденія г. Будде надъ долгими гласными и дифтонгами Касимовскихъ говоровъ, а также его замѣчанія относительно произношенія многихъ звуковъ въ сѣверныхъ и южныхъ рязанскихъ говорахъ. Рядомъ съ этими положительными сторонами труда г. Будде, въ немъ можно отмѣтить и рядъ недостатковъ, какъ въ пріемахъ изслѣдованія, такъ и въ изложеніи выводовъ. Указавъ на отсутствіе отдѣловъ, посвященныхъ ударенію, склоненію, спряженію и синтаксису, рецензентъ указываетъ на рядъ неточностей и ошибокъ въ изслѣдованіи г. Будде, объясняя ихъ главнымъ образомъ тою поспѣшностью, съ которою онъ работалъ. Все изслѣдованіе г. Будде много бы выиграло, если бы авторъ нашелъ время еще разъ его переработать.

Тѣмъ не менѣе, въ виду того, что главные результаты изслѣдованія г. Будде нельзя не признать цѣннымъ вкладомъ въ исторію русскаго языка, а также въ виду замѣчательнаго трудолюбія, которымъ отличается авторъ, тонкости его наблюденій и тщательности изслѣдованій, рецензентъ находитъ, что недостатки разсматриваемаго сочиненія не могутъ помѣшать Отдѣленію русскаго языка и словесности присудить г. Будде Ломоносовскую премію.

Образованная согласно § 10 правилъ о Ломоносовской преміи Комиссія, состоявшая изъ академиковъ: А. Ѳ. Бычкова, М. И. Сухомлинова и А. А. Шахматова, нашла справедливымъ присудить обоимъ соискателямъ за представленные ими труды Ломоносовскую премію въ половинномъ размѣрѣ каждому. Это поста-

новленіе Коммиссіи Второе Отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ, по ознакомленіи съ поданными рецензіями, единогласно утвердило.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Отдѣленіе постановило выразить профессору Р. Ѳ. Брандту искреннюю признательность за принятый имъ трудъ составленія обстоятельнаго критическаго разбора труда профессора Флоринскаго и присудило ему золотую медаль.

I.

Отзывъ о сочиненіи О. П. **Т. Д. Флоринскаго** „Лекціи по славянскому языкознанію. Часть I. Кіевъ 1895. I) Введеніе. II) Югозападные славянскіе языки (болгарскій, сербохорватскій и словинскій). Кіевъ 1895."

Поданное на соисканіе Ломоносовской преміи сочиненіе профессора **Флоринскаго** представляетъ объемистую книгу, въ 526 страницъ въ большую осьмушку. Содержаніе этой книги, какъ опредѣляетъ его самъ авторъ, «характеристика юго-западныхъ славянскихъ языковъ въ звуковомъ и формальномъ отношеніяхъ, съ указаніемъ важнѣйшихъ данныхъ по исторіи и діалектологіи» ихъ (стр. 35); цѣль ея — прежде всего «оказать посильную помощь студентамъ-филологамъ при изученіи славянскихъ языковъ», а вмѣстѣ съ тѣмъ представить опытъ «подведенія итоговъ современному изученію славянскихъ языковъ». (Предисл., стр. III). Авторъ вообще прекрасно разрѣшилъ поставленную имъ себѣ задачу: хотя онъ самъ и не работалъ въ грамматической области славянской науки, но онъ проявляетъ основательное знакомство съ трудами другихъ ученыхъ и сумѣлъ извлечь изъ этихъ трудовъ все существенное.

Послѣ введенія, въ 44 страницы, посвященнаго изложенію краткихъ свѣдѣній по этнографіи Славянъ и по классификаціи ихъ языковъ, а также по сравнительному языковѣдѣнію въ отношеніи его къ славянской филологіи, авторъ отводитъ 143 стра-

ницы болгарскому языку, 191 — сербохорватскому, и 140 — словинскому, или словенскому[1]).

Въ изложеніи отдѣльныхъ языковъ соблюдается слѣдующій порядокъ: 1) говорится объ изученіи даннаго языка, объ имѣющихся по нему работахъ, 2) о занимаемой имъ площади, 3) объ историческихъ судьбахъ его, 4) о звуковыхъ особенностяхъ его, съ особымъ изложеніемъ вопроса объ акцентовкѣ, 5) о формовыхъ особенностяхъ и 6) о неизмѣняемыхъ словахъ, къ чему затѣмъ присоединяются 7) свѣдѣнія о нарѣчіяхъ и говорахъ. Нѣсколько нарушая этотъ порядокъ, авторъ иногда уже въ другихъ отдѣлахъ предвосхищаетъ діалектическія данныя — чего впрочемъ едвали можно было избѣжать. Самый порядокъ однако кажется рецензенту несовсѣмъ удачнымъ: географическія данныя естественнѣе было бы поставить на первое мѣсто, а свѣдѣнія объ историческихъ судьбахъ, а также объ изученіи разсматриваемаго языка лучше бы было отвести къ концу, такъ какъ для чтенія ихъ желательно уже нѣкоторое знакомство съ этимъ языкомъ — по крайней мѣрѣ необходимо умѣніе читать, и непремѣнно слѣдовало выдвинуть впередъ графику. Что касается графики, то, кромѣ изложенія ея въ текстѣ, было бы хорошо приложить сравнительную таблицу различныхъ азбукъ, въ коей могли бы найти себѣ мѣсто и такія явленія, какъ мадьяризующія начертанія szvent, idanste, cslecse у Семиградскихъ болгаръ (стр. 188—189), какъ литовское ė въ duktė (стр. 12), которыми студенты могутъ затрудниться. (Отчасти такому требованію удовлетворяютъ таблицы сербохорватскихъ письменъ, на стр. 242—243).

---

1) Употребленіе этого названія въ первомъ, а не во второмъ видѣ (по замѣчанію самого Ф., стр. 381, пр., болѣе правильномъ), во избѣжанье совпаденія съ обычнымъ названіемъ языка угорскихъ Словаковъ, который далеко не всѣ рѣшаются называть «словацкимъ», можно считать удачнымъ: получаемое при томъ новое совпаденіе съ кашубскими словинцами не представляетъ серьёзнаго неудобства; впрочемъ особенно бояться смѣшенія южной словенской рѣчи съ сѣверною приходится лишь тому, кто говоритъ, какъ Ф., о словацкомъ «языкѣ», вм. словацкаго или словенскаго «нарѣчія» чехословацкаго языка.

Авторъ вообще соблюдаетъ должную мѣру и въ томъ, что, и въ томъ, какъ излагать; хотя для первоначальнаго ознакомленія со славянскими языками я лично предпочитаю еще болѣе сжатое и менѣе спеціальное изложеніе: съ каѳедры курсы вѣроятно и читались въ болѣе краткомъ видѣ, ибо отдѣльные языки, съ тѣми подробностями, съ какими они разсматриваются въ разбираемой книгѣ, едва ли могли умѣститься въ учебныя полугодія — развѣ, если вовсе не читалось образцовъ.

Не особенно нужною представляется рецензенту часть введенія: можно было нисколько не вдаваться въ область сравнительнаго языкознанія, потому что при объясненіи явленій живыхъ славянскихъ языковъ естественно ограничиться сопоставленіемъ съ «нашимъ санскритомъ» (стр. 35) — языкомъ староцерковнымъ. Мысль эту, въ указанномъ мѣстѣ, выражаетъ и нашъ авторъ, а затѣмъ проводитъ ее на дѣлѣ[1]). Дѣйствительно, сравненіе съ литовскимъ и съ другими родственными языками, нужное въ курсѣ староцерковнаго языка, при разсмотрѣніи остальныхъ славянскихъ языковъ можетъ быть полезнымъ лишь въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ (напр. по вопросу о русской, польско-лужицкой и полабско-кашубской огласовкѣ плавно-чистыхъ созвучій: город, gród, gord, gard и т. п.). Въ частности должно признать излишнею попытку (стр. 12) въ немногихъ строкахъ дать изложеніе нѣкоторыхъ «характерныхъ безспорныхъ особенностей славянскаго праязыка», . . . составляющихъ притомъ «главнѣйшія отличія его отъ ближайше родственнаго ему языка литовскаго». Въ этомъ изложеніи кое-что выражено такъ неясно и неточно, что можетъ быть понято лишь тѣмъ, кто и самъ уже знаетъ въ чемъ дѣло: таково упоминаніе вскользь о какихъ-то сочетаніяхъ ар, ал, ер, ел и о существованіи въ литовскомъ

1) Иногда впрочемъ онъ, безъ надобности, отъ нея отступаетъ, возводя напр. сербское окончаніе -ху не только къ -хѫ, но далѣе къ -хѫт и -хонт, окончаніе -ше, кромѣ -шѧ еще къ -хѧ и -хент (стр. 322): самъ же онъ, на стр. 340, говоритъ, что *е* въ клéти и т. п. восходитъ къ носовому гласному, развившемуся еще въ доисторическое время.

языкѣ «простого прошедшаго, такъ называемаго Praeteritum», тогда какъ въ немъ «нѣтъ аориста, а имперфектъ—позднѣйшаго образованія». Относительно «исчезновенія согласныхъ съ конца словъ и слоговъ» въ такой связи надо было оговорить, что оно въ большинствѣ случаевъ есть уже славяно-литовское явленіе; упоминая о «замѣнѣ первичнаго s черезъ ch», слѣдовало бы указать въ какомъ положеніи она замѣчается, также «перехода первичныхъ k и g, gh въ s и z» неудобно касаться, не входя въ нѣкоторыя подробности на счетъ двоякости (можетъ быть, и большаго еще разнообразія) праязычныхъ k и g. Впрочемъ авторъ могъ здѣсь имѣть въ виду, что читатели его нѣсколько знакомы со сравнительнымъ языковѣдѣніемъ, и что имъ въ данномъ мѣстѣ не сообщается совершенно новыхъ свѣдѣній, а только напоминается о вещахъ уже извѣстныхъ.

Во введеніи вызываетъ на возраженіе еще классификація славянскихъ языковъ, на стр. 2—3. Можно считать неоспоримымъ, что словацкая рѣчь находится въ подобномъ же отношеніи къ чешской, кашубская—къ польской, какъ малорусская—къ великорусской; имѣя въ виду эту несомнѣнную аналогію, нашему автору не слѣдовало бы говорить о «языкахъ» словацкомъ и кашубскомъ, а о «нарѣчіяхъ». Пробѣломъ въ его классификаціи является отсутствіе языка староцерковнаго (полабскій, хотя тоже мертвый, включенъ въ нее): Флоринскій мотивируетъ это (стр. 16) тѣмъ, что «о генетической связи его съ другими славянскими языками нельзя сказать ничего опредѣленнаго и положительнаго» и что «трудно указать для него подходящее мѣсто» (мысль повторяемая и на 29 стр.); однако онъ самъ нѣсколько выше склонялся на сторону болгарскаго происхожденія староцерковнаго языка, а въ томъ, что это языкъ югозападной группы, до сихъ поръ никто не сомнѣвался[1]).

При изложеніи звуковыхъ и формальныхъ особенностей ав-

1) Послѣ (на стр. 182) Флоринскій мѣтко указываетъ на черты, сближающія «съ книжнымъ языкомъ солунскихъ уроженцевъ Свв. Кирилла и Меѳодія» именно южно-македонскій (костуро-солунскій) говоръ.

торъ иногда, забѣгая въ область діалектологіи, недостаточно выдѣляетъ мѣстныя явленія отъ явленій болѣе-менѣе общихъ. Такъ онъ (стр. 73) говоритъ, что ѫ у Болгаръ перешелъ въ одинъ изъ глухихъ звуковъ ѫ, ъ, или въ одинъ изъ чистыхъ *а*, *о*, *у*, *е*. Полагаю, что здѣсь слѣдовало выдвинуть переходъ ѫ въ глухой, какъ основное явленіе, и лишь въ видѣ оговорки указать на проясненіе его въ *а* и въ *о*. Тѣмъ болѣе второстепенную роль играетъ замѣна ѫ черезъ *у*, которую самъ Флоринскій признаётъ сербизмомъ (стр. 74), и появленіе на мѣстѣ его *е*, каковое замѣчается лишь въ глагольныхъ окончаніяхъ (областныя македонскія моге, иде, думахе, се = сѫть, плетет, паднет = -тѫть, -нѫть: стр. 74 же) и должно быть объясняемо вліяніемъ мягкихъ окончаній, гдѣ ѭ перешелъ въ ѩ и въ *е*, на твердыя[1]). Дѣйствительно звуковую особенность представляетъ тетевенское ӓ (своеобразный глухой, только похожій на *е* — «глухо-гърлено дълго *е*»): мӓш, пӓт, гӓба, скокнӓх (стр. 75), которое, на мой взглядъ, совсѣмъ не «стоитъ въ связи» съ только что упомянутымъ македонскимъ *е*. Въ сербо-хорватскомъ (стр. 245) замѣною ъ и ь, кромѣ *а*, правда болѣе рѣдкою, признаётся и *е*, тогда какъ, если не считать кайкавщины, такая замѣна имѣется лишь въ единичныхъ случаяхъ: приводимыя здѣсь стѐгно и пра̏ведан, кажется, единственныя въ своемъ родѣ. (Изъ нихъ первое можно объяснить примѣненіемъ въ глаголу стѐгнути и сравнить съ польскимъ ściȩgno, а второе должно быть слово книжнаго происхожденія, съ церковною—русскою, или иною—огласовкою). Начальное сочетаніе јн въ сербскомъ языкѣ—какое-нибудь и̓кальское ји̏сти, или чакавское ји̏х,—не слѣдовало бы ставить на одну доску съ обычными сочетаніями ја, је, ју, какъ сдѣлано на стр. 266 и 273. Краткость гласныхъ, помимо конечнаго слога, въ словинскомъ языкѣ существуетъ лишь какъ мѣстное явленіе, что̀ отмѣчаетъ и самъ Флоринскій (стр. 409 и 420), но онъ все-таки говоритъ иногда о краткости—видимо, о восточно-штирійской, по Миклошичу,—

1) Думахе сохраняетъ въ своемъ *е* аористный ѫ, и окончаніе его возникло путемъ сдѣлки между аористнымъ -шѫ и имперфектнымъ -хѫ.

гдѣ обыкновенная рѣчь представляетъ долготу: приводитъ напр. gôba, tôča, jěčmen, zêt, mèhek (стран. 412), kôza, vôda (421), nîti (459), slâdek, tânek, glôbok (469); иное, напр. мѣстный пад. mèni, творный nàmi — стр. 461 — должно быть простыя опечатки. Не только «рѣдкая» у Болгаръ, но и чисто мѣстная форма ми, мие (мы) напрасно внесена въ парадигму, на стр. 107. Безъ оговорки рядомъ съ обычными формами поставлены сербскія областныя ка̊ми и ка̀м, пла̀м, крѐм, стр. 295, гдѣ, кстати замѣтить, недостаетъ формы пра̊м.

Отличаясь вообще достаточной полнотой, разбираемая книга представляетъ все-таки нѣкоторые, болѣе-менѣе значительные пробѣлы: такъ не указано (стр. 109) способности болгарскихъ притяжательныхъ мѣстоименій моя, мое, твоя, твое, своя, свое сокращаться въ мой, твой, свой; не отмѣчено (стр. 116—117): рѫцѣ́, нозѣ́, очи́ и уши́ (крака́ и рога́ есть, но толкуются иначе); на стр. 138, также нигдѣ въ другомъ мѣстѣ, нѣтъ указанія на сокращенныя формы настоящаго, въ-родѣ игра́й, желѣ́йте вм. игра́е, желѣ́ете, и на безсложное *й* вм. *е* (есть); не упомянуто (стр. 139) о своеобразномъ (описательномъ) выраженіи для отрицательнаго велительника у Болгаръ: не дѣ́й пи́са и т. п.; не указано (стр. 144, п. 1) нѣкоторыхъ формъ болгарскаго будущаго, а именно основного его вида штѫ̀ да пи́шѫ и штѫ̀ пи́шѫ съ измѣненіемъ по лицамъ обоихъ глаголовъ, — тамъ же недостаетъ указанія на буд. глагола быть — штѫ бѫ́дѫ и штѫ съ́м, которое впрочемъ приводится ниже, какъ составная часть будущаго совершеннаго и вошло въ парадигмы на стр. 146; говоря о сербской замѣнѣ *ѣ* гдѣ черезъ *е*, гдѣ черезъ *и*, гдѣ черезъ *ије* и *је*, авторъ не упомянулъ о количественномъ и акцентномъ соотвѣтствіи между ве̏ра, ви̏ра и вје̏ра, цвêт, цвûт и цвиjет, гнéздо, гни́здо и гнијèздо; не упомянуто также о югозападномъ *ре* вм. *рје* = *рѣ*, послѣ согласныхъ: пре-, брѐза, бре̏ђ (впрочемъ на стр. 275 говорится о «выпаденіи» ј въ словахъ гре̏шан, бре̏мена); въ статьѣ о долготѣ и краткости сербскихъ гласныхъ (стр. 261 — 264) не отмѣчено Миклошичева закона о правильномъ

соотвѣтствіи количества и ударенія плавно-чистыхъ созвучій у Сербовъ ихъ русскому акцентованію: го̍род — гра̂д, воро̍на — вра̏на, борода̍ — бра́да и т. п.; упомянувъ особо — видимо, въ противуположность болгарскому языку — «о сохраненіи» въ сербскомъ языкѣ «неопредѣленнаго наклоненія», непремѣнно слѣдовало указать также на сходную съ болгарскою замѣну его: хо̀ħу да̀ идѐм и т. п.; приведши инфинитивъ ри̏јети вм. рѐħи, авторъ забылъ привести прич. ри̏јевши вм. рѐка̂вши; отмѣтивъ въ словинскомъ языкѣ существованіе широкаго и узкаго *е* (стр. 415 — объ *о* говорится нѣсколько иначе и несовсѣмъ вѣрно), Флоринскій не указалъ на значеніе широкаго выговора, какъ свойственнаго слогамъ съ оттянутымъ удареніемъ: žéna, séstra (съ ä), а также и vώda, kώza (съ *о* въ-родѣ русскаго) = русскимъ жена̍, сестра̍, вода̍, коза̍, — не сдѣлалъ онъ этого и на стр. 434, гдѣ въ примѣчаніи упоминается объ употребленіи Валявцемъ знаковъ è и ò (служащихъ именно для обозначенія этихъ е̍ᵃ и о̍ᵃ); въ связи съ послѣднимъ пропускомъ находится другое упущеніе — игнорированіе женскаго и средняго рода, равно какъ остальныхъ падежей неопредѣленнаго прикладка dóber (стр. 460): dώbra, -ro, -rega и т. д., отличныхъ отъ dóbra, -ro, -rega и т. д. къ dóbri (таковы же zeléna, -no, -nega и т. д. къ zélen, при zeléni, -na, -no, -nega); въ статьѣ о словенскихъ мѣстоименіяхъ не упоминается о несклоняемомъ ki и его любопытномъ соединеніи съ третьеличнымъ мѣстоименіемъ: kὼnj, ki ga sem prodàl, člώvek, ki mu úpam.

Также на счетъ ударенія, которому отведено довольно много мѣста, замѣчаются нѣкоторыя неисправности. Такъ не отмѣчено своеобразной акцентовки зовнаго падежа: баритонность его у Болгаръ (въ парадигмахъ, правда, есть же́но, при жена́; но тамъ же мнѣ неизвѣстныя и подозрительныя смърте́ и власте́, стр. 124 и 123) и обычность въ немъ у Сербовъ однослогового ударенія (̏ или ̑), при двуслоговомъ удареніи другихъ падежей — впрочемъ Флоринскій пишетъ jѐлене (стр. 293); не отмѣчено также (стр. 312) акцентованія превосходной степени: на̑јмлаħӣ, најновијӣ

и т. д.; не указано правила, что, при слабомъ удареніи на корнѣ въ единственномъ числѣ настоящаго, множественное полагаетъ восходящее на примѣту (у éстевыхъ глаголовъ не всегда), напр. ло̀ми̑м—ломи́мо, вјѐнча̑м—вјенча́мо, плѐте̑м—плете́мо или плѐте̑мо: у самого Флоринскаго есть въ парадигмѣ гребе́мо, пече́мо, куне́мо (его зо̀ве̑мо, стр. 341, если не вовсе ошибочно, то по крайней мѣрѣ имѣетъ при себѣ и зове́мо; бјѐжимо, -ите, стр. 353, погрѣшность вм. бјежи́мо, -и́те)[1]). Не совсѣмъ рѣдки частные недосмотры относительно ударенія, напр. отсутствіе его: безъ акцентовъ написаны че̏творо, -о̀рица војни́ка̑ (314), причастія ми̏вен, ри̏вен, шивен, обу̏вен, наду̏вен, одѐвен (345), на стр. 270—273 нѣтъ ни одного акцента, не обозначено ударенія также на словенскихъ реченіяхъ možjé (453), Matíja, nóhet, péčat, gospód (454), besedí (род. мн., 458), на глагольныхъ формахъ začnèm, objámem и др. (стр. 488). Не разъ встрѣчается и невѣрное обозначеніе ударенія (обыкновенно должно быть по опечаткѣ): пеко́х, бодо́х рядомъ съ не́сох (149)—господствуетъ произношеніе пе́кох, бо́дох, а съ другой стороны возможно и несо́х; вм. сербскихъ те́ле (249), ма́гла (252), же́на (254), до̀ћи (283), под гла̏ву (тмж.), s teškun múkun (291), свѐдока̑ (292), ко̀ња̑, ко̀ньма и ора́чи! (294), пије́сак, о̀вном и проси́лаца (295), но́зи (298), кћерју (300), ши̏рок, ду̏бок, ви̏сок, ле̏п, мно̀го, ви̑ше̑ (312), хва́љен (319), нужно тѐле, ма̀гла, жѐна, до́ћи, по̏д гла̏ву, s tèškun mùkun, сведо́ка́, ко́ња̑, ко̏ньма, о̑ра̄чи, пијѐсак, о́вном, про̀сила̂ца̂[2]), но̀зи, кће̑рју, ши̏рок, ду̏бок, ви̏сок, ле̑п, мно̏го, ви̑ше, хва̑љен; по-словенски читаемъ ошибочную акцентовку tríje (470), hvalím (475), zraven hišé и zoper bratá (499) и др.

Упущеніемъ считаю также отсутствіе во многихъ случаяхъ перевода приводимыхъ словъ, напр. слѣдовало перевести болгарскія хо́ра-та (104), и́скам (126), тий се хранѫт много добрѣ (145), люлѣ́ѭ (160), дра́штѫ, гра́чѫ (161), броѭ́, купу̏вам,

1) Объ упущеніи относительно акцентовки сербскаго ђ и плавно-чистыхъ созвучій упомянуто выше, стр. 13—14.

2) Или можетъ быть про̏сила̄ца̄.

хвѐрлям, ра́ждам (164), дѣ́лам (165), ду́мам, дока́рам, вѝкам, пѐрскамъ, пу́кам (166), сербскія: џамија, џин (244), туђи, грађа, кућа, срећа (268), ра̂ван, -вни, смр̂зао, прѐгибао, на̏зе̄бао (299), Камо те се да видете¹), словинскія: sъmъn, kъbъl (409), nogaz (413), britof, fant, ofer (428), lonec, rajniš (445), rob (453), vaj гориц. (458²), donêti и molêti (496), se mudí (497), izpod klopí (499) и мн. др. Изрѣдка имѣющійся переводъ оказывается неточнымъ или прямо ошибочнымъ: ства̑р слѣдуетъ переводить не дѣло, а вещь (298), поду̀врјети не значитъ подталкивать, а подпереть, поднять (рычагомъ), у̀врјети — не сгибаться, а проскользнуть (sich hineinschmiegen, arcte perlabi), на̀врјети — не хотѣть, а налечь, напереть: mit Gewalt durchwollen, vi perrumpere velle—хотѣть должно быть и есть опечатка вм. хотѣть прорваться (стр. 340), о̀книти надо переводить окрасить, а не просто красить, за̀днити не значитъ основывать, а вбить дно въ бочку: bödmen, fundo instruo (стр. 352).

Почти что нѣтъ упущеній, насколько рецензентъ замѣтилъ, въ прилагаемой къ отдѣльнымъ главамъ чрезвычайно богатой библіографіи, изъ коей онъ самъ узналъ кое-что новое: онъ прибавилъ бы только, на стр. 10, книгу Габеленца — Gabelentz, Die Sprachwissenschaft, Leipzig 1891, на 44—журналъ Indogermanische Forschungen, а въ числѣ грамматическихъ трудовъ по словенскому языку — Левстика: Fr. Levstik, Die slovenische Sprache nach ihren Redetheilen, Laibach 1866. Здѣсь однако было бы желательно, чтобы авторъ помогалъ неопытному читателю разобраться въ массѣ указываемыхъ ему сочиненій: хорошо бы было давать болѣе точныя свѣдѣнія о содержаніи и о достоинствѣ этихъ книгъ — хотя, правда, иногда трудно сдѣлать это въ двухъ-трехъ словахъ. Впрочемъ во многихъ случаяхъ

---

1) Ка̏мо те се да̀ видӥте свѐга хва̑љенѐг сѝна — Куда вы дѣвались, идите смотрѣть на св. хв. с. В. Ст. Караџић, Српске народне приповијетке, У Бечу 1870, стр. 64.

2) Должно быть это опечатка вм. гај, усѣченной разновидности приводимаго на стр. 456 «raji (=rogi)».

было бы легко прибавить краткую оговорку, напр. отмѣтить, что Даничичевъ Сербскій синтаксисъ (стр. 192 и 198) содержитъ только науку о падежахъ, и что языковѣдные труды Микуцкаго (стр. 39) совершенно ненаучны.

Нѣкоторое излишество представляетъ обиліе парадигмъ. Положимъ, образцы склоненій и спряженій полезны, особенно для справокъ; но въ нихъ слѣдовало бы выдѣлить какимъ-нибудь способомъ, напр. особеннымъ шрифтомъ, тò, чтò дѣйствительно своеобразно въ данномъ языкѣ. Несомнѣнно излишними считаю, порой довольно длинные, списки глаголовъ, слѣдующихъ тому или другому образцу (напр. на стр. 346—347): вѣдь эти образцы почти всегда тѣ же, чтò и въ русскомъ языкѣ. Излишнимъ вторженіемъ въ словарную область являются перечни нарѣчій, предлоговъ, частицъ и междометій, изъ коихъ стоило отмѣтить развѣ немногіе, любопытные по составу, или по употребленію, напр. серб. нарѣчіе сȅноћ вечоръ, сербскіе предлоги уз, код, словенскій предлогъ raz (притомъ первое слово надо было поставить подъ мѣстоименіемъ сај, какъ сдѣлалъ Миклошичъ въ своей Морфологіи).

Дорожа вообще исторіей языковъ и постоянно приводя изъ нея данныя, авторъ нашъ кое-гдѣ допускаетъ нѣкоторую неисторичность въ своемъ изложеніи: болгарское *дам*, *ям*, говоритъ онъ (стр. 137) происходятъ изъ *дадм*, *ядм*, тогда какъ выпаденіе *д* есть уже праславянское явленіе; серб. мо*л*ба онъ выводитъ изъ основного мо*ль*ба (245), тогда какъ послѣднее дало мо̀ба, мо́ба, а теперешнее мо*л*ба очевидно образовано вновь къ глаголу мо̀лити, въ такое время, когда никакого *ь* уже не существовало (также и въ приводимыхъ на стр. 204 словахъ бȉјел, цȉјел, дȉјел, ȁнђелка и т. д. *л* вовсе не «остается неизмѣннымъ», а былъ возстановленъ, или же внесенъ въ новое слово по образцу родственныхъ); явно вторичныя формы въ родѣ твор. п. ženúm, откуда потомъ -ún (=ženú, т. е. женѫ,+m, взятый у окончанія -om), вовсе не могутъ служить «нѣкоторымъ подтвержденіемъ» предположенія, что носовое *о* сначала перешло въ носовое *у*, а

потомъ уже въ чистое *у* (стр. 249); группы *тл* и *дл* въ дjе̏тла, сѐдло (гдѣ выпалъ глухой) напрасно поставлены на одну доску съ *тл* и *дл* въ плѐла и па̏ла (270); смягченіе *к*, *г*, *х* въ *ц*, *з*, *с* и въ *ч*, *ж*, *ш*, также *ц*, *з*, *с* въ *ч*, *ж*, *ш*—явленіе не болгарское, сербское и словенское, а уже праславянское (стр. 92, 94, 271, 272, 428, 429) и сохраняется, а иногда и распространяется за первоначальные предѣлы лишь по преданію; праславянское выпаденіе *в* послѣ *б*, сказывающееся въ сербскихъ о̏бича̄j, о̏бла̂ст, напрасно приводится въ связь съ дѣйствительно сербскимъ выпаденіемъ его въ цр̑љен (стр. 275); st вм. tt и dt (plésti, slâst) развилось не у Словинцевъ (стр. 426), а уже у Славяно-литовцевъ. Все это, надо полагать, хорошо знаетъ и самъ Флоринскій, но ему слѣдовало это и высказать. Сюда же относится и ученіе объ устраненіи зіянія и о вставочныхъ *j*, *в*, *н* (стр. 87, 265, 423): би̏-j-ем, мй-в-ен, k njému и т. п.—зіяніе, если вообще здѣсь устранялось, то не въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ, а въ праславянскомъ, или еще ранѣе; иное дѣло серб. у̏во вм. у̏о, ухо, ти̏jо вм. ти̏о, тихо. Особенно странно говорить про horror hiatūs у Болгаръ, которые (особенно Македонцы) такъ часто выпускаютъ *j*, *в*, *х*, а подъ-часъ и другіе согласные.

Относительно звуковыхъ законовъ нашъ авторъ держится нѣсколько свободнаго, по-моему ошибочнаго, взгляда: онъ не задумывается выводить болг. мѫ, тѫ, сѫ, фонетически изъ мѧ, тѧ, сѧ, «въ эпоху смѣшенія юсовъ» (108), не затрудняется объяснять болг. *я*, въ причастіяхъ оставя, сенувая, спая изъ -ѩ (стр. 129), тогда какъ тутъ не обойтись безъ вліянія косвенныхъ падежей, вродѣ пишѫшта, навязавшихъ именительному свой ѫ; онъ допускаетъ, что въ окончаніи множнаго перволичья -ме *е* просто приставлено для отличія отъ единичныхъ формъ и́мам, ду́мам (стр. 134); онъ принимаетъ, что глагольная наставка -ив- (=-ыв-) «образовалась изъ -ов-»: казйвати изъ казо̀вати (350); онъ утверждаетъ, что хо̀тjети «можетъ терять *о*» (355), тогда какъ хтjе̏ти конечно равно староцерк. хотѣти; онъ говоритъ (стр. 423) объ отпаденіи *о* въ biskati (сопряженномъ съ перемѣ-

ной глагольнаго вида?!), тогда какъ тутъ произошелъ звуковой передѣлъ: ob-iskati расчленилось въ народномъ сознаніи на o + biskati, что̀ и породило простое biskati; онъ не затрудняется возводить b въ botr кумъ, = нѣм. Gevatter, къ km, отождествляя, очевидно, botr съ kmotr (стр. 429); онъ полагаетъ, что восточноштирійскія и угрословенскія bremen, sêmen, vrêmen, plemen «сохраняютъ» звукъ n (стр. 457), который, разумѣется, былъ въ нихъ возстановленъ по образцу косвенныхъ падежей.

Иногда сообщенія (можетъ быть отчасти лишь способъ изложенія) нашего автора страдаютъ нѣкоторою неточностью: сохраненіе безударнаго *o* въ болгарскомъ зо̀вникѣ: сва́то, ко́нчо и т. п., не есть областная особенность (какъ утверждаетъ Флоринскій, стр. 82, вслѣдъ за Калиною[1]), а чуть ли не общеболгарская; онъ безъ оговорки сообщаетъ намъ (стр. 138), что «у [болгарскихъ] глаголовъ, принимающихъ въ 1 л. ед. ч. *м* (преимущ. въ западн. гов.) и въ этой формѣ выступаютъ гласные *е*, *и*», напр. бе́рем, го́ним, при обыкновенныхъ берѫ́, го́нѭ, — тогда какъ существуютъ также бе́рам, го́ням, т. е. берѫ, гонѭ + м: подобныя формы (стри́жям, пе́чям, ста́нам, зна́ям) онъ самъ приводитъ на стр. 180. На 138 стр. есть и другая неточность: игра́я поставлено въ число западно-болгарскихъ (особенно македонскихъ) формъ, хотя она должно быть общеболгарская, что авторъ и оговариваетъ ниже, стр. 161, впрочемъ нѣсколько страннымъ образомъ, отнесши собственно-азовый глаголъ игра́ѭ, вмѣстѣ съ копа́ѭ, сѣдла́ѭ и вѣнче́ѭ къ глаголамъ азово-іотовымъ. Невѣрно замѣчаніе (стр. 238), что Вукъ составилъ словарь и грамматику и издавалъ памятники народнаго творчества на южно-штокавскомъ нарѣчіи: вѣдь у него представлены всѣ нарѣчія (говоры). Говорить о замѣнѣ въ сербской э̀кавщинѣ звука *ѣ* «широкимъ» *е* едвали правильно, — впрочемъ авторъ здѣсь должно быть имѣлъ въ виду указать на сравнительную съ русскимъ выго-

1) Ant. Kalina, Studyja nad historyją języka bulgarskiego, Kraków 1891, Cz. I, str. 141. (Rozprawy Wydziału filologicznego Akademii Umiejętności, t. XIV—XV).

воромъ твердость согласныхъ. Объясненіе, что гдѣ въ старославянскомъ, русскомъ и польскомъ языкахъ необходимо широкое *ы*, вм. него въ сербо-хорватскомъ слышно узкое *и* (стр. 250) не совсѣмъ точно: конечно, сравнительно съ русскими *ы* является болѣе узкій звукъ, но вѣдь сравнительно съ русскимъ *и* сербское довольно широко, такъ какъ сходно съ нѣмецкимъ і. Относительно словинскаго *е* сказано, что оно можетъ звучать «какъ твердое *е*, соотвѣт. старослав. є: bere̱m, ide» (415), — въ дѣйствительности безударное *е* звучитъ глуховато, въ-родѣ нѣмецкаго краткаго *е*, каковое произношеніе едва ли существовало въ староцерковномъ. Труберовское смягченіе k въ otróci дѣти (стр. 456) вовсе не представляетъ его особенности, а донынѣ есть общесловинское. 3-ье лицо повелит., внесенное у Флоринскаго, какъ и у Миклошича, въ парадигму (стр. 479), кажется, не «иногда», а обыкновенно выражается описательно.

Кое-гдѣ въ разсматриваемомъ сочиненіи встрѣчаются и явные недосмотры. Такъ въ числѣ словъ съ носовымъ выговоромъ гласныхъ (стр. 72) стоятъ пришлыя шке́мбе, ма́нджа, транда́фил, бенди́сам; сербскія мѣстники стра̀ху, бре́гу приводятся (стр. 79), вслѣдъ за Калиною, какъ случаи чередованія долготы—стра̑х, бре̑г—съ краткостью, тогда какъ бре́гу содержитъ долгое *е*, а стра̀ху, т. е. стра̀у (также стра̏ха = стра̏а и т. д.) представляетъ сокращеніе гласнаго передъ гласнымъ; при исходиштихъ водамъ Болон. пс., тоже воспроизводимое (стр. 102) изъ Калины[1]), вовсе не случай смѣшенія падежей, а правильная, древняя конструкція (= при исходиштихъ водъ); сохраненіе у Сербовъ группы *дс*, которая «не переходитъ въ *тс*: градски, одслужити» (274), только правописная непослѣдовательность — Будмани, съ согласія самого Караджича, сталъ писать *ц* вм. *дс*; приводя (на стр. 313) сперва двје̏ста, дви̏је хи̏љаде, а потомъ двѐма (дви̏ма), авторъ сбивается съ одного говора на другой; примѣръ petélin, petelína пѣтухъ, рядомъ съ plámen-plaména

1) Kalina, Studyja, Cz. II, str. 111.

(стр. 435), неумѣстенъ, такъ какъ аналогиченъ русскому господи́н, -и́на, исполи́н, -и́на (акцентовка формы petélin—оттяжечная). Совсѣмъ странно якобы словинское to nebylo pravda (стр. 480): nebylo нельзя считать опечаткой вмѣсто ní bilo, ибо тогда здѣсь не замѣчалось бы опущенія помогальнаго глагола, о каковомъ именно идетъ рѣчь.

Мѣстами въ разбираемой книгѣ есть и прямыя невѣрности. Знакъ условнаго наклоненія бы не представляетъ случая смѣшенія ы съ и (стр. 62); въ написаніяхъ кде и древле (Болон. пс.) и процъвтетъ (Погод. пс.) не слѣдуетъ видѣть «воспроизведенія» *ѣ* черезъ *е* и *ь* (стр. 77), напротивъ, они довольно правильны[1]). Появленіе *ер* вм. *ър* у Болгаръ въ извѣстныхъ случаяхъ, а именно послѣ шипящихъ (черно, червено, желт), есть болѣе-менѣе общее явленіе, и приводимыя на стр. 86 церно, червено (Скопье, Щипъ) замѣчательны лишь по своему *ц*. Рало вовсе не произошло изъ орало, путемъ отпаденія *о* (стр. 95), а содержитъ корень ра=ar: рало болѣе древняя форма, и орало надо объяснять примѣненіемъ къ инфинитиву орати, который можетъ быть и самъ замѣнилъ существовавшее когда-то рати,=литовскому árti, подъ вліяніемъ настоящаго орѭ (орало, правда, читается уже въ Ассеманіевомъ ев., Л. IX, 62). Безсложнаго члена *т* (стр. 109, 113 и 119) положительно не существуетъ (или, пожалуй, не существуетъ члена *т* безъ предшествующаго окончанія *ъ*, *а*, либо *о* у имени): мой-тъ, злодѣй-тъ, младий-тъ только другое написаніе вмѣсто моя-тъ, злодѣя-тъ, младия-тъ; болгарская множина̀ кра̀ка́, рога́ не образована «по аналогіи именъ средняго рода» (стр. 116), а представляетъ остатокъ двойнаго числа; болгарское будущее, насколько мнѣ извѣстно, никогда не выражается просто совер-

1) Подобныя ошибки встрѣчаются въ описаніяхъ памятниковъ у Изм. Ив. Срезневскаго—упоминаю о нихъ здѣсь не въ упрекъ покойному, а въ нѣкоторое оправданіе нашему автору. Ошибочное толкованіе условника бимь, впрочемъ, во время Срезневскаго не было предосудительнымъ, а стало имъ лишь послѣ объясненія этой формы Ягичемъ и мною. Толкованіе это было дано уже Шереромъ (Wilhelm Scherer, Zur Geschichte der deutschen Sprache, Berlin 1868, str. 207, во 2-мъ изданіи, 1878 г.,—327), но прошло тогда незамѣченнымъ.

шеннымъ видомъ, какъ утверждаетъ Флоринскій, на стр. 143; звукъ *ы* совсѣмъ не чуждъ Сербо-лужичанамъ, какъ говорится на стр. 256. Польскаго слова blcha (стр. 260) нѣтъ, а есть pchła; упоминаемое тамъ же krzest, по свидѣтельству Линде, дѣйствительно встрѣчается вмѣсто ходячаго chrzest. По-чешски ударяемый слогъ вовсе не «обыкновенно бываетъ долгимъ» (стр. 262). Неясно и невѣрно объясненіе старосербскихъ формъ граħамь, Дубровчами, Височахь (стр. 296), гдѣ молъ «передъ *м*, *х* предполагаютъ *н* (отъ суффикса *ин*), которое уподобилось предшествующему согласному». Ствáрма вм. ствáрима (стр. 299) не представляетъ потери *и*, а болѣе архаическое окончаніе *ма*=ь м (а). Двије ȍчи не есть слѣдъ употребленія двѣ въ среднемъ родѣ (стр. 313), такъ какъ двоинȁ очи по-староцерковному женскаго рода. Ѣ въ велительномъ наклоненіи не происходитъ изъ ei (какъ Флоринскій, на стр. 323, повторяетъ за Миклошичемъ), а изъ oi. Энклитики mi, me, mu въ приводимыхъ на стр. 436 предложеніяхъ «Mi je písal moj gospód, Me prevzétnost zapeljá, Mu srcé se vnélo je» вовсе не носятъ фразнаго ударенія, а представляютъ нерѣдкую (по указанію Матвѣя Март. Мурки[1]) постановку словенскихъ безударокъ въ началѣ рѣчи.

Отмѣчу еще иногда не совсѣмъ складную передачу славянскихъ мѣстныхъ и личныхъ именъ: Керкъ вм. сербскаго Крк (218, 223, 225), что̀, правда, встрѣчается и индѣ, но никуда не годится (я пишу Коркъ); странно написаніе Ирѣчекъ черезъ ѣ (229): вѣдь это Jireček по-русски было бы Юрочекъ (Юрочка); странны также Навратиль (385), Весель-Косескій (406), Каства, вм. Каставъ (230—Kastáv,-ȁva Неманичъ), Вальявецъ (195, 385, 434, 502), вм. -ля-, Скаляръ вм. Скаларъ, или лучше Скаларь (417, 426, 427, 444)[2]). Не разъ встрѣчается передача h черезъ

1) Enklitike v slovenščini. II del: Skladnja. Napisal dr. Matija Murko str. 31—34. Letopis Matice Slovenske za leto 1892.

2) Противъ довольно установившейся формы Копитаръ я не спорю, хотя самъ пишу Копытарь (Kopitar, -rja, что̀ значитъ колодочникъ, отъ kopito

г вм. *х*: Стро*г*аль (195), Бо*г*оричъ (381, 404), Маркъ По*г*линъ (382), Бо*г*инское нарѣчіе (503,—504 -х-), *Го*ложане вм. *Ха*ложане (397): населенная ими мѣстность на стр. 478 названа, правда, съ *х*, но тоже не совсѣмъ вѣрно: Халоз*а* вм. -з*ы*. Часто мы вм. словенскихъ мѣстныхъ названій читаемъ нѣмецкія: являются говоры Гайтальскій (собственно Гай*лъ*тальскій), стр. 410, 442, 448, Розентальскій, стр. 410, 448, Яунтальскій, 448, 452, и лишь впослѣдствіи (стр. 503—504 и сл.) мы узнаёмъ, что пославянски это говоры Зильскій (на Зилѣ), Рожневскій (на Рожнѣ) и Юнскій. Также нѣмецкія Рейсницъ (нужно Рей*ф*ницъ, стр. 424) и Велдесъ (нужно Фелдесъ, стр. 447 и 448) только потомъ превращаются въ Бледъ (510) и въ Рыбницу (526: 507 какъ славянская форма этого названія указано Рыбни*къ*).

Иныя изъ отмѣченныхъ въ этомъ разборѣ погрѣшностей, какъ отчасти ужъ и оговорено въ своемъ мѣстѣ, могутъ быть просто опечатками. Опечатокъ въ книгѣ профессора Флоринскаго, къ сожалѣнію, довольно много: гораздо больше, чѣмъ отмѣчено въ концѣ ея, причемъ есть опечатки весьма существенныя, напр. наше дет*о* да го загубила (113) вм. дет*е*, на Госпо́да (115) вм. на Го́спода [1]), Стойк*ани* вм. -к*ини* (123—8 разъ), Сам*а*ковъ вм. Сам*о*- (140), Петър не се об*ла*ча чисто (145), вм. -*ли*ча, Appendini Francesco Mari*o* вм. Mari*a* (197), Sulek вм. Š- (210), Vet*l*er вм. Vet*t*er (212), «Вѣроятно, это двойное ѣ» (старосербское) «обозначаетъ *а*» (226) — очевидно пропущено «долгое», Al*a*sia de Sommaripa два раза (413 и 416) названъ Al*u*sia (419—вѣрно).

Въ настоящемъ разборѣ указано довольно много мелкихъ недосмотровъ и неисправностей въ разсматриваемой книгѣ, однако въ общемъ она должна быть признана весьма полезнымъ

копыто, колодка). Замѣчу кстати, что не мѣшало бы указать (стр. 193) на тождество Академика В. Ягича съ Игнатіемъ Викентьевичемъ Ягичемъ. (Ватрославъ=Игнатій).

1) Нѣкоторыя другія опечатки относительно ударенія отмѣчены выше, стр. 13 и 15.

пособіемъ при научномъ изученіи славянскихъ языковъ, восполняющимъ крупный пробѣлъ въ нашей учебной литературѣ, и, какъ таковое, по моему мнѣнію, заслуживаетъ увѣнчанія Ломоносовскою преміею.

Москва, 1 Октября 1895 г.

Романъ Брандтъ.

II.

Евгеній Будде. Къ исторіи великорусскихъ говоровъ. Опытъ историко-сравнительнаго изслѣдованія народнаго говора въ Касимовскомъ уѣздѣ, Рязанской губерніи. Казань 1896 г. 377 стр. + II стр.

Авторъ настоящаго изслѣдованія Евгеній Θедоровичъ Будде, профессоръ Казанскаго университета, давно уже пріобрѣлъ почетную извѣстность цѣлымъ рядомъ сочиненій по исторіи русскаго языка и русской литературы. Среди нихъ наиболѣе выдаются: работа, посвященная изученію нѣсколькихъ говоровъ Рязанской губерніи — «Къ діалектологіи великорусскихъ нарѣчій» (Варшава 1892 г.) и «Отчетъ» о командировкѣ въ Рязанскую губернію (Казанск. унив. изв. 1895 г.). Эти два сочиненія тѣснѣйшимъ образомъ примыкаютъ къ настоящему труду: изслѣдованіе говоровъ южныхъ уѣздовъ Рязанской губерніи вызвало у Е. Θ. желаніе познакомиться и съ сѣверомъ губерніи, а рѣзкія отличія между языкомъ сѣвера и юга побудили его искать границу между этими говорами: такой границей оказалась рѣка Ока. Къ югу отъ нея наблюдается одинъ типъ говоровъ, типъ, описанный авторомъ въ его работѣ 1892 года, а къ сѣверу и сѣверовостоку находятся говоры, типичныя особенности которыхъ Е. Θ. описалъ въ настоящемъ трудѣ. Имъ обслѣдованъ лѣтомъ 1895 года рядъ селеній къ сѣверу и сѣверовостоку отъ Оки, Спасскаго — преимущественно же Касимовскаго уѣзда, а также нѣсколько

селеній того же Касимовскаго уѣзда къ югу отъ Оки. Приложенная къ изслѣдованію карта отмѣчаетъ всѣ деревни и села, гдѣ успѣлъ побывать г. Будде, а также тотъ путь, котораго онъ держался. Нелишне отмѣтить здѣсь же, что говоръ Касимовскаго уѣзда напомнилъ Е. Ѳ. нѣкоторыя характерныя особенности говоровъ Вятской губерніи, отмѣченныя Далемъ, Колосовымъ и другими изслѣдователями: вотъ почему лѣтомъ 1896 года имъ была предпринята поѣздка въ Нолинскій, Слободской, Орловскій и Котельническій уѣзды Вятской губерніи. Связавъ такимъ образомъ Касимовскіе говоры съ семьей сѣверновеликорусскихъ говоровъ, г. Будде въ настоящее время занятъ вопросомъ о ближайшемъ отношеніи ихъ, а также другихъ рязанскихъ говоровъ, къ южновеликорусской семьѣ: вѣроятно, это побудило его предпринять въ этомъ году поѣздку въ Тульскую и Калужскую губерніи. Я потому упомянулъ обо всѣхъ этихъ трудахъ Е. Ѳ. на почвѣ изслѣдованія русскаго языка, что онъ среди представителей науки о родномъ языкѣ успѣлъ занять видное и почетное мѣсто: рѣдкій изъ нихъ обогатилъ въ такой значительной степени наши знанія о живыхъ русскихъ говорахъ, какъ г. Будде, мало кто такъ хорошо и разносторонне знакомъ съ народною рѣчью. Въ этомъ отношеніи Е. Ѳ. является прямымъ преемникомъ Колосова, хотя несомнѣнно, что въ своихъ трудахъ по діалектологіи, и даже въ первой своей работѣ о рязанскихъ говорахъ, онъ обнаружилъ гораздо болѣе тщательности и, если можно такъ выразиться, лингвистическаго такта, чѣмъ покойный профессоръ Варшавскаго университета. Но если г. Будде имѣлъ предшественниковъ въ работахъ по наблюденію за живыми говорами и даже въ попыткахъ систематическаго описанія ихъ, то настоящее его сочиненіе, подлежащее нашему разбору, является единственнымъ и пока совершенно одиноко стоящимъ въ нашей ученой литературѣ: авторъ задался цѣлью связать настоящее одного изъ русскихъ говоровъ съ предполагаемымъ его прошедшимъ, для чего онъ обратился къ историко-сравнительному изслѣдованію современныхъ говоровъ и древне-

русскихъ памятниковъ. Это изслѣдованіе дало возможность г. Будде притти къ цѣлому ряду научныхъ выводовъ и положеній: изъ нихъ нѣкоторые настолько общаго характера, что, можетъ быть, станутъ со временемъ достояніемъ исторіи русскаго народа, а другіе уже теперь заняли подобающее имъ мѣсто въ исторіи русскаго языка.

Выдающіяся достоинства труда г. Будде обязываютъ рецензента съ особенною тщательностью отмѣтить въ немъ какъ то, что является положительнымъ вкладомъ въ науку, такъ и тѣ промахи и недостатки, неизбѣжные, впрочемъ, во всякомъ самостоятельномъ изслѣдованіи, которые невольно останавливаютъ вниманіе на страницахъ книги, относящейся къ капитальнѣйшимъ работамъ въ области исторіи русскаго языка. Рѣшаюсь подробно остановиться на достоинствахъ и недостаткахъ изслѣдованія Е. Θ.; мое уваженіе къ автору и къ его труду побуждаетъ меня высказаться по поводу ряда вопросовъ, неудовлетворительно, какъ мнѣ кажется, разрѣшенныхъ въ разбираемомъ сочиненіи. Кромѣ того не могу пройти молчаніемъ нѣкоторыхъ замѣченныхъ мною недостатковъ въ методѣ и пріемахъ изслѣдованія г. Будде.

Въ виду этого я разбиваю настоящій разборъ на три части: въ первой я буду говорить объ общихъ недостаткахъ въ изслѣдованіи Е. Θ., во второй остановлюсь на тѣхъ положеніяхъ его, съ которыми я не могу согласиться; наконецъ, въ третьей части я сдѣлаю краткій обзоръ тѣхъ результатовъ изслѣдованія почтеннаго автора, которые привели меня къ убѣжденію въ томъ, что онъ далъ намъ цѣнный вкладъ въ науку о русскомъ языкѣ.

I.

1. Нельзя не пожалѣть о томъ, что авторъ остановился почти исключительно на фонетической сторонѣ изслѣдуемыхъ говоровъ. Судя по обѣщанію, данному въ предисловіи (с. 11), и нѣкоторымъ ссылкамъ въ самомъ сочиненіи (стр. 71, 83 и др.),

мы ожидали найти въ книгѣ г. Будде отдѣлы, посвященные морфологіи и синтаксису говоровъ Касимовскаго уѣзда. Вмѣсто этого мы на стр. 197—199 находимъ указаніе на употребленіе члена, нѣкоторыхъ мѣстоименій, а также перечень формъ, уклоняющихся отъ формъ литературнаго нарѣчія. Врядъ ли авторъ разумѣлъ подъ обѣщанными «Морфологіей» и «Синтаксисомъ» этотъ краткій перечень формальныхъ и синтактическихъ особенностей. Благодаря отсутствію отдѣла, посвященнаго ученію о формахъ, автору пришлось говорить о многихъ формальныхъ явленіяхъ въ отдѣлѣ фонетики и это, какъ мнѣ кажется, весьма вредно отразилось на нѣкоторыхъ частяхъ его книги.

2. Автору можно поставить въ упрекъ недостаточно точное разграниченіе явленій фонетическихъ и морфологическихъ. Непонятно, почему на стр. 103 появленіе аны́, адны́ вм. они́, одни́ разсматривается среди случаевъ звукового колебанія между гласными *ы* и *и*: самъ авторъ говоритъ, что аны́, адны́ образовались не фонетическимъ путемъ, а по аналогіи съ прилагательными[1]; между тѣмъ на стр. 104, вслѣдъ за примѣрами формъ оны, яны, ены изъ сѣвернорусскихъ и бѣлорусскихъ говоровъ, мы читаемъ фразу: «но въ этомъ вопросѣ о звукахъ *ы* и *и*, повидимому, еще въ общерусскомъ языкѣ игралъ какую-то особую роль звукъ р». Но развѣ колебаніе *ы* и *и* въ одны—одни стоитъ въ какомъ бы то ни было отношеніи къ «вопросу *о звукахъ* ы и и»? Ниже на стр. 108 туды́, суды́ объясняются фонетически изъ тудѣ, судѣ черезъ посредство предполагаемыхъ туди, суди: конечно, это обмолвка со стороны Е. Ѳ., которому хорошо извѣстно изъ русскихъ говоровъ и изъ другихъ славянскихъ языковъ, что эти и подобныя имъ нарѣчія на *ы* такъ же древни и первоначальны, какъ родственныя по образованію нарѣчія на *ѣ* и на *а* (ср. чешск. kdy, ondy, польск. kiedy и т. д.).

На стр. 109 въ число случаевъ, гдѣ дѣйствительно замѣ-

---

1) Я думаю, что оны, одны вм. они, одни явились такъ же, какъ всѣ, моѣ вм. вси, мои; сады, люди вм. сади, людье, т. е. представляютъ вытѣсненіе формы им. мн. ч. формою вин. мн. ч.

[illegible]

[illegible] фонетическаго происхожденія, г. Будде на стр. [illegible] упоминаетъ [illegible] я увѣренъ, что авторъ не нуждается въ моемъ указаніи на то, что мой, свой, также какъ землёй, семьёй, заимствуютъ свое [illegible] изъ формъ съ твердой основой: [illegible] и т. д. Но зачѣмъ же было говорить о подобныхъ формахъ въ фонетикѣ? Отвѣтъ мы найдемъ все въ томъ же обстоятельствѣ, что авторъ, увлекшись звуковыми особенностями касимовскихъ говоровъ, не отвелъ должнаго мѣста особенностямъ формальнымъ; не желая умолчать о томъ или другомъ любопытномъ отличіи касимовскихъ говоровъ въ области формъ, онъ насильственно включалъ ихъ въ рубрики фонетическихъ явленій.

3. Я думаю, что отчасти въ этомъ виновато и то обстоятельство, что Е. Θ. не отдалъ себѣ яснаго отчета о томъ, что слѣдуетъ разумѣть подъ выраженіемъ «звуковой составъ» извѣстнаго говора. Первая часть изслѣдованія озаглавлена: «Звуковой составъ народныхъ говоровъ въ Касимовскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи»; ей противополагается вторая часть, гдѣ говорится объ отношеніи касимовскихъ говоровъ къ другимъ русскимъ говорамъ «по звукамъ». Въ этой второй части мы видимъ изслѣдованіе о томъ, какъ и когда образовалось то или другое фонетическое явленіе, описанное въ первой части. Отсюда ясно, что авторъ хотѣлъ въ первой части ограничиться описаніемъ звуковъ касимовскихъ говоровъ, не касаясь ихъ происхожденія: дѣйствительно, нѣкоторыя

главы первой части строго придерживаются задуманнаго плана и даютъ весьма обстоятельное описаніе звуковъ изслѣдуемыхъ говоровъ. Но и въ нихъ мы видимъ, что звуки разсматриваются не сами по себѣ и не только въ зависимости отъ различныхъ фонетическихъ положеній, но также въ зависимости отъ положенія въ томъ или другомъ словѣ или въ той или другой формѣ слова. Такъ на стр. 82 находимъ указаніе на то, какъ произносится звукъ *а* при соединеніяхъ имени съ членомъ (какъ домӑ-т), при чемъ тутъ же сказано нѣсколько словъ о вѣроятномъ происхожденіи гласной въ такомъ положеніи. Я думаю, что въ описаніи звукового состава говора, если вслѣдъ за тѣмъ предполагается дать изслѣдованіе о происхожденіи этого звукового состава, слѣдовало бы ограничиться точнымъ описаніемъ звуковъ самихъ по себѣ, а также указаніемъ на фонетическія положенія, гдѣ встрѣчаются эти звуки и на звуковыя отличія, зависящія отъ различныхъ фонетическихъ положеній. Происхожденіе звуковъ, а тѣмъ болѣе формъ, надо оставить при этомъ въ сторонѣ. Г. Будде къ сожалѣнію не провелъ ясной границы между описаніемъ звуковъ (1-ая часть) и изслѣдованіемъ о ихъ происхожденіи (2-ая часть), вслѣдствіе чего уже съ III главы 1-ой части мы найдемъ рядъ отступленій въ область не только исторіи русскаго языка, но даже литовско-славянскаго и индоевропейскаго прошлаго (напр. на стр. 191). Такъ напр. я не понимаю, почему интересныя указанія на данныя древнерусскихъ памятниковъ о взаимномъ отношеніи звуковъ в и ў не перенесены изъ первой части (стр. 163—166) во вторую, гдѣ приводятся такія же данныя изъ памятниковъ и изъ живыхъ говоровъ (стр. 303 и сл.). Вслѣдствіе невыдержанности плана сочиненія, мы найдемъ въ книгѣ г. Будде не мало совершенно излишнихъ повтореній: они затемняютъ изслѣдованіе и мысли автора, иногда весьма любопытныя и достойныя болѣе цѣльнаго и яснаго изложенія.

4. Мы охотно бы помирились съ отсутствіемъ въ книгѣ г. Будде отдѣловъ Морфологіи и Синтаксиса, если бы, какъ указано выше, случайное, несистематическое разсмотрѣніе тѣхъ

или другихъ формъ не вносило путаницы въ изложеніе фонетики, не прерывало изслѣдованія фонетическихъ явленій. Сосредоточивъ все свое вниманіе на звуковой сторонѣ описываемыхъ говоровъ, авторъ представилъ рѣдкій по полнотѣ обзоръ фонетики живой рѣчи. Къ сожалѣнію въ этомъ обзорѣ недостаетъ главы объ удареніи: изъ записей г. Будде и изъ нѣкоторыхъ отрывочныхъ его замѣчаній видно, что объясненіе нѣкоторыхъ явленій ударенія прибавило бы нѣсколько типическихъ чертъ къ характеристикѣ касимовскихъ говоровъ. Между прочимъ обращаютъ на себя вниманіе формы 1 л. ед. ч. наст. вр., какъ то́пю, во́пю, ко́рьмю, ру́бю, образованныя, какъ указываетъ г. Будде, подъ вліяніемъ формъ прочихъ лицъ настоящаго времени (стр. 174), при чемъ остается невыясненнымъ, возможны ли рядомъ ударенія какъ топю́, карьмю́, ср. приведенное на стр. 133: носю́. Самъ авторъ очевидно сознаетъ важность изслѣдованія нѣкоторыхъ явленій ударенія: такъ мы видимъ у него попытку связать долготу окончанія ой (ай) въ им. ед. муж. р. именъ прилагательныхъ (ср. стр. 221 и 371 — 374) съ удареніемъ. Попытку эту ни въ коемъ случаѣ нельзя назвать удачной: сравненіе русскаго языка съ сербскимъ ясно показываетъ, что уже въ общеславянскомъ языкѣ замѣчалось колебаніе въ удареніи именъ прилагательныхъ (ср. сербск. свѐтӣ и свȅтӣ, крàткӣ и крȃткӣ, тѐшкӣ и тȇшкӣ, глàвнӣ и глȃвнӣ и др.), при чемъ, разумѣется, долгота или краткость окончанія им. пад. ни въ коемъ случаѣ никакого значенія въ этомъ явленіи имѣть не могли. Я очень жалѣю, что г. Будде не связалъ вопроса о касимовскихъ долготахъ съ удареніемъ рѣчи, и не попытался объяснить происхожденія этихъ долготъ, врядъ ли имѣющихъ этимологическое происхожденіе, особеннымъ характеромъ ударенія въ рѣчи касимовцевъ: во всякомъ случаѣ замѣчаніе Р. Θ. Брандта о томъ, что долгота гласныхъ, которая иногда слышится въ русской рѣчи, имѣетъ чисто случайный, риторическій характеръ, заслуживало бы болѣе обстоятельнаго разсмотрѣнія (стр. 201).

Не только удареніе, но и нѣкоторыя другія стороны фоне-

тики касимовскихъ говоровъ остались не обслѣдованными. Укажу напр. на интересныя и важныя явленія смягченія согласныхъ. На стр. 173 читаемъ: «далѣе, передъ мягкимъ слогомъ—ки,—ти мы слышимъ *и* мягкіе губные звуки, какъ въ южно-рязанскомъ говорѣ», затѣмъ слѣдуютъ примѣры: тряпьки, лапьти, лафьки, дѣфьки и др. Во-первыхъ я не понимаю зачѣмъ здѣсь *и*, подчеркнутое мною: значитъ ли это, что рядомъ съ тряпьки, лапьти г. Будде слышалъ и тряпки, лапти? Во-вторыхъ здѣсь къ сожалѣнію смѣшаны два явленія, которыя надо строго различать: смягченіе губныхъ передъ мягкими гортанными и смягченіе губныхъ передъ мягкими зубными. Г. Будде, конечно, извѣстно, что въ московскомъ и во многихъ другихъ русскихъ говорахъ рядомъ съ произношеніемъ лафьки, тряпьки существуетъ произношеніе лапти, землю. Касимовскіе говоры, какъ можно заключать изъ приведеннаго лапьти, а также изъ раје́вьня (стр. 91), диревьни (96), диревьня (199), дяше́вьли (69), ўофьси (69), цасо́вьню (125), сохранилъ черту древности, представляя мягкость губныхъ въ положеніи передъ мягкими зубными (произношеніе земʲлю старше произношенія землю, что видно изъ того, что мы не имѣемъ зёмлю). Мы ожидали бы отъ изслѣдователя касимовскихъ говоровъ большей обстоятельности въ этомъ вопросѣ: ему слѣдовало бы точно опредѣлить всѣ условія, при которыхъ въ изслѣдуемыхъ имъ говорахъ слышатся мягкія согласныя (ср. еще *ш* мягкое въ ташьнѣя 68). Замѣчу, что согласныя, по собственному признанію автора, остановили на себѣ особенное его вниманіе: между тѣмъ въ книгѣ отсутствуютъ общія указанія на переходъ звонкихъ согласныхъ въ концѣ слова въ глухія, на измѣненіе звонкихъ передъ глухими въ глухія же и т. п.; а между тѣмъ весьма интересно сопоставить приводимыя имъ и несомнѣнно точно передающія дѣйствительное произношеніе: кароўка, дѣўка, жыў (150), гадоў и жынихоф, сафсѣмъ, дявцо́нки, жыф (337, 334). Говоря объ измѣненіи г въ концѣ слова, важно было бы опредѣлить раіонъ, гдѣ слышится снѣк, друк, телѣк въ противоположность южно-рязанскимъ снѣх, друх, телѣх.

5. Впрочемъ, подобные недочеты неизбѣжны во всякой сложной работѣ: очерчивая нѣкоторыя подробности, легко упускаешь изъ виду другія и всегда подвергаешься опасности дать неполную картину описываемаго говора. Легче избѣчь другихъ недостатковъ, а именно смѣшенія предметовъ наблюденія, неточнаго изложенія границъ и круга дѣйствія того или другого фонетическаго закона. А у автора замѣчаются недосмотры и въ этомъ отношеніи, при чемъ всего вѣроятнѣе отнести ихъ на счетъ спѣшности работы: все изслѣдованіе г. Будде написано спѣшно и оно бы много выиграло, если бы авторъ нашелъ время еще разъ его проработать. Такъ на стр. 186, въ числѣ примѣровъ появленія *к* мягкаго подъ вліяніемъ предшествующаго мягкаго слога (ср. дайкю́, толькя, заинькя, харашенькя), приведены: дѣхькя им. мн., дѣхькямъ дат. мн. Но несомнѣнно, что въ им. мн. *к* было получено мягкимъ передъ мягкимъ окончаніемъ этого падежа (дѣвки), при чемъ мягкость предшествующей губной (дѣфьки, откуда дѣхьки) вызвана мягкимъ *к*: слѣдовательно, дѣхькя, а также хлопькя им. мн., гдѣ *я* вм. *и*, не могутъ быть поставлены рядомъ съ глупинькюю, понькя, понькяхъ и должны быть вычеркнуты изъ числа примѣровъ на стр. 186. Дат. мн. дѣхькям явилось вм. дѣфкамъ подъ вліяніемъ им. мн. дѣхьки, дѣхькя, такъ какъ послѣ твердаго согласнаго звука г. Будде не допускаетъ фонетическаго смягченія *к*: очевидно и примѣръ дѣхькям попалъ въ число прочихъ по недосмотру. — На стр. 103 - 111 приведенъ рядъ случаевъ колебанія между звуками *ы* и *и*: мы уже видѣли, что многіе изъ нихъ относятся къ области морфологіи, въ другихъ колебаніе звуковъ *ы* и *и* вызвано дѣйствительно фонетическими причинами, но странно, что г. Будде не постарался разобраться въ указанныхъ имъ случаяхъ смѣшенія *ы* и *и*. Нахожу излишнимъ напомнить ему, что бѣлорусское *ры* ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть сопоставлено съ *ры* вм. *ри* великорусскихъ говоровъ (въ случаяхъ какъ крыкъ, крычать), что въ псалтырь, монастырь и т. п. видно вліяніе славянскихъ образованій на—тырь, что колебаніе — ыня при—р также

должно объясняться существованіемъ разныхъ суффиксовъ. Но не могу умолчать о томъ, что г. Будде тутъ же въ числѣ случаевъ колебанія *ы* и *и* приводитъ скыма и скима, кывотъ и кивотъ изъ древнерусскихъ памятниковъ: его утвержденіе, что это колебаніе не стоитъ въ связи съ бывшей когда-то твердостью звука *ы*, какъ звука задне-небнаго, гортаннаго, для меня совершенно непонятно; въ ту эпоху, когда вм. *кы*, *гы*, *хы* явились *ки*, *ги*, *хи*, этому фонетическому измѣненію *ы* въ *и* подверглось всякое *ы*, какого бы оно ни было происхожденія. Но если бы даже представить себѣ, что произношеніе кывотъ, скыма пережили произношеніе кысель, рукы, спрашивается, при чемъ тутъ колебаніе *ы* и *и*?

6. Указанныя погрѣшности легко исправить всякому читателю: никого онѣ не могутъ ввести въ заблужденіе. Менѣе извинительны въ серьезномъ изслѣдованіи лингвиста тѣ мѣста, гдѣ можно усмотрѣть смѣшеніе историческихъ эпохъ, отнесеніе насчетъ позднѣйшаго времени такихъ законовъ, дѣйствіе которыхъ прекратилось въ эпохи предшествующія. Къ удивленію, г. Будде въ нѣсколькихъ мѣстахъ своей книги не считается должнымъ образомъ съ тѣмъ обстоятельствомъ, что всякій фонетическій законъ слѣдуетъ разсматривать какъ ограниченный пространствомъ и временемъ. Такъ на стр. 185 явленіе, по которому въ нѣкоторыхъ русскихъ говорахъ звукъ *к* умягчается послѣ мягкаго слога, признается «весьма древнимъ и принадлежавшимъ нѣкогда всему русскому языку», при чемъ указаніемъ на это служитъ «фактъ перехода такого *к* въ суффиксѣ въ *ц* во многихъ русскихъ говорахъ въ словахъ, именно, съ суффиксомъ—ик,—вмѣсто котораго является діалектическое—иц» (далѣе слѣдуютъ примѣры изъ Яросл. Пошехон., какъ брусница, полянница, ежевица и т. д.). Я не сомнѣваюсь въ томъ, что г. Будде прекрасно знаетъ, что появленіе *ц* въ брусница, овьца, пътица, лице относится къ эпохѣ общеславянскаго языка и вовсе не есть спеціальная черта общерусскаго языка, а еще менѣе отдѣльныхъ русскихъ говоровъ. Вѣроятно, онъ хотѣлъ сравнить появленіе *к* мягкаго

въ совр. южновеликор. рѣчькя, толькя съ появленіемъ к мягкаго откуда *ц*, въ языкѣ общеславянскомъ (отьк'а-отьса); я вполнѣ согласенъ съ возможностью такого сравненія, но никогда бы не рѣшился признать общимъ явленіемъ—переходъ общеславянскаго *к* въ *к* мягкое, откуда *ц*, и переходъ діалектическаго русскаго *к* въ *к* мягкое.—Подобную же неясно выраженную мысль мы находимъ на стр. 300—301: изъ того, что русскій языкъ вмѣстѣ съ южно-славянскими языками ассимилировалъ звуки *д* и *т* слѣдующимъ *н* и *л* (въ случаяхъ какъ мыло вм. мыдло) ни въ коемъ случаѣ не слѣдуетъ, чтобы древнерусскія нарѣчія новыя группы *дн* изъ *дьн* должны были измѣнить въ *нн*: по мнѣнію г. Будде общерусское вянути изъ вяднути доказываетъ, что «одна» должно было измѣниться въ «онна»; эту форму онъ и находитъ во многихъ современныхъ русскихъ говорахъ (она извѣстна уже въ XIV вѣкѣ), почему рѣшается высказать предположеніе, что форма *одна* другихъ говоровъ — форма новая, явившаяся подъ вліяніемъ *одинъ*. Я согласенъ съ тѣмъ, что появленіе онна вм. одна можно сравнивать съ измѣненіемъ вяднути въ вянути, но ни отожествлять оба явленія, ни тѣмъ болѣе признать ихъ слѣдствіемъ одного общаго фонетическаго закона, я бы не рѣшился: законъ объ измѣненіи *dn*, *dl* уже окончилъ свое дѣйствіе ко времени исчезновенія глухихъ; вотъ почему мы теперь находимъ въ живой рѣчи произношеніе какъ метла, ветла, седло, одна, пятно и т. д.—На стр. 125 мы находимъ у г. Будде заключеніе, обратное только что указанному: изъ того, что въ современныхъ русскихъ говорахъ замѣчается опущеніе мягкаго *в* передъ гласными (я не вѣрю, чтобы такое опущеніе дѣйствительно существовало и схожусь въ этомъ случаѣ съ А. И. Соболевскимъ)[1]), авторъ заключаетъ о возможности возводить діалектическія русскія теѣ, сеѣ (вм. тебѣ, себѣ) къ предполагаемымъ общеславян-

1) Любоǔ восходитъ къ любоіі съ неслоговымъ ǔ, гдѣ ǔ замѣнило неслоговое у подъ вліяніемъ формъ какъ любови; любви, ср. дѣйки, галойки изъ дѣǔки, голоǔки съ неслоговымъ ǔ, замѣнившимъ неслоговое у подъ вліяніемъ слѣдующей мягкой согласной.

скимъ ṭeve, seve (ср. лит. ṭavęs, savęs). Существованіе фонетическаго закона въ одномъ изъ современныхъ живыхъ говоровъ ни въ коемъ случаѣ не можетъ доказать существованія подобнаго закона въ эпоху болѣе отдаленную, а тѣмъ болѣе праруcскую или общеславянскую.

7. Во многихъ мѣстахъ изслѣдованія г. Будде мы находимъ ссылки на древнерусскіе памятники; къ сожалѣнію, авторъ, обнаруживши основательное знакомство съ нѣкоторыми изъ нихъ, недостаточно остороженъ въ своихъ выводахъ изъ различныхъ написаній, имѣющихъ графическій характеръ; иногда его замѣчанія показываютъ, что онъ не выработалъ себѣ ясныхъ пріемовъ пользованія свидѣтельствами памятника для разрѣшенія лингвистическихъ вопросовъ. На стр. 209 авторъ, на основаніи написанія бесѣдуе̑ въ Рязанской кормчей 1284 г., дѣлаетъ выводъ о томъ, что уже съ XIII в. проникаетъ въ письменность сѣвернорусскихъ и среднерусскихъ памятниковъ твердый звукъ *т* въ окончаніи 3 л. ед. ч. наст. вр.; положеніе безспорно справедливое: мы имѣемъ нѣсколько грамотъ XIII в. съ окончаніемъ тъ въ 3 л. ед. ч., но оно ни въ коемъ случаѣ не можетъ основаться на написаніи бесѣдуе̑, такъ какъ подъ титла попадали въ русскихъ памятникахъ не только твердыя, но и мягкія согласныя (кн҃ѧ, ве̑, сто̑ныи, ко̑ и т. п.).—На стр. 206 г. Будде приводитъ изъ сѣвернорусскихъ памятниковъ написанія съ *ѣ* въ закрытомъ словѣ передъ мягкой согласной (въздъхнѣть, поръвѣть, придѣть и др.); сообразуясь съ выводами Соболевскаго о звуковомъ значеніи такого *ѣ* въ подобныхъ написаніяхъ галицко-волынскихъ памятниковъ, авторъ предполагаетъ, что и въ указанныхъ имъ случаяхъ *ѣ* слѣдуетъ читать какъ дифтонгическое сочетаніе *іе*, явившееся изъ общерусскаго *е* долгаго передъ мягкой согласной. Онъ упускаетъ при этомъ изъ виду, что Соболевскій опирался въ своихъ выводахъ о значеніи *ѣ* въ галицко-волынскихъ памятникахъ на современныхъ живыхъ говорахъ малорусскихъ; между тѣмъ ни одинъ современный говоръ сѣверновеликорусскаго нарѣчія не даетъ намъ основанія предполагать

особое произношеніе звука *е* въ словахъ, какъ печь, камень, и звука *е* въ весь, день (изъ ь) или въ печи, вещи (въ открытомъ слогѣ). Своимъ поспѣшнымъ выводомъ г. Будде можетъ подорвать выводъ г. Соболевскаго: но къ счастію послѣдній основывался на дѣйствительныхъ явленіяхъ живого языка.—На стр. 203 авторъ найденную имъ въ памятникѣ XII вѣка, памятникѣ «сѣвернорусскомъ съ мѣной *ч* и *ц*», форму бываѭть рѣшается сравнить съ современнымъ касимовскимъ произношеніемъ будять, сѣjат (съ долгими *а*): мнѣ не совсѣмъ ясно, что именно подлежитъ въ данномъ случаѣ сближенію. долгота ли касимовскаго *а* въ указанныхъ формахъ съ сочетаніемъ аѭ въ памятникѣ XII в., или самые звуки: совр. *а* (*я*) и др.-русск. аѭ. Но вѣдь извѣстно, что формѣ бываѭть (насколько она засвидѣтельствована однимъ памятникомъ) въ касимовскомъ говорѣ соотвѣтствуетъ бывȃт (ср. стр. 34) и бывáт (стр. 45), т. е. съ стяженнымъ *а*, являющимся иногда съ долготой; между тѣмъ въ будят, сѣят не видимъ стяженія, и долгота гласной здѣсь иного происхожденія. А что касается самой гласной *а*, то она, согласно указаніямъ самого автора (стр. 76 — 77), явилась въ касимовскомъ говорѣ въ этихъ случаяхъ по общему закону объ аканіи (ср. капéяк, дéнях и сѣят, будят); въ виду этого сравнивать *я* въ будят, сѣят съ бываѭть XII в. во всякомъ случаѣ неосторожно. Г. Будде сравниваетъ ниже молѧмъ 1 л. мн. въ Ряз. кормчей 1284 съ современными касимовскими формами вродѣ косям, моцам, носям: сравненіе, думается, крайне неудачное, въ виду того что молѧмъ слѣдуетъ почти съ увѣренностью признать опискою вм. молимъ. Что касается ѭ въ бываѭть или въ дѣлаѭши (въ Поуч. Ефр. Сир. 1492), то это вѣроятно также не болѣе какъ описки, несмотря на сомнѣніе, высказанное по поводу такого же предположенія г. Соболевскаго нашимъ авторомъ (стр. 205). — Изъ числа случаевъ мѣны *ч* и *ц* въ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣтописи, приведенныхъ на стр. 173, слѣдуетъ исключить ци и аци, такъ какъ при вопросительномъ чи издавна было извѣстно и ци; написаніе полочьскѣ г. Будде правильно признаетъ за «мудр-

ствующее правописаніе, графическое явленіе»; но зачѣмъ же онъ приводитъ его въ доказательство смѣшенія *ч* и *ц* въ Лавр. лѣтописи? — На стр. 100 авторъ, въ доказательство смѣшенія звуковъ *о* и *а* въ рукописи Лѣтописи Аврамки, приводитъ форму Судокова; между тѣмъ онъ самъ приводитъ судóкъ вм. судакъ изъ казанскаго уѣзда, ср. др.-русское судокъ въ грамотахъ XV в.; очевидно при судакъ существовала, можетъ быть, даже болѣе древняя форма судокъ, причемъ судакъ южновеликорусскихъ говоровъ относится къ судокъ вѣроятно такъ же, какъ мещовск. сѣда́к, жиздр. хода́к относятся къ сѣдóкъ, ходóкъ другихъ говоровъ; далѣе изъ той же лѣтописи для доказательства того же явленія (достаточно впрочемъ засвидѣтельствованнаго написаніями какъ начевать, браталюбно, съ братамъ) приводится форма двожды вм. дважды. Г. Будде какъ будто упускаетъ изъ виду, что въ двожды о замѣнило ударяемое *а*: уже то обстоятельство, что при двожды существуетъ приводимое имъ скопинское трожди, ясно указываетъ, что мы имѣемъ при этомъ дѣло не съ фонетическимъ явленіемъ; двожды замѣнило дважды подъ вліяніемъ одиножды (и одножды?) и основы дво — въ формахъ какъ двохъ, двомъ (ср. однажды подъ вліяніемъ дважды). — На стр. 182 дѣлается выводъ о томъ, что въ древней Псковской области былъ извѣстенъ звукъ γ (малор. *г*) на основаніи написаній, какъ осподарь, осподаря Псковской 2-ой лѣтописи: но такія написанія этихъ именно словъ извѣстны и изъ новгородскихъ памятниковъ и доказываютъ только, что звукъ γ существовалъ именно въ этомъ и другихъ ему подобныхъ словахъ, а не то, чтобы вообще звукъ γ замѣнилъ звукъ *г* въ данномъ говорѣ: ср. γ въ совр. московск. Господь, господинъ, Бога и др. (ср. тоже у Будде въ прим. къ 183 стр.). — Странно читать у изслѣдователя русскаго языка предположенія о томъ, что формы дожгя, дъжгемь, дъжгъ Новгородской 1-ой, Псковской 2-ой лѣт. и другихъ памятниковъ восходятъ къ дождя, дъждь и объясняются переходомъ *д* мягкаго въ *г* мягкое; дождь это не русская форма, а церковнославянская и конечно не она легла въ основаніе русскихъ формъ

дож'ж'а, дож'дж'а, др.-русск. дъжгѧ; общерусскою формою надо, конечно, признать дъж'дж'а и въ виду этого діалектическое дъжгя всего вѣроятнѣе читать какъ дъжја, допуская, что г обозначаетъ въ написаніи дъжгѧ звукъ j; параллельно съ измѣненіемъ ж'дж' въ жj, измѣнилось шч въ шj; памятники, изображающіе жj черезъ жг и черезъ ж (дъжгѧ и дъжа), передаютъ звуки шj буквой ш (кше, дворише), такъ какъ передача ихъ черезъ шг повлекла бы къ недоразумѣніямъ (шг было бы прочтено какъ жг, жj).—На стр. 169 г. Будде приводитъ написанія соѳьи, ѳевралѧ, ѳѳрѣмъ, стеѳанъ изъ Лавр. сп. лѣтописи, прибавляя, что лицо, писавшее рукопись, «навѣрное произносило не тѣ звуки, которые изображало» на письмѣ. Такъ какъ дѣло идетъ о произношеніи звука *ф* въ русскихъ говорахъ, мы останавливаемся въ совершенномъ недоумѣніи въ виду этого утвержденія автора: неужели на основаніи совр. діалектическихъ Сохья и хавра́ль, приводимыхъ ниже, возможно вслѣдъ за г. Будде читать *ѳ* въ соѳья, ѳевраль Лавр. списка, какъ *х*?—На стр. 260 авторъ приводитъ изъ Сильвестровскаго сборника XIV в. форму изламана въ доказательство того, что начало аканья надо допустить «задолго до XIV вѣка въ живомъ языкѣ»: но изламана правильно образовано отъ основы излама-(неопр. изламати) и не можетъ быть сопоставлено съ совр. діалектическимъ изла́ман, которое восходитъ къ изломáть (ср. ла́вють вм. ловять).

8. Къ достоинствамъ труда г. Будде слѣдовало бы отнести его нерѣдкія сопоставленія явленій русскаго языка съ явленіями другихъ родственныхъ языковъ—славянскихъ и прочихъ индоевропейскихъ, если бы при этомъ не замѣчались недостаточно обоснованныя замѣчанія и слишкомъ поспѣшные выводы. Такъ на стр. 131, по поводу касимовскаго сёкар (свекоръ), которое авторъ правильно объясняетъ, возводя къ формѣ свёкоръ, мы встрѣчаемся съ предположеніемъ о томъ, что въ общеслав. свекъръ звукъ *в* вставленъ, какъ показываютъ родственныя socer лат., ἑκυρός греч., šešuras лит.: при этомъ зачѣмъ-то приводится сравненіе слав. сестра, лит. sesû (формы

безъ v) съ нѣм. schwester, гот. svistar. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что свекъръ и сестра восходятъ къ индоевроп. формамъ съ v; при этомъ лат. socer, soror несомнѣнно указываютъ на первоначальныя формы съ su̯e-. — На стр. 183 *д* церковнослав. формы дрѧздѣ (изъ Евген. пс. XI в., мѣс. ед. отъ дрѧзга) г. Будде рѣшается сопоставить съ *д* въ діалект. Динадій вм. Генадій, др.-русск. Дюрги вм. Гюрги: сопоставленіе это безусловно ошибочно, такъ какъ дрѧздѣ представляетъ измѣненіе группы зг въ зд передъ *ѣ* (изъ первонач. дифтонга), аналогичное съ измѣненіемъ ск въ ст и сц (июдѣистѣи) и одновременное съ переходомъ *г* и *к* въ s *(з)* и *ц* передъ такимъ же *ѣ*. — На с. 189 спорадическіе случаи, гдѣ вм. *х* находимъ въ современныхъ русскихъ говорахъ *к* (скади́ть, скарани́ли, пакърани́ли), сопоставляются не только съ случаями, какъ скима при схима, Колмогоры при Холмогоры, канъ при ханъ, но даже съ верхнелужицкимъ kh вм. *х*, являющимся, какъ извѣстно, по общему правилу въ началѣ словъ (khod, khłod, khvała и т. п.): г. Будде упускаетъ изъ виду, что верхнелужицкое kh вм. *х* обязано своимъ происхожденіемъ вліянію нѣмецкихъ говоровъ и, конечно, не даетъ основанія предполагать, чтобы уже въ общеслав. языкѣ произношеніе звука *х* приближалось къ *к*; болѣе чѣмъ неосторожно поступаетъ авторъ, сравнивая затѣмъ съ славянскимъ чередованіемъ *х* съ *к* и *kh* литовское *к*, въ соотвѣтствіи съ слав. *х*, въ словахъ, какъ klapas, kitras, dakadas и т. п.: эти слова несомнѣнно заимствованы въ литовскій языкъ изъ русскаго или польскаго языка. А между тѣмъ сопоставленіе случаевъ кажущагося колебанія между звуками *к* и *х* въ славянскихъ и литовскомъ языкахъ даетъ автору основаніе предположить для литовскославянской эпохи сочетаніе *кх* (откуда частью *к*, частью *х*), при чемъ *кх* возводится къ какому-то особенному индоевропейскому звуку, бывшему, можетъ быть, особаго рода звукомъ *s*! — На с. 93 *не* слова неводъ принимается авторомъ за предлогъ «не», отожествляемый съ лат. in: онъ упускаетъ изъ виду, что латинскому in фонети-

чески соотвѣтствуетъ славянскій предлогъ *въ* съ приставнымъ, передъ нѣкогда носовымъ *ѫ*, звукомъ *в*. — На с. 279 г. Будде говоритъ о томъ, что «мы знаемъ двоякое *s* въ общемъ индоевропейскомъ языкѣ, и насъ убѣждаетъ въ существованіи двухъ видовъ звука *s* въ общемъ индоевроп. языкѣ исторія звука *s* въ различныхъ родственныхъ языкахъ» (далѣе приводятся: врьхъ, мѣхъ при лит. virszùs, máiszas, предполагаемое вьхъ при лит. visas и др.). Не лишнимъ было бы упомянуть, что двоякое *s* въ индоевроп. языкѣ предполагаетъ Ф. Ѳ. Фортунатовъ на основаніи случаевъ, гдѣ славянское *х* (изъ *s*) соотвѣтствуетъ литовскому sz.

9. Спѣшность работы г. Будде, отмѣченная уже выше, отразилась и на поспѣшности въ выводахъ автора. Особенно удивляетъ та легкость, съ которой онъ приходитъ къ предположеніямъ праязычныхъ формъ и звуковъ. На с. 95 касимовскія и сѣверновеликорусскія формы задо́ржка, дoff ржа́ть, зада́рживать вм. задержка, держать другихъ говоровъ даютъ автору основаніе предположить для общеслав. языка при формахъ dьrg (ь неслоговой ирраціональный, r слоговое) формы съ dorg: по всей вѣроятности, dorg предположено по недосмотру вм. dъrg, такъ какъ изъ dorg мы ожидали бы въ русскомъ языкѣ дорог-, дорожу, а не доржу. Но я нахожу, что и предположеніе общеслав. dъrg-, dъrž- не находитъ достаточнаго основанія въ формахъ какъ доржу, задоржка: гораздо осторожнѣе, не доходя до общеславянской эпохи, искать объясненія чередованія держ и дорж въ русскихъ говорахъ въ условіяхъ русской фонетики. Я думаю, что первоначальное дер¹ж¹-, измѣнившись въ дер¹ж, по закону объ отвердѣніи *ж*, вызвало затѣмъ, послѣ ассимиляціи р¹ отвердѣвшему *ж*, произношеніе держ; отсюда въ нѣкоторыхъ говорахъ, а именно въ тѣхъ, гдѣ отвердѣніе *ж* и *ш* принадлежитъ болѣе отдаленной эпохѣ, — дёрж- (ср. появленіе лёжка, стёжка въ отдѣльныхъ говорахъ); это дёрж- сохраняется во многихъ совр. говорахъ и между прочимъ въ касимовскихъ (Будде, с. 94: де̑ржу, де̑ржыш и т. д.): въ нѣкоторыхъ говорахъ,

еще до полнаго отвердѣнія *ж* и *ш*, а именно въ такую эпоху, когда они были уже тверды передъ гласными *а*, *у*, *о*, оставаясь мягкими передъ *и*, *е* (гласными, смягчающими предшествующія согласныя), явилось чередованіе формъ какъ де̑ржу́ — де̑р'жит (нефонетически вмѣсто дер'жит), заде̑ршка, де̑ржат и де̑р'жиш (вм. дер'жиш). Когда вслѣдъ затѣмъ *ж* отвердѣло и въ положеніи передъ *е*, *и*, при чемъ вм. дёр'жит являлось дёр'жыт, его отвердѣніе вызвало не только отвердѣніе предшествующаго *р*, но и звука *д* въ предыдущемъ слогѣ: дёр'жит измѣнилось въ доржыт. Случаи ассимиляціи зубныхъ по мягкости или твердости въ двухъ рядомъ стоящихъ слогахъ очень нерѣдки въ русскомъ языкѣ: ср. стюдень, стюдёный вм. студень, студёный, діалект. нинѣ, тисяча вм. нынѣ, тысяча; ср. еще ассимиляцію даже по органамъ произношенія въ случаяхъ какъ чижо́лый вм. тяжо́лый. — На с. 111, на основаніи случаевъ колебанія между *ы* и *и* въ великорусскихъ говорахъ, такъ хорошо вообще различающихъ эти звуки, а также единичныхъ случаевъ смѣшенія буквъ *ы* и *и* въ нѣкоторыхъ старослав. памятникахъ (Зогр., Супр.), авторъ спѣшитъ съ выводомъ о томъ, что «совпаденіе звуковъ *ы* и *и* во всякомъ случаѣ доисторическое», что появленіе на мѣстѣ *ы* и *и* средняго звука между *ы* и *и* «принадлежитъ еще общеславянской эпохѣ, когда этотъ средній звукъ былъ явленіемъ, вѣроятно, діалектическимъ. Срв. нынѣшній сербскій, чешскій и русскій языки». Я увѣренъ, что авторъ безъ всякихъ колебаній согласится съ тѣмъ, что случаи смѣшенія *ы* и *и* въ великорусскихъ говорахъ отнюдь не могутъ свидѣтельствовать объ исконномъ колебаніи между этими звуками и о ихъ совпаденіи въ среднемъ звукѣ: этого средняго звука нельзя найти у великоруссовъ, и уже поэтому случаи колебанія *ы* и *и* въ отдѣльныхъ великорусскихъ словахъ нельзя объяснять особою близостью этихъ звуковъ: причины смѣшенія *ы* и *и* коренятся не въ самомъ этомъ звукѣ, а въ различныхъ окружающихъ ихъ условіяхъ; такъ напр. появленіе *ы* въ грыбъ, стрычь, крыкъ обязано отвердѣнію *р* въ группѣ согласныхъ *гр*, *стр*, *кр*.

Свидѣтельства же малорусскаго нарѣчія ни въ коемъ случаѣ нельзя сопоставлять, какъ это дѣлаетъ г. Будде, со свидѣтельствами чешскаго или сербскаго языковъ. Въ чешскомъ языкѣ согласныя до сихъ поръ мягки передъ первоначальнымъ *i*, въ сербскомъ же и малорусскомъ имъ соотвѣтствуютъ твердыя согласныя: слѣдовательно, чешскій языкъ не указываетъ на исконное совпаденіе звуковъ *ы* и *и* въ одномъ общемъ среднемъ звукѣ. Въ сербскомъ языкѣ передъ исконнымъ *и* сохранилась мягкость смягченныхъ еще въ общеслав. языкѣ согласныхъ *н, л* (њива, земљи): слѣдовательно, и здѣсь не было того измѣненія звука *и* въ направленіи къ *ы*, которое замѣчается въ малорусскомъ, гдѣ и первоначально смягченныя согласныя передъ такимъ среднимъ звукомъ отвердѣли. Въ сербскомъ языкѣ видимъ, что съ одной стороны передъ *i* не смягчились предшествующія согласныя, а что съ другой *ы* перешло въ *i*; въ малорусскомъ наблюдается измѣненіе звуковъ *ы* и *и* въ звукъ средній между ними, переходъ звуковъ ряда *ы* и звуковъ ряда *i* въ другой рядъ звуковъ. Слѣдовательно, только малорусскій языкъ могъ бы свидѣтельствовать объ общеслав. звукѣ, среднемъ между *ы* и *и*; но, конечно, свидѣтельства его недостаточно, тѣмъ болѣе что сравнительное изученіе русскихъ нарѣчій приводитъ къ неопровержимому выводу, что въ общерусскомъ языкѣ, и притомъ во всѣхъ его говорахъ, строго различались звуки *и* и *ы*. Автору, конечно, хорошо извѣстны приведенные здѣсь факты и соображенія: вотъ почему я сказалъ, что онъ слишкомъ поспѣшилъ съ вышеуказаннымъ выводомъ.

На с. 87 г. Будде, на основаніи касимовскаго ксиньό (въ значеніи осенью, ср. южно-ряз. асиньό), торопится предположить параллельное существованіе въ діалектахъ общерусскаго языка ксень при осень. Но существованіе произношенія ксень предполагаетъ и кзеро, ксетръ, клень, квинъ и т. п. въ русскихъ говорахъ: между тѣмъ такія формы совершенно неизвѣстны въ русскомъ языкѣ; это и дало основаніе древнѣйшимъ славистамъ считать измѣненіе je другихъ славянскихъ языковъ въ *o* харак-

теристичною особенностью русской семьи. Параллельное существованіе одного и едного (а подъ вліяніемъ едный — и единый), ёвня и овинъ, ёжъ и ожикъ ни въ коемъ случаѣ не можетъ доказать прарусской формы ксень, такъ какъ, согласно наблюденію Ф. Ѳ. Фортунатова, не всякое начальное јe давало въ русскомъ языкѣ въ результатѣ своего измѣненія *o*, а только такое јe, за которымъ слѣдовалъ слогъ съ гласной *e* или *i*. Я думаю, что гораздо проще объяснять рязанское исинью́ фонетически изъ асинью́, сопоставивъ это исинью́ съ произношеніемъ итчаво́, иднаму́, икая́нный, ибма́нщикъ, иддаду́ть и т. д. въ различныхъ южновеликорусскихъ говорахъ.

На с. 317, на основаніи произношенія дура́γўа при дура́ва (названіе растенія), авторъ спѣшитъ съ заключеніемъ о существованіи сочетанія γў въ прарусскую эпоху въ положеніи въ серединѣ словъ между гласными. Конечно, этимологія слова дура́ва не ясна (и это въ особенности должно было предостеречь автора отъ заключенія къ прарусской эпохѣ), но если мы допустимъ, что при дурава существовало и дурагва съ гв, а не γў, то дурагва въ результатѣ явилось бы именно въ формѣ дураγўа въ касимовскомъ говорѣ, ср. в = ў въ положеніи послѣ согласныхъ и между гласными (дўа, дўоя и т. д.).

Ограничиваюсь этими немногими замѣчаніями, выясняющими, почему въ пріемахъ и въ общемъ характерѣ разсужденій г. Будде кое-что не вполнѣ меня удовлетворило. Авторъ, надѣюсь, не сочтетъ эти замѣтки простыми придирками: я увѣренъ, что онъ заинтересованъ не только въ томъ, чтобы подѣлиться нѣкоторыми новыми наблюденіями и оригинальными выводами, а и въ томъ также, чтобы общими усиліями, руководимыми научнымъ методомъ, возсоздать то прошедшее нашего языка, которое должно объяснить его настоящее. Главные выводы автора, можетъ быть, не пострадали отъ погрѣшностей и недостатковъ метода изслѣдованія, но за то его книга, богатая фактами и мыслями, не можетъ быть надежнымъ руководствомъ для начинающихъ изслѣдователей.

II.

Въ этой части моего разбора я остановлюсь на нѣсколькихъ положеніяхъ автора, съ которыми не могу согласиться.

1) Седьмая глава 1-ой и четвертая глава 2-ой части изслѣдованія г. Будде посвящены шипящимъ и свистящимъ звукамъ въ касимовскихъ выговорахъ. Мы найдемъ здѣсь много новаго: автору удалось собрать весьма любопытный матеріалъ, и изъ него дѣлаются весьма цѣнные выводы. Впрочемъ я имѣю въ виду не тѣ четыре положенія, которыя формулированы авторомъ на стр. 261, а нѣкоторыя другія его обобщенія, менѣе рѣшительныя, но болѣе убѣдительныя. Изъ данныхъ, приводимыхъ г. Будде, видно, что въ Касимовскомъ и Спасскомъ уѣздахъ есть цокающія мѣстности (гдѣ вм. *ч* произносится *ц*, большею частью отвердѣвшее), чёкающія (гдѣ *ц* произносится какъ *ч*) и, наконецъ, такія мѣстности, гдѣ вм. *ч* и *ц* является средній звукъ между *ч* и *ц* (*ч* сходное съ *ц* или *ц* сходное съ *ч*). Этотъ же средній звукъ извѣстенъ и въ чёкающихъ мѣстностяхъ. Уже на стр. 121 авторъ, на основаніи того, что при цоканьѣ извѣстно и чёканье и средній звукъ, дѣлаетъ выводъ, что архаичными должны быть признаны тѣ говоры, гдѣ сохранился этотъ средній звукъ между *ц* и *ч*, при чемъ чёкающіе и цокающіе говоры представляютъ отклоненія отъ основного произношенія либо въ сторону *ч*, либо въ сторону *ц*. Я думаю, что это заключеніе г. Будде совершенно вѣрно, и жалѣю, что онъ не ограничился такимъ положительнымъ и нагляднымъ выводомъ. Впрочемъ, естественнымъ представлялось бы обобщеніе такого заключенія, распространеніе его на всякіе чёкающіе и цокающіе говоры: въ основаніи такихъ говоровъ лежатъ говоры, имѣвшіе на мѣстѣ первоначальныхъ *ч* и *ц* средній звукъ между *ч* и *ц*. Понятно, что Е. Ѳ. сдѣлалъ это обобщеніе: предположенный нѣкоторыми изслѣдователями средній звукъ, не *ч* и не *ц*, найденъ имъ въ живомъ произношеніи и, конечно, предположенія теоретическаго характера по-

лучили теперь реальное основаніе. Но Е. Ѳ. идетъ дальше; на стр. 263 онъ пишетъ: «надо думать на основаніи свидѣтельства современныхъ русскихъ говоровъ и памятниковъ древней письменности, что въ прарусскомъ языкѣ были діалекты (ихъ было большинство), въ которыхъ звукъ *ц* былъ настолько мягокъ, что приближался къ звуку *ч* или наоборотъ (средній звукъ между *ч* и *ц*)....» Далѣе, на основаніи существованія, параллельно съ произношеніемъ средняго звука между *ч* и *ц*, произношенія средняго же звука между *ш* и *с* въ касимовскомъ говорѣ, а также въ виду дзеканья и джеканья (произношенія *д*, *т* какъ *дз*, *ц* или какъ *дж*, *тш*) въ томъ же говорѣ, при чемъ смѣшеніе *ш* и *с*, дзеканье и джеканье встрѣчается и въ древне-русскихъ памятникахъ, и въ современныхъ русскихъ говорахъ, г. Будде продолжаетъ приведенную выше фразу слѣдующимъ образомъ: «точно такъ же звукъ *з*, вѣроятно, приближался къ звуку *ж* (средній звукъ между *з* и *ж*); звукъ *с*—къ звуку *ш* (средній звукъ между *с* и *ш*); были особаго рода звуки *д'* и *т'*... Нѣкоторые изъ этихъ звуковъ, очевидно, принадлежали еще діалектамъ общеславянскаго языка». Вслѣдъ за тѣмъ приводятся доказательства, подтверждающія эти положенія: свидѣтельства памятниковъ, русскихъ говоровъ и славянскихъ нарѣчій. Я думаю, что автору не удалось доказать своего положенія: польскіе «мазуракающіе», словацкіе «шепелеватые» говоры, нѣкоторые говоры сербскаго языка и говоры средне-болгарскіе (ср. стр. 264) представляютъ дѣйствительно сходныя и однородныя явленія съ цоканьемъ, чёканьемъ и другими подобными явленіями русскаго языка, но въ виду того, что большинство русскихъ говоровъ и говоровъ другихъ славянскихъ нарѣчій не знаетъ всѣхъ этихъ явленій, гораздо вѣроятнѣе предположить, что они развились на почвѣ отдѣльной жизни всѣхъ этихъ языковъ. Впрочемъ, возможно, что уже въ общеславянскомъ языкѣ были говоры, измѣнившіе *ч* и *ц*, *с* и *ш* въ какіе-нибудь средніе звуки между *ч* и *ц*, между *с* и *ш*, но во всякомъ случаѣ невозможно установить генетической связи между такими говорами и указанными г. Будде го-

ворами современныхъ славянскихъ нарѣчій. А въ виду этого, ясно, что предполагая общеславянское діалектическое произношеніе средняго звука между *ч* и *ц* или между *с* и *ш*, мы не выходимъ изъ области предположеній, рѣшительно ничего не выясняющихъ въ дальнѣйшемъ развитіи славянскихъ нарѣчій: я даже думаю, что, взявъ болѣе ограниченную область языка, напр. одни русскіе говоры, мы поступили бы неосторожно, возводя касим. дзень, пошех. дзень, бѣлор. дзень къ общерусскому діалектическому дьнь. Дѣйствительно, переходъ d^i въ dz^i могъ явиться независимо во всѣхъ указанныхъ говорахъ и если бы даже въ общерусскомъ языкѣ діалектически уже являлось дьнь, то связать генетически такіе общерусскіе говоры непремѣнно съ касимовскими, пошехонскими, бѣлорусскими врядъ ли представлялось бы возможнымъ. Но предположить на основаніи бѣлор. и великор. дзень и польск. dzień общеславянское діалектическое dzьnь врядъ ли рѣшится какой-нибудь изслѣдователь: въ общеслав. языкѣ нельзя даже допустить полнаго смягченія *д* въ случаяхъ какъ дьнь (ср. серб. дан, чешск. den), а тѣмъ менѣе слѣдующаго за тѣмъ измѣненія d^i въ dz^i. И такъ, мы видимъ, что *дз* въ польскомъ и русскомъ языкахъ развилось независимо другъ отъ друга: отсюда заключаемъ, что и въ отдѣльныхъ говорахъ русскаго языка дзеканье могло развиваться совершенно самостоятельно. На стр. 270 г. Будде даетъ новую формулировку своему положенію относительно средняго звука между *ч* и *ц* въ исторіи русскаго языка. Если на стр. 263 утверждалось, что лишь въ большинствѣ говоровъ прарусскаго языка на мѣстѣ *ч* и *ц* являлся средній звукъ между *ч* и *ц*, то здѣсь говорится уже, что «во всемъ русскомъ языкѣ, т. е. на всемъ его пространствѣ, но діалектически не во всѣхъ его говорахъ, хотя въ большинствѣ говоровъ, были извѣстны звуки средніе между *ч* и *ц*, откуда съ теченіемъ времени въ однихъ говорахъ развилось мягкое *ц* и мягкое *ч* въ словахъ, гдѣ былъ звукъ средній... въ другихъ говорахъ осталось мягкое *ц*, между тѣмъ какъ *ч* начало твердѣть (малорус. нарѣчіе); въ третьихъ — дѣло было наоборотъ: *ц* начало твердѣть, а *ч* оста-

валось мягкимъ (ювр.); въ четвертыхъ, наконецъ, сохранились звуки средніе, шепелеватые, и эти говоры нужно признавать архаичными». Мысль автора не ясна: вѣроятно, онъ хотѣлъ сказать, что въ говорахъ, гдѣ *ч* и *ц* не совпали въ среднемъ звукѣ, они продолжали различаться, при чемъ въ однихъ изъ нихъ отвердѣло *ч*, въ другихъ *ц*; среди же говоровъ, измѣнившихъ *ч* и *ц* въ средній звукъ, одни продолжаютъ сохранять этотъ средній звукъ, а другіе измѣнили его въ мягкія *ч* и *ц*. Но въ такомъ случаѣ авторъ въ своемъ обзорѣ судьбы звуковъ *ч* и *ц* обнялъ всѣ говоры русскаго языка: непонятно, почему онъ говоритъ о «большинствѣ говоровъ»; кромѣ того, говоры, сохранившіе средніе звуки между *ч* и *ц*, названы имъ архаичными вообще, между тѣмъ они архаичны лишь относительно тѣхъ говоровъ, гдѣ средніе звуки измѣнились въ *ч* и *ц* мягкія. Московскій говоръ, гдѣ *ч* и *ц* различаются до сихъ поръ, представляется болѣе архаичнымъ, чѣмъ касимовскій, гдѣ вм. *ч* и *ц* находимъ средній звукъ, оставляя даже въ сторонѣ то обстоятельство, что этотъ средній звукъ успѣлъ уже частью измѣниться въ *ч* и *ц* мягкія (отчасти уже и отвердѣвшія). Мнѣ положительно сдается, что г. Будде большинство русскихъ говоровъ возводитъ къ такимъ, въ которыхъ на мѣстѣ *ч* и *ц* явился средній звукъ между *ч* и *ц*: если это такъ, Е. Ѳ. рѣшительно ошибается, такъ какъ вывести говоры, различающіе согласно этимологіи звуки *ч* и *ц* (а такихъ говоровъ весьма много, какъ въ малорусской, бѣлорусской, такъ и въ великорусской семьѣ), изъ говоровъ, гдѣ *ч* и *ц* совпали въ одномъ среднемъ между ними звукѣ, совершенно немыслимо. Спорадическіе случаи колебанія между *ц* и *ч*, наблюдаемые, по словамъ автора, почти во всѣхъ русскихъ говорахъ, приводятся имъ (стр. 270, 280, 285) въ доказательство того, что средніе звуки между *ч* и *ц* принадлежали громадному большинству говоровъ прарусскаго языка, если не всему ему. Къ такимъ спорадическимъ случаямъ относятся чепь при цѣпь, др.-русск. коць (епанча) при кочь, малор. цурайся при чурайся и, можетъ быть, еще нѣкоторыя слова, извѣстныя автору, но имъ не приведенныя. Я

думаю, что если бы г. Будде удалось указать даже десятокъ подобныхъ случаевъ, они все таки не могли бы свидѣтельствовать объ исконномъ колебаніи звуковъ *ч* и *ц* на всемъ пространствѣ русскаго языка: то обстоятельство, что въ настоящее время сохранилось различіе между *ч* и *ц* въ большинствѣ русскихъ говоровъ гораздо яснѣе доказываетъ положеніе совершенно противоположное тому, къ которому пришелъ авторъ. Спорадическіе же случаи смѣшенія *ч* и *ц* могутъ объясняться частью заимствованіями изъ другихъ говоровъ, частью же этимологическимъ колебаніемъ обоихъ звуковъ: такъ чепь при цѣпь восходятъ вѣроятно къ разнымъ словамъ, можетъ быть и не родственнымъ по происхожденію, ker- откуда čer- (др.-рус. чепь, съчепитъ) и kěr- откуда cěr- (цѣпь, цѣпкій).

Всѣ эти замѣчанія приводятъ насъ къ убѣжденію, что г. Будде слишкомъ поторопился распространить открытые имъ средніе звуки между *ч* и *ц* на всю область русскаго языка и даже славянскихъ языковъ въ ихъ прошломъ. Цѣнный выводъ, сдѣланный имъ на стр. 121, совершенно затемненъ послѣдующими разсужденіями.

2) Все то, что сказано выше по поводу предположенія среднихъ звуковъ между *ч* и *ц*, еще въ бо́льшей степени приложимо къ другому предположенію автора, упомянутому уже раньше, а именно, что общеславянскій и прарусскій языки имѣли среди своихъ говоровъ такіе, гдѣ на мѣстѣ *с* и *ш* были извѣстны средніе между ними звуки. На стр. 263 читаемъ: «при допущеніи этой мысли нѣкоторые древне-русскіе говоры, какъ напр., древне-псковскій говоръ, станутъ для насъ понятными и не будутъ занимать какого-то исключительнаго положенія среди другихъ русскихъ говоровъ». Нельзя не возразить на это слѣдующаго: наука о русскомъ языкѣ обязана г. Соболевскому нѣкоторыми важными открытіями именно по тому, что онъ не прибѣгалъ къ такимъ обобщеніямъ, какія, къ сожалѣнію, встрѣчаются мѣстами у г. Будде. Встрѣтивъ въ нѣкоторыхъ памятникахъ колебаніе *е* и *ѣ*, ограниченное извѣстными условіями, опредѣленнымъ по-

ложеніемъ въ словѣ, онъ не предположилъ, что тѣ же условія найдутся и во всѣхъ другихъ памятникахъ, и не смѣшалъ *предполагаемой* силы доказательства, представляемаго единичными случаями колебанія *е* и *ѣ* въ большинствѣ русскихъ памятниковъ, съ тою *дѣйствительною* доказательною силою, которую имѣютъ случаи систематическаго чередованія между этими буквами. Въ результатѣ оказалось, что только памятники галицко-волынской области систематически употребляютъ въ извѣстныхъ случаяхъ *ѣ* вм. *е*, а это повело къ убѣжденію, что въ такихъ памятникахъ сохранились слѣды древнѣйшихъ малорусскихъ говоровъ. Изслѣдуя другія рукописи, а именно группу псковскихъ памятниковъ, тотъ же изслѣдователь замѣтилъ въ нихъ постоянное смѣшеніе буквъ *ш* и *с*, *з* и *ж*: онъ не увлекся предположеніемъ, что напалъ на черту общерусскаго языка, прарусской эпохи; онъ остановился на болѣе скромномъ предположеніи, что эта черта мѣстная, діалектическая; и когда такихъ чертъ набралось нѣсколько, изслѣдователь предложилъ намъ характеристику древнепсковскаго говора. Указанія Соболевскаго на совершенно исключительное положеніе этого говора среди другихъ древне-русскихъ говоровъ нельзя опровергнуть такими общими разсужденіями, какія мы встрѣтили въ разбираемомъ отдѣлѣ книги г. Будде: надо было указать факты, доказывающіе, что и въ другихъ русскихъ памятникахъ, принадлежащихъ не сѣверо-западной области, встрѣчается мѣна *с*, *з*, и *ш*, *ж* и другія подобныя явленія. Изслѣдованіе Е. Ѳ. приводитъ насъ къ убѣжденію, что смѣшеніе *с*, *з* съ *ш*, *ж*—діалектическая черта несравненно менѣе распространенная, чѣмъ смѣшеніе *ч* и *ц*, и тѣмъ не менѣе онъ дѣлаетъ относительно среднихъ звуковъ между *с*, *з* и *ш*, *ж* тѣ же заключенія, что относительно средняго звука между *ц* и *ч*, а именно о томъ, что они существовали діалектически уже въ прарусскую эпоху, а на стр. 281—282 видимъ попытку возвести эти звуки къ общеславянскому и даже литовскославянскому языку, на томъ основаніи, что, напр. въ словѣ зима, звукъ *з* въ различныхъ славянскихъ языкахъ «не вездѣ одинаковой мягкости,

а литовскій языкъ прямо указываетъ на то, что въ немъ этотъ звукъ былъ полученъ съ большей мягкостью, чѣмъ въ славянскихъ языкахъ (žĕmà)»! На стр. 279 авторъ, находя въ родственныхъ со славянскими языкахъ то же явленіе (колебаніе между *с, з* и *ш, ж*), говоритъ, что «до извѣстной степени его можно возводить къ общему индоевроп. праязыку», при чемъ въ подтвержденіе такого предположенія приводится существованіе двоякаго *s* въ общемъ индоевр. языкѣ! Я рѣшительно отказываюсь отъ подробнаго опроверженія всего этого ряда сопоставленій и гипотезъ: думаю, что для общеславянскаго языка надо принимать существованіе рѣзкаго отличія между звуками *z, s* и *ž, š* и что смѣшеніе этихъ звуковъ въ нѣкоторыхъ русскихъ говорахъ возникло сравнительно въ позднѣйшее время. Можетъ быть, впрочемъ, общеслав. *s* изъ *x* передъ *и, ѣ,* а также послѣ гласныхъ передненёбнаго ряда въ случаяхъ какъ дуси, дусѣ, вьсь звучало какъ-нибудь иначе, чѣмъ другое *s*: ср. переходъ такого *s* въ *š* въ западно-славянскихъ языкахъ, но конечно предположенное существованіе двоякаго рода *s* въ общеслав. языкѣ не можетъ имѣть ничего общаго съ двоякимъ *s* въ индоевроп. языкѣ или съ позднѣйшимъ смѣшеніемъ его въ отдѣльныхъ слав. нарѣчіяхъ. Г. Будде придаетъ и въ данномъ случаѣ болѣе значенія спорадическимъ случаямъ смѣшенія *с, з* съ *ш, ж*, чѣмъ имъ придавали до сихъ поръ: но едва ли колебаніе этихъ звуковъ въ словахъ какъ Суждаль при Суздаль, шаберъ при сяберъ, жемчугъ при земчугъ можетъ доказывать *общее* смѣшеніе ихъ въ въ какомъ бы то ни было нарѣчіи и въ какую бы то ни было эпоху.

3) Въ 5-ой главѣ II части и тѣсно связанной съ нею 8-ой главѣ I части г. Будде останавливается на зубныхъ согласныхъ касимовскихъ говоровъ. Наиболѣе оригинальною чертою оказывается измѣненіе мягкихъ *т* и *д* въ *ц* и *дз*, при діалектическихъ *тш* и *дж* (дзень, гаспоць, нидж̌ѣля, тшягла́). На стр. 289 и 292 видимъ обзоръ подобныхъ же измѣненій въ другихъ русскихъ говорахъ: авторъ находитъ *дз* и *ц* изъ *д* и *т* не только въ бѣлорусскихъ говорахъ, но также въ нѣкоторыхъ малорус-

скихъ и великорусскихъ говорахъ; особенно распространено это явленіе въ области сѣверновеликор. нарѣчія; на основаніи данныхъ, приводимыхъ изъ Очерковъ по діалектологіи Соболевскаго, а также изъ статьи Даля о нарѣчіяхъ и изъ Очерка Колосова, мы узнаемъ, что *дз* и *ц* слышится не только въ Псковской, но также въ Тверской, Ярославской, Новгородской и Владимирской губерніяхъ. Въ области южновеликорусскихъ говоровъ тѣ же звуки отмѣчены между прочимъ и въ Рязанской губерніи: въ виду всего этого я не понимаю, почему, «съ открытіемъ такихъ звуковъ въ касимовскихъ говорахъ, должны нѣсколько» видоизмѣниться «наши прежнія представленія относительно консонантизма русскихъ нарѣчій вообще» (стр. 289). Впрочемъ, г. Будде разъясняетъ свою мысль на стр. 292—299, гдѣ находимъ отступленіе историческаго характера, выясняющее его взглядъ на исторію касимовскаго говора и на его мѣсто въ средѣ прочихъ русскихъ говоровъ. Здѣсь эта черта консонантизма касимовскаго говора возводится въ основную черту при дѣленіи русскихъ говоровъ на первоначальныя группы. Вмѣсто прежняго дѣленія ихъ на окающіе и акающіе, признаннаго не историческимъ и даже не научнымъ (стр. 293), предлагается дѣлить русскіе говоры на три діалектическія единицы: на говоры «шепелеватые (т. е. говоры съ средними звуками — самые древніе), на полу шепелеватые (имѣвшіе лишь средніе звуки между ц и ч, т. е. цокающіе и чёкающіе) и говоры не шепелеватые, пошедшіе отъ діалектической группы, различавшей звуки ч и ц, с' и ш, з' и ж и проч., или въ самомъ праруccкомъ языкѣ утратившей средніе звуки» (стр. 298). Эти слова автора въ существенной степени дополняютъ все то, что имъ сказано въ предшествующей (7-ой главѣ II части) главѣ объ исторіи среднихъ звуковъ въ русскомъ языкѣ. Здѣсь мы находимъ уже рѣшительное утвержденіе, что говоры со средними звуками между *ч*, *ш*, *ж* и *ц*, *с*, *з*, по этой ихъ фонетической чертѣ, должны, быть признаны самыми древними; здѣсь же видимъ ясно высказанное предположеніе о томъ, что говоры, раз-

лучающій ч. ш. ж [illegible] діалектической [illegible] (хотя и въ [illegible] большей [illegible] предположеніе [illegible] изслѣдователь [illegible] чески вѣрное. [illegible] ч. ш. ж [illegible] чѣмъ смѣшеніе [illegible] никто вмѣстѣ съ тѣмъ [illegible] ложить, что [illegible] и въ прарусскую эпоху [illegible] ч, ш. ж и щ. [illegible] этим [illegible] женному авторами [illegible] шепелеватые [illegible] происхожденію [illegible] группу (стр. 293). Въ настоящее время эта группа [illegible] по указанію автора, разсѣянн[illegible] границы этой группы [illegible] Оки, верховьями Волги, Двины, Днѣпра, Сожи, Десны (стр. 293). Далѣе авторъ изъ нѣсколькихъ мѣстъ Повѣсти вр. лѣтъ [illegible] заключеніе, что преданіе связывало особымъ родствомъ древлянъ, полянъ, радимичей и вятичей съ ляхами (стр. 295) и что это преданіе основывалось на какихъ-то отдаленныхъ воспоминаніяхъ о близости языка и обычаевъ этихъ «словѣнъ» къ языку и обычаю «словѣнъ», сѣвшихъ по рѣкѣ Вислѣ. Мысль автора и вся его аргументація настолько для меня не ясны, что не рѣшаюсь опровергать всѣхъ этихъ положеній. Замѣчу только, что, если г. Булле настаиваетъ на какой-то особенной близости шепелеватыхъ говоровъ съ говорами польскими, то ему не зачѣмъ было указывать на сохранившееся, по его мнѣнію, въ лѣтописи преданіе о родствѣ не только вятичей (родоначальниковъ при-окскихъ говоровъ, согласно автору, ср. стр. 298), но и прочихъ русскихъ племенъ съ ляшскими (?). Оставляя поэтому древлянъ, полочанъ, кривичей и прочія племена въ сторонѣ, мы остановимся на предположеніи о

томъ, что при-Окскіе (а между ними и касимовскіе) говоры нужно вести отъ древняго говора той части «словѣнъ», которую, по преданію, привелъ на новыя мѣста какой-то Вятко, происходившій изъ рода ляховъ (= словѣнъ привислянскихъ). Въ этомъ предположеніи автора заключается несомнѣнный историческій фактъ: при-Окскіе говоры восходятъ къ говору вятичей, сидѣвшихъ, какъ извѣстно, на Окѣ; но разумѣется, лингвисту не зачѣмъ настаивать на преданіи о происхожденіи вятичей отъ ляховъ, тѣмъ болѣе что его слѣдуетъ, можетъ быть, понимать только такъ, что вятичи и радимичи пришли на Оку съ запада. Я нахожу очень вѣроятнымъ предположеніе автора о томъ, что касимовскіе говоры—это остатки древняго говора вятичей, но не могу согласиться съ тѣмъ, чтобы близость касимовскихъ говоровъ къ западнорусскимъ объяснялась такъ, что западные края Россіи были заселены выходцами съ Оки, т. е. чтобы вятичи, явившіеся на Оку съ запада, снова двигались на западъ (ср. стр. 284). Болѣе вѣроятнымъ представляется другое мнѣніе автора объ особой близости касимовскихъ говоровъ съ вятскими и о заселеніи Вятскаго края выходцами изъ при-Окскихъ мѣстностей; на немъ я остановлюсь ниже, въ III части этого разбора. Въ виду всего вышесказаннаго, мы видимъ, что авторъ не привелъ ни одного убѣдительнаго даннаго въ пользу предположенія, что всѣ дзекающіе русскіе говоры восходятъ къ одной общей діалектической группѣ: напротивъ, уже то обстоятельство, что и въ малорусскомъ нарѣчіи мы найдемъ такіе говоры, дѣлаетъ вѣроятнымъ, что дзеканье, сравнительно позднее явленіе, развивалось независимо въ различныхъ частяхъ русской рѣчи. Вотъ почему дѣленіе автора русскихъ говоровъ на шепелеватые, полушепелеватые и нешепелеватые не выдерживаетъ критики; гораздо правильнѣе признать аканье и оканье существенными признаками при дѣленіи русскихъ говоровъ. Дѣйствительно, въ группу акающихъ говоровъ попадаютъ такіе говоры, общее происхожденіе и исконное родство которыхъ несомнѣнно: вспомнимъ, напримѣръ, что бѣлорусскіе и южно-великорусскіе говоры акающіе, одно-

временно съ этой чертой вокализма, представляютъ рядъ другихъ, каковы напр. γ вм. сѣверновеликорусскаго г, т мягкое въ 3 л. ед. и мн. ч. вм. т твердаго сѣверновеликор. говоровъ и др. Касимовскіе говоры, гдѣ рядомъ съ аканьемъ уживаются черты сѣверновеликорусскія (г вм. γ, тъ вм. ть, смѣшеніе ч и ц и др.), ни въ коемъ случаѣ не могутъ противорѣчить указанному дѣленію уже потому, что ихъ, вслѣдъ за г. Будде, надо признать смѣшанными говорами: въ основѣ ихъ лежатъ говоры сѣверновеликорусскіе, подвергшіеся сильному вліянію южныхъ, акающихъ говоровъ.

4) На стр. 299—300 мы находимъ небольшой экскурсъ по поводу касимовскаго произношенія «тьвѣ[i]т» вм. цвѣтъ. Отмѣтивъ, что въ южной группѣ славянскихъ языковъ въ этомъ и другихъ родственныхъ словахъ является *ц*, а во всей западной группѣ звукъ *к*, г. Будде указываетъ, что въ русскомъ языкѣ на мѣсто этихъ звуковъ мы встрѣчаемъ діалектическія *ц*, *ч*, *т*, *с*, *к*. Первые четыре звука восходятъ по мнѣнію автора къ среднимъ звукамъ между *ч* и *ц*, а *к* отражаетъ первоначальное *к*. Далѣе высказывается предположеніе, основанія котораго мнѣ совершенно неясны: та діалектическая группа прарусскаго языка, гдѣ являлись средніе звуки между *ч* и *ц*, представляла произношеніе цвѣтъ-чвѣтъ съ средними звуками вм. *ч*, *ц*; напротивъ, та группа, гдѣ было извѣстно различіе звуковъ *ч*, *ш*, *ж* и *ц*, *с*, *з*, должна была имѣть произношеніе квѣтъ. Если это такъ, то почему же московское нарѣчіе, различающее указанные звуки, имѣетъ цвѣтъ, а не квѣтъ? Кромѣ того, откуда вообще въ русскихъ нарѣчіяхъ произношеніе цвѣтъ съ *ц*, тожественнымъ съ *ц* южнославянскихъ языковъ, если говоры, сохранившіе первоначальное *ц*, не смѣшавшіе его съ *ч*, получили исконно произношеніе квѣтъ? Я думаю, что во всякомъ случаѣ осторожнѣе предположить, что общерусскій языкъ имѣлъ въ различныхъ своихъ діалектахъ произношеніе квѣтъ и цвѣтъ, при чемъ цвѣтъ въ говорахъ, замѣнившихъ *ч* и *ц* средними звуками, измѣнилось въ цвѣтъ-чвѣтъ съ средними звуками между

ч и *ц*. Впрочемъ, для меня пока еще неясно, можемъ ли мы предполагать діалектическое сохраненіе *кв* передъ *ѣ*, *и*, *ь* въ русскихъ говорахъ; не настаивая на этой мысли, я рѣшаюсь предположить, что *кв* въ квѣтъ въ однихъ говорахъ (малорусскихъ, бѣлорусскихъ) является подъ вліяніемъ польск. kwiat, а въ другихъ (сѣверно- и южновеликорусскихъ) оно восходитъ, черезъ посредство к'в, къ т'в (ср. діалект. твѣтъ) изъ *цв*; ц'в' измѣнилось въ т'в въ то время, когда явился законъ объ отвердѣніи *ц*; ц'в' не переходило въ цв' вслѣдствіе вліянія *в* мягкаго на предшествующій звукъ, вліянія, поддерживавшаго мягкость *ц* и въ результатѣ имѣвшаго слѣдствіемъ измѣненіе его въ *т* мягкое, а діалектически въ *с* мягкое (свѣтъ).

5) На стр. 311 мы встрѣчаемся со слѣдующими утвержденіями автора: «конечные согласные звонкіе едва ли не въ первые вѣка исторіи русскаго языка, тотчасъ послѣ исчезновенія глухихъ *ъ* и *ь*, стали въ извѣстной части говоровъ русскаго языка (а можетъ быть, и во всѣхъ говорахъ русскаго языка) произноситься глухо, т. е. *в* переходило въ *ф*, *з* — въ *с* и проч.». Я не сталъ бы останавливаться на этомъ положеніи автора, если бы во 1-ыхъ онъ не прибавилъ въ скобкахъ: «а можетъ быть, и во всѣхъ говорахъ русскаго языка», во 2-ыхъ, если бы на стр. 312 мы не встрѣтили совершенно противоположнаго утвержденія; а именно здѣсь говорится о томъ, что «мы должны допустить существованіе такого періода времени, когда конечные звонкіе согласные и послѣ исчезновенія *ъ* и *ь* звучали, не переходя въ глухіе согласные». Нѣтъ никакого сомнѣнія, что правда высказана авторомъ не на 311-й, а на 312-й страницѣ. Дѣйствительно, малорусскіе, а также нѣкоторые великорусскіе говоры до сихъ поръ сохраняютъ конечные согласные звонкими (суд, мёд не сут, мёт), являясь въ этомъ случаѣ архаичнѣе большинства великорусскихъ, а также бѣлорусскихъ говоровъ, гдѣ уже совершилось измѣненіе звонкихъ согласныхъ въ глухія. Ассимиляція звонкихъ согласныхъ глухимъ, о которой говоритъ г. Будде, напр. въ случаяхъ бес печали, ис корабля, ни въ коемъ случаѣ не доказываетъ

потери *конечными* согласными своей звонкости, не говоря уже о томъ, что собственно без, из, въз и другіе подобные предлоги могли быть получены еще въ общеславянскомъ языкѣ безъ конечнаго з. Въ виду всего этого авторъ правъ, когда находитъ возможнымъ неслоговое *у* въ діалект. годоў, короў возводить къ звуку *в*, еще не измѣнившемуся, вслѣдствіе своего положенія въ концѣ слова, въ *ф*. Впрочемъ, можетъ быть, вопросъ о появленіи неслогового *у* въ этихъ и другихъ подобныхъ случаяхъ (какъ дѣўка) надо совершенно отдѣлять отъ вопроса о чередованіи звонкихъ и глухихъ согласныхъ. Изслѣдованіе г. Будде, какъ мы еще разъ укажемъ ниже, весьма убѣдительно доказываетъ возможность того, что кароў, дѣўка восходятъ къ такимъ общерусскимъ (можетъ быть, діалектическимъ) формамъ, гдѣ ў или W, а не *в*, звучало еще передъ з: кароўъ, дѣўъка, ср. совр. ў вм. в въ положеніи передъ гласными (залóўак, ўóрах, ўяля́т и т. д.).

6) Страницы 227—234 посвящены интересному вопросу о появленіи звука *а* (*я*) изъ *и* въ касимовскихъ говорахъ. Съ первыхъ же строкъ своего изслѣдованія объ этомъ явленіи, г. Будде утверждаетъ, что «касимовскія формы въ родѣ да́ля, сѣ́яля (вм. дали, сѣяли) и под. съ конечнымъ гласнымъ звукомъ 'а[e], т. е. звукомъ, который по произношенію колеблется между *а* и *е*, слышится, какъ очень широкое *е*, имѣютъ для себя соотвѣтствія въ формахъ древне-русскаго языка, изображавшихся на письмѣ съ буквою *ѣ* въ концѣ причастныхъ формъ множ. числа на — лѣ». Вѣроятно, авторъ тутъ же упустилъ изъ виду, что это не болѣе, какъ предположеніе, пока еще ничѣмъ не доказанное, потому что вслѣдъ за приведенной фразой онъ дѣлаетъ выводъ о томъ, что конечное *ѣ* этихъ древнерусскихъ формъ означало звукъ открытый, а не закрытый, основываясь при этомъ на указанномъ діалектическомъ произношеніи этихъ формъ въ современномъ русскомъ языкѣ. Я рѣшительно не понимаю, почему мы должны отожествлять совр. южновеликор. даля, ходиля съ написаніями далѣ, ходилѣ нашихъ древнихъ памятниковъ; не вижу основанія допустить фонетическій переходъ ко[illegible] звука [illegible] че-

резъ посредство *е* въ эпоху предшествующую аканью (ср. стр. 228 и 229); не могу допустить сопоставленія такихъ формъ съ есмя, дворяня (стр. 230), такъ какъ здѣсь *я* восходитъ къ *е*, а не къ *и*. Но всего менѣе ожидалъ я встрѣтить у г. Будде, рядомъ съ указаннымъ фонетическимъ объясненіемъ даля (далѣ) изъ дали, предположеніе о возможности вліянія на формы какъ далѣ, ходилѣ формы глагола ѥсмь—ѥсмю, при чемъ, несмотря на это вліяніе «въ основѣ своей, все таки, это вліяніе фонетическое». Приводимые ниже примѣры показываютъ, что авторъ предполагаетъ, что «отдали есме» перейдя «въ отдали есмя» измѣнялось затѣмъ въ «отдаля есмя», при чемъ отдаля вм. отдали обязано вліянію есмя; «отдаля есмя» вызвало затѣмъ «отдаля есте» и въ 3 л. мн. «отдаля». Не говоря уже о совершенной невѣроятности вліянія формы есмя на форму причастій, противъ этого ясно говорятъ самыя написанія, приводимыя г. Будде: есмя спустилѣ, взялѣ есмя и т. д.; если-бы въ есмя и взялѣ въ концѣ слова слышался одинъ и тотъ же звукъ, онъ, конечно, былъ бы выраженъ не двумя различными буквами, а одною и тою же. Не скажу, чтобы мнѣ было совершенно ясно происхожденіе древнерусскихъ причастныхъ формъ на—лѣ, не утверждаю, чтобы вопросъ о происхожденіи конечнаго *я* вм. *и* въ южновелик. говорахъ былъ бы простъ для разрѣшенія, но, къ сожалѣнію, долженъ признать, что г. Будде нисколько не приблизилъ насъ къ желательной истинѣ. Я думаю, что осторожность требуетъ отъ изслѣдователя: 1) отказаться отъ сопоставленія др.-русскихъ формъ далѣ, взялѣ съ совр. даля, взяля, 2) остаться при объясненіи А. И. Соболевскаго причастныхъ формъ на—лѣ, т. е. видѣть въ нихъ нефонетическую замѣну и черезъ *ѣ* подъ вліяніемъ чередованія формъ вин. мн. моѣ, князѣ, конѣ, мужѣ съ формами им. мн. мои, князи, кони, мужи, 3) допустить фонетическій переходъ еще въ эпоху великобѣлорусскаго единства конечнаго неударяемаго *е* (очень открытаго еще въ общерусск. языкѣ въ этомъ именно положеніи) въ *я*, что должно объяснить формы какъ естя, есмя, спи́тя и т. д., 4) пермское окончаніе дат. твор. мн. на *мя* (тѣмя,

всемя, аленькимя) толковать такъ же какъ окончаніе *мя* въ совр. литер. двумя, т. е. видѣть здѣсь результатъ вліянія формъ съ окончаніемъ *ми* на основное окончаніе (по происхожденію двойств. числа) *ма*, 5) касимовскія да́ля, сѣ́яля, мосал. куса́ля, касим. дѣхькя (им. мн.), яди́м са́мя, з двумя́ с рибя́тьмя объяснять фонетически изъ дали, дѣфьки и т. д., ср. съ этимъ: ба́рян, павойняк, уря́дьняк, про́лял въ тѣхъ же говорахъ.

7) На стр. 216—220 мы встрѣчаемся съ оригинальнымъ взглядомъ автора на окончанія *ой*, *ей* при *ый*, *ій* им. вин. ед. ч. именъ прилагательныхъ. Онъ утверждаетъ, что великорусскіе говоры или даже «та часть общерусскаго языка, изъ которыхъ выдѣлились будущіе великорусскіе говоры, должно быть, никогда не знала именъ прилагательныхъ муж. рода въ имен. п. ед. ч. въ опредѣленной формѣ съ другимъ окончаніемъ, кромѣ— *ой*, *ей* (изъ *ъи*, *ьи*)! До сихъ поръ большинство изслѣдователей объясняло наши слѣпо́й, криво́й изъ предполагаемыхъ слѣпый, кривый, сопоставляя съ такимъ измѣненіемъ *ый* въ *ой* переходъ мыю, крыю и т. п. въ мою, крою. До сихъ поръ въ наукѣ держится мнѣніе, что общерусскими формами им. вин. падежа надо признать не слѣпъи, кривъи, а слѣпый, кривый; особенно ясно указываютъ именно на такія общерусскія формы бѣлорусское и малорусское нарѣчія, не знающія окончанія *ой*, а представляющія окончаніе *ый* (*ы*); врядъ ли г. Будде согласится возводить эти *ый* (*ы*) къ общерусскому *ъи*, которое, конечно, дало бы въ результатѣ *ой*, подобно тому какъ общерусское *ьи*, напр. въ формахъ им. вин. пад. именъ существительныхъ или въ окончаніи род. пад. мн. числа, дало въ бѣлор. и малор. не *ій* (*и*), а *ей* (соловей, гусей). Происхожденіе такого *ьи* новое: оно явилось въ общерусскомъ языкѣ на мѣстѣ общеслав. языка *ии* не фонетически (ибо *ии* сохранялось безъ измѣненія, напр. въ повел. пий, въ оконч. прилаг. синій), а подъ вліяніемъ формы другихъ падежей тѣхъ же именъ (соловья, которое вм. соловия, гусьмъ). Въ силу этихъ соображеній я допускаю существованіе въ общерусскомъ языкѣ формъ какъ слѣпый, кривый, и великор. слѣпой, кривой вывожу изъ

нихъ фонетически. Замѣчу прежде всего, что измѣненіе дифтонгическихъ сочетаній *ый* и *ій* должно быть разсматриваемо вмѣстѣ съ измѣненіемъ звуковъ *ы* и *і* передъ *j* или вѣрнѣе неслоговымъ *і*, за которымъ слѣдуетъ гласная, т. е. что кривый, третій измѣнялись въ кривой, третей одновременно съ переходомъ мыю, шія въ мою, шея. Далѣе, самый фактъ перехода *ы*, *и* въ *о*, *е* ясно доказываетъ, что звуки *ы*, *и*, въ положеніи передъ неслоговымъ *і* (или *j*), звучали иначе, чѣмъ въ другомъ положеніи, а именно, вѣроятно, еще въ общерусскомъ языкѣ, были болѣе открыты, чѣмъ вообще. Наконецъ, *ы*, *и*, вѣроятно, измѣнились въ *о*, *е* не непосредственно, а путемъ постепеннаго измѣненія въ направленіи къ *о*, *е*. Окончательное измѣненіе *ый*, *ій* въ *ой*, *ей* имѣло мѣсто въ отдѣльныхъ нарѣчіяхъ великорусскаго языка, хотя повидимому еще въ велико-бѣлорусскую эпоху діалектически *ый*, *ій* успѣли значительно измѣниться въ направленіи къ *ой*, *ей*. Эти оба положенія ясно доказываются изученіемъ современныхъ великорусскихъ говоровъ. Съ одной стороны во многихъ изъ нихъ до сихъ поръ сохраняются *ый*, *ій* безъ измѣненія: сюда относятся прежде всего южновеликорусскіе говоры, сосѣдніе съ бѣлорусскими; такъ въ ельнинскихъ говорахъ Смол. губ. мы найдемъ: выить, мыю, аткрый, на шыи, шій (примѣры въ Этн. сб. Добровольскаго), въ мосальскихъ говорахъ Калуж. губ.: накрый, пій, рыеть, разрый, сшыешь (вм. сошьешь), умыйтесь и т. д., въ жиздринскихъ говорахъ той же губ.: ныить, раскрыисся, шыють, накрыуть, мыу (съ діалект. опущеніемъ неслогового *і*). То же произношеніе извѣстно въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Орловской губерніи (я самъ наблюдалъ его въ Брянскомъ уѣздѣ), а также Курской. Наконецъ, въ послѣднее время оно указано и для Воронежскаго и Павловскаго уѣздовъ, при чемъ нѣтъ основанія видѣть здѣсь малоруссизмы: помыи, выить, ныить, крыить, мыить (см. прекрасное изслѣдованіе К. Филатова, Очеркъ народныхъ говоровъ Ворон. губ., въ Русск. Фил. Вѣстн. за 1897 г.). Нельзя не отмѣтить, что во всѣхъ этихъ говорахъ въ окончаніи им. вин. п. именъ прилагательныхъ вм. *ый* мы най-

демъ *ой* подъ удареніемъ: въ виду сохраненія *ы* въ случаяхъ какъ крыю, мыю, мый, ясно, что такое *ой* нельзя возводить фонетически къ окончанію *ый*; поэтому мы должны объяснять *ой* этихъ говоровъ или заимствованіемъ изъ другихъ сосѣднихъ говоровъ, гдѣ рядомъ съ мою, крою явились фонетически кривой, сухой, или вліяніемъ на форму им. вин. ед. формъ прочихъ падежей прилагательныхъ, т. е. что измѣненіе—кривы́й, храмы́й въ криво́й, храмо́й обязано вліянію формъ криво́го, храмо́му. Мнѣ, кажется, вѣроятнымъ допустить именно такое объясненіе формъ на *ой* напр. для смоленскихъ и калужскихъ говоровъ. Съ другой стороны слѣдуетъ замѣтить, что фонетически *ый* измѣнилось именно въ *ой* далеко не во всѣхъ великорусскихъ говорахъ: вм. ожидаемаго *ой* мы находимъ во многихъ изъ нихъ *эй*, ср. діалектическое *эй* вм. *ый* и въ бѣлорусскихъ говорахъ. Въ настоящее время замѣна *ый* черезъ *эй* отмѣчена не только въ южновеликорусскихъ, но также и въ сѣверновеликор. говорахъ. Такъ, по указанію г. Филимонова, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Вытегорскаго уѣзда обыкновеннымъ произношеніемъ оказывается: баска́й, до́брэй, прѣснэ́й, тѣснэ́й, худэ́й, ста́рэй, цёрствэй (Изв. II Отд. И. А. Н., I, стр. 565, 569); по сообщенію г. Георгіевскаго, такое же произношеніе наблюдается въ южной части Петрозав. уѣзда: воронэ́й, слѣпэ́й, гнѣдэ́й, высо́кэй (Извѣстія, II, стр. 248); въ области южновеликор. нарѣчія отмѣтимъ ельнинск. палявэ́й, маладэ́й, лисавэ́й, святэ́й, чужэ́й, ді́унэй. Въ Мосальскомъ и Жиздринскомъ уѣздахъ, какъ отмѣчено, окончаніемъ им. ед. именъ прилаг. является *ой*, но рядомъ существуетъ произношеніе: мыю, крыю; въ югозападномъ углу Жиздр. у (Милѣевская и др. волости) находимъ произношенію мэю, крэю, накрэй и др., при чемъ точнѣе было бы передать ударяемый звукъ въ этихъ и подобныхъ словахъ черезъ букву ö. Рядомъ съ этой діалектической особенностью говора, на востокъ отъ котораго слышится уже мою, крою, а на западъ мыю, крыю, мы находимъ въ мосальскихъ и жиздринскихъ говорахъ указаніе на то, что и въ нѣкоторыхъ грамматическихъ формахъ окончаніе *ый* фоне-

тически измѣнилось въ *эй*. А именно въ этихъ говорахъ обыкновеннымъ, преобладающимъ окончаніемъ род., дат., мѣст. и твор. ед. именъ прилагательныхъ является эй: жиздр. р. ед. аднэй, святэй, маладэй, мѣстн. ед. на чужей старанѣ, у другэй избѣ, тв. ед. тэй же недѣлей, бѣлэй (а также бѣлэў) берёзоў, плохэю долею, водэу морскэу, мосальск.: тѣ же и другія, подобныя имъ формы. Такое же эй вм. ой находимъ въ ельнинскихъ говорахъ, гдѣ рядомъ и въ им. ед. прилагательныхъ извѣстно окончаніе эй; также въ Петрозаводскомъ и Вытегорскомъ уѣздахъ, гдѣ, какъ мы видѣли, преобладающимъ окончаніемъ им. ед оказывается эй. Ср. петроз.: подъ ногэй, съ бабэй, отъ злэй собаки, отъ молодэй жены, на высокэй сосны (сообщеніе Георгіевскаго), вытегор.: ппонэй, съ тобэй, мѣстн. ед. моло́дэй, до́брэй, на густэй травы, на другэй жены (сообщеніе Филимонова). Звукъ э въ указанныхъ окончаніяхъ явился не изъ *о*, иначе мы бы ждали стэй, рэй, вэйско; что онъ восходитъ къ звуку *ы*, ясно доказывается тѣмъ, что рядомъ съ нимъ видимъ *эй* въ им. ед. прилагательныхъ. Въ виду этого я считаю необходимымъ возводить окончаніе эй всѣхъ указанныхъ формъ къ ыѣ, ый (окончаніе род. п. ед. ч.), при чемъ молодой вм. молодыѣ, чередуясь съ молодой вм. молодоѣ, вызывало молодэй при молодой въ дат., мѣстн. и даже въ твор. пад. Въ виду такого объясненія окончанія эй, а также того, что въ им. ед. эй можно понять только какъ фонетическое измѣненіе дифтонга ый, слѣдуетъ, думаю, допустить, что во всѣхъ говорахъ, гдѣ въ настоящее время встрѣтится окончаніе эй, дѣйствовалъ нѣкогда фонетическій законъ о переходѣ *ы* передъ неслоговымъ і (й и іотированными гласными) въ э (вѣроятно, черезъ посредство ӧ открытаго, откуда въ другихъ великорусскихъ говорахъ о). Отсюда надо было бы вывести еще рядъ заключеній: 1) говоры, въ которыхъ рядомъ съ эй въ аднэй, маладэй извѣстно въ им. ед. прилагательныхъ окончаніе ой (маладой), заимствовали о вм. э изъ формъ род., дат., мѣстн. ед. числа (маладого и т. д.); сюда относятся мосальскіе, жиздринскіе, а частью и ельнинскіе говоры, гдѣ рядомъ съ эй извѣстно и ой; 2) говоры, въ которыхъ, рядомъ съ эй въ им. ед.

молодэй или въ род. ед. одэй, существуетъ произношеніе мыю, крыю, рый и т. п. сохранили и подъ вліяніемъ формъ рыти, крыть, мыла (ср. знаю при знать, знали): сюда относятся мосальскіе, жиздринскіе, ельнинскіе говоры; 3) говоры, въ которыхъ, рядомъ съ эй въ им. ед. молодэй или въ род. ед. одэй, извѣстно произношеніе мою, крою, рой, заимствовали его изъ сосѣднихъ говоровъ: сюда относятся петрозаводскіе и вытегорскіе говоры, если только въ нихъ дѣйствительно не встрѣчается мэю, крэю, рэй; 4) звукъ і въ положеніи передъ неслоговымъ і въ говорахъ, измѣнившихъ ы въ э, не измѣнялся параллельно въ *е*, а сохранялся какъ і, ср. мосальск. и ельнинск. шію, шія, при чемъ *е* въ лей, бей, пей (повел. накл.) объясняется изъ е не фонетически, а тѣмъ, что въ языкѣ существовало чередованіе между ударяемымъ звукомъ *е* въ однѣхъ формахъ и отсутствіемъ его въ другихъ, между тѣмъ какъ чередованіе звука *и* съ отсутствіемъ звука было вообще неизвѣстно (ср. лев—льва, весь—всѣ съ лей при лью).

Во всякомъ случаѣ звуковое сочетаніе *эй*, такъ же какъ *ой*, приводитъ насъ къ первоначальному сочетанію *ый*.

Послѣ всѣхъ этихъ замѣчаній ясно, что окончаніе *ый* нашихъ письменныхъ памятниковъ не можетъ быть, согласно мнѣнію г. Будде, разсматриваемо только какъ графическое изображеніе живого произношенія *ой*. Внимательное изученіе памятниковъ покажетъ въ будущемъ, насколько возможно по письменнымъ даннымъ нашего прошлаго судить о времени измѣненія звука *ы* въ положеніи передъ неслоговымъ *і*; теперь уже ясно, что оно случилось во всей области великорусскаго нарѣчія не одновременно, а въ разныя эпохи и при различныхъ условіяхъ; отмѣтимъ здѣсь вопросы, связанные съ ударяемостью и неударяемостью такого *ы*, а также вопросъ о томъ, случился ли окончательный переходъ *ы* въ *о* послѣ измѣненія сочетаній *кы*, *гы*, *хы* въ *ки*, *ги*, *хи* или до него; говоры, представляющіе произношеніе сухой, крѣпкій, вѣроятно, указываютъ на измѣненіе *кый*, *хый*, *гый* (еще не перешедшихъ въ *кій*, *хій*, *гій*) въ *кой*, *хой*,

гой, а говоры, гдѣ, рядомъ съ ловкой, морской, извѣстны и ловкё́й, морскё́й, указываютъ, конечно, на то, что, въ эпоху перехода *ый* въ *ой*, ловкый звучало уже какъ ловкій: отсюда ловкей, а подъ вліяніемъ ловкого, ловкому—ловкёй.

III.

Къ сожалѣнію, я долженъ прекратить нашу научную бесѣду: мы слишкомъ отклонились бы отъ прямой задачи разбора—дать критическую оцѣнку изслѣдованія г. Будде. По обѣимъ предыдущимъ главамъ можно составить себѣ лишь слабое понятіе объ этой книгѣ: я приводилъ только то, съ чѣмъ по моему мнѣнію нельзя въ ней согласиться, оставляя совершенно въ тѣни положительныя стороны почтеннаго труда. Не надѣюсь и въ этой части разбора успѣть въ достаточной степени выставить на видъ все то, что можно признать достоинствами сочиненія ученаго автора. Ограничусь поэтому указаніемъ на нѣсколько положеній и нѣсколько данныхъ, дѣлающихъ разбираемую нами книгу цѣннымъ и необходимымъ пособіемъ для будущихъ изслѣдователей русскаго языка.

Въ области фактовъ г. Будде знакомитъ насъ съ такими явленіями касимовской рѣчи, которыя до сихъ поръ были совершенно неизвѣстны; нѣкоторыя изъ нихъ проливаютъ совершенно новый свѣтъ на взаимныя отношенія русскихъ говоровъ.

Такъ мы узнаемъ теперь о произношеніи на крайнемъ сѣверо-востокѣ южновеликорусской области нал'лють, селен'ня вм. пальють, селенья (стр. 194), пахмѐл'я вм. пахмѐлья (стр. 114). Авторъ справедливо сопоставилъ это рѣдкое, по его замѣчанію, явленіе съ бѣлор. и малор. произношеніемъ, а также съ наллю́, ву́галля, замирѐння курскихъ говоровъ. Подобное же произношеніе, какъ извѣстно, является на западѣ, въ южновеликор. говорахъ, пограничныхъ съ бѣлорусскими (ср. мосальск. и жиздр. бѣл'лё, кры́л'ля, су́чча, бра́т'тя, лошад'дё, бад'дю́, суд'дя́, л'лю,

Өедосья, свиньями и т. п.; теперь. Благодаря наблюденію г. Будде, надо, конечно, отказаться отъ мысли, что въ подобныхъ произношеніяхъ курскихъ и калужскихъ говоровъ сказалось бѣлорусское вліяніе. Дѣйствительно, измѣненіе группы согласная+*j* въ двойную согласную, группы [illegible] согласныя, вслѣдствіе упрощенія [illegible] основными чертами великорусскаго [illegible] такъ, повидимому, общимъ великорусскимъ явленіемъ слѣдуетъ признать измѣненіе согласной+*j* въ одну согласную въ положеніи этой группы передъ звукомъ *i*: общерусскія птичьи, божьи, козьи, третьи (ср. древнерусск. третьи) измѣнились во всѣхъ великорусскихъ нарѣчіяхъ въ птичій, божій, козій, третій, при чемъ при новыхъ формахъ им. падежа явились и новыя формы косвенныхъ падежей: птичья, третья вм. птичьяя, третьяя. Въ нѣкоторыхъ, даже сѣверновеликорусскихъ говорахъ, извѣстно произношеніе треттій съ двумя *т*, что, конечно, являясь архаизмомъ, сравнительно съ третій, должно быть сопоставлено съ треттій, треття мосальскихъ говоровъ.

Немаловажнымъ открытіемъ слѣдуетъ признать замѣченные г. Будде дифтонги и долгія гласныя въ касимовскихъ говорахъ; весьма важно, что г. Будде рѣшился сопоставить ихъ съ дифтонгами и долготами вятскихъ говоровъ: наука ждетъ отъ Е. О. и отъ будущихъ изслѣдователей подробнаго и параллельнаго разсмотрѣнія относящихся сюда въ обоихъ говорахъ явленій. Пока не рѣшаюсь высказать своего мнѣнія о касимовскихъ долготахъ; ставлю въ заслугу г. Будде, что и онъ не сдѣлалъ какой-нибудь рѣшительной попытки связать русскія долготы съ долготами другихъ славянскихъ нарѣчій. Я не вижу изъ приводимыхъ имъ данныхъ, чтобы какой-нибудь звукъ, какое-нибудь окончаніе или слово непремѣнно произносилось всегда съ долгой или краткой гласной: количество гласной положительно зависитъ отъ условій, въ которыхъ слово находится въ связной рѣчи. Жаль, что въ образцахъ рѣчи, находящихся въ 1-омъ Приложеніи къ книгѣ г. Будде, въ рѣдкихъ лишь случаяхъ отмѣчена долгота; за-

мѣчу, кстати, что сравненіе записей съ примѣрами, приводимыми въ 1-ой главѣ I части, ясно доказываетъ, что долгота зависитъ отъ нѣкоторыхъ субъективныхъ причинъ, той или другой степени ударенія на словѣ, того или другого оттѣнка въ интонаціи и т. п.; ср. на стр. 336: вóску-ту *мнóγā*, а на стр. 34: вóску-ту *мнṓγā*, на стр. 334: рыбы-ти *мнóγа* у нáс; стр. 34: ýльи-ти *тṓжа*, а на стр. 337: жэ́ньшыны-ти *тóжа*; на стр. 33: *деⁱшóвāй*, а на стр. 34: *деⁱшṓвāй* и т. д. Жаль также, что замѣчаніе автора объ особой пѣвучести говоровъ нѣкоторыхъ волостей (прим. на стр. 80) не поставлено въ связь съ вопросомъ о долготахъ.

Весьма важно указаніе автора на произношеніе игрáјуот, приѣд'уот, вздумајуот—формъ 3 л. ед. ч. съ дифтонгомъ *уо*; *уо* совершенно правильно объясняется растяженіемъ звука *о*, ср. рядомъ съ ними формы, какъ приѣ́дёт, хóјёт. Въ подобныхъ формахъ на -уот, -ёт г. Будде видитъ указаніе на то, что касимовскіе говоры нѣкогда не акали, т. е. не обращали неударяемаго *о* въ *а*; ср. существующія теперь при нихъ же формы, какъ будят, выткят, ля́жāт, скáжāт (стр. 77). Это указаніе автора однородно съ цѣлымъ рядомъ другихъ его замѣчаній относительно того, что прошлое касимовскихъ говоровъ не соотвѣтствовало ихъ настоящему, приближаясь звуковой стороной къ окающимъ, сѣвернорусскимъ говорамъ. Знакомство съ описаннымъ г. Будде говоромъ произвело на меня такое же впечатлѣніе, и я согласенъ съ нимъ, когда онъ говоритъ, что аканье касимовскаго говора явленіе позднѣйшее, занесенное съ юга (стр. 260, 88, 330), заимствованное изъ сосѣднихъ акающихъ говоровъ; согласенъ и съ тѣмъ, что къ исконнымъ чертамъ касимовскаго говора, принадлежавшаго къ группѣ сѣверновеликор. говоровъ, должно причислить *г* (а не γ), при чемъ встрѣчающееся рядомъ γ надо считать заимствованіемъ изъ тѣхъ же южнорязанскихъ говоровъ (ср. стр. 20, 177 и др.); считаю также правильнымъ утвержденіе автора, что чёканье и цоканье касимовскихъ говоровъ ближайшимъ образомъ роднитъ ихъ съ сѣверновеликорусскими говорами (стр. 20); сѣверно же великорусскою чертою надо

[illegible] стр. 4[illegible] [illegible] (стр. [illegible]) [illegible] (стр. 14[illegible]) [illegible] Вмѣстѣ съ тѣмъ [illegible] мѣстахъ его книги [illegible] переселенцамъ съ сѣвера [illegible] признаны [illegible] шими [illegible] говоровъ. Такія [illegible] пріобрѣтеніемъ для [illegible] съ нѣкоторыми [illegible],— давшими возможность на [illegible] данныхъ языка, говорить о первоначальной [illegible] русскихъ нарѣчій и о причинахъ, вызвавшихъ появленіе той новой картины, которая развертывается теперь передъ наблюдателемъ. Вслѣдъ за авторомъ, мы заключаемъ, что Касимовскій уѣздъ былъ занятъ нѣкогда сѣверными великороссами и что лишь позже имъ пришлось испытать на себѣ вліяніе южныхъ великороссовъ; слѣдовательно, врядъ ли можно допустить, чтобы касимовскіе говоры издавна были пограничными между областями сѣверновеликорусскаго и южновеликорусскаго нарѣчій, были переходными говорами отъ одного изъ этихъ нарѣчій къ другому. Переходный говоръ нельзя было бы характеризовать такъ, какъ г-ну Будде удалось опредѣлить касимовскіе говоры: это, по его словамъ, говоры въ основаніи своемъ сѣверновеликорусскіе, испытавшіе на себѣ вліяніе южныхъ говоровъ. Слѣдовательно, авторъ правъ, расширяя первоначальную

границу сѣверновеликорусскаго нарѣчія: я думаю, что съ полнымъ основаніемъ можно будетъ современемъ отнести весь древній рязанскій край къ области сѣверновеликорусской; борьба со степью и татарское нашествіе отодвинули древнія племена, первоначальныхъ поселенцевъ къ сѣверу и сѣверовостоку, а ихъ мѣсто заняли вытѣсненныя съ юга и югозапада племена, вызвавшія своимъ движеніемъ паденіе Кіева и перенесеніе центра русской жизни въ бассейнъ рѣки Оки. Касимовцы—это остатки древне-русскаго населенія, а населеніе южныхъ уѣздовъ рязанской губерніи—это пришлецы съ юга и югозапада, занявшіе области, опустошенныя княжескими усобицами, половецкими набѣгами и нашествіемъ татаръ. Не нахожу ничего невѣроятнаго и въ другомъ предположеніи автора, что первоначальное населеніе рязанской и смежныхъ областей двинулось подъ напоромъ неблагопріятныхъ условій къ сѣверовостоку и заселило собою Вятскую область: во всякомъ случаѣ г. Будде провелъ слишкомъ убѣдительныя параллели между говорами Вятчанъ и Касимовцевъ, чтобы было возможно сомнѣніе относительно особой близости этихъ двухъ племенъ, въ настоящее время не граничащихъ другъ съ другомъ. Сходство между ихъ говорами выражается не только въ такихъ оригинальныхъ чертахъ, какъ присутствіе въ нихъ долготъ и дифтонговъ, но и въ болѣе мелкихъ, каковы напр. отмѣченное г. Будде произношеніе ля́хкая, при чемъ пока еще только въ Вятскомъ краѣ извѣстно *я* въ этомъ словѣ (стр. 48), или замѣна согласныхъ ч, ш, ж въ 1 л. ед. наст. вр. подъ вліяніемъ другихъ лицъ наст. вр. (колотю, носю, ср. стр. 174) и нѣк. др. Населенъ ли Вятскій край дѣйствительно Вятичами, они ли сидѣли раньше въ Рязанской области и были прямыми предками современныхъ Касимовцевъ, это все вопросы, которые врядъ ли можно рѣшить безъ основательнаго изученія вопроса о заселеніи Вятскаго и Рязанскаго края. Вотъ почему, соглашаясь съ г. Будде относительно характеристики касимовскихъ говоровъ въ отношеніи ихъ къ нарѣчіямъ сѣверно и южновеликорусскимъ, а также съ тѣмъ, что между вятскими говорами и касимов-

скими (вообще сѣверными рязанскими) существуетъ какая-то особая тѣсная связь, я пока не могу придавать особаго значенія попыткѣ признать Вятичей связующимъ звеномъ между тѣми и другими.

Благодаря остроумнымъ указаніямъ г. Будде на двойственный характеръ изслѣдованныхъ имъ говоровъ, на то, что въ основаніи ихъ лежитъ сѣверновеликорусскій говоръ, подвергшійся вліянію южныхъ говоровъ, передъ нами открывается рядъ вопросовъ, считать ли ту или другую черту въ фонетикѣ касимовскаго говора сѣверновеликорусскою или же заимствованною съ юга. Въ особенности останавливаетъ на себѣ вниманіе произношеніе звука *в* въ касимовскомъ говорѣ. Г. Будде цѣлымъ рядомъ прекрасно подобранныхъ примѣровъ на стр. 147—152 доказалъ, что мѣстами звукъ *в* произносится какъ неслоговое *у* и при томъ не только въ положеніи передъ согласными (праўду, даўно, дѣўка) или въ концѣ слова (γадóў, дамóў, пираγóў, карóў), но также въ серединѣ слова передъ гласными и даже между ними, равно какъ и въ началѣ слова передъ гласными (дўóя, дрáтўу, хўóст; нарыўáла, γалóўак, угаўóру; лáскаўая, ўорах, ўóзють и т. п.); при этомъ произношеніе *в* какъ неслоговое *у* извѣстно даже передъ мягкими гласными, хотя вѣроятнѣе, что здѣсь неслоговое *у* замѣняется черезъ неслоговое й: ўядрó (вѣроятно йадрó съ й несл.), ўяля́т, станóўим и т. д.; это неслоговое й можетъ переходить, вслѣдствіе болѣе тѣсной ассимиляціи съ слѣдующею гласною, въ неслоговое *і*: у Растоји, зγатóјить, дéјить и др.; такое же неслоговое й, какъ мы указывали уже выше, является на мѣстѣ неслогового *у* въ положеніи передъ слѣдующею мягкою согласною: дѣйки, трайки, с маркóјю и т. д. На вопросъ, видѣть ли въ этой любопытной фонетической чертѣ, впервые отмѣченной съ подробностью, черту сѣвернаго или южнаго великорусскаго вокализма, авторъ отвѣчаетъ на стр. 307—308 въ томъ смыслѣ, что разбираемое явленіе исконно принадлежало касимовскому говору и должно быть было характернымъ для говора древнихъ Вятичей; «въ древности, читаемъ мы на стр. 308,

это явленіе было извѣстно всему русскому языку и вотъ чѣмъ объясняется присутствіе этой мѣны *в* и *у* нынѣ въ такихъ говорахъ, какъ говоры Черниговской, Новгородской, Владимірской, Рязанской и друг. губерній». Кажется, г. Будде правъ и мы не имѣемъ достаточныхъ основаній относить смѣшеніе ў и *в* на счетъ южновеликор. вліянія. Правда, произношеніе в какъ ў свойственно нѣкоторымъ южновеликор. говорамъ; такъ напр. въ Мещовскомъ, Мосальскомъ и Жиздринскомъ уѣздахъ мы найдемъ ў вм. *в* во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, которые отмѣчены выше (Мещовск. Мосальск. ўосемь, ўесь, ўолю, кўасу, наўóс, ўозиш, даўольна, ўеди́), при чемъ *в* вообще отсутствуетъ въ языкѣ или произносится не какъ губнозубной, а какъ губногубной звукъ: карówа, wóтроду, наwóс, wóтки, бáлуwацца, wор, Wócип и т. д.; но отсутствіе мѣны *у* и *в* въ южныхъ рязанскихъ говорахъ (Будде, Къ діалектологіи 41—43), дѣлаетъ весьма вѣроятнымъ предположеніе автора о томъ, что черту *в*=ў надо сопоставлять не съ аканьемъ, не съ *т* мягкимъ въ 3 л., не съ γ вм. *г*, а съ остатками оканья, съ смѣшеніемъ *ч* и *ц* и тому подобными явленіями.

Весьма цѣнны указанія автора на случаи, гдѣ вм. *в* мы находимъ γ, а вм. *ф*—*х*. Произношеніе γ баку́, γ вадѣ, γ вярху̀, γ мисаѣт, γ рабóту сопоставляется имъ съ произношеніемъ: х тялѣ́ги, х пасáди, х пóля, х пóньках, х пóли и т. д. Поэтому появленіе γ въ подобныхъ случаяхъ нельзя сравнивать съ γ изъ г: г. Будде ясно указываетъ (стр. 318), что *г* вм. *в* совершенно неизвѣстно. Въ виду этого γ въ γ вадѣ, γ вярху́ и т. д. можно смѣло относить къ основнымъ, исконнымъ чертамъ касимовской фонетики и сравнивать его съ слышаннымъ мною въ Петрозав. уѣздѣ Олон. губ. γ въ случаяхъ какъ: γ воду, γ воды́ (въ водѣ), γ мóрю, ср. тамъ же *х* въ х карабли́; если мы вспомнимъ, что въ тѣхъ говорахъ Олон. губ., гдѣ отмѣчено подобное произношеніе, замѣчается и смѣна *в* на *у* неслоговое по крайней мѣрѣ въ положеніи передъ звонкими согласными (у меня отмѣчено: дерѐўня, дешéўле, рóўда, удóфка и нѣк. др.), окажется, что Петрозав. γ воды́ и касим. γ вадѣ́ должны имѣть одинаковое фонетическое объясненіе, стоящее при томъ въ связи

съ произношеніемъ *в* какъ *у* неслоговое. Я думаю, что о фонетическомъ переходѣ ў въ γ не можетъ быть и рѣчи; мы, конечно, ожидалибы въ такомъ случаѣ γ на мѣстѣ всякаго ў. Вѣроятнѣе объяснять γ изъ *в*, ср. измѣненіе *ф* въ *х* не только въ предлогѣ въ, но и въ словахъ какъ сарахан, Трахи́м, Ахонскай и т. п. Но неясно, какимъ образомъ вм. ў вадѣ́, ў по́ли явилось бы ввадѣ́, фпо́ли. Можетъ быть появленіе γ и *х* обязано такимъ случаямъ, гдѣ вм. ў, черезъ посредство ӥ неслогового, возникало неслоговое *і*, j: измѣненіе ў яму, ў jерaво́я по́ля, ў jимщика́, ў иго́ въ jаму, jеравоя, jимщика, jаго́ съ энергичнымъ (двойнымъ, долгимъ) j (ср. такое j, изображаемое черезъ γь, у г. Будде: γьють вм. вьютъ), появленіе j дереўню, j лѣс, j мѣшкѣ́, j мѣру и т. д. непосредственно вмѣсто j лѣс, j мѣру (а j вм. ӥ несл.), вызвали звукъ γ (твердый звукъ, соотвѣтствующій смягченному j) и *х* (твердый звукъ, соотвѣтствующій смягченному $х^1$, глухому отзвуку звонкаго j, напр. $х^1$ печи́) передъ твердыми гласными и согласными: рядомъ съ jверху́ являлось γ водѣ́, рядомъ съ $х^1$ печи́—х по́лю. Впослѣдствіи, когда средненёбныя согласныя измѣнились въ задненёбныя въ положеніи передъ мягкими зубными (ср. ряз. лехче вм. болѣе древняго $лех^1че$) и губными—j мѣру, $х^1$тялѣ́ги измѣнялись фонетически въ γ мѣру, х тялѣги. Совершенно аналогично появленіе *х* въ дѣхка, прибахка, паддзёхка (стр. 157): фонетически являлись дѣjки, прибаjки, паддёjкѣ, которыя и вызывали передъ твердымъ *к* звукъ, соотвѣтствующій j, j, т. е. *х*: дѣjки, откуда и $дѣх^1ки$ (дѣхьки, стр. 168), вызвало дѣхка. Замѣчу, что появленіе *х*, γ вм. предлога *въ* могло имѣть слѣдствіемъ смѣшеніе предлога *въ* съ предлогомъ *къ* (вм. котораго передъ нѣкоторыми звуками *х* и γ: х полю, γ дому): этимъ объясняется появленіе Петрозав. γ *водѣ́* вм. къ водѣ; дѣйствительно, измѣненія предлога *въ* вызвали различіе его судьбы въ зависимости отъ слѣдующей согласной: передъ звонкими являлось γ, передъ глухими *х*; тоже перенесено на предлогъ къ, вм. котораго γ стало употребляться не только въ случаяхъ какъ γ дому, но и въ такихъ какъ γ водѣ́, γ морю (Петрозав.). Отмѣтимъ здѣсь кстати,

что въ касимовскихъ говорахъ въ род. пад. окончаніемъ является не γо, а во, ўо: яво́ 179, яўо 147, сево́ 337, ницаво́ 336 и т. д.; вотъ почему г. Будде правъ, объясняя на стр. 162 сяо́, милоо, друγоа, цао́, яо́ и т. д. выпаденіемъ *в*, а точнѣе неслогового ў; въ этомъ измѣненіи γ формы род. ед. въ в едва ли не слѣдуетъ видѣть также сѣверновеликорусскую черту, такъ какъ южновеликорусскіе говоры (кромѣ московскаго, гдѣ много особенностей сѣвера), представляющіе произношеніе *г* какъ γ, не знаютъ перехода γ въ *в*.

Помимо новыхъ данныхъ изъ народныхъ говоровъ, г. Будде предложилъ цѣлый рядъ весьма убѣдительныхъ соображеній относительно различныхъ фонетическихъ и морфологическихъ явленій касимовскаго говора; я не стану останавливаться на этихъ объясненіяхъ и указаніяхъ автора, такъ какъ простой перечень ихъ врядъ ли поможетъ намъ охарактеризовать общіе пріемы автора и выяснить его дѣйствительныя заслуги; подробный же разборъ ихъ слишкомъ увеличитъ объемъ настоящей рецензіи.

Изслѣдованіе г. Будде, какъ видно изъ предшествующаго разбора, посвящено описанію звукового состава касимовскихъ говоровъ. Звуки и звуковыя явленія разсмотрѣны авторомъ съ замѣчательной обстоятельностью; онъ установилъ связь между ними и эпохой общерусскаго языка, проведя систематическое сравненіе ихъ съ звуковыми особенностями другихъ русскихъ говоровъ, современныхъ и древнихъ. Благодаря этому мы находимъ въ трудѣ г. Будде рядъ страницъ, относящихся къ исторіи русскаго языка вообще. Выясненіе звукового состава касимовскихъ говоровъ установило то мѣсто, которое они занимаютъ среди прочихъ великорусскихъ говоровъ, а это привело автора къ замѣчательному выводу о томъ, что нѣкогда область рязанская, или по крайней мѣрѣ сѣверная часть ея, нынѣ акающая, принадлежала

къ обширной области сѣверновеликорусскаго нарѣчія, при чемъ сѣверорусскіе говоры этихъ мѣстностей измѣнились подъ вліяніемъ сосѣднихъ южныхъ говоровъ, принадлежащихъ племенамъ, можетъ быть, лишь впослѣдствіи явившимся съ юга. Этотъ главный результатъ изслѣдованія г. Будде нельзя не признать цѣннымъ вкладомъ въ исторію русскаго языка. Въ виду этого, а также того замѣчательнаго трудолюбія, которымъ отличается авторъ, тонкой наблюдательности его и тщательности изслѣдованія, я думаю, что недостатки представленнаго имъ на премію сочиненія не могутъ помѣшать Отдѣленію русскаго языка и словесности присудить г-ну Будде премію имени Ломоносова, тѣмъ болѣе что эти недостатки въ значительной степени зависятъ отъ той спѣшности, съ которою ему пришлось работать.

А. Шахматовъ.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
ТОМЪ LXVI, № 3.

ОТЧЕТЪ
О
ДВѢНАДЦАТОМЪ ПРИСУЖДЕНІИ ПРЕМІЙ
ИМЕНИ
А. С. ПУШКИНА
ВЪ 1897 ГОДУ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1900.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Октябрь 1900 г. Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Двѣнадцатое присужденіе премій имени А. С. Пушкина.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

ДВѢНАДЦАТОЕ ПРИСУЖДЕНІЕ ПУШКИНСКИХЪ ПРЕМІЙ.

Отчетъ, читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 19-го октября 1897 года, предсѣдательствующимъ въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности, ордин. академ. А. Ѳ. Бычковымъ.

На соисканіе премій имени А. С. Пушкина въ текущемъ году поступило 19-ть сочиненій, въ томъ числѣ три перевода въ стихахъ. По предварительномъ ознакомленіи съ представленными сочиненіями, два, признанныя не подходящими подъ правила Пушкинскихъ премій, были исключены изъ конкурса и возвращены авторамъ, пять взяты на разсмотрѣніе членами Отдѣленія, а къ оцѣнкѣ остальныхъ 12-ти были приглашены сторонніе ученые и литераторы. По полученіи къ назначенному сроку рецензій была образована, согласно съ правилами о Пушкинскихъ преміяхъ, комиссія. Она состояла, подъ предсѣдательствомъ Августѣйшаго Президента Академіи, изъ пяти членовъ Отдѣленія и двухъ постороннихъ лицъ, В. П. Острогорскаго и И. Н. Потапенка. Къ сожалѣнію, остальныя приглашенныя въ комиссію лица: графъ А. А. Голенищевъ-Кутузовъ, Д. В. Григоровичъ, Я. П. Полонскій, А. Н. Пыпинъ и К. К. Случевскій не могли, по болѣзни и другимъ причинамъ, принять участія въ засѣданіи.

По прочтеніи въ этомъ засѣданіи доставленныхъ рецензій и внимательномъ обсужденіи ихъ была произведена баллотировка, вслѣдствіе которой два сочиненія: графа де Ла-Барта Пѣснь о Роландѣ — переводъ размѣромъ подлинника — и М. А. Лохвицкой (Жиберъ) Стихотворенія увѣнчаны каждое половинною Пушкинскою преміею. Изданные В. И. Шенрокомъ VI и VII томы Сочиненій Н. В. Гоголя, Листки изъ дѣтскихъ воспоминаній, десять автобіографическихъ разсказовъ В. П. Авенаріуса и Стихотворенія Е. А. Бекетовой удостоены почетнаго отзыва.

Оцѣнку стихотворнаго перевода графа де Ла-Барта Пѣсни о Роландѣ принялъ на себя членъ-корреспондентъ Отдѣленія А. И. Кирпичниковъ. Своему отзыву о переводѣ этого древнѣйшаго памятника народнаго французскаго эпоса, воспѣвающаго побѣды, одержанныя Карломъ Великимъ въ Испаніи, и повѣствующаго о боѣ въ ущельяхъ Ронсеваля, въ которомъ палъ бретанскій маркграфъ Роландъ, уважаемый рецензентъ предпослалъ краткое историческое обозрѣніе хода переводной литературы въ нашемъ отечествѣ. Это обозрѣніе онъ начинаетъ такъ: «Еще 106 лѣтъ тому назадъ извѣстный труженикъ на поприщѣ русской словесности В. К. Тредьяковскій выразилъ убѣжденіе, что успѣхи этой словесности въ значительной степени зависятъ отъ того, насколько усердно тѣ Россіяне, которые «цвѣтутъ искусствомъ языковъ», будутъ переводить на нашъ россійскій языкъ «все что преизряднѣйшее, все что полезнѣйшее, все что достойнѣйшее въ чужихъ языкахъ». Кто не знаетъ съ какой несокрушимой энергіей трудился самъ Василій Кирилловичъ надъ переводами того, что онъ считалъ «полезнѣйшимъ» (Исторія Ролленя и пр.) или «преизряднѣйшимъ» (Приключенія Телемака и пр.). Извѣстно, что во второй половинѣ XVIII вѣка русская литература такъ усердно обогащалась переводами всего «преизряднѣйшаго» и «достойнѣйшаго», что если смотрѣть только на количество, а

не на качество, то потомки, несравненно болѣе «цвѣтущіе искусствомъ языковъ», должны позавидовать своимъ предкамъ».

Къ сожалѣнію, наши дѣды и прадѣды не могли вполнѣ знакомиться въ этихъ переводахъ съ образцовыми произведеніями иностранныхъ литературъ, такъ какъ стихотворныя произведенія передавались тяжелою прозой; произведенія англичанъ, италіанцевъ, испанцевъ переводились съ французскихъ переводовъ, а иногда съ сокращеній и передѣлокъ; не всегда языкъ былъ довольно вразумителенъ, потому что переводчики были недостаточно свѣдущи въ языкѣ, съ котораго переводили, но тѣмъ не менѣе отечественная словесность, нашъ литературный кругозоръ и вкусъ развивались благодаря этимъ переводамъ.

Пушкинскій періодъ русской литературы до «Отцовъ и дѣтей» Тургенева беднѣе переводами, въ особенности въ отдѣльныхъ изданіяхъ, но за то эти переводы несравненно лучше, а иные являются совершенствомъ; даже переводчики романовъ достигали высокаго искусства и почетной, вполнѣ заслуженной извѣстности.

Съ начала 1860-хъ годовъ у насъ опять увеличивается количество переводовъ произведеній беллетристическихъ; нѣкоторые изъ нихъ добросовѣстны и удачны, но бо́льшая часть ниже самой снисходительной критики, хуже самыхъ плохихъ переводовъ Екатерининскаго и Александровскаго времени. Причина этого крайняя небрежность переводчиковъ, работающихъ на-спѣхъ, вслѣдствіе чего болѣе или менѣе требовательные читатели не рѣшаются пользоваться произведеніями русской переводной литературы. Та же торопливость мѣшала приниматься за переводъ обширныхъ эпическихъ произведеній, написанныхъ стихами, но такъ какъ русская публика желала знакомиться и съ ними, то являлись прозаическіе переводы, изложенія и даже довольно содержательныя изслѣдованія о нихъ.

«Къ серединѣ 1880-хъ годовъ, по словамъ рецензента, положеніе дѣла измѣняется: требовательность лучшей части читающей публики возрастаетъ, спѣшность въ работѣ слабѣетъ и за

важную задачу знакомить русское общество съ классическими произведеніями иностранной литературы часто берутся люди, спеціально къ тому подготовленные и имѣющіе возможность посвятить работѣ нѣсколько лѣтъ свободнаго и упорнаго труда. Отъ такихъ, стоящихъ на уровнѣ трудной и важной задачи переводчиковъ мы уже имѣемъ—Калевалу, Пѣснь о Нибелунгахъ и теперь получаемъ Пѣснь о Роландѣ, переводъ которой сдѣланъ графомъ Ф. де Ла-Бартомъ.

Въ небольшомъ предисловіи къ этой книгѣ академикъ А. Н. Веселовскій, указавъ на историко-литературное и эстетическое значеніе Пѣсни о Роландѣ и на предшествующіе переводы ея на русскій языкъ, говоритъ: «графъ де Ла-Бартъ постарался удовлетворить двумъ требованіямъ — сохранить какъ «поэтическое впечатлѣніе положеній и типовъ», такъ и печать времени, и даже самый стиль, насколько это возможно на другомъ языкѣ,—и сдѣлалъ это съ поэтическимъ чутьемъ, безъ котораго переводъ поэтическаго произведенія и не мыслимъ, и не желателенъ. Переводчику пришлось бороться съ подлинникомъ, въ которомъ есть и темноты, и спорныя мѣста: согласовать вѣрность не только буквѣ, но и духу оригинала, съ задачами художественнаго его переложенія на другой языкъ. Если порой случалось измѣнять буквѣ и по требованію стихотворнаго размѣра вставлять лишнее слово, переводчикъ руководился словаремъ поэмы, не выходя изъ условій ея стиля и образовъ. Такимъ образомъ ему удалось не только сохранить приблизительно объемъ оригинала, но и художественно передать одинъ изъ самыхъ поэтичныхъ памятниковъ средневѣковой старины, который несомнѣнно найдетъ читателей». Къ этому отзыву компетентнаго судьи всецѣло присоединился А. И. Кирпичниковъ. Онъ только это сужденіе подкрѣпляетъ приведеніемъ нѣсколькихъ образцовъ перевода параллельно съ текстомъ и указаніемъ терминовъ, отдѣльныхъ мѣстъ и цѣлыхъ строфъ, переведенныхъ по его убѣжденію особенно удачно. Примѣромъ можетъ служить переводъ графа де Ла-Барта начала Пѣсни о Роландѣ по Оксфордскому списку:

Державный Карлъ, нашъ славный императоръ,
Семь долгихъ лѣтъ въ Испаніи сражался:
И до моря вся горная страна
Въ его рукахъ; сдалися Карлу замки,
Разбиты башни, грады покорились,
И стѣны ихъ разсыпались во прахъ.
Лишь не взялъ Карлъ Великій Сарагоссы,
Что на горѣ стояла: царь Марсилій
Владѣетъ ею; въ Бога онъ не вѣритъ, —
Онъ Аполлину служитъ, Мухамеду, —
Но близокъ часъ погибели его.

По мнѣнію рецензента переводчикъ поступилъ цѣлесообразно, съ одной стороны удержавъ не стѣснительный размѣръ оригинала, а съ другой — отказавшись отъ воспроизведеній его ассонансовъ, мало обычныхъ, кромѣ пословицъ, въ русскомъ языкѣ. Нельзя не обратить вниманія на свободное и легкое построеніе стиха и фразы, которые совсѣмъ не отзываются переводомъ, а производятъ впечатлѣніе вольнаго и живого вдохновенія, и на эффектъ и силу послѣдней строчки въ приведенномъ примѣрѣ, которая въ переводѣ, безъ сомнѣнія, красивѣе, чѣмъ въ оригиналѣ.

Вообще переводчикъ, исходя изъ вѣрной мысли объ органическомъ соединеніи въ Пѣсни о Роландѣ народнаго и личнаго элемента, пользуется въ строго надлежащей мѣрѣ при переводѣ русскими былинными и пѣсенными оборотами, употребляя тѣ изъ нихъ, которые и въ новѣйшей поэзіи не поражаютъ необычностью. Затѣмъ А. И. Кирпичниковъ отмѣтилъ нѣсколько случаевъ, гдѣ переводъ графа де Ла-Барта расходится съ столь популярнымъ переводомъ Леона Готье, при чемъ, по его убѣжденію, правда на сторонѣ русскаго переводчика.

Указавъ нѣсколько трудныхъ для передачи стиховъ и фразъ, переведенныхъ замѣчательно удачно, рецензентъ перечисляетъ тѣ мѣста, которыя, по его мнѣнію, переведены не удачно или не вполнѣ удачно. При этомъ онъ былъ на столько требователенъ,

какъ будто графъ де Ла-Бартъ далъ намъ не стихотворный переводъ, а буквальный прозаическій. Всѣ эти замѣчанія имъ сдѣланы въ надеждѣ, что они обратятъ на себя вниманіе переводчика и при второмъ изданіи побудятъ его отнестись съ особеннымъ вниманіемъ къ отмѣченнымъ неточностямъ или неловкостямъ и въ твердомъ убѣжденіи, что удачный въ цѣломъ переводъ такихъ классическихъ, безсмертныхъ произведеній, какъ Пѣснь о Роландѣ, можетъ и долженъ подвергаться въ частностяхъ постояннымъ улучшеніямъ.

Обращаясь къ введенію и примѣчаніямъ, присоединеннымъ переводчикомъ къ его труду, многоуважаемый рецензентъ замѣчаетъ, что степень обширности и содержательности введенія къ переводу крупнаго произведенія иностранной литературы есть, безъ сомнѣнія, дѣло личной воли переводчика и читатели не въ правѣ сѣтовать на него, если онъ и вовсе не дастъ введенія. Но «Пѣснь о Роландѣ», «Нибелунги» — поэмы на столько сложныя по своему составу и возбуждающія столько вопросовъ, что при нихъ крайне желательны историко-литературныя введенія. Если же переводчикъ не желалъ давать цѣлаго изслѣдованія, то ему слѣдовало бы указать читателю, гдѣ можетъ онъ найти удовлетворительныя историко-литературныя свѣдѣнія о поэмѣ. Теперь же, безъ историко-литературной обстановки и безъ библіографическихъ указаній, интересныя и цѣнныя соображенія переводчика, высказанныя въ введеніи, о сліяніи въ поэмѣ элементовъ народнаго и личнаго, кажутся отрывочными и будутъ ясно поняты только весьма немногими знатоками дѣла. Что касается примѣчаній, то количество ихъ для такого древняго памятника у графа де Ла-Барта слишкомъ ограниченно, и они носятъ, какъ кажется, нѣсколько случайный характеръ.

Рецензентъ увѣренъ, что при послѣдующихъ изданіяхъ, которыхъ нельзя не пожелать прекрасной книгѣ графа де Ла-Барта, какъ введеніе будетъ пополнено историко-литературнымъ, хотя бы краткимъ, разборомъ поэмы, такъ и примѣчанія будутъ отличаться бо́льшею полнотою и равномѣрностью.

Въ виду несомнѣнныхъ и крупныхъ достоинствъ перевода графа де Ла-Барта, какъ со стороны его вѣрности оригиналу, такъ и со стороны художественной, рецензентъ полагалъ, что тяжелый и талантливо исполненный трудъ, столь полезный для русской литературы, вполнѣ заслуживаетъ преміи имени А. С. Пушкина. Комиссія, вполнѣ соглашаясь съ мнѣніемъ, высказаннымъ А. И. Кирпичниковымъ, единогласно признала переводъ Пѣсни о Роландѣ заслуживающимъ половинной Пушкинской преміи.

Разборъ Стихотвореній М. А. Лохвицкой (Жиберъ) представилъ, по просьбѣ Отдѣленія, нашъ членъ-корреспондентъ графъ А. А. Голенищевъ-Кутузовъ.

Въ книгѣ помѣщено болѣе ста стихотвореній, написанныхъ въ періодъ времени отъ 1889 по 1895 годъ включительно и раздѣленныхъ на четыре отдѣла, но дѣленіе это чисто внѣшнее и, можно сказать, случайное.

Всѣ стихотворенія г-жи Лохвицкой (Жиберъ),—говоритъ рецензентъ,—имѣютъ одно содержаніе, содержаніе это исчерпывается словомъ «любовь»; они, за весьма рѣдкими исключеніями, воспѣваютъ и изображаютъ это, старое какъ міръ, какъ человѣчество, чувство. Но мы далеки отъ того, чтобы ставить это однообразіе въ упрекъ автору, тѣмъ болѣе, что въ поэзіи г-жи Лохвицкой сплошь просвѣчиваетъ истинное дарованіе, а внѣшняя форма стихотвореній весьма привлекательна. Стихомъ г-жа Лохвицкая владѣетъ хорошо: онъ звученъ, безыскусственно-простъ, читается легко и также легко запоминается — несомнѣнный признакъ правильности и красоты; къ достоинствамъ внѣшней формы стихотвореній г-жи Лохвицкой слѣдуетъ еще причислить богатство риѳмъ, которымъ, къ сожалѣнію, многіе изъ современныхъ поэтовъ пренебрегаютъ.

Какъ образецъ, въ подкрѣпленіе всего вышесказаннаго, графъ Голенищевъ-Кутузовъ приводитъ слѣдующее стихотвореніе:

Если-бъ счастіе мое было вольнымъ орломъ,
Если-бъ гордо онъ въ небѣ парилъ голубомъ,
Натянула-бъ я лукъ свой пѣвучей стрѣлой,
И живой, или мертвый, а былъ бы онъ мой!

* * *

Если-бъ счастье мое было чуднымъ цвѣткомъ,
Если-бъ росъ тотъ цвѣтокъ на утесѣ крутомъ,
Я достала-бъ его, не боясь ничего,
Сорвала-бъ и упилась дыханьемъ его!

* * *

Если-бъ счастье мое было рѣдкимъ кольцомъ
И зарыто въ рѣкѣ подъ сыпучимъ пескомъ,
Я-бъ русалкой за нимъ опустилась на дно,—
На рукѣ у меня заблистало-бъ оно!

* * *

Если-бъ счастье мое было въ сердцѣ твоемъ,
День и ночь я-бы жгла его тайнымъ огнемъ,
Чтобы, мнѣ безъ раздѣла навѣкъ отдано,
Только мной трепетало и билось оно!

* * *

Нельзя — говоритъ рецензентъ, самъ выдающійся поэтъ, — въ болѣе яркой, оригинальной и красивой формѣ выразить порывъ молодой и страстной любви, не вѣрящей въ возможность преградъ и смѣло заявляющей о своей всепобѣдной силѣ.

Конечно, это одно изъ лучшихъ стихотвореній Сборника; встрѣчаются въ немъ и менѣе совершенныя по формѣ и даже вовсе неудачныя, но такихъ немного. Къ наиболѣе часто встрѣчающимся недостаткамъ формы въ стихотвореніяхъ г-жи Лохвицкой слѣдуетъ отнести неправильное чередованіе мужскихъ и женскихъ риѳмъ, а также смѣшанное стопосложеніе съ случайнымъ и непріятнымъ чередованіемъ шести-, пяти- и четырехъстопныхъ ямбовъ, какъ напр. въ стихотвореніи «Мракъ и Свѣтъ».

Если къ этому прибавить встрѣчающееся кое-гдѣ отсутствіе обязательной цезуры въ шестистопныхъ ямбахъ и нѣкоторые промахи въ родѣ употребленія слова «плечей» вмѣсто «плечъ», то этимъ исчерпываются всѣ замѣчанія, которыя можно сдѣлать г-жѣ Лохвицкой относительно формы ея стихотвореній.

Переходя ко внутреннему содержанію поэзіи г-жи Лохвицкой, рецензентъ замѣчаетъ, что посвященное почти исключительно воспѣванію и изображенію одного чувства любви, и притомъ не отвлеченной, не мечтательной и, такъ сказать, романтической, а любви страстной и чувственной, содержаніе это, столь ограниченное въ своемъ общемъ объемѣ, чрезвычайно разнообразится по построенію, по краскамъ, по освѣщенію и внѣшней формѣ воплощающихъ его стихотвореній, а потому и не утомляетъ читателя, не наскучаетъ, даже при послѣдовательномъ прочтеніи многихъ пьесъ подъ-рядъ, однотонностью напѣва и повтореніемъ однѣхъ и тѣхъ же картинъ. Всѣ образы, картины, мысли и рѣчи, правда, насквозь проникнуты однимъ чувствомъ, одною страстью, но сами они до безконечности разнообразны, и притомъ взятые въ отдѣльности почти всегда просты, оригинальны и жизненны.

Приведенныя рецензентомъ стихотворенія не только поясняютъ, но и доказываютъ все это.

Небольшая поэма «У моря» и стихотвореніе «Эллада», по мнѣнію рецензента, даютъ основаніе полагать, что если бы г-жа Лохвицкая захотѣла развить въ себѣ склонность къ эпической поэзіи, она могла бы и въ этомъ родѣ создать произведенія не лишенныя достоинства. Оба названныя стихотворенія, въ которыхъ видно такое тѣсное сочетаніе лиризма съ описательной картинностью, такое чуткое пониманіе красотъ природы, сила и вѣрность эпитетовъ, и, наконецъ, яркость образовъ, положительно указываютъ, что эпическій родъ поэзіи могъ бы быть не чуждъ дарованію поэтессы, и было бы жаль, если бы она пренебрегла этой стороной своего дарованія, ограничивъ его область исключительно лирикой.

Встрѣчаются у г-жи Лохвицкой стихотворенія, правда не многочисленныя, въ которыхъ она, со свойственною ей искренностію, выражаетъ чувство неудовлетворенности земными наслажденіями и земною любовію, чувство стремленія къ чему-то высшему и лучшему. Графъ Голенищевъ-Кутузовъ въ своемъ разборѣ приводитъ стихотвореніе «Сумерки», само по себѣ превосходное, изящное по построенію и подающее надежду, что поэтическій кругозоръ писательницы расширится и что талантъ ея почерпнетъ изъ сокровищницы жизни болѣе разнообразное и богатое содержаніе, чѣмъ это было до сихъ поръ:

Съ сліяньемъ дня и мглы ночной
Бываютъ странныя мгновенья,
Когда слетаютъ въ міръ земной
Изъ міра тайнаго видѣнья...

* * *

Скользятъ въ туманѣ темноты
Обрывки мыслей... клочья свѣта...
И блѣдныхъ образовъ черты,
Забытыхъ межъ нигдѣ и гдѣ-то...

* * *

И сердце жалостью полно,
Какъ будто жжетъ его утрата
Того, что было такъ давно...
Что было отжито когда-то...

* * *

По поводу этого стихотворенія рецензентъ выражаетъ искреннее пожеланіе, чтобы настроеніе, съ такою удивительною тонкостью переданное въ этомъ стихотвореніи, было предвѣстьемъ наступленія новаго творческаго періода въ литературной дѣятельности г-жи Лохвицкой, чтобы «обрывки мыслей» и «клочья свѣта» превратились въ *настоящія мысли* и *настоящій свѣтъ*, который озарилъ бы для нея значеніе жизни не только какъ

алтаря любовныхъ наслажденій, не только какъ храма красоты, но и какъ чертога добра и божественной правды.

По мнѣнію рецензента, Стихотворенія г-жи Лохвицкой вполнѣ достойны Пушкинской преміи. Комиссія присудила г-жѣ Лохвицкой половинную премію имени А. С. Пушкина.

Для разбора представленныхъ на соисканіе Пушкинскихъ премій VI и VII томовъ 10-го изданія Сочиненій Н. В. Гоголя, напечатанныхъ подъ редакціею Н. С. Тихонравова и В. И. Шенрока, Отдѣленіе обратилось къ содѣйствію своего члена-корреспондента А. Н. Пыпина.

Предварительно разбора этихъ двухъ томовъ, рецензентъ изложилъ соображенія Н. С. Тихонравова, которыми онъ руководился при 10-мъ изданіи Сочиненій Гоголя. Они состояли въ установленіи правильнаго ихъ текста и въ возможной полнотѣ собранія, необходимой для основательнаго историческаго изученія произведеній и личности поэта.

Извѣстно,—говоритъ А. Н. Пыпинъ,—какъ обѣ эти задачи были исполнены Тихонравовымъ. Въ изданныхъ имъ томахъ комментаріи и варіанты занимаютъ въ каждомъ цѣлыя сотни страницъ. Но Тихонравовъ не успѣлъ докончить своего изданія. Смерть застигла его среди работъ надъ шестымъ томомъ. Для окончанія этого труда собственникъ изданія пригласилъ г. Шенрока, уже многіе годы посвящавшаго свой досугъ ревностнымъ изслѣдованіямъ по біографіи Гоголя. Понятно, что приглашенный продолжать изданіе, бо́льшая часть котораго уже была исполнена Тихонравовымъ, г. Шенрокъ принялъ сполна его программу изданія, которую высоко цѣнилъ: точно такъ же онъ печаталъ тексты, старательно сличая рукописные и печатные матеріалы и собирая обширные варіанты, и точно такъ же старался изслѣдовать исторію тѣхъ пьесъ и набросковъ Гоголя, какіе вошли въ VI и VII томы изданія.

Примѣчанія редактора и варіанты, составляющіе почти сполна работу г. Шенрока, занимаютъ въ VI томѣ страницы 542—827, за исключеніемъ исторіи текста Ревизора (стр. 587—619), которая взята изъ прежней отдѣльной работы Тихонравова надъ этой комедіей. Въ VII-мъ томѣ эти примѣчанія редактора и варіанты занимаютъ страницы 475—826; затѣмъ описаніе рукописей — страницы 829—947; наконецъ, нѣсколько указателей къ цѣлому изданію, составленныхъ исключительно г. Шенрокомъ, занимаютъ почти 140 страницъ. Таковъ внѣшній объемъ работы. Собираніе крупныхъ и мелкихъ разнорѣчій потребовало отъ г. Шенрока большого труда. Съ такимъ же стараніемъ — заявляетъ рецензентъ — исполнилъ онъ другую сторону задачи — объясненіе исторіи писательской дѣятельности. Каждая пьеса, крупная и мелкая, каждый набросокъ и отрывокъ находитъ свое историческое объясненіе. Въ VI-мъ томѣ особенно подробное объясненіе дано исторіи текста комедіи «Женитьба». Обширныя объясненія посвящены второй редакціи «Ревизора», первоначальной редакціи «Коляски» и др. Въ VII-мъ томѣ обширный трактатъ занятъ исторіей текста первой части «Мертвыхъ душъ».

Заканчивая изданіе, начатое Н. С. Тихонравовымъ, г. Шенроку пришлось строго держаться конспекта своего предшественника относительно того, что̀ должны были заключать VI и VII томы, и способа изданія. Небольшія отступленія отъ плана, допущенныя г. Шенрокомъ, и не значительны и могутъ быть вполнѣ оправданы.

Весь основной трудъ по изданію въ этихъ двухъ томахъ произведеній Гоголя, его набросковъ и замѣтокъ, частью варіантовъ извѣстныхъ ранѣе сочиненій, частью новыхъ, этотъ трудъ — говоритъ рецензентъ — исполненъ г. Шенрокомъ весьма обстоятельно, и достаточно взглянуть на безконечные списки варіантовъ, чтобъ оцѣнить положенную на ихъ составленіе громадную работу. Редакторскія примѣчанія г. Шенрока, заключающія исторію различныхъ произведеній Гоголя, весьма полно собираютъ матеріалъ, который служитъ для объясненія этой исторіи.

При огромной массѣ мелкихъ фактовъ, съ какою приходилось имѣть дѣло г. Шенроку, трудно было обойтись безъ нѣкоторыхъ неисправностей. Онъ и самъ признаетъ нѣкоторые недостатки корректуры въ отдѣлѣ варіантовъ, но эти недостатки нисколько не умаляютъ достоинства изданія. Въ цѣломъ внимательный и настойчивый трудъ г. Шенрока заслуживаетъ полнаго уваженія. Вмѣстѣ съ біографіей Гоголя это довершеніе сложнаго изданія, начатаго Тихонравовымъ, составитъ большую заслугу г. Шенрока въ объясненіи нашего великаго писателя, и г. рецензентъ съ своей стороны считалъ бы справедливымъ — если то будетъ возможно по другимъ условіямъ — вознаградить сложную работу г. Шенрока по изданію VI и VII томовъ Сочиненій Гоголя полною преміею.

Комиссія, раздѣляя вполнѣ мнѣніе рецензента о заслугахъ г. Шенрока по изданію двухъ послѣднихъ томовъ полнаго собранія сочиненій Н. В. Гоголя и о достоинствѣ его труда, тѣмъ не менѣе, за отсутствіемъ достаточныхъ суммъ и въ виду 9 пункта правилъ о преміяхъ А. С. Пушкина, принуждена выразить г. Шенроку свое одобреніе лишь присужденіемъ ему почетнаго отзыва.

Разсмотрѣніе представленнаго на соисканіе Пушкинскихъ премій сборника В. П. Авенаріуса: автобіографическихъ разсказовъ подъ заглавіемъ «Листки изъ дѣтскихъ воспоминаній», принялъ на себя, по просьбѣ Отдѣленія, В. П. Острогорскій, который и представилъ въ Отдѣленіе подробный разборъ этого сочиненія.

Въ дѣтской беллетристикѣ приблизительно до 1860-хъ годовъ, за рѣдкими исключеніями, господствовала надоѣдливая мораль, сентиментальность, искусственность; писавшіе для дѣтей почти никогда не отличались талантливостью художника, и дѣтскія книги не давали почти ничего ни уму, ни сердцу, ни воображенію ребенка. Мало-мальски даровитыя дѣти не любили этой

«своей» литературы, ища художественной пищи въ книгахъ для взрослыхъ. Но, подъ вліяніемъ измѣнившихся въ русскомъ обществѣ взглядовъ на задачи воспитанія, измѣнились и требованія отъ дѣтской книги. Къ ней предъявляются теперь уже тѣ же самыя художественныя требованія, какія предъявляемъ мы и къ литературѣ взрослыхъ. Въ настоящее время изъ беллетристики признаются годными для дѣтей единственно только тѣ произведенія, которыя, воспитывая художественно-этически дѣтскую душу, возбуждаютъ въ ней благородныя и прекрасныя мысли и чувства, и въ то же время могутъ быть занимательными и художественными и для взрослыхъ.

Среди писателей этой новой художественной дѣтской литературы одно изъ наиболѣе видныхъ и почетныхъ мѣстъ уже много лѣтъ занимаетъ В. П. Авенаріусъ. На литературное поприще онъ выступилъ еще въ 1865 году и съ 1870-хъ годовъ почти всецѣло посвящаетъ свой талантъ юношеству. Его оригинальныя, и въ своемъ родѣ единственныя у насъ, книги «Отроческіе» и «Юношескіе годы А. С. Пушкина», одинаково интересныя и для дѣтей, и для взрослыхъ, стали любимѣйшими книгами русскаго юношества.

«Прекрасный, живой и необыкновенно простой языкъ, говоритъ рецензентъ, мастерской разсказъ, захватывающій читателя, порой доходящій до драматизма; умѣнье выбрать, выдвинуть, освѣтить только самое нужное, существенное; отсутствіе слащавости, сентиментальности, малѣйшей поддѣлки подъ дѣтскую или народную рѣчь; благородная мораль, идейность, вполнѣ естественно вытекающая изъ изображенной жизни, изъ говорящихъ воображенію и чувству образовъ и картинъ; представленіе высокаго, прекраснаго, граціознаго, возбуждающаго въ юношѣ любовь къ жизни, къ родинѣ, къ человѣчеству; гуманность въ широкомъ и лучшемъ смыслѣ этого слова, добродушный юморъ — вотъ симпатичныя черты этого писателя, всецѣло отдавшаго талантъ свой «пробужденію чувствъ добрыхъ» въ подрастающихъ поколѣніяхъ».

«Листки», какъ указано и въ заглавіи, носятъ характеръ

вполнѣ автобіографическій. Самъ семьянинъ, любовно лелѣющій въ душѣ, какъ святыню, добрыя родовыя воспоминанія о своихъ родителяхъ, дядяхъ, теткѣ, братьяхъ и сестрахъ,— о своемъ, ушедшемъ въ невозвратную даль, золотомъ дѣтствѣ, авторъ простодушно и искренне, съ необыкновенной теплотой и задушевностью, обращается къ своему идиллическому прошлому и беретъ изъ него въ десяти эпизодическихъ очеркахъ только отроческій періодъ отъ 6—15 лѣтъ, домъ дяди и родителей съ ихъ школой, гдѣ получилъ онъ подготовительное къ гимназіи образованіе, затѣмъ четыре класса гимназіи, которой, впрочемъ, авторъ, ограничиваясь исключительно семьей, почти вовсе не касается, и заключаетъ свои разсказы неожиданной смертью, отъ холеры, любимаго отца.

Ознакомивъ въ самыхъ общихъ чертахъ съ содержаніемъ книги, рецензентъ заключаетъ свой разборъ слѣдующими словами:

«Если удачное слитіе прекрасной формы въ смыслѣ языка, живости, интереса и картинности изображеній съ опредѣленной доброй идеей признается необходимымъ условіемъ всякаго художественнаго произведенія, то книгу г. Авенаріуса считаемъ мы именно таковымъ, причемъ она, независимо даже отъ своихъ художественныхъ достоинствъ, имѣетъ еще и большое значеніе педагогическое. Все это, взятое вмѣстѣ, и даетъ намъ право признать эту книгу вполнѣ достойною преміи въ честь того незабвеннаго поэта, который одной изъ величайшихъ заслугъ своихъ признавалъ то,

... что чувства добрыя онъ лирой пробуждалъ...»

Принимая во вниманіе вышеизложенныя замѣчанія г. рецензента, Комиссія признала представленный на соисканіе Пушкинскихъ премій трудъ В. П. Авенаріуса «Листки изъ дѣтскихъ воспоминаній» заслуживающимъ почетнаго отзыва.

Разборъ стихотвореній покойной Екатерины Андреевны Бекетовой Отдѣленіе поручило своему члену-корреспонденту Апол-

лону Николаевичу Майкову, но ему не суждено было выполнить это порученіе, такъ какъ онъ самъ скончался 8-го марта текущаго года. Маститый поэтъ успѣлъ однако заняться просмотромъ Сборника Бекетовой, сдѣлалъ кое-какія замѣтки на экземплярѣ, бывшемъ у него въ рукахъ, и даже набросалъ первыя строки задуманной рецензіи. Вотъ эти строки, дающія понятіе о томъ, какое сужденіе слагалось у критика:

«Милое и грустное впечатлѣніе производитъ эта маленькая книжечка. Ни претензій, ни самонадѣянности, ни протестовъ, ни ходуль — все искренно, все натурально, и что всего болѣе плѣняетъ, это — душевная чистота, поэтическое чувство какъ бы безсознательное, натура неизломанная. Къ книжечкѣ можно примѣнить строки, находящіяся въ стихотвореніи «Ожиданіе»:

А въ рощѣ молодой, прохладной и тѣнистой,
Душистыхъ ландышей селеніе ростетъ;
Раскрывшись, каждый ихъ цвѣточекъ серебристый
Волшебный ароматъ далеко разольетъ...

Противъ этого стихотворенія Аполлонъ Николаевичъ написалъ: «мило и оригинально», и дѣйствительно оно принадлежитъ къ числу наиболѣе своеобразныхъ произведеній Е. А. Бекетовой какъ по изяществу формы, такъ и по красотѣ образовъ.

Разбросанныя по Сборнику Е. А. Бекетовой замѣтки Аполлона Николаевича Майкова приведены въ порядокъ его братомъ, академикомъ Л. Н. Майковымъ, и, взятыя въ цѣломъ, являются вѣрнымъ подтвержденіемъ отзыва, высказаннаго поэтомъ. Находящимися при нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ отмѣтками Аполлонъ Николаевичъ хотѣлъ указать на особенно художественныя и могущія быть названными безотносительно прекрасными. Одна изъ такихъ пьесъ называется «Весна», и хотя касается предмета, безконечное число разъ воспѣтаго поэтами, тѣмъ не менѣе сохраняетъ характеръ оригинальности. Вотъ это стихотвореніе:

Я снова средь полей, среди уединенья;
Я наслаждаюсь вновь свободой и весной,
И наяву меня тревожатъ сновидѣнья,
И призраки опять встаютъ передо мной.

***

Куда влечетъ меня, чего хочу — не знаю;
Но все стремлюсь душой въ таинственную даль,
И все чего-то жду, о чемъ-то все мечтаю,
И все томитъ меня безвѣстная печаль...

***

Дышать такъ хорошо, и все кругомъ такъ чудно,
Гармоніи весны природа вся полна;
Казалось, все въ душѣ такъ спало непробудно;
Но увлекла меня весенняя волна...

***

И вотъ въ душѣ опять всѣ струны зазвучали;
Все плачетъ, все поетъ, и все смѣется вновь,
И слышится въ душѣ, средь смѣха и печали,
Къ чему-то... иль къ кому... неясная любовь...

***

Аполлонъ Николаевичъ подчеркнулъ послѣдній стихъ и написалъ противъ него: «очень мило». Очевидно, его плѣнила та свѣжесть непосредственнаго дѣвственнаго чувства, которымъ проникнуто стихотвореніе.

Полное посмертное изданіе стихотвореній Е. А. Бекетовой даетъ возможность, — говоритъ Л. Н. Майковъ въ концѣ разбора, — познакомиться съ ея талантомъ во всемъ его объемѣ и позволяетъ сказать, что ея имя не должно быть забыто въ лѣтописяхъ русской поэзіи. А. Н. Майковъ, намѣреваясь въ своемъ отзывѣ обратить вниманіе Отдѣленія на поэтическое дарованіе преждевременно скончавшейся писательницы, говорилъ, что почетный отзывъ, присужденный ея произведеніямъ, будетъ спра-

ведливою данью ея памяти, поэтическимъ вѣнкомъ, возложеннымъ на ея могилу.

Комиссія вполнѣ раздѣлила мнѣніе покойнаго поэта.

Въ изъявленіе признательности Академіи гг. постороннимъ рецензентамъ, обязательно принявшимъ на себя разсмотрѣніе нѣкоторыхъ изъ представленныхъ на конкурсъ трудовъ, Отдѣленіе, пользуясь дарованнымъ ей правомъ, присудило золотыя Пушкинскія медали: членамъ-корреспондентамъ: графу А. А. Голенищеву-Кутузову, А. И. Кирпичникову, Я. П. Полонскому и А. Н. Пыпину и гг. И. Ѳ. Анненскому, П. И. Вейнбергу, В. П. Острогорскому, И. Н. Потапенку и И. А. Шляпкину.

Въ заключеніе настоящаго отчета считаю долгомъ отъ имени Отдѣленія помянуть теплымъ словомъ А. Н. Майкова. Покойный поэтъ принималъ близко къ сердцу интересы Пушкинскихъ конкурсовъ, такъ какъ по нимъ можно было слѣдить за движеніемъ и успѣхами отечественной литературы. Онъ постоянно присутствовалъ на этихъ конкурсахъ и нерѣдко по просьбѣ Отдѣленія, о чемъ оно съ благодарностію вспоминаетъ, составлялъ для нихъ исполненные тонкаго и вѣрнаго художественнаго вкуса разборы сочиненій, поступавшихъ на соисканіе Пушкинскихъ премій, и въ нихъ съ похвальнымъ безпристрастіемъ отдѣлялъ пшеницу отъ плевелъ и даже въ послѣднихъ старался находить то, что̀ заслуживало вниманія. Оцѣнкою сочиненія А. Н. Майкова— «Два міра» открылись Пушкинскіе конкурсы, а въ сегодняшнемъ засѣданіи мы слышали его посмертное слово. Отсутствіе нашего маститаго поэта при присужденіи Пушкинскихъ премій въ нынѣшнемъ году было весьма замѣтно и, несомнѣнно, будетъ чувствоваться и при послѣдующихъ конкурсахъ.

I.

Пѣснь о Роландѣ (la Chanson de Roland), переводъ размѣромъ подлинника графа Ф. де Ла-Барта, съ предисловіемъ академика А. Н. Веселовскаго, введеніемъ и примѣчаніями переводчика. Спб. 1897.

Критическій разборъ, составленный А. И. Кирпичниковымъ.

Еще 160 лѣтъ назадъ извѣстный «труженикъ» на поприщѣ русской словесности В. К. Тредьяковскій выразилъ убѣжденіе, что успѣхи этой словесности въ значительной степени зависятъ отъ того, насколько усердно тѣ россіяне, которые «цвѣтутъ искусствомъ языковъ», будутъ переводить «на нашъ Россійскій языкъ» «все что преизряднѣйшее, все что полезнѣйшее, все что достойнѣйшее въ чужихъ языкахъ». Извѣстно, съ какой несокрушимой энергіей трудился самъ Василій Кирилловичъ надъ переводами того, что онъ считалъ «полезнѣйшимъ» (Исторія Ролленя и пр.) или «преизряднѣйшимъ» (Приключенія Телемака и пр.). Извѣстно, что во второй половинѣ XVIII вѣка русская литература такъ усердно обогащалась переводами всего «преизряднѣйшаго» и «достойнѣйшаго», что если смотрѣть только на количество, а не на качество, то потомки, несравненно болѣе «цвѣтущіе искусствомъ языковъ», должны позавидовать своимъ предкамъ: не говоря о выдающихся произведеніяхъ текущей европейской литературы, которыя, не смотря на добрый обычай сообщать заранѣе о предпринятомъ переводѣ въ газетахъ, иногда появлялись въ нѣ-

сколькихъ переводахъ одновременно, классики всѣхъ временъ и народовъ переводились и отдѣльно и цѣльми собраніями въ такомъ количествѣ, что сотни, если не тысячи великихъ произведеній до сихъ поръ у насъ имѣются только въ переводахъ екатерининскаго времени. Переводчиками были и тайные дѣйствительные совѣтники и офицеры и сержанты гвардіи, и семинаріи студенты, и даже дворовые «человѣки» изъ знатныхъ домовъ; точно всякій, кто *цельз искусствомъ* хотя бы одного французскаго языка и имѣлъ возможность собрать нѣсколько десятковъ рублей на изданіе книжки или найти издателя, считалъ себя обязаннымъ потрудиться на этомъ поприщѣ не для выгоды, конечно, и даже не для славы — имена переводчиковъ мы узнаемъ большею частію только изъ цензурныхъ архивовъ, — а изъ внутренней почти инстинктивной потребности дать возможность своимъ согражданамъ хоть *какъ нибудь* познакомиться со всѣмъ, «что достойнѣйшее въ чужихъ языкахъ».

Въ огромномъ большинствѣ случаевъ черезъ эти переводы наши дѣды и прадѣды могли знакомиться съ образцовыми произведеніями иностранной литературы только *какъ нибудь:* стихотворныя произведенія переводились тяжелой прозою; произведенія англичанъ, итальянцевъ, испанцевъ переводились съ французскихъ переводовъ, а иногда сокращеній и передѣлокъ; не всегда переводы были «довольно вразумительны» не потому, что переводчикъ спѣшилъ или относился къ своему дѣлу небрежно (какъ это часто бываетъ въ наше время), а потому что онъ не довольно *цельз искусствомъ* въ томъ языкѣ, съ котораго переводилъ, или былъ недостаточно развитъ для пониманія переводимаго. Тѣмъ не менѣе отечественная словесность наша, нашъ литературный кругозоръ и вкусъ развивались, шли впередъ именно благодаря безкорыстнымъ трудамъ этихъ безыменныхъ переводчиковъ.

Пушкинскій и вообще весь классическій періодъ русской литературы (до «Отцовъ и дѣтей» Тургенева включительно) бѣднѣе переводами, въ особенности въ отдѣльныхъ изданіяхъ; но за то

эти переводы несравненно лучше, а иные изъ нихъ являются совершенствомъ въ томъ или другомъ родѣ: припомнимъ переводы Жуковскаго изъ нѣмецкихъ и англійскихъ романтиковъ, Иліаду Гнѣдича, Адъ Данта Мина, переводы съ греческаго и латинскаго, помѣщенные въ Пропилеяхъ и пр. и пр.; даже иные переводчики романовъ (какъ напр. Иринархъ Введенскій) достигали высокаго искусства и почетной, вполнѣ заслуженной извѣстности. Съ начала 1860-хъ годовъ у насъ опять увеличивается количество переводовъ, какъ научныхъ сочиненій, такъ и произведеній беллетристическихъ; первые въ значительномъ большинствѣ случаевъ вполнѣ удовлетворительны; переводы романовъ и повѣстей часто добросовѣстны и удачны; но многіе (едва ли не большая часть) ниже самой снисходительной критики, хуже самыхъ плохихъ переводовъ екатерининскаго и александровскаго времени. Причина этого теперь другая: не незнаніе иностранныхъ языковъ и не недостатокъ развитія — предложеніе труда со стороны образованныхъ людей и тогда, какъ теперь, у насъ далеко превышало спросъ, а крайняя небрежность переводчиковъ и издателей, которые работали «на спѣхъ» до такой степени, что болѣе или менѣе требовательныхъ читателей рѣшительно лишали возможности пользоваться произведеніями русской переводной литературы, если только послѣднія появлялись не подъ отвѣтственностью солидныхъ журналовъ или извѣстныхъ въ литературѣ именъ. Та же торопливость умственной жизни русскаго общества того времени (вполнѣ удовлетворительно объясняемая историческими причинами) мѣшала приниматься за переводы обширныхъ *эпическихъ* произведеній, написанныхъ стихами[1]); но такъ какъ умственно-возбужденная русская публика желала знакомиться и

---

[1]) Шекспиръ и др. драматурги до Кальдерона и Лопе де Вега включительно, въ которыхъ нуждалась принявшая серьозное направленіе русская сцена, еще находили переводчиковъ и иногда очень хорошихъ. Счастливое исключеніе составляли также нѣмецкіе классики, Шиллеръ, Гете, Лессингъ, за переводъ которыхъ принимались люди, прекрасно къ тому подготовленные и способные; но и въ ихъ работѣ нельзя не видѣть нѣкоторой спѣшности, почти не бывалой въ 1840-хъ и въ началѣ 50-хъ годовъ.

съ ними, то являлись прозаическіе переводы, изложенія, и даже довольно солидныя изслѣдованія о нихъ находили себѣ мѣсто въ литературныхъ журналахъ.

Къ серединѣ 1880-хъ годовъ положеніе дѣла измѣняется: требовательность лучшей части публики возрастаетъ; спѣшность въ работѣ слабѣетъ, и за важную задачу знакомить русское общество съ классическими произведеніями иностранной литературы часто берутся люди, спеціально къ тому подготовленные и имѣющіе возможность посвятить работѣ если не двадцать лѣтъ, какъ Гнѣдичъ переводу Иліады, то во всякомъ случаѣ два-три года свободнаго, но упорнаго труда.

Отъ такихъ стоящихъ на уровнѣ своей трудной и важной задачи переводчиковъ мы уже имѣемъ Калевалу (перевелъ г. Бѣльскій), Пѣснь о Нибелунгахъ (г. Кудряшовъ), и теперь получаемъ Пѣснь о Роландѣ, переводъ которой сдѣланъ ученикомъ А. Н. Веселовскаго, спеціалистомъ по романскимъ нарѣчіямъ, графомъ Ф. де Ла-Бартомъ.

Въ небольшомъ предисловіи къ этой книгѣ, А. Н. Веселовскій, указавъ на историко-литературное и эстетическое значеніе Пѣсни о Роландѣ и на предшествующіе переводы ея на русскій языкъ, говоритъ: «Графъ де Ла-Бартъ постарался удовлетворить тому и другому требованію (сохранить какъ «поэтическое впечатлѣніе положеній и типовъ», такъ и «печать времени» и даже самый стиль, насколько это возможно на другомъ языкѣ) и сдѣлалъ это съ поэтическимъ чутьемъ, безъ котораго переводъ поэтическаго произведенія и не мыслимъ, и не желателенъ. Переводчику пришлось бороться съ подлинникомъ, въ которомъ есть и темноты, и спорныя мѣста: согласовать вѣрность не только буквѣ, но и духу оригинала, съ задачами художественнаго его переложенія на другой языкъ. Если порой случалось измѣнять буквѣ и въ виду стиха вставлять лишнее слово, переводчикъ руководился *словаремъ поэмы, не выходя изъ условій ея стиля и образовъ*. Такимъ образомъ ему удалось не только сохранить приблизительно объемъ оригинала, но и художественно передать

одинъ изъ поэтичнѣйшихъ памятниковъ средневѣковой старины, который несомнѣнно найдетъ читателей».

Нижеподписавшійся всецѣло присоединяется къ этому авторитетному сужденію академика А. Н. Веселовскаго, равно какъ и раздѣляетъ его надежду на будущій успѣхъ труда графа де Ла-Барта у русской публики[1]). Онъ только постарается мотивировать это сужденіе приведеніемъ образцовъ перевода параллельно съ текстомъ и указаніемъ терминовъ, отдѣльныхъ мѣстъ и цѣлыхъ строфъ, переведенныхъ, по его убѣжденію, *особенно* удачно; затѣмъ онъ перейдетъ къ перечисленію немногихъ недосмотровъ и мѣстъ, которыя, какъ онъ думаетъ, можно было бы передать ближе къ тексту, и въ заключеніе укажетъ, чѣмъ, по его крайнему разумѣнію, слѣдовало бы пополнить введеніе къ переводу.

Пѣснь о Роландѣ по Оксфордскому тексту начинается такъ:

Carles li reis, nostre emperere magnes,
Set anz tuz pleins ad estet en Espaigne:
Tresqu'en la mer cunquist la tere altaigne.
N'i ad castel ki devant lui remaignet;
Mur ne citet n'i est remés à fraindre
Fors Sarraguce, ki est en une (mun)taigne.
Li reis Marsilie la tient, ki Deu n'en aimet,
Mahummet sert e Apollin recleimet;
Ne s'poet guardev que mals ne li ateignet.

---

[1]) Между прочимъ я увѣренъ, что Пѣснь о Роландѣ въ этомъ изящномъ переводѣ должна служить прекраснымъ чтеніемъ для мальчиковъ отъ 10—13, 14 лѣтъ: извѣстно, какъ наши дѣтскія и ученическія библіотеки бѣдны занимательными и въ тоже время здоровыми, не разслабляющими нервы, подобно большинству современныхъ дѣтскихъ повѣстей, книгами именно для этого возраста. Поэма настолько безупречна въ нравственномъ отношеніи, что для дѣтскаго изданія изъ нея не понадобится исключать ни одного стиха (а развѣ только сократить перечисленіе полковъ Балигана). Если же снабдить такое изданіе по возможности исторически-вѣрными иллюстраціями: снимкомъ съ рукописи, изображеніями вооруженія, одежды, мебели и пр., мы получимъ книгу, чрезвычайно полезную и для преподавателя ис?

Графъ де-Ла-Бартъ переводитъ:

Державный Карлъ, нашъ славный императоръ,
Семь долгихъ лѣтъ въ Испаніи сражался:
И до моря вся горная страна
Въ его рукахъ; сдалися Карлу замки,
Разбиты башни, грады покорились,
И стѣны ихъ разсыпались во прахъ.
Лишь не взялъ Карлъ Великій Сарагоссы,
Что на горѣ стояла: царь Марсилій
Владѣетъ ею; въ Бога онъ не вѣритъ,—
Онъ Аполлину служитъ, Мухамеду,—
Но близокъ часъ погибели его.

Считаю излишнимъ распространяться о томъ, насколько цѣлесообразно поступилъ переводчикъ, съ одной стороны удержавъ нестѣснительный размѣръ оригинала и съ другой отказавшись отъ воспроизведенія на русскомъ языкѣ малообычныхъ для него ассонансовъ[1]). Обращаю вниманіе на свободное и легкое построеніе стиха и фразы, которое совсѣмъ не отзывается переводомъ, а производитъ впечатлѣніе вольнаго и живого вдохновенія и на эффектъ и силу послѣдней строчки, которая въ переводѣ, безъ сомнѣнія, красивѣе, чѣмъ въ подлинникѣ. Но не слѣдуетъ ли это обстоятельство поставить въ упрекъ переводчику? По моему убѣжденію, ни коимъ образомъ. Если переводчикъ, оставаясь въ предѣлахъ «словаря поэмы» и въ кругѣ ея понятій, можетъ мѣстами выразиться понятнѣе и лучше оригинала, лишать себя этой возможности и употреблять тяжелый оборотъ текста было бы такъ же неразумно, какъ гравёру хорошей старинной картины воспроизводить пятно, явившееся на оригиналѣ отъ времени или отъ нечаянной порчи.

Li reis при имени Карла гр. де-Ла-Бартъ переводитъ: *державный* (дальше много разъ — *король*); то же слово при имени

[1]) Они употребительны только въ пословицахъ.

Марсилія—царь (сравни былинное: воръ-собака Калинъ-*царь*); опять-таки это, по моему мнѣнію, удачная и вполнѣ дозволительная поправка къ тексту.

Tuz pleins графъ де-Ла-Бартъ могъ бы перевести ближе; онъ могъ бы сказать:

Семь *цѣлыхъ* лѣтъ . . .

Но кто не согласится, что «семь *долгихъ* лѣтъ . . .» красивѣй и рельефнѣе, и выражаетъ именно тотъ оттѣнокъ утомительности, который желалъ выразить поэтъ?

Точно также въ ст. 4 было бы ближе:

. . . Сдались *всѣ* замки Карлу;

но *сдалися Карлу замки* и звучнѣй и картиннѣй, а мысль выражена та же самая: если Карлъ не взялъ «одной лишь Сарагоссы», ясно, что онъ взялъ *всѣ* другіе замки.

Въ ст. 17 *cunfundre* превосходно передано глаголомъ *разгромить.*

Ст. 21 Si m'guarisez e de mort e de hunte—прекрасно переданъ сложнымъ предложеніемъ:

Какъ уйти отъ смерти
И какъ вѣрнѣй позора избѣжать.

Въ ст. 37 и слѣд. (какъ и много разъ ниже) косвенная рѣчь Бланкандрина передана прямою, что̀ придаетъ ей бо̀льше рельефности и живости.

Ст. 96: Li empereres se fait e balz et liez—превосходно переданъ нашимъ пѣсеннымъ выраженіемъ:

Могучій Карлъ и *радостенъ и свѣтелъ.*

Вообще переводчикъ, исходя изъ вѣрной мысли объ органическомъ соединеніи въ Chanson de Roland народнаго и личнаго элемента, въ строго надлежащей мѣрѣ пользуется русскими

былинными и пѣсенными оборотами, пуская въ ходъ тѣ изъ нихъ, которые и въ новѣйшей личной поэзіи не поражаютъ необычностью.

Превосходно краткое описаніе наружности Карла въ ст. 117 и слѣд., вѣрное не буквѣ, но смыслу оригинала.

Волной сѣдыя кудри ниспадаютъ,
А борода его бѣлѣе снѣга.
Прекрасенъ Карлъ, горда его осанка.

Очень удачно переведена эпическая формула ст. 157-го

Bels fut li vespres e li soleilz fut cler.
Пылалъ закатъ; свѣтило ярко солнце.

Удачно передаются формулы: «dulce France» — *Франція-краса*; *par grant saveir* — *съ большимъ искусствомъ* и мн. др.

Вотъ, на выборъ изъ многихъ, два-три примѣра строфъ, переведенныхъ особо удачно (можно сказать: безукоризненно) отъ перваго стиха до послѣдняго

Стр. XXV: Quant ço veit Guenes qu'ore s'en rit Rollanz,
Dunc ad tel doel, pur poi d'ire ne fent,
A ben petit que il ne pert le sens,
E dit al cunte: To ne vus aim nient;
Sur mei avez turnet fals jugement.
Dreiz emperere, veiez me ci en present,
Ademplir voeill voste comandement.

Услышалъ смѣхъ Роланда Ганелонъ;
Въ его груди отъ горя и досады
Такъ сжалось сердце, что едва-едва
Онъ устоялъ: «тебя я ненавижу!»
Воскликнулъ онъ: «лишь по винѣ твоей
Неправедно въ послы я нынѣ избранъ! . . .
Правдивый Карлъ, я здѣсь передъ тобою
И что велишь — исполню въ тотъ же мигъ».

Стр. LVII: Tresvait li jur, la noit est aserie
Carles se dort, li empereres riches;
Sunjat qu'il eret as greignurs porz de Sizer,
Entre ses poinz teneit sa hanste fraisnine;
Guenes li quens l'ad (de)sur lui saisie,
Par tel aïr l'at trusseé e brandie,
Qu'envers le cel en volent les esclices.
Carles se dort qu'il ne s'esveillet mie.

Проходитъ день, сгустился сумракъ ночи.
Могучій Карлъ почилъ и видитъ сонъ:
Онъ у воротъ широкихъ цезарейскихъ;
Въ рукѣ копье изъ ясеня онъ держитъ;
Вдругъ Ганелонъ схватилъ копье, тряхнулъ—
И отъ него осколки разлетѣлись . . .
Все спитъ король — до утра не проснулся[1]).

Или изъ конца, стр. CCLXXI:

Païen sunt morz, alquant turnet en fuie,
E Carles ad sa bataille vencue.
De Sarraguce ad la porte abatue,
Or set il ben que n'est mais defendue;
Prent la citet, sa gent i est venue.
Par poëstet icele noit i jurent.
Fiers est li reis à la barbe canue,
E Bramidonie les turs li ad rendues;
Les dis sunt grandes, les cinquante menues.
Mult ben espleitet qui damnes Deus aïuet.

Великій Карлъ разбилъ полки невѣрныхъ,—
Побитыхъ тьма,— другіе разбѣжались!
Повержены ворота Сарагоссы:
Ничто не можетъ Карлу быть преградой,

1) Отмѣчу также какъ особенно удачно переведенную строфу 127-ю.

Вошелъ онъ въ городъ, съ нимъ его дружины,
Проспали тамъ до утренней зари.
И гордъ и свѣтелъ Карлъ сѣдобородый.
Ему ключи вручила Брамимонда
Великихъ башенъ больше десяти
И малыхъ башенъ больше полусотни
Да, счастливъ тотъ, кому поможетъ Богъ!

Отмѣчаю нѣкоторые случаи[1]), гдѣ переводъ графа де Ла-Барта расходится съ столь популярнымъ переводомъ Леона Готье, при чемъ, по моему убѣжденію, правда на сторонѣ русскаго переводчика.

Въ ст. 518 Ганелонъ отвѣчаетъ Марсилію: Jo ne l'desotrei mie, что Готье переводитъ: Je ne *les* refuse point. Но такъ какъ рѣчь идетъ пока только объ одномъ подаркѣ — о дорогой шубѣ, которую Марсилій предлагаетъ Ганелону въ вознагражденіе за свою грубость, то въ русскомъ переводѣ мы читаемъ:

Охотно, царь, подарокъ принимаю.

Въ ст. 1480 мы читаемъ:

As innocenz vos en serez séant.

По моему мнѣнію, архіеп. Турпинъ обѣщаетъ христіанскимъ воинамъ, которые падутъ въ битвѣ съ невѣрными, не только рай вообще, но и указываетъ имъ спеціальное мѣсто въ немъ вмѣстѣ съ младенцами, которыхъ избилъ Иродъ. Извѣстно, что эти младенцы, какъ первые мученики за Христа, на католическомъ западѣ пользовались великимъ почтеніемъ и что объ нихъ слага-

---

[1]) Я нисколько не сомнѣваюсь въ томъ, что подобныхъ случаевъ не одинъ десятокъ; но я не считалъ себя обязаннымъ сличать весь переводъ гр. де-Ла-Барта съ переводомъ Готье и другими, а привожу только два-три образчика того, что стихотворный переводъ ближе къ тексту, нежели прозаическій, напечатанный en regard и сдѣланный извѣстнымъ спеціалистомъ, въ доказательство внимательности русскаго переводчика.

лись очень поэтичныя легенды[1]), не безъ вліянія иконографіи, обильно пользовавшейся этимъ трагическимъ сюжетомъ. Христіанскіе воины, «на брани убіенные», приравнивались именно къ этимъ св. младенцамъ.

Готье не обратилъ на это вниманія, и вышеприведенный стихъ перевелъ

Demain vous y (въ раю) serez assis tout prés des Saints

и въ словарѣ объяснилъ, что innocenz значитъ les Saints en general.

Гр. де Ла-Бартъ переводитъ ближе:

Вы завтра всѣ возсядете средь хора
Святыхъ страдальцевъ.

Ст. 3323 Plus qu'on ne lancet une verge pelée Готье переводитъ: de plus loin que le jet d'un baton. Но pelée отъ *pellis* мѣхъ, шерсть или отъ *pilus* волосъ; во всякомъ случаѣ *verge pelée* — прутъ оперенный, т. е. стрѣла.

Гр. де Ла-Бартъ такъ и переводитъ:

И на полетъ стрѣлы впередъ отъѣхалъ (стр. 244).

Въ доказательство внимательности переводчика и точности перевода я могу привести такой характерный случай: на стр. 236-й графу де Ла-Барту не удалось умѣстить въ стихъ, что Торлей — царь Персидскій — обстоятельство, въ сущности не важное; но онъ все же ради точности находитъ для него мѣсто въ слѣдующей 237-й строфѣ.

---

[1]) Какъ, напр., одна знатная женщина, желавшая принести высокую жертву Христу и пріобрѣсти за себя ходатая на небесахъ, но не имѣвшая дѣтей, вымолила себѣ у Господа ребенка (былъ чудесно оживленъ младенецъ изъ воску), который и былъ убитъ воинами Ирода; какъ матери, пытавшіяся спасти своихъ чадъ въ лѣсахъ отъ смерти за Христа, были наказаны тѣмъ, что ихъ младенцы обратились въ совъ и т. д.

Большая трудность представлялась переводчику въ выдуманныхъ именахъ небывалыхъ языческихъ народовъ, составлявшихъ армію Балигана, и онъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ счастливо побѣждаетъ ее, пользуясь замѣтками о Chanson de Roland, разбросанными въ спеціальныхъ журналахъ [1]).

Что касается до способа передачи французскихъ собственныхъ именъ, то *Немонъ* Баварскій вмѣсто столь извѣстнаго по балладамъ Жуковскаго *Наима* сразу можетъ непріятно поразить читателя; но многочисленныя параллели и прежде всего *Guenes*, косв. Guenelun, котораго всегда передаютъ *Ганелонъ*, убѣдятъ его, что для перевода необходимо брать форму косвенныхъ падежей.

Въ заключеніи этого отдѣла моей рецензіи не могу не указать хотя бы нѣсколькихъ трудныхъ для передачи стиховъ и фразъ, переведенныхъ замѣчательно удачно.

Ст. 705 Ço dit li reis que sa guere out finée. Въ переводѣ (стр. 56-я):

И молвилъ Карлъ: конецъ войнѣ жестокой!

Ст. 842—3. C. milie Francs pur lui unt grant tendrur

E de Rollant merveilluse poür.

Переведено (стр. 69):

идутъ печально франки,
Боятся всѣ, трепещутъ за Роланда.

Въ строфѣ 80-й въ оригиналѣ Роландъ обращается только къ Оливьеру; но по смыслу вторая половина его рѣчи должна быть обращена ко всѣмъ французамъ, и переводчикъ смѣло и

---

[1]) Я только не могу понять, чѣмъ руководствуясь, перевелъ онъ *Argoiller* стиховъ 3259 и 3474 словомъ *Жмудь* (въ ст. 3527 Arguille переведено Аргойльцы; см. стр. 261); во всякомъ случаѣ Жмудь въ Африкѣ (см. стр. 258) производитъ нѣсколько странное впечатлѣніе.

находчиво передаетъ его отвѣтъ обращеніемъ: *Товарищи!* Замѣчательно удачно передана красивая и въ текстѣ постепенность сближенія войскъ въ окончаніяхъ строфъ 92-й и 93-й.

Ст. 1169: A cez paroles vunt les oz ajustant.

Переводъ:

На бой дружины начали сходиться.

Ст. 1187: Francs e paiens as les vus ajustez.

Переводъ:

Смотрите, вотъ на бой сошлись дружины!

Въ ст. 1647 архіеп. Турпинъ говоритъ о своемъ противникѣ:

Unches n'amai cuard ne cuardie.

Cuard обыкновенно значитъ *трусъ;* но мрачный Абизмъ въ чемъ другомъ, а въ трусости не повиненъ, и потому въ переводѣ: «Я никогда терпѣть не могъ *кичливыхъ*». Въ передачѣ трудныхъ и для буквальнаго перевода ст. 1790 и слѣд. мы находимъ у гр. де Ла-Барта и изящный переводъ и необходимый комментарій.

Очень красиво и въ тоже время близко къ тексту переведены короткія, но сильныя описанія природы, свойственныя народному эпосу; напр. стихи 1830—1 (въ переводѣ стр. 140):

Высокъ и грозенъ рядъ вершинъ угрюмыхъ,
На днѣ долинъ ручьи струятся быстро.

Ст. 2007 Jo l'vos parduins ici e devant Deu
переведенъ замѣчательно просто и точно:

Пусть васъ проститъ Господь.

Въ разсказѣ о смерти Оливьера (ст. 2010 и слѣд.) цѣлый рядъ трудностей побѣжденъ чрезвычайно удачно.

Въ ст. 2583 lessev cunfundre можно ли перевести лучше, какъ народнымъ выраженіемъ: «дать въ обиду» (у гр. де Ла-Барта стр. 189, 12)? И т. д. и т. д.

Нельзя, по моему мнѣнію, лучше перевести и загадочнаго послѣдняго стиха поэмы:

Ci falt la geste, que Turoldus declinet —
Здѣсь прерваны Турольдовы «сказанья».

Въ виду особенностей стиля Пѣсни о Роландѣ и заявленія академика А. Н. Веселовскаго о вставкѣ «лишнихъ словъ» переводчикомъ можно бы думать, что гр. де Ла-Бартъ поневолѣ удлинилъ поэму нѣсколькими сотнями стиховъ, которые не могутъ не ослабить впечатлѣнія. Но вотъ какіе результаты далъ мнѣ довольно, смѣю надѣяться, тщательный подсчетъ. Болѣе всего прибавлено стиховъ въ началѣ поэмы, пока переводчикъ не вошелъ еще въ ея отчасти ляпидарный стиль [1]).

Но послѣ трехъ сотъ приблизительно стиховъ на 3 случая прибавки стиха мы имѣемъ два и болѣе случая, въ которыхъ переводчику удавалось передать однимъ стихомъ два стиха текста, большею частію безъ пропуска какого либо даже незначительнаго оттѣнка [2]). Въ послѣдней четверти поэмы отношеніе между числомъ стиховъ въ текстѣ и въ оригиналѣ уравнивается, иначе сказать, достигаетъ *идеала*.

Перехожу къ перечисленію тѣхъ мѣстъ, которыя, по моему мнѣнію, переведены неудачно или не вполнѣ удачно, при чемъ считаю нужнымъ предварительно замѣтить, что въ этомъ отдѣлѣ моего отзыва я позволяю себѣ быть даже придирчивымъ, въ такой

---

[1]) Вмѣсто одного стиха текста два стиха у переводчика: стр. 5, 13, 23, 100, 116, 126, 240, 287, 300, 306 (3 стиха вмѣсто одного), 316, 364, 449, 467, 536 и т. д. Полтора стиха вм. одного: 716, 802, 840 и т. д. Больше всего «лишнихъ словъ» противъ текста въ стр. 86, гдѣ 15 стиховъ переданы 21.

[2]) 343—4, 434—5, 630—1, 707—8, 994—5, 1034—5, 1593—4, 1639—40, и т. д. Въ стр. 206-й 10 стиховъ передано 7-ю, при чемъ ничего кромѣ ненужной здѣсь формулы въ ст. 2852, не пропущено.

мѣрѣ, какую только допускаетъ справедливость. Такъ, если извѣстный стихъ или выраженіе при первомъ чтеніи мнѣ показались неловкими, а при второмъ (параллельномъ съ оригиналомъ) я примирился съ этой неловкостью или тяжеловатостью, я все же помѣщаю это мѣсто въ предлагаемый списокъ; а съ другой стороны вношу въ него и то мѣсто или стихъ, которые произвели на меня неблагопріятное впечатлѣніе недостаточной точностью только при вторичномъ чтеніи. Относительно точности я позволяю себѣ быть почти настолько требовательнымъ, какъ будто графъ Де-ла-Бартъ далъ намъ не стихотворный переводъ, а буквальный прозаическій изъ тѣхъ, какіе помѣщаются en regard съ текстомъ, для лучшаго пониманія послѣдняго.

Такъ поступаю я въ надеждѣ, что мои замѣчанія обратятъ на себя вниманіе переводчика и при второмъ изданіи побудятъ его отнестись съ особенно строгою критикой къ отмѣченнымъ неточностямъ или неловкостямъ, и въ твердомъ убѣжденіи, что удачный въ цѣломъ переводъ такихъ классическихъ, безсмертныхъ произведеній, какъ Пѣснь о Роландѣ, можетъ и долженъ подвергаться въ частностяхъ постояннымъ улучшеніямъ и, такъ сказать, шлифовкѣ.

2-я строфа начинается стихомъ:

Li reis Marsilie esteit en Sarraguce

Переведено:

Однажды былъ Марсилій въ Сарагоссѣ.

Прибавленное слово: *однажды*, я полагаю, не соотвѣтствуетъ величавому тону эпоса, вноситъ въ картину элементъ случайности, неопредѣленности, какъ бы анекдотичности[1]); это сказочное, а не былевое слово, выходящее въ данномъ случаѣ, по выраженію А. Н. Веселовскаго, изъ условій стиля и образовъ поэмы.

---

[1]) Можетъ быть, возможно воспользоваться эпитетомъ изъ 1-й строфы:
Марсилій былъ въ нагорной Сарагоссѣ.

Стихъ 33. Изъ рѣчи сарацина Бланкандрина:

Cinquante carres qu'en ferat cariev,

Переведено:

Чтобъ *славный* Карлъ, французовъ повелитель,
Возовъ огромныхъ больше полусотни
Могъ нагрузить богатыми дарами . . .

Въ народномъ эпосѣ, какъ извѣстно, преимущественно въ рѣчахъ дѣйствующихъ лицъ въ большомъ ходу *окаменѣлые* эпитеты, употребляемые безъ вниманія къ тому, соотвѣтствуетъ ли въ данномъ случаѣ эпитетъ настроенію говорящаго (такъ, и татары называютъ нашу землю *свято-русскою*, Идолище самъ себя называетъ Идолище *поганое*); но вставлять ихъ, гдѣ ихъ нѣтъ въ оригиналѣ, переводчикъ едва ли имѣетъ право, тѣмъ болѣе что онъ и самъ признаетъ (см. Введеніе XII, XVIII и др.) въ Пѣсни о Роландѣ присутствіе личнаго художественнаго творчества, по условіямъ котораго похвалы Карлу въ устахъ Бланкандрина не возможны.

Послѣ перечисленія пословъ сарацинскихъ (стихъ 69) переводчикъ вставляетъ отъ себя стихъ:

Посольства цѣль Марсилій объясняетъ.

По моему мнѣнію, онъ ни на что не нуженъ, такъ какъ за нимъ непосредственно слѣдуетъ самая рѣчь Марсилія.

Стихи 72—3:

Branches d'olives en voz mains porterez,
Ço senefiet pais e' *humilitet*.

Переводъ:

Возьмите каждый въ руки вѣтвь оливы,
Какъ символъ мира.

Слово humilitet здѣсь слишкомъ важно и не должно быть опущено безслѣдно.

Стихъ 87 переданъ слишкомъ вольно:

S'il voelt ostages, il en avrat par veir.

(Если онъ хочетъ заложниковъ, онъ дѣйствительно получитъ ихъ).

Въ переводѣ:

Сколько ты ни спросишь,
Онъ дастъ тебѣ въ заложники *людей*.

Такъ какъ заложники обречены на гибель, то вовсе не въ интересахъ Марсилія предлагать ихъ въ большомъ количествѣ [1]).

Стихъ 91: Сѣдла всѣ *литого* серебра.

Въ оригиналѣ:

(Les seles d'argent mises).

Литыя сѣдла не удобны по своей тяжести.

Стихъ 98: *Od ses cadables* les turs en abatied.

Переведено:

На землю онъ повергъ твердыни башенъ.

Можно бы ближе: Машинами повергъ и пр.

Стихъ 105: Ansëis li *fiers*, переведено: «Ансеисъ *надменный*».

«Надменный» — порицаніе; а здѣсь нуженъ похвальный эпитетъ.

Ст. 179: Dès or *cumencet* le conseill que mal prist.

Переведено:

Тогда совѣтъ былъ *принятъ*,
Принесшій франкамъ столько тяжкихъ бѣдъ.

---

[1]) Переводчикъ остается вѣренъ себѣ и дальше: въ строфѣ 16 Нэмонъ говоритъ Карлу о Марсиліи:

Сколько хочешь,
Заложниковъ онъ дать намъ обѣщаетъ.

Но этого нѣтъ въ оригиналѣ (стихъ 241).

Вм. *принятъ* ближе будетъ *начатъ*, что̀ не разрушитъ стиха.

Ст. 223: Qu'il devendrat jointes ses mains tis hom, въ переводѣ слишкомъ усилено:

Рабомъ твоимъ покорнымъ стать;

tis hom только — «твой вассалъ».

Стихъ 259: Respunt li reis: «Ambdui vos en taisez» — въ переводѣ слишкомъ рѣзокъ:

Молчать, бароны! Карлъ воскликнулъ грозно.

Ст. 283: Ço ad tut fait Rollanz (Ганелонъ говоритъ Карлу) переведенъ:

Всему виной одинъ лишь твой племянникъ.

Такимъ образомъ въ переводѣ оказывается косвенная дерзость Карлу, которой нѣтъ въ текстѣ.

Ст. 287: Desfi les en, sire, vostre veiant.

Переведено:

Всѣхъ передъ *ликомъ* (?) Карла
На смертный бой *не медля* вызываю.

Текстъ не указываетъ на неотложность поединка.

Въ ст. 386 на основаніи, для меня непонятномъ, переводчикъ *une vermeille pume* (румяное яблоко) передалъ словами: *шаръ пурпурный;* едва ли такое символическое представленіе соотвѣтствуетъ духу поэмы. Непонятно мнѣ также, почему въ ст. 417: qui seintes leis tenuns (чьи св. законы мы держимъ) 1-е лицо мн. ч. замѣнено 2-мъ ед. ч. (коимъ служишь ты), когда — «коимъ служимъ мы» — давало бы стихъ на столько же правильный.

Въ ст. 444 Ганелонъ извлекаетъ свой мечъ *на два пальца*

(Contre dous deiz l'ad del furrer getée);

Въ переводѣ:

Свой добрый мечъ извлекъ *на половину*,

что̀ представляетъ ненужное усиленіе красокъ[1]).

Ст. 476: En Sarraguce vus vendrat *aseget;*

Въ переводѣ:

Могучій Карлъ *оцѣпитъ* Сарагоссу.

Отчего не *осадитъ?*

Ст. 541: Tanz col(p)s ad pris de lances e déspiez (столько ударовъ копій и дротиковъ принялъ онъ)—
переведенъ:

Его такъ много копій *пронизало*[2]).

Опять излишнее усиленіе красокъ.

Ст. 595: N'avrez mais guere en tute vostre vie—
переведено:

И *домій* миръ въ награду ты вкуси́шь.

Было бы ближе: И *вѣчный* миръ и пр.

Я не понимаю, почему въ ст. 617 (тоже и въ ст. 1519) Valdabr*u*ns передано по-русски Вальдабр*и*нъ.

Неудачно переданъ послѣдній стихъ строфы 53 (ст. 660):

Pois est munted, entret en sun veiage

(потомъ онъ сѣлъ на коня, отправляется въ путь).

«Ужъ мнѣ пора!» сказалъ въ отвѣтъ на это
Графъ Ганелонъ — и *шпоры далъ коню.*

---

[1]) Стихъ не разрушился бы:

. Свой добрый мечъ извлекъ онъ на два пальца.

[2]) Ср. тоже въ строфѣ 43, ст. 4; въ оригиналѣ (ст. 554) опять-таки: tanz colps ad pris....

Читатель изъ этого можетъ заключить, что весь предыдущій разговоръ въ саду Сарагоссы съ Марсиліемъ, Брамимондой и др. Ганелонъ велъ, сидя верхомъ.

Мнѣ непонятно, почему въ ст. 682 переводчикъ вм. 400,000 сарацинъ текста Оксфордскаго принялъ 300,000; именно 400,000 упоминается и раньше и позднѣе, и въ видахъ Ганелона представить Марсилія совсѣмъ лишеннымъ военной силы.

Ст. 696: *Jointes ses mains* (сложивъ свои руки)— переведено:

Передъ тобою *стоя на колѣняхъ*. . .

Опять излишнее усиленіе.

Ст. 738: Li empereres mult fierement chevalchet — переведенъ слишкомъ вольно и не вполнѣ удачно:

Во весь опоръ несется императоръ.

Предводительствуя большой арміей, покойно возвращающейся на родину, неудобно нестись во весь опоръ[1]).

Ст. 773: Ne poet muer que de (ses) oilz ne plurt, переведенъ:

И горько вдругъ *заплакалъ-зарыдалъ*.

Здѣсь по смыслу и малый плачъ текста не вполнѣ умѣстенъ (бороду треплетъ Карлъ больше съ досады и въ раздумьѣ, чѣмъ съ горя), а переводчикъ, плѣненный красивымъ оборотомъ, усилилъ краски до крайности[2]).

Ст. 796: Anseis li veillz текста, не знаю, почему, изчезъ въ переводѣ, а эпитетъ старика приданъ Жерарду.

Ст. 899: Fust chrestiens, asez oüst barnet (еслибъ онъ былъ

---

[1]) Тоже ср. и выше строфа 56, стихъ 5 (текстъ ст. 706). Кстати: я не понимаю, почему слѣд. стихъ переведенъ не по оксфордскому тексту.

[2]) Умѣстнѣе плачъ въ ст. 825 (въ переводѣ строфа 67 въ концѣ), но *рыданье* и тамъ слишкомъ сильно.

христіаниномъ, онъ былъ бы добрымъ витяземъ) — почему: то оставленъ безъ перевода; а стихъ, если не необходимъ для послѣдующаго, то характеренъ самъ по себѣ[1]).

Въ строфѣ 75-й въ концѣ неловкое повтореніе:

Да, если франки встрѣтить насъ *посмѣютъ*,—
Ихъ гибель ждетъ, а старый Карлъ отъ срама
Надѣть вѣнецъ свой больше *не посмѣетъ*[2]).

Въ ст. 1001 не выражено въ переводѣ:

Si chevalchent estreiz (ѣдутъ сжатыми рядами).

Въ переводѣ ст. 1097 (какъ и выше, въ ст. 105) *надменный* употреблено въ похвальномъ смыслѣ.

Послѣ ст. 1104 — переводчикъ, слѣдуя Готье, напрасно внесъ лишній стихъ и мысль, мало содержательную:

(Мы права не имѣемъ
На нихъ пенять).

Ст. 1160: Sun cumpaignun après le vait sivant (Его товарищъ слѣдуетъ за нимъ),
переведенъ:

Гарцуетъ *рядомъ* другъ его *прекрасный*.

Прекрасный едва ли можетъ считаться подходящимъ для Оливьера эпитетомъ. Вообще это прилагательное переводчикъ употребляетъ слишкомъ часто (см. строфу 92-ю, гдѣ онъ прибавилъ его, какъ эпитетъ къ самому Роланду).

Ст. 1181 (въ переводѣ строфа 93, ст. 12) — не понимаю, зачѣмъ переводчикъ, въ противность тексту, прибавилъ: *Сенъ-Денисъ*.

---

[1]) Переводчикъ исключилъ также ст. 917, но тотъ, дѣйствительно, ни на что не нуженъ.

[2]) Во второмъ случаѣ можно поставить: *не дерзнетъ* (мужское окончаніе см. въ слѣд. строфахъ).

Въ ст. 1218 *grand demi pied* (добрые пол-локтя) переведено: «пространство *больше* локтя».

Въ стихѣ 1284 (строфа 100-я, ст. 4) *les dubles* de sun osberc переведено *дубленая* броня; и далѣе нѣсколько разъ[1]) *dublez* (прич. прош. стр.) и *dubleines* (прилаг.) переводится словомъ *дубленый*. Зачѣмъ эта игра словъ? Переводчику, безъ сомнѣнія, извѣстно, что *дубленый* происходитъ отъ глаг. *дубить* (отъ сущ. дубъ), который ни по происхожденію, ни по значенію съ лат. *duplex* и съ романскими словами, происшедшими отъ типа *duplus*, *duplanus*, ничего общаго не имѣетъ.

Ст. 1358 Pois ad ocis Turgin e Esturgus опущенъ переводчикомъ; онъ, положимъ, не нуженъ для послѣдующаго; но нѣтъ основанія считать его вставочнымъ.

Въ той же строфѣ 97-й послѣ стиха 1360 переводчикъ вставляетъ полъ-стиха: «*Ты нынѣ безоруженъ*», что̀ ослабляетъ или даже уничтожаетъ горькую эпическую иронію послѣдующихъ словъ Роланда.

Въ слѣд. строфѣ пропущенъ безъ основанія стихъ 1373:

La bone sele ki à or est gemmée.

Въ описаніи битвы арьергарда съ сарацинами (какъ и въ двухъ послѣдующихъ сраженіяхъ) нѣсколько разъ красивая и характерная подробность: *опускаетъ* (или опускаютъ) *поводья*, *колятъ шпорами*[2]) переводится слишкомъ общимъ: *помчались*, *мчится* и проч.

Соотвѣтственно этому переводчикъ не всегда находитъ выраженіе для изумительнаго разнообразія похвалъ добрымъ ударамъ (напр. ст. 1395).

Въ строфѣ 111-й не выраженъ сильный стихъ (ст. 1407):

Qu'en Sarraguce sa maisnée alat vendre

---

[1]) Напр. ст. 3088.

[2]) См. ст. 1381, 1574 и др.

(что въ Сарагоссу ѣздилъ продать свою родню) и потому слѣдующій стихъ:

За то потомъ онъ жизнью поплатился,

оказывается не логичнымъ: за что же платиться Ганелону жизнью, если онъ

Отправленъ былъ къ Марсилію посломъ?

По строфѣ 112-й (стихъ 5) перевода оказывается, что Роландъ, Оливьеръ и Турпинъ не считаются въ числѣ 12 перовъ:

Не отстаютъ отъ нихъ двѣнадцать перовъ,

а оригиналъ (ст. 1415) и переводъ въ другихъ мѣстахъ считаютъ не такъ. Послѣдній стихъ этой строфы: —

Что это скорбь *природы* по Роландѣ

вводитъ общее понятіе (природы), слишкомъ отвлеченное для той эпохи; это именно слово не изъ «словаря поэмы», по выраженію А. Н. Веселовскаго. (Въ оригиналѣ см. ст. 1437 оно, конечно, отсутствуетъ).

Строфа 114:

Долиной мчится грозный царь Марсилій
И съ нимъ его *безчисленная* рать [1]):
Десятка два *всего* полковъ могучихъ.

Безчисленная рать передъ указаніемъ числа полковъ — неудачное выраженіе, а вставочное слово *всего* [2]) придаетъ разсказу неумѣстный ироническій оттѣнокъ.

Въ переводѣ ст. 1513, повидимому, недосмотръ:

VII. Arrabiz i ad deschevalcet

---

[1]) Ст. 1450 Od sa grant ost que il out asemblée (съ большимъ войскомъ, которое онъ собралъ).

[2]) XX. escheles ad li reis anumbrées.

(Семерыхъ арабовъ сбросилъ онъ съ коня):

Семьсотъ арабовъ онъ свалилъ на землю.

Ст. 1545 (Trenchet)
. . . al cheval parfundement le dos

(разсѣкъ . . . глубоко спину коня),
переведено съ преувеличеніемъ:

И скакуна разсѣкъ.

Еще менѣе дозволительное преувеличеніе въ строфѣ 121, гдѣ мы читаемъ:

Изъ пастырей никто еще Турпину
Не могъ быть равнымъ вѣрной службой Богу
И доблестью на полѣ боевомъ.

Стало быть, по переводу поэтъ беретъ на себя опредѣлить не только боевыя качества Турпина, но и его великое достоинство, какъ архипастыря.

А въ текстѣ мы читаемъ (ст. 1563—4)

Tel coronet ne chantat unches messe,
Ki de sun cors féist (tan)tes proeces,

— т. е. не пѣвалъ никогда обѣдни (такой) священникъ, который совершалъ такіе подвиги своимъ тѣломъ.

Въ ст. 1685: Ço dit la geste,
переведено:

Такъ книги намъ и *пѣсни* говорятъ.

Хотя авторъ Пѣсни о Роландѣ, какъ убѣждены изслѣдователи, и пользовался народными кантиленами (былинами), онъ никогда не ссылается на нихъ, а не одинъ разъ (см. ниже) указываетъ на книгу, которую онъ называетъ Geste Francor или просто

geste, имѣя, безъ сомнѣнія, цѣлью внушить слушателю больше довѣрія. Произвольная добавка переводчика выставляетъ поэта въ иномъ свѣтѣ.

Недоумѣваю, почему переводчикъ опустилъ въ строфѣ 131-й три очень важные стиха 1708—10.

Конецъ слѣдующей (132-й) строфы — угроза Оливьера Роланду — выраженъ не совсѣмъ удачно:

Я бородой клянусь вамъ, если Богъ
Мнѣ дастъ опять сестру увидѣть Оду —
На вашу грудь она не упадетъ.

Не легко при первомъ чтеніи догадаться, чѣмъ именно грозитъ Оливьеръ своему другу. Въ текстѣ наивно и грубо, но понятнѣе:

Dist Oliver: «Par ceste meie barbe!
Se puis veeir ma gente sorur Alde,
(Vus) ne jerreiz jamais entre sa brace».

(Сказалъ Оливьеръ: клянусь этой моей бородой! если я смогу увидѣть мою прекрасную сестру Альду, вамъ не лежать никогда въ ея объятьяхъ, т. е. вамъ не бывать ея мужемъ)[1].

Едва ли можетъ считаться удачнымъ и окончаніе слѣдующей строфы:

И Францію позоръ
Постигнетъ вѣчный. Нынѣ дружбѣ нашей
Пришелъ конецъ. И раньше, чѣмъ наступитъ
Вечерній часъ — разстаться мы должны.

Въ текстѣ:

France en ert hunie;
Oi nur defait la leial cumpaignie,
Eiz le vespre ert mult gref la departie.

---

[1]) Можно бы перевести:
Супругой вашей ей ужъ не бывать.

Переводъ почти дословный, но впечатлѣніе отъ него получается нѣсколько иное, чѣмъ отъ текста: смыслъ послѣдняго тотъ, что «намъ ужъ не сражаться рядомъ, и прежде чѣмъ наступитъ вечеръ, мы будемъ мертвы»; а въ переводѣ Оливьеръ, повидимому, грозитъ Роланду окончательной ссорой.

Въ стр. 134-й Турпинъ говоритъ Роланду:

въ рогъ трубить ужъ поздно . . . .
Но всежъ трубите . . . .

Въ текстѣ нѣтъ такой непослѣдовательности.

Ст. 1742: Ja li corners ne nos avreit mester, т. е. *намъ* рогъ уже не поможетъ.

Ст. 1845: N'i ad icel (ki) ne demeint *irance.*
Irance переведено слишкомъ слабо:

Досадно имъ. . . (стр. 141, ст. 5).

Не досаду, а чувство гораздо болѣе сильное испытываютъ французы, думая о неравной битвѣ Роланда съ язычниками и его предстоящей гибели.

Въ переводѣ ст. 1872 нежелательная вольность: Роландъ убиваетъ Фальдрона

E. XXIV. de tuz le melz preisez

(и 24 человѣка изъ самыхъ лучшихъ).

Въ переводѣ:

многихъ знатныхъ мавровъ
Онъ тамъ убилъ.

Слѣдуетъ сохранять въ переводѣ стремленіе исторической эпопеи къ точности.

---

[1]) Можно бы перевести:
Такъ горько имъ.....

Ст. 1938: Dist Oliver: Dehet ait li plus lenz (Сказалъ Оливьеръ: Горе тому, кто слишкомъ медленъ)— переведенъ:

«Да сгинутъ *трусы!*» молвилъ Оливьеръ.

Вѣдь не о сарацинахъ говоритъ здѣсь Оливьеръ, а о французахъ, къ которымъ обращается и Роландъ въ предыдущихъ стихахъ; предполагать же *трусовъ* среди оставшейся въ живыхъ кучки храбрецовъ невозможно; это было бы незаслуженной обидой.

Стр. 147:

Когда полки испанскихъ сарацинъ
Такъ мало нашихъ франковъ увидали,
Воскликнули они въ весельи дикомъ:
«*За насъ Господь!*»

Совершенно необычныя въ національномъ эпосѣ слова въ устахъ невѣрныхъ; въ текстѣ (ст. 1942) они восклицаютъ: L'empereor ad tort (вина на сторонѣ императора).

Въ ст. 2095 (стр. 157-я) слова cil ki el camp fut, я полагаю, должны быть отнесены къ барону Эгидію, якобы очевидцу битвы, а не оставаться, такъ сказать, на воздухѣ, какъ въ русскомъ переводѣ:

(И было такъ на полѣ боевомъ).

Относительно вѣрности перевода конца стр. 160-й[1]) я по-

[1]) Врубился онъ (Роландъ) въ толпу испанскихъ мавровъ
И съ нимъ Турпинъ: «друзья, скорѣй *бѣжимте* (sic)!»
Кричатъ испанцы: «слышали мы *звонъ* (sic)
Роговъ французскихъ: мощный Карлъ вернулся».

Текстъ: En la grant presse les vait tuz envaïr,
Ensem(b)l' od lui l'arcevesques Turpin.
Dist l'un al altre: «*Ça vus traiez, ami!*
De cels de France les corns avuns oït;
Carles repairet, li reis poestéifs»,

зволю выразить сомнѣніе, хотя гр. Де-ла-Бартъ имѣетъ за себя авторитетъ такого знатока поэмы, какъ Леонъ Готье[1]). По моему мнѣнію, здѣсь не язычники (которые ни разу не названы во всей строфѣ) высказываютъ свой страхъ передъ возвращеніемъ Карла; а Роландъ и Турпинъ дѣлятся радостнымъ извѣстіемъ, которое воодушевляетъ ихъ къ новымъ подвигамъ.

Въ слѣд. 161-й строфѣ Роландъ говоритъ Турпину:

«вы пѣши,
Я на конѣ; но ради васъ мнѣ должно
Здѣсь обождать, и радости и горе
Должны дѣлить мы,—я не брошу васъ и т. д.

Если конный будетъ ждать въ сторонѣ, пока пѣшій будетъ раздѣлываться съ непріятелемъ, едва ли онъ можетъ быть сочтенъ добрымъ товарищемъ; *ici prendrai estal* (ст. 2139) я перевелъ бы: я остановлюсь здѣсь, чтобы слѣзть съ копя.

Въ слѣдующей (162-й) строфѣ невѣрные говорятъ о Роландѣ:

«Метнемъ въ него и дротики и копья
На мѣстѣ онъ останется на вѣрно!»

Стало быть, они увѣрены, что убьютъ Роланда? Въ текстѣ же (ст. 2154):

. . . . Lançuns à lui, *puis si l'laissums ester*

— метнемъ въ него и потомъ оставимъ его (т. е. сдѣлаемъ послѣднее усиліе и убѣжимъ). Что именно такъ надо понимать это мѣсто, доказываетъ стихъ 2162:

puis si l'laisent ester.

т. е. съ великой поспѣшностью нападаетъ на нихъ всѣхъ; вмѣстѣ съ нимъ архіепископъ Турпинъ. Говоритъ одинъ другому: «*впередъ, другъ!* Мы слышали рога французовъ; то идетъ Карлъ, могущественный король».

Въ настоящее время я не имѣю подъ руками необходимыхъ пособій; но, сколько помню, не трудно найти параллели для такого значенія глагола — *se traire* (trahere).

[1]) La chanson de Rol. 12-me édition. Tours, 1883, стр. 203.

Въ строфѣ 163-й Роландъ

Мечемъ разрѣзалъ платье на Турпинѣ.

Въ текстѣ (ст. 2172) сказано только, что онъ разорвалъ на немъ платье. Едва ли эта картинная прибавка переводчика можетъ считаться удачной.

Въ ст. 2177 gentilz hom переведено слишкомъ вольно: «Прекрасный и знатный вождь».

Въ ст. 2230 *un sul arpent* переведено неопредѣленнымъ выраженіемъ: *пространство небольшое.*

Въ ст. 2240 Турпинъ складываетъ руки молитвенно и протягиваетъ ихъ къ небу; въ переводѣ:

И руки въ знакъ смиренія *скрестилъ.*

Но о скрещенныхъ рукахъ Турпина говорится ниже (ст. 2250). Въ концѣ стр. 171-й и въ началѣ слѣдующей мы читаемъ:

Онъ (сарацинъ, притаившійся между мертвецами) *от-*
[*нялъ* мечъ — и смутно графъ Роландъ
Почувствовалъ, что мечъ его *схватили.*
Почуялъ графъ, что онъ *меча лишился.*

Въ текстѣ 2280 и 2283—4:

Saisit e sun cors e ses armes. . . .
En cel *tirev* li quens s'aperçut alques.
Ço sent Rollanz que s'espée li *tolt*. . .

Saisit не значитъ *отнялъ*, а только *схватилъ*, на что указываетъ и слово *tirev; tolt* настоящее время — отнимается; сарацинъ не успѣлъ утащить меча, а только тянулъ его къ себѣ.

Въ той-же стр. 172 мы читаемъ, что отъ удара рога Роланда

на земь пали
Глаза испанца. . . .

Слишкомъ сильно сказано: въ текстѣ (2290)

Amsdous les oilz del chef li ad mis fors

(оба глаза выбилъ у него изъ головы).

Въ стр. 173:

Роланда очи мракъ *покрылъ*,— съ усильемъ
Онъ всталъ, *покрыты* блѣдностью черты.

Въ первомъ случаѣ вмѣсто *покрылъ* можно бы поставить: *облекъ*.

Въ ст. 2301 *par doel e par rancune* переведено: *во гнѣвъ*. Но гнѣваться Роланду не на кого; скорбь есть господствующее у него чувство, и rancune здѣсь синонимъ для *doel*.

Въ строфахъ 177 и 178 не переведено, что Роландъ простираетъ къ небу свою перчатку съ *правой* руки, что̀ имѣетъ символическое значеніе.

Въ стр. 178, послѣ ст. 2393 прибавленъ къ Оксфордскому тексту архангелъ Рафаилъ, что̀, по моему мнѣнію, излишне.

Въ строфѣ 179-й (текста ст. 2413) мы читаемъ:

«О Боже», молвилъ Карлъ,—«зачѣмъ не могъ я
Сей бой начать!»

Тотъ бой... было бы лучше, такъ какъ рѣчь идетъ о боѣ, уже оконченномъ.

Я полагаю, что Л. Готье не вполнѣ удовлетворительно перевелъ ст. 2500:

Laciet sun helme ki est ad or gemmez.

У него (стр. 235): Il a *lacé* son heaume gemmé d'or. Въ затянутомъ шлемѣ спать невозможно, а Карлъ, какъ видно изъ дальнѣйшаго (ст. 2520), спитъ крѣпко и видитъ сны. Я думалъ бы, что слѣдуетъ перевести: Il a *laché!..* (ослабилъ ремень). Русскій переводчикъ передалъ этотъ стихъ неопредѣленнымъ выраженіемъ:

На немъ блеститъ и шлемъ его... (стр. 185, ст. 4).

Въ стр. 186:

—Въ печали
Лежитъ король; онъ *вспомнилъ* о Роландѣ...

Смерть Роланда — слишкомъ свѣжее событіе, чтобы онъ могъ забыть о немъ хоть на минуту. Въ текстѣ лучше: ст. 2513 doel ad de Rollant (горюетъ о Роландѣ).

По стр. 187 Карлъ видитъ въ пророческомъ снѣ:

Ужасныхъ грифовъ *ровно* тридцать тысячъ.

Какъ во снѣ счесть такое количество? Въ текстѣ лучше: Grifuns i ad *plus de trente millers* (ст. 2544). Въ той же строфѣ оставлена безъ перевода картинная подробность: Devers un gualt (ст. 2549) — (изъ глубины рощи).

Въ ст. 2573 *mult laidement* (очень жалостно) переведено слишкомъ вольно:

И въ корчахъ палъ (стр. 189, ст. 4)

Въ стр. 191 оставлены безъ перевода стихи 2612 и 2619, изъ которыхъ первый не лишенъ значенія.

Въ ней же въ ст. 7 (текстъ 2614) читаемъ о Балиганѣ:

Онъ царствовалъ въ Египтѣ, въ Вавилонѣ.

Въ текстѣ: En Babilonie Baligant ad mandet.

Въ Пѣснѣ о Роландѣ (какъ и въ др. національныхъ эпопеяхъ) довольно географическихъ несообразностей; зачѣмъ въ переводѣ увеличивать число ихъ?

Въ стр. 194 читаемъ:

Подъ лавромъ, средь долины
На муравѣ — коверъ александрійскій
На немъ былъ тронъ слоновой кости чудный.

Читатель долженъ думать, что и коверъ и тронъ находились здѣсь всегда, и до пріѣзда Балигана; а въ текстѣ (ст. 2652—3)

для Балигана *разстилаютъ* бѣлый коверъ, *поставили* кресло (foldestoed) изъ слоновой кости.

Въ стр. 195 оставленъ безъ перевода стихъ 2678:

El destre poign si li faites chalcev
(Надѣньте ему — перчатку на правый кулакъ),

а онъ необходимъ, такъ какъ въ немъ заключается горькая для невѣрныхъ иронія: праваго кулака-то у Марсилія уже нѣтъ; онъ отрубленъ Роландомъ. Что это не безсознательная иронія, доказываютъ ст. 2701 и 2719—20.

Въ той же строфѣ Балиганъ говоритъ о Марсиліи:

если онъ пріѣдетъ
Меня почтить, то я войной жестокой
Во Францію прекрасную пойду.

Какъ будто Балиганъ можетъ сомнѣваться въ томъ, что Марсилій, который умолялъ его о помощи и котораго онъ трактуетъ, какъ своего вассала — онъ посылаетъ ему перчатку и посохъ, пріѣдетъ поклониться ему! Въ текстѣ (ст. 2680):

E à mei venget pur reconoistre sun feu
(И пусть онъ явится признать свое вассальство).

Въ переводѣ стиха 2796 (строфа 203) синтактическій недосмотръ:

И взявъ *четыре рыцаря* съ собою...

Ст. 2834 Марсилій говоритъ Балигану:

Mei ai perdut e(tres)tute ma gent
(Себя я погубилъ и весь мой народъ).

Переведено слишкомъ вольно (стр. 204):

себя я опозорилъ (чѣмъ?)
И свой народъ *на вѣки* (sic) погубилъ.

Тоже относительно стиха 2879 (Карлъ находитъ трупъ Роланда):

(Si prent le cunte) entre ses mains ansdous
(беретъ графа на обѣ свои руки).

переведено (стр. 208)

Племянника приподнялъ онъ и *страстно*
Прижалъ къ груди.

Сантиментально-романтическое слово *страстно* — не изъ «словаря поэмы» (см. предисловіе А. Н. Веселовскаго); оно не подходитъ къ сильному и сдержанному ея тону.

Ст. 2937 (изъ плача Карла о Роландѣ):

. . . De ma maisnée ki *pur mei* est ocise

переведенъ:

О горе! всѣ друзья мои погибли! (ст. 213).

Было бы ближе: Изъ-за меня друзья мои погибли. При описаніи вооруженія Карла въ стр. 219-й переводчикъ забылъ щитъ (въ текстѣ о немъ сказано въ ст. 2991). Въ ней же читаемъ:

его (скакуна) когда-то добылъ
Великій Карлъ у брода близъ Марсонны:
Тамъ былъ убитъ нарбонскій Мальпалинъ:

Можно думать, что Мальпалина убилъ кто-либо изъ вассаловъ Карла; въ текстѣ же (ст. 2995) сказано, что его поразилъ самъ Карлъ.

Ст. 3051: Il i ferrat de sun espiet trenchant — переведенъ (стр. 224-я):

Сумѣетъ онъ враговъ *рубить мечемъ.*

Было бы ближе:

Сумѣетъ онъ враговъ *колоть копьемъ*[1]).

Въ стр. 226, 4 стихъ только въ томъ случаѣ будетъ имѣть надлежащую мѣру, если мы будемъ читать *Пуату*, какъ 2 слога[2]); но это не вполнѣ удобно, не лучше-ли вмѣсто: *И рыцари Пуату*... читать: Бойцы изъ Пуату?

Я не понимаю, зачѣмъ переводчикъ въ стр. 237 (послѣ стиха 2224 текста) прибавилъ къ Оксфордскому тексту *руссовъ*[3]).

Въ стр. 241 мы читаемъ кличъ язычниковъ:

Пусть служитъ вѣрно богу Аполлину —
Кто обрѣсти души спасенье хочетъ.

Въ текстѣ (ст. 3271): *par noz deus aveir guarison*—кто хочетъ спастись (не душою, а именно тѣломъ) черезъ нашихъ боговъ... Поэтъ не столько наивенъ, чтобы придавать язычникамъ христіанскій образъ мыслей.

Въ ст. 3406 наст. вр. jo vos aim, si vos crei, не знаю, почему, переведено прошедшимъ (стр. 252):

«Мои бароны!» молвилъ Карлъ Великій —
«Я васъ *любилъ*, на васъ я *полагался*...»

Иное дѣло, еслибъ бароны дрались плохо; но здѣсь они честно исполняютъ свой долгъ.

Ст. 3600 Балиганъ говоритъ Карлу:

Malvais sermun cumences

(плохую проповѣдь начинаешь ты, т. е. неумѣстна твоя проповѣдь); переведено неудачно (стр. 266):

«Ты *скверный* проповѣдникъ»[4])

---

1) espiet trenchant — обычное выраженіе; см., напр., ст. 3114.

2) См. Введеніе, стр. XXII.

3) Также не понимаю основанія прибавки народа ниневійскаго въ ст. 3103 и вставочнаго стиха объ Іудѣ послѣ ст. 3220. Равномѣрно я не знаю, почему Val-Fuit ст. 3239 обратилось въ Валь-*Флури* (стр. 239). Не опечатка ли это?

4) Можно бы: «Плохой ты проповѣдникъ».

Въ ст. 3602 Балиганъ

Fier(t) Carlemagne sur *l'elme d'acev brun*.

переведено (стр. 267):

По шлему *золотому*
Онъ короля французовъ поразилъ.

Можно бы ближе:

По шлему *темной стали* и пр.

Въ ст. 3686 Карлъ въ Бордо, на алтарь св. Северина

Met l'oliphan plein d'or e de manguns[1])

(т. е., кладетъ олифанъ, наполнивъ его золотомъ и монетами).
Въ переводѣ (стр. 273-я):

Оставилъ тамъ[2]) французовъ повелитель
Завѣтный рогъ, велѣвъ его *отдѣлать*
Каменьями и золотомъ.

Излишняя, ничѣмъ не оправдываемая вольность. Кто дорожитъ памятью человѣка, не позволитъ себѣ измѣнять внѣшній видъ любимой его вещи; а принесеніе въ даръ церкви рога, наполненнаго деньгами, — очень извѣстный обычай.

Ст. 3704: Dès or cumencet le plait de Guenelun

(Здѣсь начинается судъ надъ Ганелономъ) — важное и любопытное указаніе поэта (или редактора?) на новый отдѣлъ поэмы. Въ переводѣ это совсѣмъ не выражено (см. конецъ стр. 273).

---

[1]) По Готье (стр. 520) и Дюканжу *manguns*, *mancusa* отъ *manca*, marca. Не слѣдуетъ ли искать прототипа въ Византіи? (Ср. bezanz; можетъ быть, въ связи съ μάγγανον?). Кстати замѣчу, что слово *drodmunz* (корабль), встрѣчающееся въ Ch. de Rol. въ стихахъ 1521 и 2730, несомнѣнно византійскаго происхожденія, отъ δρόμων бѣгунъ (*д* вставлено подъ вліяніемъ народной этимологіи), какъ и *calan* (стихи 2647 и 2728, нынѣ chaland, русская *шаланда*) и многія др. слова, касающіяся мореходства. Нѣтъ сомнѣнія, что и мореходному дѣлу юные народы западной Европы первоначально учились у византійцевъ.

[2]) Въ Бордо; объ алтарѣ св. Северина не упомянуто.

Въ стр. 275

Онъ (Карлъ) далъ приказъ—пришли четыре дамы,
И Карлъ велѣлъ имъ Оду *хоронить*[1])
Въ монастырѣ. До утра *охраняли*
Четыре дамы Оду, а затѣмъ
Близъ алтаря ее *похоронили.*

Охраняли и *похоронили* будто игра словъ, въ данномъ случаѣ совершенно неумѣстная[2]).

Въ слѣд. (276-й) строфѣ:

Веревками привязанъ
Онъ (Ганелонъ) предъ дворцомъ къ позорному столбу.

Въ текстѣ: *à curreies de cerf* — ремнями изъ оленьей кожи. Можно бы перевести ближе:

Ремнями былъ привязанъ и пр.

Въ описаніи поединка Пинабеля и Тьери оставленъ безъ перевода картинный стихъ 3889 (въ стр. 289-й):

Granz sunt les colps as helmes detrenchev[3]).

Въ ст. 3918 *l'herbe* переведено: «ковыль степная». Позволяю себѣ сомнѣваться, можно ли было и въ то время найти ее подъ Ахеномъ.

Ст. 3924: Ço veit Tierris que el vis est ferut (видитъ Тьери, что онъ раненъ въ лицо) переведенъ съ усиленіемъ красокъ (стр. 293):

Почувствовалъ Тьери, что *сильно раненъ.*

---

[1]) Лучше бы: схоронить.

[2]) Вотъ буквальный переводъ текста: «Онъ сейчасъ позвалъ четырехъ графинь, (которыя) отнесли ее въ женскій монастырь (и) бодрствовали надъ нею всю ночь до разсвѣта, (потомъ) прекрасно похоронили ее вдоль алтаря».

[3]) Можно бы перевести:

Могли удары ихъ разбить шеломы.

Еслибъ онъ былъ *сильно раненъ*, былъ бы невозможенъ немедленно послѣ поединка его торжественный въѣздъ въ Ахенъ, о которомъ разсказывается въ слѣдующей строфѣ.

Въ стр. 295 Карлъ спрашиваетъ своихъ бароновъ:

«Что дѣлать намъ съ заложниками? *нынѣ*
Ихъ Пинабель мнѣ далъ, за Ганелона
Они порукой были.

Не вполнѣ понятно и далеко отъ текста:

«Que me loez de cels qu'ai retenuz?
Pur Guenelun erent à plait venuz,
Pur Pinabel en ostage renduz».

(Что посовѣтуете мнѣ относительно тѣхъ, кого удержалъ я? Они явились на судъ со стороны Ганелона, они были заложниками за Пинабеля).

Въ переводѣ этой строфы дѣйствуетъ «палачъ» Басбрэнъ; въ текстѣ онъ *veier* отъ (vicarium) — viguier — земскій судья или староста.

Въ ст. 3964 опять синтактическій недосмотръ:

Вотъ, *привели четыре скакуна*

(вм. четырехъ скакуновъ).

Ст. 3975 переведенъ:

Когда *свой судъ* окончилъ императоръ.

Въ текстѣ sa venjance — свое мщеніе; въ предыдущемъ онъ, дѣйствительно, является не судьею, а обвинителемъ, одною изъ сторонъ [1]).

---

[1]) Правда, въ началѣ слѣдующей строфы мы читаемъ:

Quant l'emperere ad faite *sa justise*...

но если текстъ различаетъ актъ и результатъ его, долженъ ихъ различить и переводчикъ.

Характерное выраженіе стиха 3978: *une caitive franche* (благородная плѣнница — о Брамимондѣ, которую не окрестили насильно, какъ другихъ, а привели въ Ахенъ и научили вѣрѣ) въ переводѣ не выражено.

Не вполнѣ ясенъ въ переводѣ ст. 3998:

Тебя зовутъ *напрасно* христіане.

(буквальный переводъ: Къ тебѣ съ крикомъ взываютъ христіане).

Ст. 4000 si *penuse* est ma vie (тяжела моя жизнь!) — переданъ, я полагаю, слишкомъ сильно: «жизнь моя полна мученій!» [1]).

Перехожу къ послѣдней части моей рецензіи: къ введенію и примѣчаніямъ переводчика. Первое (занимаетъ вмѣстѣ съ вышеупомянутымъ предисловіемъ академика А. Н. Веселовскаго XXIII страницы) состоитъ изъ 4-хъ небольшихъ главъ; въ 1-й авторъ ставитъ вопросъ о причинѣ необыкновенной славы Пѣсни о Роландѣ даже за предѣлами Франціи; во 2-й онъ высказываетъ убѣжденіе, что причиной слѣдуетъ считать «замѣчательную стройность и послѣдовательность изложенія» поэмы и даетъ блестящую эстетическую ея оцѣнку, пользуясь извѣстнымъ пріемомъ Авг. Шлегеля: «освѣщающимъ произведеніе извнутри» изложеніемъ содержанія (стр. VI—XV; мимоходомъ на стр. XIV онъ указываетъ на сравнительно позднее происхожденіе эпизода о Балиганѣ); въ 3-й главѣ онъ говоритъ о формулахъ или «общихъ мѣстахъ» (chevilles poétiques) Пѣсни о Роландѣ, которыя приводятъ его къ заключенію, что «въ эпоху образованія нашей поэмы уже вырабатывались общіе пріемы эпоса, уже возникала народно-поэтическая школа» (стр. XVII), и затѣмъ указываетъ на слѣды личнаго творчества, «руки художника», что̀ выражается въ подчеркиваніи рѣшающихъ моментовъ (стр. XVIII); то-же сліяніе народнаго элемента съ личнымъ, ту-же *двойственность* видитъ

---

[1]) Можно бы: «О Боже мой! Какъ жизнь моя тяжка!».

онъ и въ двухъ родахъ повтореній: наивномъ, почти буквальномъ, и искусственномъ, оттѣняющемъ «ту сторону событія, которая даетъ тонъ всему, является какъ бы общимъ тономъ картины» (XVIII—XIX); онъ убѣжденъ, что здѣсь «почти всѣ пріемы творчества, образы, выраженія почерпнуты изъ поэзіи народной», а «распланировка матеріала, подчеркиваніе главныхъ моментовъ дѣйствія и болѣе всего обобщеніе поэтической темы,— все это продуктъ творчества, очень близко стоящаго къ творчеству личному» (стр. XX). Въ 4-й главѣ графъ Де-ла-Бартъ говоритъ о пріемахъ предлагаемаго имъ перевода.

Степень обширности и содержательности введенія къ переводу крупнаго произведенія иностранной литературы есть, безъ сомнѣнія, дѣло личной воли переводчика, и читатели не вправѣ претендовать на него, если онъ и вовсе не дастъ введенія. Но «Пѣснь о Роландѣ», «Нибелунги» — поэмы настолько сложныя по своему составу и возбуждающія столько вопросовъ, что при нихъ крайне желательны историко-литературныя введенія. Можетъ-ли ожидать переводчикъ «Пѣсни о Роландѣ», чтобы хоть одинъ изъ сотни его читателей имѣлъ ясное представленіе о документально доказанномъ постепенномъ развитіи карловингскаго цикла сказаній, о теоріи (вѣрнѣе о двухъ теоріяхъ) кантиленъ, о хроникѣ Турпина, о Carmen de proditione Guenonis, о раннихъ и позднихъ Chansons de geste вообще, о свидѣтельствахъ относительно битвы въ Ронсевалѣ, объ архіеп. Wenilo, о басскихъ пѣсняхъ, о рукописяхъ поэмы и пр., и пр.? Если кто и слыхалъ или читалъ объ этомъ прежде, то теперь, передъ непосредственнымъ ознакомленіемъ съ поэмою, ему необходимо возобновить забытое.

Если же гр. Де-ла-Бартъ не хотѣлъ повторять (хотя бы на двухъ-трехъ страницахъ мелкаго шрифта) избитыхъ фактовъ, которые можно найти во всякой исторіи французской литературы, и, съ другой стороны, предназначая свою книгу «для большой публики», не желалъ давать цѣлаго изслѣдованія (которое онъ обѣщаетъ предложить въ отдѣльной работѣ, см. стр. XV), ему слѣдовало бы, по моему мнѣнію, указать любознательному чита-

телю, гдѣ именно можетъ найти послѣдній удовлетворительныя историко-литературныя свѣдѣнія о поэмѣ и прежде всего, конечно, назвать необширную и нѣсколько устарѣвшую, но высокоталантливую и содержательную (съ массой интересныхъ сопоставленій) извѣстную работу академика Ѳ. И. Буслаева (перепечатана въ его книгѣ «Народная поэзія»). Теперь же, безъ историко-литературной обстановки и безъ библіографическихъ указаній, интересныя и цѣнныя соображенія переводчика о сліяніи въ поэмѣ элементовъ народнаго и личнаго кажутся отрывочными и будутъ ясно поняты только весьма немногими знатоками дѣла.

Тезисъ о сліяніи (не механическомъ) элементовъ, о двойственности въ Пѣсни о Роландѣ, по моему убѣжденію, можетъ выдержать самую строгую и придирчивую критику; но доказывать его, я полагаю, удобнѣе не тѣмъ способомъ, который употребляетъ авторъ или, по крайней мѣрѣ, не однимъ этимъ способомъ. Убѣдительнѣе и нагляднѣе былъ бы онъ, если-бъ гр. Де-ла-Бартъ указалъ на тѣ мѣста поэмы, гдѣ въ авторѣ дошедшей до насъ редакціи обнаруживается несомнѣнный книжникъ, который черноту лица негровъ сравниваетъ съ *чернилами*[1]), знаетъ не только *Давана* и *Авирона* (ст. 1215), но и *Виргилія* съ *Гомеромъ* (ст. 2617), — который, желая выдать свой разсказъ за самую подлинную правду, много разъ ссылается на свой литературный источникъ, на «бытописаніе» — la geste, въ стихѣ 3262 — Geste Francor(um), книгу, стало быть, латинскую, который одинъ разъ (стр. 157, ст. 2095 и слѣд.) называетъ даже автора этой книги — святого барона Эгидія, бывшаго будто бы въ главной арміи Карла.

Можно ли сомнѣваться въ виду такихъ фактовъ, что авторъ *нашей* редакціи Пѣсни о Роландѣ — труверъ-клерикъ, претендующій на ученость и стремящійся изъ поэта обратиться въ

---

[1]) Ст. 1933

Ki plus sunt neirs que nen est *arrement*.

Arrement отъ atramentum.

Въ переводѣ это, къ сожалѣнію, не выражено (стр. 146):

А все лицо чернѣе сажи черной.

яко бы достовѣрнаго историка[1]). Могли ли такія претензіи совмѣщаться съ крупнымъ творческимъ талантомъ? Кто склоненъ отвѣчать на этотъ вопросъ отрицательно, тотъ долженъ признать автора нашего текста не поэтомъ, а только *интерполяторомъ* или редакторомъ и почти обязанъ попытаться выдѣлить эти и имъ подобныя мѣста изъ поэмы, очистить ее, если только не будетъ отъ этого удержанъ печальнымъ примѣромъ слишкомъ смѣлыхъ критиковъ первой половины нашего столѣтія.

По моему мнѣнію, которое, смѣю думать, раздѣляетъ и графъ Де-ла-Бартъ, давшій переводъ Пѣсни о Роландѣ въ полномъ видѣ и говорящій во введеніи объ одномъ художникѣ[2]), такое совмѣщеніе не представляетъ ничего необычнаго для среднихъ вѣковъ и имѣетъ массу параллелей въ продуктахъ несомнѣнно личнаго творчества, разработывавшихъ книжные или традиціонные сюжеты; въ нихъ постоянно встрѣчаются бокъ-о-бокъ наивное хвастовство сомнительной учености, растянутость, грубо-сантиментальныя преувеличенія, крайняя небрежность и противорѣчія, вообще всякаго рода художественныя безтактности съ одной стороны, а съ другой — искреннее одушевленіе идеей (религіозной, гуманной или патріотической) и перлы истинной и высокой поэзіи или тонко подмѣченные въ источникѣ и талантливо подчеркнутые поэтомъ или имъ самимъ привнесенные. Отъ позднѣйшихъ старо-французскихъ, средне-верхне-нѣмецкихъ, средне-англійскихъ и др. поэмъ Пѣснь о Роландѣ отличается только тѣмъ, что авторъ ея имѣлъ подъ руками прекрасный матеріалъ въ видѣ народныхъ пѣсенъ и разнообразныхъ сказаній и проявилъ, надо полагать, сравнительно со многими другими, бо́льшее

---

[1]) Можно ли говорить, что въ Chanson de R. tutto è semplice e primitivo, какъ это дѣлаетъ Nyrop? (Storia dell'epopea francese nel medio evo, traduzione di Egidio Gorra. Torino. 1888, стр. 97). Безъ сомнѣнія, онъ, какъ и многіе другіе, давая общую оцѣнку памятнику, припоминаетъ его содержаніе и лучшія черты, а не подробности.

[2]) Онъ называетъ его, правда, *пѣвцомъ* (стр. VIII, XIII), но, безъ сомнѣнія, не въ смыслѣ сказителя, за которымъ кто-либо записывалъ его текстъ; ниже (стр. XVIII) онъ говоритъ о рукѣ художника.

чувство мѣры и бóльшій художественный талантъ. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ ни одной изъ этихъ народныхъ пѣсенъ и пока имѣемъ довольно неполное понятіе объ этихъ сказаніяхъ, такъ что лишены возможности опредѣлить съ достовѣрностью, что̀ именно взялъ поэтъ изъ своихъ источниковъ и что̀ изобрѣлъ онъ самъ.

И такъ, двойственность, сліяніе элементовъ въ Пѣсни о Роландѣ несомнѣнны; но относительно разграниченія ихъ мы, вмѣсто положительныхъ выводовъ, пока должны довольствоваться предположеніями болѣе или менѣе субъективнаго характера. Такъ, напр., гр. Де-ла-Бартъ думаетъ, что «подчеркиваніе главныхъ моментовъ» принадлежитъ поэту; я же, напротивъ, полагаю, что главные моменты были уже подчеркнуты въ преданіи и народной пѣсни, и что изъ народнаго же самосознанія исходитъ одушевлявшій поэта патріотизмъ и глубокая вѣра въ святость дѣла христіанскаго воинства.

Съ другой стороны, гр. Де-ла-Бартъ считаетъ пріемы творчества, образы, выраженія почерпнутыми изъ поэзіи народной; я же, кромѣ вышеуказанныхъ проявленій книжности, отношу на счетъ поэта сантиментальныя преувеличенія, въ родѣ паденія въ обморокъ ста тысячъ Франковъ[1]), черезъ-чуръ частыхъ обмороковъ самого Карла, обморока Роланда, когда онъ еще сидитъ на конѣ (стр. 153), особой присяги, приносимой среди битвы 20-ю тысячами Франковъ (стр. 252, ст. 3415—6) и т. д., и т. д. Но съ другой стороны ему же слѣдуетъ приписать и такія удачныя частности, какъ вѣщій сонъ Карла передъ битвой съ Балиганомъ (стр. 187 и слѣд.; въ народной поэзіи вѣщіе сны, сколько знаю, всегда бываютъ съ окончаніемъ; здѣсь всѣ видѣнія Карла оставлены безъ исхода, чтобы держать слушателя въ напряженіи), усиленныя похвалы Балигану (стр. 233), чтобы тѣмъ ярче оттѣнить величіе его побѣдителя, и прочія бьющія на эффектъ измышленія, незнакомыя наивной народной поэзіи[2]).

---

[1]) Ст. 2932. Cent milie Francs s'en pasment cuntre tere.

[2]) О другихъ «изобрѣтеніяхъ» поэта, которыя открываются черезъ сравненіе поэмы съ иными версіями сказанія, намъ *доселѣ* извѣстными, см. въ статьѣ

Безъ всякаго сомнѣнія, поэту же принадлежатъ и всѣ повторенія, какъ высокохудожественныя, двигающія впередъ дѣйствіе[1]), такъ и повторенія, не вносящія ничего новаго, такъ наз. couplets similaires[2]). Повторенія второго рода гр. Де-ла-Бартъ называетъ *былинными* и признаетъ ихъ свойственными всякому народному эпосу.

Вопросъ о происхожденіи повтореній въ Chanson de Rol. до сихъ поръ еще не вполнѣ выясненъ; но я во всякомъ случаѣ полагаю, что couplets similaires нельзя ставить въ одинъ разрядъ съ дословными повтореніями, напр., нашихъ былинъ[3]); въ былинахъ, въ сербскомъ эпосѣ, у Гомера это необходимыя и неизмѣнныя формулы, невольно замедляющія ходъ разсказа, но дающія ему эпическую полноту; а couplets similaires задерживаютъ этотъ ходъ умышленно; они стоятъ, надо думать, въ тѣсной связи съ обращеніемъ къ публикѣ позднѣйшихъ chansons de geste, которыя нужны для пѣвца, чтобы поддержать и усилить вниманіе своей аудиторіи. Стало быть, и эти повторенія — un procédé artistique, по выраженію Леона Готье[4]), только особаго рода, и объяснять ихъ сведеніемъ вмѣстѣ разныхъ версій во многихъ случаяхъ нѣтъ никакой возможности.

Возьмемъ, напр., строфу 273-ью, въ концѣ которой поэтъ объявляетъ о началѣ новаго отдѣла[5]) и послѣ которой надо предполагать небольшую остановку въ пѣніи, послѣдній отдыхъ для пѣвца; въ ней сказано довольно обстоятельно о созывѣ судей.

Такъ какъ во время паузы слушатели могли забыть предъидущее, то въ началѣ новаго отдѣла, на стр. 274, поэтъ снова,

---

Леона Готье въ книгѣ Petit de Julleville, Histoire de la Langue et de la Littérature française, Paris 1896. T. I, стр. 89 и слѣд.

[1]) О нихъ у гр. Де-ла-Барта, стр. XIX.

[2]) См. напр. стр. 84, 85, 86.

[3]) Какъ двустрочное описаніе бури въ былинѣ о Садкѣ или разсказъ о томъ, какъ вооружается богатырь, отправляющійся на «нахвальщика» и т. д.

[4]) См. d. Petit de Julleville, стр. 119.

[5]) Къ сожалѣнію, какъ сказано выше, переводчикъ не сохранилъ этого указанія.

но *въ иныхъ выраженіяхъ* (ст. 3697) говоритъ о прибытіи Карла въ Ахенъ и разсказываетъ о смерти Альды; покончивъ съ ея похоронами, онъ еще разъ (на этотъ разъ короче, ст. 3706) упоминаетъ о возвращеніи Карла и начинаетъ разсказъ о судѣ, въ которомъ снова и опять-таки *въ иныхъ выраженіяхъ* (см. стр. 277) и короче говоритъ о созывѣ судей.

Очевидно, труверъ имѣетъ здѣсь въ виду интересы пѣвцовъ-жонглеровъ, для которыхъ, какъ извѣстно, предназначалась и маленькая по формату переносная рукопись оксфордскаго текста. Вотъ явное указаніе на то, что историко-литературныя свѣдѣнія (которыя могли быть сообщены или во Введеніи или въ Примѣчаніяхъ) необходимы читателю и для вѣрной эстетической оцѣнки Пѣсни о Роландѣ.

Что касается Примѣчаній переводчика къ Пѣсни о Роландѣ (стр. 139 и слѣд.), признавая ихъ очень содержательными и цѣнными, я позволяю себѣ усмотрѣть въ нихъ тотъ же существенный недостатокъ, что̀ и во Введеніи гр. Де-ла-Барта: количество ихъ для такого древняго памятника слишкомъ ограниченно (всего 30 примѣчаній на 4-хъ страницахъ), и носятъ они характеръ, какъ мнѣ кажется, нѣсколько случайный: въ нихъ объяснены три-четыре географическихъ названія (изъ многихъ сотенъ ихъ), сообщено нѣсколько интересныхъ фактовъ относительно различныхъ (но далеко не всѣхъ) частей вооруженія XI вѣка, упоминаются нѣсколько разъ различныя версіи поэмы (о которыхъ читатель ничего не находитъ въ Введеніи); объяснены отдѣльныя слова, часто вовсе не трудныя (напр. Пресьезъ); а между тѣмъ оставлены безъ объясненія сотни важныхъ собственныхъ именъ, бытовыхъ подробностей и противорѣчій въ текстѣ (въ родѣ, напр., счета французской арміи).

Рецензентъ увѣренъ, что при послѣдующихъ изданіяхъ, которыхъ нельзя не пожелать прекрасной книгѣ гр. Де-ла-Барта, какъ Введеніе будетъ пополнено историко-литературнымъ (хотя бы краткимъ) разборомъ поэмы, такъ и Примѣчанія много выиграютъ въ смыслѣ полноты и равномѣрности.

Въ виду всего вышеизложеннаго и главнымъ образомъ въ виду несомнѣнныхъ и крупныхъ достоинствъ перевода гр. Де-ла-Барта, какъ со стороны его вѣрности тексту, такъ и со стороны художественной, я полагаю, что его тяжелый и талантливо исполненный трудъ, столь полезный для русской литературы, вполнѣ заслуживаетъ преміи имени А. С. Пушкина, въ томъ размѣрѣ, въ какомъ Отдѣленіе найдетъ возможнымъ.

Во время печатанія этого отзыва я случайно натолкнулся на любопытное указаніе относительно центральной фигуры французскаго эпоса, указаніе, которое при всей своей общеизвѣстности, для изученія chansons de geste, если не ошибаюсь, привлекаемо не было. Константинъ Багрянородный въ 26-й главѣ De administrando говоритъ: ...ὁ μέγας Λωθάριος, ὁ πάππος τοῦ περιβλέπτου ῥηγὸς Οὔγωνος, ἀπὸ τῆς γενεᾶς μεγάλου Καρούλου κατήγετο, περὶ οὗ πολὺς ἔπαινος ἐγκώμιά τε καὶ διηγήματα, καὶ περὶ πολέμους ἀνδραγαθήματα, т. е. Великій Лотарь, дѣдъ извѣстнаго короля Гугона, происходилъ изъ рода Карла Великаго, къ которому (относятся) *многая похвала*, *прославленія*, *и разсказы*, *и военные подвиги*.

Въ этой не очень грамотно построенной фразѣ, по моему мнѣнію, нельзя не видѣть указанія на то, что черезъ три-четыре поколѣнія послѣ смерти Карла Великаго до отдаленнаго Константинополя доходили не только извѣстія объ его военныхъ подвигахъ (περὶ πολέμους ἀνδραγαθήματα — res gestae), но и нѣсколько, можетъ быть, смутное представленіе о тѣхъ поэтическихъ похвалахъ (ἐγκώμια), которыя звучатъ въ честь его, и о народныхъ сагахъ (διηγήματα), героемъ которыхъ сталъ онъ.

И такъ, слова эти служатъ косвеннымъ, не очень яснымъ, но за то дорогимъ по своей древности и достовѣрности свидѣтельствомъ о двухъ источникахъ chansons de geste: лиро-эпическихъ кантиленахъ и народныхъ преданіяхъ, получившихъ художественную обработку только впослѣдствіи.

А. Кирпичниковъ.

II.

М. А. Лохвицкая (Жиберъ). **Стихотворенія.** Москва, 1896 г. 8°.

Критическій разборъ, составленный графомъ А. А. Голенищевымъ-Кутузовымъ.

Сборникъ стихотвореній М. А. Лохвицкой (Жиберъ), представленный на соисканіе преміи имени Пушкина, заключаетъ въ себѣ около сотни стихотвореній, преимущественно лирическихъ и раздѣленъ авторомъ на четыре отдѣла. Въ первомъ сгруппированы стихотворенія мелкія, расположенныя въ хронологическомъ порядкѣ отъ 1889 до 1895 года включительно; второй содержитъ въ себѣ «Русскіе мотивы»; третій—семь сонетовъ, и, наконецъ, четвертый, которому дано заглавіе: «Подъ небомъ Эллады», посвященъ отголоскамъ классическаго міра и антологіи. Но дѣленіе это чисто внѣшнее и, можно сказать, случайное. Въ сущности, весь сборникъ г-жи Лохвицкой и всѣ стихотворенія, въ немъ заключающіяся, имѣютъ одно содержаніе; содержаніе это исчерпывается словомъ *любовь*; стихотворенія г-жи Лохвицкой, за весьма рѣдкими исключеніями, воспѣваютъ и изображаютъ это старое, какъ міръ, какъ человѣчество чувство; но мы далеки отъ того, чтобы ставить такое однообразіе въ упрекъ автору, тѣмъ болѣе, что въ поэзіи г-жи Лохвицкой сплошь просвѣчиваетъ истинное дарованіе, а внѣшняя форма стихотвореній весьма привлекательна. Стихомъ г-жа Лохвицкая владѣетъ хорошо: онъ звученъ, безыскуственно простъ, читается

легко и также легко запоминается — несомнѣнный признакъ правильности и красоты; къ достоинствамъ внѣшней формы стихотвореній г-жи Лохвицкой слѣдуетъ еще причислить богатство риѳмъ, которымъ, къ сожалѣнію, многіе изъ современныхъ поэтовъ пренебрегаютъ. Какъ образецъ, мы приведемъ, въ подкрѣпленіе всего вышесказаннаго, слѣдующее стихотвореніе:

Если-бъ счастіе мое было вольнымъ орломъ,
Если-бъ гордо онъ въ небѣ парилъ голубомъ,
Натянула-бъ я лукъ свой пѣвучей стрѣлой,
И живой, или мертвый, а былъ бы онъ мой!

Если-бъ счастье мое было чуднымъ цвѣткомъ,
Если-бъ росъ тотъ цвѣтокъ на утесѣ крутомъ,
Я достала-бъ его, не боясь ничего,
Сорвала-бъ и упилась дыханьемъ его!

Если-бъ счастье мое было рѣдкимъ кольцомъ
И зарыто въ рѣкѣ подъ сыпучимъ пескомъ,
Я-бъ русалкой за нимъ опустилась на дно, —
На рукѣ у меня заблистало-бъ оно!

Если-бъ счастье мое было въ сердцѣ твоемъ,
День и ночь я-бы жгла его тайнымъ огнемъ,
Чтобы мнѣ безъ раздѣла навѣкъ отдано,
Только мной трепетало и билось оно!

Нельзя, мнѣ кажется, въ болѣе яркой, оригинальной и красивой формѣ выразить порывъ молодой и страстной любви, не вѣрящей въ возможность преградъ и смѣло заявляющей о своей всепобѣдной силѣ. Мы, конечно, выписали одно изъ лучшихъ стихотвореній сборника; встрѣчаются въ немъ пьесы и менѣе совершенныя по формѣ и даже вовсе неудачныя; но таковыхъ не много. Къ наиболѣе часто встрѣчающимся недостаткамъ формы въ стихотвореніяхъ г-жи Лохвицкой мы относимъ неправильное чередованіе мужскихъ и женскихъ риѳмъ, а также смѣшанное стопосложеніе съ случайнымъ и непріятнымъ чередованіемъ

шести-, пяти- и четырех-стопныхъ ямбовъ, какъ напр. въ стихотвореніи «Мракъ и Свѣтъ». Если мы упомянемъ о встрѣчающемся кое-гдѣ отсутствіи обязательной цезуры въ шестистопныхъ ямбахъ, да о нѣкоторыхъ промахахъ, въ родѣ употребленія слова *«плечей»* вмѣсто «плечъ», мы исчерпаемъ всѣ замѣчанія, которыя можно сдѣлать г-жѣ Лохвицкой относительно формы ея стихотвореній.

Переходя къ внутреннему содержанію поэзіи г-жи Лохвицкой, мы должны замѣтить, что посвященное, какъ мы уже сказали, почти исключительно воспѣванію и изображенію одного чувства любви, и притомъ не отвлеченной, не мечтательной и, такъ сказать, романтической, а любви страстной и чувственной (изображеніе которой царитъ въ настоящее время во французской литературѣ), содержаніе это, столь ограниченное въ своемъ общемъ объемѣ, чрезвычайно разнообразится по настроенію, по краскамъ, по освѣщенію, и внѣшней формѣ воплощающихъ его стихотвореній, а потому и не утомляетъ читателя, не наскучаетъ, даже при послѣдовательномъ прочтеніи многихъ пьесъ подъ-рядъ, однотонностью напѣва и повтореніемъ однихъ и тѣхъ картинъ. Всѣ образы, картины, мысли и рѣчи, правда, насквозь проникнуты однимъ чувствомъ, одною страстью—но сами они до безконечности разнообразны и притомъ, взятыя въ отдѣльности, почти всегда красивы, оригинальны и жизненны.

Для примѣра укажемъ на нѣсколько стихотвореній изъ разныхъ отдѣловъ сборника. Вотъ «Призывъ» любви:

Полу-прозрачной, легкой тѣнью
Ложится сумракъ голубой;
Въ саду, подъ бѣлою сиренью,
Хочу я встрѣтиться съ тобой...

Тоска любви!.. съ какою силой
Она сжимаетъ сердце мнѣ,
Когда не слышу голосъ милый
Въ ночной унылой тишинѣ!

Деревья дремлютъ... небо ясно...
Приди! — я жду тебя одна.
О, посмотри, какъ ночь прекрасна,
Какъ упоительна весна! —

Все полно нѣги сладострастья,
Неизъяснимой красоты...
И тихій вздохъ избытка счастья
Раскрылъ весенніе цвѣты.

А вотъ, также призывъ любви, но уже въ другой формѣ, въ другихъ образахъ:

Въ день ненастный астра полевая
Къ небесамъ свой вѣнчикъ подняла
И молила, солнце призывая,
Въ страстной жаждѣ свѣта и тепла:
    — «О, владыка дня,
    Оживи меня! —
Я твоимъ сіяніемъ жила....»

И природы вѣчное свѣтило,
Внявъ мольбамъ продрогшихъ лепестковъ,
Вновь улыбкой землю озарило,
Сбросивъ тучи мертвенный покровъ...
    Тьмы и хлада нѣтъ; —
    Ярко блещетъ свѣтъ
Сквозь завѣсу влажныхъ облаковъ.

Но головку солнцу подставляя,
Подъ его губительнымъ огнемъ
Стала блекнуть астра полевая
Все твердя въ безуміи своемъ:
    О, еще, молю!
    Я твой свѣтъ люблю,
Жизнь моя [illegible] ъ!..

Тотъ же порывъ чувства, который въ первомъ стихотвореніи выраженъ въ лирической пѣснѣ, во второмъ воплощенъ въ образѣ стремящагося къ солнцу цвѣтка, жаждущаго его свѣта и тепла. Наконецъ, тотъ же мотивъ послужилъ содержаніемъ цѣлой картины, изображенной авторомъ въ «Легендѣ желтыхъ розъ»— стихотвореніи, помѣщенномъ въ отдѣлѣ, озаглавленномъ: «Подъ небомъ Эллады».

Вотъ отрывокъ этого прекраснаго стихотворенія:

Мой брачный пиръ ужъ подходилъ къ концу,
Когда я юношу прелестнаго узрѣла...
Вѣнокъ изъ бѣлыхъ розъ такъ шелъ къ его лицу...
Не знаю, почему спросить я не посмѣла,
Кто онъ; но все мнѣ нравилося въ немъ:
И взоръ его, пылающій огнемъ,
И кудри черныя, упавшія на плечи,
И стройный станъ, и мужественный видъ,
И легкій пухъ его ланитъ,
Спаленныхъ солнцемъ... голосъ!.. рѣчи!
О нѣтъ! — то былъ не человѣкъ, а богъ!
Никто изъ смертныхъ, изъ людей, не могъ
Вмѣстить въ себѣ такія совершенства!
Онъ былъ хорошъ какъ юность, какъ любовь!
И вмигъ ключомъ моя забила кровь,
Вся трепетала я отъ муки и блаженства...
И пышный пиръ былъ мною позабытъ;
Я все смотрѣла, глазъ не опуская
На милый ликъ. — «Вотъ, Федра дорогая, —
Сказалъ Тезей, — мой сынъ, мой Ипполитъ;
Люби его»... И я его люблю!
Киприда свѣтлая! одинъ лишь мигъ молю,
Дай счастья мнѣ! О, только мигъ одинъ!
Сюда, — ко мнѣ!.. мой другъ!.. мой богъ!.. мой сынъ!..

Приведенные примѣры въ достаточной степени поясняютъ

высказанную нами мысль о томъ, что однообразіе и ограниченность содержанія въ поэзіи г-жи Лохвицкой въ значительной мѣрѣ искупаются той виртуозной игрой образовъ звуковъ и красокъ, которая невольно увлекаетъ читателя и не даетъ ему замѣтить, что въ сущности онъ перечитываетъ подъ разными видами одну и ту-же старую сказку.

Небольшая поэмка «У моря» и стихотвореніе «Эллада» даютъ основаніе полагать, что если бы г-жа Лохвицкая захотѣла развить въ себѣ склонность къ эпической поэзіи, она могла бы и въ этомъ родѣ создать произведенія, не лишенныя достоинства.

Для примѣра описательной поэзіи въ сборникѣ, мы приведемъ слѣдующіе отрывки изъ двухъ вышеназванныхъ пьесъ.

Изъ поэмы «У моря»:

Блистающій средь сумрака ночного
Горѣлъ огнями Петергофъ.
Громадная толпа гудѣла безтолково
И, вырвавшись изъ мраморныхъ оковъ,
Взметая вверхъ клубы алмазной пыли,
Струи фонтановъ пламенныя били.
Роскошныя гирлянды фонарей
Повиснули причудливо и ярко
На темной зелени вѣтвей —
Какъ пестрые цвѣты диковиннаго парка
Сверкая въ глубинѣ аллей
И въ зеркалѣ прудовъ, обманывая взоры,
Сливалися въ волшебные узоры.

Изъ той-же поэмы:

Какая ночь! — Сребристое сіянье
Клубясь, какъ дымъ, ложится на поля,
И, кажется, весь міръ, и небо, и земля —
Все замерло въ тревожномъ ожиданьѣ.

Безмолвный паркъ, мечтаній тайныхъ полнъ,
Не шелеститъ листвой завороженной.
Издалека несутся вздохи волнъ
И моря ропотъ возбужденный,
А я смотрю, и жду, и рвусь туда,
Куда летятъ всѣ мысли, всѣ желанья...
Какъ сильно ароматъ разноситъ резеда...
И лиліи не спятъ — ихъ жаркаго дыханья
Порхнула мнѣ въ лицо душистая струя...
Чу!.. полночь бьетъ!.. Уже!.. А тамъ что слышу я?
То вѣтра шумъ, иль шепотъ заклинанья?
Иль гіацинтовъ чудный звонъ?
То счастья зовъ, иль арфы лепетанье,
Иль безъисходной муки стонъ?

Такое тѣсное сочетаніе лиризма съ описательной картинностью, такое чуткое пониманіе красотъ природы, сила и вѣрность эпитетовъ и, наконецъ, яркость образовъ положительно указываютъ, что эпическій родъ поэзіи могъ бы быть не чуждъ дарованію г-жи Лохвицкой; а слѣдующій отрывокъ изъ стихотворенія «Эллада» свидѣтельствуетъ, что авторъ вполнѣ владѣетъ и простою, повѣствовательною стихотворною рѣчью — свойствомъ болѣе рѣдкимъ и цѣннымъ, чѣмъ это можетъ казаться на первый взглядъ. Поддержать въ читателѣ поэтическое настроеніе при передачѣ обыденныхъ простыхъ событій жизни и обстановки — одна изъ труднѣйшихъ задачъ поэтическаго творчества, для выполненія которой нѣтъ ни правилъ, ни законовъ. Только природное, такъ называемое поэтическое чутье — другими словами, опять-таки, дарованіе — можетъ при этомъ не дать повѣствованію впасть въ скучный прозаизмъ. Г-жа Лохвицкая обладаетъ этимъ чутьемъ и можетъ разсказывать самыя простыя вещи *языкомъ поэтическимъ*.

Какъ въ смутномъ снѣ, я помню знойный день,
Держа въ рукахъ цвѣточныя корзины,

Усталая я сѣла на ступень
У пьедестала мраморной Аѳины.
Былъ полонъ рынокъ, солнцемъ залитой,
Кипѣла жизнь роскошная Эллады.
Плѣняли взоръ изящной простотой
Красавицъ стройныхъ легкіе наряды.
Какъ много лицъ мелькало предо мной;
Философы, носильщики, рабыни...
Звучалъ языкъ, забытый мною нынѣ,
Но нѣкогда и близкій, и родной,
И падали журча струи фонтана
Изъ губъ открытыхъ каменнаго Пана,
Но вотъ, нежданно я окружена
Ораторовъ толпой краснорѣчивой;
Кому гвоздика пышная нужна,
Кому корзинка съ жгучею крапивой,
(Невзрачное растенье, но оно
Одобрено безсмертной Афродитой
И почему-то ей посвящено)
Кому вѣнокъ изъ розъ, плющомъ увитый,
Иль алый макъ, простой цвѣтокъ полей,
Желанный тѣмъ, что намъ даетъ забвенье —
Черезъ него въ блаженномъ сновидѣньи
Покинутымъ отраду шлетъ Морфей;
Его потомъ я оцѣнила тоже,
Тогда-жъ — фіалки были мнѣ дороже.

Приведенные отрывки по красотѣ, простотѣ и образности поэтическаго повѣствованія могли бы быть смѣло включены въ эпическія произведенія нашихъ лучшихъ поэтовъ послѣ-Пушкинскаго періода, безъ всякаго ущерба для этихъ произведеній, и было бы жаль, если бы г-жа Лохвицкая пренебрегла этой стороной своего дарованія, ограничивъ его область исключительно лирикой. Наконецъ, въ сборникѣ встрѣчаются стихотворенія, хотя

и немногочисленныя, въ которыхъ, со свойственной ей искренностью, г-жа Лохвицкая выражаетъ чувство неудовлетворенности земными наслажденіями и земною любовію, чувство стремленія къ чему то высшему и лучшему. Мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи выписать цѣликомъ два такихъ стихотворенія, во-первыхъ потому, что сами по себѣ они превосходны, а во-вторыхъ потому, что появленіе ихъ изъ-подъ пера такой искренней писательницы, какъ г-жа Лохвицкая, подаетъ надежду на то, что поэтическій кругозоръ ея расширится и что талантъ ея почерпнетъ изъ сокровищницы жизни болѣе разнообразное и богатое содержаніе, чѣмъ это было до сихъ поръ.

Душѣ очарованной снятся лазурныя дали,
Нѣтъ силъ отогнать неотступную грусти истому,
И рвется душа, трепеща отъ любви и печали,
Въ далекія страны, *незримыя оку земному...*

Но время настанетъ, и, сбросивъ оковы безсилья,
Воспрянетъ душа, *не нашедшая въ жизни отвѣта*,
Широко расправитъ могучія, бѣлыя крылья
И узритъ чудесное въ морѣ блаженства и свѣта!

Слѣдующее стихотвореніе, «Сумерки», еще изящнѣе, еще тоньше по построенію:

Съ сліяньемъ дня и мглы ночной
Бываютъ странныя мгновенья,
Когда слетаютъ въ міръ земной
Изъ міра тайнаго видѣнья.

Скользятъ въ туманѣ темноты
Обрывки мыслей... клочья свѣта
И блѣдныхъ образовъ черты
Забытыхъ межъ нигдѣ и гдѣ-то...

И сердце жалостью полно,
Какъ будто жжетъ его утрата
Того, что̀ было такъ давно...
Что̀ было отжито когда-то...

Мы можемъ только искренно пожелать, чтобы настроеніе, съ такой удивительной тонкостью переданное въ этомъ стихотвореніи (особенно замѣчательна вторая строфа) было предвѣстьемъ наступленія новаго творческаго періода въ литературной дѣятельности г-жи Лохвицкой, чтобы «обрывки мыслей» и «клочья свѣта»—превратились въ *настоящія мысли* и *настоящій свѣтъ*, который озарилъ бы для нея значеніе жизни не только, какъ алтаря любовныхъ наслажденій, не только какъ храма красоты, но и какъ чертога добра и божественной правды. Сбудется ли это наше пожеланіе, можетъ показать только будущее.

Въ заключеніе я позволю себѣ привести на справку одно воспоминаніе, которое можетъ въ тоже время послужить для меня и руководствомъ къ составленію окончательнаго мнѣнія по вопросу о присужденіи г-жѣ Лохвицкой преміи имени Пушкина.

По выходѣ въ свѣтъ сборника стихотвореній г-жи Лохвицкой покойный К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, вѣроятно лично знакомый съ авторомъ, передалъ покойному-же Аполлону Николаевичу Майкову и мнѣ по экземпляру этого сборника. Познакомившись съ его содержаніемъ, я по обычаю своему поспѣшилъ подѣлиться впечатлѣніями съ Аполлономъ Николаевичемъ. Мы вмѣстѣ перечли многія стихотворенія, при чемъ я не могъ удержаться отъ восклицанія: «а вѣдь этотъ сборникъ, по моему мнѣнію, вполнѣ достоинъ Пушкинской преміи!».

—«Половинной,»... съ улыбкой добавилъ Аполлонъ Николаевичъ.—«Надо еще посмотрѣть, что изъ Лохвицкой выйдетъ далѣе».

III.

Сочиненія Н. В. Гоголя. Изданіе десятое. Текстъ свѣренъ съ собственноручными рукописями автора и первоначальными изданіями его произведеній Николаемъ Тихонравовымъ и Владиміромъ Шенрокомъ (съ приложеніями). Томъ шестой. М. и Спб. Изданіе А. Ф. Маркса. 1896. VIII + 832 стр.

Тоже. Томъ седьмой (съ приложеніями). Спб. Изд. А. Ф. Маркса. 1896. V + 1088 стр.

Критическій разборъ А. Н. Пыпина.

Приступая къ X-му изданію сочиненій Гоголя (т. I—V, М. 1889—1890), Н. С. Тихонравовъ руководился слѣдующими соображеніями, которыя онъ изложилъ въ предувѣдомленіи къ первому тому.

Во-первыхъ, до сихъ поръ текстъ сочиненій Гоголя не удовлетворялъ задачамъ критическаго изученія писателя. «Вслѣдствіе особыхъ, исключительныхъ условій *текстъ* сочиненій Гоголя, еще при жизни его, подвергся искаженіямъ и произвольнымъ поправкамъ. Поэтъ писалъ свои произведенія такъ неразборчиво, съ такими вопіющими отсутствіями отъ общепринятыхъ правилъ правописанія, нерѣдко даже замѣняя одну букву другою, что оригиналы этихъ произведеній могли быть правильно переписаны писцомъ только при неослабномъ личномъ руководствѣ автора».

Первое изданіе сочиненій Гоголя печаталось безъ его личнаго надзора; самъ онъ былъ за границей, и пріятель его Прокоповичъ, которому было поручено изданіе, внесъ въ него много произвольныхъ поправокъ и искаженій, которыя перешли и въ послѣдующія изданія. Такимъ образомъ становился необходимымъ пересмотръ текста и исправленіе его по собственнымъ рукописямъ Гоголя.

Во-вторыхъ, самъ Гоголь не успѣлъ выполнить задуманнаго имъ плана такого изданія его сочиненій, которое дало бы читателю возможность составить вѣрное представленіе о «теоретическихъ понятіяхъ», какія авторъ «имѣлъ о литературѣ и объ искусствѣ, и о томъ, что̀ должно двигать литературу нашу». Такимъ образомъ становится необходимымъ приготовить изданіе, которое удовлетворяло бы потребностямъ историческаго изученія писателя. «Одною изъ характеристическихъ особенностей творчества Гоголя была медленность въ разработкѣ идеи и формы произведенія: разработка и переработка написаннаго произведенія совершалась въ теченіи цѣлыхъ годовъ, по частямъ, отрывками, одновременно съ работою надъ нѣсколькими другими произведеніями, въ перекрестныхъ направленіяхъ».

«Въ силу этой особенности своей художнической природы, Гоголь не разъ обращался къ новой переработкѣ, даже *напечатанныхъ* уже произведеній своихъ: «Портретъ», «Тарасъ Бульба», «Ревизоръ» передѣлывались *заново* на пространствѣ *всего* блестящаго періода чисто-художественной дѣятельности Гоголя (1835 г.—1842 г.)».

«Новыя воззрѣнія и впечатлѣнія вносились въ готовые, уже получившіе опредѣленную форму, сюжеты, и новыя симпатіи сказывались въ нихъ... Въ многочисленныхъ черновыхъ набросказъ, передѣлкахъ, редакціяхъ «Тараса Бульбы», «Театральнаго Разъѣзда», первой части «Мертвыхъ Душъ» проходитъ передъ внимательнымъ наблюдателемъ исторія внутренней жизни поэта въ указанную эпоху. Набрасывая начерно эскизы своихъ поэтическихъ созданій, Гоголь вполнѣ отдавался «посѣщавшему его

вдохновенію», и въ этихъ первыхъ набросках изливались его думы и чувства съ необыкновенною искренностью, — искренностью, которою не всегда отличаются его письма. И впослѣдствіи, возвращаясь къ отдѣлкѣ этихъ первыхъ, про себя сдѣланныхъ набросковъ, Гоголь начиналъ умѣрять и ограничивать излишнюю ихъ откровенность, заботливо сглаживая всѣ проявленія личнаго элемента и частныхъ, временныхъ чертъ... Укажемъ на «Театральный Разъѣздъ», на статью «О движеніи журнальной литературы», на нѣкоторыя страницы въ первой части «Мертвыхъ Душъ». Эти черновые наброски даютъ, въ своей совокупности, нерѣдко болѣе цѣнные факты для исторіи внутренней жизни поэта, чѣмъ его письма, иногда излишне осторожныя, почти всегда сдержанныя и не обнаруживающія охоты посвящать друзей въ литературныя занятія ихъ автора. Поэтому для тѣхъ, кто желалъ бы разъяснить себѣ исторію жизни и творческой дѣятельности Гоголя, необходимо изучить этотъ трудъ Гоголя по сохранившимся документамъ».

На этихъ двухъ основаніяхъ Тихонравовъ поставилъ для своего изданія Гоголя двѣ задачи: установленіе правильнаго текста сочиненій Гоголя и возможную полноту собранія.

Въ основаніе текста онъ принялъ то изданіе пятидесятыхъ годовъ, которое начато было Гоголемъ въ послѣдніе годы жизни и окончено послѣ его смерти — въ той части, которая была просмотрѣна самимъ Гоголемъ; затѣмъ Тихонравовъ воспользовался сохранившимися рукописями. Содержаніе этихъ рукописей онъ исчерпывалъ. Различныя редакціи сочиненій, возникавшія отъ первыхъ набросковъ до окончательной обработки, онъ издавалъ сполна; разнорѣчія между печатными текстами и рукописями, между прочимъ вслѣдствіе цензурныхъ передѣлокъ, онъ съ точностью передавалъ въ «варіантахъ», — такъ что здѣсь собираемъ былъ *весь матеріалъ* работъ Гоголя надъ своими сочиненіями, какой только сохранился въ оставшихся бумагахъ. Съ такою же обстоятельностію Тихонравовъ исполнялъ другую свою задачу: исторію текста произведеній Гоголя. Изъ переписки

Гоголя, изъ сохранившихся біографическихъ свѣдѣній онъ собиралъ указанія о томъ, какъ возникало и исполнялось то и другое произведеніе, провѣрялъ эти данныя уцѣлѣвшими рукописными текстами и набросками, такъ что возстановлялась, насколько возможно, исторія каждой работы Гоголя.

Извѣстно, какъ обѣ эти задачи были исполнены Тихонравовымъ. Въ изданныхъ имъ томахъ, комментаріи и варіанты занимаютъ въ каждомъ цѣлыя сотни страницъ.

Но Тихонравовъ не успѣлъ докончить своего изданія. Имъ издано было пять томовъ и смерть застигла его среди работы надъ шестымъ.

Для окончанія этого труда собственникъ изданія пригласилъ г. Шенрока, и это было наилучшимъ, что̀ онъ могъ сдѣлать. Уже многіе годы г. Шенрокъ посвящалъ ревностнымъ изслѣдованіямъ по біографіи Гоголя, которую онъ между прочимъ обогатилъ ранѣе неизданными и неизвѣстными матеріалами. При этомъ, однимъ изъ основныхъ его интересовъ было, конечно, изслѣдованіе развитія творчества Гоголя и имъ былъ внимательно изученъ весь матеріалъ изданія Тихонравова, насколько оно вышло тогда въ свѣтъ. Г. Шенрокъ высоко цѣнилъ изданіе Тихонравова, которое цитировалось имъ какъ авторитетный источникъ: эту оцѣнку труда Тихонравова онъ изложилъ въ засѣданіи Общества любителей Россійской словесности, 13-го марта 1894, въ рѣчи напечатанной потомъ, въ дополненномъ видѣ, въ сборникѣ «Памяти Тихонравова», который изданъ былъ въ 1894 друзьями и учениками профессора (М. 1894, стр. 92—122: «Н. С. Тихонравовъ, какъ издатель сочиненій Гоголя»). Эта статья г. Шенрока есть подробная исторія и характеристика работъ Тихонравова надъ Гоголемъ, и авторъ заключилъ статью слѣдующими словами: «Научные пріемы Тихонравова имѣли большое значеніе не только для его собственныхъ работъ, но могутъ также служить прекраснымъ образцомъ для молодыхъ ученыхъ, для которыхъ важно познакомиться съ рѣдкой солидностью и основательностью трудовъ Тихонра-

вова, качествами, ставящими нашего покойнаго изслѣдователя сочиненій Гоголя на ряду съ лучшими учеными западной Европы».

Понятно, что приглашенный продолжать изданіе, большая доля котораго уже была исполнена Тихонравовымъ, г. Шенрокъ принялъ сполна ту же программу изданія, которая вызывалась сущностью задачи, и которую онъ еще раньше такъ высоко оцѣнивалъ. Въ первыхъ словахъ своего предисловія къ VI тому изданія г. Шенрокъ говорилъ: «Принявъ на себя большой и отвѣтственный трудъ по окончанію настоящаго изданія сочиненій Гоголя, остановившагося за смертью Н. С. Тихонравова на первой половинѣ предлагаемаго шестаго тома (покойнымъ были отпечатаны только первые двадцать листовъ), мы поставили своей задачей, сохраняя вполнѣ прежній планъ и программу, исполнить дѣло, насколько могли, такъ, какъ, казалось намъ, было бы оно исполнено покойнымъ». Дѣйствительно, г. Шенрокъ точно также печаталъ тексты, старательно сличая рукописные и печатные матеріалы и собирая обширные варіанты; и точно также старался изслѣдовать исторію тѣхъ пьесъ и набросковъ Гоголя, какіе вошли въ VI и VII томы изданія, — за однимъ исключеніемъ, о которомъ упомянемъ далѣе.

Какъ сказано, въ VI-мъ томѣ было напечатано Тихонравовымъ двадцать листовъ текста, — еще пятнадцать листовъ текста было напечатано г. Шенрокомъ.

Въ VII-мъ были уже набраны двѣ первыя полныя редакціи перваго тома «Мертвыхъ Душъ», но (по смерти Тихонравова) сохранить наборъ оказалось невозможнымъ и вся работа должна была повториться вновь; затѣмъ, повидимому, листы 24—30 текста были вновь составлены г. Шенрокомъ. Примѣчанія редактора и варіанты, составляющіе почти сполна работу г. Шенрока, занимаютъ въ VI-мъ томѣ страницы 542—827 за исключеніемъ исторіи текста «Ревизора» (стр. 587—619), которая взята изъ прежней отдѣльной работы Тихонравова надъ этой комедіей. Въ VII-мъ томѣ эти примѣчанія редактора и варіанты занимаютъ страницы 475—826; затѣмъ описаніе рукописей стра-

ницы 829—947, гдѣ г. Шенрокъ могъ отчасти воспользоваться работой Тихонравова; наконецъ, нѣсколько указателей къ цѣлому изданію составленныхъ исключительно г. Шенрокомъ, занимаютъ страницы 949—1087.

Таковъ внѣшній объемъ работы. Въ собираніи варіантовъ г. Шенрокъ могъ воспользоваться трудомъ Тихонравова лишь въ очень незначительной степени, и одна эта часть редакціи изданія, собираніе крупныхъ и мелкихъ разнорѣчій, должна была потребовать большого труда. Съ такимъ же стараніемъ г. Шенрокъ исполнялъ другую сторону задачи — объясненіе исторіи писательской дѣятельности Гоголя. Каждая пьеса, крупная и мелкая, каждый набросокъ и отрывокъ находятъ свое историческое объясненіе. Въ VI-мъ томѣ, особливо подробное объясненіе дано исторіи текста комедіи «Женитьба» (стр. 545—575), въ дополненіе къ статьѣ самого Тихонравова во II-мъ томѣ изданія, и указаніе варіантовъ занимаетъ страницы 575—587. Далѣе, обширныя объясненія посвящены второй редакціи «Ревизора» (стр. 631—666), программѣ лекцій по исторіи среднихъ вѣковъ, статьѣ о петербургской сценѣ въ 1835—1836 году, статьѣ о движеніи журнальной литературы въ 1834—1835 годахъ, рецензіямъ Гоголя въ «Современникѣ», Пушкина, первоначальной редакціи «Коляски» и т. д. Въ VII-мъ томѣ обширный трактатъ занятъ исторіей текста первой части «Мертвыхъ Душъ» (стр. 475—597 и варіанты, стр. 597—776) опять въ дополненіе къ прежней работѣ Тихонравова объ окончательномъ текстѣ «Мертвыхъ Душъ», причемъ опять приведено множество варіантовъ изъ сохранившихся отдѣльныхъ черновыхъ набросковъ. Далѣе, г. Шенрокъ подробно останавливается на тѣхъ страницахъ, которыя передѣланы были Гоголемъ по выходѣ въ свѣтъ «Мертвыхъ Душъ»; объясняетъ вновь найденные наброски къ первой и ко второй части «Мертвыхъ Душъ».

Обширный отдѣлъ, заключающій описаніе рукописей Гоголя, былъ только начатъ Тихонравовымъ и доведенъ г. Шенрокомъ до конца: онъ долженъ былъ выяснить весь внѣшній со-

ставъ матеріала, какой былъ въ рукахъ редактора въ этомъ изданіи Гоголя. Здѣсь описано все до послѣдняго листка и между прочимъ сообщено не мало отдѣльныхъ замѣтокъ Гоголя. Наконецъ г. Шенрокъ составилъ упомянутый обширный указатель, ко всѣмъ семи томамъ, который распадается на нѣсколько частныхъ указателей. Во первыхъ, въ указателѣ *хронологическомъ* находимъ перечень произведеній Гоголя въ хронологическомъ порядкѣ съ 1825 до 1852 года; затѣмъ данъ списокъ годовъ, встрѣчающихся въ текстѣ настоящаго изданія съ 1864 до 1895 (что̀ можетъ представляться излишнею роскошью). Указатель *собственныхъ именъ* заключаетъ имена личныя, географическія, заглавія статей и даже собачьи клички. Указатель *предметный* заключаетъ всякіе предметы, какіе редакторъ изданія счелъ нужнымъ отмѣтить въ сочиненіяхъ Гоголя. Для отдѣла примѣчаній редактора и варіантовъ составленъ *отдѣльный* указатель, одна часть котораго посвящена собственнымъ именамъ всякаго рода, личнымъ, географическимъ, литературнымъ, а другая предметамъ.

По нѣкоторымъ пунктамъ г. Шенрокъ сдѣлалъ однако небольшія отступленія отъ порядка изданія, принятаго Тихонравовымъ. Въ «предувѣдомленіи» къ I тому Тихонравовъ предполагалъ помѣстить въ изданіи только выдержки изъ записныхъ книжекъ Гоголя и раньше изданія дѣйствительно помѣстилъ въ одномъ журналѣ только выдержки; но, судя по оставшимся послѣ него конспектамъ, онъ колебался относительно этого пункта и думалъ потомъ напечатать въ VI томѣ ихъ полный текстъ, — г. Шенрокъ помѣстилъ полный текстъ. Далѣе, г. Шенрокъ прибавилъ небольшую шуточную замѣтку Гоголя. Относительно лекцій Гоголя по исторіи, г. Шенрокъ отложилъ объясненія къ нимъ до особаго изслѣдованія, такъ какъ объясненіе этого вопроса потребовало бы много времени. Къ наброскамъ Гоголя, относящимся къ древней исторіи, которые Тихонравовъ занесъ въ свою программу, г. Шенрокъ присоединилъ наброски по русской исторіи, которые нашелъ разсѣянными въ его бумагахъ. Далѣе, г. Шенрокъ говоритъ: «Единственное, сдѣланное нами,

намѣренное отступленіе отъ традиціи Н. С. Тихонравова касается ороографіи. Какъ видно изъ отпечатанныхъ первыхъ двадцати листовъ, покойный ученый старался сохранить въ своемъ изданіи тѣ изъ особенностей Гоголевскаго правописанія, которымъ великій писатель оставался вѣренъ постоянно. Такъ Гоголь всегда писалъ: «всякой», «мѣлкій» и проч. Но какъ показало дѣло, сохранить въ данномъ случаѣ безусловную послѣдовательность оказалось рѣшительно невозможнымъ; укажемъ напр. на 15 страницъ предлагаемаго тома въ VI явленіи «Жениховъ» въ одной и той же репликѣ Жевакина: «пожалуйста, душенька», «спасибо, душинька» и «благодарю, душенька». И дѣйствительно, такую же точно непослѣдовательность мы встрѣчаемъ и въ подлинной рукописи. Въ виду этого, не находя возможнымъ установить строгую границу между нѣкоторыми прихотливыми особенностями Гоголевскаго правописанія и случайными ороографическими ошибками нашего писателя, мы находимъ болѣе удобнымъ отмѣчать то и другое въ варіантахъ, удерживая лишь, по примѣру Н. С. Тихонравова, такія особенности Гоголевской транскрипціи, какъ напр. щекатурка, сурьезный. Сохраненіе же своеобразностей Гоголевскаго правописанія можетъ иногда производить на читателя непріятное впечатлѣніе частыхъ опечатокъ; такъ на стр. 4-й встрѣчаемъ слѣдующія точно воспроизведенныя по рукописи ошибочныя начертанія: «безъотчетный, суботній, мѣлкій»; очень часто встрѣчается также у Гоголя невѣрное начертаніе: «мелодрамма» (но иногда и правильно съ однимъ м) и проч. Лично, впрочемъ, мы не склонны придавать значеніе собственно *правописанію* Гоголя».

Относительно VII-го тома г. Шенрокъ объясняетъ, что въ виду непомѣрно разросшагося матеріала (VI т. заключаетъ 52 печатныхъ листа, VII-й—68) онъ долженъ былъ отказаться отъ намѣренія привести въ описаніи рукописей всѣ выписки Гоголя изъ интересовавшихъ его книгъ и составить указатель къ этому отдѣлу.

По той же причинѣ не внесенъ составленный Гоголемъ не-

большой словарь простонародныхъ словъ, напечатанный Тихонравовымъ раньше въ «Сборникѣ Общества любителей россійской словесности»; впрочемъ онъ не былъ внесенъ въ программу изданія и самимъ Тихонравовымъ. Наконецъ, относительно указателей г. Шенрокъ, руководясь заботами о полнотѣ, объясняетъ, что онъ «опустилъ указанія страницъ, на которыхъ въ первомъ томѣ «Мертвыхъ Душъ» упоминается имя Чичикова, такъ какъ въ противномъ случаѣ пришлось бы приводить почти всѣ страницы; по этой же причинѣ не отмѣчены страницы, гдѣ напримѣръ встрѣчается имя Божіе въ «Размышленіяхъ о Божественной Литургіи», или имя Гоголя въ примѣчаніяхъ редактора и варіантахъ, такъ какъ подобное перечисленіе почти сплошь всѣхъ страницъ извѣстныхъ отдѣловъ, конечно, уже не отвѣчало бы задачамъ указателя». Какъ видимъ, г. Шенрокъ черезчуръ преувеличивалъ здѣсь свою заботливость.

Таковъ составъ работы г. Шенрока по изданію VI-го и VII-го тома сочиненій Гоголя. Въ постановкѣ ея онъ слѣдовалъ плану, принятому Тихонравовымъ. Къ г. Шенроку не относились бы возраженія, какія могъ вызвать этотъ планъ. Не говоря о той точкѣ зрѣнія, какую высказалъ нѣкогда Гончаровъ въ своемъ трактатѣ о «нарушеніи воли»,—подобное изданіе *всѣхъ* бумагъ являлось бы такимъ же «нарушеніемъ», какъ изданіе переписки, не назначавшейся для печати; самъ Гоголь пришелъ бы въ ужасъ отъ этого раскрытія всѣхъ, самыхъ мелкихъ частностей его интимной работы, гдѣ онъ собиралъ мелькавшія подробности художественнаго вдохновенія, отмѣчалъ отрывочныя наблюденія, пополнялъ свои недостаточныя свѣдѣнія о той Россіи, для которой хотѣлъ стать учителемъ,—не говоря объ этой точкѣ зрѣнія, можно было видѣть нѣкоторое излишество въ желаніи абсолютной полноты даже въ передачѣ мелкихъ варіантовъ и ороографическихъ ошибокъ: эти ошибки и мелкіе варіанты можно было бы оговорить въ одномъ общемъ объясненіи свойства рукописей. Но такой взглядъ встрѣчался съ другой точкой зрѣнія. Безъ «нарушенія воли» невозможна исторія и біографія, и Го-

голь въ особенности представлялъ своеобразную личность и своеобразное литературное явленіе. Онъ занялъ въ русской литературѣ особое господствующее положеніе; вмѣстѣ съ тѣмъ его личность была столь оригинальна и столь замкнута, онъ такъ мало высказывался даже съ самыми близкими людьми, что для уразумѣнія его не только какъ человѣка, но и какъ писателя становилось необходимо внимательное изученіе всего, что̀ отъ него осталось. Это изученіе являлось не только исторической потребностью, но казалось даже требованіемъ піэтета къ великому писателю. Такъ смотрѣлъ на это Тихонравовъ. Той же точки зрѣнія издавна держался г. Шенрокъ, который въ своей біографіи Гоголя собиралъ малѣйшія подробности о Гоголѣ и былъ вообще его апологетомъ. Понятно, что за трудомъ Тихонравова онъ признавалъ безусловный авторитетъ.

Г. Шенроку предстояло только докончить начатое Тихонравовымъ, строго держась сохранившихся отъ него конспектовъ того, что̀ должны были заключать VI-й и VII-й томы. Какъ видно изъ его отвѣтовъ на критическія замѣчанія, явившіяся по поводу изданныхъ имъ томовъ, г. Шенрокъ былъ даже обязанъ къ выполненію конспектовъ Тихонравова контрактами съ издателемъ и съ опекунами имущества покойнаго Тихонравова. Поэтому въ своихъ предисловіяхъ г. Шенрокъ считалъ необходимыми такія подробныя оговорки о тѣхъ небольшихъ измѣненіяхъ противъ плановъ Тихонравова, какія онъ счелъ нужными по самому существу дѣла.

Какъ мы видѣли, эти измѣненія весьма не велики и могутъ быть вполнѣ оправданы; между прочимъ и приведенныя выше замѣчанія о «правописаніи» Гоголя. Этого правописанія, собственно говоря, не было, и достаточно было оговорить этотъ пунктъ однажды, чтобы не утомлять читателя доказательствами этого въ самыхъ писаніяхъ Гоголя (здѣсь имѣются въ видѣ тѣ его тексты, которые печатались изъ рукописей, какъ варіанты и какъ историко-литературный матеріалъ).

Весь основной трудъ по изданію произведеній Гоголя, его

набросковъ и замѣтокъ, частью варіантовъ извѣстныхъ ранѣе сочиненій, частью новыхъ, этотъ трудъ исполненъ г. Шенрокомъ весьма обстоятельно и достаточно взглянуть на безконечные списки варіантовъ, чтобы оцѣнить положенную на ихъ составленіе громадную работу. Редакторскія примѣчанія г. Шенрока, заключающія исторію различныхъ произведеній Гоголя, весьма полно собираютъ матеріалъ, который служитъ для объясненія этой исторіи. Нѣкоторые критики ставили ему въ упрекъ, что въ число матеріаловъ для объясненія «Ревизора» не помѣщенъ тотъ первоначальный сценическій текстъ, который былъ раньше изданъ Тихонравовымъ отдѣльною книжкой «Ревизоръ, и пр. Первоначальный сценическій текстъ, извлеченный изъ рукописей Н. Тихонравовымъ». Москва, 1886); но г. Шенрокъ объясняетъ, что этотъ текстъ опущенъ потому, что не былъ поставленъ самимъ Тихонравовымъ въ его конспектѣ VI-го тома, — почему это было такъ сдѣлано, несовсѣмъ понятно.

При огромной массѣ мелкихъ фактовъ, съ какою приходилось имѣть дѣло г. Шенроку, трудно было обойтись безъ нѣкоторыхъ неисправностей. Онъ самъ признаетъ нѣкоторые недостатки корректуры въ отдѣлѣ варіантовъ. Можно было бы указать еще нѣсколько неисправностей подобнаго корректурнаго свойства. Напримѣръ, печатая въ исторіи текста «Ревизора» статью Тихонравова изъ упомянутой книжки 1886 года, г. Шенрокъ недостаточно объясняетъ читателю происхожденіе этой статьи и, прибавляя къ ея тексту свои дополнительныя примѣчанія, опять недостаточно отдѣляетъ ихъ отъ примѣчаній самого Тихонравова, или повторяетъ ссылки на страницы этой книжки, которыми читатель не можетъ воспользоваться въ ея перепечаткѣ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ г. Шенрокъ опять теряетъ мѣру въ заботливости своего комментарія. Напр. приводя наброски Гоголя изъ древней исторіи, онъ объясняетъ, что Гоголь дѣлалъ выдержки изъ Геродота и въ доказательство приводитъ длинный эпизодъ изъ Геродота въ греческомъ подлинникѣ (т. VI, стр. 789—790), причемъ замѣчаетъ тотчасъ, что переводныя выдержки сдѣ-

ланы: «разумѣется, не прямо съ греческаго языка, котораго Гоголь, какъ извѣстно, не зналъ вовсе»: зачѣмъ же нужна была эта греческая цитата?

Но въ цѣломъ, внимательный и настойчивый трудъ г. Шенрока заслуживаетъ всякаго уваженія[1]). «Мы, — говоритъ онъ въ предисловіи къ заключительному тому изданія, — отнюдь не можемъ имѣть самонадѣянныхъ притязаній на сравненіе нашихъ посильныхъ работъ съ образцовымъ трудомъ такого капитальнаго ученаго, какимъ былъ нашъ почтенный предшественникъ; но чувство глубочайшаго благоговѣнія, какъ къ нему, такъ еще болѣе къ самому издаваемому автору, побуждало насъ всѣми силами стремиться къ той идеальной отчетливости и полнотѣ, какими всегда выдѣлялось все выходившее изъ-подъ пера покойнаго Н. С. Тихонравова. Представляя теперь послѣдніе два тома на судъ критики и общества, мы можемъ желать только того, чтобы вложенный нами въ дѣло упорный и, смѣемъ надѣяться, добросовѣстный трудъ до нѣкоторой степени послужилъ искупленіемъ ускользнувшихъ отъ насъ, быть можетъ, недосмотровъ». Изъ того, что̀ мы говорили выше, можно видѣть, сколько дѣйствительно добросовѣстнаго труда г. Шенрокъ положилъ на изученіе рукописей Гоголя, на ихъ сопоставленіе и сличеніе въ настоящемъ изданіи, на опредѣленіе исторіи произведеній Го-

---

[1]) Прибавимъ, что трудъ г. Шенрока вообще вызвалъ въ печати весьма сочувственные отзывы. См.:

— Р. Мысль, 1896, ноябрь, 3-й отд., стр. 503—504.

— Р. Старина, 1896, сентябрь, на оберткѣ.

— Наблюдатель, 1896, ноябрь, отд. 2-й, стр. 17—19.

— Сѣверный Вѣстникъ, 1896, іюль, стр. 322—323.

— Кіевская Старина, 1896, іюль — августъ, библіографія, стр. 27—30, ст. Евг. Пѣтухова.

— Р. Вѣдомости, 1896, № 131, 143, 163, 180, рядъ статей В. Якушкина: «Изъ исторіи творчества Гоголя».

— Р. Обозрѣніе, 1896, августъ, стр. 859—860.

На замѣчанія, сдѣланныя въ двухъ послѣднихъ изданіяхъ, г. Шенрокъ отвѣчалъ въ «Р. Вѣдомостяхъ» того же года, 29-го іюля, № 207 и въ «Р. Обозрѣніи», сентябрь, стр. 471—473.

голя, и наконецъ на то, чтобы составленіемъ указателей облегчить дальнѣйшимъ изслѣдователямъ изученіе Гоголя. Вмѣстѣ съ біографіей Гоголя, это довершеніе сложнаго изданія, начатаго Тихонравовымъ, составитъ большую заслугу г. Шенрока въ объясненіи нашего великаго писателя.

IV.

Листки изъ дѣтскихъ воспоминаній. Десять автобіографическихъ разсказовъ В. П. Авенаріуса. Съ портретомъ автора и 14 отд. рисунками Н. П. Загорскаго и Т. И. Никитина. СПБ. 1893. Ц. 1 р. 50 к. (стран. 229).

Критическій разборъ, составленный В. П. Острогорскимъ.

Въ исторіи русской дѣтской литературы существуетъ два рѣзко отличающихся другъ отъ друга періода. Въ первомъ, приблизительно до шестидесятыхъ годовъ, въ дѣтской беллетристикѣ, за рѣдкими исключеніями, господствуетъ голая, надоѣдливая, мораль, сентиментальность, искусственность. Пишущіе для дѣтей почти никогда не отличаются талантливостью художника, и дѣтскія книги скучны, не давая ничего ни уму, ни сердцу, ни воображенію ребенка. Не мудрено поэтому, что маломальски даровитыя дѣти не любили этой *«своей»* литературы, ища художественной пищи въ книгахъ для взрослыхъ. Но, подъ вліяніемъ измѣнившихся въ русскомъ обществѣ взглядовъ на задачи воспитанія, измѣняются и требованія отъ дѣтской книги. И вотъ, мало-помалу, наступаетъ новый, второй, періодъ, когда къ послѣдней уже начинаютъ предъявляться тѣ-же самыя художественныя требованія, какія предъявляемъ мы и къ литературѣ взрослыхъ. За неимѣніемъ же еще книгъ художественныхъ, написанныхъ спеціально для дѣтей, является рядъ уже болѣе или менѣе инте-

ресныхъ и удачныхъ выборокъ, сокращеній или передѣлокъ, преимущественно изъ большой литературы иностранной, а затѣмъ появляются и оригинальныя прекрасныя произведенія для дѣтей, написанныя уже настоящими художниками, Полонскимъ, Плещеевымъ, Потѣхинымъ, Засодимскимъ и др.; нынѣ же не брезгаютъ писать для дѣтей очень многіе русскіе писатели, какъ Немировичъ-Данченко, Маминъ-Сибирякъ, Мордовцевъ, Потапенко, Альбовъ, Баранцевичъ и др. И въ настоящее время, кажется, уже несомнѣнно—изъ беллетристики признается годнымъ для дѣтей единственно только то, чтò, воспитывая художественно-этически дѣтскую душу, возбуждая въ ней благородныя и прекрасныя мысли и чувства, можетъ быть въ то-же время интереснымъ и художественнымъ и для взрослыхъ.

Среди этой-то новой художественной дѣтской литературы одно изъ наиболѣе видныхъ и почетныхъ мѣстъ уже много лѣтъ, по всей справедливости, занимаетъ В. П. Авенаріусъ. Выступилъ онъ въ литературу еще въ 1865 г. въ «Отечественныхъ Запискахъ», а затѣмъ, участвуя талантливыми повѣстями въ «Вѣстникѣ Европы», «Русскомъ Вѣстникѣ», «Живописномъ Обозрѣніи», въ «Недѣлѣ», онъ съ семидесятыхъ годовъ всецѣло посвящаетъ свой талантъ дѣтямъ и его *«Книга былинъ»*, *«Сказки»*, *«Васильки и колосья»*, особенно же оригинальныя, и въ своемъ родѣ единственныя у насъ, книги *«Отроческіе»* и *«Юношескіе годы А. С. Пушкина»* одинаково интересныя и для дѣтей, и для взрослыхъ, стали любимѣйшими книгами русскаго юношества. Прекрасный, живой и необыкновенно простой языкъ, мастерской разсказъ, захватывающій читателя, порой доходящій до драматизма; умѣнье выбрать, выдвинуть, освѣтить, только самое нужное, существенное; отсутствіе слащавости, сентиментальности, малѣйшей поддѣлки подъ ребячью или народную рѣчь; благородная мораль, идейность, вполнѣ естественно вытекающая изъ изображенной жизни, изъ говорящихъ воображенію и чувству образовъ и картинъ; представленіе высокаго, прекраснаго, граціознаго, возбуждающаго въ юношѣ любовь къ жизни, къ родинѣ,

къ человѣчеству; гуманность въ широкомъ и лучшемъ смыслѣ этого слова, добродушный юморъ — вотъ симпатичныя черты этого писателя, всецѣло отдавшаго талантъ свой «пробужденію чувствъ добрыхъ» въ подростающихъ поколѣніяхъ.

Если очень трудно писать собственно для дѣтей вообще, то тѣмъ болѣе трудно писать для нихъ о нихъ же самихъ. Дѣти, какъ и простолюдины, не любятъ читать про самихъ себя: — ихъ вниманіе привлекается скорѣе чѣмъ-нибудь необыкновеннымъ, новымъ, изъ міра другого, имъ неизвѣстнаго. Но великій магъ и волшебникъ-художникъ, ему одному данною силой, умѣетъ и въ самомъ обыденномъ, всѣмъ, повидимому, извѣстномъ, открыть и въявь показать новое, неизвѣстное, и такимъ образомъ сдѣлать это старое какъ бы новымъ, въ извѣстномъ отыскать доселѣ неизвѣстное. Таковы классическія книги С. Т. Аксакова «Семейная хроника» и «Дѣтскіе годы Багрова внука»; таковы «Дѣтство» и «Отрочество» гр. Л. Толстого, хотя написанныя и не для дѣтей, но составляющія любимѣйшее дѣтское чтеніе. Въ чемъ же здѣсь сила? Сила эта въ непосредственномъ воспроизведеніи настоящей дѣтской жизни, со всею искренностью и наивностью съ одной стороны, и въ то-же время, глубокою мудростью художника, незамѣтно раскрывающей внутренній, сокровенный смыслъ этой жизни, съ другой. Точно разсказываетъ дѣтямъ своимъ свою собственную жизнь добрый отецъ или дѣдушка, сохранившій до старости ясность души и любовь къ жизни, и къ нимъ самимъ, этимъ ребятамъ, а такіе живые разсказы, хотя бы и про дѣтей, не могутъ дѣтямъ не нравиться.

Къ этимъ-то великимъ произведеніямъ С. Т. Аксакова и Л. Н. Толстого, какъ педагогическимъ, присоединили бы мы и «Листки изъ дѣтскихъ воспоминаній», конечно, отнюдь не сравнивая съ громадными талантами названныхъ крупнѣйшихъ нашихъ писателей скромнаго таланта г. Авенаріуса, но которому, все-таки, по нашему мнѣнію, принадлежитъ по праву, въ ряду именно дѣтскихъ воспоминаній, послѣ этихъ двухъ авторовъ, *первое* мѣсто, тѣмъ болѣе, что «Листки», хотя и написаны собственно

для дѣтей, не разсчитывая, какъ Аксаковъ и Толстой, на взрослыхъ, но тѣмъ не менѣе, съ большимъ интересомъ читаются и взрослыми.

«Листки», какъ указано и въ заглавіи, носятъ характеръ вполнѣ автобіографическій. Самъ семьянинъ, любовно лелѣющій въ душѣ, какъ святыню, добрыя фамильныя воспоминанія о своихъ собственныхъ родителяхъ, дядяхъ, теткѣ, братьяхъ и сестрахъ, о своемъ, ушедшемъ въ невозвратную даль, золотомъ дѣтствѣ, авторъ простодушно и искренно, съ необыкновенной теплотой и задушевностью, обращается къ своему идиллическому прошлому и беретъ изъ него въ десяти эпизодическихъ очеркахъ только отроческій періодъ отъ 6—15 лѣтъ, домъ дяди и родителей съ ихъ школой, гдѣ получилъ онъ подготовительное къ гимназіи образованіе, затѣмъ четыре класса гимназіи, которой, впрочемъ, авторъ, ограничиваясь исключительно семьей, почти не касается вовсе, и заключаетъ свои разсказы неожиданной смертью, отъ холеры, своего любимаго отца.

Предъ нами трудовая и благочестивая нѣмецкая обрусѣлая семья изъ трехъ пожилыхъ братьевъ: двухъ почтенныхъ лютеранскихъ пасторовъ и третьяго, главнаго доктора одной изъ петербургскихъ больницъ. Кромѣ нихъ еще живы и сестры. Всѣ три брата женаты. Одинъ изъ нихъ — Петръ, старый дерптскій студентъ, пѣвецъ и прирожденный ораторъ, пасторъ въ Царскомъ Селѣ, отецъ многочисленной семьи изъ десяти человѣкъ, четырехъ сыновей и шести дочерей, не считая пяти умершихъ, держитъ церковную школу, гдѣ и преподаетъ самъ съ женой и взрослыми дочерьми, преподавая также въ лицеѣ и въ корпусѣ. Это уважаемый во всемъ приходѣ человѣкъ, серьезный и строгій, лично извѣстный императору Николаю Павловичу, но карьеры себѣ составить не умѣвшій, живя скромно своими трудами. Другой братъ, Василій, тоже пасторъ, но въ Славянкѣ, близъ Павловска, страстный садоводъ и пчеловодъ, бездѣтный и зажиточный, беретъ къ себѣ на воспитаніе младшаго шестинедѣльнаго племянника Васю. Жизнь Васи до семи лѣтъ у баловника дяди (два

первыхъ Листка), четыре года въ школѣ у отца въ Царскомъ (третій Листокъ); каникулы, сначала въ Славянкѣ (четвертый и пятый, уже по поступленіи въ гимназію), а потомъ у отца въ селѣ Волесѣ на финляндской границѣ, куда приглашаютъ Петра къ себѣ, на его же родину, прихожане (Листки — шестой, седьмой, восьмой и девятый), наконецъ экзамены въ гимназіи и смерть отца (Листокъ десятый) — вотъ и все незатѣйливое содержаніе книги, которую разсмотримъ подробнѣе по отдѣльнымъ разсказамъ (Листкамъ).

Книга начинается маленькимъ разсказомъ «Ночные страхи». Шестилѣтній Вася, баловень своего пріемнаго отца-дяди и пожилой дѣвицы тети Ани, сущаго ангела по чистотѣ и добротѣ, о которой и черезъ сорокъ лѣтъ вспоминаютъ, какъ о святой. Съ трогательной простотой описываетъ авторъ ея заботы о малюткѣ, который спитъ съ ней въ одной комнатѣ, первое ласковое ученье, свои дѣтскіе сны и грезы, ночные страхи передъ воображаемыми ворами, которыми оказывается наблудившая въ столовой кошка, или привидѣніемъ, оказавшимся при лунномъ свѣтѣ простымъ полотенцемъ. Мальчикъ въ ужасѣ зоветъ тетю, — тетя успокаиваетъ дитя лаской... Вотъ и все... И какъ это все обыкновенно, просто... Но какая это миніатюра красивая, граціозная, близкая всѣмъ намъ по воспоминаніямъ дѣтства!

Второй разсказъ «Какъ я былъ разносчикомъ» уже полонъ болѣе глубокаго содержанія. Мы среди богатаго плодоваго и пчелинаго хозяйства стараго пастора-дяди, выгодно сбывающаго ягоды, яблоки и медъ въ столицу. Своимъ страстнымъ уходомъ за любимымъ садомъ онъ увлекаетъ и ребенка, которому отводитъ въ саду особый участокъ. Обильные барыши дяди соблазняютъ Васю, и онъ мечтаетъ и самъ выручить съ своего крошечнаго участка «страсть сколько денегъ». Коммерческій духъ пріобрѣтенія, обогащенія, подобно большинству дѣтей, обуялъ и его. Но ураганъ въ одну ночь произвелъ на участкѣ страшный погромъ: вся земля кругомъ была усѣяна сбитыми съ деревъ яблоками. И вотъ, у ребенка является блажная мысль, не говоря

никому ни слова, пойти въ воскресенье къ церкви съ корзиной и распродать сбитыя яблоки прихожанамъ. Онъ и въ самомъ дѣлѣ отправляется на погостъ, и на удивленіе и на смѣхъ послѣднимъ распродаетъ почти весь товаръ, чрезвычайно довольный спекуляціей, но осыпанный непонятными для него насмѣшками. «Въ полномъ церковномъ облаченіи, мирно и чинно возвращающійся изъ церкви всѣми уважаемый пасторъ», накрываетъ проказника, но, хотя и глубоко возмущенный торгашеской попыткой, тѣмъ не менѣе, кротко относится къ племяннику, отдавшему, по совѣту тети Ани, всю выручку погорѣлой нищенкѣ. «Коммерсанта такъ изъ меня и не вышло,—заканчиваетъ авторъ незатѣйливый разсказикъ о «первомъ стыдѣ».

Еще большимъ интересомъ и рисовкой, чисто во фламандскомъ вкусѣ, подробностей мелкой, но полной смысла жизни, отличается третій, большой разсказъ «У своихъ въ гостяхъ». Мальчику исполнилось семь лѣтъ, и дядя везетъ его въ Царское Село въ школу къ отцу. По дорогѣ вспоминается мальчику елка въ отцовскомъ домѣ, но въ общемъ понятіе у него объ этомъ домѣ смутное. Интересенъ первый урокъ ариѳметики, данный матерью, конфузъ новичка, приставанье къ нему товарищей, заступничество и наставленіе относительно «фискальства» со стороны старшаго брата Мити; вечеръ у родителей, нѣсколькими штрихами рѣзко очерченный пасторъ-отецъ, проповѣдникъ, ученый и строгій pater familias, и въ тоже время до сѣдыхъ волосъ студентъ-пѣвецъ студенческихъ пѣсенъ; приготовленіе перваго урока, вечерній семейный чай, благоговѣйное посѣщеніе никогда невидѣннаго прежде отцовскаго кабинета; утренній чай (для дѣтей патока съ молокомъ и кипяткомъ, съ хлѣбомъ) и бѣга мальчишекъ въ Царскомъ Селѣ. Прекрасно оттѣненъ контрастъ строгаго родительскаго режима съ привольною жизнью у богатаго баловника дяди, къ которому мальчикъ во всѣ четыре года ѣздилъ на праздники въ Славянку. «Только много лѣтъ спустя,— говоритъ авторъ,—на университетской скамьѣ, я вполнѣ оцѣнилъ то благотворное вліяніе, какое имѣло на меня четырехлѣт-

нее пребываніе въ гостяхъ у своихъ: живой примѣръ самихъ родителей, сестеръ и братьевъ пріучилъ меня къ усидчивому труду, вложилъ мнѣ въ душу сознаніе человѣческаго долга, сдѣлалъ меня «человѣкомъ» (стран. 64).

Четвертый и пятый (особенно живой) разсказы посвящены идилліи каникулъ въ Славянкѣ, куда пріѣзжалъ авторъ изъ школы. Очеркъ «Какъ мы купались» тепло рисуетъ природу мирнаго уголка подъ Павловскомъ, садъ, рыбную ловлю, купанье, красивую сценку въ водѣ между братьями, старшимъ, Митей, и младшимъ, Васей, держащими пари на леденцы, кто дольше просидитъ, нырнувъ, подъ водой; плаванье на старой досчатой двери, вмѣсто плота, — словомъ, живо знакомитъ съ столь близкими дѣтямъ лѣтними радостями и неизбѣжными маленькими приключеніями молодого народа, за которыми, благодаря автору, съ интересомъ слѣдитъ и взрослый.

Очеркъ «Разбойничья исторія безъ разбойниковъ» (одинъ изъ лучшихъ въ книгѣ) представляетъ Васю уже заправскимъ гимназистомъ, живущимъ съ старшимъ братомъ Митей у дяди-доктора, въ Петербургѣ, когда уже Вася, какъ большой, «ѣздилъ въ Славянку одинъ и самъ бралъ билетъ». Въ контрастъ гимназисту, «читающему Лермонтова», и, какъ штатскому, отличающемуся болѣе мирными наклонностями, и даже нѣкоторою трусостью, выставленъ его кузенъ-кадетъ, лихой наѣздникъ и страстный почитатель «Брынскаго лѣса», «Кузьмы Рощина», «Стеньки Разина» и другихъ разбойничьихъ романовъ. Возвращеніе Васи одного, пѣшкомъ, изъ Павловскаго вокзала, ночью, черезъ Анненковскій лѣсъ въ Славянку, подъ вліяніемъ страшныхъ розсказней храбраго кузена, — все это полно такого интереса, такъ правдиво, разсказано съ такимъ добродушнымъ юморомъ, что читается съ захватывающимъ интересомъ и дѣтьми, и взрослыми, напоминая Аксакова и гр. Л. Толстого.

Всего менѣе удаченъ шестой разсказъ «Пѣвунья птичка», рисующій дорогу лѣтомъ къ отцу въ пасторатъ Волесъ, черезъ Мурино и Токсово, съ веселой барышней, сестрой одного изъ

товарищей Мити, Вани Старикова, Леночкой. Онъ какъ-то растянутъ, и даже немножко слащавъ, что уже совсѣмъ не къ лицу талантливому автору; но зато этотъ разсказъ вполнѣ выкупаютъ четыре остальные. Седьмой — «Какъ проводили мы каникулы», какъ бы дополняетъ славный разсказикъ четвертый «Какъ мы купались», развертывая новую, уже широкую, картину дѣтскихъ радостей на деревенскомъ привольѣ страны озеръ, Финляндіи. Тутъ и раннее вставанье мальчиковъ-товарищей, и опять купанье, и ловля бабочекъ, и чтеніе цѣлымъ кругомъ молодежи, и семейные пельмени, приготавливаемые всѣмъ дамскимъ обществомъ, и уженье рыбы, и катанье въ лодкѣ, и ночной ужинъ простоквашей съ хлѣбомъ и сладкій сонъ, когда «такъ сладко спится подъ утро въ молодые годы». И вездѣ строго выдержанъ контрастъ между четырнадцатилѣтнимъ, младшимъ, Васей и его взрослыми гимназистами братьями, ихъ товарищемъ и барышнями, покровительственно относящимися къ подростку. Слѣдующій разсказъ «Первый воробей и первая утка», — какъ продолженіе предыдущаго, — первая въ жизни охота съ подареннымъ дядей ружьемъ — живо рисуетъ соблазны этого, совсѣмъ не педагогическаго спорта и чувство жалости при видѣ убитаго воробьишки и бѣднаго утенка, которое навсегда отвадило автора отъ дикой забавы, которой онъ и не предавался больше никогда, кромѣ случайной, единственной, будучи уже студентомъ, охоты на утокъ въ Финляндіи.

Точно жалѣя разстаться съ дорогими воспоминаніями дѣтства, авторъ съ особенной любовью обрабатываетъ послѣдніе два разсказа: кульминаціонный пунктъ лѣтняго пребыванія у родителей «День Петра и Павла» и «Экзамены», съ которыми совпала и семейная катастрофа. Эти послѣдніе именины отца совпадаютъ съ именинами мальчика-племянника Павлуши и празднуются особенно торжественно. Необыкновенно тепло, въ самыхъ тонкихъ деталяхъ, рисуются эти приготовленія къ именинамъ любимаго отца семейства, пробужденіе молодежи, бѣшеная гонка на крестьянскихъ лошадяхъ, едва не стоившая Митѣ жизни, торжественный

обѣдъ съ рѣчью виновника торжества, которая вышла какъ бы предсмертной, неумѣренное потребленіе на радостяхъ напитковъ малышами, Васей и младшимъ именинникомъ, подзадориваемыми старшими гимназистами, едва не повлекшее за собой позорнаго наказанія со стороны разошедшихся во гнѣвѣ на дѣтвору отцовъ, наконецъ, деревенскій танецъ красавицы Айны у пылающаго громаднаго костра (ко́кко) и послѣднее угощеніе пасторомъ крестьянъ — все это полно такой задушевности и живописности, что эту главу мы, независимо отъ ея педагогическаго значенія, позволили бы себѣ причислить къ выдающимся произведеніямъ художественной русской литературы вообще.

Строго выдержанъ и послѣдній, заключительный, разсказъ, начинающійся съ приготовленія Васи къ экзаменамъ въ пятый классъ гимназіи, съ товарищемъ, причемъ приводится премилое стихотвореніе, написанное Васей во время приготовленія къ экзамену исторіи, живо рисующее отроческія, рыцарски-чистыя первыя любовныя грезы мальчика по поводу дѣвицы, сестры товарища старшаго брата Мити. Особенно трогательно послѣднее посѣщеніе старымъ отцомъ своихъ двухъ сыновей, оканчивающаго курсъ въ гимназіи Мити и Васи, которые теперь живутъ уже самостоятельно у кухмистера. Въ мирной бесѣдѣ отца съ дѣтьми вспоминаются давнишнія ребяческія шалости... все такъ хорошо... радостно... Но отецъ спѣшитъ ѣхать домой. «Онъ обнялъ насъ, — разсказываетъ авторъ, — разцѣловалъ на прощанье, но мы сошли вмѣстѣ съ нимъ на дворъ, чтобы усадить его въ дорожную коляску. «Господь съ вами, дорогіе мои! Скоро свидимся!» — были его прощальныя слова, и коляска, громыхая, выѣхала за ворота.

Юноши, по отъѣздѣ отца, еще долго говорили о его необыкновенной бодрости и неувядаемой свѣжести, а между тѣмъ горе было уже близко... Дней черезъ пять дядя-докторъ привозитъ страшную вѣсть о смерти отца отъ холеры. У Мити былъ на другой день отвѣтственный выпускной экзаменъ и Васѣ, проведшему въ одиночествѣ страшную ночь, выпадаетъ тяжелая доля

извѣстить о катастрофѣ дядю Василія въ Славянкѣ, который, полный христіанской твердости и любви, утѣшаетъ бѣднаго сироту.

Такъ заканчивается эта «дѣтская эпопея», которую прочли мы, не отрываясь до конца, съ величайшимъ интересомъ и удовольствіемъ.

Ознакомивъ въ самыхъ общихъ чертахъ съ ея содержаніемъ, которое совершенно непередаваемо въ краткомъ разсказѣ, ибо именно въ подробностяхъ, въ самомъ тонѣ, въ языкѣ здѣсь все. Постараемся опредѣлить идейное, внутреннее значеніе этихъ задушевныхъ миніатюръ, на первый взглядъ могущихъ показаться поверхностному читателю и мало значительными.

Авторъ, самъ человѣкъ уже пожилой, и до сихъ поръ проникнутъ, судя по книгѣ, глубокимъ уваженіемъ къ доброму семейному началу, связующему семью крѣпкими узами въ одно неразрывное цѣлое. Это начало, вмѣстѣ съ любовью и гуманностью, отличающими изображаемую родную семью, проходитъ красною нитью черезъ всю книгу. Разумный трудъ, упорный и постоянный, направленный не на скопленіе богатства, а только на то, чтобы прожить не голодая, поднять на ноги дѣтей,— трудъ на пользу людямъ; воспитаніе въ дѣтяхъ людей честныхъ, трудовыхъ, уважающихъ долгъ, обязанности,— людей такихъ, которые достойно продолжали бы свой родъ, помня примѣры своихъ родителей — вотъ цѣль, вотъ смыслъ этой семьи. «Еще бабушка твоя, а наша мать,— говоритъ дядя Василій, утѣшая плачущаго Васю, — всегда предостерегала насъ гоняться за деньгами, и ежедневная молитва ея была: Господи, не дай моимъ дѣтямъ богатства! И молитва ея была услышана: никто изъ насъ не достигъ богатства, но никто серьезно и не голодалъ въ жизни» (стран. 228). «И завѣты бабушки пошли въ прокъ. На прочномъ фундаментѣ твердыхъ нравственныхъ началъ и созидалась семья пастора Петра. Несокрушимая духомъ натура этого человѣка невольно влекла къ себѣ каждаго. И родные, и знакомые, и прихожане, и совершенно посторонніе люди, едва только его знавшіе,— рѣшительно всѣ, отъ мала до велика, одинаково по-

читали его и то и дѣло обращались къ нему за совѣтомъ; всѣ же семейные его видѣли въ немъ неугасаемый свѣточъ всякой земной премудрости и благодати» (стр. 222). Съумѣлъ онъ найти себѣ и подходящую подругу трудовой жизни, требовавшей великаго терпѣнія и желѣзной воли, чтобы поддержать и поставить на ноги такую большую семью. «Постоянная, изо дня въ день, изъ года въ годъ, борьба съ крупными и мелкими превратностями жизни, безконечныя заботы о каждомъ изъ многочисленныхъ дѣтищъ закалили ея характеръ. Но ея невозмутимое самообладаніе внушало къ ней самое полное, безграничное довѣріе, и каждый изъ ея дѣтей безотчетно сознавалъ, что подъ этой, на видъ холодною и строгою, оболочкой таится теплое, участливое, материнское сердце» (стр. 202). На этихъ-то двухъ лицахъ, отцѣ и матери, какъ на вѣковѣчныхъ гранитныхъ столбахъ, и держался весь этотъ домашній строй, весь этотъ обособленный мірокъ, въ которомъ авторъ сумѣлъ открыть столько незамѣтной для посторонняго глаза поэзіи. «Я трудился весь вѣкъ, и ничего вамъ не оставилъ!» — были послѣднія предсмертныя слова пастора. Но онъ могъ бы и не сокрушаться: онъ оставилъ дѣтямъ, взамѣнъ богатства, честное имя, свой примѣръ, образованіе и любовь къ труду. «Я вполнѣ уповаю, говорилъ дядя Василій, — утѣшая племянника, — что вы, наше молодое поколѣніе, какъ и мы старики, не будете сидѣть сложа руки, и что Господь благословитъ вашъ трудъ и изъ васъ также выйдутъ настоящіе люди» (стр. 229). И дядя не ошибся: семья и послѣ смерти своего главы не потерялась, не разбрелась, а дружно трудясь и взаимно поддерживая другъ друга, стала твердо на ноги, и лѣтописецъ, пишущій на старости лѣтъ свою семейную хронику, можетъ съ гордостью сказать: «молитва бабушки и до сегодняшняго дня сохраняетъ свою силу: — никто изъ насъ не можетъ похвалиться избыткомъ земныхъ благъ, но никто и не жалуется на свою долю, потому что всѣ мы стали людьми» (стр. 229).

Таково здоровое идейное и моральное содержаніе разбираемой книги, проводящей въ юныя души сѣмена истины, добра и

красоты. И если, какъ говоритъ Милль, для того, «чтобы быть добродѣтельнымъ, нужно эту добродѣтель полюбить, а любить ее можно только изъ примѣра», то примѣръ этой, такъ симпатично и художественно изображенной авторомъ, пасторской семьи не мало поспособствуетъ насажденію въ дѣтскихъ душахъ самыхъ добрыхъ нравственныхъ началъ.

Но прежде, чѣмъ разстаться съ книгой, не можемъ не указать еще на одну воспитательную, и очень цѣнную, ея сторону. Эта сторона — *культурность*, которую, какъ и ничего въ книгѣ, искусственно не подчеркивая, авторъ незамѣтно, какъ бы между прочимъ, всюду отмѣчаетъ въ разсказѣ. Садъ, улья для пастора Василія — не только простое хозяйство, не одинъ только источникъ наживы — это его благородная страсть, его поэзія. Пасторъ Петръ, при всѣхъ своихъ многообразныхъ занятіяхъ и заботахъ находитъ еще время заниматься наукой, любитъ свое пасторское дѣло, свою проповѣдь; въ свободный вечерокъ, въ семьѣ, онъ прекрасно поетъ старыя студенческія пѣсни. Въ его домѣ много хорошихъ книгъ, и мальчикъ Вася увлекается Лермонтовымъ, а молодежь читаетъ вмѣстѣ Гоголя, ведетъ споры съ пріятелями семинаристами, смѣшными, неуклюжими, оригиналами, въ которыхъ авторъ, однако, устами Мити, отмѣчаетъ любовь къ наукѣ, къ знанію, упорство въ трудѣ, скромность, недюжинный умъ. Самый характеръ всей жизни носитъ несомнѣнный отпечатокъ этой культурности: бережливость, вѣжливость, привѣтливость, гостепріимство, скромность, миръ и общій ладъ, ласковое отношеніе къ прихожанамъ — все это печать той внутренней воспитанности, которая дается человѣку только настоящей культурой, переходящей изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Такова разбираемая нами книга въ ея содержаніи, какъ внѣшнемъ, такъ и во внутреннемъ, идейномъ. И если удачное слитіе прекрасной формы въ смыслѣ языка, живости, интереса и картинности изображеній съ опредѣленной доброй идеей признается необходимымъ условіемъ всякаго художественнаго произведенія, то книгу г. Авенаріуса считаемъ мы именно тако-

вымъ, причемъ она, какъ мы видѣли, независимо даже отъ своихъ художественныхъ достоинствъ, имѣетъ еще и большое значеніе педагогическое. Все это, взятое вмѣстѣ, и даетъ намъ полное право признать эту книгу вполнѣ достойною преміи въ честь того незабвеннаго поэта, который одной изъ величайшихъ заслугъ своихъ признавалъ то,

«Что чувства добрыя онъ лирой пробуждалъ».

V.

Небольшая, изящно изданная книжка стихотвореній покойной Екатерины Андреевны Бекетовой, по мужу Красновой, содержитъ въ себѣ 66 пьесъ большею частію лирическаго содержанія; почти всѣ онѣ — оригинальныя, и притомъ девять изъ нихъ написаны для дѣтей.

Разборъ этого сборника произведеній молодой поэтессы (она скончалась въ 1891 году, 36-ти лѣтъ, пробывъ всего годъ за мужемъ) Отдѣленіе поручило своему члену-корреспонденту Аполлону Николаевичу Майкову, но ему не суждено было выполнить это порученіе, такъ какъ самъ онъ скончался 8-го марта текущаго года. Маститый поэтъ еще успѣлъ однако заняться просмотромъ сборника Е. А. Бекетовой, сдѣлалъ кое-какія замѣтки на экземплярѣ, бывшемъ у него въ рукахъ, и даже набросалъ первыя строки задуманной рецензіи. Вотъ эти строки, дающія понятіе о томъ, какое сужденіе слагалось у критика:

«Милое и грустное впечатлѣніе производитъ эта маленькая книжечка. Ни претензій, ни самонадѣянности, ни протестовъ, ни ходуль — все искренно, натурально, и что̀ всего болѣе плѣняетъ, это — душевная чистота, поэтическое чувство какъ бы безсознательное, натура не изломанная. Къ книжечкѣ можно примѣнить строки, находящіяся въ ней на стр. 43:

А въ рощѣ молодой прохладной и тѣнистой
Душистыхъ ландышей селеніе растетъ;
Раскрывшись, каждый ихъ цвѣточекъ серебристый
Волшебный ароматъ далеко разольетъ...»

Замѣтки Аполлона Николаевича, разбросанныя по сборнику Е. А. Бекетовой, немногочисленны и немногословны; но взятыя въ цѣломъ, онѣ все-таки являются вѣрнымъ подтвержденіемъ вышеприведеннаго отзыва. Иногда онѣ содержатъ въ себѣ неодобреніе какого-нибудь неудачнаго, темнаго выраженія, но гораздо чаще онѣ указываютъ на отдѣльные стихи или же на цѣлыя пьесы, которыя особенно понравились критику. Такъ, противъ того самаго стихотворенія, изъ котораго Аполлонъ Николаевичъ извлекъ вышеприведенныя строки, онъ написалъ: «мило и оригинально»,—и дѣйствительно, эта пьеса, озаглавленная «Ожиданіе», принадлежитъ къ числу произведеній Е. А. Бекетовой, наиболѣе своеобразныхъ какъ по изяществу формы, такъ и по красотѣ образовъ. Указанныя рецензентомъ «душевная чистота» поэтессы и непосредственность ея творчества особенно ярко выразились въ ея живомъ сочувствіи къ природѣ и въ ея умѣньи находить связь между явленіями послѣдней и разнообразными движеніями человѣческой души. На темы этого рода вышло много стихотвореній изъ-подъ пера Е. А. Бекетовой, и въ числѣ ихъ находятся, безъ сомнѣнія, лучшія ея созданія. Если не ошибаемся, двумя своими отмѣтками (NB) А. Н. Майковъ хотѣлъ указать на двѣ пьесы, которыя не только особенно характерны для дарованія поэтессы, но и безотносительно могутъ быть названы прекрасными. Одна изъ этихъ пьесъ принадлежитъ къ числу самыхъ раннихъ произведеній Е. А. Бекетовой; она называется «Весна» и хотя касается предмета, безконечное число разъ воспѣтаго поэтами, тѣмъ не менѣе сохраняетъ характеръ оригинальности. Вотъ это стихотвореніе:

Я снова средь полей, среди уединенья;
Я наслаждаюсь вновь свободой и весной,
И на яву меня тревожатъ сновидѣнья,
И призраки опять встаютъ передо мной.

Куда влечетъ меня, чего хочу—не знаю;
Но все стремлюсь въ таинственную даль,

И все чего-то жду, о чемъ-то все мечтаю,
И все томитъ меня безвѣстная печаль...

Дышать такъ хорошо, и все кругомъ такъ чудно,
Гармоніи весны природа вся полна;
Казалось, все въ душѣ такъ спало непробудно;
Но увлекла меня весенняя волна...

И вотъ въ душѣ опять всѣ струны зазвучали;
Все плачетъ, все поетъ, и все смѣется вновь,
И слышится въ душѣ, средь смѣха и печали,
Къ чему-то... иль къ кому... неясная любовь...

А. Н. Майковъ подчеркнулъ этотъ послѣдній стихъ и написалъ противъ него: «очень мило». Очевидно, его плѣнила та свѣжесть непосредственнаго дѣвственнаго чувства, которымъ проникнуто стихотвореніе.

Другая пьеса, особо отмѣченная А. Н. Майковымъ, слѣдующая:

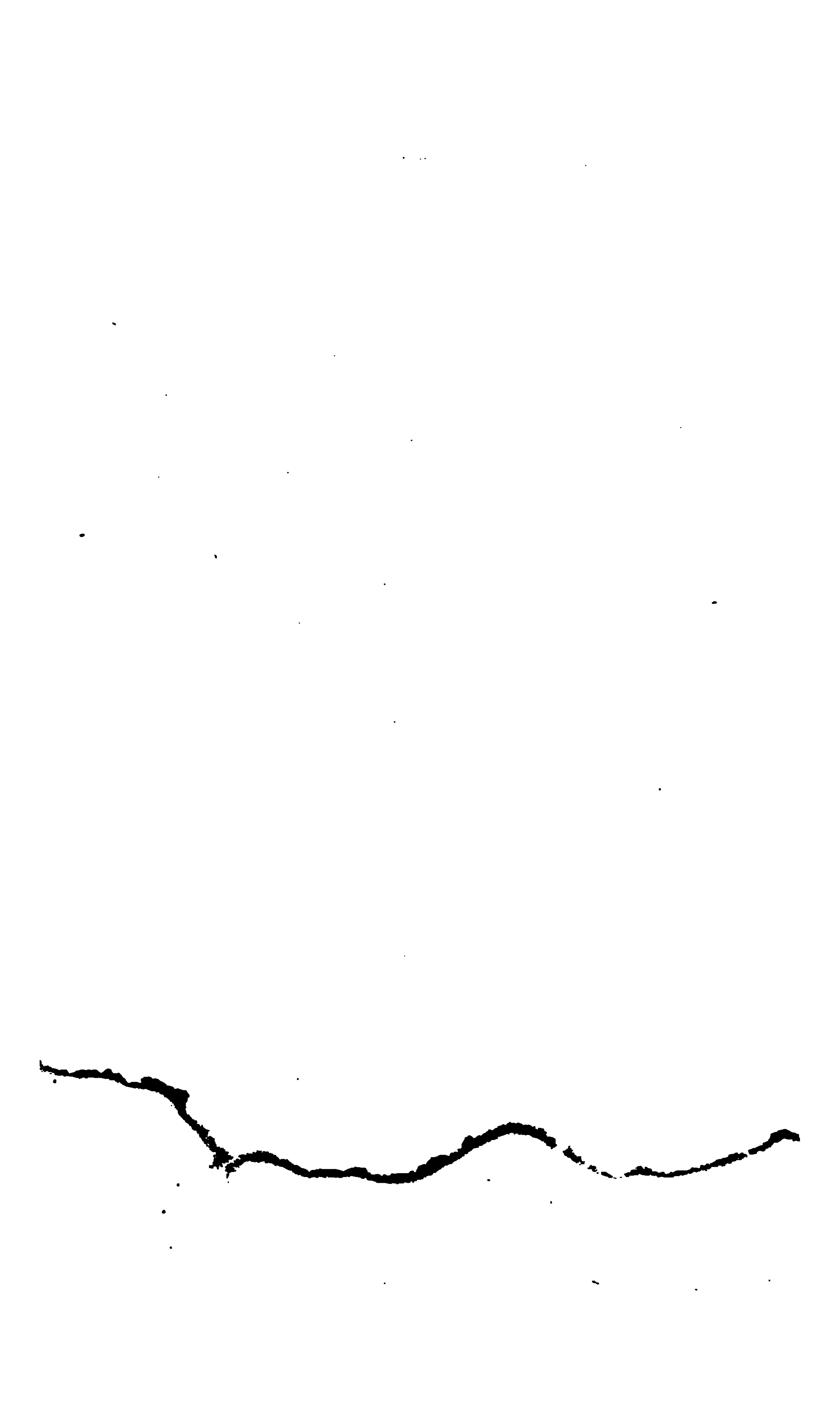
Когда несется вихрь, и рветъ, и гонитъ тучи,
И въ воздухѣ ночномъ и воетъ, и свиститъ, —
Его угрюмый вой, его порывъ могучій
Волнуетъ душу мнѣ и сердце веселитъ.
Я чувствую тогда, что силы есть живыя;
Я слышу — міръ живетъ, и въ мірѣ есть борьба;
Тогда не спятъ во мнѣ и силы молодыя;
Я сознаю: впередъ влечетъ меня судьба!
И самый жизни ходъ, и самое стремленье
Понятно въ вихрѣ мнѣ, въ порывахъ громовыхъ.
Стихійное великое движенье
Мнѣ тайну открываетъ ихъ:
То мчится въ вѣчность жизнь!..

Въ этомъ стихотвореніи прекрасная внѣшняя форма и красота сильныхъ образовъ соединяется съ глубиной мысли.

Выдвигая на первый планъ стихотворенія такого достоинства, А. Н. Майковъ, очевидно, хотѣлъ дать мѣру поэтическаго дарованія Е. А. Бекетовой. Быть можетъ, оно не отличается особеннымъ разнообразіемъ, но у него нельзя отнять ни самобытности, ни искренности. Этимъ внутреннимъ свойствамъ таланта покойной поэтессы соотвѣтствуетъ и то, что она хотя написала немного, но успѣла овладѣть совершенствомъ внѣшней формы.

Нѣкоторыя изъ стихотвореній Е. А. Бекетовой были напечатаны при ея жизни; но только ихъ полный посмертный сборникъ даетъ возможность познакомиться съ ея талантомъ во всемъ его объемѣ и позволяетъ сказать, что имя Е. А. Бекетовой не должно быть забыто въ лѣтописяхъ русской поэзіи. А. Н. Майковъ, намѣреваясь обратить въ своемъ отзывѣ вниманіе Отдѣленія на поэтическое дарованіе преждевременно скончавшейся писательницы, говорилъ, что почетный отзывъ, присужденный ея произведеніямъ, будетъ справедливою данью ея памяти, поэтическимъ вѣнкомъ, брошеннымъ на ея могилу.

Отдѣленіе вполнѣ раздѣляетъ мнѣніе покойнаго поэта.



СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LXVI, № 4.

А. С. ПУШКИНЪ

ВЪ

ЧЕШСКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЕ МАТЕРІАЛЫ

СОБРАЛЪ

В. А. Францевъ.

«Свѣдѣнія и разысканія о писателяхъ любопытны, полезны и даже необходимы, какъ матеріалъ для исторіи нашей литературы».

С. Т. Аксаковъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1898.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Сентябрь 1898 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

Чешская литература имѣетъ такое обиліе переводовъ произведеній русскихъ писателей, какимъ едва-ли могутъ похвалиться другія славянскія литературы. Уже съ начала нынѣшняго столѣтія начинается знакомство чешскихъ писателей съ произведеніями русской изящной словесности и интересъ къ нимъ непрерывно возрастаетъ съ теченіемъ времени, по мѣрѣ развитія русской литературы. Русскія книги, ученаго и литературнаго содержанія, издавна пользовались симпатіями выдающихся чешскихъ писателей и ученыхъ. Не смотря на всѣ трудности и препятствія, мѣшавшія развитію этого ознакомленія, русскія книги во множествѣ распространены были въ Чехіи въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія, и чешское общество, можно сказать безъ всякаго преувеличенія, знакомо въ настоящее время съ выдающимися произведеніями всѣхъ нашихъ лучшихъ писателей.

Знакомство съ русскими писателями оказало несомнѣнное вліяніе на чешскую литературу, и прослѣдить черты русскаго вліянія въ произведеніяхъ чешскихъ писателей — одна изъ интереснѣйшихъ задачъ для историка чешской литературы. Возбужденіе чешскаго патріотизма, развитіе «властенецтва», подъемъ славянскаго самосознанія въ чешской литературѣ и обществѣ совершались, несомнѣнно, отчасти и подъ вліяніемъ ближайшаго знакомства и общенія съ русскими въ концѣ прошлаго столѣтія

и въ эпоху наполеоновскихъ войнъ, когда русскія войска подолгу бывали въ Чехіи и центрѣ ея умственной жизни — Прагѣ.

Къ числу русскихъ писателей, произведенія которыхъ рано стали появляться въ чешскомъ переводѣ, неоднократно переводились въ прежнее время и переводятся еще донынѣ лучшими чешскими литературными силами, принадлежитъ прежде всего А. С. Пушкинъ.

Начиная съ прекрасныхъ переводовъ (1833 г.) Ф. Л. Челяковскаго, удивительно вѣрно сумѣвшаго передать духъ русской народной пѣсни вообще (въ своемъ «Отголоскѣ русскихъ пѣсенъ») и произведеній Пушкина въ частности, и кончая послѣдними переводами Е. Красногорской въ «Сборникѣ міровой поэзіи», издаваемомъ Чешской Академіей Наукъ, произведенія нашего великаго писателя непрерывно въ этотъ длинный рядъ лѣтъ пользовались уваженіемъ чешскихъ поэтовъ-переводчиковъ и вниманіемъ чешскаго общества. Подъ вліяніемъ знакомства съ переводами Ф. Л. Челяковскаго, В. Ч. Бендль принимается за трудъ дальнѣйшаго ознакомленія чешской читающей публики съ капитальными твореніями величайшаго изъ нашихъ поэтовъ. Его переводы, хотя и не блещутъ особенными достоинствами, уступая во многихъ отношеніяхъ переводамъ новѣйшимъ (Е. Красногорской, В. Юнга и др.), тѣмъ не менѣе имѣли большое вліяніе на развитіе въ чешскомъ обществѣ интереса и къ произведеніямъ А. С. Пушкина, и къ новой русской литературѣ вообще. «Пушкинъ для насъ сдѣлался со времени появленія переводовъ В. Ч. Бендля роднымъ поэтомъ», замѣтилъ одинъ изъ переводчиковъ его. Для пятидесятыхъ годовъ изданіе двухъ томовъ переводовъ Бендля надо признать явленіемъ дѣйствительно замѣчательнымъ. За Бендлемъ слѣдуетъ длинный рядъ переводчиковъ, имена коихъ указаны въ слѣдующемъ ниже спискѣ чешскихъ переводовъ. Послѣдніе по времени переводы Е. Красногорской, изданные, какъ уже замѣтили мы выше, Чешской Академіей, должны-бы, по признанію одного изъ критиковъ ихъ, не только освѣжить нѣсколько въ чешскомъ обществѣ интересъ къ твореніямъ А. С. Пушкина, но и усилить

еще болѣе вліяніе его музы на творчество поэтовъ чешскихъ *), съ особеннымъ увлеченіемъ черпающихъ въ послѣднее время изъ мутныхъ струй декадентства, символизма и пр.

Предлагаемый нами списокъ произведеній А. С. Пушкина въ чешскихъ переводахъ не можетъ, конечно, считаться полнымъ и совершеннымъ, — полнота подобныхъ списковъ едва-ли вообще достижима, — но мы думаемъ, что онъ будетъ не безынтереснымъ для характеристики русско-чешскихъ литературныхъ связей и послужитъ дополненіемъ къ библіографическому сборнику Межова «Puškiniana», гдѣ чешскихъ переводовъ указано самое незначительное число.

---

*) Замѣтимъ, между прочимъ, что «Евгеній Онѣгинъ» послужилъ образцомъ для стихотворнаго романа Г. Пфлегра - Моравскаго «Pan Vyšinský» (1858 г.).

I.

Byli jsme v dači u kněžny Dr. Úryvek z Puškina. Přel. Frant. Mach. Lumír, I, 1873, str. 264.

Dozorce poštovní stanice. Povídka. Zlatá Praha, ročník V, 1888, str. 779, 795 a 812.

Dubrovský. Přeložil Jos. Aušteckÿ. Světozor, roč. II, 1868, číslo 1—3, 5—10.

Dubrovský. Přeložil Vojt. Bardoun. Moravská Orlice, 1879.

Dubrovský. Přeložil Josef Koněrza. Besedy slovanské, ročník I, číslo 3. V Brně, 1894.

Dubrovský. Opera o čtyřech dějstvích. Slova od Modesta Čajkovského dle povídky Alex. Puškina. Přeložil Václ. J. Novotný. V Praze, 1897.

Egyptské noci. Přeložil B. S. Lumír, 1859, I.

Epizoda ze vzpoury na Rusi. Vynechaná kapitola z «*Dcery kapitánovy*». Přeložila Božena Veselá. Lumír, IX, 1881, str. 59.

Chumelice. Z Puškinových novel přeložil P. M. V. Lumír, 1851, I, str. 389.

Metelice. Přeložil P. P. D. Budivoj, 1869.

Metelice, Z povídek Bělkinových. Zlatá Praha, roč. V, 1888, str. 651, 663.

Kapitánova dcera. Přeložil Kristian Stefan. V Praze. Tisk a sklad Jarosl. Pospíšila. 1847.

Критическая замѣтка по поводу перевода «Капитанской дочки» К. Стефана: Kwěty, 1847, č. 85, str. 340.

Dcera kapitánova. Přeložil Št. Beran-Libštatský. Přítel domoviny, roč. IV, č. 6. V Praze, 1888.

Критическая замѣтка о переводѣ Ст. Берана-Либштатскаго: Čas, roč. II, 1888, str. 374—375.

Kapitánova dcera. Přel. Ant. Pacák. Bibliotheka Zábavná. Díl CXX, seš. 9—13, 1888.

Kapitánova dcera. Přel. Miloš Týn. Domácí hospodyně, roč. VI, 1889, čís. 1 и слѣд.

Kirdžali. Přel. Věnc. Vinický. Květy, roč. V, 1870, čís. 44—45.

Mouřenín Petra Velikého. Přel. Frant. Mach. Obrazy života, 1873.

Noční sňatek. Přel. J. Boubela. Obrazy života, 1873.

Noční sňatek. Přel. L. Frič. Česká Včela, roč. V, 1880, str. 270.

Piková dáma. Přel. Kalasanc Orelský. Kwěty, 1844, č. 68—74.

Piková dáma. Přel. Vilém Mrštík. Levné svazky novel, číslo 11. V Praze (F. Šimáček).

Piková dáma. Opera o 3 dějstvích a 7 obrazích. Dle A. Puškina od Modesta Čajkovského. Z rusk. přeložil V. J. Novotný. V Praze. Vydal Al. Hynek.

Pohřebník. Přel. B. Líman. Česká Včela, 1844.

Grobovčík. Přel. Jos. Mikš. Lumír II, 1874, str. 402.

Hrobařík. Povídka. Listy ze západní Moravy, 1888, čís. 24.

Rána. Povídka. Z rusk. přel. Chudoba. Lumír, I, 1873, str. 540.

Výstřel. Z «Bělkinových pověstí». Přel. F. J. M. (Mach.) Naše hlasy, 1891, čís. 3 a 4.

Výstřel. Přel. Vil. Mrštík. Levné svazky novel. Čís. 11. V Praze (Fr. Šimáček).

Slečna selským děvčetem. Přeložil K. Věnecký. Lumír, roč. V, 1855, II, str. 841.

Šlechtična vesničanka. Přel. A. Durdík. Lumír, roč. XI, 1861, str. 937.

Šlechtična selka. Přel. Fr. Mach. Въ журн. «Praha», 1870.

Slečna selka. Přel. Ed. Bohdanecký. Květy, 1888, I.

Tenner John. Přel. Krist. Stefan. Lumír, V, 1855, II, str. 754.

II.

Bachčiserajský fontán. Přel. Vácsl. Čeněk Bendl. Lada Nióla. Almanach na rok 1855. Redigoval a vydal Jos. V. Frič. S 2 rytinami a titulním obrazem. V Praze, 1855. Съ портретомъ А. С. Пушкина (Lithogr. F. Šíra) и статьей: «Osud pěvce Bachčiserajského fontánu a jiných básníků rusských». Napsal V. Č. Bendl, str. 47—53.

Bachčiserajský fontán. Přeložil a některé skizzy z literatury ruské podává Václ. Čeň. Bendl. V Praze, 1854. Otištěno z almanachu «Lada Nióla». (Въ продажу не поступало).

Bachčisarajský fontán. Přel. V. Č. Bendl. Výbor básní Alexandra Puškina. Svazek I. Básně rozpravné. V Písku 1859. Tisk a sklad Václ. Vetterla. Стр. 17—36. Примѣчанія, стр. 37—44. О переводахъ В. Бендля рефератъ И. И. Срезневскаго въ Извѣстіяхъ И. Акад. Наукъ по Отдѣл. русск. языка и словесн., 1860 г., т. IX, 108—110.

Marie Potocká. Romantická opera ve 3 jednáních dle Puškinovy básně «Bachčisarajský fontán» od Josefa Koláře, hudba od Leop. Eug. Měchury. (Poprvé provedeno v Praze v prozatímném divadle dne 13 ledna 1871).

Замѣтки о первомъ представленіи: Hudební listy, v Praze, 1870, str. 383—384, Světozor, roč. V, 1871, číslo 32.

Bachčisarajský fontán. Přel. Eliška Krásnohorská. I) Zlatá Praha, roč. V. 1888. str. 786. 806. 823. II) Některé básně rozpravné A. S. Puškina. Čís. 2. Sborník světové poesie. Čís. 36. V Praze. 1894.

Критическія замѣтки по поводу изданія переводовъ Е. Красногорской: Čas, roč. VIII. 1894. стр. 378: Zlatá Praha. 1895, стр. 204. Hlídka literární. Roč. XII. 1895. стр. 252—254.

Wyňatky z Pusskinowy básně «*Boris Godunow*». Přel. Jan Slavomír Tomíček. Kwěty. 1835, str. 89.

Boris Godunov. Přeložil Vácsl. Č. Bendl. Výbor básní Alex. Puškina. Svazek I. Básně rozpravné. str. 181—272. V Písku. 1859. Tisk a sklad Václ. Vetterla.

Bratři loupežníci. Báseň rozpravná. Přel. V. Č. Bendl: I) Lumír, VI, 1856. sv. II. str. 723. II) Výbor básní Alex. Puškina. Svazek I, str. 45—53. V Písku. 1859. III) Slovanská poezije. Svazek I. Redaktor Frant. Vymazal. V Brně 1874, str. 98.

Bratři loupežníci. Оригиналъ съ подстрочнымъ переводомъ менѣе понятныхъ мѣстъ. Květobor z předních básníků slovanských. Vydal Fr. Vymazal. V Brně. 1885. str. 95—111.

Cikáni. Přeložil Jan Slavom. Tomíček. Čechoslaw. 1830. V, č. 8.

Cikáni. Báseň rozpravná. Přel. V. Č. Bendl: I) Lumír. roč. VI, 1856, sv. II, str. 652. II) Výbor básní Alex. Puškina. Sv. I. Básně rozpravné. Str. 54—77.

Cikáni. Báseň. Přeložila Eliška Krásnohorská: I) Zlatá Praha, 1889, str. 195, 210. 218 a 231. II) A. S. Puškina Některé básně rozpravné. Sbor. svět. poesie. Číslo 36. Praha, 1894.

Evgen Onégin, román ve verších. Z rusk. přel. V. Č. Bendl. Výbor básní Alex. Puškina. Svazek II. V Písku 1860. Tisk a sklad Václ. Vetterla. Str. 277. Полный переводъ съ примѣчаніями на стр. 42—44, 72, 104, 132, 161.

Библіографическая замѣтка о второмъ выпускѣ переводовъ («Evgen Onègin») В. Бендля: Hvězda, roč. II, 1860, str. 230.

Jevgenij Oněgin. Přel. V. Č. Bendl. (Отрывки). Slovanská poezije. Svaz. I. Brně, V, 1874, str. 121.

Eugen Oněgin. Ukázka z nového překladu V. A. Junga. Prvá kniha: строфы 19—47. Ruch, 1882, str. 339, 358.

Eugenij Oněgin, román. Přel. V. A. Jung. Zlatá Praha, roč. VII, 1890. Zpěv II: str. 31, 39, 54, 57. Zpěv III: str. 78, 90, 103, 115. Zpěv IV: str. 486, 495, 510, 519. Zpěv V: str. 530, 547, 555 a 566.

Evžén Oněgin. Veršovaný román. Přel. V. A. Jung. Sbor. svět. poesie. Číslo 14. Praha, 1892, str. 241.

Рецензія и сравненіе переводовъ В. Юнга и В. Бендля: Čas, roč. VI, 1892, str. 774. Критическая замѣтка о переводѣ Юнга: Hlídka literární, roč. X, 1893, str. 13—18 (A. Vrzal). Naše Doba, roč. I, 1894, str. 622. Замѣтка по поводу второго (выпусками) изданія: Zlatá Praha, 1895, str. 420.

Eugenij Oněgin. Lyrické scény. Text dle básně Puškinovy. Přel. Marie Červinková-Riegrová. Urbánkova bibliotéka operních a operetních textů. Řada II, sv. 56. V Praze, 1888.

Рецензія Ф. К. Гейды о первомъ представленіи въ Прагѣ, въ Народномъ театрѣ, 6-го декабря 1888 г.: Dalibor, hudební listy, X, 1888, čís. 46, str. 362—363, čís. 47, str. 369—371. Národní listy, 1888, č. 338—340. Hlas Národa, 1888, čís. 339 a čís. 341. (V. J. Novotný).

Eugenij Oněgin. K chystanému vypravení díla Čajkovského v Národním divadle. Napsala Marie Červinková Riegrová. Hlas Národa, 1888, čís. 279.

Z *Eugena Oněgina.* Z 6 hlavy. Русскій текстъ съ подстрочнымъ переводомъ менѣе понятныхъ мѣстъ. Květobor z předních básníků slovanských. Vydal Fr. Vymazal. V Brně, 1885, стр. 73—98.

Hrabě Nulin. Přel. L. Stránický Bendl.: I Lumír. VII. 1857, str. 265. II Výbor básní A. S. Puškina. Svaz. I. Básně rozpravné. Přel. V. Č. Bendl. Str. 107—118.

Kavkazský plenník. Přel. V. Č. Bendl: I Čas. Čes. Mus., 1854, str. 220. II) Výbor básní Alex. Puškina. Sv. I. str. 78—101. Примѣчанія: стр. 102—105.

Kavkazský zajatec. Přeložila El. Krásnohorská: I Zlatá Praha, ч. VI. 1889, čís. 62, 78, 90 a 98. II A. S. Puškina Některé básně rozpravné. Sbor. svět. poesie. Číslo 36. Praha, 1894.

Měděný jezdec. Přel. Eliška Krásnohorská. A. S. Puškina Některé básně rozpravné. Sbor. svět. poesie. Čís. 36. Praha, 1894.

Pohádka o rybníkovi a rybičce. Z ruského přeložil V. Č. Bendl. Zlaté klasy. Časopis obrázkový ku vzdělání a zábavě mládeže dospělejší. Redakcí Jana Václ. Rozuma. Roč. I. díl I. V Praze. 1854, str. 181 и сл.

Pohádka o zlaté rybce. Přel. J. J. (Jireček): I) Čitanka pro první třídu nižšího gymnasia. V Praze. 1856. str. 173—178. II) Přeložil Jos. Jireček. Slovanská poezije. Svaz. I, str. 94. III) Česká čítanka pro I. třídu škol středních. Složil Fr. Bartoš. V. Praze, 1894, str. 114—117.

Poltava. Úryvek z básně A. Puškina. Z ruštiny přeložil V. Č. Stránický (Bendl). Lumír. V, 1855. str. 459. 610.

Poltava. I. zpěv. Přeložil V. Č. Bendl. Časopis čes. mus., XXX, 1856, svaz. I, str. 45—57. Остальныя пѣсни подъ заглавіемъ: *Mazepa.* Přel. V. Č. Bendl. Čas. čes. mus., XXX, 1856, sv. II. str. 101 и слѣд., svaz. III. str. 69 и слѣд.

Poltava. (Úplný překlad. Полный переводъ). Přel. V. Č. Bendl: I) Výbor básní A. S. Puškina. Svaz. I, str. 119—173. Примѣчанія на стр. 174—179. II) Slovanská poezije. Svaz. I, str. 101.

Poltavský boj. Přel. Frant. Chalupa. Illustrace N. Karazina.

Niva, sbírka básní ruských, str. 84 и слѣд. V Praze, 1885 (Fr. Šimáček).

Poltava. Ukrajinská pověst. Přel. Dr. A. O. Kusák. Прозаическій переводъ. Velehrad, 1897, číło 13 и сл. V Kroměříži.

Rusalka. Velká opera o čtyřech jednáních. Dle básně Puškinovy přeložil Aug. Eug. Mužík. Hudba od Alex. Dargomyžského. V Praze. Nákladem Bursíka a Kohouta.

Živá hlava. (Отрывокъ изъ «Руслана и Людмилы»). Přel. H. J. (Jireček). Vesna, 1851, č. 2, 3, 4, 5. Ve Vídni.

Ruslan a Ludmila. Velká kouzelná opera o pěti dějích. Slova dle básně A. Puškina. Z ruského přeložil Josef Kolář. Hudba od Mich. Iv. Glinky. Třetí vydání. Urbánkova bibliotéka operních a operetních textův. Řada II, svaz. 34. V. Praze, 1887, str. 60.

Первое представленіе въ Прагѣ 16-го февраля 1867 г. въ королевскомъ чешскомъ театрѣ, подъ личнымъ управленіемъ Мил. Балакирева. Въ Народномъ театрѣ впервые представлена 20-го іюня 1886 года.

III.

Anděl. Přeložil Rudolf Pokorný. Slovanské listy, 1887, čís. 2.

Anděl. Přel. El. Krásnohorská. Výbor menších básní A. Puškina. Sborník světové poesie. Čís. 27, str. 46. Рецензія объ этомъ сборникѣ: Zlatá Praha, 1894, str. 300.

Ančar. Přel. F. Lad. Čelakovský: I) Čas. čes. musea, XXXI, 1857, str. 27. II) Slovanská poezije. Svaz. I, str. 89.

Antar, strom jedový. Přel. El. Krásnohorská: I) Osvěta, XVIII, 1888, str. 128. II) Sb. sv. p., čís. 27, str. 75.

Balada: «W podzimní večer doby strastné šla děva sama s

swou mukou...». Přel. B. Líman: I) Česká Wčela, 1845, str. 371. II) Společenský krasořečník český. Díl III. Redigoval Dr. J. B. Pichl. Praha, 1853, str. 13—14.

Básníku. Přel. El. Krásnohorská. Sb. sv. p., čís. 27, str. 41.

Bezsenná noc. Přel. El. Krásnohorská. Sb. sv. p., čís. 27, str. 52.

Běsi. Přel. F. L. Čelakovský: I) Čas. čes. mus. XXXI, 1857, str. 27. II) Slov. poez., I, str. 93.

Běsi. Přel. Frant. Chalupa: I) Světozor, 1884, str. 620. II) Kvítí z ruských luhů. Sbírka překladů ruských básní. S 96 nádhernými illustracemi J. Panova. V Praze, 1885 (Fr. Šimáček), str. 101.

Běsi. Přel. El. Krásnohorská: I) Osvěta, XVIII, 1888, str. 126. II) Sb. sv. p., čís. 27, str. 65.

Blahost ptactva («Boží ptáček poletuje»): I) Slov. poez., I, str. 88. II) Jirečkova «Čítanka». III.

Bouře: «Viděl jsi dívku na skalách». Přel. Fr. Prokeš. Lumír, III, 1875, str. 171.

Černý závoj. Přeložil V. Č. Bendl. Lumír, 1854, sv. I, str. 461.

Černý šál. Přel. Jos. Dürich. Květy, roč. VII, 1872, str. 150.

Černý šál. Přel. Jarosl. Jedlička. U domácího krbu, 1891, čís. 4.

Čtveráctví. «Můj kritiku, můj smíšku tlustý, líce zdravé»...). Přel. El. Krásnohorská. Sbor. svět. poes., č. 27, str. 63.

Delibaš. Přel. Fr. L. Čelakovský: I) Čas. čes. mus., VII, 1833, str. 360. II) Společ. krasořečník čes. Díl. III, str. 12. III) Jos. Jireček: Čítanka pro první třídu nižšího gymnasia. V Praze, 1856, str. 72. IV) Fr. L. Čelakovského Sebrané spisy. V. Praze, 1871, str. 375. V) Slov. poez., I, str. 90.

Démon. Přel. Fr. Prokeš. Lumír, II, 1874, str. 510.

Démon. Přel. Jarosl. Lipnický. Koleda, roč. IV, 1879. čís. 35.

Démon. Přel. El. Krásnohorská. Sb. sv. p., č. 27, str. 45.

Domácímu skřítku. Přel. El. Krásnohorská. Sb. sv. p., č. 27, str. 54.

Don. Přel. Frant. Chalupa. S illustrací N. Karazina. Niva. Sbírka ruských básní. V Praze, 1885 (Fr. Šimáček), str. 24.

Dne světlo zhaslo. Přel. El. Krásnohorská. Sbor. sv. poes., čís. 27, str. 43.

Do památníku. Přel. J. Jedlička. U domácího krbu, 1891, čís. 11.

Druhům při vystoupení z gardy. Přel. Rud. Pokorný. Obrazy života, 1873.

Dýka. Přel. El. Krásnohorská. Sb. sv. p., čís. 27, str. 31.

Dwa hawrani. Přel. Fr. L. Česakovský: I) Čas. č. mus., VII, 1833, str. 363. II) Fr. L. Čelakovského Sebrané spisy. V Praze, 1871, str. 375.

Dvě vrány. Přel. V. Č. Stránický (Bendl). Lumír, IV, 1854, sv. II, str. 653.

Dva havrani. Přel. F. V. Slov. poez., I, str. 90.

26. května 1828. Přel. El. Krásnohorská. Sb. sv. p., č. 27, str. 48.

Echo. Přeložil Krist. Štefan. Lumír, V, 1855, sv. I, str. 32.

Elegie. «Já přežil jsem svých tužeb vření». Přel. El. Krásnohorská. Sb. sv. p., č. 27, str. 45.

Ex ungue leonem. Přel. El. Krásnohorská. Sb. sv. p., č. 27, str. 40.

Helladě. Přel. El. Krásnohorská. Sb. sv. p., č. 27, str. 26.

Hraběti V—vu. Epigram. Ze sbírky zapovězených básní A. S. Puškina, vyšlé v Lipsku u E. L. Kasproviče. Lumír, I, 1873, str. 363.

Hraběnce A. A. Orlové - Česmenské. Epigramma. Lumír, I, 1873, str. 363.

Husar. Přel. Fr. L. Čelakovský: I) Čas. čes., mus., XI, 1837, str. 401. II) Pichlův Společ. krasořeč. Díl. III, str. 4—8.

III) Fr. L. Čelakovského Sebrané spisy. V Praze. 1871. str. 367. IV) Slov. poez., I. str. 91.

Husar. Přel. J. Roth. Zlatá Praha. 1865.

Husar. Оригиналъ съ подстрочнымъ переводомъ менѣе понятныхъ мѣстъ. Květobor. str. 112—119.

Husar. Přel. El. Krásnohorská. Sb. sv. p., čís. 27, str. 70.

Chlapec. Přel. El. Krásnohorská. Sb. sv. p., čís. 27, str. 33.

Já kochal Tě. Píseň pro jeden hlas s průvodem klavíru. Slova od A. Puškina. Složil B. Šeremetěv.

Její oči. Přel. Rud. Pokorný. Ruch, IX, 1887, str. 228.

Jest-li žití tebe šidí. Přel. El. Krásnohorská. Sb. sv. p., čís. 27, str. 52.

Jezdec. Přel. Fr. Chalupa. Illustr. N. Karazin. Niva, str. 9.

Jízda v mraze. Přel. El. Krásnohorská. Sb. sv. p., čís. 27, str. 57.

Kavkaz. Přel. V. Č. Bendl. Zlaté klasy, r. I, 1854.

Kavkaz. Přel. Rud. Pokorný. Květy, IX, 1887, díl. I, str. 211.

Kavkaz. Přel. Fr. Soukup. Въ журналѣ Niva, 1891, čís. 14.

Kavkaz. Přel. El. Krásnohorská. Sb. sv. p., č. 27, str. 59.

K moři. Přel. El. Krásnohorská. Sb. sv. p., č. 27, str. 60.

Moři. Přel. Fr. Prokeš. Lumír, III, 1875, str. 171.

Kněžně S. A. Urusové. Epigramma. Lumír, I, 1873, str. 364.

Kras Petra Velikého. Přel. El. Krásnohorská. Sb. sv. p., č. 27, str. 78.

Kvítek. Přel. Fr. L. Čelakovský: I) Čas. čes. mus., XXXI, 1857, str. 26. II) Slov. poez., I, str. 89.

Kvítek. Přel. Fr. Doucha. Beseda, 1875.

Kvítek. Přel. R. Rakovec. Koleda, 1876.

Kvítek. Přel. Jarosl. Lipenský. Koleda, roč. IV, 1879, č. 31.

Kvítek. Přel. El. Krásnohorská. Sb. sv. p., čís. 27, str. 50.

Liciniovi. Přel. El. Krásnohorská. Sb. sv. p., č. 27, str. 10.

Má svoboda. Přel. El. Krásnohorská. Sb. sv. p., č. 27, str. 39.

Mickievič. «On žil mezi námi...». Přel. K. Wolf. Slovanský Obzor, roč. I, čís. 20. Olomouc.

Mrak. «Poslední ty mráčku bouře». Přel. Rudolf Pokorný. Ruch, IX, 1887, str. 228.

Muza. «Již za dětství mne ona milovala». Přel. Rud. Pokorný. Květy, IX, 1887, sv. I, str. 210.

Musa. Přel. El. Krásnohorská. Sb. sv. p., čís. 27, str. 5.

Muse satiry. Přel. El. Krásnohorská. Sb. sv. p., čís. 27, str. 34.

Napoleon. Přel. El. Krásnohorská. Sb. sv. p., čís. 27, str. 20.

Napoleona Černohorci. Světozor. List pro zábavu a literaturu. Příloha ke «Slovenským Novinám». 1860—61, str. 266.

Na Sibiř. Dekabristům. Přel. El. Krásnohorská. Sb. sv. p., čís. 27, str. 15.

Na usnutj. (Když hlawa k hlawince přilnutá...). Přel. B. Kuzmány. Příloha ku «Kwětům», 1839, str. 43.

Nevěřím já hráčské cti. Epigramma. Lumír, I, 1873, str. 363.

Ocel a zlato. Přel. El. Krásnohorská. Sb. sv. p., č. 27, str. 64.

Padlý rytíř. Přel. El. Krásnohorská. Sb. sv. p., č. 27, str. 77.

Památce Alexandra I. Epigramma. Lumír, I, 1873, str. 363.

Památník. Přeložil Rud. Pokorný. I) Květy, IX, 1887, díl I, str. 210—211. II) Národní listy, 1887, č. 34.

Pomník. Přel. El. Krásnohorská. Sb. sv. p., č. 27, str. 35.

Pěvec. Přel. El. Krásnohorská. Sb. sv. p., č. 27, str. 7.

Píseň děvušek. Přel. Frant. Chalupa: I) Světozor, 1884, str. 192. II) Kvítí z ruských luhů, str. 69.

Píseň o divomocném Olegu. Přel. El. Krásnohorská: I) Osvěta, XVIII, 1888, str. 124. II) Sb. sv. p., č. 27, str. 81.

Poetovi. Přel. R. P. (Pokorný). Paleček, 1887, čís. 12.

Pochlebníkům. Přel. El. Krásnohorská. Sb. sv. p., č. 27, str. 33.

Pomlauwačům národu ruského. Русскій текстъ въ чешской транскрипціи и переводъ съ предисловіемъ «Les propres confessions d'Alex. Puškin». Národní Nowiny, 1849, č. 308.

Pomlouvačům národa ruského. Přel. Jan Pravosl. Koubek: I) J. P. Koubka Sebrané spisy. Díl. III, str. 227. Praha, 1857. II) *Pomlouvačům Ruska*. Přel. J. P. Koubek. Slov. poez., I, str. 97.

Utrhačům Ruska. Přel. El. Krásnohorská. Sb. sv. p., č. 27, str. 18.

Poslední květy. Přel. Fr. Doucha: I) Květy, 1869. II) Slov. poez., I, str. 88.

Přátelům. Přel. El. Krásnohorská. Sb. sv. p., č. 27, str. 17.

Příběh o básníku. «Když slavík pěl, on sáhl. po své lyrě...». Přel. El. Krásnohorská. Sb. sv. p., č. 27, str. 40.

Příchod jeseně. Přel. Fr. Chalupa. Kvítí z ruských luhů. V Praze, 1885, str. 78.

Probuzení. Přel. El. Krásnohorská. Sb. sv. p., č. 27, str. 53.

Prorok. Přel. Rud. Pokorný: I) Květy, roč. IX, 1887, I, str. 82. II) Slovanské listy, 1887, čís. 2.

Prorok. Přel. El. Krásnohorská. Sb. sv. p., č. 27, str. 13.

Ptáče. Přel. El. Krásnohorská. Sb. sv. p., č. 27, str. 15.

Rozsévač. Přel. Václ. Štulc. Zlatá Praha, 1864.

Rozsévač. Přel. El. Krásnohorská. Sb. sv. p., č 27, str. 38.

Růže. Přel. El. Krásnohorská. Sb. sv. p., č. 27, str. 51.

Sloky. «Prost bázně v příští slávy jas». Přel. Eliška Krásnohorská Sb. sv. poes., č. 27, str. 16.

Sobě. Epigramma. Lumír, roč. I, 1873, str. 364.

Sněžná strž. Přel. El. Krásnohorská. Sb. sv. p., čís. 27, str. 58.

Stesk. Přel. J. Jedlička. U domácího krbu, 1891, čís. 11.

Španělská romance. Přel. Jos. Dürich. Květy, roč. VII, 1872, str. 150.

Talisman. Přel. V. Č. Stránický. Lumír, roč. VI, 1856, I, str. 121.

Talisman. Přel. H. Klíma. Almanach «Z české školy». 1884.

Talisman. Přel. Jar. Jedlička. U domácího krbu, 1891, čís. 4.

Tři zřídla. «Tajemné tři zdroje v nekonečené...». Přel. V. Č. Stránický. Lumír, roč. IV, 1854, II, str. 654.

Tři zdroje. Přel. Jar. Jedlička. Vesna, 1891, str. 280.

Tři zdroje. Přel. El. Krásnohorská. Sb. sv. p., č. 27, str. 51.

Úryvek. «*Noc dýše stíny na Gruzinské chlumy*». Přel. E. Krásnohorská. Sb. sv. p., č. 27, str. 43.

Utopenec. Přel. Fr. L. Čelakovský: I) Čas. česk. mus., XI, 1837, str. 393. II) Pichlův Společ. krasořeč., Díl. III, str. 9—11. III) F. L. Čelakovského Sebrané spisy. Praha, 1871, str. 372. IV) Slov. poez., I, str. 92.

Utopenec. Přel. El. Krásnohorská. Sb. sv. p., č. 27, str. 67.

Válka. Přel. K. Sabina (Sabinský): I) Květy, 1840, str. 172. II) Pichlův Společ. krasořeč., Díl III, str. 18—19.

Veské zátiší. Přel. El. Krásnohorská. Sb. sv. p., č. 27, str. 8.

Vězeň. Přel. El. Krásnohorská. Sb. sv. p., č. 27, str. 14.

Vodník. Přel. Fr. Mach. Slavia, 1875.

Vojínův koník. «Proč tak smutně bloudíš nivou». Přel. V. Č. Stránický. Lumír, roč. IV, 1854, II, str. 654.

Volnost. Přel. El. Krásnohorská. Sb. sv. p., č. 27, str. 27.

Všední dav. Přel. El. Krásnohorská. Sb. sv. p., č. 27, str. 36.

Vůz života. Přel. Krist. Štefan. Lumír, roč. V, 1855, II, str. 32.

Povoz života. Přel. Rud. Pokorný. Ruch, roč. IX, 1887, str. 228.

Jízda života. Přel. El. Krásnohorská. Sb. sv. p., č. 27, str. 64.

Vesna již tu. Přel. Fr. Chalupa. Kvítí z rusk. luhů, str. 3.

Wywržená. «Pod wečer, pozdnj na geseni...». (Подъ вечеръ, осенью ненастной...). Přel. K. Kuzmány. Kwěty, 1839, str. 372.

V zadumání. Přel. El. Krásnohorská. Sb. sv. p., č. 27, str. 49.

Vzpomínka. «Když hlučný den již hasne...». Přel. El. Krásnohorská. Sb. sv. p., č. 27, str. 47.

Zima. Přel. Fr. Chalupa. Kvítí z rusk. luhů, str. 83.

Zima. Přel. El. Krásnohorská. Sb. sv. p., č. 27, str. 55.

Zimní dráha. Přel. Fr. D[illegible]. Světozor. roč. XIII. 1879. str. 18.

Zimní cesta. Přel. Frant. Chalupa: I) Světozor. 1884. str. 144. II) Kvítí z rusk. luhů. str. 85.

Zimní jitro. Přel. Fr. Vlna. Koleda. roč. IV. 1879. str. 35.

Zimní jitro v městě. Přel. A. H. Dohnal. Krakonoš. 1880.

Zimní večer. Přel. Fr. L. Čelakowský: I) Čas. česk. mus., VII, 1833, str. 364. II) Pichlův Společ. krasořeč. Díl III. str. 16—17. III) Fr. L. Čelakovského Sebrané spisy. Praha. 1871, str. 376. IV) Slov. poez.. I. str. 89.

Zimní večer. Přel. Jan. Prawosl. Koubek: I) Kwěty, 1844, čís. 96. II) J. P. Koubka Sebrané spisy. Praha, 1857, Díl III, str. 230.

Zimní večer. Přel. Fr. Chalupa. Kvítí z rusk. luhů, str. 90.

Zimní večer. Přel. Karel Wolf. Slovanský Obzor, Roč. I, čís. 18. V Olomouci.

Žádost slávy. Přel. El. Krásnohorská. Sb. sv. p., čís. 27, str. 41.

IV.

Puškin A. S. Životopis. Napsal N. Polevý. Přel. A. Hansgirg Čas. Česk. Musea, XI, 1837, str. 460.

Puškin A. S. Замѣтка о его кончинѣ. J. W. P. Přjloha ku Kwětům, 1838, str. 35.

Puškin A. S. О его литературной дѣятельности въ статьѣ J. B. Kořínka: «Lermontov a přední básníkové ruští». Čas. Česk. Musea, XXVII, 1853, str. 275—276.

Puškin A. S. Životopis. Od V. Č. Bendla. Čas. Česk. Musea, XXVIII, 1854, str. 215.

Puškin Alexander. Біографія съ портретомъ, Posel z Prahy. Kalendář na r. 1866, str. 31.

Puškinova «černá madonna». Lumír, I, 1873, str. 95.

Puškin A. S. Біографическій очеркъ въ сборникѣ «Slovanská poezije», Fr. Vymazala. V Brně, 1874, str. 87.

Poslední chvíle Puškinovy. Z listu psaného Žukovským otci jeho. Podává A. Durdík. Lumír, II, 1874, str. 196.

Puškinovy chvíle poslední. Podává J. Z. Veselý. Koleda, R. V, 1880, čís. 17 a 18.

Z domácnosti A. S. Puškina. Napsal Jaromír Hrubý. Almanach české omladiny. V Praze, 1879, str. 42—73.

Puškin Alexandr Sergějevič. Napsal Jos. J. Toužimský. Květy, 1880, II, str. 93.

Tři slavnosti slovanské. Jar. Hrubý. Пушкинское торжество въ Москвѣ. Osvěta, X, 1880, 695—697.

Puškin a Mickiewicz. Очеркъ A. G. Slovanský Sborník, R. III, 1884, str. 503.

Adam Mickiewicz a Alex. Serg. Puškin, největší básníci slovanští. Napsal Em. Fait. Program městské střední školy v Praze, 1886.

Puškin Alex. Serg. K padesátiletí jeho úmrtí podává Rud. Pokorný. Nár. Listy, 1887, č. 34.

Puškin. K padesáté ročnici jeho úmrtí. Napsal Rom. Podhorský. Hlas Národa, 1887, č. 34.

Puškinova slavnost'. Feuilleton. Ruch, R. IX, 1887, str. 94.

Puškinova smrt. Фельетонъ. Narodní Listy, 1887, čís. 56 (odpolední).

K 50-leté smrti A. S. Puškina. 1837—1887. Napsal Dr. Pavel Durdík. Zlatá Praha, IV, 1887, str. 179, 203, 218, 235, 251, 267, 283. Къ этому очерку относится портретъ А. С. Пушкина, ibid., str. 193.

Pomník Alex. Serg. Puškina v Moskvě. Vyobrazení. Světozor, 1880, č. 27, str. 317 a 322.

Pomník A. S. Puškina v Moskvě. Гравюра. Zlatá Praha, IV, 1887, str. 236.

Letošní jubilea v literatuře ruské. Rud. Pokorný. Нѣсколько словъ о переводахъ произведеній А. С. Пушкина на чешскій языкъ. Osvěta, XVII, 1887, str. 626.

Nová vydání Puškinových spisů. R. Библіографическая замѣтка. Athenaeum, IV, 1887, str. 200.

Ruská literatura roku 1887. Jar. Hrubý. Объ изданіи сочиненій А. С. Пушкина въ 1887 г. Osvěta, XVIII, 1888, str. 553.

Puškin u moře. Стихотвореніе Яр. Врхлицкаго. I) Zlatá Praha, V, 1888, str. 3. II) *Různé masky*. Básně. Oddíl: Geniové. Str. 149—151.

Puškin u moře. Гравюра съ картины Айвазовскаго и Рѣпина. Zlatá Praha, V, 1888, str. 12—13.

Puškinova Nataša. Frant. Kvapil, Ženy a milenky slovanských básníků. Literární črty. V Praze, 1893, str. 161.

Puškin. A. S. О его пребываніи на Кавказѣ. Em. Fait, Kavkaz. Глава: «Literatura o Kavkaze. Belletristika ruská». V Praze, 1894, str. 72.

ДОПОЛНЕНІЕ.

Básník. Epigramma: «Poslouchá on přivyklým ouškem hvizd...». Přel. Fr. L. Čelakovský. Sebrané spisy, I, 356.

Dobrý člověk. Epigramma: «Mně hnusen učený Harant...». Přel. Fr. L. Čelakovský. Sebrané spisy, I, 357.

Mickievič. «...On mezi námi žil...». Въ статьѣ: «Mickiewicz a Rusko». Velehrad, 1899, č. 11.

N. N. Epigramma: «By odkryl světu ducha spoustu Se srdce svého špinami...». Přel. Fr. L. Čelakovský. Sebrané spisy, I, 357.

Zimní jitro. Přel. Vilma Sokolová. Jarý věk, V, 1887, str. 30.

Zimní večer. Přel. Fr. L. Čelakovský. Česká čitací kniha Fr. L. Čelakovského. V Praze, 1852, str. 181.

Zimní večer. Přel. Vilma Sokolová. Jary věk, V, 1887, str. 14.

Byron a Puškin. Napsal Seněk Alexandr Mitrofanovič. Krok, R. XIII, 1899, seš. 2—3.

О письмахъ А. С. Пушкина, напечатанныхъ въ Русской Старинѣ — замѣтка въ статьѣ: «Z literatury ruské», od Jaromíra Hrubého. Osvěta, X, 1880, str. 177.

Ze zápisků Puškinových. Vymyšlený rozhovor s císařem Alexandrem I. (1826). Přeložil Fr. Taborský. Čas. Belletristická příloha. R. I, 1896, č. 17.

Slečna (Барышня-крестьянка). Novella. Přel. Jos. Prokop. Moravská Orlice, 1890, č. 108 a d.

Bouře. Báseň. Přel. Jar. Jedlička. U domácího krbu, 1890, č. 14.

Puškin, *A. S.* Біографія А. С. Пушкина. F. Provazník въ «Slovníku Naučném», VI, 1127.

Alexandr Puškin (1799—1837). Біографія А. С. Пушкина. J. E. Sojka, Naši mužové, 1862, 452.

Puškinův «Eugen Onégin». Dr. Petr Durdík. Světozor, 1880, 327, 340.

Ѳ. М. Достоевскій о Пушкинѣ. Přel. V. Mrštík. Rozhledy literární, 1886, 318.

K oslavě památky A. S. Puškina (1837—1887). Podává K. Štěpánek. — I. Oslava na Rusi. — II. Cikánka Táňa o Puškinu a Jazykovu. Napsal B. M. Markevič. Přěl. K. Štěpánek. Съ портретомъ А. С. Пушкина. Slovanský Sborník, VI, 1887, str. 151, 227, 271, 424, 462.

Souboj a smrt A. Puškina, r. 1837. Dr. Pavel. Durdík. Květy, 1887, II, 473.

Отдѣльный оттискъ изъ тома LXVI-го Сборника Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Апрѣль, 1899 г.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ.*

Типографія Императорской Академіи Наукъ. (В. О., 9 л., № 12).

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LXVI, № 5.

Ѳедоръ Верховскій.

КЪ БІОГРАФІИ

АДАМА МИЦКЕВИЧА

ВЪ 1821—1829 ГОДАХЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 л., № 12.
1898.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.

С.-Петербургъ, Ноябрь 1898 года.

Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Авторы изданныхъ понынѣ важнѣйшихъ біографій Адама Мицкевича: Хмѣлевскій[1]), Мицкевичъ Владиславъ[2]) и Калленбахъ[3]), меньше всего разъяснили тотъ періодъ жизни поэта, въ теченіе котораго пребывалъ онъ въ Россіи и въ теченіе котораго написалъ *Крымскіе сонеты* и историческую повѣсть *Конрадъ Валленродъ*. Вчитываясь въ разныя біографическія подробности, равно какъ и въ непосредственныя указанія, данныя самимъ же Мицкевичемъ въ письмахъ къ друзьямъ и знакомымъ, я былъ въ правѣ предполагать, что русскіе архивы доставятъ мнѣ не одинъ важный документъ, который дастъ возможность обстоятельнѣе и всестороннѣе освѣтить дѣятельность поэта за указанный періодъ его жизни. Съ 1887 года велъ я мои разысканія въ этомъ направленіи, не ставя ихъ, конечно, своею главною задачею, но пользуясь, такъ сказать, случаемъ, когда обстоятельства позволяли разсмотрѣть тотъ или другой архивъ, въ которомъ могли быть найдены соотвѣтственные матеріалы.

1) Piotr Chmielowski, Adam Mickiewicz, zarys biograficzno-literacki. Warszawa—Kraków, 1886 и 1898: 2 тома.

2) Władysław Mickiewicz, Żywot Adama Mickiewicza. Poznań, 1890—1895, 4 тома.

3) Józef Kallenbach, Adam Mickiewicz. Kraków, 1897. 2 тома.

сокъ и отдѣлкою рисунка. Прибавлю еще, что настоящій сборникъ содержитъ между прочимъ нѣсколько русскихъ автографовъ Мицкевича (№№ 12, 21, 27, 50, 62, 63, 78, 80, 81), которые здѣсь печатаются также въ первый разъ.

Адамъ Мицкевичъ родился въ Заосьѣ 24 декабря 1798 года. По окончаніи гимназіи въ Новогрудкѣ, въ сентябрѣ 1815 г. онъ поступилъ въ Виленскій университетъ и былъ опредѣленъ казеннымъ стипендіатомъ въ учительскую семинарію. Такъ какъ дядя поэта, Іосифъ Мицкевичъ, состоялъ въ это время деканомъ физико-математическаго факультета, то, вѣроятно, по внушенію его, юноша поступилъ на упомянутый факультетъ, на которомъ слушалъ курсы высшей математики, физики, химіи, и въ іюнѣ слѣдующаго 1816 года, выдержавъ предписанное испытаніе, былъ удостоенъ степени кандидата философіи. Послѣ лѣтнихъ вакацій и послѣдовавшей не задолго до этого смерти дяди, Мицкевичъ перешелъ на словесное отдѣленіе и слушалъ читанные на немъ курсы въ теченіе трехъ лѣтъ, изучая при этомъ преимущественно классическія литературы и новые языки. Въ 1819 году онъ выдержалъ экзаменъ на степень магистра философіи и представилъ даже диссертацію, подъ заглавіемъ: «De criticae usu atque praestantia», которая однако не была признана вполнѣ удовлетворительною и возвращена автору для передѣлки и поправокъ. Учительскія занятія въ Ковнѣ, лѣтомъ 1819 года, къ которымъ у него не было особеннаго влеченія, а также несчастная любовь и разстроенное здоровье помѣшали поэту вторично представить диссертацію и даже заставили его просить объ увольненіи отъ должности на два года. Благодаря медицинскому свидѣтельству профессора Порціанки (№ 1) и благосклонному ходатайству университетскаго Правленія (№ 2), министръ народнаго просвѣщенія князь А. Н. Голицынъ вошелъ въ Комитетъ министровъ съ представленіемъ объ увольненіи Мицкевича, «по уваженію усердной его службы» отъ должности на два года, съ предоставленіемъ

Первая попытка—изученіе рукописей Виленской Публичной библіотеки и архива Виленскаго учебнаго округа—дала весьма цѣнные по своему содержанію документы[1]). Нашлись они и въ дѣлѣ о Мицкевичѣ, хранящемся въ архивѣ Новороссійскаго Университета въ Одессѣ, которое Правленіемъ названнаго университета было любезно прислано въ Варшавскій Университетъ, по моей просьбѣ. Канцелярія попечителя Московскаго учебнаго округа и Московскаго Цензурнаго комитета любезно прислали мнѣ копіи документовъ, хранящихся въ ихъ архивахъ; наконецъ, въ бытность мою въ С.-Петербургѣ и въ Москвѣ въ 1889 и въ 1897 годахъ, я имѣлъ возможность списать документы, находящіеся въ архивѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія и въ Московскихъ архивахъ Губернскомъ и Главномъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Вотъ, изъ какихъ матеріаловъ составился настоящій сборникъ, содержащій въ себѣ все самое интересное и самое важное, что̀ въ названныхъ архивахъ могло быть найдено о Мицкевичѣ. Издавая этотъ сборникъ, я считаю пріятнымъ для себя долгомъ выразить мою искреннюю благодарность и признательность всѣмъ лицамъ, которыя въ этихъ изслѣдованіяхъ и разысканіяхъ содѣйствовали мнѣ своею помощью или дружескимъ совѣтомъ.

Надѣюсь, что настоящій трудъ прольетъ желательный свѣтъ на перемѣнчивую судьбу поэта и займетъ подобающее ему мѣсто въ ряду матеріаловъ для біографіи одного изъ самыхъ видныхъ представителей польской мысли и культуры. Я не задаюсь въ настоящее время вопросомъ составленія полной картины жизни поэта въ тотъ періодъ, который обнимаютъ нижеслѣдующіе документы, признаю однако нужнымъ подвести имъ общій итогъ и, указывая связь, заложить лишь прочную канву, на которой со временемъ можетъ быть вышита картина, отличающаяся требуемою и необходимою полнотою кра-

1) Я отчасти воспользовался ими въ статьяхъ: Adam Mickiewicz w Wilnie i Kownie, 1815—1824 (Biblioteka Warszawska, 1888, II, 28) и Адамъ Мицкевичъ въ Вильнѣ и Ковнѣ, 1815—1824 (Вѣстникъ Европы, 1888, V, 121).

сокъ и отдѣлкою рисунка. Прибавлю еще, что настоящій сборникъ содержитъ между прочимъ нѣсколько русскихъ автографовъ Мицкевича (№№ 12, 21, 27, 50, 62, 63, 78, 80, 81), которые здѣсь печатаются также въ первый разъ.

Адамъ Мицкевичъ родился въ Заосьѣ 24 декабря 1798 года. По окончаніи гимназіи въ Новогрудкѣ, въ сентябрѣ 1815 г. онъ поступилъ въ Виленскій университетъ и былъ опредѣленъ казеннымъ стипендіатомъ въ учительскую семинарію. Такъ какъ дядя поэта, Іосифъ Мицкевичъ, состоялъ въ это время деканомъ физико-математическаго факультета, то, вѣроятно, по внушенію его, юноша поступилъ на упомянутый факультетъ, на которомъ слушалъ курсы высшей математики, физики, химіи, и въ іюнѣ слѣдующаго 1816 года, выдержавъ предписанное испытаніе, былъ удостоенъ степени кандидата философіи. Послѣ лѣтнихъ вакацій и послѣдовавшей не задолго до этого смерти дяди, Мицкевичъ перешелъ на словесное отдѣленіе и слушалъ читанные на немъ курсы въ теченіе трехъ лѣтъ, изучая при этомъ преимущественно классическія литературы и новые языки. Въ 1819 году онъ выдержалъ экзаменъ на степень магистра философіи и представилъ даже диссертацію, подъ заглавіемъ: «De criticae usu atque praestantia», которая однако не была признана вполнѣ удовлетворительною и возвращена автору для передѣлки и поправокъ. Учительскія занятія въ Ковнѣ, лѣтомъ 1819 года, къ которымъ у него не было особеннаго влеченія, а также несчастная любовь и разстроенное здоровье помѣшали поэту вторично представить диссертацію и даже заставили его просить объ увольненіи отъ должности на два года. Благодаря медицинскому свидѣтельству профессора Порціанки (№ 1) и благосклонному ходатайству университетскаго Правленія (№ 2), министръ народнаго просвѣщенія князь А. Н. Голицынъ вошелъ въ Комитетъ министровъ съ представленіемъ объ увольненіи Мицкевича, «по уваженію усердной его службы» отъ должности на два года, съ пр[illegible]леніемъ

ему двухъ третей жалованья, то есть, 200 руб. въ годъ (№ 4). Комитетъ министровъ соглашался уволить его на указанныхъ условіяхъ, испросивъ однако на это Высочайшее соизволеніе, которое послѣдовало 13 сентября 1821 года (№ 4, 5).

Мицкевичъ провелъ это время, отдыхая отчасти въ Вильнѣ, отчасти въ провинціи, въ домахъ друзей, и, въ концѣ двухлѣтняго срока, пожелалъ для лѣченія уѣхать за границу, въ Австрію и Италію, опять на два года. На представленіе Виленскаго Военнаго Генералъ-Губернатора Римскаго-Корсакова къ Великому Князю Константину Павловичу о выдачѣ Мицкевичу паспорта, послѣдовалъ запросъ о томъ, какимъ предметамъ онъ обучаетъ, нѣтъ ли за нимъ чего порочнаго, по какой болѣзни ѣдетъ и какими средствами будетъ содержать себя за границею два года? (№ 6). Генералъ Римскій-Корсаковъ обратился къ ректору университета Твардовскому за объясненіемъ по этимъ пунктамъ, и хотя отвѣты были довольно удовлетворительны (№№ 7, 8), тѣмъ не менѣе въ Варшавѣ они показались недостаточными. Канцелярія Великаго Князя пожелала еще знать, какое сочиненіе издается Мицкевичемъ (отъ продажи котораго онъ надѣялся прожить за границею два года), съ разрѣшенія-ли цензуры, равно какъ и то, состоитъ ли онъ въ должности учителя въ Ковнѣ (№ 10). Это происходило уже въ концѣ февраля мѣсяца 1824 года. Былъ-ли въ Варшаву посланъ отвѣтъ на эти пункты, намъ неизвѣстно; вѣрно лишь то, что онъ былъ совсѣмъ лишнимъ: Мицкевичъ, съ ноября 1823 г., сидѣлъ уже въ заключеніи, въ Базиліанскомъ монастырѣ въ Вильнѣ, такъ какъ былъ обвиненъ въ принадлежности къ тайнымъ обществамъ молодежи и привлеченъ за это къ слѣдствію, которое, по приказанію Великаго Князя Константина Павловича, производилось тогдашнимъ попечителемъ Виленскаго учебнаго округа Н. Н. Новосильцовымъ. На Рождественскіе праздники друзья или родные хотѣли освободить изъ подъ ареста нѣкоторыхъ Филаретовъ и готовы были поручиться за нихъ, въ томъ числѣ и за Мицкевича камеръ-юнкеръ Ляхницкій хотѣлъ представить поручительство; но ходатайства ихъ не

были уважены. Слѣдствіе только началось и степень виновности арестованныхъ не была еще ясна, поэтому Новосильцовъ отказалъ просителямъ въ удовлетвореніи ихъ ходатайствъ, мотивируя отказъ тѣмъ, что виновные чистосердечно не сознались въ томъ, что «читаны были на бесѣдахъ Филаретовъ предосудительныя для Правительства сочиненія» (№ 9).

Слѣдствіе окончилось въ апрѣлѣ 1824 года, и тогда только, за поручительствомъ профессора Виленскаго университета Іоакима Лелевеля, Мицкевичъ былъ выпущенъ на свободу (№ 11). Докладъ о результатахъ слѣдствія и о подвергнутіи разнымъ наказаніямъ тѣхъ членовъ общества Филоматовъ и Филаретовъ, которые были признаны наиболѣе виновными, — былъ представленъ Новосильцовымъ Великому Князю Константину Павловичу и затѣмъ, по Высочайшему повелѣнію, былъ переданъ на разсмотрѣніе особой Комиссіи, въ составъ которой вошли: попечитель Новосильцевъ, министръ Народнаго Просвѣщенія адмиралъ Шишковъ и генералъ гр. Аракчеевъ.

Въ ожиданіи приговора Мицкевичъ проживалъ безотлучно въ Вильнѣ; когда же, въ силу Высочайше утвержденнаго 14 августа протокола засѣданій упомянутой Комиссіи, стало извѣстнымъ, что онъ долженъ былъ поступить на службу во внутреннія губерніи, то въ половинѣ октября Мицкевичъ отправился въ С.-Петербургъ, чтобы представиться министру Народнаго Просвѣщенія. Уже въ Петербургѣ Мицкевичъ изъявилъ желаніе поступить на службу въ Ришельевскій лицей (№ 12). Согласно этому министръ Шишковъ, выдавъ Мицкевичу 16 декабря 548 руб. 16 коп. прогонныхъ денегъ и на путевыя издержки (№№ 14, 15), приказалъ ему отправиться въ Елисаветградъ, къ управляющему лицеемъ генералу гр. Витте, и просилъ послѣдняго предписать начальству лицея принять Мицкевича въ это учебное заведеніе, для преподаванія тѣхъ предметовъ, которымъ онъ обучался въ Виленскомъ университетѣ, и назначить ему за это приличное жалованье (№ 13). Графъ Витте препроводилъ это предписаніе министра въ Правленіе Ришельевскаго

лицея, но такъ какъ въ послѣднемъ не оказалось вакантнаго мѣста, то Мицкевичъ не могъ быть, согласно желанію, опредѣленъ на службу: правленіе лицея предоставило ему отыскать себѣ другое мѣсто, пока же, въ уваженіе недостаточнаго состоянія, снабдило его квартирою и столомъ (№№ 16—19); впрочемъ, оно предоставило на благоусмотрѣніе управляющаго окончательное рѣшеніе вопроса, прибавивъ въ своемъ представленіи, что если-бы мѣсто не было занято, то Мицкевичъ могъ-бы заняться преподаваніемъ греческой и латинской грамматики. Въ ожиданіи окончательнаго рѣшенія на счетъ этого, Мицкевичъ, вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Ежовскимъ, раздѣлявшимъ съ нимъ ту же участь, довольно весело проводилъ время въ домахъ польскихъ аристократовъ, временно проживавшихъ въ Одессѣ[1]). Ежовскій жилъ болѣе уединенно и особнякомъ, не принимая участія въ развлеченіяхъ поэта; за то онъ состоялъ въ постоянной перепискѣ со своими друзьями на родинѣ, въ Вильнѣ и въ Варшавѣ; когда же это было обнаружено, то повлекло за собою неудовольствіе Великаго Князя Константина Павловича (№№ 29, 30), послѣдствіемъ чего было Высочайшее повелѣніе, чтобы никого изъ бывшихъ филаретовъ не оставлять на службѣ въ южныхъ губерніяхъ, но «перемѣстить ихъ въ другія россійскія губерніи, по собственному ихъ избранію, и въ такой родъ службы, какой они пожелаютъ сами» (№ 20). Мицкевичъ объявилъ тогда, 25 апрѣля 1825 года, что хочетъ опредѣлиться въ Московскій архивъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ (№ 21). И опять пошла переписка черезъ Елисаветградъ и С.-Петербургъ въ Москву съ запросомъ, можно-ли его тамъ помѣстить? (№№ 22—26). Когда управляющій этимъ архивомъ Дивовъ отказался принять Мицкевича за неимѣніемъ вакансіи и свободныхъ денегъ на жалованье новому чиновнику, вновь спросили поэта оффиціально, куда онъ хочетъ поступить? На этотъ разъ, 28 іюня, Мицкевичъ изъявилъ желаніе «служить въ канцеляріи Г. Московскаго Военнаго Генералъ-

1) Aër (Адамъ Ржонржевскій) Mickiewicz w Odessie i twórczość jego z tego czasu. Варшава, 1898.

Губернатора», при чемъ онъ просилъ, чтобы истребованы были изъ Виленскаго университета аттестаты о прежней его службѣ (№ 27). Это новое желаніе его тѣми же инстанціями было представлено князю Д. В. Голицыну (№№ 28, 31, 32). Послѣдній согласился на предложеніе и заявилъ, что Мицкевичъ можетъ быть опредѣленъ въ его канцелярію, но на счетъ назначенія ему жалованья высказался такимъ образомъ, что оно не можетъ быть ему назначено прежде, чѣмъ онъ не покажетъ на самомъ дѣлѣ своихъ способностей и усердія къ службѣ. При этомъ кн. Голицынъ, впервые узнавъ изъ бумаги министра народнаго просвѣщенія о существованіи какого-то Общества филаретовъ, хотѣлъ знать обстоятельнѣе тѣ «правила, которыми руководилось названное Общество», чтобы не быть въ неизвѣстности на счетъ того, какой слѣдуетъ имѣть надзоръ «за людьми сего рода» (№ 34). Министръ Шишковъ отвѣтилъ на это извлеченіемъ (№ 35) изъ упомянутаго выше рапорта или доклада Новосильцова о результатахъ слѣдствія надъ филаретами и просилъ управляющаго Ришельевскимъ лицеемъ дать Мицкевичу средства на переѣздъ въ Москву (№ 36), что̀ и было исполнено Правленіемъ этого учебнаго заведенія, которое, по приказанію же министра, снабдило поэта прогонными деньгами, въ размѣрѣ 465 руб. 61 коп. (№№ 37, 40—45). 12 ноября Мицкевичъ уѣхалъ изъ Одессы въ Москву.

Согласно другому желанію, изъявленному Мицкевичемъ, министръ народнаго просвѣщенія потребовалъ отъ попечителя Виленскаго учебнаго округа, сенатора Новосильцова, доставленія въ министерство диплома Мицкевичу на степень кандидата философіи (№ 33). Мицкевичъ получилъ эту степень на основаніи испытанія, выдержаннаго имъ въ 1816 году на физико-математическомъ факультетѣ, потому и дипломъ составленъ былъ и выданъ ему (27 октября 1825 года), какъ кандидату по названному факультету[1]). Такъ какъ онъ однако впослѣдствіи еще въ теченіе трехъ лѣтъ посѣщалъ словесное отдѣленіе и на

1) Точный снимокъ съ этого диплома помѣщенъ мною въ Варшавскомъ журналѣ «Tygodnik Illustrowany» за 1897 годъ, № 48, стр. 941.

немъ держалъ магистерскій экзаменъ, то къ диплому приложено было выданное того же числа свидѣтельство соотвѣтственнаго содержанія (№ 38). Оба эти документа были препровождены въ министерство 6 ноября (№ 39), оттуда же 20-го числа были высланы гр. Витте (№ 46). Такъ какъ Мицкевичъ тѣмъ временемъ уѣхалъ уже въ Москву, то гр. Витте выслалъ ихъ вслѣдъ за нимъ къ кн. Д. В. Голицыну въ Москву (№№ 47, 48).

Въ первое время по прибытіи въ Москву Мицкевичъ велъ тихую и почти уединенную жизнь въ кружкѣ своихъ товарищей, вмѣстѣ съ нимъ пребывавшихъ въ Москвѣ (Малевскій, Ежовскій, Дашкевичъ). Онъ приготовлялъ изданіе «Крымскихъ сонетовъ», которые доставили ему большую извѣстность и ввели его въ круги высшаго общества и русскихъ литераторовъ. Подробно выясняютъ эти его отношенія Записки Полевого, равно какъ и дошедшія до насъ письма поэта. Касаясь только тѣхъ сторонъ жизни его, которыя выясняются настоящими документами, я долженъ замѣтить, что въ князѣ Голицынѣ, въ канцеляріи котораго онъ служилъ, поэтъ нашелъ, кажется, благосклоннаго и понимающаго положеніе его начальника. Жалованья не получалъ онъ никакого, но за то и не требовали отъ него ничего и не заставляли переписывать начисто оффиціальныхъ бумагъ. Князь Голицынъ выхлопоталъ поэту чинъ, полагающійся ему по ученой степени (№№ 53, 54). Лѣтомъ 1826 года князь хотѣлъ даже выдать ему отпускъ для поѣздки въ Литву «по семейнымъ дѣламъ», что́ однако не состоялось, такъ какъ сенаторъ Новосильцовъ, основываясь на мнѣніи ректора Виленскаго университета Пеликана, не призналъ этого удобнымъ (№№ 55—58). Онъ не отказалъ ему въ разрѣшеніи своемъ и на ученое предпріятіе, которое Мицкевичъ задумалъ осенью 1827 года, именно издавать въ Москвѣ историко-литературный журналъ на польскомъ языкѣ, подъ названіемъ: «Iris».

Мицкевичъ хотѣлъ имѣть свой органъ, съ цѣлью знакомить съ новыми литературными направленіями, тѣмъ болѣе, что единственный въ сѣверо-западномъ краѣ литературный журналъ «Dziennik Wileński» клонился уже къ упадку. Съ другой сто-

роны, однако, поощреніе къ изданію журнала вышло несомнѣнно отъ русскихъ литераторовъ, съ которыми поэтъ вошелъ теперь въ болѣе близкія сношенія, коль скоро, какъ видно изъ составленной Мицкевичемъ программы (№ 63), одною изъ важнѣйшихъ задачъ предполагаемаго изданія было взаимное сближеніе литературы польской и русской и ознакомленіе читателей съ замѣчательнѣйшими произведеніями той и другой. Въ Москвѣ все пошло гладко; ни кн. Голицынъ (№ 67), ни Цензурный комитетъ (№ 68), ни попечитель Московскаго учебнаго округа генералъ-маіоръ Писаревъ (№ 69) не находили съ своей стороны никакихъ препятствій. Главный Цензурный комитетъ, предсѣдателемъ котораго состоялъ генералъ-лейтенантъ Карбоньеръ, тоже далъ одобрительный отзывъ, присовокупивъ въ представленіи своемъ въ Министерство Народнаго Просвѣщенія похвальныя для Мицкевича слова, что онъ уже снискалъ себѣ «великую извѣстность своими поэтическими произведеніями» (№ 71). Адмиралъ Шишковъ, лично знавшій Мицкевича, вѣроятно, по существу ничего не имѣлъ противъ удовлетворенія просьбы Мицкевича, но онъ былъ министромъ и помнилъ, что поэтъ былъ недавно членомъ тайныхъ обществъ, потому, получивъ представленіе Главнаго Цензурнаго Комитета, приказалъ «дѣло сіе передать въ свою канцелярію для соображенія съ имѣющимся въ оной дѣломъ о г. Мицкевичѣ» и затѣмъ, когда въ канцеляріи его была составлена, опять на основаніи упомянутаго доклада сенатора Новосильцова, справка о Мицкевичѣ (№ 73), предложилъ своему товарищу дать по этому дѣлу свое заключеніе.

Товарищемъ министра народнаго просвѣщенія былъ въ это время извѣстный дѣятель царствованія императора Николая I-го— графъ Дмитрій Николаевичъ Блудовъ. Еще будучи молодымъ человѣкомъ, онъ пріобрѣлъ извѣстность и имѣлъ литературныя связи. Будучи весьма развитымъ и всесторонне образованнымъ, онъ принималъ около 1815 года живое участіе въ тогдашней умственной жизни, въ особенности же, въ томъ кружкѣ ли

торовъ и ученыхъ, которые группировались вокругъ Карамзина и Жуковскаго и которые, подъ предводительствомъ этихъ знаменитостей орудіемъ ироніи воевали противъ крайнихъ взглядовъ прежней литературной школы, представителемъ которой былъ самъ министръ народнаго просвѣщенія А. С. Шишковъ. Блудовъ въ прежнее время былъ даже секретаремъ «Арзамаса» и когда среди членовъ этого кружка зародилась мысль издавать свой особый литературный органъ, Блудовъ готовился дѣятельно выступить на литературномъ поприщѣ и заблаговременно составилъ для задуманнаго журнала статью о русскихъ пословицахъ. Когда онъ въ 1817 году былъ откомандированъ состоять при посольствахъ въ Стокгольмѣ и Лондонѣ, связи его съ представителями литературы стали ослабѣвать, хотя самъ онъ не совсѣмъ еще оставилъ прежнія занятія, такъ какъ, проживая въ названныхъ столицахъ, весьма сильно интересовался состояніемъ и развитіемъ журналистики, въ особенности англійской и американской, равно какъ новыми литературными направленіями и теченіями, которыя въ ней проявлялись. Но, спустя нѣсколько лѣтъ, по возвращеніи въ Россію, и эти стремленія или прежнія привычки были оставлены и забыты: онѣ должны были быть совсѣмъ преданы забвенію въ виду цѣлей, которыя имѣлъ въ виду дипломатъ и государственный дѣятель, тѣмъ болѣе, что въ это время повѣяло совершенно инымъ духомъ. Такимъ образомъ, и прежніе литературные противники могли сойтись вмѣстѣ и даже раздѣлять одни и тѣ же взгляды на вопросы внутренней политики и руководиться одинаковыми соображеніями, и въ такихъ случаяхъ, когда дѣло касалось литературной и ученой областей. По этимъ-то причинамъ, Блудовъ, разсмотрѣвъ предложенное ему дѣло, и высказался такимъ образомъ, что хотя онъ, по незнанію подробностей Виленскаго слѣдствія, не можетъ судить о томъ, будетъ-ли Мицкевичъ благонадежнымъ въ званіи журналиста, тѣмъ не менѣе, если Правительство нашло нужнымъ запретить Мицкевичу жить и служить въ Польшѣ, то, вѣроятно,

по тѣмъ же причинамъ, оно не позволитъ ему дѣйствовать на умы въ Польшѣ посредствомъ журнала (№ 74). Адмиралъ Шишковъ призналъ основательнымъ этотъ отзывъ и отвѣтилъ попечителю Московскаго учебнаго округа, что, по указанному соображенію, онъ не можетъ собственною властью дать разрѣшеніе на изданіе журнала, входить же о семъ съ представленіемъ къ Государю Императору не находитъ ни приличія, ни уважительной къ тому причины (№ 75).

Полученный отказъ былъ однимъ изъ мотивовъ, по которымъ поэтъ пожелалъ разстаться съ Москвою. Онъ искалъ болѣе широкихъ горизонтовъ и болѣе широкаго круга дѣятельности, бо́льшаго, наконецъ, кружка близкихъ ему соотечественниковъ и по этому рѣшился переселиться въ Петербургъ, чтобы тамъ пріискать себѣ тоже болѣе солидное занятіе и мѣсто. Почти весь 1828 годъ (№ 84) провелъ онъ въ сѣверной столицѣ, считаясь по болѣзни въ отпуску, въ которомъ князь Д. В. Голицынъ не имѣлъ основанія отказывать Мицкевичу, такъ какъ послѣдній не считался штатнымъ чиновникомъ и не получалъ никакого содержанія.

Петербургскіе друзья посовѣтовали Мицкевичу опредѣлиться въ коллегію иностранныхъ дѣлъ и обѣщали ему поддержку, онъ же согласился на это, въ надеждѣ, что удастся ему получить или мѣсто переводчика въ самой Коллегіи или же назначеніе въ какое-либо изъ русскихъ консульствъ въ южной Европѣ, куда поэтъ непремѣнно хотѣлъ отправиться для поправленія своего здоровья. Онъ просилъ о томъ или о другомъ назначеніи въ докладныхъ запискахъ (№ 81 и Ateneum, 1897, IV, 529), которыя приложилъ къ прошенію на Высочайшее Имя (№ 80), о принятіи его на службу въ упомянутую коллегію, поданному 19 февраля 1829 года. Министръ иностранныхъ дѣлъ гр. К. В. Нессельроде сейчасъ же (25 февраля) отнесся къ кн. Голицыну съ запросомъ, не имѣется-ли препятствій для опредѣленія Мицкевича въ подвѣдомственное ему министерство (№ 82), на что̀, отъ 9 апрѣля, получилъ удовлетворительный отвѣтъ, съ лестнымъ отзывомъ о кандидатѣ и съ такимъ же аттестатомъ о его службѣ (№№ 8

85). Помимо этого однако назначеніе, по неизвѣстнымъ ближе причинамъ, не состоялось сразу: поэтъ сталъ терять надежду на осуществленіе этимъ путемъ своихъ плановъ о поѣздкѣ въ южную Европу для лѣченія и самъ сталъ хлопотать о полученіи заграничнаго паспорта. Благодаря связямъ влюбленной въ него Каролины Енишъ, въ домѣ отца которой въ Москвѣ онъ часто бывалъ, паспортъ былъ выданъ, и Мицкевичъ 15 мая, на англійскомъ кораблѣ, покинулъ Россію навсегда, и гр. Нессельроде, хотя только спустя два съ половиною мѣсяца, сообщилъ князю Голицыну, что не нашелъ нужнымъ причислять къ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ чиновника, имѣющаго пребываніе за границею (№ 86). Такъ кончилась и чиновничья карьера поэта и сношенія его съ властями.

1.

СВИДѢТЕЛЬСТВО.

Нижеподписавшійся по желанію учителя Ковенскаго уѣзднаго училища г. Мицкевича, который какъ прежде въ своихъ болѣзненныхъ страданіяхъ, такъ и нынѣ въ безпрестанно усиливающихся, пользовался моими совѣтами, выдаю сіе свидѣтельство съ подробнымъ описаніемъ его болѣзни въ томъ, что онъ г. Мицкевичъ, будучи еще студентомъ въ Университетѣ, по безпрерывнымъ и тщательнымъ трудамъ, какихъ требовало прилежаніе къ наукамъ, началъ страдать геморроидальною болѣзнью, къ которой по фамиліи уже былъ склоненъ. При дѣйствіи означенныхъ причинъ, будучи нѣсколькократно одержимъ насморкною горячкою, геморроиды начали принимать опаснѣйшее дѣйствіе на грудь. Пользуя же нынѣ помянутаго учителя Мицкевича, когда по двухъ-лѣтней его учительской должности въ Ковенскомъ уѣздномъ училищѣ изслѣдовалъ я нынѣшнія его страданія, нашелъ, что оныя до той степени усилились, что угрожаютъ крайней опасностью, какою есть болѣзнь называемая *Pneumonorrhagia*, которой дѣйствія уже испыталъ. Не иная полагается причина перехода сей болѣзни въ грудь, какъ токмо преподаваніе лекцій, требующее декламаціи и сѣденіе (!) въ классѣ по 4 часа въ день, приводящее въ худшее состояніе геморроидальныя терпѣнія, которыя по поводу настоящей его должности, ослабляющей легкія, безъ сомнѣнія дѣйствуютъ и на грудь.

Посему учитель г. Мицкевичъ не иначе можетъ поправить свое здоровье, какъ уволнившись на нѣкоторое время отъ должности, пока геморроидальная его болѣзнь въ настоящемъ состояніи (pneumonorrhagia) не получить натуральнаго хода. Вильно, 1821 года іюня 12 дня.

(Подписалъ) Докторъ медицины и хирургіи

Константинъ Порціанко.

Вѣрно: Секретарь Феликсъ Мѣржеевскій[1]).

2.

Министерство Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія. Департаментъ Народнаго Просвѣщенія. Отдѣленіе II. Столъ 2.

Объ увольненіи учителя Мицкевича по болѣзни на одинъ годъ отъ должности съ жалованьемъ 200 рублей.

Въ Вильнѣ, 25 іюля 1821. № 2400. Виленскій Университетъ. Правленіе Университета.

Господину Министру Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія.

Директоръ училищъ Виленской губерніи Будзиловичъ при рапортѣ своемъ представилъ прошеніе учителя словесности Ковенскаго уѣзднаго училища Адама Мицкевича, въ которомъ изъясняетъ, что въ продолженіи двухъ-лѣтней своей учительской должности усиливающаяся въ немъ болѣзнь не только безпрерывно препятствовала учительскимъ его затрудненіямъ, но и угрожаетъ совершенно впередъ потерею здоровья; посему принужденнымъ находится по совѣту врачей увольниться на время отъ должности для исцѣленія своего поврежденнаго здоровья; но какъ жалованье имъ получаемое единственнымъ есть способомъ

1) Копія въ Архивѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, № 8176, картонъ 189.

къ содержанію себя, безъ котораго крайнему подвергся бы недостатку и даже лишился бы средствъ къ поправленію здоровья: для того прилагая свидѣтельство доктора о своей болѣзни, проситъ, чтобы при увольненіи его отъ должности на одинъ годъ оставить при немъ учительское жалованье, котораго нынѣ получаетъ по 300 руб. сер. въ годъ, съ вольностью возвращенія къ прежнему мѣсту. Университетское Правленіе по поводу таковаго прошенія имѣло разсужденіе, что помянутый учитель принятъ въ учительскую семинарію при университетѣ 1815 года, гдѣ въ продолженіи четырехъ лѣтъ обучался съ отличнымъ успѣхомъ, а по окончаніи курсовъ опредѣленъ учителемъ словесности въ Ковенское уѣздное училище съ 1 сентября 1819 года. По свидѣтельству визитатора и директора училищъ, въ продолженіи двухъ лѣтъ исполнялъ свою должность съ совершеннымъ прилежаніемъ и значительною пользою учениковъ, хотя по болѣзни своей частымъ подвергался страданіямъ. Изъ представленнаго же свидѣтельства доктора медицины и хирургіи Порціанки оказуется, что тщательнѣйшее Мицкевича прилежаніе къ наукамъ, сопряженное съ безпрерывнымъ сѣденіемъ (!) подвергло его геморроидальнымъ аттакамъ, которые начали уже принимать опасное дѣйствіе на грудь и усилились до той степени, что угрожаютъ крайне опасною болѣзнью подъ названіемъ *Pneumonorrhagia*, которой дѣйствія уже испыталъ. Къ чему вящею было причиною сѣденіе въ классѣ по 4 часа въ день, требующее безпрерывной декламаціи; посему не иначе можетъ онъ поправить свое здоровье, какъ уволнившись на нѣкоторое время отъ должности. Изъ всего вышеозначеннаго, поелику Университетское Правленіе удостовѣряется, что учитель Мицкевичъ не можетъ заниматься должностью, не лишаясь вовсе здоровья, и что увольненіе на одинъ годъ по юнымъ его лѣтамъ доставило бы ему способность совершеннаго исцѣленія здоровья, а тѣмъ самымъ возвратило бы толико полезнаго учителя къ учебнымъ трудамъ. Но какъ онъ кромѣ жалованья другихъ средствъ къ содержанію себя не имѣетъ, а увольненіе отъ должности безъ жалованья подвергло бы его недо-

статку гораздо опаснѣйшему въ настоящихъ его страданіяхъ, то, прилагая въ копіи свидѣтельство доктора Порціанки, обстоятельство сіе имѣетъ честь представить милостивѣйшему благоуваженію Вашего Сіятельства, съ таковымъ притомъ изъясненіемъ, что хотя учитель Мицкевичъ просилъ о оставленіи при немъ полнаго жалованья 300 руб. сер., но Университетское Правленіе осмѣливается покорнѣйше просить, не благоугодно-ли бы было при увольненіи его на одинъ годъ, съ 1-го наступающаго мѣсяца сентября, назначить ему $^2/_3$ части жалованья, т. е. 200 руб. сер., изъ суммы, положенной на чрезвычайныя издержки по училищамъ Виленской губерніи, которой отпускается въ годъ по 1000 руб. сер., поелику нынѣшнее его жалованье будетъ отпускаться тому, кто отъ Университета на его мѣсто будетъ назначенъ къ преподаванію въ Ковенскомъ училищѣ словесности.

Ректоръ Семенъ Малевскій.

Секретарь Феликсъ Мѣржеевскій.

Резолюція: Представить о семъ въ Комитетъ Министровъ, 3 августа 1821[1]).

3.

Министерство Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія. Департаментъ Народнаго Просвѣщенія. Отдѣленіе II. Столъ 2. Въ Царскомъ Селѣ, 6 августа 1821 года. № 2416. Объ увольненіи отъ должности на годъ учителя Ковенскаго училища Мицкевича.

Виленскій университетъ представилъ мнѣ, что учитель Ковенскаго уѣзднаго училища Мицкевичъ впалъ въ болѣзнь, которая, время отъ времени усиливаясь, не только препятствуетъ учительскимъ его занятіямъ, но и угрожаетъ совершенно впредь

1) Подлинникъ въ Архивѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, № 8176, картонъ 189, съ надписью: «получ. 31 іюля 1821», и № 098/992.

потерею здоровья, и по совѣту врачей остается для него одно только средство: оставить на время учительскую должность, требующую продолжительнаго сидѣнія и напряженія груди. Но какъ онъ, кромѣ жалованья, другихъ средствъ къ содержанію себя не имѣетъ, а увольненіе его отъ должности безъ жалованья подвергло бы его крайнему недостатку при болѣзненномъ состояніи: то посему Университетъ, представивъ докторское свидѣтельство о болѣзни учителя Мицкевича и удостовѣряя о рачительной и усердной его донынѣ службѣ, ходатайствуетъ объ увольненіи его отъ должности на одинъ годъ съ 1 наступающаго сентября мѣсяца, съ назначеніемъ ему двухъ третей получаемаго имъ жалованья, т. е., двухъ-сотъ рублей серебромъ, изъ суммы, положенной на чрезвычайные издержки по училищамъ Виленской губерніи, которой отпускается по 1000 руб. сер. въ годъ изъ по-іезуитскихъ доходовъ, изъ которыхъ училища Виленскаго учебнаго округа содержаніе свое получаютъ, такъ какъ нынѣшнее жалованье Мицкевича будетъ выдаваемо тому, кто отъ университета на его мѣсто назначенъ будетъ.

По удостовѣренію начальства о ревностной до нынѣ службѣ Мицкевича, испрашиваю разрѣшенія Комитета господъ Министровъ на увольненіе его на годъ отъ учительской должности, съ выдачею ему двухъ-сотъ рублей серебромъ въ годъ изъ вышеозначенной суммы.

Князь Александръ Голицынъ.

Директоръ Василій Поповъ.

Начальникъ стола Зубковскій[1]).

4.

Выписка изъ журнала Комитета Министровъ 9 августа и 13 сентября 1821 года.

1) Копія въ архивѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія № 8176, картонъ 189.

Въ засѣданіе 9 августа слушана записка Министра Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія, отъ 6 августа, за № 2416 (по Департаменту Народнаго Просвѣщенія), внесенная въ журналъ Комитета подъ № 1284, объ увольненіи учителя Ковенскаго уѣзднаго училища Мицкевича для поправленія разстроеннаго здоровья на одинъ годъ отъ должности съ выдачею ему, по уваженію усердной его службы и крайне недостаточнаго содержанія, 200 руб. сер., изъ суммы, на чрезвычайныя издержки по училищамъ Виленской губерніи назначенной.

Комитетъ полагалъ: уволить съ выдачею означенной суммы, испросивъ на то Высочайшее соизволеніе.

Въ засѣданіи 13 сентября объявлено Комитету, что Государь Императоръ на сіе соизволяетъ.

Комитетъ опредѣлилъ: сообщить о томъ Министру Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія къ исполненію выпискою изъ журнала.

Управляющій дѣлами Комитета Сухопрудскій.

№ 2006.

Его Сіятельству Г. Министру Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія. По 2-му отдѣленію[1]).

5.

Министерство Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія. Департаментъ Народнаго Просвѣщенія. Отдѣленіе II. Столъ 2. Въ С.-Петербургѣ, 27 сентября 1821, № 3101. Объ увольненіи отъ должности на годъ учителя Ковенскаго училища Мицкевича.

Господину Попечителю Виленскаго Учебнаго Округа.

Правленіе Виленскаго Университета въ іюлѣ мѣсяцѣ сего года представило мнѣ, что учитель Ковенскаго уѣзднаго училища

---

1) Подлинникъ въ архивѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, № 8176, картонъ 189; замѣтка о полученіи «24 сентября 1821» и «№ 3774/90.

Мицкевичъ впалъ въ болѣзнь, которая, время отъ времени усиливаясь, не только препятствуетъ учительскимъ его занятіямъ, но и угрожаетъ совершенно впредь потерею здоровья и по совѣту врачей остается для него одно только средство: оставить на время учительскую должность, требующую продолжительнаго сидѣнія и напряженія груди. Но какъ онъ, кромѣ жалованья другихъ средствъ къ содержанію себя не имѣетъ, а увольненіе его отъ должности безъ жалованья подвергло бы его крайнему недостатку при болѣзненномъ состояніи: то посему Университетское Правленіе, приложивъ докторское свидѣтельство о болѣзни Мицкевича и удостовѣряя о рачительной и усердной его донынѣ службѣ, ходатайствуетъ о увольненіи Мицкевича отъ должности на одинъ годъ съ 1 сего сентября, съ назначеніемъ ему двухъ третей получаемаго имъ жалованья, то есть, двухъ-сотъ руб. сер. изъ суммы, положенной на чрезвычайныя издержки по училищамъ Виленской губерніи, такъ какъ нынѣшнее жалованье Мицкевича будетъ выдаваемо тому, кто отъ Университета на его мѣсто назначенъ будетъ.

Государь Императоръ, по представленію моему о томъ, изъявилъ Высочайшее соизволеніе на увольненіе отъ должности Мицкевича на годъ, съ производствомъ ему за сіе время двухъсотъ руб. сер. изъ суммы, на чрезвычайныя издержки по училищамъ Виленской губерніи положенной.

О семъ имѣю честь увѣдомить Ваше Сіятельство, для надлежащаго съ Вашей стороны по тому исполненія.

Министръ Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія

Князь Александръ Голицынъ.

Директоръ Василій Поповъ.

Начальникъ стола Зубковскій [1]).

---

1) Копія въ архивѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, № 8176, картонъ 189, съ надписью: «къ № 9».

6.

Ректору Виленскаго Университета, надворному совѣтнику Твардовскому.

Его Императорское Высочество, въ повелѣніи ко мнѣ, отъ 12 сего августа, за № 3301, на представленіе мое о разрѣшеніи на выдачу паспорта учителю Ковенскихъ уѣздныхъ училищъ Адаму Мицкевичу, желающему отправиться за границу въ Австрію и Италію къ тамошнимъ минеральнымъ водамъ срокомъ на два года, предписать изволилъ узнать: чему вышеозначенный учитель Мицкевичъ обучаетъ? нѣтъ-ли за нимъ чего порочнаго, по какой болѣзни ѣдетъ и какими средствами будетъ содержать себя за границею два года? А потому рекомендую Вашему Высокородію сдѣлать, черезъ кого слѣдуетъ, по вышеписанному повелѣнію выправку и, что̀ въ оной окажется, увѣдомить меня съ Вашимъ заключеніемъ, для донесенія Его Высочеству.

Генералъ Римскій-Корсаковъ [1]).

№ 3027.

26 августа 1823 г. получ. 27 августа 1823.

7.

Его Высокопревосходительству Господину Генералу отъ Инфантеріи, Литовскому Военному Губернатору и разныхъ орденовъ Кавалеру, Александру Михайловичу Римскому-Корсакову.

Ваше Высокопревосходительство, въ предложеніи, отъ 26 сего августа, за № 3027, касательно учителя Адама Мицкевича, желающаго отправиться за границу, а именно, въ Австрію и Италію, къ тамошнимъ минеральнымъ водамъ, срокомъ на два года, изволили предписать мнѣ сдѣлать выправку:

1) Чему сей учитель обучаетъ?

---

[1]) Подлинникъ въ Публичной Библіотекѣ въ Вильнѣ, рукопись Б. XIX, 7, листъ 16.

2) Нѣтъ ли за нимъ чего порочнаго?

3) По какой болѣзни ѣдетъ?

4) Какими средствами будетъ содержать себя за границей два года?

На сіи запросы честь имѣю донести Вашему Высокопревосходительству слѣдующее:

1) Учитель Мицкевичъ обучалъ въ Ковенскомъ уѣздномъ училищѣ словесности, исторіи и нравственнымъ наукамъ.

2) Ничего за нимъ порочнаго, со времени вступленія моего въ должность ректора, чтó было въ половинѣ ноября мѣсяца прошлаго 1822 года, не оказалось. А хотя прежде сего предмѣстникъ мой бывшій ректоръ г. Малевскій, по предписанію Господина Попечителя, имѣлъ того учителя на особенномъ замѣчаніи, но и въ семъ онъ же, г. Малевскій, ничего противнаго за учителемъ Мицкевичемъ не замѣтилъ, какъ сіе свидѣтельствуетъ въ письмѣ своемъ, отъ 20 ноября 1822 года, ко мнѣ адресованномъ, которое въ переводѣ при семъ честь имѣю приложить.

3) Болѣзнь сего учителя, по свидѣтельству Ковенскаго уѣзднаго лѣкаря доктора Ковальскаго, есть грудная, отъ чего происходитъ боль въ правомъ боку и плеваніе кровью. Сверхъ сего свидѣтельства, достаточно извѣстно Университету, что вообще здоровье его находится въ очень худомъ состояніи, такъ что, не смотря на хорошую его способность, съ величайшею трудностью могъ исполнять учительскую должность. Для излѣченія даже слабаго своего здоровья въ 1821 году, по утвержденію Господина Министра, уволенъ былъ на одинъ годъ отъ должности учителя, съ жалованьемъ 200 руб. сер. По истеченіи сего времени, хотя возвратился въ должность свою, но здоровье его болѣе еще разстроилось, а посему для исправленія онаго требуется рачительнаго старательства.

4) Какія онъ Мицкевичъ имѣетъ средства къ содержанію себя за границею, Университету неизвѣстно. Для сдѣланія удовлетворительнаго отвѣта на сей послѣдній вопросъ, также чтобы въ точности знать, не замѣтилъ ли чего-нибудь порочнаго за учи-

телемъ Мицкевичемъ смотритель Ковенскаго уѣзднаго училища, по слѣдующей почтѣ потребую извѣстія отъ сего смотрителя и, какой получу о семъ отвѣтъ, не замедлю Вашему Высокопревосходительству всепочтеннѣйше донести[1])

№ 321.
Августа 29 дня 1823 г.
г. Вильно.

8.

Господину Генералу отъ Инфантеріи, Литовскому Военному Губернатору и разныхъ орденовъ Кавалеру Александру Михайловичу Римскому Корсакову.

Въ дополненіе рапорта моего, отъ 29 истекшаго августа, за № 321, Вашему Высокопревосходительству учиненнаго, въ разсужденіе учителя Ковенскаго повѣтоваго училища Мицкевича, полученный мною отъ смотрителя того училища Добровольскаго рапортъ при семъ въ переводѣ Вашему Высокопревосходительству честь имѣю представить.

(Ректоръ Твардовскій[2]).

№ 333.
Сентября 8 дня 1823 г.

9.

Слѣдственная Комиссія разсматривала пять прошеній на имя попечителя Новосильцова объ увольненіи на поручительства: 1) Александра Турскаго о братѣ его Ксаверіѣ Турскомъ; 2) Онуфрія Гнатовича о племянникѣ Эдвардѣ Одынцѣ, который по случаю смерти матери и болѣзни отъ давняго времени отца его ну-

1) Черновикъ въ Публичной Библіотекѣ въ Вильнѣ, рукопись Б. XIX. 7, листъ 17.

2) Черновикъ въ Публичной Библіотекѣ въ Вильнѣ, Б. XIX. 7, листъ 24.

женъ въ домѣ для призрѣнія шестеро малолѣтнихъ дѣтей; 3) камеръ-юнкера Ляхницкаго о Наполеонѣ Новицкомъ и Адамѣ Мицкевичѣ; 4) Іосифа Домейки о племянникахъ Игнатіѣ и Александрѣ Домейкахъ; 5) типографа Іосифа Завадскаго о Николаѣ Малиновскомъ.

По дѣламъ Комиссіи видно:

Адамъ Мицкевичъ, бывшій учитель Ковенскаго училища, въ отвѣтахъ своихъ, показывая, что къ обществу филаретовъ не принадлежалъ, не былъ онаго членомъ, присяги не исполнилъ и не входилъ ни въ какую обязанность, сознался однако, что нѣсколько разъ былъ на засѣданіяхъ союзовъ и на бесѣдахъ, якобы по знакомству токмо съ членами общества филаретовъ и даже стальной перстень, симъ обществомъ предсѣдателю Зану сдѣланный, онъ же Мицкевичъ вручилъ ему и сказалъ нѣсколько стиховъ, поздравляя его, что толикое число имѣетъ друзей, а притомъ и 12 человѣкъ изъ допрошенныхъ уже филаретовъ показываютъ, что и онъ Мицкевичъ принадлежалъ къ обществу ихъ, почему и нужно ему дать съ ними очную ставку.

Собственноручная резолюція Новосильцова.

> По принятому Комиссіею правилу ни одного изъ поименованныхъ въ семъ спискѣ пяти учениковъ на поручительство выпустить нельзя, потому что ни одинъ изъ нихъ чистосердечно въ томъ, что читаны были на бесѣдахъ филаретовъ предосудительныя для Правительства сочиненія, не признается, тогда какъ Комиссія имѣетъ въ своихъ рукахъ вѣрнѣйшія тому доказательства.

Прошенія, поданныя о порукѣ, возвратили просителямъ съ подписями въ оныхъ, что несходствія въ нѣкоторыхъ предметахъ съ обстоятельствами дѣла показаній сказанныхъ филаретовъ требуютъ поясненія и уликъ очными ставками и что до того и до дальнѣйшаго соображенія они на порукѣ находиться не могутъ [1]).

---

1) Виленская Публичная Библіотека, рукопись Б. XIX, 5; резолюція послѣдовала 19 декабря 1823 года.

10.

Ректору Виленскаго Университета Господину Надворному Совѣтнику Твардовскому.

Объ учителѣ Ковенскихъ уѣздныхъ училищъ Адамѣ Мицкевичѣ, просившемъ объ увольненіи его за границу въ Австрію и Италію, къ тамошнимъ минеральнымъ водамъ, на вопросъ, какими средствами будетъ онъ содержать себя за границею два года, Ваше Высокоблагородіе представили ко мнѣ рапортъ смотрителя тѣхъ училищъ Добровольскаго, что означенный Мицкевичъ надѣется содержать себя за границею изъ капитала, который ожидаетъ составить изъ сочиненія своего, нынѣ изъ печати выходящаго. Затѣмъ, въ подробнѣйшее поясненіе таковаго отвѣта, предписываю Вашему Высокоблагородію увѣдомить меня непродолжительно, какое, именно, издается учителемъ Мицкевичемъ сочиненіе? что̀ оно въ себѣ заключаетъ и было-ли въ просмотрѣ цензуры, а также, состоитъ-ли нынѣ Мицкевичъ при должности?

Генералъ Римскій Корсаковъ [1]).

№ 714.
26 февраля 1824.

11.

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА.

1824 года апрѣля 20 дня.

Виленскаго Университета профессоръ Іоахимъ Лелевель проситъ Вашего Высокопревосходительства о увольненіи на поручительство его Адама Мицкевича.

---

1) Подлинникъ въ Публичной Библіотекѣ въ Вильнѣ, рукопись Б. XIX. 7, листъ 252; былъ уже печатанъ въ «Pamiętnik towarzystwa literackiego imienia Adama Mickiewicza», томъ II, стр. 241

А по дѣламъ Комиссіи видно:

Адамъ Мицкевичъ (какъ по розыску оказалось) не принадлежалъ къ обществу филаретовъ, а зналъ токмо о обществѣ томъ, по случаю знакомства съ учениками Университета, и что нѣсколько разъ былъ на бесѣдахъ и читалъ стихи, на одной же изъ бесѣдъ за городомъ былъ упрошенъ о поднесеніи председателю Зану стального перстня и говорилъ изустно стихи, содержанія коихъ не помнитъ достаточно, утверждаетъ только, что не относились къ обществу, — а въ честь Зана, которому поднесъ тогда вмѣстѣ съ перстнемъ сдѣланный съ дубовыхъ листьевъ вѣнокъ, коимъ увѣнчали филареты Зана.

Слѣдственная Комиссія имѣетъ долгъ доложить Вашему Высокопревосходительству, что сей же Мицкевичъ, находясь въ присутствіи оной, изъявлялъ искреннее раскаяніе въ заблужденіи своемъ, что онъ хотя и не принадлежалъ къ секретному обществу, а только имѣя участіе въ бесѣдахъ, поступилъ тѣмъ неблагоразумно и могъ быть сочленомъ такимъ, кои въ пылкости воображенія преступили обязанность неприличными рѣчами своими.

Резолюція: *Отпустить на поручительство. Новосильцовъ*[1]).

12.

Вслѣдствіе Высочайшаго повелѣнія, объявленнаго намъ господиномъ исправляющимъ должность директора департамента народнаго просвѣщенія статскимъ совѣтникомъ Языковымъ, коимъ предоставлено всякому изъ числа прибывшихъ въ С.-Петербургъ Виленскаго университета кандидатовъ и студентовъ избрать себѣ губернію для опредѣленія въ службу Его Императорскаго Величества имѣемъ честь объявить, что мы Осипъ

1) Подлинникъ въ Публичной Библіотекѣ въ Вильнѣ, рукопись Б. XIX. 11.

Ежовскій и Адамъ Мицкевичъ желаемъ отправиться въ Одессу или въ Харьковъ и опредѣлиться тамъ въ службу, которой бы соотвѣтствовали способности наши.

Нижеподписавшійся объявлилъ (!) желаніе служить при Ришельевскомъ Лицѣ (!).

Адамъ Мицкевичъ[1]).

13.

Милостивый Государь мой, графъ Иванъ Осиповичъ! Высочайше конфирмированнымъ въ 14 день августа сего 1824 года журналомъ Комитета, Высочайше учрежденнаго для разсмотрѣнія дѣлъ, относящихся до безпорядковъ, случившихся въ Виленскомъ университетѣ, между прочимъ постановлено:

«Десять человѣкъ филоматскаго общества, кои посвятили себя учительскому званію, а также и тѣхъ изъ филаретовъ, кои оказались дѣятельнѣйшими по предосудительнымъ видамъ сего общества, не оставляя въ польскихъ губерніяхъ, гдѣ они думали распространить безразсудный польскій націонализмъ посредствомъ обученія, предоставить Министру Народнаго Просвѣщенія употребить по части училищной въ отдаленныхъ отъ Польши губерніяхъ, впредь до разрѣшенія имъ возвратиться на свою родину».

Во исполненіе сего Г. Попечитель Виленскаго Учебнаго Округа, выславъ сихъ студентовъ въ Петербургъ, доставилъ мнѣ именной имъ списокъ съ отмѣткою противъ каждаго имени, къ какому занятію или въ какую должность, по своимъ способностямъ и собственному желанію, кто изъ нихъ употребленъ быть можетъ.

Разсмотрѣвъ сіи объясненія, нашелъ я, что большая часть изъ нихъ, по несовершенному знанію русскаго языка, не могутъ

---

1) Автографъ въ архивѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, дѣло № 130263, листъ 6.

преподавать наукъ на семъ языкѣ и, слѣдственно, не могутъ принести большой пользы русскимъ училищамъ.

Донеся о семъ всеподданнѣйше Государю Императору, испрашивалъ я Всемилостивѣйшаго Его дозволенія изъ числа сихъ студентовъ тѣхъ, кои пожелаютъ быть учителями, принять на учительскія вакансіи внѣ польскихъ губерній, а другимъ разрѣшить опредѣленіе въ службу Его Императорскаго Величества, по собственному ихъ желанію здѣсь въ С.-Петербургѣ или въ другихъ отдаленныхъ отъ Польши губерніяхъ, предоставя всѣмъ имъ право вступить въ службу классами, соотвѣтствующими той ученой степени, которую они получили въ Виленскомъ университетѣ.

На сіе получилъ я Высочайшее Его Императорскаго Величества повелѣніе: «здѣсь въ Петербургѣ никого не оставлять, а размѣстить по ихъ желанію и способностямъ въ другіе, только не въ Польшѣ, города, сдѣлавъ нужныя для нихъ пособія».

Во исполненіе сей Высочайшей воли приказалъ я отобрать отъ сихъ студентовъ свѣдѣніе: въ какой родъ службы и куда, именно, кто изъ нихъ поступить желаетъ?

Вслѣдствіе сего, кандидаты философіи Осипъ Ежовскій и Адамъ Мицкевичъ объявили, что они желаютъ служить при Ришельевскомъ Лицеѣ.

Въ доставленной отъ Г. Попечителя Виленскаго Учебнаго Округа отмѣткѣ сказано противъ имени Ежовскаго, что онъ могъ бы преподавать греческую и римскую словесность, а также педагогику и философію на латинскомъ языкѣ. Противъ имени Мицкевича, что онъ могъ бы преподавать словесность древнихъ языковъ и естетику на нѣмецкомъ, французскомъ, латинскомъ и русскомъ языкахъ.

Посему, приказавъ Ежовскому и Мицкевичу отправиться къ Вашему Сіятельству, покорнѣйше прошу Васъ, Милостивый Государь мой, предписать начальству Ришельевскаго лицея принять ихъ въ сіе учебное заведеніе, для преподаванія тѣхъ наукъ, коимъ они обучались въ Виленскомъ университетѣ, и назначить имъ приличное жалованье.

Буде же, по какимъ либо причинамъ, не найдется удобности опредѣлить ихъ въ лицей, въ такомъ случаѣ покорнѣйше прошу предоставить имъ пріискать для себя другія мѣста, сообщивъ тогда начальствамъ, гдѣ они служить пожелаютъ, помянутое, состоявшееся о нихъ Высочайшее повелѣніе объ опредѣленіи ихъ въ службу, не въ польскихъ, но въ отдаленныхъ отъ Польши губерніяхъ, съ классами, ученымъ степенямъ ихъ присвоенными. По полученіи на сіе извѣщенія Вашего, сдѣлаю я распоряженія и о доставленіи, куда слѣдовать будетъ, изъ Виленскаго университета свидѣтельствъ на полученную ими степень кандидата.

При семъ нужнымъ считаю увѣдомить, что по бѣдному состоянію Ежовскаго и Мицкевича, выдано имъ, сверхъ прогонныхъ денегъ до Елисаветграда, на путевыя издержки по триста рублей каждому.

Съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть Вашего Сіятельства покорнѣйшимъ слугою.

А. Шишковъ.

№ 3638.
Въ С.-Петербургѣ.
16 декабря 1824.

Его Сіятельству Графу И. О. Витте[1]).

14.

Министерство Народнаго Просвѣщенія. Департаментъ Н. П. Отдѣленіе 11. Столъ 2. Въ С.-Петербургѣ, 16 декабря 1824. № 3633.

Господину Министру Финансовъ.

Изъ отношенія моего отъ сего же числа, за № 3632, Вашему Превосходительству извѣстно, что Высочайше конфирмирован-

1) Подлинное въ Архивѣ Императ. Новороссійскаго Университета.

нымъ въ 14 день августа сего года журналомъ Комитета, учрежденнаго для разсмотрѣнія дѣлъ, относящихся до безпорядковъ, случившихся въ Виленскомъ университетѣ, между прочимъ постановлено: нѣкоторыхъ изъ числа бывшихъ студентовъ означеннаго университета употребить по части училищной въ отдаленныхъ отъ Польши губерніяхъ, впредь до разрѣшенія имъ возвратиться на свою родину.

Вслѣдствіе того помянутые студенты, по предписанію Г. Попечителя Виленскаго Учебнаго Округа, прибыли сюда.

Какъ бо̀льшая часть изъ нихъ, по несовершенному знанію русскаго языка, не можетъ преподавать наукъ на семъ языкѣ и, слѣдственно, не могутъ принести большо̀й пользы русскимъ училищамъ, то я всеподданнѣйше испрашивалъ Государя Императора Высочайшаго дозволенія тѣхъ изъ сихъ студентовъ, кои желаютъ быть учителями, принять на учительскія вакансіи внѣ польскихъ губерній, а другимъ разрѣшить опредѣленіе въ службу, по собственному ихъ желанію, здѣсь въ Петербургѣ, или въ другихъ отдаленныхъ отъ Польши губерніяхъ.

На сіе получилъ я Высочайшее Его Императорскаго Величества повелѣніе: здѣсь въ Петербургѣ никого не оставлять, а размѣстить, по ихъ желанію и способностямъ, въ другіе, только не въ польскіе города, сдѣлавъ нужныя для нихъ пособія.

Нынѣ изъ числа означенныхъ студентовъ, согласно изъявленному ими желанію, отправляются для опредѣленія кандидаты философіи Викентій Будревичъ и Онуфрій Петрашкевичъ въ Московскій университетъ, а кандидаты философіи Осипъ Ежовскій и Адамъ Мицкевичъ въ Ришельевскій лицей.

Посему, на основаніи вышеизъясненнаго Высочайшаго повелѣнія относительно сдѣланія имъ пособія, покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство учинить зависящее отъ Васъ, Милостивый Государь мой, распоряженіе о выдачѣ изъ суммъ Государственнаго Казначейства онымъ четыремъ кандидатамъ прогонныхъ денегъ Будревичу и Петрашкевичу до Москвы, каждому на двѣ лошади, а Ежовскому и Мицкевичу до Елисавет-

града, также на двѣ лошади каждому, и, сверхъ того, на путевыя издержки Будревичу и Петрашкевичу по двѣсти рублей, а Ежовскому и Мицкевичу по триста рублей каждому.

О послѣдующемъ ожидать буду благосклоннаго Вашего увѣдомленія.

Министъ Народнаго Просвѣщенія

Александръ Шишковъ.

Начальникъ отдѣленія Дмитрій Языковъ[1]).

15.

Въ Департаментъ Народнаго Просвѣщенія казначея Аникіева.

РАПОРТЪ.

Вслѣдствіе предписанія Департамента 29 прошлаго декабря, №2674, принято мною сего генваря 5 числа изъ Главнаго Казначейства прогонныхъ денегъ четыремъ кандидатамъ Виленскаго Университета, отправляющимся для опредѣленія къ должностямъ, каждому на двѣ лошади, двумъ изъ нихъ Викентію Будревичу и Онуфрію Петрашкевичу до Москвы за 720 верстъ по 117 руб. 64 коп., а двумъ Осипу Ежовскому и Адаму. Мицкевичу до Одессы за 1545½ верстъ по 248 руб. 16 коп., и, сверхъ того, на путевыя издержки первымъ двумъ по 200, а послѣднимъ по 300 руб., всего тысяча семьсотъ трудцать одинъ рубль шестьдесятъ копѣекъ, кои по принадлежности въ приходъ записаны, о чемъ Департаменту симъ почтеннѣйше доношу.

Казначей Петръ Аникіевъ.

№ 5.

Генваря 6 дня 1825 года[2]).

---

1) Копія, архивъ М. Н. П., дѣло № 130263.

2) Подлинникъ, архивъ М. Н. П., № 130263, съ помѣтками: «№ 60/20» и «7 января 1825 г.».

16.

Милостивый Государь мой Карлъ Ивановичъ. Съ симъ вмѣстѣ отношусь я въ Правленіе Ришельевскаго лицея о допущеніи къ преподаванію въ семъ заведеніи учебныхъ предметовъ двухъ кандидатовъ Виленскаго Университета: Ежовскаго и Мицкевича.

Кандидатамъ симъ я приказалъ уже отправиться въ Одессу и по прибытіи туда явиться къ Вашему Высокоблагородію. Не оставьте сдѣлать распоряженіе, дабы съ пріѣздомъ Ежовскаго и Мицкевича въ лицей была имъ отведена квартира въ заведеніи и дабы они пользовались столомъ наравнѣ съ прочими преподавателями.

Съ истиннымъ почтеніемъ честь имѣю быть Вашего Высокоблагородія покорнымъ слугою.

Графъ Витте.

№ 48.
Въ Елисаветградѣ,
14 февраля 1825.

Его Высокоблагородію К. И. Дитерихсу[1]).

17.

Въ Правленіе Ришельевскаго Лицея.

Препровождая при семъ копію съ отношенія ко мнѣ Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, отъ 16 декабря прошлаго года, № 3638, касательно принятія въ Ришельевскій лицей для преподаванія наукъ кандидатовъ Виленскаго университета Ежовскаго и Мицкевича, я предлагаю Правленію сдѣлать немедленно распоряженіе о предоставленіи имъ соотвѣтственно знаніямъ и способностямъ каѳедръ въ лицеѣ.

1) Подлинникъ въ архивѣ Имп. Новороссійскаго Университета; помѣтки на немъ: «№ 127», «получ. 18 февраля 1825», и «47. Слушано 19 февраля 1825».

Я полагаю, что Ежовскій и Мицкевичъ съ пользою могутъ преподавать уроки древнихъ языковъ; впрочемъ, Правленіе не оставитъ войти въ соображеніе, какіе предметы можно, именно, имъ предоставить, смотря по удобности.

По назначеніи помянутымъ двумъ кандидатамъ занятій, производить имъ жалованье изъ остающихся суммъ отъ каѳедръ, незамѣщенныхъ преподавателями, или изъ опредѣленныхъ суммъ на жалованье адъюнктамъ. На первый разъ можно производить каждому изъ нихъ годовые оклады отъ 600 до 750 руб.

О распоряженіяхъ по сему предмету Правленіе не оставитъ донести мнѣ безъ всякаго замедленія, для доведенія о томъ до свѣдѣнія Г. Министра Народнаго Просвѣщенія.

Управляющій Лицеемъ Генералъ-Лейтенантъ
Графъ Витте.

Въ должности письмоводителя
Титулярный Совѣтникъ Вороновъ.

№ 47.
Въ Елисаветградѣ,
14 февраля 1825.

Въ Правленіе Ришельевскаго Лицея[1]).

18.

Ришельевскій Лицей. Журналъ по учебной части на 1825 годъ (№ 95).

1825 года февраля 19 дня въ Правленіе Одесскаго Ришельевскаго Лицея прибыли гг. члены по учебной части: полковникъ и кавалеръ В. Х. Христофоровъ, первый инспекторъ надворный совѣтникъ Н. М. Калинескій, магистръ профессоръ И. Ф. Гри-

1) Подлинникъ тамъ же, съ помѣтками: «№ 126», «получ. 18 февраля 1825» и «48. Слушано 19 февраля 1825».

невичъ, кандидатъ профессоръ И. И. Дудровичъ, константинопольскій банкиръ, дворянинъ С. А. Константа и и. д. директора надворный совѣтникъ К. И. Дитерихсъ; въ сіе засѣданіе прибылъ законоучитель Ришельевскаго лицея отецъ протоіерей Исидоръ Гербановскій, по приглашенію г. и. д. директора.

Слушали:

a) предложеніе Его Сіятельства Г. Управляющаго Ришельевскимъ лицеемъ генерала-лейтенанта гр. И. О. Витте, отъ 14 февраля сего года, № 47 (см. выше № 17).

b) отношеніе Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, отъ 16 декабря 1824 года, № 3638 (см. выше № 13).

c) предписаніе Его Сіятельства Г. Управляющаго отъ 14 же февраля сего года, № 48 (см. выше № 16).

Опредѣлили:

Такъ какъ въ лицеѣ для помѣщенія кандидатовъ Ежовскаго и Мицкевича никакихъ вакантныхъ мѣстъ не имѣется, къ коимъ они могли бы быть опредѣлены, потому что по части латинской и греческой словесности, кромѣ чиновниковъ, утверждаемыхъ Г. Министромъ, классъ латинской грамматики съ пользою занимается и. д. профессора коммерческихъ наукъ Симановичемъ, классъ греческой грамматики занялъ съ вѣдома Его Сіятельства, по распоряженіямъ Правленія, титулярный совѣтникъ Артропуло, который также преподаетъ съ пользою, а классъ риторики и словесности греческихъ, по предложенію Его Сіятельства, занялъ г. Пиципіо, который также съ успѣхомъ продолжаетъ преподаваніе сихъ предметовъ: то, предоставивъ упомянутымъ кандидатамъ Виленскаго университета отыскать для себя другія мѣста и по пріисканіи оныхъ увѣдомить Правленіе. Въ уваженіе же недостаточнаго ихъ состоянія снабдить ихъ квартирою и столомъ, до пріисканія ими мѣстъ, о чемъ донести Его Сіятельству г. Управляющему Лицеемъ, впрочемъ предоставить на благоусмотрѣніе Его Сіятельства, что если бы сіи

то Ежовскій могъ бы заняться преподаваніемъ риторики и словесности греческой, а Мицкевичъ греческой и латинской грамматики [1]).

19.

Министерство Народнаго Просвѣщенія. Одесскій Ришельевскій Лицей. № 179. 26 февраля 1825. Одесса.

Господину Управляющему Лицеемъ Генералъ-Лейтенанту Графу Ивану Осиповичу Витте.

Честь имѣю препроводить у сего на благоусмотрѣніе Вашего Сіятельства выписку статьи 1-ой изъ журнала засѣданія Правленія Ришельевскаго Лицея, въ 19 день сего февраля мѣсяца состоявшагося, объ опредѣленіи и принятіи въ Лицей для преподаванія паукъ кандидатовъ Виленскаго университета Ежовскаго и Мицкевича.

Исправляющій должность директора Лицея надворный совѣтникъ и кавалеръ Дитерихсъ.

Управляющій канцеляріею Правленія лицея.

В. Степановъ [2]).

20.

СЕКРЕТНО.

Милостивый Государь мой Карлъ Ивановичъ. Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: вызванныхъ въ С.-Петербургъ по послѣднимъ происшествіямъ студентовъ Виленскаго университета, не оставляя на службѣ въ Ришельевскомъ лицеѣ, и вообще въ южныхъ губерніяхъ, перемѣстить въ другія рос-

---

1) Подлинникъ въ архивѣ Правленія Императорскаго Новороссійскаго Университета въ Одессѣ.

2) Подлинникъ въ дѣлѣ о Мицкевичѣ въ архивѣ Правленія того-же Университета.

сійскія губерніи, по собственному ихъ избранію, и въ такой родъ службы, какой они пожелаютъ сами; также, по недостаточному ихъ состоянію, сдѣлать имъ нужное по сему случаю пособіе.

Вслѣдствіе сего, предлагаю Вамъ, Милостивый Государь, отъ кандидатовъ Виленскаго университета Ежовскаго и Мицкевича, отправленныхъ въ Ришельевскій лицей, отобрать свѣдѣніе, въ которую изъ россійскихъ губерній, исключая южныхъ, и въ какой родъ службы поступить они желаютъ?

Требуемаго мною свѣдѣнія я буду ожидать отъ Васъ непремѣнно съ первою почтою, со дня полученія Вами сего моего предложенія.

Съ истиннымъ почтеніемъ честь имѣю быть вашимъ покорнымъ слугою.

Графъ Витте.

№ 100.
Въ Елисаветградѣ, 19 марта 1825.

Его Высокоблагородію К. И. Дитерихсу [1]).

21.

Вслѣдствіе объявленнаго мнѣ предписанія Его Сіятельства Г. Попечителя Ришельевскаго лицея, я имѣю честь изъявить желаніе опредѣлиться въ Московскій Архивъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, при этомъ я осмѣливаюсь просить о снабженіи меня дарованнымъ Высочайшею милостью пособіемъ.

Адамъ Мицкевичъ.

26 марта 1825.
Одесса [2]).

---

1) Подлинникъ въ архивѣ Новороссійскаго университета, съ помѣткою: «получ. 25 марта 1825».

2) Автографъ въ архивѣ М. Н. П., дѣло № 130268, f

22.

СЕКРЕТНО.

Его Сіятельству Господину Управляющему Ришельевскимъ лицеемъ генералъ-лейтенанту и кавалеру Графу И. О. Витте.

Въ исполненіе предписанія Вашего Сіятельства, отъ 19 марта, № 100, я немедленно отобралъ свѣдѣнія отъ кандидатовъ Виленскаго университета Ежовскаго и Мицкевича, прибывшихъ въ Ришельевскій лицей, въ которую изъ россійскихъ губерній, исключая южныхъ, и въ какой родъ службы поступить они желаютъ? Свѣдѣнія сіи при семъ на благоусмотрѣніе Вашего Сіятельства препроводить честь имѣю въ подлинныхъ подпискахъ, ими данныхъ.

Исправляющій должность директора,

надворный совѣтникъ Дитерихсъ.

№ 328. 28 марта 1825. [1]).

23.

СЕКРЕТНО.

Милостивый Государь мой, Павелъ Гавриловичъ. Высочайше конфирмированнымъ въ 14 день августа прошлаго 1824 года журналомъ Комитета, Высочайше учрежденнаго для разсмотрѣнія дѣлъ, относящихся до безпорядковъ, случившихся въ Виленскомъ университетѣ между прочимъ постановлено:

«Десять человѣкъ филоматскаго общества, кои посвятили себя учительскому званію, а также и тѣхъ изъ филаретовъ, кои оказались дѣятельнѣйшими по предосудительнымъ видамъ сего общества, не оставляя въ польскихъ губерніяхъ, гдѣ они думали распространять безразсудный польскій націонализмъ, посредствомъ

1) Копія въ архивѣ Новороссійскаго университета, личное дѣло Мицкевича.

обученія, предоставить Министру Народнаго Просвѣщенія употребить по части училищной въ отдаленныхъ отъ Польши губерніяхъ, впредь до разрѣшенія имъ возвратиться на свою родину».

Въ исполненіе сего, Г. Попечитель Виленскаго учебнаго округа, выславъ сихъ студентовъ въ Петербургъ, доставилъ мнѣ имянный имъ списокъ съ отмѣткою противъ каждаго имени, къ какому занятію или въ какую должность по своимъ способностямъ и собственному желанію кто изъ нихъ употребленъ быть можетъ.

Разсмотрѣвъ сіи объясненія, нашелъ я, что большая изъ нихъ часть, по несовершенному знанію русскаго языка, не могутъ преподавать наукъ на семъ языкѣ, и слѣдственно, не могутъ принести большой пользы русскимъ училищамъ.

Донося о семъ всеподданѣйше Государю Императору, испрашивалъ я Высочайшаго Его дозволенія изъ числа сихъ студентовъ тѣхъ, кои пожелаютъ быть учителями, принять на учительскія ваканціи внѣ польскихъ губерній, а другимъ разрѣшить опредѣленіе въ службу Его Императорскаго Величества, по собственному ихъ желанію, здѣсь въ С.-Петербургѣ или въ другихъ отдаленныхъ отъ Польши губерніяхъ, предоставя всѣмъ имъ право вступить въ службу классами, соотвѣтствующими той ученой степени, которую они получили въ Виленскомъ университетѣ.

На сіе получилъ я Высочайше Его Императорскаго Величества повелѣніе: здѣсь въ Петербургѣ никого не оставлять, а размѣстить въ другіе только не польскіе города, сдѣлавъ нужныя для нихъ пособія.

Во исполненіе сей Высочайшей воли приказалъ я отобрать отъ сихъ студентовъ свѣдѣніе, въ какой родъ службы и куда, именно, кто изъ нихъ поступить желаетъ.

Изъ числа означенныхъ студентовъ кандидатъ Адамъ Мицкевичъ, объявившій желаніе служить при Ришельевскомъ лицеѣ, по сдѣланному мною распоряженію, былъ туда отправленъ для опредѣленія къ должности, способностямъ и знаніямъ его соотвѣтственной.

Впослѣдствіи Государь Императоръ Высочайше повелѣть мнѣ

соизволилъ: бывшихъ студентовъ Виленскаго университета, высланныхъ сюда по послѣднимъ происшествіямъ, не оставляя при Ришельевскомъ лицеѣ и вообще въ южныхъ губерніяхъ, перемѣстить въ другія россійскія губерніи, по собственному ихъ избранію и въ такой родъ службы, въ какой они пожелаютъ сами, также по недостаточному ихъ состоянію сдѣлать имъ нужное по сему случаю пособіе.

Вслѣдствіе сего, помянутый кандидатъ Мицкевичъ изъявилъ нынѣ желаніе служить при Московскомъ Архивѣ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ.

Посему покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство увѣдомить меня, можетъ-ли Мицкевичъ опредѣленъ быть, по желанію его, въ означенный Архивъ, съ назначеніемъ приличнаго жалованья?

Съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть Вашего Превосходительства покорнѣйшимъ слугою.

Александръ Шишковъ.

№ 1202.
С.-Петербургъ. 24 апрѣля 1825.

Его Превосходительству П. Г. Дивову [1]).

24.

Милостивый Государь, Александръ Семеновичъ. Я имѣлъ честь получить отношеніе Вашего Высокопревосходительства, подъ № 1202, въ которомъ Вы изъяснили желаніе имѣть свѣдѣніе, можетъ-ли кандидатъ Мицкевичъ быть опредѣленъ въ Московскій Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ Архивъ.

На сіе долгомъ моимъ поставляю отвѣтствовать, что по великому числу людей, состоящихъ въ вѣдомствѣ сего архива, я не

1) Копія въ архивѣ М. Н. П., дѣло № 130263.

нахожу удобности помѣстить приономъ кандидата Мицкевича. При томъ же Московскій Архивъ не имѣетъ нисколько свободной суммы, изъ которой можно бы было назначить Мицкевичу даже и самое малое жалованье, отъ чего многіе, съ давняго уже времени служащіе при Архивѣ чиновники и понынѣ онаго не получаютъ.

Есмь съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью Вашего Высокопревосходительства покорнѣйшимъ слугою.

Павелъ Дивовъ.

№ 2571.
Апрѣля 28 дня 1825 года.

Его Высокопревосходительству А. С. Шишкову [1]).

25.

СЕКРЕТНО.

Милостивый Государь мой, графъ Иванъ Осиповичъ. Ваше Сіятельство отношеніемъ, отъ 3 минувшаго апрѣля, увѣдомили меня, что кандидатъ Виленскаго университета Мицкевичъ изъявилъ желаніе служить при Московскомъ Архивѣ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ.

Вслѣдствіе сего, относился я къ управляющему означенною Коллегіею г. тайному совѣтнику Дивову объ опредѣленіи Мицкевича по желанію его въ помянутый Архивъ, съ приличнымъ жалованьемъ.

---

1) Подлинникъ въ архивѣ М. Н. П., дѣло № 130263, съ помѣтками: «№ 2082, 29 апрѣля 1825» и «№ 1378»; внизу приписано: «Въ департаментъ народнаго просвѣщенія»; на полѣ же съ лѣвой стороны написано: «Г. Министръ приказалъ увѣдомить о семъ графа Витте, просить его объявить о томъ Мицкевичу и, истребовавъ отъ него свѣдѣніе, куда онъ опредѣленъ быть желаетъ, увѣдомить о томъ Его Высокопревосходительство, для дальнѣйшаго распоряженія. 1 мая 1825».

Онъ увѣдомилъ меня нынѣ, что по великому числу людей, состоящихъ въ вѣдомствѣ сказаннаго Архива, не находитъ удобности помѣстить при ономъ кандидата Мицкевича, тѣмъ болѣе, что Архивъ сей не имѣетъ нисколько свободной суммы, изъ которой можно бы было назначить Мицкевичу и самое малое жалованье.

Посему покорнѣйше прошу Васъ, Милостивый Государь мой, приказать объявить объ этомъ Мицкевичу и, истребовавъ отъ него свѣдѣніе, куда онъ опредѣленъ быть желаетъ, меня о томъ увѣдомить, для учиненія дальнѣйшихъ распоряженій.

Съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть Вашего Сіятельства покорнѣйшимъ слугою.

Александръ Шишковъ.

Начальникъ стола Зубковскій.

№ 1265.

Въ С.-Петербургѣ, 5 мая 1825.

Его Сіятельству Графу И. О. Витте [1]).

26.

СЕКРЕТНО.

Министерство Народнаго Просвѣщенія. Управленіе Ришельевскимъ Лицеемъ. 9 іюня 1825. № 255. Въ Елисаветградѣ. Относительно опредѣленія на службу кандидата Мицкевича.

Г. Исправляющему временно должность директора Ришельевскаго Лицея.

Согласно съ желаніемъ кандидата Виленскаго университета Мицкевича, представилъ я Г. Министру Народнаго Просвѣщенія о доставленіи ему Мицкевичу мѣста по службѣ при Московскомъ Архивѣ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ.

---

1) Копія въ архивѣ М. Н. П., дѣло № 130263.

Нынѣ Г. Министръ сообщилъ мнѣ, что по сношенію съ Управляющимъ означенною Коллегіею г. тайнымъ совѣтникомъ Дивовымъ, Его Высокопревосходительство получилъ извѣщеніе, что по великому числу людей, состоящихъ въ вѣдомствѣ означеннаго Архива, не находитъ удобности помѣстить приономъ кандидата Мицкевича, тѣмъ болѣе, что Архивъ сей не имѣетъ нисколько свободной суммы, изъ которой можно бы было назначить Мицкевичу и самое малое жалованье.

По сему предписываю Вамъ объявить о семъ Мицкевичу, и, истребовавъ отъ него свѣдѣніе, куда онъ опредѣленъ быть желаетъ, донести мнѣ беззамедлительно для представленія Г. Министру Народнаго Просвѣщенія.

Управляющій лицеемъ, генералъ-лейтенантъ Графъ Витте.

Въ должности письмоводителя Н. Изюмовъ [1]).

27.

Ваше Высокородіе! Вслѣдствіе объявленнаго мнѣ новаго предписанія относительно выбора службы, я имѣю честь изъявить желаніе служить въ канцеляріи Г. Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора. При томъ я осмѣливаюсь просить о снабженіе меня дарованнымъ Высочайшею милостью пособіемъ и о истребованіе изъ Виленскаго университета аттестатовъ о прежней моей службѣ.

Вашего Высокоблагородія покорный слуга

Адамъ Мицкевичъ К(андидатъ) Ф(илософіи).

28 іюня 1825. Одесса [2]).

---

1) Подлинникъ, въ архивѣ Новороссійскаго Университета, съ помѣткою: «получ. 13 іюня 825».

2) Автографъ въ архивѣ М. Н. П., дѣло № 130263, fol. 180; копія въ архивѣ Новороссійскаго Университета.

28.

Г. Управляющему Ришельевскимъ Лицеемъ Генералъ-Лейтенанту и Кавалеру графу И. О. Витте.

Предписаніе Вашего Сіятельства, отъ 9 іюня, № 255, относительно опредѣленія въ службу кандидата Виленскаго университета Мицкевича, объявлено ему тотчасъ по полученіи мною онаго предписанія. Нынѣ, получивъ отъ него отзывъ, съ изъявленіемъ желанія служить въ канцеляріи Г. Московскаго Генералъ-Губернатора, при семъ въ подлинникѣ Вашему Сіятельству представить честь имѣю.

И. д. директора надворный совѣтникъ Дудровичъ.

№ 660. 29 іюня 1825. [1]).

29.

Дудровичъ Могилевскому [2]).

Что касается до поведенія Ежовскаго и связей его, долгомъ себѣ поставляю увѣдомить Ваше Высокородіе, что какъ онъ не состоитъ на службѣ при Лицеѣ, а только пользуется въ ономъ квартирою и пищею до пріисканія себѣ должности, согласно предписанію Начальства, то я до полученія Вашего отношенія не могъ имѣть за нимъ особеннаго наблюденія. Потому относительно сего теперь могу довести до свѣдѣнія Вашего Высокородія только,

---

1) Копія въ архивѣ Новороссійскаго Университета въ Одессѣ.

2) Одесскій градоначальникъ статскій совѣтникъ С. И. Могилевскій, 3 іюля 1825 года, за № 4500, просилъ и. д. директора Ришельевскаго Лицея Дудровича секретно увѣдомить его о поведеніи и связяхъ Осипа Ежовскаго, такъ какъ Великій Князь Константинъ Павловичъ поручилъ Новороссійскому Генералъ-Губернатору графу М. С. Воронцову учредить секретный и бдительный надзоръ за поведеніемъ Ежовскаго, потому что онъ продолжаетъ съ жителями польскихъ губерній переписку, скрывающую въ себѣ ту же цѣль, какую имѣло общество филаретовъ.

что занимаетъ квартиру во внутренней части лицейскаго зданія, вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ кандидатомъ Виленскаго университета Адамомъ Мицкевичемъ, который на томъ же вышеозначенномъ основаніи былъ присланъ отъ Г. Министра въ Ришельевскій лицей и остается въ ономъ безъ должности, въ ожиданіи разрѣшенія Начальства о помѣщеніи его на службу, сообразно его желанію, при Г. Московскомъ Генералъ-Губернаторѣ, и что онъ Ежовскій большею частью находится въ отлучкѣ изъ дому Лицея, вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ; иногда только обѣдаетъ или ужинаетъ у эконома Лицея.

Доводя о семъ до свѣдѣнія Вашего Высокородія, долгъ имѣю присовокупить, что, по причинѣ безпрерывнаго почти отсутствія кандидата Ежовскаго изъ дому Лицея, градская полиція удобнѣе можетъ доставлять подробныя свѣдѣнія о поведеніи его и связяхъ въ городѣ, согласно предписанію Г. Генералъ-Губернатора; а я, со своей стороны, соотвѣтственно тому же предписанію, съ сего времени, впредь до его отъѣзда въ Москву, не премину имѣть ближайшее наблюденіе за его поступками въ самомъ домѣ заведенія и буду имѣть честь, по меньшей мѣрѣ одинъ разъ въ недѣлю, доводить о томъ до свѣдѣнія Вашего Высокородія.

Одесса, 3 іюля 1825 года, № 679 [1]).

30.

Дудровичъ Могилевскому.

На отношеніе Вашего Высокородія, отъ 3 іюля текущаго, № 4500, я тогда же имѣлъ честь отвѣтствовать. Согласно оному, имѣвъ наблюденіе за поступками кандидата Виленскаго университета Осипа Ежовскаго въ самомъ домѣ лицея, въ теченіе не-

---

1) Копія въ архивѣ Новороссійскаго Университета.

дѣли, то есть, съ 4 по 11 число текущаго мѣсяца, замѣтилъ я, что Ежовскій часто выходилъ въ городъ одинъ или съ товарищемъ своимъ г. Мицкевичемъ; въ теченіе дня многократно возвращался на квартиру, въ иные дни позже 10 часовъ вечера, также одинъ, или съ означеннымъ товарищемъ. Къ нимъ обоимъ на квартиру часто приходилъ нѣкто изъ числа филаретовъ г. Малевскій, пріѣхавшій въ Одессу вмѣстѣ съ ними, для поступленія на службу къ Г. Новороссійскому Генералъ-Губернатору. Сверхъ того, заходили къ нимъ два неизвѣстные мнѣ поляка. Знакомства и связей его Ежовскаго съ чиновниками Лицея я доселѣ не замѣтилъ никакихъ, кромѣ того, что за отсутствіемъ на время, назначенное въ заведеніи для обѣда и ужина, иногда заходилъ онъ обѣдать или ужинать къ эконому Лицея г. Богдановичу, а обыкновенно, сколько мнѣ возможно было провѣдать, обѣдаетъ и ужинаетъ въ гостинницѣ, называемой клубомъ, вмѣстѣ съ упомянутыми товарищами своими Мицкевичемъ и Малевскимъ. О чемъ имѣю честь довести до свѣдѣнія Вашего Высокородія, согласно отношенію Вашему ко мнѣ, отъ 3 іюля.

Одесса, 11 іюля 1825 года, № 722. [1]).

31.

СЕКРЕТНО.

Милостивый Государь, Александръ Семеновичъ! По предложенію Вашего Высокопревосходительства, отъ 5 мая сего года, № 1265, требовалъ я черезъ мѣстное начальство Ришельевскаго лицея свѣдѣніе отъ кандидата Виленскаго университета Мицкевича, куда онъ опредѣленъ быть желаетъ, исключая Московскаго

---

1) Копія въ архивѣ Новороссійскаго Университета. 18 іюля 1825 года, за № 761, Дудровичъ сообщилъ Могилевскому, что Ежовскій 17 іюля, послѣ обѣда, выбрался изъ дому Лицея и отправился въ Москву, и что поведеніе его, съ 11 по 17 іюля, было такое же, какъ на прошедшей недѣлѣ.

Архива Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, по неимѣнію въономъ Архивѣ мѣста.

Вслѣдствіе того, кандидатъ Мицкевичъ далъ письменный отзывъ и. д. директора Ришельевскаго лицея, что онъ желаетъ служить въ канцеляріи Г. Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора. Подлинный отзывъ Мицкевича относительно сего предмета при семъ представляю.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью честь имѣю быть Вашего Высокопревосходительства всепокорнѣйшій слуга

Графъ Витте.

№ 350.

Въ Елисаветградѣ, 17 августа 1825.

Его Высокопревосходительству А. С. Шишкову [1]).

32.

СЕКРЕТНО.

Милостивый Государь, Князь Дмитрій Владимировичъ! Высочайше конфирмированнымъ въ 14 день августа прошлаго 1824 года . . . . [*какъ выше № 23*] . . . . сдѣлать имъ нужное по сему случаю пособіе.

Вслѣдствіе сего, Г. Управляющій Ришельевскимъ лицеемъ, 17 минувшаго августа, за № 350, донесъ мнѣ, что помянутый кандидатъ Мицкевичъ объявилъ желаніе служить въ канцеляріи Вашего Сіятельства.

Посему покорнѣйше прошу Васъ, Милостивый Государь, увѣдомить меня, можетъ-ли Мицкевичъ быть опредѣленъ, по желанію его, въ канцелярію Вашего Сіятельства, съ назначеніемъ приличнаго жалованья.

---

1) Подлинникъ въ архивѣ М. Н. П., дѣло № 130263, съ помѣткою: «№ 4158, 29 августа 1825»; на полѣ написано: «Г. Министръ приказалъ: писать къ Г. Московскому Генералъ-Губернатору. 29 августа 1825».

стивый Государь мой, что кандидатъ философіи Мицкевичъ, объявившій желаніе служить въ моей канцеляріи, опредѣленъ въ оную быть можетъ, но на счетъ жалованья ему долженъ я сказать, что онаго опредѣлить прежде нельзя, пока не покажетъ онъ на самомъ дѣлѣ своихъ способностей и усердія къ службѣ.

А какъ сей Мицкевичъ есть изъ числа членовъ филоматскаго общества, коего виды признаны Правительствомъ предосудительными и о которомъ я не имѣю ни малѣйшаго свѣдѣнія, то и прошу покорнѣйше Ваше Высокопревосходительство почтить меня благосклоннымъ извѣщеніемъ о тѣхъ правилахъ, коими сіе общество, такъ же и филареты, руководствовались, дабы можно было знать, какой надзоръ за людьми сего рода имѣть должно.

Имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ и таковою же преданностью Вашего Высокопревосходительства покорнѣйшій слуга

Князь Димитрій Голицынъ.

№ 83, 19 сентября 1825. Москва.

Его Высокопревосходительству А. С. Шишкову [1]).

35.

СЕКРЕТНО.

Милостивый Государь мой, князь Дмитрій Владимировичъ. На отношеніе Вашего Сіятельства, отъ 19 сего сентября, за № 83, о доставленіи Вамъ свѣдѣній о правилахъ, коими филоматы и филареты руководствовались, честь имѣю сообщить слѣдующее:

Духъ преобразованія умовъ, поселившійся въ большей части

1) Подлинникъ въ архивѣ М. Н. П., дѣло № 130263, съ помѣтками: «№ 4583, 24 сентября 1825» и «исполнено 26 сентября № 1007 и 1008»; на полѣ написано: «Г. Министръ приказалъ увѣдомить о семъ по принадлежности и притомъ сообщить князю Голицыну кратко, въ чемъ главнѣйше заключались правила филоматовъ и филаретовъ. 24 сентября 1825».

Онъ увѣдомилъ меня нынѣ, что по великому числу людей, состоящихъ въ вѣдомствѣ сказаннаго Архива, не находитъ удобности помѣстить при ономъ кандидата Мицкевича, тѣмъ болѣе, что Архивъ сей не имѣетъ нисколько свободной суммы, изъ которой можно бы было назначить Мицкевичу и самое малое жалованье.

Посему покорнѣйше прошу Васъ, Милостивый Государь мой, приказать объявить объ этомъ Мицкевичу и, истребовавъ отъ него свѣдѣніе, куда онъ опредѣленъ быть желаетъ, меня о томъ увѣдомить, для учиненія дальнѣйшихъ распоряженій.

Съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть Вашего Сіятельства покорнѣйшимъ слугою.

Александръ Шишковъ.

Начальникъ стола Зубковскій.

№ 1265.
Въ С.-Петербургѣ, 5 мая 1825.

Его Сіятельству Графу И. О. Витте [1]).

26.

СЕКРЕТНО.

Министерство Народнаго Просвѣщенія. Управленіе Ришельевскимъ Лицеемъ. 9 іюня 1825. № 255. Въ Елисаветградѣ. Относительно опредѣленія на службу кандидата Мицкевича.

Г. Исправляющему временно должность директора Ришельевскаго Лицея.

Согласно съ желаніемъ кандидата Виленскаго университета Мицкевича, представилъ я Г. Министру Народнаго Просвѣщенія о доставленіи ему Мицкевичу мѣста по службѣ при Московскомъ Архивѣ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ.

---

1) Копія въ архивѣ М. Н. П., дѣло № 130263.

Нынѣ Г. Министръ сообщилъ мнѣ, что по сношенію съ Управляющимъ означенною Коллегіею г. тайнымъ совѣтникомъ Дивовымъ, Его Высокопревосходительство получилъ извѣщеніе, что по великому числу людей, состоящихъ въ вѣдомствѣ означеннаго Архива, не находитъ удобности помѣстить при ономъ кандидата Мицкевича, тѣмъ болѣе, что Архивъ сей не имѣетъ нисколько свободной суммы, изъ которой можно бы было назначить Мицкевичу и самое малое жалованье.

По сему предписываю Вамъ объявить о семъ Мицкевичу, и, истребовавъ отъ него свѣдѣніе, куда онъ опредѣленъ быть желаетъ, донести мнѣ беззамедлительно для представленія Г. Министру Народнаго Просвѣщенія.

Управляющій лицеемъ, генералъ-лейтенантъ Графъ Витте.

Въ должности письмоводителя Н. Изюмовъ [1]).

27.

Ваше Высокородіе! Вслѣдствіе объявленнаго мнѣ новаго предписанія относительно выбора службы, я имѣю честь изъявить желаніе служить въ канцеляріи Г. Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора. При томъ я осмѣливаюсь просить о снабженіе меня дарованнымъ Высочайшею милостью пособіемъ и о истребованіе изъ Виленскаго университета аттестатовъ о прежней моей службѣ.

Вашего Высокоблагородія покорный слуга

Адамъ Мицкевичъ К(андидатъ) Ф(илософіи).

28 іюня 1825. Одесса [2]).

---

1) Подлинникъ, въ архивѣ Новороссійскаго Университета, съ помѣткою: «получ. 13 іюня 825».

2) Автографъ въ архивѣ М. Н. П., дѣло № 130263, fol. 180; копія въ архивѣ Новороссійскаго Университета.

28.

Г. Управляющему Ришельевскимъ Лицеемъ Генералъ-Лейтенанту и Кавалеру графу И. О. Витте.

Предписаніе Вашего Сіятельства, отъ 9 іюня, № 255, относительно опредѣленія въ службу кандидата Виленскаго университета Мицкевича, объявлено ему тотчасъ по полученіи мною онаго предписанія. Нынѣ, получивъ отъ него отзывъ, съ изъявленіемъ желанія служить въ канцеляріи Г. Московскаго Генералъ-Губернатора, при семъ въ подлинникѣ Вашему Сіятельству представить честь имѣю.

И. д. директора надворный совѣтникъ Дудровичъ.

№ 660. 29 іюня 1825. [1]).

29.

Дудровичъ Могилевскому [2]).

Что касается до поведенія Ежовскаго и связей его, долгомъ себѣ поставляю увѣдомить Ваше Высокородіе, что какъ онъ не состоитъ на службѣ при Лицеѣ, а только пользуется въономъ квартирою и пищею до пріисканія себѣ должности, согласно предписанію Начальства, то я до полученія Вашего отношенія не могъ имѣть за нимъ особеннаго наблюденія. Потому относительно сего теперь могу довести до свѣдѣнія Вашего Высокородія только,

---

1) Копія въ архивѣ Новороссійскаго Университета въ Одессѣ.

2) Одесскій градоначальникъ статскій совѣтникъ С. И. Могилевскій, 3 іюля 1825 года, за № 4500, просилъ и. д. директора Ришельевскаго Лицея Дудровича секретно увѣдомить его о поведеніи и связяхъ Осипа Ежовскаго, такъ какъ Великій Князь Константинъ Павловичъ поручилъ Новороссійскому Генералъ-Губернатору графу М. С. Воронцову учредить секретный и бдительный надзоръ за поведеніемъ Ежовскаго, потому что онъ продолжаетъ съ жителями польскихъ губерній переписку, скрывающую въ себѣ ту же цѣль, какую имѣло общество филаретовъ.

что занимаетъ квартиру во внутренней части лицейскаго зданія, вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ кандидатомъ Виленскаго университета Адамомъ Мицкевичемъ, который на томъ же вышеозначенномъ основаніи былъ присланъ отъ Г. Министра въ Ришельевскій лицей и остается въ ономъ безъ должности, въ ожиданіи разрѣшенія Начальства о помѣщеніи его на службу, сообразно его желанію, при Г. Московскомъ Генералъ-Губернаторѣ, и что онъ Ежовскій большею частью находится въ отлучкѣ изъ дому Лицея, вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ; иногда только обѣдаетъ или ужинаетъ у эконома Лицея.

Доводя о семъ до свѣдѣнія Вашего Высокородія, долгъ имѣю присовокупить, что, по причинѣ безпрерывнаго почти отсутствія кандидата Ежовскаго изъ дому Лицея, градская полиція удобнѣе можетъ доставлять подробныя свѣдѣнія о поведеніи его и связяхъ въ городѣ, согласно предписанію Г. Генералъ-Губернатора; а я, со своей стороны, соотвѣтственно тому же предписанію, съ сего времени, впредь до его отъѣзда въ Москву, не премину имѣть ближайшее наблюденіе за его поступками въ самомъ домѣ заведенія и буду имѣть честь, по меньшей мѣрѣ одинъ разъ въ недѣлю, доводить о томъ до свѣдѣнія Вашего Высокородія.

Одесса, 3 іюля 1825 года, № 679 [1]).

30.

Дудровичъ Могилевскому.

На отношеніе Вашего Высокородія, отъ 3 іюля текущаго, № 4500, я тогда же имѣлъ честь отвѣтствовать. Согласно оному, имѣвъ наблюденіе за поступками кандидата Виленскаго университета Осипа Ежовскаго въ самомъ домѣ лицея, въ теченіе не-

1) Копія въ архивѣ Новороссійскаго Университета.

дѣли, то есть, съ 4 по 11 число текущаго мѣсяца, замѣтилъ я, что Ежовскій часто выходилъ въ городъ одинъ или съ товарищемъ своимъ г. Мицкевичемъ; въ теченіе дня многократно возвращался на квартиру, въ иные дни позже 10 часовъ вечера, также одинъ, или съ означеннымъ товарищемъ. Къ нимъ обоимъ на квартиру часто приходилъ нѣкто изъ числа Филаретовъ г. Малевскій, пріѣхавшій въ Одессу вмѣстѣ съ ними, для поступленія на службу къ Г. Новороссійскому Генералъ-Губернатору. Сверхъ того, заходили къ нимъ два неизвѣстные мнѣ поляка. Знакомства и связей его Ежовскаго съ чиновниками Лицея я доселѣ не замѣтилъ никакихъ, кромѣ того, что за отсутствіемъ на время, назначенное въ заведеніи для обѣда и ужина, иногда заходилъ онъ обѣдать или ужинать къ эконому Лицея г. Богдановичу, а обыкновенно, сколько мнѣ возможно было провѣдать, обѣдаетъ и ужинаетъ въ гостинницѣ, называемой клубомъ, вмѣстѣ съ упомянутыми товарищами своими Мицкевичемъ и Малевскимъ. О чемъ имѣю честь довести до свѣдѣнія Вашего Высокородія, согласно отношенію Вашему ко мнѣ, отъ 3 іюля.

Одесса, 11 іюля 1825 года, № 722. [1]).

31.

СЕКРЕТНО.

Милостивый Государь, Александръ Семеновичъ! По предложенію Вашего Высокопревосходительства, отъ 5 мая сего года, № 1265, требовалъ я черезъ мѣстное начальство Ришельевскаго лицея свѣдѣніе отъ кандидата Виленскаго университета Мицкевича, куда онъ опредѣленъ быть желаетъ, исключая Московскаго

---

1) Копія въ архивѣ Новороссійскаго Университета. 18 іюля 1825 года, за № 761, Дудровичъ сообщилъ Могилевскому, что Ежовскій 17 іюля, послѣ обѣда, выбрался изъ дому Лицея и отправился въ Москву, и что поведеніе его, съ 11 по 17 іюля, было такое же, какъ на прошедшей недѣлѣ.

Архива Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, по неимѣнію въ ономъ Архивѣ мѣста.

Вслѣдствіе того, кандидатъ Мицкевичъ далъ письменный отзывъ и. д. директора Ришельевскаго лицея, что онъ желаетъ служить въ канцеляріи Г. Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора. Подлинный отзывъ Мицкевича относительно сего предмета при семъ представляю.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью честь имѣю быть Вашего Высокопревосходительства всепокорнѣйшій слуга

Графъ Витте.

№ 350.

Въ Елисаветградѣ, 17 августа 1825.

Его Высокопревосходительству А. С. Шишкову [1]).

32.

СЕКРЕТНО.

Милостивый Государь, Князь Дмитрій Владимировичъ! Высочайше конфирмированнымъ въ 14 день августа прошлаго 1824 года . . . . [*какъ выше № 23*] . . . . сдѣлать имъ нужное по сему случаю пособіе.

Вслѣдствіе сего, Г. Управляющій Ришельевскимъ лицеемъ, 17 минувшаго августа, за № 350, донесъ мнѣ, что помянутый кандидатъ Мицкевичъ объявилъ желаніе служить въ канцеляріи Вашего Сіятельства.

Посему покорнѣйше прошу Васъ, Милостивый Государь, увѣдомить меня, можетъ-ли Мицкевичъ быть опредѣленъ, по желанію его, въ канцелярію Вашего Сіятельства, съ назначеніемъ приличнаго жалованья.

---

1) Подлинникъ въ архивѣ М. Н. П., дѣло № 130263, съ помѣткою: «№ 4158, 29 августа 1825»; на полѣ написано: «Г. Министръ приказалъ: писать къ Г. Московскому Генералъ-Губернатору. 29 августа 1825».

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть Вашего Сіятельства покорнѣйшій слуга

Александръ Шишковъ.

№ 967. 18 Сентября 1825.

Его Сіятельству Князю Д. В. Голицыну [1]).

33.

Господину Попечителю Виленскаго Учебнаго Округа.

Изъ числа студентовъ Виленскаго университета, высланныхъ оттуда по извѣстнымъ Вашему Высокопревосходительству происшествіямъ, кандидатъ философіи Мицкевичъ имѣетъ надобность въ свидѣтельствѣ на степень кандидата.

Посему я покорнѣйше прошу Ваше Высокопревосходительство доставить мнѣ помянутое свидѣтельство.

Министръ Народнаго Просвѣщенія, Александръ Шишковъ.

Директоръ, Князь Ширинскій-Шахматовъ.

№ 968.
18 сентября 1825. [2]).

34.

СЕКРЕТНО.

Милостивый Государь мой, Александръ Семеновичъ! Въ отвѣтъ на отношеніе Вашего Высокопревосходительства, отъ 11 числа сего мѣсяца, № 967, имѣю честь увѣдомить Васъ, Мило-

---

1) Копія въ архивѣ М. Н. П., дѣло № 130263.

2) Копія, тамъ же, съ помѣткою: «къ № 4158, секретно».

стивый Государь мой, что кандидатъ философіи Мицкевичъ, объявившій желаніе служить въ моей канцеляріи, опредѣленъ въ оную быть можетъ, но на счетъ жалованья ему долженъ я сказать, что онаго опредѣлить прежде нельзя, пока не покажетъ онъ на самомъ дѣлѣ своихъ способностей и усердія къ службѣ.

А какъ сей Мицкевичъ есть изъ числа членовъ филоматскаго общества, коего виды признаны Правительствомъ предосудительными и о которомъ я не имѣю ни малѣйшаго свѣдѣнія, то и прошу покорнѣйше Ваше Высокопревосходительство почтить меня благосклоннымъ извѣщеніемъ о тѣхъ правилахъ, коими сіе общество, такъ же и филареты, руководствовались, дабы можно было знать, какой надзоръ за людьми сего рода имѣть должно.

Имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ и таковою же преданностью Вашего Высокопревосходительства покорнѣйшій слуга

Князь Димитрій Голицынъ.

№ 83, 19 сентября 1825. Москва.

Его Высокопревосходительству А. С. Шишкову [1]).

35.

СЕКРЕТНО.

Милостивый Государь мой, князь Дмитрій Владимировичъ. На отношеніе Вашего Сіятельства, отъ 19 сего сентября, за № 83, о доставленіи Вамъ свѣдѣній о правилахъ, коими филоматы и филареты руководствовались, честь имѣю сообщить слѣдующее:

Духъ преобразованія умовъ, поселившійся въ большей части

1) Подлинникъ въ архивѣ М. Н. П., дѣло № 130263, съ помѣтками: «№ 4583, 24 сентября 1825» и «исполнено 26 сентября № 1007 и 1008»; на полѣ написано: «Г. Министръ приказалъ увѣдомить о семъ по принадлежности и притомъ сообщить князю Голицыну кратко, въ чемъ главнѣйше заключались правила филоматовъ и филаретовъ. 24 сентября 1825».

нѣмецкихъ университетовъ, а также въ Варшавскомъ и Краковскомъ, водворился было и въ училищахъ, принадлежащихъ къ Виленскому учебному округу. Два общества въ одной изъ гимназій и три въ университетѣ: филоматовъ, променистовъ и филаретовъ, подъ скромнымъ предлогомъ усовершенствованія въ наукахъ, имѣли въ предположеніи образовать наставниковъ юношества въ одномъ извѣстномъ направленіи ума и тѣмъ самымъ дѣйствовать успѣшнѣйшимъ образомъ на воспитаніе всего будущаго поколѣнія, внушеніемъ въ юные умы и сердца закоснѣлой ненависти противу Россіи и мечтанія о возстановленіи независимости Польши, подобно тому, какъ въ Германіи студентскія общества имѣли въ предметѣ возстановленіе общаго германскаго владѣнія. Какъ тамъ, такъ и здѣсь, тайная цѣль соединенія была революція въ умахъ.

По произведеніи подробнаго по сему предмету слѣдствія, Высочайше утвержденъ былъ особый Комитетъ для разсмотрѣнія дѣлъ, относящихся до безпорядковъ, случившихся въ Виленскомъ университетѣ.

Журналомъ сего Комитета, Высочайше утвержденнымъ въ 14 день августа 1824 года, между прочимъ постановлено: «Хотя вина учрежденія тайныхъ обществъ филоматовъ и филаретовъ и участвованія въ оныхъ падаетъ на всѣхъ вообще сочленовъ, но принимая въ уваженіе, что они были вовлечены въ сей проступокъ примѣромъ старшихъ сотоварищей и вліяніемъ господствующаго духа времени и что бо̀льшая изъ нихъ часть находилась въ теченіи семи мѣсяцевъ подъ строгимъ арестомъ, то, взыскавъ съ нихъ въ равной части издержки, на производство слѣдствія употребленныя, отъ дальнѣйшей отвѣтственности ихъ освободить, за исключеніемъ однакожъ нижеслѣдующихъ».

«2. Десять человѣкъ филоматскаго общества, кои посвятили себя учительскому званію, а также и тѣхъ изъ филаретовъ, кои оказались дѣятельнѣйшими по предосудительнымъ видамъ общества, не оставляя въ польскихъ губерніяхъ, гдѣ они думали распространить безразсудный польскій націонализмъ посредствомъ

обученія, употребить по части училищной въ отдаленныхъ отъ Польши губерніяхъ, впредь до разрѣшенія имъ возвратиться на свою родину».

Къ числу подходящихъ подъ сей 2-ой пунктъ положенія Комитета принадлежитъ и кандидатъ Мицкевичъ, о коемъ всѣ дальнѣйшія подробности извѣстны Вашему Сіятельству изъ отношенія моего, отъ 11 сентября, за № 967.

Что касается до жалованья, которое Вы, Милостивый Государь мой, полагаете назначить Мицкевичу не прежде, какъ когда онъ покажетъ на самомъ дѣлѣ свои способности и усердіе къ службѣ, то я долгомъ поставляю увѣдомить Ваше Сіятельство, что воля Государя Императора при изданіи Высочайшаго повелѣнія о размѣщеніи Виленскихъ кандидатовъ и студентовъ во внутреннія губерніи состояла въ томъ, чтобы они, по бѣдности своей, получали нужное пособіе. Посему ежели Ваше Сіятельство не изволите находить возможнымъ теперь назначить приличнаго жалованья, то не угодно ли будетъ назначить ему на первый разъ хотя такое, чтобы онъ не нуждался въ самыхъ необходимыхъ потребностяхъ. При семъ неизлишнимъ считаю извѣстить Ваше Сіятельство, что я вмѣстѣ съ симъ предложилъ Управляющему Одесскимъ лицеемъ графу Витте объ отправленіи Мицкевича изъ Одессы въ Москву на казенный счетъ, съ тѣмъ, чтобы онъ по прибытіи явился къ Вашему Сіятельству.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть Вашего Сіятельства покорнѣйшій слуга.

Александръ Шишковъ.

№ 1007. 26 сентября 1825.

Его Сіятельству Князю Д. В. Голицыну [1]).

---

1) Копія въ архивѣ М. Н. П., дѣло № 130263, съ помѣткою: «по № 4583».

36.

СЕКРЕТНО.

Милостивый Государь мой, графъ Иванъ Осиповичъ. По отношенію Вашего Сіятельства, отъ 17 августа, № 350, о желаніи кандидата Мицкевича служить въ канцеляріи Г. Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора, относился я къ князю Д. В. Голицыну, который увѣдомляетъ меня, что Мицкевичъ можетъ быть опредѣленъ въ его канцелярію.

Посему я покорнѣйше прошу Ваше Сіятельство распорядиться объ отправленіи Мицкевича въ Москву, снабдивъ его казенною подорожною, прогонными деньгами и пособіемъ такимъ, какое получилъ кандидатъ Ежовскій, то есть, 300 рублей.

Деньги сіи въ свое время будутъ возвращены въ Правленіе лицея.

Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью имѣю честь быть Вашего Сіятельства покорнѣйшій слуга.

Александръ Шишковъ.

№ 1008, 26 сентября 1825.

Его Сіятельству графу И. О. Витте [1])

37.

СЕКРЕТНО.

Министерство Народнаго Просвѣщенія. Управленіе Ришельевскимъ лицеемъ. 15 октября 1825. Елисаветградъ. № 448.

Господину и. д. директора Ришельевскаго лицея надворному совѣтнику Дудровичу.

По донесенію Вашему, отъ 29 іюня сего года, о желаніи кандидата Мицкевича служить въ канцеляріи Г. Московскаго Во-

---

1) Подлинникъ въ архивѣ М. Н. П., дѣло № 130263, съ помѣткою: «по № 4158».

еннаго Генералъ-Губернатора, я входилъ съ представленіемъ къ Г. Министру Народнаго Просвѣщенія, который, по учиненному сношенію съ княземъ Д. В. Голицынымъ, увѣдомилъ меня, отъ 26 минувшаго сентября, что Мицкевичъ можетъ быть опредѣленъ въ его канцелярію.

Вслѣдствіе того, Его Высокопревосходительство предписать изволилъ распорядиться объ отправленіи Мицкевича въ Москву, снабдить его казенною подорожною, прогонными на двѣ лошади деньгами и пособіемъ такимъ, какое получилъ кандидатъ Ежовскій, то есть, 300 руб., съ тѣмъ, что деньги сіи, всего 465 руб. 61 коп., въ свое время будутъ возвращены въ Правленіе лицея.

Сообразно такому предписанію Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, предлагаю Вамъ объявить кандидату Мицкевичу и доложить о семъ Правленію Ришельевскаго лицея для должнаго со стороны онаго распоряженія и исполненія.

Управляющій Ришельевскимъ лицеемъ

Генералъ-лейтенантъ графъ Витте.

Въ должности письмоводителя Изюмовъ [1]).

38.

СВИДѢТЕЛЬСТВО.

№ 4605. Кандидатъ философіи Адамъ Николаевъ сынъ Мицкевичъ, по окончаніи наукъ въ Новогрудскомъ уѣздномъ училищѣ, былъ 1815 года сентября 17 дня принятъ въ число учениковъ Императорскаго Виленскаго Университета и въ продолженіи перваго учебнаго года, обучаясь по отдѣленію физико-математи-

---

1) Подлинникъ въ архивѣ Новороссійскаго Университета съ помѣткою: «получ. 20 октября 1825 года»; на оборотѣ рукою и. д. директора Дудровича написано: «объявлено г. Мицкевичу 20 октября сего 1825 года».

ческихъ наукъ физикѣ, химіи, алгебрѣ и высшей чистой математикѣ, и выдержавъ изъ оныхъ экзаменъ, 27 іюня 1816 года получилъ степень кандидата философіи, послѣ по отдѣленію словесныхъ наукъ и изящныхъ художествъ слушалъ курсовъ греческой и латинской словесности, всеобщей исторіи, риторики, поэзіи, россійской словесности, логики, языковъ: французскаго, нѣмецкаго и англійскаго въ продолженіи трехъ лѣтъ, и въ томъ же отдѣленіи выдержалъ экзаменъ на степень магистра, но его не окончилъ. Въ 1818 году сентября 1 дня назначенъ учителемъ словесности и исторіи въ Ковенское уѣздное училище и пробылъ въ сей должности три года. По принадлежанію къ тайнымъ обществамъ филаретовъ и филоматовъ, на основаніи Высочайше утвержденной 14 августа 1854 года выписки изъ журнала Комитета для разсмотрѣнія безпорядковъ по Виленскому учебному округу, отправленъ въ отдаленныя отъ Польши губерніи. Въ увѣреніе чего и дано ему Мицкевичу сіе за надлежащимъ подписаніемъ и съ приложеніемъ казенной печати. Вильно, 27 октября 1825 года.

И. д. ректора Императорскаго Виленскаго Университета коллежскій совѣтникъ и кавалеръ

Венцеславъ Пеликанъ.

М. П.

Секретарь Совѣта Кукольникъ[1]).

39.

Министерство Народнаго Просвѣщенія. Департаментъ Народнаго Просвѣщенія. Попечитель Виленскаго Учебнаго Округа. Въ Варшавѣ. Ноября 6 дня 1825 года. № 1396. Съ приложеніемъ патента на степень кандидата Мицкевича.

---

1) Копія въ архивѣ М. Н. П., дѣло № 130263; внизу замѣтка: «Подлинное передано въ Департаментъ Народнаго Просвѣщенія».

Господину Министру Народнаго Просвѣщенія.

Согласно съ почтеннѣйшимъ отношеніемъ Вашего Высокопревосходительства, отъ 11 минувшаго сентября, № 968, честь имѣю препроводить у сего, истребованный мною отъ Правленія Виленскаго университета, для кандидата Мицкевича установленный патентъ на степень кандидата философіи, покорнѣйше прося, дабы при врученіи ему патента потребовано было отъ него предъявленія свидѣтельства о дворянскомъ его происхожденіи.

Въ семъ патентѣ, на основаніи 12-го пункта Акта Высочайшаго утвержденія университета, изъяснено, что Мицкевичъ состоитъ въ 12-мъ классѣ въ порядкѣ государственной службы, потому что онъ получилъ степень кандидата въ 1816 году, то есть, прежде воспослѣдованія Высочайшаго указа, даннаго въ 19 день іюля 1822 года, силою коего степени кандидата присвоенъ 10-ый классъ. Поелику же, онъ Мицкевичъ, послѣ полученія степени кандидата, продолжалъ слушаніе курсовъ наукъ въ университетѣ по 1819 годъ, а съ того времени былъ учителемъ три года, то посему Университетское Правленіе присовокупило къ патенту Мицкевича и свидѣтельство о томъ, для доставленія ему, которое равнымъ же образомъ честь имѣю къ Вашему Высокопревосходительству у сего препроводить.

Новосильцовъ [1]).

40.

Господину 1-му Инспектору Калинскому. Правленіе Лицея въ засѣданіи своемъ 31 прошлаго октября мѣсяца, между прочимъ, опредѣлило поручить Вашему Высокоблагородію принять изъ Одесской Портовой Таможни 465 руб. 61 коп., деньги, упо-

1) Подлинникъ въ архивѣ М. Н. П., дѣло № 130263, съ помѣткою: «№ 5492 16 ноября 1825» и надписью: «Г. Министръ приказалъ: препроводить по принадлежности. 16 ноября 1825».

требленныя Правленіемъ Ришельевскаго лицея на прогоны и подъемъ для отправленія изъ Одессы въ Москву кандидата Виленскаго университета Ежовскаго. Какъ сіи деньги, по опредѣленію же Правленія, имѣютъ быть выданы кандидату Виленскаго же университета Мицкевичу на проѣздъ его въ Москву, то Правленіе проситъ Васъ, принявъ сіи деньги изъ означенной Таможни подъ расписку, представить оныя въ слѣдующее засѣданіе Правленія.

Членъ Правленія полковникъ Христофоровъ.

№ 1106.
6 ноября 1825 1).

41.

Его Превосходительству Г. Одесскому Градоначальнику Генералъ Маіору и Кавалеру Павлу Ивановичу Нейдгардту.

Вслѣдствіе распоряженій Высшаго Начальства проживающій въ домѣ Ришельевскаго лицея кандидатъ Виленскаго университета Адамъ Мицкевичъ имѣетъ отправиться въ Москву на службу въ канцелярію Его Сіятельства Г. Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора князя Дмитрія Васильевича Голицына.

Потому покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство о выдачѣ подорожной на двѣ лошади упомянутому кандидату Адаму Мицкевичу на проѣздъ отъ Одессы до Москвы съ будущимъ.

И. д. директора Иванъ Дудровичъ.

№ 1107. 6 ноября 1825 2).

---

1) Копія въ архивѣ Новороссійскаго Университета.
2) Копія въ архивѣ Новороссійскаго Университета.

42.

Г. Бухгалтеру Ришельевскаго лицея. Правленіе Ришельевскаго лицея въ засѣданіи своемъ 31 прошлаго октября мѣсяца между прочимъ опредѣлило: причитающіяся кандидату Виленскаго университета Мицкевичу прогонныя на двѣ лошади деньги 165 руб. 61 коп., да 300 руб. на подъемъ, выдать по полученіи изъ таможни г. 1-ымъ инспекторомъ такой же суммы 465 руб. 61 коп., выданной на тотъ же предметъ кандидату Виленскаго университета Ежовскому и слѣдуемой въ возвратъ Лицею, записавъ оную по подлежащему приходомъ изъ Таможни, а потомъ расходомъ въ выдачу г. Мицкевичу, по той же кассѣ, изъ которой деньги сіи вынуты заимообразно для отправленія Ежовскаго по возвращеніи Лицею сихъ 465 руб. 61 коп. къ выдачѣ г. Мицкевичу, слѣдуемыхъ. О чемъ канцелярія Лицея Васъ симъ увѣдомляетъ.

№ 1135. 12 ноября 1825 [1]).

43.

Г. эконому Лицея Богдановичу. Правленіе Лицея въ засѣданіи своемъ 10 сего ноября мѣсяца опредѣлило: представленные въ Правленіе г. Завѣдывающимъ экономическою частью 1-мъ инспекторомъ Калинскимъ 465 руб. 61 коп., полученные изъ Таможни въ возвратъ выданныхъ отъ Лицея кандидату Виленскаго университета Осипу Ежовскому, для проѣзда его въ Москву, выдать теперь же кандидату Виленскаго же университета г. Мицкевичу, на основаніи опредѣленія въ 31 день прошлаго октября мѣсяца статьи 3-ей, записавъ сію сумму въ приходъ, а

---

1) Копія въ архивѣ Новороссійскаго Университета.

потомъ въ расходъ. О чемъ Васъ симъ увѣдомляю для точнаго исполненія.

И. д. директора надворный совѣтникъ Дудровичъ.

№ 1136. 13 ноября 1825 [1]).

44.

СВИДѢТЕЛЬСТВО.

№ 1137. Объявитель сего кандидатъ Виленскаго университета Адамъ Мицкевичъ, по распоряженію Начальства, отправленъ въ Москву для опредѣленія тамъ къ должности въ канцелярію Его Сіятельства Г. Московскаго Военнаго Генералъ Губернатора князя Д. В. Голицына. По сему гг. Командующіе на заставахъ благоволятъ чинить ему свободный пропускъ. Въ засвидѣтельствованіе сего дано ему сіе изъ Одесскаго Ришельевскаго Лицея за надлежащимъ подписаніемъ и съ приложеніемъ печати онаго. Въ Одессѣ, ноября 12 дня 1825 года.

И. д. директора, членъ Правленія Лицея

надворный совѣтникъ Иванъ Дудровичъ [2]).

45.

Господину Управляющему Ришельевскимъ Лицеемъ. Во исполненіе преднисанія Вашего Сіятельства, отъ 15 прошлаго октября, № 448, о томъ, что кандидатъ Виленскаго университета, проживавшій доселѣ въ Одесскомъ Ришельевскомъ Лицеѣ

---

1) Копія тамъ-же.

2) Копія въ архивѣ Новороссійскаго университета.

Мицкевичъ можетъ быть опредѣленъ въ канцелярію Г. Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора, я докладывалъ о семъ Правленію Ришельевскаго лицея, которое въ засѣданіи своемъ 31 истекшаго октября мѣсяца опредѣлило: согласно съ предписаніемъ Вашего Сіятельства отнестись къ Его Превосходительству Г. Одесскому Градоначальнику о выдачѣ кандидату Виленскаго университета Мицкевичу подорожной на двѣ лошади, для проѣзда изъ Одессы въ Москву, причитающіяся же Мицкевичу прогонныя на двѣ лошади деньги 165 руб. 61 коп. и на подъемъ 300 руб. выдать по полученіи изъ Таможни такой же суммы 465 руб. 61 коп., употребленной на тотъ же предметъ для кандидата Виленскаго университета Ежовскаго и слѣдуемой въ возвратъ Лицею.

Какъ означенные 465 руб. 61 коп. выданы уже кандидату Мицкевичу и онъ отправился въ Москву, то, донося о семъ, осмѣливаюсь покорнѣйше просить Ваше Сіятельство снестись по Своему благоусмотрѣнію, какъ относительно возврата Лицею сей суммы, выданной кандидату Мицкевичу, такъ и слѣдованія его въ Москву на службу въ канцелярію Г. Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора.

И. д. директора надворный совѣтникъ Иванъ Дудровичъ.

№ 1138. 12 ноября 1825 [1]).

46.

Милостивый Государь мой, графъ Иванъ Осиповичъ. Не получивъ никакого свѣдѣнія въ отвѣтъ на предложеніе мое, отъ 26 минувшаго сентября, за № 1008, о томъ, отправленъ-ли кандидатъ Виленскаго университета Мицкевичъ по желанію его въ

1) Копія въ архивѣ Новороссійскаго университета.

Москву, въ канцелярію тамошняго Военнаго Генералъ-Губернатора, я, по содержанію отношенія Вашего Сіятельства, отъ 17 августа с. г., за № 350, имѣю честь препроводить при семъ свидѣтельство и патентъ, данный Мицкевичу отъ университета на степень кандидата, прося покорнѣйше, при врученіи ему оныхъ, приказать истребовать предъявленія свидѣтельства о дворянскомъ его происхожденіи, для доставленія онаго въ Правленіе Виленскаго университета.

Есть ли же Мицкевичъ отправился уже въ Москву, то прошу покорнѣйше Васъ, Милостивый Государь мой, препроводивъ прилагаемые при семъ свидѣтельство и патентъ къ Московскому Военному Генералъ-Губернатору, просить его о истребованіи свидѣтельства о дворянствѣ и доставленіи онаго по принадлежности сдѣлать надлежащее распоряженіе.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть Вашего Сіятельства покорнѣйшимъ слугою.

Александръ Шишковъ.

№ 1170.
20 ноября 1825.

Его Сіятельству Графу И. О. Витте [1]).

47.

Милостивый Государь, Александръ Семеновичъ. По возвращеніи моемъ изъ Таганрога, въ коемъ я находился по повелѣнію блаженной памяти Государя Императора Александра I, съ 27 октября, бывъ одержимъ простудною лихорадкою, а послѣ нервическою горячкою и по сіе время жестоко страдая, я не былъ въ состояніи заниматься никакими дѣлами, а потому и не могъ увѣдомить Ваше Высокопревосходительство о сдѣланномъ рас-

1) Копія въ архивѣ М. Н. П., дѣло № 130263.

поряженіи мною касательно отправленія кандидата Виленскаго университета Мицкевича, согласно предписанію Вашему, отъ 26 сентября с. г., въ канцелярію Г. Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора, который отправленъ изъ Одессы въ Москву ноября 12 дня и, по требованію Правленія Ришельевскаго Лицея, выдана ему Одесскимъ градоначальникомъ подорожна. Нынѣ, получивъ при предписаніи Вашего Высокопревосходительства, отъ 20 минувшаго ноября, свидѣтельство и патентъ, данные Мицкевичу Виленскимъ университетомъ на степень кандидата, честь имѣю донести, что таковые документы съ нынѣшнею почтою отправлены мною при отношеніи къ Г. Московскому Военному Генералъ-Губернатору кн. Д. В. Голицыну, для врученія оныхъ по принадлежности, истребовавъ предварительно отъ него предъявленія свидѣтельства о дворянскомъ его происхожденіи, которое должно быть отправлено въ Правленіе Виленскаго университета, почтеннѣйше докладывая, что вслѣдствіе предписанія Вашего, по заключенію Правленія Ришельевскаго лицея, отъ 31 октября сего года, выдано Мицкевичу на прогоны и путевыя издержки 465 руб. 61 коп. изъ суммъ Ришельевскаго лицея, о пополненіи коихъ покорнѣйше прошу Ваше Высокопревосходительство сдѣлать зависящее распоряженіе.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью честь имѣю быть Вашего Высокопревосходительства покорнѣйшій слуга

Графъ Витте.

№ 511.
17 декабря 1825.

Его Высокопревосходительству А. С. Шишкову [1]).

---

1) Подлинникъ въ архивѣ М. Н. П., дѣло № 130263, съ помѣткою: «№ 25, 2 генваря 1826».

48.

Милостивый Государь, Дмитрій Владимировичъ! Господинъ Министръ Народнаго Просвѣщенія, отъ 20 ноября сего года, препроводилъ ко мнѣ свидѣтельство и патентъ, данный изъ Виленскаго университета Адаму Мицкевичу на степень кандидата, съ тѣмъ, чтобы при врученіи ему сихъ документовъ истребовать предъявленія свидѣтельства о дворянскомъ его? происхожденіи для доставленія онаго въ Правленіе Университета. Такъ какъ Мицкевичъ 12 минувшаго ноября отправленъ изъ Одессы въ Москву, для поступленія на службу въ канцелярію Вашего Сіятельства, то я, прилагая при семъ въ подлинникахъ помянутые свидѣтельство и патентъ, для врученія оныхъ Мицкевичу, честь имѣю покорнѣйше просить распоряженія Вашего Сіятельства объ истребованіи свидѣтельства о дворянствѣ его и присылкѣ онаго ко мнѣ для доставленія въ Правленіе Виленскаго университета.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью честь имѣю быть Вашего Сіятельства всепокорный слуга

Графъ Витте.

№ 512.
17 декабря 1825 г.
Елизаветградъ.

Его Сіятельству князю Д. В. Голицыну.

ниже рукою Мицкевича:

Подлинный дипломъ на званіе кандидата получилъ.
Кандидатъ философіи Адамъ Мицкевичъ [1]).

---

1) Архивъ канцеляріи Г. Московскаго Генералъ-Губернатора (Губернскій Архивъ), дѣло № 86300, 1825 года, съ надписью: «Копія отношенія гр. Ивана Осиповича Витте къ кн. Дмитрію Владиміровичу Голицыну, Московскому Военному Генералъ-Губернатору, 17 декабря 1825 г., № 512, г. Елизаветградъ».

49.

Канцелярія Императорскаго Виленскаго Университета симъ свидѣтельствуетъ, что доказательство о дворянскомъ происхожденіи Адама Николаевича сына Мицкевича, представленное въ выпискѣ изъ книгъ городскихъ Новогрудскаго уѣзда за подписаніемъ Новогрудскаго регента Мартина Кмита, отъ 2 октября 1815 года, за № 445, находится при дѣлахъ сего-жъ Университета. Вильно, 8 февраля 1826 г.

Экспедиторъ коллежскій секретарь Гецольдъ [1]).

50.

На требованіе канцеляріи Его Сіятельства Господина Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора, я имѣю честь объяснить, что дворянская моя грамота была представлена мною въ 1815 году въ Виленскій университетъ, при вступленіи моемъ въ Учительскую при томъ же Университетѣ состоящую Семинарію, въ которую никто безъ предъявленія таковой грамоты не опредѣляется. Впрочемъ, я долгомъ поставлю себѣ отыскать мою грамоту и получивъ исполнить требованіе Канцеляріи.

Адамъ Мицкевичъ [2]).

9 февраля 1826 года.

51.

Милостивый Государь мой, графъ Иванъ Осиповичъ. Согласно отношенію Вашего Сіятельства, отъ 17 истекшаго Декабря мѣсяца, требовалъ я отъ служащаго въ штатѣ граждан-

---

1) Подлинникъ въ Московскомъ Губернскомъ Архивѣ, дѣло № 86800.
2) Автографъ въ Губернскомъ Архивѣ въ Москвѣ, дѣло № 86800.

ской канцеляріи моей уволеннаго отъ Виленскаго университета кандидата Адама Мицкевича свидѣтельства о дворянствѣ его, но онъ объяснилъ на сіе, что дворянская грамота его представлена была имъ при вступленіи въ 1815 году въ Учительскую при Виленскомъ университетѣ семинарію.

Извѣщая о томъ Васъ, Милостивый Государь мой, имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью Вашего Сіятельства покорный слуга

Князь Д. Голицынъ [1]).

Графу Витте.

№ 677.
11 февраля 1826 г.

52.

Милостивый Государь, Александръ Семеновичъ! Согласно предписанію Вашего Высокопревосходительства, отъ 20 ноября прошлаго года, № 1170, препроводивъ къ Московскому Военному Генералъ-Губернатору свидѣтельство и патентъ, данный Мицкевичу на степень кандидата отъ Виленскаго университета, я просилъ Его Сіятельство объ истребованіи отъ Мицкевича свидѣтельства о дворянскомъ его происхожденіи, для отправленія онаго въ Правленіе помянутаго университета.

Нынѣ Его Сіятельство увѣдомилъ меня, что Мицкевичъ, при требованіи отъ него помянутаго свидѣтельства, объяснилъ, что дворянская грамота его представлена была имъ при вступленіи въ 1815 году въ Учительскую при Виленскомъ университетѣ семинарію.

Доводя о семъ до свѣдѣнія Вашего, Милостивый Государь,

---

1) Концептъ въ Губернскомъ Архивѣ въ Москвѣ, дѣло № 86300.

съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью честь имѣю быть Вашего Высокопревосходительства всепокорнѣйшій слуга

Графъ Витте.

№ 92.
4 марта 1826.
Елизаветградъ.

Его Высокопревосходительству А. С. Шишкову [1]).

53.

№ 1533, по Герольдіи.

Указъ Его Императорскаго Величества Самодержца Всероссійскаго, изъ Правительствующаго Сената, Господину Министру Народнаго Просвѣщенія, Адмиралу, члену Государственнаго Совѣта и Кавалеру Александру Семеновичу Шишкову. Минувшаго февраля 18-го дня, по указу Его Императорскаго Величества, Правительствующій Сенатъ, слушавъ рапортъ Господина Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора, Генерала отъ кавалеріи и кавалера, князя Дмитрія Владимировича Голицына о утвержденіи опредѣленнаго въ число чиновниковъ штата гражданской канцеляріи его уволеннаго изъ Виленскаго университета кандидата Адама Мицкевича, по приложенному при томъ свидѣтельству, данному ему Мицкевичу изъ помянутаго университета, отъ 27 октября 1825 года, въ соотвѣтственномъ званію его статскомъ чинѣ, приказали: вышеозначенное, выданное изъ Виленскаго университета, отъ 27 октября прошлаго 1825 года, кандидату онаго философіи, нынѣ находящемуся въ числѣ чиновниковъ штата гражданской канцеляріи Г. Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора, Адаму Мицкевичу, свидѣтельство пре-

---

1) Подлинникъ въ архивѣ М. Н. Пр. № 130263, съ двумя замѣтками: «17 марта 1826, № 1700» и «Господинъ Министръ приказалъ принять къ свѣдѣнію».

проводить на предварительное разсмотрѣніе къ Вамъ, Господину Министру Народнаго Просвѣщенія и Кавалеру, при Указѣ, съ тѣмъ, дабы Вы дали свое мнѣніе, можно-ли помянутаго Мицкевича, по тому свидѣтельству, утвердить въ чинѣ 12-го класса (означенное же свидѣтельство при семъ препровождается). Марта 11 дня 1826 года.

Товарищъ Герольдмейстера Василій Романовъ.

Секретарь Яковъ Грибовъ.

Справилъ Титулярный Совѣтникъ Александръ Іевскій [1])

54.

По указу Правительствующаго Сената, отъ 11 марта, № 1533, о доставленіи мнѣнія, можно-ли кандидата Мицкевича утвердить въ чинѣ 12-го класса, по свидѣтельству, выданному Виленскимъ университетомъ 27 октября 1825,

№ 4605.

Доложено Правительствующему Сенату 26 марта 1826, № 978, съ возвращеніемъ свидѣтельства Мицкевича, что онъ, какъ признанъ и утвержденъ въ степени кандидата, по выдержаніи установленнаго испытанія, то посему на основаніи Высочайше утвержденнаго Акта Виленскаго университета, по 14-му пункту сего Акта, слѣдуетъ его утвердить въ чинѣ 12-го класса [2]).

---

1) Копія въ архивѣ М. Н. П., № 130263, съ замѣткою: «№ 1645, 14 марта 1826» и «Съ подлиннымъ вѣрно, титулярный совѣтникъ Семеновъ. Подлинное передано въ Департаментъ Народнаго Просвѣщенія».

2) Архивъ М. Н. П., № 39, картонъ 10, Опись дѣламъ Виленскаго Учебнаго Округа съ 1818 по 1833 годъ, № 16875, съ замѣткою: поступило въ Министерство 15 марта 1826 года. Подлинное дѣло (на пяти листахъ) уничтожено въ 1869 году.

55.

Милостивый Государь мой, Николай Николаевичъ! Вашему Высокопревосходительству не безъизвѣстно, что изъ числа бывшихъ студентовъ Императорскаго Виленскаго Университета магистръ юриспруденціи Францъ Малевскій и кандидатъ Адамъ Мицкевичъ опредѣлены на службу въ мою канцелярію, которые нынѣ и переименованы уже въ соотвѣтственные званіямъ ихъ классы. Чиновники сіи, исполняя съ усердіемъ возлагаемыя на нихъ должности и ведя себя съ самаго прибытія въ Москву весьма хорошо, испрашиваютъ нынѣ дозволенія воспользоваться отпускомъ на родину свою для устройства семейственныхъ дѣлъ. Желая предварительно знать отъ Вашего Высокопревосходительства, могутъ-ли Малевскій и Мицкевичъ, по прикосновенности ихъ къ дѣлу, относящемуся до безпорядковъ, въ Виленскомъ Университетѣ случившихся, быть уволены въ отпускъ, я прошу покорнѣйше Васъ, Милостивый Государь мой, не оставить меня по сему предмету Вашимъ отзывомъ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью честь имѣю быть Вашего Высокопревосходительства покорнѣйшимъ слугою.

Кн. Димитрій Голицынъ.

№ 4308.
24 августа 1826 г.

Его Превосходительству

Н. Н. Новосильцову.

получ. 12 сентября 1826 [1]).

---

1) Подлинникъ въ Публичной Библіотекѣ въ Вильнѣ, рукопись Б. XIX. 6, листъ 207; концептъ въ Губернскомъ Архивѣ въ Москвѣ, дѣло № 86300.

56.

Господину Ректору Виленскаго Университета.

Изъ числа бывшихъ воспитанниковъ Виленскаго университета, магистръ юриспруденціи Францъ Малевскій и кандидатъ Адамъ Мицкевичъ, въ слѣдствіе всеподданнѣйшаго доклада Комитета, разсматривавшаго по Высочайшему повелѣнію извѣстное дѣло о безпорядкахъ по Виленскому университету, удалены изъ онаго, съ опредѣленіемъ на службу въ канцелярію Г. Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора князя Голицына, гдѣ и переименованы уже въ соотвѣтственные званію ихъ классы.

Нынѣ Г. Генералъ-Губернаторъ князь Голицынъ въ отношеніи своемъ, отъ 24 минувшаго августа, за № 4308, сообщаетъ мнѣ, что чиновники сіи, исполняя съ усердіемъ возложенныя на нихъ должности и ведя себя съ самаго прибытія въ Москву весьма хорошо, испрашиваютъ у него дозволенія воспользоваться отпускомъ на родину свою для устроенія семейственныхъ дѣлъ. По поводу сего онъ, князь Голицынъ, желая предварительно знать отъ меня, могутъ-ли Малевскій и Мицкевичъ, по прикосновенности ихъ вышеупомянутому дѣлу, быть уволены въ отпускъ, проситъ меня увѣдомить его о томъ.

Затрудняясь въ отвѣтѣ на таковой отзывъ, нужнымъ нахожу потребовать отъ Васъ донесенія, не предстоитъ-ли въ удовлетвореніи просьбы поименованныхъ чиновниковъ какого-либо по обстоятельствамъ препятствія?

Новосильцовъ [1]).

№ 1474.
23 сентября 1826 г.
Варшава.

---

1) Концептъ, писанный Новосильцовымъ, въ Публичной Библіотекѣ въ Вильнѣ, рукопись Б. XIX. 6, листъ 208, съ надписью: «секретно», имѣетъ зачеркнутый заголовокъ: «Его Императорскому Высочеству Государю Цесаревичу и Великому Князю Константину Павловичу», и подъ нимъ ниже приписаны слова: «Г. Ректору Виленскаго Университета». Подлинникъ тамъ же, рукопись Б. XIX. 7, листъ 281.

57.

Господину Попечителю Виленскаго Учебнаго Округа Ректора Виленскаго Университета рапортъ.

Ваше Высокопревосходительство, по поводу отзыва Г. Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора, секретнымъ предписаніемъ, отъ 23 истекающаго сентября, за № 1474, изволите требовать отъ меня донесенія, можно-ли состоящимъ въ его канцеляріи бывшимъ воспитанникамъ Виленскаго университета магистру Францу Малевскому и кандидату Адаму Мицкевичу дозволить воспользоваться отпускомъ изъ Москвы на родину свою для устроенія семейственныхъ дѣлъ.

Во исполненіе таковаго предписанія, осмѣливаюсь симъ донести Вашему Высокопревосходительству, что хотя, по засвидѣтельствованію Г. Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора, означенный Малевскій и Мицкевичъ возложенныя на нихъ должности исполняютъ съ усердіемъ и съ самаго прибытія ихъ въ Москву ведутъ себя хорошо, но принимая въ уваженіе, что они по всеподданнѣйшему докладу Комитета, разсматривавшаго по Высочайшему повелѣнію извѣстное дѣло о безпорядкахъ по Виленскому университету, признаны дѣятельнѣйшими по предосудительнымъ видамъ тайнаго общества Филоматовъ и Филаретовъ и высланы для опредѣленія на службу въ отдаленныя отъ Польши губерніи: то, кажется, и не слѣдовало-бы такъ скоро удовлетворять ихъ желаніямъ въ дачѣ просимаго ими отпуска, тѣмъ болѣе, что по нахожденію въ Вильнѣ, какъ равно и въ другихъ мѣстахъ многихъ членовъ бывшаго тайнаго общества Филоматовъ и Филаретовъ, появленіе Малевскаго и Мицкевича, получившихъ слишкомъ скоро настоящіе чины, могло бы побудить къ дерзкимъ и несвойственнымъ заключеніямъ. Впрочемъ, могутъ они себя вести хорошо въ Москвѣ, но при всемъ томъ здѣсь, гдѣ было гнѣздо всѣхъ ихъ зловредныхъ мечтаній и замысловъ, нельзя совершенно положиться на ихъ исправленіе.

По всѣмъ этимъ поводамъ въ отвращеніе всякаго могущаго

произойти отъ пріѣзда Малевскаго и Мицкевича зла, осмѣливаюсь всепокорнѣйше просить Ваше Высокопревосходительство не изъявлять еще теперь своего согласія на пріѣздъ ихъ въ Вильну.

Ректоръ В. Пеликанъ.

№ 1137.
30 сентября 1826 года.

(получено) 4 октября 1826.
резолюція Новосильцова «отвѣтить согласно сему кн. Голицыну» [1]).

58.

Милостивый Государь, князь Дмитрій Владимировичъ! Я имѣлъ честь получить отношеніе Вашего Сіятельства, отъ 24 минувшаго августа, за № 4308, коимъ Вы, Милостивый Государь, свидѣтельствуя о похвальной службѣ и хорошемъ поведеніи состоящихъ въ канцеляріи Вашей бывшихъ воспитанниковъ Виленскаго университета магистра Малевскаго и кандидата Мицкевича, изъявляете желаніе знать мнѣніе мое, могутъ-ли они воспользоваться отпускомъ на родину, для устроенія семейственныхъ дѣлъ.

Отвѣтствуя на отзывъ сей Вашего Сіятельства, честь имѣю изъяснить, что, отдавая, съ одной стороны, всю справедливость настоящей службѣ и поведенію Малевскаго и Мицкевича, съ другой, принимая въ соображеніе мѣстныя обстоятельства и то, что по извѣстному дѣлу о безпорядкахъ въ Виленскомъ университетѣ они признаны дѣятельнѣйшими по предосудительнымъ видамъ бывшаго тайнаго общества филоматовъ и филаретовъ и высланы во внутреннія россійскія губерніи для опредѣленія на

---

1) Подлинникъ въ Публичной Библіотекѣ въ Вильнѣ, рукопись Б. XIX. 6, листъ 210.

службу, дабы черезъ то воспрепятствовать дальнѣйшему ихъ съ ихъ единомышленниками сношенію, то едва-ли можно такъ скоро удовлетворить изъясненному ихъ желанію, тѣмъ болѣе, что по нахожденію въ Вильнѣ и въ другихъ многихъ мѣстахъ членовъ упомянутаго общества, коихъ исправленіе весьма еще сомнительно, пріѣздъ Малевскаго и Мицкевича могъ бы дать поводъ къ несвойственнымъ заключеніямъ и возобновить впечатлѣнія, начинающія приходить въ забвеніе. Въ прочемъ, настоящее поведеніе ихъ въ Москвѣ еще нельзя полагать достаточнымъ ручательствомъ дѣйствительнаго ихъ исправленія и спокойнаго поведенія ихъ въ Вильнѣ, гдѣ было гнѣздо всѣхъ мечтаній и злонамѣренныхъ видовъ. Почему во избѣжаніе могущихъ произойти отъ появленія ихъ въ Литвѣ предосудительныхъ послѣдствій, полагаю я, что надлежало бы повременить еще съ оказаніемъ имъ испрашиваемаго ими снисхожденія.

(Новосильцовъ).

Московскому Военному Генералъ-
Губернатору князю Голицыну.
9 ноября 1826 года.
№ 1077 [1]).

59.

Министерство Народнаго Просвѣщенія. Главное Управленіе Духовныхъ Дѣлъ Иностранныхъ Исповѣданій. Канцелярія. Столъ 1. 7 іюня 1827. № 762. О 465 руб. 61 коп., выданныхъ на прогоны и подъемъ кандидату Мицкевичу.

Господину Министру Финансовъ.

Господинъ Управляющій Одесскимъ Ришельевскимъ Лицеемъ графъ Витте донесъ мнѣ, что вслѣдствіе Высочайшаго соизволе-

1) Концептъ въ Публичной Библіотекѣ въ Вильнѣ, рукопись Б. XIX. 6, листъ 212.

нія, послѣдовавшаго по докладу моему въ 8 день февраля прошлаго 1825 года, на снабженіе денежнымъ пособіемъ кандидатовъ Виленскаго университета, перемѣщенныхъ въ другія должности, Правленіе упомянутаго лицея выдало кандидату Мицкевичу, отправленному изъ Одессы въ Москву, сто шестьдесятъ пять руб. шестьдесятъ одну копѣйку прогонныхъ денегъ и триста рублей на подъемъ.

Согласно съ требованіемъ Г. Управляющаго Одесскимъ Ришельевскимъ лицеемъ, я покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство сдѣлать съ Вашей стороны нужное распоряженіе о возвращеніи сей суммы четырехъ сотъ шестидесяти пяти рублей шестидесяти одной копѣйки въ Правленіе Лицея и о послѣдующемъ почтить меня увѣдомленіемъ.

Александръ Шишковъ.

Князь Ширинскій Шахматовъ.

Столоначальникъ Семеновъ [1]).

60.

Министерство Финансовъ. Департаментъ Государственнаго Казначейства. Часть распорядительная. Отдѣленіе III. Столъ 1. 16 іюня 1827 года. № 11728. Объ ассигнованныхъ 465 руб. 61 коп.

Господину Министру Народнаго Просвѣщенія.

На отношеніе Вашего Высокопревосходительства ко мнѣ, отъ 7 сего іюня, честь имѣю увѣдомить, что взамѣнъ выданныхъ, вслѣдствіе Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго по докладу Вашему 8 февраля 1825 года, Правленіемъ Ришельевскаго лицея кандидату Виленскаго университета Мицкевичу, отправленному

1) Копія въ архивѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, дѣло № 130263.

изъ Одессы въ Москву, 165 руб. 61 коп. на прогоны и 300 руб. на подъемъ, предписано Херсонской Казенной Палатѣ возвратить таковое же количество денегъ помянутому Правленію, по его требованію.

Министръ Финансовъ Генералъ-Лейтенантъ Канкринъ.

Директоръ И. Рогдевскій [1]).

61.

Милостивый Государь мой, графъ Иванъ Осиповичъ! По предмету представленія Вашего Сіятельства о возвращеніи въ Правленіе Одесскаго Ришельевскаго лицея 465 руб. 61 коп., выданныхъ на прогоны и подъемъ кандидату Виленскаго университета Мицкевичу, относился я къ Г. Министру Финансовъ, который нынѣ увѣдомилъ меня, что о возвращеніи сихъ денегъ предписано отъ него Херсонской Казенной Палатѣ.

Извѣщая о семъ Васъ, Милостивый Государь мой, имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ.

Вашего Сіятельства
покорнѣйшимъ слугою
Александръ Шишковъ.

Вѣрно: Семеновъ.

№ 894.
1 іюля 1827.

Его Сіятельству Графу И. О. Витту [2]).

---

1) Подлинникъ въ архивѣ М. Н. П., дѣло № 130263, съ двумя замѣтками: «№ 3487, 17 іюня 1827» и другою карандашомъ: «приготовить увѣдомленіе».

2) Копія въ архивѣ М. Н. П., дѣло № 130263, листъ 357, съ замѣткою: «по № 3487».

62.

Въ Московскій Цензурный Комитетъ отъ кандидата Адама Мицкевича.

ПРОШЕНІЕ.

Предполагая съ начала будущаго 1828 года издавать въ Москвѣ періодическое сочиненіе на польскомъ языкѣ п. н.: «Iris», честь имѣю представить Московскому Цензурному Комитету предначертаніе сего журнала, по которому всю отвѣтственность принимаю я на себя, почему на основаніи § 130 Устава о Цензурѣ, касательно пріобрѣтенія правъ на званіе издателя, честь имѣю объяснить, что я по окончаніи курса въ Императорскомъ Виленскомъ Университетѣ получилъ степень кандидата; послѣ находился учителемъ въ Ковенскомъ училищѣ, а нынѣ состою на службѣ въ канцеляріи Господина Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора, во увѣреніе чего прилагаю данный мнѣ изъ Виленскаго Университета дипломъ на степень кандидата, за № 4244, и свидѣтельство изъ Правленія того же Университета при опредѣленіи меня учителемъ, а какъ по § 131 Устава о Цензурѣ издатель обязанъ представить сотрудника, по случаю болѣзни или отбытія, принимающаго на себя его обязанность, то въ качествѣ сего сотрудника участвовать будетъ штата Г. Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора IX-го класса чиновникъ Францискъ Малевскій, коего письменное на то согласіе вмѣстѣ съ даннымъ ему на степень магистра правъ изъ Виленскаго Университета, за № 5199, дипломомъ при семъ прилагаю. За симъ прошу Московскій Цензурный Комитетъ представить, куда слѣдуетъ, о дозволеніи мнѣ издавать оный журналъ.

Кандидатъ Адамъ Мицкевичъ.

и ниже:

Два аттестата получилъ XII класса Адамъ Мицкевичъ [1]).

---

1) Автографъ въ архивѣ Московскаго Цензурнаго Комитета; во главѣ № 61 и замѣтка о полученіи «25 октября 1827 года»; автографъ числомъ не помѣченъ.

63.

Программа журнала «Iris».

Польско-россійскія провинціи имѣютъ съ давняго времени обезпеченныя благодѣянія народнаго обученія. Отъ нихъ послѣдовалъ очевидный успѣхъ просвѣщенія, обнаруживающійся въ числѣ выходящихъ ученыхъ сочиненій и въ цвѣтущемъ состояніи учебныхъ заведеній, воздвигнутыхъ Монаршею щедростью. При столь усилившемся къ пріобрѣтенію наукъ порывѣ одно только ученое періодическое сочиненіе, издаваемое въ Вильнѣ для польско-россійскихъ губерній [2]), не можетъ удовлетворить нуждамъ многочисленной читающей публики, ни же соотвѣтствовать числу и разнообразію, въ какихъ нынѣ появляются ученые труды. Потому издатель новаго журнала на польскомъ языкѣ, преимущественно для сихъ провинцій назначаемаго, можетъ ласкать себя надеждою, что онъ трудомъ своимъ и стараніемъ сдѣлаетъ услугу своимъ соотчичамъ и будетъ содѣйствовать къ умноженію пользъ, каковыя изъ открытыхъ въ государствѣ разныхъ источниковъ наукъ могутъ быть получаемы. Москва, одна изъ первѣйшихъ столицъ Европы, вмѣщающая въ себѣ университетъ и нѣсколько ученыхъ обществъ, имѣя безпрерывныя связи съ иностранными учебными заведеніями, заключая въ себѣ многія библіотеки и книжныя лавки, есть мѣсто, въ коемъ предпріятіе ученаго журнала успѣшно можетъ состояться. При столь облегченныхъ пособіяхъ редакція будетъ въ состояніи удержать читателей своихъ наравнѣ съ общимъ ходомъ просвѣщенія, передавая немедленно важныя открытія въ наукахъ и художествахъ, извѣщая о иностранныхъ трудахъ, имѣвшихъ сильное вліяніе на дальнѣйшій ходъ наукъ и дѣйствительно обогатившихъ литературу своихъ народовъ.

Но сверхъ сей главной цѣли, другую столь же важную указываетъ само будущее мѣсто изданія журнала. Въ Москвѣ изда-

---

1) Dziennik Wileński, издавался съ 1815 по 1828 годъ.

ваемый журналъ не можетъ не принимать участія въ увеличившемся богатствѣ россійской литературы, въ успѣхахъ наукъ, искусствъ и художествъ, въ перемѣнахъ, которыя суть слѣдствіемъ постепеннаго хода образованія въ столь огромномъ государствѣ. Многократно повторено было непріятное замѣчаніе, что ложныя о нынѣшнемъ состояніи Россіи понятія поддерживаются донынѣ между иностранными писателями, но еще непріятнѣе вспомнить, что тѣ же ложныя понятія поддерживаются донынѣ въ краяхъ, коихъ жители по сходству языка и первоначальныхъ обычаевъ столь много имѣютъ удобностей къ исправленію старыхъ или къ пріобрѣтенію новыхъ о Россіи извѣстій. Литературы россійская и польская, кромѣ столь многихъ и столь сильныхъ побужденій, до сихъ поръ не сдружились. Богатства одной оставались и остаются неизвѣстными другой и сіе равнодушіе едва не изглаживаетъ слѣдовъ истиннаго сродства. Напрасно неоднократно противъ него возставали знаменитые россійскіе и польскіе писатели, не было понынѣ истиннаго желаемаго обмѣна ученыхъ произведеній, не внимая тому, что сіи произведенія искусно пересаженныя, находя ту же землю и небо, всегда могутъ хорошо приняться. Редакція предполагаемаго въ Москвѣ журнала, при обѣщанномъ пособіи россійскихъ литераторовъ и при удобности пріобрѣтать книги и журналы, желала бы извѣщать объ отличныхъ сочиненіяхъ, печатаемыхъ на россійскомъ языкѣ и, такимъ образомъ, обратить на нихъ вниманіе польскихъ читателей, когда между тѣмъ она бы могла справедливо надѣяться, что появленіе польскаго журнала въ Москвѣ поощрило бы россіянъ къ узнаванію польской литературы; сверхъ того, попеченіе Правительства открыло нынѣ къ издаваемымъ періодическимъ сочиненіямъ источники достовѣрныхъ извѣстій объ успѣхахъ промышленности и торговли въ государствѣ: редакція не оставила бы воспользоваться ими и о сихъ важныхъ отрасляхъ народнаго благоденствія передавать полезныя и точныя извѣстія.

Сей двойной цѣли редакція намѣревается достигнуть, опредѣляя въ своемъ журналѣ три слѣдующія отдѣленія:

I литературы и изящныхъ искусствъ,
II наукъ историко-политическихъ,
III извѣстій.

Въ двухъ первыхъ отдѣленіяхъ помѣщаемы будутъ подробныя объ избранныхъ предметахъ разсужденія, критическіе разборы сочиненій или извѣстія объ нихъ, приложенныя въ видѣ извлеченій и переводовъ, біографіи знаменитыхъ ученыхъ. Въ первомъ отдѣленіи особенное мѣсто занимать будетъ литература древняя, греческая и латинская. Во 2-мъ отдѣленіи статьи, относящіяся къ успѣхамъ современнаго образованія, обнаруживающемся въ ходѣ промышленности, въ новомъ направленіи торговли, въ движеніи кредита и проч., обрабатываемы будутъ по историческимъ отношеніямъ. Разсматриваніе сихъ предметовъ въ политическомъ отношеніи и вообще все, относящееся къ современной политикѣ, не войдетъ въ предѣлы журнала. Въ отдѣленіи *Извѣстій*, помѣщаемы будутъ донесенія о новыхъ изобрѣтеніяхъ, открытіяхъ, о трудахъ ученыхъ обществъ, извѣстія библіографическія, статистическія, относящіяся къ промышленности и торговлѣ. Извѣстія объ иностранной литературѣ занимаемы будутъ изъ журналовъ, выписываемыхъ по почтѣ и изъ книгъ, выписываемыхъ чрезъ книгопродавцевъ. Слѣдующіе журналы будутъ предпочтительно употребляемы: Quarterly Rewiew, London Litterary Gazete, Revue Encyclopédique, Annales des voyages, Moniteur, Göttingische Gelehrte Anzeigen, Wiener Jahrbücher der Litteratur, Hallische Litteratur-Zeitung.

Журналъ выходить будетъ помѣсячно въ тетрадяхъ отъ 5—7 листовъ in 8°, подъ заглавіемъ: «Irys, dziennik literaturze i historyi poświęcony», то есть: «Ирисъ, журналъ литературно-историческій» [1]).

---

1) Автографъ въ архивѣ М. Н. П., № 127219, картонъ 8.

64.

Я нижеподписавшійся обязуюсь сею подпискою, что по случаю предполагаемаго г. Мицкевичемъ изданія въ Москвѣ журнала *Ирисъ*, въ случаѣ болѣзни или отбытія, я всѣ обязанности и отвѣтственность издателя принимаю на себя. Москва, октября 1827 года.

9-го класса Францискъ Малевскій [1]).

65.

Министерство Народнаго Просвѣщенія. Московскій Цензурный Комитетъ. Въ Москвѣ. 27 октября 1827 г. № 38.

Его Сіятельству Г. Московскому Военному Генералъ-Губернатору, Генералу отъ Инфантеріи и Кавалеру Князю Дмитрію Владимировичу Голицыну.

Служащій въ канцеляріи Вашего Сіятельства кандидатъ Адамъ Мицкевичъ, предполагая съ начала будущаго 1828 года издавать въ Москвѣ періодическое сочиненіе на польскомъ языкѣ, подъ названіемъ «Ирисъ», вошелъ въ Московскій Цензурный Комитетъ съ прошеніемъ объ исходатайствованіи ему отъ высшаго начальства позволенія на издаваніе сего журнала, для коего въ сотрудники избралъ онъ себѣ находящагося въ штатѣ Вашего Сіятельства чиновника 9-го класса Франциска Малевскаго; а какъ по содержанію параграфовъ 130 и 131 Высочайше утвержденнаго Устава о цензурѣ необходимо каждаго издателя повременныхъ сочиненій имѣть послужный списокъ и удостовѣреніе отъ начальства его о ревностномъ исполненіи имъ своихъ обязанностей, то Московскій Цензурный Комитетъ имѣетъ честь обратиться къ

---

1) Автографъ въ архивѣ М. Н. П., № 127219, картонъ № 8. Подписка не имѣетъ числа, но должна была быть написана 23 или 24 октября, такъ какъ прошеніе Мицкевича въ Цензурный Комитетъ получено послѣднимъ 25 числа.

Вашему Сіятельству съ просьбою почтить его отзывомъ Вашимъ: соизволите-ли Ваше Сіятельство чиновникамъ симъ дать на предпринимаемое ими занятіе начальничье позволеніе Ваше, при каковомъ отзывѣ Вашего Сіятельства, Комитетъ проситъ покорнѣйше о приказаніи присоединить и послужные списки чиновниковъ сихъ, въ случаѣ, если въ таковомъ ихъ занятіи не встрѣтится никакихъ препятствій.

Предсѣдатель Князь Мещерскій.

Секретарь Новиковъ [1]).

66.

Формулярный списокъ о службѣ 12 класса Адама Мицкевича.

(составленный 30—31 октября 1827 года).

1. Чинъ, имя, отчество, фамилія, должность имъ отправляемая, какіе имѣетъ ордена и прочіе знаки отличія?

12 класса Адамъ Николаевъ сынъ Мицкевичъ.

2. Сколько отъ роду лѣтъ?

28.

3. Изъ какого званія?

Изъ дворянъ.

4. Есть-ли за нимъ, за родителями его, или когда женатъ, за женою недвижимое имѣніе?

Не имѣетъ.

5. Когда въ службу вступилъ и въ оной какими чинами, въ какихъ должностяхъ и гдѣ происходилъ; также не было ли какихъ

---

1) Подлинникъ въ Губернскомъ Архивѣ въ Москвѣ, дѣло № 86300.

отличныхъ по службѣ дѣяній и не былъ-ли особенно, кромѣ чиновъ, чѣмъ награждаемъ и въ какое время?

По полученіи степени кандидата въ Виленскомъ Университетѣ поступилъ въ штатъ Гражданской Канцеляріи Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора 1826 года февраля 11 дня.

Переименованъ Указомъ Правительствующаго Сената 29 апрѣля 1826 года въ чинъ 12 класса со старшинствомъ со дня вступленія въ службу.

6. Въ походахъ противъ непріятеля и въ сраженіяхъ былъ или нѣтъ и когда?

Не былъ.

7. Не былъ-ли въ штрафахъ и подъ судомъ, если былъ, то за что, когда и чѣмъ дѣло кончилось?

Не былъ.

8. Къ продолженію статской службы способенъ и къ повышенію чина достоинъ или нѣтъ и почему именно?

Способенъ и достоинъ.

9. Не былъ-ли въ отставкѣ съ награжденіемъ чина, или безъ онаго, и когда?

Не былъ.

10. Холостъ или женатъ, имѣетъ-ли дѣтей, кого именно, какихъ лѣтъ и гдѣ они находятся?

Холостъ.

Генералъ отъ кавалеріи Князь Голицынъ.

Помощникъ секретаря П. Позняковъ [1]).

---

1) Подлинникъ въ архивѣ М. Н. П., дѣло № 127219.

67.

Управленіе Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора. Канцелярія Гражданская. Экспедиція 2. Столъ 2. 1 ноября 1827 г. № 5866.

Въ Московскій Цензурный Комитетъ.

Изъявляя съ своей стороны согласіе на дозволеніе служащимъ въ канцеляріи моей переименованному изъ кандидатовъ въ 12-й классъ Адаму Мицкевичу и 9-го класса Франциску Малевскому издавать съ будущаго 1828 года предположенное ими періодическое сочиненіе на польскомъ языкѣ, подъ названіемъ «Ирисъ», я препровождаю при семъ и формулярные о службѣ сихъ чиновниковъ списки, согласно представленію ко мнѣ онаго Комитета, отъ 27 числа истекшаго октября мѣсяца, за № 38.

Генералъ отъ кавалеріи кн. Голицынъ [1]).

68.

Министерство Народнаго Просвѣщенія. Московскій Цензурный Комитетъ. Въ Москвѣ. Ноября 9 дня 1827 года. № 58.

Его Превосходительству Господину Попечителю Московскаго Учебнаго Округа.

Служащій въ канцеляріи Г. Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора Его Сіятельства князя Голицына чиновникъ 12-го класса Адамъ Мицкевичъ вошелъ въ Комитетъ сей съ прошеніемъ о позволеніи издавать ему въ Москвѣ, съ будущаго 1828 года, повременное сочиненіе на польскомъ языкѣ, подъ названіемъ: «Ирисъ», причемъ на основаніи 130 и 131 §§ Устава

1) Подлинникъ въ архивѣ Московскаго Цензурнаго Комитета; концептъ въ Губернскомъ Архивѣ въ Москвѣ, дѣло № 86300; во главѣ послѣдняго поставлено число: «31 октября 1827 г.». На подлинникѣ находятся отмѣтки: (получено) «1827 ноября 2 дня» и «принять къ свѣдѣнію».

о Цензурѣ приложено: а) обстоятельное изложеніе цѣли и содержаніе повременнаго сочиненія; b) прежнія просителя печатныя сочиненія, подъ названіемъ: «Сонеты»; с) послужной списокъ, свидѣтельство и аттестатъ, данный ему изъ Виленскаго университета; d) подписка чиновника IX класса Малевскаго, принимающаго на себя обязанность издателя, въ случаѣ болѣзни или смерти самого Мицкевича; при семъ приложены: а) аттестатъ, данный г. Малевскому изъ Виленскаго университета и в) послужной его списокъ. Разсмотрѣвъ всѣ сіи документы и найдя ихъ достаточными, Комитетъ имѣетъ честь препроводить оные на усмотрѣніе Вашего Превосходительства и, буде не окажется какихъ-либо препятствій, проситъ соблаговолить представить ихъ, куда слѣдуетъ, о полученіи г. Мицкевичу позволенія на издаваніе въ Москвѣ упоминаемаго журнала.

Въ должности предсѣдателя

цензоръ Сергѣй Акимовъ.

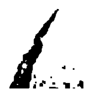
Секретарь Новиковъ [1]).

69.

Министерство Народнаго Просвѣщенія. Главный Цензурный Комитетъ. О дозволеніи 12 класса Адаму Мицкевичу издавать журналъ. Въ Москвѣ, 15 ноября 1827. № 1536. Отъ Попечителя Московскаго Учебнаго Округа.

---

1) Подлинникъ въ архивѣ Московскаго Учебнаго Округа; копія въ архивѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія № 127219, картонъ 8. При дѣлѣ нѣтъ свидѣтельства и аттестата Мицкевича, а также аттестата Малевскаго; послѣдніе были обратно получены Мицкевичемъ, какъ видно изъ расписки его на документѣ № 62; въ дѣлѣ Министерства тоже находится справка, что аттестаты Мицкевича и Малевскаго обратно препровождены къ Попечителю Московскаго Учебнаго Округа, при предложеніи Министра Народнаго Просвѣщенія, отъ 13 декабря 1827 года, за № 1957.



Господину Министру Народнаго Просвѣщенія.

Московскій Цензурный Комитетъ представилъ мнѣ о дозволеніи чиновнику 12 класса Адаму Мицкевичу издавать въ Москвѣ, съ будущаго 1828 года, повременное изданіе на польскомъ языкѣ, подъ названіемъ: «Ирисъ».

Не находя съ своей стороны препятствія къ изданію означеннаго журнала, я обязанностью моею поставляю препроводить при семъ къ Вашему Высокопревосходительству копію съ представленія ко мнѣ Московскаго Цензурнаго Комитета и испрашивать на сіе Вашего Высоконачальническаго разрѣшенія.

Попечитель Московскаго Учебнаго Округа
Генералъ-Маіоръ Писаревъ.

Старшій письмоводитель Третьяковъ.

По Главному Цензурному Комитету [1]).

70.

ЗАПИСКА.

12-го класса Адамъ Мицкевичъ покорнѣйше проситъ Ваше Сіятельство о дозволеніи ему воспользоваться 28-дневнымъ отпускомъ, съ 27 сего мѣсяца для поѣздки въ С.-Петербургъ, по собственнымъ его дѣламъ.

26 ноября 1827 года.

Его Сіятельства резолюція: *Согласенъ, 26-го ноября,* и выдано того-же числа.

---

1) Подлинникъ въ архивѣ М. Н. П., № 127219, картонъ 8; брульонъ въ архивѣ Московскаго Учебнаго Округа; на подлинникѣ замѣтки: «№ 7767, № 135, 20 ноября 1827» и «получено 21 ноября».

22 декабря 1827 въ С.-Петербургѣ возобновленъ отпускъ на 28 дней.

Для передачи ему получилъ
Фр. Малевскій [1]).

71.

О дозволеніи Мицкевичу издавать журналъ Ирида.

Господинъ Попечитель Московскаго Учебнаго Округа при представленіи своемъ Вашему Высокопревосходительству, отъ 15 сего ноября, за № 1536, препроводилъ копію съ представленія къ нему Московскаго Цензурнаго Комитета о дозволеніи чиновнику 12-го класса Адаму Мицкевичу издавать въ Москвѣ, съ будущаго 1828 года, повременное сочиненіе на польскомъ языкѣ, подъ названіемъ *Ирида*. Господинъ Попечитель изъясняетъ, что съ своей стороны препятствія къ изданію означеннаго журнала онъ не находитъ и проситъ въ семъ случаѣ разрѣшенія Вашего Высокопревосходительства. Сверхъ того, при означенномъ представленіи Г. Попечитель присовокупилъ обстоятельное изложеніе цѣли и содержанія означеннаго повременнаго сочиненія, прежнія просителя печатныя сочиненія, послужный списокъ, свидѣтельство и аттестатъ, данный ему изъ Виленскаго Университета, подписку чиновника 9 класса Малевскаго, принимающаго на себя обязанность издателя въ случаѣ болѣзни или смерти самаго Мицкевича; при семъ приложены: a) аттестатъ, данный г. Малевскому изъ Виленскаго Университета и b) послужный его списокъ. Планъ вышеозначеннаго журнала долженъ состоять изъ трехъ отдѣленій:

1. Литературы и изящныхъ искусствъ;
2. Наукъ историко-политическихъ;
3. Извѣстій.

---

1) Подлинникъ въ Губернскомъ Архивѣ въ Москвѣ, дѣло № 86300.

Въ двухъ первыхъ отдѣленіяхъ помѣщаемы будутъ подробныя объ избранныхъ предметахъ разсужденія, критическіе разборы сочиненій или извѣстія объ нихъ, предложенныя въ видѣ извлеченій и переводовъ, біографіи знаменитыхъ ученыхъ. Въ первомъ отдѣленіи особенное мѣсто занимать будетъ литература древняя, греческая и латинская. Во второмъ отдѣленіи статьи, относящіяся къ успѣхамъ современнаго образованія, обнаруживающимся въ ходѣ промышленности, въ новомъ направленіи торговли, въ движеніяхъ кредита и пр., обрабатываемы будутъ по историческимъ отношеніямъ; разсматриваніе сихъ предметовъ въ политическомъ отношеніи и вообще все, относящееся къ современной политикѣ, не войдетъ въ предѣлы журнала. Въ отдѣленіи извѣстій помѣщаемы будутъ донесенія о новыхъ изобрѣтеніяхъ, открытіяхъ, о трудахъ ученыхъ обществъ, извѣстія библіографическія, статистическія, относящіяся къ промышленности и торговлѣ. Извѣстія объ иностранной литературѣ занимаемы будутъ изъ журналовъ, выписываемыхъ по почтѣ, и изъ книгъ, выписываемыхъ черезъ книгопродавцевъ.

Главный Цензурный Комитетъ, разсмотрѣвъ планъ предполагаемаго чиновникомъ 12 класса Мицкевичемъ журнала Ирида, имѣющаго цѣлью пользу и взаимное сближеніе словесности польской и россійской, и принимая въ уваженіе ходатайство о немъ г. Попечителя и Московскаго Цензурнаго Комитета, не находитъ препятствій къ разрѣшенію Мицкевичу, снискавшему великую извѣстность своими поэтическими произведеніями, издавать предполагаемый журналъ.

Предсѣдатель

инженеръ генералъ-лейтенантъ Карбоньеръ.

Резолюція:

Его Высокопревосходительство Господинъ Министръ Народнаго Просвѣщенія изволилъ приказать дѣло сіе передать въ свою

Канцелярію, для соображенія съ имѣющимся въ оной дѣломъ о г. Мицкевичѣ. Декабря 2 дня 1827 года [1]).

72.

Министерство Народнаго Просвѣщенія. Главный Цензурный Комитетъ. Въ С.-Петербургѣ. 3 декабря 1827. № 449. Съ препровожденіемъ дѣла о Мицкевичѣ.

Въ Канцелярію Господина Министра Народнаго Просвѣщенія.

По докладу Его Высокопревосходительству Господину Министру Народнаго Просвѣщенія, по представленію Господина Попечителя Московскаго Учебнаго Округа, о дозволеніи чиновнику 12 класса Адаму Мицкевичу издавать въ Москвѣ, съ будущаго 1828 года, журналъ на польскомъ языкѣ, подъ названіемъ: «Ирида», Его Высокопревосходительство приказать изволилъ дѣло сіе передать въ означенную Канцелярію, для соображенія съ имѣющимся въ оной дѣломъ о г. Мицкевичѣ.

Вслѣдствіе сего Главный Цензурный Комитетъ честь имѣетъ препроводить при семъ, какъ представленіе Г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа съ приложеніями, такъ и докладную по сему предмету записку.

Предсѣдатель инженеръ генералъ-лейтенантъ Карбоньеръ.

Правитель дѣлъ Василій Комовскій [2]).

---

1) Подлинникъ въ архивѣ М. Н. П., дѣло № 127219.

2) Подлинникъ въ архивѣ М. Н. П., № 127219, картонъ 8, съ надписью: «№ 8259, 4 декабря 1827».

73.

Справка о Адамѣ Мицкевичѣ, выведенная по случаю просимаго имъ дозволенія издавать въ Москвѣ періодическое сочиненіе на польскомъ языкѣ подъ названіемъ «Iris».

Съ 1817 или 1818 года духъ преобразованія умовъ, поселившійся въ большей части Нѣмецкихъ университетовъ, а также въ Варшавскомъ и Краковскомъ, водворился было и въ Виленскомъ университетѣ и въ училищахъ, принадлежащихъ къ его учебному округу. Два общества Свислоцкой гимназіи, первое подъ названіемъ *Учебнаго*, а второе *Моральнаго*, и три въ Университетѣ: *Филоматовъ*, *Променистовъ* и *Филаретовъ*, подъ скромнымъ предлогомъ усовершенствованія въ наукахъ, имѣли въ продолженіи образовать наставниковъ юношества въ одномъ извѣстномъ направленіи ума и тѣмъ самымъ дѣйствовать успѣшнѣйшимъ образомъ на воспитаніе всего будущаго поколѣнія, внушеніемъ въ юные умы и сердца закоснѣлой ненависти противу Россіи и мечтанія о возстановленіи независимости Польши, подобно тому, какъ въ Германіи студентскія общества имѣли въ предметѣ возстановленіе Общаго Германскаго владѣнія. Какъ тамъ, такъ и здѣсь, тайною цѣлью соединенія была революція въ умахъ, а орудія къ тому профессоры и педагоги.

По произведеніи подробнаго по сему предмету слѣдствія Высочайше утвержденъ былъ особый Комитетъ для разсмотрѣнія дѣлъ, относящихся до безпорядковъ, случившихся въ Виленскомъ университетѣ.

Журналомъ сего Комитета, Высочайше утвержденнымъ въ 14 день августа 1824 года, между прочимъ постановлено:

«1. Хотя вина учрежденія тайныхъ обществъ Филоматовъ и Филаретовъ и участвованія въ оныхъ падаетъ на всѣхъ вообще сочленовъ, но принимая въ уваженіе, что они были вовлечены въ сей проступокъ примѣромъ старшихъ сотоварищей и вліяніемъ господствующаго духа времени и что бо̀льшая часть изъ нихъ находились въ теченіе семи мѣсяцевъ подъ строгимъ арестомъ,

взыскавъ съ нихъ въ равной части издержки, на производство слѣдствія употребленныя, отъ дальнѣйшей отвѣтственности освободить, за исключеніемъ однакожъ нижеслѣдующихъ».

«2. Десять человѣкъ Филоматскаго общества, кои посвятили себя учительскому званію, а также тѣхъ изъ Филаретовъ, кои оказались дѣятельнѣйшими по предосудительнымъ видамъ сего общества, не оставляя въ польскихъ губерніяхъ, гдѣ они думали распространить безразсудный польскій націонализмъ, посредствомъ обученія, употребить по части училищной въ отдаленныхъ отъ Польши губерніяхъ, впредь до разрѣшенія имъ возвратиться на родину».

Въ исполненіе сего Г. Попечитель Виленскаго Учебнаго Округа выслалъ сихъ студентовъ въ С.-Петербургъ и доставилъ Г. Министру имянной имъ списокъ, съ отмѣткою противъ каждаго имени, къ какому занятію или въ какую должность по своимъ способностямъ и собственному желанію, кто изъ нихъ употребленъ быть можетъ.

Г. Министръ, разсмотрѣвъ сіи объясненія, нашелъ, что бòльшая часть изъ нихъ, по несовершенному знанію русскаго языка, не могутъ преподавать наукъ на семъ языкѣ, и, слѣдовательно, не могутъ принести большой пользы русскимъ училищамъ.

Г. Министръ, донося о семъ 16 ноября 1824 года всеподданнѣйше Государю Императору, испрашивалъ Высочайшаго Его дозволенія изъ числа сихъ студентовъ тѣхъ, кои пожелаютъ быть учителями, принять на учительскія вакансіи внѣ польскихъ губерній, а другимъ разрѣшить опредѣленіе въ службу по собственному ихъ желанію здѣсь въ С.-Петербургѣ или въ другихъ удаленныхъ отъ Польши губерніяхъ, предоставляя всѣмъ право вступить въ службу классами, соотвѣтствующими той ученой степени, которую они получили въ Виленскомъ университетѣ.

На сіе получилъ Г. Министръ Высочайшее повелѣніе: здѣсь въ С.-Петербургѣ никого не оставлять, а размѣстить по ихъ желанію и способностямъ въ другіе, только не въ польскіе города, сдѣлавъ нужныя для нихъ пособія.

Въ исполненіе сей Высочайшей воли приказалъ Г. Министръ отобрать отъ сихъ студентовъ свѣдѣніе, въ какой родъ службы и куда, именно, кто изъ нихъ поступить желаетъ.

Изъ числа означенныхъ студентовъ кандидатъ философіи Адамъ Мицкевичъ, подходившій подъ 2-й пунктъ упомянутаго положенія Комитета, объявилъ желаніе служить при Ришельевскомъ лицеѣ. По сдѣланному Г. Министромъ распоряженію, былъ туда отправленъ для опредѣленія къ должности, знаніямъ его и способностямъ соотвѣтственной.

Впослѣдствіи, и именно февраля 8 дня 1825 года, Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: бывшихъ студентовъ Виленскаго университета, вызванныхъ сюда по вышеупомянутымъ происшествіямъ, не опредѣлять въ Ришельевскій лицей и вообще въ южныя провинціи, но въ самыя внутреннія, по собственному ихъ избранію и въ такой родъ службы, въ какой они сами пожелаютъ, также по недостаточному ихъ состоянію сдѣлать имъ нужное по сему случаю пособіе.

Вслѣдствіе чего, Г. Управляющій Ришельевскимъ лицеемъ, 17 августа 1825 года, донесъ Г. Министру, что помянутый кандидатъ Мицкевичъ объявилъ желаніе служить въ канцеляріи Московскаго военнаго генералъ-губернатора кн. Голицына. Г. Министръ, 11 сентября 1825 года, отнесся къ нему объ опредѣленіи Мицкевича въ канцелярію его. На сіе князь Голицынъ отношеніемъ своимъ, отъ 19 сентября того же года, изъявилъ согласіе; вслѣдствіе чего, предписано было Г. Управляющему Ришельевскимъ лицеемъ отправить Мицкевича въ Москву къ тамошнему военному генералъ-губернатору. Г. Управляющій Ришельевскимъ лицеемъ, 17 декабря 1825 года, донесъ Г. Министру, что Мицкевичъ отправленъ въ Москву, и съ того времени Министерство Народнаго Просвѣщенія не имѣетъ о немъ никакого свѣдѣнія.

Въ должности директора Гаевскій.

На полѣ отмѣчено:

«Находилось въ разсмотрѣніи Г. Товарища Министра (Д. Н.

Блудова), съ 6 по 9 декабря 1827 года, и возвращено отъ Его Превосходительства съ особымъ письменнымъ мнѣніемъ, которое, вмѣстѣ съ сею справкою и другими бумагами, доложено Г. Министру 10 декабря»[1]).

74.

Имѣю честь препроводить къ Вамъ записку о Мицкевичѣ съ приложеніями и съ слѣдующимъ замѣчаніемъ Господина Товарища Министра:

«Не бывъ членомъ Комитета, который разсматривалъ дѣла тайныхъ обществъ университета Виленскаго, я не въ состояніи судить, до какой степени гг. Мицкевичъ и Малевскій могли быть виновны и могутъ доселѣ быть подозрительными, слѣдовательно не мнѣ судить и о томъ, будутъ-ли они благонадежны въ званіи журналистовъ. Я замѣчу только, что если Правительство нашло нужнымъ запретить имъ жить и служить въ Польшѣ, то, вѣроятно, по тѣмъ же причинамъ, сіе Правительство не дозволитъ имъ дѣйствовать на умы въ Польшѣ посредствомъ журнала. Впрочемъ, скажу еще разъ, что мнѣ, по незнанію Виленскаго слѣдственнаго дѣла, нельзя основательно судить объ этомъ».

Телешевъ.

9 декабря 1827 г.

Его Высокоблагородію П. И. Гаевскому.

Резолюція:

Доложено Г. Министру 10 декабря 1827. Его Высокопревосходительство, согласно съ мнѣніемъ своего товарища, рѣшилъ не давать просимаго г. Мицкевичемъ права на изданіе польскаго журнала въ Москвѣ[2]).

---

1) Подлинникъ въ архивѣ М. Н. П., дѣло № 127219.
2) Подлинникъ въ архивѣ М. Н. П., тамъ же.

75.

Министерство Народнаго Просвѣщенія и Главное Управленіе Духовными Дѣлами Иностранныхъ Исповѣданій. Канцелярія. Столъ I. 13 декабря 1827 года. № 1957. Отвѣтъ на № 1536.

Господину Попечителю Московскаго Учебнаго Округа.

Представленіемъ, отъ 15 минувшаго ноября, Ваше Превосходительство просили разрѣшенія моего о дозволеніи чиновнику 12-го класса Мицкевичу издавать въ Москвѣ журналъ на польскомъ языкѣ, подъ названіемъ «Iris», причемъ, между прочими документами, приложена подписка чиновника IX-го класса Малевскаго, принимающаго на себя обязанность издателя въ случаѣ болѣзни или смерти самаго Мицкевича.

На сіе имѣю честь увѣдомить Ваше Превосходительство, что оба сіи чиновника суть изъ числа тѣхъ воспитанниковъ Виленскаго университета, коихъ, по случаю происшедшихъ тамъ безпорядковъ, Высочайше повелѣно было размѣстить на службу во внутреннія губерніи. Не повторяя здѣсь о поводѣ къ таковому распоряженію, что̀ впрочемъ извѣстно Вашему Превосходительству изъ переписки о другихъ подобныхъ студентахъ, служащихъ подъ начальствомъ Вашимъ, я замѣчу только, что поелику Правительство нашло нужнымъ запретить имъ жить и служить въ польскихъ губерніяхъ, то я самъ собою не могу дозволить гг. Мицкевичу и Малевскому изданіе журнала на польскомъ языкѣ; входить же о семъ съ представленіемъ къ Государю Императору я не нахожу ни приличія, ни уважительной къ тому причины.

Возвращая у сего университетскіе аттестаты гг. Мицкевича и Малевскаго, для передачи оныхъ въ мѣсто ихъ служенія, я покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство о содержаніи сего моего предложенія дать знать Московскому Цензурному Комитету.

Министръ Народнаго Просвѣщенія Александръ Шишковъ.

Въ должности директора П. Гаевскій[1]).

---

1) Копія въ архивѣ Московскаго Цензурнаго Комитета.

76.

По № 8259. Столъ I. № 1979. 16 декабря 1827. Въ Главный Цензурный Комитетъ.

Канцелярія Министра Народнаго Просвѣщенія долгомъ почитаетъ увѣдомить Главный Цензурный Комитетъ, что Его Высокопревосходительство не изъявилъ своего согласія на издаваніе чиновникомъ 12 класса Адамомъ Мицкевичемъ въ Москвѣ журнала на польскомъ языкѣ, подъ названіемъ *Ирида*, о чемъ и дано предложеніе Господину Попечителю Московскаго Учебнаго Округа, для объявленія по принадлежности.

Въ должности директора П. Гаевскій.

Вѣрно. Столоначальникъ Новосильскій [1]).

77.

Министерство Народнаго Просвѣщенія. Отъ Попечителя Московскаго Учебнаго Округа. Въ Москвѣ. 24 декабря 1827 г. № 1758.

Московскому Цензурному Комитету.

О дозволеніи чиновнику 12-го класса Мицкевичу издавать въ Москвѣ журналъ на польскомъ языкѣ, подъ названіемъ «Iris», я представлялъ Его Высокопревосходительству Г. Министру Народнаго Просвѣщенія. Съ полученнаго мною на сіе отъ него Г. Министра отношенія препровождаю при семъ въ оный Комитетъ для надлежащаго исполненія копію.

Попечитель Московскаго Учебнаго Округа,

Генералъ-Маіоръ Писаревъ.

Старшій письмоводитель Третьяковъ [2]).

---

1) Копія въ архивѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія № 127219, картонъ 8.

2) Подлинникъ въ архивѣ Московскаго Цензурнаго Комитета, съ помѣткою: «(получено) 1827 года декабря 28.»

78.

Его Сіятельству Господину Московскому Военному Генералъ Губернатору Князю Д. В. Голицыну

чиновника Вашего Сіятельства
12-го класса Адама Мицкевича

ПРОШЕНІЕ.

Не получивъ облегченія въ настоящей моей болѣзни, осмѣливаюсь просить Ваше Сіятельство, по случаю истекшаго срока на данный мнѣ отпускъ, дозволить мнѣ прожить нѣкоторое еще время въ С.-Петербургѣ. При чемъ честь имѣю представить докторское свидѣтельство о болѣзненномъ моемъ состояніи. С.-Петербургъ 1828[1]) года января 3 дня.

Адамъ Мицкевичъ[2]).

79.

Свидѣтельство.

Симъ свидѣтельствую, что чиновникъ 12-го класса г. Мицкевичъ, служащій въ канцеляріи Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора, находясь въ отпуску въ С.-Петербургѣ, дѣйствительно занемогъ простудною лихорадкою, сопряженною съ сильнымъ кашлемъ и болью груди и что онъ, по причинѣ болѣзни, никакъ не можетъ слѣдовать къ своему мѣсту прежде выздоровленія. Генваря 3 дня 1829 г.

Кавалергардскаго полка полковой штабсъ-лѣкарь
коллежскій совѣтникъ Погоржанскій.

Резолюція кн. Голицына 10 января 1829 года:
«Согласенъ на 4 мѣсяца»[3]).

---

1) Ошибкой вмѣсто 1829.
2) Автографъ въ Губернскомъ Архивѣ въ Москвѣ, дѣло № 86300.
3) Подлинникъ въ Губернскомъ Архивѣ въ Москвѣ, дѣло № 86300.

80.

Всепресвѣтлѣйшій, Державнѣйшій, Великій Государь Императоръ, Николай Павловичъ, Самодержецъ Всероссійскій, Государь Всемилостивѣйшій.

Проситъ 12 класса Адамъ Николаевъ сынъ Мицкевичъ, о нижеслѣдующемъ:

Находясь нынѣ на службѣ при Московскомъ Военномъ Генералъ-Губернаторѣ, имѣю желаніе продолжать оную въ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, почему, представляя при семъ аттестатъ о наукахъ моихъ и свидѣтельство о дворянствѣ [1]), всеподданнѣйше прошу

Къ сему

Дабы Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества указомъ повелѣно было сіе мое прошеніе въ Государственную Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ принять и меня въ оную опредѣлить.

прошенію

Всемилостивѣйшій Государь! Прошу Вашего Императорскаго Величества о семъ моемъ прошеніи рѣшеніе учинить. Февраля [2]) дня 1829 года. Къ поданію подлежитъ въ Государственную Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ. Прошеніе писалъ титулярный совѣтникъ Александръ Котовъ.

XII класса Адамъ Николаевъ сынъ
Мицкевичъ руку приложилъ [3]).

---

1) Этого аттестата при дѣлѣ не имѣется.

2) Числа недостаетъ.

3) Подлинникъ въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, 1829, № 7, IV, 1; на немъ помѣтки: «№ 1165» и «19 февраля 1829».

81.

12 класса Адамъ Мицкевичъ, по окончаніи наукъ въ Виленскомъ университетѣ, въ коемъ онъ предпочтительно обучался греческой и латинской словесности, получивъ степень кандидата, поступилъ въ должность старшаго учителя въ Ковенскомъ училищѣ. Въ 1824 году назначенъ былъ въ таковой же должности въ Ришельевскій лицей въ Одессѣ, потомъ же перемѣстился въ канцелярію Московскаго Генералъ-Губернатора, гдѣ и нынѣ состоитъ на службѣ. Желая опредѣлиться на открывшуюся вакансію переводчика въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, проситъ о допущеніи его къ испытанію въ достаточномъ знаніи языковъ, нужныхъ для занятій сей должности[1]).

82.

Князю Голицыну отъ графа Нессельрода.

Находящійся при Вашемъ Сіятельствѣ чиновникъ 12 класса Адамъ Мицкевичъ подалъ въ Государственную Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ прошеніе объ опредѣленіи его въ вѣдомство оной.

Вслѣдствіе чего, покорнѣйше прошу Васъ, Милостивый Государь, почтить меня увѣдомленіемъ, не имѣется-ли къ увольненію г. Мицкевича отъ настоящей его должности какого-либо препятствія, и если онаго не настоитъ, въ таковомъ случаѣ доставить мнѣ формулярный о службѣ его списокъ и аттестатъ.

№ 1413
25 февраля 1829[1]).

---

1) Автографъ Мицкевича тамъ же.
2) Подлинникъ тамъ же съ помѣткою: «№ 2512, 15 апрѣля 1829».

83.

Милостивый Государь мой, графъ Карлъ Васильевичъ.

Ненаходя никакихъ препятствій къ перемѣщенію состоящаго при мнѣ 12 класса Адама Мицкевича въ Государственную Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, я имѣю честь, согласно отношенію Вашего Сіятельства, отъ 25 истекшаго февраля, препроводить у сего формулярный о службѣ г. Мицкевича списокъ и надлежащій аттестатъ, считая за обязанность присовокупить при томъ, что чиновникъ сей въ продолженіи его служенія подъ моимъ начальствомъ всегда при хорошемъ поведеніи исправлялъ возложенную на него обязанность съ усердіемъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ и таковою же преданностью имѣю честь быть Вашего Сіятельства покорнѣйшимъ слугою.

Дмитрій Голицынъ.

№ 1061.
9 апрѣля 1829.

Его Сіятельству Графу Карлу Васильевичу Нессельроду [1]).

84.

Формулярный списокъ о службѣ 12 класса Мицкевича 1829 года.

1. Чинъ, имя, фамилія, должность имъ отправляемая и сколько отъ роду лѣтъ?

12 класса Адамъ Николаевъ сынъ Мицкевичъ.

2. Изъ какого званія происходитъ?

Изъ какого званія происходитъ по документамъ не видно.

---

1) Подлинникъ тамъ же съ помѣткою: «№ 2512, 15 апрѣля 1829».

3. Есть-ли за нимъ, за родителями его или, когда женатъ, за женою недвижимое имѣніе?

Не имѣетъ.

4. Когда въ службу вступилъ, и въ оной какими чинами, въ какихъ должностяхъ и гдѣ происходилъ, также не было-ли какихъ отличныхъ по службѣ дѣяній, и не былъ ли особенно кромѣ чиновъ чѣмъ награждаемъ и въ какое время?

По полученіи степени кандидата въ Виленскомъ университетѣ поступилъ въ штатъ канцеляріи Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора 1826 года февраля 11 дня.

Переименованъ Указомъ Правительствующаго Сената 29 апрѣля 1826 года въ чинъ 12 класса со старшинствомъ со дня вступленія въ дѣйствительную службу.

5. Въ походахъ противъ непріятеля и въ самыхъ сраженіяхъ былъ или нѣтъ и когда именно?

Не былъ.

6. Не былъ ли въ штрафахъ и подъ судомъ, и если былъ, то за что̀ именно, когда и чѣмъ дѣло кончено?

Не былъ.

7. Къ продолженію статской службы способенъ и къ повышенію чина достоинъ или нѣтъ и зачѣмъ?

Способенъ и достоинъ.

8. Не былъ ли въ отпускахъ, и если былъ, то когда именно и на сколько времени и являлся ли на срокъ къ должности?

Былъ 13 апрѣля 1828 года на два мѣсяца; не явясь на срокъ 15 іюня доставилъ прошеніе объ отсрочкѣ, по которому вновь выданъ ему паспортъ на два мѣсяца того же 15 іюня; потомъ по присланному отъ него прошенію 12 августа уволенъ на одинъ мѣсяцъ; но на срокъ

не явился, а доставилъ прошеніе о продолженіи отпуска, объясняя въ ономъ, что онъ не явился по болѣзни, недозволившей ему окончить дѣла свои, почему съ 2 сентября и данъ ему отпускъ до 1 генваря 1829 года, а съ 11 генваря сего года, по присланной отъ него просьбѣ и приложенному при оной свидѣтельству о болѣзни его, вновъ выданъ отпускъ на четыре мѣсяца.

9. Не былъ ли въ отставкѣ съ награжденіемъ чина или безъ онаго и когда?

Не былъ.

10. Женатъ ли, имѣетъ ли дѣтей, кого именно, какихъ лѣтъ и гдѣ они находятся.

Холостъ.

Генералъ отъ кавалеріи князь Голицынъ[1]).

85.

Аттестатъ.

№ 1062. 12 класса Адаму Николаеву сыну Мицкевичу въ томъ, что онъ, какъ изъ свидѣтельства, выданнаго ему за подписаніемъ Ректора Виленскаго Университета, видно, по окончаніи наукъ въ Новогрудскомъ Уѣздномъ Училищѣ былъ 1815 года сентября 17 дня принятъ въ число учениковъ Императорскаго Виленскаго Университета и въ продолженіи перваго учебнаго года, обучаясь, по отдѣленію физико-математическихъ наукъ, физикѣ, химіи, алгебрѣ и высшей чистой математикѣ, и выдержавъ изъ оныхъ экзаменъ 27 іюня 1816 года получилъ степень кандидата философіи; послѣ, по отдѣленію словесныхъ

1) Подлинникъ тамъ же, съ помѣткою: «къ № 2512».

наукъ и изящныхъ художествъ, слушалъ курсъ греческой и латинской словесности, всеобщей исторіи и поэзіи, россійской словесности, логики, языковъ: французскаго, нѣмецкаго и англійскаго въ продолженіи трехъ лѣтъ, и въ томъ же отдѣленіи держалъ экзаменъ на степень магистра, но его не кончилъ; въ 1819 году сентября 1 дня назначенъ учителемъ словесности и исторіи въ Ковенское уѣздное училище и, пробывъ въ сей должности три года, по принадлежанію къ тайнымъ обществамъ филаретовъ и и филоматовъ, на основаніи Высочайше утвержденной 14 августа 1824 года выписки изъ журнала Комитета для разсмотрѣнія безпорядковъ по Виленскому Учебному Округу, отправленъ въ отдаленныя отъ Польши губерніи; 1826 февраля 1 опредѣленъ въ число чиновниковъ канцеляріи Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора; Указомъ Правительствующаго Сената того же года апрѣля 29 переименованъ въ 12 классъ со старшинствомъ со дня вступленія въ дѣйствительную службу. Нынѣ по прошенію отъ настоящей должности уволенъ; во время же служенія подъ моимъ начальствомъ въ штрафахъ и подъ судомъ не бывалъ, всегда аттестовался способнымъ и къ повышенію чина достойнымъ, при отличномъ поведеніи возлагаемыя на него порученія исполнялъ съ примѣрнымъ усердіемъ и дѣятельностью, въ удостовѣреніе чего и данъ ему (сей аттестатъ) за подписаніемъ моимъ и приложеніемъ печати герба моего. Москва, 9 апрѣля 1829 года.

Его Императорскаго Величества, Всемилостивѣйшаго Государя моего, генералъ отъ кавалеріи, Московскій Военный Генералъ-Губернаторъ, Управляющій и гражданскою частью, Главный Начальникъ Комиссіи для строеній въ Москвѣ, всѣхъ Россійскихъ и разныхъ Иностранныхъ Орденовъ Кавалеръ

Кн. Голицынъ [1]).

---

1) Подлинникъ въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, 1829, № 7, IV, 1, съ помѣткою: «къ № 2512».

86.

Милостивый Государь, князь Дмитрій Владимировичъ. Я имѣлъ честь получить при отношеніи Вашего Сіятельства, отъ 9 минувшаго апрѣля, подъ № 1061, формулярный списокъ и аттестатъ о службѣ находившагося при Васъ чиновника 12 класса Адама Мицкевича, изъявившаго желаніе продолжать службу въ вѣдомствѣ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ.

Нынѣ до свѣдѣнія моего дошло, что г. Мицкевичъ прежде нежели учинено было распоряженіе объ опредѣленіи его въ Коллегію, отправился въ чужіе краи.

По сей причинѣ, не находя нужнымъ причислять къ Коллегіи чиновника, за границею пребываніе имѣющаго, я вмѣняю себѣ въ обязанность увѣдомить о семъ Ваше Сіятельство, присовокупляя къ сему, что аттестатъ о службѣ Мицкевича будетъ храниться въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ до востребованія.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью имѣю честь быть Вашего Сіятельства покорнѣйшимъ слугою.

(Графъ Нессельроде).

№ 6014.
Іюля 31 дня 1829 года.

Его Сіятельству Князю Д. В. Голицыну [1]).

---

1) Копія, тамъ же.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LXVI, № 6.

ОТЧЕТЪ

о

ПРИСУЖДЕНІИ ПРЕМІЙ

Проф. А. А. КОТЛЯРЕВСКАГО

въ 1898 году.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 линія, № 12.
1900.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Январь 1900 г. Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

Содержаніе.

ОТЧЕТЪ

О

ПРИСУЖДЕНІИ ПРЕМІЙ ПРОФ. А. А. КОТЛЯРЕВСКАГО,

читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 19 октября 1898 года Предсѣдательствующимъ въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности, Ординарнымъ академикомъ **А. Ѳ. Бычковымъ.**

Въ настоящемъ году, на соисканіе премій покойнаго члена-корреспондента Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ А. А. Котляревскаго, учрежденныхъ для награжденія трудовъ по славянскимъ древностямъ, по исторіи славянскихъ литературъ, а также изслѣдованій по славянскимъ нарѣчіямъ въ грамматическомъ и лексическомъ отношеніи, поступили слѣдующіе четыре труда: 1) профессора чешскаго языка и литературы въ Пражскомъ Чешскомъ университетѣ, дѣйствительнаго члена Чешской Академіи Наукъ, доктора Яна Гебауера, «Historická mluvnice jazyka českého, díl I: Hláskosloví и díl III: Tvarosloví, I: Skloňování (v Praze, 1894—1896); 2) экстраординарнаго профессора Императорскаго Юрьевскаго университета А. Н. Ясинскаго—«Паденіе земскаго строя въ Чешскомъ государствѣ (X—XIII вв.)». (Кіевъ, 1895 г.); 3) ординарнаго профессора Императорскаго университета Св. Владимира Т. Д. Флоринскаго—«Лекціи по славянскому

языкознанію. Часть II: Сѣверо-западные славянскіе языки». (Спб. и Кіевъ, 1897 г.) и 4) преподавателя академической гимназіи въ Прагѣ, члена Королевскаго Чешскаго Общества Наукъ, редактора журнала «Krok», Ѳ. В. Прусика — собраніе его трудовъ по изученію текстовъ чешской Александреиды: а) Staročeské Alexandreidy rýmované. Upravil a výkladem opatřil Frant. Xav. Prusík (v Praze, 1896), б) Českých Alexandreid rýmovaných pramenové a obapolný poměr. Uvažuje Frant. Xav. Prusík (v Praze, 1891) и в) его же замѣтки и изслѣдованія въ 16 выпускахъ издаваемаго имъ журнала «Krok» (ročník II, 1888 — r. X, 1896).

На основаніи правилъ о названныхъ преміяхъ къ участію въ разсмотрѣніи двухъ изъ этихъ трудовъ приглашены были Отдѣленіемъ русскаго языка и словесности ординарные профессора Императорскихъ университетовъ — Московскаго Р. Ѳ. Брандтъ и Варшавскаго К. Я. Гротъ; два же другіе труда были разсмотрѣны академиками И. В. Ягичемъ и А. А. Шахматовымъ.

Рецензіи, послужившія основаніемъ для означенныхъ присужденій приводятся ниже въ извлеченіи[1]):

Разборъ сочиненія Historická mluvnice jazyka českého. Napsal Jan Gebauer. [Díl I. Hláskosloví. V Praze a ve Vídni. 1894. 8°. XII. 702.—Díl III. Tvarosloví. I. Skloňování. V Praze a ve Vídni. 1896. 8°. 637] принялъ на себя академикъ А. А. Шахматовъ.

Вышедшіе два обширные тома Исторической грамматики чешскаго языка составляютъ только часть задуманнаго профессоромъ Пражскаго Университета Яномъ Гебауеромъ труда,

1) Означенныя рецензіи въ полномъ видѣ помѣщены въ приложеніяхъ къ настоящему Отчету.

но уже по нимъ можно себѣ ясно представить, какой величественный памятникъ историческому изученію родного языка воздвигаетъ почтенный ученый. О такихъ трудахъ, замѣчаетъ рецензентъ, какова Историческая грамматика Гебауера, нельзя говорить иначе, какъ съ глубокимъ уваженіемъ; въ этомъ согласны всѣ критическіе отзывы, вызванные появленіемъ первой части Грамматики, и между прочимъ отзывъ нашего сочлена академика И. В. Ягича, давшаго подробный разборъ его въ XVI томѣ Archiv für Slavische Philologie. Рядъ положительныхъ достоинствъ предвѣщаетъ труду Гебауера прочную будущность и рѣшающее вліяніе на послѣдующія изслѣдованія въ области не только чешской, но и вообще славянской филологіи: ученый профессоръ основалъ историческую грамматику на обильномъ и прекрасно подобранномъ матеріалѣ, освѣтивъ его остроумнымъ изслѣдованіемъ, предложеннымъ въ книгѣ въ самой доступной, а вмѣстѣ съ тѣмъ строго научной формѣ.

Отмѣтивъ точность анализа изучаемыхъ фактовъ и упорное стремленіе автора доказать закономѣрность въ развитіи языка, признавъ это однимъ изъ выдающихся достоинствъ изслѣдователя, рецензентъ не обходитъ молчаніемъ и нѣкоторыхъ такихъ пріемовъ изслѣдованія, цѣлесообразность которыхъ можетъ быть подвержена сомнѣнію. Въ основаніе своей Исторической грамматики Гебауеръ положилъ письменный языкъ, т. е. изученіе памятниковъ, рукописныхъ и печатныхъ произведеній различныхъ эпохъ; фактамъ же, представляемымъ современными говорами, придается лишь второстепенное значеніе, и не они служатъ главными данными при возстановленіи звуковъ и формъ старочешской и болѣе отдаленныхъ эпохъ. Между тѣмъ сравнительное изученіе живыхъ говоровъ весьма часто можетъ дать болѣе надежныя основанія для опредѣленія звуковыхъ явленій и характеристики отдѣльныхъ звуковъ древняго языка, чѣмъ изученіе письменныхъ памятниковъ, тѣмъ болѣе если правописаніе ихъ несовершенно и искусственно. Рецензентъ доказываетъ, что увлеченіе Гебауера свидѣтельствами рукописныхъ источниковъ съ

одной стороны привело его къ смѣшенію звуковыхъ явленій съ графическими, а съ другой вызвало нѣсколько поспѣшныхъ выводовъ, не находящихся въ соотвѣтствіи съ данными живыхъ говоровъ. Но кромѣ того Гебауеръ не разграничилъ въ своей фонетикѣ явленій звуковыхъ отъ фактовъ, относящихся къ ученію о формахъ и словообразованіи, а въ морфологіи отвелъ слишкомъ много мѣста разсмотрѣнію различныхъ графическихъ явленій, ничего общаго съ живымъ языкомъ не имѣющихъ. Не придавая особеннаго значенія такой не вполнѣ правильной группировкѣ матеріала, рецензентъ видитъ слабую сторону грамматическихъ изслѣдованій Гебауера въ его отношеніи къ историческому методу. Отдѣльныя эпохи, которыя пережилъ чешскій языкъ и которыя являются промежуточными между общеславянскимъ языкомъ и современнымъ состояніемъ живыхъ чешскихъ говоровъ, оставлены Гебауеромъ безъ характеристики; правда, авторъ говоритъ иногда о явленіяхъ доисторической эпохи жизни чешскаго языка, но нигдѣ не опредѣляетъ, какими данными онъ руководился, относя то или другое явленіе къ этой доисторической эпохѣ. Между тѣмъ сравнительное изученіе чешскихъ и словацкихъ говоровъ приводитъ къ возстановленію эпохи чешско-словацкой, въ теченіе которой чешская семья, обособившись отъ всѣхъ прочихъ славянскихъ языковъ, пережила длинный рядъ звуковыхъ, а частью и морфологическихъ явленій. Этой эпохѣ, по мнѣнію рецензента, опирающагося при этомъ на нѣкоторые намеки самого Гебауера, предшествовала эпоха общезападнославянскаго единства, когда чешскій, польскій, лужицкіе и другіе языки, отдѣлившись, какъ отъ восточныхъ, такъ и отъ южныхъ славянъ, переживали нѣкоторыя общія звуковыя явленія, совершенно измѣнившія первоначальный общеславянскій звуковой ихъ составъ. И такъ, между общеславянской или, какъ ее называетъ Гебауеръ, праславянской эпохой и современной намъ эпохой жизни чешскаго языка, изслѣдователь долженъ различать двѣ переходныя эпохи — общезападнославянскую и чешскословацкую. Точное опредѣленіе ихъ звукового состава, пріуроченіе къ нимъ того

или другого звукового явленія должны входить въ задачу исторической грамматики чешскаго языка, такъ какъ иначе изслѣдователь не будетъ въ состояніи установить прямой, преемственной связи между предполагаемымъ праязыкомъ и современными говорами. Указанный пробѣлъ Исторической грамматики Гебауера выступаетъ особенно ясно наружу при описаніи нѣкоторыхъ сложныхъ звуковыхъ явленій, пережитыхъ чешскимъ языкомъ. Вторую часть своего разбора рецензентъ посвятилъ изслѣдованію нѣкоторыхъ изъ этихъ явленій, опираясь при этомъ на матеріалъ, а часто и на выводы, принадлежащіе Гебауеру.

Въ заключеніи своего разбора рецензентъ говоритъ: «Къ трудамъ, подобнымъ Исторической грамматикѣ чешскаго языка, нельзя предъявлять тѣхъ требованій, съ которыми мы встрѣчаемъ появленіе трудовъ посвященныхъ изслѣдованію какой-нибудь узкой области языкознанія. Методологическія ошибки, недостатокъ матеріала, смѣшеніе предметовъ изслѣдованія достаточны для того, чтобы обезцѣнить такіе труды. Напротивъ, самые крупные недостатки такихъ капитальныхъ работъ, каково историческое изложеніе судебъ какого-нибудь языка, не могутъ подорвать ихъ значенія, такъ какъ въ результатѣ все же оказывается выполненною та задача, къ которой стремятся усилія отдѣльныхъ изслѣдователей, — дать общую картину развитія того или другого языка. Но Историческая грамматика Гебауера свободна отъ крупныхъ недостатковъ, а тѣ слабыя стороны въ изложеніи или въ объясненіяхъ автора, которыя я выдвинулъ въ своемъ разборѣ, отступаютъ совершенно на задній планъ сравнительно съ положительными достоинствами этого труда, давшаго образцовую и высоконаучную обработку надежнаго матеріала, почти цѣликомъ извлеченнаго изъ первоисточниковъ. Задача, къ которой стремились Гебауеръ и вмѣстѣ съ нимъ рядъ другихъ чешскихъ филологовъ, достигнута: основанія исторической грамматики заложены, и на нихъ уже красуется начало великолѣпнаго зданія, поражающаго прочностью своей архитектуры, цѣлесообразностью плана, принятаго въ руководство строителемъ,

и наконецъ первостепеннымъ качествомъ матеріала. Останавливаться долго на нѣкоторой поспѣшности кладки, на недостаткахъ въ отдѣлкѣ фасада, на невыдержанности стиля не приходится, не приходится особенно тому наблюдателю, который ни у себя на родинѣ, ни въ другихъ родственныхъ странахъ не видитъ подобныхъ величественныхъ сооруженій. Увѣнчаніе Исторической грамматики чешскаго языка, составленной Яномъ Гебауеромъ, полною преміей имени Котляревскаго будетъ вполнѣ заслуженнымъ вниманіемъ къ труду, которымъ могутъ гордиться не только чехи, но и всѣ прочіе славяне».

Сочиненіе проф. А. Н. Ясинскаго «Паденіе земскаго строя въ Чешскомъ Государствѣ. (X—XIII вв.)». [Кіевъ, 1895. 8°] по просьбѣ Отдѣленія разсмотрѣно ординарнымъ профессоромъ Императорскаго Варшавскаго Университета К. Я. Гротомъ.

Авторъ, какъ онъ самъ говоритъ въ предисловіи къ своему труду, предпринялъ его съ цѣлью выяснить возникновеніе въ Чешскомъ государствѣ того сословно-привиллегированнаго строя, который въ главныхъ своихъ чертахъ опредѣлился во второй половинѣ XIV вѣка, при чемъ онъ имѣлъ въ виду не только установить рядъ тѣхъ явленій, въ которыхъ оказалось разложеніе земскаго строя, сложившагося на основахъ общеславянскаго демократическаго и патріархальнаго родового быта, но также опредѣлить, въ какой мѣрѣ слѣдуетъ считать этотъ процессъ самобытнымъ.

Изученіе источниковъ древней Чешской исторіи привело г. Ясинскаго къ убѣжденію, что основы сословно-привиллегированнаго строя въ Чешскомъ государствѣ слагались подъ вліяніемъ нуждъ и потребностей, самостоятельно зародившихся и созрѣвшихъ въ нѣдрахъ этого государства.

По словамъ рецензента, г. Ясинскій, взявъ такой суще-

ственный вопросъ Чешской исторіи предметомъ своего изслѣдованія, несомнѣнно могъ надѣяться — и не напрасно — внести нѣчто новое въ науку, особенно въ виду того, что область эта въ Чешской исторической литературѣ въ послѣднее время дѣйствительно мало обращала на себя вниманіе и что большинство современныхъ Чешскихъ историковъ самостоятельно не занималось ея разработкою и принимало на вѣру выводы своихъ старыхъ ученыхъ авторитетовъ.

Но, по мнѣнію г. Грота, задача, взятая авторомъ для рѣшенія, слишкомъ широка, слишкомъ сложна и многообъемлюща, чтобы могла быть удовлетворительно рѣшена въ тѣхъ ограниченныхъ рамкахъ, которыя онъ себѣ поставилъ, и при пособіи того матеріала, который имѣлся въ его распоряженіи, тѣмъ болѣе, что она соприкасается съ исторіею права и для всесторонней и полной своей обработки требуетъ близкаго знакомства съ нею, а съ этой точки зрѣнія у него не безъ пробѣловъ и недочетовъ.

Можно почти положительно сказать, что съ устраненіемъ указаннаго недостатка результаты изученія этого сложнаго историческаго процесса были бы по всей вѣроятности нѣсколько иные и едва ли отличались бы такою рѣшительною противоположностію воззрѣніямъ, господствующимъ до сихъ поръ въ Чешской исторіографіи.

Сверхъ того нельзя не замѣтить, что вопросъ, составляющій предметъ изслѣдованія г. Ясинскаго, не есть вопросъ частный или узко спеціальный, но одинъ изъ самыхъ крупныхъ, самыхъ важныхъ и основныхъ вопросовъ исторической судьбы Западнаго славянства, которыми опредѣляется весь ея смыслъ и характеръ, — это вопросъ, который существуетъ не въ одной исторіи Чехіи, а касается одинаково всего западно-славянскаго міра и можетъ быть поставленъ гораздо шире.

Какимъ образомъ, подъ какими воздѣйствіями развивалась соціально-политическая жизнь и государственность не только у Чеховъ, но и у другихъ западно-славянскихъ народностей, попавшихъ въ аналогическія условія со времени принятія ими хри-

стіанства, какими путями и при какихъ условіяхъ онѣ переходили отъ первоначальныхъ своихъ племенныхъ, а потомъ, такъ называемыхъ, земскихъ установленій къ новому строю съ западно-европейскимъ характеромъ — это вопросъ, напрашивающійся на рѣшеніе самъ собою, и нельзя не пожалѣть, что авторъ его почти не коснулся. Нѣмецкая колонизація и торговыя связи въ сопутствіи нѣмецкихъ правовыхъ началъ съ одной стороны и Римская церковь съ ея организаціей, культурнымъ и просвѣтительнымъ вліяніемъ съ другой оставлены авторомъ на заднемъ планѣ, не оцѣненными. Объ усиленной нѣмецкой колонизаціи съ XIII вѣка, объ устройствѣ городовъ на Нѣмецкомъ правѣ, о созданіи новаго мѣщанскаго сословія г. Ясинскій совсѣмъ не говоритъ, считая все это лежащимъ внѣ предѣловъ занимающаго его земскаго періода, — но едва ли онъ правъ въ этомъ.

Рецензентъ, указавъ на эти существенные, по его мнѣнію, недостатки труда г. Ясинскаго, разсматриваетъ за тѣмъ его по частямъ, сжато передаетъ въ самыхъ существенныхъ положеніяхъ и чертахъ содержаніе изслѣдованія и попутно дѣлаетъ свои замѣчанія и возраженія, не соглашаясь иногда съ крайностями его выводовъ, равно какъ и съ постановкою нѣкоторыхъ вопросовъ, и въ заключеніи высказываетъ слѣдующее: «Всѣ указанные недостатки и пробѣлы въ разобранномъ сочиненіи, при всей серіозности нѣкоторыхъ изъ нихъ, не могутъ затмить его свѣтлыхъ, положительныхъ сторонъ, его крупныхъ достоинствъ и отнять у него несомнѣнно значительную научную цѣнность. Работа г. Ясинскаго въ полной мѣрѣ самостоятельна и по замыслу и по исполненію. Она основана на тщательномъ изученіи источниковъ. Изложеніе систематическое и строго научное. Основная мысль г. Ясинскаго представляетъ новый и своеобразный взглядъ на исторію внутренняго соціальнаго и государственнаго развитія Чехіи ранняго (земскаго) періода. Если этотъ взглядъ и оказывается слишкомъ далеко идущимъ въ отрицаніи господствующихъ воззрѣній и вдающимся въ противоположную крайность, слишкомъ абсолютнымъ и исключительнымъ рѣшеніемъ

вопроса въ извѣстномъ смыслѣ, то все же онъ несомнѣнно плодотворенъ, давая этому интереснѣйшему вопросу новую постановку и новое освѣщеніе. Нашъ авторъ — послѣ Палацкаго, Томка и другихъ Чешскихъ авторитетовъ — въ новѣйшее время впервые внимательнѣе и глубже заглянулъ въ сложный процессъ внутренняго историческаго развитія Чешскаго государства и сдѣлалъ попытку объяснить тѣ внутреннія причины, тѣ обстоятельства, отношенія и потребности, которыя обусловили историческую необходимость постепеннаго превращенія земскаго строя въ сословно-привиллегированный — и въ этомъ его неоспоримая заслуга. Если онъ увлекся въ своемъ конечномъ выводѣ объ органическомъ и самобытномъ соціальномъ развитіи Чехіи и въ своемъ слишкомъ рѣшительномъ отрицаніи того, что добыто предшествовавшими ему изслѣдователями, то это однакожъ не мѣшаетъ признать за его сочиненіемъ значеніе труда, двигающаго науку впередъ по правильному въ своей основѣ пути. Цѣлый рядъ важныхъ вопросовъ обслѣдованъ въ его книгѣ по первоисточникамъ и въ этихъ интересныхъ этюдахъ находится множество новыхъ наблюденій, вѣскихъ замѣчаній и соображеній. Всѣ они въ общемъ расчищаютъ и прокладываютъ путь будущимъ изслѣдователямъ, которымъ придется и послѣ капитальнаго труда г. Липперта считаться съ толкованіями и мнѣніями г. Ясинскаго».

Въ виду всего сказаннаго, рецензентъ призналъ сочиненіе г. Ясинскаго, въ значительной степени отличающееся учеными достоинствами, вполнѣ заслуживающимъ поощренія и находитъ справедливымъ присудить автору за него половинную премію.

Представленное на соисканіе преміи Котляревскаго сочиненіе профессора Т. Д. Флоринскаго, Лекціи по славянскому языкознанію. Часть вторая. [Сѣверо-западные славянскіе языки (чешскій, словацкій, польскій, кашубскій, серболу-

жицкій и полабскій (вымершій). С.-Петербургъ и Кіевъ, 1897. 8°. XVI. 703] по отзыву профессора Р. Θ. Брандта, обязательно принявшаго на себя его разсмотрѣніе, написано по тому-же плану, какъ первая его часть, увѣнчанная Императорскою Академіею Наукъ Ломоносовскою преміей въ половинномъ размѣрѣ. Въ общемъ обѣ половины этого труда отличаются тѣми же достоинствами и тѣми же недостатками. Не придавая особеннаго значенія тѣмъ мелкимъ отступленіямъ отъ первоначальнаго плана изданія, которыя отличаютъ эту вторую часть его, рецензентъ подробно останавливается на предложенной г. Флоринскимъ группировкѣ сѣверозападныхъ славянскихъ языковъ, справедливо упрекая его въ мало основанномъ отдѣленіи словацкаго языка отъ чешскаго, такъ какъ сравнительное изученіе обоихъ этихъ языковъ показываетъ, что оба они восходятъ къ одному общему праязыку — чехословацкому. Не сочувствуя также допущенному проф. Флоринскимъ отдѣленію кашубской рѣчи отъ польской, такъ какъ обѣ онѣ возводятся къ кашубско-польскому единству, рецензентъ выставляетъ на видъ непослѣдовательность автора, рѣшившагося разсмотрѣть верхне- и нижне-лужицкіе языки въ одномъ общемъ отдѣлѣ, подъ однимъ общимъ заглавіемъ (серболужицкіе языки): дѣйствительно, близость родства между обоими лужицкими языками приблизительно та же, что между чешскимъ и словацкимъ, кашубскимъ и польскимъ. За этими указаніями на общіе недостатки въ пріемахъ изслѣдованія автора, проф. Брандтъ въ цѣломъ рядѣ замѣтокъ приводитъ недосмотры, неточности, погрѣшности, невѣрныя объясненія и пропуски, допущенные г. Флоринскимъ. По важности и обстоятельности нѣкоторыхъ изъ замѣчаній рецензента, они должны быть признаны цѣннымъ вкладомъ въ научное изученіе славянскихъ языковъ, тѣмъ болѣе что въ нихъ находится не мало методологическихъ указаній. Вмѣстѣ съ тѣмъ они имѣютъ въ виду облегчить начинающимъ ученымъ и студентамъ пользованіе Лекціями Флоринскаго, которыя впрочемъ надо признать надежнымъ и вполнѣ научнымъ руководствомъ при изученіи славян-

скихъ нарѣчій. Свой разборъ почтенный рецензентъ заключаетъ слѣдующими словами: «Не должно забывать, что науки, не обладающія математически-точными доказательствами, всегда оставляютъ значительный просторъ личному пониманію, и что при разногласіи между рецензентомъ и авторомъ правда не всегда будетъ на сторонѣ рецензента. Вообще же сочиненіе Флоринскаго, представляющее единственный въ своемъ родѣ и весьма полезный университетскій учебникъ, должно быть признано книгою хорошею и заслуживающею увѣнчанія искомою преміей».

Сочиненіе г. Прусика, подъ заглавіемъ «Staročeské Alexandreidy rýmované» [Upravil a výkladem opatřil Frant. Xav. Prusík. V Praze, 1896. 8°. IV. 87] вмѣстѣ съ другими его трудами, было разсмотрѣно академикомъ И. В. Ягичемъ.

Однимъ изъ лучшихъ произведеній древнечешской литературы слѣдуетъ признать переводъ или правильнѣе парафразу въ стихахъ извѣстнаго латинскаго эпоса объ Александрѣ Великомъ, Alexandreis Филиппа Вальтера de Castellione (Châtillon). Отрывки этого произведенія сохранились въ различныхъ чешскихъ рукописяхъ XIII—XV вв., но всѣ они вмѣстѣ взятые не представляютъ полнаго текста и не могутъ быть пока возведены къ одной основной редакціи чешской Александреиды. Чешской филологіи, при изученіи упомянутыхъ отрывковъ, приходится разрѣшать рядъ весьма сложныхъ вопросовъ о взаимномъ отношеніи различныхъ редакцій памятника, объ отношеніи перевода къ латинскому оригиналу, а также къ нѣмецкому эпосу объ Александрѣ Ульриха Эшенбахскаго; кромѣ того испорченность дошедшихъ отрывковъ обязываетъ ученыхъ объяснять отдѣльныя темныя и не вполнѣ понятныя мѣста ихъ текста. Г. Прусику, уже давно и усердно занимающемуся Александреидой въ чешской литературѣ, не удалось, по мнѣнію академика Ягича, выяснить взаимныя отношенія различныхъ ея отрывковъ; не

соглашаясь съ предполагаемою г. Прусикомъ рабскою передачей латинскаго оригинала въ чешской передѣлкѣ, рецензентъ не считаетъ вѣроятнымъ и мнѣнія автора о вліяніи чешской Александреиды на нѣмецкій эпосъ объ Александрѣ Ульриха Эшенбахскаго. Гораздо плодотворнѣе труды г. Прусика, посвященные критикѣ текста отрывковъ Александреиды и помѣщавшіеся имъ въ журналѣ «Krok» за 1892 и 1893 годы. Упрекая автора въ стремленіи насильственно согласовать чешскій переводъ съ латинскимъ оригиналомъ, академикъ Ягичъ находитъ тѣмъ не менѣе, что объясненія и критическія замѣчанія Прусика значительно облегчили пониманіе текста этого памятника. Въ представленномъ на соисканіе преміи Котляревскаго сочиненіи г. Прусикъ предложилъ систематическое возстановленіе текста чешской Александреиды на основаніи всѣхъ дошедшихъ до насъ отрывковъ; изданіе свое онъ снабдилъ критическими примѣчаніями и объясненіями. Положивъ въ основаніе своей Александреиды латинскій образецъ, г. Прусикъ, въ угоду этому образцу, прибѣгаетъ къ произвольнымъ перестановкамъ и мало обоснованнымъ предположеніямъ о пропускахъ. Не соглашаясь ни съ пріемами, которымъ, при возстановленіи текста, слѣдуетъ авторъ, ни въ частности со многими изъ его объясненій и, признавая ихъ несостоятельными съ точки зрѣнія научной, академикъ Ягичъ указываетъ на то, что изданіе Прусика удовлетворяетъ въ извѣстной степени цѣлямъ педагогическимъ, которыя авторъ и имѣлъ отчасти въ виду. Для молодежи высшихъ классовъ среднеучебныхъ заведеній изданіе проф. Прусика можетъ оказать большую пользу.

Въ заключеніи своего отзыва почтенный рецензентъ говоритъ: «Хотя я долженъ былъ возражать противъ многихъ пріемовъ критики проф. Прусика, хотя многія изъ предложенныхъ имъ исправленій древнечешской Александреиды не могутъ быть приняты, все же многолѣтнее, настойчивое изученіе этого великолѣпнаго памятника съ его стороны принесло уже свои плоды и заслуживаетъ поощренія».

По прочтеніи доставленныхъ гг. рецензентами разборовъ и устнаго обсужденія подлежавшихъ оцѣнкѣ трудовъ и по произведенной вслѣдъ затѣмъ закрытой баллотировкѣ, Отдѣленіе русскаго языка и словесности, признавъ трудъ Гебауера удовлетворяющимъ требованіямъ §§ 7, 9 и 11-го Правилъ о преміяхъ имени Котляревскаго, единогласно постановило присудить профессору Пражскаго Университета Яну Гебауеру полную премію въ тысячу рублей. Сочиненія же профессоровъ А. Н. Ясинскаго и Т. Д. Флоринскаго удостоить той же преміи въ половинномъ размѣрѣ каждое.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Отдѣленіе, отдавая полную справедливость многолѣтнимъ трудамъ профессора Прусика по изученію и объясненію весьма многихъ мѣстъ текстовъ чешскихъ Александреидъ, засвидѣтельствованнымъ съ лучшей стороны и авторитетнымъ рецензентомъ его изысканій академикомъ И. В. Ягичемъ, нашло, что г. Прусикъ вполнѣ достоинъ за свои труды поощренія; въ виду же того, что всѣ суммы, могущія быть выданными въ настоящее присужденіе въ видѣ премій проф. Котляревскаго, уже исчерпаны, Отдѣленіе постановило почтить труды г. Прусика назначеніемъ ему особой денежной награды изъ своихъ собственныхъ средствъ.

Въ изъявленіе признательности Императорской Академіи Наукъ постороннимъ гг. рецензентамъ, обязательно принявшимъ на себя разсмотрѣніе трудовъ, представленныхъ на соисканіе премій проф. Котляревскаго, Отдѣленіе, пользуясь дарованнымъ ему правомъ, присудило золотыя медали профессорамъ Р. Θ. Брандту и К. Я. Гроту.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Historická mluvnice jazyka českého. Napsal Jan Gebauer. Díl I. Hláskosloví. V Praze a ve Vídni. 1894. 8°. XII. 702. — Díl III. Tvarosloví. I. Skloňování. V Praze a ve Vídni. 1896. 8°. 637.

I.

Труды чешскихъ филологовъ, а между ними въ особенности проф. Пражскаго университета Гебауера, давно уже обратили на себя вниманіе славистовъ, удивлявшихся тѣмъ быстрымъ успѣхамъ, которые выпали на долю научной разработкѣ чешскаго языка. Съ одной стороны многочисленныя статьи и монографіи Гебауера и нѣкоторыхъ изъ его учениковъ свидѣтельствовали объ основательномъ изученіи историческихъ памятниковъ чешскаго языка, а это служило лучшимъ указаніемъ на правильную и цѣлесообразную постановку научнаго изслѣдованія; съ другой стороны работы Шемберы, Бартоша, Душека, Котсмиха, Пастернека и мн. др., посвященныя описанію чешскихъ и словацкихъ говоровъ, показывали, что разработка языка ведется не односторонне, что живое слово будетъ такъ же глубоко изслѣдовано, какъ и мертвая буква. Несмотря однако на все обиліе подготовительныхъ трудовъ, въ значительной степени облегчавшихъ появленіе крупнаго изслѣдованія объ историческихъ судьбахъ чешскаго языка, ихъ каз [illegible] статочно

для осуществленія той задачи, которую, въ видѣ конечнаго результата, имѣли въ виду всѣ разрозненныя изслѣдованія, а именно— составленія исторической грамматики чешскаго языка. Вышедшіе въ 1894 и 1896 гг. два тома этой грамматики доказываютъ, что автору ея — проф. Гебауеру нельзя было ограничиться готовыми данными, уже обнародованными и бывшими на разсмотрѣніи научной критики: ему пришлось продѣлать всю черновую работу подготовленія матеріала, съ тщательностью и умѣніемъ извлеченнаго изъ весьма значительнаго количества письменныхъ памятниковъ. Вмѣсто того, чтобы сосредоточить все вниманіе на выводахъ, научныхъ обобщеніяхъ, Гебауеру приходилось самому собирать матеріалъ, подвергать его предварительному изслѣдованію, давать ему критическую оцѣнку и уже затѣмъ приступать къ грамматическому изслѣдованію. Historická mluvnice вводитъ насъ въ самую лабораторію ея почтеннаго автора и такимъ образомъ даетъ возможность читателю продѣлать самому ту работу, въ результатѣ которой явились тѣ или другіе выводы Гебауера. Самое расположеніе изданія находится въ зависимости отъ того, что параллельно съ изслѣдованіемъ автору приходилось заниматься собираніемъ матеріаловъ. Признавъ возможнымъ выпустить въ свѣтъ фонетику и морфологію (пока вышелъ только отдѣлъ, посвященный склоненію), которыя, по выработанному авторомъ плану (ср. XI стр. I т.), должны составить первую и третью части грамматики, Гебауеру пришлось отложить выходъ второй и четвертой части (ученіе объ образованіи основъ и синтаксисъ), на неопредѣленное время, такъ какъ передъ этимъ онъ считаетъ необходимымъ заняться историческимъ словаремъ, гдѣ предполагается собрать матеріалъ, нужный для обработки этихъ частей исторической грамматики.

О такомъ трудѣ, каковы вышедшіе въ свѣтъ томы исторической грамматики Гебауера, нельзя говорить иначе, какъ съ глубокимъ уваженіемъ: въ этомъ согласны всѣ критическіе отзывы, вызванные появленіемъ перваго тома, и между прочимъ

отзывъ академика Ягича, давшаго обстоятельный разборъ его на страницахъ своего журнала (Archiv f. Sl. Ph., т. XVI). Къ положительнымъ сторонамъ работы Гебауера относится не только то, что онъ далъ обильный и прекрасно подобранный матеріалъ для исторіи чешскаго языка, но также и то, что онъ основалъ самую эту исторію цѣлымъ рядомъ прекрасныхъ изслѣдованій, предложенныхъ въ книгѣ въ самой доступной, а вмѣстѣ съ тѣмъ и научной формѣ. Изслѣдуя грамматическіе вопросы, Гебауеръ становится на точку зрѣнія современной лингвистики: читатель, знакомый съ однимъ изъ раннихъ сочиненій почтеннаго автора «Главнѣйшія особенности слав. нарѣчій», будетъ пораженъ, сравнивая его съ тѣми отдѣлами Исторической грамматики, гдѣ говорится объ общеславянскихъ явленіяхъ и устанавливается связь между звуками славянскихъ языковъ и индоевропейскаго праязыка. Тамъ виденъ неопытный ученый, растерявшійся въ массѣ фактовъ и не усвоившій себѣ пріемовъ сравнительнаго изслѣдованія, здѣсь находимъ сознательнаго послѣдователя новограмматиковъ, руководимаго при томъ собственнымъ научнымъ тактомъ. Этотъ научный тактъ не оставляетъ Гебауера ни тамъ, гдѣ онъ повторяетъ чужіе результаты, ни тамъ, гдѣ даетъ самостоятельное изслѣдованіе. Особенно ярко выражается онъ въ томъ обстоятельствѣ, что авторъ всюду ищетъ въ языкѣ закономѣрности; онъ не допускаетъ въ немъ случайностей, а потому всѣ факты языка подводятся подъ дѣйствіе опредѣленныхъ, дѣйствовавшихъ во времени и въ пространствѣ законовъ. Подъ закономъ Гебауеръ разумѣетъ, конечно, не правило школьной грамматики, за коимъ слѣдуютъ неизбѣжныя исключенія, а тѣ явленія, вызванныя психическими или физіологическими причинами, дѣйствіе которыхъ отразилось на болѣе или менѣе обширномъ количествѣ матеріала, подлежащаго нашему наблюденію въ прошедшемъ или настоящемъ. Къ сожалѣнію, Гебауеръ, при описаніи того или другого звукового явленія, не всегда отрѣшается отъ школьной терминологіи и, кажется, именно это вызвало нѣсколько возраженій со стороны Ягича, упрекаю-

щаго автора въ томъ, что онъ старается, иногда насильственно, создавать «правила», вмѣсто того чтобы ограничиваться простымъ анализомъ изучаемыхъ фактовъ. Такъ между прочимъ на стр. 516, обсуждая «математическое» правило Гебауера объ исчезновеніи ъ и ь въ чешскомъ языкѣ (jerové pravidlo), Ягичъ справедливо замѣчаетъ, что наблюденіе Гебауера вѣрно, но терминологія его слишкомъ искусственная, механическая. Звуки ъ и ь частью исчезали, частью переходили въ звуки *е* не по какому нибудь правилу, опредѣлявшему, что ъ и ь на четномъ мѣстѣ, считая отъ конца слова (въ рядѣ слоговъ съ этими звуками), должны перейти въ гласныя *е*, а на нечетномъ мѣстѣ (въ слогахъ, сопровождаемыхъ слогами съ другими гласными или также съ ъ и ь) исчезать (sъnъ переходило въ sen, šьvьcьmь въ ševcem, šьvьcь въ švec), а очевидно потому, что они въ одномъ изъ этихъ положеній звучали иначе, чѣмъ въ другомъ. Въ положеніи передъ слогомъ съ ъ и ь, звуки ъ и ь были звуками слоговыми, потому что за ними слѣдовали звуки неслоговые; во всякомъ другомъ положеніи [1]) и между прочимъ даже передъ слоговыми *r* и *l* (въ словахъ какъ gъrstь, vьrstâ) они въ общесл. яз. частью были (передъ *r* и *l*), частью же стали въ извѣстную эпоху неслоговыми. Слоговыя ъ и ь, какъ въ чешскомъ, такъ и въ другихъ славянскихъ языкахъ переходили въ гласныя другого ряда, между тѣмъ какъ неслоговыя ъ и ь исчезали изъ произношенія [2]). Но врядъ ли справедливо, на основаніи неудачной формулировки нѣкоторыхъ явленій, осуждать автора за его стремленіе съ одной стороны искать въ фактахъ языка закономѣрности, съ другой подчеркивать тѣ изъ нихъ, которые противорѣчатъ предположенному закону, не согласуются съ даннымъ явленіемъ: со своей

---

1) Впрочемъ, думаю, что ъ и ь подъ удареніемъ, въ первомъ слогѣ двусложныхъ словъ, также оставались слоговыми; чешск. deska при стар. dъska заимствуетъ свое *е* изъ формъ desku, desky.

2) Въ русскомъ языкѣ неслоговыя ъ и ь становились слоговыми также передъ древними слоговыми *r* и *l*, послѣ утраты послѣдними ихъ слогового характера (верста, горсть).

стороны я осудилъ бы Гебауера за то, еслибы онъ въ приводимыхъ имъ изъ «правила» или «закона» исключеніяхъ не старался найти опять таки закономѣрности, не пытался объяснить ихъ перекрещивающимся дѣйствіемъ двухъ или нѣсколькихъ противорѣчащихъ другъ другу законовъ, а далъ бы въ своихъ объясненіяхъ просторъ элементу случайности. Но въ этомъ нельзя обвинить почтеннаго автора Исторической грамматики.

Гебауеръ считается однимъ изъ лучшихъ знатоковъ чешской письменности; мнѣ, въ качествѣ рецензента его капитальнаго труда, невозможно судить о томъ, насколько онъ исчерпалъ матеріалы, представляющіе интересъ для исторической грамматики. Самъ авторъ скромно сознается въ томъ, что ему остались неизвѣстными многіе памятники не только XVI и послѣдующихъ вѣковъ, но даже и XV вѣка. Тѣмъ не менѣе обиліе извлеченнаго изъ памятниковъ матеріала поразительно: кое-что въ интересахъ научнаго освѣщенія грамматическихъ вопросовъ слѣдовало бы даже оставить въ сторонѣ или сократить, какъ мнѣ кажется, по высказаннымъ ниже соображеніямъ. Но рядомъ съ этимъ читатель поражается скудостью приводимыхъ изъ живого языка данныхъ: правда, Гебауеръ воспользовался работами Шемберы, Бартоша (а именно первой частью его «Dialektologie moravská») и др., но очевидно въ этомъ направленіи, т. е. въ области изученія чешскихъ говоровъ, сдѣлано сравнительно гораздо меньше, чѣмъ въ отношеніи къ письменнымъ памятникамъ языка. Вмѣстѣ съ тѣмъ это обстоятельство выясняетъ намъ значеніе подготовительныхъ работъ, принадлежащихъ самому Гебауеру: если бы онъ самъ не потрудился надъ памятниками, факты древняго, письменнаго языка были бы представлены въ его грамматикѣ такъ же слабо, какъ факты языка живого. Гебауеръ самъ не работалъ надъ изученіемъ чешскихъ и словацкихъ говоровъ — это и отразилось на его трудѣ. Конечно, поставить это обстоятельство въ вину почтенному ученому совершенно невозможно, но тѣмъ не менѣе нельзя не отмѣтить, что имъ опредѣлился весь характеръ исторической грамматики Гебауера. Въ основаніе

ея положены не данныя живого языка, а свидѣтельства языка письменнаго, т. е. она построена не на томъ надежномъ историческомъ матеріалѣ, который извлекается изъ сравнительнаго изученія живыхъ говоровъ, а на томъ слабомъ, неотчетливомъ отраженіи языка, которое представляютъ изъ себя письменные памятники, да еще при условіяхъ преемственнаго, историческаго правописанія. Историческая грамматика Гебауера очень много выиграла бы, если бы въ ней почаще дѣлались заключенія отъ фактовъ современныхъ къ фактамъ древнѣйшимъ, если бы звуки и даже формы старочешскаго языка были возстановлены путемъ сравнительнаго изученія современныхъ чешскихъ и словацкихъ говоровъ, при чемъ данными письменнаго языка лишь подтверждалась правильность сдѣланныхъ выводовъ. Мнѣ кажется, что подробное и при томъ строго научное изученіе фонетики живыхъ говоровъ весьма часто давало бы болѣе надежныя основанія для опредѣленія звуковыхъ явленій или характера отдѣльныхъ звуковъ въ старочешскую эпоху, чѣмъ изученіе письменныхъ памятниковъ, графика которыхъ столь несовершенна и искусственна. Между тѣмъ авторъ, вмѣсто того, чтобы заняться нѣкоторыми тонкостями въ дѣйствительномъ, живомъ произношеніи звуковъ, удѣлилъ слишкомъ много мѣста тщательному разсмотрѣнію различныхъ графическихъ явленій въ древнихъ чешскихъ памятникахъ. Правда, данныя древняго правописанія требуютъ подробнаго изученія, по скольку изслѣдователь надѣется открыть въ нихъ указаніе на живое произношеніе; но изученіе описокъ, ошибочныхъ пріемовъ, незаконныхъ увлеченій, систематическихъ отклоненій отъ произношенія ни въ коемъ случаѣ не должно входить въ задачу исторической грамматики. Гебауеръ, отведя этому излишнему балласту слишкомъ много мѣста, этимъ самымъ иногда совершенно затемняетъ сущность разсматриваемаго звукового явленія. Такъ, напримѣръ, послѣ перехода звука *u* въ положеніи за j и смягченными согласными въ *i*, написанія iu, yu и даже u древнихъ памятниковъ читались какъ *i:* lyud, liute, tissucz произносились lid, lité, tisíc; естественно, что звукъ *i* сталъ изо-

бражаться тогда не только буквами i, ii, y, ij и т. д., но также еще буквами iu, yu и даже иногда буквой u: tyusiucie, prawiciu (вм. pravici), radytyu (вм. raditi), trpietyu (вм. trpěti) и даже sluzuli вм. slúžili. Подобныя написанія для языковѣда имѣютъ лишь тотъ интересъ, что доказываютъ то, что, ко времени ихъ появленія въ древнечешской письменности, въ языкѣ уже совершился переходъ *u* за j и смягченными согласными въ *i*. Гебауеръ придаетъ этому чисто графическому явленію гораздо большее значеніе, чѣмъ оно заслуживаетъ: посвятивъ ему цѣлый 168-й § (I, с. 216—218), онъ возвращается къ нему же въ § 170-мъ (с. 225) и не скупится на примѣры подобныхъ ошибочныхъ написаній. Правда, онъ и не признаетъ ихъ слѣдствіемъ только графическаго недоразумѣнія и объясняетъ ихъ какъ результатъ искусственнаго произношенія, архаизирующаго стремленія книжниковъ, которые знали въ своемъ языкѣ рядомъ съ древнимъ произношеніемъ dušu, dušiu новое duši и потому писали и даже искусственно произносили (с. 218) звуки *u*, *iu*, *iú*, *u* вм. первоначальныхъ *i* и *í*. Но проще думаю видѣть здѣсь простое и весьма обыкновенное графическое явленіе, сходное съ тѣмъ, которое вызывало въ среднегреческомъ языкѣ написанія οι, ει вм. первоначальныхъ υ, ι, или во французскомъ ai вмѣсто ожидаемаго e. Но если бы даже Гебауеръ былъ правъ и произношеніе съ *u*, *iu* вм. *i* встрѣчалось мѣстами въ искусственной рѣчи книжниковъ, неужели стоитъ упоминать, при разсмотрѣніи отдѣльныхъ формъ склоненія, о такихъ написаніяхъ какъ snamenyu вм. znamení, lidyu вм. lidí въ р. мн. (III, с. 169 и 346) или hrziessyu вм. hřieši въ им. мн. (III, с. 47)? Тоже должно сказать о весьма распространенномъ пріемѣ изображать звукъ *i* буквами ie, о которомъ говоритъ § 170, а въ особенности стр. 224—225. Совершенно лишне было возвращаться къ подобнымъ написаніямъ къ морфологіи и приводить, напр. при разсмотрѣніи формъ дат. пад., spasenye вм. spasení (изъ болѣе древняго spaseniu), мѣст. пад. v mém kazanye вм. kazaní (изъ болѣе древняго kazaniu или kazanii), ср. III, 165 и 166. Мнѣ представляется, что

Гебауеръ, стремясь дать въ своей исторической грамматикѣ полную картину письменнаго языка, слишкомъ увлекался собраннымъ имъ матеріаломъ и, можетъ быть, даже умышленно не отдѣлялъ явленій языка и явленій графики. Это повело, однако, къ цѣлому ряду недоразумѣній. Особенно часто говоритъ Гебауеръ о явленіяхъ обратной аналогіи (zvratná analogie), смѣшивая при этомъ новые пріемы письма съ вновь появлявшимися звуками и звуковыми сочетаніями. Въ § 122 Гебауеръ говоритъ, что въ переходныя эпохи между двумя фонетическими явленіями, старшимъ—A и новѣйшимъ, смѣнившимъ его—B, когда A и B еще существовали рядомъ другъ съ другомъ, чередованіе A и B вызывало появленіе A (A′) и при первоначальномъ, древнѣйшемъ B (B′); напр. переходъ aj въ ej вызвалъ, по мнѣнію Гебауера, появленіе aj вм. древняго ej въ ту промежуточную эпоху, которая слѣдовала за указаннымъ переходомъ и предшествовала окончательному вытѣсненію звукового сочетанія aj черезъ ej; вм. zajtra, volajte появлялись zejtra, volejte; чередованіе zajtra и zejtra вызывало появленіе najsem вм. nejsem, odajdeme вм. odejdeme. Я никакъ не могу согласиться съ г. Гебауеромъ и допустить появленіе A′ вм. B′ подъ вліяніемъ ложной или обратной аналогіи: если *aj* по фонетическимъ причинамъ перешло въ языкѣ въ *ej*, то во-первыхъ не можетъ быть и рѣчи о продолжающемся чередованіи старыхъ формъ съ *aj* и новыхъ формъ съ *ej*, во-вторыхъ ужъ ни въ коемъ случаѣ нельзя ожидать расширенія, распространенія произношенія съ *aj*, какъ противорѣчащаго дѣйствующему фонетическому закону. Не въ переходную эпоху отъ *aj* къ *ej*, а въ послѣдующее за совершившимся переходомъ *aj* въ *ej* время возможны новообразованія, гдѣ возстановляется, подъ вліяніемъ какой-нибудь аналогіи, древнее *aj* вм. новаго *ej*, въ виду прекратившагося дѣйствія указаннаго закона объ измѣненіи *aj* въ *ej*: такъ вм. старочешскаго tejný въ новочешскомъ появляется tajný подъ вліяніемъ tajiti, tajemný (ср. с. 135). Въ виду этого я не допускаю возможности существованія въ языкѣ такихъ формъ какъ приведенное выше najsem,

и написанія naysem, odayme, sayde, гдѣ *ay* вм. первоначальнаго *ej*, доказываютъ по моему мнѣнію лишь то, что у писцовъ, употреблявшихъ ихъ, буквы ay изображали тотъ же звукъ что ey, что слѣдовательно въ ихъ языкѣ древнее ay читалось уже какъ *ey*. Гебауеръ былъ раньше того же мнѣнія (ср. его статью въ Listech fil. 1874 года), признавая въ написаніяхъ какъ naysem лишь графическое явленіе, но теперь (с. 137) онъ выражаетъ убѣжденіе въ томъ, что подобныя явленія, вызванныя ложною аналогіей, имѣли мѣсто не только на письмѣ, но и въ живой рѣчи. Въ другихъ мѣстахъ книги это же положеніе высказывается съ значительными ограниченіями, а именно существованіе подобныхъ явленій допускается только въ искусственной рѣчи образованныхъ книжно людей: но и съ такими ограниченіями положеніе Гебауера представляется мнѣ совершенно невѣроятнымъ. Болѣе сомнительно, напр., чтобы даже въ искусственной рѣчи когда-нибудь говорилось sluonce, dluoho, ruocho; такія написанія свидѣтельствуютъ лишь о томъ, что *uo* напр. въ buoh уже перешло въ *ū* (būh), почему написаніе uo могло обозначать уже не только дифтонгъ uo, но и простой звукъ *u* (I, 263). Невѣроятно, чтобы nedawy, nechyž, posluchyte можно было читать такъ, какъ ихъ передаетъ Гебауеръ на с. 138, т. е. какъ nedavý, nechý, poslúchýte: буква y, послѣ перехода *ý* въ *ej*, стала обозначать и дифтонгъ *ej*, почему приведенныя написанія слѣдуетъ читать: nedavej, nechej, poslúchejte и т. п. Точно также daufati нельзя читать съ дифтонгомъ *au*, какъ это дѣлаетъ Гебауеръ (с. 263); *au* передаетъ здѣсь звукъ *ou*, что стало неизбѣжнымъ послѣ перехода дифтонга *au* (напр. въ saud) въ *ou* (soud). Увлеченіе письменными данными языка привело Гебауера и къ другимъ ошибкамъ: такъ, признавъ что написанія съ *au*, *aj* выражаютъ именно дифтонги съ слоговымъ *a*, онъ (с. 282) на основаніи рукописныхъ mlayn, daym, maydlo и т. п. дѣлаетъ выводъ о томъ, что *ý* измѣнилось въ старочешскомъ въ *aj*, а потомъ уже явилось *ej* (совр. mlejn, dejm). Между тѣмъ одинъ изъ древнѣйшихъ примѣровъ, гдѣ *aj* замѣнило древнее *ý* заимствованъ изъ рукописи

Svato-Vítské 1380—1400 (wayducz, также nebayway); а въ этой рукописи, какъ это видно изъ § 120, читается и weywody (3 л. наст. вр.); слѣдовательно, въ языкѣ писавшаго эту рукопись уже совершился переходъ *aj* въ *ej*, почему *aj* въ nebayway должно читать именно какъ *ej*. Такимъ образомъ памятники не даютъ Гебауеру основанія допускать посредствующую ступень между *ý* и *ej* въ видѣ дифтонга *aj*, и я вполнѣ согласенъ съ Ягичемъ, что предположеніе перехода *ý* въ *aj* труднѣе понять, чѣмъ измѣненіе *y* въ *ej*, имѣя въ виду характеръ звука *y*, близость его къ ъ (откуда въ чешскомъ *e*).—Въ § 226 мы читаемъ объ измѣненіи *r* и *l* слоговыхъ въ *ri* и *li*; въ подтвержденіе такого явленія приводится изъ памятниковъ рядъ написаній, какъ twrido, sridcem, tryh, zmlikla, а также діалектическія формы, подобныя pryst, sryna, vryba, smryć, sryvatka и т. п. Мнѣ кажется, что въ современныхъ говорахъ дѣйствительно возможенъ переходъ слоговыхъ *r* и *l* въ ry и ly, но переходъ этотъ сравнительно новый и можетъ быть прежде всего сопоставленъ съ появленіемъ въ нихъ yr, yl вм. тѣхъ же слоговыхъ *r* и *l* (ср. въ Ляшскомъ говорѣ kyrk, syrp, Byrno при діалектическихъ sryp, kryk и т. д., Bartoš I, 104). Онъ не имѣетъ ничего общаго съ появленіемъ написаній какъ Brido въ хроникѣ Козьмы Пражскаго по рукописи 1154 г. или съ twrido въ одной рукописи XIII в.: *ri*, *ry*, *li*, *ly* латинскихъ и чешскихъ рукописей употребляются для приблизительнаго выраженія слоговыхъ *r* и *l*, подобно тому какъ тѣ же рукописи передаютъ ихъ и написаніями *ir*, *yr*, *il*, *yl* (ср. у Козьмы Пражскаго по рукописи XIII в. Byrdo; въ одной рукописи около 1300 г., гдѣ встрѣчается написаніе sirdcem, находимъ также sridcem и т. д.); *r* слоговое передается даже черезъ *iri:* ср. birizo въ той же рукописи XIII в., гдѣ и twrido (с. 298). Во всякомъ случаѣ предполагаемыя Гебауеромъ старочешскія діалектическія priv, tvrido перешли бы въ přiv, tvřido и ни въ коемъ случаѣ не отразились бы въ современныхъ чешскихъ и моравскихъ говорахъ въ видѣ pryv, tvrydo. Приводимыя авторомъ въ подтвержденіе того, что *i*, *y* дѣйствительно изображаютъ звукъ *i*, напи-

санія, какъ drzizieti, omrzylec, okrzyslenye, частью должны быть поняты какъ простыя описки (drzizieti вм. drzieti), частью же дѣйствительно передаютъ звукъ ř, ничего общаго съ *r* слоговымъ не имѣющій: такъ okrzyslenye, т. е. okřslenie имѣетъ ř (а не слоговое *r*) изъ *rь*, ср. еще krzysta (с. 291), т. е. křsta изъ krьsta: извѣстно, что первоначальнымъ *rь*, *rъ*, *lь*, *lъ* въ старочешскомъ соотвѣтствовали не слоговыя *r* и *l* (являвшіяся въ результатѣ первоначальныхъ *ьr*, *ъr*, *ьl*, *ъl*), а неслоговыя *r* (ř) и *l* (ľ): ср. старочешское krvavý (двусложно) при slza, klnu (односложны), см. у Гебауера с. 288, 349. — Вслѣдствіе смѣшенія фонетическихъ явленій съ графическими, читая нѣкоторые отдѣлы Исторической грамматики, я не могъ отдать себѣ отчета, говорится ли въ нихъ объ измѣненіи звуковъ или о вычурахъ правописанія. Такъ § 454 озаглавленъ «j присоединяется» (j se přisouvá); онъ разбитъ на нѣсколько пунктовъ, гдѣ указываются различныя положенія, при которыхъ имѣетъ мѣсто это явленіе; въ 16-мъ п. говорится о присоединеніи j по ложной аналогіи къ *d, m, s;* правда, ссылка на § 315, 356 и 398 показываетъ, что Гебауеръ въ написаніяхъ какъ gdiechu вм. diechu, jsam вм. sam, gmanowe видитъ лишь графическое явленіе, вызванное чередованіемъ написаній какъ gdu (jdu) и du, gmam (jmam) и mam, но во-первыхъ мысль эта въ § 356 выражена недостаточно ясно (*říkalo* se způsobem starším jmám, jméno atp., a způsobem novějším mieti, mám, méno atd., a podle toho zdalo se, že i místo man- může býti jman-; мы ожидали бы: *písalo* se způsobem starším gmam, gmeno и т. д.); во-вторыхъ говорить о присоединеніи j къ d, m, s въ §, гдѣ толкуется о такихъ явленіяхъ, какъ jíva, jiskra, jikra вм. íva, iskra, ikra, можно было бы только въ томъ случаѣ, если бы g (j) въ gsam, gdiechu выражало дѣйствительно звукъ j. Въ § 392, озаглавленномъ «h se přisouvá», приводятся случаи гдѣ hp замѣняетъ p: таковы написанія hpany, hpannu; Гебауеръ сопоставляетъ съ ними написаніе hb вм. b въ hbratr въ одной рукописи XIV в., признавая, что оно можетъ быть опиской писца. Но неужели h въ hpany выражаетъ дѣйствительно живой звукъ?

Не вызвано ли оно какой нибудь графической причиной, подобною той, которая дала возможность появленію написаній gsam, gdiechu?

Въ обоихъ указанныхъ §§, 454-мъ и 392-мъ, мы видимъ смѣшеніе фонетическихъ явленій не только съ графическими, но также и съ такими, которыя вызваны вліяніемъ аналогіи, при чемъ тутъ же приводятся случаи, всецѣло относящіеся къ морфологіи и словообразованію. Такъ въ п. 5 § 454-го говорится о приставкѣ *j* къ начальному *i* въ jiný, jikra, въ п. 10 о появленіи *j* въ положеніи между гласными, напр. въ случаяхъ какъ Marija вм. Maria, а въ п. 12 разсматриваются нарѣчія, оканчивающіяся на *j* и восходящія къ болѣе древнимъ формамъ безъ *j* (více*j*, dálej), при чемъ *j* правильно объясняется здѣсь вліяніемъ случаевъ, какъ bohatěj вмѣсто bohatěji; а въ п. 13 приводится приставка *naj* при *na* въ образованіи превосходной степени (старочеш. návyšší при новочешск. nejvyšší), хотя тутъ же объясняется, что оба образованія *na-* и *naj-* восходятъ къ праславянской эпохѣ. Очевидно, въ §, гдѣ говорится о присоединеніи или вставкѣ *j*, не мѣсто говорить ни объ образованіи сравн. ст. нарѣчія, ни о приставкѣ, образующей превосходную степень.— Въ п.п. 1—8 § 392-го говорится о фонетическомъ появленіи h передъ начальными гласными, а также звуками r, l, n; поэтому мнѣ кажется неумѣстнымъ говорить въ п. 11 о діалект. hmoždíř вм. moždíř, такъ какъ, по объясненію самаго автора, *h* явилось здѣсь не фонетическимъ путемъ, а подъ вліяніемъ слова hmožditi (толочь); точно также въ п. 8 долженъ былъ бы быть выпущенъ примѣръ zkřehnouti вм. zkřenouti, такъ какъ h обязано своимъ появленіемъ вліянію слова křehký (ломкій, слабый).—Появленіе *v* въ причастныхъ формахъ vedv, přivedv, přinesv не подлежитъ обсужденію въ фонетикѣ (ср. I, 434), такъ какъ морфологія учитъ, что *v* заимствовано въ нихъ изъ формъ какъ dělav, prosiv, trpěv.—Въ § 427 идетъ рѣчь о приставкѣ звука *c* къ нарѣчнымъ формамъ, какъ діалект. jednúc, podruhúc вм. jednú, podruhú, тогда какъ *c* (общеслав. tj) представляетъ здѣсь словообразова-

тельный суффиксъ; говоря, что въ подобныхъ случаяхъ «c se přisouvá», Гебауеръ повторяетъ неточное выраженіе Бартоша (I, 16). — По всему видно, что Гебауеръ хотѣлъ въ 1-й части своего труда — фонетикѣ объяснить весь звуковой составъ чешскаго языка, независимо отъ того, какіе факторы при этомъ дѣйствовали — звуковые законы, законы словообразованія и образованія формъ. Подобная задача не только ненаучна, но и не выполнима. Ненаучна она потому, что кладетъ въ основаніе сравненія какую-то произвольную норму языка, признавая все несходное съ нею отклоненіемъ и объясняя это такими ничего не объясняющими терминами, какъ вставка, приставка, выпаденіе и т. п. Такъ Гебауеръ, исходя изъ исторически правильной формы moždíř (староверхненѣм. morsaere), говоритъ, что въ hmoždíř «h se přisouvá», а Бартошъ, исходя изъ литературной формы hmoždíř, учитъ, что въ діалект. moždíř «h se vysouvá» (I, 17): очевидно, фонетикѣ нечего дѣлать съ чередованіемъ hmoždíř и moždíř, такъ какъ оно принадлежитъ словарю, гдѣ и должно быть выяснено взаимное отношеніе обоихъ словъ. Не выполнима указанная выше задача потому, что, исходя изъ элементарнаго, ненаучнаго сравненія, можно пожалуй признать въ діалект. rybama при обычномъ rybami замѣну і черезъ а или въ формахъ р. мн. bohyní, otrokyní при bohyň, otrokyň «přisouvání í»: такое толкованіе ничѣмъ не отличается отъ приведеннаго выше объясненія jednúc изъ jednú приставкой звука *c;* но въ такомъ случаѣ въ фонетикѣ пришлось бы говорить обо всѣхъ формахъ склоненія и спряженія, такъ какъ онѣ по отдѣльнымъ эпохамъ и говорамъ отличаются между собой именно звуковою стороной.

И такъ, Гебауера можно упрекнуть въ томъ, что онъ не точно опредѣлилъ задачу составленной имъ фонетики. Предметомъ этого отдѣла исторической грамматики должно быть ученіе о звукахъ самихъ по себѣ, т. е. объ измѣненіяхъ ихъ, не зависящихъ отъ того, въ какихъ именно формахъ или словахъ они находятся. Слѣдовательно, сюда прежде всего относится изложеніе звуковыхъ законовъ, дѣйствовавшихъ въ различныя эпохи

когда, а діалектически существуютъ и теперь, формы им. мн. съ окончаніемъ *я* — сынóвя, татáровя, мѣщáня, дворя́ня, бояря; это *я* фонетически замѣнило древнее окончаніе *е* по тому же закону, по которому во многихъ русскихъ говорахъ, и между прочимъ въ сѣверновеликорусскихъ, неакающихъ, — есте, прощáйте измѣнились въ естя, прощáйтя, мене, тебе измѣнились въ меня, тебя. Въ этомъ русскомъ явленіи я вижу указаніе на то, что въ древнѣйшемъ періодѣ конечное е звучало открыто, какъ ä. Имѣя въ виду соотвѣтствіе великорусскимъ меня, тебя (прарусскимъ menä, tebä) словацкихъ формъ tebä, sebä, teb'a, seb'a, mňa, mnä, mna и т. д., мы въ правѣ предположить, что и въ праслова̣цкомъ конечное открытое *е* звучало открыто, какъ ä, переходя при извѣстныхъ условіяхъ въ *a*. Дѣйствительно, объяснять словацкія tebä, sebä изъ tebe, sebe вліяніемъ формъ t'a, sa представляется столь же сомнительнымъ, какъ давать подобное объясненіе русскимъ тебя, себя вм. тебе, себе (выводя *я* изъ тя, ся). Напротивъ, словацкія teb'a, tebja, teba весьма удовлетворительно объясняются изъ tebä, такъ какъ звукъ ä въ словацкомъ былъ склоненъ къ переходу въ а: ср. болѣе древнія діалект. čäs, ulicä, prädza при болѣе новыхъ čas, ulica, pradza. Ниже я подробнѣе остановлюсь на вопросѣ объ условіяхъ, при которыхъ возникалъ въ словацкомъ нарѣчіи звукъ ä, а пока ограничусь замѣчаніемъ, что mňa, tebä, sebä доказываютъ: 1) что конечное *е* было въ праслова̣цкомъ, или точнѣе въ чешскословацкомъ, звукомъ открытымъ, склоннымъ къ *a* (ä), 2) что звукъ ä переходилъ затѣмъ въ словацкомъ въ *a*, сохраняясь какъ ä лишь послѣ нѣкоторыхъ согласныхъ, а именно въ большинствѣ говоровъ только послѣ губныхъ, мѣстами же и послѣ другихъ согласныхъ. Сдѣланныхъ выводовъ достаточно для признанія словацкаго l'udia фонетическимъ измѣненіемъ чешскословацкаго l'udiä (старочешск. liudě: III, 346). Подобно тому какъ въ русскомъ языкѣ окончаніе *ья*, явившееся фонетически вм. *ье* въ им. мн. людья, гостья, мужья, зя́тья съ одной стороны, въ им. ед. именъ собирательныхъ средняго рода, какъ ли́стья, зýбья, кóлья съ другой, переносилось затѣмъ

объясненія: эту форму слѣдуетъ сопоставить съ тѣми новообразованіями въ склоненіи основъ средняго рода на -men-, на которыя Гебауеръ не обратилъ достаточнаго вниманія; я говорю о старочешскихъ формахъ, подобныхъ приведеннымъ имъ (III, 416, 418) — z wymyene, vymyen, гдѣ mye слѣдуетъ читать какъ mě; vyměne явилось вмѣсто vymene подъ вліяніемъ им. ед. vymě, подобно тому какъ въ древнерусск. языкѣ сѣмяни, веремяни, вм. сѣмени, веремени, возникли подъ вліяніемъ сѣмя, веремя; при vyměne р. мн. былъ vymán по общему закону о чередованіи звуковъ ě (въ концѣ слова или передъ смягченной согласной) и á (передъ твердой согласной), ср. русскую форму сѣмянъ. Что же касается формы род. мн. kořán, то ā восходитъ въ ней, если не ошибаюсь, къ долгому ē, фонетически измѣнившемуся въ чешскословацкую эпоху, какъ я покажу во II части этого разбора, въ дифтонгическое сочетаніе iä, откуда въ чешскомъ нарѣчіи передъ твердыми согласными ā. Въ виду этого фонетическаго перехода, возможно, что и klevát, semán явились вмѣсто klevēt, semēn фонетически и сохранили свое ā подъ вліяніемъ указанныхъ аналогій. Формы имен. множ. основъ мужскаго рода въ чешскомъ языкѣ представляютъ нѣкоторыя трудности при объясненіи ихъ происхожденія: благодаря прекрасному и весьма обстоятельному разсмотрѣнію всѣхъ этихъ формъ въ § 35 III части грамматики Гебауера, мы можемъ въ настоящее время судить о степени распространенности той или другой изъ нихъ и о взаимномъ между ними отношеніи. Особенное вниманіе обращаютъ словацкія формы на -ovia и -ia: synovia, chlapovia, l'udia, židia, pohania; Гебауеръ объясняетъ ихъ окончаніе вліяніемъ формъ какъ bratia при brat, kňažia при kňaz, бывшихъ нѣкогда формами им. ед. существительныхъ женск. р. съ собирательнымъ значеніемъ. Такое объясненіе находитъ подтвержденіе въ сходномъ происхожденіи русскихъ окончаній на *ья* вм. *е, и* (напр. сыновья́, зятья́, мужья́), но это самое сходство вмѣстѣ съ тѣмъ бросаетъ нѣсколько иной свѣтъ на указанныя словацкія формы: дѣло въ томъ, что въ русскомъ языкѣ существовали нѣ-

когда, а діалектически существуютъ и теперь, формы им. мн. съ окончаніемъ *я* — сыно́вя, тата́ровя, мѣща́ня, дворя́ня, бояря; это *я* фонетически замѣнило древнее окончаніе *е* по тому же закону, по которому во многихъ русскихъ говорахъ, и между прочимъ въ сѣверновеликорусскихъ, неакающихъ,— есте, проща́йте измѣнились въ естя, проща́йтя, мене, тебе измѣнились въ меня, тебя. Въ этомъ русскомъ явленіи я вижу указаніе на то, что въ древнѣйшемъ періодѣ конечное е звучало открыто, какъ ä. Имѣя въ виду соотвѣтствіе великорусскимъ меня, тебя (праруcскимъ menä, tebä) словацкихъ формъ tebä, sebä, teb'a, seb'a, mňa, mnä, mna и т. д., мы въ правѣ предположить, что и въ прасловацкомъ конечное открытое *е* звучало открыто, какъ ä, переходя при извѣстныхъ условіяхъ въ *a*. Дѣйствительно, объяснять словацкія tebä, sebä изъ tebe, sebe вліяніемъ формъ t'a, sa представляется столь же сомнительнымъ, какъ давать подобное объясненіе русскимъ тебя, себя вм. тебе, себе (выводя *я* изъ тя, ся). Напротивъ, словацкія teb'a, tebja, teba весьма удовлетворительно объясняются изъ tebä, такъ какъ звукъ ä въ словацкомъ былъ склоненъ къ переходу въ a: ср. болѣе древнія діалект. čäs, ulicä, prädza при болѣе новыхъ čas, ulica, pradza. Ниже я подробнѣе остановлюсь на вопросѣ объ условіяхъ, при которыхъ возникалъ въ словацкомъ нарѣчіи звукъ ä, а пока ограничусь замѣчаніемъ, что mňa, tebä, sebä доказываютъ: 1) что конечное *е* было въ прасловацкомъ, или точнѣе въ чешскословацкомъ, звукомъ открытымъ, склоннымъ къ *a* (ä), 2) что звукъ ä переходилъ затѣмъ въ словацкомъ въ *a*, сохраняясь какъ ä лишь послѣ нѣкоторыхъ согласныхъ, а именно въ большинствѣ говоровъ только послѣ губныхъ, мѣстами же и послѣ другихъ согласныхъ. Сдѣланныхъ выводовъ достаточно для признанія словацкаго l'udia фонетическимъ измѣненіемъ чешскословацкаго l'udiä (старочешск. liudye: III, 346). Подобно тому какъ въ русскомъ языкѣ окончаніе *ья*, явившееся фонетически вм. *ье* въ им. мн. людья, гостья, мужья, зя́тья съ одной стороны, въ им. ед. именъ собирательныхъ средняго рода, какъ ли́стья, зу́бья, ко́лья съ другой, переносилось затѣмъ

на мѣсто окончанія *-я* въ словахъ какъ татаровья, мужевья[1]), такъ же точно въ словацкомъ *ia* изъ словъ какъ l'udia, hostia, mužia переносилось на мѣсто окончанія ä или *a* въ *synovä, *pohan'a, діалект. морав. Brodzaňa, Báňovjaňa (III, 74) — ср. словацк. synovia, pohania, діалект. моравск. Brezovania (III, 74). Впрочемъ, перенесеніе iä изъ формъ какъ ludiä, mužiä въ другія имена мужск. рода относится еще къ чешскословацкой эпохѣ: въ чешскомъ нарѣчіи *iä* фонетически измѣнялось въ *í* (ср. р. ед. znamení изъ znamenia, непосредственно же изъ znameniä) черезъ посредство ie (znamenie): формы им. мн. на í, о которыхъ Гебауеръ говоритъ въ т. III, сс. 46—47 и 51, сомнѣваясь, возводить ли *í* къ *ie* или признать *í* удлиненіемъ *i*, несомнѣнно относятся сюда: ср. старочешск. mystrzij, kmotřj, діалект. chłapí (русск. холопья при холопи), drozdí, и даже ptácí, vojácí. Старочешское окончаніе *ie*: czertye, czerwie, vlcie, mnyssye, hadie, zydye (ср. словацк. židia), šiřie (ср. русское шурья), hawranyee (русское воро́нья) и т. д. (III, 50—51),—ясно указываетъ, что современное діалект. *í* въ židí, vlcí, hadí и т. д. можетъ восходить къ *ie*, при чемъ сопоставленіе словацкихъ židia, šúrja съ приведенными выше формами дѣлаетъ весьма вѣроятнымъ, что *ie* восходитъ къ *iä* (которое въ свою очередь въ чешскословацкую эпоху соотвѣтствовало болѣе древнему ie). Распространенію окончанія им. мн. ie (изъ iä) могли содѣйствовать еще имена средняго рода съ значеніемъ собирательнымъ, какъ listie, kvietie, kamenie, plamenie, uhlie (III, 171—172), которыя, въ настоящей ихъ формѣ listí, kvítí, kamení и т. д., принимаются за им. мн. при list, květ, kámen (ср. III, 171 и 51): ср. подобное же вліяніе собирательныхъ на распространеніе окончанія *-ья* въ русскомъ языкѣ. Равнымъ образомъ окончаніе iä (откуда въ словацкомъ ia и старочешскомъ ie) ассоціировалось съ окончаніемъ им. ед. собирательныхъ женскаго рода, какъ kňažia, bratia (откуда kňežie, bratie въ старочешскомъ)

1) Такому перенесенію окончанія -ья способствовало въ особенности то, что въ прочихъ падежахъ мн. ч. склоненіе татаровя и людья было сходно: татаровей, людей, татаровямъ, людямъ.

и этимъ еще болѣе пріобрѣтало право гражданства: ср. подобную же ассоціацію въ русскомъ языкѣ, гдѣ им. ед. ж. р. княжья, откуда подъ вліяніемъ формы князи — князья, сталъ им. мн. муж. рода. И такъ, подводя итогъ всему вышеизложенному, мы видимъ, что Гебауеръ придалъ слишкомъ большое значеніе вліянію собирательныхъ женск. р. на появленіе окончанія *ia* въ им. мн. мужск. р.: онъ упустилъ при этомъ изъ виду, что *ia* явилось собственно фонетически изъ *iä* въ склоненіи основъ на *ĭ*, при чемъ звуковое совпаденіе его съ окончаніями *ia* собирательныхъ женск. рода и *ia* (изъ *iä*) собирательныхъ средн. р. способствовало распространенію его насчетъ другихъ окончаній им. мн. мужск. р. (*i*, *ove*, *e*, *y* и др.[1]).

Выше я отмѣтилъ, что въ фонетикѣ, т. е. въ 1-й части Исторической грамматики, Гебауеръ недостаточно разграничилъ звуковыя явленія отъ явленій морфологическихъ и словообразовательныхъ съ одной стороны, графическихъ съ другой. Остановлюсь теперь на вопросѣ, какъ справился Гебауеръ съ собственно звуковыми явленіями. Въ изложеніи автора чешскій языкъ (čeština), въ разнообразныхъ его говорахъ и въ различныхъ эпохахъ его существованія, разсматривается какъ одно цѣлое: правда, при изложеніи отдѣльныхъ явленій Гебауеръ обращаетъ вниманіе на мѣсто и время, но въ его трудѣ не находимъ систематическаго обозрѣнія особенностей, характеризующихъ отдѣльныя нарѣчія, и только подробная выборка изъ шестисотъ страницъ 1-го тома можетъ дать намъ понятіе о совокупности звуковыхъ явленій, отличающихъ напр. словацкіе говоры отъ чешскихъ; еще труднѣе получить на основаніи грамматики Гебауера представленіе о томъ, какія именно звуковыя черты характеризовали чешскій языкъ въ отдѣльныя эпохи его существо-

---

1) Что касается чешск. é въ zemané, synové, старочешск. pohané (III, 52), то оно замѣнило i подъ вліяніемъ e въ параллельныхъ формахъ žemĕñe (ср. старочешск. myessczenye, zemyenye), panove (новочешск. III, 49), какъ это правильно объясняетъ Гебауеръ (III, 49). Отсюда é распространялось и на случаи какъ židé, sousidé и даже hosté, listé (III, 52).

ванія и какъ именно измѣнялся звуковой составъ во всемъ его объемѣ въ теченіе хотя бы исторической жизни чешскаго языка. Между тѣмъ одной изъ главныхъ задачъ исторической грамматики надо признать историческое разсмотрѣніе не только отдѣльныхъ звуковыхъ явленій, но и всего звукового состава, такъ какъ исторія отдѣльныхъ звуковъ стоитъ въ тѣсной, неразрывной связи съ исторіей всего звукового состава. Я далекъ отъ мысли утверждать, что историческая грамматика должна излагаться непремѣнно по вѣкамъ или эпохамъ, но думаю, что при всякомъ другомъ ея изложеніи въ нее должны быть включены отдѣлы, гдѣ давалась бы характеристика звукового состава отдѣльныхъ эпохъ. Кромѣ этого, исторической грамматикѣ можно ставить еще и другое требованіе: имѣя въ виду представить историческое развитіе языка, она должна разсматривать однородныя явленія, зависѣвшія въ своемъ происхожденіи отъ одной общей причины и возникшія въ одно и тоже время, не порознь, а вмѣстѣ, въ связномъ изложеніи. Этому требованію Историческая грамматика Гебауера, къ сожалѣнію, не удовлетворяетъ. Такъ, напримѣръ, измѣненіе звуковъ *a* и *u* въ направленіи къ *e* и *i* послѣ смягченныхъ согласныхъ въ чешскомъ языкѣ однородно; самъ Гебауеръ обозначаетъ его общимъ терминомъ «přehláska», между тѣмъ онъ не связываетъ въ своемъ изложеніи обоихъ этихъ явленій, и такимъ образомъ не даетъ возможности вникнуть въ дѣйствительную ихъ сущность. Еще яснѣе связь между измѣненіями ȳ въ *ej* и ū въ *au*: оба явленія разсматриваются отдѣльно, хотя авторъ и признаетъ ихъ однородными, что видно на ссылкахъ при §§ 197 и 217, гдѣ проводится мысль о томъ, что появленію дифтонговъ вм. долгой гласной способствовали сходныя явленія въ сосѣднихъ нѣмецкихъ говорахъ (mein вм. mīn, haus вм. hūs)[1]. Измѣненіе

1) Весьма любопытно, что чешское ī не измѣнялось въ дифтонгъ: это стоитъ въ несомнѣнной связи съ мягкостью предшествующей согласной, такъ какъ, вслѣдъ за отвердѣніемъ согласной передъ ī, происходило измѣненіе его въ ej (ср. *ej* вм. ī послѣ шипящихъ и свистящихъ: zejma, sejto, požejk, о чемъ у Гебауера въ § 166, 2—4).

t, *d*, *n* въ смягченные звуки передъ *i* разсматривается отдѣльно для каждаго изъ этихъ звуковъ въ §§ 304, 317 и 290, между тѣмъ какъ появленіе смягченія при всѣхъ этихъ звукахъ совершенно однородно и должно было бы быть разсмотрѣно въ общей связи съ появленіемъ и другихъ смягченныхъ согласныхъ (ƀ′, р′ и др.) передъ звукомъ *i*. Вслѣдствіе того, что вниманіе Гебауера сосредоточивалось на отдѣльныхъ звукахъ, а не на явленіяхъ въ ихъ исторической послѣдовательности, мы находимъ иногда въ одномъ и томъ же § изложеніе явленій, принадлежащихъ къ совершенно различнымъ эпохамъ. Такъ въ § 454, озаглавленномъ «j se přisoųvá», говорится объ общеслав. *ja* вм. *a* въ jablъko, jagnę, *je* вм. *e* въ jesmь, а также объ общечешскомъ *ji* вм. *i* въ jil, jizba, и о діалектическихъ *jo*, *ju* вм. *o*, *u*: sivé joči, ju studénky stála. Думаю, что бóльшее разграниченіе отдѣльныхъ эпохъ и описаніе явленій во всемъ ихъ объемѣ, а не однѣхъ перемѣнъ, имѣвшихъ мѣсто въ отдѣльныхъ звукахъ, въ результатѣ такихъ явленій, значительно бы облегчили Гебауеру составленіе картины историческаго развитія чешскаго языка; вмѣстѣ съ тѣмъ такое изложеніе освѣтило бы многіе темные вопросы фонетики въ особенности потому, что сосредоточило бы вниманіе тамъ, гдѣ теперь ему приходится дробиться, отвлекаясь разсмотрѣніемъ порознь отдѣльныхъ результатовъ одного и того же общаго явленія.

Письменные памятники не всегда даютъ надежный матеріалъ для опредѣленія звукового состава минувшихъ вѣковъ: дѣйствительно, преемственность письма, книжнаго языка, да и самой литературы неминуемо ведетъ за собой перенесеніе изъ одной литературной эпохи въ другую звуковъ и формъ, давно исчезнувшихъ въ языкѣ, чуждыхъ живому произношенію. Поэтому опредѣлять эпохи историческаго развитія языка на основаніи данныхъ, извлеченныхъ изъ письменныхъ памятниковъ, очень трудно и ненадежно; излагать ходъ развитія языка по вѣкамъ, давая характеристику каждаго вѣка и указывая, какія въ немъ совершились звуковыя измѣненія, невозможно, такъ какъ,

создавая искусственныя грани, изслѣдователь подвергаетъ себя опасности представить свой предметъ въ искусственномъ, ненаучномъ освѣщеніи. Но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что письменные памятники, связанные съ опредѣленной эпохой, бросающіе свѣтъ на языкъ извѣстнаго вѣка, должны быть разсматриваемы лишь какъ второстепенный источникъ, при историческомъ изслѣдованіи. Главнымъ источникомъ, откуда извлекается надежнѣйшій и важнѣйшій матеріалъ для исторической грамматики, это, конечно, современные живые говоры: изученіе ихъ приводитъ къ опредѣленію и характеристикѣ предшествовавшихъ современному состоянію языка эпохъ. Подобно тому какъ сравнительное изученіе славянскихъ языковъ приводитъ къ возстановленію языка общеславянскаго, т. е. той эпохи совмѣстной жизни славянскихъ племенъ, въ которую еще не успѣли образоваться тѣ племенныя различія, которыя частью были слѣдствіемъ, а частью причиной распаденія первоначальнаго единства, точно такъ же сравнительное изученіе современныхъ чешскихъ говоровъ даетъ намъ представленіе о звуковомъ и формальномъ составѣ общечешскаго или прачешскаго языка. Гебауеръ въ своей грамматикѣ различаетъ обѣ указанныя эпохи — общеславянскую (praslovanská doba) и общечешскую (čeština, česká doba), но нигдѣ не указываетъ, какими данными должно руководиться при характеристикѣ этой послѣдней — общечешской эпохи, гдѣ искать тѣхъ признаковъ, которые отдѣляютъ ее отъ послѣдующихъ эпохъ, когда чешское единство замѣнилось нѣсколькими нарѣчіями, живущими обособленной жизнью. Въ предисловіи къ I тому онъ говоритъ, что раздѣленіе на нарѣчія восходитъ къ глубокой древности, такъ какъ уже въ памятникахъ XIV в. встрѣчаются очевидные признаки діалектическихъ отличій, но отсюда не дѣлается естественнаго вывода, что изслѣдователь, въ предѣлахъ историческаго развитія чешскаго языка, долженъ различать по крайней мѣрѣ двѣ эпохи — эпоху совмѣстной жизни современныхъ нарѣчій и эпоху отдѣльной ихъ жизни. Я думаю, что историческая грамматика чешскаго языка (фонетика) должна распадаться на

два отдѣла, изъ которыхъ первый долженъ обнять древнѣйшую эпоху языка, когда еще не обозначились черты современныхъ нарѣчій, а второй долженъ содержать характеристику послѣдующей эпохи и современнаго состоянія чешскихъ, моравскихъ и словацкихъ говоровъ. Такое расположеніе исторической грамматики, помимо цѣлаго ряда удобствъ и наглядности послѣдовательнаго развитія звуковыхъ явленій, служило бы вмѣстѣ съ тѣмъ доказательствомъ существованія того чешскаго единства, изъ котораго, какъ изъ положенія безспорнаго, исходитъ Гебауеръ. Главныя разновидности чешскаго языка сказываются съ одной стороны въ чешскихъ, а съ другой въ словацкихъ говорахъ: Гебауеръ не допускаетъ, очевидно, сомнѣнія относительно того, что тѣ и другіе говоры восходятъ къ одному общему праязыку, прачешскому или общечешскому, такъ какъ нигдѣ въ его трудѣ не встрѣчается даже намека на возможность иного предположенія, а именно, что чешскіе и словацкіе говоры восходятъ къ различнымъ праязыкамъ, бывшимъ равноправными и самостоятельными членами славянской семьи языковъ. Между тѣмъ именно такое предположеніе сдѣлано въ недавно вышедшей II части Лекцій по славянскому языкознанію Флоринскаго (1897 г.), который успѣлъ воспользоваться 1-мъ томомъ Исторической грамматики Гебауера: очевидно, собранныя въ ней данныя не убѣдили уважаемаго профессора въ существованіи чешско-словацкаго единства, и въ этомъ я вижу подтвержденіе высказанной выше мысли, что расположеніе матеріала въ трудѣ Гебауера не даетъ ясной картины историческаго развитія чешскаго языка. Со своей стороны я ни мало не раздѣляю увлеченія г. Флоринскаго, такъ какъ, напротивъ, въ отдѣльныхъ экскурсахъ грамматики Гебауера находится много данныхъ, доказывающихъ существованіе чешско-словацкаго единства, во время котораго произошло не мало существенныхъ звуковыхъ измѣненій, общихъ поэтому и чешскимъ и словацкимъ говорамъ (въ ихъ исторіи); но выражаю искреннее желаніе, чтобы, при новой обработкѣ 1-й части Исторической грамматики, лучшій знатокъ чешскаго языка —

проф. Гебауеръ далъ бы намъ характеристику звукового состава чешско-словацкаго періода и затѣмъ показалъ бы, какимъ путемъ онъ измѣнился въ чешскихъ и словацкихъ говорахъ.

Гебауера можно упрекнуть еще въ томъ, что онъ не опредѣлилъ отношенія чешскаго языка къ прочимъ западно- или, какъ ихъ называетъ проф. Флоринскій, сѣверо-западно-славянскимъ языкамъ. Мы въ правѣ ожидать отъ исторической грамматики чешскаго языка рѣшенія вопроса, можно ли допустить между эпохами общеславянскаго и затѣмъ чешскаго единства промежуточную эпоху — единства западно-славянскаго. Объ этомъ, къ сожалѣнію, Гебауеръ ничего не говоритъ, хотя въ нѣсколькихъ мѣстахъ своей фонетики онъ упоминаетъ о томъ, что то или другое явленіе обще всѣмъ западно-славянскимъ языкамъ. Такъ на с. 329, говоря о чешскомъ *ř* и сопоставляя его съ одной стороны съ польскимъ *rz*, верхнелуж. *ř*, нижнелуж. *ś*, съ другой съ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ древнѣйшихъ письменныхъ памятникахъ чешскаго языка нѣтъ данныхъ для предположенія о слишкомъ глубокой древности измѣненія *r* въ *ř* (убѣдительнѣе была бы ссылка на словацкое нарѣчіе, о которомъ упомянуто лишь мимоходомъ на слѣдующей, 330-й страницѣ), Гебауеръ говоритъ, что чешское *ř* замѣнило *r* только въ позднѣйшую, историческую эпоху и что поэтому польское и лужицкое *ř* не восходятъ къ эпохѣ западно-славянскаго единства, а возникли позже, на почвѣ отдѣльной жизни каждаго изъ этихъ языковъ. Напротивъ, говоря о стяженіи *oa* (изъ *oja*), *oe* (изъ *oje*) въ *á*, *é* и принимая въ расчетъ, что въ этомъ явленіи сходятся между собою всѣ западно-славянскіе языки, Гебауеръ выводитъ отсюда, что оно восходитъ къ доисторической эпохѣ, очевидно допуская, что въ эту эпоху названные языки жили одной общей жизнью (с. 563). Но напр. на с. 309, излагая судьбу праславянскихъ сочетаній *tj*, *dj* въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ, авторъ не допускаетъ обще-западно-славянскаго измѣненія ихъ въ *c* и *dz* и довольно ясно высказываетъ мысль, что чешскія *c* и *z* (словацкое *dz*) развились самостоятельно отъ польскаго *c* и *dz*, лужицкихъ

с и *z* (ср. тоже на сс. 383, 400, 468). Сравнивая оттяжку ударенія, вызвавшую нынѣшнюю систему удареній въ чешскомъ языкѣ, съ подобною же оттяжкой въ польскомъ, кашубскомъ и лужицкихъ языкахъ (с. 574), Гебауеръ не признаетъ ее обще-западно-славянской, хотя и выводитъ удареніе чешскаго hòspoda, верхнелужицкаго hòspoda, польскаго gospòda изъ общей формы gospòda,—чешскаго kòleno, польскаго kolàno изъ общей формы kòleno: соображенія на с. 583 показываютъ, что онъ считаетъ оттяжку ударенія моложе, чѣмъ правило о выпаденіи ъ и ь (jerové pravidlo), такъ какъ иначе šьvьсь, šьvьсьmь не измѣнились бы въ старочешскомъ въ švec, ševcem. Но во всякомъ случаѣ важно то, что нѣкоторыя изъ чешскихъ звуковыхъ явленій Гебауеръ рѣшился возвести къ эпохѣ западно-славянскаго единства. Было бы весьма важно, если бы авторъ сгруппировалъ всѣ эти явленія и такимъ образомъ установилъ бы существованіе переходной эпохи между обще-славянской и чешско-словацкой эпохами: изъ нѣкоторыхъ положеній Исторической грамматики видно, что и Гебауеръ предполагалъ существованіе такой промежуточной стадіи въ развитіи чешскаго языка, называя ее doba předhistorická, но не ясно, отождествлялъ ли онъ ее всякій разъ съ dobou jednoty západoslovanské. Мнѣ кажется, что къ западно-славянской эпохѣ должно относить: переходъ общеславянскихъ сочетаній, замѣнившихъ первоначальныя *tj*, *dj* въ *с* и *dz* (діалектически *z*); палатализацію согласныхъ передъ гласными передне-нёбными: i, e, ę, ь; измѣненіе европейскаго *l* въ ł въ положеніе передъ нѣкоторыми гласными (задне-нёбными) и согласными; переходъ *s* смягченнаго (изъ *x* въ положеніи послѣ передне-нёбной гласной, также передъ новымъ *ѣ* изъ дифтонга *oi*) въ *š*[1]); выпаденіе неслогового *i* въ положеніе между двумя гласными и стяженіе нѣкоторыхъ изъ нихъ въ одну долгую гласную; сокращеніе долгихъ гласныхъ подъ особымъ видомъ ударенія, соотвѣтствую-

1) Я думаю, что словацкое *s* въ muse (чешское mouše), ženisi (чешское ženiši) новаго происхожденія и явилось подъ вліяніемъ *с* и *z* изъ *k* и *h*; ср. словацкое š въ však.

щаго сербскому нисходящему (ruku, ręką, ср. сербск. р̂уку); оттяжка ударенія на одинъ слогъ ближе къ началу слова. Вѣроятно, къ той же эпохѣ относятся еще нѣкоторыя другія звуковыя явленія, ближайшее опредѣленіе которыхъ принадлежитъ сравнительной грамматикѣ западно-славянскихъ языковъ; но и перечисленныхъ вполнѣ достаточно, чтобы признать эту эпоху довольно продолжительною и важною по своимъ послѣдствіямъ для послѣдующаго развитія отдѣльныхъ членовъ распавшейся затѣмъ западно-славянской семьи языковъ. Сравненіе чешскаго языка съ верхне-лужицкимъ открываетъ также ближайшее между ними родство (ср. одинаковое мѣсто главнаго ударенія въ словѣ, вытѣсненіе звука *g* звукомъ *h*, переходъ ę въ *a*, смягчающее предшествующую согласную и др.): историкъ чешскаго языка долженъ объяснить эти отношенія, опредѣливъ ихъ или ближайшимъ сосѣдствомъ или тѣмъ, что чешскіе и верхне-лужицкіе говоры жили нѣкогда общею жизнью. Къ сожалѣнію, Гебауеръ не остановился на этомъ вопросѣ: связавъ чешскій языкъ съ обще-славянскимъ и даже индо-европейскимъ праязыками, онъ оторвалъ его отъ той семьи или группы славянскихъ языковъ, къ которымъ онъ наиболѣе близокъ.

II.

Мой разборъ Исторической грамматики Гебауера былъ бы неполонъ, если бы я не остановился на нѣкоторыхъ изъ главнѣйшихъ положеній и выводовъ автора. Разсмотрю ихъ въ прилагаемомъ краткомъ очеркѣ тѣхъ звуковыхъ явленій чешскаго языка, которыя представляютъ наибольшій интересъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и наибольшія трудности для изслѣдователя.

---

1. **Смягченіе согласныхъ.** Въ §§ 258 и слѣд. Гебауеръ подробно останавливается на вопросѣ о происхожденіи чешскаго *ř* изъ *r*. Установивъ въ § 261, что всякое *ř* восходитъ непосред-

ственно къ ŕ, т. е. къ смягченному *r*, авторъ возводитъ это старочешское (существовавшее еще въ историческое время) ŕ частью къ общеславянскому ŕ (изъ *rj*, напр. въ старочешск. moŕe, откуда новочешское moře, словацкое more), частью же къ общеславянскому *r*, смягчившемуся въ чешскую эпоху (v češtině; na půdě české) передъ -i, -ě, -ie, -'a, -'á, -'ú, -e (первоначальнымъ) и -ь. Приведенные знаки, означающіе звуки, передъ которыми смягчалось въ чешскомъ языкѣ *r*, принадлежатъ Гебауеру, при чемъ ě обозначаетъ краткій звукъ, соотвѣтствовавшій общеславянскому ѣ; *ie* — дифтонгическое сочетаніе, соотвѣтствовавшее частью общеславянскому *ѣ*, гдѣ, по условіямъ чешской фонетики, онъ сохранялъ свою долготу, частью же общеславянскому сочетанію i̯e [1]), утратившему еще въ эпоху западно-славянскаго единства i̯; -'a обозначаетъ, какъ это видно изъ § 90, дифтонгическое сочетаніе ia или i̯a, гдѣ i, i̯ исчезли впослѣдствіи, въ дальнѣйшемъ развитіи языка, при чемъ это звуковое сочетаніе соотвѣтствовало общеславянскому ę (ср. с. 51: za psl. ę je původní česká střídnice 'a); -'á означаетъ тоже звуковое сочетаніе *ia* или i̯a, но съ долгой гласной *a* и соотвѣтствуетъ частью общеславянскому ę, сохранившему свою первоначальную долготу, частью же общеславянскому сочетанію -ii̯a (по Гебауеру -ьja); наконецъ, -'ú означаетъ звуковое сочетаніе *iu* или i̯u съ долгимъ *u* и соотвѣтствуетъ общеславянскому ii̯u. Замѣчу теперь же, что я совершенно расхожусь съ Гебауеромъ въ опредѣленіи нѣкоторыхъ чешскословацкихъ звуковъ и звуковыхъ сочетаній въ ихъ отношеніи къ звукамъ общеславянскаго языка: такъ, допуская, что общеславянскому *ѣ* соотвѣтствовало сочетаніе *ie* тамъ, гдѣ оно въ чешскословацкомъ сохраняло долготу, я думаю, что, при его сокращеніи, получалось сочетаніе i̯e, т. е. неслоговое *i* + *e* слоговое, откуда далѣе еще въ чешскословацкую эпоху явилось *e*,

---

1) Гебауеръ въ § 477 (с. 559) и въ другихъ мѣстахъ принимаетъ для общеславянскаго языка -ьje въ словахъ какъ listьje, znamenьje. Считаю это такъ же неосновательнымъ, какъ возведеніе чешскаго dobrý къ dobrъjь, а не къ dobryi̯ (изъ dobryi̯ь), о чемъ см. вѣрныя замѣчанія Ягича въ Archiv XVI, 516.

смягчающее предшествующую согласную (mѣra измѣнилось въ чешскословацкое въ miera, ср. старочешское и словацкое miera, новочешское míra; mѣna измѣнилось въ mįena, откуда m'ena, ср. новочешское и словацкое měna). Далѣе общеславянское ę, какъ я обстоятельнѣе скажу объ этомъ ниже, измѣнилось, думаю, въ чешскословацкомъ не въ ја и не въ *ia*, а въ *a* краткое и долгое, со смягченіемъ предшествующей согласной. Наконецъ, общеславянскимъ сочетаніямъ іја, іјu въ чешскословацкую эпоху соотвѣтствовали, какъ мнѣ кажется, не ја̄, јū (или іа̄, іū), а *ia*, *iu*, ср. въ словацкомъ, гдѣ сохранилось јe изъ чешскословацкаго *ie*, звуковыя сочетанія ја, јu изъ *ia*, *iu* въ znamenia, znameniu.

Имѣя въ виду, что словацкое *r* въ more, mora во всякомъ случаѣ восходитъ къ чешскословацкому ŕ (moŕe, moŕa), такъ какъ *r* было здѣсь смягчено еще въ общеславянскую эпоху, мы въ правѣ выводить всякое словацкое *r* передъ *i*, *e* и вообще палатальными гласными изъ чешскословацкаго ŕ (prišel, prez и т. д. изъ pŕišel, pŕez), ср. бѣлорусское и червонорусское отвердѣніе всякаго *r*. Слѣдовательно, приведенное выше положеніе Гебауера относительно чешскаго ŕ (откуда ř) можно изложить слѣдующимъ образомъ: въ чешскословацкую эпоху *r* звучало смягченно во-первыхъ въ соотвѣтствіи общеславянскому смягченному *r* (случаи какъ moŕe, moŕa), во-вторыхъ въ соотвѣтствіи общеславянскому несмягченному *r* передъ всякой гласной, или сохранившей свою палатальность (напр. передъ е, јe, ie, i), или утратившей это свое первоначальное свойство (напр. передъ *a* изъ ę), или наконецъ передъ совершенно утраченною въ языкѣ гласной, бывшею въ общеславянскомъ языкѣ палатальною (въ концѣ слова и передъ согласными, гдѣ за *r* слѣдовало нѣкогда ь). Гебауеръ, какъ это видно изъ § 261, предполагаетъ, что ŕ изъ общеславянскаго несмягченнаго *r* появилось уже на почвѣ чешскаго языка, т. е. въ эпоху чешскославянскую; дѣйствительно, возводить его къ общеславянскому языку невозможно, хотя бы въ виду показаній старославянскаго языка, различавшаго р͡є, р͡ь и рє, рь; въ § 259 предположеніе о возможности

возведенія чешскаго ř къ эпохѣ западно-славянскаго единства основательно отвергается, въ виду показаній старочешскихъ памятниковъ, которые до конца XIII вѣка представляютъ написанія *rz, rs, zr* лишь въ единичныхъ случаяхъ, при чемъ еще въ нѣкоторыхъ памятникахъ XIV столѣтія держится r смягченное, изображаемое черезъ гу: ср. въ книгѣ Рожмберской около 1360 г.: po dworyech, въ легендѣ о св. Георгіи по рукописи половины XIV в.: wzkryesyl, въ рукописи третьей четверти XIV в. Адмонтскаго монастыря: hryechow, tryeba, pryed и т. д. (с. 329). Но вмѣстѣ съ тѣмъ Гебауеръ не противопоставляетъ опровергаемому имъ предположенію другого, вполнѣ согласнаго съ данными всѣхъ западно-славянскихъ языковъ, а именно, что уже въ эпоху совмѣстной ихъ жизни первоначальное *r* несмягченное палатализировалось передъ гласными *i* и *e*. Такое предположеніе частью подсказывается фактами самого чешскаго языка: дѣйствительно, допустивъ *чешскословацкій* переходъ *r* въ ŕ, мы весьма затруднились бы возстановить чешскословацкое произношеніе, напр., слова hřada (гряда): если носовое *e* измѣнилось въ чешскословацкомъ языкѣ въ *a*, то вмѣсто западно-славянскаго gręda мы ожидали бы въ чешскословацкомъ hrada; чешское hřada ясно указываетъ, что носовое *e*, еще до измѣненія въ *a*, смягчило предшествовавшее ему *r*, а такъ какъ существованіе чешскословацкаго носового *e* не доказано, то естественнѣе всего допустить, что смягченіе *r* имѣло мѣсто еще въ западно-славянскомъ gręda. Такія же соображенія вызываетъ разсмотрѣніе случаевъ, гдѣ современное чешское ř объясняется вліяніемъ слѣдовавшаго за нимъ нѣкогда *ь*: этотъ звукъ, напр., въ концѣ слова, уже въ западно-славянскую эпоху не могъ звучать слишкомъ явственно; тѣмъ менѣе ясно произносился онъ въ чешскословацкомъ, а потому вѣроятнѣе допустить, что вліяніе его, сходное съ вліяніемъ палатальныхъ гласныхъ, относится еще къ эпохѣ западно-славянскаго единства; дѣйствительно, сопоставленіе чешскаго máteř, польскаго macierz, верхне-лужицкаго maćeŕ, нижне-лужицкаго maśeŕ ясно указываетъ на общую для западно-славянскаго един-

ства форму: mateŕ. Наконецъ, слѣдуетъ принять во вниманіе и то обстоятельство, что вліяніе палатальныхъ гласныхъ на предшествующее r имѣло мѣсто до измѣненія звукового сочетанія oje въ *e* (черезъ посредство *oe*), такъ какъ эта новая палатальная гласная не смягчила предшествующаго *r* (ср. чешское dobrého); а это измѣненіе oje въ e имѣло мѣсто еще въ обще-западно-славянскую эпоху (ср. польское dobrego, верхнелужицкое dobreho). И такъ, предыдущее изслѣдованіе дѣлаетъ вѣроятнымъ, что уже въ обще-западно-славянскую эпоху *r* звучало смягченно передъ палатальными гласными. Такое звуковое явленіе несомнѣнно должно объяснять какъ ассимиляцію согласной *r* слѣдующей за ней гласной: органы рѣчи при произношеніи согласной *r* принимали уже то самое положеніе, которое необходимо для произведенія слѣдовавшей за ней гласной — e, ę, i (j), ь. Это объясненіе приводитъ насъ неминуемо къ дальнѣйшему выводу о томъ, что вмѣсто *r* явилось не прямо смягченное *r*, тожественное съ общеславянскимъ ŕ въ moŕe, а что оно замѣнялось различными оттѣнками палатальнаго *r*, зависѣвшими отъ качества слѣдующей палатальной гласной: передъ *e r* измѣнялось въ *r* полумягкое (r^e), передъ *ь*—также въ полумягкое *r* ($r^ь$), но передъ *i*—въ *r* мягкое (r^i), вѣроятно, тожественное съ полученнымъ изъ общеславянскаго языка *r* смягченнымъ (въ moŕe). Весьма вѣроятно, что тѣ же оттѣнки r^e, r^i и т. д. перешли и въ чешскословацкую эпоху, при чемъ, только благодаря появленію паразитнаго j, измѣнявшагося затѣмъ въ ž, всѣ эти оттѣнки совпали въ одномъ звукѣ—ř.

Допустивъ такимъ образомъ для обще-западно-славянской эпохи звуковое явленіе, состоявшее въ ассимиляціи звука *r* слѣдовавшимъ за нимъ палатальнымъ гласнымъ, мы должны предположить, что въ ту же эпоху и прочія согласныя, если не всѣ, то по крайней мѣрѣ тѣ изъ нихъ, которыя, по условіямъ образованія, стоятъ ближе всего къ согласной *r*, испытывали на себѣ ассимилирующее дѣйствіе слѣдовавшихъ за ними палатальныхъ гласныхъ. Прежде всего сюда относится звукъ *l*: въ § 278 Гебауеръ весьма основательно принимаетъ, что въ чешскословацкую эпоху

(v historické češtině) было два *l*; одно изъ нихъ было твердымъ (ł), а другое нетвердымъ; анализируя случаи, гдѣ являлось нетвердое *l*, онъ указываетъ, что оно соотвѣтствовало съ одной стороны общеславянскому смягченному *l* (напр. въ poľe, vóľa, при чемъ и для старочешскаго языка вполнѣ основательно принимается смягченное произношеніе *l*), а съ другой стороны общеславянскому *l* (střední l) въ положеніи передъ палатальными гласными. Отсюда легко сдѣлать выводъ, что въ чешскословацкомъ и въ старочешскомъ языкѣ рядомъ съ ł было извѣстно палатальное *l*, или, согласно предыдущему, рядъ палатальныхъ оттѣнковъ звука *l* (l^i, совпавшее съ смягченнымъ l общеславянскимъ — передъ i, l^e — передъ e и т. д.). Такой выводъ находитъ подтвержденіе въ современныхъ словацкихъ и восточно-моравскихъ говорахъ, гдѣ рядомъ съ ł находимъ ľ (měkké ľ, ср. с. 358—359) въ соотвѣтствіи со всѣми предположенными для чешскословацкой эпохи оттѣнками палатальнаго *l*. Въ старочешскомъ написаніе *ly* соотвѣтствуетъ не только общеславянскому смягченному *l* (dalyeko), но также вновь палатализованному *l* (alye); что же касается современныхъ чешскихъ, а также западно-моравскихъ говоровъ, то въ нихъ ľ исчезло такъ же, какъ исчезло ł, замѣнившись новымъ звукомъ, очевидно неизвѣстнымъ въ чешскословацкую эпоху — звукомъ *l* (Гусъ приписывалъ появленіе *l* вм. ł нѣмецкому вліянію, ср. more Teutonicorum dicunt: milí pane; также: čechové, jenž mluvie odpoly česky a odpoly německy řiekajíc tobolka za tobołka, liko za łyko..., ср. у Гебауера с. 356—357). Сопоставляя сдѣланный выводъ о появленіи палатальныхъ оттѣнковъ *l* въ положеніи передъ палатальными гласными съ тѣмъ, что мы говорили выше объ измѣненіи *r* въ r^i, r^e въ обще-западно-славянскую эпоху, мы заключаемъ, что *l* измѣнялось въ l^i, l^e именно въ эту отдаленную эпоху. Прочіе западно-славянскіе языки вполнѣ подтверждаютъ такое заключеніе: ср. польское ł при ľ, верхне- и нижне-лужицкое ł при ľ. Но если въ обще-западно-славянскую эпоху согласныя *r* и *l* испытывали на себѣ ассимилирующее вліяніе слѣдующихъ палатальныхъ гласныхъ,

то естественно предположить, что и другія согласныя не могли сохраниться безъ измѣненія въ положеніи передъ гласными і, е, ę, ь и т. д.

Сравнительное изученіе всѣхъ западно-славянскихъ языковъ показываетъ, что передъ звукомъ *i* всѣ согласныя — губныя и зубныя, измѣнившись въ направленіи къ *i*, были смягченными въ эпоху предположеннаго единства этихъ языковъ. Такъ въ современныхъ польскихъ говорахъ передъ *i*, кромѣ rz (изъ r'), и l, мягки также и всѣ другія согласныя, при чемъ только исконно смягченныя š, ž, č, c, dz (и rz) отвердѣли въ такомъ положеніи, измѣнивъ при этомъ *i* въ *y*. Въ обоихъ лужицкихъ языкахъ согласныя передъ *i* мягки; въ верхне- и нижне-лужицкомъ — за исключеніемъ *s, c* (первоначальныхъ), а въ нижне-лужицкомъ — также š, *ž*, отвердѣвшихъ вообще и повлекшихъ за этимъ измѣненіе слѣдующаго *i* въ *y*. Въ современныхъ чешскихъ говорахъ передъ *i* смягченны всѣ согласныя, кромѣ губныхъ и отвердѣвшихъ при всякомъ положеніи s, c, z, но въ старочешскихъ говорахъ, а также въ современныхъ чешско-моравскихъ передъ *i* мягки и губныя: ср. въ рукописи XVI в. ṁíjl, ṗíjsse, гдѣ точка надъ *m, p* обозначаетъ ихъ мягкость (ср. Гебауеръ с. 412—415); въ совр. домажлицкомъ говорѣ pjít, zaḃjil, дудлѣбскомъ: pjivo, mjilost и т. д. Въ словацкихъ говорахъ въ настоящее время передъ *i* мягки только *t, d, n, l* (ž, č, š), но это объясняется тѣмъ, что губныя вообще потеряли въ нихъ способность смягчаться, *r*, какъ мы видѣли, отвердѣло при всякомъ положеніи, равно какъ отвердѣли согласныя *s, c, z* (ср. тоже въ совр. чешскихъ говорахъ), *dz*. Но палатализація согласныхъ въ обще-западно-славянскую эпоху имѣла мѣсто не только передъ *i*, но также передъ *e*: съ одной стороны это доказывается польскимъ и лужицкими языками, гдѣ передъ древнимъ *e* мягки тѣ же согласныя, что и передъ древнимъ *i*, а съ другой чешско-словацкими говорами. Въ словацкихъ говорахъ *t, d, n*, смягчающіяся передъ *i*, смягчаются также передъ *e*: ťeplo, buďeťe, veďeny, ńeḃo и т. д.; мягки передъ *e* звуки *t, d, n* и въ восточно-моравскихъ

разсматриваемаго перехода однимъ только положеніемъ—передъ смягченными согласными (нѣкоторыя изъ нихъ впослѣдствіи отвердѣли). Поэтому Jene при Jan служитъ для меня доказательствомъ смягченности *n* передъ *e* въ эпоху суженія *a* въ *e*. Противъ предположенія старочешскаго и чешскословацкаго произношенія ťe, ďe, ńe могутъ быть сдѣланы слѣдующія возраженія: смягченныя согласныя *t*, *d*, *n* въ чешскихъ говорахъ не отвердѣли передъ *i*; почему бы имъ отвердѣть передъ *e*? Чешскій языкъ до сихъ поръ знаетъ сочетанія tě, dě, ně (těsný, děd, němý): слѣдовательно, отвердѣніе *t*, *d*, *n*, передъ первоначальнымъ *e* нельзя приписывать вліянію самого этого звука *e*, напр. измѣненію его въ направленіе къ гласнымъ болѣе широкимъ. Но если появленіе te, de, ne изъ ťe, ďe, ńe не можетъ быть понято ни какъ слѣдствіе измѣненія согласныхъ, ни также, какъ слѣдствіе измѣненія гласной *e*, то можно ли вообще говорить о такомъ явленіи? Я думаю, что въ этой чертѣ чешской фонетики, отличающей ее отъ словацкой, мы имѣемъ любопытнѣйшее указаніе на то, что предположенное нами различіе въ степени смягченности палатальныхъ согласныхъ, возникавшихъ въ обще-западно-славянскую эпоху, сохранялось и въ чешскословацкую и даже еще въ позднѣйшую эпоху жизни чешскаго языка. Я указывалъ выше на то, что въ обще-западно-славянскую эпоху *r*, *l* передъ *i* измѣнялись въ r^i, l^i, а передъ *e* въ r^e, l^e; точно также, при p^i, m^i, n^i, t^i и т. д., въ положеніи этихъ согласныхъ передъ *i*, существовали, въ положеніи передъ *e*: p^e, m^e, n^e, t^e, т. е. рядомъ съ мягкими согласными были извѣстны и полумягкія. Мягкія согласныя сохранились въ чешскихъ говорахъ независимо отъ того, какая за ними слѣдовала гласная: ср. чешское ńit, и něho (гдѣ ń восходитъ къ обще-западно-славянскому n^i, въ первомъ словѣ изъ общеславянскаго *n*, а во второмъ изъ общеславянскаго n^i передъ древнимъ j). Напротивъ, полумягкія согласныя отвердѣли въ чешскихъ говорахъ опять таки независимо отъ гласной (n^eesu перешло въ nesu, kosť съ полумягкимъ *t* въ kost). Въ словацкихъ и восточно-моравскихъ говорахъ полумягкія со-

гласныя измѣнились въ мягкія: nᵉesu перешло въ n'esu, kosť въ kost'. Лучшимъ подтвержденіемъ выставленнаго здѣсь предположенія о существованіи въ чешскословацкомъ языкѣ полумягкихъ согласныхъ служитъ судьба согласныхъ передъ древнимъ *ь*. Гебауеръ на с. 371, 386, 403 рѣшительно утверждаетъ, что *n*, *d*, *t* не смягчаются передъ древнимъ *ь* и при томъ не только въ чешскихъ, но вообще во всѣхъ говорахъ чешскословацкаго языка (впрочемъ, эта мысль выражена рѣзко только въ § 292, между тѣмъ какъ въ §§ 306 и 319 Гебауеръ говоритъ, что указанныя согласныя не смягчаются въ бóльшей части говоровъ): случаи, гдѣ современные говоры имѣютъ смягченную согласную передъ древнимъ *ь*, объясняются Гебауеромъ вліяніемъ аналогіи: daň явилось вм. dan подъ вліяніемъ daňi (р. ед.), zeť вм. zet подъ вліяніемъ zetě, діалект. kosť вм. kost подъ вліяніемъ kosťi и т. д. Не отрицая возможности такого дѣйствія аналогіи, я думаю, что Гебауеру не удалось объяснить ея вліяніемъ всѣ тѣ случаи, гдѣ мы въ современныхъ говорахъ найдемъ смягченныя согласныя въ положеніи передъ исчезнувшимъ въ позднѣйшемъ языкѣ *ь*. Такъ въ особенности остались необъясненными смягченныя согласныя въ діалект. haňba, hoňba, huďba, svaťba, при чемъ haňba извѣстно и по рукописямъ XV—XVI вв. (с. 372): предположеніе смѣшенія суффиксовъ -ьba и -jьba совершенно невѣроятно, какъ весьма убѣдительно указалъ Ягичъ. Безъ объясненія остались діалект. (злинскія) pětkráť, tenkráť, hneď, snaď, pořáď (ср. с. 388); діалект. ťma пришлось объяснять аналогіею ťemný, что представляется мало вѣроятнымъ и т. д. Но кромѣ всего этого почтенный изслѣдователь упустилъ изъ вниманія цѣлый рядъ соображеній, ведущихъ необходимо къ предположенію о томъ, что согласныя смягчались передъ *ь* фонетически: 1) самъ Гебауеръ признаетъ фонетическій переходъ rь въ ř (§ 266), при чемъ въ подтвержденіе его имѣются такія убѣдительныя данныя, какъ напр. слова hřbet, древнечешскія břdu (изъ brьdą), třmi (изъ trьmi); на с. 339 онъ отвергаетъ возможность объясненія mateř, вм. mater, подъ вліяніемъ

mateři, ссылаясь между прочимъ на такой случай какъ vňutř, гдѣ ř нельзя объяснять какою бы то ни было аналогіей; но если ь измѣняло *r* въ ř, равнымъ образомъ *l* въ ľ (§ 278), ясно, что и другія согласныя испытывали палатализирующее вліяніе звука ь; 2) Въ словацкихъ и восточно-моравскихъ говорахъ извѣстно смягченіе *t*, *d*, *n* не только передъ *e* первоначальнымъ, но и передъ *e* изъ ь: otèc, mladenèc и т. д.: но согласныя смягчились передъ первоначальнымъ *e* еще въ западно-славянскую эпоху, какъ это было указано выше, слѣдовательно, еще до перехода ь въ *e*; ясно, что современныя otèc, mladenèc доказываютъ, что *t*, *d*, *ň* смягчились въ ту же эпоху и передъ ь. 3) На с. 93 Гебауеръ весьма убѣдительно доказываетъ, что передъ ь (исчезнувшимъ изъ произношенія) и передъ *e* изъ ь имѣетъ мѣсто суженіе *a* въ *e* (ср. pět изъ ṕatь, zeměnech изъ zeḿanьchъ); въ виду сдѣланныхъ уже выше замѣчаній, ясно, что на измѣненіе *a* въ *e* въ подобныхъ случаяхъ вліяетъ не ь, а смягченная согласная, полученная изъ твердой, въ положеніи передъ ь, еще въ ту эпоху, когда ь существовало въ языкѣ. — Всѣ эти соображенія приводятъ насъ къ убѣжденію, что передъ ь въ чешскословацкомъ языкѣ были смягченны всѣ согласныя, но смягченіе ихъ было неполно, онѣ были полумягки, а не мягки; вотъ почему въ современныхъ чешскихъ говорахъ мы находимъ pět, kost, jelen, tma и т. д.

И такъ, повторимъ добытые выше результаты. Въ обще-западно-славянскую эпоху согласныя r, l, зубныя и губныя, ассимилируясь слѣдующимъ палатальнымъ гласнымъ, переходили передъ гласной *i* въ согласныя мягкія r^1, l^1, p^1, t^1 и т. д.; передъ дифтонгическимъ сочетаніемъ ie (ѣ) являлись тѣ же мягкія согласныя; между тѣмъ передъ гласными: *e*, *ę* носовымъ и ь согласныя становились полумягкими, принимая оттѣнокъ звуковъ *e* и ь. Оставляя пока въ сторонѣ судьбу полумягкихъ согласныхъ и слѣдующей за ними носовой гласной *ę* (см. ниже), видимъ, что обще-западно-славянскія мягкія и полумягкія согласныя перешли и въ чешскословацкій языкъ. Здѣсь современемъ отвер-

дѣли нѣкоторыя согласныя (напр. s, c, z), но дальнѣйшія измѣненія палатализованныхъ согласныхъ имѣли мѣсто уже послѣ распаденія чешскословацкаго единства: въ чешскихъ и западно-моравскихъ говорахъ различіе между мягкими и полумягкими согласными продолжало сохраняться, при чемъ съ теченіемъ времени полумягкія согласныя, независимо отъ того, слѣдовала ли за ними гласная (*e*—изъ первонач. *e* или изъ *ь*) или нѣтъ, отвердѣли: nesete, otec, kost, tma вм. n^{e}es^{e}et^{e}e, ot^{e}ec, kost^{e}, t^{e}ma. Напротивъ, въ словацкихъ и восточно-моравскихъ говорахъ полумягкія согласныя измѣнились въ мягкія: n^{i}es^{i}et^{i}e, ot^{i}ec, t^{i}ma, kost^{i}. Обращаясь къ отдѣльнымъ согласнымъ, видимъ, что губныя, какъ въ чешскихъ, такъ и въ словацкихъ говорахъ, потеряли способность смягчаться; *r* мягкое и полумягкое совпали, повидимому, еще въ чешскословацкомъ въ одномъ звукѣ r^{i} (*r* мягкомъ), которое затѣмъ отвердѣло въ словацкихъ говорахъ, измѣнившись въ ř въ чешскихъ; равнымъ образомъ совпали въ одномъ звукѣ l^{i} (*l* мягкомъ) первоначальныя мягкія и полумягкія *l*: ср. *l* мягкое въ словацкихъ говорахъ, вмѣсто котораго въ чешскихъ является среднее *l*, замѣнившее и ł.

2. **Лабіализація согласныхъ.** Въ тѣсной связи съ палатализаціей согласныхъ стоитъ ихъ лабіализація, если придавать этому термину широкое значеніе измѣненія согласныхъ въ направленіи къ лабіализованнымъ и вообще задне-небнымъ гласнымъ *o, u*. Подобно тому какъ, ассимилируясь палатальнымъ гласнымъ, согласныя палатализируются, произносятся при томъ же положеніи органовъ рѣчи, которое необходимо для произношенія гласныхъ передняго ряда (*e, i*), такъ же точно, ассимилируясь гласнымъ задняго ряда, согласныя лабіализируются, т. е. произносятся при томъ же положеніи органовъ рѣчи, которое необходимо для произношенія такихъ гласныхъ (*o, u*). Мы имѣемъ ясныя указанія на лабіализацію согласныхъ въ нѣкоторыхъ западно-славянскихъ языкахъ: такъ въ польскомъ языкѣ согласныя *r, l* и зубныя въ положеніи передъ *o, u* становились *нѣкогда* лабіализованными; лабіализованное произношеніе ихъ изъ сочетаній r^{o}o, r^{u}u пере-

носилось и въ сочетанія га, т. е. лабіализованныя согласныя замѣнили вообще нелабіализованное ихъ произношеніе, вслѣдствіе чего въ языкѣ, вмѣсто трехъ видовъ согласныхъ: нелабіализованныхъ, лабіализованныхъ и палатализованныхъ, явилось всего два вида — лабіализованныхъ и палатализованныхъ. Вытѣсненіе лабіализованными согласными согласныхъ нелабіализованныхъ имѣло слѣдствіемъ измѣненіе предшествующей такимъ согласнымъ гласной *e* въ направленіи къ гласнымъ задняго ряда, лабіализацію этой гласной; параллельно съ этимъ шло измѣненіе гласной *e* въ направленіи къ *i* передъ согласными палатализованными. Такъ первоначальное medu, измѣняясь въ $m^{e}ed^{u}u$, переходило затѣмъ въ $m^{i}\ddot{o}d^{u}u$, при чемъ m^{e} измѣнялось въ m^{i} въ связи съ потерей гласною нѣкоторой части своего первоначальнаго палатальнаго характера; такъ же вмѣсто $s^{e}estra$, $v^{e}esna$ явились $s^{i}\ddot{o}s^{u}tra$, $v^{i}\ddot{o}s^{u}na$ и т. д. Понятно, что подобнаго измѣненія *e* въ ö не могло быть тамъ, гдѣ слѣдующая согласная, нѣкогда лабіализованная, утрачивала свою лабіализацію: губныя и гортанныя (g, k, врядъ ли также x, ср. сохраненіе chy при ki, gi), вѣроятно, издревле потеряли въ польскомъ языкѣ свое лабіализованное свойство; вотъ почему мы передъ этими согласными не найдемъ въ польскомъ языкѣ *o* вм. *e* (piekarz, niebo); $m^{e}edu$ измѣнялось въ $m^{i}\ddot{o}du$ вслѣдствіе перехода *d* въ d^{u}, а $n^{e}ebo$ должно было сохранять свое *e*, такъ какъ оно находилось въ сосѣдствѣ съ нелабіализованной согласной *b*. Подобную же лабіализацію согласныхъ можно доказать и для лужицкихъ языковъ: кромѣ цѣлаго ряда явленій, свидѣтельствующихъ о сильной лабіализаціи въ нихъ нѣкоторыхъ согласныхъ, на нее указываетъ также переходъ *e* въ *o* передъ «твердыми» согласными (lodu, нижне-лужицкое s^{i}opł̇y, верхне-лужицкое c^{i}opł̇y и т. д.).—Спрашивается, можно ли, на основаніи указанныхъ явленій лабіализаціи въ польскомъ и лужицкихъ языкахъ, допустить лабіализацію согласныхъ уже въ обще-западно-славянскую эпоху? Испыталъ ли ее тотъ праязыкъ, изъ котораго развился языкъ чешскословацкій? Думаю, что нѣкоторыя явленія чешскословацкаго языка приводятъ

къ заключенію о томъ, что лабіализація согласныхъ принадлежитъ эпохѣ западно-славянскаго единства, при чемъ однако въ эту отдаленную эпоху она не получила еще того широкаго развитія, которое стало удѣломъ нѣкоторыхъ изъ западно-славянскихъ языковъ, а именно польскаго, въ особенности же лужицкихъ. А именно, я отношу къ такимъ явленіямъ измѣненіе общеславянскаго l въ ł. Въ § 280 Гебауеръ излагаетъ тѣ результаты, къ которымъ онъ пришелъ при изученіи судьбы звуковъ *l* въ чешскомъ языкѣ: сначала, говоритъ онъ, въ общеславянскомъ языкѣ было только одно *l* — *l* среднее; къ нему еще въ праславянскую эпоху прибавилось *l* мягкое изъ *lj*; затѣмъ, еще въ доисторическую эпоху (жизни чешскаго языка) явилось ł изъ *l* въ слогахъ la, lo, lu, ly, lą. Съ теченіемъ времени ľ (*l* мягкое) и *l* совпали въ одномъ звукѣ, и въ историческую эпоху чешскій языкъ имѣетъ только твердое ł и нетвердое *l*; нетвердое *l*, хотя и не звучало какъ ľ, тѣмъ не менѣе, подобно мягкимъ согласнымъ, вліяло на суженіе звуковъ *a* и *u*. Впослѣдствіи ł твердое совпало въ одномъ звукѣ съ *l* нетвердымъ, и въ языкѣ оказался только одинъ звукъ *l* — l нетвердое. Я не могу согласиться съ этими положеніями ученаго автора и нахожу, что аргументація ихъ на с. 356 очень мало убѣдительна. Во-первыхъ для меня непонятенъ предполагаемый имъ переходъ общеславянскаго l^1 (*l* мягкаго) въ *l* (pol^1e перешло въ pole) въ доисторическую эпоху жизни чешскаго языка: мы знаемъ изъ предыдущаго изслѣдованія, что въ эту эпоху возникали смягченныя согласныя передъ палатальными гласными; почему бы рядомъ съ этимъ отвердѣть общеславянскому смягченному *l*, для меня совершенно не ясно. Во-вторыхъ, допустивъ для доисторической эпохи совпаденіе l^1 общеславянскаго и *l* въ одномъ звукѣ *l* нетвердомъ, мы не поймемъ, какимъ образомъ и почему нетвердое *l* измѣнилось бы въ l^1 въ цѣломъ рядѣ говоровъ чешскаго языка, а именно въ словацкихъ и моравскихъ (с. 358—359). Въ-третьихъ, терминъ «*l* нетвердое» сбивчивъ и неточенъ: что́ именно разумѣетъ подъ нимъ авторъ, для меня не ясно; очевидно, онъ отличаетъ *l* netvrdé отъ

l střední, но въ такомъ случаѣ, какъ же звучало это нетвердое *l*, если это не было ни l^1 (l мягкое) ни среднее (европейское) *l*? Въ-четвертыхъ, нельзя допустить, чтобы общеславянское *l* не измѣнилось въ обще-западно-славянскую эпоху въ *l* палатальное (мягкое, полумягкое) въ положеніи передъ палатальными гласными, въ виду того что такому измѣненію (палатализаціи) подверглись въ эту эпоху вообще всѣ согласныя. Въ-пятыхъ, сравнительное изученіе западно-славянскихъ языковъ показываетъ, что въ обще-западно-славянскую эпоху было два l: ł и l^1 (ср. польское и лужицкое ł и l^1): слѣдовательно, ł и l^1 словацкихъ и моравскихъ говоровъ надо связать непосредственно съ обще-западно-славянскими ł и l^1, а отсюда ясно, что и въ чешскословацкую эпоху существовали ł и l^1, а не *l* нетвердое, какъ думаетъ Гебауеръ. Вотъ почему исторію звука *l* въ чешскомъ языкѣ надо, думаю, изложить, исходя изъ слѣдующихъ положеній: обще-западно-славянскій языкъ получилъ изъ общеславянской эпохи два l: l (европейское) несмягченное и смягченное, ср. эти два *l* въ современныхъ южно-славянскихъ языкахъ: обще-западно-славянск. sila и vol^{1}a[1]). Съ теченіемъ времени *l* твердое, ассимилируясь слѣдующимъ за нимъ палатальнымъ гласнымъ, переходило въ палатальное (смягченное) *l*, имѣвшее различныя оттѣнки въ зависимости отъ вліявшей на него гласной (мягкое l^1, полумягкое l°). Передъ гласными непалатальными, по причинѣ, изложенной ниже, вмѣсто *l* явилось ł. Такимъ образомъ общеславянскія sila, vol^{1}a, ƀyli стали произноситься siła, vol^{1}a, ƀyl^{1}i; вмѣсто двухъ общеславянскихъ *l* — несмягченнаго и смягченнаго, обще-западно-славянскій языкъ получилъ ł и *l* смягченное, при чемъ область распространенія послѣдняго звука значительно расширилась сравнительно съ общеславянской эпохой, такъ какъ онъ замѣнилъ и несмягченное *l* передъ гласными *i*, į; кромѣ того явился еще третій звукъ l°, т. е. *l* полумягкое въ положеніи пе-

1) Я не вижу основанія допускать для общеславянскаго языка существованіе звука ł, хотя можетъ быть l общеславянское и отличалось отъ такъ называемаго европейскаго l.

редъ гласными *e*, *ę* носовымъ, *ь* и т. д. Тѣ же три звука ł, l^1 и l° перешли и въ чешскословацкую эпоху. Въ словацкихъ и восточно-моравскихъ говорахъ, гдѣ, какъ мы видѣли, чешскословацкія полумягкія согласныя переходили въ мягкія, l° измѣнилось въ l^1, и вмѣсто трехъ видовъ *l* получилось два вида ł и l^1. Въ чешскихъ и западно-моравскихъ говорахъ, гдѣ полумягкія согласныя отвердѣли, l° измѣнилось въ *l* (европ.), и такимъ образомъ въ языкѣ получились: ł передъ непалатальными гласными и въ концѣ слова (siła, sił), l^1 (vol^1a, pol^1e, ƀyl^1i) и новое l (европ.) передъ гласною *e*, передъ согласными и въ концѣ слова (zelený, silný, sůl). Новое *l* получало съ теченіемъ времени все большее распространеніе: такъ съ одной стороны оно, должно быть, сначала вытѣснило l^1 въ положеніи передъ *e*: pol^1e измѣнилось въ pole, l^1es перешло въ les; затѣмъ по естественной звуковой ассоціаціи, l стало вытѣснять l^1 и въ другихъ положеніяхъ: (učitel^1 перешло въ učitel, ƀyl^1i въ ƀyli); съ другой стороны, можетъ быть, подъ вліяніемъ сосѣднихъ нѣмецкихъ говоровъ, *l* распространилось и насчетъ ł, постепенно вытѣсняя его изъ произношенія (можетъ быть, сначала въ концѣ слова и передъ согласными): sił переходило въ sil, siła въ sila. Въ результатѣ, уже къ XVI или XVII вѣку ł и l^1 совершенно исчезли въ чешскихъ говорахъ, уступивъ мѣсто звуку *l* (европейскому); а появленіе *l* (европейскаго) надо относить, кажется, къ XIII вѣку: на с. 198 Гебауеръ доказалъ, что уже въ памятникахъ XIII и XIV вѣка вмѣсто ожидаемыхъ lye, lie правильно и послѣдовательно пишется le; слѣдовательно, уже къ этому времени совершился переходъ l^1e въ le, вызванный, какъ указано выше, переходомъ l°e въ le.

Я совершенно отклонился отъ вопроса о лабіализаціи звуковъ въ обще-западно-славянскую эпоху. Возвращаюсь къ нему съ слѣдующимъ, полученнымъ, на основаніи изслѣдованія судьбы звука *l* въ чешскомъ языкѣ, результатомъ: *l* передъ непалатальными гласными измѣнилось въ обще-западно-славянскомъ языкѣ въ ł. Чтобы понять сущность этого явленія, надо имѣть въ виду, что оно находится въ связи съ палатализаціей звука *l* передъ

палатальными гласными: дѣйствительно, тѣ самые славянскіе языки, которые измѣнили *l* въ lⁱ передъ палатальными гласными, замѣнили *l* черезъ ł передъ гласными непалатальными. Но мы объясняемъ себѣ появленіе lⁱ вм. *l* передъ палатальными гласными ассимиляціею звука *l* слѣдовавшимъ за нимъ гласнымъ; появленіе ł вм. *l* должно поэтому объяснять также ассимиляціею звука *l* слѣдовавшимъ за нимъ гласнымъ. Измѣненіе *l* въ ł я понимаю какъ слѣдствіе лабіализаціи звука *l*: лабіализованное *l* перешло по физіологическимъ причинамъ въ ł. Лабіализація *l* и дальнѣйшій переходъ его въ ł наступали въ положеніи этого звука передъ гласными, способными лабіализировать сосѣдніе звуки, т. е. передъ гласными *o*, *u*, *ъ*, *ą*. Появившись передъ этими гласными, ł вытѣсняло *l* и передъ гласными *a* и *y* (ы); такимъ образомъ всякое *l* замѣнилось звукомъ ł: siła, siło вызвали siła, siły. Подобному же измѣненію въ ł слоговое подверглось при извѣстныхъ условіяхъ еще въ общеславянскую эпоху и слоговое *l*: а именно ḷ измѣнялось въ ł слоговое при томъ условіи, когда предшествовавшій ему неслоговой звукъ ь, а также согласная передъ ь могли лабіализироваться; лабіализація же ь и предшествующей согласной наступала только тамъ, гдѣ эта согласная еще не была лабіализованной. Слѣдовательно, только въ сочетаніяхъ tьḷ и čьḷ, dьḷ и žьḷ, sьḷ могъ имѣть мѣсто переходъ ḷ въ ł; между тѣмъ въ сочетаніяхъ pьḷ, vьḷ, mьḷ, гдѣ *p, v, m*, какъ губные звуки, были уже лабіализированы, ḷ сохранялось безъ измѣненія [1]). Вновь

---

1) Наблюденіе, что *l* слоговое имѣло въ западно-славянскихъ языкахъ различную судьбу въ зависимости отъ того, предшествовали ли ему зубныя или другія (губныя) согласныя принадлежитъ Ф. Ѳ. Фортунатову, который допускаетъ переходъ l слогового въ ł слоговое въ положеніи послѣ сочетанія зубная + неслоговое ь (переходившее при этомъ въ неслоговое ъ) еще для общеславянскаго языка, основываясь при этомъ на старославянскихъ написаніяхъ длъгъ, тлъстъ тѣхъ памятниковъ, которые пишутъ влькъ. Но я думаю, что западно-славянскіе языки указываютъ не на dъłgъ, а на dłgъ (съ слоговымъ ł), которое нельзя возвести къ общеславянскому языку, хотя бы въ виду русскаго долгъ. Старославянское длъгъ при влькъ слѣдуетъ, можетъ быть, объяснять діалектическимъ переходомъ *l* (слогового) палатальнаго въ ł (слоговое) подъ вліяніемъ предшествующей твердой зубной, такъ же какъ въ плънъ вм. пльнъ можно видѣть вліяніе послѣдующей твердой зубной.

возникшія въ обще-западно-славянскомъ языкѣ сочетанія tъł, dъł, čъł, žъł, sъł (съ слоговыми ł и неслоговыми ъ), гдѣ ъ изъ ь вслѣдствіе лабіализаціи предшествующей согласной[1]), переходили еще въ обще-западно-славянскую эпоху въ tł, dł, sł, čł, žł (съ слоговымъ ł): этотъ переходъ объясняется именно лабіализацією обоихъ звуковъ, отдѣленныхъ одинъ отъ другого неслоговымъ ъ, и стремившихся, вслѣдствіе физіологической своей близости, заглушить этотъ посредствующій между ними неслоговой звукъ. Въ отдѣльныхъ западно-славянскихъ нарѣчіяхъ слоговое ł въ указанныхъ сочетаніяхъ переходило или въ łu, ło или въ uł, oł, при чемъ въ одномъ и томъ же нарѣчіи, въ зависимости отъ извѣстныхъ условій, замѣчается колебаніе: ср. польское długi, tłusty, dłubać, но czółn, żółty, żółna, żółć, при этомъ słońce; верхне-лужицкое słónco, діалект. słonco, но stołp, dołh, tołkać, tołsty, žołč, žołma, čołm; нижне-лужицкое słup, dług, tłukaś, tłusty, słyńco, діалект. słuńco, но žołc, cołn и т. д. Въ чешско-словацкомъ ł сохранялось, повидимому, безъ измѣненія; въ моравскихъ и словацкихъ говорахъ оно сохраняется до сихъ поръ: моравск. tłstý, žłty, žłč, dłhý (съ долгимъ ł), dłžen и т. д.; словацк. słnce, stłp (съ долгимъ l), tłstý, žłč, žłna, čłn и т. д.; въ чешскихъ говорахъ слоговое ł перешло въ łu, откуда lu: člun, dloubati, dlouhý, tlustý, žluva, žlutý, slunce и т. д. Кромѣ указаннаго положенія — послѣ ь съ предшествующей нелабіализованной согласной — ḷ измѣнялось въ обще-западно-славянскомъ языкѣ въ слоговое ł и въ положеніи послѣ ъ въ тѣхъ рѣдкихъ сочетаніяхъ, какъ mъḷv, хъḷm, pъḷk, гдѣ замѣна неслогового ирраціональнаго i (ь) неслоговымъ ирраціональнымъ u (ъ) принадлежитъ еще обще-славянской эпохѣ и зависѣла отъ совмѣстнаго вліянія губныхъ и гортанныхъ на окраску указаннаго неслогового звука. Въ обще-западно-славянскую эпоху mъłv-, pъłk- не измѣнялись въ młv, płk одновременно съ переходомъ tъł въ tł потому, что тутъ

1) Звуки č, ž, š, т. е. палатальныя, лабіализуясь, могли сохранять свой палатальный характеръ; о лабіализованныхъ ž и š ср. замѣчанія Сиверса на с. 122 Phonetik (4-е изд.).

не было той физіологической близости звуковъ, разлученныхъ неслоговымъ ъ, какъ въ этихъ послѣднихъ сочетаніяхъ. Но въ чешскословацкомъ, вслѣдствіе общаго исчезновенія неслоговыхъ ъ и ь передъ слоговыми *r* и *l*, и здѣсь получались młv, płk (съ слогов. ł): отсюда въ чешскомъ mluv, pluk, а въ словацкомъ не только Chlm (названіе мѣстности), но также pluk, mluva, hlučný; различное измѣненіе tł и mł, hł въ словацкомъ должно объяснять тѣмъ, что губныя и гортанныя благопріятствовали измѣненію слогового ł въ lu болѣе, чѣмъ предшествующія зубныя. Съ теченіемъ времени въ чешскихъ и словацкихъ говорахъ возникало новое ł слоговое изъ старочешскаго неслогового *l* между согласными: извѣстно, что общеславянскія сочетанія lъ, lь не содержали слогового *l* (подобно сочетаніямъ ъl, ьl); послѣ выпаденія ъ, ь въ чешскословацкомъ получалось одно неслоговое *l* или ł между согласными, которое лишь впослѣдствіи вокализировалось. Судьба новаго ł слогового въ чешскихъ и словацкихъ говорахъ сходна съ судьбою общеславянскихъ слоговыхъ *l*, а именно ł слоговое въ чешскихъ говорахъ измѣнилось въ lu: kluk (русское клокъ), діалект. blucha, klutati, sluza (изъ słza, съ слогов. ł, которое изъ slza), но рядомъ и slza, hltati; въ словацкихъ говорахъ ł сохраняется безъ измѣненія: chłp при чешскомъ chłup (изъ chlъp, Gebauer, с. 296). — Что касается звука *l* слогового въ другомъ положеніи, т. е. тамъ гдѣ ему не предшествовало неслогового ъ или гдѣ не было условій, благопріятныхъ для измѣненія ь въ ъ, то сначала онъ сохранялъ въ обще-западно-славянскомъ языкѣ свой звукъ *l*, но впослѣдствіи, въ виду совершеннаго вытѣсненія звука *l* звуками: ł съ одной стороны, *l* палатальнымъ съ другой, — онъ перешелъ въ полумягкое *l* слоговое. Отсюда въ польскомъ языкѣ ł въ положеніи передъ твердыми зубными (ассимиляція): pełny, wełna, но l^1 (мягкое) при другихъ условіяхъ: wilk, pilch, milczeć; то же въ лужицкихъ нарѣчіяхъ: połny, wołma, no pjelnić, pjelniś, mjelčeć, mjelcaś, wjelk. Въ чешскословацкомъ было также получено *l* полумягкое слоговое; въ старочешскихъ говорахъ еще въ XVI в. *l* было въ такомъ положеніи палатальнымъ: такъ

въ Кралицкой библіи, напечатанной въ 1579—1593 гг., различающей, какъ доказалъ Гебауеръ въ § 281, ł и *l* палатальное, буквою *l* (означаетъ палатальное *l*) пишутся слова какъ: umlkne, mlčeł, pln, plniti, plzka, wlk, wlhkost, wlny z owec. Очевидно, pln, wlk произносились какъ pl^{e}n, wl^{e}k съ слоговымъ *l*. Отсюда въ чешскихъ говорахъ, измѣнившихъ l^{e} въ *l*: vlk, pln, vlna. Въ словацкихъ говорахъ l^{e} слоговое, отвердѣвъ, перешло въ ł слоговое: vłk, płn, vłna. Въ нѣкоторыхъ моравскихъ говорахъ, сохранившихъ различіе ľ и ł, l^{e} измѣнилось въ *l* слоговое: такъ, въ соотвѣтствіи съ plniti Кралицкой библіи, находимъ злинское plnit (съ долгимъ слоговымъ *l*), тогда какъ словамъ dłauhý, słaup той же библіи здѣсь соотвѣтствуютъ dłhý, słp съ долгими слоговыми ł (Bartoš, I, 6). Въ дольнобечевскомъ говорѣ (переходномъ отъ чешско-моравскихъ къ словацкимъ говорамъ), рядомъ съ ł слоговымъ въ žłtý, tłstý, является *l* мягкое слоговое (изъ чешскословацкаго полумягкаго слогового *l*), напр. въ vľk, mľčet (ср. Кралицк. библ. mlčeł), kľzké (Кралицк. библ. plzka).

Предыдущее изслѣдованіе доказало существованіе звука ł изъ общеславянскаго *ľ* еще въ эпоху западно-славянскаго единства; измѣненіе *l* въ ł объяснено лабіализаціей этого звука, при чемъ указанное объясненіе нашло полное подтвержденіе въ тѣхъ условіяхъ, при которыхъ происходило измѣненіе *l* слогового въ ł слоговое. Появленіе обще-западно-славянскаго słnьce (съ ł слоговымъ) непосредственно изъ sъłnьce (съ ъ неслогов. и ł слоговымъ), а это изъ sьḷnьce (съ ь неслоговымъ передъ ḷ), ясно указываетъ на то, что лабіализація захватывала не только звукъ *l*, но и другіе зубные звуки, такъ какъ только переходъ *s* (напр. въ sьḷnьce) въ s^{u} можетъ объяснить различную судьбу сочетаній sьḷ (tьḷ, dьḷ и т. д.) и vьḷ (pьḷ, mьḷ) въ западно-славянскихъ нарѣчіяхъ. Это обстоятельство, а также и то соображеніе, что, въ отношеніи къ палатализаціи, звукъ *l* былъ однороденъ съ зубными звуками, дѣлаетъ вѣроятнымъ, что звуки *t, d, n, s, z* лабіализировались при тѣхъ же условіяхъ при которыхъ лабіализировался и затѣмъ переходилъ въ ł звукъ *l*, т. е. въ положеніи сначала пе-

редъ гласными *o, u, ъ, ą*, а затѣмъ и передъ *a, y*, вм. *t, d* и т. д. въ обще-западно-славянскомъ языкѣ явились t^u, d^u и т. д. Такое предположеніе подтверждается нѣкоторыми звуковыми явленіями (о которыхъ сказано было и выше) польскаго, лужицкихъ и другихъ западно-славянскихъ языковъ, а именно переходомъ звука *e* въ *o* передъ твердыми согласными, въ польскомъ же только передъ твердыми *t, d, n, s, z, ł, r*. Измѣненіе *e* въ *o* напр. въ словѣ sestra (польское siostra, верхнелужицкое sotša, нижнелужицкое sotra) я объясняю себѣ какъ лабіализацію звука *e*, перешедшаго сначала въ ö (лабіализованное *e*) и уже затѣмъ въ *o*. Такая лабіализація могла быть вызвана только слѣдующей согласной: дѣйствительно, въ концѣ слова или передъ палатализованной согласной мы, напр. въ польскомъ, не видимъ подобнаго измѣненія *e* въ *o*. Но вліяніе твердой, несмягченной и нелабіализованной согласной ни въ коемъ случаѣ не можетъ вызвать лабіализаціи предшествующей гласной, подобно тому какъ вліяніе такой согласной не можетъ вызвать палатализаціи гласной. Отсюда слѣдуетъ, что согласная послѣ *e*, измѣнившагося въ *o*, была не только тверда, но и лабіализована. И такъ, согласныя *t, d, n, s, z, r, ł*, вызывавшія въ польскомъ языкѣ переходъ *e* въ *o*, были въ немъ нѣкогда лабіализованы. Сообразивъ же то обстоятельство, что *e* не переходитъ въ *o* въ польскомъ языкѣ передъ губными и гортанными, мы заключаемъ, что въ эпоху этого измѣненія *e* въ ö, откуда *o*, губныя и гортанныя уже потеряли свой лабіализованный характеръ, ср. другое указаніе на потерю лабіализаціи гортанными въ измѣненіи ky, gy въ ki, gi[1]). А это указаніе польскаго языка,

---

1) Я думаю, что ky, gy съ лабіализованными *k* и *g*, перейдя въ ky, gy съ *k* и *g* нелабіализованными, должны были ассимилировать *k* и *g* слѣдующей средненёбной гласной *y*; вслѣдствіе этого они перешли въ *k* и *g* средненёбныя, которыя смягчились потому, что языкъ не имѣлъ средненёбныхъ *k* и *g*. Лучшимъ доказательствомъ этого служитъ нижнелужицкое *ch*: изъ нѣкоторыхъ особенностей нижнелужицкой фонетики видно, что оно дольше чѣмъ k и g сохраняло, а можетъ быть сохраняетъ и теперь лабіализованный свой характеръ (ср. замѣчанія Mucke въ Hist. u. vergl. Laut- u. Formenlehre, с. 21, о произношеніи y послѣ *губныхъ* и ch): въ связи съ этимъ, рядомъ съ ki, hi, мы нахо-

въ связи съ тѣмъ, что въ лужицкихъ языкахъ положеніе передъ губными и гортанными вызываетъ такое же измѣненіе *е* въ *о*, какъ и передъ прочими согласными, дѣлаетъ несомнѣннымъ, что измѣненіе *е* въ *о* подъ вліяніемъ лабіализованныхъ согласныхъ принадлежитъ не обще-западно-славянской эпохѣ, а жизни отдѣльныхъ западно-славянскихъ нарѣчій. Вотъ почему въ чешско-словацкомъ языкѣ мы не найдемъ измѣненія *е* въ *о*; измѣненіе же *е* (первоначальнаго, а также изъ *ь* и изъ *ѣ*) въ *о* въ сѣвероопавскомъ говорѣ (Гебауеръ § 133) ничего общаго съ появленіемъ *о* вм. *е* въ польскомъ и лужицкихъ языкахъ не имѣетъ, такъ какъ ему подвергается *е* не только передъ твердыми, но и передъ мягкими согласными: joleň, plošč, čoło, ťopło и т. д. Это любопытное явленіе надо, думаю, сопоставлять прежде всего съ діалектическимъ произношеніемъ, отмѣченнымъ Бартошемъ (II, 126) въ одномъ изъ говоровъ ганацкаго нарѣчія, гдѣ *е* замѣняется полугласною ö (параллельно съ замѣною *i*, *u*, *y* полугласнымъ звукомъ ǝ): diťö, jöden, jöst, ďövčö съ полугласнымъ ö. Повидимому, въ сѣвероопавскомъ, такъ же какъ въ указанномъ говорѣ ганацкаго нарѣчія, явилось общее стремленіе къ лабіализованному произношенію гласныхъ: ср. сѣвероопав. uo вм. *о* (mlekuo), iuł вм. ił (muatiu) и др.

Отсутствіе лабіализаціи гласной *е* въ чешскословацкомъ языкѣ не можетъ указывать на отсутствіе въ немъ лабіализованныхъ согласныхъ, а стоитъ въ связи съ отсутствіемъ палатализаціи той же гласной подъ вліяніемъ слѣдующихъ палатальныхъ согласныхъ: дѣйствительно, мы не имѣемъ никакихъ указаній на то, чтобы звукъ *е* произносился въ чешскословацкую эпоху отлично передъ мягкими и твердыми согласными, подобно тому какъ въ

димъ здѣсь, какъ и въ польскомъ, сby. Что гортанныя были нѣкогда лабіализованы въ общелужицкомъ языкѣ, доказывается переходомъ открытаго *о* въ *о* закрытое въ положеніи передъ *k*, *ch* (*kh*), а частью передъ h въ верхнелужицкомъ (Mucke, с. 98) и отсутствіемъ перехода о въ uo (послѣ губныхъ и гортанныхъ) передъ гортанными и губными въ нижнелужицкомъ (тамъ же, с. 99), при чемъ о въ woko не звучитъ какъ uo потому, что нѣкогда оно было закрыто подъ вліяніемъ лабіализованнаго k.

русскомъ или польскомъ открытому *e* передъ твердой соотвѣтствуетъ закрытое *e* передъ мягкой согласной.

Подводя итогъ предидущему изслѣдованію о палатализаціи и лабіализаціи въ западно-славянскихъ языкахъ, мы видимъ, что въ эпоху общей ихъ жизни получили еще только начало тѣ явленія, которыя впослѣдствіи развились въ лужицкихъ и польскомъ языкахъ. А именно, на мѣсто согласныхъ безразличныхъ, въ зависимости отъ слѣдующихъ гласныхъ палатализованныхъ и лабіализованныхъ, явились палатализованныя и лабіализованныя согласныя съ различными оттѣнками палатализаціи и лабіализаціи: палатализованныя согласныя были мягки (l^{i}, t^{i}, p^{i}) или полумягки (l^{e}, t^{e}, p^{e}), лабіализованныя были склонны къ *u* (t^{u}, r^{u}) или склонны къ *o* (t^{o}, r^{o}). Возникши въ сочетаніяхъ съ гласными *o*, *u*, *ą*, *ъ*, лабіализованныя согласныя проникали и въ сочетанія съ *a* и *y*; лабіализованное *l* измѣнилось въ ł. Такимъ образомъ въ обще-западно-славянскомъ языкѣ, получившемъ изъ общеславянскаго языка, во-первыхъ, согласныя чистыя, каковы *t*, *d*, *l* и т. д., во-вторыхъ, палатализованныя, каковы č, ž, š и т. д., въ-третьихъ, лабіализованныя *p*, *b*, *v*, *m* и *k*, *g*, *x*, *h* — возникли только два ряда согласныхъ: лабіализованныя и палатализованныя. Вслѣдствіе этого всякая согласная, которая по какимъ-либо условіямъ не могла лабіализироваться, должна была палатализироваться: такъ, *l* слоговое, въ положеніи послѣ неслогового *ь*, которому предшествуетъ губная, не могло лабіализироваться и переходить въ ł; вслѣдствіе этого оно измѣнялось въ такомъ положеніи въ l^{e} слоговое ($vьl^{e}kъ$ съ слоговымъ l^{e}); такъ, *r* слоговое лабіализировалось передъ лабіализованными зубными; въ положеніи же передъ палатализованными зубными, а также при встрѣчѣ съ губными и гортанными звуками, неоднородными по физіологическому своему характеру съ зубными, *r* измѣнялось въ r^{e}, т. е. палатализировалось (vьṛxъ, vьṛba измѣнялось въ $vьr^{e}xъ$, $vьr^{e}ba$ съ слоговымъ r^{e}). — Я думаю, что въ чешскословацкомъ языкѣ наиболѣе консервативно, сравнительно съ другими западно-славянскими нарѣчіями, сохранялись полу-

ченныя изъ обще-западно-славянскаго языка отношенія. Такъ въ немъ не имѣло мѣста вліянія палатализованныхъ и лабіализованныхъ гласныхъ на предшествующій имъ звукъ *e*, который они въ польскомъ и лужицкихъ языкахъ измѣняли въ *e* закрытое и ö (откуда *o*)[1]; такъ въ немъ сохранялось различіе между мягкими и полумягкими согласными, совпавшими въ прочихъ западно-славянскихъ нарѣчіяхъ. Важнѣйшимъ измѣненіемъ въ этихъ отношеніяхъ для чешскословацкой эпохи слѣдуетъ, кажется, признать переходъ исконно мягкихъ согласныхъ въ полумягкія въ

1) Въ одномъ звуковомъ положеніи чешскословацкій языкъ какъ будто указываетъ еще на обще-западно-славянскій переходъ e въ ȯ: а именно, если сопоставить чешск. žlab съ польск. žłób, лужицк. žłob, чешск. članek съ польск. człon, чешск. žláza съ чешск. žléza и нѣк. др., можно придти къ возстановленію обще-западно-слав. žołb, čoln, žołza съ o или žöłb, čöln, žölza съ ö. Но сопоставленіе это должно быть признано ошибочнымъ, такъ какъ въ žlab старочешскій языкъ, что видно изъ свидѣтельства Кралицкой библіи, правильно различающей l и ł (ср. Гебауеръ I, 360) и пишущей žlábkowé съ l, — имѣлъ не ł а l. Ср. также словацк. žľab въ словарѣ Loos'a. Слѣдовательно, žlab (а также članek, žláza) восходитъ къ želb съ l, а не съ ł. Различіе между žleb и žlab должно, кажется, объяснять тѣмъ, что *e* въ положеніи послѣ j, ž, č, š еще въ общеслав. языкѣ перешло въ ä, когда въ слѣдующемъ слогѣ были звуки e, i, ě: общеслав. želbъ, но žälbě, žälbina; želbъ, откуда въ обще-западно-слав. żełbъ, перешло въ чешскословацк. въ žlěb, а žälb-, откуда въ обще-западно-слав. žäłb-, въ žľab-. Что же касается o въ польск. и лужицк. žłób, žłob, то оно указываетъ на болѣе древнее żołbъ изъ żełbъ: o вм. e явилось въ каждомъ изъ этихъ языковъ отдѣльно, въ эпоху перехода *e* въ ö передъ лабіализованными согласными, при чемъ дальнѣйшее измѣненіе ö въ o зависѣло отъ положенія его между двумя лабіализованными согласными одного и того же слога: ž и ł. Что же касается происхожденія лабіализаціи первой изъ этихъ согласныхъ, то, повидимому, она восходитъ къ обще-западно-славянской эпохѣ: зубныя (č, ž, š, а также, вѣроятно, d, t) лабіализовались подъ вліяніемъ звука ł въ звуковомъ сочетаніи eł. Ср. съ этимъ лабіализацію зубныхъ подъ вліяніемъ слогового ł въ сочетаніяхъ ьł, ъł съ ł слоговымъ. Рядомъ съ этимъ, губная не подвергалась такому измѣненію ни передъ сочетаніемъ ьł ни передъ сочетаніемъ eł: напротивъ, въ сочетаніяхъ губная + ь или e + ł слоговое или неслоговое, звукъ ł подвергался ассимиляціи предшествующему гласному звуку и терялъ свою лабіализацію: такъ явились въ обще-западно-слав. съ одной стороны: žłtъ (съ ł слоговымъ; см. выше), žᵘełbъ, а съ другой vьľkъ (съ ľ слоговымъ), meľko. Отсюда напр. въ польскомъ żłutý, żołbъ — žłób, но wilk, mleko. Въ русскомъ языкѣ ł являлось изъ l и ḷ въ обоихъ видахъ этихъ сочетаній: žъłtъ, żołobъ и vъlkъ, mołoko, что, можетъ быть, зависѣло отъ того, что въ эпоху измѣненія l въ ł губныя (какъ лабіализованные звуки) не успѣли еще, потерявъ лабіализацію, смягчиться передъ слѣдующими палатальными гласными.

положеніи передъ звукомъ *e*: повидимому, уже въ чешскословацкую эпоху š, ž, č, c, r^{i}, l^{i} (изъ rj, lj) звучали передъ *e* не такъ мягко какъ передъ *i* или передъ другими гласными (*a*, *o*, *u*); это объясняется тѣмъ, что передъ звукомъ *e* и всѣ прочія палатальныя согласныя (новыя по происхожденію) звучали полумягко (t$^{\circ}$, p$^{\circ}$ и т. д.). Вотъ почему въ позднѣйшую эпоху, когда *a*, подъ вліяніемъ предшествующихъ мягкихъ согласныхъ, измѣнилось въ *e*, слова duše, vlčice, orlice, věže и т. д. въ имен. ед. звучали иначе, чѣмъ въ зват. падежѣ: им. былъ duš^{i}e, а зват. duš$^{\circ}$e; ср. написанія dussye, dussie, orliczie, wiezie, burzie, pussczye въ им. ед., при dusse, studnice, trogycze, spomocznycze и т. д. въ зват. ед. (Гебауеръ III, 203 и 205). Въ отдѣльной жизни чешскихъ и словацкихъ говоровъ прежнія отношенія нарушились гораздо въ большей степени: такъ въ чешскихъ говорахъ отвердѣли полумягкія согласныя; напротивъ, въ словацкихъ полумягкія согласныя измѣнились въ мягкія.

3. **О чешскословацкомъ измѣненіи носового е.** Разсмотрѣвъ въ § 51 всѣ тѣ различные звуки, которые въ старочешскомъ, а также въ современныхъ чешскихъ говорахъ соотвѣтствуютъ общеславянскому ę, Гебауеръ на с. 51 ставитъ вопросъ, въ какую именно гласную измѣнилось носовое *e* непосредственно, къ какому именно общему звуку должны быть возведены его позднѣйшія, весьма разнообразныя отраженія (a, ’a, ä, ě, e, ā, ’ā, ja, ia, í, ie, é). По мнѣнію ученаго автора первоначальное ę измѣнилось въ ^{i}a, т. е. praejotované *a*, krátké v slabikách krátkých a dlouhé v dlouhych. Такой выводъ Гебауера встрѣтилъ возраженія со стороны Ягича, который указалъ (Archiv f. Sl. Ph. XVI, 510—512), что современные и старочешскіе замѣстители общеславянскаго ę не могутъ быть выведены изъ предположеннаго Гебауеромъ основного звука, и что всѣ они объясняются изъ *e* открытаго, склоннаго къ *a* и смягчающаго предшествующую согласную (ä mit weichem Charakter), который и былъ первоначальнымъ замѣстителемъ носового *e*. Гебауеръ объясняетъ современныя ě, e, í, é изъ ^{i}a какъ результатъ перегласованія (Umlaut)

звука *a*; Ягичъ, напротивъ, предполагаетъ, что современныя а, 'а, іа надо объяснять изъ ¹ä, звукъ котораго въ незначительно измѣненномъ видѣ сохранился въ ě, іе и т. д. Мнѣ кажется, что и Ягичъ и Гебауеръ, высказавшіе противоположныя мнѣнія, близки къ истинѣ: Ягичъ правъ, утверждая, что всѣ перечисленные выше замѣстители носового *e* восходятъ непосредственно къ звуку ä, смягчившему предшествующую согласную; Гебауеръ правъ, допуская, что ě, е, іе, í, é объясняются путемъ перегласованія, т. е. измѣненія звука *a* въ направленіи къ *e*; но онъ ошибается, когда думаетъ, что въ páty, časty, pět и т. д. а и ě восходятъ *непосредственно* къ ¹a. Равнымъ образомъ нельзя согласиться съ Ягичемъ, предполагающимъ, что ę перешло *непосредственно* въ ä, а не въ *a*, какъ думаетъ Гебауеръ. Во-первыхъ, ссылка Ягича на верхнелужицкій языкъ какъ разъ убѣждаетъ въ возможности звукового измѣненія ę, хотя бы и черезъ посредство ä, въ *a*: дѣйствительно, основнымъ замѣстителемъ *e* носового въ этомъ языкѣ было *a* (можетъ быть, изъ ä), которое, какъ и всякое первоначальное *a* (въ положеніи послѣ смягченной согласной), измѣнялось передъ смягченными согласными въ é (*e* закрытое), а въ конечномъ открытомъ слогѣ въ *o*: ср. чередованіе замѣстителей первоначальнаго ę въ dźéwáty, knjéži и ćeľo съ чередованіемъ замѣстителей первоначальнаго *a* въ bratr, zjéwić и kmotřo (фонетически вм. kmotřa, между тѣмъ какъ въ параллельной формѣ kmotřa звукъ *a* возстановленъ на основаніи окончанія *a* им. ед. именъ женск. р. съ твердой основой). Впрочемъ, то или другое измѣненіе звука въ верхнелужицкомъ ни въ коемъ случаѣ не можетъ указывать на чешскій или прачешскій фонетическій процессъ, такъ какъ потеря носовыхъ гласныхъ произошла уже въ отдѣльной жизни обоихъ этихъ языковъ[1]). Во-вторыхъ, Ягичъ

---

1) Ягичъ ссылается въ доказательство древняго различія въ верхнелужицкомъ языкѣ звуковъ: 1) соотвѣтствующаго первоначальному *a*, 2) соотвѣтствующаго носовому *e*, на то, что первый изъ нихъ переходитъ передъ мягкими согласными (Umlaut) въ *e* открытое, а второе въ *e* закрытое (pjěć, но zjéwić). Но думаю, что это наблюденіе, приводимое и у Mucke (с. 39, прим. 3-е), основано

оставилъ безъ объясненія а въ окончаніи причастныхъ формъ какъ pcka, veda, moha: между тѣмъ ихъ, такъ же какъ русскія мога, ида, можно объяснить только вліяніемъ окончанія *a* въ slyša, noša и т. д. Въ-третьихъ, судьба замѣстителя носового *e* въ чешскомъ языкѣ совершенно тожественна съ судьбой первоначальнаго звука *a* въ положеніи послѣ мягкихъ согласныхъ; дѣйствительно, чередованіе jasný, jesně, stáje, гдѣ *a* и *e* восходятъ къ первоначальному *a*, вполнѣ аналогично съ чередованіемъ časty̌, česté (стар.), děvče, гдѣ *a* и *e* являются замѣстителями первоначальнаго ę. Слѣдовательно, указаніе Ягича на то, что современныя

на недостаточномъ количествѣ случаевъ; мы знаемъ много словъ, гдѣ древній языкъ имѣлъ *e* носовое между двумя мягкими согласными, и очень мало, гдѣ въ такомъ же положеніи находилось *a*. Въ соотвѣтствіи съ *a* мы дѣйствительно находимъ *e* закрытое (jéjo, jéhnjo, sadźéć, běžéć, njépřéćél и т. д.), но рядомъ и *e* открытое (žěl, lěć, smjěć, jěšć, рѣже jéšć, jěšćěř, рѣже jéšćěř); равнымъ образомъ въ соотвѣтствіи съ *e* носовымъ рядомъ съ *e* открытымъ мы изрѣдка находимъ *e* закрытое (knjéžě, knjéži при knjěz). Я думаю, что открытое произношеніе *e* (изъ всякаго *a*) зависитъ главнымъ образомъ отъ вліянія родственныхъ словъ съ звукомъ *a* (передъ твердой согласной): pjěć, не pjéć подъ вліяніемъ pjaty. Основываюсь во первыхъ на томъ, что переходъ *a* между мягкими согласными сравнительно новаго происхожденія (по Mucke онъ начался въ XVII в., ср. с. 36), при чемъ ко времени его появленія е носовое замѣнилось уже во всякомъ случаѣ черезъ *a*; во вторыхъ, *e* закрытое является не только на мѣстѣ *a*, но и на мѣстѣ *e* передъ мягкими согласными (jéléń): замѣняя и *a* и *e* фонетически, оно, конечно, должно было бы замѣнить и ä, если бы въ XVI в. существовало произношеніе p'äć; въ третьихъ, верхнелуж. knjěz вм. ожидаемаго knjaz правильно объясняется Mucke (на с. 72) вліяніемъ словъ knjéni, knjěži: слѣдовательно, é (*e* закрытое) вообще не могло ассоціироваться съ *a* въ родственныхъ словахъ; въ четвертыхъ, *e* открытое въ lěć, smjěć (lachen), равно какъ въ žnjěć, ćěć, слѣдуетъ объяснять вліяніемъ инфинитивовъ на аć (въ tać, krać, dać, kać so и т. д.), между тѣмъ какъ въ běžéć закрытое *e* сохранилось подъ вліяніемъ widźéć, sedźéć и т. д. (ср. различное образованіе основы настоящаго времени).

Что касается нижнелужицкаго нарѣчія, то оно, повидимому, дѣйствительно измѣнило е носовое въ ä, которое перешло въ ie (пишется ě) въ ударяемомъ слогѣ послѣ палатальныхъ согласныхъ по тому же закону, по которому о подъ удареніемъ послѣ (нѣкогда лабіализованныхъ) губныхъ и задненёбныхъ перешло въ uo (пишется ó): jězyk, klěś, pěś, řěd и т. д. такъ относятся къ первоначальнымъ *jäzyk, *kľäć, p'äć, ŕäd, какъ bósy, kóza, góra, wóla и т. д. — къ первоначальнымъ *bosy, *koza, *gora, *wola. Отсюда, вѣроятно, слѣдуетъ, что общелужицкимъ звукомъ, соотвѣтствующимъ обще-западно-славянскому носовому *a* (изъ *e* носового), былъ ä.

отраженія носового *e* ведутъ къ предположенію *основного* для нихъ звука ä, должно быть распространено и на замѣстителей первоначальнаго *a*, т. е. надо полагать, что и они (a, ä, ě, e, ie, í, é и др.) восходятъ непосредственно къ звуку ä. Въ слѣдующемъ за этимъ разсужденіи я подробнѣе остановлюсь на доказательствахъ того положенія, что *a* всякаго происхожденія (т. е. изъ первоначальнаго *a* и изъ первоначальнаго ę) еще въ чешско-словацкую эпоху измѣнилось въ положеніи послѣ мягкихъ согласныхъ въ ä, а пока перехожу къ объясненію Гебауера фонетическаго процесса, дѣйствовавшаго при измѣненіи первоначальнаго *e* носового въ чешскомъ языкѣ.

Какъ указано выше, онъ предполагаетъ переходъ ę въ ˈa, т. е. praejotované *a* (с. 51): подъ этимъ терминомъ, какъ это видно изъ § 90 (с. 89), Гебауеръ разумѣетъ дифтонгическое сочетаніе ia съ неслоговымъ *i*[1]). Это ясно съ одной стороны изъ того, что ˈa не смѣшивается имъ съ *a*, смягчающимъ предшествующую согласную (’a); ср. на с. 89 слова: na př. bylo původně ščenˈata, ščenˈátko (ˈa, ˈá za -ę-), v pozdějším ščeňata, ščeňátko jest praejotace zaniklá a takořka ztrávena ve změkčeném ň-. Съ другой стороны Гебауеръ отличаетъ ˈa, ˈu отъ ja, ju: это ясно въ особенности изъ § 208, гдѣ проводится рѣзкая граница между iu и ju. Наконецъ, замѣчаніе на с. 88 совершенно выясняетъ, чтó должно разумѣть подъ написаніями ˈa, ˈe и т. д., такъ какъ здѣсь написанія ia, ě, ie, iu и т. д. отожествляются съ ja, je, jé, ju (ср. djábel на с. 88, а на с. 89 diábel), а изъ сопоставленія написаній ia, ie съ ˈa, ˈe на с. 89 ясно, что тѣ и другія написанія обозначаютъ одни и тѣ же звуки, различно измѣнившіеся подъ вліяніемъ извѣстныхъ условій. Дѣйствительно, древнее *ѣ* отразилось, по указанію Гебауера, въ дифтонгическихъ

---

1) Опредѣленіе самого автора страдаетъ неточностью: psaním ˈa, ˈá, ˈe, ˈé, ˈu, ˈú rozumíme samohlásky a, á atd. s praejotací theoreticky žádanou, nehledíce k tomu, je-li také v dokladech psána čili nic; ср. выше: psaním ia, iá, ě, ie, iu, iú rozumíme samohlásky a, á atd. s praejotací zjevnou, zjevnou totiž u výslovnosti, a v dokladech také ve formě psané.

сочетаніяхъ ịe, ịé, которыя онъ пишетъ какъ ě, ie (ср. на с. 88 отожествленіе ě въ město съ ịe, а ie въ старочешскомъ miesto съ ịé); слѣдовательно, и chlѣbъ — chlѣba перешло, по его мнѣнію, въ chlịéb — chlịeba, но эти первоначальныя формы онъ изображаетъ не черезъ chlieb — chlěba, а черезъ chl'éb — chl'eba по тому, что въ позднѣйшемъ періодѣ отсюда явились (съ утратой ị) — chléb — chleba. Не нахожу, чтобы такой пріемъ могъ бы быть допущенъ въ научной транскрипціи, но какъ бы тамъ ни было Гебауеръ весьма опредѣленно разъяснилъ, что подъ написаніемъ 'a онъ разумѣетъ дифтонгическое сочетаніе ịa. И такъ, по его мнѣнію, *е* носовое перешло въ чешскомъ языкѣ въ ịa. Не могу согласиться съ такимъ положеніемъ на основаніи слѣдующихъ соображеній: 1) появленіе дифтонгическаго сочетанія ịa вм. ę было бы совершенно непонятно въ особенности потому, что въ прачешскомъ языкѣ, какъ это ясно доказываетъ еще для обще-западно-славянской эпохи польскій языкъ, ę было не только долгимъ, но и краткимъ звукомъ; параллельно съ измѣненіемъ ę въ ịa, мы должны бы ждать дифтонгическое сочетаніе ụo на мѣстѣ ǫ краткаго, между тѣмъ оно перешло въ монофтонгъ *u*; 2) измѣненіе прачешскаго ščenęta въ совр. ščeňata вполнѣ аналогично появленію щенята въ русскомъ языкѣ, русское же *a*, смягчающее предшествующую согласную, замѣнило носовое *е* безъ посредства ịa, которое, вѣроятно, перешло бы въ ja; 3) древнія и совр. чешскія reka, veda не указываютъ на то, чтобы nosę перешло въ nosịa: дѣйствительно, мы въ правѣ были бы ожидать тогда vedịa; напротивъ, предположеніе формы noša вполнѣ удовлетворительно объясняетъ veda вм. vedy; 4) ни въ коемъ случаѣ нельзя объяснить изъ ịa словацкихъ ä и a въ päta, päť, swäzok, ťah, ďaťelina, такъ какъ ịa сохраняется въ словацкомъ нарѣчіи безъ измѣненія, ср. znamenia, т. е. znamenịa; кромѣ того ä является діалектически и вм. *a* послѣ нѣкогда мягкихъ согласныхъ: čäs, ulicä; слѣдовательно, и въ päta его можно выводить изъ *a* въ положеніи послѣ мягкой согласной.

Приведенныя возраженія противъ перехода *е* въ ịa предста-

вляются одновременно доказательствами слѣдующаго положенія: носовое *е* въ чешскомъ языкѣ, такъ же какъ въ русскомъ и верхнелужицкомъ языкахъ, перешло въ *а*, смягчающее предшествующую согласную. Процессъ такого измѣненія былъ, думаю, приблизительно слѣдующій: въ обще-западнослав. эпоху, какъ ясно изъ предыдущаго разсужденія, въ сочетаніяхъ согласная + *е* носовое, согласныя, ассимилируясь слѣдующей палатальной гласной, переходили въ палатальныя согласныя: pę, tę, lę и т. д. стали звучать какъ pę, tę, lę съ палатальными p, t, l. Эти палатальныя согласныя приняли сначала окраску слѣдующаго гласнаго звука, при чемъ онѣ не были ни мягки (мягкія согласныя p^i, t^i, l^i являлись въ положеніи передъ i) ни полумягки (разумѣя подъ этимъ терминомъ p^e, t^e, l^e, являвшіяся въ положеніи передъ *е*); вѣроятно, онѣ были средними между тѣми и другими, а это стояло бы въ связи съ тѣмъ, что ę было въ обще-западнославянскую эпоху нѣкогда болѣе закрытымъ звукомъ, чѣмъ *е* не носовое. Такія среднія между мягкими и полумягкими согласныя замѣнялись, можетъ быть, еще въ обще-западнославянскую эпоху *мягкими* согласными: языкъ весьма часто сводитъ различные оттѣнки звуковъ къ нѣкоторымъ крайнимъ, наиболѣе рѣзкимъ изъ нихъ. Но въ связи съ замѣной палатальныхъ согласныхъ передъ ę болѣе палатальными, явилось измѣненіе носового *е* въ звукъ менѣе закрытый, менѣе палатальный: первоначальная гармонія между согласной и гласной (однородными по мѣсту образованія) была нарушена, при чемъ усиленіе палатальнаго элемента въ первомъ членѣ такихъ сочетаній вознаградилось ослабленіемъ его во второмъ. Палатальныя согласныя перешли въ мягкія p^i, t^i, l^i, а носовое *е* въ носовое *а*. Отсюда, по утратѣ носового свойства, уже въ чешско-словацкую эпоху — *а* съ предшествующей мягкой согласной. Такъ измѣнились обще-слав. и обще-западно-слав. pęta, tęgъ, telę въ p^iąta, t^iągъ, tel^ią, откуда p^iata, t^iah, tel^ia. Всѣ послѣдующія измѣненія основного *а* изъ ę принадлежатъ позднѣйшей, чешско-словацкой эпохѣ. Сюда относится прежде всего чешско-словацкое измѣненіе *а* (послѣ мягкихъ согласныхъ) въ ä, далѣе распаденіе долгаго ä на

дифтонгическое сочетаніе iä, затѣмъ чешско-словацкій переходъ мягкихъ согласныхъ передъ ä въ полумягкія, чешскій переходъ ä въ положеніи передъ твердыми согласными въ *a*, въ положеніи же передъ мягкими согласными и въ концѣ слова въ *e*, чешскій же переходъ *ie* (изъ iä) въ í, словацкій переходъ ä въ *a*, отвердѣніе полумягкихъ согласныхъ въ чешскомъ языкѣ, отвердѣніе губныхъ въ словацкомъ и т. д. Не стану останавливаться подробнѣе на разсмотрѣніи всѣхъ этихъ явленій, такъ какъ они составятъ предметъ послѣдующихъ моихъ разсужденій.

4. **О дифтонгическихъ сочетаніяхъ i съ гласными a, e, u въ исторіи чешскаго языка.** Подобныя сочетанія въ чешско-словацкомъ языкѣ были трояфкаго происхожденія. Во первыхъ, нѣкоторыя изъ нихъ, а именно сочетанія j̯ и *i* съ *e* были получены еще въ обще-западно-славянскую эпоху въ соотвѣтствіи съ обще-славянскимъ дифтонгическимъ сочетаніемъ *ѣ*: на мѣстѣ древняго *ѣ* было получено дифтонгическое сочетаніе *ie*, сохранявшееся безъ измѣненія при тѣхъ же условіяхъ, при которыхъ сохранялись долгія гласныя, но измѣнявшееся въ j̯e тамъ, гдѣ первоначально долгая гласная теряла свою долготу. Отсюда въ чешско-словацкомъ языкѣ *ie* и *e*, смягчающее предшествующую согласную, причемъ измѣненіе j̯e въ *'e* принадлежитъ, повидимому, еще обще-западно-славянской эпохѣ [1]): чешско-словацк. m'iera, hr'iech, sm'iech и т. д. (при m'ena, b'eh, t'esto и т. д.). Я думаю, что *ie* оставалось безъ измѣненія въ чешско-словацкую эпоху и уже только въ словацкомъ нарѣчіи перешло въ j̯e: на это указываетъ чешское измѣненіе этого *ie* въ í; дѣйствительно, въ результатѣ стяженія

1) Измѣненіе t'j̯e въ t'e аналогично разсмотрѣнному выше измѣненію t"ъł (съ неслоговымъ ъ и слоговымъ ł) въ t°ł (съ слоговымъ ł) въ обще-западно-славянскомъ языкѣ: неслоговыя j̯ и ъ поглощались предшествующими палатализованными и лабіализованными согласными. Кажется, e въ m'ena, t'esto звучало въ чешско-словацкую эпоху болѣе закрыто, чѣмъ e изъ первоначальнаго e; это объяснило бы, почему передъ нимъ согласныя не перешли въ полумягкія подобно тому, какъ онѣ измѣнились такимъ образомъ передъ первоначальнымъ e (напр. въ зват. ед. duše).

i̯e врядъ ли получилась бы долгая гласная, врядъ ли также неслоговой элементъ *i* могъ бы поглотить слоговой элементъ *e*.

Во вторыхъ, въ обще-западно-славянскомъ языкѣ дифтонгическія сочетанія *ia*, *ie*, *iu* получались вслѣдствіе фонетическаго закона о выпаденіи i̯ (неслогового *i*) между гласными, закона, дѣйствовавшаго именно въ обще-западно-славянскую эпоху, какъ это допускаетъ, повидимому, и Гебауеръ на с. 563 (shodují se tu tedy všecky jazyky západoslovanské, a to je svědectvím, že změna tato — т. е. измѣненіе oje въ é въ dobroje-dobré — počátkem svým hluboko do doby předhistorické zasahuje). Неслоговое *i* выпадало также въ положеніи между слоговымъ *i* и слѣдующей гласной, при чемъ ii̯a, ii̯u, ii̯e, ii̯ą [1]) и т. д. переходили въ *ia*, *iu*, *ie*, ią (znamenia, znameniu, znamenie, kostią); ii̯i измѣнялось въ *ii*, откуда, вѣроятно еще въ обще-западно-слав. эпоху, ī (znamenī). Сочетанія ѣi̯e (umѣi̯e), ei̯e (pѣšei̯e), ѣi̯a (dѣi̯ałъ) и др., по выпаденіи i̯, также перешли въ обще-западно-слав. эпоху въ *ie* (umie), *ie* (pѣšie), *ia* (diałъ). Въ чешско-словацкомъ языкѣ дифтонгическія сочетанія *ia*, *iu*, *ie* и др. сохранялись безъ измѣненія первой ихъ части (объ измѣненіи второй скажу въ слѣдующемъ разсужденіи): *i* не переходило въ неслоговое *i*. На это указываютъ тѣ же два обстоятельства, которыя приведены выше при разсмотрѣніи судьбы дифтонгическаго сочетанія *ie* изъ *ѣ* въ чешскомъ языкѣ: а именно чешское *ī*, являющееся какъ результатъ стяженія *ia*, *iu*, *ie*, показываетъ во 1) что первая часть дифтонга — *i* была слоговой, иначе она не могла бы поглотить второй его части, во 2) что въ этихъ сочетаніяхъ было два слоговыхъ элемента, иначе врядъ ли бы въ результатѣ стяженія явилась долгота.

Опредѣляя условія, при которыхъ между гласными исчезало

1) Гебауеръ предполагаетъ, что въ общеслав. языкѣ были не эти сочетанія, а ьja, ьju, ьje и т. д. (ср. с. 559 и сл.). Но я, вслѣдъ за другими изслѣдователями, принимаю уже для общеслав. языка переходъ ъ и ь передъ «i̯ + гласная» въ *y* и *i*. Между прочимъ на него указываетъ и чешское окончаніе им. ед. именъ прилагательныхъ (dobrý): ъjь измѣнилось бы не въ ý (изъ yi̯), а въ ei̯. Впрочемъ, на с. 559 самъ Гебауеръ допускаетъ возможность переходной ступени между ъjь и ý въ видѣ yi̯.

въ обще-западно-славянскую эпоху неслоговое *i* (по Гебауеру *j*), Гебауеръ на сс. 555, 556, 557 съ одной стороны предполагаетъ, что оно выпадало лишь при *неударяемости* слѣдующей за нимъ гласной, при чемъ это, по его мнѣнію, объясняетъ появленіе dělâš изъ dělàješь при lаješ изъ lаjèšь; smieš изъ smѣ̀ješь, а směješ se изъ smѣjèšь sę; съ другой стороны онъ указываетъ, что выпаденіе į и послѣдующее стяженіе обусловливались *ударяемостью* слѣдующей за нимъ гласной: táti изъ tajàti, но staje изъ stàja, má изъ mojà, но dvòje изъ dvòja. Думаю, что Гебауеръ напалъ на вѣрную мысль искать объясненія нестяженныхъ формъ при стяженныхъ въ условіяхъ ударенія, но допущенное при этомъ противорѣчіе я не могу себѣ объяснить. Мнѣ кажется, что еще въ обще-славянскомъ языкѣ, въ зависимости отъ ударяемости или неударяемости слѣдующей гласной, различались j и į, а именно į являлось только передъ неударяемыми гласными, а j передъ ударяемыми. Если допустить, что въ обще-западно-славянскую эпоху выпадало древнее неслоговое *i*, а не j, то чередованіе, замѣчаемое уже въ древнѣйшихъ памятникахъ чешскаго языка между moje и mé, moja и má (Гебауеръ III, 491), должно объяснить такъ, что нестяженныя формы восходятъ къ формамъ съ удареніемъ на окончаніи (mojà, mojìхъ и т. д.), а стяженныя къ формамъ съ удареніемъ на корнѣ или на двусложномъ окончаніи (mòįego, mòįemu, ср. русск. по мо̀ему, чакавск. mòjega, mòjemu, также moįegò, moįemù, русск. моегò, моему̀, чакавск. mojegà, mojemù). Státi восходитъ къ stòįati (ср. русск. стòять при стоя́ть), а stoják къ stojàкъ (русск. стоя́къ); bázeň восходитъ къ bòįaznь (сербск. бо̏ја̂зан прилаг., русск. бòязно); pás восходитъ къ pòįasъ (русск. пòясъ); láti къ làįati (русск. лàять) и т. д. Что же касается словъ какъ staje или šíje, то стяженію въ нихъ препятствовала аналогія другихъ женскихъ именъ на ja, какъ напр. zmije.

Въ третьихъ, въ чешско-словацкую эпоху къ приведеннымъ выше дифтонгамъ прибавилось еще iä, явившееся изъ ä долгаго, которое въ свою очередь, по закону о суженіи гласныхъ, изъ ā,

причемъ измѣненіе ä долгаго въ iä совершенно аналогично чешско-словацкому измѣненію о долгаго въ uo (см. о немъ у Гебауера, § 183). О случаяхъ сюда относящихся (каковы напр. чешско-словацк. piätý или piäd') скажу въ слѣдующемъ разсужденіи.

Въ чешскомъ нарѣчіи чешско-словацкіе дифтонги измѣнялись двоякимъ образомъ: или первый элементъ ассимилировалъ себѣ второй, а затѣмъ окончательно поглощалъ его, переходя при этомъ изъ краткаго въ долгое *ī*; это имѣло мѣсто тамъ, гдѣ второй элементъ былъ гласною палатальною, сродною слѣдовательно съ *i*: такъ стянулись *ie* (изъ *ie* и изъ *iä*), *iü* (изъ *iu*) въ ī: znamení изъ znamenie и znameniä (вм. znamenia), а также изъ znameniü (вм. znameniu); píd изъ pied' (вм. piäd'). Или же второй элементъ ассимилировалъ себѣ первый и затѣмъ окончательно его поглощалъ, замѣняя при этомъ свою краткость долготою; это имѣло мѣсто тамъ, гдѣ второй элементъ былъ гласною *а* (новаго происхожденія, изъ чешско-словацкаго *ä*, о чемъ ниже): *ia* переходило въ *ea-äa-aa* и далѣе въ *ā*, при чемъ само собой понятно, что предшествующія мягкія согласныя, переходя сначала въ полумягкія (передъ *ea*), затѣмъ отвердѣвали: pátý изъ piatý, а это изъ чешско-словацкаго piätý. Вѣроятно, кое что въ этихъ положеніяхъ покажется не достаточно обоснованнымъ. Слѣдующее разсужденіе должно выяснить тѣ измѣненія, которымъ еще въ чешско-словацкую эпоху подверглась вторая часть дифтонгическихъ сочетаній *ia*, *iu*.

Въ словацкомъ нарѣчіи дифтонгическія сочетанія *ie*, *iü* (откуда *iu*), *iä* (откуда *ia*) переходили съ теченіемъ времени въ je, ju, ja: znamenje, znamenju, znamenja, pjad', pjatý.

5. **О чешско-словацкомъ суженіи гласныхъ (перегласовка).** Терминами přehláska и přehlasování Гебауеръ, вслѣдъ за другими изслѣдователями, обозначаетъ измѣненіе *a* въ ě (*e*) и *u* въ *i*, измѣненіе, вызванное мягкими согласными (стр. 122). Это измѣненіе онъ признаетъ не общимъ для всего чешско-словацкаго языка, а ограничиваетъ его дѣйствіе только западной его половиной, т. е. чешскими и частью западно-моравскими говорами

(ср. § 103, стр. 118 и § 211). При этомъ, употребляя общій терминъ для этихъ звуковыхъ явленій (перехода *a* въ *e*, *u* въ *i*), Гебауеръ, очевидно, имѣетъ въ виду только конечный результатъ, полученный вслѣдствіе измѣненія звуковъ *a* и *u*; самый процессъ измѣненія въ томъ и другомъ случаѣ былъ, по его мнѣнію, различный. Описывая въ § 104 измѣненіе *a* въ *e*, онъ объясняетъ его ассимиляціею звука *a* предшествующей согласной: въ сочетаніи ša было два разнородныхъ элемента—мягкая передненёбная (měkká, podnebná) согласная и задненёбная (hrdelná) гласная; приближаясь все ближе и ближе къ тому положенію органовъ рѣчи, при которомъ произносится š, гласная *a* принимала оттѣнки, все болѣе и болѣе отличающіеся отъ задненёбнаго *a*, пока наконецъ она не стала звучать какъ ˈe, ě, т. е. duša измѣнилось въ duše. Отсюда ясно, продолжаетъ Гебауеръ, почему слѣдующія за *a* твердая согласная и широкая гласная препятствуютъ перегласовкѣ, напр. jako, а не jěko, и почему, напротивъ, мягкая согласная и узкая гласная поддерживаютъ такой переходъ, напр. zapřahu, но zapřěžeš и т. д. Изъ приведеннаго описанія Гебауера видно, что онъ объясняетъ переходъ *a* въ *e* уподобленіемъ *a* предшествующей согласной; поэтому замѣчаніе, что *a* переходило въ ˈe, ě должно быть признано неточнымъ, если мы вспомнимъ, что по § 90 знакъ ˈe обозначаетъ je. Впрочемъ, указанная неточность нисколько не затемняетъ сути дѣла: очевидно, Гебауеръ хотѣлъ сказать, что ’*a* (т. е. *a* съ предшествующей мягкой согласной) переходило въ ’*e* (т. е. *e* съ предшествующей мягкой согласной).

Въ § 163, озаглавленномъ «*i* vzniká podružně v slabikách měkkých před *u* a *a*», описывается процессъ измѣненія *u* въ *i*. Изъ сопоставленія этого описанія со сказаннымъ въ §§ 207 и 209 видно, что Гебауеръ допускаетъ для чешскаго нарѣчія измѣненіе ču, šu, žu, ňu, ju и т. д. въ čju, šju, žju, nju, jju, объясняя его появленіемъ паразитнаго *i*, возникавшаго при переходѣ отъ мягкой согласной къ гласной *u* (с. 270); въ дифтонгахъ ju, jū первый членъ получалъ все большій и большій перевѣсъ надъ вторымъ,

и въ результатѣ вм. ju явилось *i*, а вм. jū — *ī*: dušu черезъ посредство dušju измѣнилось въ duši, našū черезъ посредство našjū въ našī и т. д. Съ этимъ чешскимъ явленіемъ, называемымъ proniknoutím měkkosti v jotaci (с. 89 и др.), Гебауеръ сопоставляетъ во 1) предполагаемый имъ, на основаніи написаній какъ мѫжю, моужю, старославянскій и древне-русскій переходъ žu, šu, ša, ča въ žju, šju, žja, šja, во 2) словацкое измѣненіе čā, žā и т. д. въ čia, žia: žiar въ соотвѣтствіи чешскому žár, čias въ соотвѣтствіи чешскому čás.

Остановлюсь сначала на приведенномъ объясненіи Гебауера чешскаго перехода *u* въ *i* послѣ мягкихъ согласныхъ. Прежде всего замѣчу, что указанныя имъ явленія старославянскаго и русскаго языковъ ничего общаго съ выдѣленіемъ мягкими согласными паразитнаго *i* не имѣютъ: мѫжю старославянскихъ, моужю русскихъ памятниковъ свидѣтельствуютъ или только о мягкости *ж* или, кромѣ того, о какомъ то измѣненіи звука *у* въ направленіи къ *i* (ü). Словацкое *ia* мы находимъ въ соотвѣтствіи только съ долгимъ *a* чешскихъ говоровъ: слѣдовательно čias вм. čás нельзя сравнивать съ предполагаемымъ dušju вм. dušu, такъ какъ *ju является на мѣстѣ какъ долгаго, такъ и краткаго *u*. Далѣе, допустивъ появленіе паразитнаго *i* въ положеніи между смягченной согласной и *u*, мы ожидали бы параллельнаго измѣненія *a* въ ja: рядомъ съ dušju изъ dušu должно было возникнуть dušja изъ duša; между тѣмъ Гебауеръ не допускаетъ такого перехода, объясняя dušě непосредственно изъ duša. Не подлежитъ сомнѣнію, что между мягкой согласной и слѣдующей гласной можетъ развиваться паразитное *j*, но такое явленіе захватываетъ обыкновенно только одинъ какой нибудь рядъ согласныхъ; такъ въ особенности часто на мѣстѣ мягкихъ губныхъ возникаютъ сочетанія губныя j, ср. совр. чешск. bjeh, mjech (пиш. běh, měch) вмѣсто чешско-словацк. b'eh, m'ech (отсюда, съ отвердѣніемъ губныхъ, въ словацкомъ beh, mech). Въ предположенномъ же Гебауеромъ старо-чешскомъ явленіи паразитное *i* возникаетъ послѣ всѣхъ мягкихъ согласныхъ и даже послѣ j; если мы при-

мемъ во вниманіе, что l' въ очень древнюю эпоху измѣнилось въ чешскихъ говорахъ въ *l* (среднее), появленіе lįud (откуда lid) вм. lud (изъ l'ud) станетъ непонятнымъ, такъ какъ врядъ ли паразитное *i* могло бы выдѣлиться изъ немягкой согласной; изъ сравненія чешскаго и словацкаго нарѣчій вытекаетъ, что согласныя *s*, *z*, *dz*, *c* отвердѣли уже въ чешско-словацкую эпоху; непонятно, какимъ же образомъ *cu*, напр. въ svieců, věncu, могло измѣниться въ cįu (ср. совр. svíci, věnci) въ чешскую эпоху. Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, я нахожу объясненіе, предложенное Гебауеромъ тому фонетическому процессу, въ результатѣ котораго вм. *u* явилось въ чешскомъ языкѣ *i*, неправильнымъ. Мнѣ кажется, что Гебауеръ введенъ въ заблужденіе здѣсь, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ явленіяхъ, особенностями старо-чешской графики. Дѣло въ томъ, что, начиная съ XIV вѣка, звуковыя сочетанія šu, ču, cu, žu, řu, l'u и т. д., изображаются въ чешскихъ, и при томъ, какъ видно изъ указаній Гебауера на с. 271, только въ западно-чешскихъ памятникахъ, черезъ ssyu (dussyu), ziu (krsiziu), czyu (oraczyu), ciu (zamuciugiu), liu (liubost), rzyu (morzyu), lyu (spasytelyu), rziu (rziugiucz) и т. д.; см. примѣры у Гебауера, (с. 268 и 270), который однако ошибочно смѣшиваетъ ихъ со случаями, гдѣ написанія yu, iu могутъ обозначать дифтонгическое сочетаніе *iu*, перешедшее въ чешскій языкъ изъ чешско-словацкой эпохи и въ немъ еще не стянувшееся: giedenyu Виттенбергской псалтыри середины XIV в., chwalenyu въ древней псалтыри съ чешскими глоссами и др. надо сопоставлять съ написаніями bdyenye, bdienie тѣхъ же памятниковъ, гдѣ ye, ie по Гебауеру (с. 188) обозначаютъ дифтонгическое сочетаніе *ie*. Но и въ этихъ случаяхъ видимъ иногда странное удвоеніе буквы, обозначающей звукъ *i*: zzmýrtyiu, podnozyiu; ср. изображеніе *ju* черезъ gyiu (dyekugyiu), giu, gyu (zwiestugyu, bogiugiuci). Какъ же объяснить себѣ подобное графическое явленіе? Что *y*, *i* въ dussyu, krsiziu не обозначаетъ мягкости согласныхъ š, ž видно 1) изъ того, что сочетанія ša, ža писались черезъ ssya, zia вообще очень рѣдко (Гебауеръ, с. 128) и можетъ быть частью лишь тамъ,

гдѣ въ живомъ произношеніи писца слышалось дифтонгическое сочетаніе, подобное словацкому ja въ počiatok (чешск. počátek); 2) изъ того, что въ памятникахъ, относящихся къ восточной половинѣ чешской семьи, какъ доказываетъ Гебауеръ (с. 271), подобнаго изображенія мягкости согласной не встрѣчается (slubugu, prawiczu, dussu, chczu и т. д.). Вотъ почему Гебауеръ рѣшился связать описываемое графическое явленіе съ западно-чешскимъ звуковымъ измѣненіемъ *u* послѣ согласныхъ въ *i*, объясняя указанныя написанія какъ изображеніе дифтонгическаго сочетанія i̯u, возникавшаго указаннымъ выше путемъ, и принимая его за посредствующій звукъ между древнимъ *u* и новымъ *i*. Мысль Гебауера какъ будто подтверждается еще однимъ остроумнымъ его соображеніемъ: сочетанія ču, šu и т. д. изображаются въ ихъ новомъ, измѣненномъ фонетическомъ видѣ при помощи только буквъ y и i (czyu, ssiu), а никогда не черезъ *g*, которое служитъ знакомъ для звука j; слѣдовательно, ču, šu перешли именно въ či̯u, ši̯u, а не въ čju, šju; а этотъ выводъ стоитъ въ связи, какъ съ возможностью такихъ написаній какъ bogiugiuci (произносившееся, по мнѣнію Гебауера, какъ boji̯uji̯úcí, а не какъ bojjujjúcí, откуда для него очевидно, что *iu* обозначало не *ju*, а i̯u), dyekugyiu (děkuji̯ú), такъ и съ самымъ переходомъ *u* въ чешское *i*, которое, по мнѣнію автора исторической грамматики, легче всего объяснить изъ дифтонгическаго сочетанія i̯u (ср. у Гебауера, с. 269 — 270).

Но я остаюсь при выше приведенномъ мнѣніи, что ču, šu, lʲu и т. д. не могли измѣниться въ či̯u, ši̯u, li̯u и что, слѣдовательно, для чешскаго *i* изъ *u* надо искать другого объясненія. Мнѣ кажется, что графика чешскихъ памятниковъ подсказываетъ правильное разрѣшеніе вопроса: дѣйствительно, если Гебауеръ не рѣшается допустить на основаніи написанія bogiugiuci произношенія bojjujjúcí, то также трудно признать возможнымъ произношеніе boji̯uji̯úcí: думаю, что сочетаніе ji̯, если бы даже оно возникло въ языкѣ, тутъ же измѣнилось бы въ j или i̯; но если *iu* въ bogiugiuci нельзя прочесть ни какъ ju ни какъ i̯u, то

остается предположить, что *iu* изображало не два звука, а одинъ; — предположить, что *iu* изображало звукъ *u* со смягченіемъ предшествующей согласной, конечно, возможно, при чемъ giu, т. е. ju, въ bogiugiuci можно было бы сопоставить съ gio въ obyčegiowé (Гебауеръ, 528); но противъ такого предположенія говоритъ то обстоятельство, что подобныя *iu*, *yu* встрѣчаются только въ западно-чешскихъ памятникахъ, при чемъ это ставитъ ихъ въ связь съ измѣненіемъ *u* въ *i*. Въ виду этого остается лишь одно возможное предположеніе: *yu*, *iu* были приблизительнымъ и неточнымъ изображеніемъ того звука, въ который перешло *u* послѣ смягченныхъ согласныхъ и который затѣмъ измѣнился въ *i*; такимъ звукомъ было несомнѣнно ü: изслѣдователь, даже незнакомый съ графикой чешскихъ памятниковъ, сопоставляя старое l'ud съ новымъ lid, старое juh съ новымъ jih, долженъ предположить посредствующія lüd, jüh.

И такъ, мы должны допустить, что въ извѣстную эпоху жизни чешскаго языка мягкія согласныя измѣнили слѣдующій за ними звукъ u въ ü: подобное измѣненіе, по происхожденію своему, есть уподобленіе гласной предшествующей согласной; физіологическую возможность такого уподобленія доказываетъ то, что и въ другихъ славянскихъ языкахъ, хотя и въ спорадическихъ случаяхъ, встрѣчается при сходныхъ условіяхъ измѣненіе *u* въ *ü*; даже въ русскихъ говорахъ извѣстно произношеніе чайк'ü (вм. чайку), д'ейшка (вм. дядюшка), а въ нашемъ литературномъ нарѣчіи мы сплошь да рядомъ произносимъ звукъ *u* между двумя мягкими согласными какъ ü (l'üb'iš). На то, что именно такой переходъ звука u въ направленіи къ *i* былъ возможенъ въ чешскомъ языкѣ, указываетъ разсмотрѣнное уже выше измѣненіе *a* въ *e*, которое, вслѣдъ за Гебауеромъ, я понимаю какъ слѣдствіе сначала постепеннаго, а въ результатѣ полнаго уподобленія звука *a* предшествующей мягкой согласной. Но соотвѣтствіе между измѣненіемъ напр. ča въ če и ču въ čü нарушается тѣмъ обстоятельствомъ, что čü (откуда či) мы находимъ не только передъ мягкими согласными и въ концѣ слова, но также и передъ

твердыми согласными, а če изъ ča передъ твердыми согласными вообще не извѣстно (čas, но cit). Если же мы предположимъ, что ča измѣнилось сначала въ čä, а потомъ уже или въ če или въ ča (передъ твердыми согласными), то указанное несоотвѣтствіе будетъ устранено: ča и ču всюду, при всякихъ условіяхъ, переходили въ čä и čü; измѣненіе же čä въ če уже не параллельно и не тожественно съ измѣненіемъ čü въ či, такъ какъ происходило при разныхъ условіяхъ и, можетъ быть, въ разное время.

Приведенныя соображенія ведутъ насъ къ неминуемому заключенію о томъ, что въ явленіяхъ перегласовки или суженія гласныхъ надо различать два момента: къ первому принадлежитъ переходъ *a* и *u* въ ä и ü подъ вліяніемъ предшествующихъ согласныхъ, ко второму относится измѣненіе ä въ *e* и съ нимъ несходное, возникшее при особыхъ отъ него условіяхъ измѣненіе всякаго ü въ *i*. Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію всѣхъ этихъ явленій, считаю возможнымъ теперь же утверждать, что первый изъ указанныхъ двухъ моментовъ принадлежитъ чешскословацкой эпохѣ, а второй имѣлъ мѣсто уже въ эпоху отдѣльной жизни чешскаго нарѣчія. Правда, съ одной стороны мы не найдемъ прямыхъ указаній на то, что и въ словацкомъ существовало нѣкогда ü, замѣнившее *u*, но современное словацкое *u* возможно объяснять изъ ü, при чемъ, слѣдовательно, чешскословацкое ü измѣнилось бы въ *i* въ чешскомъ нарѣчіи, а въ *u* въ словацкомъ. За то съ другой стороны мы находимъ рядъ указаній на то, что словацкому нарѣчію въ его исторіи не чуждъ звукъ ä изъ *a*: такъ, во-первыхъ, такое ä до сихъ поръ слышится послѣ губныхъ (päta, sväzok, päť, pamäť, holúbä), а діалектически также и послѣ другихъ согласныхъ: čäs, nošä, ulicä, prädza, jätriť и т. д. (Гебауеръ 131). При этомъ твердый характеръ губныхъ въ словацкомъ нарѣчіи не позволяетъ объяснять такое ä изъ *a* вліяніемъ смягченной согласной и поэтому уже вѣроятно, что ä должно восходить къ болѣе древней, чешскословацкой эпохѣ; такое предположеніе становится особенно убѣдительнымъ, если мы сопоставимъ словацкое päť съ чешскимъ pět. Во-вторыхъ, въ

соотвѣтствіи съ ä въ краткихъ слогахъ находимъ *ia* въ долгихъ, т. е. словацкое ä соотвѣтствуетъ краткому, а *ia*—долгому звуку чешскословацкаго языка и чешскаго нарѣчія: ср. piatok, pamiatka, piad' въ соотвѣтствіи съ чешскими pátek, památka, píd. Такое ja (пишется ia) очевидно восходитъ къ дифтонгическому сочетанію *ia*, которое, въ свою очередь, указываетъ на то, что гласная, замѣненная дифтонгическимъ сочетаніемъ, была долгая: дѣйствительно, долгая гласная должна была измѣниться именно въ сочетаніе съ двумя слоговыми гласными, а не въ сочетаніе неслоговая гласная + слоговая. Но долгая гласная, распавшаяся на сочетаніе *ia*, должна была принадлежать къ пёбнымъ гласнымъ, такъ какъ предположеніе о томъ, что въ *ia* перешло ā (piatok изъ p'ātok), опровергается во всякомъ случаѣ тѣмъ, что распаденію на дифтонгическое сочетаніе подлежатъ въ славянскихъ языкахъ гласныя смѣшаннаго характера, а никакъ не *a* (ср. *uo* вм. *o* долгаго, *ie* вм. *e* долгаго, діалектически въ моравскихъ говорахъ, ср. Гебауеръ § 128). Объяснять же, вслѣдъ за Гебауеромъ (§ 163 и др.), словацкое piatok изъ p'ātok тѣмъ, что за мягкимъ *p* явилось паразитное *i* или *j*, нельзя хотя бы потому, что ā при этомъ отражается въ словацкомъ въ видѣ ä. Остается признать что ja въ piatok изъ *ia*, а *ia* замѣнило ä долгое, непосредственно же iä: предположеніе ä долгаго въ чешскословацкомъ словѣ, соотвѣтствующемъ чешскому pátek, словацкому piatok, вѣроятно какъ само по себѣ, такъ въ особенности потому, что, въ соотвѣтствіи съ предполагаемымъ ä долгимъ, мы дѣйствительно находимъ краткое ä: словацкое pät. Но ja на мѣстѣ чешскихъ á и í является въ словацкомъ не только послѣ губныхъ, но также послѣ всѣхъ вообще согласныхъ: riad, čias р. мн. (им. ед., діалектически: čäs), priast' и priadza (ср. діалект. prädza), čiara, mesiac, tiahnut', triast' sa, desiatok и т. д.: это обстоятельство съ одной стороны утверждаетъ меня въ мысли, что ja нельзя объяснять proniknoutím měkkosti v jotaci (Гебауеръ), такъ какъ напр. *s* (ср. mesiac, desiatok) отвердѣло еще въ чешскословацкую эпоху, а съ другой указываетъ, что ä дол-

гое, а слѣдовательно и краткое замѣнили въ чешскословацкомъ ā и ă не только послѣ мягкихъ губныхъ, но и вообще послѣ всѣхъ мягкихъ согласныхъ.

И такъ перехожу къ перегласовкѣ или суженію гласныхъ въ чешскословацкую эпоху. Въ обще-западно-славянскую эпоху, какъ мы видѣли, рядомъ съ сочетаніями «палатализованная согласная + гласная» были извѣстны сочетанія «лабіализованная согласная + гласная». Какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ полное соотвѣтствіе между степенью нёбности или лабіализаціи согласной и слѣдующей гласной существовало далеко не во всѣхъ сочетаніяхъ: правда, мы находимъ здѣсь соченія $p^{i}i$, $t^{e}e$, $n^{u}u$, но рядомъ были извѣстны и $\check{s}^{i}a$, $\check{s}^{i}u$, $p^{i}ą$, а также $d^{o}a$, $r^{o}a$, или $d^{u}a$, $r^{u}a$ (ср. выше въ разсужденіи объ обще-западно-славянской лабіализаціи). Это несоотвѣтствіе другъ другу обоихъ элементовъ— согласной и слѣдующей за нею гласной въ чешскомъ языкѣ такъ же, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ славянскихъ языкахъ (между прочимъ въ нижне-лужицкомъ), устранялось уподобленіемъ гласной предшествующей согласной (ср. нижне-лужицкій переходъ o^2, т. е. открытаго *о*, въ *uo* послѣ лабіализованныхъ губныхъ и гортанныхъ). Въ результатѣ уподобленія *а* и *u* предшествующимъ палатализованнымъ согласнымъ явились соотвѣтствующія нёбныя — ä, ü; такому же измѣненію подверглось *о*, перешедшее въ ö послѣ мягкой согласной въ нѣкоторыхъ грамматическихъ образованіяхъ, гдѣ *о* замѣнило *е* въ чешскословацкую, а можетъ быть еще и обще-западно-славянскую эпоху. Одновременно съ переходомъ *а, u, о* въ ä, ü, ö послѣ мягкихъ согласныхъ имѣлъ мѣсто переходъ *а, u* въ ä, ü и послѣ звука *i* въ сочетаніяхъ *ia, iu*, полученныхъ еще изъ обще-западно-славянскаго языка. Разсмотрю отдѣльно случаи, гдѣ въ чешскословацкомъ явились ä, ü, ö новаго происхожденія, отмѣтивъ, что появленіе ихъ относится къ эпохѣ, предшествовавшей отвердѣнію согласныхъ c, s, z, dz въ чешскословацкомъ языкѣ.

Звукъ *а* измѣнился въ чешскословацкую эпоху въ ä, какъ въ сочетаніяхъ, восходящихъ къ общеславянскимъ сочетаніямъ

«смягченная согласная + а» (ča, l'a, r'a, ja и т. д.), такъ въ сочетаніяхъ «мягкая согласная + а», гдѣ мягкость согласной явилась въ обще-западно-славянскую эпоху (p'a, t'a, r'a, ja и т. д. непосредственно изъ p'ą, t'ą, r'ą, ją), такъ, наконецъ, и въ сочетаніи *ia*, возникшемъ въ обще-западно-славянскую эпоху изъ ija. При этомъ уже въ чешскословацкую эпоху ä изъ *a* имѣло двоякую окраску: вообще на мѣсто *a*, подъ вліяніемъ предшествующаго нёбнаго (вполнѣ мягкаго) звука, являлось ä закрытое (ä^1 Сиверса); но тамъ, гдѣ за *a* слѣдовала твердая согласная, оно не могло измѣниться такъ далеко въ направленіи къ *i* и переходило въ ä открытое (ä^2 Сиверса). Подобное различіе ä^1 и ä^2 для чешскословацкаго періода доказывается тѣмъ, что древнее *a* послѣ мягкой согласной и передъ согласными, отвердѣвшими еще въ чешскословацкомъ языкѣ, имѣетъ въ чешскомъ ту же судьбу, что передъ согласными, сохранявшимися мягкими или полумягкими еще въ чешскую эпоху (ср. чешскія ě передъ z въ kněz, vítěz, — ie, откуда í, передъ z, c: peniez, měsiec, откуда peníz, měsíc, viece, откуда více). Долгія ä^1 и ä^2 распались въ чешскословацкомъ въ дифтонгическія сочетанія iä^1 и iä^2, подобно тому какъ въ немъ распалось *o* долгое въ *uo* (чешскословацкое buoh, nuož и т. д.). Любопытно при этомъ, что положеніе звука ä послѣ j не помѣшало измѣненію его въ iä: такъ zajäc (съ ä долгимъ) изъ zajäc перешло въ zajiäc: отсюда, какъ увидимъ ниже, въ чешскомъ zajíc (ī изъ iä^1), а въ словацкомъ jia, откуда тотчасъ же ja или ja: zajac (съ *a* краткимъ). Дифтонгическое сочетаніе iä изъ ä долгаго совпало такимъ образомъ по звуку съ iä изъ болѣе древняго *ia* (общеслав. ija). Приведу примѣры, гдѣ въ чешскословацкую эпоху существовали новые звуки ä^1 и ä^2 отдѣльно или въ сочетаніи съ предшествующимъ *i*. Чешскословацк. ä^1: duš'ä, višn'ä, búr'ä, vuol'ä, diet'ä, p'ät^e, kn'äź (откуда kn'äz), běžäli, čäsě (мѣстн. ед.); iä^1: sudiä, bratriä, znameniä (р. ед.); čiäš'ä, piäd^e, měsiäć (откуда měsiäc); ä^2: t'äh, úr'äd, s'ädu, jäsný, č'äs; iä^2: riäd, piätý, tiähnút, jiäma, sedliäk. Звуки ä^1, ä^2 и дифтонгическія сочетанія iä^1, iä^2 сохранялись въ чешскословацкую эпоху безъ измѣненія.

Звукъ *u*, въ положеніи за мягкой согласной, а также въ дифтонгическомъ сочетаніи *iu* (изъ iu̯, ią̯), измѣнился въ ü. Краткое ü находимъ, напримѣръ, въ чешскословацкихъ: l'üd, c'üdzí, br'ücho, št'üka, jütro, mor'ü, vuol'ü; долгое ü въ kl'üč, kryjü (3 л. мн.) и т. д.: iü въ формахъ, какъ znameniü, bratriü (вин. ед.). Звукъ ü и дифтонгическое сочетаніе iü сохранялись въ чешскословацкую эпоху безъ измѣненія.

Звукъ *o* въ положеніи послѣ смягченныхъ согласныхъ былъ въ чешскословацкомъ языкѣ сравнительно новаго происхожденія. Въ общеславянскомъ языкѣ ему соотвѣтствуетъ *e*, измѣнившееся въ *o* по причинамъ нефонетическимъ, можетъ быть, еще въ обще-западно-славянскую эпоху. Въ § 180 Гебауеръ даетъ любопытныя указанія на то, что въ древнѣйшемъ періодѣ чешскаго языка, въ различныхъ окончаніяхъ падежей и именныхъ основъ, слышалось уже *o* вм. общеславянскаго *e*: konom (т. е. koňóm), otczowe, od muzow, kralowi, plecoma, s czyzolozczy (cizoložec), cralowstwo, ohnouata mluwa и т. д. Сопоставляя подобную же нефонетическую замѣну *e* черезъ *o* въ польскомъ и лужицкихъ языкахъ, Гебауеръ признаетъ ее особенностью, свойственною всѣмъ западно-славянскимъ языкамъ, особенностью, восходящею, слѣдовательно, къ эпохѣ обще-западно-славянскаго единства. Указавъ на то, что подобное же *o* вм. *e* находимъ во многихъ современныхъ чешскихъ и моравскихъ говорахъ, авторъ исторической грамматики справедливо признаетъ это *o* не стоящимъ въ прямой генетической связи съ старочешскимъ *o*, такъ какъ между древнѣйшею эпохою, знавшею въ приведенныхъ случаяхъ *o*, и новѣйшею находится такая эпоха, гдѣ на мѣсто ŏ и ō явились ě и ie; начиная съ самаго начала XIV и кончая концомъ XV вѣка (ср. Гебауеръ, с. 240), въ памятникахъ наблюдаются написанія, какъ oracziew, diediczyewi, bogiewy, muziem, kralewy, tancziewati, slowo otcziewo и т. д.; слѣдовательно, въ современныхъ srco, mužovi, dušo, čomu и т. д. *o*, уже на почвѣ чешскихъ и словацкихъ говоровъ, замѣнило болѣе древнее е подъ вліяніемъ параллельныхъ образованій отъ твердыхъ основъ (vlivem paral-

lelních tvarû tvrdých, mořo podle město atp.; Гебауеръ, с. 238). Я вполнѣ раздѣляю соображенія Гебауера и перехожу къ вопросу, какъ же явились mužiem вм. mužóm, otcěvo вм. otcovo. Гебауеръ (с. 240) объясняетъ появленіе ě, ie въ подобныхъ формахъ вліяніемъ аналогіи, а именно вліяніемъ склоненія женскихъ основъ на *a* на склоненіе мужскихъ и среднихъ основъ на *o*: рядомъ съ формами дат. мн. oráčóm, mořóm, были извѣстны формы какъ dušiem, paniem (чешскословацкія dušiäm, paniäm непосредственно изъ dušäm, pan'äm съ ä долгимъ, а эти изъ duš'ām, pan'ām); рядомъ съ oráčoma, mořoma были dušěma, panošěma; вслѣдствіе этого явились oráčiem, mořiem, oráčěma, mořěma; чередованіе oráčoma и oráčěma вызывало при oráčovi oráčěvi. Такое объясненіе не можетъ быть признано удовлетворительнымъ, такъ какъ во 1) предполагаетъ вытѣсненіе дѣйствія одной аналогіи, и при томъ аналогіи весьма естественной и доказанной для разныхъ періодовъ существованія разныхъ славянскихъ нарѣчій (вліяніе твердыхъ основъ на склоненіе мягкихъ),— дѣйствіемъ другой, и при томъ весьма сомнительной (вліяніе склоненія женскихъ основъ на мужскія и среднія), во 2) упускаетъ изъ виду, что уже съ XVI — XVII вѣка на смѣну этой новой аналогіи появляется опять первоначальное вліяніе твердыхъ основъ на мягкія, при чемъ въ 3) oráčěma, oráčěvi не только явились при oráčoma, oráčovi и чередовались съ ними, но даже окончательно ихъ вытѣснили въ XIV и XV вв. Уже въ виду кратковременности безраздѣльнаго господства формъ какъ oráčěvi, oráčěma, надо признать, что онѣ замѣнили oráčovi, oráčoma подъ вліяніемъ извѣстнаго фонетическаго закона, съ прекращеніемъ дѣйствія котораго прекратилось и ихъ существованіе. Вотъ почему я допускаю фонетическій переходъ *o* въ *e* послѣ смягченныхъ согласныхъ. Имѣя въ виду, что, одновременно съ измѣненіемъ послѣ смягченныхъ согласныхъ *a* и *u* въ ä и ü, въ томъ же положеніи должно было измѣниться и *o*, я отношу измѣненіе *o* послѣ смягченныхъ согласныхъ къ чешско-словацкому періоду и допускаю переходъ его не въ *e*, а въ ö: č'o измѣнилось въ č'ö, подобно

тому какъ č'a въ č'ä, č'u въ č'ü. Долгое ö изъ долгаго *о* распалось въ чешско-словацкую эпоху на üö, подобно тому какъ долгое ä, согласно предыдущему, распалось на iä, а долгое *u* на *uo*; üö измѣнилось еще въ чешско-словацкій періодъ въ iö, повидимому, вслѣдствіе перехода ü въ *i* въ положеніи передъ ö (ср. позднѣйшій, собственно чешскій переходъ ü въ *i* уже при всякомъ положеніи); при этомъ, одновременно съ переходомъ ü въ *i*, произошло измѣненіе ö въ *е* закрытое, что вызывалось потерею второю частью дифтонга своей лабіализаціи, подъ вліяніемъ потери лабіализованнаго характера первою частью дифтонга. Дифтонгическое сочетаніе ie такого происхожденія (т. е. изъ üö, а это изъ долгаго *о*) являлось, напримѣръ, въ формахъ дат. п. мн. ч. мужского и средняго рода отъ мягкихъ основъ: koniem, srdciem изъ kon'óm, srdc'óm (ср. старочешскія написанія, какъ konom, srdczom, Гебауеръ, III, 109 и 158). Что въ чешско-словацкомъ въ такихъ формахъ былъ именно дифтонгъ ie, а не iä, я заключаю изъ того, что въ чешскомъ онъ измѣнился не въ ā, а въ í, ср. новочешск. koním, mořím, а подъ вліяніемъ мужскихъ и среднихъ основъ также duším вм. ожидаемаго dušám (iä^2 измѣнялось въ á): ср. вліяніе мужскихъ и среднихъ основъ на женскія въ діалект. om (kravom, Гебауеръ, III, 181) и em (dušem, какъ mužem) вм. ám. Ниже мы увидимъ, что чешское í восходитъ непосредственно къ ie: написанія памятниковъ, какъ muziem, konyem, otcziem, towarzyssyem, sirdcziem, а также какъ dussyem, studniczіem можно читать, слѣдовательно, съ ie. И такъ, въ чешско-словацкую эпоху были извѣстны звуки: ö изъ *о*, напр. въ mor'ö, src'ö, duš'öu, muž'öm (тв. ед.) и т. д.;—дифтонги ie изъ ō (черезъ посредство üö): koniem, srciem и т. д. Этотъ звукъ ö и этотъ дифтонгъ ie не подвергались въ указанную эпоху дальнѣйшимъ измѣненіямъ.

Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію судьбы звуковъ ä^1, ä^2, ü, ö, e, дифтонговъ ie, iä^1, iä^2, iü въ чешскихъ и словацкихъ говорахъ, остановлюсь на вопросѣ объ измѣненіи ē въ дифтонгъ, измѣненіи, относящемся также еще къ чешско-словацкой эпохѣ.

6. **О чешско-словацкомъ измѣненіи долгаго е.** Извѣстно, что

долгія гласныя *о* и ā еще въ чешско-словацкую эпоху измѣнились въ *uo* и iä: ср. чешск. vůle, словацк. vôľa (чит. vuoľa); чешск. píď, старочешск. pieď и словацк. piaď (изъ p'āď съ долгимъ ā). Мнѣ представляется необходимымъ допустить, что, одновременно съ указаннымъ переходомъ, измѣнялось и *е* долгое: оно должно было перейти въ дифтонгическое сочетаніе и именно въ сочетаніе, однородное съ указанными *uo*, *iä*. И дѣйствительно, уже въ древнѣйшихъ памятникахъ можно найти примѣры, доказывающіе переходъ ē въ ie: Гебауеръ на с. 143 говоритъ, что *ie* (пишется ie, ié, jé, ye и т. д.) вм. é мы находимъ въ особенности часто въ памятникахъ XVI вѣка; но онъ понимаетъ это *ie* лишь какъ діалектическое измѣненіе ē, тогда какъ общимъ для всей чешской семьи представляется сохраненіе долгаго *е* безъ измѣненія (ср. 140); такъ памятники даютъ примѣры для ie въ словахъ: řieci (первонач. řeci съ ē), řieveš (ie вм. ē, ср. съ ů въ můžeš), žieneš, žiereš, šiel (ср. muohl), šiest, včiela (ср. hůra), včiera, večier, прич. на en (proščien, spatřien) и т. д. Справедливо утверждая, что написанія памятниковъ доказываютъ существованіе именно дифтонговъ въ этихъ и подобныхъ словахъ и формахъ, Гебауеръ сравниваетъ старочешское *ie* съ діалектическимъ *ie* въ словацкихъ говорахъ на Моравѣ и въ средне-словенскомъ говорѣ въ Чехіи: sjédmý, šjéstý и šiestý, šieu, lieži (3 ед.), večier, niesť и т. д. Но, продолжаетъ Гебауеръ, не каждое é измѣнялось такимъ образомъ, а только то, на которое имѣются указанія въ памятникахъ; при этомъ достойно вниманія, что только въ ограниченномъ числѣ памятниковъ встрѣчается подобное измѣненіе, допускаемое къ тому же только въ нѣкоторыхъ слогахъ, а именно въ слогахъ: řé, lé, žé, šé, čé и въ заимствованномъ окончаніи -éř (ieř, напр. въ haltieř). Отсюда видно, что измѣненіе это было спорадическимъ; рядомъ съ řie и т. д. сохранялось и řé и т. д. Но съ теченіемъ времени различіе это прекратилось, такъ какъ и é и *ie* сузились въ í: древнія, различно произносившіяся, řéci и řieci, večér и večier и т. д. дали впослѣдствіи одинаково říci, večír и т. д. Въ этомъ объясненіи ученаго автора мы

опять встрѣчаемся съ своеобразнымъ пониманіемъ фонетическихъ явленій: для меня несомнѣнно, что, при существованіи фонетическаго закона объ измѣненіи é въ *ie*, řéci не могло *сохранять* своего é; слѣдовательно, если законъ о появленіи *ie* вмѣсто é не былъ діалектическимъ и если онъ не ограничивался положеніемъ послѣ извѣстныхъ только согласныхъ, мы должны объяснять í въ říci, равно и въ hnísti, píct, kamínek и т. д., изъ *ie*, вм. первоначальнаго é, а é въ современномъ языкѣ признавать замѣною *ie* или í, вызванною какими нибудь новыми причинами. Остановлюсь сначала на происхожденіи современнаго í вм. é. На сс. 141 и 142 Гебауеръ указываетъ, что é измѣняется въ í послѣ мягкихъ согласныхъ; послѣ же твердыхъ вмѣсто é является также í (пишется í и ý), не смягчающее предшествующей согласной, но рядомъ сохраняется и é, въ особенности въ падежныхъ окончаніяхъ, не допускающихъ такого перехода; кромѣ того é сохраняется въ положеніи послѣ *l*; такъ мы имѣемъ въ современномъ письменномъ языкѣ: říci, hnísti (изъ hňésti); kamínek, píct, okýnko, stýblo, stéblo; dobré, dobrého; kazatelé, léci и т. д. Въ говорахъ чешскаго языка переходъ é въ í проведенъ послѣ всѣхъ согласныхъ и не ограниченъ какими нибудь условіями: suchý stýblo (вм. suché stéblo), malí vokýnko, dobrýho vína. Въ словацкихъ говорахъ рядомъ съ *ie*, соотвѣтствующимъ первоначальному é, сохраняется é: tiecť, но dcéra, dobrého. Я думаю, что на основаніи приведенныхъ фактовъ слѣдуетъ допустить чешско-словацкій переходъ ē въ дифтонгическое сочетаніе, а современное é въ чешскихъ и словацкихъ говорахъ объяснять вліяніемъ различныхъ родственныхъ словъ и грамматическихъ образованій съ ē, вытѣснявшимъ ī и ie. Это дифтонгическое сочетаніе послѣ согласныхъ мягкихъ (исконно смягченныхъ) звучало, повидимому, какъ iä: hn'iästi, šiästý; а послѣ полумягкихъ какъ iä или yä, гдѣ знакомъ y обозначаю звукъ, близкій къ малорусскому *и*: syädmý, pyäci, tyäci, dobryäho, lyäci. Въ чешскихъ говорахъ iä, какъ и всякое другое iä, измѣнилось въ í, а yä—въ ý передъ смягченными согласными: hnísti, vajíčko и т. д.; напротивъ, передъ

твердыми согласными iä, yä переходили въ ā; достовѣрныхъ примѣровъ такого á не имѣется, такъ какъ á, í и ý, подъ вліяніемъ родственныхъ словъ и образованій, замѣнены черезъ é: ср. stéblo подъ вліяніемъ steblo, péci вм. pýci подъ вліяніемъ peku, nésti вм. nýsti подъ вліяніемъ nesu; равнымъ образомъ краткое *e* изъ словъ какъ krásne, krásneho (долгая гласная окончанія сокращалась послѣ предшествующаго долгаго слога, кажется, еще въ чешско-словацкую эпоху, ср. совр. словацк. krásne при dobré) переносилось вмѣсто ý въ слова какъ dobrý, dobrýho[1]), откуда dobré, dobrého. Подобной же замѣнѣ подвергалось í другого происхожденія, а именно изъ первоначальнаго *ie* (изъ ije): kazatelí измѣнилось въ kazatelé подъ вліяніемъ přatele (Гебауеръ I, 140). Слѣдуетъ замѣтить, что í и ý вытѣснялись не только долгимъ, но и краткимъ *e*: ср. nesti, peci при nésti, péci; šestý, sedmý вм. šístý, sýdmý (словацк. šiesty, siedmy); точно также lidí изъ lidie (ludie) перешло въ lidi подъ вліяніемъ краткаго *i* въ hadi и т. д. (Гебауеръ III, 373).

Въ словацкихъ говорахъ iä и yä совпали, повидимому, въ одномъ звукѣ iä вслѣдствіе перехода полумягкихъ согласныхъ (передъ *y*) въ мягкія: iä измѣнилось фонетически въ *ia*. Достовѣрныхъ примѣровъ такого измѣненія весьма мало, но можетъ быть сюда относится *ia* въ diaľka, правильно фонетически соотвѣтствующемъ чешскому dýlka[2]). Вообще же iä, частью еще до перехода въ *ia*, измѣнено въ *ie* подъ вліяніемъ родственныхъ образованій съ ě: šiästi и šiästy подъ вліяніемъ šesť перешли въ šiesti, šiesty; tiäcť, viäsť, niäsť подъ вліяніемъ tečiäm, nesiäm, vediäm — въ viesť, niesť, nesiäm подъ вліяніемъ tiahnem — въ nesiem; dobriäho, slabiäho подъ вліяніемъ bieleho, krásneho — въ dobrého, slabého и т. д.

---

1) Ср. въ памятникахъ XVI—XVII в.: dobrý místo, jabko kradený, přes cely lěto и т. д. (Гебауеръ, III, 540); krasnýho, soudu dvorskýho, žádnýho známýho nemám и т. д. (III, 541).

2) Ср. въ говорахъ: niast, odniasol, previadól, odviašč (inf.), nesiaš, naberiaš (Pastrnek, Beiträge zur Lautlehre der slov. Spr., c. 208—209).

Существованіе дифтонгическаго сочетанія iä изъ ē оставило значительные слѣды въ словацкомъ языкѣ. А именно рядомъ съ измѣненіемъ iä въ ie подъ вліяніемъ ě, съ которымъ iä, очевидно, не могло ассоціироваться, происходило измѣненіе ě въ ä подъ вліяніемъ iä. Такъ им. ед. lēd, mēd (ē вм. ě ср. съ ō, откуда uo, въ nuož, kuoň, buoh, dvuor, stuol, puost, діалект. ruh) измѣнились въ чешскословацкую эпоху въ lyäd, myäd, откуда въ словацкомъ liäd, miäd: эти формы им. ед. вызывали въ косвенныхъ падежахъ ľädu (откуда ľadu) и mädu; ср. совр. словацк. ľad, mäd. Также lēn (ē вм. ě изъ ь, ср. также ē вм. ě изъ ъ въ déšť, откуда dyšť) переходило въ liän и вызывало вм. параллельной формы len — ľän[1]), откуда ľan: совр. словацк. ľan. Равнымъ образомъ должно объяснять a въ діалектическихъ včala (Гебауеръ I, 148), при древнечешскомъ včiäly (пиш. wcziely, I, 144), čalo вм. čelo, ср. iä въ čiälko (совр. čílko), čečatka вм. čečetka очевидно подъ вліяніемъ čečiätka; точно также старочешск. šal (I, 148) замѣнило šál, фонетически происшедшее изъ šiäl (ср. sseel, ssiel, ssijel, ssyél чешскихъ памятниковъ, I, 144), современное же šel подъ вліяніемъ vedl, nesl, такъ же какъ въ словацк. — šiel подъ вліяніемъ viedl, niesl. Появленіе подобнаго *a* не только въ словацкихъ, но и въ чешскихъ говорахъ доказываетъ, что ä подъ вліяніемъ iä могло замѣнять *e* уже въ чешскословацкую эпоху.

Вслѣдствіе указанныхъ переходовъ *e* въ ä, iä въ *ie*, переходовъ, вызванныхъ звуковой аналогіей, въ нѣкоторыхъ говорахъ произошло и дальнѣйшее смѣшеніе звуковъ ä и *e*, iä и *ie*. Такъ спорадически въ литературномъ словацкомъ нарѣчіи встрѣчаются случаи замѣны *e* (изъ первоначальнаго *ѣ*) черезъ *a* (непосредственно изъ ä): sňah появилось вм. sňeh подъ вліяніемъ sniäh (sniah), которое замѣнило snieh подъ вліяніемъ чередованія ie и iä въ другихъ случаяхъ; т. е. напр. liäd и новое lied (подъ вліяніемъ ledu) существовали при новомъ ľädu и старомъ ľedu; вслѣдствіе этого при snieh -sňehu являлись sniäh- sńähu, откуда и sńah,

1) Им. ед. liän при lenu (Гебауеръ I, 172), а им. ед. len при ľnu.

ср. ľad. Также должно объяснять *a* въ ľavý. Но въ нѣкоторыхъ словацкихъ говорахъ замѣна *ie* черезъ *ia* (изъ iä) захватываетъ цѣлый рядъ словъ; ср. въ гемерскомъ говорѣ: kviatok, chliav, smiach, diavka, neviam, povia (Pastrnek, 246), при чемъ мѣстами сохранилось болѣе древнее iä: džiävku, biäda, neviäm (ib.).

Отъ этого словацкаго *ia*, явившагося изъ ē фонетическимъ путемъ, а изъ *ie* (долгаго *ѣ*) путемъ звуковой аналогіи, должно отличать *ia* изъ *ie*, восходящаго къ первоначальному ije; *ia* замѣняетъ *ie* (изъ *ѣ*) лишь спорадически, въ діалектахъ, и уже потому должно быть объяснено какъ результатъ дѣйствія звуковой ассоціаціи, а не фонетическаго закона; напротивъ, *ia* мы находимъ вмѣсто *ie* (изъ ije) какъ постоянное явленіе: это заставляетъ предполагать фонетическій переходъ *ie* (изъ ije) въ *ia*. Сюда относятся случаи какъ ľudia, hostia, zatia, mužia; окончаніе им. мн. *ia* переносилось отсюда и въ otcovia, učitelia, zaťovia, но фонетически оно возникло именно въ указанныхъ выше словахъ, гдѣ оно восходитъ къ первоначальному *ie* (изъ ije). Какъ же понять этотъ переходъ *ie* въ *ia* въ словацкомъ нарѣчіи? Имѣя въ виду, что всякое *ia* восходитъ здѣсь къ болѣе древнему iä, я думаю, что общеслав. ije звучало въ чешскословацкомъ какъ iä, и это объясняется тѣмъ, что общеславянское *e* въ конечномъ открытомъ слогѣ было звукомъ открытымъ, склоннымъ къ *a*; на обще-славянское ijä указываетъ и русскій языкъ, гдѣ фонетически явилось *ья*, напр. въ листья изъ листье, малор. життя́ изъ житьé. Звукъ ä изъ конечнаго обще-славянскаго ä измѣнялся въ словацкомъ въ *a* въ положеніи послѣ первоначально смягченной согласной или послѣ *i*: ľudiä измѣнилось поэтому въ ľudia; poludniä, povětriä, mlátеniä, pitiä и т. д. переходили въ poludnia, povetria, mlátenia, pitia, ср. эти и другія имъ подобныя формы им. ед. въ совр. словацкихъ говорахъ (veselia, na záhumnia, umenia, štěsťja, kameňja, lístia, ľadvia и т. д.; Pastrnek, 326). Въ положеніи послѣ губныхъ ä сохранило свой первоначальный звукъ, напр. въ tebä, sebä; въ положеніи же послѣ согласныхъ, смягчившихся уже въ словацкую эпоху, ä, въ связи съ измѣненіемъ

полумягкой согласной въ мягкую, переходило въ *e*: tiahnet*e*, hľaďt*e*; что до mňa вм. mne, то ä, откуда *a*, заимствовано здѣсь изъ tebä, sebä. И такъ, я нахожу возможнымъ сопоставлять общерусскій переходъ ija въ *-ья* съ словацкимъ измѣненіемъ iä въ *ia*; но позднѣйшій великорусскій переходъ конечнаго ä (меня, спитя) уже не находитъ соотвѣтствія въ словацкихъ явленіяхъ, такъ какъ словацкое нарѣчіе частью (послѣ губныхъ) сохраняло ä въ такомъ положеніи, частью же (послѣ смягчившихся согласныхъ) измѣнило его въ *e*[1]).

Отъ такого ä вмѣсто ожидаемаго *e* въ конечномъ открытомъ слогѣ надо отличать ä вмѣсто *e* въ положеніи послѣ смягченныхъ согласныхъ. А именно, еще въ общеславянскомъ языкѣ звукъ *e*, если въ слѣдующемъ слогѣ находилась палатальная гласная (*e*, *i*), долженъ былъ диссимилироваться съ предшествующими ему смягченными согласными (j, č, ž и т. д.) и перейти въ ä, т. е. стать болѣе открытымъ, менѣе палатальнымъ: очевидно, вліяніе смягченной согласной, усиленное положеніемъ передъ слогомъ съ палатальной гласной, могло бы совершенно измѣнить первоначальный звукъ *e*, если бы не наступила описанная диссимиляція. Такъ явились čä, žä, jä и т. д. вм. če, že, je въ положеніи именно передъ слогами съ *e* и *i*[2]). Допуская такое явленіе, я имѣю въ виду, во-первыхъ, сѣверно-великорусскія діалектическія формы, какъ жани́хъ, жалѣ́зо, которыя нельзя объяснить дѣйствіемъ аканія; во-вторыхъ, общерусскій переходъ jä въ начальномъ слогѣ въ *o*, переходъ, имѣвшій мѣсто только передъ слогомъ съ *e*, *i* (замѣчаніе Фортунатова), при чемъ *o* непосредственно изъ ö, а ö изъ начальнаго ä (ср. переходъ начальнаго *a* въ *o*), утратившаго передъ собой (діалектически уже въ обще-

1) Что до *e* въ znamenie и т. д., то оно замѣнило или ȁ подъ вліяніемъ pole, srdce, more, bičište и т. д. (здѣсь *e* можетъ восходить, какъ мы видѣли, къ ŏ изъ *o*) или же ö, при чемъ znameniö изъ znamenio подъ вліяніемъ dělo и т. д.

2) Различіе гласныхъ въ žlab и žleb, článek и člen, žláza и žliza я, какъ указано выше, объясняю именно тѣмъ, что рядомъ съ želbъ въ общеслав. языкѣ являлись žälbь, žälbina: želb- переходило въ žlěb (žleb-), а žälb- въ žläb- (žlab-); želz въ žliez- (žliz-), а žälz- въ žliäz- (žláz-).

славянскомъ языкѣ) *j* (случаи, какъ озеро, одинъ); въ-третьихъ, на подобный же переходъ указываютъ словацкія jazero, jaseň, ляшское jaleň (Bartoš I, 98), jalito (ib., ср. чешск. jelito: кишка), поморавск. jazero (I, 29) и т. д.: *ja* въ этихъ словахъ очевидно явилось вм. jä, ср. въ тѣхъ же говорахъ общій переходъ чешскословацкаго ä въ *a*: словацк. koža, žatva, kľatba, pečať, ляшск. jastřab, tělaci, čalusti, p̍asť, поморавск. ťažký, diťa, knížací и т. д. Можетъ быть, и нѣкоторыя другія слова въ чешскихъ и словацкихъ говорахъ имѣютъ *a* того же происхожденія, что а въ jazero, jaseň: діалект. pšana р. ед., řešato, čalo и т. д. (Гебауеръ I, 147—148), можетъ быть, сохранили *a* изъ ä, возникавшаго фонетически напр. въ формахъ pšäně, rešätě, čälě, pšänica и т. д.

7. **О чешскомъ измѣненіи звуковъ ä, ö, ü.** Чешскій языкъ унаслѣдовалъ, какъ мы видѣли, изъ чешскословацкой эпохи звуки ö и ü изъ *o* и *u*, въ положеніи послѣ смягченныхъ согласныхъ, и два оттѣнка звука ä: $ä^1$ (закрытое) въ положеніи не передъ твердыми согласными и $ä^2$ (открытое) въ положеніи передъ твердыми согласными; оба эти оттѣнка ä восходятъ частью къ *a*, измѣнившемуся въ направленіи къ палатальнымъ гласнымъ послѣ смягченныхъ согласныхъ, а частью къ общеславянскому ä, именно въ положеніи въ открытомъ конечномъ слогѣ (tebä), а также послѣ смягченныхъ согласныхъ, когда въ слѣдующемъ слогѣ находились гласныя *e*, *i* (jäzero). Чередованіе ä открытаго и ä закрытаго, какъ мы только что сказали, стоитъ въ связи съ характеромъ послѣдующей согласной: открытое ä свидѣтельствуетъ о твердости этой согласной, тогда какъ во всякомъ другомъ положеніи (передъ мягкой, полумягкой согласной, а также въ конечномъ открытомъ слогѣ) являлось ä закрытое. Слѣдовательно, въ появленіи ä закрытаго (откуда, какъ сейчасъ увидимъ, *e*) нельзя видѣть дѣйствія слѣдующаго слога [1]): ä закрытое вм. *a*

---

1) Какъ думаетъ Гебауеръ, колеблющійся при этомъ въ своихъ опредѣленіяхъ: на с. 92 онъ говоритъ, что переходъ *a* въ *e* вызванъ мягкой согласной или узкой гласной, между тѣмъ на с. 93 дѣйствіе согласной опущено изъ

всецѣло обязано своимъ появленіемъ предшествующей смягченной согласной; напротивъ, переходъ ä закрытаго въ ä открытое вызванъ слѣдующею твердою согласной. Не допустивъ именно такого объясненія для чередованія обоихъ оттѣнковъ ä, мы не поймемъ причины, почему въ конечномъ открытомъ слогѣ является ä закрытое, а не открытое. Особенно поучительно въ данномъ случаѣ сравненіе чешскихъ $ä^1$ и $ä^2$ съ чередованіемъ *e* и *a*, на мѣстѣ древняго *ѣ*, въ польскомъ языкѣ: какъ извѣстно, обыкновеннымъ отраженіемъ общеславянскаго *ѣ* служитъ въ польскомъ *e*; только передъ согласными t, d, r, ł, n, s, z мы найдемъ *a*. Принявъ во вниманіе, что первоначальное *a*, въ положеніи между мягкими согласными въ серединѣ слова, послѣ мягкихъ согласныхъ въ концѣ его, не измѣняется въ польскомъ языкѣ въ *e* (jaždž, jaśnia, znamienia), мы не можемъ объяснить *e* въ cień, wierzyć, w zimie изъ *a*; слѣдовательно, *a* въ wiara, piasek надо возводить или къ звуку *e*, или къ такому звуку, откуда съ одной стороны долженъ былъ явиться *e*, а съ другой *a*: я думаю, что общеславянское *ѣ* измѣнилось въ польскомъ въ ä (или первоначально въ дифтонгическое сочетаніе iä) съ закрытымъ оттѣнкомъ (отсюда впослѣдствіе *e*); но передъ зубными согласными ä закрытое измѣнилось въ ä открытое (откуда *a*) очевидно подъ вліяніемъ особеннаго характера этихъ зубныхъ (ср. сохраненіе ä закрытаго передъ губными и гортанными), а именно ихъ лабіализаціи (ср. сказанное выше о появленіи ö вм. *e* въ томъ же положеніи). Указанная аналогія польскаго языка дѣлаетъ весьма вѣроятнымъ, что въ эпоху появленія ä вм. *a* согласныя передъ непалатальными гласными были еще лабіализованы въ чешскословацкомъ языкѣ (ср. лабіализацію ихъ въ обще-западно-славянскомъ): такимъ образомъ *a* послѣ смягченныхъ согласныхъ переходило въ

виду; узкія гласныя, по его мнѣнію, вліяютъ на указанный переходъ и помимо согласныхъ: такъ въ pět *e* замѣнило *a* не подъ вліяніемъ t' (p'at'), а подъ вліяніемъ ь (p'atь). Такое объясненіе стоитъ въ связи съ тѣмъ, что Гебауеръ не хочетъ признать мягкости (я говорю о полумягкости) согласныхъ передъ древнимъ ь въ прачешскую эпоху.

ä² передъ лабіализованными согласными, а въ ä¹ при всякомъ другомъ положеніи.

Перехожу къ вопросу объ измѣненіи звуковъ ä, ö, ü въ чешскомъ языкѣ. По общему закону, дѣйствовавшему здѣсь въ XIV столѣтіи (ср. замѣчанія **Гебауера** по поводу времени появленія *i* вм. *u*, I, 275), звуки ä закрытое, послѣ согласныхъ и въ дифтонгическомъ сочетаніи iä,—ö, ü краткое послѣ согласныхъ и въ дифтонгическомъ сочетаніи iü,—ü долгое измѣнились въ звуки еще болѣе палатальные: при этомъ ä переходило въ *e*, а ö и ü, теряя свой лабіализованный характеръ, въ *e* и *i*. Такъ явились:

1) *e* на мѣстѣ закрытаго ä изъ *a* (восходящаго къ первоначальному *a* или къ *e* носовому): jestřáb¹), jesen (русск. ясень), ještěr (ящерица), jezvec, držeti, slyšeti, čeľeď, sázení (сажаніе), moře (р. ед.), duše (им. ед.)—ječmen, pět, opět, pěst, světiti, třesen, zeť, kuřete, řetěz, tele (им. ед.).

e на мѣстѣ закрытаго ä изъ общеслав. ä: jezero, tebe, vidíte.

ie на мѣстѣ iä съ закрытымъ ä изъ *a* (восходящаго къ первоначальному *a* въ *ia*): znamenie (р. ед., старочешск.), přietel (старочешск.).

ie на мѣстѣ iä съ закрытымъ ä, непосредственно изъ ä долгаго (восходящаго къ первоначальному ā или къ ā изъ носового e долгаго): čiešě (старочешск.), šieliti (старочешск.), pieď (старочешск.), čiesť (старочешск.), přiezě (старочешск.).

ie на мѣстѣ iä съ закрытымъ *e*, непосредственно изъ общеславянскаго ie: hostie (старочешск.), lidie (старочешск., старослав. людиѥ).

2) *e* на мѣстѣ ö изъ *o* (замѣнившаго *e* нефонетически): lice, srce, pole, moře, zlodějema (старочешск.), dědicěvi (старочешск.), bojevati (старочешск.).

ie на мѣстѣ ö долгаго, слѣдовательно, непосредственно изъ

1) Привожу слова въ ихъ новочешской формѣ, отмѣчая тѣ изъ нихъ, которыя должно относить къ старочешск., въ виду позднѣйшаго ихъ измѣненія въ новочешскую эпоху. Отмѣчу, напр., что въ эпоху перехода ä въ *e* pět звучало, вѣроятно, еще какъ pět', а duše какъ duš'e.

ӥӧ, при чемъ ӧ долгое восходитъ къ *о* долгому, замѣнившему *е* долгое нефонетически: koniem (дат. мн., старочешск.), srdciem, (старочешск.), měsécie v (р. мн., старочешск.).

3) *і* на мѣстѣ ӥ краткаго: jih, cizí, lid, vnitř, bliji, čelist, duši (вин. ед.), oráči (зв. ед.), moři (дат. ед.).

í на мѣстѣ ӥ долгаго: klíč, lítý, plíce, cítiti, majíc, čijíc, moří (р. дв. ч.);

ӥ, откуда í, на мѣстѣ iӥ съ краткимъ ӥ: znamení, kněží, (вин. ед.), paní (вин. ед.); на мѣстѣ iӥ съ долгимъ ӥ: paní (тв. ед.), kostí (р. дв. ч.).

Съ теченіемъ времени дифтонгическое сочетаніе *іе* изъ iӓ и ӥӧ измѣнилось въ í; ср. измѣненіе *іе* изъ долгаго *ѣ* въ í: такъ явились совр. чешск. znamení (р. ед.), přítel, číše, příze, píď, lidí, koním.

Что же касается ӓ открытаго, то оно не подверглось указанному измѣненію въ *е*; напротивъ, оно перешло въ болѣе открытый звукъ — *а*; ср. совр. чешск. čas, jarý, Jan, žalost, častý, přadu, úřad и т. д. Слѣдуетъ отмѣтить, что мягкія согласныя перешли передъ ӓ въ согласныя полумягкія[1]), вѣроятно, еще въ чешско-словацкій періодъ: въ чешскомъ языкѣ полумягкія согласныя передъ *а* изъ ӓ отвердѣли, какъ вообще всѣ другія полумягкія согласныя; ср. твердыя зубныя напр. въ tah, tahati, datel; твердыя губныя въ maso, svatý, pata, vadnouti; что до твердыхъ *s* и *z* въ sadu, діалект. zabou, то отвердѣніе ихъ принадлежитъ еще чешско-словацкой эпохѣ. Дифтонгическое сочетаніе iӓ съ ӓ открытымъ переходило, согласно предыдущему, въ *іа*; отсюда далѣе jā, ȩā и затѣмъ ā: предшествующія смягченныя согласныя отвердѣли въ связи съ утратой *і*, при чемъ это отвердѣніе можно разсматривать какъ ассимиляцію согласной слѣдующей гласной; такъ явились: pátý (изъ piatý), jáma (изъ jiama), částka, řád, čára, táhnu, tázati, třásl, žádati, jeřáb, mátl и т. д. Что до *s* и *z*

1) Такой переходъ можно понять какъ ассимиляцію согласной слѣдующей гласной.

въ sáknouti, sáhati, zábsti, то отвердѣніе ихъ передъ дифтонгическимъ сочетаніемъ *ia* имѣло мѣсто еще въ чешско-словацкую эпоху.

Въ современныхъ чешскихъ говорахъ, литературныхъ и областныхъ, нерѣдко замѣчается распространеніе звука *e* (í) насчетъ *a* и обратно распространеніе *a* насчетъ *e*; всѣ эти явленія обязаны вліянію аналогіи. Съ одной стороны мы находимъ напр. část вм. číst подъ вліяніемъ částka, sákneš подъ вліяніемъ sáknu, vadneš подъ вліяніемъ vadnu, třásli подъ вліяніемъ třásl, jasně подъ вліяніемъ jasný и т. д. Съ другой стороны мягкость согласной передъ *a* могла поддерживаться вліяніемъ родственныхъ образованій съ мягкой согласной передъ e: а это вліяло на переходъ *a* въ *e*, на ассимиляцію гласной предшествующей согласной; такъ m' удерживалось въ m'akký подъ вліяніемъ měčiti (старочешск.), отсюда měkký; ď удержалось въ ďáka подъ вліяніемъ vděčný, отсюда díka; иногда гласная *e* вм. *a* переносилась изъ родственныхъ образованій: třesu вм. třasu подъ вліяніемъ třeseš, jevo вм. javo подъ вліяніемъ jeviti. Объяснять появленіе ě вм. ожидаемаго *a* въ měkky, jevo вліяніемъ слѣдующихъ согласныхъ (ср. въ польскомъ передъ гортанными и губными *e*, не *a* и не *o*), конечно, нельзя уже потому, что мы находимъ *a* напр. въ tah, táhnu, zábsti, jáma, старочешск. javo, lahú и т. д. Нерѣдкое соотвѣтствіе *le* ожидаемому *la* (plésati, lehnu, hled, klesati) должно, повидимому, объяснить тѣмъ, что въ *l* совпали какъ l' такъ и ł, почему здѣсь не могло быть того чередованія твердой и мягкой согласной, какъ напр. въ táhnu-tíhneš, и этимъ облегчалось употребленіе *le* однѣхъ формъ вмѣсто *la* другихъ (lahnu подъ вліяніемъ lehneš измѣнялось въ lehnu).

Предыдущіе примѣры измѣненія ä закрытаго, ö, ü въ *e*,—ä открытаго въ a показываютъ, что оно совершалось независимо отъ мягкости предшествующей согласной; *s*, *z*, *c* были тверды уже въ чешскословацкую эпоху, и тѣмъ не менѣе zäť, srcö, cüt измѣнились въ zeť, srce, cit; přísäha въ přísaha.

8. **О словацкомъ измѣненіи звуковъ ä, ö, ü.** Въ словацкомъ на-

рѣчіи мы встрѣчаемся, при измѣненіи этихъ звуковъ, съ явленіемъ, прямо противоположнымъ явленіямъ чешск. нарѣчія. Тогда какъ чехи замѣнили эти звуки смѣшаннаго характера звуками палатальными *е* и *і* (и только частью звукомъ а), словаки замѣнили ихъ непалатальными *а*, *о*, *и*. Подобную замѣну знаютъ и другіе славянскіе языки: такъ въ русскомъ языкѣ, въ его нарѣчіяхъ великорусскомъ, бѣлорусскомъ, а отчасти и малорусскомъ, древнее ö изъ *е* (лабіализованнаго подъ вліяніемъ слѣдующихъ согласныхъ) перешло въ *о*: нёсъ, діал. нёсу̂ изъ n'ös, n'ösu; подобному же измѣненію подверглось въ великорусскихъ говорахъ ö изъ общерусскаго и общеславянскаго *ы* въ положеніи его передъ неслоговымъ *і*: рою изъ röju-ryju (ср. діалект. рэю, мэю, крэю); звукъ ä въ положеніи послѣ į перешелъ въ *а*, повидимому, еще въ общерусскомъ языкѣ: колья, життя́; наконецъ, звуку ü однихъ нарѣчій (напр. въ *люблю́*) соотвѣтствуетъ *у* въ другихъ. Въ сербскомъ языкѣ *а* изъ ъ, ь, повидимому, восходитъ къ болѣе древнему ä, ср. такое ä въ современныхъ черногорскихъ говорахъ. Польское а въ wiara, siano происходитъ изъ болѣе древняго ä, какъ показываетъ переходъ *ѣ* въ *е* въ положеніи не передъ твердыми звуками и т. д. Общій законъ словацкаго языка о потерѣ смѣшанными звуками ихъ палатальнаго характера распространился одинаково на измѣненіи ä открытаго и закрытаго въ *а*: въ чешскомъ языкѣ ä закрытое имѣло туже судьбу, что ö и ü, т. е. перешло въ палатальное *е;* въ словацкомъ оно, подобно ö и ü, потеряло палатальный характеръ, т. е. перешло въ *а*; тѣмъ естественнѣе перешелъ въ *а* тотъ оттѣнокъ ä, который еще въ чешскословацкомъ былъ открытымъ; ср. чешскій переходъ ä открытаго въ *а*. Приведу примѣры, подтверждающіе существованіе упомянутаго здѣсь закона, и укажу на тѣ разнообразныя вліянія аналогіи, которыя измѣнили въ нѣкоторыхъ случаяхъ ожидаемыя отношенія. Мы находимъ въ словацкомъ:

и изъ чешскословацкаго ü: jutro, brucho, cudzi, ľud, šťuka, čuprný и т. д.; ú изъ ü долгаго: kľúč, ľúbiť, šťúr, ľútosť и т. д.; iu изъ iü: znameniu, božiu (вин. ед.) и т. д.

о изъ чешскословацкаго ö: poľo[1]), dušo (зв. ед.), kraľovať, poľovka и т. д.; впрочемъ во всѣхъ этихъ примѣрахъ *о* можно объяснить новымъ вліяніемъ твердыхъ основъ на мягкія.

а изъ чешскословацкаго ä закрытаго и открытаго: pečať, reťaz, duša, ťažky, sviňa, mlčať, náradie, ovca, jašter, žať, zať, jahňa, kľačať, čaša, jazero; čas, hľadať, ťah и т. д. Слѣдуетъ замѣтить, что послѣ губныхъ ä сохранилось въ большинствѣ говоровъ безъ измѣненія: päť, pamäť, plemä, vätší, holúbä, sväzok, svätý, mäso, hovädo, mäkký и т. д.; я думаю, что это стоитъ въ связи съ тѣмъ, что губныя, въ противоположность другимъ согласнымъ (мягкимъ и твердымъ), стали въ словацкомъ передъ ä полумягкими (впослѣдствіи онѣ отвердѣли); сочетанія же однородныхъ элементовъ, т. е. полумягкой согласной и ä сохранились безъ измѣненія, тогда какъ въ сочетаніяхъ мягкая или твердая согласная + ä это ä переходило въ а. Діалектически ä сохраняется и послѣ другихъ согласныхъ: vuolä, našä, žäba, čäs, ulicä, prädza, jäk, zjäv, jävišté, jäčmeň, täžká; особенно въ Гемерскомъ говорѣ: penäz, tähá, knäzovi, sä (Pastrnek, 232).

іа изъ чешско-словацкаго іä съ закрытымъ и открытымъ ä: znamenia, božia (им. ед. ж. р.) plecia (им. мн.), peniaz, viac, mesiac, pamiatka, menia (3 л. мн.), priazeň, riad, kočiar, mäsiar, škriabať, desiatok, piaty, vianoce, žiadať, viazať, sedliak, žiaden, zajac (вм. zajiac) и т. д. Діалектически вм. *іа* извѣстно, кажется, и іä: poliä, srdciä (Pastrnek, 283). Въ нѣкоторыхъ говорахъ *іа* измѣнилось, какъ въ чешскомъ, въ ā: jalšám, žára (Pastrnek, 274); въ другихъ іä перешло въ ä и совпало съ ä изъ краткаго ä (не перешедшаго въ *а*): jelšäm, polä (им. мн.), trápeňä (р. ед.); ср. при этомъ žälobu, pšenicä, hlavnä (Pastrnek, 275).

іа изъ чешско-словацкаго іä, соотвѣтствующаго общеслав. ijä, находимъ въ ľudia, hostia, а также въ діалектическихъ: štestia, povetria, pitia, pokolenia, umenia (ср. Pastrnek, 325—326).

---

1) Въ poľe, srce сохранилось древнее *е*, не замѣненное черезъ *о* подъ вліяніемъ твердыхъ основъ; отсюда оно проникло въ znameníe вм. znamenia (діалект. znamenia, umenia).

ia изъ чешско-словацкаго iä, явившагося въ результатѣ измѣненія ě въ чешско-словацкую эпоху (ср. выше), находимъ въ діалект.: nesiam, nesiaš, previadól, odniasol, umriam, viašč, также въ литературномъ diaľka (даль), ср. deľako, delé (Pastrnek, 279). Совр. ľad, mäd, ľan, pohrab, boľasť, večar (Pastrnek, 277) указываютъ, какъ мы видѣли выше, на болѣе древнія liad, miad, lian, pohriab, boliasť, večiar.

Въ большинствѣ говоровъ произошла нефонетическая замѣна дифтонгическаго сочетанія *ia*, находящагося въ чередованіи съ *e*, сочетаніемъ *ie*: beriem, ženiem, nesiem, pečienka, miesť, viezol, zaviedla, doniesť, šiesti, šiesty, siedmy и т. д. подъ вліяніемъ tiahnem, metu, nesu, šesť, sedem. Въ им. вин. ед. umenie, počatie, nárečie, bytie и т. д. *e* замѣнило *a* подъ вліяніемъ lice, poľe и т. п.

Выше я говорилъ уже, что чередованіе дифтонгическихъ сочетаній iä и *ie* вызывало появленіе iä и *ia* и на мѣстѣ первоначальнаго *ie*; такъ въ особенности въ Гемерскомъ говорѣ извѣстно произношеніе: kviatok, diavka, smiach, miašäč, и рядомъ діалектическое iä: biäda, neviäm, džiävku (Pastrnek, 246). На древность подобнаго смѣшенія указываютъ литературныя: sňah (вм. sňeh, предполагающее при этомъ sniah вм. snieh), ľavý, bľadý; ср. діалект. sňäh, bľädý (Pastrnek, 222).

Чередованіе ä съ *a* въ seba при sebä, najvatšia при najvätšia, svatý при svätý, zvadla при uvädnul, čäs при čas и др. имѣло слѣдствіемъ появленіе въ нѣкоторыхъ спорадическихъ случаяхъ ä вм. *a* и послѣ твердыхъ согласныхъ. Преимущественно это наблюдается послѣ губныхъ и гортанныхъ, при чемъ послѣднія переходятъ, очевидно, въ средненёбныя согласныя: bäran при baran, dvä вм. dva (Pastrnek 275), obidvae (ae обозначаетъ долгое ä, тамъ же с. 276), kämen, ukäzuje (ib. 280); въ соотвѣтствіи съ такимъ ä, долгое ā замѣняется черезъ *ia*: ukiazalo, ukiaž sa (ib. 279), а діалектически черезъ ä долгое: ukaezau (ib. 276).

9. **Объ отраженіяхъ звука ъ въ чешскомъ и словацкомъ нарѣчіяхъ.** Мы видѣли выше, что звукъ ŏ, явившійся въ результатѣ су-

женія о, въ чешскомъ нарѣчіи измѣнился въ *e*, а въ словацкомъ въ *o*. Такое измѣненіе имѣло мѣсто не только послѣ мягкихъ, но и послѣ твердыхъ согласныхъ: srcŏ, гдѣ *c* было твердо уже въ чешскословацкую эпоху, переходило въ srce и srco, kňäzöv съ твердымъ *z* въ kňezev и kňazov и т. д. Это обстоятельство наводитъ на мысль, что чешское *e*, словацкое *o*, въ соотвѣтствіи съ общеславянскимъ ъ (напр. въ veš — voš, zámek — zámok, lež — lož, posel — posol), восходятъ къ чешскословацкому ŏ. Подтвержденіе такому предположенію я нахожу въ цѣломъ рядѣ словацкихъ явленій, сюда относятся: чередованіе *o* изъ ъ съ звуками *e*, *a* и дифтонгическимъ сочетаніемъ *ie* (ср. sen при son, daska при doska, matiek при čiarok). Я именно думаю, что рядомъ съ краткимъ ŏ изъ ъ въ чешскословацкомъ языкѣ существовало и долгое ō, возникавшее по аналогіи чередованія ŏ, ĕ (первоначальныхъ) съ о, е долгими (напр. въ случаяхъ, какъ kon'a — kōn', života — živōt, jahoda — jahōd, ledu — lēdu и т. д.). Это ō долгое, подобно ō долгому изъ ō послѣ смягченныхъ согласныхъ (см. выше), подобно также ō, ē и ä долгому (переходившимъ въ uo, iä), должно было распасться на дифтонгическое сочетаніе ŭŏ, откуда еще въ чешскословацкую эпоху *ie*. И такъ, ŏ краткому въ словацкомъ нарѣчіи соотвѣтствуетъ *o*, ō долгому *ie*: ср. только что указанное чередованіе въ matiek, mydiel, okien, sukien, sestier и др. (въ этихъ словахъ коренная гласная краткая) при čiarok, čiastok, dietok (въ такихъ словахъ коренная гласная была нѣкогда долгой, откуда частью дифтонгическое сочетаніе). Чередованіе *ie* и *o* частью уступило мѣсто другому чередованію, а именно чередованію *ie* и *e*, такъ какъ языкъ зналъ именно такое чередованіе въ большинствѣ случаевъ (ср. *ie* — *e* изъ ѣ долгаго и краткаго: chlieb — chleba, smiech — smĕchu, snieh — sňeha и т. д.): этимъ объясняется нефонетическая замѣна *o* черезъ *e*, напр. въ sídel, krídel (вм. sídol, krídol) подъ вліяніемъ mydiel; сюда же относится появленіе leb вм. lob, вѣроятно, подъ вліяніемъ *liebný, *liebka, замѣнившихъ болѣе древнія lebný, lebka. Но кромѣ того вытѣсненію *o* изъ ъ способствовали случаи, гдѣ

языкъ уже зналъ бѣглое *e* изъ *ь*: pes — psa, lev — lva, deň — dňa вызывали sen вм. son при sna, ср. обратное заимствованіе *o* вм. *e* въ ovos вм. oves. Новое *ie* изъ ö долгаго, какъ спорадически и старое *ie* (изъ долгаго *ѣ*), во многихъ случаяхъ замѣнялось дифтонгическимъ сочетаніемъ iä, явившимся изъ долгаго *e*: очевидно, этому способствовало чередованіе такого iä (изъ ē) съ ĕ: liäd — ledu, miäd — medu, а также liän — ľna (вм. len — ľna) вызывали появленіе miäch — möcha вм. miech — möcha; diežď перешло въ diäžď; riež въ riäž; это въ свою очередь вызывало замѣну ö черезъ ä: möcha переходило въ mächa, döžďa переходило въ däžďa; döska, подъ вліяніемъ diäsku вм. diesku (ср. hůru при hora)[1]), переходило въ däska. Въ чешскомъ языкѣ ä, какъ и ö, измѣнилось въ *e*: поэтому мы находимъ здѣсь только mech, rež, deska, но въ словацкомъ, гдѣ ö перешло въ *o*, а ä въ *a*: doska и däska, moch и mach, dážď, raž. Также объясняется появленіе ā въ sukán (при sukien), sestár (при sestier), metál, vesál, dasák, karát (при kariet у Викторина): ā—вмѣсто ожидаемаго *ia* изъ iä, замѣнившаго *ie*, очевидно подъ вліяніемъ *sídal, *dietak, гдѣ *a* изъ ä вм. *o* изъ ö подъ вліяніемъ iä въ родствен-

---

1) По общему закону чешскословацкаго языка, въ двусложныхъ словахъ съ подвижнымъ удареніемъ, ретракціи ударенія съ конечнаго слога на первый соотвѣтствовало измѣненіе ударенія на первомъ слогѣ (съ древнимъ мѣстомъ ударенія), а именно переходъ его на первую часть гласной со второй и соотвѣтственно съ этимъ удлиненіе краткой гласной: въ то время, какъ horá, berú, vedóch и др. переходили въ hòra, bèru, vèdoch, формы hòru, bèreš, vède (3 аор., ср. сербск. вȅде при вѐдох) перешли въ hôru, bêreš, vêde съ нисходящимъ удареніемъ на удлиненной гласной: ср. совр. hůru, béreš, старочешск. véde (Гебауеръ, I, 576). Можетъ быть, слѣдуетъ признать общимъ закономъ удлиненіе краткой гласной перваго слога двусложнаго слова, если онъ былъ издревле ударяемъ; это объяснило бы намъ долготу гласной въ словахъ, какъ půst—půstu (древн. и діалект.), bůh—bůha (древн.), důl—důlu (древн.), dům—důmě (древн.), zrůst—zrůstu, при чемъ postu, boha и т. д, явились бы впослѣдствіи подъ вліяніемъ hrách—hrachu, mráz—mrazu, práh—prahu; ср. еще ů въ kůža. Краткость гласной въ moře, nos, rod, host и т. д. могла бы объясняться изъ косвенныхъ падежей, часть которыхъ была получена съ удареніемъ на окончаніяхъ. Въ такомъ случаѣ сокращеніе гласной подъ древнимъ нисходящимъ удареніемъ (ruku, druha) слѣдуетъ объяснять тѣмъ, что гласная сократилась при стремленіи нисходящаго ударенія перейти въ другой типъ (если ◡◡́ или ◡ переходили въ ◡◡́, то древнее ◡́◡ не могло [illegible] своего характера).

ныхъ образованіяхъ. Въ описанныхъ здѣсь явленіяхъ вижу подтвержденіе какъ той мысли, что въ словацкомъ, а можетъ быть еще и чешскословацкомъ языкѣ, смѣшивались дифтонгическія сочетанія *іе* (изъ долгаго *ѣ* и изъ долгаго ŏ) съ сочетаніями іă (изъ долгаго е), такъ и той, что въ чешскословацкую эпоху *ъ* звучало не какъ *е*, а какъ *о*.

Заключеніе.

Въ предложенномъ здѣсь изслѣдованіи нѣкоторыхъ звуковыхъ явленій чешскаго языка многое, конечно, покажется неубѣдительнымъ и недостаточно обоснованнымъ. Если я рѣшился включить его въ отзывъ о трудѣ Гебауера, то во всякомъ случаѣ не для того, чтобы показать ошибочность или неполноту выводовъ почтеннаго ученаго. Его богатая фактами и научными соображеніями книга составила эпоху въ изученіи чешскаго языка: вотъ почему къ ней должно примкнуть не одно, подобное моему, изслѣдованіе. Она будитъ мысль и оживляетъ научный интересъ.

Подводя итогъ всему предыдущему разбору, замѣчу, что къ трудамъ, подобнымъ Исторической грамматикѣ чешскаго языка, нельзя предъявлять тѣхъ требованій, съ которыми мы встрѣчаемъ появленіе отдѣльныхъ трудовъ, посвященныхъ изслѣдованію какой-нибудь узкой области языкознанія. Методологическіе ошибки, недостатокъ матеріала, смѣшеніе предметовъ изслѣдованія достаточны для того, чтобы обезцѣнить такіе труды. Напротивъ, самые крупные недостатки такихъ капитальныхъ работъ, каково историческое изложеніе судебъ какого-нибудь языка, не могутъ подорвать ихъ значенія, такъ какъ въ результатѣ все же оказывается выполненною та задача, къ которой стремятся усилія отдѣльныхъ изслѣдователей,—дать общую картину развитія того или другого языка. Но Историческая грамматика Гебауера свободна отъ крупныхъ недостатковъ, а тѣ слабыя стороны въ изложеніи или въ объясненіяхъ автора, которыя я выдвинулъ въ своемъ разборѣ, отступаютъ совершенно

на задній планъ сравнительно съ положительными достоинствами этого труда, давшаго образцовую и высоконаучную обработку надежнаго матеріала, почти цѣликомъ извлеченнаго изъ первоисточниковъ. Задача, къ которой стремились Гебауеръ и вмѣстѣ съ нимъ рядъ другихъ чешскихъ филологовъ, достигнута: основанія исторической грамматики заложены, и на нихъ уже красуется начало великолѣпнаго зданія, поражающаго прочностью своей архитектуры, цѣлесообразностью плана, принятаго въ руководство строителемъ и, наконецъ, первостепеннымъ качествомъ матеріала. Останавливаться долго на нѣкоторой поспѣшности кладки, на недостаткахъ въ отдѣлкѣ фасада, на невыдержанности стиля не приходится, не приходится особенно тому наблюдателю, который ни у себя на родинѣ, ни въ другихъ родственныхъ странахъ не видитъ подобныхъ величественныхъ сооруженій. Увѣнчаніе Исторической грамматики чешскаго языка, составленной Яномъ Гебауеромъ, полною преміей имени Котляревскаго будетъ вполнѣ заслуженнымъ вниманіемъ къ труду, которымъ могутъ гордиться не только чехи, но и всѣ прочіе славяне.

А. Шахматовъ.

II.

А. Н. Ясинскій. «Паденіе земскаго строя въ Чешскомъ Государствѣ» (X—XIII вв.). Кіевъ, 1895.

Рецензія профессора К. Я. Грота.

Не смотря на быстрые и значительные успѣхи, достигнутые во второй половинѣ истекающаго вѣка славянской исторической наукой по изученію какъ древностей, такъ вообще историческаго прошлаго отдѣльныхъ славянскихъ народностей и всего славянства въ его цѣломъ, нельзя однакожъ не признать, что намъ еще очень далеко до той завидной ступени, на которой въ наши дни стоитъ исторіографія во всѣхъ ея отдѣлахъ у образованнѣйшихъ народовъ Европы (имѣющихъ, правда, культурное старшинство передъ нами), у нѣмцевъ, французовъ, англичанъ. Ежегодно наука славянской исторіи обогащается новыми, болѣе или менѣе выдающимися и цѣнными вкладами и у насъ въ Россіи, и у западныхъ славянъ (поляковъ и чеховъ), и на славянскомъ югѣ, но общій результатъ сдѣланнаго заставляетъ желать еще многаго; при томъ у насъ къ сожалѣнію до сихъ поръ не дошло до труда объединяющаго и обобщающаго всѣ частныя работы и успѣхи — труда, который могъ бы оказать большую услугу въ дальнѣйшихъ изысканіяхъ. Такой трудъ долженъ былъ бы свести въ одно стройное цѣлое какъ весь разработанный по частямъ и въ подробностяхъ историческій матеріалъ, такъ и добытые изъ

него общіе выводы, руководящія мысли и начала, и тѣмъ обнаруживъ существующіе пробѣлы въ историческихъ изученіяхъ, далъ бы новый толчокъ и сообщилъ новыя направленія спеціальной и монографической литературѣ. Наконецъ, такой общій по исторіи славянъ трудъ, написанный самостоятельно и талантливо, не только намѣтилъ бы пути многимъ будущимъ славянскимъ историкамъ, но послужилъ бы и высоко-полезнымъ образовательнымъ пособіемъ для подрастающихъ молодыхъ поколѣній, которые у насъ такъ нуждаются въ укрѣпленіи именно такимъ путемъ своего славянскаго самосознанія. Будемъ надѣяться, что мы дождемся скоро и такого труда, а пока остается съ благодарностью привѣтствовать всякое серіозное спеціальное или монографическое изслѣдованіе по славянской исторіи, а тѣмъ болѣе тогда, когда оно касается еще мало разработанныхъ областей ея, напр. вообще исторіи внутренней, общественной и правовой жизни старыхъ славянскихъ государствъ, и къ тому же когда оно пытается проникнуть въ самую глубину того историческаго процесса, въ которомъ состояло ихъ своеобразное развитіе.

Именно такимъ трудомъ и представляется подлежащее нашему разсмотрѣнію сочиненіе г. Ясинскаго. Въ краткомъ своемъ предисловіи онъ такъ опредѣляетъ цѣль и задачу своей работы.

Посвященная паденію земскаго строя чешскаго государства, она была предпринята имъ «въ интересахъ выясненія генезиса того сословно-привилегированнаго строя, который въ главныхъ своихъ чертахъ опредѣлился во вторую половину XIV в.». Авторъ имѣлъ въ виду «не только установить рядъ тѣхъ явленій, въ которыхъ сказалось разложеніе земскаго строя, сложившагося на основахъ общеславянскаго демократическаго и патріархально-родового быта, но желалъ также опредѣлить, въ какой мѣрѣ слѣдуетъ считать этотъ процессъ самобытнымъ». Изученіе источниковъ древней чешской исторіи привело его къ убѣжденію, что основы сословно-привилегированнаго строя въ чешскомъ государствѣ слагались подъ вліяніемъ нуждъ и потребностей, само-

стоятельно зародившихся и созрѣвшихъ въ нѣдрахъ этого государства». Авторъ, правда, «не думаетъ отрицать, что, начиная съ половины XIII в. въ значительной мѣрѣ стало обнаруживаться воздѣйствіе нѣмецкаго права на общественный и государственный бытъ чешскаго народа», но полагаетъ, что «такое воздѣйствіе было второстепеннымъ факторомъ даже и для послѣдующаго развитія: чехи заимствовали юридическія формы для явленій, самостоятельно у нихъ возникшихъ».

Взявъ такой существенный вопросъ чешской исторіи предметомъ своего изслѣдованія, авторъ нашъ несомнѣнно могъ надѣяться — и не напрасно — внести нѣчто новое въ науку въ виду того, что область эта въ чешской исторической литературѣ въ послѣднее время дѣйствительно является запущенной, а большинство современныхъ чешскихъ историковъ, самостоятельно не углублявшихся въ эти вопросы, находятся въ слишкомъ еще большой зависимости отъ своихъ старыхъ авторитетовъ, глазами которыхъ они привыкли смотрѣть и въ непогрѣшимость которыхъ въ основныхъ взглядахъ они привыкли вѣрить. Совершенно понятно, что въ этомъ отношеніи русскій ученый находится въ особенно благопріятномъ положеніи, будучи въ состояніи легче западнаго славянина отнестись къ вопросу вполнѣ объективно, разсмотрѣть его съ гораздо болѣе широкаго горизонта зрѣнія и воспользоваться самымъ обширнымъ сравнительнымъ матеріаломъ, равно какъ и всей для него не менѣе другихъ доступной литературой предмета.

При всемъ томъ однакожъ избранный вопросъ настолько труденъ и капиталенъ, что прежде всего напрашивается сомнѣніе, соразмѣрилъ ли г. Ясинскій свои силы и средства съ обширностью и трудностью задачи, иначе говоря, соразмѣрилъ ли онъ съ нею тотъ трудъ, который онъ въ данномъ случаѣ имѣлъ въ виду и могъ положить на задуманную работу. И въ этомъ мы позволяемъ себѣ усумниться.

Намъ представляется задача г. Ясинскаго слишкомъ широкой, слишкомъ сложной и многообъемлющей, чтобъ быть удовле-

творительно рѣшенной при данныхъ условіяхъ, именно въ тѣхъ ограниченныхъ рамкахъ, которыя онъ себѣ поставилъ, и съ тѣмъ матеріаломъ и ученымъ аппаратомъ, который имѣлся въ его распоряженіи. Повидимому, автору показалось разрѣшеніе заинтересовавшаго его вопроса гораздо болѣе легкимъ и простымъ, чѣмъ оно есть на самомъ дѣлѣ, и онъ посвятилъ сравнительно небольшое (менѣе 200 страницъ) разсужденіе разслѣдованію предмета, который въ сущности требуетъ цѣлаго ряда работъ подобнаго рода, основанныхъ на самомъ полномъ и исчерпывающемъ изученіи источниковъ и на широкомъ примѣненіи сравнительно-историческаго метода.

Авторъ, какъ кажется, не вполнѣ взвѣсилъ и того обстоятельства, что тема его въ значительной степени входитъ въ сферу наукъ юридическихъ, въ исторію права, а потому для всесторонней и полной своей обработки требуетъ отъ автора нѣкоторой спеціальной подготовки и въ этой послѣдней области. Мы должны откровенно сознаться, что не замѣтили у него такой подготовки. Не будучи сами спеціально компетентны въ области науки права, мы далеки отъ того, чтобы взяться критиковать книгу г. Ясинскаго съ этой спеціальной точки зрѣнія. Но мы не можемъ не констатировать факта, что съ этой стороны дѣло не могло обойтись у него безъ пробѣловъ и недочетовъ.

Итакъ этою несоразмѣрностью задачи со средствами и въ нѣкоторомъ смыслѣ съ методомъ автора, съ ограниченными, искусственно себѣ поставленными рамками естественно обусловливаются и результаты работы, которые, при всѣхъ ея положительныхъ свойствахъ и достоинствахъ, вообще научной цѣнности, по крайнему нашему разумѣнію, не заключаютъ въ себѣ вполнѣ удовлетворительнаго рѣшенія поставленнаго вопроса. Съ этимъ — мы бы сказали — слишкомъ легкимъ и смѣлымъ отношеніемъ къ своей задачѣ связаны, какъ мы увидимъ ниже, и главнѣйшія слабыя стороны и недостатки разбираемаго изслѣдованія.

Мы позволяемъ себѣ думать, что еслибъ г. Ясинскій ограничился на первый случай разработкой одного изъ частныхъ во-

просовъ, входящихъ въ кругъ его темы, и продолжалъ бы затѣмъ столь-же основательно и разносторонне изучать другія явленія того сложнаго историческаго процесса, который онъ такъ поторопился истолковать въ своей диссертаціи, что результаты такого продолжительнаго и систематическаго изученія были бы по всей вѣроятности нѣсколько иные и едва-ли отличались бы такою рѣшительностью въ направленіи, совершенно противоположномъ воззрѣніямъ, общепринятымъ до сихъ поръ не въ одной чешской исторіографіи относительно самой Чехіи, но— скажемъ болѣе—въ исторической наукѣ въ области соціальныхъ, правовыхъ и культурныхъ явленій вообще.

Нельзя не отдать автору полной справедливости въ томъ, что онъ отнесся къ предмету своего изслѣдованія совершенно самостоятельно, и должно повѣрить тому, что лишь добросовѣстная работа надъ источниками, а не случайно со стороны навѣянная мысль, склонила его къ извѣстнымъ выводамъ, столь расходящимся съ донынѣ господствующими въ наукѣ. Но способно ли было это одно преимущество, самостоятельное отношеніе къ дѣлу, поставить автора на высоту правильнаго и удовлетворительнаго рѣшенія занявшей его задачи?

Дѣло въ томъ, что возбужденный имъ вопросъ не есть вопросъ частный или узко-спеціальнаго значенія и интереса, это, наоборотъ, одинъ изъ самыхъ крупныхъ, самыхъ важныхъ и основныхъ вопросовъ исторической судьбы западнаго славянства, которыми опредѣляется весь ея смыслъ и характеръ, — это вопросъ, который существуетъ не въ одной исторіи Чехіи, а касается одинаково всего западно-славянскаго міра и можетъ быть поставленъ гораздо шире и общѣе. Какимъ образомъ, подъ какими воздѣйствіями развивалась соціально-политическая жизнь и государственность не только у Чеховъ, но и у другихъ западно-славянскихъ народностей, попавшихъ въ аналогичныя условія со времени принятія ими христіанства, какими путями и при какихъ условіяхъ онѣ переходили отъ первоначальныхъ своихъ племенныхъ, а потомъ такъ называемыхъ земскихъ установленій къ

новому строю съ западно-европейскимъ феодальнымъ характеромъ, это вопросъ еще болѣе общій, чѣмъ взятый нашимъ авторомъ, но вопросъ, который обязательно напрашивается самъ собой при обсужденіи болѣе частнаго. Очевидно, такая основная и глубокая тема, столь же интересная, сколько и трудная, заключающая въ себѣ значительный философскій или народно-психологическій элементъ, требуетъ и соотвѣтственно широкой постановки и разносторонних изслѣдованій и соображеній не въ однихъ узкихъ предѣлахъ времени и мѣста или въ кругу данныхъ опредѣленнаго разряда источниковъ, а въ широкихъ рамкахъ изученія культурно-историческаго развитія западно-европейскаго (романо-германскаго) міра сравнительно съ восточнымъ (византійскимъ) и историческихъ отношеній и сближенія славянства съ тѣмъ и другимъ. Обойти въ такомъ вопросѣ безъ подобающаго вниманія и оцѣнки эту важную и существенную сферу культурныхъ вліяній, шедшихъ чрезъ посредство преимущественно церкви, латинскаго образованія и литературы, значило бы остаться на поверхности вопроса и далеко его не исчерпать. Но къ сожалѣнію, именно такой болѣе широкой точки зрѣнія и такой необходимой для вполнѣ успѣшнаго обсужденія вопроса постановки его мы и не находимъ у нашего автора, и это не могло не отразиться на его выводахъ. Все это утверждаетъ насъ во мнѣніи, что ему, въ то время начинающему ученому, не слѣдовало сразу задаваться рѣшеніемъ такого крупнаго вопроса, обнять и до нѣкоторой степени исчерпать который можно только послѣ многихъ спеціальныхъ и сравнительныхъ изученій и ставъ на извѣстную высоту историческаго міровоззрѣнія...

Говоря о задачѣ изслѣдованія г. Ясинскаго и объ отношеніи къ ней автора, мы невольно остановились въ самомъ началѣ нашего разбора на тѣхъ сторонахъ этого труда, отъ которыхъ зависятъ его нѣкоторыя отрицательныя свойства. Но если мы, какъ это будетъ видно изъ дальнѣйшаго, не можемъ согласиться съ главною мыслью автора, или вѣрнѣе съ крайностями его выводовъ, равно какъ и съ постановкой нѣкоторыхъ вопросовъ, то

изъ этого отнюдь еще не слѣдуетъ, чтобъ мы не оцѣнили научныхъ достоинствъ и значенія этой солидной работы. Напротивъ, мы не можемъ не удовлетворить здѣсь же нашей потребности высказать о нихъ наше общее весьма благопріятное впечатлѣніе.

Г. Ясинскій обнаруживаетъ отъ начала и до конца своего изслѣдованія вполнѣ добросовѣстное и строгое отношеніе къ дѣлу и къ своимъ источникамъ. Онъ основательно изучилъ все, что могъ имѣть подъ руками и умѣло пользуется своимъ матеріаломъ. На исправность и точность его ссылокъ можно положиться. Его изложеніе достаточно систематично и отчетливо; онъ не расплывается въ частностяхъ и не многословенъ, быть можетъ иногда даже слишкомъ сдержанъ въ обнаруженіи своихъ историческихъ представленій и взглядовъ на иные предметы (въ нѣкоторый ущербъ ясности). Сложность темы, скудость прямыхъ источниковъ, спорность многихъ положеній,—вообще значительная шаткость почвы заставляетъ его быть довольно осторожнымъ, по крайней мѣрѣ въ формулировкѣ своихъ заключеній въ продолженіе работы, съ чѣмъ надо сознаться мало вяжется рѣшительность его окончательнаго вывода... Вообще говоря ученыя достоинства труда г. Ясинскаго безспорны, а потому вполнѣ естественно, если разработка имъ по первымъ источникамъ ряда вопросовъ внутренней государственной жизни и развитія Чехіи является во всякомъ случаѣ полезнымъ для науки вкладомъ, въ которомъ будущіе изслѣдователи могутъ почерпнуть и новыя соображенія, и новыя наблюденія и указанія, и который займетъ несомнѣнно опредѣленное и прочное мѣсто въ литературѣ предмета. Въ виду этого наша критика руководящей, главной мысли, проводимой авторомъ, не мѣшаетъ намъ признать за нимъ существенную заслугу въ изученіи общественной и внутренно-политической исторіи Чехіи до XIV вѣка.

Мы приступимъ теперь къ разсмотрѣнію труда г. Ясинскаго въ порядкѣ его изложенія, по частямъ, при чемъ, передавая сжато, въ самыхъ существенныхъ положеніяхъ и чертахъ, его содержаніе, будемъ попутно дѣлать свои замѣчанія и возра-

женія, а также общія наши заключенія относительно отдѣльныхъ частей изслѣдованія. Въ концѣ же подведемъ итоги разбору и формулируемъ окончательно наше мнѣніе о достоинствахъ и недостаткахъ разсматриваемаго сочиненія.

Въ довольно большомъ *Введеніи* (стр. 1—35) къ своему изслѣдованію авторъ знакомитъ читателя съ современнымъ состояніемъ чешской исторіографіи вообще и избранной имъ области въ частности, устанавливаетъ свою точку зрѣнія на интересующій его вопросъ, существенно расходящуюся съ господствующими воззрѣніями, и даетъ обозрѣніе источниковъ чешской исторіи того періода, который его занимаетъ.

Сказавъ въ самомъ началѣ о поразительной скудости въ разработкѣ внутренней, соціальной исторіи Чехіи до Палацкаго, который еще въ 30-хъ годахъ отмѣтилъ этотъ большой пробѣлъ, и объ успѣхахъ, достигнутыхъ въ этомъ отношеніи уже черезъ 40 лѣтъ послѣ того въ безсмертныхъ трудахъ самого Палацкаго и въ работахъ его учениковъ и продолжателей, г. Ясинскій констатируетъ, что послѣ появленія ряда капитальныхъ изслѣдованій въ такомъ направленіи, вышедшихъ изъ подъ пера ученыхъ авторитетовъ еще стараго поколѣнія,—вниманіе и научный интересъ новыхъ чешскихъ историковъ направились на изученіе позднѣйшихъ періодовъ исторіи, въ особенности на XV вѣкъ, какъ на «героическій вѣкъ чешскаго народа» и на «центръ его исторіи», а вопросы древней исторіи такимъ образомъ отодвинулись на задній планъ.

Переходя къ характеристикѣ взглядовъ чешскихъ историковъ на характеръ и развитіе внутренней, общественной и государственной жизни Чехіи, авторъ отмѣчаетъ общепринятый взглядъ, что «въ чешскомъ государствѣ господствовали сначала чисто славянскія начала, и только съ XIII вѣка стали проникать правовые институты западно-европейской культуры, право нѣмецкое и феодальное».

Въ подтвержденіе приводятся (большею частью въ точныхъ цитатахъ) мнѣнія лучшихъ чешско-моравскихъ историковъ:

изъ этого отнюдь еще не слѣдуетъ, чтобъ мы не оцѣнили научныхъ достоинствъ и значенія этой солидной работы. Напротивъ, мы не можемъ не удовлетворить здѣсь же нашей потребности высказать о нихъ наше общее весьма благопріятное впечатлѣніе.

Г. Ясинскій обнаруживаетъ отъ начала и до конца своего изслѣдованія вполнѣ добросовѣстное и строгое отношеніе къ дѣлу и къ своимъ источникамъ. Онъ основательно изучилъ все, что могъ имѣть подъ руками и умѣло пользуется своимъ матеріаломъ. На исправность и точность его ссылокъ можно положиться. Его изложеніе достаточно систематично и отчетливо; онъ не расплывается въ частностяхъ и не многословенъ, быть можетъ иногда даже слишкомъ сдержанъ въ обнаруженіи своихъ историческихъ представленій и взглядовъ на иные предметы (въ нѣкоторый ущербъ ясности). Сложность темы, скудость прямыхъ источниковъ, спорность многихъ положеній,—вообще значительная шаткость почвы заставляетъ его быть довольно осторожнымъ, по крайней мѣрѣ въ формулировкѣ своихъ заключеній въ продолженіе работы, съ чѣмъ надо сознаться мало вяжется рѣшительность его окончательнаго вывода... Вообще говоря ученыя достоинства труда г. Ясинскаго безспорны, а потому вполнѣ естественно, если разработка имъ по первымъ источникамъ ряда вопросовъ внутренней государственной жизни и развитія Чехіи является во всякомъ случаѣ полезнымъ для науки вкладомъ, въ которомъ будущіе изслѣдователи могутъ почерпнуть и новыя соображенія, и новыя наблюденія и указанія, и который займетъ несомнѣнно опредѣленное и прочное мѣсто въ литературѣ предмета. Въ виду этого наша критика руководящей, главной мысли, проводимой авторомъ, не мѣшаетъ намъ признать за нимъ существенную заслугу въ изученіи общественной и внутренно-политической исторіи Чехіи до XIV вѣка.

Мы приступимъ теперь къ разсмотрѣнію труда г. Ясинскаго въ порядкѣ его изложенія, по частямъ, при чемъ, передавая сжато, въ самыхъ существенныхъ положеніяхъ и чертахъ, его содержаніе, будемъ попутно дѣлать свои замѣчанія и возра-

г. Ясинскаго) исторической необходимости»... По словамъ нашего автора онъ ни въ книгѣ Ганеля, ни въ другихъ сочиненіяхъ не нашелъ отвѣта на вопросъ, какая это историческая необходимость, вызвавшая перемѣны въ общественномъ и государственномъ строѣ Чехіи въ XII и XIII вв. Разъяснить вотъ эту-то необходимость авторъ и взялъ на себя.

По поводу г. Ганеля и его прежняго русскаго критика мы при этомъ случаѣ должны высказать сожалѣніе, что г. Ясинскій повидимому не отнесся къ нимъ съ надлежащимъ вниманіемъ, не воспользовался ихъ наблюденіями и ихъ компетентностью въ должной мѣрѣ. Мы увидимъ ниже, что нѣкоторыя стороны вопроса спеціально разработанныя г. Ганелемъ, остались безъ необходимой оцѣнки у нашего автора. Что касается критики г. Владимірскаго-Буданова, то слѣдовало по крайней мѣрѣ познакомить читателя съ основной точкой зрѣнія этого ученаго спеціалиста (по славянскому праву), которая несомнѣнно представляетъ интересъ, тѣмъ болѣе, что, сходясь въ общемъ въ выводахъ съ г. Ганелемъ, она заключаетъ въ себѣ по существу нѣсколько иную постановку вопроса, къ которой г. Ясинскій не могъ отнестись безразлично, и которая даже, быть можетъ, сыграла свою роль въ образованіи его собственнаго воззрѣнія. Г. Владимірскій-Будановъ, занимавшійся спеціально «Нѣмецкимъ правомъ въ Польшѣ и Литвѣ» и имѣвшій полное основаніе примѣнить свои наблюденія и къ Чехіи (гдѣ очевидно много аналогичнаго), держится взгляда о необходимости строго различать въ области права понятія «вліянія» и «заимствованія». Онъ признаетъ, что *земское право* въ славянскихъ странахъ, подвергавшихся нѣмецкому правовому вліянію, оставалось весьма самостоятельнымъ «сепаратнымъ» (точно такъ-же какъ въ свою очередь и нѣмецкое), что *слiянія* этихъ различныхъ элементовъ не послѣдовало, что напр. въ Польшѣ польское право отнюдь не исчезло подъ вліяніемъ нѣмецкаго, что оно получило только новую окраску, которая стала его отличительнымъ признакомъ. Это же толкованіе онъ примѣняетъ и къ сферѣ государственнаго устройства

и управленія (въ западно-славянскихъ странахъ). Итакъ, будучи противъ признанія прямыхъ заимствованій, онъ—въ пользу существованія и значенія правовыхъ, а слѣдовательно и вообще культурныхъ воздѣйствій и вліяній. Онъ только отрицаетъ мысль, чтобы новый чешскій общественный и государственный строй былъ *сліяніемъ* нѣмецкихъ порядковъ съ старо-чешскими. Въ этомъ послѣднемъ мнѣніи очевидно примкнулъ къ нему и г. Ясинскій, но онъ пошелъ далѣе и дошелъ до почти полнаго отрицанія и самыхъ воздѣйствій нѣмецкаго права и западно-европейскаго соціальнаго строя на внутреннее развитіе Чехіи до XIV вѣка. Итакъ мы видимъ, какое значеніе для нашего автора долженъ былъ имѣть разборъ книги Ганеля г. Владимірскимъ-Будановымъ, и поэтому мы въ правѣ упрекнуть его въ томъ, что онъ не только не далъ мѣста поучительнымъ сужденіямъ послѣдняго по данному вопросу въ своемъ изложеніи высказанныхъ до него мнѣній, но и не проронилъ ни одного слова о своемъ отношеніи къ мнѣнію своего предшественника въ критикѣ книги г. Ганеля. Но возвратимся къ изложенію. Итакъ автора не удовлетворяетъ рѣшеніе вопроса о перемѣнѣ, совершившейся во внутреннемъ строѣ Чехіи, простой ссылкой на внѣшнія вліянія со стороны просвѣщеннаго и болѣе культурнаго народа. Не отрицая «извѣстной доли» этого вліянія, онъ думаетъ, что ему приписывается слишкомъ много. Поэтому цѣль его—постараться указать, какая необходимость, какія мѣстныя условія и нужды вызвали измѣненіе общественнаго и государственнаго строя въ концѣ XII в.,—«представить картину органическаго развитія этого славянскаго государства въ X—XIII в.».

Итакъ здѣсь авторъ ясно высказалъ свою руководящую мысль и свою задачу. Въ вопросѣ о ходѣ развитія чешскаго государства онъ выдвигаетъ моментъ внутренній, «самостоятельно возникшія въ нѣдрахъ самого народа потребности», «мѣстныя условія и нужды», которыя всецѣло опредѣляли то, а не другое направленіе въ этомъ развитіи. Сторона внѣшнихъ воздѣйствій такимъ образомъ совершенно отодвигается имъ на задній планъ.

Авторъ видимо увлекся своей точкой зрѣнія, ибо историческая необходимость, какъ между прочимъ слѣдствіе мѣстныхъ условій, потребностей и обстоятельствъ, не можетъ быть отождествлена съ понятіемъ органическаго или самобытнаго развитія и очень часто обусловливается преимущественно дѣйствіемъ внѣшнихъ факторовъ. Между тѣмъ онъ думаетъ оправдать свою теорію «самобытности» и «органичности» выясненіемъ исторической необходимости, которую выводитъ исключительно изъ внутреннихъ, мѣстныхъ (или народныхъ) потребностей и условій. Въ этомъ, какъ намъ кажется, его главное заблужденіе. Выяснивъ несомнѣнно очень многое въ условіяхъ и внутреннихъ причинахъ разложенія земскаго строя въ Чехіи, онъ однакожъ далъ узкую и одностороннюю постановку этому сложному вопросу и съ слишкомъ большой рѣшительностью сдѣлалъ общій выводъ, съ которымъ трудно согласиться.

Но не будемъ забѣгать впередъ въ нашемъ общемъ приговорѣ. Здѣсь скажемъ только, что каждая глава въ книгѣ г. Ясинскаго, давая много важнаго и интереснаго для уясненія процесса внутренняго государственнаго роста Чехіи, убѣждаетъ насъ въ односторонности его общаго толкованія этого процесса.

Назвавъ историческій процессъ, которымъ Чехія шла въ своемъ государственномъ развитіи, «паденіемъ земскаго строя», авторъ естественно сознавалъ необходимость разъяснить, что именно слѣдуетъ понимать подъ этимъ *земскимъ строемъ*. Сказать только, что онъ разумѣетъ здѣсь «учрежденія и порядки, которые существовали въ первый періодъ исторіи чешскаго государства и возникли на славянской основѣ», казалось ему самому недостаточнымъ, и онъ считаетъ нужнымъ, впрочемъ въ очень краткихъ словахъ, указать черты, характеризующія начальную эпоху государственной жизни у славянъ. Здѣсь онъ (стр. 8—10) самымъ бѣглымъ образомъ упоминаетъ о первыхъ «не отличавшихся долговѣчностью» славянскихъ государствахъ съ княземъ во главѣ, изъ которыхъ впрочемъ нѣкоторыя путемъ сплоченія племенъ успѣли стать могущественными и которыя вмѣстѣ

съ тѣмъ задавались широкими замыслами объединенія славянъ; однако въ нихъ обнаруживается еще отсутствіе сознанія объ единствѣ и нераздѣльности государственной территоріи и власти: оттуда появленіе удѣльныхъ князей со всѣми правами верховной власти. Далѣе рѣчь идетъ объ областныхъ правителяхъ, какъ замѣстителяхъ племенныхъ князей, объ участіи основной массы населенія въ политическихъ дѣлахъ, о его правахъ владѣнія и наслѣдованія недвижимыми имуществами, наконецъ о преобладаніи обычнаго права,—все это въ самыхъ краткихъ и общихъ выраженіяхъ. Въ томъ, что «въ началѣ своего существованія государство представляло собой внѣшнее сплоченіе племенныхъ группъ, выражавшееся въ механическомъ соединеніи отдѣльныхъ племенныхъ территорій» и что господствовалъ обычай и земское право,—въ этомъ авторъ видитъ основаніе называть этотъ періодъ *земскимъ*. «Подъ вліяніемъ новыхъ государственныхъ потребностей этотъ несовершенный земскій строй долженъ былъ разложиться и уступить свое мѣсто высшей формѣ государственности, государству сословно-привилегированному».

Этимъ и ограничивается авторъ въ своей характеристикѣ земскаго строя. Всего какихъ-нибудь $1^1/_2$ страницы онъ посвятилъ выясненію того понятія и той группы или совокупности фактовъ, которыя являются основными въ его темѣ и изъ которыхъ ему придется исходить во всѣхъ своихъ дальнѣйшихъ разслѣдованіяхъ и разсужденіяхъ! Не можемъ не отмѣтить этого явнаго недочета въ книгѣ г. Ясинскаго, ибо онъ долженъ былъ неминуемо сказаться нѣкоторыми невыгодными для всей работы послѣдствіями, ибо недостатокъ опредѣленности и отчетливой ясности, повидимому присущій самымъ представленіямъ автора о многихъ элементахъ и явленіяхъ земскаго строя, очевидно долженъ былъ сказываться при разработкѣ отдѣльныхъ вопросовъ дальнѣйшаго «органическаго»—съ точки зрѣнія автора—развитія этого строя и мѣшалъ нашему ученому вполнѣ разобраться въ послѣдующихъ измѣненіяхъ этого строя.

Цѣль, которою онъ задался, настоятельно требовала отъ него

удѣлить гораздо болѣе мѣста, даже посвятить особую главу обстоятельной характеристикѣ славянскаго *земскаго* строя въ Чехіи, исходя изъ установленныхъ въ наукѣ славянскихъ древностей положеній объ общихъ основахъ этого строя у древнихъ славянъ, и затѣмъ уже, имѣя твердую и опредѣленную почву подъ ногами, приступить къ выясненію тѣхъ внутреннихъ условій и нуждъ, которыя вызвали разложеніе этого строя.

По поводу немногихъ сообщенныхъ авторомъ данныхъ, долженствующихъ характеризовать начальный періодъ политической жизни славянъ, мы должны еще возразить противъ употребленія термина *государство* (стр. 8) для первыхъ политическихъ объединительныхъ попытокъ и племенныхъ союзовъ или организацій у славянъ (въ періодъ VII—X вв.). Самъ авторъ въ своемъ изслѣдованіи строго отдѣляетъ *государственную* организацію отъ *«земской»*, вышедшей изъ патріархально-родовыхъ и племенныхъ установленій. Дѣйствительно, государства въ настоящемъ смыслѣ слова слагаются у славянскихъ народовъ значительно позже (конечно не у всѣхъ одновременно, а въ зависимости отъ условій политическихъ и культурныхъ), по пережитіи ими критическаго, такъ называемаго удѣльнаго періода, съ утвержденіемъ новаго принципа престолонаслѣдія, съ упроченіемъ единодержавія и верховной государственной власти, съ постепеннымъ установленіемъ законовъ и формъ управленія — на болѣе совершенныхъ началахъ. Такимъ образомъ терминъ «государства» для старыхъ славянскихъ княжествъ, какъ попытокъ внѣшняго политическаго сплоченія, съ ихъ земскимъ строемъ, представляется неумѣстнымъ.

Слѣдующая, бо́льшая часть «Введенія» заключаетъ въ себѣ *обозрѣніе источниковъ* для древней исторіи Чехіи, т. е. собственно для занимающаго автора періода. О нихъ онъ хочетъ сказать особо и подробнѣе, ибо изученіе ихъ дало ему «возможность въ земскомъ строѣ открыть зародыши иного порядка вещей, и объяснить, какъ на обломкахъ стараго возникъ новый — сословно-привилегированный».

Нечего и говорить, что такое обстоятельное обозрѣніе источ-

никовъ, какое намъ даетъ г. Ясинскій (на 25 стран.) можетъ быть только полезнымъ для дѣла, придаетъ работѣ еще большую внѣшнюю законченность и еще нагляднѣе свидѣтельствуетъ объ эрудиціи и начитанности его въ литературѣ предмета. Но дѣло въ томъ, что это обозрѣніе имѣетъ поневолѣ компилятивный характеръ и формулируетъ результатъ чужихъ изслѣдованій и спеціальныхъ изученій отдѣльныхъ источниковъ, и притомъ оно органически не входитъ въ работу и могло бы быть безъ особеннаго ущерба для существа дѣла, т. е. для обработки темы опущено или пожалуй помѣщено въ Приложеніи. Вотъ почему мы думаемъ, что было бы лучше, если бы нашъ авторъ въ своемъ введеніи вмѣсто этого обозрѣнія источниковъ далъ то именно, чего мы къ сожалѣнію не нашли у него, т. е. цѣльную и связную характеристику главныхъ элементовъ славянскаго земскаго строя, какимъ онъ выясняется по имѣющимся даннымъ для Чехіи первыхъ вѣковъ ея политическаго существованія. Этимъ онъ и самъ бы себѣ уяснилъ многое глубже и полнѣе, и значительно облегчилъ бы себѣ дальнѣйшее изложеніе.

На обозрѣніи источниковъ и литературы ихъ разработки, которое отличается обстоятельностью и полнотой и въ которомъ мы не замѣтили значительныхъ недомолвокъ[1]), мы не станемъ останавливаться, а отмѣтимъ лишь одну поразившую насъ несообразность. О лѣтописяхъ и хроникахъ чешскихъ (преимущественно о Козьмѣ Пражскомъ, а также его продолжателяхъ и даже хроникахъ XIV в.) авторъ распространяется подробно на 18 страницахъ, тогда какъ документальнымъ источникомъ, т. е. грамотамъ и юридическимъ памятникамъ и ихъ оцѣнкѣ онъ посвящаетъ всего лишь нѣсколько замѣчаній на трехъ страницахъ. Между тѣмъ его изслѣдованіе основано преимущественно, если не почти исклю-

---

1) Припомнимъ по поводу обозрѣнія житій, что говоря о житіяхъ св. Войтѣха и относящейся къ нимъ литературѣ, авторъ опускаетъ вѣроятно оставшуюся ему неизвѣстной работу А. С. Будиловича: «Нѣсколько критическихъ замѣчаній на латинскую легенду о пражскомъ епископѣ Войтѣхѣ» (Очерки изъ церк. ист. Зап. Слав.), Варшава, 1880.

чительно, на актовомъ матеріалѣ, а лѣтописнымъ онъ пользуется сравнительно очень мало и съ большою сдержанностью[1]). Очевидно было бы послѣдовательнѣе да и для дѣла полезнѣе, еслибъ онъ тотъ матеріалъ, который послужилъ ему главнымъ источникомъ, предварительно разсмотрѣлъ и привелъ въ извѣстную систему, а также далъ бы ему болѣе подробную характеристику и оцѣнку.

Первая глава книги г. Ясинскаго озаглавлена «*Зависимые люди и характеръ ихъ зависимости*» (стр. 36—60). Вся книга распадается на *пять главъ*, изъ которыхъ каждая посвящена особому предмету, входящему въ объемъ задачи, *заключеніе* (которое впрочемъ также отчасти разсматриваетъ частный вопросъ) и *три Приложенія*. Вотъ названія другихъ главъ: II-я, Возникновеніе классовъ общества; III-я, Администрація и областное дѣленіе; IV-я, Городская организація; V-я, Власть государя и положеніе знати. — Уже изъ этого перечисленія видно, въ какія опредѣленные, разграниченныя, но едва-ли могущія вмѣстить все широкое содержаніе вопроса рамки замкнулъ нашъ авторъ свою тему.

Въ этомъ отношеніи его трудъ невольно напрашивается на сравненіе съ появившимся послѣ него (I томъ въ 1896 г.) и недавно законченнымъ (II томъ въ 1898 г.) большимъ и солиднымъ нѣмецкимъ изслѣдованіемъ въ той же самой области извѣстнаго уже спеціальными работами *Юлія Липперта*: «Social-Geschichte Böhmens in vorhussitischer Zeit», трудомъ, написаннымъ тоже исключительно по источникамъ — съ большою основательностью и возможною для чешскаго нѣмца объективностью. Сущность его задачи, какъ увидитъ читатель — очень близкой къ темѣ г. Ясинскаго, опредѣляется въ слѣдующихъ частныхъ заглавіяхъ обоихъ томовъ его сочиненія: I. Die Slavische Zeit und ihre gesellschaftlichen Schöpfungen и II. Der Sociale Einfluss der Christlichkirch-

1) Эта несообразность отмѣчена и въ официіальной рецензіи профессора Ѳ. Фортинскаго, см. Кіев. Универс. Извѣстія, 1898 г., № 8, стр. 18.

lichen Organisationen und der deutschen Colonisation. Изъ этого видно, что и Липпертъ задался въ сущности тѣмъ же вопросомъ, что и г. Ясинскій, но разница въ томъ, что нѣмецкій ученый охватилъ вопросъ въ той именно широтѣ, которая является вполнѣ необходимой для его правильнаго рѣшенія, тогда какъ нашъ авторъ нѣсколько произвольно сузилъ свои рамки, оставивъ почему-то безъ разбора и оцѣнки весьма важные элементы и факторы заинтересовавшаго ихъ обоихъ историческаго процесса (какъ увидимъ, главнымъ образомъ то, что разсматривается во II томѣ книги г. Липперта). Правда, онъ далъ болѣе частную формулировку своей темѣ (сравни заглавія обоихъ сочиненій), но истинный, отъ существа дѣла зависящій объёмъ ея — не могъ вслѣдствіе того сузиться, ибо «паденіемъ земскаго строя» характеризуется *вся* внутренняя общественная и государственная исторія Чехіи за періодъ X—XIV в. и, по убѣжденію самого автора, въ немъ состоитъ органическій, самобытный процессъ историческаго развитія Чехіи, а потому оставленіе безъ вниманія и оцѣнки нѣкоторыхъ его существенныхъ явленій, составляющихъ съ прочими одно связное и сложное цѣлое, не можетъ остаться безнаказаннымъ для истолкователя этого развитія. Мы не станемъ здѣсь, конечно, сравнивать по существу результаты, къ которымъ пришли оба автора. Намъ придется еще не разъ сопоставлять ихъ въ теченіе нашего разбора; но отмѣтимъ тутъ же, что широкая постановка вопроса у г. Липперта и между прочимъ углубленіе его въ первоначальныя основы и условія развитія стараго славянскаго (т. е. земскаго) строя, старательное уясненіе себѣ его элементовъ, и вообще тщательная разработка почвы для истолкованія послѣдующаго развитія, очень выгодно отозвались на всемъ изслѣдованіи его. Если онъ въ концѣ концовъ въ опредѣленіи культурныхъ и соціальныхъ вліяній германской и вообще западно-европейской стихіи и увлекся слишкомъ, заплативъ дань своимъ національнымъ тенденціямъ (именно во II томѣ сочиненія), то всетаки надо отдать ему справедливость, что онъ съ рѣдкою для нѣмца объективностью старался выяснить и оцѣ-

нить самобытныя славянскія элементы въ государственномъ развитіи Чехіи (I томъ). Мы увидимъ, что въ нѣкоторыхъ вопросахъ онъ въ своихъ выводахъ сошелся съ г. Ясинскимъ, придя къ нимъ самостоятельно. Но есть и такіе пункты, которые у русскаго изслѣдователя разъяснены полнѣе и лучше, и нельзя поэтому не пожалѣть, что нѣмецкій ученый не воспользовался работой г. Ясинскаго, которая вѣроятно и не была ему извѣстна[1]). Но перейдемъ къ болѣе подробному разбору послѣдней.

Свое изученіе явленій, характеризующихъ паденіе земскаго строя, авторъ начинаетъ съ разсмотрѣнія тѣхъ измѣненій, которыя произошли въ средѣ массы населенія, занимающагося обработкой земли, т. е. сельскаго населенія, въ его отношеніи къ землѣ и къ другому постепенно выдѣляющемуся и пріобрѣтающему господство слою народа: этому вопросу посвящена I-ая глава *«Зависимые люди и характеръ ихъ зависимости»*. Такое начало по плану работы вытекаетъ, по мнѣнію автора, изъ самаго существа дѣла. Онъ не считаетъ преувеличеннымъ думать, что «въ зависимости отъ того, въ какомъ положеніи находилось сельское населеніе въ извѣстной странѣ, опредѣлялось направленіе въ развитіи государственныхъ учрежденій ея». Онъ даже полагаетъ (приравнивая эти явленія къ сферѣ метеорологіи), что «по характеру измѣненій въ положеніи сельскаго люда историкъ имѣетъ возможность объяснить и предугадать перемѣны въ политическомъ строѣ, если только земледѣліе продолжаетъ оставаться преобладающимъ занятіемъ жителей страны». Но едва-ли можно настаивать на безусловной и универсальной справедливости такого положенія. Оно можетъ быть приложимо въ извѣстной степени развѣ лишь къ такимъ народнымъ или государственнымъ организмамъ, которые развиваются совершенно самостоятельно и самобытно, внѣ всякихъ внѣшнихъ культурныхъ вліяній, и гдѣ весь процессъ развитія преимущественно получаетъ толчокъ и направленіе снизу. Но у славянскихъ народовъ

1) По крайней мѣрѣ мы не встрѣтили на нее ссылки.

(какъ въ сущности и у всѣхъ другихъ исторически-выросшихъ на старой культурѣ римской и греческой), а тѣмъ болѣе у западныхъ славянъ мы отнюдь не можемъ допустить такого явленія; поэтому можно объяснить такое утвержденіе нашего автора лишь все тѣмъ же его увлеченіемъ теоріей «органическаго» развитія.

При всемъ томъ мы ничего не имѣемъ противъ общаго плана и системы изложенія г. Ясинскаго, за исключеніемъ одного, на что еще укажемъ ниже, именно—что для лучшаго разъясненія перваго вопроса, поставленнаго имъ, слѣдовало разобрать его нераздѣльно и въ непосредственной связи съ темой II-й главы, т. е. съ вопросомъ объ образованіи классовъ общества—по ихъ естественному соотношенію и зависимости.

Въ началѣ I главы авторъ старается дать общую характеристику состоянія крестьянскаго землевладѣнія и хозяйничанья въ старой Чехіи, которая впрочемъ является нѣсколько отрывочною и слабо связанной съ главной темой. Здѣсь отмѣчается напр. на основаніи грамотъ явленіе общаго пользованія всѣми жителями села угодіями (лѣсомъ, общими пастбищами и проч.), какъ «повидимому» обычай старины, что конечно не представляетъ открытія [1]), говорится далѣе о колонизаціи чешскимъ населеніемъ въ раннюю эпоху (до начала нѣмецкой колонизаціи въ половинѣ XIII в.) лѣсистыхъ краевъ путемъ отдачи имъ для разработки участковъ лѣса и пустошей на княжеской землѣ, сообщаются мало впрочемъ идущія къ дѣлу свѣдѣнія о земельныхъ мѣрахъ, трехпольной системѣ земледѣлія, о стоимости земли и проч., наконецъ для выясненія отношеній между односельчанами, для чего де почти нѣтъ данныхъ, приводится свидѣтельство одной грамоты довольно поздней (1301), являющееся одиночнымъ, о «существованіи нѣкоторыхъ совладѣній при пользованіи полями». Но дѣлать на этомъ основаніи общій выводъ авторъ не рѣшается.

---

1) См. объ этомъ явленіи относительно волости у русскихъ славянъ и сравненіе съ подобными имъ поземельными отношеніями въ германской общинѣ у проф. В. Сергѣевича: «Русскія юридич. древности», томъ I, стр. 216 и далѣе, 220—221.

Сказавъ затѣмъ о существующей (общепринятой) классификаціи сельскаго населенія въ Чехіи земскаго періода, именно дѣленіи его на *свободныхъ* людей (дѣдичей и кметовъ) и *зависимыхъ* (цензуаловъ, задушныхъ людей, закупней и министеріаловъ), а также *рабовъ* (рабство исчезаетъ въ нач. XIII в.), г. Ясинскій справедливо находитъ, что эта классификація требуетъ цѣлаго ряда оговорокъ и большей доказательности. Самъ авторъ, правда, дѣлаетъ нѣсколько оговорокъ, напр. относительно *дѣдичей*, которые, какъ показываютъ факты, въ XIII в. превращаются уже въ людей зависимыхъ (а ихъ земли становятся объектомъ государевыхъ отчужденій), но жаль, что онъ не воспользовался случаемъ, чтобъ обстоятельнѣе охарактеризовать на основаніи собственнаго изученія источниковъ отдѣльныя категоріи сельскаго населенія, ибо и у него, когда рѣчь идетъ о послѣднемъ, замѣтенъ недостатокъ яснаго и отчетливаго разграниченія этихъ категорій.

Установленіе факта возникновенія и размноженія класса зависимыхъ людей приводитъ автора къ вопросу о происхожденіи этого явленія, при чемъ онъ считаетъ нужнымъ разсмотрѣть старую дилемму—о превращеніи свободы въ зависимость или наоборотъ о зависимости какъ «результатѣ смягченнаго рабства, принявшаго форму средневѣковаго колоната».

Свидѣтельство одного документа, здѣсь разобраннаго, заставляетъ его заключить, что «часть зависимаго населенія могла образоваться изъ колоновъ и рабовъ, положеніе которыхъ постепенно улучшилось», но этого явленія онъ не думаетъ обобщать и объяснять этимъ путемъ происхожденіе *всего* зависимаго люда, и въ этомъ онъ принимаетъ мнѣніе г. І. Пейскера, полемизировавшаго когда-то съ Липпертомъ по этому предмету. Теперь критика Липперта была бы уже неумѣстной, такъ какъ онъ съ тѣхъ поръ, въ новомъ своемъ сочиненіи, измѣнилъ свой взглядъ, но г. Ясинскій писалъ до того. Но посмотримъ еще, дѣйствительно ли остановившій вниманіе автора документъ (завѣщаніе одного священника) позволяетъ сдѣлать вышеупомянутое заключеніе. Намъ

кажется, здѣсь кроется маленькое недоразумѣніе. Въ завѣщаніи священника Збигнѣва, устраивающаго церковь въ своей вотчинѣ, относимомъ къ 1132 году и сохранившемся въ подтвердительной грамотѣ короля Вацлава (1233 г.)[1]), завѣщатель перечисляетъ свои владѣнія и называетъ тѣхъ лицъ («рабовъ и колоновъ», servos et colonos, слѣдовательно 2 разныя категоріи), посредствомъ которыхъ земля его воздѣлывается.

Нашъ авторъ согласно этому и отмѣчаетъ вполнѣ правильно, что Збигнѣвъ часть своей земли воздѣлывалъ самъ, пользуясь барщинной работой своихъ зависимыхъ людей, а главнымъ образомъ посредствомъ трехъ семействъ, члены которыхъ здѣсь и переименовываются, и въ которыхъ по всему нельзя не видѣть рабовъ, тогда какъ другую часть отдавалъ въ пользованіе зависимымъ людямъ, колонамъ, платившимъ цензъ и отбывавшимъ барщину. Таковыми были названные въ грамотѣ два лица: Остой, платившій ежегодно по 12 денаріевъ и Милонгъ съ семьей, платившій 6 денар. Оба они были такъ называемыми «задушными людьми» (proanimatus). О рабствѣ ихъ или происхожденіи ихъ изъ рабства нѣтъ опредѣленнаго указанія[2]); между тѣмъ авторъ очевидно считаетъ ихъ тоже бывшими рабами (въ чемъ для него и смыслъ этого акта), ибо говоритъ: «Такимъ образомъ, «задушными людьми» назывались тѣ изъ рабовъ, которыхъ «во спасеніе своей души» переводили въ положеніе колоновъ или зависимыхъ людей, обязанныхъ только платежомъ и опредѣленной барщиной». Надо думать, что такой довольно неожиданный выводъ исходитъ изъ недостаточно яснаго пониманія авторомъ состоянія, такъ сказать, «задушности», которое у него почему-то неразрывно связывается съ «рабствомъ». Если рабы иногда отдавали себя и свое имущество церкви или монастырю въ задушное владѣніе «во спасеніе души»[3]), то изъ этого же не слѣдуетъ, чтобъ всѣ задушные люди

1) См. Erben, Regesta Boh. et Mor., I. стр. 98—99 и 377.

2) Ибо подъ *колонами* нѣтъ основанія *всегда* и *только* понимать людей, вышедшихъ изъ рабства.

3) См. Lippert, o. c. I. S. 213—214.

(proanimatus, proanimator, animator, zadušník, dušník) происходили изъ рабовъ. Ими дѣлались всякіе зависимые люди, отдаваемые съ землей церковнымъ учрежденіямъ какъ «задушное» пожертвованіе. Даже дѣдичи попадали нерѣдко въ положеніе «задушныхъ»[1]). Итакъ въ данномъ документѣ нѣтъ основанія видѣть непремѣнно людей перешедшихъ изъ рабства въ зависимое положеніе, и авторъ думалъ воспользоваться имъ по явному недоразумѣнію.

Но, какъ сказано, онъ допускаетъ лишь частные случаи подобнаго возникновенія зависимости, а общимъ явленіемъ считаетъ переходъ къ ней отъ свободы. Какъ-же совершался такой переходъ? Нашъ изслѣдователь не удовлетворенъ объясненіемъ г. Пейскера, который «выдвигаетъ теорію о постепенномъ заселеніи страны людьми зависимыми и колонами, теорію княжеской колонизаціи пограничнаго или *помежнаго* лѣса» (существовавшаго де не только на границахъ, но и между территоріями доисторическихъ племенныхъ группъ страны), и надѣется подойти къ рѣшенію вопроса разсмотрѣніемъ положенія зависимаго люда въ XIII вѣкѣ.

Во первыхъ г. Ясинскій устанавливаетъ положеніе, что развивающаяся зависимость не касается свободы личности, доказательствомъ чего служитъ существованіе широкаго *права перехода* населенія какъ въ города, такъ и въ земли другихъ владѣльцевъ, которое лишь въ извѣстныхъ случаяхъ подвергалось ограниченію. Это явленіе, подтверждаемое авторомъ рядомъ примѣровъ изъ документовъ, справедливо признается имъ за отголосокъ болѣе свободныхъ отношеній. Далѣе выдвигается имъ еще одна черта, характеризующая также *льготное* положеніе зависимыхъ людей и представляющая какъ-бы «переживаніе», остатокъ родовыхъ порядковъ, «когда земля была родовымъ имуществомъ и каждый членъ имѣлъ право совладѣнія». Именно, многими ссылками на источники г. Ясинскій доказываетъ, что

---

1) См. J. Čelanovský, Povšechní české dějiny právní, Pr. 1892, str. 36.

зависимыя люди (поселяне) являлись чрезвычайно заинтересованными во всѣхъ дѣлахъ, касавшихся земли, которою они пользовались, цѣлости и нерушимости границъ имѣній и проч., какъ будто даже болѣе, чѣмъ сами землевладѣльцы. Изъ одной грамоты (20-хъ годовъ XIII в.) видно, что сами селяне совершили даже операцію продажи поля, причемъ владѣлецъ (т. е. монастырь) заботился лишь о томъ, чтобъ его доходы не уменьшались, т. е. его интересовала болѣе земельная рента, чѣмъ право на тотъ или другой клочекъ земли. Изъ этого можно заключить, что землевладѣльцы XIII вѣка представляются обладателями не земли, а извѣстнаго дохода или ренты, т. е. рентовладѣльцами. Это наблюденіе вѣрно, и такое отношеніе крестьянъ (зависимыхъ) къ землѣ дѣйствительно есть отголосокъ патріархальныхъ воззрѣній на владѣніе землей и наблюдается всюду, между прочимъ и въ поземельныхъ отношеніяхъ старой Руси[1]). Что касается опредѣленія времени возникновенія зависимости, то авторъ, сознавая всю трудность этого опредѣленія—и то лишь въ самыхъ приблизительныхъ границахъ, находитъ въ чешскихъ лѣтописяхъ нѣкоторыя указанія, именно о томъ, когда зависимость стала явленіемъ преобладающимъ въ жизни селянъ. Эти лѣтописныя данныя (приводятся разсказы каноника Вышеградскаго и Сазавскаго монаха) изображаютъ крестьянское населеніе XI и первой половины XII в. еще свободнымъ и зажиточнымъ. Оно представляетъ еще общественную силу, съ которой нельзя не считаться, его права на владѣніе землей, по крайней мѣрѣ какъ вознагражденіе за трудъ по обработкѣ еще дикой земли, признаются высшею властью (въ этомъ отношеніи характеренъ разсказъ Сазавскаго монаха!), государи (Собеславъ II) видятъ въ немъ противовѣсъ

---

1) Вотъ какъ характеризуетъ эти отношенія проф. Сергѣевичъ въ своемъ названномъ выше сочиненіи (т. I, стр. 225): «Въ древнемъ народномъ мышленіи не обособилось еще владѣніе и собственность. Собственность представлялась ему въ матеріальной оболочкѣ владѣнія. Кто дѣйствительно владѣлъ и пользовался, тотъ и былъ собственникъ... Крестьяне, поэтому, первые по времени землевладѣльцы и собственники. Землевладѣльцы — не земледѣльцы всегда и вездѣ—явленіе позднѣйшее».

возраставшему вліянію знати. Заслуживаетъ вниманія указаніе г. Ясинскаго, что Собеславъ II, не довѣрявшій знати, въ своихъ военныхъ предпріятіяхъ особенно цѣнилъ военную силу селянъ, состоявшую изъ конныхъ и пѣшихъ, которая собиралась къ нему въ большомъ числѣ, благодаря его популярности. Это важно потому, что впослѣдствіи авторъ, говоря о военной организаціи (со времени ея преобразованія въ X в.), какъ-будто совсѣмъ не знаетъ этой сельской военной силы, увлекшись всецѣло мыслью, что «со 2-й половины XII в. военная служба становилась, по воззрѣніямъ современниковъ, спеціальностью высшихъ классовъ». Во всякомъ случаѣ онъ считаетъ именно вторую половину XII в. (прибавляя впрочемъ словечко «повидимому», къ которому — кстати сказать — онъ прибѣгаетъ частенько) *критической порой* въ жизни свободнаго населенія, временемъ возникновенія зависимости. Мы думаемъ однакожъ, что и такое *приблизительное* опредѣленіе слишкомъ точно, что приведенныя лѣтописныя данныя не могутъ быть слишкомъ обобщаемы и что такой процессъ, какъ постепенный переходъ свободнаго населенія въ зависимость, обусловленный цѣлымъ рядомъ причинъ, — подобно непосредственно съ нимъ связанному и его опредѣляющему процессу обособленія высшихъ классовъ общества — не можетъ быть опредѣленъ даже столѣтіемъ, а совершался незамѣтно въ теченіе очень многихъ десятилѣтій, и во всякомъ случаѣ не можетъ быть заключенъ въ границы, указанныя авторомъ. Переходя наконецъ къ объясненію *причинъ* возникновенія зависимости, авторъ приводитъ мнѣніе проф. В. Томка о ея источникахъ, именно о вліяніи родового быта (такъ какъ дѣдичи были отдаленныя родичи той родовой вѣтви, которая пользовалась наслѣдственнымъ старшинствомъ въ родѣ), о вновь основываемыхъ монастырями и лицами селахъ для поселенія излишка населенія въ старыхъ, о частныхъ договорахъ и соглашеніяхъ, ведшихъ къ положенію зависимости. Однакожъ эти объясненія его не удовлетворяютъ: первое — по своей гипотетичности, послѣднее — недостаточностью для примѣненія къ такому крупному явленію. Онъ

держится взгляда, что послѣднее «могло возникнуть только подъ вліяніемъ потребностей, нуждъ и условій болѣе поздняго государственнаго быта», тѣмъ болѣе, что для большинства населенія зависимость возникаетъ въ пору господства государственной жизни. Но не смѣшиваетъ ли онъ здѣсь нѣсколько сущности самаго факта съ его формами и характеромъ проявленія? Сущность его несомнѣнно обусловливается рано начинающимся соціальнымъ развитіемъ народа и диффенціацией массы, а государственный бытъ съ своими условіями и нуждами вырабатываетъ тѣ или иныя формы и особенности его проявленія. Впрочемъ, нашъ авторъ совершенно справедливо указываетъ на важную роль государственной власти въ этомъ процессѣ. Хотя государи, говоритъ онъ, не могли распоряжаться ни землей, ни личностью свободнаго человѣка, но зато въ ихъ распоряженіи находились повинности и платежи, которые при тогдашнемъ слабомъ развитіи государственности... разсматривались въ качествѣ объектовъ отчужденія». Выкупомъ отъ государственныхъ повинностей (королевскихъ и земскихъ) являлся *цензъ*, платежемъ котораго и выражалась зависимость населенія. Г. Ясинскій старается на основаніи имѣющихся у него данныхъ опредѣлить размѣры и характеръ этого ценза. По его вычисленію онъ простирался приблизительно до 8 денаріевъ съ югера. Что касается его характера, то по ясному показанію источниковъ характернымъ отличіемъ ценза съ земель дѣдичей, попавшихъ въ зависимое положеніе, было то, что онъ не подлежалъ возвышенію; этимъ онъ существенно отличался отъ ценза позднѣйшаго происхожденія, платимаго поселенцами земель эмфитевтическихъ, на нѣмецкомъ правѣ. Послѣдній, представляя лишь плату за право пользованія чужою землей, въ разныхъ случаяхъ могъ быть повышаемъ, между тѣмъ какъ «дѣдичный цензъ, являясь эквивалентомъ или выкупомъ нѣкоторыхъ государственныхъ повинностей, не могъ поэтому подлежать измѣненію». Итакъ платежемъ ценза, по словамъ г. Ясинскаго, выражается зависимость бывшаго свободнаго населенія. Самая же эта зависимость представляется ему «въ

формѣ разрыва непосредственныхъ отношеній между государствомъ и массой населенія, въ формѣ созданія между ними промежуточнаго звена». «Возникновенію ея долженъ былъ предшествовать процессъ образованія сословій и привилегированнаго землевладѣнія». Этимъ авторъ и заканчиваетъ свое разслѣдованіе происшедшихъ измѣненій въ соціальномъ положеніи массы земледѣльческаго населенія, сознавая, какъ мы видимъ, что этимъ измѣненіямъ предшествовалъ — а не будетъ ли точнѣе сказать: сопутствовалъ? — тотъ процессъ, который онъ разсматриваетъ во II-й главѣ.

Мы однакожъ еще не пойдемъ за нимъ, а отмѣтимъ здѣсь же то, что въ его работѣ составляетъ прямое дополненіе и распространеніе вопроса, разсмотрѣннаго въ I-й главѣ, и почему-то попало въ «Заключеніе» книги (стр. 168—174). Г. Ясинскій самъ очевидно чувствовалъ, что вопросъ о превращеніи свободнаго населенія въ зависимое имъ выясненъ не достаточно, и онъ считаетъ нужнымъ выяснить еще «причины, кои побуждали зависимыхъ людей, сохранившихъ свободу личности и право перехода, оставаться въ положеніи зависимыхъ», а также дѣдичей переходить въ положеніе зависимыхъ дѣдичей.

Извѣстно, что лѣсныя пространства и пустоши, которыя еще въ XIII в. составляли огромную площадь, находились въ полномъ распоряженіи государей. Изъ источниковъ видно, что съ начала XI в. государи предоставляютъ отдѣльнымъ лицамъ право пользованья этими лѣсами и пустошами, такъ что происходитъ постепенное освоеніе новыхъ земельныхъ участковъ. Но послѣдними могли пользоваться только зависимые люди землевладѣльцевъ; другимъ не было туда доступа. Сидѣвшіе около этихъ освоенныхъ лѣсовъ и пустошей свободные крестьяне (дѣдичи и проч.), не получавшіе на нихъ правъ, чувствовали большое стѣсненіе, и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе, ибо все бо́льшія пространства отходили въ руки церковныхъ корпорацій и частныхъ лицъ, да и вслѣдствіе прироста населенія. Понятно такимъ образомъ, что не было недостатка въ охотникахъ селиться на этихъ освоенныхъ

въ пользу того или другого юридическаго лица государевыхъ пустошахъ, и въ немъ дѣйствительно селились дѣдичи, уплачивали натуральную дань (государственную десятину), но лично оставались свободными. «Государи смотрѣли на нихъ, какъ на доходную статью и, отчуждая пустоши, упоминали о поселившихся на нихъ людяхъ, имѣя въ виду ихъ платежи, но не нарушая ни правъ личности, ни владѣнія ихъ». Сперва въ пользу землевладѣльца шла только государственная десятина; отъ земскихъ работъ эти зависимые люди не освобождались. Но впослѣдствіи, съ переходомъ въ руки землевладѣльца распоряженія и земскими работами, размѣръ ценза увеличился, но населеніе даже предпочитало всегда денежную повинность, какъ выкупъ отъ натуральныхъ, происхожденіе которой гарантировало ея неподвижность. Лишь съ развитіемъ нѣмецкой колонизаціи и эмфитетическаго права платежи стали возвышаться, и зависимые дѣдичи принуждены были переходить на это новое положеніе.

Все свое изложеніе этой темы авторъ сопровождаетъ вполнѣ убѣдительными ссылками на документы и любопытными примѣрами. Мы должны признать, что этимъ онъ существенно дополнилъ свое изслѣдованіе предмета, т. е. вопроса о переходѣ населенія отъ свободы къ зависимости, обративъ вниманіе на такой важный моментъ, какъ колонизацію еще не обработанныхъ обширныхъ территорій, не могшую очевидно остаться безъ вліянія не только на экономическую, но и на соціальную жизнь, — моментъ, которому, по вышеотмѣченному указанію самого г. Ясинскаго (см. стр. 46), быть можетъ при нѣсколько иной постановкѣ придавалъ даже рѣшающее значеніе г. Пейскеръ.

Мы прослѣдили весь ходъ мыслей автора въ разборѣ имъ перваго вопроса темы его — объ измѣненіяхъ въ соціально-экономическомъ положеніи массы населенія Чехіи земскаго періода. Что же можно въ общемъ сказать о его разборѣ?

Должно признать, что г. Ясинскій значительно разъяснилъ вопросъ, хотя мы, какъ видно изъ предыдущаго, и не во всѣхъ пунктахъ съ нимъ согласны; къ сдѣланнымъ уже частнымъ за-

мѣчаніямъ слѣдуетъ прибавить, что онъ напрасно отнесся такъ отрицательно къ мысли проф. Томка о вліяніи старыхъ родовыхъ порядковъ (съ ихъ наслѣдственнымъ старшинствомъ) на образованіе зависимости. Не вдаваясь въ подробный анализъ, можно уже a priori сказать, что отношенія родовыя и общинный бытъ не могли въ концѣ концовъ не повліять на соціальную дифференціацію населенія... Но и вообще авторъ достигъ бы еще бóльшаго, если бъ полнѣе и разностороннѣе разсмотрѣлъ состояніе зависимости въ разныхъ ея видахъ, и для этого точнѣе опредѣлилъ бы первоначальныя категоріи сельскаго люда. Такъ ему слѣдовало посвятить болѣе вниманія *дѣдичамъ* и ихъ послѣдующей судьбѣ. Вообще его представленія часто страдаютъ неопредѣленностью (вспомнимъ о категоріи «задушныхъ людей», явленія, оставшагося также невыясненнымъ). Мы уже упоминали выше и о томъ, что невыгодно отразилось на результатахъ разбора отдѣленіе вопроса о зависимыхъ людяхъ отъ предмета II-ой главы, т. е. объ образованіи господскаго класса. Разсмотрѣніе этихъ взаимно обусловливающихъ другъ друга явленій, въ непосредственной связи, какъ мы это видимъ напр. у Липперта, не можетъ не привести къ болѣе полному ихъ разумѣнію. Вѣдь процессъ образованія классовъ общества есть вмѣстѣ съ тѣмъ возникновеніе и выдѣленіе съ одной стороны господствующаго слоя, съ другой — зависимой массы, а потому естественно было разобрать эти явленія въ большей связи и въ ихъ соотношеніи.

Если мы теперь взглянемъ на результаты изслѣдованія г. Ясинскаго о зависимости населенія съ точки зрѣнія его основной мысли о самобытности развитія внутренняго строя Чехіи, то — признаемся — мы не можемъ усмотрѣть, чтобъ они говорили въ пользу нея, ибо разобранныя соціально-экономическія измѣненія, происходившія по сознанію самого автора (стр. 57) «подъ вліяніемъ потребностей, нуждъ и условій государственнаго быта», брали свое начало такимъ образомъ не внизу, въ нѣдрахъ народной жизни, а вызывались болѣе сверху, со стороны высшей, управляющей власти, обусловливаясь глав-

нымъ образомъ ея интересами и потребностями еще не столько государственными, сколько лично государевыми. И такой процессъ развитія не представляетъ ничего исключительнаго и анормальнаго. Повсюду въ жизни народовъ, начинающихъ развиваться, а особенно принимающихъ извнѣ вмѣстѣ съ христіанствомъ культуру, несомнѣнно способствующую созданію духовнаго и матеріальнаго неравенства между слоями народа, мы видимъ одно и то же явленіе. Факторомъ самымъ вліятельнымъ, направляющимъ и организующимъ внутреннюю народную жизнь и отношенія, являются интересы и стремленія людей и классовъ, имѣющихъ и силу и власть, т. е. рядомъ съ государемъ — его довѣренныхъ слугъ, начальниковъ, людей обогатившихся землевладѣньемъ или торговлей, наконецъ нравственно и умственно авторитетныхъ — духовенства. Всѣ эти выдѣляющіяся изъ массы категоріи людей, пріобрѣтая силу, права и вліяніе отъ верховнаго представителя и источника власти, ради собственныхъ интересовъ оказываютъ давленіе на слой слабый, мало состоятельный и зависимый, и такимъ образомъ создаются тѣ условія, въ которыхъ принуждено жить и работать земледѣльческое населеніе или народная масса и благодаря которымъ должны видоизмѣняться и перерождаться первоначальныя установленія и формы его быта. Конечно, эта теряющая свою независимость народная масса старается защитить свои интересы и отстоять себя и свое, но въ концѣ концовъ покоряется и приспособляется къ новымъ отношеніямъ и порядкамъ.

Такимъ образомъ народный бытъ, а съ нимъ и старый земскій строй терпитъ существенныя измѣненія и разлагается не столько въ силу внутреннихъ причинъ, нуждъ и стремленій самого населенія, сколько въ силу потребностей, образующихся въ сферахъ болѣе высокихъ, и вліяній оттуда идущихъ, въ силу интересовъ слоевъ сильныхъ и властныхъ, поддерживаемыхъ верховною властью, и наконецъ самой государственной власти. Этого явленія нельзя не имѣть въ виду и при изученіи и оцѣнкѣ и всѣхъ другихъ сторонъ и элементовъ соціальнаго и государ-

ственнаго развитія; во многихъ изъ нихъ оно обнаруживается еще яснѣе и очевиднѣе. Но разъ мы убѣждаемся, что въ *такомъ* направленіи (сверху внизъ) идетъ главный импульсъ и воздѣйствіе въ процессѣ историческаго развитія, мы не можемъ отрицать неизбѣжнаго вліянія на это развитіе и того міра понятій, воззрѣній и нравовъ, въ которомъ воспитываются и живутъ люди этихъ руководящихъ сферъ, находящихся въ непрерывныхъ разнообразныхъ связяхъ и общеніи съ внѣшнимъ, сосѣднимъ культурнымъ міромъ, однимъ словомъ вліянія культуры и всего жизненнаго строя ближайшихъ сосѣдей — и черезъ нихъ всего латино-германскаго запада.

Впрочемъ о необходимости признанія силы такихъ вліяній на внутреннее развитіе Чехіи — вопреки мнѣнію г. Ясинскаго — мы будемъ имѣть еще случай сказать, а теперь обратимся къ разсмотрѣнію II-ой главы его книги.

Вторую главу *«Возникновеніе классовъ общества»* нашъ авторъ прямо начинаетъ съ характеристики военной силы у славянъ вообще и чеховъ до X в., давая тѣмъ какъ-бы заранѣе понять, что лишь на этой почвѣ должна была произойти прежде всего дифференціація свободнаго населенія и образованіе его классовъ.

Такъ какъ у древнихъ славянъ не было военнаго сословія, а призывались къ оружію всѣ способные носить его, то надо доказать, что съ извѣстнаго времени произошелъ въ этой сферѣ существенный переворотъ, вызванный новыми условіями и новыми потребностями военнаго дѣла, въ смыслѣ его усложненія, именно образованіе особаго класса людей, спеціально отбывавшихъ эту повинность и достаточно для того состоятельныхъ.

Ради этого г. Ясинскій прибѣгаетъ къ утвержденію, съ которымъ однакожъ трудно согласиться, что до X в. чехи не имѣли конницы, а «выставляли только огромныя толпы пѣшихъ ратниковъ». Только съ X—XI вѣковъ онъ усматриваетъ на основаніи источниковъ значительныя перемѣны въ этомъ отношеніи, въ пользу чего приводятся примѣры изъ X вѣка (по свидѣт.

Видукинда и Титмара Мерзебурскаго), гдѣ, по его мнѣнію, уже навѣрно дѣйствовала конница. Въ дальнѣйшихъ извѣстіяхъ о войнахъ, которыя велись чехами, авторъ склоненъ видѣть участіе одной лишь конницы. Такъ свидѣтельство Косьмы Пр. изъ XI в. (1039 г.) о походѣ кн. Брячислава противъ Поляковъ толкуется имъ въ томъ смыслѣ, что «войско чешское состояло исключительно изъ конницы». Но такое предположеніе должно быть признано слишкомъ ужъ смѣлымъ. Очень рисковано въ этомъ отношеніи опираться на такое скорѣе образное выраженіе лѣтописца, какъ то, что чешскіе ратники собрались всѣ «in momento, in ictu oculi», и преувеличивать его значеніе. Извѣстія о походахъ Вратислава (въ 1070—80-хъ годахъ) тоже убѣждаютъ г. Ясинскаго, что чешское ополченіе было не пѣшее, а тяжело-вооруженное конное войско. Онъ могъ бы привести и много другихъ примѣровъ, о томъ же свидѣтельствующихъ изъ XI—XII в. (а сообщеніе самого автора выше, на стр. 55, о селянахъ—*пѣшихъ* преимущественно, участвовавшихъ въ предпріятіяхъ кн. Собеслава II?), но онъ считаетъ это излишнимъ: по его убѣжденію чехи, «находясь въ дѣятельныхъ сношеніяхъ съ нѣмецкой имперіей, принимая живое участіе во всѣхъ почти дѣлахъ этого государства, не могли избѣжать необходимости преобразованія военной системы, которую ощутили всѣ народы, принужденные вести борьбу съ кочевниками».

Итакъ борьба съ кочевниками, и именно съ Мадьярами, отъ которыхъ западная Европа стала непомѣрно страдать съ начала X в., была, по мнѣнію г. Ясинскаго, внѣшнимъ толчкомъ и побужденіемъ для преобразованія военной системы въ Чехіи и замѣны пѣхотнаго ополченія хорошо вооруженнымъ коннымъ войскомъ. Самой поздней для этого датой онъ считаетъ конецъ IX в., но признаетъ однако, что такая постановка могла послѣдовать и ранѣе, въ эпоху борьбы съ Аварами, т. е. въ VII-мъ вѣкѣ (см. прим. 2 на стр. 67). Авторъ пытается опредѣлить приблизительно и численность поставляемыхъ по новой системѣ ратниковъ для Чехіи и Моравіи, но — кажется намъ — на очень шаткихъ данныхъ.

Надо признать всѣ эти предположенія и соображенія о военной реформѣ довольно гадательными и сомнительными, но они нужны автору для обоснованія его домысла о происхожденіи именно этимъ путемъ (обособленія военнаго класса)—*чешской шляхты*. Необходимость имѣть вполнѣ вооруженное конное войско, которое предполагало у составлявшихъ его достаточныя средства (для содержанія коня и всего вооруженія), было причиной «выдѣленія изъ единообразной свободной массы населенія» особаго высшаго класса, болѣе зажиточнаго, бравшаго на себя обязанности нести военную конную службу. Это была militia—*шляхта*, слово, которое и стало примѣняться къ этому высшему классу.

Если трудно согласиться съ положеніемъ автора о довольно внезапномъ, вызванномъ только борьбой съ кочевниками обращеніи исключительно пѣшаго чешскаго ополченія въ исключительно конное войско (при чемъ опредѣленіе времени колеблется между 7-мъ и 10-мъ вѣкомъ!), то не менѣе трудно принять объясненіе о возникновеніи высшаго класса, шляхты у Чеховъ — только благодаря такой реформѣ! Неужели можно удовлетвориться такимъ черезчуръ простымъ объясненіемъ и отрицать участіе другихъ важныхъ факторовъ въ этомъ сложномъ соціальномъ процессѣ? Но дѣло въ томъ, что самое основаніе взгляда относительно упомянутой реформы, т. е. учрежденія коннаго войска, очень шатко. Если послѣднее дѣйствительно никогда не было у славянъ преобладающимъ, то изъ этого не слѣдуетъ, что чехи до какой-то «реформы» не имѣли конныхъ воиновъ. Отчего авторъ не вспомнилъ здѣсь хоть о постоянныхъ военныхъ отрядахъ (конечно конныхъ) при князьяхъ, составлявшихъ вмѣстѣ и свиту ихъ, о *княжеской дружинѣ*, какою она напр. является на Руси? Имѣетъ ли онъ основаніе отрицать существованіе подобныхъ дружинъ въ древнее время у западнославянскихъ князей? Слѣдовало обратить на это вниманіе.

Въ соображеніяхъ г. Ясинскаго по данному вопросу заслуживаетъ вниманіе самый фактъ признанія необходимости для

чеховъ военнаго преобразованія — разъ они находились «въ дѣятельныхъ сношеніяхъ съ нѣмецкой имперіей» и «принимали живое участіе во всѣхъ почти дѣлахъ этого государства». Выходитъ, что это преобразованіе, а слѣдовательно и выдѣленіе изъ свободнаго населенія военнаго класса, т. е. шляхты не есть слѣдствіе внутреннихъ народныхъ нуждъ и условій и явленіе самобытнаго развитія, а вызвано внѣшними обстоятельствами и вліяніями, что̀ совсѣмъ расходится съ основнымъ воззрѣніемъ нашего автора. Но справедливо указавъ въ данномъ случаѣ на важность внѣшняго фактора, если не въ процессѣ выдѣленія шляхты (едва-ли правильно понимаемомъ), то во всякомъ случаѣ въ постепенномъ усовершенствованіи военныхъ силъ и системы у Чеховъ, онъ не вникъ, по нашему мнѣнію, въ самую сущность отношеній, на которыя онъ указываетъ. Именно онъ не оцѣнилъ того, что Чехія какъ разъ въ ту эпоху, примкнувъ въ культурно-религіозномъ отношеніи къ западному міру, вовлекалась тѣмъ самымъ и въ тѣсную политическую съ нимъ связь и вступала въ ленно-зависимыя отношенія къ западной имперіи нѣмецкой націи, что̀ налагало на нее извѣстныя обязательства, между которыми участіе въ военныхъ предпріятіяхъ и поставка извѣстнаго количества вооруженнаго войска играли существенную роль. Вообще на этотъ важный моментъ [1]), имѣвшій значеніе не только во внѣшнемъ политическомъ, но и во внутреннемъ развитіи Чехіи, въ изслѣдованіи г. Ясинскаго не обращено подобающаго вниманія.

Рѣшивъ вопросъ о происхожденіи шляхты, авторъ опредѣляетъ на основаніи грамотъ XII в. имущественное положеніе шляхтичей и веденіе ими хозяйства. Но выдѣленіемъ шляхты не ограничилось распаденіе состава свободнаго населенія. По

1) Эти важныя отношенія къ имперіи какъ Чехіи, такъ и другихъ западныхъ славянъ хорошо разсмотрѣны въ статьѣ г. В. Кракау «Данническая и ленная зависимость восточныхъ окраинъ германской имперіи въ X и XI вв.» въ «Сборникѣ» учениковъ В. И. Ламанскаго, Спб. 1883, стр. 331, особ. 338—340, 345 etc. Ниже придется еще отмѣтить незнакомство автора со статьями этого Сборника.

словамъ автора «есть возможность установить фактъ *первичнаго* распаденія свободной массы, подвергнувъ изученію вопросъ о такъ называемой *дани мира* (tributum pacis)», упоминаемой въ грамотахъ XIII в. Въ виду «первичности» этого явленія, кажется, слѣдовало и начать съ него, ибо изъ разъясненій самого г. Ясинскаго можно заключить, что установленіе дани мира предшествовало выдѣленію шляхты.

Разборъ вопроса о *дани мира* приводитъ его къ заключенію, что эта дань была какъ-бы выкупной суммой и уплачивалась лишь тѣми свободными, которые были избавлены отъ военной повинности. Это мнѣніе заслуживаетъ полнаго вниманія и находитъ дѣйствительное подтвержденіе въ источникахъ. Труднѣе вопросъ о происхожденіи этой дани и о времени ея введенія, но и въ его обсужденіи нашъ авторъ даетъ весьма правдоподобное, хотя и нуждающееся еще въ обоснованіи объясненіе.

Онъ указываетъ, что уже Герм. Иречекъ сближалъ эту дань съ русской данью (въ первоначальной лѣтописи: «дань даяти отъ Новагорода.... мира дѣля»), но подробности объ этой дани имъ не разъяснены: онъ не прибѣгъ къ русскимъ источникамъ и не воспользовался сравнительнымъ методомъ. Нашъ авторъ взялъ эту задачу на себя (одинъ изъ немногихъ къ сожалѣнію случаевъ, гдѣ онъ самъ прибѣгаетъ къ всегда плодотворному сравнительному изученію!).

Характеризуя дань у русскихъ и у другихъ славянскихъ народовъ, онъ опредѣляетъ ее какъ платежъ населенія, вслѣдствіе политическаго подчиненія, въ пользу высшей государственной власти; «она вносилась свободными людьми покоренныхъ племенъ въ одинаковомъ приблизительно размѣрѣ: отъ плуга давали 12 ден. или солидъ и нѣкоторое количество натуральныхъ произведеній». Чешскіе источники даютъ автору основаніе сближать съ этою данью чешскую дань мира (или королевскую). Изъ одной грамоты XI в. (Regesta, I, p. 72) видно, что зависимыя люди (колоны) дани не платили, но отбывали разныя повинности и барщинныя работы въ пользу землевладѣльца. Опредѣленіе

размѣра королевской дани приводитъ также къ сближенію ея съ общераспространенной у другихъ славянъ данью. Дѣло въ томъ, что первая видимо соотвѣтствовала цензу колона, а мы знаемъ (изъ извѣстнаго уже намъ завѣщанія священника Збигнѣва), что колоны платили отъ плуга земли 12 денар. и кромѣ того отбывали барщину. «Должно быть, замѣчаетъ г. Ясинскій, платежъ солида или 12 ден. считался первоначальною нормою ценза....». Тѣхъ же размѣровъ была, какъ мы видѣли, и обычная славянская дань. Къ такому интересному и несомнѣнно цѣнному выводу привелъ автора сравнительный методъ. Опираясь на него, онъ и считаетъ себя въ правѣ сдѣлать свое заключеніе и о происхожденіи чешской дани мира. Онъ думаетъ, что эта дань имѣетъ то же происхожденіе, что̀ и дань у другихъ славянъ, именно: что чешскіе князья, покоряя племена, жившія въ Чехіи, обложили нѣкоторую часть покоренныхъ данью, освободивъ ихъ отъ обязанности ходить на войну, строить города, чинить мосты и проч.

Что касается времени возникновенія этой дани, то его опредѣленіе вытекаетъ уже изъ предыдущаго.

Итакъ общій выводъ автора гласитъ, что «распаденіе свободнаго населенія на данниковъ и лицъ обязанныхъ нести военную службу и земскія работы произошло, кажется (!), одновременно съ возникновеніемъ государства».

Желателенъ бы былъ болѣе опредѣленный способъ выраженія! Не говоря уже объ оговоркѣ «кажется» (слишкомъ частое употребленіе такихъ словцовъ поселяетъ невольное недовѣріе въ читателѣ), спрашивается, что̀ разумѣетъ г. Ясинскій подъ «возникновеніемъ государства». Мы уже выше отмѣтили у него неточность въ употребленіи этого термина. Относительно сущности вывода мы отмѣтимъ только нѣкоторое противорѣчіе у автора вотъ въ чемъ: если дань мира, какъ выкупъ отъ воинской и другихъ повинностей, была установлена при самомъ покореніи племенъ, т. е. при политическомъ объединеніи чешскимъ племенемъ — своихъ соплеменниковъ, то значитъ и военная повинность существовала съ самаго начала, и слѣдовательно классъ военныхъ людей (изъ

которыхъ вышли шляхтичи) долженъ былъ возникнуть тогда-же... При чемъ же въ такомъ случаѣ военная реформа подъ вліяніемъ необходимости борьбы съ кочевниками и превращеніе пѣхотнаго ополченія въ конницу?

Представивъ обособленіе изъ массы свободнаго населенія класса лицъ, обязанныхъ военной службой, авторъ идетъ далѣе. Въ средѣ послѣднихъ почти съ самаго начала можно усмотрѣть *два разряда*: высшей шляхты или знати и рядовой шляхты. Это то, что̀ въ источникахъ именуется milites primi ordinis и milites secundi ordinis или plebs. Подтверждая это положеніе цѣлымъ рядомъ свидѣтельствъ, нашъ изслѣдователь считаетъ такое дѣленіе шляхты доказаннымъ для XI—XII вв. Но откуда въ XI в. взялась высшая шляхта или аристократія? Авторъ спрашиваетъ себя, не была ли это ещѐ старая родовая аристократія, существовавшая издавна, еще до выдѣленія класса военныхъ? но на основаніи всѣхъ имѣющихся данныхъ онъ отвѣчаетъ на это отрицательно, такъ какъ онѣ говорятъ въ пользу того, что родовая аристократія къ XI в. или была почти вся истреблена, или вымерла, или наконецъ обѣднѣла. Между прочимъ онъ придаетъ важное значеніе свидѣтельству Косьмы Пр. (относ. къ 1037) о выступленіи родовой знати, при чемъ лѣтописецъ называетъ всего три рода. Полагаясь на такое показаніе, г. Ясинскій видимо считаетъ долгомъ прибавить, что онъ не берется рѣшить, были ли въ началѣ XI в. всего только эти три старые рода, или ихъ было гораздо болѣе. Это сомнѣніе кажется мнѣ вполнѣ законнымъ. Изъ наименованія лишь 3-хъ родовъ нельзя еще заключить, что они были единственными. Мы напротивъ склонны думать, что старая племенная или родовая знать не могла исчезнуть такъ всецѣло и скоро, и что она сыграла свою роль и въ послѣдующемъ образованіи сословныхъ группъ. А потому мы удивляемся, что авторъ нашъ настаиваетъ на заключеніи, что высшій въ средѣ шляхты классъ знати, аристократіи могъ возникнуть *только* подъ вліяніемъ государственнаго быта. Какъ бы то ни было можно согласиться, что вновь обра-

размѣра королевской дани приводитъ также къ сближенію ея съ общераспространенной у другихъ славянъ данью. Дѣло въ томъ, что первая видимо соотвѣтствовала цензу колона, а мы знаемъ (изъ извѣстнаго уже намъ завѣщанія священника Збигнѣва), что колоны платили отъ плуга земли 12 денар. и кромѣ того отбывали барщину. «Должно быть, замѣчаетъ г. Ясинскій, платежъ солида или 12 ден. считался первоначальною нормою ценза....». Тѣхъ же размѣровъ была, какъ мы видѣли, и обычная славянская дань. Къ такому интересному и несомнѣнно цѣнному выводу привелъ автора сравнительный методъ. Опираясь на него, онъ и считаетъ себя въ правѣ сдѣлать свое заключеніе и о происхожденіи чешской дани мира. Онъ думаетъ, что эта дань имѣетъ то же происхожденіе, что̀ и дань у другихъ славянъ, именно: что чешскіе князья, покоряя племена, жившія въ Чехіи, обложили нѣкоторую часть покоренныхъ данью, освободивъ ихъ отъ обязанности ходить на войну, строить города, чинить мосты и проч.

Что касается времени возникновенія этой дани, то его опредѣленіе вытекаетъ уже изъ предыдущаго.

Итакъ общій выводъ автора гласитъ, что «распаденіе свободнаго населенія на данниковъ и лицъ обязанныхъ нести военную службу и земскія работы произошло, кажется (!), одновременно съ возникновеніемъ государства».

Желателенъ бы былъ болѣе опредѣленный способъ выраженія! Не говоря уже объ оговоркѣ «кажется» (слишкомъ частое употребленіе такихъ словцовъ поселяетъ невольное недовѣріе въ читателѣ), спрашивается, что̀ разумѣетъ г. Ясинскій подъ «возникновеніемъ государства». Мы уже выше отмѣтили у него неточность въ употребленіи этого термина. Относительно сущности вывода мы отмѣтимъ только нѣкоторое противорѣчіе у автора вотъ въ чемъ: если дань мира, какъ выкупъ отъ воинской и другихъ повинностей, была установлена при самомъ покореніи племенъ, т. е. при политическомъ объединеніи чешскимъ племенемъ — своихъ соплеменниковъ, то значитъ и военная повинность существовала съ самаго начала, и слѣдовательно классъ военныхъ людей (изъ

которыхъ вышли шляхтичи) долженъ былъ возникнуть тогда-же... При чемъ же въ такомъ случаѣ военная реформа подъ вліяніемъ необходимости борьбы съ кочевниками и превращеніе пѣхотнаго ополченія въ конницу?

Представивъ обособленіе изъ массы свободнаго населенія класса лицъ, обязанныхъ военной службой, авторъ идетъ далѣе. Въ средѣ послѣднихъ почти съ самаго начала можно усмотрѣть *два разряда*: высшей шляхты или знати и рядовой шляхты. Это то, что̀ въ источникахъ именуется milites primi ordinis и milites secundi ordinis или plebs. Подтверждая это положеніе цѣлымъ рядомъ свидѣтельствъ, нашъ изслѣдователь считаетъ такое дѣленіе шляхты доказаннымъ для XI—XII вв. Но откуда въ XI в. взялась высшая шляхта или аристократія? Авторъ спрашиваетъ себя, не была ли это еще старая родовая аристократія, существовавшая издавна, еще до выдѣленія класса военныхъ? но на основаніи всѣхъ имѣющихся данныхъ онъ отвѣчаетъ на это отрицательно, такъ какъ онѣ говорятъ въ пользу того, что родовая аристократія къ XI в. или была почти вся истреблена, или вымерла, или наконецъ обѣднѣла. Между прочимъ онъ придаетъ важное значеніе свидѣтельству Косьмы Пр. (относ. къ 1037) о выступленіи родовой знати, при чемъ лѣтописецъ называетъ всего три рода. Полагаясь на такое показаніе, г. Ясинскій видимо считаетъ долгомъ прибавить, что онъ не берется рѣшить, были ли въ началѣ XI в. всего только эти три старые рода, или ихъ было гораздо болѣе. Это сомнѣніе кажется мнѣ вполнѣ законнымъ. Изъ наименованія лишь 3-хъ родовъ нельзя еще заключить, что они были единственными. Мы напротивъ склонны думать, что старая племенная или родовая знать не могла исчезнуть такъ всецѣло и скоро, и что она сыграла свою роль и въ послѣдующемъ образованіи сословныхъ группъ. А потому мы удивляемся, что авторъ нашъ настаиваетъ на заключеніи, что высшій въ средѣ шляхты классъ знати, аристократіи могъ возникнуть *только* подъ вліяніемъ государственнаго быта. Какъ бы то ни было можно согласиться, что вновь обра-

зующійся при новыхъ условіяхъ высшій классъ шляхты несомнѣнно являлся преобладающимъ [1]). Нашъ авторъ видитъ подтвержденіе своего заключенія и въ наименованіи знатныхъ лицъ въ источникахъ. Такъ Косьма употребляетъ всегда опредѣленный способъ наименованія членовъ этой шляхты — по отчеству, т. е. по отцу, чему приводятся многочисленные примѣры. Позволительно думать, что аристократія конца XI и XII вѣка могла считать свое существованіе только десятками лѣтъ,—у нея еще не было фамильныхъ преданій. Все заставляетъ признать, что она начала формироваться только со времени Брячислава или съ начала XI в. Въ пользу того же говоритъ и то обстоятельство, что отъ этой самой эпохи имѣются положительныя указанія о служебномъ происхожденіи аристократіи.

Тутъ авторъ подробно останавливается на разсказѣ Косьмы Пр. о награжденіи кн. Яроміромъ въ началѣ XI в. своего слуги Деворы за спасеніе его отъ смерти: Девора былъ навсегда причисленъ съ потомствомъ своимъ къ составу знати, получивъ остающуюся въ его потомствѣ должность ловчаго въ лѣсномъ княж. имѣніи. Такъ какъ это нѣсколько противорѣчитъ представленіямъ г. Ясинскаго, по которымъ въ ту эпоху еще не могло быть сложившагося сословія знати (но вѣдь была же хоть немногочисленная родовая знать!), то онъ приписываетъ Косьмѣ такое пониманіе, что самое «несеніе земской должности являлось признакомъ принадлежности человѣка къ знати». Его общіе выводы изъ этого случая тѣ, что въ XI в. люди изъ самаго низкаго званія могли возвыситься до первыхъ людей, если угодили князю, и затѣмъ что «милостивое расположеніе князя было единственнымъ источникомъ возвышенія личностей не только въ XI, но и въ началѣ XII в.», и источникомъ не только возвышенія, но и сохраненія привилегированнаго положенія этими лицами, выдвинувшимися службой. Пренебрежительный отзывъ Косьмы

1) Въ вопросѣ о раннемъ исчезновеніи племеннаго дворянства и о происхожденіи чешской аристократіи съ Ясинскимъ значительно сходится и Липпертъ, op. c. I, s. 249—263.

объ извѣстномъ дѣятелѣ начала XII в. Вацкѣ, самомъ вліятельномъ лицѣ при дворѣ, съ выраженіемъ полнаго презрѣнія къ его низкому происхожденію, есть, по мнѣнію г. Ясинскаго, отзывъ знати, завидующей новому фавориту, но «успѣвшей забыть свое собственное недавнее происхожденіе изъ рядовъ прислужниковъ и угодниковъ княжескихъ». Но такъ ли это? Не видно ли именно въ этомъ отзывѣ отголоска еще не совсѣмъ исчезнувшей и гордой своимъ происхожденіемъ родовой знати?..

На этомъ и заканчивается изслѣдованіе объ образованіи классовъ. Оказывается такимъ образомъ, что г. Ясинскій въ этомъ процессѣ дифференціаціи массы свободныхъ усматриваетъ лишь одинъ главный факторъ, именно обособленіе военнаго класса — съ того момента, какъ военная повинность стала возлагаться лишь на немногихъ, тогда какъ другіе свободные были обязаны уплачивать дань мира. Дальнѣйшимъ факторомъ обособленія уже въ классѣ обязанныхъ военною повинностью были отличія и милости государя за службу ему, каковымъ путемъ выдѣлялась высшая шляхта, аристократія.

Мы уже выше отмѣтили нѣкоторыя слабыя стороны такого взгляда на дѣло. Не повторяя сказаннаго, мы замѣтимъ здѣсь, что вообще данное объясненіе отличается односторонностью и вопроса не исчерпываетъ. Образованіе классовъ или сословій въ народѣ есть медленный и сложный процессъ вѣковъ, а не явленіе довольно внезапно и искусственно возникающее. Въ этомъ процессѣ вліяютъ, конечно, не одинъ и не два какихъ-нибудь фактора и дѣйствуетъ не одна причина, а совокупность цѣлаго ряда причинъ и вліяній, при чемъ явленіямъ первичнымъ, какова органическая дифференціація на почвѣ общинно-родовыхъ, племенныхъ и земельныхъ отношеній (наслѣдственное старшинство и скопленіе земли у такой родовой знати и у представителей земской администраціи) идутъ навстрѣчу явленія и факторы государственнаго строенія и интересы верховной, княжеской власти, каковы: организація военной силы и обороны страны (созданіе спеціальнаго для того класса людей), обложеніе другой

части свободнаго населенія данью, служба князю и условія возникновенія служебной знати, съ другой стороны постоянная колонизація земли и обработка новыхъ непочатыхъ княжескихъ территорій, съ чѣмъ въ особенности связано образованіе большой массы зависимыхъ людей, колоновъ, работниковъ, людей «задушныхъ», однимъ словомъ подданныхъ, отличныхъ отъ старыхъ свободныхъ селянъ — дѣдичей, сохранившихъ свою дѣдину и обязанныхъ лишь данью мира. Наконецъ, есть и еще важный факторъ въ процессѣ общественной дифференціаціи, который оставленъ безъ вниманія нашимъ авторомъ. Это — культура и образованность (латинская) и проводники ея — церковь и служители ея, многочисленный классъ духовенства. Латинское образованіе (съ латинскимъ языкомъ), проникавшее черезъ церковь и усваиваемое лишь извѣстнымъ, выше стоявшимъ слоемъ народа, являлось, какъ извѣстно, элементомъ разобщающимъ и раздѣляющимъ: оно отрывало тѣхъ, кто его усваивалъ, отъ народной массы и создавало между ними нѣкотораго рода пропасть. Оно не могло слѣдовательно не сыграть своей роли въ процессѣ распаденія населенія.

Но почему-то г. Ясинскій не оцѣнилъ этого фактора точно такъ же, какъ въ своемъ изслѣдованіи прочихъ сторонъ и моментовъ паденія земскаго строя онъ совсѣмъ почти оставилъ безъ разсмотрѣнія и оцѣнки могущественное вліяніе римской церкви, ея учрежденій и строя (монастырей, орденовъ и т. д.).

Упомянемъ здѣсь еще объ относящемся къ содержанію этой главы Приложеніи I (стр. 181—182), въ которомъ авторъ выясняетъ различіе между *данью* и *берной*. Дѣло въ томъ, что многіе ученые (напр. Герм. Иречекъ) смѣшивали до сихъ поръ эти два понятія. Г. Ясинскій строго устанавливаетъ существенное различіе между ними и рѣшаетъ этотъ вопросъ убѣдительно, съ полнымъ знаніемъ дѣла. Къ тому же результату пришелъ и Липпертъ въ своемъ новомъ трудѣ, тоже посвятившіи этому вопросу нѣсколько дѣльныхъ замѣчаній (см. т. I, стр. 286—308).

Мы уже выше сказали мимоходомъ, что мнѣніе автора объ

образованіи классовъ населенія (выдѣленіи военнаго класса), какъ слѣдствіи извнѣ вызваннаго преобразованія, расходится съ основной его мыслью объ *органическомъ* развитіи, обусловливаемомъ нуждами и потребностями самого народа... Хотя наша точка зрѣнія на этотъ спеціальный процессъ и нѣсколько иная, но тѣмъ не менѣе и мы, какъ видно изъ предыдущаго, усматриваемъ въ немъ преобладаніе факторовъ, происходящихъ и дѣйствующихъ не снизу, а сверху, т. е. главнымъ образомъ въ зависимости отъ внѣшнихъ политическихъ условій, внѣшнихъ культурныхъ вліяній и нуждъ государственнаго строенія.

Глава *третья* посвящена *Администраціи* и *Областному дѣленію.*

Исходя изъ положенія, что «государство земскаго періода не располагало правильно организованной администраціей и что были чиновники придворные и областные, но послѣдніе не были подчинены первымъ», авторъ рядомъ свидѣтельствъ изъ источниковъ подтверждаетъ независимость и важное значеніе областныхъ правителей, напр. каштеляновъ и др.

Придворные земскаго періода, которые извѣстны намъ почти только по именамъ и названіямъ должностей, несли «повидимому» (!) только исключительно придворную службу, т. е. служили особѣ государя. О времени установленія этихъ должностей мы не имѣемъ вѣрныхъ извѣстій (по Г. Иречку — Спитигнѣвомъ въ XI в.). Косьма Пр. сообщаетъ названія слѣдующихъ должностей: палатина, судьи, коморника, владаря, меченосца, ловчаго. Несеніе придворныхъ должностей, если не давало власти надъ областными правителями, все же приближало къ государю и доставляло вліяніе. «Вѣроятно» къ каждому придворному уряду были приписаны земли, доходы съ которыхъ поступали чиновникамъ. Среди придворныхъ были у государей свои любимцы, такъ что сила и вліяніе лицъ опредѣлялись не столько должностью, сколько расположеніемъ государя. Общее заключеніе автора, что придворное вѣдомство въ XI—XII в. «не превратилось еще въ государственное, не сдѣлалось центральнымъ управленіемъ».

Затѣмъ онъ переходитъ къ *областному управленію*, которое «также не имѣло вполнѣ установившихся формъ и органовъ». Замѣтимъ мимоходомъ, что способъ выраженія тутъ не точенъ и не соотвѣтствуетъ положенію дѣла, такъ какъ областное управленіе находилось совершенно въ иномъ фазисѣ. Оно имѣло въ своей основѣ старые земскіе порядки съ ихъ вполнѣ опредѣленными формами и органами, но находилось въ періодѣ разстройства и состояніи переходномъ — подъ вліяніемъ новыхъ факторовъ и элементовъ государственнаго развитія.

По поводу областного устройства г. Ясинскій подробно останавливается на вопросѣ объ *административномъ дѣленіи* чешскаго государства въ земскій періодъ (X—XIII в.), которому въ чешской исторіографіи было посвящено много вниманія и труда, но который до сихъ поръ остается далеко не выясненнымъ.

Господствующая у чеховъ теорія предполагаемаго *совпаденія государственнаго раздѣленія Чехіи (на области) съ церковнымъ дѣленіемъ* на деканства (по списку XIV в.) приводитъ большинство историковъ къ признанію въ Чехіи свыше 50 областей или жупъ, а Герм. Иречекъ, на основаніи свидѣтельствъ источниковъ (принимая, что область = provincia) насчитываетъ ихъ до 35.

Авторъ нашъ рѣшительно противъ теоріи совпаденія административнаго дѣленія съ церковнымъ и возможности основываться на послѣднемъ въ опредѣленіи перваго. Спеціально онъ опровергаетъ ее въ относящемся сюда *Приложеніи II-мъ*, сущность котораго мы вкратцѣ и считаемъ нужнымъ изложить здѣсь.

Слѣдуя Палацкому, большинство чешскихъ историковъ принимаетъ единицей административнаго дѣленія *жупу*. Палацкій старался опредѣлить число и границы жупъ, высказавъ мысль о совпаденіи государственнаго и церковнаго дѣленія (на основаніи регистра папской десятины въ XIV в.). Нѣкоторое несоотвѣтствіе числа деканствъ (56) съ допускаемымъ имъ числомъ жупъ (40—42) онъ объясняетъ тѣмъ, что когда деканства были установлены, «жупный строй клонился къ упадку». Въ чешской переработкѣ своей «Исторіи» Палацкій ставитъ вопросъ уже нѣсколько

иначе: онъ допускаетъ двоякое дѣленіе: именно на большія области, провинціи или архидіаконства (ихъ было 10), и на края, жупы или деканства (ихъ 55). Но тутъ же онъ признаетъ все-таки трудность систематизаціи въ этомъ дѣлѣ, что̀ конечно не удивительно, замѣчаетъ г. Ясинскій, если самъ Палацкій признаетъ, что деканства учреждены уже въ періодъ упадка жупнаго строя.

Изучившій этотъ вопросъ историкъ права Герм. Иречекъ, на основаніи показаній грамотъ и писателей, и на данныхъ движенія колонизаціи — насчитываетъ всего 34 жупы. Наконецъ В. Томекъ, неудовлетворенный ни тѣмъ, ни другимъ выводами, подвергъ вопросъ новому пересмотру[1]).

Стоя на той же точкѣ зрѣнія совпаденія дѣленій административнаго и церковнаго, Томекъ пользуется регистромъ папской десятины 1384 г., думая пріурочить раздѣленіе на деканства уже къ XII в. Если этого дѣленія, по словамъ его, не было еще въ эпоху Косьмы Пр., то можно предположить, что оно возникло во время пребыванія въ Чехіи кардинала Гвидона въ 1143 г. Для доказательства своего положенія Томекъ настаиваетъ на возможности отождествленія названій нѣкоторыхъ каштелянствъ. Но г. Ясинскій убѣдительно опровергаетъ основаніе Томка для такого отождествленія. Между тѣмъ Томекъ, хотя и признаетъ возможными перемѣны въ церковномъ подраздѣленіи между XII и XIV вв. (къ которому относится папскій регистръ), все-таки считаетъ позволительнымъ пользоваться имъ для возстановленія жупнаго дѣленія.

Итакъ методъ, который нельзя признать правильнымъ, привелъ Томка къ неудовлетворительному результату, ибо онъ постоянно встрѣчается съ несоотвѣтствіемъ жупъ и деканствъ между собою. Находя въ грамотахъ противорѣчія своей теоріи, онъ заподозриваетъ таковыя и объявляетъ ихъ ненадежными.

---

1) Въ статьѣ: «O starém rozdělení Čech na Župy a pozdejšim na kraje», Čas. Česk. Mus. 1858 и 1859.

Между тѣмъ именно свидѣтельства грамотъ обнаруживаютъ несостоятельность его пониманія. Не одобрялъ и не соглашался съ его выводами и Г. Иречекъ.

Наконецъ еще попытку отстоять взглядъ чешскихъ историческихъ авторитетовъ сдѣлалъ извѣстный историкъ проф. Калаусекъ. Онъ видитъ новое доказательство пресловутаго совпаденія въ томъ, что ему удалось усмотрѣть совпаденіе *краевъ* XVII в. съ границами деканствъ, при чемъ первые онъ устанавливаетъ по цѣлому ряду источниковъ (Гоманновской картѣ Чехіи 1730—40, списку взиманія берны нач. XVII в. и проч.). Основываясь на такихъ данныхъ, онъ составилъ и новую карту съ обозначеніемъ тѣхъ и другихъ границъ. Однакожъ нашъ авторъ, разсмотрѣвъ выводы Калауска, не видитъ все-таки столь желаемаго совпаденія краевъ съ жупами и деканствами, что̀ онъ и доказываетъ цѣлымъ рядомъ примѣровъ. Конечно, г. Калаусекъ не думаетъ, чтобъ *края возникли изъ деканствъ* или что позднѣйшее политическое дѣленіе вышло изъ церковнаго, но что усматриваемое имъ совпаденіе можетъ быть объяснено только тѣмъ, что оба дѣленія имѣютъ общій древній источникъ, что оба возникли изъ жупнаго. Однакожъ нашъ авторъ стоитъ на томъ, что такому заключенію противорѣчатъ сами истинные результаты изысканія Калауска. Этимъ кончается убѣдительное по нашему мнѣнію опроверженіе г. Ясинскимъ господствующаго взгляда (въ Приложеніи).

Но отрицая теорію «совпаденія», нашъ авторъ не оправдываетъ и метода Г. Иречка, считающаго возможнымъ опредѣлить число областей (= provincia) по грамотамъ,—въ виду того именно, что въ нашихъ источникахъ слово provincia имѣетъ весьма различное значеніе. Вникнувъ въ дѣло, онъ находитъ въ грамотахъ цѣлыхъ четыре словоупотребленія для provincia (городской округъ, болѣе обширная область съ нѣсколькими городами, сельско-хозяйственный округъ — villicatio, округъ города на нѣмецкомъ правѣ). Для выясненія вопроса приходится обратиться къ писателямъ. Употребляемый у Косьмы терминъ pro-

vincia оказывается территоріей *на племенной основѣ*, чему соотвѣтствуетъ и свидѣтельство кан. Вышеградскаго, изъ котораго видно, что въ XII в. въ Чехіи — отъ 12 до 15 областей, и еще немногія лѣтописныя данныя. На этихъ, хотя и скудныхъ, но вполнѣ согласныхъ свидѣтельствахъ г. Ясинскій основываетъ выводъ о раздѣленіи въ тѣ старыя времена Чехіи на очень незначительное количество областей, которыхъ приблизительный списокъ онъ и даетъ. Такое раздѣленіе Чехіи на *племенныя территоріи* находитъ себѣ подтвержденіе и въ древнѣйшемъ церковномъ раздѣленіи Пражскаго епископства на *архидіаконства*.

Въ XIV в. онъ насчитываетъ 10, а позже еще 3 архидіаконства. Каждая племенная территорія составляла вѣроятно архидіаконство. Такимъ образомъ каждое племя имѣло сперва по одному городу, въ каждомъ былъ правитель территоріи — жупанъ (comes) и архидіаконъ. Изъ этого видно, что — вопреки Палацкому — извѣстное свидѣтельство Баварскаго Географа о 15 городахъ въ Чехіи оказывается очень правдоподобнымъ.

По предположенію г. Ясинскаго племенныя территоріи съ увеличеніемъ числа городовъ распадались на части (округи, regiones), число которыхъ соотвѣтствовало числу городовъ, на что есть указанія и въ источникахъ. Каждый городъ съ округомъ составлялъ каштелянію. Съ половины XI в. каждый городъ (т. е. округъ) представляетъ обособленную единицу — съ своимъ отдѣльнымъ управленіемъ. Строя города, князья приписывали имъ извѣстные доходы и подчиняли извѣстную часть окрестностей. Этимъ двойнымъ дѣленіемъ страны (на большія области, и областей — на меньшіе округа) объясняется и неодинаковое въ актахъ употребленіе слова «provincia», тогда какъ писатели придерживаются стараго пониманія этого термина, какъ племенной территоріи. Авторъ замѣчаетъ тутъ-же, что и государи чешскіе издавна при выдѣленіи удѣловъ сыновьямъ, братьямъ и проч. принимали въ расчётъ это раздѣленіе, хотя, прибавимъ мы отъ себя, это не было въ ихъ интересахъ и не согласуется съ отмѣ-

чаемымъ далѣе стремленіемъ ихъ разбить и разорвать исконное единство и солидарность племенныхъ территорій.

Скажемъ здѣсь-же, что въ этомъ взглядѣ на основу административнаго дѣленія Чехіи, именно на *племенныя территоріи*, которыя очень долго сознавали свою особность и сохраняли внутреннее единство (не смотря на подраздѣленія), г. Ясинскій кажется намъ вполнѣ правымъ, и его опроверженіе теоріи совпаденія административнаго и церковнаго дѣленія мы готовы признать вполнѣ основательнымъ и убѣдительнымъ. Племенное начало, а вмѣстѣ съ нимъ и территоріальныя связи жили и сознавались въ Чехіи, да и повсюду (вспомнимъ Русь, Польшу, Угрію) очень долго, и могутъ объяснить въ исторіи очень многое, иначе мало понятное. Замѣтимъ, что на той-же правильной точкѣ зрѣнія стоитъ и г. Липпертъ, выражающій мысль, что племенныя области (или волости) — исконное явленіе чешской исторіи, а не плодъ позднѣйшаго административнаго дѣленія. Онъ даже подробнѣе обосновалъ свое положеніе, прослѣдивъ сначала племенное разграниченіе Чехіи[1]). Послѣдняго недостаетъ у г. Ясинскаго, для котораго однако эта сторона должна быть очень существенна, какъ опора въ его полемикѣ съ защитниками противоположной теоріи.

Далѣе г. Ясинскій останавливается на принятомъ въ чешской наукѣ наименованіи области (provincia) — *жупой* на томъ основаніи, что начальникъ города (и области) назывался яко-бы *жупаномъ* (comes). Авторъ противъ такого словоупотребленія, хотя онъ и не согласенъ съ Шемберой, который несправедливо совсѣмъ отрицалъ у Чеховъ первоначальное существованіе названій «жупы» и «жупана», считая ихъ занесенными позднѣе. Но у г. Ясинскаго повидимому также не совсѣмъ ясное представленіе относительно названія «жупана»; такъ онъ самъ нѣсколько выше (стр. 92), а также послѣ (стр. 112) допускаетъ существованіе этого названія для «правителя племенной территоріи». Те-

1) Lippert, тамъ же, стр. 27—60.

перь онъ утверждаетъ, что правитель города (въ эпоху Косьмы Пр.), назывался не жупаномъ, а *префектомъ* (praefectus) и что власть начальника называлась *префектурой*, что «званіе жупана какъ-бы отдѣлялось отъ несенія обязанности начальника въ городѣ», что слѣдовательно это названіе получило болѣе широкій, особый смыслъ (объ этомъ еще ниже, въ заключеніи, стр. 176; см. далѣе). Итакъ со 2-ой половины XI в. начальники городовъ называются не жупанами, а префектами; а въ XII в. они уже называются *каштелянами* (преимущественно). «Жупанъ» прилагается только къ земскимъ и придворнымъ чиновникамъ, вообще къ людямъ высшаго круга. Изъ всего этого авторъ заключаетъ, что наименованіе округа (город.) «*жупою*»—не имѣетъ достаточнаго основанія.

Въ воззрѣніяхъ чешскихъ ученыхъ, приверженцевъ раздѣленія Чехіи на жупы, г. Ясинскій усматриваетъ еще ошибку: они (Палацкій, Томекъ, Г. Иречекъ, Ганель) держатся мнѣнія, что рядомъ съ каштеляномъ въ составъ жупнаго уряда всегда обязательно входили и другія должностныя лица (кромѣ жупана — коморникъ, судья, писарь, потомъ владарь, ловчій и пр.). Нашъ изслѣдователь на основаніи разбора документальнаго матеріала находитъ, что собственно только для большихъ городовъ (какъ Прага и Пильзень), можно установить весь комплектъ должностей. Признавая, что въ виду скудости и неполноты матеріала — на основаніи одного *умолчанія* еще рискованно дѣлать выводы, онъ думаетъ, что съ другой стороны нельзя не обращать вниманія на то, что каштеляны упоминаются гораздо чаще другихъ должностныхъ лицъ, что слѣдовательно ихъ должно было быть больше, чѣмъ судей, владарей, ловчихъ и т. д. Поэтому нельзя согласиться съ предполагаемой чешскими историками для земскаго періода правильно организованной администраціей. Государственныя учрежденія въ настоящемъ смыслѣ тогда находились лишь въ зачаточномъ состояніи. Къ тому же есть все-таки въ источникахъ хотя «косвенныя указанія, свидѣтельствующія о существованіи администраціи, отличающейся чертами свойствен-

ными первой стадіи развитія государственности». Эти косвенныя указанія касаются во-первыхъ *владарскихъ округовъ* (villicationes), которые, по приводимымъ авторомъ даннымъ, далеко не всегда совпадали съ каштеляніями, такъ какъ несмотря на существующія совпаденія относительно нѣсколькихъ областей встрѣчается много фактовъ противнаго характера. Заслуживаетъ при этомъ вниманія судьба королевскихъ вилликацій: съ теченіемъ времени замѣтно уменьшеніе количества владарскихъ округовъ вслѣдствіе раздачъ и отчужденій королевскихъ земель; особенно быстро уменьшались королевскія имущества въ XIII в., и тогда (съ половины этого вѣка) не было нужды въ особенномъ чиновникѣ для управленія клочками королевскихъ земель въ разныхъ областяхъ Чехіи, такъ что владарскіе округи стали отдаваться на извѣстныхъ условіяхъ въ арендное содержаніе.

То же несоотвѣтствіе усматриваетъ г. Ясинскій и въ *судебныхъ порядкахъ*. Разсмотрѣвъ рядъ случаевъ по документамъ, онъ заключаетъ, что и тутъ не было правильности: что были въ извѣстныхъ округахъ суды высшей инстанціи, а въ другихъ — низшей, что судопроизводство часто распредѣлялось и между другими должностными лицами (напр. владарями). Состояніемъ судопроизводства въ XIV вѣкѣ выясняется и болѣе раннее положеніе вещей, такъ какъ до этого времени все оставалось по-старому (при первомъ королѣ Люксембургѣ все пришло въ разстройство). Слѣдовательно такіе факты изъ XIV в., какъ подчиненіе четырехъ каштеляній въ судебномъ отношеніи пражскому суду, несовпаденіе судебныхъ округовъ съ политическими, не повсемѣстное существованіе судей тамъ, гдѣ были должностныя лица и коморники, и наконецъ наименованіе судьями чиновниковъ, производившихъ судъ, — «все это доказываетъ, что не въ каждой каштеляніи былъ судья».

Наконецъ такое-же положеніе дѣла обнаруживаютъ источники и по отношенію къ *ловчимъ* и ихъ округамъ. Здѣсь также не оказывается совпаденія: существуютъ отдѣльные, независимые отъ каштеляній уряды ловчихъ и особые ловчіе округа.

Принимая все это въ соображеніе и ставя въ связь съ ограниченнымъ числомъ племенныхъ территорій, г. Ясинскій склоненъ къ предположенію, что, «основывая новые города и учреждая въ нихъ каштелянскіе уряды, государи чешскіе, преемники Болеслава I, имѣли въ виду раздробленіемъ племенныхъ территорій достигнуть ослабленія племенныхъ связей и укрѣпить свою власть въ странѣ»[1]). Если же племенное раздѣленіе все-таки сохранилось, то потому, какъ это думаетъ авторъ, — что каштелянскій урядъ имѣлъ въ виду только политическія цѣли, а судебное и сельско-хозяйственное раздѣленіе совпадаетъ преимущественно съ племеннымъ.

Общее свое заключеніе изъ разбора темы этой главы г. Ясинскій формулируетъ такими словами: центральная и областная администрація Чехіи въ XI—XIII вв. «не успѣла сложиться въ стройную и законченную систему, а областная администрація, кромѣ того, носила слѣды борьбы племенного и государственнаго принциповъ».

Подводя итоги разслѣдованію вопроса этой главы, мы должны признать, что авторъ съ достовѣрными данными въ рукахъ справедливо характеризуетъ неустойчивость и еще незаконченность развивающейся на новыхъ началахъ административной системы и внутренняго управленія, несоотвѣтствіе новыхъ придворныхъ чиновъ и ихъ вѣдѣнія — прежнимъ земскимъ порядкамъ и органамъ мѣстнаго управленія, борьбу новыхъ государственныхъ стремленій (пока еще въ формѣ собственно-государевыхъ интересовъ и цѣлей) съ племенными традиціями и земскимъ началомъ. Изъ его разбора вполнѣ выясняется, какъ князь созданіемъ придворныхъ должностей стремился поддержать и упрочить свои матеріальные интересы, создать себѣ вѣрныхъ слугъ и по возможности сосредоточить около себя главное руководство административной дѣятельностью въ странѣ. Для насъ остается еще только

---

1) Въ этомъ предположеніи, какъ увидимъ впослѣдствіи, г. Ясинскій едва-ли правъ.

вопросомъ[1]), справедливо ли утвержденіе, что онъ — основаніемъ новыхъ городовъ (градовъ) или округовъ (каштеляній), думалъ разбить и ослабить племенное единство областей и тѣмъ укрѣпить и обезпечить свою самодержавную власть.

Но все-таки съ общимъ взглядомъ г. Ясинскаго въ данномъ случаѣ нельзя не согласиться. Если мы что-нибудь имѣемъ замѣтить, то это касается болѣе подробностей выполненія задачи: именно — что онъ въ изложеніи своемъ не достаточно отчетливо изображаетъ и различаетъ разные элементы государственнаго управленія, представителей двухъ противоположныхъ сферъ и принциповъ администраціи (т. е. государевой-придворной и старой земско-областной), недостаточно разграничиваетъ ихъ и не выясняетъ, какъ они съ самаго начала подѣлили между собою роли и какъ возникли разныя должности. Оттуда нѣкоторыя неясности и противорѣчія. Такъ сперва онъ говоритъ объ отсутствіи у придворныхъ чиновниковъ земскаго періода дѣятельной роли въ государственномъ смыслѣ (стр. 86), а въ дальнѣйшемъ изложеніи эти придворныя должности (владарей, коморниковъ, ловчихъ), т. е. лица ихъ занимающія являются дѣйствующими въ ряду чиновъ областной администраціи вмѣстѣ съ жупанами, каштелянами, судьями... Очевидно тутъ не все договорено и выяснено. Укажемъ еще на одно возникающее недоумѣніе. Авторъ говоритъ о сохраненіи и живучести племенныхъ связей между прочимъ благодаря удержавшемуся совпаденію сельско-хозяйственнаго раздѣленія страны съ племеннымъ дѣленіемъ. Но если такая территоріально-племенная связь была противна интересамъ государей, которые считали нужнымъ ей противодѣйствовать, то какъ же могло держаться именно такое совпаденіе, когда сельско-хозяйственный урядъ, вѣдавшій государевыми землями, очевидно болѣе всѣхъ другихъ былъ въ непосредственномъ распоряженіи у государя?

Какъ бы то ни было общій взглядъ г. Ясинскаго на процессъ

---

1) Объ этомъ скажемъ въ разборѣ слѣдующей главы.

развитія внутреннихъ государственныхъ учрежденій долженъ быть признанъ вѣрнымъ, а въ этомъ отношеніи важно опять принципіальное согласіе съ нимъ независимо работавшаго г. Липперта, который въ своемъ сочиненіи (т. I, 1 ч., гл. 9; 2 ч., гл. 4) высказываетъ ту же точку зрѣнія на борьбу двухъ принциповъ при введеніи государственности, еще болѣе оттѣняя личный интересъ и выгоды власти государевой, которые были тогда равносильны стремленіямъ государственнымъ. Такъ онъ указываетъ на то, что государи съ одной стороны дѣлили страну между членами своего дома, которые добивались затѣмъ государственнаго верховенства, а съ другой поручали области своимъ чиновникамъ для ихъ хозяйственной эксплоатаціи, но послѣдніе стремились къ наслѣдственности должностей, что при значительности ихъ власти оказывалось не безопаснымъ и заставляло естественно государя думать объ укрѣпленіи своей власти.

Если нашъ изслѣдователь, какъ мы видѣли, не прослѣдилъ какъ подобало постепенный ходъ измѣненій во внутренней администраціи и достаточно не разграничилъ элементовъ старыхъ и новыхъ, то главной того причиной есть уже указанный нами въ началѣ существенный пробѣлъ его работы, именно, что онъ не установилъ и не характеризовалъ подробнѣе основъ и элементовъ первоначальнаго земскаго строя, изъ которыхъ ему легко было бы исходить въ дальнѣйшемъ своемъ разборѣ. Онъ не отрицаетъ же для болѣе ранняго времени *опредѣленной* и *правильной* организаціи земской, которая правда довольно рано, подъ вліяніемъ разныхъ факторовъ, стала разстраиваться, но съ принципами которой приходилось долго считаться въ виду ихъ живучести и приверженности къ нимъ коренныхъ слоевъ населенія. Этой самобытной земской организаціей было *областное самоуправленіе* (общеславянскаго типа), развившееся на старомъ племенномъ строѣ.

Вотъ этотъ-то порядокъ, который слѣдовало точнѣе опредѣлить, подвергался постепенно передѣлкѣ и ломкѣ со стороны высшей власти государя въ интересахъ его личныхъ и государ-

ственныхъ, — тѣмъ болѣе, что съ колонизацiей, освоенiемъ новыхъ земельныхъ пространствъ и передвиженiемъ населенiя, съ развившейся практикой раздачъ земли и отчужденiй, условiя мѣстной жизни измѣнялись и осложнялись. Въ этомъ процессѣ разложенiя старыхъ формъ первенствующую роль сыграли дворцовыя, королевскiя учрежденiя, изъ которыхъ развились и новые административные порядки. Авторъ нашъ отмѣтилъ борьбу новыхъ государственныхъ началъ съ остатками и принципами племенного и земскаго строя. Но этого послѣдняго онъ ясно не опредѣлилъ и не очертилъ, равно какъ не выяснилъ подробнѣе отношенiя къ старому областному самоуправленiю новой придворной или княжеской администрацiи. Между тѣмъ согласованiе различныхъ порядковъ, приспособленiе новаго къ старому и обратно не могло произойти быстро, безъ трудностей и борьбы.

По поводу этого пробѣла въ изслѣдованiи г. Ясинскаго мы должны нѣсколько упрекнуть его, что онъ не воспользовался работами (хоть и не большими, но цѣнными) по внутренней и правовой исторiи Чехiи и вообще западныхъ славянъ проф. Ѳ. Ѳ. Зигеля, единственнаго у насъ нынѣ представителя каѳедры славянскаго сравнительнаго правовѣдѣнiя, а именно его интересной статьей «Историческiй очеркъ мѣстнаго земскаго самоуправленiя въ Чехiи и Польшѣ»[1]). То, что г. Зигель говоритъ здѣсь объ этомъ предметѣ очень поучительно, ибо вполнѣ правильно характеризуетъ сущность областного самоуправленiя и положенiе жупана земскаго перiода, а также то, что повело къ разложенiю этого строя. Считаемъ умѣстнымъ привести здѣсь оба мѣста.

---

1) *«Сборникъ»* учениковъ В. И. Ламанскаго, Спб. 1883, стр. 99—118. Къ сожалѣнiю авторъ не заглянулъ въ этотъ «Сборникъ», гдѣ еще помѣщены не безынтересныя для него статьи гг. Регеля и Кракау. Изъ статей г. Зигеля назовемъ еще: «Очеркъ чешскаго процесса въ верховномъ земскомъ судѣ», въ «Юридич. Вѣстникѣ» 1880, № 7; а также «Общественное значенiе дѣятельности св. Кирилла и Меѳодiя», въ «Меѳодiев. Юбил. Сборн.». Варшава, 1885. Недавно явилась въ чешск. сборн. юбил. Палацкаго («Památník na oslavu» etc., v Praze 1898) интересная статья его: «Palacký jakožto historik slovanského prava». По-русски въ Журн. Мин. Н. Пр., 1898, ч. 318, iюль, стр. 146.

«Чешская область (жупа) проявляетъ много слѣдовъ общественной жизни... Особеннаго вниманія заслуживаетъ назначеніе на должность жупана, т. е. княжескаго намѣстника въ области. Доказано, что жупаны были всегда представители богатѣйшихъ и знатнѣйшихъ родовъ въ своей области; имѣются извѣстія, что должность жупана была иногда наслѣдственна въ извѣстномъ родѣ; есть даже одно мѣсто, прямо указывающее на то, что князь, при полной юридической свободѣ назначать кого угодно, фактически бывалъ связанъ. Все это наводитъ на мысль, что жупанъ имѣлъ двоякое значеніе: съ одной стороны онъ былъ представителемъ князя по отношенію къ области, съ другой — политическимъ главою области въ силу своего общественнаго значенія среди областного населенія, независимо отъ княжескаго назначенія. Итакъ онъ былъ одновременно и органомъ центральной власти, и органомъ мѣстнаго самоуправленія. Такое соединеніе въ одномъ лицѣ двухъ противоположностей объяснимо тѣмъ несомнѣннымъ фактомъ, что въ чешской области мы видимъ видоизмѣненіе племенной жизни; отдѣльныя племена со своими племенными князьями не были стёрты съ лица земли; сила князя чешскаго племени, занимавшаго самый центръ Чехіи, оказалась недостаточной, чтобъ окончательно сломить племенное самоуправленіе; необходимо, вѣроятно, было ограничиться полумѣрами; и вотъ появляется областная организація съ сильно развитою областною жизнью и со своимъ главою, котораго обыкновенно и утверждалъ чешскій князь своимъ намѣстникомъ. Это подтверждается и ходомъ историческихъ событій»... И далѣе читаемъ: «Когда королевская власть почувствовала себя достаточно окрѣпшею, чтобы принять мѣры къ своему еще большему упроченію и вмѣстѣ съ тѣмъ къ централизаціи управленія, тогда начинается рядъ мѣръ, направленныхъ прямо или косвенно противъ областной организаціи вообще и должности жупана въ особенности. Мнѣ кажется, что даже изъятіе деревень и цѣлыхъ округовъ съ конца XII в. изъ-подъ вѣдомства жупныхъ судовъ и изъ-подъ управленія жупана и областныхъ чиновниковъ дѣла-

дили въ такъ называемыя «земскія работы» (munera publica); къ нимъ относились: постройка городовъ (какъ и починка укрѣпленій), охрана дорогъ въ пограничной полосѣ, устройство засѣкъ и заваловъ въ лѣсахъ, проведеніе дорогъ и сооруженіе мостовъ. Земское населеніе, шляхта и крестьяне (дѣдичи), являлись защитниками городовъ; ихъ въ лѣтописяхъ называютъ *cives* и *urbani*, но это — отнюдь не горожане или мѣщане, не имѣющіе съ ними ничего общаго, ибо городское населеніе возникло лишь въ концѣ XII и въ XIII вв., когда государи стали вводить въ городахъ нѣмецкое право. Упомянувъ еще о сторожевой службѣ въ городахъ, авторъ переходитъ къ *градскому управленію.*

Во главѣ каждаго города стоялъ *каштелянъ*, назначеніе и смѣщеніе котораго зависѣло отъ воли государя. Здѣсь не мѣшало бы вспомнить о предшественникахъ каштеляна (см. стр. 96): о префектѣ, а ранѣе жупанѣ, какъ правителѣ племенной области, сидѣвшемъ въ главномъ градѣ. Каштелянамъ принадлежала высшая военная власть во время военныхъ дѣйствій, но разница ихъ отъ прежнихъ начальниковъ племенныхъ территорій (жупановъ) та, что послѣдніе имѣли въ рукахъ и судебную и полицейскую власть, тогда какъ каштеляны, хотя и были начальниками цѣлыхъ городскихъ округовъ, такой власти не имѣли. Тутъ авторъ дѣлаетъ предположеніе, что должности особыхъ судей были учреждаемы въ городахъ — для умаленія власти и роли племенныхъ администраторовъ. Съ другой стороны каштеляны большихъ городовъ имѣли извѣстную военно-политическую власть надъ каштелянами второстепенныхъ, меньшихъ городовъ... Но нельзя не замѣтить въ этихъ соображеніяхъ нѣкоторыхъ противорѣчій. Созданіе особыхъ должностей судей и судебныхъ округовъ должно было противодѣйствовать племеннымъ связямъ, т. е. собственно слишкомъ большому значенію областныхъ правителей, между тѣмъ какъ выше указывалось, что территоріально-племенное единство сохранилось между прочимъ благодаря совпаденію судебнаго раздѣленія съ племеннымъ. Какъ-же это согласить? Намъ впрочемъ думается, что г. Ясинскій приписываетъ

слишкомъ много политической предусмотрительности чешскихъ князей. Уже въ прошлой главѣ онъ ею всецѣло объяснялъ постройку новыхъ городовъ и учрежденіе новыхъ каштеляній (т. е. раздѣленіе большихъ областей на меньшія). Та же мысль проводится и здѣсь. Но мы рѣшительно сомнѣваемся въ преобладаніи въ данномъ случаѣ такихъ мотивовъ и основаніемъ для насъ служитъ, между прочимъ, вышеприведенный фактъ, отмѣченный самимъ авторомъ, что каштеляны большихъ городовъ (бывш. жупаны) имѣли военно-политическую власть надъ каштелянами меньшихъ, ибо само собой понятно, что такое подчиненіе въ предѣлахъ одной области (или племенной территоріи) младшихъ городовъ (со своими округами) старшему не могло никоимъ образомъ вести къ ослабленію территоріально-племенной солидарности. Да притомъ — и это главное — новые города (грады—укрѣпленія) строились для удовлетворенія гораздо болѣе насущныхъ потребностей, съ одной сторочы, ради раздѣленія слишкомъ большихъ областей — въ интересахъ болѣе удобнаго управленія, а съ другой — въ особенности ради укрѣпленія страны: для защиты населенія и для оборонительныхъ цѣлей. Интересы государевы и соображенія внутренней политики, хотя и нельзя отрицать ихъ ранняго возникновенія, выступили рѣшительно и стали вліятельнымъ факторомъ все-таки нѣсколько позже и проявились въ иныхъ мѣропріятіяхъ, клонившихся дѣйствительно къ уничтоженію территоріально-племенныхъ связей и порядковъ земскаго самоуправленія.

Говоря далѣе о матеріальномъ положеніи каштеляновъ, которые не получали особаго жалованья, а служба которыхъ (какъ и придворныхъ чиновъ) вознаграждалась предоставленіемъ имъ доходовъ съ земель «приписанныхъ къ замкамъ и городамъ», авторъ вводитъ здѣсь новое понятіе «замка» рядомъ съ городомъ (до сихъ поръ онъ говорилъ только о городахъ), не разъясняя ближе, была ли какая-нибудь разница въ ихъ положеніи, и употребляя тоже безъ оговорокъ выраженіе «замковый урядъ». Цѣлымъ рядомъ данныхъ изъ грамотъ онъ подтверждаетъ свое положеніе о

приписанныхъ къ городамъ и замкамъ земельныхъ участкахъ, разбросанныхъ по всей Чехіи, и тотъ фактъ, что доходы съ нихъ, т. е. повинности и служба населенія шли въ пользу замковаго (или городского) уряда, т. е. каштеляновъ. Но каштеляны, какъ временные хозяева, старались извлечь изъ этихъ земель возможно больше дохода, и ради того часто притѣсняли населеніе и доводили его до разоренія, такъ что не рѣдки случаи, что оно покидало земли, приходившія тогда въ запустѣніе. Однакожъ поступки каштеляновъ оставались безнаказанными, такъ какъ интересы государя непосредственно не страдали. На его же коронныхъ земляхъ такого явленія не замѣчается, ибо владари, заботившіеся о доходности имѣній, придерживались относительно населенія совсѣмъ иной политики.

Итакъ приписанные къ городамъ большею частью небольшихъ размѣровъ земельные участки были разбросаны по всей территоріи страны. Ихъ доходы шли — вмѣсто жалованья — въ пользу каштеляновъ. Типическимъ образчикомъ такихъ земель являются въ грамотахъ начала XIII в. такъ называемыя *Кладскія дѣдины*, земли, населенныя дѣдичами и приписанныя къ городу Кладску. Такъ какъ разъясненію вопроса о нихъ авторъ посвятилъ *III-е Приложеніе* въ своей книгѣ, то мы вкратцѣ сообщимъ здѣсь его мнѣніе.

Чешскіе историки до сихъ поръ (Палацкій и Г. Иречекъ), признавая ихъ назначеніе служить вознагражденіемъ областныхъ чиновниковъ и надѣленіе ими придворныхъ и жупныхъ урядовъ, не дали однакожъ объясненія названію этихъ урядовъ «Кладскими». Г. Ясинскій того мнѣнія, что названіе это прямо указываетъ на принадлежность ихъ каштелянскому уряду г. Кладска. Если въ источникахъ сохранилось наиболѣе извѣстій объ этихъ именно *Кладскихъ* земляхъ, то это — полагаетъ нашъ авторъ — потому, что имущества этого города, какъ важнаго пограничнаго оборонительнаго пункта, позже поступили въ оборотъ государевыхъ отчужденій, т. е. съ 30-хъ годовъ XIII в., тогда какъ другія еще съ 70-хъ гг. XII в. Что же касается на-

званія «дѣдинъ», то оно объясняется тѣмъ, что на нихъ жили зависимые дѣдичи, а относительно другихъ такихъ земель извѣстія или говорятъ объ ихъ населеніи очень неопредѣленно, или изображаютъ ихъ запустѣлыми. Съ половины же XIII в., времени, къ которому относится большинство текстовъ о городскихъ имуществахъ, усиливается иноземная колонизація, классъ дѣдичей постепенно исчезаетъ, а представленіе о дѣдинѣ, какъ объ одномъ изъ видовъ крестьянскаго владѣнія, предается забвенію.

Все относящееся къ Кладскимъ дѣдинамъ авторъ считаетъ характернымъ и для градскихъ земель вообще. Такой взглядъ его на этотъ вопросъ кажется и намъ имѣющимъ достаточно твердое основаніе и правдоподобнымъ.

Продолжая свою рѣчь о городахъ (градахъ), г. Ясинскій переходитъ къ характеристикѣ роли и функцій городовъ въ *общественно-политической жизни,* которой они были средоточіемъ. Здѣсь самой главной стороной являются цѣли и нужды военно-политическія.

Несеніе военной службы было пріурочено къ городамъ. Изъ цѣлаго ряда свидѣтельствъ авторъ заключаетъ, что раздѣленіе войска на отряды (полки) соотвѣтствовало раздѣленію страны на области (примѣры даетъ особенно Моравія), такъ что можно думать, что ополченіе каждой области составляло полкъ или особую военную единицу. При отмѣченномъ выше подчиненіи младшихъ городовъ старшему каштеляны послѣднихъ были слѣдовательно начальниками большихъ отрядовъ, въ которые входили ополченія меньшихъ городовъ.

Отличительное свойство земскаго войска, быстрота мобилизаціи, сборовъ и передвиженій, доказываетъ, по мнѣнію г. Ясинскаго, что городовая организація была вполнѣ приспособлена для обороны страны и нападенія на враговъ. Разсказъ, заимствованный изъ Мартина Галла, знакомитъ съ тѣмъ, какъ совершались сборы военныхъ силъ. При опасности населеніе спѣшило въ городъ не только для самозащиты, но и для коллективнаго противодѣйствія врагу. Привычка шляхты, призванной къ военному

дѣлу, дѣйствовать заодно обнаруживалась и при угрозѣ внутренняго междоусобія. Тутъ авторъ приводитъ лѣтописный разсказъ (изъ Косьмы Пр.) о томъ, какъ держала себя земская шляхта во время междоусобія Буривоя, оспаривавшаго престолъ у брата своего Владислава (въ началѣ XII в.). Но кажется извѣстіе о части шляхты, выжидавшей исхода событій и бродившей то въ томъ, то въ другомъ направленіи, опустошая только села, толкуется имъ не довольно прямо и естественно.

Далѣе идетъ рѣчь о значительной роли городовъ въ дѣлѣ расширенія государственной территоріи и приводитъ много примѣровъ укрѣпленія и возобновленія городовъ въ XI-мъ и первой половинѣ XII в. Изъ этого слѣдуетъ, что нѣкоторые города (грады) служили главнымъ образомъ для обезпеченія и укрѣпленія спорной территоріи и операціоннымъ базисомъ для завоевательной политики чешскихъ государей.

Наконецъ ставится вопросъ о *времени*, когда чешскіе государи начали постройку городовъ — какъ для военныхъ цѣлей, такъ и «въ интересахъ раздробленія племенныхъ территорій», хотя по нашему убѣжденію этихъ двухъ цѣлей не слѣдуетъ сопоставлять или связывать, такъ какъ второе, если и могло служить подстрекающимъ для князей мотивомъ, то во всякомъ случаѣ едва-ли для такого ранняго времени... Для рѣшенія поставленнаго вопроса, по словамъ г. Ясинскаго, можетъ служить разсказъ Косьмы Пр. о дѣятельности Болеслава I (слѣд. изъ X в.). Придавая вѣсъ этому разсказу, авторъ дѣлаетъ оговорку, что необходимо помнить, что по сознанію самого писателя, его свѣдѣнія о Болеславѣ были очень недостаточны и односторонни, но что это именно заставляетъ заключить о его добросовѣстности и вѣрить ему... Если онъ (разсказъ) въ подробности не вполнѣ вѣренъ, то въ немъ все-таки есть *зерно исторической правды:* воспоминанія о борьбѣ княжеской, государственной власти съ началами племенного быта.

Разсказъ, какъ извѣстно, касается сопротивленія начальниковъ или главъ (племенныхъ!) народа требованію князя Боле-

слава I построить по римскому способу высокую стѣну вокругъ города на берегу рѣки Лабы, — сопротивленія, кончившагося однакожъ подчиненіемъ и постройкой города. Жалоба народныхъ начальниковъ на «невыносимое иго рабства» и отговорка, что прежде ихъ не заставляли исполнять такихъ работъ, объясняются, по мнѣнію нашего автора, тѣмъ, что прежде существовали только племенные города и ихъ поддержка не составляла еще тягости, падая на цѣлое племя. Теперь же постройка княжескихъ городовъ являлась бременемъ, увеличеніемъ повинностей. Постройка городовъ происходила и ранѣе Болеслава, но разсказъ о сопротивленіи ему знати и его прозвище «Грознаго» («суроваго»), даваемое государямъ, круто измѣняющимъ основы государственной и народной жизни, даетъ основаніе думать, что «Болеславъ обратилъ особенное вниманіе на постройку и укрѣпленіе городовъ», а населенію эта дѣятельность казалась тиранической. Все это очень возможно и правдоподобно, но изъ этого все-таки еще не слѣдуетъ, что нужно непремѣнно, какъ это дѣлаетъ г. Ясинскій, приписывать Болеславу въ этомъ случаѣ тайную цѣль или, такъ сказать, заднюю мысль — раздробленія племенныхъ территорій и ослабленія племенныхъ и территоріальныхъ связей, между тѣмъ какъ такая дѣятельность Болеслава и другихъ князей объясняется совершенно просто и естественно, такъ какъ была вызвана политическими обстоятельствами и внѣшнею опасностью. Подобное же явленіе усиленной постройки городовъ и укрѣпленій, по указанію г. Ясинскаго, мы видимъ въ ту эпоху во всѣхъ странахъ Западной Европы и особенно въ Германіи подъ вліяніемъ мадьярскихъ набѣговъ съ конца IX в. (припоминается Генрихъ I и укрѣпленіе Мерзебурга). Въ Чехіи и Моравіи такая дѣятельность тѣмъ понятнѣе. Интересно и то, что оборонительныя мѣропріятія Болеслава I и Генриха I вполнѣ совпадаютъ и по времени. Итакъ историческія данныя и факты говорятъ намъ ясно только о такихъ цѣляхъ и побужденіяхъ государей той исторической эпохи при постройкѣ новыхъ городовъ. Противъ допущенія у нихъ столь рано дальновидныхъ

стремленій раздробленія племенного единства говоритъ многое. Нельзя усмотрѣть признаковъ подобныхъ стремленій въ такихъ фактахъ, какъ военно-политическое подчиненіе меньшихъ городовъ большимъ (въ каждой области), въ организаціи военнаго дѣла и войска по областямъ (соотвѣтственнымъ племеннымъ территоріямъ), въ допущеніи совпаденія сельско-хозяйственнаго и судебнаго дѣленія страны съ племеннымъ, наконецъ, въ раздачѣ государями членамъ своего дома именно племенныхъ территорій въ удѣлы! А вѣдь всѣ эти факты отмѣчены и подтверждены самимъ авторомъ. Цѣли и стремленія, направленныя не только къ раздробленію территоріальнаго племенного единства, но къ разрушенію земской автономіи, явились у чешскихъ государей позднѣе и выразились въ созданіи центральныхъ органовъ администраціи, сокращеніи областной юрисдикціи, наконецъ, особенно въ системѣ всяческихъ экземпцій и привиллегій. Въ заключеніе этой главы г. Ясинскій приходитъ къ выводу, что городовая организація, возникшая въ X в., *«начала клониться къ упадку съ середины XII в.»*. Доказательствомъ можетъ служить де то, что съ 70-хъ годовъ XII в. начинается отчужденіе государями городовыхъ и замковыхъ земель. Что касается причинъ упадка, то онъ указываетъ лишь на то обстоятельство (какъ на такую причину), что «опасность со стороны сосѣдей уменьшилась и даже совершенно исчезла», ибо измѣнились отношенія и къ Польшѣ, и къ Мадьярамъ, гдѣ наступила смутная эпоха междоусобій, а въ Германіи царствовалъ Фридрихъ Барбарусса, связавшій Чехію съ имперіей вассальными отношеніями. Городовыя укрѣпленія такъ запустѣли, что въ XIII в., въ эпоху нашествія татаръ, пришлось усиленно заняться укрѣпленіемъ городовъ. Но это «разумѣется, не было возстановленіемъ городовой организаціи, потому что она, какъ плодъ земскаго строя, не могла избѣжать судьбы послѣдняго». Мы сейчасъ увидимъ, что и въ этомъ заключеніи сказалась та нѣкоторая неясность, ведущая легко къ противорѣчіямъ, которую мы выше уже отмѣтили.

Что же въ результатѣ даетъ намъ разсмотрѣнная глава?

Несомнѣнно авторъ представилъ въ ней обстоятельную характеристику роли, значенія и главныхъ функцій городовъ (вѣрнѣе — градовъ) въ земскій періодъ чешской исторіи и вообще такъ называемой «градской» организаціи въ смыслѣ жупнаго, областного уряда. Многія его наблюденія и замѣчанія заслуживаютъ полнаго признанія и доказываютъ внимательное углубленіе въ источники. Но и здѣсь дѣлу повидимому нѣсколько повредило недостаточно отчетливое пониманіе или различеніе явленій исконныхъ въ земскомъ строѣ и новыхъ, связанныхъ съ процессомъ государственнаго развитія, откуда возникаетъ и въ выводахъ какъ-будто неясность и двойственность.

Мы уже съ самаго начала сказали о такой неясности въ самомъ опредѣленіи темы этой главы.

Подъ «городовой» (собственно «градской») организаціей слѣдуетъ въ сущности понимать земскую «жупную» или областную, между тѣмъ какъ терминъ *«городовой»*, подходящій болѣе къ понятію позднѣйшаго *устройства городовъ* на нѣмецкомъ правѣ, какъ единицъ экстерриторіальныхъ, можетъ только подать поводъ къ недоразумѣніямъ. Авторъ хотѣлъ послѣдовать примѣру (но къ сожалѣнію не послѣдовалъ *точно*!) чешскихъ историковъ, называющихъ эту организацію «градскою» — zřizení hradské отъ слова *hrad*, что̀ не есть городъ въ обычномъ намъ смыслѣ, для котораго служитъ обозначеніе *město*, такъ что zřizení hradské не имѣетъ ничего общаго съ zřizení městské, явленіемъ позднѣйшимъ. Древне-славянскій *«градъ»*, укрѣпленное средоточіе племенной жизни, а потомъ земскаго жупнаго самоуправленія, военной организаціи и народной обороны, центръ общественной жизни и административнаго управленія въ областяхъ и округахъ старыхъ племенныхъ территорій, представляя характернѣйшій продуктъ и элементъ земскаго строя, долженъ былъ привлечь къ себѣ еще болѣе вниманія автора, и тогда бы — мы увѣрены — его изложеніе и изслѣдованіе о «городахъ» навѣрно выиграло бы въ смыслѣ ясности и законченности, и онъ тогда едва-ли бы употребилъ столь некстати терминъ «городовой». О «градахъ», ихъ

устройствѣ и типическихъ чертахъ, о ихъ роли и функціяхъ въ старославянской племенной жизни и земскомъ строѣ имѣется не мало интересныхъ работъ и замѣтокъ, и ознакомленіе съ иными изъ нихъ могло принести только пользу въ задачѣ г. Ясинскаго. Такъ можно пожалѣть, что онъ не обратилъ вниманія на труды чешскаго историка-слависта О. В. Пича, который не мало поработалъ надъ выясненіемъ основъ и порядковъ старо-славянской племенной и земской жизни (особенно на почвѣ старо-угорской) и своими археологическими и историческими (по первымъ источникамъ) изысканіями пролилъ несомнѣнно значительный свѣтъ на эту область. Въ одномъ изъ трудовъ своихъ онъ посвящаетъ спеціальное обстоятельное изслѣдованіе славянскимъ «градамъ», ихъ организаціи и роли[1]), а въ другомъ затрогиваетъ вопросы славянскаго градского самоуправленія[2]). Во всѣхъ своихъ работахъ г. Пичъ проводитъ мысль о живучести племенного начала и о прочности связей и тяготѣній территоріально-племенныхъ, мысль не чуждая, какъ мы знаемъ, и воззрѣніямъ нашего автора.

Быть можетъ, нѣкоторый недостатокъ отчетливости во взглядѣ его на «грады» и на «градскую организацію» способствовалъ и укрѣпленію его въ нѣкоторыхъ предвзятыхъ мнѣніяхъ и увлеченіяхъ — въ томъ напр. смыслѣ, что постройкой городовъ съ развитіемъ градской организаціи государи съ самаго начала стремились противодѣйствовать территоріально-племеннымъ связямъ и интересамъ. Мы видѣли уже, что цѣлый рядъ другихъ явленій — противорѣчащаго тому значенія — принуждаетъ насъ признать это мнѣніе заблужденіемъ. Самъ авторъ долженъ былъ бы замѣтить порожденную имъ несообразность въ своихъ выводахъ: съ одной стороны государи, посредствомъ городовой организаціи, борются съ началами стараго племенного

1) Píč, J. L. Zur Rumänisch-Ungar. Streitfrage, Leipz. 1886. О древне-слав. градахъ, стр. 148—268.

2) Der Nationale Kampf gegen das Ungarische Staatsrecht, Leipz. 1882, особ. стр. 241—248. О градахъ также подробно въ ст. Седлачка: Sedlaček, «O starodavném rozdělení Moravy na kraje», Časopis Mat. Morav., ročn. 15, Brno 1891.

строя, съ другой — эта городовая организація падаетъ вмѣстѣ съ земскимъ строемъ...

Связанное съ такою неясностью представленія одностороннее объясненіе авторомъ паденія городовой организаціи такой чисто внѣшней причиной, какъ измѣненіе политическихъ обстоятельствъ и отсутствіе внѣшней опасности, явно не выдерживаетъ критики. Въ немъ ярко обрисовывается смѣшеніе «градской», т. е. областной организаціи, какъ основной формы земскаго управленія, съ постройкой и поддержкой градовъ и укрѣпленій въ видахъ оборонительныхъ и стратегическихъ. Если дѣйствительно подъ вліяніемъ измѣнившихся политическихъ условій страна не нуждалась въ прежней мѣрѣ въ поддержаніи градскихъ и иныхъ земскихъ укрѣпленій, то это отнюдь не могло вести за собой упадокъ такого внутренняго земскаго установленія, какъ «градская» (т. е. жупная или областная) организація. Очевидно этотъ упадокъ былъ обусловленъ другими причинами — внутренне-государственными, позднѣйшими мѣропріятіями и политикой чешскихъ государей, направленными къ разрушенію земскаго строя. Нашъ авторъ не долженъ былъ смѣшивать роль «градовъ», какъ оборонительныхъ и стратегическихъ центровъ, съ ихъ общественно-политическимъ и земско-административнымъ значеніемъ. Онъ оставилъ безъ вниманія тотъ фактъ, что оборонительная земская организація не ограничивалась одними градами. Рядомъ съ ними воздвигались многочисленныя укрѣпленія (такъ-называемыя Burgwälle), въ которыхъ не жили, но которыя служили защитой для населенія въ случаяхъ опасности[1]). На населеніи лежала обязанность ихъ сооружать и поддерживать, и отъ такихъ-то работъ (земскихъ) церковныя и монастырскія корпораціи старались освободить своихъ подданныхъ, особенно когда наступили болѣе мирныя времена. Такимъ-то образомъ съ теченіемъ времени эти укрѣпленія запускались и приходили въ разрушеніе, и ихъ становилось все менѣе. Слѣдовательно подъ вліяніемъ внѣш-

1) Объ этомъ въ первой изъ цитованн. книгъ г. Пича и у Седлачка, о. с.

нихъ причинъ и обстоятельствъ могла приходить въ упадокъ лишь эта система земской обороны (изъ укрѣпленныхъ градовъ и валовъ, Burgwälle), а не областная (градская) общественная и административная организація...[1]) Г. Ясинскому необходимо было тутъ же разобрать и выяснить истинныя причины постепеннаго упадка этой организаціи, которыя заключались въ возобладаніи интересовъ государственно-централизаціонныхъ и связанныхъ съ ними интересовъ придворнаго чиновничества надъ земскими автономными интересами. Эта побѣда новыхъ началъ (проявляющаяся замѣтнѣе съ конца XII в.) стала выражаться напр. въ ограниченіи власти и юрисдикціи областныхъ земскихъ органовъ, а затѣмъ въ системѣ всяческихъ изъятій изъ-подъ областной юрисдикціи, привиллегій и иммунитетовъ, о чемъ идетъ рѣчь и въ книгѣ г. Ясинскаго, но уже въ слѣдующей главѣ.

Глава *пятая* и послѣдняя въ книгѣ г. Ясинскаго разсматриваетъ *Власть государя и положеніе знати.* Она всѣхъ больше и представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе существенную часть работы: въ ней авторъ приходитъ и къ самымъ существеннымъ и важнымъ своимъ выводамъ. Слѣдовательно на ней сосредоточивается и особенный интересъ.

Будемъ по-прежнему сжато излагать содержаніе изслѣдованія, дѣлая, по мѣрѣ надобности, свои замѣчанія. По мнѣнію г. Ясинскаго, пока не окрѣпло національное единство племенъ, вошедшихъ въ составъ государства, пока не сложились классы съ опредѣленными нуждами, не опредѣлилось ихъ равномѣрное участіе въ дѣлахъ государства, до тѣхъ поръ государь — почти единственный представитель государственности: оттого въ этой стадіи сила и крѣпость государства опредѣляется положеніемъ государя. Въ земскій періодъ чешской исторіи не вполнѣ еще забыты племенныя раздѣленія, и сословія только создавались, слѣдовательно характеризуя государя и его власть XI—XIII вѣковъ, мы опредѣляемъ силу и крѣпость государства.

---

1) То же смѣшеніе см. ниже на стр. 156, прим. 2.

Мнѣніе чешскихъ историковъ, признаваемыхъ лучшими авторитетами, сводится къ тому, что власть государя къ концу XII в. была невелика, что она сравнительно съ прежнимъ уменьшилась. Сужденія Томка, проф. Калауска и Я. Челяковскаго, приводимыя авторомъ, сходятся въ томъ, что въ XI—XII вв. князья, прежде обладавшіе огромными имуществами, раздарили массу земель и доходовъ духовенству, должностнымъ лицамъ и шляхтѣ, такъ какъ въ эпоху междоусобій и удѣловъ должны были пріобрѣтать сторонниковъ. Такимъ образомъ шляхта пріобрѣтала все болѣе значенія, а власть государя естественно ограничивалась.

Нашъ авторъ соглашается только съ нѣкоторыми изъ положеній чешскихъ историковъ, напр. со взглядомъ на большое сокращеніе имуществъ государя, а также на причину смутъ въ XII в., состоявшую въ перенесеніи воззрѣній родового быта въ сферу государственныхъ отношеній. Онъ считаетъ, согласно изслѣдованію Лозерта, доказаннымъ, что въ порядкѣ престолонаслѣдія *старшинство* не было рѣшающимъ условіемъ, а всѣ члены правящаго дома считались имѣющими право на престолъ и каждый домогался его, а при благопріятныхъ условіяхъ и достигалъ. Изъ этого слѣдуетъ, что государство разсматривалось какъ родовое имущество, и если поэтому вопросъ о главенствѣ не рѣшается соглашеніемъ членовъ рода, то очевидно населеніе должно было участвовать въ его рѣшеніи. Изъ того обстоятельства, что населеніе и самая вліятельная часть его, шляхта, своимъ рѣшеніемъ не предупреждала смутъ, которыя были бы невозможны при ея единодушіи, Г. Ясинскій дѣлаетъ выводъ о неподготовленности шляхты къ политической дѣятельности и еще неспособности ея стремиться къ ограниченію власти государя, о ея такъ сказать политической незрѣлости. Борьба изъ-за престола въ XII в. даетъ мало матеріала для характеристики шляхты съ этой стороны.

Участіе населенія, и именно шляхты, въ избраніи государя является ея правомъ, а не узурпаціей, какъ это видно изъ источ-

никовъ. Они же свидѣтельствуютъ, что это право признавалось и сюзереномъ чешскаго государя — германскимъ императоромъ. Но ни избраніе, ни полученная отъ императора инвеститура не обезпечивала чешскаго князя отъ происковъ другихъ членовъ рода. Приводится рядъ примѣровъ оспариванія престола другъ у друга членами княжескаго рода въ концѣ XI, началѣ XII и концѣ XII в.; но помимо этихъ выдающихся примѣровъ — сколько еще было заговоровъ на жизнь князей, сколько заключенныхъ и изгнанныхъ изъ отечества искателей трона!

Среди приводимыхъ авторомъ примѣровъ мы отмѣтимъ одинъ, который свидѣтельствуетъ о томъ, что если не на практикѣ, то въ теоріи принципъ старшинства все-таки игралъ руководящую роль въ вопросѣ престолонаслѣдія. Въ 1101 г., говоритъ г. Ясинскій, Ольдрихъ, сынъ Конрада, оспаривалъ престолъ у Буривоя, «тщетно ссылаясь на то, что онъ старшій возрастомъ членъ княжескаго рода» («jactat se esse aetate maiorem» Cosm. chr. III, 15, p. 148). Въ другомъ мѣстѣ, раньше (см. стр. 120), авторъ сообщаетъ то же о Буривоѣ, «рѣшившемся во имя старшинства оспаривать престолъ у брата своего Владислава...» Слѣдовательно принципъ въ теоріи существовалъ, а если на практикѣ онъ постоянно нарушался, то это — благодаря создавшемуся порядку вещей, именно возобладанію практическихъ интересовъ и соображеній надъ теоріей. Во всѣхъ княжескихъ междоусобіяхъ, заговорахъ и проискахъ играла главную роль шляхта. Противъ произвола и насилій шляхты еще въ раннее время помогали государю должностныя лица, напр. каштеляны (слѣдуетъ замѣтить — лишь тѣ, которые въ вѣрности князю видѣли свой интересъ), однако съ паденіемъ «городовой организаціи» значеніе высшей шляхты стало еще болѣе значительнымъ. Но кто же — спросимъ — былъ главнымъ виновникомъ паденія этой организаціи, а слѣдовательно и особеннаго возвышенія высшей шляхты, какъ не сами государи!

Въ противоположность высшей шляхтѣ, *низшая* всегда поддерживала государя, имѣя на своей сторонѣ по большей части

также духовенство и чиновниковъ, такъ какъ смуты отвлекали ее отъ мирныхъ занятій и приносили разореніе. Этотъ фактъ подтверждается многими примѣрами изъ XI и XII вв. Напротивъ, паны, какъ доказываютъ опять-таки многія свидѣтельства, руководствовались почти всегда личными выгодами, исканіемъ доходовъ и почетныхъ мѣстъ въ своихъ дѣйствіяхъ въ пользу того или другого претендента, и того не скрывали. Это узко-эгоистическое настроеніе знати заставляло государя ухаживать за нею, но ей самой оно мѣшало сплотиться и сознать свои общіе интересы. Доказательствомъ такого неединодушія и разобщенности, позволявшихъ князьямъ часто жестоко и несправедливо расправляться съ непріятными имъ панами или областными правителями (примѣръ Собѣслава II), служитъ истребленіе Вершовцевъ при Святополкѣ, а также примѣры раздѣленія знати при выборѣ князя, напр. въ 1197 году (Владиславъ и Премыслъ). Но помимо мотивовъ чисто политическихъ у знати не было ли еще и другихъ, о которыхъ авторъ не упоминаетъ? Въ шляхтѣ могли быть также живы территоріально-племенные и областные интересы, заставлявшіе ее стоять за то или иное лицо, какъ за кандидата, выставленнаго тою или другою областью. Впослѣдствіи эти мѣстные интересы стушевались. Во всякомъ случаѣ г. Ясинскій соглашается, что XII вѣкъ былъ критическою порою для власти государя. Еслибъ смуты продолжались еще долѣе, то знать могла бы намѣтить опредѣленныя требованія и выработать политическую программу.... Итакъ въ началѣ XII в. авторъ видитъ у шляхты отсутствіе всякой опредѣленной тактики при замѣщеніи престола. Но съ половины XII в. поведеніе знати, по словамъ его, *измѣняется совершенно:* тутъ указываются примѣры, каковы образъ дѣйствія пановъ при избраніи Владислава II, и затѣмъ разочарованія въ немъ, тайныя совѣщанія и смуты (1142). Затѣмъ указываются и другіе случаи общихъ дѣйствій послѣ совѣщаній и уговора, напр. по поводу неудовольствія Фридрихомъ или кандидатурой Ольдриха. Отмѣтимъ здѣсь только маленькое противорѣчіе въ опредѣленіи эпохи такой пере-

мѣны половиной XII в., тогда какъ немного выше (стр. 134) авторъ привелъ примѣръ полнаго отсутствія солидарности и общей тактики высшей шляхты — изъ событій 1197 г... Очевидно перемѣна еще не была «совершенною» и общею. Но начинавшая вырабатываться у пановъ тактика и сноровка не могла привести ни къ чему важному, такъ какъ въ концѣ XII и началѣ XIII в. утверждается *государственное единодержавіе*, благодаря постепенному вымиранію рода Премысловичей и установленію порядка наслѣдованія по прямой линіи — отъ отца къ сыну, отнявшему у пановъ возможность пользоваться избирательнымъ правомъ, какъ средствомъ вынудить у государя какія-нибудь ограничительныя для его власти постановленія. Періода въ какихъ-нибудь 50 лѣтъ было недостаточно, чтобъ стремленія знати могли сложиться въ политическую программу; она не успѣла себя сознать сильнымъ классомъ съ общими интересами, и общая политика для ограниченія власти государя была для нея еще немыслима. На этомъ основаніи общая характеристика положенія и власти государя въ XII в. выливается у г. Ясинскаго въ слѣдующую форму: государь чешскій, будучи самостоятеленъ въ дѣлахъ управленія, долженъ былъ только держаться границъ умѣренности и не обращать власти въ орудіе личныхъ страстей. Но «кромѣ голоса совѣсти, другихъ ограниченій своей власти не знали чешскіе государи XI—XII вѣковъ».

Вслѣдъ затѣмъ авторъ переходитъ къ ближайшему опредѣленію державныхъ правъ государя и проявленій его полновластія.

Назначенія на должности вполнѣ зависѣли отъ государя. Назначались лица, на вѣрность которыхъ можно было положиться, иногда и за деньги. Однако тутъ слѣдовало сдѣлать оговорку, что это право назначенія de facto до нѣкоторой степени ограничивалось необходимостью считаться съ традиціями старой областной автономіи и земскими порядками, такъ что даже при назначеніи областныхъ и градскихъ начальниковъ (каштеляновъ) государи должны были сообразоваться съ общественнымъ мнѣ-

ніемъ, съ популярностью и значеніемъ тѣхъ или другихъ личностей [1]).

Государю всецѣло принадлежало право созыва военныхъ силъ и предводительство ими въ войнѣ оборонительной или наступательной. Это оставалось безъ измѣненій и въ XII в. Созывы сеймовъ передъ далекими военными предпріятіями должны быть объясняемы не необходимостью полученія на нихъ согласія, а обычаемъ этимъ путемъ оповѣщать о походѣ, хотя приходится констатировать, что паны часто роптали и высказывали неодобреніе. Примѣромъ можетъ служить созывъ сейма Владиславомъ II передъ походомъ на помощь Фридриху Барбаруссѣ, неудовольствіе, высказанное панами, и рѣчь къ нимъ короля, изъ которой, какъ и изо всего эпизода, можно усмотрѣть, что паны все-таки не имѣли права отказаться отъ похода. Впрочемъ по этому поводу можно замѣтить, что въ тѣ времена, особенно въ такихъ дѣлахъ едва-ли играло рѣшающую роль какое-либо точное *юридическое* право; не слѣдуетъ *наши* понятія переносить на столь отдаленныя эпохи, въ тѣ средніе вѣка, когда юридическія отношенія и правовыя нормы не успѣли еще выработаться и сложиться, и надъ ними господствовало право сильнѣйшаго и наиболѣе вліятельнаго въ смыслѣ какъ матеріальной, такъ и нравственной силы.

Въ дѣлахъ *внутренняго управленія* авторъ выдвигаетъ дѣятельность государя *судебную* и *законодательную*. Въ отношеніи *судебномъ* князь — высшій судья, источникъ суда и справедливости въ странѣ. Всякій могъ искать защиты у государя, и послѣднему ставится въ заслугу внимательное отношеніе къ жалобамъ. Непосредственно государь разбираетъ и рѣшаетъ дѣла по политическимъ преступленіямъ. Въ *законодательномъ* отношеніи иниціатива всецѣло принадлежала государю. Примѣры изъ источниковъ не оставляютъ сомнѣнія, что государь считался источникомъ законодательной власти, какъ въ XI, такъ и въ концѣ

---

1) Срв. вышеприведенное о томъ мнѣніе Ѳ. Зигеля, въ его статьѣ о «Мѣстномъ земскомъ самоуправленіи въ Чехіи и Польшѣ», стр. 2.

XII в. Князья изъ осторожности предпочитали дѣйствовать съ согласія земской шляхты, съ которою совѣтовались, равно какъ и съ приближенными своими (панами, придворными чиновниками, каштелянами), и не только въ государственныхъ дѣлахъ, но и частныхъ, домашнихъ. Однакожъ подобныя совѣщанія не были для нихъ обязательны.

Еще менѣе были зависимы чешскіе государи въ *международныхъ* дѣлахъ и внѣшней своей политикѣ, чему приводятся доказательства изъ XI и XII вв.

Далѣе подробно разсматриваются *имущественныя* права государя, которыя оказываются очень значительными и важными. Выводы автора по этому предмету, какъ и по слѣдующему относящемуся къ нему вопросу о такъ-называемыхъ «выслугахъ», представляютъ большой интересъ. Какъ наслѣдникъ всѣхъ племенныхъ князей, чешскій государь имѣлъ право распоряженія всѣми ненаселенными и пустопорожними землями, что видно изъ актовъ. Затѣмъ относительно церковныхъ земель онъ имѣлъ всѣ права высшаго собственника, чтó тоже подтверждается многими примѣрами; это право имѣло столь устойчивый характеръ, что даже земли, отчуждаемыя въ руки частныхъ лицъ, не выходили изъ дѣйствія этого права. Оно однакóжъ не слѣдствіе патроната государя надъ церковью. Любопытно свидѣтельство одной грамоты (1203 г.), по которому частное лицо отдаетъ землю монастырю черезъ государя (отъ его имени). Въ этомъ выражается взглядъ, что источникомъ церковнаго владѣнія можетъ быть только даръ или пожертвованіе, исходящее отъ государя. Практика подтверждаетъ это, такъ какъ государи — главные основатели и жертвователи церквей и монастырей. Но оттуда вытекаетъ ограниченность церковнаго владѣнія: пожертвованіе, по чешскимъ юридическимъ воззрѣніямъ, не составляло полной собственности; за дарителемъ оставались еще значительныя права... По характеру и происхожденію родственна церковному землевладѣнію, такъ что можетъ даже объяснить его особенности, та форма владѣнія, которая называется *выслугою*, и по отношенію къ которой права государя

тоже велики. На вопросѣ *о выслугахъ* г. Ясинскій и останавливается, посвящая ему обстоятельное изысканіе, и эта интересная часть его работы, въ связи съ другими предметами этой главы, придаетъ послѣдней выдающееся значеніе.

Князья въ XII—XIII вв. награждали заслуженныхъ людей за вѣрную службу землями и доходными статьями. Это — по опредѣленію еще Палацкаго — такъ-называемыя *выслуги*. Главная масса получавшихъ выслуги — знатные, люди высшаго класса, затѣмъ другую группу составляли чиновники: каштеляны, судьи, коморники и проч. Итакъ это вообще монополія высшаго класса, ибо и должностныя лица принадлежали ему по преимуществу. Предметами пожалованій были, за рѣдкими исключеніями, *недвижимыя* имущества, а именно: село, сельцо, часть села, земля въ селѣ, имѣніе, лѣсъ, уѣздъ, островъ и т. д., а съ конца XIII в. города съ окрестностями и цѣлыя области, но такія пожалованія имѣли уже характеръ удѣловъ. Въ XII-мъ же вѣкѣ выслуги были вообще скромныхъ размѣровъ. Первоначально выслуги носили чисто-правовой характеръ, а съ половины XIII в. стали пріобрѣтать государственный.

Въ большинствѣ случаевъ въ грамотахъ находимъ и формулу, на *какомъ правѣ* владѣетъ выслугой получившій ее. Самою обычною является: «jure hereditario», рядомъ съ которой авторъ приводитъ много другихъ формулъ. Но оказывается, что почти всѣ онѣ—только видоизмѣненіе первой и указываютъ на *наслѣдственный* переходъ выслуги; лишь въ нѣсколькихъ случаяхъ подчеркивается право *собственности*. Итакъ, при выслугахъ примѣняется и та и другая форма права. Этимъ различіемъ объясняется усматриваемая изъ фактовъ «неодинаковая практика распоряженія владѣніемъ». При нѣкоторыхъ отчужденіяхъ выслугъ въ грамотахъ упоминается только о конфирмаціи государя или вовсе умалчивается объ его участіи. Тутъ очевидно выслуга на правахъ полной собственности, съ полнымъ правомъ распоряженія ею по усмотрѣнію. Съ другой стороны есть много свидѣтельствъ о правѣ государя, какъ высшаго собственника: во мно-

гихъ случаяхъ актъ отчужденія совершался съ *одобренія*, съ *согласія* государя, или облекался въ форму пожертвованія отъ государя.

Итакъ изъ всѣхъ имѣющихся извѣстій можно заключить, что выслуга представляла условное и ограниченное въ правахъ владѣніе. Владѣльцы такихъ выслугъ на правахъ наслѣдства стремились расширить свои права, получая отъ государя *право собственности*, а владѣльцы, не имѣвшіе наслѣдниковъ, испрашивали у государя право распоряженія имуществомъ, чему есть примѣры. Авторъ старается при этомъ выяснить порядокъ наслѣдованья выслугъ. Разсмотрѣвъ вопросъ объ общемъ порядкѣ наслѣдованія по чешскому праву — на основаніи такъ назыв. Конрадовыхъ статутовъ, и о толкованіи ихъ проф. Калаускомъ, онъ полагаетъ, что мы не имѣемъ данныхъ, чтобъ судить, примѣнялся ли этотъ порядокъ къ наслѣдованію выслугъ, но по содержанію статьи о наслѣдованіи видно, что она не имѣла въ виду этой формы владѣнія. Есть однакожъ косвенное указаніе въ источникахъ на порядокъ наслѣдованія выслугъ. Его авторъ видитъ вотъ въ чемъ. Вводимое въ полов. XIII в. Моравіею ленное право устраняло дочерей отъ наслѣдованія, тогда какъ право Магдебургское (прототипъ новаго моравскаго) допускало ихъ. Въ этомъ устраненіи можно видѣть уступку мѣстнымъ обычаямъ и приспособленіе къ существующей формѣ владѣнія выслугъ. Отсюда дѣлается выводъ, что въ наслѣдованіи выслугой дочери не участвовали.

Итакъ, заключаетъ нашъ авторъ, владѣніе выслугами съ ихъ ограниченными правами не могло привести къ ослабленію или уменьшенію государевой власти (панами). Но частое пожалованье выслугъ въ собственность «подготовляло сознаніе о необходимости общей и широкой постановки вопроса о правахъ землевладѣнія». На томъ основаніи, что при бездѣтныхъ владѣльцахъ выслугъ государи имѣли право наслѣдовать, извѣстный чешскій археологъ Воцель приравнивалъ эту форму владѣнія къ *нѣмецкому лену*. Г. Герм. Иречекъ опровергалъ это срав-

неніе указаніемъ на различіе между награжденіемъ за службу прошлую (выслуга) и соглашеніемъ насчетъ будущаго (ленъ). Но г. Ясинскій считаетъ это различіе несущественнымъ, ибо и ленъ давался лицамъ уже заслуженнымъ, и получившій выслугу былъ обязанъ службой по первому призыву. Онъ думаетъ, что юридическій характеръ выслуги, равно какъ и церковнаго владѣнія, вполнѣ объясняется (не прибѣгая къ ненужному сравненію съ нѣмецкими ленами) существовавшимъ въ чешскомъ правѣ воззрѣніемъ, что *дарственная менѣе обезпечиваетъ крѣпость владѣнія, чѣмъ купчая*. Къ тому же ограниченность права распоряженія выслугами объясняется также издавна господствовавшими правовыми воззрѣніями чешскаго народа. Что *наслѣдованіе* имущества было искони самымъ главнымъ отличительнымъ юридическимъ признакомъ землевладѣнія, возникшимъ въ эпоху родового быта, видно уже изъ названія первоначальнаго свободнаго населенія страны *дѣдичами* (heredes). Членъ рода имѣлъ наслѣдственныя правá, но не имѣлъ права распоряженія. Эти чешскія правовыя воззрѣнія были въ силѣ еще въ началѣ XV в. Таковы заслуживающіе полнаго вниманія и очень поучительные результаты изслѣдованія г. Ясинскаго о выслугахъ[1]).

Итакъ, на основаніи этого внимательнаго разбора всѣхъ правъ и проявленій власти государя авторъ нашъ дѣлаетъ общій выводъ, съ которымъ и мы не можемъ не согласиться, что вопреки господствующему въ чешской исторіографіи мнѣнію власть государя въ теченіе XII в. не уменьшилась, и въ XIII вѣкъ Чехія вступала какъ организмъ сильный и крѣпкій.

Однакожъ, продолжаетъ г. Ясинскій, со времени установленія самодержавія государи должны были думать не только объ

---

1) Если сопоставить эти результаты съ изысканіемъ *Липперта* о томъ же предметѣ (ч. I, гл. 8, стр. 298—310: «Heimfall, Erbrecht и Lohngut»), который тоже разсматриваетъ въ связи оба юридическіе института, «княжеское право на выморочное имущество» и «систему выслугъ», то увидимъ, что и послѣдній отнесся къ вопросу со вниманіемъ и что выводы того и другого въ общемъ сходятся, хотя постановка дѣла у нихъ нѣсколько различная. Во всякомъ случаѣ обѣ работы дополняютъ взаимно другъ друга.

укрѣпленіи власти (но вѣдь власть эта и не уменьшалась!), но и объ увеличеніи *матеріальныхъ средствъ*. Извѣстно, что они для этихъ цѣлей прибѣгли къ помощи *нѣмецкой колонизаціи* и стали раздавать нѣмцамъ участки въ «помежномъ» лѣсу и водворять нѣмецкихъ ремесленниковъ и торговцевъ въ своихъ городахъ. Этимъ они конечно подрывали самобытную крѣпость государства.

Если государи XIII в. ослабляли этимъ государство и подготовляли опасный кризисъ, то, замѣчаетъ нашъ авторъ, «справедливость требуетъ сказать, что они же придали совсѣмъ другой характеръ тому учрежденію, которое было введено ихъ предшественниками и являлось шагомъ впередъ въ смыслѣ развитія государственности». «Мы имѣемъ въ виду, прибавляетъ онъ, *иммунитетъ или «крѣпость»*. Здѣсь авторъ, какъ видимъ, уже заранѣе намѣчаетъ, но, надо сказать, очень ужъ неяснымъ намёкомъ, свой оригинальный взглядъ на это учрежденіе, какъ на плодъ самобытнаго развитія, которымъ государи сумѣли воспользоваться для укрѣпленія своей власти въ странѣ и которое оказывается, такимъ образомъ, естественнымъ и необходимымъ факторомъ государственнаго развитія... Посмотримъ же, какъ г. Ясинскій обосновываетъ и доказываетъ это свое во всякомъ случаѣ оригинальное воззрѣніе.

Изъ числа грамотъ XII—XIII в. выдѣляются грамоты, предоставляющія землевладѣльцамъ право суда и разныя льготы. Эти права называются *льготами* и *иммунитетами*, такъ что и грамоты называются льготными и «иммунитетными», а субъекты права—«свободными» и «крѣпкими» (liberi et immunes). Изученіе вопроса о характерѣ и происхожденіи иммунитета затруднено отсутствіемъ подлинныхъ грамотъ изъ времени ранѣе конца XII вѣка. Палацкій считалъ древнѣйшія грамоты Бревновскую 993 г., Райградскую 1045 и 1048 гг., Болеславскую 1052 и друг. составленными только въ XIII в. на основаніи болѣе раннихъ дипломовъ, а возникновеніе привилегій и иммунитетовъ онъ относилъ къ нач. XIII в. (Премыслъ Оттокаръ I). Томекъ и Дудикъ, соглашаясь съ Палацкимъ относительно первыхъ, все-

таки считали подлинными нѣкоторыя грамоты второй половины XII в. и по нимъ считали возможнымъ опредѣлить характеръ иммунитета. И Томекъ и Дудикъ называютъ рядъ грамотъ (второй половины XII в.), которыя они считаютъ подлинными. Но ни тотъ, ни другой однакожъ не представили ничего въ оправданіе своего мнѣнія. По взгляду нашего автора Палацкій былъ не правъ, считая самое упоминаніе объ иммунитетѣ въ актахъ XII в. доказательствомъ ихъ неподлинности. Онъ ссылается на разсказъ Сазавскаго монаха о томъ, что уже въ серединѣ XII в. нѣкоторые монастыри пользовались судебною властью надъ населеніемъ своихъ владѣній; итакъ «освобожденіе отъ земскаго права» можетъ встрѣчаться въ грамотахъ XII вѣка. На этомъ основаніи г. Ясинскій считаетъ возможнымъ для характеристики иммунитетовъ XII вѣка воспользоваться сохранившимися въ оригиналахъ грамотами (Оломуцкою 1144 г., Градищенскою 1160 г., Кладорубскою 1177 г. и второю Вышеградскою 1187 года).

Оказывается, что напр. по Оломуцкой грамотѣ 1144 г. населеніе, сидѣвшее на землѣ Оломуцкой церкви, освобождалось отъ юрисдикціи моравскихъ удѣльныхъ князей, отъ всякихъ платежей и повинностей, такъ какъ зависѣло отъ епископа опредѣлить мѣру участія церковныхъ (поданныхъ) людей въ общеземскомъ бремени. Таково же приблизительно содержаніе и другихъ названныхъ грамотъ. Изъ нихъ видно впрочемъ, что первоначально не существовало опредѣленнаго и установившагося *типа иммунитета*; но къ половинѣ XIII в. успѣлъ сложиться опредѣленный кругъ льготъ, въ него входившихъ. Встрѣчается и общая ссылка на льготы безъ подробнаго ихъ перечисленія. Особенною извѣстностью пользовался и считался образцовымъ иммунитетъ, полученный Велеградскимъ монастыремъ, такъ что «льготы велеградскія» потомъ прямо давались другимъ церковнымъ корпораціямъ. Велеградская грамота (сохранилась въ оригиналѣ 1228, но первоначальный дипломъ, которому послѣдній служитъ подтвердительнымъ, относится ко времени 1202 —

1222 г.), какъ типъ иммунитета начала XIII в., можетъ служить для характеристики этого учрежденія.

Авторъ здѣсь подробно перечисляетъ льготы, данныя Велеградскому монастырю; мы упомянемъ ихъ вкратцѣ: 1) Освобожденіе отъ даней и платежей; 2) отъ земскихъ повинностей; 3) поступленіе въ пользу монастыря имущества лицъ, обвиненныхъ въ преступленіяхъ — на свѣтскомъ и королевскомъ судахъ; 4) вызовъ къ суду людей церковныхъ (или монастырскихъ) не иначе какъ черезъ монастырскаго приказчика; 5) наказаніе за оскорбленіе дѣйствіемъ духовнаго лица; 6) запрещенье королевскимъ ловчимъ и псарямъ ночевать въ монастырскихъ селахъ; 7) то же относительно пановъ; 8) о безпошлинномъ провозѣ предметовъ, идущихъ для нуждъ монастырскихъ.

Итакъ государи, въ сущности, не освобождали населеніе отъ военной повинности и земскихъ работъ, а только передавали распоряженіе ими въ руки церковныхъ корпорацій и землевладѣльцевъ. Затѣмъ рѣшеніе болѣе важныхъ дѣлъ относилось къ юрисдикціи дворцоваго вѣдомства.

Такимъ образомъ, государи ставили церковныхъ землевладѣльцевъ *въ положеніе органовъ областного управленія*. Если они при этомъ теряли нѣкоторую часть доходовъ, то за то создавали разницу между высшей и низшей юрисдикціей и положили начало централизаціи, относя извѣстныя дѣла къ компетенціи дворцовыхъ судей.

Томекъ справедливо старался объяснить возникновеніе иммунитетовъ условіями мѣстной жизни. Выясняя характеръ отношеній каштеляновъ и областныхъ чиновниковъ къ населенію, онъ видитъ въ иммунитетахъ мѣру къ огражденію интересовъ жителей отъ притѣсненій и грабительства должностныхъ лицъ. Допуская, что нѣкоторые государи (напр. Собѣславъ II, см. на стр. 55) могли руководствоваться такими соображеніями, г. Ясинскій вообще противъ объясненія г. Томка и видитъ въ развитія этого явленія другіе мотивы. Такъ какъ областные правители бывали виновниками многихъ смутъ въ странѣ, то государи чув-

ствовали де потребность ограничить ихъ власть и создать имъ *противовѣсъ*. И вотъ чешскіе государи, какъ высшіе собственники церковныхъ (и монастырскихъ) земель и имѣя въ своемъ распоряженіи назначеніе на должности прелатовъ и проч., пользуются церковными корпораціями (передавая имъ часть областной администраціи) «въ дѣлѣ укрѣпленія своей власти и положенія въ странѣ».

Разсмотрѣвъ характеръ иммунитетовъ и причины, вызвавшія ихъ поощреніе со стороны высшей власти, авторъ переходитъ къ вопросу о происхожденіи этого установленія. Въ чешской исторіографіи господствуетъ убѣжденіе, что иммунитетъ — иностранное учрежденіе, способствовавшее упадку чисто-славянскихъ порядковъ въ странѣ. Авторъ приводитъ мнѣнія Палацкаго, Дудика, Челяковскаго, которые всѣ отрицаютъ самобытность иммунитета и видятъ въ немъ проводникъ иноплеменныхъ началъ, чуждыхъ правовыхъ обычаевъ и нормъ... Такое мнѣніе о вліяніи иммунитетовъ г. Ясинскій не считаетъ возможнымъ принять «по крайней мѣрѣ для XII — XIII в.», прибавляетъ онъ (см. стр. 161). Но эта оговорка или ограниченіе для насъ не совсѣмъ понятны: рѣчь идетъ не объ извѣстной ограниченной эпохѣ, а о государственномъ развитіи Чехіи вообще; если допустить, что иммунитеты имѣли такое вліяніе и такія послѣдствія въ болѣе позднее время, то надо признать, что это было въ ихъ природѣ и характерѣ: вліяніе и роль ихъ были одинаковы съ самаго начала, — только они были сперва не такъ замѣтны и ощутительны. Тутъ не можетъ быть никакого третьяго рѣшенія!

Далѣе указываетъ онъ, что въ большинствѣ случаевъ въ иммунитетахъ судъ областныхъ правителей замѣнялся судомъ государя и его представителями; а населеніе, при переходѣ юрисдикціи въ руки церковнаго землевладѣльца, имѣло право обжаловать дѣло въ судѣ областномъ. Наконецъ выдвигается и то, что право, которое является въ иммунитетныхъ грамотахъ, есть всетаки *земское право — обычное* чешское право, на что есть и прямыя указанія въ источникахъ.

«Что же касается самой формы изучаемаго учрежденія», продолжаетъ авторъ (разумѣя, что ранѣе рѣчь шла о самой его сути, т. е. принципѣ изъятія части населенія отъ подчиненія общему правовому положенію), то «нѣтъ основанія считать ее заимствованной у нѣмцевъ или другого народа», ибо все де въ иммунитетахъ объясняется мѣстными условіями. Должно принять во вниманіе, что типъ чешскаго иммунитета опредѣлился лишь во 2 четверти XIII в., и первые иммунитеты отличались большимъ разнообразіемъ, что̀ тоже говоритъ въ пользу самобытности, ибо при заимствованіи иммунитетъ съ самаго начала явился бы съ вполнѣ опредѣленными формами. Наконецъ — послѣднимъ сильнымъ, по мнѣнія автора, аргументомъ для него служитъ то, что *однородное съ иммунитетомъ учрежденіе* мы видимъ въ Московскомъ государствѣ XV в., котораго строй слагался болѣе самобытно и «во всякомъ случаѣ безъ вліянія западно-европейской культуры».

По мнѣнію автора, сравненіе чешскихъ иммунитетовъ съ *московскими жалованными грамотами* можетъ заставить воздержаться отъ поспѣшныхъ заключеній о заимствованіи. Дѣло въ томъ, что въ нихъ почти всегда встрѣчаемъ освобожденіе отъ разныхъ повинностей. Въ подтвержденіе приводится рядъ примѣровъ изъ такихъ московскихъ грамотъ, который заставляетъ заключить, что «кажется, не останется въ чешскихъ иммунитетныхъ грамотахъ ни одного пункта, которому не имѣется соотвѣтственнаго и однороднаго по содержанію въ московскихъ жалованныхъ...» Мы готовы признать, что такое сопоставленіе любопытно и имѣетъ значеніе, но въ виду важности и существенности вывода, который авторъ дѣлаетъ изъ этого сравненія и которымъ опредѣляется весь результатъ его изслѣдованія, этотъ вопросъ объ аналогичности и однородности явленій въ Чехіи XII в. и въ Московскомъ государствѣ XV в. долженъ бы былъ быть изслѣдованъ внимательнѣе и глубже, именно въ отношеніи къ самобытности московскихъ иммунитетовъ, и едва-ли можно было ограничиться догматическимъ заявленіемъ, что въ русскомъ

государственномъ строѣ XV в. не могло быть никакихъ чуждыхъ вліяній...

Итакъ, руководствуясь своимъ сопоставленіемъ, г. Ясинскій рѣшительно высказывается въ пользу самобытности иммунитетовъ у всѣхъ народовъ при наличности извѣстныхъ условій. Но до сихъ поръ была рѣчь лишь объ иммунитетахъ, предоставляемыхъ церковнымъ корпораціямъ. Что же касается иммунитетовъ, выдаваемыхъ *частнымъ лицамъ*, то таковые относятся къ болѣе позднему времени (не ранѣе начала XIII в.)[1]). При всей скудости грамотъ XIII в., можно все-таки опредѣлить характеръ и особенности частныхъ иммунитетовъ. Большая часть сохранившихся подобныхъ грамотъ относится къ Моравіи, изъ чего авторъ заключаетъ, что привиллегированное землевладѣніе особенно успѣшно развивалось въ Моравіи. Оказывается, что паны, подражая королямъ, освобождали пожертвованныя ими сёла отъ подсудности представителямъ ихъ же помѣщичьей юрисдикціи, отъ всякихъ платежей и повинностей.

При всей бѣдности содержанія иммунитетныхъ грамотъ частныхъ лицъ въ Чехіи (сравнительно съ моравскими церковными, въ нихъ главнымъ образомъ мы видимъ освобожденіе отъ повинностей), мы однако-же усматриваемъ въ нихъ опредѣленную мысль или особый характеръ: государи XIII в. не даромъ отступали въ нихъ отъ практики своихъ предшественниковъ. Передача правъ областныхъ чиновниковъ въ руки землевладѣльцевъ-прелатовъ не была опасна для власти государя по вышеотмѣченнымъ причинамъ. Но иное дѣло было съ иммунитетами частныхъ землевладѣльцевъ-собственниковъ, такъ какъ ихъ составъ опредѣлялся обычаемъ наслѣдованія, а не волею государя, и полагаться на нихъ было труднѣе. Да и пользованіе иммунитетами отдѣльными фамиліями въ цѣломъ рядѣ поколѣній могло создать

---

1) Въ примѣч. на стр. 164 авторъ оспариваетъ утвержденіе Томка относительно одной грамоты, заставлявшей относить иммунитеты частныхъ лицъ уже къ XII в. Во всякомъ случаѣ и примѣръ характеренъ и толкованіе г. Ясинскаго любопытно.

традиціи и привязанность населенія. Если государи и имѣли нѣкоторое вліяніе на этотъ классъ путемъ раздачи королевскихъ имуществъ, то во всякомъ случаѣ они не могли ручаться за вѣрность дѣтей и наслѣдниковъ одаренныхъ. Итакъ относительно высшей шляхты, пановъ — нашъ авторъ приходитъ къ такому общему выводу. До установленія единодержавія они пользовались смутами и отсутствіемъ закона о престолонаслѣдіи для воздѣйствія на общественно-политическія дѣла. А съ начала XIII в. они стали постепенно пріобрѣтать права полной собственности (т. е. надъ выслугами), освобожденіе отъ повинностей и право суда надъ населеніемъ (однакожъ это очень рѣдко въ Чехіи!) и «становились такой силой, которая могла произвести въ странѣ измѣненіе общественно-политическаго строя въ свою пользу». На этомъ и оканчивается эта глава о власти государя и о положеніи знати. Общій результатъ таковъ, что до XIII в. власть чешскаго государя остается во всей своей полнотѣ и силѣ, но что обнаруживаются однако во внутренней жизни страны такія явленія, которыя заставляютъ государей думать объ укрѣпленіи своей власти: съ одной стороны они прибѣгаютъ къ нѣмецкой колонизаціи въ матеріальномъ расчетѣ, а съ другой — къ иммунитетной системѣ въ видахъ парализованія значенія и власти областныхъ правителей, — системѣ, которая возникаетъ и развивается, впрочемъ, вполнѣ самобытно и естественно. Но какъ покровительство иноземной колонизаціи въ извѣстномъ отношеніи ослабляло народныя силы и подготовляло опасный кризисъ, такъ и въ отношеніяхъ государя къ знати и въ развитіи иммунитетовъ оказывается невыгодная сторона: они помогаютъ высшей шляхтѣ, панамъ пріобрѣсти силу, способную постепенно привести (а впослѣдствіи и приводящую) къ существенному измѣненію общественнаго строя и къ ограниченію въ свою пользу государевой власти.

Очевидно, эти выводы г. Ясинскаго, основанные на обстоятельномъ изслѣдованіи, должны быть признаны важными и цѣнными. Обоснованіе правильнаго взгляда на власть государя до

XIII в., изслѣдованіе о «выслугахъ» и «иммунитетахъ»—его положительная заслуга, хотя мы и не можемъ считать особенно послѣдняго вопроса вполнѣ удовлетворительно рѣшеннымъ или исчерпаннымъ.

Съ точкой зрѣнія автора на *иммунитеты*, какъ на плодъ органическаго и самобытнаго развитія, мы не можемъ согласиться, хотя и мы далеки отъ мысли видѣть въ нихъ простое, какъ-бы механическое заимствованіе или перенесеніе чужого порядка на чешскую почву. Несомнѣнно, въ областной жизни Чехіи, въ отношеніяхъ къ ней власти государя и во взаимныхъ отношеніяхъ разныхъ классовъ общества были такія явленія и условія, которыя способны были побудить государей къ нѣкоторымъ нововведеніямъ и мѣрамъ для огражденія ихъ правъ и интересовъ и укрѣпленія ихъ власти, и мѣры эти имъ до нѣкоторой степени подсказывались, вѣроятно, самою жизнью и существовавшими въ ней теченіями и наклонностями, но мы рѣшительно сомнѣваемся, чтобъ такое установленіе, какъ иммунитеты, могло *самобытно* возникнуть на чешской почвѣ, именно подъ вліяніемъ такихъ государственныхъ потребностей и цѣлей... Для ограниченія власти и юрисдикціи областныхъ правителей могли найтись болѣе прямыя средства въ постепенной централизаціи управленія и расширеніи юрисдикціи королевскихъ чиновниковъ. Надо думать, что иммунитетъ былъ скорѣе фактомъ, возникшимъ независимо отъ прямыхъ государственныхъ или государевыхъ нуждъ, но такимъ, съ которымъ приходилось считаться и изъ котораго государи старались даже извлечь для себя пользу. Очень вѣроятно, что они (особенно въ первое время) видѣли въ иммунитетахъ для себя довольно выгодный противовѣсъ значенію и власти областныхъ правителей, и потому поощряли ихъ. Сами же землевладѣльцы (и церковныя корпораціи, и частныя лица) не могли, конечно, не дорожить подобными правами, дававшими имъ и власть, и независимость. Но могла — замѣтимъ мы еще отъ себя — въ этомъ развитіи иммунитетовъ быть еще другая причина. Мы знаемъ объ обычаѣ даренія земель и доходовъ

съ нихъ монастырямъ и лицамъ и проч. небольшими клочками въ самыхъ различныхъ мѣстностяхъ и концахъ страны, такъ что эти землевладѣльцы (церкви, монастыри, лица, потомъ грады и замки) владѣли недвижимостями чрезвычайно разбросанными (въ различныхъ областяхъ). Это обстоятельство и побуждало ихъ особенно добиваться освобожденія ихъ земель и ихъ зависимаго населенія отъ мѣстной областной юрисдикціи и земскаго управленія для объединенія и сосредоточенія управленія ими въ своихъ рукахъ, что̀ представляло большое удобство и преимущество и считалось стремленіемъ естественнымъ и безвреднымъ. Но какъ бы то ни было, мы не считаемъ возможнымъ признать, чтобъ иммунитетъ, какъ факторъ и важный моментъ въ разложеніи земскаго строя, возникъ первоначально и непосредственно на славянской (чешской) почвѣ и былъ самобытнымъ ея продуктомъ... Это не есть нѣчто неизбѣжное и органическое въ извѣстномъ фазисѣ государственнаго развитія вообще, а есть нѣчто болѣе типическое (въ смыслѣ народно-культурномъ)... Иммунитеты выросли на западѣ, пустили тамъ корни, и были извѣстны конечно и въ Чехіи (высшимъ сферамъ, примкнувшимъ къ западно-европейской культурѣ) еще до возникновенія въ ней условій и потребностей, вызвавшихъ ихъ примѣненіе. Мы убѣждены, что именно римская церковь со своимъ на западѣ вполнѣ установившимся правовымъ строемъ и обычаями была главнымъ иниціаторомъ и проводникомъ въ прививкѣ многихъ юридическихъ установленій и формъ западно-славянскимъ государственнымъ организмамъ, въ данномъ случаѣ — *системы иммунитетовъ*. Не даромъ прежде всего эта система стала примѣняться къ церковному землевладѣнію. Къ сожалѣнію, какъ мы уже отмѣчали выше, нашъ авторъ не посвятилъ должнаго вниманія этому фактору, т. е. вліянію римской церкви въ развитіи соціально-политическихъ отношеній Чехіи, и въ «паденіи земскаго строя». Что касается сопоставленія иммунитетовъ чешскихъ съ московскими жалованными XV в., то слѣдовало, вмѣсто голословнаго утвержденія самобытности послѣднихъ, вникнуть въ вопросъ о ихъ

происхожденіи, и тогда, быть можетъ, еслибъ и оказались аналогіи, то едва-ли въ смыслѣ воззрѣнія автора о самобытности...

Въ слѣдующемъ послѣ V главы *«Заключеніи»* мы, вопреки ожиданію, не находимъ обсужденія въ связи и въ цѣломъ занявшихъ автора вопросовъ и результатовъ его изслѣдованія, а между тѣмъ такое обсужденіе можетъ быть привело бы автора къ сознанію нѣкоторыхъ существенныхъ пробѣловъ въ исполненіи поставленной задачи (на которые мы отчасти уже имѣли случай указать) и необходимости ихъ пополнить.

Вмѣсто того, заключеніе посвящено дополнительному изслѣдованію частныхъ вопросовъ, стоящихъ въ ближайшей связи съ темами первыхъ двухъ главъ. Первый изъ этихъ вопросовъ, именно о причинахъ, побуждавшихъ зависимыхъ людей, сохранившихъ свободу личности и право перехода, оставаться въ положеніи зависимости, мы включили въ наше изложеніе I-ой главы. Результаты разбора второго — *о зависимыхъ шляхтичахъ* передадимъ вкратцѣ здѣсь. Авторъ находитъ, что тѣ-же причины, которыя повліяли на судьбу дѣдичей, обращавшихся въ зависимыхъ людей, оказали вліяніе и на судьбу *шляхтичей*. Многія лица этого послѣдняго класса, будучи стѣснены въ своихъ малыхъ помѣстьяхъ, принуждены были искать хлѣба на сторонѣ и стали въ ряды зависимыхъ людей. Они не могли перейти въ положеніе цензуаловъ, но образовали особый классъ зависимой шляхты. Какъ видно изъ Косьмы Пражскаго, таковая существовала уже въ XI вѣкѣ. Въ это время у пановъ были уже свои отряды изъ этихъ шляхтичей. То-же видимъ и въ извѣстіяхъ XII в. Такихъ зависимыхъ шляхтичей имѣлъ при себѣ не только епископъ, но даже и государи (въ XIII в.). Эти факты даютъ возможность рѣшить вопросъ о томъ, въ какомъ смыслѣ употреблялось въ источникахъ XII в. слово *жупанъ* (comes). Оказывается, что это слово примѣнялось къ тѣмъ, у кого была вооруженная свита, отрядъ зависимыхъ шляхтичей. Для обозначенія послѣднихъ въ источникахъ XII и XIII в. употребляется цѣлый рядъ терминовъ (которые здѣсь приводятся).

Далѣе авторъ характеризуетъ матеріальное положеніе зависимыхъ шляхтичей: за свою службу они получали села и землю во владѣніе, но это было въ большинствѣ случаевъ лишь пользованье, и лишь изрѣдка на правахъ собственности. Владѣніе обусловливалось обыкновенно самою службою патрону и его наслѣдникамъ. Съ прекращеніемъ службы утрачивалось и право на владѣніе. По этому поводу авторъ даетъ весьма правдоподобное объясненіе одной грамоты 1197 года въ смыслѣ высказаннаго имъ взгляда. Шляхтичи, пользуясь доходами съ земель, имъ предоставляемыхъ, обязаны были исправно нести военную службу; но въ случаѣ отдаленныхъ, заграничныхъ походовъ, имъ не хватало средствъ, и они получали еще денежное вспомоществованіе. На этомъ основаніи можно думать, что связь между зависимой шляхтой и панами была личнаго характера; ихъ право на владѣніе землей прекращалось, если патронъ умиралъ, или имѣніе переходило въ другія руки. Нужда заставляла многихъ представителей земской шляхты итти въ этотъ классъ, а въ странѣ постепенно создавался «классъ лицъ, услугами которыхъ не замедлили воспользоваться въ своихъ интересахъ богатые землевладѣльцы». Этимъ авторъ заканчиваетъ свое изслѣдованіе, и въ заключеніе повторяетъ, «подводя ему итоги», уже извѣстный намъ свой выводъ о «самобытномъ развитіи общественнаго и государственнаго строя въ Чехіи въ теченіе земскаго періода» и о томъ, что переходъ къ новому «обусловливался не вліяніемъ нѣмецкаго права, а нуждами и потребностями, самостоятельно возникшими и созрѣвшими въ нѣдрахъ чешскаго государства».

Оцѣнивая отдѣльныя главы работы г. Ясинскаго, мы до сихъ поръ приходили къ одному и тому-же заключенію, что его собственныя изысканія и положенія не могутъ оправдать его только-что приведенной общей мысли или вывода. Намъ остается еще установить, нѣтъ ли вѣскихъ и убѣдительныхъ въ ея пользу данныхъ и доводовъ въ разобранной (V-ой) главѣ — о власти государя и положеніи знати.

Выше, по поводу изслѣдованія автора о зависимыхъ людяхъ и образованіи классовъ населенія, мы уже имѣли случай высказать нашъ взглядъ на процессъ постепеннаго соціальнаго преобразованія и измѣненія общественно-политическихъ формъ, обусловливающихъ ростъ и развитіе государственнаго организма: что именно опредѣляющимъ и рѣшающимъ въ немъ моментомъ являются не естественно и самостоятельно возникающія въ народной массѣ потребности, нужды и интересы, какъ это представляетъ себѣ г. Ясинскій, а главнымъ образомъ та реальная, дѣятельная и власть имѣющая сила, располагающая и правомъ и моральнымъ авторитетомъ, которая воплощается въ особѣ главы государства (или племенного союза) и въ примыкающемъ къ нему высшемъ слоѣ народа,—что, однимъ словомъ, толчекъ и направленіе въ этомъ процессѣ дается не снизу, а сверху... Въ послѣдней главѣ своей книги нашъ авторъ весьма ясно и отчетливо охарактеризовалъ неослабѣвающую въ XI—XII в. власть и силу государей чешскихъ, ихъ неограниченный авторитетъ и инпціативу во всѣхъ сферахъ внутренней и внѣшней жизни, а этимъ онъ, разумѣется, только утверждаетъ насъ въ нашемъ воззрѣніи. Не болѣе говорятъ въ пользу правильности его точки зрѣнія и другія разобранныя имъ въ этой главѣ явленія. Объ иммунитетахъ мы уже высказались выше. Что же касается постепеннаго усиленія знати, пріобрѣтенія ею привиллегій и сложенія въ особое сословіе, стремящееся къ ограниченію въ свою пользу власти государя, то и къ этому процессу мало примѣнимы понятія самобытности и органическаго развитія. Во-первыхъ, онъ въ началѣ обусловливается преимущественно нуждами и интересами самой высшей власти, а затѣмъ всей внутренней политикой государей, во-вторыхъ, онъ происходитъ несомнѣнно подъ рано начавшимся вліяніемъ идей и культурно-историческаго міровоззрѣнія сосѣдняго германскаго и вообще западно-европейскаго міра, гдѣ раздѣленіе общества на классы и обособленіе высшей шляхты или знати въ привиллегированное сословіе, призванное дѣлить власть съ государемъ и совмѣстно управлять и

опекать нисшіе классы, т. е. народъ,— было типичнымъ и характернѣйшимъ признакомъ его соціальнаго строя.

Итакъ, всѣ разобранные г. Ясинскимъ моменты и факторы въ преобразованіи общественнаго и государственнаго строя, или, иначе говоря, въ «паденіи земскаго строя», были обусловлены не столько дѣйствительными потребностями и интересами жизни самого народа, сколько стремленіями и тенденціями высшей власти и ея пособниковъ, а также силою внѣшнихъ культурныхъ и политическихъ вліяній, а потому они, по крайнему нашему разумѣнію, безсильны для обоснованія теоріи о самобытномъ и органическомъ развитіи... Но мы не разъ уже указывали, что авторъ почему-то ограничилъ произвольно свой кругозоръ и почти оставилъ въ сторонѣ не разобранными и неоцѣненными именно тѣ элементы и факторы въ занимающемъ насъ процессѣ, которые преимущественно заключали въ себѣ столь умаляемую имъ силу внѣшнихъ чужеземныхъ вліяній. Между тѣмъ, разъ онъ хотя «до извѣстной степени» допускаетъ такія вліянія, ему обязательно слѣдовало обратить равномѣрно вліяніе и на то, въ чемъ наиболѣе сказывалось и что наиболѣе служило проводникомъ этихъ культурныхъ и соціальныхъ воздѣйствій и теченій со стороны того культурнаго міра, къ которому Чехія такъ тѣсно примкнула.

Мы разумѣемъ тутъ весьма рано начавшуюся нѣмецкую колонизацію, могущественныя въ общественной и народной жизни торговыя отношенія и связи съ чужеземцами, открывшія путь нѣмецкому праву въ Чехію, затѣмъ въ особенности — римскую церковь съ ея строемъ, установленіями и совершенно обособленнымъ классомъ ея служителей — духовенствомъ, наконецъ связанную съ ней латино-нѣмецкую образованность и литературу, которыя не могли не быть также могучими проводниками западно-европейскихъ идей, понятій нравовъ и вообще культуры. Съ обращеніемъ къ Римской церкви, съ развитіемъ разнородныхъ сношеній съ сосѣдями, со вступленія Чехіи такъ сказать въ политическое русло западной Имперіи—всѣ эти явленія и факторы

стали развиваться и укореняться, получая вмѣстѣ съ тѣмъ поддержку со стороны верховной власти.

Если государи, какъ мы видѣли, нуждались въ сильномъ войскѣ для обороны страны и для выполненія своихъ обязательствъ передъ Имперіей и, руководствуясь примѣромъ запада, создали классъ людей обязанныхъ военною повинностью, чѣмъ способствовали образованію шляхты; если они для личной своей безопасности и ради внѣшняго престижа и блеска окружили себя придворными должностными лицами, которыми затѣмъ стали пользоваться для цѣлей централизаціонныхъ, для изъятія извѣстныхъ вѣдомствъ и цѣлыхъ территорій (иммунитетныхъ) изъ-подъ областной юрисдикціи; если они рядомъ мѣропріятій (особенно привиллегіями) старались подорвать власть областныхъ правителей, и тѣмъ способствовали разложенію областной или градской организаціи, — то точно такъ-же они же, ради своихъ интересовъ (укрѣпленія власти и увеличенія средствъ), стали поощрять нѣмецкую колонизацію, и рядомъ съ тѣмъ чужеземную торговлю и промышленность, а позже созданіе новаго мѣщанскаго сословія въ городахъ на нѣмецкомъ (или выработанномъ на нѣмецкой основѣ) правѣ; наконецъ, точно такъ же имъ, чешскимъ государямъ, обязана въ значительной степени своей ролью, вліяніемъ и силою *католическая церковь* съ ея могущественными представителями и учрежденіями (монастырями, потомъ духовными орденами и т. д.). Тутъ служили у нихъ побужденіемъ во-первыхъ сильно развитое религіозное чувство и усердіе, заставлявшее ихъ одарять церкви и монастыри, въ чемъ ихъ примѣру слѣдовали и частныя лица изъ шляхты и крупныхъ землевладѣльцевъ, а потомъ и мелкіе; земли отдавались во «спасеніе души» владѣльцевъ-патроновъ и ихъ потомства и назывались (какъ и люди, отдаваемые на тѣхъ же основаніяхъ) «задушными». А во-вторыхъ къ тому-же побуждалъ ихъ и собственный интересъ главныхъ собственниковъ и наслѣдниковъ (по выморочному праву) всѣхъ такихъ церковныхъ владѣній: государь при такихъ дареніяхъ сохранялъ свои верховныя права собственности и распо-

ряженія надъ церковными землями, которыя даже числились въ вѣдѣніи королевской казны, хотя управленіе ими было мало-помалу предоставлено церковнымъ корпораціямъ. Такимъ путемъ неизмѣримыя земельныя территоріи попали въ руки церкви и духовенства. Хотя до XIII в. верховныя права государя на церковныя имущества и не подвергались сомнѣнію, и уступки дѣлались лишь въ дѣлѣ управленія ими, но уже въ XII в. замѣтна нѣкоторая перемѣна въ отношеніи къ этому предмету государя и правительственной власти, ибо съ одной стороны государственную казну и страну истощаетъ такая щедрая передача земель во владѣніе церкви и духовенства, а съ другой стороны становится явнымъ стремленіе римской куріи всячески прибрать къ рукамъ эти богатства и ихъ эксплоатировать. Но положеніе уже вполнѣ обостряется въ XIII в., когда въ Римской церкви начинается великое движеніе, и римская курія начинаетъ усиленно вторгаться во внутреннія церковныя дѣла и традиціонныя отношенія. Навязываются реформы (какъ безбрачіе), и постепенно нарушаются правà патроновъ церковныхъ земель, и прежде всего самого государя. Налагаемыя папой десятины скоро обращаются въ постоянную правильную дань, а имущества монастырей и другихъ корпорацій объявляются имуществомъ церкви, т. е. Рима и объектомъ его обложеній. Разумѣется, государи не могутъ сразу сойти съ своей точки зрѣнія на церковныя имущества и поступиться своими правами. Но въ концѣ концовъ они вынуждены уступать въ этой борьбѣ. Подъ вліяніемъ папской куріи развиваются и церковныя привиллегіи. Притязанія церковныхъ корпорацій въ этомъ отношеніи энергически поддерживаются Римомъ, и этимъ объясняется широкая и щедрая раздача иммунитетныхъ правъ, освобождающихъ населеніе епископскихъ и монастырскихъ земель отъ юрисдикціи областной и земской. Государи нéхотя уступаютъ притязаніямъ Рима, но дѣло не обходится безъ борьбы. Нечего и говорить, какую важную и существенную роль должна была играть при такихъ условіяхъ римская церковь съ ея строемъ и правами въ развитіи соціальныхъ

отношеній и государственности въ Чехіи. Очень жаль, что г. Ясинскій не посвятилъ этому вопросу особеннаго разслѣдованія, какъ это сдѣлалъ г. Липпертъ въ своемъ новомъ трудѣ, отведя «соціальному вліянію христіанско-церковныхъ организацій» цѣлую половину II-го тома[1]). Но вліяніе церкви не исчерпывается сказаннымъ[2]). Мы уже упоминали, что она же съ ея духовной литературой и латинствомъ — проводникъ западно-европейской образованности и культуры, а вмѣстѣ и германизаціи, тѣмъ болѣе, что нѣмецкій элементъ былъ очень сильно представленъ въ высшемъ духовенствѣ тѣхъ раннихъ вѣковъ. Нашъ авторъ повидимому придаетъ слишкомъ мало вѣса и значенія такимъ культурнымъ вліяніямъ въ сферѣ общественнаго и государственнаго развитія. Но, говоря о важномъ и существенномъ вліяніи германскаго міра и нѣмецкой національности въ соціально-государственномъ развитіи Чехіи, и въ частности въ процессѣ «паденія земскаго строя», ни мы, ни другіе отнюдь не думаемъ непремѣнно о прямыхъ заимствованіяхъ и пересадкѣ на чешскую почву нѣмецкихъ учрежденій и правовыхъ формъ. Тутъ разумѣются по преимуществу вліянія совсѣмъ иного порядка, гораздо болѣе тонкія и неуловимыя, которыя воспринимаются безсознательно и незамѣтно. Вліяли духъ и характеръ жизни и учрежденій, міровоззрѣніе, понятія, вкусы, проникавшіе въ общественную и частную жизнь Чеховъ изъ сосѣдняго нѣмецкаго міра. Постоянныя многоразличныя сношенія съ Германской имперіей, сожительство съ нѣмцами — и пограничными, и колонизующими края и города Чехіи — не могли не отражаться на складѣ понятій и привычекъ чешскаго общества (особенно придворныхъ сферъ и высшаго класса), направляли ихъ вкусы и симпатіи въ извѣстную сторону, и такимъ путемъ, при особенно усердномъ содѣйствіи церкви,

1) Lippert, Social-Geschichte Böhmens. II. 1. Der sociale Einfluss der christlich-kirchlichen Organisationen, стр. 1—124.

2) Не забудемъ, напр., сильное поощреніе церковью (монастырями) нѣмецкой колонизаціи, а также стремленіе церкви приготовить себѣ союзниковъ въ знати, усиленіе которой на счетъ власти государя было въ ея интересахъ.

духовенства, а также литературы, прививались обществу собственно чуждые славянской жизни и характеру соціальныя понятія, принципы и взгляды на государственныя и церковныя отношенія. А между тѣмъ эти принципы и понятія опредѣляли то направленіе, въ которомъ по иниціативѣ государя — сперва подъ вліяніемъ его нуждъ и стремленій и въ интересахъ его власти, а въ концѣ концовъ въ ущербъ его самодержавію и независимости — совершалось пересозданіе стараго земскаго строя въ сословно-привиллегированное государственное устройство западнаго типа[1]).

Но не соглашаясь рѣшительно съ общимъ выводомъ автора относительно самобытности развитія чешскаго государства и признавая въ немъ большое увлеченіе въ смыслѣ полнаго отрицанія общепринятаго взгляда, а въ основѣ его нѣкоторыя заблужденія, мы тѣмъ не менѣе, какъ это могъ видѣть читатель, готовы признать за нимъ большую заслугу въ разъясненіи и оцѣнкѣ сложныхъ и неясныхъ, благодаря скудости источниковъ, явленій и моментовъ внутренней соціальной исторіи Чехіи.

Намъ остается теперь подвести общій итогъ нашему разбору, формулировать по возможности кратко какъ главные недостатки и пробѣлы, такъ и положительныя стороны и достоинства интересной работы г. Ясинскаго.

Увлекшись чрезвычайно интересной, но вмѣстѣ съ тѣмъ крайне широкой и сложной темой, г. Ясинскій задумалъ обнять и осилить ее въ сравнительно небольшомъ разсужденіи. Послѣд-

---

1) Такое вполнѣ естественное и неотвратимое культурное вліяніе нѣмецкаго міра, въ сферу котораго былъ втянутъ молодой, только-что принявшій христіанское просвѣщеніе и мало культурный славянскій народъ, имѣли главнымъ образомъ въ виду и Палацкій и другіе чешскіе историки. Если они, быть можетъ, нѣсколько увлекались, приписывая слишкомъ многое прямымъ заимствованіямъ и пересадкѣ нѣмецкихъ порядковъ, то не менѣе увлекся и г. Ясинскій въ сторону отрицанія всякихъ вліяній. На вполнѣ правильной точкѣ зрѣнія въ вопросѣ о культурныхъ вліяніяхъ въ правѣ и въ государственной жизни стоитъ, на нашъ взглядъ, Ѳ. Ѳ. Зигель въ статьѣ «Palacký jakožto historik slovanského prava» въ «Památnik» юбилея Палацкаго, v Praze 1898, 499—517.

ствіемъ этой коренной ошибки явилось несоотвѣтствіе нѣсколько узкой постановки вопроса и ограниченности рамокъ изслѣдованія съ этой шириною и сложностью темы, и благодаря тому одностороннее ея трактованіе. Въ результатѣ получился и общій выводъ, вызывающій большія сомнѣнія и производящій впечатлѣніе скороспѣлости и нѣкоторой даже тенденціозности... Отчасти автору мѣшалъ углубиться во многіе частные, особенно правовые вопросы недостатокъ спеціально-юридической подготовки, важной для ихъ основательнаго рѣшенія. При всей научности метода автора въ работѣ надъ первыми источниками и въ пользованіи ими, нельзя не отмѣтить у него иногда излишней смѣлости въ обобщеніяхъ. Онъ склоненъ обобщать единичные случаи и факты, особенно когда они говорятъ въ пользу его мысли, не принимая въ расчетъ, что матеріалъ, которымъ онъ располагаетъ, отличается и скудостью и отрывочностью извѣстій, и трудно положиться на то, чтобъ онъ былъ надлежащимъ образомъ исчерпанъ по каждому вопросу. А между тѣмъ дѣло идетъ часто о вопросахъ темныхъ и спорныхъ, гдѣ возможно дѣлать много предположеній и гаданій, но гдѣ особенно нужна осторожность. Это очевидно чувствовалъ и самъ авторъ, обставляя очень ужъ часто свои выводы и положенія такими выраженіями, какъ «кажется», «повидимому», «вѣроятно»[1]), и тѣмъ выражая собственную въ нихъ неувѣренность. Здѣсь же считаемъ нужнымъ упрекнуть автора въ недостаточномъ примѣненіи сравнительнаго метода изслѣдованія, что̀ связано съ вообще не довольно у него широкой постановкой вопроса, тогда какъ тема представляла благодарное поле для такихъ сравнительныхъ наблюденій и сопоставленій какъ въ области вопросовъ славянскихъ древностей и исторіи, такъ и въ области культурныхъ вліяній запада и нѣмецкой народности на славянскія племена вообще. Довольно существеннымъ недостаткомъ изслѣдованія о «паденіи земскаго строя» должны быть признаны отмѣченныя нами не разъ значи-

---

1) См. стр. 37, 38, 43, 51, 53, 56, 72, 74, 81, 87, 97, 102, 112, 115 и т. д.

тельная неопредѣленность и неотчетливость понятійи представленій въ разсужденіяхъ автора, касающихся порядковъ и особенностей земскаго строя. Это есть слѣдствіе того, что онъ упустилъ случай отдать и себѣ и другимъ отчетъ въ главномъ предметѣ своего изслѣдованія и охарактеризовать его, т. е. земскій строй ясными и опредѣленными чертами. Произвольно суженныя рамки изслѣдованія и увлеченіе въ сторону извѣстнаго убѣжденія заставили нашего автора, какъ мы видѣли, пренебречь оцѣнкой нѣсколькихъ существенныхъ факторовъ въ процессѣ общественнаго и государственнаго развитія Чехіи, чѣмъ онъ и заслужилъ упрекъ въ односторонности. Такіе важные элементы и двигатели въ соціальной жизни, какъ нѣмецкая колонизація и торговыя связи въ сопутствіи нѣмецкихъ правовыхъ началъ съ одной стороны, и римская церковь съ ея организаціей, культурными и просвѣтительными началами съ другой остались на заднемъ планѣ, неоцѣненными. Объ усиленной нѣмецкой колонизаціи съ XIII в., устройствѣ городовъ па нѣмецкомъ правѣ, о созданіи новаго мѣщанскаго сословія г. Ясинскій не говоритъ совсѣмъ, считая все это лежащимъ внѣ предѣловъ занимающаго его «земскаго» періода, но едва-ли онъ правъ и въ этомъ. Ограничивъ слишкомъ строго свое изслѣдованіе этимъ періодомъ, онъ обнаружилъ свою зависимость отъ предшественниковъ, которыхъ онъ опровергаетъ[1]), и поступилъ несообразно съ требованіями своей темы, ибо чтобъ имѣть возможность правильно и авторитетно судить о такомъ явленіи, какъ чужеземныя вліянія, и отрицать его силу,—надо его опредѣлить и выяснить тамъ, т. е. въ ту эпоху, когда оно вполнѣ ощутительно, и доказать, что оно было слишкомъ ничтожно или его совсѣмъ не было ранѣе; но г. Ясинскій этого

---

1) Эту коренную ошибку автора вѣрно отмѣтилъ г. Н. Ястребовъ, удѣляя нѣсколько замѣчаній труду г. Ясинскаго въ своей рецензіи на книгу (I томъ) г. Липперта въ «Журн. Мин. Нар. Просв.», ч. CCCX, 1897, № 4, стр. 491—513, и выразившись такъ (см. стр. 511): «...Принятая отъ противниковъ схема чешской исторіи связала изслѣдованіе г. Ясинскаго уже въ томъ отношеніи, что не позволила ему прослѣдить развивающіеся ряды общественныхъ явленій до ихъ завершенія».

не сдѣлалъ: онъ остановился въ своемъ изысканіи на томъ моментѣ, когда оспариваемыя имъ для «земскаго періода» германскія вліянія стали сказываться уже вполнѣ осязательными фактами. Говоря о пробѣлахъ въ исполненіи задачи авторомъ, не можемъ умолчать здѣсь еще объ одномъ элементѣ государственнаго развитія Чехіи, оставленномъ тоже безъ надлежащаго вниманія, о чемъ мы не имѣли случая сказать ранѣе. Мы разумѣемъ вопросъ о чешскихъ «сеймахъ» въ земскій періодъ. Признавая очевидно ихъ существованіе, авторъ къ сожалѣнію не счелъ нужнымъ удѣлить имъ нѣсколько болѣе вниманія въ главѣ о власти государя и о положеніи знати.

Но всѣ эти указанные нами недостатки и пробѣлы въ разобранномъ нами сочиненіи, при всей серіозности нѣкоторыхъ изъ нихъ, не могутъ затмить его свѣтлыхъ, положительныхъ сторонъ, его крупныхъ достоинствъ и отнять у него несомнѣнно значительную научную цѣнность. Мы уже выше, въ началѣ разбора, охарактеризовали вкратцѣ эти достоинства. Мы должны здѣсь вкратцѣ подтвердить и дополнить сказанное.

Работа г. Ясинскаго въ полной мѣрѣ самостоятельна и по замыслу, и по исполненію. Она основана на тщательномъ изученіи источниковъ, и эти источники, равно какъ и литература предмета исчерпаны, насколько авторъ, по обстоятельствамъ своимъ, могъ имѣть къ нимъ доступъ. Добросовѣстное отношеніе его къ своему матеріалу внѣ сомнѣнія. Изложеніе — систематическое и строго научное.

Основная мысль г. Ясинскаго, достаточно уже нами оцѣненная, представляетъ во всякомъ случаѣ новый и своеобразный взглядъ на исторію внутренняго соціальнаго и государственнаго развитія Чехіи ранняго (земскаго) періода. Если этотъ взглядъ и оказывается слишкомъ далеко идущимъ въ отрицаніи преобладающихъ воззрѣній и вдающимся въ противоположную крайность черезчуръ абсолютнымъ и исключительнымъ рѣшеніемъ вопроса въ извѣстномъ смыслѣ, то все-же онъ несомнѣнно плодотворенъ, давая этому интереснѣйшему вопросу новую постановку и новое освѣщеніе.

Нашъ авторъ послѣ Палацкаго, Томка и другихъ чешскихъ авторитетовъ въ новѣйшее время впервые внимательнѣе и глубже заглянулъ въ сложный процессъ внутренняго историческаго развитія чешскаго государства и сдѣлалъ попытку уразумѣть тѣ внутреннія причины, тѣ обстоятельства, отношенія и потребности, которыя обусловили то, а не иное развитіе чешскаго государственнаго строя въ XIII в., иначе говоря «историческую необходимость» постепеннаго превращенія «земскаго строя» въ «сословно-привиллегированный»,—и въ этомъ его неоспоримая заслуга. Если онъ увлекся въ своемъ конечномъ выводѣ объ органическомъ и самобытномъ соціальномъ развитіи Чехіи и въ своемъ слишкомъ рѣшительномъ отрицаніи того, чего отрицать невозможно, то это однако-жъ не мѣшаетъ намъ признать за его книгой значеніе труда, двигающаго науку впередъ по правильному въ своей основѣ пути. Цѣлый рядъ важныхъ вопросовъ обслѣдованъ въ его книгѣ по первоисточникамъ и въ этихъ интересныхъ этюдахъ читатель находитъ множество новыхъ наблюденій, вѣскихъ замѣчаній и соображеній. Если многое въ нихъ остается еще спорнымъ и не довольно убѣдительнымъ, а иное слишкомъ мало обоснованнымъ, то все-же въ общемъ они расчищаютъ и прокладываютъ путь будущимъ изслѣдователямъ, которымъ придется — и послѣ капитальнаго труда г. Липперта-считаться съ толкованіями и мнѣніями г. Ясинскаго.

Признавая въ виду всего сказаннаго сочиненіе А. Н. Ясинскаго «Паденіе земскаго строя въ Чешскомъ государствѣ» (X—XIII вв.), представленное имъ на соисканіе премій проф. А. А. Котляревскаго, «въ значительной степени отличающимся учеными достоинствами» и вполнѣ заслуживающимъ поощренія, я, на основаніи «Правилъ» о нихъ, счелъ бы справедливымъ присужденіе автору за названное сочиненіе половинной преміи.

Профессоръ **Константинъ Гротъ.**

11 августа 1898 г.

III.

Отзывъ о сочиненіи О. Пр. Тим. Дим. Флоринскаго «Лекціи по славянскому языкознанію. Часть II. Сѣверозападные славянскіе языки [чешскій, словацкій, польскій, кашубскій, серболужицкій и полабскій (вымершій)]. С.-Петербургъ и Кіевъ 1897».

Представленное на соисканіе премій Котляревскаго сочиненіе профессора Флоринскаго, будучи продолженіемъ представленнаго имъ ранѣе на Ломоносовскую премію и увѣнчаннаго ею въ половинномъ размѣрѣ труда, написано по тому же плану, какъ I-ая часть, и въ общемъ отличается тѣми же достоинствами и тѣми же недостатками [1]).

Отъ обычнаго порядка изложенія авторъ отступаетъ здѣсь въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ тѣмъ, что не отводитъ особой главы для діалектологіи: это мы видимъ въ отдѣлѣ полабскаго языка (гдѣ, конечно, нечего и толковать о какихъ-либо говорахъ), а также и въ серболужицкомъ; въ кашубскомъ отдѣлѣ есть небольшая глава о говорахъ (стр. 559—560), но не на томъ мѣстѣ, да и въ лужицкомъ упоминается о говорахъ на стр. 585. Съ другой стороны мы въ настоящемъ томѣ находимъ нѣкоторое распространеніе первоначальнаго плана, а именно краткіе образцы

---

1) См. мой разборъ этой I-ой части въ Отчетѣ о присужденіи Ломоносовской преміи въ 1897 году (Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности, т. LXVI).

разсматриваемыхъ языковъ и нарѣчій. (Не приводится лишь образцовъ языка полабскаго). Такое дополненіе можно считать не особенно удачнымъ: оно въ грамматикѣ не совсѣмъ умѣстно, а, по краткости приводимыхъ извлеченій, все-равно не замѣнитъ христоматіи.

Авторъ въ предлежащей намъ 2-ой части своихъ лекцій, еще болѣе объемистой нежели 1-ая, посвящаетъ сѣверозападному отдѣлу славянскихъ языковъ 703 страницы, причемъ отводитъ 219 страницъ чешской рѣчи, 125—словацкой, 203—польской, 35—кашубской, 103—серболужицкой и 14—полабской, послѣ чего слѣдуютъ 2 страницы Дополненій и поправокъ и $1^1/_2$ страницы Опечатокъ.

Рецензентъ употребилъ здѣсь слово «рѣчь», вмѣсто стоящаго въ заголовкахъ разбираемой книги слова «языкъ», такъ какъ остается при убѣжденіи (высказанномъ въ первомъ разборѣ, стр. 4), что словацкій «языкъ» есть *нарѣчіе* словацко-чешскаго языка, кашубскій — *нарѣчіе* польскаго (или, точнѣе, кашубско-польскаго). Довольно подробныя (нѣсколько притомъ многословныя) разсужденія, коими теперь Ф. (стр. 232—239) старается доказать отдѣльность словацкой рѣчи отъ чешской, для меня нисколько не убѣдительны; да и самъ онъ высказываетъ на этотъ счетъ сомнѣніе, говоря, что «вопросъ о томъ, какое мѣсто занимаетъ данный (т. е. словацкій) языкъ въ семьѣ прочихъ славянскихъ языковъ, остается открытымъ» (стр. 221, 8—9) и что «окончательное рѣшеніе вопроса (о мѣстѣ словацкой рѣчи) въ ту, или другую сторону, конечно, впереди» (стр. 239, сер.); осторожно онъ выразился объ этомъ спорѣ и въ чешскомъ отдѣлѣ (35, 3—8), гдѣ мы читаемъ: «общераспространенное мнѣніе о существованіи такого тѣснаго родства между этими двумя языками (чешскимъ и словацкимъ), которое будто бы даетъ основаніе соединять ихъ уже въ историческую пору въ одну группу чешско-словенскую и позволяетъ разсматривать словацкій языкъ какъ нарѣчіе чешскаго языка, *едвали можно считать безусловно правильнымъ».* Продолжаю настаивать на томъ, что словацкая

рѣчь несомнѣнно ближе къ чешской, чѣмъ польская или сербо-лужицкая, и что довольно многочисленныя особенности ея (перечисленныя у Ф-го на стр. 236, въ 16 пунктахъ) всѣ могутъ быть возведены, обыкновенно даже безъ дальнихъ справокъ, къ полному словацко-чешскому единству: такъ словацкія duša, -u, при чешскихъ duše, -i, предполагаютъ словацко-чешскія duša, -u, слов. more, при чеш. moře—слов.-чеш. moře. Таковы и нѣкоторыя звуковыя черты, коими можно бы дополнить упомянутый перечень, а именно *ie* на мѣстѣ долгаго *e* (chlieb при чеш. chléb, стр. 254), ia при чеш. á (čiara, чеш. čára, 253), ú при чеш. ou (словац. и старочеш. súd при новочеш. soud), появленіе въ двухъ-трехъ словахъ предлога raz вм. roz, напр. rázcesty распутье. Затрудняюсь я нѣсколько только проясненіемъ ъ не въ одно *e*, но и въ *o*, напр. lož при чеш. lež; однако такое же соотношеніе между верхнелужицкимъ и нижнелужицкимъ (влуж. rož, нижнелуж. rež), соединенное въ добавокъ съ замѣною ѧ черезъ ja, тогда какъ у нижнихъ лужичанъ ě: тутъ jazyk, hrjada, тамъ—jězyk, grěda (стр. 602, 11—7 снизу), не побуждаетъ Флоринскаго говорить объ отдѣльныхъ лужицкихъ языкахъ. Не прибѣгаетъ онъ также, изъ-за постояннаго *e* вм. ъ въ западнословацкой рѣчи (335, пунктъ 1), къ обособленію ея отъ восточной. Затрудняюсь еще, дѣйствительно весьма нерѣдкимъ, разногласіемъ между чехами и словаками относительно количества гласныхъ, однако не сомнѣваюсь, что и оно можетъ быть сведено къ древнему тождеству. За единство чешской и словацкой рѣчи говоритъ также отмѣчаемое самимъ Ф-мъ (212, прим.) обстоятельство, что авторъ Моравской діалектологіи, Бартошъ, нѣкоторые говоры относилъ сначала къ чешскому языку, а потомъ отнесъ къ словацкому—видно провести здѣсь границу трудно, или прямо невозможно. Чтó касается кашубской рѣчи, то доводы Рамулта (Stefan Ramułt, Słownik języka pomorskiego czyli kaszubskiego. W Krakowie 1893) о ея отдѣльности отъ польскаго языка, убѣдившіе Ф-го, мнѣ представляются слабыми; Бодуэнъ же де-Куртенэ, на коего онъ также ссылается, въ статьѣ «Кашубскій языкъ, народъ и вопросъ»

(Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1897, апрѣль и май), вовсе не слегка исправляетъ взгляды Рамулта, а полемизуетъ съ нимъ: признавая, вслѣдъ за Бодуэномъ, что «степень родства польскихъ и кашубскихъ говоровъ болѣе или менѣе такова, какъ степень родства говоровъ верхнелужицкихъ и нижнелужицкихъ» (553, 6—8), Ф., выставляющій серболужицкій языкъ съ нарѣчіями верхнимъ и нижнимъ, долженъ бы говорить о кашубско-польскомъ языкѣ съ нарѣчіями собственно-польскимъ и кашубскимъ, причемъ разновидности собственно-польскаго языка, называемыя имъ теперь нарѣчіями, надо бы назвать говорами. Впрочемъ Ф. на той же страницѣ, гдѣ сначала вполнѣ одобрилъ «точку зрѣнія Рамулта съ... поправками проф. Бодуэна-де-Куртенэ», сворачиваетъ въ сторону, говоря, «что ссылки на параллели между великорусскою и малорусскою рѣчью или верхнелужицкимъ и нижнелужицкимъ нарѣчіемъ едвали сюда подходятъ»; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ возвращается къ самостойности словацкаго «языка» и съ его отношеніемъ къ чешскому сопоставляетъ отношеніе кашубскаго къ польскому (сопоставленіе правильное—невѣренъ лишь выводъ изъ него). Въ противуположность Ф-му я нахожу, что указанныя параллели безукоризненны: какъ рѣчи великорусская и малорусская очевидно представляютъ значительно обособившіяся части нѣкогда единаго русскаго языка, верхнелужицкій и нижнелужицкій—единаго серболужицкаго, чтó можно утверждать на основаніи многочисленныхъ общихъ признаковъ, противуполагающихъ ихъ другимъ славянскимъ языкамъ, такъ и рѣчи польская съ кашубской, а также, по сказанному выше, чешская со словацкой, свидѣтельствуютъ о существованіи нѣкогда единыхъ языковъ. На мой взглядъ даже и Бодуэнъ, сведшій характерныя особенности кашубской рѣчи къ тремъ только признакамъ, въ добавокъ обставленнымъ оговорками (Ж. М. Н. Пр., 1897, май, стр. 101), еще нѣсколько преувеличиваетъ ея самостойность: вѣдь твердые свистящіе вмѣсто мягкихъ и шепелеватыхъ—напр. dzeń, dac, zemja, sano, при польскихъ dzień, dać, ziemia, siano,—какъ они ни своеобразны (Ф. говоритъ, что

«они весьма характерны и особенно выдѣляютъ кашубскій языкъ въ ряду другихъ славянскихъ языковъ», 569, 7—6), вмѣстѣ съ ними восходятъ къ кашубско-польскимъ мягкимъ, но чисто-зубнымъ дз́, ц́, з́ и с́; вѣдь какое-нибудь mjar̃nǫc при польскомъ marznąć (содержащее по Ф-му черту, которая рѣзко отдѣляетъ кашубскіе говоры отъ польскихъ, 567—8) можно объяснять изъ кашубско-польскаго спряженія marznǫć-ḿirzńeš, предполагая у поляковъ проведеніе созвучія mar по всему глаголу, а у кашубовъ—сдѣлку между mar и ḿir. Остается одинъ только признакъ: ar вм. ro, напр. χar̃t какое-то растеніе = польск. chróst, рус. хворость [1]). Правда, Бодуэнъ могъ бы прибавить и четвертую характерную черту—смягченіе d не въ dz, а въ простое z (Бод., въ ук. м., 90): cezí при польскомъ cudzy, и даже пятую—такое же смягченіе g: noze при nodze, въ каковыхъ случаяхъ однако слѣдуетъ видѣть позднѣйшее упрощеніе созвучія dz, т. к. это созвучіе должно признать древнимъ, свойственнымъ единой сѣверозападной славянщинѣ [2]). Вообще, если не считать загадочнаго ar, нѣтъ ни одной черты въ кашубской рѣчи, которая не возводилась бы съ полнымъ удобствомъ къ древнепольскому языку. Я увѣренъ, что это стало бы ясно и самому Ф-му, если бы онъ, какъ дѣлаетъ Бодуэнъ, постоянно сопоставлялъ кашубскія слова съ польскими; даже и теперь онъ иногда отмѣчаетъ между ними черты поразительной близости: сходство кашубскихъ юсовъ съ силезкими (563 вн.), сходство замѣнъ ѣ (565, п. 5), сходство относительно расширенія е въ ё (566, п. 12). Приведу здѣсь еще слова Бодуэна (Ж. М. 1897, май, 84, 4—6), что «точь въ точь такія же измѣненія, какія г. Рамултъ» (а вслѣдъ за нимъ Ф.) «считаетъ исключительнымъ признакомъ кашубской рѣчи, въ противоположность польской, попадаются тамъ и сямъ въ польской области» и укажу, какъ примѣръ этого, зебржидовскій

1) На счетъ а вм. о срв. соображенія Бодуэна, стр. 120—21.

2) Срв. у самого Ф-го: «серболужицкое z» (въ cuzy), «вѣроятно, образовалось изъ болѣе древняго dz, которое представляютъ польскій и словацкій языки», 619, 5—3. Также 623, сер. и 11—10.

(близъ Кракова) выговоръ v^{o}ōjna при кашубскомъ vœjna (œ звучитъ вродѣ ц̯е). Затѣмъ считаю нужнымъ опротестовать ближайшее родство кашубскаго «языка» съ полабскимъ (690, 14—13), хотя, конечно, не отрицаю близость послѣдняго къ кашубскому, но вмѣстѣ съ тѣмъ и къ польскому; замѣчу притомъ, что Ф. здѣсь слѣдуетъ одному Гильфердингу, а не Гильфердингу и Шлейхеру: послѣдній только говоритъ, что кашубская рѣчь, а въ иныхъ отношеніяхъ и западно-польскія нарѣчія, повидимому, образуютъ переходъ отъ польскаго къ полабскому (Laut-und Formenlehre der Polabischen Sprache, S. 17, 21—24).

Выразивъ несочувствіе отдѣленію кашубской рѣчи отъ польской, я долженъ здѣсь же выразить одобреніе тому, что верхнее и нижнее нарѣчіе лужицкаго языка разсматриваются совмѣстно [1]). Однако употребляемые притомъ пріемы мнѣ не вполнѣ нравятся. Постоянное повтореніе буквъ В. Л. и Н. Л. пестритъ и печать, и рѣчь: лучше бы было говорить не обозначая этого особо, о верхнелужицкомъ нарѣчіи, оговаривая, гдѣ нужно, нижнелужицкія особенности: напр. běh (нл. běg), hić идти (нл. hyś); Ф. же и постояннаго порядка не установилъ, такъ что иногда, безо всякой причины, отводитъ первое мѣсто нижнелужицкой формѣ: напр. «śěło (Н.Л.), ćěło (В. Л.)», 603, 14 сн.

Признавая, какъ и относительно 1-го выпуска, что авторъ вообще соблюдаетъ должную мѣру и въ объемѣ, и въ способѣ изложенія, я однако нахожу, что онъ иногда впадаетъ во многословіе и лишнія повторенія. Къ чему, кромѣ парадигмъ, еще таблицы «характерныхъ окончаній»: стр. 113—119 (съ дополнительными замѣчаніями 119—122), 281—284, 444—447? Зачѣмъ перечислять (157, съ сер. до конца), понятно, не полностью, слова̀ слѣдующія образцамъ dobrý и pěši? Съ какой стати дѣлать (404—406) буквальную выписку изъ польской литературы Спасовича, на которую достаточно было сослаться? Къ чему повто-

---

1) Ф. самъ говоритъ, что у него «дается характеристика верхнелужицкаго и нижнелужицкаго нарѣчія параллельно съ тою цѣлью, чтобы яснѣе опредѣлились черты сходства и различія между обоими нарѣчіями» (591, вн.).

рять (427, 3—1) ороографическое правило, проявляющееся въ написаніяхъ nić и nici? Полезно ли въ томъ же польскомъ отдѣлѣ (430, сер.) излагать сохраненные поляками законы праславянскаго и донынѣ болѣе-менѣе общеславянскаго смягченія, при чемъ дѣйствительно своеобразное, какъ mniszy при староцерк. мънисн, drodzy при драꙁии, теряется въ массѣ другихъ примѣровъ? Нѣкоторыя явленія, отмѣченныя на стр. 105—6, какъ «смѣшеніе основъ», повторяются на 107, какъ «смѣшеніе падежей». Мнѣніе Ягича, что основная чешская замѣна ѧ есть не ʹa, а ʹä, приводится и на стр. 61, прим., и на 63 вн. «Внѣшняя исторія литературнаго языка» у словаковъ (239—247) отчасти представляетъ повторенье «Изученія словацкаго языка» (220—225).

Относительно «словацкой абецеды» на стр. 248 повторяется сказанное выше о чешской, тогда какъ достаточно было бы указать на ея особенности. Звукъ ä (въ словацкихъ päť, sväzok) описывается три раза: стр. 248, 250 и 252, притомъ не совсѣмъ одинаково и отчасти странно: «ä обозначаетъ краткій двугласный звукъ», «старослав. ѧ соотвѣтствуетъ въ краткихъ слогахъ—ä (= двугласн. ea)». Чешское народное выраженіе na mou vieru приводится также три раза: 61 вн., 67 сер. и 68, 1 сн. О появленіи (у Чеховъ же) і на мѣстѣ ь говорится и на стр. 60, стрк. 9, и на 72, 11—9; о звукѣ ř—на 58, 14—13 и на 83—84.

Наряду съ излишествомъ видимъ, съ другой стороны, нѣкоторые пробѣлы. Нигдѣ не находимъ указанія на то̀, когда чешскія буквы r и l составляютъ слогъ—это, какъ извѣстно, бываетъ тогда, когда передъ ними согласная буква, а за ними нѣтъ гласной. Авторъ не отмѣчаетъ Пухмайеро-Катковскаго закона о соотношеніи между чешскимъ количествомъ и русскою акцентовкою плавно-чистыхъ созвучій: vrána — воро́на, bláto—боло́то, bříza—берёза, но zlato—зо́лото, dřevo—де́рево, о коемъ надо было сказать на стр. 77—78 или въ главѣ о количествѣ, 78—80. Приводя форму jesti вм. jest (стр. 176, 2), Ф. не отмѣчаетъ, что она употребляется не иначе какъ въ соединеніи jestiť и что она

представляетъ очевидное подражаніе велительнымъ вродѣ budiž рядомъ съ усѣченнымъ bud'. При словацкихъ числовкахъ tria, štyria (306, сер.) недостаетъ указанія на то̀, что это не простые дублеты къ tri, štyri, а личныя формы мужескаго рода. Не отмѣчено (стр. 614—15) Фортунатовскаго дополненія къ вышепомянутому закону, а именно отраженія его въ верхнелужицкой рѣчи: wróna, błóto—złoto, drjewo (Zur vergleichenden Betonungslehre der lituslavischen Sprachen, A. f. sl. Phil., IV, 575—576). Срв. рец. I-ой части, стр. 6—7. Приводя параллели къ чешской перегласовкѣ *а* въ *е* (стр. 64, 13—10), Ф. не отмѣтилъ русскаго областного выговора зеть, ме́чик и т. п. Чеш. нарѣчіе zejtra завтра (192, 6 сн.) является лишь въ такомъ видѣ, а нѣтъ другого вида—zítra [1]). Упомянувъ цѣлыхъ три раза о существованіи тво́рничнаго окончанія -ami вм. -у въ чешскомъ языкѣ, (108, п. 2, а, 114 п. 10 и 126, п. 10 же), авторъ нигдѣ не отмѣтилъ, что -ami допускается иногда, для большей ясности, и въ литературномъ языкѣ, напр. въ извѣстномъ сочетаніи trhal zuby nehtami. Изъ числа особенностей ляшскаго нарѣчія (по моему — говора) чешскаго языка, стр. 209 — 212, опущено весьма характерное сохраненіе звука *ы* (правда, сблизившагося съ *е*). Bartoš, Dialektologie moravská, I, 98. Не упомянуто (430, 10 сн.) рядомъ съ подражательной фонемою Polsce о самородной — Polszcze. См. Сравн. Морфол., 609, прим. 1. Ни на стр. 410, ни на 431, ни на 433, 6—8, не оговорено близости польскихъ ś, ź, ć и dź къ шипящимъ, коей объясняются такія формы, какъ nasi królowie, przedniejsi ludzie, вм. старинныхъ naszy, przedniejszy, на каковыхъ Флоринскій нигдѣ и не останавливается [2]). Сравн. Морф. 634, прим. 1. Małecki, Gramatyka historyczno-porównawcza, I, § 72. Приведши (479, сер.)

---

1) Zejtra есть za jitra (za jutra), zítra д. б.—из ютра или съ ютра, причемъ z вм. s можно объяснять вліяніемъ перваго нарѣчія на второе.

2) Впрочемъ на страницахъ 467 и 469, строка 7, у него встрѣчается написаніе naszi, которое столь же легко можетъ быть опечаткою вм. naszy, какъ вм. nasi.

мнѣніе, что старопольское двусложное окончаніе настоящаго пá-причастка было -ęcy, авторъ указалъ какъ основаніе его лишь аналогію чешскаго языка, а не отмѣтилъ дѣйствительно встрѣчающихся формъ на -ęcy: jadency, miłujęcy, morzęcy (Сравн. Морф. 642)[1]). Говоря (485 сер.) объ остаткахъ аориста въ польскомъ языкѣ, слѣдовало привести найденныя Брюкнеромъ (A. f. sl. Phil., XI, 477) любопытныя формы wynidziechę, ukradziechę[2]). На стр. 579, пр. 6, безъ справокъ у Брониша (A. f. sl. Phil., XVIII, 324, 378 и 333), совершенно непонятно, чтò это за созвучіе uў (= u̯ў) въ kuўřec курить и чтò это за слово pšisac-pšíšo (= pisac-pišą = pisać-piszę). Назвавъ лужицкаго писателя Радысерба (596, 2) и даже повторивъ безо всякой надобности его имя латинскими буквами (Radyserb), авторъ не указалъ, что эта странная фамилія есть псевдонимъ Ивана Вели или Вегли — Johann Wehla (Traugott Pech, Das wendische Schriftthum. Leipzig 1884, S. 43; онъ же Żarin)[3]). Въ числѣ сравнительныхъ степеней польскихъ нарѣчій, на стр. 473 сер., слѣдовало привести (изъ-за его ż, заимствованнаго у niżej) wyżej. Ни на стр. 438, ни на 458, п. 9, не отмѣчено, что двои́нный мѣстникѣ ręku употребляется въ значеніи не только множнаго, но и одиннаго числа. Въ обзорѣ лужицкой азбуки (600—601) недостаетъ замѣчанія насчетъ j въ качествѣ знака мягкости, напр. mjaso, wjes; объ l и ł, значеніе которыхъ приблизительно извѣстно читателю изъ предыдущихъ отдѣловъ, говорится ниже (617), гдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ намекается на тò, что серболужицкое w, съ коимъ у большинства Лужичанъ совпадаетъ и ł, есть чисто-губное *в*, англійское w, или неслогóвое u; но нигдѣ я не нахожу намека на то, что w и ł съ предыдущимъ гласнымъ образуютъ ýковые дифтонги au̯, ou̯, eu̯, iu̯, yu̯. Говоря о нижнелужицкомъ переходѣ твердаго r, послѣ k, p, t, въ š, слѣдовало принять

1) У Калины (458—9) нахожу еще 22 такихъ примѣра.

2) Ę моя транскрипція: Брюкнерова — ą (въ текстахъ — ȸ).

3) Впрочемъ на стр. 590 мы читаемъ «Вегля (Jan Radyserb)»; но зато тамъ при псевдонимѣ Цишинскій не приведено настоящаго имени — Яковъ Бартъ.

во вниманіе статью Лескина Bemerkungen zur Svarabhaktifrage, A. f. sl. Ph., III. Не отмѣчено (624—625) единичнаго появленія z вм. ž въ союзѣ zo (что = ѥжє); союзъ этотъ впрочемъ указанъ на стр. 630, сер. Отмѣтивъ (658, св.) 3-ьеличныя окончанія u и ja, соотвѣтствующія староцерковнымъ -жть и -ѧть, Флоринскій не указываетъ на употребленіе у Верхнихъ лужичанъ -ja, а также и -eja вм. -u: pija, plećeja; такія формы, правда, приводятся, но лишь на стр. 675, 7 сн. и на 670, вн., какъ областныя. См. у Муки, 542. Въ нижнелужицкой парадигмѣ, на стр. 668, при pjeku недостаетъ другой формы для этого лица— pjacom. Насчетъ верхнелужицкаго глагола chcyć-chcu (680, 7 сн.)[1]), составляющаго какъ будто исключеніе изъ закона превращенія начальнаго ch въ kh, не сказано, что ch въ немъ только пишется, а въ рѣчи, какъ и у нижнихъ лужичанъ, утратилось. (Это единичное измѣненіе можно оправдать единичностью самаго зачина chc). Тутъ же, кромѣ нижнелужицкаго njocu вм. нє хоштж, слѣдовало бы привести и своеобразное усѣченное njok (относительно k сравнимъ инфинитивъ kšeś) и верхнелуж. nochcu-nochcyć и общелуж. njecham-njechać (-ś)[2]). Чрезвычайно любопытной полабской акцентовкѣ посвящено всего 12 строкъ (695, п. 14), гдѣ приводится всего 5 примѣровъ, обыкновенно же полабскія слова печатаются безъ просодій.

Весьма богатая, какъ и въ 1-омъ томѣ, библіографія представляетъ также нѣкоторые пропуски. Такъ не указано нѣмецкаго перевода Шафариковыхъ Начатковъ старочешской грамматики (Počátkové staročeské mluvnice), стр. 6 сер. и 15 сер.[3]): Elemente der altböhmischen Grammatik von Paul Josef Schafarik. I (единственный) Theil der Sammlung slavischer Grammatiken herausgegeben von J. P. Jordan. Leipzig 1847. Цитуется

1) У Флоринскаго не chcyć, а chceć: очевидная опечатка вм. этимологическаго написанія через ě.

2) Встрѣчается, какъ говоритъ Пфуль, въ своемъ словарѣ, почти исключительно въ настоящемъ и въ имперфектѣ. См. Сравн. Морф., 706, пр. 1.

3) Напечатано оба раза Počatkové съ краткимъ *a* — опечатки Флоринскаго я впредь буду исправлять безъ оговорокъ.

2-ое изданіе Ранковскаго словаря, тогда какъ «Nový slovník kapesní jazyka českého i německého. Díl I česko-německý» вышелъ въ 1887 году 5-мъ изданіемъ. Указавъ (228, прим.) на статью Николая Иванова о словацкомъ поэтѣ Андреѣ Сладковичѣ, слѣдовало бы также указать статью Матв. Ив. Соколова «Стихотворенія Яна Ботто», въ Сборникѣ въ честь Вл. Ив. Ламанскаго (Флоринскому, какъ участнику сборника, конечно, извѣстную). Въ польскомъ отдѣлѣ не приведено (369) Пилятова изданія Богородзицы: Dr. Roman Pilat. Pieśń Boga Rodzica. Pamiętnik Akademii Umiejętności. Wydział filol. i filozoficzno-historyczny. T. IV. W Krakowie 1880. Къ полабской библіографіи могу прибавить: 1) Jana Parum Szulcego Słownik języka połabskiego. Wydał Dr. Antoni Kalina. Rozprawy Wydziału filol. Akad. Umiej., T. XVIII i XXI. W. Krakowie 1892—93. 1-ая часть содержитъ введеніе и самый словарь, 2-ая — извлеченную изъ него грамматику. 2) Jos. Kolář. O nosovkách polabských a jejích poměru k polským a staroslovanským. Č. Č. M. 1875, 417—426.

Къ пробѣламъ разбираемаго труда отношу также нерѣдкое, какъ и въ 1-мъ томѣ, отсутствіе перевода при словахъ, которыя положительно въ немъ нуждаются, будучи чужды русскому языку, или имѣя тамъ иное значеніе: напр. had змѣя, plot заборъ, hrob могила (123, 4), listopad ноябрь (124, 12), brav мелкій скотъ — какъ сборное и какъ единичное, zeměplaz пресмыкающееся, гадъ, nežit чирей (124, 16 сн.), zloděj воръ, vězeň узникъ, koš корзина, vazač вязальщикъ, переплетчикъ, rodič родитель, kazatel проповѣдникъ, kněz священникъ, kolář колесникъ (129, п. 1), jetel (діалектически dětel) дятлина, клеверъ, кашка (129, 3 сн.), věrtel четверикъ (? мѣра), 130, 2, náručí объятья, snídaní завтракъ, zášti злоба, záduší доброе дѣло, пожертвованіе (130, п. 4), chlapec мальчикъ, ujec дядя — avunculus, dědic наслѣдникъ, panic баричъ, молодой баринъ, дѣвственникъ (131, п. 8), podkoní конюшій, шталмейстеръ (132, п. 17)[1],

1) При послѣднемъ словѣ особенно нужно было привести его значеніе, такъ какъ именно имъ обусловливался болѣе рѣшительный — сопряженный съ

louka лугъ, pratum, sádka садокъ (133, п. 5), modla 1) модель 2) идолъ (тамъ же 6), kukla, -le капюшонъ, řehola, -le regula: правило, уставъ 134, п. 9, rádce совѣтникъ, správce управитель, rukojmě поручитель 135, п. 2, pradlí прачка, předlí прядильщица 135, п. 3, berčí сборщикъ, kočí кучеръ, тамъ же, п. 4, skráň високъ 136, 2, choť супругъ и -га 137, сер., vlasť отечество тамъ же, 3 сн., otep вымолоченный снопъ, пучокъ, pasť ловушка, ocel сталь, modř лазурь, синька, tvář лицо, образъ, chuť желанie, labuď лебедь, nať ботва, листья свеклы и т. п. 138, п. 3 [1]), kmen нѣм. Stamm: стволъ, грамматическая основа, lupen листъ 140, п. 3, kníže князь, hrabě графъ 141, п. 5, jeti ѣхать, čněti торчать, выситься, pněti висѣть, chvěti колебать, махать 162, 7—9; въ словацкомъ отдѣлѣ нуждаются въ переводѣ напримѣръ слова румынскаго происхожденія brynza овечій сыръ, čartak (?), geleta (?), glaga (?), chotar область, kasanka передникъ, koliba хижина, putyra (?), urda овечья сыворотка, vatra огонь 216, п. 35 [2]), также странное zaujmy 266, 1 сн. [3]), и еще болѣе странныя črešné, gvarilo 269, 7 и douinoce (?) 330 б, 4, равно какъ hrča наростъ, шишка 294, п. 1 а, turice и letnice тройца и vianoce рождество 294, 1 в. [4]). Въ польскомъ отдѣлѣ таковы напримѣръ: mistrz мастеръ, гросмейстеръ, warta стража, ląd земля, берегъ, dach крыша, hak крюкъ, klamra болтъ, gwałt насилie, rachunek счетъ, zegar часы, kustosz хранитель 400, 3—1, szczawnica (? это чуть ли ни мѣстное названie), karmnik «кормильня»—хлѣвъ, «кормимецъ»—боровъ, trefniś острякъ 429, 11, do siego roku съ новымъ годомъ 469, 8 сн., biedować 1) бѣдствовать, 2) жаловаться, плакаться, 498, 11—10, wypsieć (?) должно быть

перемѣною рода—переходъ въ сложное склоненie: не только въ народной рѣчи, гдѣ и psaní письмо образуетъ psaního, но также въ литературной.

1) Зато въ этомъ пунктѣ напрасно переведено слово žluč, въ коемъ студентъ самъ долженъ узнать староцерковное жлъчь и русское желчь.

2) Дѣйствительно лй эти (вовсе не романскiя) слова̀ пришли къ словакамъ отъ Румынъ, мы здѣсь разбирать не станемъ.

3) Это должно быть множина̀ слова zaujem интересъ.

4) Kašice, въ той же строкѣ, по недосмотру напечатано съ малой буквы — это названie города, по-нѣмецки Kaschau.

просто-совершенный видъ къ однократному wypsnąć выскользнуть, вырваться 499 сер., osfęǵer (Hirschfänger) охотничій ножъ 527, 7 сн.[1]). Въ серболужицкомъ не мѣшало бы перевести напр. слова młodźeńc юноша 636, 6, kubło земля, имѣніе, тамъ же, сер., knjeni барыня 641, п. 6; въ полабскомъ — dårë ноздри («дырѣ»), vå smülë въ печи (въ смолѣ) 693, 13 сн., jis, aid, plüz (695, п. 12), изъ коихъ лишь во второмъ, по предыдущему и по связи, легко узнать староцерковное и русское *иди*, тогда какъ при первомъ и третьемъ надо бы было прибавить переводъ **ѥси** и **положи**; въ переводѣ нуждается также kå meisóch къ обѣднѣ, въ церковь 697, 3 сн.

Попадаются у Флоринскаго и такіе случаи, гдѣ имѣется переводъ, но невѣрный: do Čech, do Rakous не значитъ до Чехіи, до Австріи (126, п. 9), а въ Чехію, въ Австрію; zřetel не знакъ (129, 1 сн.), а вниманіе; mandel не миндаль (130, 1), а 15 штукъ; šindel (нѣм. Schindel) не брусокъ (130, 2), а черепица (на кровлѣ); hřebí не ноготь (130, п. 2), а гвоздь; pletichy не шутка (133, п. 1), а сплетни; panoše не дворянинъ вообще (135, п. 2), а дворянинъ (шляхтичъ), при королѣ или магнатѣ, пажъ, оруженосецъ; pelest не брусокъ 137, 5 сн., а доска, перекладина; štoudev не стойка 140, 1, а кадка. Старопольское czyn значило де оружіе (400, 10 сн.): должно быть это, насколько мнѣ извѣстно, небывалое значеніе вышло изъ «czyny machiny wojenne, wieże, tarany i t. d. podług łac.(ińskiego) opera» Linde.

Изложеніе Флоринскаго не всегда отличается достаточною ясностью и точностью. Когда онъ говоритъ, что Чешскіе братья «въ двугласныхъ вм. j писали y», то это можно понять такъ, будто уже Гусъ употреблялъ въ такихъ случаяхъ букву j. Странно и сбивчиво, что авторъ, упомянувъ о мягкихъ звукахъ чешскаго языка (57, сер.), прибавляетъ въ скобкахъ нj, дj, тj, ч, ж, ш и рj. Обыкновенное чешское сўженіе, какъ я его называю, или

---

1) Особенно нуждается въ переводѣ цитуемое (396, 15) изъ одной грамоты poras: теперь неясно, почему оно и приводится. Тоже относится къ чешскому tropauss (также изъ грамоты), стр. 44, п. 7.

перегласовка, какъ называетъ его (вслѣдъ за чехами и нѣмцами) Флоринскій, напрасно раздѣлено на сýженіе поступательное, напр. duše изъ duša, и на обратное, напр. oby̆čej (стр. 62—63): если въ первомъ случаѣ могъ повліять предшествующій сóзвучникъ, отчего этого не могло быть и во второмъ, хотя бы тамъ и было еще вліяніе послѣдующаго? Оба случая легко объединяются при такой формуловкѣ дѣла: *a* послѣ мягкости суживается въ *e*, если тому не мѣшаетъ слѣдующая за нимъ твердость, вслѣдствіе чего мы съ одной стороны имѣемъ duše и oby̆čej, а съ другой — čas, jazyk; терминъ же обратное сýженіе (или обратная перегласовка) можетъ оставаться исключительно за такими случаями какъ dej, znej. Въ статьѣ о слоговыхъ r и l (75, 9 сл.) напрасно на первое мѣсто поставлены krev-krvi, klnu и тому подобныя словà, которыя во всякомъ случаѣ представляютъ болѣе рѣдкое явленіе сравнительно съ hrdý, vlk и т. д., а по моему несомнѣнно развили слоговые r и l не прямо изъ ръ, лъ, ль, а черезъ r и l неслогóвые[1]). Въ той же статьѣ (76, 7—9) сказано, что «послѣ č, ž слышно er въ тѣхъ случаяхъ, когда за r слѣдовалъ еще согласный» — но развѣ за r̥ можетъ когда-либо стоять гласный? (Это бываетъ, правда, у Сербовъ, вслѣдствіе вокализаціи *л*: гръоце, умръо). Дублеты domysl и dů-, hora и hů-, hrozný и hrů-, lhota и lhů-, очевидно лишь по недосмотру отнесены къ случаямъ «диффеpенціаціи значенія» (80, п. 4). На той же страницѣ нуждается въ оправданіи весьма подозрительное čuješ—čůš (строка 13 сн.). Хотя чешскія d, t передъ *e* и не звучатъ мягко, но всетаки нельзя говорить, что они «звучатъ твердо» (86, 8 сн.) — слоги de, te несомнѣнно нѣсколько мягче чѣмъ напр. da, ta; тоже самое относится къ la, li (82, вн.) и къ ba, be (87—88): вообще всѣ согласные подвергаются нѣкоторому умягченію передъ узкими

---

1) Уже выше всякаго сомнѣнія, что братръ, мысль сначала дали односложныя bratr, mysl, а потомъ уже bratr̥, mysl̥. Приводимое въ числѣ словъ со слоговымъ r hřměti или hřmíti (написанное по-старочешскому hřmieti), конечно, попало не на свое мѣсто: это примѣръ на тò, что основному рь (русскому ре) соотвѣтствуетъ ř, а не слоговой r.

гласными. 3-ье примѣчаніе на стр. 56, гдѣ читается, что «съ открытіемъ книгопечатанія въ чешскихъ книгахъ вошла въ употребленіе выработавшаяся изъ латинской абецеды нѣмецкая азбука, такъ называемый швабахъ» — можетъ навести на мысль, будто чешскія рукописи представляютъ иной шрифтъ, а не тотъ же швабахъ. Звуки і и у не вполнѣ совпали у чеховъ, какъ учитъ Флоринскій на стр. 58, строка 11—13 и на 59, 3),—слоги ny, dy, ty звучатъ тверже чѣмъ ni, di, ti. Подобныя нашимъ лѣсà, городà чешск. vrcha, záda и т. п. поставлены (114, п. 7) подъ винильнымъ падежомъ, какъ будто они не бываютъ назывниками. Слово dcera (118—119) отнесено къ э́ровымъ основамъ, а на стр. 141, п. 6, гдѣ приводится настоящая э́ровка dci, не оговорено, что это старинная форма—напротивъ, замѣчаніе, что, какъ вм. máti употребительнѣе matka, такъ вм. dci — dcera, указываетъ именно на сохраненіе стариннаго dci-dceře, отъ котораго въ дѣйствительности уцѣлѣлъ только давально-мѣстный падежъ dceři, проставленный у Флоринскаго на стр. 119, п. 97, но не подчеркнутый. Въ неправильномъ взглядѣ на слово dci можетъ еще укрѣпить читателя принадлежность къ «архаическому склоненію» новообразованнаго слова neť племянница[1]). Про бѣглое *e* сказано, что оно изъ ь или вставочное (131, п. 7), а объ *e* изъ ъ (sen-snu, loket-lokte) не упомянуто. Какое-нибудь старочешское dubi (123, 6—5), будь оно написано черезъ і или черезъ у, вовсе не доказываетъ способности неодушевленныхъ именъ къ окончанію і, оставшемуся впослѣдствіи лишь за одушевленными — слѣдовало бы привести такіе примѣры, какъ úroci проценты, dłuzi, hřieši, boři, гдѣ бы о присутствіи звука і свидѣтельствовало смягченіе, такъ какъ иначе мы не знаемъ, читать ли і или же у. (Пожалуй, годилось бы и dubi, но въ соединеніи съ прикладкомъ, вродѣ vysocí или malí, потому что при винильничномъ назывникѣ duby прикладки звучали бы vysoké и małé). Находя при множинныхъ формахъ слова bratr (bratří и -ři, род. bratří и -rův и т. д.,

1) Эту странность слѣдовало бы объяснить, сообщивъ о заимствованіи слова neť изъ подложной глоссы словаря Mater verborum.

127, вв.) замѣчаніе, что «формы, поставленныя на первомъ мѣстѣ, заимствованы изъ склоненія собирательнаго имени на -ija, при чемъ смѣшаны формы един. и множ. ч.», читатель (если этого самъ не знаетъ) никакъ не догадается, что слово братръ первоначально не образовывало множины, а замѣняло ее сборнымъ именемъ братрья, которое потомъ стало по смыслу пріобрѣтать множинныя окончанія (напр. дат. п. bratřím), равно какъ и замѣщаться новотворными множинными формами къ однинѣ (напр. вин. bratry). Найдя въ парадигмѣ при множинномъ творникѣ zedmi къ zed стѣна (murus) въ скобкахъ окончаніе ěmi (137), можно и не догадаться читать zděmi, а прочесть zeděmi. Soudit въ выраженіи přijde soudit živých i mrtvých въ самомъ дѣлѣ естественно считать уцѣлѣвшимъ супиномъ, но вѣдь оно вполнѣ совпало съ усѣченнымъ инфинитивомъ. Неудачно выраженіе, что во множныхъ 3-тьеличьяхъ umějí, sázejí «возстановляется» нестяженная форма (169, сер.) — она, конечно, въ нихъ сохраняется. Слишкомъ лаконично и вслѣдствіе того неясно замѣчаніе, что «вм. старо-слав. **дадѧть, вѣдѧть, ꙗдѧть** въ чешск. языкѣ: dej, věz, jez (170, 12 сн.)», тогда какъ слѣдовало сказать: старославянскимъ **вѣждь, ꙗждь** соотвѣтствуютъ věz, jez, но вм. **даждь** образуютъ по темовому спряженію dej[1]). На стр. 174, 15—13, говорится, что «въ моравскихъ говорахъ встрѣчаются формы вродѣ milovalach, ztracilach, začnulch», и что «въ нихъ можно видѣть позднѣйшую аналогію древнему аористу». Выраженіе неясное: авторъ какъ будто сомнѣвается во вліяніи аориста (въ чемъ сомнѣваться нельзя), а въ то-же время какъ будто и хочетъ, и не рѣшается возводить эти формы къ такой порѣ, когда аористъ былъ еще въ полномъ ходу. См. Сравн. Морф. 565, пр. 3. Совсѣмъ странно и опять-таки можетъ повести къ недоразумѣнію слѣдующее замѣчаніе о будущемъ совершеннаго вида: «řeknu вм. budu říci, ponesu вм. budu nésti» (174, 6 сн.); въ добавокъ дальнѣйшія

1) Здѣсь, кромѣ того, недостаетъ формы viz и множинныхъ лицъ vězme, -te и т. д., вм. věďme, -te, подъ вліяніемъ однины; каковыя формы впрочемъ приводятся ниже (177, 178 и 189 вн.).

слова̀ «у глаголовъ совершеннаго вида будущее выражается только посредствомъ настоящаго; напр.: padnu, tisknu», какъ будто отрицаютъ принадлежность къ тому же виду глаголовъ řici и ponesti, а также и приводимаго въ одной съ ними строкѣ pojíti (půjdu). Недостаточно сказать, что словацкія «ia, ie, iu обозначаютъ двугласные звуки» (стр. 248 сер.), а надо бы описать ихъ по-точнѣе. Свидѣтельство латино-польскихъ грамотъ о сжатіи *о* и *е*: Nosidlsk, poras, Primuzlao, przipust, Buguslaus и Muglin (396 сер.) совсѣмъ не такъ ясно, чтобы не нуждалось въ болѣе подробномъ разсмотрѣніи (послѣ котораго иные примѣры несомнѣнно придется опустить — прежде всего Buguslaus, гдѣ сжатіе совсѣмъ не умѣстно, и гдѣ легко предположить описку подъ вліяніемъ слѣдующаго слога). Старопольскіе назывники cedry, klenoty и służebniki (452, 5—6) не слѣдовало бы приводить безъ указанія на то̀, что присутствіе въ нихъ окончанія *ы*, а не *і*, доказывается сохраненіемъ звуковъ r, t и k (вѣдь настоящіе назывники были бы cedrzy, klenoci и służebnicy)[1]. Польскія разновидности слова дождь въ назывно-винильномъ падежѣ разнятся лишь на письмѣ, и надо было привести (454, 6 сн.) косвенные падежи deszczu и dżdżu (-а). Про старинный назывникъ kry не сказано (462, п. 6), какой это падежъ, что̀ совсѣмъ не ясно по связи. Упоминая (509, сер.) объ измѣненіи звука ę въ лясовскомъ говорѣ, авторъ не объясняетъ намъ, что это за ё, въ которое онъ превращается.(Это нѣчто вродѣ нѣмецкаго ö). Странно говорить, что «ija, ieja стягиваются въ ia лишь въ томъ случаѣ, если предшествующій согласный подвергся смягченію: siać, siał, но łajać, łajał» (498, 1—3) — развѣ передъ *и* и *ѣ* согласные

1) Замѣчу здѣсь кстати, въ исправленіе ошибки, повторенной мною въ Сравн. Морф., 583, пр. 2, за Калиною, что służebniki Соф. Б., Исх. 5, 16 есть винильный падежъ, а также, что łazaki Числа 13, 26 и Turki могутъ предполагать одпину łazaka и turka (= лат. turca, сравни русское народное турка). Klenoty драгоцѣнности Быт. 24, 53, какъ и służebniki, винильный пад. Назывникъ klenoty, конечно, легко замѣнить массою другихъ примѣровъ; однако на назывничное окончаніе ы у личныхъ (и вообще у одушевленныхъ) ёровокъ въ старопольскомъ, кажется, не остается ни одного примѣра.

могутъ быть несмягченными? Надо было сказать, что *ѣ*, *'ѣ* стягиваются, *a* же—нѣтъ. Встрѣчая написанія съ ą для писаровицкаго говора — «macochą (вин. пад.), ząby, kąra, śedną, ńe vrócą (1 л. ед. ч.)» 509, 17—16, недоумѣваешь, читать ли пообщепольскому носовое *o*, или такое же *a* (скорѣй, конечно, можно предположить послѣднее). Находя (тамъ же, строка 16) слово vink, какъ примѣръ на замѣну ę черезъ in, рѣшительно нельзя догадаться, что̀ это за слово. Опредѣленіе лужицкаго произношенія буквы *ě* (600, 10—7) представляетъ ухудшенную редакцію, по моему тоже не особенно удачнаго, Мукинскаго опредѣленія (Mucke, 20): читателя положительно только путаетъ утвержденіе, что *ě* не двугласный, а также сравненіе съ простымъ *i* нѣмецкихъ dir, mir, wir, тогда какъ Мукины слова̀, что «надо начать произносить закрытое *i* и присоединить къ нему краткое *e*» и соотвѣтственная транскрипція у Флоринскаго (i^e) даютъ о немъ достаточное и совершенно вѣрное понятіе. О іотовомъ призвукѣ лужицкаго *i* въ русской книгѣ нечего было упоминать (600, 6 сн.): можно было вовсе не останавливаться на звукѣ *i* или же просто сказать, что онъ равенъ русскому *и*. Положительно излишне оговаривать, что лужицкіе *ы* (на письмѣ y) «болѣе или менѣе» соотвѣтствуютъ русскимъ *ы* (тамъ же 5—4): помимо областныхъ особенностей (насчетъ которыхъ я полагаюсь на Муку), я не слышу здѣсь никакой разницы; вмѣстѣ съ тѣмъ считаю неумѣстнымъ указаніе на польскій языкъ, гдѣ *y* приближаются къ *i*[1]). Указаніе (601, 1), что «*ó* произносится какъ *o* съ окраской u, т. е. какъ ^uo», противорѣчитъ само себѣ: или ó есть цѣлостный, однородный звукъ, средній между *o* и *u*, или же онъ нѣчто вродѣ двугласнаго, состоящаго (по Мукину опредѣленію) изъ элементовъ *u* и *o*, какъ ě состоитъ изъ *i* и *e*—на мой слухъ правильнѣе первое, и лужицкое ó есть *o* весьма близкое къ *u*[2]).

---

1) Неумѣстно и сопоставленіе со староцерковнымъ языкомъ, тонкости произношенія котораго намъ недоступны.

2) Мнѣ такъ казалось, наперекоръ предположенію, что между ě въ какомъ-нибудь měd-mjeda и ó въ hród-hroda должно быть полное соотвѣтствіе.

Сбивчивымъ я считаю также выраженіе, что «всѣ гласные» у Лужичанъ «звучатъ одинаково кратко» (615), да и самъ авторъ въ концѣ того же абзаца оговаривается на этотъ счетъ. Вообще относительно количества лужицкая рѣчь очень сходна съ русскою, только что безударные гласные не звучатъ такъ неявственно. Неладно сказано (651, 4—6), что «приставочное n необходимо, когда мѣстоименіе непосредственно зависитъ отъ предлога, напр. k njemu, pši njom; иначе оно можетъ и не быть: předjeho durjemi, s jěju nanom»—вѣдь во второмъ случаѣ его никогда не бываетъ. Неточнымъ мнѣ кажется (хотя и воспроизведенное изъ Муки) выраженіе, что «формы (причастія) на -cy въ верхнелужицкомъ всегда склоняются» (655, 15—14): едвали съ одной стороны верхнелужицкая рѣчь, особенно чисто-народная, изобилуетъ оборотами вродѣ kłapacemu so wotewri толкꙋщемꙋ ѿвéрзется Лука 11, 10, или wuhlada Levia Alphejoweho při cłownicy sedźaceho Маркъ 2, 14[1]), а съ другой стороны и нижнелужицкая Библія представляетъ напр. выраженія głos wołajucego jo w pusćińe Матѳ. 3, 3 и wy buźošo togo cłoẃeka syna wiźeś sejźecego k pšawicy teje mocy a pšiducego s tymi hobłokami togo ńeb'a Маркъ 14, 62[2]). Кромѣ того и у верхнихъ лужичанъ есть по крайней мѣрѣ одинъ полупричастокъ на -cy: ducy идучи (приводимый Флоринскимъ на стр. 671). Сохраниться, будучи единственнымъ гласнымъ въ словѣ, конечно, могло бы і въ одинномъ числѣ велительнаго spi (660, 11—10), но такое пониманіе не подходитъ ко мнóжному и къ двóйному числу: spimy и т. д. Относительно крайне уродливыхъ на письмѣ верхнелуж. wukń, wukńmy, слѣдовало оговорить, что въ нихъ ń не произносится (660, 8 сн.), на чтò, повидимому, намекаетъ и самъ Флоринскій тѣмъ, что ń въ словѣ wukńmy заключилъ въ скобки; тотъ же пріемъ употребленъ и на стр. 673 сер., но опять-таки wukń осталось безъ

---

1) Nowy Zakoń. Do hornjoserbšćiny po rjedźe Vulgaty přełožištaj Jurij Luščanski a Michał Hórnik. Budyšin 1896.

2) Biblija. Hala 1868. Въ верхнелужицкомъ переводѣ тоже причастія: wołaceho, sedźaceho, přikhadźaceho.

скобокъ. О перворазрядныхъ глаголахъ съ корнемъ на n, m авторъ (671, сер.) рѣшительно говоритъ, что они «слѣдуютъ древнему типу спряженія только въ Вл.», хотя затѣмъ самъ приводитъ нижнелуж. wezmu.

Неудобство представляютъ также нѣкоторыя странности въ *терминологіи*. Праславянскіе ъ и ь переходятъ у нашего автора въ «звонкое» *е* (59, сер.) и тамъ же (строка 8—6): *е* изъ ь было узкое (ясное), .. *е* изъ ъ было широкое (темное). Странно говорить о *в*ставочномъ v передъ начальнымъ *о*: vokolo, vokno и т. д. (197, 1—2), о *в*ставочномъ h передъ начальнымъ гласнымъ: hulice, hučitel и т. д. (198, п. 1) и о такомъ же t въ инфинитивахъ říct, píct, vlíct, síct (197, п. 19): въ послѣднемъ случаѣ еще и не звуковое явленіе, а примѣненіе къ обычному инфинитивному окончанію t. Ниже (199, п. 1 и 2) авторъ и самъ говоритъ о «*при*ставочныхъ v и h въ словахъ voběd, votec, hulice и hiva[1]). Передъ гортанными (задненебными) g, k, ch слышится «звуковое» n: ręka, księga (412, 3—2)—нужно «задненебное». Въ кашубской рѣчи въ противуположность зубно-губному v, вмѣсто чисто-губного, говорится о «губно-губномъ» (570, 2).

Неразъ у нашего автора встрѣчаются разные недосмотры. Такъ мы читаемъ, что у чеховъ «буква g употребляется рѣдко, напр. въ заимствованныхъ словахъ groš и др.» — да вѣдь въ туземныхъ она никогда не употребляется, и въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, гдѣ слышится соотвѣтственный звукъ (kde, kdo) пишутъ по происхожденію k. На стран. 60 вн., посреди новочешскихъ фонемъ, безо всякой оговорки приводятся старинныя řiediti, tiehneš, vzieti. Знакъ ř обозначаетъ де мягкое r и это r произносится съ шипящимъ призвукомъ, какъ въ польскомъ (58, 14—13), — извѣстно, что польское rz звучитъ какъ простое *ж* или *ш*; правда, впослѣдствіи (83, 14 сн.) является приблизительно вѣрная транскрипція черезъ *рж*, но тутъ опять то же

1) Пожалуй, впрочемъ, призвучные согласные въ извѣстномъ смыслѣ именно вставочные: можно думать, что они возникли въ связной рѣчи, между начальнымъ гласнымъ своего слова и конечнымъ предыдущаго.

сближеніе съ польскимъ rz, а кромѣ того съ лужицкимъ ř=ш́[1]). Слово kněz имѣетъ зовный падежъ не исключительно kněže (131, п. 8), но также и kněziˑ Гебауеръ, Histor. mluvn. III, 354, стр. 97. Прикладочное склоненіе у словъ средняго рода, какъ znamení, -ího, только простонародное (132, п. 17). Имя Olga образуетъ давально-мѣст. падежъ Oldze, а не -ze (133, п. 4) Геб. I, 505 — впрочемъ здѣсь у Флоринскаго, пожалуй, лишь опечатка. Ро́дникъ Boleslavě и давальникъ -vi (143, вн.) формы обоюдныя — въ доказательство перехода этого слова въ женскій родъ и вмѣстѣ съ тѣмъ изъ е́роваго склоненія въ азо́вое (можно бы сказать и въ и́жевое), лучше бы было привести творный падажъ Boleslaví. Неудачно выраженіе, что нарѣчія «málo, mnoho склоняются» (144 вн.), послѣ чего идетъ перечень нарѣчій, содержащихъ дѣйствительно всѣ падежи одиннаго числа, кромѣ назывнаго: самъ же Ф. приводитъ málem еще разъ на стр. 145, въ перечнѣ нарѣчій. Перволичное мѣстоименіе ja съ краткимъ *a* нечего было отмѣчать (146, 4), такъ какъ оно слышится въ тѣхъ говорахъ, гдѣ вообще нѣтъ долготы; притомъ это указаніе представляетъ забѣганье въ область діалектологіи. Также не на мѣстѣ отмѣченныя, въ слѣдующихъ строкахъ, te, tě, të вм. ty, гдѣ вдобавокъ не объяснено, что̀ такое обозначаетъ ë. То же самое, что̀ про выговоръ jă, можно сказать про dobre, -ra, -rym и т. д. (157, 1—2). Отмѣтивъ (съ забѣганіемъ въ діалектологію, которое однако можно считать вполнѣ умѣстнымъ) областныя формы велительнаго pnimy, pnite (170, 9 сн.), Флоринскій забылъ указать, что обыкновенно наоборотъ ě присвоено также и́жевымъ глаголамъ: mstěme, -te; каковыя образованія [bydlete обитайте, ctěte вм. чьстите и spěte] приведены, правда, ниже (188, 9 сн. и 190 вв.), но не подчеркнуты. На той же 170 стр., вн., упоминается о существованіи у кашубовъ аористовъ, каковыхъ въ дѣйствительности нѣтъ, что̀ и сказано у самого Флоринскаго въ кашубскомъ отдѣлѣ (579, вн.). Отмѣтивъ (173, сер.),

1) Не нахожу притомъ нигдѣ указанія, что r послѣ безголосныхъ со́звучниковъ звучитъ какъ рш: křik, přize, třásti, chřen.

что у иныхъ глаголовъ старочешскій имперфектъ лишь долготою примѣты разнится отъ аориста—brách и brach, trpiech и trpěch,—авторъ забылъ упомянуть объ имперфектномъ -še при аористной безсуффиксности, во 2 и 3 лицѣ единиы. Выраженіе, что въ областныхъ формахъ drahý bratři, chudý chalupníci бѣдные бобыли, bohatý kupci, dobrý měšťani «h, ch, k, d, n, l, r не подвергаются смягченію» (197, п. 15) неточно: въ нихъ ý развилось изъ é, т. е. имѣется распространеніе на одушевленныя имена мужескаго рода окончанія неодушевленныхъ и женскихъ. На стр. 224, по сер., упоминается словацкій дѣятель Римавскій, безъ оговорки, что это псевдонимъ Яна Францисци, что̀ впрочемъ указано на стр. 227, 12 сн. Изъ словацкихъ словъ, гдѣ «вм. первичнаго *е* выступаетъ *о*: hoslo лозунгъ, девизъ, svokor, ktorý, útorok вторникъ, kloštor монастырь, štvoro, pätoro» (255, 12—13 и 329, 2), ktorý, útorok[1]), štvoro и pätoro представляютъ праязычное чередованіе *е* и *о*; *е* въ чешскомъ heslo очевидно вторичное, такъ какъ иначе было бы žeslo, а пришлое kloštor никогда не имѣло звука *е*, такъ какъ въ нѣмецкомъ Kloster *е* = глухому гласному. Двугласный ou по-словацки едвали слѣдуетъ приводить въ соотвѣтствіе съ u, какъ долготу къ краткости (261, 7—8): вѣдь онъ является лишь въ окончаніи творнаго падежа, напр. rybou, и именно потому, кажется, долженъ быть выводимъ не изъ ú, а изъ oju съ выпаденіемъ j[2]). Зная повсюду мягкій l, словацкая рѣчь лишь въ нѣкоторыхъ говорахъ противополагаетъ ему настоящій твердый ł (268). Словацкій r передъ *j*, *e*, *i*, конечно, не звучитъ «совершенно такъ, какъ передъ широкими *a*, *o*, *u*» (268 вн.), а только приблизительно такъ. Говоря о бѣглыхъ *о*, *е* (= ъ, ь или вставочныхъ) 287, п. 3, Флоринскій оговариваетъ, что «иногда *о*, *е* остаются и въ другихъ падежахъ, напр. kostol-kostola, popol-popola, lev-lva и leva, domček-domčeku, spěv-spěvu», слова̀, изъ коихъ подъ эту статью

1) Флоринскій въ этомъ словѣ, конечно лишь по недосмотру, написалъ жирнымъ шрифтомъ второе, ёровое o.

2) Отсутствіе въ ряду долгихъ гласныхъ ú, очевидно, только опечатка.

подходятъ только leva и domčeku—domček-domčeku вм. domček-domečku, подъ вліяніемъ назывно-винильнаго падежа на остальные; впрочемъ popol-popola, пожалуй, стоило отмѣтить въ виду вторичной бѣглости въ русскомъ языкѣ (пепел-пепла). Множинный рóдникъ peniazí (292, п. 12), противорѣчащій словацкому закону о сокращеніи второй изъ двухъ долготъ, есть погрѣшность вм. peňazí. Krádež и faleš (294, п. 1) очевидно попали не на свое мѣсто, такъ какъ никогда не звучали krádeža и faleša или falša. Словацкій винильникъ tu, совершенно равный чешскому и соотвѣтствующій староцерковному, приводится рядомъ съ našu (чеш. naši), какъ нѣчто своеобразное (299, п. 6). Въ парадигмѣ на стр. 300 и 301 мы читаемъ творные и мѣстные падежи ím, jou, jom, jej, imi, ich, хотя (какъ само собой разумѣется) мѣстные падежи, а (какъ оговорено на стр. 301, 13—11) также творные, не употребляются безъ приростка n. Говорить объ «исчезновеніи у Поляковъ праслав. ъ и ь въ неударяемыхъ слогахъ» (391, п. 2), значитъ представлять дѣло весьма неточно. Вм. «Свидзинскій листокъ» (392, 12 сн.) нужно листокъ Свидзинскаго. Mléko со своимъ *é* въ открытомъ слогѣ и передъ безголоснымъ сóзвучникомъ — весьма сомнительный случай «сжатія» или «наклоненія» (397, 8—9). Польское *y* (какъ упомянуто ужъ и выше) произносится не совсѣмъ такъ «какъ русское *ы*», а нѣсколько ближе къ i (410); иные — напр. Бодуэнъ-де-Куртенэ — даже утверждаютъ, что *y* прямо равно *i*, разнясь отъ него лишь твердостью предшествующихъ согласныхъ[1]). «Буквы b́, ẃ, ṕ, ḿ, f́, ǵ, ḱ почти де вовсе не употребляются» (410, 12—11): кто же когда-либо употреблялъ, по-польски, или въ иномъ языкѣ, буквы ǵ и ḱ?[2]) Конечно, если не говорить о транскрипціи, при коей ǵ и ḱ возможны (передъ гласными) и даже будутъ не совсѣмъ рѣдки, напр. boǵem, kśyḱem. Rznąć рѣзнуть обыкновенно выговаривается ржнǫц, а не рз- (411, 3): *рѣзнѫти могло фонети-

1) Съ польскимъ *y* должно быть совпадаетъ и кашубскій звукъ, изображаемый буквою *i* послѣ твердыхъ согласныхъ: młodi, chitri, bœsi, tidzeń и т. д.
2) Сербско-латинское ǵ, въ смыслѣ твердаго ђ, — особь статья.

чески, черезъ ǩznąć, дать ǩnąć; впрочемъ Виленскій (Оргельбрандовскій) словарь велитъ выговаривать, согласно со Флоринскимъ, г-znąć. Замѣчаніе, что польское «g произносится какъ русское г» (411, 4), излишне; если же имѣть въ виду, что иные русскіе произносятъ не мгновенное, а протяжимое г, — даже сбивчиво. Недостаточно ясно изложено ученіе о польскихъ юсахъ: на стр. 412, 11 сн., авторъ говоритъ, очевидно думая исключительно о звуковомъ впечатлѣніи, что ą соотвѣтствуетъ староцерковному ѫ, ę—ѧ, и только на слѣдующей страницѣ, внизу, оговариваетъ, что какъ ą, такъ и ę соотвѣтствуютъ обоимъ юсамъ, причемъ не указываетъ на отличіе замѣнителей узкаго юса отъ замѣнителей широкаго по своей умягчительности и лишь мимоходомъ упоминаетъ о томъ, что ę, = ѫ, согласныхъ не умягчаетъ (gęś, kęs); такіе случаи, какъ wiązać, съ носовымъ *о*, но съ умягченіемъ, у него, правда, приведены, однако не истолкованы. Jeli пріѣхали (собственно просто ѣхали), 416, 3, есть форма старинная, взятая вѣроятно изъ Житія Св. Блажея, гдѣ она значитъ уѣхали (łowcy jeli od nich). Приводимыя (416, сер.) miesto (мѣсто), kleskać и wiera мнѣ представляются сомнительными — любопытно бы знать, откуда они взяты[1]). Чтó такое значитъ «двугласное ea͡ (т. е. *е* съ сильной окраской *а*)» 416, 2—1? Что-нибудь одно: или двугласный, или простое широкое *е*. Сравни выше, стр. 207 (о. о. 7). «Вм. основного *у* въ нѣкоторыхъ говорахъ [польскаго языка] u: buł, żuł, kruł (познанскій гов.—Miejskiej Górki)», 422, 9 сн. — не сказано, что это происходитъ лишь передъ ł и есть родъ уподобленія. «Вставочнымъ чаще всего бываетъ *е*» (425, сер.) — какой же еще гласникъ бываетъ у поляковъ вставочнымъ? Dź и ć еще моль мягче, чѣмъ *dz* и *c* (427, 5—3) — да вѣдь польскія *dz* и *c*, если не представляютъ плодъ дзеканья, прямо тверды. Самъ же Флоринскій говоритъ это о *c* на стр. 431, сер. Польск. *c* въ piec, świéca — не только прапольское (431,

---

1) Первое можетъ быть явилось по недосмотру, и нужно читать miejsce. Впрочемъ это слово, не представляющее послѣ ѣ твердаго согласнаго, сюда вовсе не идетъ.

12—13), но несомнѣнно уже лужицко-чешско-польское; таково же, надо полагать, и «прапольское dz въ nędza» (тамъ же, 15). Приведши (435, 6) опольскія jejś и ṕeń (pięć), слѣдовало указать, что jejś употребляется рядомъ съ jejść и jeść (ѣсти), а ṕeń — не само по себѣ, а въ сложномъ числительномъ ṕeńdvadźeśća двадцать пять. Malinowski, Oppelnsche mundart, 39. Зо́вникъ Bože, какъ извѣстно, не только возможенъ (444, п. 4, I, 1), но обязателенъ—сравни у самого Флоринскаго, 450 вн.[1]) Множи́нный тво́рникъ е́роваго и о́новаго склоненія мягкаго различія на i, каковое окончаніе проставлено въ таблицѣ на стр. 447, форма сомнительная — издавна господствуетъ потомъ болѣе-менѣе вытѣсняемое азо́вымъ -ami и́жевое -mi: такіе примѣры, какъ ојсу, sercy, представляютъ *твердое* окончаніе, на мягкое же -i Калина указываетъ лишь одинъ и довольно новый примѣръ — вторичное образованіе niewoli изъ Гавинскаго (вторая половина XVII ст.). Kal., Hist. j. p., 198. Примѣчаніе на той же 447 стр. у Флоринскаго, что «окончанія, заключенныя въ скобки, принадлежатъ старому языку и народнымъ говорамъ»—неточно, да и на стр. 441 б, 1, о томъ же предметѣ говорится несовсѣмъ точно. Зачѣмъ взято въ образецъ е́роваго склоненія слово chłop съ его необычною формою давальника на u, а не на owi (сравни 450, п. 8)? Ту же погрѣшность, впрочемъ, представляетъ Миклошичева Морфологія, и мы со Шляко́вымъ не догадались исправить ее въ русскомъ переводѣ. Странно замѣчаніе (455, п. 5), что «по образцу cielę склоняются нѣкоторыя уменьшительныя (какія?!) и названія молодыхъ животныхъ[2]) отъ основъ на t, но только въ ед. ч., напр. źrebię, kurczę, dziécię, dziewczę, gąsię, książę[3]); во множ. числѣ они слѣдуютъ твердому склоненію». Да вѣдь они — кромѣ безмножи́ннаго dziécię (457, 1) вполнѣ сходствуютъ съ cielę, между прочимъ и твердостью множинныхъ окончаній; притомъ бо́льшая часть этихъ окончаній равняется староцерковнымъ. За-

1) См. впрочемъ Сравнит. морфол., стр. 574, 7—6.

2) Лучше бы сказать — названія молодыхъ существъ, или дѣтенышей.

3) Надо бы отмѣтить, что książę не княжичъ, а просто князь.

мѣчу еще, что въ разсматриваемомъ мѣстѣ можно бы прибавить упоминаніе о сокращенныхъ формахъ слова książę — księcia и т. д. Формы множнаго ро́дника wisien, sukien, хотя и приведены (460, п. 9), но въ нихъ не подчеркнуто появленіе — какъ бываетъ у такихъ словъ и въ русскомъ языкѣ — твердаго н вм. мягкаго. Выраженіе, что указательное мѣстоименіе «ten можетъ усиливаться прибавкой частицъ tam, że: tamten, tamże» (466, 8 сн.), весьма неудачно, такъ какъ tamten вѣдь значитъ тотъ, а tenże — этотъ-же; къ тому-же tam совсѣмъ не частица. Отмѣтивъ обычай писать въ среднемъ родѣ dobremi, рядомъ съ -ymi въ мужескомъ (что въ женскомъ тоже употребляютъ -emi, не сказано), и осудивъ это употребленіе (471, п. 3), авторъ тѣмъ не менѣе внесъ среднеродное -emi въ парадигму, на стр. 472; въ томъ же духѣ онъ поступилъ и съ творно-мѣстнымъ окончаніемъ -ym и его правописною разновидностью -ém (тамъ же). У мѣстоименій Флоринскій еще рѣзче осуждаетъ формы naszemi и niemi (466, 5 и 468, прим.) и въ парадигмы (466, 467 и 468) ихъ не вноситъ. Сравнимъ, однако, мою Краткую фонетику и морфологію польскаго языка, 36 вн., или Сравн. морф., 635, прим. 1. Обыкновенный видъ число́вокъ 7 и 8 — не siedem, osiem (474), а siedm, ośm. Неточно выраженіе, что «окончаніе неопредѣленнаго наклоненія всегда ć» (478, 5 сн.), вѣдь тутъ же черезъ три строки приводятся инфинитивы на твердое c — piec, wlec, móc. Оди́нное 3-ьеличье глагола być звучитъ де «jeść (стар. яз.) и jest (нов. яз.)» 482, 10. На дѣлѣ и въ старину jeść почти не встрѣчается: оно отмѣчено только по разу во Флоріанской псалтыри, въ Святокрестскихъ проповѣдяхъ (Kazania Świętokrzyskie) и въ Констанціиномъ молитвенникѣ. Въ парадигму глагола wiedzieć (491) помѣщено «прич. наст. страд. wiadomy», хотя на стр. 480, вн., отмѣчено, что wiadomy и тому подобныя формы сохранились лишь въ качествѣ прикладковъ. Объ э́левомъ причастіи plótł, wiódł сказано (493, 10—9), что оно имѣетъ «во мн. числѣ только pletli, wiedli», т. е. лично-мужескія формы, обыкновенныхъ же plotły, wiodły не приводится. Изъ трехъ примѣ-

ровъ на куявское ę вм. общепольскаго ą (bękart незаконнорожденный, nię, moję, 539, п. 2) вѣренъ только одинъ—nię вм. nią. Горальское нарѣчіе въ формахъ dóm, ón несомнѣнно «удержало» *u* = *ó* (543, вн.), но въ do dómu, óna, kóńe *u* введено вновь. Въ заглавіяхъ Цейновинскихъ кашубскихъ книжекъ (558, вв.) смѣшаны знаки j съ точкой и ȷ безъ точки, изъ коихъ первое обозначаетъ узкое, мягкое i, въ противуположность буквѣ i, равной польск. y, а вторая есть согласная, соотвѣтствующая польскому j и вмѣстѣ съ тѣмъ безгласная — знакъ мягкости (= i и ʹ). «Чешскій лѣсъ» (583), служащій съ южной стороны границею серболужицкаго языка, — двойной недосмотръ: 1) вм. Чешскій лѣсъ, = нѣм. Böhmerwald, лучше бы было сказать Шумава, а 2) нужна тутъ не Шумава, а Рудныя горы. Акутъ надъ согласными (кромѣ ć и dź) въ верхнелужицкомъ обыкновенно имѣетъ лишь этимологическое значеніе, и вовсе не обозначаетъ «мягкости согласныхъ» (601, 3); о ẃ и ń, равныхъ j и jn: krej, kójn, говорится у самого Флоринскаго—627 и 625 (подъ j). Непонятный мнѣ недосмотръ представляетъ указаніе относительно чередованія лужицкихъ *ó* и *o* (612, 5—7): «если вслѣдствіе сложенія или измѣненія флексіи удареніе переходитъ на другой гласный, то выступаетъ обычное *o*, напр. konja, hłodu» при kóń, hłód. Замѣчаніе, что верхнелужицкимъ звукамъ ć и dź «въ нижнелужицкомъ часто соотвѣтствуютъ ś и ź» выражено весьма неточно, да оно и излишне, въ виду того, что на стр. 620 объ этомъ дѣлѣ сказано достаточно подробно и совершенно вѣрно. Лужицкое (преимущественно верхнелуж.) h не есть «придыхательное *г*» 601, 8—9, а прямо равно нѣм. h, при согласныхъ же и въ исходѣ равно нулю. Отчасти это указано и у Флоринскаго, 627 вн., но насчетъ исхода онъ даетъ невѣрное правило, веля произносить bóch (626, 6 сн.). Опредѣленіе верхнелуж. kh, какъ «особое ch, произносимое съ густымъ придыханіемъ: khory» (601, 11—12), невѣрно: это есть нѣмецкое *k*, отличающееся отъ славянскаго нѣкоторымъ придыханіемъ. (Самъ авторъ, на стр. 621, 2 сн., объясняетъ kh нѣмецкимъ вліяніемъ). Совершенно своеобразныя по измѣненію звуковъ

strowy (**съдравъи**) и ŝpa (**истъва**) напрасно поставлены на одну доску съ обыкновенными случаями уподобленія (626, 9 сн.). Замѣчу еще, что zwjazać-zwězaś не слѣдуетъ объяснять превращеніемъ s передъ w въ z — вѣдь sw вполнѣ обычное сочетаніе, а spěwać, надо полагать, содержитъ предлогъ **съ**. «Въ серболужицкомъ яз. твор. п. двойств. ч. сходенъ не съ родит. (какъ въ старослав. яз.), а съ дат.-мѣст. п.» (635, п. 11) — нужно «мѣст. п.» и съ «дат.-твор.». Приводимый (655, 8) супинъ pjac, хотя и произошелъ несомнѣнно изъ супина *пець = староцерк. **пешть**, но совпадаетъ съ инфинитивомъ pjac, = староцерк. **пешти**. Некстати (661, прим. 1) говорится: «не слѣдуетъ забывать, что иногда и старослав. **ѩа** возникло изъ болѣе древняго **ѣа**, напр. **творѩахъ**, **слоужаахъ**» — для серболужицкой рѣчи изъ этого ровно ничего не выведешь. Не надо было, подъ парадигмой dać (666) помѣщать преходящее dawach, хотя бы съ оговоркою, что оно «собственно относится къ глаголу dawać» (667, 1—2). Сокращенное написаніе «hić(ś)», стр. 671, 10, неточно, такъ какъ вѣдь по-нижнелужицки hyś. 3-ьеличныя muća, khodźa и па́причастки mućo, khodźo (679, 9 сн.) лишь по недосмотру попали въ число формъ, примѣнившихся къ однинному 1-воличью — напротивъ, какъ и сказано выше, черезъ строку, muću и khodźu позаимствовались у mućo, khodźo, -ća, -dźa и у другихъ формъ настоящаго. Принявъ (694, пр. 2) мое пониманіе написаній *ey* и *ay* для полабскаго языка (какъ ei), Флоринскій всетаки не разъ употребляетъ ai: aid 695, п. 12, ĝodai 697, п. 2, pülai тамъ же II, vaikai, -kě, -kè, küstai, vaikam тамъ же III, jai 698, 12.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ можно усмотрѣть у Флоринскаго и прямыя невѣрности[1]). Буква ě у Чеховъ вовсе не обозначаетъ «двугласнаго краткаго ie» (58 сер.), а обозначаетъ *e* съ предшествующимъ легкимъ j (неслоговымъ i): město, běh, pět,

---

1) Неразъ, конечно, можно сомнѣваться, имѣемъ ли мы дѣло съ невѣрностями, или съ простыми недосмотрами.

květ = mjesto, bjech, pjet, kvjet. Что въ такихъ словахъ, какъ dělo, němy, tělo она выражаетъ *e* съ мягкостью предыдущаго cóзвучника, на это указываетъ самъ авторъ, говоря, что ně, dě, tě пишутся «неправильно» вм. ňe, ďe, ťe. Напрасно Флоринскій противуполагаетъ старочешскія слова bľázn дуракъ, bázn и kázn, какъ двусложныя, со слоговымъ n, теперешнимъ односложнымъ (77, 9—12): напротивъ, теперешнія двусложныя blázen, bázeň и kázeň (со вставнымъ *e*) въ старину были односложными[1]). Два раза (79 сер. и 80, 7) указывается, какъ множный рóдникъ къ noha, — nóh, каковой выговоръ нѣкогда существовалъ, но долженъ былъ, при чисто звуковомъ развитіи, перейти въ nůh, или же (какъ случилось въ дѣйствительности), путемъ подражанія,— въ noh[2]). Совершенно не понимаю, на чемъ основано утвержденіе, будто по-чешски «*s*, *z* всегда тверды, а *c* — мягко» (90, 7 сн.): всѣ три звука, какъ почти всѣ чешскіе cóзвучники,— средніе, способные къ легкимъ оттѣнкамъ подъ вліяніемъ слѣдующаго гласника; вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ также непонятно, почему Флоринскій считаетъ твердымъ *c* въ пришлыхъ словахъ (plac, palac) и возникшее путемъ сліянія согласныхъ (co = čso, bohactví = bohatství). Неладно сказано, что у Чеховъ «нерѣдко (въ литературномъ языкѣ) j возникаетъ передъ начальными гласными, особенно передъ i» (94, вн.), тогда какъ призвукъ j передъ начальнымъ i (кромѣ союза i) обязателенъ[3]), а передъ другими гласными вовсе не появляется. Чтó это за особенность говоровъ дулѣбскаго и злинскаго выговоръ bůch, sních, chlep, vus (95, 5—4)? Вѣдь переходъ конечныхъ голосовы́хъ въ безголóсные общечешское (въ то же время болѣе-менѣе общеславянское

1) Gebauer, Staročeské skloněni substantiv kmene -o. Pojednání Královské České Společnosti Nauk. Řady VII svazek I. V Praze 1886, стр. 4. Historická mluvnice, III, 86, стр. 49.

2) Gebauer, Staročeské sklon. sub. km. -a, тамъ же, svazek 2, 1888, стр. 8, приводитъ изъ рукописи Пророковъ XIV в. написаніе jeho nooh. См. также Hist. mluvn., III, 143, стр. 179.

3) Да и самъ Ф. тутъ же отмѣчаетъ начальное i (iný, iva, iskra, it) какъ *областную* черту.

и даже общечеловѣческое) явленіе, такъ что отмѣчать слѣдуетъ тѣ случаи, гдѣ его не бываетъ, напр. выговоръ du*b*, lu*d*, kré*v*, paú*z*[1]), nû*ž* въ угорско-словенскомъ разнорѣчіи, какъ Бартошъ (I, 34, п. 6) и дѣлаетъ. Нарѣчіе kde въ выраженіи kdè jste?, съ двойною погрѣшностью, названо союзомъ и энклитикой. Въ двóйномъ числѣ служатъ де окончаніями «для основъ на согласный: y, i, ě (им., вин. п.) ... напр. koruhwy, kameny, rameny, dietietie, dvě teletie» (104, п. 9). Букву *y* въ koruhwy и rameny мы, конечно, вслѣдъ за Гебауеромъ, должны читать i, а kameny— признать образованіемъ по éровому склоненію, на ýковскій ладъ (какъ сынъі). Hist. mluvn., III, 310, str. 339; 360, str. 417; 354, str. 409, такъ что *y* здѣсь вовсе не принадлежитъ «къ древнимъ окончаніямъ» (103, 1 сн.). Dva, oba не есть муж. и сред. р. (105, 2) — средній родъ совпадаетъ съ женскимъ, dvě, obě. Zemané, dvořané (108, п. 3) древнія образованія отъ согласныхъ основъ — вторичной приходится считать только долготу, идущую вѣроятно изъ и́жеваго склоненія; такая же форма и польское mieszczanie (444, 3—1). Какія это «словà чешскаго образованія» manžel супругъ, popel пепелъ, toul колчанъ, týl затылокъ (123, 8—11)? Развѣ они не праславянскія? Слово pondělí понедѣльникъ обыкновенно не муж. р. (130, п. 2), а средняго. Напрасно авторъ отрицаетъ существованіе въ старочешскомъ рóднаго падежа прикладочнаго склоненія dobré (156, 13—14)[2]), вслѣдствіе чего считаетъ нужнымъ выводить его путемъ отпаденія j изъ явно вторичнаго dobrej вм. dobřej, утратившаго смягченіе подъ вліяніемъ другихъ падежей, особенно должно быть именно рóдника dobré[3]). Несовсѣмъ вѣрно, что въ литературномъ языкѣ чешскомъ конечный l элевыхъ причастій всегда удерживается (165, сер.). См. Сравн. морф., 537, пр. 2. Положеніе, что pojíti въ смыслѣ пропасть, погибнуть образуетъ настоящее

---

1) Paúz = pavuz шестъ, коимъ сверху придерживается увязанная кладь на возу (снопы, сѣно).

2) Gebauer. Hist. mluvn. III, 443, str. 542.

3) Сравнимъ впрочемъ также на слѣдующей стран., по серединѣ.

(будущее) pojdu и велительное pojdi, -ěte, отличныя отъ půjdu пойду и pojď, -te пойди, -ите (180, 6—8), есть, навѣрно, чье-нибудь мудрствованіе. Vaři, -ite берегись, -итесь, разумѣется, нельзя считать «повел. накл. отъ устарѣлаго глагола varu» (192, 12), каковое звучало бы vař, vařte. См. Сравн. морф., Попр. и дополн., стр. 829—830. Нельзя допустить, чтобы при «послѣдовательной перегласовкѣ u въ i», «въ наст. врем. *сохранялись* u, ou: píšu, píšou, miluju» (196, п. 2): конечно, они *возстановлены*, по примѣру глаголовъ твердаго окончанія. Выговоръ kreju вм. kryju (-ji) совсѣмъ не однороденъ съ leju вм. liju (196 вн.): первое подражаетъ инфинитиву krejti изъ krýti, а второе представляетъ архаизмъ и равняется староцерк. **лѣѭ**. (Едвали можно, какъ я дѣлалъ ранѣе, возводить kreju къ праслав. крыѭ; впрочемъ и въ такомъ случаѣ оно не должно быть сопоставляемо съ leju). U dobrý sestry и u -rej -ry вовсе не звуковыя разновидности одного окончанія (197, п. 14): ý дѣйствительно соотвѣтствуетъ литературному -é (= *-ыѩ* или мѣстоименному *-оѩ*), -ej же находится въ связи съ *-ѣи* и съ *-ои*. Упрекъ Гебауеру, что онъ утверждаетъ, будто словацкое количество «вполнѣ» совпадаетъ съ чешскимъ» (263, 6 сн.), основанъ на ошибочномъ переводѣ слова celkem, означающаго «im Ganzen, вообще», а не «вполнѣ». Невѣрно, что азовыя окончанія словацкихъ формъ dlaňam, kosťam, dlaňach, kosťach и dlaňami не находятъ соотвѣтствія у Чеховъ (280, сер.) — самъ же Ф. приводитъ (137) соотвѣтственныя образованія daním, -ích, -ěmi. Правда, есть тутъ и разница: словацкія -am, -ach надо объяснять не простымъ заимствованіемъ, а сдѣлкою между -ām, āch и -ēm, -ēch (= **-ьмъ** и **-ьхъ**). Слова jazvec, švec и žnec вовсе не «переставляютъ» *e* въ другихъ падежахъ, jazevca, ševca и ženca (292, п. 7). См. Сравн. морф. 485, пр. 2 и статью Брюкнера въ Arch. f. sl. Ph., XII, 290 сл. До насъ вовсе не дошло полной Библіи на старопольскомъ языкѣ (392, 4 сн.): Софіина или Шарошпатацкая библія весьма неполна. Какъ можно говорить, что польское ę напоминаетъ не только франц. in въ pain, но и «un» (410, 2—3)? Со-

вершенно невѣрно, что «въ древнихъ рукописяхъ нерѣдко á обозначаетъ ясное *a*, а сжатое *a* напротивъ того передается обыкновеннымъ *a*» (417, пр. 2) — это замѣчается не въ рукописяхъ, а въ старопечатныхъ книгахъ, притомъ не только часто, а постоянно. Старопольское pwać, = пъвати, совсѣмъ не представляетъ превращенія u въ w (425, 7—8). Польское i послѣ гласныхъ (moi, szyi и т. п.) не даетъ никакого зіянія (тамъ же, 9—10), такъ какъ передъ нимъ слышится другое, неслóговое i. Wszak, wszego, szedziwy отнюдь не «мѣстныя» словà (432, 10—9). Множный рóдникъ nadziei вовсе не особенность Мицкевича (443, 2), а обыкновенная, хотя и нѣсколько странная форма. Рóдникъ łże во Флоріанской псалтыри не есть примѣръ перехода слова ложь изъ ӣжеваго склоненія въ азóвое (444, 9—10), и мы его должны, вслѣдъ за Нерингомъ, относить къ назывнику łża = староцерк. лъжа. Szwec (454, 7 сн.) — погрѣшность вм. szewc. Фамиліи Fredro и Kościuszko, конечно, совсѣмъ не литовскаго происхожденія (457, сер.)—литовскими ихъ можно назвать лишь по польскому способу, различая поляковъ-коронниковъ (koroniarze) и поляковъ-литовцевъ (litwini). Приводимое на стр. 460, п. 9, а, gęśla—форма небывалая. Radzi, warci и kontenci дѣйствительно принадлежатъ къ именнóму склоненію и только совпадаютъ съ приклáдочными (сложными) образованіями (462, 6—5), но rade, warte и kontente такъ-таки образованы по «сложному» склоненію. Wezwawszy и skowawszy, взятыя, при посредствѣ Калины (Hist. j. p., 373), изъ Софіиной библіи (стр. 113 b и 278 b, по изд. Малъэцкаго), не могутъ служить примѣрами на употребленіе прóшлостнаго пáпричастка отъ глаголовъ несовершеннаго вида (480, 8—9), такъ какъ принадлежатъ къ совершенному; да и znamionawszy стоитъ (тамъ же 205 b) въ соединеніи napisawszy listy ... i zn., гдѣ играетъ роль того же совершеннаго вида [1]). Leciemy, chodziemy, представляющіе «е, несомнѣнно воз-

1) Изъ подобнаго же сочетанія взято и Калинино jechawszy Księgi Ustaw 24 b, 12: do wrot jego jechawszy i laskę (-ą?) uderzywszy. Читаемое у него же sławszy (Соф. 75 а) есть опечатка вм. slawszy=сълнывъши.

никшее подъ вліяніемъ основъ настоящаго на е» (483, 6—5), должны быть объясняемы вліяніемъ одиннаго 1-личья на множинное. См. мою Кратк. фон. и морф. польск. яз., 40—41, а также у самого Флоринскаго, 500 сер. и 501 сер. же. Z, s въ кашубскихъ v́esc, ńesc, sedmé, serp, zema, zébnǫc, конечно, не «остаются твердыми» (566, п. 12), а впослѣдствіи отвердѣли. Сравнимъ sodło, непремѣнно предполагающее śodło, śedło. Вовсе не «бóльшая», а лишь малая часть сербовъ-лужичанъ исповѣдуетъ католицизмъ (584, 7—5). Далеко не точно сказано про лужицкую букву ŕ, что она «употребляется (за немногими исключеніями) только въ верхнелужицкомъ нарѣчіи», «звучитъ совершенно какъ š (ш) и принято изъ этимологическихъ соображеній только въ латинской графикѣ Матицы» (601, сер.) — вѣдь именно въ нижнелужицкомъ r чаще переходитъ въ š (см. у самого Флоринскаго, 618), и если Мука считаетъ знакъ ŕ «лишнимъ для нижнелужицкой графики», то дѣлаетъ это съ фонетической точки зрѣнія (Laut- und Formenlehre, 23, Anm.). Что слово рало (луж. radło, 616, 10 сн.) не представляетъ отпаденія *о*, отмѣчено уже въ первомъ моемъ разборѣ, стр. 14, сер. Чтó это за чередованіе l и r: kowal и kowaŕ (619, 7)? Вѣдь тутъ употреблены разныя наставки! Сравнимъ сербо-болгаро-словенское ковач, въ коемъ, конечно, никто не вздумаетъ выводить *ч* изъ *р* или изъ *л*. Нижнелуж. piła, разумѣется, не представляетъ нижнелужицкаго перехода *f* въ *p* (621, сер.), такъ какъ оно равно верхнелужицкому piła и общеславянскому пила, которое м. б. и заимствовано изъ старонѣмецкаго fila, съ указаннымъ превращеніемъ, но еще въ праславянскую пору. Твóрные падежи nožom, konjom, morjom нельзя выводить фонетически изъ ножемь, конемь, моремь (634, сер.), а надо объяснять вліяніемъ твердаго различія. Множный рóдникъ swini вовсе не есть подражаніе йжевому склоненію (642, сер.), а просто равняется староцерковному свиний и русскому свиней; напротивъ того, приводимое на стр. 639, п. 3 и 641, 5 сн. swiń есть подражательная форма — плодъ примѣненія іотоваго различія къ собственно-мягкому, произошедшаго, понятно,

въ такое время, когда еще господствовали безсуффиксные ро́дники zeḿ, ról и т. п. Нижнелужицкое окончаніе tej (pleśotej) едвали «могло возникнуть по аналогіи mej» (pleśomej, 658, 13—14), а скорѣе наоборотъ tej, возникшее подъ вліяніемъ указательнаго мѣстоименія, вызвало mej вм. moj.

И въ настоящемъ выпускѣ, также какъ въ первомъ, проявляется иногда слишкомъ свободное отношеніе къ звуковымъ законамъ. Срв. первую рец., стр. 11. Авторъ не затрудняется выводить чеш. zráti изъ **зьрѣти** (62, сер.), тогда какъ тутъ надо предполагать разныя глагольныя примѣты. Онъ допускаетъ, что слово **сѣра** уже въ старочешскомъ, когда другія слова на мѣстѣ ѣ представляли ie, могло звучать síra (тамъ же) — я бы считалъ обязательнымъ для такого síra, рядомъ съ miera, viera, vietr и т. д., предположить въ словѣ **сѣра** праславянское колебаніе между *ѣ* и *и*. Онъ не задумывается выводить *е* изъ *а* въ древнечешскихъ nem, vem вм. nám, vám, въ словѣ beran баранъ и въ областныхъ bezmale, telíř, jesan и selat (68 вв.). Изъ этихъ словъ nem, vem вѣроятно объясняются примѣненіемъ къ têm; bezmale— приняло обычное нарѣчное окончаніе -е = ѣ; telíř просто сохраняетъ *е* нѣмецкаго Teller; jesan должно быть есть су́мѣсокъ jasan и jesen; selat могло быть пріурочено къ причастію sel глагола síti-seti; соотношеніе фонемъ beran и баранъ (есть еще и бо-) неясно, однако не даетъ права выводить *е* изъ *а*. На той же стр., строка 6—7, авторъ допускаетъ, рядомъ съ обычнымъ переходомъ въ ляшскомъ говорѣ долгаго *а* въ *о*, такой же переходъ краткаго *а* въ словахъ pomať и pomatka вм. paměť и památka,— тогда какъ вполнѣ удобно видѣть здѣсь появленіе болѣе обычнаго предлога po, взятаго у глагола pomněti. Нарѣчія kame, tame, take съ переходомъ *о* въ *е* (71, сер.), надо полагать, произвели такую же подстановку обыкновеннаго нарѣчнаго окончанія, какъ bezmale. «Во многихъ» де «моравскихъ говорахъ (валашское, ляшское, злинское нар.) вм. u слышно иногда *у*: а) въ нарѣчіяхъ z mlady вм. z mladu, z novy вм. z novu, od hlady, z domy, po česky вм. po česku и др.; б) въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ сло-

вахъ: byď, byďte, slych» (74, вн.). Развѣ не ясно, что byď, -ťe явились подъ вліяніемъ býti, slych — подъ вліяніемъ slyšeti? Что po česky представляетъ сдѣлку между po česku и česky? (срв. рус. по-чешски). Z mlady и znovy должно быть содержатъ прикладокъ въ женскомъ родѣ; od hlady вѣроятно су́мѣсокъ нарѣчнаго выраженія od hladu съ нарѣчнымъ тво́рникомъ hlady. Только z domy неясно (подъ вліяніемъ z chalupy — изъ избы?); но неужели изъ-за него необходимо прибѣгнуть къ звуковому насилію? Въ вопросномъ мѣстоименіи kdo авторъ безо всякаго затрудненія говоритъ о переходѣ kt въ gd (87, 8 сн., 90, сер.),— вѣроятно тутъ надо допустить примѣненіе къ нарѣчіямъ kde и kdy. Выводитъ онъ также (93, 1 сн.) roští фонетически изъ roždí, какъ dešť изъ dežď, гдѣ имѣется правильное обезголо́шеніе исхода[1]); тутъ, очевидно, примѣшался глаголъ růsti-rostu. Въ областныхъ формахъ нарѣчій vícej, dálej, ménej и т. п. Флоринскій говоритъ (94—95) о приставочномъ j; тогда какъ, разумѣется, здѣсь произошло примѣненіе къ другой наставкѣ сравнительной степени -ěji (později). Онъ утверждаетъ, что «др. j замѣнено l въ др. ч. ledno (вм. jedno = jen [только]) и морав. len (вм. jen)» 95, 3—4; хотя тутъ же признаётъ, что «въ ledva рядомъ съ jedva l происходитъ изъ праслав. періода». Отъ этого ledva, или же прямо отъ le, = лѣ, клє, и могъ быть заимствованъ звукъ l въ ledno. Относительно r Флоринскій допускаетъ, что онъ «иногда передъ ь и е (первичными) не смягчается въ ř ...., напр. bereš вм. beřeš, ber, berte вм. beř, beřte, doktore!, sbore!, stařec и starec» (83, 6—4) — это все несомнѣнно вторичные плоды примѣненія къ родственнымъ формамъ, напр. у слова stařec къ косвеннымъ падежамъ, гдѣ сложное созвучіе ršts упростилось въ rts. Сравнимъ у самого Флоринскаго 183, 4 сл. Въ польскихъ глаголахъ rznąć и oślnąć авторъ усматриваетъ изчезновеніе гласнаго *е* (425 сер.); но *е* непремѣнно бы уцѣлѣло, основныя же фонемы были рьзнѫти и ось(п)нѫти. Онъ, не за-

1) Deště, -i и т. д. суть новотворки къ называно-винительному dešť.

думываясь, допускаетъ въ областной рѣчи у Поляковъ совсѣмъ странное отпаденіе начальнаго r въ предлогѣ roz: ozlał, ozdać, ozłożyć (434, 9—8) и g въ словѣ robak червь (435, 2). Областное же (лясовское) podnoga вм. -ło- полъ представляетъ молъ n изъ ł, тогда какъ оно легко объясняется примѣненіемъ къ слову noga. Въ словахъ inny, panna, гуппа водосточная труба будто бы удвоился простой n (427 сер.); изъ нихъ гуппа пришло съ такимъ n отъ нѣмцевъ (Rinne), panna (=паньна) имѣетъ два этимологическихъ n, а inny, видимо, пріобрѣло второй n, замѣнивъ старый прикладочный суффиксъ -y, -a, -e болѣе живымъ -ny, -na, -ne. Авторъ допускаетъ, что «гласный y иногда замѣняетъ другіе гласные — *e, u, i*: garnyšek, słonyško, dzvonyšek, chłopyšek, vonyšek,....krychy; въ твор. мн. ч. my вм. mi: jajmy, vołmy, ńemy... (540, п. 7)[1]); -yšek, -yško, конечно, другіе суффиксы вм. -eček, ečko, -ušek, -uško; krychy — другая огласовка корня; -my — сумѣсокъ окончаній *mi* и *y*. Въ исходѣ словъ могутъ де появляться у Лужичанъ (преимущественно въ разныхъ говорахъ) n, m, r, напр. нижнелуж. ten, wšen, něchten, nichten, верхнелужицкія tón, wšón, něchtón, nichtón; lěbdyn, wjelgin, žgan (нижнелуж.), lěbdym, lědym (нижнелуж.), hyšćer, južor (нижнелуж.), něntor (гродецк. г.), tamkor, tuder (628, 10—6). Что это за приставки ни съ того, ни съ сего?

Въ иныхъ случаяхъ впрочемъ и Флоринскій прибѣгаетъ вмѣсто фонетическихъ объясненій къ аналогіи, иногда даже безъ особенной надобности. Такъ мнѣ кажется гораздо естественнѣе допустить переходъ *c* въ *č* чѣмъ объяснять слова občan, Olomučan, къ obec община, Olomouc, вовсе не аналогичнымъ Pražan при Praha (92, прим.). Совершенно не правдоподобно, чтобы *e* въ давальникѣ prácem «удержалось по аналогіи имен. ед. и мн. ч. и тв. мн.» (120, вв.). Впрочемъ въ этомъ случаѣ дѣйствительно не обойдешься безъ посторонняго вліянія, а именно йжеваго скло-

1) Здѣсь Флоринскій воспроизводитъ показанія Оскара Кольберга (Lud, IV, Kujawy, Warszawa 1867, стр. 285, 79 и 284, 57); но воспроизводящій безъ оговорки чужой взглядъ беретъ его на свою отвѣтственность.

ненія: prácem по kostem, какъ наоборотъ daním по dušim. Польское областное dobry вм. dobrej рѣшительно незачѣмъ объяснять примѣненіемъ къ именному склоненію (511, п. 27) — оно легко могло возникнуть фонетически изъ -éj, -yj.

На счетъ нѣкоторыхъ вопросовъ Флоринскій выражается чрезвычайно осторожно. Такъ онъ говоритъ (167, пр.), что «только въ заподозрѣнныхъ текстахъ встрѣчается флексія ši: piješi, chceši (Краледворская рукопись), neimaši, mlviši (Отрывокъ Евангелія отъ Іоанна)», не рѣшаясь, по излишней уже осторожности, назвать эти рукописи прямо подложными. Онъ говоритъ, что у поляковъ «въ повел. накл. вм. ожидаемыхъ dz, с .... слышится ż, cz: łąż, pomóż, piecz, tłucz» (430, 5—4), не прибавляя столь очевиднаго объясненія, что ż и cz пришли сюда изъ настоящаго; да и на стр. 484, сер., онъ не признаётъ этого объясненія несомнѣннымъ, а только возможнымъ.

Подчасъ однако мы находимъ въ разбираемой книгѣ сужденія вовсе не осторожныя, а напротивъ того довольно смѣлыя. Такъ, по словамъ Флоринскаго, «необходимо предположить, что, покидая общую славянскую родину, чехи уже говорили своею особою рѣчью, отличавшею ихъ отъ другихъ славянскихъ сородичей» (34, 12—10). Я не вижу тутъ никакой необходимости и никакихъ основаній для того или иного сужденія. Точно также считаю слишкомъ рѣшительнымъ замѣчаніе, что къ IX—X ст. обликъ чешскаго языка, нужно думать, опредѣлился съ достаточною ясностью и совмѣщалъ въ себѣ тѣ характерныя черты, которыя въ позднѣйшую пору отличали его отъ другихъ славянскихъ языковъ» (34 же, 4—1). Въ дѣйствительности тогда не было напр. сўженія (перегласовки), не было ř, не было совпаденія ы съ і, ни ł съ l. Отмѣченное въ одной грамотѣ (1028 г.) Dubreu нашъ авторъ не затрудняется выводить путемъ перегласовки изъ Dubrava (37, сер.) — здѣсь или описка, или совсѣмъ другое слово. Не много ли сказано, что «въ древнѣйшую пору, въ Кирилло-Меѳодіевскую эпоху (IX ст.), чехо-мораване пользовались, если не исключительно, то преимущественно, славянскимъ письмомъ

(кириллица и глаголица)»? (56 вв.). Также и преемственность въ употребленіи глаголицы подлежитъ сильному сомнѣнію. Подобнымъ же образомъ какъ насчетъ древности чешскаго языка, авторъ высказывается и насчетъ древности польскаго (388 сер.): «имѣя въ виду аналогію другихъ славянскихъ языковъ, нужно допустить, что и языкъ славянскихъ колѣнъ ляшской вѣтви, сложившихся впослѣдствіи въ польскій народъ, представлялъ свои характерныя особенности, отличавшія его отъ другихъ родственныхъ языковъ, уже въ періодъ выселенія племени изъ общей родины въ привислинскія страны (въ VI в.)». Не вижу, далѣе, основанія думать, чтобы въ праславянскомъ языкѣ употреблялись назы́вничныя формы jь, ja, je (149, 5). Довольно смѣлымъ мнѣ представляется мнѣніе (высказанное, правда, какъ свое личное), будто «необходимо признать, что польскій языкъ издавна представлялъ три главныхъ носовыхъ гласныхъ: ǫ, ę, ą̃» (415, сер.). Естественнѣе думать, что польская рѣчь въ древнѣйшее время представляла носовые гласники *o* склонное къ *a* и *e* склонное къ тому же *a*, причемъ второму предшествовали мягкіе со́звучники, и то́ и другое могло быть долгимъ или краткимъ: sǭᵃd, sǒᵃk, řę̄ᵃd, ṕęᵃć; потомъ носовые oᵃ и eᵃ совпали въ одномъ носовомъ *a*: są̄d, są̆k, řą̄d, ṕą̆ć, и наконецъ уже ą̄ перешло въ ǫ, ą̆ — въ ę (sǫd, sęk, řǫd, ṕęć), причемъ иногда — по невыясненнымъ причинамъ — сохранялось носовое *a*. Пожалуй возможно, но по моему, совсѣмъ не «вѣроятно», что значительное «разнообразіе говоровъ среди маленькаго серболужицкаго народа восходитъ къ глубокой древности» (585 вн.).

Несмотря на все свое вниманіе къ исторической сторонѣ дѣла, — срв. хоть указанія на стр. 97, 3—4 и 10, что b и p въ чешскихъ hnuti, hynouti, křésti, usnouti, kanouti бывали уже въ праславянскую эпоху, и что къ ней же относится вставочный n въ do něho, — авторъ впадаетъ въ иныхъ случаяхъ въ неисторичность. Слово jest со своимъ праславянскимъ призвукомъ совершенно некстати помѣщено рядомъ съ jiti и областнымъ joči (81 сер.). Давально-мѣстный падежъ слова deska—desce (133,

п. 4) не можетъ служить примѣромъ измѣненія *k* «передъ *e* на основаніи общихъ законовъ языка», такъ какъ онъ звучалъ нѣкогда deščě, deště, и лишь впослѣдствіи превратился въ desce подъ вліяніемъ такихъ случаевъ какъ ruka — ruce и víska — vísce (изъ вьсъка). Геб., Hist. mluvn., III, 137, стр. 176 [1]). Если молъ въ чешскихъ инфинитивахъ «передъ t оказывается согласный, который не соединяется съ этимъ звукомъ, то они подвергаются взаимнымъ измѣненіямъ на основаніи общихъ законовъ языка, напр. vésti, plésti, péci» (161, 5—3) — но вѣдь это явленія не чешскія, а праславянскія и славянолитовскія. Срв. 1-ую рец., 11. Какъ одна изъ особенностей грозенковскаго говора чешскаго языка указывается (338, п. 3), что «*e* исчезаетъ изъ окончанія eček: chlapček», тогда какъ тутъ имѣется правильное проясненіе средняго изъ трехъ глухихъ въ основной фонемѣ хлапьчькъ, а литературное chlapeček переняло первое *e* у косвенниковъ chlapečka и т. д. Правда, Ф. въ указанномъ мѣстѣ говоритъ не отъ себя, а повторяетъ слова̀ Бартоша (Dial. mor., I, 40, 8), и надо думать, что онъ, равно какъ и Бартошъ, знаетъ настоящее положеніе дѣла (срв. у Бартоша стр. II, вн.) — но зачѣмъ же выражаться такъ ненаучно и сбивать этимъ учащихся? Въ областныхъ польскихъ bieresz, biere r конечно не сохранился въ несмягченномъ видѣ (426, 3—2), а возстановленъ изъ такихъ формъ, гдѣ за нимъ слѣдовалъ широкій гласникъ или же сóзвучникъ. Утверждая, что «передъ согласными n иногда твердѣетъ: piosnka» (427 сер.), авторъ забываетъ, что основной видъ этого слова есть пѣснъка. Одни́нное перволичье umiejem, стягиваемое въ umiem (483 сер.) — форма небывалая; также и działam не представляетъ «стяженія изъ первичнаго aje» (тамъ-же, 3 сн.). Срв. мою Краткую фон. и морф. польск. яз., 39, и кашуб. znają̃. «Праславянское je «у настоящаго къ глаголу być» раньше всего исчезло въ 3 л. мн. ч.» (488, 4 сн.) — да вѣдь тутъ ко-

1) Срв. приводимое самимъ Флоринскимъ (92 вн.) vojště, рядомъ съ которымъ, правда, и тамъ поставлено desce и однородное съ нимъ Polsce—по-старинному Polšćě, Polště. Срв. также выше, стр. 208 (о. о. стр. 8), стрк. 12 сн.

ренной гласникъ *e* исчезъ еще въ индоевропскомъ праязыкѣ. Срв. мою статью «О сильныхъ и слабыхъ формахъ», 24 (= Р. Ф. В., XIV, 344), пр. 2. «Въ един. ч.» (лужицкаго велительнаго наклоненія) «личныя окончанія (какъ и въ другихъ славянскихъ языкахъ) исчезли» (660, 13—14)—развѣ это произошло въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ? Вѣдь во 2 лицѣ s отпалъ у Праславянъ, а въ 3-мъ t — у Славяно-литовцевъ.

Случается автору, хотя онъ обыкновенно строго отличаетъ звуки отъ буквъ, принимать кое-гдѣ правописныя особенности за языковыя. Въ чешскихъ словахъ dcka, předce, dvadcet онъ видитъ переходъ *s* въ *c*, въ bohactví, dvanáct—переходъ въ тотъ же звукъ сочетаній ts и ds (91 вн.). «Иностранное s передается» молъ «то черезъ š, то черезъ ž: Ježíš (Jesus), Mojžíš (Moyses), Šimon, Šavel, Mikuláš, groš, verš (versus), žehnati (segnen), žeml (Semmel)», 93 сер., причемъ не обращено вниманія на тò, что буквѣ s въ однихъ случаяхъ соотвѣтствуетъ звукъ s (безголосный), а въ другихъ — звукъ z (голосовой), каковая двойственность и отражается въ чешскихъ š и ž. На стр. 149, 13, приводится литературное kdo при народномъ gdo, тогда какъ тутъ имѣется лишь двоякое написаніе одной и той же фонемы. Безіотыя sem, si, sme, ste, sou (175, 1 сн.) только иное правописаніе вм. іотовыхъ, гдѣ начальный j не произносится. Этотъ j слышится лишь въ отрицательныхъ nejsem, nejsi и т. д.; именно вообще слышится, а не то, чтобы онъ слышался и помимо отрицанія, но не такъ сильно (176, 3). Въ такомъ же соотношеніи находятся литературное jdu съ j, народное du безъ j (180, 8—9) и отрицательное nejdu, о коемъ Флоринскій забылъ упомянуть. Вслѣдствіе того, что словацкое dvadsať, съ буквами ds, звучитъ такъ же, какъ съ буквою *c*, то на стран. 305, стрк. 1 сн., при чтеніи вслухъ не получается смысла. То же самое на стран. 306, у чиселъ tricať и štyricať. Польское jabko, безъ ł, есть только болѣе звуковое написаніе вм. обыкновеннаго j-a-b-ł-k-o, въ коемъ ł не читается, а вовсе не областное (434, 10 сн.). Сравнительныя степени słabszy, łakomszy, nowszy, bogatszy и starszy, въ коихъ

п. 4) не можетъ служить примѣромъ измѣненія *k* «передъ *e* на основаніи общихъ законовъ языка», такъ какъ онъ звучалъ нѣкогда deščě, deště, и лишь впослѣдствіи превратился въ desce подъ вліяніемъ такихъ случаевъ какъ ruka — ruce и víska — vísce (изъ вьсъка). Геб., Hist. mluvn., III, 137, стр. 176[1]). Если молъ въ чешскихъ инфинитивахъ «передъ t оказывается согласный, который не соединяется съ этимъ звукомъ, то они подвергаются взаимнымъ измѣненіямъ на основаніи общихъ законовъ языка, напр. vésti, plésti, péci» (161, 5—3) — но вѣдь это явленія не чешскія, а праславянскія и славянолитовскія. Срв. 1-ую рец., 11. Какъ одна изъ особенностей грозенковскаго говора чешскаго языка указывается (338, п. 3), что «*e* исчезаетъ изъ окончанія eček: chlapček», тогда какъ тутъ имѣется правильное проясненіе средняго изъ трехъ глухихъ въ основной фонемѣ хлапьчькъ, а литературное chlapeček переняло первое *e* у косвенниковъ chlapečka и т. д. Правда, Ф. въ указанномъ мѣстѣ говоритъ не отъ себя, а повторяетъ слова̀ Бартоша (Dial. mor., I, 40, 8), и надо думать, что онъ, равно какъ и Бартошъ, знаетъ настоящее положеніе дѣла (срв. у Бартоша стр. II, вн.) — но зачѣмъ же выражаться такъ ненаучно и сбивать этимъ учащихся? Въ областныхъ польскихъ bieresz, biere r конечно не сохранился въ несмягченномъ видѣ (426, 3—2), а возстановленъ изъ такихъ формъ, гдѣ за нимъ слѣдовалъ широкій гласникъ или же со́звучникъ. Утверждая, что «передъ согласными n иногда твердѣетъ: piosnka» (427 сер.), авторъ забываетъ, что основной видъ этого слова есть пѣснъка. Одни́нное перволичье umiejem, стягиваемое въ umiem (483 сер.) — форма небывалая; также и działam не представляетъ «стяженія изъ первичнаго aje» (тамъ-же, 3 сн.). Срв. мою Краткую фон. и морф. польск. яз., 39, и кашуб. znają̄. «Праславянское je «у настоящаго къ глаголу być» раньше всего исчезло въ 3 л. мн. ч.» (488, 4 сн.) — да вѣдь тутъ ко-

1) Срв. приводимое самимъ Флоринскимъ (92 вн.) vojště, рядомъ съ которымъ, правда, и тамъ поставлено desce и однородное съ нимъ Polsce—по-старинному Polščě, Polště. Срв. также выше, стр. 208 (о. о. стр. 8), стрк. 12 сн.

дѣлать никакихъ выводовъ изъ написанія памятниковъ. Какъ можно говорить, что въ мягкомъ различіи азóваго склоненія у чеховъ съ падежами давальнымъ, мѣстнымъ и винильнымъ (duši) совпали также однинный твóрникъ и множный рóдникъ, гдѣ і (какъ тутъ же оговаривается) долгое? Стр. 112, III, 2. Не знаю, чего Флоринскій удивляется, что даже за послѣднія триста лѣтъ (шутка ли 300 лѣтъ?) въ [чешскихъ] нарѣчіяхъ произошли болѣе или менѣе существенныя измѣненія» (195, 5—4). Чтó за странное выраженіе: «придерживаясь современной терминологіи, можно было бы сказать, что словацкій языкъ есть по преимуществу живой потомокъ славянскаго праязыка» (238, 8—10). И неясно, и недѣльно замѣчаніе, что «іотаціей *a* послѣ мягкихъ согласныхъ словацкій отличается отъ чешскаго и сближается съ малорусскимъ нарѣчіемъ» (253, 5—3). Не могу не опротестовать также слѣдующаго сужденія: «такъ какъ слова čerešňa, čerieslo въ полногласной формѣ свойственны не одному какому-либо говору, а всему [словацкому] языку, то естественно въ нихъ видѣть одно изъ многихъ свидѣтельствъ исконнаго родства словацкаго языка съ русскимъ» (259—260). Чтó здѣсь предполагается? Существованіе полногласія во времена какого-то русско-словацкаго единства?! Столь же непонятно мнѣ сомнѣніе во вторичности такихъ явныхъ новотворокъ, грѣшащихъ противъ праславянскаго закона смягченія, какъ давально-мѣстные падежи ruke, nohe, muche, какъ множные назывники velkí, mnohí, tichí, какъ сравнительныя степени horkejší, trpkejší, rezkejši, krehkejší, ľudskejší и какъ притяжательные прикладки matkin, macochin, strigin, и предположеніе, что «не правильнѣе-ли видѣть въ нихъ одну изъ тѣхъ многочисленныхъ кажущихся аномалій, которыя подтверждаютъ съ одной стороны своеобразность словацкаго языка, а съ другой стороны его близость не съ однимъ только чешскимъ языкомъ, но и со многими другими славянскими языками, въ данномъ случаѣ съ русскимъ?» (272—273). Непозволительно также, въ виду праславянскаго сýженія *o* послѣ мягкости въ *e*, говорить,

что словацкія формы mužovi, -om, -ov, -och, poľo «можно объяснять двояко: или общимъ вліяніемъ твердаго склоненія на мягкое, или способностью сохранять неперегласованное *о* послѣ мягкихъ согласныхъ» (279—280); самъ авторъ, черезъ три строки, даетъ зо́вному падежу dušo первое, единственно возможное объясненіе. Совершенно излишне искать основанія старопольской путаницы въ обозначеніи *ы* и *и* въ переходѣ съ одной стороны *кы*, *гы* въ ki, gi, а съ другой — *ци*, *жи*, *ши*, *чи* въ cy, ży, szy, czy (399, 5): она просто проистекала изъ того, что латинская азбука представляла два знака для звука *і* и ни одного для *ы*, и что не сразу установилось условное разграниченіе буквъ *і* и *y*. Чисто механично и неестественно говорить у поляковъ о переходѣ первичныхъ tj и dj послѣ s и z въ шипящіе, а не въ свистящіе: chłostać — chłoszczę, gnieździć — gnieżdżę (428, 11—13). Срв. мою замѣтку «Два слова о смягченіи т и д». Граммат. зам., стр. 74 = Р. Ф. В., VII, 268. Странно видѣть «смягченіе *с*» въ словахъ zwierciadło и świecie (431, 15—14): zwierciadło при староцерк. ꙁрьцало очевидно развилось не фонетически, а подражательно. Срв. Грамм. зам., IV = Р. Ф. В., VI, 331. Na świecie правильная форма отъ świat; или это какая-нибудь (мнѣ неизвѣстная) областная форма давально-мѣстнаго падежа слова świéca, вродѣ бескидскаго мѣстника grosie отъ слова grosz? (Сравн. морф. 580, прим. 2). На это, однако, надо бы было прямо указать. Какое имѣется основаніе считать старопольскія и народныя sąśmy, sąście «искусственными формами»? (489 сер.): онѣ столь же естественно могли возникнуть при множномъ 3-тьеличьи są, какъ jestem и jesteś при оди́нномъ jest. Какое такое «расподобленіе согласныхъ» можно усмотрѣть въ словѣ modlitba (сѣверозап. говоръ верхнелуж. нар., иначе -wa): b вм. w, а также въ нижнелужицкихъ karwona ворона (по-верхнелуж. hawron воронъ): k вм. g; niedopyŕ (по-верхнелуж. -t-): d вм. t; chrapa капля (по-верхнелуж. krjepa), chto, duchtaŕ, klěb (по-среднелуж. ch-, по-верхнелуж. kh-) и kśěś (по-верхнелуж. chcyć): k вм. ch и наоборотъ; ledba едва (по-верхнелуж. -ma) и

głum рядомъ съ głub кочерыжка: чередованіе m и b? (626—627). Одно только верхнелуж. štyri вм. čt- (по-нижнелуж. st-) допускаетъ такое объясненіе, въ виду того, что čt = tšt, хотя и тутъ слѣдуетъ видѣть не расподобленіе, а упрощеніе сложнаго созвучія. Кромѣ этого случая, да еще кромѣ cht вм. kt, здѣсь нечего думать о звуковыхъ переходахъ, а только о подстановкѣ другихъ наставокъ и о примѣненіи къ другимъ словамъ[1]). Что это за «вставка k» въ нижнелуж. skrygaś рыгать (которое мнѣ неясно), 628, 5 сн.; вѣдь, если и смотрѣть на дѣло чисто механически, тутъ можно говорить развѣ о «приставкѣ sk». Позволительно-ли видѣть (628, 2—1) вставку b въ словахъ wučobnik (верхнелуж., нижнелуж. -ca-) ученикъ и wědobny (нижнелуж., по-верхнелуж. -mny)? Во второмъ словѣ прежде всего никакъ нельзя усмотрѣть вставки, а только, пожалуй, переходъ m въ b, а кромѣ того въ обоихъ случаяхъ естественно признать производство отъ словъ на -ba, или примѣненіе къ нимъ: wučba — wučobny — wučobnik (= рус. учебникъ); wědobny или дѣйствительно отъ нынѣ, кажется, не существующаго wědba, или же изъ wědomy, -mny, но съ мыслію о такомъ словѣ и съ примѣненіемъ къ нему. Не рѣшился бы я также написать, что нижнелужицкія cerkwej, kšwej кровь, tawiś таить, скрывать и общелужицкое pawk паукъ представляютъ вставку w (628—629). Въ первыя два, послѣ перехода конечнаго ẃ въ j, w вновь внесенъ изъ косвенниковъ (cerkẃe). Срв. морф. 720, пр. 3; pawk представляетъ не вставку, а переходъ слогового u въ неслоговое; tawiś должно быть мудреное произношеніе (можетъ быть только правописаніе?) вм. tajiś, по образцу какого-нибудь dawiś, произносимаго dajiś; одно пришлое piwonija дѣйствительно развило себѣ вторичное w между несочетаемыми съ собою гласными; среднелуж. knihwy (и по-нижнелуж. та́къ, или же -ły) мнѣ неясно[2]). При-

---

1) Не вижу расподобленія также въ областныхъ польскихъ словахъ chto, chtory, styře, stvarty, kvała, křest, Krystus, skovej 434, сер.

2) Флоринскій здѣсь выписываетъ изъ Муки, но выписывая онъ, какъ сказано уже выше, принимаетъ на свою отвѣтственность повторяемыя толкованія.

водя, какъ и предыдущіе примѣры, изъ Муки нижнелуж. głowjedo говядо и общелуж. stadło, не слѣдовало опускать столь естественнаго объясненія ихъ вліяніемъ реченія głowa (вѣдь скотъ считаютъ по головамъ) и ходячаго окончанія -dło. Подобнымъ же образомъ, полагаю, и marzle корь или краснуха (нѣм. Masern и областное Masseln корь — Mucke, 280) переняло r у глагола marznuś. Не понимаю, какъ можно говорить о «совпаденіи» глагольной наставки -my (palimy, damy) съ соотвѣтственнымъ мѣстоименіемъ 1 л. мн. ч. my (657): вѣдь окончаніе my несомнѣнно вышло изъ -мъ (можетъ быть изъ -мо или -ме) примѣнительно къ этому мѣстоименію.

Нѣкоторыя положенія Флоринскаго я не рѣшаюсь прямо отвергать, но все-таки считаю нужнымъ оспаривать. Старочешскій звукъ, передаваемый латинскою буквою g въ какихъ-нибудь Bogumil или Dobrogost (38, п. 5), могъ и не быть настоящимъ, взрывнымъ *г* (брага), а могъ быть *г* проточнымъ (благо). Высказавшись въ такомъ смыслѣ въ своихъ Лекціяхъ по историч. грамм. рус. яз., 113—114, я возобновилъ мысль, высказанную еще Добровскимъ, слѣдующими словами: «латинскіе писцы обыкновенно выбирали для передачи нашего h букву g, какъ до сихъ поръ пишутъ Praga вм. Praha. Церковно-славянскій глаголь есть собственно средній звукъ между g и h» (Geschichte der böhmischen Sprache und älteren Literatur, Prag 1818, S. 80—81). Večeros (60, 8) должно быть замѣнило -es подъ вліяніемъ letos[1]). Областное Lihota вм. Lh- (тамъ-же и 72, 11—9), навѣрное, прошло черезъ посредствующую ступень L̥hòta съ мягкимъ слоговымъ l; въ старочешскомъ dibři первое i должно быть прямо обозначаетъ узкій глухой ь, второе же служитъ «мягкимъ знакомъ». Неперегласованное *a* въ моравскихъ говорахъ (duša, muža, lavica, mořa 64, 5—3) я по большей части склоненъ объяснять не сохраненіемъ старины, а примѣне-

1) Приводимыя также, какъ примѣры на *о* изъ ъ, bleskot, chrapot, надо полагать, содержатъ другую, хотя и родственную съ -ътъ, наставку -отъ. Срв. общеслав. животъ.

ніемъ мягкихъ окончаній къ твердымъ. Сомнѣваюсь, чтобы чеш. «krchov (нѣм. Kirchhof)» кладбище было однородно съ областными фонемами slný, kľč вм. silný, klíč (75, 14—13): чешскій слоговой r едва-ли не ближе къ нѣмецкому глуховатому слогу ir, нежели чешскій слогъ ir. Созвучіе žď изъ zg и zd (roždička, hyžděn) 92, 12—9, я считаю необходимымъ объяснять сохраненіемъ въ соединеніи žďž, перешедшемъ впослѣдствіи въ žď, древнѣйшаго праславянскаго смягченія g и d въ dž. Не вижу никакой надобности возводить чеш. jho къ праслав. jьго (94, J, 3): можно исходить и отъ формы иго. Спорить буду, далѣе, противъ утвержденія, будто въ чешскомъ языкѣ «гораздо больше» остатковъ именного склоненія прилагательныхъ, «чѣмъ въ другихъ живыхъ славянскихъ языкахъ» (141, 7—6). Уже самъ Флоринскій оговариваетъ (141—142), что сравнительная сохранность названнаго склоненія замѣчается преимущественно въ языкѣ старинномъ и книжномъ, къ чему я прибавлю, не вдаваясь въ подробности, что по-русски чаще пользуются именными формами въ качествѣ сказуемаго (он мал, велик, тих и др.), и что сербы— въ извѣстномъ смыслѣ также словенцы[1]) — до сихъ поръ сохранили, хотя не безъ внесенія туда сложныхъ окончаній, даже грамматическія категоріи прикладковъ опредѣленныхъ и неопредѣленныхъ. Не могу одобрить еще причисленія, вслѣдъ за Гебауеромъ, къ мѣстоименному склоненію мѣстоименій личныхъ и возвратнаго, коимъ остальныя противуполагаются, какъ «собственно мѣстоименное склоненіе» (145—146): вѣдь первыя несомнѣнно гораздо ближе къ именамъ, чѣмъ къ другимъ мѣстоименіямъ. Аористныя 3-тьеличья vedu, nesu, pohřebu, užasu se должно быть представляли не долгое, а краткое u, и награждаются долготою лишь по невѣрной аналогіи настоящаго, такъ какъ конечные гласники, помимо стяженныхъ, какъ dobrá, -ré, и продолженныхъ въ нѣкогда закрытомъ слогѣ, какъ въ настоящномъ vedú, -ou, бываютъ кратки. Кажется, невѣрно, чтобы «въ выразитель-

1) Срв. 1-й разборъ, стран. 7, сер.

ной рѣчи вспомогательный глаголъ» (въ прошедшемъ времени у чеховъ) былъ бы «необходимъ» (174, сер.), хотя такъ говоритъ Миклошичъ (Сравн. морф., 565). Объясненіе настоящаго kreju вм. kryju изъ велительнаго, перешедшаго-де изъ kryj, черезъ krý, въ krej, сложнѣе и менѣе естественно, чѣмъ указанное выше, стр. 230,8 (о. о. 31,8). Также для падежныхъ формъ tým, tých, tými Флоринскій предпочитаетъ самому естественному объясненію ихъ изъ сложнаго склоненія, при коемъ понятна и долгота, менѣе удобное объясненіе — изъ мягкаго различія (299, 9—14). Сомнѣваюсь, чтобы по-словацки dám обыкновенно замѣнялось посредствомъ dajem (315, 1 сн.), и думаю, что dajem есть другая форма вм. dávam. Положительно не вижу надобности, изъ-за непривычности современному россіянину и даже поляку согласныхъ группъ, представляемыхъ словами Флоріанской псалтыри stdze, czsnoty, czso, dziedziczstwo, предполагать въ этихъ группахъ присутствіе глухого (398, п. 4): вѣдь такія фонемы, какъ переходныя, если-бъ онѣ и не встрѣчались, слѣдовало бы предположить. Единичныя ocieca (oczecza) и mienie (mene) въ качествѣ давальника, конечно, также не доказываютъ существованія глухихъ: ихъ можно бы объяснить заимствованіемъ *e* изъ называника ociec и изъ древняго рóдника мене, но проще всего считать описками. Bydło въ смыслѣ владѣнія, possessio (по-чешски въ смыслѣ жилища, habitaculum), czysło, posledni и нѣк. другія слова̀, приводимыя на стр. 400, 6—4, могли бы и не быть чехизмами, а древними чешско-польскими. Замѣчаніе, что «въ (польскихъ) говорахъ иногда смѣшиваются l и ł» слѣдовало бы подтвердить иными примѣрами, какъ chwilka и chwiłka, łokaj и lokaj (426, 12—13): во второмъ словѣ имѣется двоякая передача нѣмецкаго средняго l (сравн. рус. лампа и польс. lampa), а первое (также пришлое) слово то сохраняетъ передъ наставкою ka свой мягкій l, то подвергаетъ его отвердѣнію, по примѣру туземныхъ словъ, нѣкогда кончавшихся на -ъка: wieś — wioska, nić — nitka. Въ случаяхъ смягченія g въ свистящій (кънѧѕь, ноѕѣ) я считаю необходимымъ приписать праславянамъ не «мягкое z»

(431 сер.), а такое же dz. Областное польское велительное rvi, рядомъ съ pi вм. pij, можно, пожалуй, выводить изъ обыкновеннаго rwij (435, 7), но его можно считать и архаизмомъ. Относительно того, что въ малопольскомъ произношеніи «e не разширяется въ o: v́eze, v́ede, plete (1 л. ед. ч.), v́ezła, pletła, ośeł, koźeł, koćeł, ḿetła, v́esna, v́esło» (508, п. 3), я сомнѣваюсь и былъ бы склоненъ предположить скорѣе возстановленіе e изъ родственныхъ формъ; слова на eł = ьлъ фонетически вполнѣ законны, и въ оправданіи нуждается широкій выговоръ osioł и т. д. Объяснять народныя v́on, don изъ wziął, dął черезъ v́onł, donł (510, п. 13) дѣйствительно возможно, но по моему естественнѣе видѣть здѣсь сліяніе носового пазвука съ зубникомъ ł въ носовой зубникъ n. Не вижу надобности выводить ě въ лужицкихъ многократныхъ глаголахъ běrać (-ś), wudzěrać (huźěraś), wuměrać (huměraś) изъ i (611, 9—11), такъ какъ его можно выводить изъ ѣ. Не думаю, чтобы лужицкій родникъ tebje прямо могъ считаться давальникомъ (646, 11—12) — мнѣ сдается, что это переиначенное подъ вліяніемъ другихъ падежей, ближайшимъ образомъ давальника, ćebje = тєбє.

Не разъ мнѣ казалось бы нужнымъ прибавить ко сказанному у Флоринскаго еще нѣкоторыя указанія и соображенія. Такъ не одни же старинныя написанія съ ui, вродѣ Buistrice, свидѣтельствуютъ о различіи въ старочешскомъ языкѣ между *i* и *y*, но видно оно уже изъ обыкновеннаго правописанія, а также изъ того, что только долгое *y*, а не *i* (исключая перешедшее предварительно въ *y*), превратилось въ ej. Если Чешскіе братья послѣ *c*, *s* и *z* всегда писали *y*, различая *i* и *y* въ другихъ случаяхъ (49, пр. 1), то очевидно потому, что они, подобно какъ сербы-лужичане, произносили cy, sy, zy, хотя первый слогъ всегда, а другіе два нерѣдко восходили къ узкимъ слогамъ ci, si, zi)[1]. Приводя самородное настоящее sberu при инфинитивѣ sebrati (68

1) Соображеніе это даже излишне, въ виду имѣющихся прямыхъ указаній. Geb., Hist. mluvn., I, str. 212.

сер.), не мѣшало оговорить, что теперь преобладаетъ примѣненное къ инфинитиву seberu, какъ и по-русски соберу. Относительно произношенія долгаго *у* за ej и сохраненія долгаго u начальнаго (73, 2—4 и 4—3) я прибавилъ бы, что меня, когда я, черезъ 22 года вторично побывалъ въ Прагѣ, поразило возобладаніе архаическаго произношенія být́i, údolí, очевидно, подъ вліяніемъ школы: изъ перваго посѣщенія Чехіи я вынесъ убѣжденіе, что произносить *ý* и *ú* манерно. Указавъ на неспособность предлоговъ dle, kol и skrz перетягивать на себя удареніе и на слабую притягательность предлога krom (99 сер.), я отмѣтилъ бы еще, что это предлоги вторичные, бывшіе сравнительно недавно самостойными, притомъ двусложными, нарѣчіями. Насчетъ взятыхъ изъ моей собственной Акцентологіи слѣдовъ болѣе архаическаго акцентованія у чеховъ (102, 10 сл.) я теперь, кромѣ оговорки относительно ho, сдѣланной уже въ названномъ сочиненіи (153, пр. 2), имѣющей, конечно, силу и для mu, считаю нужнымъ оговорить, что mne развилось навѣрное не безъ вліянія падежей давально-мѣстнаго и творнаго mně, mnú, и что въ bju, pju, zvu, řku и přátelé выпали не чистые звуки (Акцент. 155, 7—6), а глухіе; pláti же содержитъ корень pol (срв. **полѣти**). При чешскихъ народныхъ формахъ nohouch, rukouch и nohoum, rukoum, исходящихъ отъ двои́ннаго родно-мѣстника nohou, rukou (105, 6—8), я бы не преминулъ привести такое же образованіе въ русскомъ языкѣ — двух, двум. Ко сказанному о мно́жномъ мѣстникѣ е́роваго склоненія (126, п. 11), кажется, можно прибавить, что въ просторѣчіи охотно употребляютъ -ách во избѣжаніе смягченія: v potokách, na rohách. Старочешскую форму лично-вопроснаго мѣстоименія — kte (рядомъ съ kto), упоминаемую на стр. 149, сер., я положительно не могу истолковать себѣ иначе, какъ вліяніемъ хотя бы утраченнаго весьма рано предметно-вопроснаго če, = праславянскому *чь*; что́ же страннаго въ предположеніи, что конечный *ь*, будучи единственнымъ гласнымъ въ словѣ, не онѣмѣлъ, а прояснился? О старинныхъ формахъ мѣстоименія všeček, оговоривши прежде всего, что, хотя

«первоначально склонялись обѣ составныя части слова» (153, 8—9), но склоненіе это ограничивалось падежами назывнымъ и винильнымъ, я замѣтилъ бы, что двойнóе склоненіе не можетъ быть исконнымъ, ибо тутъ нельзя видѣть сліянія двухъ самостойныхъ словъ, вродѣ староцерковнаго дъва десѧти — дъвою десѧтоу — дъвѣма десѧтьма, и едвали можно сомнѣваться въ связи этого мѣстоименія со староцерковнымъ вьсачьскъ, которое лишь вторичнымъ образомъ, подъ вліяніемъ вытѣсняемыхъ имъ формъ veš, vše, všě, všu, vši, všě, všě, пріобрѣло и внутреннее склоненіе. Для объясненія словацкаго krú, рядомъ съ krev и krv (294, п. 1, д.), я предложилъ бы исходить отъ древняго *кры* (старопольск. kry, словинск. krî), выводя изъ него krú путемъ превращенія *у* въ u подъ вліяніемъ v въ косвенныхъ падежахъ. Польскаго chrzebiet я не сталъ бы приводить (400, 11 сн.) безъ оговорки, что это, хотя и старинная, но вторичная фонема, вм. chrzbiet, возникшая въ угоду косвенникамъ chrzepta и т. д. См. у Брюкнера (A. f. sl. Ph., XII, 292), который указываетъ эту фонему въ Софіиной библіи (стр. 157 а, листъ 88 об.), а также во Флоріанской псалтыри, 68, 28 (такъ, а не 24)[1]). Заимствованное у меня самого толкованіе польскаго cepa вм. ожидаемаго capa (416, сер., Крат. фон. и морф., 5, 11—8) я теперь считаю неудовлетворительнымъ: вѣдь говорятъ cały, całować. Къ указанію на превращеніе у нѣкоторыхъ поляковъ слога łu, черезъ u̯u, въ простое u, напр. gupi вм. głupi (426, 8—9), можно прибавить, что при этомъ получается долгій гла́сникъ съ восходящимъ удареніемъ: gúpi. Зовный падежъ Jezu Chryste (451, 2)—вѣдь не Chryście,—оговорилъ бы я, очевидно живьемъ выхваченъ изъ латыни. При объясненіи неопредѣленныхъ мѣстоименій и нарѣчій ktoś, gdzieś согласно съ моею Краткою фонетикою и морфологіей, 33 (у Флоринскаго 464 сер.), слѣдовало бы привести также толкованіе Соболевскаго (Р. Ф. В. VII, 277),

---

1) Откуда Флоринскій взялъ цитуемое имъ въ томъ же мѣстѣ czełowiek, мнѣ неизвѣстно — оно крайне подозрительно.

по коему ś равно не давальнику возвратнаго мѣстоименія, а равно указательному сє, такъ что ktoś аналогично русскому *кто-то*. Областное (силезское) żeleźny (524, п. 5), надо полагать, представляетъ самородный выговоръ: срв. las — leśny, обыкновенное же żelazny примѣнилось къ первичницѣ żelazo. Отмѣтивъ, что по-кашубски «иногда исчезновеніе ъ, ь наблюдается въ тѣхъ случаяхъ, когда другіе языки удерживаютъ соотвѣтствующій гласный ... datk, majǫtk, dobètk, dómk, dvórk, ófs, wuëfc, junc, v́echc» (563, п. 2), я прибавилъ бы ссылку на толкованіе этихъ формъ, какъ новотворокъ къ косвеннымъ падежамъ (Сравн. морф. 570, пр. 5). О кашубскихъ назывникахъ kam, płom, křem, řem, prom (575, 7) я позволилъ бы себѣ высказать вполнѣ естественное предположеніе, что они произошли изъ древнихъ камы, полмы, кремы, ремы и пормы. Сличи Сравн. морф. 273, пр. 1. Съ лужицкимъ закономъ появленія передъ твердыми согласными широкаго *e*, передъ мягкими — узкаго (605, 6—4) я бы не преминулъ сопоставить то же явленіе въ русскомъ языкѣ. Второстепенное удареніе нижнихъ и среднихъ лужичанъ, падающее на предконечный слогъ (629 сер.), на мой слухъ иногда простотаки становится главнымъ и единственнымъ. Полагаю, что верхнелужицкій зовникъ на *o* (633, 6—8) развился не безъ участія утратившаго впослѣдствіи этотъ падежъ азбвого склоненія. Къ верхнелужицкому па́причастку njesuši (670, 5 сн.) я прибавилъ бы замѣчаніе, что его приходится объяснять, путемъ оглас-нѣнія w, изъ njeswši, образованнаго по примѣру piwši, brawši. Срв. старопольскія szedwszy, wynioswszy. Въ числѣ случаевъ отсутствія въ лужицкомъ ə́левомъ причастіи примѣты [illegible] (674 сер.) стоило бы привести верхнелуж. zaśla [illegible] — [illegible] новотворку, такъ какъ наслѣдственная фонема была бы [illegible]. Шлейхеровскія полабскія сочетанія k̇āi, ġāi, [illegible] (696 сер., Polab. Spr. 126 и 217, 5 и 129) я измѣнилъ бы въ k̇ei, ġei, cĥei, или лучше еще въ ťei, ďei, śei: [illegible] (церкви), [illegible] ([illegible]), vrēśéi (орѣхы), такъ какъ при смягченіи естественно предположить предварительный переходъ [illegible] въ i, да и памятники пишутъ

еу, *ау*, а не *оу*. Къ воспроизводимому также изъ Шлейхера soikas (698, 4 сн.) я сдѣлалъ бы замѣчаніе, что его необычный дифтонгъ оі слѣдуетъ измѣнить въ eu: вѣдь для нѣмца оі и eu совпадаютъ въ одномъ öü, а seukas, въ переложеніи на польскіе звуки, было бы szukasze отъ szukać. При полабскомъ аористѣ eutâcüch (написаніе источника—e-y-t-â-tz-i-ch), сопоставляемомъ у Флоринскаго, вслѣдъ за Шлейхеромъ, съ оутъкохъ, я прибавилъ бы указаніе на Брюкнеровское толкованіе этой формы, по коему она, переложенная на староцерковные звуки, дала бы оутъчехъ, т. е. образована какъ старочешское pečech, старопольское *pieczech [1]), верхнелужицкое pječech и нижнелужицкое pjacoch (A. f. sl. Ph. XI, 478)—объясненіе по моему вполнѣ убѣдительное.

Передача именъ во 2-мъ томъ, также какъ и въ 1-мъ, не разъ вызываетъ на возраженія. Прилично ли слависту склонять Прасекъ—Прасека, Шрамекъ—Шрамека (10, 12; 11, 15 сн.) и писать Пуркине вм. -ня (54 сер.)? Нѣсколько разъ повторяется передача чешскаго h черезъ *х* въ фамиліи Truhlář: Трухларь (10, 3; 11, 1), рядомъ съ Труглaрь (97, 1 сн.; 101, 1 св.). Также находимъ написанія Сушилъ вм. -лъ (11, 8), Керконоши и В[икторинъ] Корнель изъ Вшегердъ (31, 13 сн., 73, 11 сн. и 48 сер.); впрочемъ 83, сер.—корконошскій и 49, 13 сн. Викторинъ изъ Вшегордъ. Срв. 1-ый разборъ, стр. 15. Нехороши тоже Напаёдлы вм. -ѣдлы (229 сер.); Нёрингъ вм. Не- (355, 12, 393, прим., 394, 15, 414, 3 сн.); Улановскій вм. -ля- (357, 7 св.) [2]); Оппёлнъ: Oppeln, по-славянски—Ополье (385 сер.); Софійск[ая] библія вм. Софіина (397, 8—7); Окускольскій повѣтъ вм. Олькушскій (511, п. 28): Олькушъ — Кѣлецкой губерніи; Старостзикъ (523 сер.), воспроизводящее нѣмецкое написаніе съ stz вм. польскаго ść; Smoleŕ, -rja называется Смолеромъ (589, 2

1) Срв. выше, стр. 209 (о. о. 9).

2) Ułanowski (опять-таки вм. -ła-) латинскими буквами читается 371, 15 сн., 376 сер.; также и Ułanowska 382, 8 сн.

сн.; хотя 590, 13 — Тешнарь)[1]); вм. Эрнестъ Мука читаемъ Е. Мука, какъ будто онъ Егоръ или Евгеній (596, 10)—впрочемъ въ другомъ мѣстѣ (590 сер.) — Э. Совсѣмъ дико звучитъ переписанное русскими буквами Skalité — Скалите вм. -тое (269, 4 св.).

Не столь непріятно, какъ нескладная передача славянскихъ названій дѣйствуютъ погрѣшности въ иностранныхъ именахъ: мадьярскія Сапъ, Банегесъ и Тотъ-Комлосъ въ Ш-, -шъ, -шъ (231, 7—8)[2]); нѣмецкія Шульцъ (689, 8) вм. -це (Schultze) и Шпангенбергъ, написанное черезъ Sch вм. S (691, 1)[3]).

Не на рѣшительное осужденіе, но на споръ вызываетъ легкое архаизованіе польскихъ именъ (совпадающее съ обрусеніемъ), въ видѣ замѣны dź простымъ *д* и rz простымъ *р* — второе вызвано вѣроятно тѣмъ, что обычное *рж* вм. *ж* или *ш* дѣйствительно крайне безобразно и представляетъ клевету на польскій языкъ: Приборовскій (356, 10 сн.), Преadецкій (357, 3), Резинскій (Rzeziński) и Ерепки (Erzepki), 357, 4 и 6[4]). Впрочемъ въ другомъ мѣстѣ мы читаемъ написанія Шаржинскій, Оржеховскій (402, 13 св. и сер.), а также Андрей Кржицкій (403 сер.)[5]).

Порицанія заслуживаетъ (правда, практикуемый широко и всѣми, а не однимъ нашимъ авторомъ) пріемъ однобуквеннаго сокращенія собственныхъ именъ. Такое сокращеніе позволительно при нѣмецкомъ обычаѣ, въ этихъ случаяхъ прямо и чи-

1) По-нѣмецки тотъ-же лужицкій дѣятель названъ Schmoler, вм. Schmaler. (597, 8).

2) На томъ, что мадьярское gy лучше передавать черезъ *д* (значитъ Банедешъ) настаивать нечего.

3) Очень однако странно, когда одно и то-же нѣмецкое имя, на той-же страницѣ (586, 15 и 13 сн.), является разъ въ латинской формѣ Брунонъ (Bruno, -onis), разъ — въ нѣмецкой Бруно.

4) Польскій видъ послѣднихъ двухъ фамилій (изъ коихъ вторая какая-то странная) прибавленъ въ скобкахъ самимъ Флоринскимъ. Несомнѣнно здѣсь авторъ погрѣшилъ въ томъ, что не написалъ въ фамиліи Erzepki *Э*.

5) Послѣдній при удаленіи *ж* совпалъ бы въ произношеніи съ авторомъ извѣстнаго канона.

тать, какъ написано: даже зная, что извѣстнаго книгопродавца Брокгауза звали Фридрихомъ Августомъ, всетаки фирму его называютъ Ef A Brockhaus[1]). Какъ догадаться тому, кто можетъ быть въ первый разъ встрѣчаетъ эти имена, что Я. А. Коменскій (3, 8) значитъ не Яковъ Александровичъ, а Янъ Амосъ? что Б. Оптатъ (1, 8) нужно читать Бенешъ? что Б. Нѣмцева (55, 5) есть Божена Н.?, Б. Папроцкій (402 сер.) — Bartosz = Bartłomiej = Вароооломей? Окончательно невозможно сообразить, что Н. С. Шаржинскій (402, 13) слѣдуетъ читать Николай Семпъ Ш. Особенно нехорошо, когда одна и та же буква употребляется рядомъ въ различныхъ значеніяхъ: Я. Неруда, гдѣ Я = Янъ и Я. Верхлицкій, гдѣ Я = Ярославъ (55, 4—5). — Еще менѣе слѣдовало бы безо всякаго объясненія сокращать названія памятниковъ, напр. Клементинской псалтыри и Краледворской рукописи (167, 11, 10 и 2 сн.), или мѣстностей: Н. Мѣсто вм. Новое Мѣсто (196, 16 сн.).

Немало въ разсматриваемой книгѣ и опечатокъ, хотя приложенный въ концѣ списокъ таковыхъ не занимаетъ и $1\frac{1}{2}$ страницъ. Иныя опечатки, положимъ, невиннаго свойства, напр. do Cech вм. Č- (126, п. 9); z koreu вм. -ř- (тамже); houžev лыко, могал*а* вм. мочал*о* (139, 3 сн.); обѣ согласныя части слова вм. составныя (153, 9); hníti вм. -á-, среди другихъ азовыхъ глаголовъ (182, 2 сн.); [глаголы] на -тити, -тѣти, -дити (619, 2 сн.); swěcka, swěćnica (620, 6): по связи можно догадаться, что нужно č; З(ват.). rybu, rybu, rolu, rola вм. В(ин.). . . . -u (640 сер.); впослѣ вм. -лнѣ (644, 10 сн.); доȣше и т. д. (284), некрасивое впрочемъ тѣмъ, что оȣ вм. оу повторяется 10 разъ; dei вм. dci (296, 9), которое рядомъ съ dcera понятно; sen вм. seu (лат., 376, 10 сн.); sludenci вм. st- (451, 15 сн.); сочетаніе ra (567, 10): изъ примѣровъ barzo, gardło и т. д. видно, что нужно ar; žed (Н. Л.) вм. żěd (603, 13 сн.): рядомъ съ верхнелуж. dźěd легко дога-

1) Сокращеніе допустимо, конечно, при общеизвѣстныхъ именахъ, напр. А. С. Пушкинъ; хотя, впрочемъ, хорошо извѣстное автору иногда окажется неизвѣстнымъ его читателямъ.

даться, какъ надобно читать; курьезно, но положительно безвредно плакахъ вм. плакахъ (661, 12 сн.); также и jčd вм. jěd (668, 1); безвредно также верхнелуж. som pletł (663, 2 сн.), ибо въ предыдущей строкѣ указано правильное sym; kta, kćeš (671, 8) вѣроятно всякій догадается прочитать ktu. Нечего и говорить о такихъ случаяхъ, какъ «н совпадаетъ» вм. *и* (660, 11), или обзоръ ... *е*лавянскихъ языковъ (686, 5). Къ безвреднымъ же опечаткамъ я готовъ отнести, крайне однако уродливое, люклюлшете (661, пр. 2) вм. -блюл-, также и слитное написаніе rtymá оустнѣ мои (104, 1, изъ Виттенбергской псалтыри, L, 17). Но вотъ довольно длинный, хотя далеко не полный рядъ весьма неудобныхъ опечатокъ: Sembera вм. Š- (30, 3 и 34, 12); rzechs, видно вм. rzech подъ вліяніемъ предшествующаго sedis (69, сер.); vudá, vukno вм. vůda, vůkno (79, 11 сн.); těmě (87 сер.) вм. té- или tí-; hřibe (94, 4) вм. hřibě; krapet (копя) вм. капля (130, 5); šco вм. čso (153, 11); dobřijej вм. -řej (154, 5 сн.); jdu вм. jedu (180, 9); 300 вм. 360 (212, 11 сн.); podaly вм. padały и bravyňči вм. -ci (тамъ-же, 15 сн.); huuchý ludí вм. -dá (областная форма словац. ľudia, чеш. lidé) — 338, 5 сн.; А. Шляковъ вм. Н. (Николай — 364, 15 сн.); książat вм. -ąt (372, 5); W. (т. е. Wojciech) Oczko. Przymist i clieplice вм. -miot i Cie- (373, 2 сн.)[1]); Сочиненія Янычара Паяка вм. поляка[2]) (375, 13 сн.); Potrójny z Plauła вм. -ta (переводъ Плавтова «Trinummus», 376, 10); Cnopii вм. Cna- (376, 9 сн.; въ 10-ой вѣрно: Knapski); Dirschan вм. -au (385, 5 сн.); собственное имя Marchołt (z marchołtem) напечатано съ малой буквы (401, прим.); тамъ-же вм. przez bakalarza z Kossyczek нужно p. bakał. Jana z K.; żołć, żołty вм. żó-, żó- (423 сер.); oczrzedź, должно быть вм. ostrzedz (тамъ-же, 5 сн.); Bóhdan вм. Bo- (411, 9 и 430, 1), dwie słonci (439, п. 2) вм. słońcy Jana Kochanowskiego Dzieła wszystkie,

---

1) Przymiot albo dworska niemoc. W Krakowie 1581. O cieplicach. W Krakowie u Łazarza 1578.

2) Собственно серба — Михаила Константиновича. Спасовичъ, Ист. слав. литер., II, 472.

Wydanie pomnikowe, II, 117, 514); dóm вм. dom (448, п. 1); dzriedzie вм. dziadzie (449, п. 6); obiód вм. -ad (451, п. 11); heraldowie вм. -ol- (тамъ-же, 10 сн.); ksiadz вм. ksiądz (454, 8 сн.); kukol вм. ką- (тамъ-же, 7 сн.); jastrąb (тамъ-же, 5 сн.: въ 4-ой, гдѣ оно приводится вторично, вѣрно: -rząb); Jozio вм. Jó- (тамъ-же, 1 сн.); дат. и мѣст. słudzie вм. -dze (457, парадигма); kořicya вм. -la- (ужинъ — 459, 3); при jaz (464, 2) стоитъ выносный знакъ, но примѣчанія нѣтъ; strowne вм. stra- (кормовыя), 473, 9; bychȯ wiedziali вм. -ie- (487, сер.); po prosta (503, 13 сн.); hežbéta (508, 7) написано съ малой буквы (оно = Elžbieta); cezi, cezo (чужой, чужы) вм. -ая (569 сер.); Копоръ вм. -м- (590, 13); pó njebu, pód, wót вм. pò -bju, pod, wot (629 вн.); И. naše, naše вм. naši, naše (649 парад.); pši wjozorje (684, II, 1, 1: во 2-мъ стихѣ вѣрно — wja-); za njeu (685, 4б: въ слѣд. стихѣ правильно za njen); Luneburg вм. Lü- (691, 3); korv́o вм. -vó (695, 5); žârnü вм. ź- (тамъ-же, п. 11); gorcȟai вм. -âi (шлейхеровскаго -åi, 697, п. 2); reibo вм. râi- (тамъ-же, III); šek вм. sĕk (по-шлейхеровски sëk, 698, 1 сн.). Особенно часто встрѣчаются погрѣшности въ употребленіи знака долготы (′) и знака твердости звука *л*, изъ коихъ приведу лишь нѣкоторыя. Z*a*kladov*e* dialektologie česko-slovensk*e*. Ve Vídni, 1864. Př*i*klady (30, 3—4); svat*y* (67, 10 сн.); pát*y* (тамъ-же, 7 сн.); br*a*zda и kr*a*l (78, 1—2); stoj*i*m, poušt*i*m (79, сер.); m*i*sto, d*i*vka (80, п. 4); Jiř*i*, znamen*i* (106, п. 2); V*a*clavovi (107, 1, г); vraz*i*ch, rac*i*ch, městečk*a*ch, koničk*a*ch (108, 16 и 15); do koř*a*n (110, 8); chr*a*m (123, 5); t*y*l (тамъ-же, 11); or*a*č, -če, -či, -čovi, -čem и т. д. (114—115); češt*i* stavov*e*, naši hř*i*chov*e* (125, 4 сн.); chv*a*liti, -ím и т. д. (188)[1]); přih*a*z*i* se (192, сер.); вм. чеш. *a* [въ ляшскомъ говорѣ] часто о (210, п. 5); vťak и pťak вм. vták, pták (271 сер.); словацкій родный падежъ r*a*z (279, 1, а, б); chv*a*ľaci (308 сер.); dl'bsť, tl'cť (317, 7 и 11) вм. dľbsť, tľcť. Кое-гдѣ, наоборотъ, вм. краткости является долгота:

---

1) Краткое *a* свойственно только велительному наклоненію.

oračí (65, 12 сн.) — нужно oráči; nebó (82, 14); matí — нужно máti (106, п. 6); род. п. kámen, deset kámen (110, 6 и 7); svátý (2 раза, — 123, пр. 1); měštáné (125, 2 сн.); očíma, ušíma (128, п. 10). L вм. ł: chlada (126, 9: Бартошъ, I, 138, 7); Psalterz Pulawski (371, 9); Nakladem (372, 3); Mikolaj Rej z Naglowic (373, 10 сн.); Marcholt (374, 5); trybunal (401, 1); chelm (423, сер.); dloń (тамъ-же, 3 сн.); czlek = czlowiek (425, 1); halas (430, 1); placzę (тамъ-же, сер.); wlosi (тамъ-же, 8); Woloch, -oszech (452, п. 15); goląb (454, 5 сн.); pletle (656, 7); -lej (тамъ-же, 8 и 664, 1); plaśony (685, 2б). Подчасъ и наоборотъ встрѣчается ł вм. l: płon (424, 2); wiełkiego (430, 11); wjełka (632, 1 сн.); pletłi (656, 7). Правда, насчетъ смѣшенія буквъ l и ł можно сказать, что въ большинствѣ случаевъ русскій читатель самъ догадается, какъ надо читать; а относительно долготы — что русскій все равно затруднится ее воспроизвести въ своемъ произношеніи. Первое оправданіе я склоненъ принять; но въ дѣлѣ количества мнѣ казалось-бы, что чѣмъ менѣе наши ученики къ нему воспріимчивы, тѣмъ усерднѣе слѣдуетъ имъ о немъ напоминать.

Сказанное о буквахъ l и ł мы можемъ примѣнить и къ другимъ мелкимъ *погрѣшностямъ* въ разбираемой книгѣ — *магистранты и студенты, особенно послѣ нѣкоторыхъ указаній профессора, легко сами въ нихъ разберутся, и лишь изрѣдка будутъ введены въ заблужденіе. Не должно также забывать, что науки не обладающія математически-точными доказательствами всегда оставляютъ значительный просторъ личному пониманію, и что при разногласіи между рецензентомъ и авторомъ правда не всегда будетъ на сторонѣ рецензента. Вообще же сочиненіе Флоринскаго, представляющее единственный въ своемъ родѣ и весьма полезный университетскій учебникъ, должно быть признано книгою хорошею и заслуживающей увѣнчанія искомою преміей.*

Ордин. проф. Московскаго универс.

Романъ Брандтъ.

15 сентября 1898 года.

IV.

Отзывъ о сочиненіи профессора Прусика подъ заглавіемъ: «Staročeské Alexandreidy rýmované. Upravil a výkladem spatřil Frant. Xav. Prusík». V Praze, 1896. 8°. IV. 87.

Древнечешская литература, съ XII-го по XV-ое столѣтіе, занимаетъ среди западнаго славянства первенствующее мѣсто, отличаясь замѣчательнымъ богатствомъ произведеній въ стихахъ и въ прозѣ. Въ ихъ характерѣ и направленіи отпечатлѣлись, конечно, черты средневѣковаго западно-европейскаго литературнаго творчества. Къ сожалѣнію, очень немногіе памятники этой первой, старшей эпохи дошли до насъ въ полномъ объемѣ, какъ напр. блестящая легенда о св. Екатеринѣ. Въ большинствѣ случаевъ остались только отрывки, болѣе или менѣе значительные. Но нерѣдко даже и этого нѣтъ, а все уцѣлѣвшее состоитъ въ жалкомъ лоскуткѣ пергамента, заключающемъ въ себѣ нѣсколько строкъ или стиховъ чешскаго текста; сохранились же такіе кусочки только благодаря случайному обстоятельству, что они пригодились переплетчикамъ рукописей — латинскихъ или нѣмецкихъ. Вотъ какими средствами возстановляется въ наше время память и свѣдѣнія о бывшей когда-то богатой литературѣ древнечешской.

Подобная, не вполнѣ благопріятная участь постигла между многими другими также одно изъ лучшихъ, по-моему, прямо самое лучшее произведеніе древнечешской письменности — переводъ или,

лучше, парафразу въ стихахъ извѣстнаго латинскаго эпоса объ Александрѣ Великомъ, Alexandreis Филиппа Вальтера de Castellione (Châtillon). На чешскомъ языкѣ сохранились съ конца XIII-го по XV-ое столѣтіе отрывки этого эпоса въ различныхъ рукописяхъ, — всѣ вмѣстѣ они не представляютъ полнаго текста, не могутъ восполнить пробѣловъ поэтическаго изложенія. Нѣкоторые отрывки изображаютъ собою дублеты, но не всегда совпадающіе буквально.

Самый обширный отрывокъ, сохраняемый теперь въ библіотекѣ святого Вита на Градчанахъ въ Прагѣ, заключаетъ въ себѣ, безъ перерывовъ, начальныхъ 2460 стиховъ. Онъ былъ впервые изданъ В. Ганкой во второмъ выпускѣ Starobylá Skládánie (въ Прагѣ 1818 года), не очень аккуратно, но для перваго изданія довольно сносно. Вскорѣ потомъ стали всплывать наружу и прочіе, уже менѣе объемистые отрывки, по по письму старше Святовитскаго текста. Они были изданы въ «Часописѣ Чешскаго Музея» въ 1828 и 1841 годахъ. Для перваго тома Wýbor-a z literatury české (въ Прагѣ, 1845) употреблены, какъ образецъ языка и литературнаго достоинства, всѣ до тѣхъ поръ отысканные отрывки, но не все напечатано (на стр. 135—170, 1071—1144). Годъ спустя П. І. Шафарикъ указалъ еще на одинъ отрывокъ (въ «Часописѣ» Ч. Музея за 1847 годъ, въ первомъ отдѣленіи). Но только въ 1881 году вышло подъ редакціею проф. Гатталы первое полное изданіе всего матеріала подъ заглавіемъ: Zbytky rýmovaných Alexandreid staročeských. И къ этому изданію сдѣлано въ 1889 году маленькое дополненіе въ видѣ вновь найденнаго отрывка Вѣнскаго; онъ отпечатанъ Ф. Менчикомъ въ «Часописѣ» 1889 года.

Съ тѣхъ поръ, какъ изданіемъ въ Wybor'ѣ чешскій текстъ Александреиды сдѣлался болѣе доступнымъ, онъ сталъ привлекать вниманіе и филологовъ для объясненія языка и историковъ литературы для оцѣнки литературныхъ достоинствъ памятника. Объ отношеніяхъ чешскаго произведенія къ латинскому и нѣмецкому «Александру» заговорилъ впервые В. Небескій (V. Ne-

beský) въ «Часописѣ» Чешскаго Музея за 1847 годъ, въ очень умно написанной статьѣ «Alexandreis česká» (во второмъ отдѣленіи). Но вопросы, возникающіе по этому поводу, въ статьѣ Небескаго могли быть затронуты только слегка, — рѣшенія ни по одному пункту не послѣдовало. Послѣ довольно продолжительной неподвижности въ области историко-литературныхъ изслѣдованій, въ 1870 году взялся проф. Коржинекъ въ Индржихоградцѣ (Neuhaus) за подробное сравненіе двухъ небольшихъ отрывковъ чешской Александреиды (музейнаго и Шафарикова) съ латинской поэмой Филиппа Вальтера Шатильонскаго, въ Отчетѣ (программѣ) гимназіи Индржихоградецкой за 1870 годъ, а десять лѣтъ спустя, подражая его примѣру, опредѣлилъ отношеніе Индржихоградецкаго отрывка къ сочиненію латинскому профессоръ Прокопъ Лангъ, въ Отчетѣ гимназіи Пржибрамской (статья очень добросовѣстно написанная). Онъ-же постарался (въ 1883 году) представить, на основаніи латинской поэмы, объемъ пробѣловъ чешскаго сочиненія въ сравненіи съ латинскимъ, въ Listy filologické X, 67—84, 275—301, 398—406.

Такъ какъ сохранилось семь различныхъ отрывковъ, которые отчасти параллельно идутъ, представляя въ сущности тотъ же разсказъ, то и въ чешской литературѣ принято говорить не объ одной Александреидѣ, а въ множественномъ числѣ—объ Александреидахъ. Но сколько ихъ было на дѣлѣ? Вопросъ этотъ до сихъ поръ не рѣшенъ. Обыкновенно считали представителемъ одной редакціи текстъ рукописи Святовитской, съ чѣмъ нельзя не согласиться. Но гдѣ-же вторая редакція и въ какомъ она отношеніи къ первой? Проф. Гаттала считалъ (въ 1881 году) второю редакціей текстъ отрывка Градецкаго, сохранившійся въ болѣе древней рукописи, чѣмъ Святовитская, но молодой ученый Гавликъ сталъ въ Filologické listy XII, 407—419, доказывать, и по-моему ему удалось убѣдительно доказать, — что въ Витскомъ отрывкѣ, несмотря на позднее происхожденіе нынѣшняго списка, сохранилась все-таки болѣе древняя редакція сочиненія, чѣмъ въ отрывкѣ Градецкомъ. Съ послѣднимъ взглядомъ согласенъ также

проф. Прусикъ, принимая доказательства Гавлика втихомолку въ изслѣдованіи, изданномъ въ 1891 году подъ заглавіемъ: «Českých Alexandreid rýmovaných pramenové a obapolný poměr». Но проф. Прусикъ не считаетъ текста Градецкой рукописи представителемъ особой редакціи, онъ включаетъ его въ редакцію Витско-вѣнскаго текста, съ различными отступленіями и распространеніями. По его мнѣнію, представителемъ второй редакціи надо бы считать отрывокъ Будѣёвицкій. Для меня, да и не только для меня, доказательства проф. Прусика мало убѣдительны. Онъ не выяснилъ намъ (а, можетъ быть, и себѣ), какъ намъ понимать значеніе новой редакціи? имѣетъ-ли она значеніе особаго самостоятельнаго сочиненія? или же представляетъ собою только переработку, сокращеніе или расширеніе перваго сочиненія? если говорить о редакціяхъ въ послѣднемъ, обыкновенномъ значеніи этого слова, тогда выходитъ непонятнымъ, какъ могъ проф. Прусикъ упустить изъ виду многочисленныя отступленія текста Градецкаго отъ Витскаго? какъ же назвать различія между обоими текстами, если не видѣть въ нихъ различіе двухъ редакцій? Если же проф. Прусикъ придаетъ второй редакціи, представителя которой онъ видитъ въ Будѣёвицкомъ отрывкѣ, значеніе самостоятельнаго сочиненія, то я долженъ возразить, что трудно даже себѣ представить, чтобы на разстояніи не болѣе чѣмъ въ десять лѣтъ — это же его хронологическое опредѣленіе, съ которымъ, впрочемъ, я ни чуть не соглашаюсь — въ литературѣ чешской явились два самостоятельныя, независимыя другъ отъ друга сочиненія о подвигахъ Александра Великаго. Однимъ словомъ — вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ всѣхъ до сихъ поръ извѣстныхъ отрывковъ чешской Александреиды остается пока еще не порѣшеннымъ.

Никто не сомнѣвается въ томъ, что главнымъ источникомъ для чешскаго автора — я выхожу изъ предположенія, что въ концѣ концовъ въ чешской литературѣ былъ только одинъ авторъ самостоятельной разработки въ стихахъ этого сочиненія — былъ латинскій эпосъ Филиппа Вальтера Шатильонскаго, но этимъ

еще не устранена возможность допустить, что авторъ зналъ также нѣмецкую поэзію своего времени. Зналъ-ли онъ нѣмецкій эпосъ объ Александрѣ Ульриха Эшенбахскаго, сказать трудно. Профессоръ Прусикъ коснулся въ своемъ вышеприведенномъ сочиненіи и этого вопроса и пришелъ къ отрицательнымъ результатамъ, т. е. онъ собственно противорѣчитъ самому себѣ, когда доказываетъ, что чешскій авторъ не зналъ никакого нѣмецкаго источника, а Ульрихъ Эшенбахскій будто бы зналъ и пользовался Александреидою чешской. Его доказательства въ пользу зависимости Ульриха Эшенбахскаго отъ чешскаго автора могли бы, какъ мнѣ кажется, быть истолкованы въ пользу противоположнаго взгляда. Но я предпочитаю считать и этотъ вопросъ еще не рѣшеннымъ. Пока можетъ рѣчь итти только вообще о томъ, былъ-ли чешскій поэтъ знакомъ съ современною литературою нѣмецкой. Отрицать это знакомство не такъ легко, какъ это кажется профессору Прусику.

Итакъ рядъ вопросовъ, очень важныхъ относительно чешской Александреиды, ждетъ еще болѣе подробнаго изслѣдованія. О происхожденіи чешской Александреиды, о принадлежности сохранившихся отрывковъ одному или нѣсколькимъ авторамъ, объ отношеніяхъ этихъ авторовъ другъ къ другу, о знакомствѣ чешскаго автора помимо сочиненія Филиппа Вальтера Шатильонскаго еще съ другими источниками — обо всемъ этомъ свѣдѣнія наши пока еще очень неудовлетворительны.

Гораздо усерднѣе и съ лучшимъ, быть можетъ, успѣхомъ работала чешская филологія на объясненіи отдѣльныхъ темныхъ, не вполнѣ понятныхъ мѣстъ чешской Александреиды. Уже въ Wybor-ѣ, при перепечаткѣ текста Святовитскаго по изданію Ганки, редакторъ изданія сдѣлалъ много поправокъ въ текстѣ, правда, не всегда удавшихся (сл. перечень неудачныхъ поправокъ въ предисловіи Гатталы на стр. V). Но и въ изданіи Гатталы-Патеры осталось много неточностей или прямо недосмотровъ въ родѣ liti Češi (на стр. 38, ст. 1565) вм. liti čěsi. Для критики текста, т. е. для возстановленія исправнаго чтенія, гдѣ

можно догадываться, что текстъ испорченъ, сдѣлано довольно много въ рядѣ статей, напечатанныхъ въ спеціальномъ, посвященномъ чешской филологіи журналѣ — Listy filologické a paedagogické. Проф. Гебауеръ представилъ нѣсколько объясненій или поправокъ въ Listy Fil. IX. 104—117; онъ же вмѣстѣ съ Гавликомъ въ L. Fil. XI. 60—63; онъ же съ проф. Коржинкомъ въ L. Fil. XII. 269—287; онъ же съ Опатрнымъ и Кэбле въ L. Fil. XIV. 39—43, 250—255. Наконецъ проф. Пеликанъ напечаталъ (тамъ же XIX. 80—99) Příspěvky ke kritice a výkladu stč. Alexandreidy.

Съ похвальной настойчивостью преслѣдуетъ ту-же цѣль проф. Прусикъ въ издаваемомъ имъ журналѣ «Krok». Въ теченіе 1892 и 1893 годовъ онъ напечаталъ въ томѣ VI упомянутаго журнала, въ выпускахъ 8—10 и въ томѣ VII, въ выпускахъ 1—7, длинный рядъ критическихъ замѣтокъ, относящихся къ Александреидѣ, всего 179 нумеровъ, съ дополненіями и новыми прибавленіями въ томѣ VIII стр. 175—6, въ томѣ IX стр. 215, въ томѣ X стр. 15.

Критика текстовъ дѣло необходимое, но — очень рискованное. Для удовлетворительнаго исполненія этой трудной задачи требуется много остроумія, находчивости и, прежде всего, начитанности въ старыхъ памятникахъ. Безъ этихъ качествъ можно опасаться впасть или въ пустую болтовню, или въ произвольную придирчивость по отношенію къ чужимъ трудамъ. Поучительнымъ урокомъ, куда можетъ повести субъективная критика, служатъ хорошо знакомыя мнѣ нападенія на текстъ пѣсенъ Горація, бывшія въ большомъ ходу въ классической филологіи въ годы моего студенчества!

Критическія операціи проф. Прусика не всегда удачны, но и не безполезны, онѣ все-таки значительно облегчили пониманіе текста чешской Александреиды. Въ числѣ предлагаемыхъ имъ поправокъ есть и такія, которыя или были сразу приняты, или-же могутъ разсчитывать на сочувственный пріемъ. Авторъ старается подкрѣпить предлагаемыя измѣненія въ текстѣ паралле-

лями изъ того-же или изъ другихъ старочешскихъ текстовъ, хотя въ этомъ отношеніи можно бы желать еще больше параллельныхъ примѣровъ. За-то я бы просилъ его не сочинять новыхъ словъ въ качествѣ конъектуръ!

Но критическія объясненія проф. Прусика страдають на мой взглядъ однимъ существеннымъ недостаткомъ. Онъ выходитъ изъ предѣловъ умѣренной критики подъ вліяніемъ одного ложнаго принципа: какъ скоро въ чешскомъ текстѣ замѣтны отступленія отъ латинскаго сочиненія, авторъ начинаетъ сомнѣваться насчетъ исправности, онъ прибѣгаетъ къ произвольнымъ предложеніямъ и догадкамъ, чтобы только согласовать чешскій текстъ въ качествѣ точнаго перевода съ сочиненіемъ латинскимъ. Въ угоду этому принципу онъ позволяетъ себѣ перестановки стиховъ, предположеніе пробѣловъ и т. д. По-моему это совсѣмъ ложный взглядъ, вытекающій изъ пристрастнаго обсужденія характерныхъ чертъ чешскаго разсказа. Отношеніе чешскаго текста къ латинскому вовсе не оправдываетъ поступка проф. Прусика. Ничто не даетъ намъ права возражать противъ чешскаго текста потому только, что въ немъ нѣтъ того или другого выраженія, которое соотвѣтствовало бы латинскому или что въ немъ другой порядокъ изложенія и т. д. Иныя поправки неудачны, потому что авторъ не владѣетъ достаточно тонкимъ чутьемъ для склада старинной рѣчи. Старинные писатели не всегда такъ выражались, какъ новые, современные; не все, что намъ не нравится, что намъ кажется шероховатымъ, должно исправлять, сглаживать.

Наконецъ проф. Прусикъ составилъ выше указанное изданіе какъ систематическое возстановленіе чешской Александреиды при помощи всѣхъ до насъ дошедшихъ отрывковъ, восполнивъ пробѣлы прозаическою передачей содержанія на основаніи латинскаго текста Филиппа Вальтера Шатильонскаго. Въ воспроизведенномъ имъ текстѣ приняты въ соображеніе всѣ предыдущія объясненія, поправки, перестановки и т. д. Канвой для воспроизведенія послужило сочиненіе латинское, при чемъ авторъ вы-

ходитъ изъ того предположенія, что въ чешскомъ переводѣ дѣйствительно существовало латинское сочиненіе сполна, въ чемъ онъ можетъ быть и правъ, такъ какъ одинъ изъ уцѣлѣвшихъ отрывковъ (Шафариковъ) заходитъ содержаніемъ своимъ въ IX-ую книгу латинскаго источника. Но тутъ у меня возникаетъ маленькое недоумѣніе. Реставрація профессора Прусика, конечно, попытка любопытная, но я не понимаю, какъ онъ могъ возстановить одну чешскую Александреиду, когда онъ не вѣритъ въ принадлежность всѣхъ существующихъ отрывковъ къ одному сочиненію? Или же, какъ онъ могъ попытаться изъ всѣхъ отрывковъ сдѣлать одно цѣлое, а въ заглавіи все-же говоритъ въ множественномъ числѣ: о «Staročeské Alexandreidy rýmované»? Одно изъ двухъ: или вѣрить въ единство чешской Александреиды на основаніи существующихъ отрывковъ, или-же не затрогивать этого дѣла. Видно, авторъ стоялъ подъ вліяніемъ своихъ предварительныхъ соображеній и разсужденій и не спохватился, что затѣя его идетъ въ разрѣзъ съ тѣми предвзятыми мыслями.

Проф. Прусикъ положилъ въ основаніе своей старочешской Александреиды — образецъ латинскій, поэтому и понадобилось ему дѣленіе цѣлаго на десять рапсодій или книгъ. Но вотъ новое затрудненіе. Въ сохранившемся самомъ большомъ отрывкѣ Святовитскомъ не видно, чтобы чешскій авторъ дорожилъ этимъ дѣленіемъ на книги. Поэтому и я не вижу причины навязывать чешскому тексту точно десять книгъ. Впрочемъ, для десятой не оказалось ни одной строки старочешскаго текста. Руководясь содержаніемъ латинскаго текста, авторъ полагаетъ, что въ Святовитскомъ отрывкѣ послѣ стиха 1280-го надо отмѣтить большой пробѣлъ, т. е. пропускъ того, что въ латинскомъ сочиненіи читается въ книгѣ II ст. 140—305. Но здѣсь надо было все-таки хотя бы однимъ словомъ указать на то довольно замѣчательное обстоятельство, что и въ Градецкомъ текстѣ послѣ стиха 149 (= Святовит. 1280) непосредственно слѣдуетъ ст. 150 (= Святовит. 1281). Значитъ, надо бы предположить пробѣлъ тутъ и тамъ. Проф. Прусикъ находитъ разрѣшеніе загадки въ томъ,

что предполагаетъ существованіе пробѣла уже для подлинника. Можетъ быть, что это такъ, но возможны также соображенія другого рода. Вѣнскій отрывокъ, вышедшій на свѣтъ только въ 1889 году, несмотря на его превосходство по времени происхожденія, совпадаетъ для небольшого объема своего содержанія очень хорошо съ текстомъ Святовитскимъ, который значительно моложе его. Стало быть, это совпаденіе говоритъ въ пользу вѣрной передачи подлиннаго текста въ Святовитской рукописи, и нѣтъ основанія черезчуръ настаивать на испорченности Святовитской редакціи.

Зная все это, я не раздѣляю взглядовъ автора относительно многихъ имъ предлагаемыхъ поправокъ или перестановокъ Святовитскаго текста. Напримѣръ, перестановка стиховъ 534—543,— авторъ ставитъ ихъ послѣ 544—547 — не представляетъ для меня ничего убѣдительнаго, въ особенности когда рядомъ съ перестановкою требуется еще допустить какой-то пропускъ стиховъ! Или же чѣмъ оправдывается догадка автора, что послѣ стиха 193 или послѣ стиха 820 что-то пропущено? Относительно мнимаго пробѣла послѣ 193 надо имѣть въ виду, что уже словами стиха 183 «na svú žalost'» вкратцѣ сказано то, что въ латинскомъ текстѣ заключается въ II. 56—58. Что-же касается предлагаемаго пропуска послѣ 820, то это можетъ притти въ голову современному читателю, но не соотвѣтствуетъ вкусамъ и потребностямъ стариннаго склада рѣчи. И послѣ стиха 988 г. Прусику хотѣлось бы вставки пропавшихъ будто бы стиховъ въ соотвѣтствіе латинскому тексту II. 29—33; но если вникнуть въ нарочно сжатый стиль посланія Даріева, легко будетъ убѣдиться, что впечатлѣніе разсказа безъ вставокъ сильнѣе.

Еще менѣе я согласенъ съ пріемами проф. Прусика насчетъ расширенія редакціи Святовитской вставками стиховъ изъ текста Градецкаго. Самъ авторъ говоритъ въ своемъ изслѣдованіи объ отношеніи Градецкаго текста къ Святовитскому (на стр. 62), что редакція Святовитская болѣе точная разработка латинскаго текста, чѣмъ Градецкая, авторъ которой не имѣлъ передъ собою

латинскаго текста «na mnohých místech českou předlohu svou mění a rozhojňuje». Если это такъ, какая причина могла заставить г. Прусика послѣ стиха 1219 включить два стиха (51—52) изъ Градецкой рукописи, или послѣ стиха 1245 цѣлую парафразу стиховъ 80—87? Не нужно было также послѣ стиха 1276-го брать изъ Градецкаго текста стихи 140—144. Упоминаніе въ послѣднемъ стихѣ муловъ, о которыхъ и въ Святовитскомъ текстѣ въ стихѣ 1277 идетъ рѣчь, служитъ лучшимъ доказательствомъ, что здѣсь обѣ редакціи расходятся и что невѣрно даже мнѣніе автора, будто бы составитель Градецкой редакціи не имѣлъ передъ собою латинскаго текста. Въ Святовитскомъ текстѣ не упоминаются верблюды, только пять сотъ муловъ тащатъ поклажу (ст. 1277—8). Откуда узналъ составитель Градецкаго текста о верблюдахъ? Конечно изъ латинскаго текста, гдѣ говорится

Sexcentis sequitur invecta pecunia mulis,
ter centumque onerat dorso surgente camelos (II. 133—4).

Я не намѣренъ входить въ подробности. Приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы не безъ основанія утверждать, что реставрація старочешской Александреиды въ опытѣ проф. Прусика подлежитъ большимъ возраженіямъ съ точки зрѣнія — чисто научной. Другое дѣло — цѣль педагогическая, на которую авторъ и указываетъ. Для молодежи, высшихъ классовъ среднеучебныхъ заведеній, изданіе проф. Прусика можетъ оказать большую пользу. Оно такъ и составлено, чтобы облегчить молодому читателю пониманіе текста. Подъ строкою прибавлены объясненія, касающіяся преимущественно старинныхъ выраженій и формъ. Объясненія эти не преслѣдуютъ цѣли строго научной, но для учащейся молодежи вполнѣ удовлетворительны. Есть, впрочемъ, и невѣрныя толкованія. Напр. относительно долготы аориста čite (на стр. 22) авторъ невѣрно указываетъ на греческое ἔλῦσα, ἐτίμησα. Эта параллель сюда не идетъ. Напрасно было бы также ссылаться на удареніе (сл. L. fil. X. 113). Удлиненіе гласной въ древнечешскомъ аористѣ объясняется всего проще вліяніемъ неопредѣленнаго наклоненія: къ břísti aor. břídech, напротивъ

наст. вр. brdu — břdu, imperf. brdiech — břdiech; къ čísti aor čítech, imperf. čtiech (praes. čtu); къ kvísti aor. kvítech, imperf. ktviech (praes. ktvu); čieti—aor. čiech, imperf. čniech (praes. čnu) и т. д. Укажу еще одинъ примѣръ невѣрнаго толкованія слова. Въ Градецкой рукописи ст. 116, «bez pozlathy poluzene» проф. Прусикъ читаетъ «bez pozlati», а слово «pozlat» старается объяснить ссылкою на словарь, изданный Ф. Менчикомъ, гдѣ на стр. 84 упоминается «mappula pazlat». Но, во-первыхъ, pozlat и pazlat — не одно и то-же; во-вторыхъ, mappula едва-ли можно переводить словомъ praporec. Слово pazlat, какъ мнѣ кажется, не имѣетъ ничего общаго съ zlato, это слово чужого происхожденія, тожественное съ приводимымъ у Бѣлостѣнца pachólat (читай pačolat), я указалъ уже въ «Književnik-ѣ» III. 405 на patjolat въ «Сиренѣ» Петра Зринскаго, сл. итал. fazzuolo, fazzoletto. Итакъ, «pozlata» (или «pozlat», какъ хотѣлъ бы Прусикъ) не имѣетъ ничего общаго съ «pazlat» mappula.

Хотя я долженъ былъ возражать противъ многихъ пріемовъ критики проф. **Прусика**, хотя многія изъ предложенныхъ имъ исправленій древнечешской Александреиды не могутъ быть приняты, все-же многолѣтнее настойчивое изученіе этого великолѣпнаго памятника съ его стороны принесло уже свои плоды и заслуживаетъ не только признанія на словахъ, но, если возможно, также нѣкотораго вознагражденія.

И. В. Ягичъ.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LXVI, № 7.

СТАРИННЫЕ СБОРНИКИ

РУССКИХЪ ПОСЛОВИЦЪ, ПОГОВОРОКЪ, ЗАГАДОКЪ И ПРОЧ.

XVII—XIX столѣтій

собралъ и приготовилъ къ печати
Павелъ Симони.

I—II.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 линія, № 12.
1899.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Ноябрь 1899 г.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ.*

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВАГО ВЫПУСКА.

себѣ *пословицы, народныя поговорки и присказки*. Доставленный Обществу Любителей Древней Письменности и Искусства около двадцати лѣтъ тому назадъ акад. Л. Н. Майковымъ, онъ былъ напечатанъ въ IV выпускѣ Памятниковъ сего Общества за 1880 г. на стран. 75—114. Впослѣдствіи подлинная рукопись была подарена Л. Н. Майковымъ извѣстному ученому юристу и знатоку обычнаго права южныхъ славянъ, В. В. Богишичу. Въ настоящемъ изданіи полный текстъ упомянутаго сборника пословицъ воспроизведенъ по возможности въ болѣе совершенномъ видѣ, чему способствовало какъ полученное мною отъ Императорскаго Общества Любителей Древней Письменности и, въ частности отъ предсѣдателя послѣдняго, графа С. Д. Шереметева, любезное разрѣшеніе перепечатать изъ изданій Общества текстъ пословицъ, такъ и то счастливое обстоятельство, что В. В. Богишичъ, любезно предоставилъ въ распоряженіе Императорской Академіи Наукъ упомянутую подлинную рукопись, принеся ее въ даръ Академіи. Такимъ образомъ мнѣ представилась возможность обнародовать текстъ упомянутаго сборника въ болѣе точномъ и полномъ видѣ.

Для дальнѣйшихъ выпусковъ приготовлены къ изданію и печатаются слѣдующіе сборники:

III. Книга о всенародныхъ пасловицахъ. — „О[б]вление о просторечныхъ мирскихъ пасловицахъ при времени и при случаяхъ и при разгаворахъ в' народе употребляемыхъ"...... „а написанные собирать начеты въ 714 гадѹ в апреле мѣсяце". На 1+1+114 листахъ въ 4 д. л., по рукописи изъ Древлехранилища пок. акад. М. П. Погодина, № 2005.

IV. Рукописный сборникъ русскихъ пословицъ XVIII вѣка на 78 страницахъ въ 4 д. листа, хранящійся въ I (Русскомъ) Отдѣленіи Библіотеки Императорской Академіи Наукъ, подъ шифромъ 17. 7. 32 (стар. 99; 11). Объ этомъ сборникѣ въ пространномъ письмѣ историка В. Н. Татищева отъ 18 февраля 1736 года изъ Екатеринбурга къ В. К. Тредіаковскому съ замѣчаніями его по поводу рѣчи послѣдняго „къ членамъ Россійскаго Собранія, во время перваго оныхъ засѣданія, Марта 14 дня, 1735 года" [о чистотѣ россійскаго языка] есть слѣдующее упоминаніе: „....нынѣ же посылаю (въ Академію) пословицы ... мною собранные изъ ко-

торыхъ не мало словъ нынѣ неупотребляемыхъ выбратся может҃ъ"...

V. Рукописный сборникъ пословицъ, составленный, какъ можно съ достовѣрностью предполагать, помощникомъ библіотекаря Академіи Наукъ А. И. Богдановымъ (р. 1703 г. — ум. 1766 г.), столь извѣстнымъ многими историческими и филологическими трудами*), — и хранящійся въ I-омъ Отдѣленіи Библіотеки Императорской Академіи Наукъ подъ шифромъ 17. 7. 33 (стар. ярлыкъ за № 100) на 249 помѣченныхъ страницахъ въ 4 д. л. Онъ носитъ слѣдующее заглавіе: „Собраніе пословицъ и присловицъ россійскихъ которые въ повѣстехъ и во употребленіи народныхъ рѣча[х] бываемые, и по алфавит[у] оные скораго ради пріисканія разположены въ полз[у] народнои забавы и увеселенія. 1741 год[у]".

VI. Сборникъ рукописный велико- и малорусскихъ пословицъ съ латинскимъ переводомъ и параллелями: „Adagia sive brevis sententia. quorum defectum in vobis prospiciendo, plurimorum quoque iam in profanis quam et in sacris eorum copiam videndo libris, usui studiosae iuventutis ob actiorem adloquendum cognoscendumque facilitatis modum substantituere ea arbitrabar; ideò M: D: ad G: Bque: V: M: honorem sclavonico alphabeto. exponuntur" — въ рукописномъ сборникѣ Іоанна Ушивскаго 1738—1743 гг., хранящемся въ Церковно-Археологическомъ Музеѣ при Кіевской Духовной Академіи № 661 (Муз. № 156), на лл. 188—214 об. въ 4 д. л.

VII. Старинный рукописный сборникъ Русскихъ пословицъ, составленный въ городѣ Яренскѣ въ 1753 году и сохранившійся въ бумагахъ акад. И. И. Срезневскаго въ спискѣ 1853 года, сдѣланномъ Штатнымъ Смотрителемъ Яренскихъ училищъ Алексѣемъ Протопоповымъ (остались лишь пословицы съ буквы *А* до конца буквы *Т*). За сообщеніе рукописи и за любезное разрѣшеніе воспользоваться ею для изданія я много обязанъ Вс. И. Срезневскому.

---

*) Объ А. И. Богдановѣ (родомъ японцѣ) болѣе подробныя свѣдѣнія см. особенно въ „Исторіи Имп. Академіи Наукъ въ Петербургѣ"—Петра Пекарскаго, т. II (Спб. 1873 г.), стр. 198, въ вып. 4. Тутъ въ спискѣ многочисленныхъ трудовъ Богданова, имъ самимъ составленномъ, отмѣчено подъ № 5: „Небольшую книжку россійскихъ пословицъ [сочинилъ], собраніе которыхъ въ библіотекѣ хранится".

VIII. Нѣсколько сборниковъ пословицъ и изреченій въ рукописномъ сборникѣ 1754 года, на 160 листахъ въ 16 д. л., изъ собранія графа А. С. Уварова, любезно присланномъ для моихъ занятій графинею П. С. Уваровою [по Систематическ. Описанію Славяно-россійскихъ рукописей графа А. С. Уварова, составленному Архим. Леонидомъ, ч. 4, М. 1894 г., отдѣл. XVII, стр. 398, № 2039 (176)]: а) на листахъ 20—36: *„Пословицы“*, б) на лл. 36 об.—38: „Реченія нѣкая нравоѹчите́ная“, в) на лл. 39—40: „Нравоѹчителная наставленія“, г) на лл. 73 об.—138: „Разные пословицы по Алѳавит̃ѹ“ (*а*—я).

IX. „Показание о нѣкоторыхъ, происходящихъ в' общенародіи нравоу̑чи̑телныхъ присловица̑, кои слѣдѹютъ при се̑ по а̑лѳабетѹ“, по рукописному сборнику 1755 года, Императорской Археографической Коммиссіи № 64/160, на стран. 60—122 въ 4 д. л.

X. *„Алфавитъ мирскихъ пословицъ“*, помѣщенный въ рукописномъ сборникѣ 1758 года, принадлежалъ въ восьмидесятыхъ годахъ текущаго столѣтія священнику Троицкой въ городѣ Вязникахъ (Владим. губ.) церкви, о. Константину Веселовскому; печатается съ новѣйшей копіи, хранящейся въ Архивѣ Импер. Русск. Географич. Общества (подъ шифромъ VI. 51).

XI. „Собраніе просторечныхъ мирскихъ пословицъ, при времени и при случаехъ и при разговорахъ въ народѣ употребляемыхъ“.... въ рукописномъ сборникѣ 1788—1795 года, на 62 листахъ, въ 4 м. д. л., принадлежащемъ нынѣ Московскому Публичному и Румянцовскому Музеямъ, № 727 (ст. 169), съ стихотвореніями за подписью: *„Г: С: В: Салт: 1795 году Ноября: дня“*.

XII. Рукописный сборникъ русскихъ пословицъ XVIII вѣка, озаглавленный: „Присловицы“, на 115 листахъ въ 8 д. л., изъ собранія проф. И. А. Шляпкина, подъ № 20.

XIII. Отрывокъ сборника русскихъ пословицъ на буквы *Д*—*С* (1790 г.) на 16 лл. въ 16 д. л., пожертвованнаго Е. В. Барсовымъ въ Церковно-Археологическій Музей при Кіевской Духовной Академіи и хранящагося тамъ подъ № 449 (О. 1/8. 34).

XIV. Отрывокъ сборника русскихъ пословицъ XVIII столѣтія на буквы *П*, *Р* и *С*, на 8 листахъ въ 4 д. л., принесенный въ даръ Императорской Публичной Библіотекѣ акад. Л. Н. Майковымъ (и хранящійся тамъ подъ шифромъ Q. III. 182).

XV. Отрывокъ изъ сборника русскихъ пословицъ XVIII в. на буквы *Л—С*, на 15 листахъ въ 4 д. л., хранящійся въ Императорскомъ Московскомъ Публичномъ и Румянцовскомъ Музеяхъ подъ № 911, изъ собранія рукописей В. М. Ундольскаго.

XVI. Отрывокъ изъ сборника русскихъ пословицъ и поговорокъ на буквы *Б—К* (на лл. 194 об.—205 об.) въ семинарскомъ сборникѣ: „*Востокъ*, на которомъ тройственное православнаго исповѣданія восходитъ свѣтило Слово Божіе"—конца XVIII в., на 204 лл. въ 4 д. л., хранящемся въ Библіотекѣ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, № 502 (по ст. катал. 983).

XVII. Двѣ тетради записей пословицъ XVIII вѣка, хранящихся въ собраніи рукописей А. А. Титова въ г. Ростовѣ, Ярославской губерніи: а) на 4 лл. въ 4 д. л. пословицы на буквы *П. Р. С. Т. У. Х. О. Ч. Ш. Д. Л. К. М. Н. О. Б. В. Г. Д. Е. Ж. З. І. К.*, и б) на двухъ листахъ въ листъ безъ всякаго алфавитнаго порядка (по „Охранному каталогу славяно-русскихъ рукописей А. А. Титова" вып. III, 1888 г., стр. 19, рукоп. № 1793).

XVIII. а) Отрывки изъ сборниковъ *пословицъ* конца XVIII и самаго начала XIX вѣка въ собраніи рукописей И. А. Вахрамѣева въ Ярославлѣ: въ рукописныхъ сборникахъ № 652 и 654, въ м. 8 д. л. на лл. 179—180 обор. и л. 30—1, и б) сборникъ *загадокъ* въ рукописномъ сборникѣ того же собранія и того же времени въ 4 д. л. № 567, л. 360, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Загадки сочиненныѧ стихами ѝ просто, и краткіѧ на подобїе вопросовъ".

XIX. Собраніе пословицъ въ рукописномъ сборникѣ двадцатыхъ годовъ текущаго столѣтія, любезно доставленномъ въ наше распоряженіе Е. И. Якушкинымъ. Въ означенномъ сборникѣ, озаглавленномъ: „Псалмы духовныя", послѣ кантовъ и виршей (лл. 1—10) на лл. 14—17 помѣщены: „По Азбукѣ разные пословицы, учитель ученика спрашивалъ, что значитъ. А. Которой и о҃вѣчалъ".

Печатные сборники:

XX. „Сборъ разныхъ пословицъ и поговорокъ" въ книгѣ Н. Г. Курганова: „Россїйская универсальная Грамматика, или Всеобщее Писмословіе, Предлагающее Легчайшїй

способъ основательнаго ученія рускому языку съ седмью присовокупленіями разныхъ учебныхъ и полезно-забавныхъ вещей. Издано во градѣ Святаго Петра 1769 года" (на стр. 109—124 и „Прибавленіе", тамъ же, на стр. 124—125). Такъ какъ эта „Россійская Универсальная Грамматика" или иначе *Письмовникъ Курганова*, начиная съ 1769 года и почти до половины XIX столѣтія выдержала очень много изданій, то мы постараемся сравнить текстъ *Сбора русскихъ пословицъ и поговорокъ* и *Прибавленія* къ нимъ по всѣмъ изданіямъ этой книги и подведемъ варіанты изъ нихъ*).—Къ сему же будетъ присоединено въ видѣ приложенія „Собраніе разныхъ пословицъ и поговорокъ", находящееся въ рукописномъ сборникѣ изъ библіотеки кн. Барятинскаго 1789—1809 гг., въ 4 д. л., хранящемся нынѣ въ библіотекѣ Императорскаго Россійскаго имени Императора Александра III Музея въ Москвѣ подъ шифромъ 187/В.

XXI. „Древнія русскія простонародныя загадки", напечатанныя въ „Парнасскомъ Щепетильникѣ". Ежемѣсячномъ изданіи 1770 года (М. Д. Чулкова), въ VII книгѣ (май) на стран. 46—48.

XXII. „Собраніе 4291 древнихъ Россійскихъ Пословицъ. Печатаны при Им(п)ераторскомъ Московскомъ Университетѣ. 1770 года". Это *первое печатное изданіе русскихъ пословицъ*, не вѣрно приписываемое нѣкоторыми изслѣдователями извѣстному русскому писателю и этнографу XVIII столѣтія М. Д. Чулкову, на самомъ же дѣлѣ, какъ можно почти съ достовѣрностію утверждать, — трудъ извѣстнаго грамматиста XVIII столѣтія, профессора Московскаго Университета А. А. Барсова,— будетъ перепечатано въ нашемъ изданіи въ сводномъ видѣ — а) по всѣмъ тремъ его печатнымъ изданіямъ, т.-е. 1) (по 1-му изд.) при Импер. Моск. унив. 1770 года *съ виньеткою* и иниціалами X. Л. В.**), въ 16 д. л. на 244 стран., 2) (по 2-му изд.) того же 1770 года, *безъ виньетки*, въ 16 д. л. на 320 стран.+2 непом. („Погрѣшности") и 3) тоже: *Изданіе Третіе*. Москва. Въ Типографіи

---

*) Послѣднее бывшее у насъ въ рукахъ изданіе—11-е, 1837 года печатанное въ Москвѣ у Н. Степанова.

**) По мнѣнію акад. Л. Н. Майкова иниціалы эти должны обозначать—„Христіанъ-Лудвигъ *Веверъ*", т. е. имя и фамилію извѣстнаго издателя журнала „Музыкальныя Увеселенія" (1774 г.).

Компаніи Типографической, 1787 г., на 203 стран.*); б) съ подведеніемъ варіантовъ изъ рукописной копіи съ печатнаго текста 1770 года, списка принадлежавшаго въ XVIII вѣкѣ „города Переславля Залескаго Катедральному Успенскаго Собора діакону Петру Иванову Ильинскому“ и писаннаго рукою „Троицкаго Данилова монастыря подьячимъ Иваномъ Алексѣевымъ Тарховымъ“, нынѣ же хранящагося въ древлехранилищѣ М. П. Погодина подъ № 2006 въ Имп. Публичной Библіотекѣ. в) Въ приложеніи будетъ напечатано и то значительное *Дополненіе* къ сему тексту, которое находится въ концѣ этого рукописнаго списка. г) Предполагается собрать и тутъ же приложить всѣ приписки пословицъ и т. п. текстовъ (не исключая и *малорусскихъ*), сдѣланныя читателями разнаго времени на нѣсколькихъ извѣстныхъ издателю экземплярахъ упомянутой книги.

XXIII. „Загадки, служащія для невиннаго раздѣленія празднаго времени, изданы ВСЛ: Левшинымъ“ (виньетка), при Императорскомъ Московскомъ Унив. 1773 года, на 43 стр., въ 16 д. л.

XXIV. „Увеселительныя загадки со нравоучительными отгадками, состоящія въ стихахъ“. Москва, 1781, въ 12 д. л.

XXV. „Выборныя Россійскія Пословицы“ Императрицы Екатерины II 1782 года (на 15 помѣч. стран. въ м. 8 д. л. по экземпляру безъ означенія года и мѣста печати Эрмитажной Библіотеки, хранящемуся нынѣ въ Императорской Публичной Библіотекѣ).

XXVI. „Рускія пословицы, собранныя Ипполитомъ Богдано́вичемъ“. Въ Санктпетербургѣ, иждивеніемъ Императорской Академіи наукъ, 1785 года. Части I, II и III.

---

*) Указываемое иногда 2-е изданіе *1778* года есть не болѣе, какъ недоразумѣніе, поводомъ къ чему послужило то обстоятельство, что въ 1770 году вышло два изданія, причемъ *второе* изъ нихъ не отмѣчено на заглавномъ листѣ таковымъ. Это предположеніе оправдывается еще и тѣмъ, что для 2-го изданія назначенъ *1778* годъ, а экземпляровъ изданія съ этимъ годомъ нигдѣ пока не нашлось, третье же изданіе вышло въ 1787 году. За подтвержденіе моей догадки точными библіографическими разысканіями и справками я обязанъ весьма свѣдущему и опытному московскому библіографу П. Н. Рогожину, которому и спѣшу выразить свою глубокую признательность за это одолженіе.

XXVII. „Сто и одна Загадка“, *Г. Б.* Москва (въ Сенатской Типографіи) у В. Окорокова, 1790 г. на 64 стран. въ 16 д. л.

XXVIII. „Пословицы“. Статья *В.* въ „Пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени“. Часть I. № 3. Москва, 1794 г., стран. 33—47.

XXIX. „Пословицы и поговорки простонародныя; большая часть въ иносказательномъ смыслѣ“ въ книгѣ *Г. Г*(ромова): „Любовники и супруги или Мужчины и женщины [нѣкоторыя]. И то и сіо. Читай, смѣкай, и можетъ быть слюбится“. Въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи Наукъ 1798 года, въ гл. IX, на стран. 206—224.

XXX. „Рускія изрѣченія, пословицы и поговорки, съ историческими и другими различными примѣчаніями“ (изданныя С. Н. Глинкою въ „Опытѣ отечественной нравственности“ ч. 2, см. въ „Рускомъ Вѣстникѣ въ пользу семейственнаго воспитанія“ за 1816 г., кн. 3).

Въ заключеніе, впервые будутъ напечатаны въ настоящемъ изданіи:

XXXI. Съ автографа академика А. Х. Востокова, хранящагося въ I-омъ Отдѣленіи Библіотеки Императорской Академіи Наукъ, *сборникъ пословицъ расположенныхъ по содержанію, по мыслямъ, которыхъ онѣ касаются*, и раздѣленныхъ на пять главъ; за составленіе этого сборника, Востоковъ, какъ видно изъ „Лѣтописи“ о его жизни, принялся около 16 января 1810 года, и отъ времени до времени продолжалъ обрабатывать этотъ трудъ до 1815—1816 года. Еслибы этотъ трудъ Востокова былъ въ свое время напечатанъ, онъ во многомъ бы опередилъ и нѣкоторыя появлявшіяся много лѣтъ спустя пареміологическія изданія, какъ въ отношеніи времени своего появленія *),

*) *Нѣсколько лишь напоминаютъ* этотъ *опытъ* обработки русскихъ пословицъ А. Х. Востокова слѣдующіе труды позднѣйшаго времени: 1) „[Д. К(няжевича)]. Полное Собраніе Русскихъ пословицъ и поговорокъ, расположенное по азбучному порядку“. Съ присовокупленіемъ таблицы содержанія оныхъ, для удобнѣйшаго ихъ пріисканія. Спб. 1822, въ 8 д. л., 2) особенно единственный пока у насъ трудъ историко-бытового объясненія смысла нѣкоторыхъ русскихъ пословицъ, принадлежащій И. М. Снегиреву: „Русскіе въ своихъ пословицахъ. Разсужденія и изслѣдованія объ отечественныхъ пословицахъ и поговоркахъ“, книжки I, II, III и IV.

такъ отчасти даже въ смыслѣ свѣжести и самостоятельности собраннаго матеріала, и особенно систематическою и критическою его обработкою, что особенно любопытно, если принять въ разсчетъ, что у Востокова, какъ можно думать судя по ссылкамъ въ его трудѣ — подъ рукою были лишь изданныя въ 1785 году И. Богдановичемъ „Рускія Пословицы“ и пословицы, извлеченныя имъ самимъ изъ Польскаго словаря С. Б. Линде и изъ изданія Przypowieśći Рысинскаго (печатано въ XVI ст.), а также записанныя самимъ Востоковымъ пословицы или сообщенныя ему его пріятелями и корреспондентами. Вообще можно признаться со всею справедливостью, что трудъ Востокова былъ бы для своего времени, да пожалуй остается и до сихъ поръ, — весьма знаменательнымъ явленіемъ въ довольно-таки бѣдной еще печатной русской пареміологической литературѣ.

и XXXII. Принадлежащій Дѣйствительному Члену Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества И. А. Вахрамѣеву въ Ярославлѣ рукописный сборникъ пословицъ, поговорокъ, и проч. подъ общимъ заглавіемъ: „*Русская народная жизнь и правила въ краткихъ изреченіяхъ.* Собрано изъ устъ Ѳеодосіемъ Смирновымъ“ въ трехъ книгахъ въ половину большого листа (67+67+11 лл.) (см. у А. А. Титова: „Рукописи славянскія и русскія, принадлежащія ....И. А. Вахрамѣеву, вып. III, М. 1892, №№ 803—805, стран. 85—89).

При воспроизведеніи въ печати текстовъ старинныхъ сборниковъ пословицъ, загадокъ, и проч., въ настоящемъ изданіи принято за правило:

а. Такъ какъ за большинствомъ рукописныхъ сборниковъ пословицъ, загадокъ и проч., заключающихъ въ себѣ много простонародныхъ и областныхъ особенностей стиля и языка, признано немаловажное значеніе для исторіи русскаго языка, то положено печатать каждый цѣльный сборникъ или сохранившіеся

Москва, 1831—4, въ 16 д. л., 3) *его же* довольно тщательно исполненный, хотя и уступающій первому, но все-таки несправедливо забытый сводный трудъ, съ указаніемъ источниковъ, варіантовъ и параллелей: „Русскія народныя пословицы и притчи“ М. 1848, съ нѣсколькими отдѣльно изданными Снегиревымъ же впослѣдствіи дополненіями (1854 и 1857 гг.), и 4) „Пословицы русскаго народа“ В. Даля. М. 1862 г. въ б. 8 д. л.

отрывки такихъ сборниковъ совершенно въ томъ видѣ, какъ они найдены мною въ рукописи или въ первомъ печатномъ изданіи: съ полнымъ сохраненіемъ всѣхъ особенностей расположенія текста пословицъ, загадокъ, и проч., стариннаго правописанія и интерпунктаціи, съ единственнымъ впрочемъ исключеніемъ — печатанія собственныхъ именъ съ прописной буквы и раздѣленія словъ.

б. Во всѣхъ случаяхъ мы старались воспроизводить по возможности текстъ первоначальнаго автора или писца, выдѣляя разновременныя позднѣйшія приписки, поправки, дополненія, заглавія, и т. п. Сохраненіемъ всѣхъ этихъ, на первый взглядъ мелочныхъ, особенностей, думается намъ, лучше всего можно познакомить читателя съ самыми подлинниками, показать ихъ пріемы подбора, собиранія и частію даже записи означенныхъ памятниковъ безыскусственнаго творчества народа, когда они стали впервые собираться въ извѣстномъ порядкѣ и обратили затѣмъ на себя вниманіе любителей отечественнаго слова.

в. Сборники, менѣе значительные (въ смыслѣ цѣнности ихъ внутренняго содержанія), — печатаются для сбереженія мѣста мелкимъ шрифтомъ.

г. Каждому отдѣльному сборнику предпослана вводная замѣтка, въ которой сообщается историко-библіографическое описаніе всей рукописи или книги, откуда извлеченъ тотъ или иной сборникъ пословицъ, загадокъ, и т. п., съ особеннымъ обращеніемъ вниманія на тѣ страницы рукописи, на коихъ помѣщены пословицы, загадки, объяснительныя замѣчанія и проч.

д. Вслѣдъ за текстами будутъ помѣщены въ отдѣлѣ „Дополненій и поправокъ"—примѣчанія къ текстамъ сборниковъ, гдѣ будутъ предложены критическія поправки основныхъ текстовъ, указаны описки писцовъ, приведены разновременныя приписки, поправки, варіанты и проч.

е. Согласительныя таблицы для показанія сходныхъ *по содержанію* и по предметамъ пословицъ, и проч., во всѣхъ напечатанныхъ въ настоящемъ изданіи сборникахъ пословицъ, загадокъ, и т. д., съ отмѣткою римскою цифрою сборника, откуда взята данная пословица, и арабскою самой пословицы (ея №).

ж. Указателями: собственныхъ именъ (личныхъ и географическихъ) и предметовъ, а также спискомъ любопытныхъ и малоизвѣстныхъ словъ должно закончиться изданіе текстовъ.

Такимъ образомъ въ настоящемъ трудѣ, по отпечатаніи его въ предположенномъ составѣ, въ распоряженіи читателя окажется полное *по возможности* собраніе всѣхъ извѣстныхъ и доступныхъ издателю старинныхъ сборниковъ русскихъ пословицъ, поговорокъ, загадокъ и т. д., съ XVII по XIX столѣтіе включительно (до выхода въ свѣтъ перваго изданія извѣстнаго сборника пословицъ В. И. Даля *).

Остаются недоступными издателю по разнымъ причинамъ слѣдующіе сборники:

А. Неизвѣстно гдѣ нынѣ находящіеся рукописные сборники:

1. Принадлежавшій А. И. Тургеневу въ Парижѣ *сборникъ Русскихъ пословицъ и поговорокъ*, писанный скорописью конца XVII вѣка въ 4 д. л. Начало его осталось у прежняго владѣльца, а „оторванная отъ сборника тетрадь съ буквы *Н* до *Х*" перешла въ собственность И. М. Снегирева, и объ этой части всего сборника есть замѣтка въ „Русскихъ народныхъ пословицахъ и притчахъ" И. М. Снегирева, М. 1848 г., стран. XL.

2. *Сборникъ пословицъ и поговорокъ по азбучному порядку*, на 73 стр., скорописный, начала XVIII вѣка, въ 4 д. л., принадлежавшій И. М. Снегиреву (см. краткое его описаніе и перепечатку предисловія къ нему въ виршахъ—въ Русскихъ народныхъ пословицахъ и притчахъ, издан. И. Снегиревымъ, М. 1848 г., стран. XXXVII—XL).

3. Сборникъ, писанный Александромъ Даниловичемъ Яньковымъ:—*Россійскія пословицы, собранныя по Алфабету въ Москвѣ*, 1749 году (въ 4 д. л.) — неизвѣстно гдѣ нынѣ находящійся, въ свое время былъ изучаемъ а) Ѳ. И. Буслаевымъ, который сообщилъ о немъ нѣкоторыя свѣдѣнія въ статьѣ своей: „Русскія

---

*) Какъ читатель можетъ усмотрѣть изъ настоящаго предисловія къ 1-му выпуску нашего труда, въ послѣднемъ намѣчено перепечатать бóльшую часть изданій сборниковъ пословицъ, поговорокъ, загадокъ, и проч., лишь XVIII столѣтія, ставшихъ нынѣ почти библіографическою рѣдкостью и недоступныхъ большинству, и затѣмъ всѣ сборники, сохранившіеся какъ отъ стараго времени въ рукописномъ видѣ, такъ и относительно недавняго еще для насъ происхожденія, но остававшіеся пока необнародованными.

пословицы и поговорки" въ Архивѣ Калачова (II, 2, М. 1854), стр. 67 и 75, и далѣе въ текстѣ (стр. 75 сл.) своего сборника пословицъ привелъ изъ него варіанты, отмѣченные буквою *Я*; въ Исторической Христоматіи ц.-сл. и русск. яз. (М. 1861 г.), столб. 1457—1460 напечатано для образца по нѣскольку пословицъ на каждую букву съ объяснительными къ нимъ примѣчаніями, и б) И. М. Снегиревымъ, о чемъ находимъ отмѣтки въ его „Новомъ Сборникѣ русскихъ пословицъ и притчей, служащемъ дополненіемъ къ Собранію русск. народн. пословицъ и притчей, изданныхъ въ 1848 г." (М. 1857 г., въ примѣчан. 10, стран. 83, пр. 8, стр. 87).

4. Рукописный сборникъ, принадлежавшій Тихвинскому купцу Григорію Парихину и упомянутый имъ въ выноскѣ къ тексту статьи его: „Русскія народныя загадки" (въ журн. *Маякъ*, 1842 г., т. VI, кн. XI, гл. III (матеріалы), стран. 66)—„[нѣкоторыя загадки] выписаны мною изъ стараго рукописнаго сборника 1774 года, состоящаго изъ *Собранія Псалмовъ, пѣсенъ, загадокъ, пословицъ, притчей, анекдотовъ, и протчаго тому подобнаго*"...

5. Собраніе около 400 Русскихъ пословицъ, записанныхъ П. Ѳ. Карабановымъ въ Москвѣ (упоминаемое у Снегирева, въ его изданіи 1848 г. на стран. XLI, и у Буслаева въ „Русск. послов. и погов., стр. 113. 131, 140 и 143 сл.). Среди рукописей Коробанова, поступившихъ въ Императорскую Публичную Библіотеку искомой рукописи, повидимому, не имѣется.

6. Рукописный сборникъ пословицъ, о которомъ И. М. Снегиревъ упоминаетъ въ „*Дополненіи* къ собранію Русскихъ народныхъ пословицъ и притчей, издан. И. Снегиревымъ" (М. 1854 г., на стран. 3): „Почтенные наши литераторы, Н. В. Сушковъ доставилъ мнѣ *тетрадь Русскихъ пословицъ, собранныхъ и писанныхъ г.* Храповицкимъ *для Императрицы Екатерины II*...".

7. „*Русскія пословицы, поговорки, присловья и присловья, собираемыя Алексѣемъ* Кольцовымъ. *Воронежъ*" (1836—39 годовъ), на 41 л., въ 8 д., почтовой бумаги *(А—Я)*; рукописный сборникъ этотъ принадлежалъ въ шестидесятыхъ годахъ извѣстному поэту И. С. Никитину.

Б. Принадлежащіе П. Н. Тиханову три рукописныхъ сборника пословицъ и проч.:

8. Въ такъ называемомъ „*Мышкинскомъ сборникѣ-календарѣ 1779 года*" (описаніе его см. въ Ярославскихъ Губернскихъ Вѣ-

домостяхъ, 1888 г. и отдѣльно въ брошюрѣ: „Мышкинскій сборникъ 1779 г., рукопись изъ собранія П. Тиханова“, Ярославль, 1888 г.) на лл. 16—62 помѣщены „*Присловицы*“ (пословицы и присловья), на лл. 63—70 — „*скороговорки*“, и проч.

9. „Довольно большой рукописный сборникъ пословицъ“, по словамъ владѣльца — писанный въ Новгородѣ (скоропись).

10. Еще одинъ „писанный полууставомъ, переходящимъ въ скоропись“.

Одновременно съ приготовленіемъ къ печати предлежащаго труда и послѣдовательнымъ печатаніемъ выпусками, издатель его приступилъ къ обработкѣ матеріаловъ для небольшого *опыта изслѣдованія*, въ которомъ онъ намѣтилъ изученіе многихъ вопросовъ, относящихся до русской пословицы, поговорки и загадки въ ихъ исторіи. Въ этомъ изслѣдованіи попытокъ собиранія и записыванія ихъ, а также литературной исторіи сборниковъ, обращавшихся у насъ на Руси, съ давняго времени, а равно также и различныхъ памятниковъ старинной русской письменности, отразившихъ на себѣ элементы какъ народныхъ пословицъ („мірскихъ притчъ“), такъ и изреченій и пословичныхъ выраженій книжнаго происхожденія (какъ напр. Слово о злыхъ женахъ, Моленіе или Слово Даніила Заточника, Сказаніе или Слово объ Акирѣ Премудромъ, Стефанитъ и Ихнилатъ, Бесѣда отца съ сыномъ отъ различныхъ писаній — о женской злобѣ, Мѣрило Праведное и еще многіе другіе) — авторомъ будетъ, по возможности, удѣлено не меньше вниманія, какъ и исторіи сборниковъ исключительно почти гномическаго содержанія (Пчела, Мудрость Менандра, Стословецъ патр. Геннадія, и друг.). Послѣдніе, какъ это можно считать уже почти доказаннымъ, представляли собою произведенія, повидимому, цѣликомъ переведенныя съ византійскихъ же подлинниковъ еще у южныхъ славянъ и затѣмъ зашедшіе и къ намъ *). Является необходимымъ прослѣдить, какъ эти сборники съ теченіемъ вре-

---

*) Старшіе русскіе списки Пчелы и Мудрости Менандра XIV в. на пергам., хран. въ Имп. Публ. библ.; по И. И. Срезневскому, Пчела стала извѣстна у насъ съ XII столѣтія, см. Др. Пам. р. п. и яз. подъ 1199 г.; сп. Стословца — съ XI в.: онъ помѣщенъ уже въ Изборникѣ Святослава 1076 года, и т. д.

мени все болѣе и болѣе распространяли свое содержаніе, когда къ нимъ постепенно стали присоединяться и въ нихъ вноситься выбранные тексты гномическаго характера изъ книгъ Св. Писанія, Твореній Отцовъ Церкви, а иногда и прямо цѣлые самостоятельные сборнички, носившіе названія: „Словца избраны отъ Мудрости Исуса сына Сирахова и отъ Премудрости Царя Соломона", „Избранныя словца отъ Исака и отъ Лѣствицы и отъ инѣхъ книгъ", и т. п. Благодаря этому, составъ такихъ сборниковъ сдѣлался разнороднымъ и пестрымъ (Пчелы напр. въ позднѣйшихъ спискахъ, заходящихъ даже въ XVIII столѣтіе, и такъ называвшіеся „Цвѣтники", многочисленныя „выписки" изъ Пчелы иногда даже съ особенными названіями, напр. „Строкъ избирательныхъ", и проч.). Для цѣли подобнаго изслѣдованія весьма важно также заняться изученіемъ текста столь любопытныхъ „Прописей", „Азбукъ" и проч., въ которыхъ часто можно встрѣчать притчи и тексты, почти прямо идущіе по преемству отъ подобныхъ же изреченій, находимыхъ въ Словѣ Даніила Заточника (на чтò было обращено въ свое время вниманіе еще пок. Н. С. Тихонравовымъ) *).

Сборники собственно пословицъ и поговорокъ появляются у насъ впервые въ XVII вѣкѣ, но послѣднія и тутъ не отдѣляются еще отъ текстовъ духовно-нравственнаго содержанія; въ то же время въ эти сборники, параллельно съ пословицами, вносятся тексты изъ лубочныхъ картинокъ, изъ смѣхотворныхъ повѣстей, пѣсенъ, сказокъ, сонниковъ, различныхъ народныхъ листовъ и тетрадокъ, довольно часто и обильно почерпавшихъ свое занимательное разнообразіе изъ западно-европейскихъ и, особенно польскихъ, источниковъ. Въ томъ же XVII столѣтіи появляются въ переводѣ съ польскаго извѣстные „*Апофеегмы*", столь полюбившіеся у насъ, что сверхъ обращавшихся экземпляровъ рукописныхъ текстовъ понадобилось вскорѣ и печатное ихъ изданіе (первое изданіе вышло въ 1711 году, пятое въ 1781 году). Такіе тексты, какъ Апофеегмы, и проч., вмѣстѣ съ

---

*) Къ сожалѣнію, такъ мало до сихъ поръ было удѣлено вниманія въ печати означеннымъ текстамъ Прописей, и намъ ничего неизвѣстно, кромѣ статей И. Е. Забѣлина, Н. В. Калачова, Н. С. Лѣскова, Д. Л. Мордовцева и Юр. В. Толстого; занятія А. Н. Петрова „школьными азбуковниками", повидимому, только отчасти касаются изслѣдованія текстовъ, заключающихся въ Прописяхъ и Азбукахъ.

забавными повѣстями, анекдотами, народными пословицами, пѣснями (не исключая и солдатскихъ), и проч., издаются въ Санктпетербургѣ Н. Г. Кургановымъ въ 1769 году, сперва подъ названіемъ „Универсальной грамматики", а затѣмъ извѣстнаго „Письмовника". Изданія его тянутся до сороковыхъ годовъ настоящаго столѣтія, болѣе десяти разъ повторяясь и распространяя свое занимательное содержаніе, и въ свою очередь уступаютъ мѣсто разнымъ другимъ сборникамъ, пришедшимъ ему на смѣну.

Предпринятый опытъ изслѣдованія исторіи русской пословицы, поговорки и проч., можетъ служить вмѣстѣ съ тѣмъ и *вводною статьею* ко всему собранію нынѣ издаваемыхъ *текстовъ* сборниковъ XVII—XIX столѣтій. Въ концѣ будетъ предложена подробная систематическая библіографія и перечень изданій указанныхъ сборниковъ въ хронологическомъ порядкѣ, также и трудовъ, посвященныхъ ихъ изученію.

Выдавая въ свѣтъ первый выпускъ настоящаго труда, считаю пріятнымъ долгомъ выразить свою глубокую благодарность всѣмъ членамъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, давшимъ мнѣ возможность къ напечатанію моего труда въ томахъ издаваемаго имъ „Сборника". Не могу не высказать тотъ часъ же своей особенной и глубокой признательности г. Вице-президенту той же Академіи, академику Л. Н. Майкову, не оставлявшему меня во все время моихъ розысканій при веденіи настоящаго труда своими многими полезными совѣтами, указаніями, сообщеніемъ матеріаловъ и пособій для моего труда, и вообще за ту нравственную поддержку и одобреніе, которыя я встрѣтилъ по сему случаю съ его стороны; тѣмъ же я такъ же обязанъ и глубокоуважаемымъ академикамъ А. Н. Пыпину и А. А. Шахматову.

Много облегчили мнѣ тѣмъ или инымъ способомъ трудъ по собиранію матеріаловъ для давно задуманнаго мною и издаваемаго нынѣ труда нижеслѣдующія лица: А. В. Башкировъ, В. В. Богишичъ, Е. Ѳ. Будде, пок. акад. А. Ѳ. Бычковъ, И. А. Бычковъ, С. А. Бѣлокуровъ, И. А. Вахрамѣевъ, М. А. Веневитиновъ, Н. Я. Денисьевскій, С. О. Долговъ, П. А. Ефремовъ, Е. Ѳ. Карскій, А. И. Кирпичниковъ,

мени все болѣе и болѣе распространяли свое содержаніе, когда къ нимъ постепенно стали присоединяться и въ нихъ вноситься выбранные тексты гномическаго характера изъ книгъ Св. Писанія, Твореній Отцовъ Церкви, а иногда и прямо цѣлые самостоятельные сборнички, носившіе названія: „Словца избраны отъ Мудрости Исуса сына Сирахова и отъ Премудрости Царя Соломона", „Избранныя словца отъ Исака и отъ Лѣствицы и отъ инѣхъ книгъ", и т. п. Благодаря этому, составъ такихъ сборниковъ сдѣлался разнороднымъ и пестрымъ (Пчелы напр. въ позднѣйшихъ спискахъ, заходящихъ даже въ XVIII столѣтіе, и такъ называвшіеся „Цвѣтники", многочисленныя „выписки" изъ Пчелы иногда даже съ особенными названіями, напр. „Строкъ избирательныхъ", и проч.). Для цѣли подобнаго изслѣдованія весьма важно также заняться изученіемъ текста столь любопытныхъ „Прописей", „Азбукъ" и проч., въ которыхъ часто можно встрѣчать притчи и тексты, почти прямо идущіе по преемству отъ подобныхъ же изреченій, находимыхъ въ Словѣ Даніила Заточника (на что̀ было обращено въ свое время вниманіе еще пок. Н. С. Тихонравовымъ) *).

Сборники собственно пословицъ и поговорокъ появляются у насъ впервые въ XVII вѣкѣ, но послѣднія и тутъ не отдѣляются еще отъ текстовъ духовно-нравственнаго содержанія; въ то же время въ эти сборники, параллельно съ пословицами, вносятся тексты изъ лубочныхъ картинокъ, изъ смѣхотворныхъ повѣстей, пѣсенъ, сказокъ, сонниковъ, различныхъ народныхъ листовъ и тетрадокъ, довольно часто и обильно почерпавшихъ свое занимательное разнообразіе изъ западно-европейскихъ и, особенно польскихъ, источниковъ. Въ томъ же XVII столѣтіи появляются въ переводѣ съ польскаго извѣстные „*Апофеегмы*", столь полюбившіеся у насъ, что сверхъ обращавшихся экземпляровъ рукописныхъ текстовъ понадобилось вскорѣ и печатное ихъ изданіе (первое изданіе вышло въ 1711 году, пятое въ 1781 году). Такіе тексты, какъ Апофеегмы, и проч., вмѣстѣ съ

---

*) Къ сожалѣнію, такъ мало до сихъ поръ было удѣлено вниманія въ печати означеннымъ текстамъ Прописей, и намъ ничего неизвѣстно, кромѣ статей И. Е. Забѣлина, Н. В. Калачова, Н. С. Лѣскова, Д. Л. Мордовцева и Юр. В. Толстого; занятія А. Н. Петрова „школьными азбуковниками", повидимому, только отчасти касаются изслѣдованія текстовъ, заключающихся въ Прописяхъ и Азбукахъ.

забавными повѣстями, анекдотами, народными пословицами, пѣснями (не исключая и солдатскихъ), и проч., издаются въ Санктпетербургѣ Н. Г. Кургановымъ въ 1769 году, сперва подъ названіемъ „Универсальной грамматики", а затѣмъ извѣстнаго „Письмовника". Изданія его тянутся до сороковыхъ годовъ настоящаго столѣтія, болѣе десяти разъ повторяясь и распространяя свое занимательное содержаніе, и въ свою очередь уступаютъ мѣсто разнымъ другимъ сборникамъ, пришедшимъ ему на смѣну.

Предпринятый опытъ изслѣдованія исторіи русской пословицы, поговорки и проч., можетъ служить вмѣстѣ съ тѣмъ и *вводною статьею* ко всему собранію нынѣ издаваемыхъ *текстовъ* сборниковъ XVII—XIX столѣтій. Въ концѣ будетъ предложена подробная систематическая библіографія и перечень изданій указанныхъ сборниковъ въ хронологическомъ порядкѣ, также и трудовъ, посвященныхъ ихъ изученію.

Выдавая въ свѣтъ первый выпускъ настоящаго труда, считаю пріятнымъ долгомъ выразить свою глубокую благодарность всѣмъ членамъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, давшимъ мнѣ возможность къ напечатанію моего труда въ томахъ издаваемаго имъ „Сборника". Не могу не высказать тотъ часъ же своей особенной и глубокой признательности г. Вице-президенту той же Академіи, академику Л. Н. Майкову, не оставлявшему меня во все время моихъ розысканій при веденіи настоящаго труда своими многими полезными совѣтами, указаніями, сообщеніемъ матеріаловъ и пособій для моего труда, и вообще за ту нравственную поддержку и одобреніе, которыя я встрѣтилъ по сему случаю съ его стороны; тѣмъ же я такъ же обязанъ и глубокоуважаемымъ академикамъ А. Н. Пыпину и А. А. Шахматову.

Много облегчили мнѣ тѣмъ или инымъ способомъ трудъ по собиранію матеріаловъ для давно задуманнаго мною и издаваемаго нынѣ труда нижеслѣдующія лица: А. В. Башкировъ, В. В. Богишичъ, Е. Ѳ. Будде, пок. акад. А. Ѳ. Бычковъ, И. А. Бычковъ, С. А. Бѣлокуровъ, И. А. Вахрамѣевъ, М. А. Веневитиновъ, Н. Я. Денисьевскій, С. О. Долговъ, П. А. Ефремовъ, Е. Ѳ. Карскій, А. И. Кирпичниковъ,

Ѳ. Е. Коршъ, В. И. Ламанскій, В. П. Ламбинъ, Н. П. Лихачевъ, Е. А. Ляцкій, В. В. Майковъ, Вс. Ѳ. Миллеръ, К. П. Михальчукъ, А. П. Новицкій, Н. П. Рогожинъ, Н. П. Павловъ-Сильванскій, С. С. Слуцкій, А. И. Соболевскій, М. Н. Сперанскій, Вс. И. Срезневскій, А. И. Станкевичъ, бар. Ѳ. Д. Стюартъ, Н. Ѳ. Сумцовъ, А. А. Титовъ, П. Н. Тихановъ, гр. Пр. С. Уварова, П. В. Шейнъ, гр. С. Д. Шереметевъ, П. Н. Шефферъ, И. А. Шляпкинъ, В. Н. Щепкинъ, акад. И. В. Ягичъ, Е. И. Якушкинъ и Н. Ѳ. Ѳедоровъ, — которымъ и спѣшу засвидѣтельствовать здѣсь свою глубокую признательность, отлагая болѣе подробныя сообщенія до конца всего изданія.

Отчетливымъ и весьма удачнымъ исполненіемъ посредствомъ фотографіи снимковъ (приложенныхъ къ настоящему первому выпуску на таблицахъ I—II, IV—XI) съ рукописи Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ XVII столѣтія, я много обязанъ Г. В. Бюшу, которому пришлось воспроизводить ихъ при далеко неблагопріятныхъ условіяхъ (въ самомъ мѣстѣ храненія рукописи).

Всякаго рода полезныя указанія и сообщеніе матеріаловъ *) будутъ приняты съ глубокою признательностію, и о нихъ каждый разъ будетъ упоминаемо въ своемъ мѣстѣ при печатаніи продолженія настоящаго труда.

Павелъ Симони,

Д. чл. Имп. Русск. Геогр. Общества, чл.-корр. Имп. Моск. Археологич. Общ. и Имп. Общ. Любит. древн. письменности.

Санктпетербургъ,
29 сентября 1899 года.

---

*) которыя слѣдуетъ доставлять по адресу: П. К. Симони въ С.-Петербургъ, В. О. уг. 7 л., д. 2—1, кв. 16 или на имя Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.

ОБЪЯСНЕНІЯ КЪ СНИМКАМЪ НА ОТДѢЛЬНЫХЪ ТАБЛИЦАХЪ.

I.

Сборникъ скорописный XVII вѣка Моск. Главн. Архива Минист. Иностр. Дѣлъ № 250—455.

Таблица I—(приложенная къ страницѣ 12):—снимокъ *съ записи 7903/1695 года* на листѣ 118 обор. (внизу страницы). Слѣдуетъ обратить вниманіе на конецъ записи: =м҃. і҃. р҃. д҃. п҃ н҃ п҃ з҃=, представленный тайнописью и того именно вида цифровой тайнописью, ключа для разгадыванія которой еще до сихъ поръ не удалось найти. (Ср. впрочемъ близкій видъ тайнописи, раскрытый А. Х. Востоковымъ — въ Опис. Рум. Муз. стр. 155, рукоп. XVI в, № LXXXVII). Если не ошибаемся, составитель тайнописной замѣтки съ намѣреніемъ поставилъ послѣ первыхъ буквъ-чиселъ точки, а послѣднія четыре же буквы не раздѣлилъ точками. Не скрывается ли тутъ имени и прозвища писавшаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ, быть можетъ, и списателя—составителя сборника пословицъ и любопытнаго «Предсловія» къ сему послѣднему? Можетъ быть, перу того же лица принадлежатъ и «Рѵѳмы краесогла́сніи. Ѿ прелести сѹетна^гѡ сегѡ̀ міра и бѹйствѣ»... 7200/1695 г. [см. ниже снимокъ на таблицѣ II] виршами;

б) «Посла́нïе к печа́лны^м чл҃вкѡ^м» (см. у насъ на стран. 20; въ рукоп. л. 301 сл.); в) переводъ съ польской книжки Яна Запчица «Выда́нïе ѿ добронʼравïи» (въ рукоп. на лл. 315—320; у насъ напеч. на стран. 21—47) и друг.

Табл. II — (прилож. къ стран. 19—20) — снимокъ съ листа 295-го.

Табл. III — (прилож. къ стран. 65—66) — изображенія заводскихъ клеймъ на бумагѣ (не помѣщенныхъ въ сочиненіи Н. П. Лихачева «Бумага и древн. бум. мельницы въ Моск. госуд.». Спб. 1891 г.); чертежи 1—2.

Табл. IV — (прилож. къ стран. 69) — снимокъ съ листа 321-го: съ заглавнаго листа «Предсловія до читателя».

Табл. V — (прилож. къ стран. 69) — снимокъ съ л. 321 обор. съ продолженіемъ «Предсловія».

Табл. VI — (прилож. къ стран. 70) — снимокъ съ л. 322 съ продолженіемъ «Предсловія».

Табл. VII — (прилож. къ стран. 71) — снимокъ съ л. 322 обор. съ продолженіемъ «Предсловія».

Табл. VIII — (прилож. къ стран. 73) — снимокъ съ л. 323: конецъ «Предсловія до читателя» и на той же страницѣ — начало «Повѣстей или пословицъ всенароднѣйшыхъ по алфавиту», писанныхъ тѣмъ же почеркомъ, что и «Предсловіе» и съ удареніями, далѣе эти послѣднія встрѣчаются лишь спорадически и очень часто проставлены уже другою рукою (справщика).

Табл. IX — (прилож. къ стран. 92) — снимокъ съ листа 336: текстъ сборника пословицъ на букву **Г**; въ строкѣ 17 св. приписка почеркомъ XVIII ст.

Табл. X — (прилож. къ стран. 104—5) — снимокъ съ л. 345: текстъ пословицъ на буквы **Ѕ—З**; писано, повидимому, тою же рукою, что и ранѣе, но весьма небрежно или, можетъ быть, другою—старческою рукою.

Табл. XI—(прилож. къ стран. 122—3)—снимокъ съ л. 357: текстъ пословицъ на букву *М*, съ извѣстными текстами о Котѣ и Мышахъ (см. строки 11—12 св., подчеркнутыя въ подлинникѣ чернымъ карандашомъ.

II.

Рукописный сборникъ пословицъ, поговорокъ и присказокъ Петровскаго времени (конца XVII—начала XVIII столѣтія), хранящійся въ Библіотекѣ Императорской Академіи Наукъ и пожертвованный туда В. В. Богишичемъ.

Табл. XII—(прилож. къ стран. 181)—снимокъ съ листа 6 (на которомъ сосредоточилось нѣсколько почерковъ разнаго времени).

Табл. XIII—(прилож. къ стран. 214)—снимокъ (фотоцинкографія) съ верхней части листа 27 (замѣтка поздн. собирателя).

I.

ПОВѢСТИ ИЛИ ПОСЛОВИЦЫ ВСЕНАРОДНѢЙШЫЯ

ПО АЛФАВИТУ

ВЪ СБОРНИКѢ XVII ВѢКА МОСК. ГЛ. АРХИВА МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАНН. ДѢЛЪ № 250

(по стар. каталогу № 455, изъ собранія Кн. М. А. Оболенскаго № 28).

Описаніе рукописнаго Сборника и перечень статей его составляющихъ.

Рукописный сборникъ, принадлежащій Библіотекѣ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, писанный на бумагѣ, относится ко второй половинѣ XVII столѣтія. Форматомъ онъ въ 4-ку, въ бумажномъ новѣйшемъ переплетѣ (коричневаго цвѣта), съ надписью на кожанномъ корешкѣ: «Зборникъ». На библіотечномъ ярлыкѣ (ex libris'ѣ) значится: «Москóвскомѹ Глáвномѹ Ѵ҆Архи́вѹ Министéрства Иностранныхъ Дѣлъ (гербъ) принесъ въ даръ Гофмейстеръ Двора Его Имп. Величества и Директоръ Архива (1841—1872 г.) Тайный Совѣтникъ К. М. Оболенскій, № 28/$\frac{250}{455}$». Ярлыкъ этотъ приклеенъ къ верхней крышкѣ переплета; на оберточномъ листкѣ карандашемъ отмѣчено: 132, а на оберточномъ листкѣ, принадлежащемъ къ нижней крышкѣ переплета,— собственноручная надпись бывшаго владѣльца: «Всего въ сей рукописи 472 перемѣченныхъ и 4 листа (съ 151—) безъ помѣты. К. М. Оболенскій». На оборотѣ отмѣчено: «пользовался сей книгой И. Снегиревъ. 1848».

Въ рукописныхъ матеріалахъ составителя «Каталога Славяно-Русскихъ Рукописей» Архивной Библіотеки 1845 года [1]) имѣется слѣдующее описаніе настоящей рукописи (см. 2-й картонъ этихъ матеріаловъ — «Рукописи въ четвертку»): «Сборникъ скорописный — рукопись разныхъ почерковъ конца XVII вѣка въ 4-ку на 472 листахъ; подарена Надворнымъ Совѣтникомъ Лопухинымъ въ 1825 г. Въ началѣ вклеено описаніе рукописи на 1 листѣ, подписанное рукою Калайдовича. Эта рукопись содержитъ»... и т. д.—идетъ крат-

1) Составлялся пок. В. М. Ундольскимъ.

кое перечисленіе статей, внесенныхъ въ сборникъ. Описанія Калайдовича въ настоящее время при рукописи не находится.

Почти каждая самостоятельная статья сборника имѣетъ свою старую (церковно-славянскими буквами) особую пагинацію листовъ, иногда же сохраняются сверхъ того еще и отмѣтки счета тетрадей. На листахъ 1ᵃ, 72ᵃ, 321ᵃ и 383ᵃ оттиснуты черною краскою съ гравированныхъ досокъ рамки съ украшеніями изъ орнаментовъ, цвѣтовъ и т. д. Заглавія, какъ статей, входящихъ въ сборникъ, такъ и отдѣловъ этихъ статей, главы и проч. по большей части писаны киноварью.

Слѣдуетъ замѣтить, что всѣ статьи сборника писаны или однимъ почеркомъ (рукою), что̀ наиболѣе кажется вѣроятнымъ, или разными, но очень схожими и близкими по времени. Только листы 1—71 писаны всѣ одною рукою, и притомъ не повторяющеюся въ другихъ частяхъ сборника (ср. впрочемъ л. 1ᵃ съ лл. 72 сл., 80 сл. и 321 сл.). Въ предисловіяхъ и на начальныхъ страницахъ каждаго отдѣла сборника (особой статьи) почеркъ какъ то уставнѣе и красивѣе, а потомъ далѣе онъ переходитъ въ обычную скоропись, мѣстами даже исполненную небрежности. Въ концѣ сборника листы 470—472 писаны опять совсѣмъ особымъ (это 3-ье уже по счету видоизмѣненіе почерка) почеркомъ и блѣдными расплывающимися чернилами. Этимъ то почеркомъ сдѣланы приписки на нижнемъ полѣ листа 342 обор. и, должно быть, еще до того времени, какъ рукопись была въ позднѣйшее время оправлена въ настоящій картонный переплетъ. Надо думать, что рукопись уже и въ давнее время имѣла тѣ статьи, которыя теперь находятся въ самомъ концѣ сборника, но не сохранились полностію.

Въ настоящемъ сборникѣ на листахъ 323ᵃ и слѣд. помѣщено довольно обширное собраніе старинныхъ русскихъ пословицъ. Какъ эти пословицы, такъ и весь обширный сборникъ, въ которомъ послѣднія составляютъ лишь незначительную часть, не имѣютъ при себѣ точныхъ отмѣтокъ времени собиранія или написанія и имени собирателя или переписчика. Чтобы доставить читателю какія-либо данныя для предположеній по сему случаю, мы предложимъ сперва подробный перечень статей всего сборника, а затѣмъ представимъ и нѣкоторыя наши догадки на счетъ времени составленія всего сборника и личности его составителя.

Первые 1—71 (непомѣч.) листы заняты повѣстями изъ «Римскихъ Дѣяній», но по большей части тексты повѣстей отсутствуютъ и сохранились лишь ихъ заглавія, указанія главъ и «приклады» или толкованія.

Листъ 1 (а҃). Текстъ на этой страницѣ помѣщенъ въ срединѣ фигурной рамки, оттиснутой черною краскою съ гравированной доски. Здѣсь эта рамка состоитъ изъ колонокъ, цвѣтовъ и птицъ; въ верхней части заставка съ 4-хконечнымъ крестомъ и надписями въ промежуткахъ: і҃с—х҃с—ни—ка.

Заглавіе первой статьи сборника, какъ и вездѣ ниже, писано киноварью: ПОВѢСТЬ | ди́внаго оустроéнїа нѣко|его бл҃го-т'во́рца, и҆ пра́ве|днаго сȣдїи҆. | Глава́: А҃:.. (*Начало*). Во гра́дѣ ри́мъсти Послȣчаю житїя па́чеже до́брыˣ всѣ́хъ да́теля бг҃а про́мысломъ, и҆́же воставля́етъ ѿ гно́ища и҆ посажда́етъ (л. 1 оборотн.) с могȣ́щими, нѣ́кїи мȣ́жь ѿ нищéтнагѡ и҆ хȣда́го жития́ вчини́ся впéрвое во́инъство, и҆ пото́мъ к' ко́емȣждо чи́нȣ нача́лствѣ пребыва́етъ. и҆ по си́хъ достиже в ти́ронскїи са́нъ, ѿтȣдȣ же ȣ҆чини́ся и҆ первосовѣ́тникъ цесарю, ѡба́че же поми́ная слȣ́чая ꙗ҆́ко непостоя́ннагѡ законополо́жника, и҆ жада́етъ и҆ ѿéмлетъ: ри́зȣ ѡ҆́кȣ ни҆щéтнȣю ю҆́же пéрвѣе ноша́ше вложи́въ в златый сотворéнный со драги́ми каменїи҆ в ковчéгъ во внȣ́треннѣй своéй пола́тѣ поста́ви и҆ то́кмо є҆ди́нъ та́мо вхожда́ше и҆з'има́я грȣ́бȣю ри́зȣ по вся́ дни҆ ѡ҆пла́кȣя на ню смотря́ше и т. д.

Л. 2 (в҃) *оборотн.* (*конецъ*).... Сїя́ цéсарь слы́ша ѡ҆ ди́внемъ дѣ́лѣ сано́вника своегѡ҆ удиви́ся, радостотво́рно слеза́ми о҆́блобызова́я є҆гѡ҆ главȣ ублажа́я и҆ прославля́а ꙗ҆́ко вѣ́рнаго прїя́теля. госȣда́рства своегѡ҆, и҆ возложи всегѡ҆ гд҃рьства своегѡ҆ правлéнїя предо́бромȣ томȣ.

Эта повѣсть, хотя и помѣченная 1-ю главою перваго отдѣла всего сборника и какъ будто тѣмъ введенная въ одинъ составъ вмѣстѣ съ слѣдующими главами, 2-ю и т. д., не принадлежитъ къ составу сборника повѣстей — извѣстнаго подъ именемъ Римскихъ Дѣяній, но тоже имѣется въ очень немногихъ русскихъ спискахъ и также включена въ составъ ихъ. Вообще для ознакомленія съ содержаніемъ текстовъ, помѣщенныхъ въ началѣ настоящей рукописи отсылаемъ къ слѣдующимъ трудамъ: 1) къ «Очерку литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ» акад. А. Н. Пыпина въ Учен. Зап. II Отдѣленія Имп. Акад. Наукъ, кн. IV, отд. II, стр. 184, особенно же с. 197—8; 2) по этой же рукописи напечатаны отрывки пок. акад. Ѳ. И. Буслаевымъ въ Историч. христоматіи цер.-

слав. и русск. яз. (М. 1861 г.), стб. 1405—1409, см. еще далѣе объяснительныя замѣтки и примѣчанія на стб. 1423—1426; 3) С. Л. Пташицкій въ книгѣ своей: «Средневѣковыя Западно-европейскія повѣсти въ русской и славянскихъ литературахъ. I. Исторіи изъ Римскихъ Дѣяній (Спб. 1897 г.)» тоже касается состава собранія повѣстей изъ Римскихъ Дѣяній и между прочимъ и по настоящему рукописному сборнику см. у него стр. 46, подъ № XII; также стран. 92 и 94—96.

Ѡ хитрости дiавольстѣй, и ꙗко сѹдьбы бж҃їя неиспытанны и скрыты сѹть. Глава: в҃. *Начало*: Бѣ нѣкїи пѹстынникъ, и живяше въ (л. 3=г҃) нѣкоей пещерѣ, во днижe и в нощи непрестанно гдⷭ҇ѹ бг҃ѹ слѹжаше. прⷮ҇ пещерою же егѡ нѣкїй пастырь пасяше овцы, по слѹчаю же пастырскомѹ на сонѣ приклонися и крѣпко спаше, пришедъ ѹбо нѣкїй тать покраде всѣ овцы, по времяни прїиде господинъ тѣхъ овецъ истязѹя пастыря како ихъ погѹбилъ.... (*Конецъ*, л. 6=ѕ҃).... и вовратися в пѹстыню слѹжаше непрестанно гдⷭ҇ѹ бг҃ѹ, и ѹправи о себѣ, добрѣ ѿ мира сего прейде в вѣчнѹю жизнь. аминь.

Л. 6. 'О гордѣливыхъ глаголется, иоавине цесари, и его ниспаденїй. приличествѹетъ же и ко всѣмъ превозносящеся и высящымся. Глава: г҃: Толкованїе: Возлюбленная братия цесарь той и можетъ нарещися всякъ чл҃вкъ....

Л. 8 (и҃). Притча ѡ памяти смертнѣй дабы || (обор.) человѣкъ памятѹя на ню не согрѣшаⷧ҇. Глава: д҃: Толкованиe: Братия возлюбленная вельможа то есть всякїй чл҃вкъ хрⷭ҇тїанинъ...

Л. 9 (ѳ҃) *обор.* 'О престѹпленїй дш҃и и ѡ ранящемъ ю глаголетъ же ся ѡ воинѣ ходившемъ видѣти ст҃ѹю землю., Глава є҃. Толкование: Любезная братия, цесарь есть гдь іс҃ъ хрⷭ҇тосъ, воинъ же знаменитый чл҃къ....

Л. 11 (аі҃). 'О бл҃гоѹмїй да с размышленїемъ вся творимъ ꙗко дние лѹкави сѹть. Глава: ѕ҃: Толкование: Возлюбленая моя братия. цесарь той может нарещися кїйждо....

Л. 12 (ві҃). 'О похоти плотстѣй, и ѡ заслеплѣнїй прельстившихся, глаголется же ѡ трехъ црⷭ҇кихъ сн҃ѣхъ и о фриерке. Глава: з҃: Толкование. Братия возлюбленная, се цесарь иже глаголется дарїй, се есть гдⷭ҇ь нашъ 'іс҃ъ хрⷭ҇тосъ.

Л. 14 (ді҃) *об.* 'О невѣрности и крѣпости тѣла глаголетъ же ся винoю ꙗко не ввѣряти тайны жженамъ. Глава: и҃. Толкование. Возлюбленная братия, воинъ той иже своего гдⷭ҇ря бл҃годать погѹбилъ....

Л. 15 (еі) *об.* Томѹже подобно., Глава: ѳ: Толкованіе: Братія моя юношѹ ймамы....

Л. 16 (ѕі). 'О небл҃годарствѣ гордѣливыхъ, вопріятіи ѿ бг҃а бл҃гимъ. и ѩко звѣрей зло и равнѣйшихъ человѣкъ побранымъ. Глава: г҃. Толкованіе. Превозлюбленная братія, цр҃ь той....

Л. 17 (зі) *об.* 'О неправдѣ и о лакомъствѣ и о ѡбличеніи таковыхъ., (л. 18) Глава: аі: Толкованіе: Возлюбленная братія. маѯиміанъ цесарь, то есть всемогѹщій бг҃ъ....

Л. 19 (ѳі) *об.* Притча ѕѣло полезна о совершенныхъ добрыхъ дѣлехъ, и вѣрныхъ к'подражанію всѣхъ и пользѣ. Глава: ві: (л. 20=к҃) Толкованіе: Возлюбленная братія и ан'гелей воина толкомъ ймамы разѹмѣти аггльскаго великаго и знаменитаго ѡполчителя и ратоборца бг҃а вседержителя....

Л. 22 (кв). 'О ѹсердіи в добрыхъ дѣлѣхъ и о н҃ли воскресномъ. Глава: гі: Толкованіе: Возлюбенная братія, вѣрній хр҃тіаня цесарь гл҃ется добролюбезный Титъ....

Л. 24 (кд) *об.* Ѩко милосер'діемъ и любовію ймамы жертвѹ приносити Гд҃ѹ Бг҃ѹ. Глава: ді: Толкованіе: Братія возлюбленная, той краль всякъ кождо вѣрный хр҃тіанинъ....

Л. 25 (ке) *об.* Ѩко едині праведній внидѹтъ во царство небесное., Глава: еі: Толкованіе: Братія моя возлюбленная, сего краля мѹдраго можемъ разѹмѣти бг҃а ѿц҃а небеснаго....

Л. 26 (кѕ) *об.* Ѩко сѹетно есть веселіе во всѣхъ вещехъ мирскихъ. Гл҃ва: ѕі: Толкованіе: Возлюбленная братія, есть той цр҃ь гд҃рь нашъ і҃исъ хр҃тосъ....

Л. 28 (ки). Ѩко да ймѣемъ постоянство и совершенство добрыхъ дѣлъ. Глава: зі: Толкованіе: Намилшая братія, тотъ краль есть оц҃ъ небесный: дв҃ца красная то есть дш҃а сотворена....

Л. обор. Ѩко правдѹ подобаетъ исповѣдати даже до смерти. Глава: иі: Толкованіе (л. 29): Братія моя возлюбленная тотъ есть король ѿц҃ъ нб҃ный....

Л. 29 (кѳ) *об.* 'О вѣрности и о любви, и о томъ что правда избавляетъ ѿ смерти. Глава: ѳі: Толкованіе: Возлюбленная братія, той цесарь есть бг҃ъ ѿц҃ъ нб҃ный, два рыцаря сѹть....

Л. 30 (л҃) *обор.* 'О великой справедъливости Бж҃іи и ѩко сѹдьбы его скрыты сѹть. Глава: к҃: Толкованіе: Возлюбленная братія рыцарь той можетъ быти всякъ добронравный чл҃вкъ....

Л. 32 (лв) *об.* Ѩко да имѣемъ во всѣхъ вещехъ раз'смотреніе. Глава: ка: Толкованіе: Братія возлюбленая тотъ король есть гд҃ь бг҃ъ.

Л. 80.-+-Гла́съ, По́слѣдній: | ко Гд҃у Бг҃у: | Ст҃о почи́вшагѡ ѡ Гд҃ѣ. Бл҃гочести́вагѡ *(между строкъ:* вѣишаѿ +) (на полѣ рукописи съ правой стороны приписано: + тїша́йшагѡ Пресвѣтлѣйшагѡ) Вели́кагѡ | Гдр҃ѧ Цр҃я. и Великагѡ Кн҃зя Алеѯіа Миха́йловича | всеа̀ вели́кїя и҆ ма́лыя і бѣлыя рѡссіи са|модержца. Ко ново бг҃ом' да́ннѡму Велікому Гдр҃ю Цр҃ю | и҆ великому кн҃зю Ѳеѡ҇дору Алеѯіевичю. всеа̀ вели́кїя | и ма́лыя. И бѣ́лыя россіи самоде́ржцу. со завѣ́тѡ | ѿч҃и. И ко ст҃ѣи́шему. 'И всебл҃женнѣ́йшему велико́му | гд҃ну кгръ Іѡакиму патрїа́рху москѡвскому и҆ всеа̀ | рѡссіи (на полѣ приписка: и к̓о всему пр(е)свѣтлому црю да, т. е. Царскому дому). 'И ко вс(е)ѣ сано҇ дх҃ны҃ (:—дх҃овны҃) и мирск҃ Правосла́внѡ | росси́скагѡ цр҃ствїя, ѿ ни҇ же всѣ҇ ѿвѣ́ты, На́|конецъ пла́чи ѿщїи православнагѡ рѡда̀ рѡсі́й|скагѡ. Трудолю́біе многогрѣ́шнагѡ Іе́рѡ-|мона́ха Сїмеѡ҇на По́лоцкагѡ, равнѡмѣрнѡ и҆ краѐ-|согласнѡ сложе́нїи. В лѣ́тѡ, бытїя мі́ра. ҂зрп҃дгѡ | го́ду. ѿ рж҃тва̀ же Гд҃а Бг҃а і сп҃са нш҃егѡ Іс҃а хр҃та. ҂ахо҃s. гѡ. мц҃а.

На *лл. 104* и *109* и *111 об.* есть приклейки полосъ бумаги съ текстомъ, можетъ быть пропущеннымъ случайно.—На л. 118 Заключе́ніе.

Кни́жицу сїю̀ потщи҇ся писа́ти:
дабы ю҆ чтущы҃ цр҃я помина́ти.
С вт҃о почи́вша, и бг҃а моли́ти.
еже бы҇ в нб҃ѣ вѣчнѡ ему жити.
'Его̀ же мт҃ь и҆ а҇ помина́ю:
умилны҃ гла́сѡ҃ сицѐ воспѣва́ю | и т. д.

О спискахъ этого произведенія въ Систематич. Описаніи сл.-русск. рукоп. гр. А. С. Уварова, сост. Арх. Леонидомъ, ч. 4, М. 1894 г., стр. 517 сл., №№ 2157 (308), 37 и 5159 (219).

Л. 118 обор. «Си́це» и 4-хъ угольный лабиринтъ изъ словъ: Царю Алеѯію Михаиловичю вѣчнаѧ памѧт'. Внизу страницы въ трехъ строкахъ запись тѣмъ же тонкимъ и красивымъ почеркомъ, но лишь помельче, какимъ писаны лл. 321 сл. (предисловіе къ сборнику пословицъ), 295 сл., 301 сл.

Со̀верши́ся сїе писанїе. в лѣтѡ. ҂зсг҃гѡ. го́ду. Ноѐр҃їа въ | а҃і. На памя҇ ст҃ы҇ мученикъ. Мі́ны, Ви́ктора | и Вике́нтїя. м҃. г҃. р҃. ѳ҃. п҃ н҃ п҃ з҃.

Л. 119. Стогла́вни҇: добродѣ́телный: | и҆жѐ во ст҃ы҇ ѿц҃а̀ нш҃егѡ Ѳеодѡра Єпі́скопа: | Єде́скагѡ: | а҃. Понеже: у҆бо: благаго: бг҃а: благодатию: ѿве́ргшеся. са|таны: и҆ дѣлъ: его: лукавыхъ:

Л. 52 (нв). 'О стра́шномъ послѣ́днѣмъ сꙋдѣ́ всѣ́мъ грѣшнымъ., Глава́: і҃: Бы́лъ нѣ́который коро́ль вельмо́жьный который ꙋста́вилъ было во своемъ королѐвствѣ тако́въ ꙋста́въ | кто́бъ погрѣши́лъ вско́рѣ и҆мѣлъ ꙋ҆мреть.... (л. 54 = нд обор. *Конецъ*). Тогда̀ о҆́нъ воста̀въ и҆ королю̀ бра́тꙋ своемꙋ̀ ꙋда́рилъ чело́мъ о҆бѣща́ючись житіѐ своѐ полꙋчи́ти и҆ всѝ кото́рые тꙋтъ бы́ли ꙋслы́шавши сі́й ѿвѣтъ вельмѝ похвали́ша ѐго̀. *'У се́й по́вѣсти то́лкꙋ нѣтъ.*

Л. 54 обор. 'О то́мъ что̀ ла́комъство мно́гихъ о҆слѣпля́етъ и҆ затѣ́мъ пра́вды не ꙋ҆зна́ли.—Глава̀: і҃а: Тол^ко^ва́ние: Во^з^лю́бленная бра́тия, такова ꙋ҆ста́ва е҆́сть бж҃ія что̀ кото́рой невѣ́дѣниемъ и҆лѝ с приро́ды согрѣши́тъ....

Л. 55 (не). І҆́ко вся́къ грѣ́хъ бе^з^ росплачи быва́е́тъ ѿпꙋщенъ., Глава̀: і҃в: Толкование: Во^з^любленная бра́тия, то́тъ ры́царь можетъ бы́ти рече́нъ вся́кой до́брой крестья́нинъ....

Л. 56 (нѕ). 'О то́мъ что́бъ мы̀ па́мятовали (обор.) добродѣ́йства на́мъ ꙋ҆чине́нныя. Глава: і҃г: Толкова́ние: Во^з^лю́бленная бра́тия, то́тъ ры́царь кото́рой на̀ ловъ е҆́здилъ человѣ́къ е҆́сть мирско́й...

Л. 57 (нз). 'О наполня́ющі́й что́бъ мы̀ о҆бѣ́ты и҆ны́мъ выполня́ли. Глава̀: і҃д: Толкование: Во^з^лю́бленная бра́тия то́тъ коро́ль е҆́сть о҆ц҃ъ небе́сный, два̀ во́ра сꙋ́ть дꙋша̀ и҆ тѣло....

Л. 57 об. 'О то́мъ что́бы мы̀ ла́ком'ства о҆стерега́лися неми́лостиваго. Глава̀: і҃е: Кова́ль бы́лъ вельмѝ бога́тъ (л. 58 = нн) на̀ моремъ жи́лъ в нѣ́которомъ мѣ́сте и҆ вельмѝ ла́комъ и҆ ѕо́лъ и҆ тꙋтъ со́бралъ мно́жество пѣ́нязей и҆ вссы́павши и҆́хъ в вели́кой клоцъ и҆ зама́залъ и҆́хъ... (л. 59 = нѳ. *Конецъ*)... 'Узрѣ́вши то̀ гд҃рь мы́сль в ср҃цы своѐмъ ꙋ҆жѐ ꙗ҆́вно ви́жꙋ что̀ не е҆́сть во́ля Бж҃ія да недосточныхъ слѣпы́хъ хромы́хъ и҆ кꙋля́выхъ и҆ предъ о҆чи́ма того̀ коваля̀ ро ломи́лъ о҆́нъ крѣ́пелъ и҆ ре́клъ сиѐ бѣ́дный человѣ́че де́ньги твоѝ кото́рые да́лъ было в рꙋ́цѣ твоѝ а҆̀ ты̀ и҆зво́лилъ и^з^бра́ти крѣ́плю по́лнꙋ землѝ и҆ косте́й мер'твѐчьихъ и҆ пра́во не е҆́сть во́ля бж҃ія что́бъ своѝ пѣ́нязи ра^з^далъ ꙋ҆богимъ, а҆̀ коваль с вели́кимъ сра́момъ ѿше́лъ.,

Семꙋ̀ толкова́ния нѣ́сть.

Л. 59. 'О то́мъ ꙗ҆́ко прозрѣ́нию бж҃ию ни ктоже мо́жетъ противитися. Глава̀: і҃ѕ: Це́сарь Кон'дратъ вельможный | (обор.). В нѣ́которомъ сла́вномъ гра́дѣ гд҃рьствовалъ вь его̀ госꙋда́рствѣ бы́лъ нѣ́которой ры́царь и҆́менемъ Лео́по́лдꙋсъ кото́рой боя́ся гнѣ́вꙋ королѐвъскаго со женою своѐю бѣжа́лъ в лѣ́съ и҆ та́мо в бꙋ́дѣ пребыва́лъ живꙋщи нѣ́колико дне́й и҆ бы́сть... (л. 61 = ѯа. *Конецъ*) ...Пото́мъ цесарь посла́лъ по ѡ҆́ного ю҆ношꙋ и҆ подътверьди́лъ е҆го̀ бы́ть зя́темъ

Л. 80. ✝ Гла́съ, По̀слѣ́днїй: | ко Гдⷭ҇ꙋ Бг҃ꙋ: | Ѕто почи(в)'шагѡ ѡ̓ Гдⷭ҇ѣ. Бл҃гочести́вагѡ *(между строкъ:* вѣиша ѿ ✝) (на полѣ рукописи съ правой стороны приписано: ✝ тї̈ша́йша(гѡ) Пресвѣтлѣ́йша(гѡ)) Вели́кагѡ | Гдⷭ҇ⷬ҇ѧ Цр҃я. и Великагѡ Кн҃зя Алеѯїа Миха́йловича | всеа̀ вели́кїя и̓ ма́лыя і бѣлыя рѡ̓ссїи са|модє(р)жца. Ко ново бг҃ом' да́ннѡмꙋ Велі́комꙋ Гдⷭ҇ⷬ҇ю Цр҃ю | и̓ великомꙋ кн҃зю Ѳеѿдорꙋ Алеѯїевичю. всеа̀ вели́кїя | и ма́лыя. И бѣ́лыя россі́и самоде́ржцꙋ. со завѣ́тѿ | ѿч҃'и. И ко свт҃ѣи̓шемꙋ. 'И всебл҃женнѣйшемꙋ велико(му) | гдⷭ҇нꙋ кѵръ Іѡ̓́акимꙋ патрї̈а́рхꙋ москѡвскомꙋ и̓ всеа̀ | рѡ̓ссі́и (на полѣ приписка: и к҆о (в)семꙋ пр(е)свѣтломꙋ црю да, т. е. Царскому дому). 'И ко вс(е)ѣ сано̑ дх҃ны̑ (:—дховны̑) и мирскі̑ Правосла́внѡ | россі́йскагѡ цр҃ствїя, ѿ ни(х) же всѣ(х) ѿвѣты, На̀|конецъ пла́чи ѿщїи православнагѡ рѡ̓да̀ рѡ̓сі́й|скагѡ. Трꙋдолю́бїє многогрѣшнагѡ Іе́рѡ-|мона́ха Сїмеѿна Поло̓цкагѡ, равнѡмѣрнѡ и̓ краѐ-|согласнѡ сложе(н)нїи. В лѣ́тѡ, быті̑я мі́ра. ҂зрп҃д(гѡ) | го́дꙋ. ѿ рж҃тва́ же Гдⷭ҇а Бг҃а і сп҃са нш҃егѡ Іис҃а хрⷭ҇та. ∾ ҂ахо҃ѕ. гѡ. мц҃а.

На *лл. 104* и *109* и *111 об.* есть приклейки полосъ бумаги съ текстомъ, можетъ быть пропущеннымъ случайно. — На л. 118 Заключе́нїе.

Кни́жицꙋ сїю̀ потщи(х)ся писа́ти:
дабы ю̑ чтꙋщы̑ цр҃я помина́ти.
С вт҃о почи́вша, и бг҃а моли́ти.
еже бы̑ в нб҃ѣ вѣчнѡ емꙋ̀ жити.
'Его̀ же мл҃ть и̓ а(з) помина́ю:
ꙋмилны̑ гла́сѡ̑ сицѐ воспѣва́ю | и т. д.

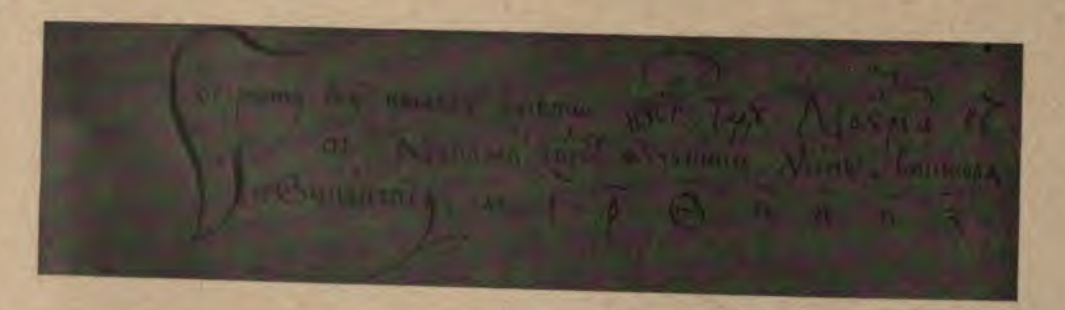
О спискахъ этого произведенія въ Систематич. Описаніи сл.-русск. рукоп. гр. А. С. Уварова, сост. Арх. Леонидомъ, ч. 4, М. 1894 г., стр. 517 сл., №№ 2157 (308), 37 и 5159 (219).

Л. 118 обор. «Си́це» и 4-хъ угольный лабиринтъ изъ словъ: Царю Алеѯі́ю Михаиловичю вѣчнаѧ памѧт'. Внизу страницы въ трехъ строкахъ запись тѣмъ же тонкимъ и красивымъ почеркомъ, но лишь помельче, какимъ писаны лл. 321 сл. (предисловіе къ сборнику пословицъ), 295 сл., 301 сл.

Со̀верши́ся сїє писанїе. в лѣ́тѡ. ҂зсг҃(гѡ). го́дꙋ. Nоє̈врїа въ | .а҃і. Nа памя(т) ст҃ы(х) мꙋчениkъ. Мі́ны, Ви́ктора | и Вике́нтїя. м҃. г҃. р҃. ѳ҃. п҃ н҃ п҃ з҃.

Л. 119. Стогла́вни(к): добродѣтелный: | и̓жѐ во ст҃ы(х) ѿц҃а̀ нш҃егѡ Ѳеодѡра Єпі́скопа: | Єде́скагѡ: | а҃. Понеже: ѹ̓бо: благаго: бг҃а: благодатию: ѿве(р)гшесѧ. са|таны: и̓ дѣлъ: его: лꙋкавыхъ:

I.



Автотипія К. П. Вейермана, Спб. Толмазовъ пер. 2.

I. Сборникъ скорописн. XVII-го вѣка Моск. Главн. Архива Мин. Иностр. Дѣлъ № 250/455, — *снимокъ съ записи 1695 года на листѣ 118 обор.*

ко хр̃тѹ: приложихо̃сѧ | банею: паки: бытиѧ: ин̃ѣже: паки: иноческимъ: обѣщанїемъ соблюдемъ: заповѣди: его: сие:... Ср. въ рукоп. гр. Увар. *№ 223* (423; 667), XVI в., Опис. Арх. Леонида, ч. 4, стр. 184 (всего 95 главъ); *№ 1068* (425; 687) XVI в., Опис. ч. 2, стр. 391; № 1844 (756; 720) XVII в., Опис. ч. 4, стр. 170.—1 листъ чистый.

Л. 138 (ка̃). Чи́нъ мона́шескаго житїа: *Начало:* Бл̃говолѐнїемъ и вседѣиствиемъ: гд̃а бг̃а и сп̃са нашего: ии̃са: хр̃та: и пречистыя мт̃ре его: поспѣшениемъ: написахъ: писаниѧ: дш̃е полез'на себѣ и ѿ гдѣ братїи моеи присны́мъ.... [Карандашемъ чья то отмѣтка: Іосифа Волокаламскаго?] Кончается на 151а листѣ. Л. 151 об. и слѣдующіе 4 листа оставлены чистыми.

Л. 152. Безъ заглавія, продолженіе (можетъ быть того: что читается на л. 77 обор.?) какой то статьи въ виршахъ:

Како: хр̃тѹ: бг̃ѹ своемѹ: ѹ̓годилъ; ˇИ вѣрѹ хр̃тианскѹю: крѣпцѣ: ѹ̓тве^рдилъ. Тако же: и мт̃и: его бл̃гочестиваѧ: царица: елена: 'И бл̃гочестиемъ: своимъ аки црскаѧ: диадима: ѿбагрена и т. д. Такъ идутъ эти вирши и далѣе, представляющія собою родъ хронографическихъ памятей о благочестивыхъ царяхъ, мученикахъ и проч.

Л. 163 об.... Ты же православныи читателю и всѧкого бж̃ественнаго писанїѧ спискателю. ⊹ Сию настоѧщѹю кн̃гѹ прочитай....

Л. 164. Пре̃дпосылаютъ бо: твоѧ: слѹхи: во всѧ историѧ: Понеже: слогалъ: сию кн̃гѹ пре̃мрыи: кн̃гочиѧ. ⊹

ˇИ чтобы: твоемѹ: любомѹ̑рию: напре̃ бы|ло: и^звѣстно; ˇА и намъ: недостоины̃ написати: сиѧ: небе^змѣстнѡ. ⊹

Да никто же на̃мъ зритъ: ѩко: пространно сложенѡ̃; Понеже: о^т многихъ: повестеи: почасти: имано. ⊹

ˇАще: бы: не таковымъ о̓бразомъ: счинити; То не мощно бы было толикого множества обьѧвити. ⊹

Здѣ же: почитаютсѧ: главы; Аки нѣкиѧ: ра^зличныѧ: брати травы. ⊹

ˇИ каѧжда: глава: винѹ свою: : скажетъ: ⁏ ˇИ порѧдѹ: всѧ: ѹкажетъ. ⊹

Сие: двоестрочие: сложено: по повелѣнию; ˇИ сложителѧ: полезъномѹ: рачению. ⊹

Слогалъ: простыи: монахъ; ˇА не̓ еромонахъ. ⊹

ˇНачнемъ же и сие пре̃писаннаѧ: чи|тати; ˇИ своими: ѹ̓шесы: и: | серьд'цы: в'нимати. ⊹

Л. 164 обор. Слово: ѿ прелѣстнѣмъ: семъ: и видимомъ нами свѣтѣ: ⁏ ˇИ ѿ живѹщихъ: всѣхъ насъ: чл̃вкъ: в новѣмъ семъ: завѣте.⊹...

Л. 165 об. ˇѠ свѣтѣ: ⊹ *Нач.* ˇИзреченномъ же: ѿ свѣтѣ: семъ

моемȣ Селивестрȣ неключимыи черънецъ.... (См. Сочиненія преп. Максима Грека, ч. 2, изд. при Казанск. Дух. Акад., стр 379),

Л. 262. Посла́ние· ста́рца· Макси́ма: Гре́ка | къ Григорию: диа́конȣ: ·✝ *(Нач.)* Господине: мои: брате: ѡ Гдѣ: Григорие Хрстовъ: диаконе:.... (См. Сочин. пр. Макс. Гр., ч. 2, стр. 386).

Л. 263 об. Вы: писано: разное: собранеица [изъ бывшаго первоначально *е* выправлено на ѧ]; Иногда: чтȣщемȣ: что: понравитца.✝ Лѣствица ȣтвержена твердо во времѧ трȣса не распадетсѧ; Тако же и ȣмнова мысль во времѧ дȣмы не ȣстрашитсѧ.✝... *Л. 267 об.* Ины ви́рши ро́зныѧ: Боящиїся Бга: ; не требȣютъ к'нигъ многѡ.✝

Л. 268. Вы́писано. и бȣкварѧ: печатного | предисловие: къ юношамъ: ȣчи|тисѧ· хотѧщимъ: ✝

(Нач.) Ѿтроче: юный ѿ дѣтства: учисѧ: | Писмена: знати: и разȣмъ: потщисѧ: | Невоꙁлѣнисѧ: трȣдовъ: положити: Има|ть бо: тебѣ: полза: многа: быти.✝

Л. 269 об. Толики поꙁзы да бы вѣрнымъ взяти
Повелѣ типомъ: сеи бȣкварь издати. —
Црь нашъ Феодоръ ѿ цря рожденныи: —.
Множество црскихъ добротъ украшены.✝
Нȣжныя юнымъ велѣ вомѣстити: ; Како всѣмъ вѣрȣ достоитъ хранити.✝
Да младыхъ лѣта нетче исчезаютъ ; Но писанию дасѧ научаютъ.✝
Меншимъ навыкше да к вящьшимъ тщатсѧ: ; Вѣрни и блази и мȣдри творятсѧ.✝
Ты чтыи за сию млть моли Бга ; Црю пресвѣтлȣ жити лѣта многа:· ✝
Во кнзѣ жизни написанȣ быти: ; здраво весело славно в мирѣ жити.✝
Всѧ супостаты силно побѣждати:
› › Нбсное црствие стяжати.✝

Увѣща́ние: | Хощеши: чадо: блгъ: разȣмъ: стяжати.|„ Тщисѧ: во трȣдѣхъ: вынȣ пребывати....

Л. 271. Пла́чь ѿ памяти смертнѣи:✝ Страшно со львомъ лютымъ брань есть соверъшати: ; Или с мѣдведемъ борбȣ содѣвати.✝....

Л. 274. То́му̇жъ подо́бно. Стый ію̇аннъ млтивыи патриархъ але̇ѯандрїискїи же бы смерть себѣ напоминалъ приказалъ гробъ себѣ за живота будовати але тылко не кончати.... ᵛМаѯимилиѩнъ цесарь римъскїи.... Птоломе' кроль египетскїи.... Ное праведныи.... Фео̇досїи цесарь грецкїи.... ᵛАгезеляи̇ кроль лецѩ демонскїи....

Л. 274 об. Ино:—Предисловие: ко и̇збраннымъ ѱалмо̃ счиняется: ⁏ Всякъ бо прочитаѩи и спѣваѩи срцемъ во̇веселяетсѩ:· ✛....

Л. 275 об. ᵛИнѡ̇: ✛ (одно лишь это слово въ видѣ заглавія и далѣе непосредственно на листахъ 276 и 276 об. помѣщены слѣдующія вирши—панегирикъ въ стихахъ Царю Өеодору Алексѣевичу):

Л. 276. Взираи: на о̇бра̇: того: тои: ѩвляе̃: ⁏ Росїи-
скїи: монархꙋ: седмаго: пре̃ставляе̃. ✛
Которыи: в лѣтѣхъ: Ка̃: цвѣты: смертно
паде: ⁏ В цвѣтнѣмъ: мсцѣ: цвѣтъ
свои: нбꙋ: даде:· ✛
Днь тои: кз. всезлобныи: комета
принесе: ⁏ росїискимъ: цремъ: во гро̇
тяжко: потрясе:· ✛
Лучши: ти: было [ѿ нбо] хановъ: низри̇-
нꙋти: ⁏ Врагъ: твоихъ: скифовъ би-
сꙋрманъ: кинути:· ✛
Тꙋрка: хртианъ: губителѩ: сютли-
ти: ⁏ Не богочетца: царя: намъ:
истнити:· ✛
'Иже: ереси: капитоновъ: спали: ⁏ Мно-
гихъ: ѡ̇ныхъ: смысловъ: правъ: разу-
мъ: Похвали. ✛
Любомудриѩ: Великїи: любитель: ⁏ В-
торыи: алеѯандръ: Философїи: чти-
тель. ✛
Тои: многи: книги: исправи: и̇зъ-
веде: ⁏ Росїискїмъ: ѩзыкомъ: на-
родꙋ: преведе:· ✛
Никонъ: ѩвисѩ: никона: свобождь-
ши: ⁏ Честно: ко гробꙋ: съ домомъ си.
прово̇дши.

Л. 276 об. Тѣмъ: во святителѣ и во̇ ѿцѣ г'нѣвъ ꙋто-
ли: ⁏ На земли: смиривъ в небеси
у̇моли:· ✛

Постави: рати: брасѧ: перьвыи: с ту-
ркомъ: ⁏ Новое: в рꙋси: даетъ: ту^р^кꙋ:
по лбꙋ: куркомъ: · ⊹
Воиновъ: в ратныя: своѧ: ризы: ѿ-
блече: а батыевы: плахты: всѣ^х^:
совлече: · ⊹
Случаи: родствы: со^з^же: в пепелъ: по-
гребе: ⁏ Тои: честнѣ: великъ: кто
добль: врага: себе: · ⊹
Ѡбнови: москвꙋ: башни: постави-
лъ: есть; Забрала: крѣпки: сто-
лпы: составилъ: есть: · ⊹
Ѡбручи: двѣ чистотꙋ: тѣла: ⁏ Бра-
къ: стъ: двѣ: обрꙋчилася: два · ⊹
Назда: цркви: свѣтъ: ꙋпестри: кра-
сотами: ⁏ На земли: нбо: ꙋчини:
со ^з^вѣздами: · ⊹
Гдѣ: самъ: в немъ: Ѳеодоръ: Цръ: нашъ
почиваетъ: Шаръ: сеи: иконныї
зраки: токмо: ѩвляетъ: · ⊹
Которыи: азъ: рабъ: твои: на стѣнѣ
поставляю: Честно. зрю: ра^с^скїи чтꙋ: па
к зели: главꙋ: полоняю.

Л. 277. И^з^ грамматики: Предисловие: Або все ꙋдобно и разꙋмно глаголати и ѡписати научаю и бысть розрительнагѡ разꙋма постигнꙋти умꙋдрыю....

Ѡ добры: двꙋнадесяти: дрꙋзѣхъ. ⊹ Перьвый дрꙋгъ прав^д^а ѿ смерти чл̃вка и(з)бавляеть. ⊹ ....

Половина *л. 277 об.* и *278* оставлены пустыми.

Л. 278 об. Пóвѣсть: ѿ хмелнóмь: питїи: вéльми: | дш̃е. пол^з^нá · ⊹

(Нач.) Пишꙋ ти: ѡт недомыслия: моего: и малоумия моего... (см. въ Историч. Очеркахъ русск. народн. слов. и искусства Ѳ. И. Буслаева, т. I, въ гл. о «Русской Поэзіи XVII в.», стран. 564 сл.). Прйчта. ⊹ Бѣ: нѣкїи: чл̃вкъ: не во^з^дер́жно; пиан'ственное питиа пиаше....

Затѣмъ идутъ свидѣтельства противъ пьянства изъ слѣдующихъ источниковъ:

Л. 283 об. Троп'никъ. ⊹.... О немъ см. въ Ист. Оч. Бусл., I, с. 568;

Къ стран. 19—

I. Сборникъ скорописи. XVII-го вѣка Моск. Главн. Архива Мин. Иностр. Дѣл
№ 250/455, *снимокъ съ листа 295.*

«Тропникъ—собственно Твореніе Иннокентія, папы Римскаго, вообще нравоучительнаго содержанія,—но въ Архивномъ Сборникѣ есть не что иное, какъ собраніе разныхъ изреченій только о вредѣ пьянства, съ присовокупленіемъ нѣкоторыхъ *исторій*, какъ церковныхъ, такъ и мірскихъ. Въ такомъ же видѣ располагаются наставленія въ «Пчелахъ», раздѣленныя на главы: объ умѣ, о богатствѣ, о счастіи и т. п.; такъ что этотъ Тропникъ можно разсматривать, какъ главу изъ *Пчелы* о пьянствѣ». *Л. 284.* Великіи же Иларионъ рече... Василіи Вел... *Л. 284 об.* Кирилъ... Исаия ре́че... Іисусъ: сирахо: рече... Варнава рече... *Л. 285.* (ѿ) старчества... И па́кй ре́че́... Исаака: сирина слово. ҂ѳ. *Л. 285 об.* Тогожь слова. бе· Того слова. пе. Паки: рече: премудрый: црь. соломонъ... Инокентіи Папа римскіи рече... О нихъ же приточникъ рече.... *Л. 286.* Паки. инокентіи рече. + Обьявление пиян'ству.... Иоанъ Златоустый рече.... *Л. 287.* Моисеи рече. *Л. 288* Исторіи, Греческіи Црь Михаилъ со игрецемъ Василиемъ в пиянствѣ изгубили зерцало а то зерцало винныхъ людеи безсуда обличало да среди двора црева стояло раиское древо.... (см. Бусл. И. Оч. I, с. 568). Иудифь... *Л. 288 об.* Ис'то́риа́ жѐ:· + *(Л. 289)* Какъ стоя: владыславъ: жигимотови: по москвою· и смѣтили: поляки: миромъ: Вина: повезли: на ходынку: продовали: питій ковшъ: по московке· и московские люди: на вино: паки: множество: вина: покупая: пили: и тогда: поляки: на ходынке: за семъ верстъ: ѿ бѣлого города московских людеи: посѣкли ҂в҂г. а все сие ѿ пианства: учинилось толико телѣсъ под мечь: поклонилось сами они себе погубили что вельми много вина пили толко было имъ вина: немъного пити и такои бы силѣ потраченой не быти· + И во многихъ писаніи о пианствѣ многѡ обрѣтохъ писано гдѣ что ѿ ѕапоиства изгибло и много здѣ не писахъ понемало вкратцѣ нѣчто объявихъ пользы ради слышащимъ. Аще бы намъ вино в мѣру славя Бга пити инобы было добро и Бгу годно людемъ не проторно убгимъ не обидно вельможамъ и властелемъ роспрано сиротамъ приятно нищимъ кормно попамъ строино а мастеровымъ бы людемъ было сытно.

Двоестрочиемъ: о безмѣрномъ питіи. И ѡ зломъ запоиствѣ:· + Єгда чловкъ много вина испиваетъ; Тогда | онъ | все свое домовное радѣние забываетъ.—Истинно в безмѣрномъ питіи создателя не помнятъ ;—И себе пианицы безгрешныхъ быти мнятъ. +....

На *л.л. 295—303 об.* почеркъ очень похожъ на предисловіе къ Пословицамъ, *л.л. 321—323.*

Л. 295. Ру́ѳмы краесогла́сніи. 'Ѡ пре́лести свѣтнагѡ сегѡ міра и буйствѣ, Какѡ міръ другѡ свой, их же прелщаетъ в

ма́лѣ. ѕлѣ р҄ѹгается вѣчнѡ· Нравоѹчителны же, **ѡбличи́телны,** зазри́телны. и ѹкори́телны ѕѣлѡ. самі́ себѣ̀ **великі́ лю́дѐ непра́ведны́** с҄ѹдїа̃. хищникѡ̃. злы̃. и мздои́ц̃е. 'И и̇̃явителны **бѣдствъ, ка́я ѕла̀** стра́ждѹтъ в мі́рѣ се̃ живѹщ̃е. санови́тїи; бога́тїи и ѹбозї̀и **лю́дїе.** Вразѹми́телнѡ чты́и сї́я. велїе ѹмиленїе. и пол҄зѹ ѡбря́щ̃е. **'И бѹй-** ствѡ мі́ра, ꙗ҄кѡ вся̀ ꙗ҄же в не̃ с҄ѹщая сѹетна, и̇̃мѣнна. не **по́стоя́нна.** скорѡ̀ преходна. па́че же и̇ ѡка̑янна ѹдо́бь позна́ти **мо́жетъ. На-** писа́шася лѣта. ҂зс҃ і҃ѡ. год҄ѹ. **мц҃а Іа́ннѹа́рїа.**

(*Нач.*) Размышля́и сі̀ вин҄ѹ: ѿ члвчь сын҄ѹ +
'И ѹ҃ствѹ́и то̀ себѣ̀: ꙗ́кѡ в ма́лѣ тре́бѣ +

В пе́рсть снити

Вникни̇ в мі́ръ очи́ма: Прилѣжнѡ твои́ма:
'И ви́ждь ко́ль с҄ѹетна. Е́сть же и преме́тна

жизн́ь наша̀:... и т. д.

Л. 301. Посла́нїе к печа́лны́ члвкѡ̃. Послѹшающы́ всѣ̃ правосла́вны́ хр҃тїа̃нѡ̃ ·:

(*Нач.*) 'Аще бѹдѐ сл҄ѹ҄ во ѹшеса̀ ва́ша прїи́дѐ и̇ **скажѹ̃ др҄ѹ́га** или бра́та в печа́ли пребывающа. И вы о҃цы и̇ **братїя ст҃а́я:** Печалны҄ ѹтѣша́йте. во время скорби и҄. И в де́нь **напа́сти помогайте** и̇̃.... *Л. 303.* (*Кон.*)....Да тогѡ̀ ра́ди написа́липосланїе сїѐ **ѐже почитайте.,** Печалны́ члвкѡ̃ всегда̀. да и всѣ̃ ва̃ бѹ́дѐ на пол҄зѹ. **и до здѣ̀ по́-** вѣсти сея̀ конецъ. амїнь.

После этого посланія на оставшемся внизу страницы **мѣстѣ:**

Стихи̇:

Стихи̇: 'Из весе́лагѡ ср҃ца происхѡ́дя҄:

Пїтїѐ, пи́ща, свѣтлѡ ѹ҃ на тѡ̀ плѡдя҄ ꙳

Л. 303 об. Мл҃тва ѿ о̀скве҄рненїя. Гд҃и Іи҃се Хр҃те **Бж҃е на́шъ е̇ди́-** небл҃гі́и члвколю҄бче, еди́нс ст҃ы́и и̇ на ст҃ы҄ почива́яи.....

Далѣе 2 листа (=4 страницы) оставлены пустыми.

Л. 304. По́ве́сть. ѿ бл҃го. полез'ныхъ. выписа́но̀ 'Из' дре́в'- ни҄. лѣто́пи̇сцо҃ 'Из' римъскихъ. кн҃гъ. (*Нач.*) Бысть в' **пале-** стин'скихъ: с'транахъ: в'нѣкоемъ. г'раде: великъ ц҃рь: **бл҃гочестивъ:** и̇ с'лавенъ: ѕѣло: и̇мѣꙗ҄ ѹсебе матерь: и поимъ себѣ: жен҄ѹ: **бл҃гоче-** стив҄ѹ: и добронрав'н҄ѹ: бꙗ҄ше жь: образомь: лѣпа: и вельми: **люблꙗ҄ше** ю:.... *Л. 313.* Половина листа сверху оторвана, на *л. 313 обор.* **внизу** страницы конецъ повѣсти:... и бысть во ц҃рьствїи то̃ радость **велиꙗ**

ѕѣло и обрѣтенїи црцы и ча ея црь же нача жити вѡ црьствїи своемъ съ црицею и с чады своими в радости велицѣи паче же блгочестно и добродѣтельно сие же слышано бысть и по окресны страна слава и храбрость дѣте своих мнози же и дани даваша и они же пребывающе блгочестно и блгодарствующе и славяще собравшаго ихъ вкꙋпѣ создате (*далѣе воронкою*) ля своего ѿца и спа и свтаго дха нпѣ и прно и во вѣки вѣковъ аминь. ⁘

На листахъ 314—320 настоящаго рукописнаго сборника помѣщено «Выданїе ѡ добронравїи»—статья нравоучительнаго содержанія, состоящая изъ двустишій распредѣленныхъ на 118 мелкихъ главъ или вѣрнѣе куплетовъ съ надписанными особо по большей части киноварью заглавіями. О текстѣ ея по этой же рукописи впервые далъ необходимыя свѣдѣнія Ѳ. И. Буслаевъ въ книгѣ своей «Русскія пословицы и поговорки» (М. 1854 г.) на стр. 62—63, а въ «Историч. Христоматіи ц.-слав. и древне-русск. яз.» (М. 1861 г.) напечаталъ извлеченіе изъ самаго текста «Выданія» на столбц. 1415—1416 и замѣчанія къ нимъ на столбц. 1428—9. Текстъ этой статьи печатается здѣсь полностью съ сохраненіемъ всѣхъ особенностей какъ расположенія, такъ и написанія ея въ Архивной рукописи; мы только дозволили себѣ занумеровать куплеты. Уже Буслаевъ въ упомянутыхъ двухъ трудахъ высказался за польское происхожденіе «Выданія» и въ Историч. Христоматіи его на столбц. 1428—9 отмѣчено: «Въ рукоп. гр. Уварова (№ 5 въ 4-ку) эта статья на л. 266 озаглавлена такъ: «переводъ Польскаго писма съ печатной тетради, Выданіе о Добронравіи Яна Запчица». Намъ къ сожалѣнію осталась неизвѣстною указанная имъ рукопись [1]), но за то посчастливилось получить для изданія какъ выписку соотвѣтственныхъ мѣстъ изъ польскаго оригинала, такъ и найти указанія еще на три подобнаго же состава списка славяно-русскаго перевода въ рукописяхъ XVIII столѣтія. Лучшія чтенія «Выданія о добронравіи» предлагаемыя этими рукописями и вообще разночтенія будутъ помѣщены въ концѣ настоящаго изданія въ Дополненіяхъ и поправкахъ.

Орд. проф. Имп. Варшавскаго унив. Е. Ѳ. Карскій обязательно сообщилъ намъ—за что и спѣшимъ выразить ему нашу сердечную признательность — въ точной копіи текстъ съ чуть ли не един-

---

1) По Описанію рукоп. гр. А. С. Уварова, составл. Арх. Леонидомъ мы не могли найти указаній на помянутую рукопись (можетъ быть, и сборникъ).

ственнаго сохранившагося экземпляра польской старопечатной тетради, принадлежащей извѣстной библіотекѣ гр. Замойскаго въ Варшавѣ, — и присоединилъ слѣдующее описаніе этой книжки, напечатанной готическимъ шрифтомъ:

«POLITICA | DWORSKIE, | Przez | Iana Zabczyca | nápisána y wydána. | W Krak[owie]. | Roku Pa[ńskiego] | [1630][1]). |

На оборотѣ заглавнаго листа:

Do Czytelnika.
Ieśli pioro w czym zbłądźiło
Przećiw wierszowi zgrzeszyło /
Ty się co czytasz nie gnieway /
Ani się ze mnie náśmieway. И т. д.

Страницы вверху не помѣчены, а только внизу обозначены тетради, коихъ всего двѣ, буквами А и В. На вторыхъ листахъ

Л. 314. **Выданіе ѡ добронравіи:**

1=1[2]). Учтивое житіе:

Бга бойся. Старѣйшагѡ почитай:
любовь ближнемꙋ воздавай.

2=2. Дѣлѡ хртіанское:

Свой бꙋди доволенъ. Славы своей береги:
достойнагѡ мꙋжа люби.

3=4. Мꙋжественнѡе дѣлѡ:

Съ бгѡ покорственнѡ. С члвкѡ мꙋжественнѡ:
с честны постояннѡ постꙋпай:

---

1) Обозначенное въ скобкахъ въ брошюрѣ вырвано. Годъ изданія дописанъ чьей-то рукой (*Прим. Е. Ѳ. Карскаго*).

2) Нумераціи куплетовъ въ Архивной рукописи нѣтъ, вторыя послѣ = маленькія цифры указываютъ на соотвѣтственный имъ польскій текстъ.

стоитъ A_2, B_2, на третьихъ A_3, B_3. Четвертые листы обыкновенно не имѣютъ никакой помѣтки. Размѣръ брошюры 4° малый. Всего листовъ 8, въ двухъ тетрадяхъ, т.-е. печатныхъ 2 малыхъ листа».

Считаемъ своимъ долгомъ выразить нашу искреннюю признательность за разрѣшеніе воспользоваться текстомъ брошюры Запчица какъ владѣльцу библіотеки гр. М. Ѳ. Замойскому, такъ и завѣдующему ею Ѳ. А. Корзону.

Ниже мы печатаемъ этотъ польскій текстъ, довольно близко подходящій [1]) къ славяно-русскому переводу его по Архивной рукописи, и сопоставляемъ его съ послѣднимъ.

Politica dworskie [2]):

1.	BOiaźń Boża / Poszánowánie starszych / Miłość bliźniego /	Zywot poczćiwy.
2.	Na swym przestáwáć / Pokoy miłowáć / O przyiaźń się stáráć /	Krześćiáńska.
3.	Hoynym bydź w miárę / Sławy szanowáć / W godnych się kocháć /	Páńska.
4.	Iść { Z Bogiem pokornie / z Człowiekiem mężnie / z szczęśćiem státecznie /	Męska.

1) Легко можетъ быть, что у русскаго переводчика было въ рукахъ другое изданіе этой брошюры Запчица, труды котораго почти всѣ выдержали по нѣскольку изданій.

2) *Листъ А 2* (обозначеніе внизу). *(Прим. Е. Ѳ. К.).*—Нумераціи куплетовъ въ польскомъ оригиналѣ нѣтъ: она прибавлена въ настоящемъ изданіи для удобства нахожденія соотвѣтственныхъ мѣстъ и для ссылокъ.

4=5. Бесѣ́да совершéнна:

Съ вѣрнꙑ́ товарыщѐ. С сосѣдѡ̀ надéжнꙑ́:
безѡ́паснꙋю дꙋмꙋ имѣ́й:

5=6. Каⷩ҇на велйкая:

Ꙋ҆ченїе в головѣ́. В чинꙋ̀ дѣ́лнѡсть:
любóвь ꙋ҆ людéи ищѝ +

6=7. Ка́знь Ѕлóбная.

С людмѝ бранйтися: Ворⷪ҇ствѡ̀ любитѝ:
за честь своѝ не стоя́ти.

7=8. Лóжъ:

Многѡ ѡбѣща́ти: а҆ ма́лѡ илѝ ничтѡ̀ да́ти:
посꙋлéное ѿда́ва́ти. (На поляхъ поправка: ѿдаляⷨ҇).

8=9. Мꙋ́дрость:

Ѻ҆ добрѣ́ совѣтóвати: Скóрѡ творйти:
дѣ́лѡ испóлнити:

9=10. Скꙋ́пость:

Л. 314 об. Крꙋглѡй стóлъ: Италїаⷩ҇скїя ѣ́ствы:
одежда корѿкая.

10=11. Малѡ чéстнѡ

Бесѣда без людéй: Мꙋзыка беⷭ҇ пїтїя.
Ꙋченїя в скꙋдости: +

11=12. Великой Ꙋбытокъ:

Свинїѝ в огорѡдѣ: Козéлъ в садꙋ́:,
дꙋракъ при совѣ́тѣ.

12=13. Полеⷥ҇нѡ есть

Стӑри̑ (на поляхъ поправка: жеᷘ) в краснѡ̑ нарядѣ:
Молѡдéцъ в добрѡ̑ мꙋжествѣ:
дóкторъ в мꙋдрѡ̑ ꙋчéнїи +

13=14. Непрїстойность:

Неꙋчéный попѡ̑: Мꙋжикъ господйнѡ̑:
дꙋра́къ вóинѡмъ.

5. Wierny Towárzysz / Myśl bespieczna / Sąśiad życzliwy /	Bánkiet doskonáły.
6. Náuká w głowie / W czynie dźielność / Miłość ludzka /	Skarb nieprzepłácony.
7. *Z* ludźmi się warcholić / Obłudnie żyć / Na zły szańc *honor*[1]) kłáść /	Dźieło człeká złego.
8. Wiele się ofiárowáć / Máło iśćić / Obietnicę zwłoczyć /	Niepewnego.
9. Dobrze się narádźić / Prędko czynić / Swego dokázáć /	Mądrego.
10. Okrągły stoł / Włoskie fochy / Szat vwagá /	Skąpych kortczow figiel.
11. Dobra myśl bez Pánien / Muzyká bez trunku / Náuká bez dostátku /	Máłey wagi.
12. Swiniá w ogrodźie / Kozá w sádźie / Prusak[2]) w rádźie /	Wielki niepożytek.
13. Pánná ochędostwem / Dobry chłop męstwem / Pismennik náuką /	Máią pięknie szánąć.
14. Z Klechy Pleban / Z Chlopá Pan / Z niedołęgi żołnierz /	Rádźi gorę wybiiáią.

1) Мелкимъ латинскимъ (а не готическимъ) шрифтомъ. *К.*
2) Это слово замазано чернилами, а не даже выскоблены. *К.*

14=15. Бездѣлность:

Члвкъ бе добродѣтели: Дородство бе сердца. ярость без силы.

15=16. Мꙋдрыᵡ любовь:

Кóнь досꙋжей и повóльной: Слꙋга дѣлной и. прилѣжной: Стара (на поляхъ: жё) нарядна а к томꙋ вѣрна.

16=17. Неꙋдача:

Воинъ бéз дéнегъ: Чинъ в скꙋдости: Конь бе силы.

17=18. Мꙋдрыᵡ дѣлѡ:

Проѣхати недалече. В пꙋт ѣха скорѡ. Ѕла раба ѿпꙋсти в тѡ часъ.

Л. 315. 18=19. Вскóрѣ досáдно:

'Ѣзда в пꙋти бе сѣдла: Полевати бес прибыли: Пачива бранчива гóстя.

19=20. Славꙋ полꙋчати:

Вóинꙋ добрыи конѣ: Бѣдномꙋ доброправїе: женихꙋ нарядѡ.

20=21. Не держа при себѣ:

Конюха пїяницы: Пса во храминѣ: При ꙋ шáхъ лгача.

21=22. Крѣпко держатися:

Ѣздокꙋ на конѣ. Плотникꙋ на храминѣ: Рыболовꙋ в лóткѣ:

22=23. Не можешъ хвалитися:

Ѣдокꙋ ѕлыи конѣ. Господин глꙋпыи слꙋгою. Хозяинꙋ гнилыи дворѡ.

23=24. Хꙋдая прибыль:

Конь хромóй: Пѣсъ лѣнивой. Крстьянин пїяной.

24=25. Слáбая надéжда:

Коня бе слꙋги оставити: денег скꙋдномꙋ взае дати. дерéвню заимо покꙋпати.

15. Człowiek bez cnoty / Vrodá bez sercá / Serce bez śiły /	Zá nic nie stoią.
16. Koń z vrodą powolny / Sługá z dźielnośćią pilny / Zoná z ochędostwẽ[1]) wierna /	Muszą v mądrych w łáscie bydź.
17. Iáko walká bez pieniędzy / Powagá bez száty / Ták koń bez śiły /	Nie mogą się dobrze vdáć.
18. Przeiasczká w miárę / Drogá prędka / Pan odpráwny /	Są to mądrego człowieka rzeczy.
19. Iázdá bez śiodłá / Pole bez obłowu / Gość nie dyskret /	Prędko náprzykrzy się.
20. Zołnierz ná koniu dobrym / Vbogi cnotą / Młodźieniec ozdobą /	Sławy y chlebá nabywáią.
21. Do koniá łotrá másztálerzá / Psá do spiżárni / Do vchá łgarzá /	Bez szkody nie zápuśći żaden.
22. Ieźdźiec ná koniu / Cieślá ná domie / Rybak w czółnie /	Máią krzepko stać.
23. Koń niewypráwny ieźdzcá / Páchołek głupi Páná / Dwor odrány gospodarzá /	Nie mogą zálećić nigdy.
24. Koniá chromego / Psá leniwego / Chłopá piiánego /	Iednakie pożytki záwsze.
25. Koniá z niepewnośćią odeyść / Pieniędzy ládáiáko wierzáć / Folwárk prozbą wspomágáć /	Słába nádźieiá.

1) Чит. z o—wem. *K.*

25=26. Ne можешъ хвалити:

Хȣдаго коня: Neвѣрна слȣгȣ. Neвѣстȣ пїянȣю.

26=27. Всегда похвалнѡ:

Конь в бѣгȣ скорѡ. Слȣга ȣ вина не пїяⷩ:
Песъ борзъ за зайцѡмъ.

27=28. Дрȣгъ дрȣгȣ подобенъ:

Л. 315 об. Конь гȣбами испорчеⷩ. Члвкъ в деревнѣ разоренъ.
Медвѣдь в лесȣ раздроженъ.

28=29. Ѡдинакѡй хȣлы годный:

Конь ѕѣлѡ трясȣщїй: Мȣжикъ гордой глюпцы:
Пȣзырь горѡхомъ звонящїй.

29=30. Ненадобнѡ творити:

Коня в огородѣ держати. Сосѣдȣ непомѣрнѡ
кланятися. с подданными не шȣтити.

30=31. Безȣбыточнѡ:

С конем не играй: женѣ не лсти: деньги са блюди.

31=32. Ne всегда вѣрь:

Конски ноги: Neпристойным вѣстямъ:
Кȣпецкимъ хвалбамъ.

32=33. Neдолгѡ живȣтъ:

Конь ѕѣлѡ скоръ: жена всегда ȣбѣлена
ястребъ ѕѣлѡ прытокъ.

33=34. К постоянствȣ:

Коня не бей: слȣгȣ не всегда брани. жеⷩ не дразни.

34=35. Neлѣнивы:

Конь иноходецъ: Мȣжикъ скоросѣдецъ.
жена громогласна.

35=37—39. Добродѣтели:

Конь цѣлъ ногами поволеⷩ гȣбами. жена

26. Koniá chudego /
Pácholiká odránego /
Niewiástę piiánną / } Zálećić ludźiom trudno.

27. Koń w dźielnośći /
Pachołek przy trunku /
Chárt v záiącá / } Iákiem się raz pokażą / takiemi ie dlu°[1]) rozumieć może.

28. Koń w gębie zraniony /
Człowiek w máiętnośći vkrzywdzony /
Niedźwieć w leśie rozdrażniony / } Bez folgi wiele ważą się.

29. Koń pod Páná vsterk máiący /
Chłop pyszno mowiący /
Pęcherz grochem brzmiący / } Iednákiey powagi godni są.

30. Koniá w grodźie nie chowáć /
Sąśiádá o co prośić /
Z poddánym żártowáć / } Kto nie chce bydź w powadze v nich.

31. Z Koniem nie igray /
Niewieśćie nie vlegay /
Pieniądze sam choway / } Chcesz li we w czáśie żyć.

32. Konskim nogom /
Szeptáney powieśći /
Kupieckim zalotom / } Trzebá opátrznie wierzyć.

33. Kon bystry /
Białogłowá stroyna /
Ptak lotny / } Nie mogą ládáiáko obrocie się z czásem.

34. Koniá nie biy /
Zony nie drażni /
Słudze nie łay / } Ieśli z nich státek chcesz mieć.

35. Koń drobno stąpáiący /
Chłop prędko ieżdżący /
Białogłowá głośno mowiąca / } Nie leniwi bywáią rádźi.

36. Koniá gniewliwego /
Zony niewstydliwey /
Chłopá łżywego / } Boday nikt dobry nie cwiczył tego.

37. Koń ma być cáły / Pewnych nog Wolney gęby.

1) Чит. długo. *К.*

треʼва̀ чиста̀ и стыдлйва. Слꙋга̀ правди̑
не гордъ. Ѵеѡговорли́въ:

36=40—41. Конь чистъ и краси̑. Коня на пескꙋ̑ пронотити: *(Л. 316)* естьли хощешъ что̑ быть повóленъ. Слꙋсꙋ̑ на конѣ̑. Коня послѣ̑ бояʼливагѡ ѣ̑здока̀:

37=45—46. ѿвѣ̑дываи:

Коню̀ надобнѡ бы̑: ногами здóровꙋ. В поступке постоянну. в кормꙋ силнꙋ. в стрѣ̑че добрꙋ.
в напꙋсте смѣлꙋ. в бѣгꙋ̑ скорꙋ. в ꙋстаʼ поволнꙋ.
Попъ ꙋчеʼ̑ бл̑гочести̑. Царь̀ премꙋдръ пра́ведеʼ.
мл̑рдъ. Воевода смѣлъ. дѣленъ, ла́сковъ.

38=47. Бѣгаи сихъ.

Лошади что на выездъ да̑ю. Господина ѿ котóрагѡ слꙋги бѣ̑гаю. Деревни гдѣ̑ лихой сосѣ̑дъ живéтъ. 39=48. Временная ꙋтѣха:

Конь̀ досꙋжъ. рꙋжьѐ надéжнѡе. жена̀
пригожая. Малая при́быль:

40=49. Конь в дороге вы́би. Борзая соба́ка в полѣ̀ хрóма.
Пороʼжен мешекъ в торгꙋ̑.

41=50. ꙋ̆быточнѡ.

Коня̀ лѣтѡ̑ овсѡ̑ корми̑: ꙋ̆ торговыʼ беʼ денегъ товáръ бра̑. Прикащика не щитáть.

42=51. Досаднѡ:

Конь не пóдкованъ на льдꙋ̑. Сапогъ з дирóю:
в грязѝ. топóръ тꙋпóй на дровахъ̑.

38. Zoná trzeźwia / ochędożna / wstydliwa.

39. Sługá prawdziwy / nie pyszny / nie wielomowny.

40. Koń do białeygłowy podobien w ochędostwie / y w kształćie.

41. Koniá zástałego ná piasku zapoćić / chceszli nie odmienną powolność zástáć.

42. A towárzyszá w pierzu zágrzáć do zápocenia / chceszli większą wdźięczność poznáć / bo *alias*[1]) y kon zrzuca / y Zoná złáie.

43. Páchołká ná koniu / á pánnę w tancu obieráć masz.

44. Koniá od nieśmiáłego ieźdzcá /
Wdowy po nieśmiáłym mężu / } Skodá dostáwáć.

45. Koń ma bydź na nogi pewny / w dośiadániu ćierpliwy / w postąpieniu cżerstwy / w potkániu czuły / w nátárćiu śmiáły / w zawodźie rączy / w zátrzymániu powolny.

46. Koń vrodźiwy / rączy / wolny. Xiądz vczony / nabożny / przykłádny. Krol mądry / spráwiedliwy / miłośierny. Hetman śmiáły / dźielny / boyny.
Godne to są powagi ná świećie rzeczy.

47. Do koniá ktorego pożyczáią /
Do Páná ktorym słudzy rządzą /
Do Wioski we złym sąśiedztwie / } Nie mász się do czego ćisnąć.

48. Kon dobry /
Bron pewna /
Zoná głádka / } Roskosz docześna.

49. Kon wymorzony w drogę /
Chárt ochramiony w pole /
Czczy mieszek do tárgu / } Wszyscy nie wiele spoáwią.

50. Wáłáchy lećie owsem chować /
V kupcow cżego borgowáć /
Liczbá z roskazánia nie słucháć / } Te z szkodą są rzeczy.

51. Koñ bossy ná lod /
Both diorávy ná błoto /
Tępa siekierá ná drwá / } Nie bespieczni są.

1) Мелкимъ латинскимъ шрифтомъ. К.

43=52. Частѡ болѣзнꙋютъ:

Конь ногáми. Кꙋ̓нéцъ рꙋкáми. женà ȯчи́ма.

44=53. Слꙋгѣ охотнѡ слꙋжити:

'У господина дóброгѡ. шꙋтливагѡ. и подаливагѡ.

Л. 316 об. 45=54. Слꙋгà бѣгаетъ:

Ѿ господина немилостивагѡ: Серди́тагѡ:
и скꙋднагѡ: Вещи страшныя:
46=55. Бг҃ъ. Сóвѣсть. И Смéрть:

47=56. Бе̓зврéдны:

Бг҃ъ: Разꙋ҇ совершéнъ. И҆ добрóта.

48=57. Дѣлѡ похвáлнѡе

Побѣда над непрі́ятелє҇. Над̓ собою. На҇
дíаволо҇. Бл҃гословенїе Бж҃їе:
49=58. 'Имѣнїе ȯтéческое: жена добронрáвна.
дѣти достохвáлны.

50=59. Члв҃къ правди҇.

Прáведнѡ жи҇ с людмѝ. Nикомꙋ не досади҇:
Всякомꙋ своѐ ѿдáть.

51=60. Бж҃їи и члв҇ческїи врàгъ:

Стáръ блꙋдни́къ: Бога҇ сребролюби́въ.
бѣдный гóрдъ. 52=61. Nичегѡ не ꙋспѣваютъ.
'Ꙋченикъ бе̓ книгъ: Вои҇ бе̓ рꙋжья: Мастéръ
бе̓ снáсти.. 53=62. Nаказанїю дóлжны:
Чернéцъ ꙋченикъ вои҇: житèль рѣки посполи-
той. Слꙋга Nепослꙋшной. +

52. Kon ná nogi / Kowal ná ręce / Białogłowá na oczy /	Choruią naczęśćiey.
53. Pan dobry / Zártowliwy / Chlebá nie żáłuiący /	Bez datku sługę záćiągnie.
54. Pan nie dátny / Gniewliwy / Márny /	Nie długo sługi záchowa.
55. Bog / Zránione sumnienie / Smierć /	Rzecz strászna / okrutna.
56. Bog / Rozum doskonáły / Cnotá /	Swánkowi nie podpadáią.
57. Zwyćięstwo nád nieprzyiaćielem / Z sobą / Z szátánem /	Rzecz chwalebna.
58. Skarb oyczysty / Zoná cnotliwa / Potomek godny /	Błogosłáwieństwo Pánskie.
59. Praw miedzy ludźmi żyć / Żadnego nie vráźić / *(Temp. B)* Każdemu co czyiego iest oddáć /	Czyn człowieká sprawiedliwego.
60. Stáry zalotny / Bogáty łákomy / Vbogi pyszny /	Boży y ludzki nieprzyiaćiel.
61. Zak bez Kśięgi / Zołnierz bez rynsztunku / Rzemięślnik bez naczyniá /	Nic nie wskoráią.
62. Nieposłuszny: Xiądz / Student / Zołnierz / Obywátel R. P. / Sługá /	Rzadko wstydu y káry vchodzą.

54=63—64. Безопасны.

Ста́рецъ в келье. Во́ин в рꙋжье: жите в ꙋложе[н]е.
ПоПъ в црꙋкви. Сꙋдья в приговорѣ.

55=65. Многѡ могꙋтъ:

Си́ла: Царя́. Про́мыслъ:

Л. 317. 56=66. Беречи́ся:

Домашнягѡ во́ра. Слꙋги гнѣвли́вагѡ. дрꙋга
Примире́нагѡ: 57=67. Надобнѡ ранѡ вста:
Для проѣздки: для полева́нїя: для досмотре́нїя.

58=68. Не могꙋт ползовати:

Домострое́нїе бе призрѣнїя: Ӥскъ бе прилѣжа́нїя;
грабе бе вы́мыслꙋ. 59=69. Объявля́ю:
Ꙋзда коня: Языкъ члвка: Ꙋкꙋсъ ѣствꙋ:

60=70. Малѡ дослꙋживаютъ:

'Узда изорвана: лодка дыра́ва: Ожогъ деревя́нной.

61=71. Неполинны і ненадѣны дѣла:

Бо́дрость принꙋжде́нна в домꙋ. Дрꙋжба ѿ страх
члвка: Смире́нїе ꙋ во́лка въ ямѣ:

62=72. Страшнѡ рꙋжъе мѣстѡ:

Пища́ль в лѣсꙋ: копїе в по́лѣ: книжа в тѣснотѣ:

63=73. Досадные шꙋтки:

С короле: С пища́лью: Со львѡ:

63. Zakonnik w celi /
Zołnierz we zbroi /
Człek przy práwie / } Bespieczni są.

64. Xiądz w kośćiele /
Sędźia w rádźie /
Doktor w lekách / } Máią bydź wielkiego poszánowánia.

65. Potęgá /
Szátá /
Przemysł / } Siłá mogą.

66. Złodźiey domowy /
Pochlebnik záuszny /
Przyiaćiel / } Rzecz nie ustrzeżoná.

67. Przeiażdżká /
Myślistwo /
Gospodárstwo / } potrzebnie ránego wstánia.

68. Gospodárstwo bez száfárzá dobrego /
Prawo bez pilnośći /
Grábież bez fortelu / } nie mogą pożyteczne bydź.

69. Vzda koniá /
Ięzyk człowieká /
Smák potráwą / } pokázáć ma.

70. Vzdá słába /
Czołn dźiuráwy /
Rożen drzewiány / } rzadko dosłużą dobrze.

71. Czułość z przymuszenia o domu /
Przyiażń z boiázni v człowieká /
Pokorá w dole v wilká / } wszytko to niepewne rzeczy.

72. Bron mieyscem / Ruśnica w leśie / Kopia w polu /
Miecz ná vlicy / Puinał w cieśni.
Strászne są rzeczy.

73. Z Krolem /
Z ruśnicą /
Ze Lwem / } Szkodliwy żárt.

64=74. Вредителныя вещи:

Рра́на бе'с пласты́ря: дере́вня бе' дозо́рꙋ: Сло́вѡ ѽ господи́не' бе' боя'ни.

65=75. Готовы надобнѡ бы́ть:

Рꙋки́ ꙋ е'дока̀. ꙋ во́ина ско́рѡсть

66=76. При́быль приносися:

Трꙋдами многими. Ꙋмѣнїе мно́ги. изобилїе нескꙋны.

67=76. Ꙋбы́ки бывают:

Лѣностїю: ско́рбїю: скꙋдостїю

Л. 317 об. 68=77. Си познаваются:

Прїятель богаствѽ. Сосѣдъ жела́тел'ствѽ
Бо́дрый радѣнїе. 69=78. Всегда̀ сла́внѡ
Млады́й ѿ и'ря́дны' сло́: Ста́рый ѿ многи' дене́гъ.
Среднїи добродѣтелствѽ.

70=79. Таковъ бывай:

Женѣ болшй: Слꙋгѣ господи́нѽ: Крѣстянѽ владѣтеле: 71=80. Всякъ хва́лится:
В домꙋ коне. ПРи дворѣ наря́дѽ: в домостройтельствѣ де́нгами. 72=81. Послѣднїе ве́щи:
Смерть испыта́ти: вся́комꙋ вѣрити: Надѣдꙋ потеря́ти: 73=82. По приро́дѣ належи́тъ:
'Італїа́нинꙋ докто́рствѡ. Немчи́нꙋ кꙋпе́чествꙋ[w]: Полякꙋ воинствѡ[s].

74=83. Ne припꙋскай:

Бꙋма́ги к' водѣ. Пера̀ к огню̀: Чернца̀ к женѣ.

75=84. Може́тъ черне́цъ выпроситъ:

'Ꙋ мꙋдрой жены̀ че́сть: Ꙋ ласковой дене́гъ. Ꙋ глꙋпой что̀ хо̀ще. 76=85. Всякъ теряе́тъ:
Ловецъ дожидае́ся пого́ды: Мꙋжи[к]' вѣря рабо́тникѽ: Пастꙋхъ надѣяся на пс́ѡ[в]'.

74. Do rány nie przykładáć /
Swego nie doyżrzeć /
O Pánie mowić /
Rády te zászkodzą rzeczy.

75. Ręká v ieźdźcá wyprávna /
V Pánny cudna /
V żołnierzá prędka /
Záwżdy ma bydź

76. Praca vmieiętność /
Dostatek z godnośćią /
Lenistwo: chorobę z nędzą /
Przynoszą ludźiom.

77. Powinni z dostátku /
Sąśiad z boiáźni /
Czułego mężá /
Rádżi miłuią.

78. Sławá młodego z czerstwośći /
Stárego z pieniędzy /
Srzedniego z dźielnośći /
Záwżdy chwałę ma.

79. Zenić iáko stárszy /
Słudze iáko Pan /
Poddánym iáko mistrz /
Záwżdy masz pokázáć się chcesz li ich mieć powoli.

80. Páchołek káždy Domá koniem /
V dworu szatą /
W gospodźie groszem /
Napewniey pokaże się.

81. Smierći kosztowáć /
Káżdemu wierzyć /
Nádźieię stráćić /
Są to ostátnie rzeczy.

82. Co Włoch to Doktor /
Co Niemiec to kupiec /
Co Polak to żołnierz /
Káżdy z tych może wodźić zá sobą kupę.

83. Pápieru do wody /
Piorá do ogniá /
Zaká do żony /
Nie przytykay.

84. Gdyż ten v mądrey pieniądzę /
V głupiey co może /
uprośi rad.

85. Myśliwiec w domu pogody czekáiący/
Kmieć przez dozoru robiący /
Sobie á niż Pánu dogadza záwżdy /
pewnie z tychże káżdy vtráci.

77=86. Мѣрность имѣти:

Ѿ трꙋдѡ̑ многи˟: ѿ гнѣва ꙗрости. ѿ питїя пō-
нися: 78=87. Достойны хвалы̀:
'Ѣздéцъ в хрáбрости: вдóвой в чистотѣ: Дѡ-
мостройтель трꙋдáми -+-

Л. 318. 79=88. Достóйны хꙋлы̀:

Сꙋдїѧ̀ дары̀ е̂млющїи: Прикащи˟ с мꙋжикáми в брāствѣ:
живꙋщи: 80=89. Дꙋраки сꙋ́тъ:
Ктѡ̀ многѡ бранӥся а не бӥеся: Мнóгѡ ѡ̀бѣщāе̂ а̀ ни-
чегѡ̀ не дāе̂. Многѡ говорӥ̑, а ничегѡ̀ не вѣ̑даетъ.

81=90. Томꙋ же подобнѡ: Бранӥся з бол̀шӥ:

Пиꙗ̑нъ чинӥся богáтӹ. Под̑анны˟ ѿгонꙗ́етъ:

82=91. Неподлинная радóсть:

Пїꙗ̑ногѡ ѡ̀бѣщанїе: ꙋбоговѡ гор̀дость: скꙋ-
пагѡ ꙋчти́вость. 83=92. Воздержáнїе:
Мꙋ̆жꙋ (на поляхъ: жē) домостройтелнѣй. Смирен̑ной мꙋжъ̀:
мꙋжикъ послꙋ̑шной. 84=93. Работникъ силный:
Здрáвїе с трꙋдолюбїе̂: Тре˟вость с чистотóю:
Охóтники веселые и̑ смѣлые.

85=94. 'Избирай себѣ̀:

Молōдца̀ на кòнѣ: С'тáра в дѣ́ле: Мꙋжика̀.
в домостройтел̀ствѣ:

86=95—96. Мꙋдрый дꙋракѿ̓ бывáетъ:

Ѿ питїя крѣ́пкогѡ вина̀ ѿ ꙗ̑внагѡ сидѣнїѧ̀ с женамӥ:
ѿ сѣ́ꙗнїя в немогóдной дожд̀ь. ѿ брани в пиꙗ˟ствѣ.

87=97. Скорбное житїѐ:

Мꙋжъ бе˟ жены̀: Птӥца в клѣ̄ткѣ: рыбѣ

86. Praca / Gniew / Pićie /	Nazdrowsze w miárę.
87. Po koniu w dźielnośći ieźdźiec / Po żonie w porządku gospodarz /	Bywa chwalony.
88. Sędźia co dary bierze / Vrzędnik co się z chłopy bráta /	Nie pewni są.
89. Kto się wádźi á nie biie / Obiecuie á nie dáie / Powiáda á nie wie /	Taki nie pewny chłop.
90. Piiána hoyność / Z nierownym zwádá / Poddánych rozegnánie /	Sámi na się wyiáwią często.
91. Piiánego obietnicá / Vbogiego wczás / Skępego hoyność.	Nie záwżdy vćieszą rády.

92. Do białeygłowy grzeczney nie trzebá gospodarzá
Furyatá /
Melánkoliká /
Chłopá márnego /

93. Ale ma bydż w potędze y śile.

Zdrowy /	Chętny /
Prácowity /	Wesoły /
Trzeźwy /	Smiáły.
Ochędożny /	

94. Páchołká ná koniu / Pánnę w tańcu /	Obieráć masz.
95. Wino mocne Białogłowá grzeczna /	Z namędrszego vczyni błazná.
96. Záloty głosem / Sianie w deszcz / Piiána zwáda /	Z pożytkiem rzadko.
97. Ptak w klarce / Rybá w sadzawce / Człowiek bez żony /	Ci wszyscy máią świát mierźiony.

в сад'кѣ. 88=98. ѡ бѣреженіи:
Слѵгабъ с сосѣдѿ немногѡ зна'ся: В домѵ
держи слѵгѵ вѣрна: а не вора. Хлѣбъ осмотрясь перѣ новѣ продавай.

Л. 318 об. 89=99. Долже вся быти:

В црькви бгобоя'ливъ: в совѣте мѵдръ: Наконѣ ꙗкѡ вои'. в бесѣде какъ тре'вая дѣва:

90=100. Похвалнѡ есть:

Чл҃вкъ ранѡ молѧще'ся. а к томѵ при столѣ разѵ'нѡ сѣдѧщи. 91=101. Во'бѵжденіе к радости:
Чл҃вкѵ доброй совѣ'. В садѵ славнорѣчіе. К прошенію нево'браненіе.

92=102. В подо'рѣніе есть пріꙗтельствѡ:

Лесть при столѣ: Перево' междѵ лдѡмъ.

93=103. Належащее к дрвнѣ:

Денги берегй. граньми ѡ'межѵй: время к' пахані́ю блюди

94=105. По ѵложенью подати плати:

Неславна сѵть: Дорожной без' искѵства:
войскѡ з безѵ'ны гемаиѿ: гдртвѡ бе' ѵложенія. 95=106. Ne вѣрить:
Робятѿ в садѵ: женѣ в тайны' дѣлехъ зерщикѵ в денга'.

96=107. ѵбытокъ в деревнѣ:

Дворница піяная. Ключникъ прелюбодѣй:
Староста л'гачь. 97=108. Беречися в домѵ:
Ѿ хѵдой печи дымѵ и огню: Ѿ хѵдой крвли
воды и капели. Ѿ ѕлой жены бѣды.

98. Sługę z dáleká dla sąśiádá / Psa w domu dla złodźieiá / Zyto ná targ do Wisły /	Dobrze chowáć.
99. Mąż w Kośćiele iáko nabożny Xiądz/ W Rádźie iáko mądry Senator / Na koniu iáko porządny żołnierz/ V stołu iáko ochotny gospodarz / Ná pokoiu iáko trzeźwa Pánná /	Powinien bydź.
100. Białogłowá ktora poránu nabożná / V stołu mądra / Na pokoiu pięknie pieśćidło /	szkodá nią gárdzić.
101. Młoda rádá / Márcowa pogodá / Pánieńska łáská /	Iednáko státeczne bywáią.
102. Mieyskiey przyiáźni / Wierney miłośći / We krę przewozu /	záwżdy musi przypłaćić.
103. Ná wśi: Grosz spory / Wolność więtsza / Wczás pewnieyszy.	
104. Tylko záś: Práwu / Gośćinie / Miástu /	Vczynić pokoy.
105. Vrodá bez cnoty / Woysko bez Hetmáná / Krolestwo bez rządu /	nie mogą w sławę iść.
106. Chłopętom do sádu / Białeygłowie do táiemnic / Kosterże do pieniędzy /	Nie powierzay kluczá.
107. Gdźie dworká piiánicá / Klucznik gámrat / Włodarz łgarz	pewna w folwárku szkodá.
108. Dym / Dách dźiuráwy / Zła żoná /	nárychley wypędza z domu/

98=109. Приводи҃ печаль:

В нꙋждѣ пра̑дность: во грѣха҃ непокаянїе:
Л. 319. Излишествѡ всякагѡ дѣла.

99=110. Пꙋть продолжаетъ:

Во̑ неисправнѡй. Возница пїяной.
вые̑дъ с вечера. 100=111. в подо̑рѣнїи дѣла:
Гишпанская простота: Іттал͡іиское ꙋчти҃ство.
Польской чинъ: 101=111. Прꙋскїе шꙋтки:
Да҃цкое гдр҃ствованїе. Аглинская волность:
Францꙋской стыдъ. Немѣ̑цкое покорствѡ:
Шко҃цкое ѿдыханїе. 102=111. Московское словѡ:
Тꙋрское сꙋпрꙋжествѡ. жидовское ѡбѣщанїе:
Арїянская вѣра. Цыганская и волоская правда:

103=112. Достоинѡ похвалы:

Дѣвы добрыя бе̑с приправы (потомъ выправлено надъ строкою и приписано еще на поляхъ: бе̑-бели҃). Винѡ бе̑ сахарꙋ.
добронравїе бе̑ слꙋчая.

104=113. Никогда неꙋдоволи҃:

Гостя. бе̑стыдногѡ: Мꙋжика лакомагѡ:
Мещка диравагѡ.

105=114. Ꙋдержатися:

Ѿ чꙋждагѡ имѣнїя: ѿ игранїя картъ:
ѿ непостоянныхъ словъ.

106=115. Немочнѡ ꙋберечися:

Пивничегѡ вора: жены блꙋдницы:
лгача в обмане.

107=116. Ꙋдержанїе денга҃:

Домостроитель прилѣжнѡй. дворецкой вѣрнѡй. Господинъ воздержнѡй.

109. Prożnowánie w nędze /
Swawola w grzech /
Zbytek w szaleństwo / } ludźie wpráwuią.

110. Woz nierządny /
Woźnicá opiły /
Iázdá z wieczorá / } rádźi przyczyniáią drogi.

111. Hiszpáńska prostotá /
Włoska hoyność /
Polski rząd /
Pruskie dworstwo /
Duńskie Pánstwo /
Angielska wolność /
Fráncuski wstyd /
Niemiecka pokorá /
Szocki wczás /
Moskiewskie słowo /
Tureckie małżeństwo /
Wołoska wierność / } To są wszytko podeyźrzáne rzeczy.

112. Pánná poczciwa bez fárby /
Wino bez przyprâwy /
Cnotá bez przysády / } Vydą záwżdy.

113. Chłopá łákomego /
Woru diuráwego /[1])
Gośćiá bezwstydnego / } Nigdy nie násyćicz.

114. Ná cudze dobra ręki /
Ná kártę oká /
Ná sławę ięzyká / } Nie rzucay.

115. Száfarzá w złodźieystwie /
Białeygłowy w cnoćie /
Szálbierzá w oszukániu / } Nigdy nie postrzeżesz.

116. Gospodarzowi pilnemu /
Száfárzowi wiernemu /
Pánu nierozrzutnemu / } Spory grosz.

1) Чит. dziuráwego. *K.*

Л. 319 об. 108=117. Ра́дость домова́я:

Ти́хое сидѣнïе. Ȣтѣха ѿ дѣтехъ (надъ строкою: любо́нωй, а на полѣ: лю⁶ и надъ нимъ: же) до⁶ры˟. С сосѣды согласïе:

109=118. Шляхтича̑ бы́ти:

Борони́ти приро́днωй свое́й славы̀. Мȣжественнωе дѣлω надобнω стати̂. В храбрости неȣстраша́тися.

110=120. Ꙋенадобнω твори́ти:

Во́йна по̂ знамя бе̊ орȣжïя. Крть́янина бѣглеца̀ и нерадива: Слȣгȣ лсти́ва.

111=121. Ne позна́емω:

Пȣ́ть на во̀дѣ послѣ ло́ки. Пти́чье лѣта̀нïе на во̊дȣхѣ. Ѕмïа ползȣща по ка́мени. дѣва̊ чистотȣ потерявшȣю.

112=123. Соверше̊ствω к тѣ˟ Nалѣжи̅:

К гд̂нȣ. к чинȣ, И к морша́лкȣ.

113=124. Ѕло́ба:

Nа человѣка бе̊ вины̀ нахо́ди̅: ѿ чюже̅ ȣбı́кѣ ра́доватися. Печаль бе̊ дѣла̀ приво̀ди̅.

114=125. До ȣчти́вости належи̅:

Млад͡ы стыдъ. Сре́днемȣ пра́вда: Старомȣ вѣ́рность.

115=126. Дѣлω Непристо́йное:

Гд͡а бг͡а забыва́ти: старши˟ ȣкоря́ти: добродѣтелеи несохраня́ти ȣчтивости.

116=127. При́быль несоверше́нна:

Л. 320. Си́лной бе̊ рабо́ты: Скȣдной лѣни́вωй: бога́той нерад͡и.

117. Spokoyne siedzenie w domu / Według myśli vćiechá / Z Sąśiády zgodá /	Coż lepszego.
118. Bronić sławy oyczystey / Mężnie gdźie potrzebá stánąć / Animuszu niestrwogánego być /	To szláchecka.
119. Z lekkimi się w rzecz nie wdáwáć / W nierownym polu wytrwáć / W rownym odpor dáć /	Rozsądnego.
120. Zołnierz pod chorągiew się wpraszáiący / Biegun ode wśi do wśi Biegáiący / Sługá pochlebuiący /	Nie ma się gdźie podźieć.
121. Czołn na wodzie płynący / Ptak po powietrzu lataiący / Pánná czystość tyráiąca /	Iednáki znák po sobie zostawuią.
122. Muchy / Pśi / Ciekáwcowie /	Pierwszym do rzeczy przystępuią.
123. Pan / Vrząd / Márszałek.	Ma bydź iako krzystał.
124. Ná ludzi oczy szpetnie obrácáć / Z vpádku się ćieszyć Do żalu przywodźić /	Szátáńska.
125. W wieku młodym vtrácony wstyd / W śrzednim nieprawdá / W stárym zdrádá /	Do cnoty nic szkodliwsze°[1]).
126. Bogá zapomnieć / Stárszych znieważyć / Cnoty odbieżeć /	Sprawá człeká zginione°[2]).
127. Duży nie robotny / Vbogi leniwy / Maiętny niedbáły /	Ieden zysk máią.

1) Чит. sz—wszego. *K.*

2) Чит. z—nego. *K.*

117=128. ѽпасни таковы́ доса̑дать:

Цырю́ликꙋ пред̓ бри́тїе̑ брады̀.
Во̑ницꙋ̑ в пꙋтѝ:
Поварꙋ пере̑ обѣдѽ.

118=129. Ѵечинни идꙋтъ.

Пра́вои без де́негъ: Ѳиндриганція з го́лодѽ блꙋдни́ца. Лека́рстви бе̑ дово́льстви.

Половина страницы л. 320 оставлена бѣлою, также оборотная страница и еще цѣлый листъ.

На л.л. 321—382 помѣщенъ обширный сборникъ (до 3000 №№) русскихъ пословицъ и поговорокъ, съ встрѣчающимися также изрѣдка среди нихъ загадками, примѣтами, снотолкованіями и проч. Съ содержаніемъ его впервые познакомилъ русскихъ читателей покойный проф. Имп. Московскаго унив. и чл.-корр. Отдѣленія русск. яз. и словесн. Имп. Академіи Наукъ, И. М. Снегиревъ въ трудѣ своемъ: *«Русскія народныя пословицы и притчи»* (М. 1848 г.). Кромѣ упоминанія объ этомъ сборникѣ въ предисловіи къ своей книгѣ на III стран., онъ далъ на стран. XXXII слѣдующее краткое его описаніе:

«Пословицы Русскія письмен. въ Главномъ Москов. Архивѣ Минист. иностр. дѣлъ. Одинъ изъ древнихъ опытовъ такого собранія встрѣчается намъ въ скорописномъ сборникѣ конца XVII вѣка, гдѣ помѣщены разныя сочиненія Симеона Полоцкаго въ 4, на 472 листахъ, доставленный намъ княземъ М. А. Оболенскимъ изъ библіотеки означеннаго Архива. Въ этой рукописи на 62 страницахъ помѣщены *Повѣсти: или пословицы»...* и т. д.[1]).

Далѣе тамъ же на страницахъ XXXIII—XXXVI напечатано (—довольно неисправно) *«предисловіе до читателя»*, заимствованное съ л.л. 321—323 нашего рукописнаго сборника.

---

1) Снегиревъ означаетъ этотъ сборникъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ и варіантахъ къ тексту своего собранія пословицъ шифромъ: п а м и д.

128. Bić Cyrulika przed goleniem /
Woznicę w drodze /
Kuchárzá przed obiádem / } Nie bespieczna.

129. Práwo bez pienięgdy[1]) /
Zaloty o głodźie /
Leki bez dostátku / } Iákoś nie surowie idą.

Покойный Ѳ. И. Буслаевъ дважды воспользовался настоящимъ сборникомъ.

1) Въ книгѣ своей: «Русскія пословицы и поговорки» (М. 1854 г., отд. отт. изъ «Архива ист.-юрид. свѣдѣній относящ. до Россіи» Н. В. Калачова, книги II-ой половины 2-ой, отдѣл. II) на страницахъ 62—66 онъ, послѣ краткаго изложенія содержанія всего сборника и ознакомленія читателя съ предисловіемъ стариннаго собирателя пословицъ, отмѣтилъ (стр. 64): «Касательно времени, къ которому относятся, по крайней мѣрѣ по преданію, собранныя имъ [т. е. неизвѣстнымъ по имени собирателемъ] пословицы, говоритъ онъ: ««ова писана издревле, мню, яко *лѣтъ за сто или больше*»». Слѣдовательно въ этомъ сборникѣ XVII вѣка, уже по письменному преданію, дошли до насъ народныя пословицы еще XVI вѣка, какъ драгоцѣнный памятникъ для исторіи Русскаго языка того времени. Хотя этой рукописью пользовался и И. М. Снегиревъ, но далеко не исчерпалъ всего собранія. Притомъ онъ ссылается на нее только въ нѣкоторыхъ случаяхъ, при означеніи варіанта, такъ что изъ его указаній нельзя составить яснаго понятія о характерѣ пословицъ XVI вѣка, чего впрочемъ почтенный издатель и не имѣлъ въ виду. Я перепечаталъ и многія такія пословицы, которыя хотя и вошли въ изданіе Снегиревское, но съ значительными измѣненіями, иногда даже затемняющими смыслъ».—Далѣе Буслаевымъ представленъ длинный списокъ лучшихъ чтеній текста пословицъ по Архивному списку въ сравненіи съ текстомъ ихъ въ изданіи Снегирева (1848 г.). Эти свои замѣчанія Буслаевъ заключаетъ такъ: «Конечно иныя изъ этихъ мѣстъ, ошибочно изданныхъ И. М. Снегиревымъ,

---

1) Чит. pieniędzy. *К.*

можно почесть не болѣе какъ описками, впрочемъ такими, которыя подаютъ поводъ къ ошибочному толкованію; другія же исправленія по Архивному сборнику надобно почесть важными варіантами пословицъ, напечатанныхъ у г. Снегирева, и притомъ такими варіантами, которые иногда не только измѣняютъ, но даже и даютъ настоящій смыслъ напечатанному. Чтобы читатель постоянно могъ замѣчать пословицы Архив. сборника, для составленія понятія о народномъ языкѣ XVI и XVII в., мы отмѣтили заимствованныя оттуда буквою *А* (т. е. Архива Министерства Иностр. Дѣлъ)» (см. стр. 66). Самый текстъ пословицъ, почерпнутыхъ Буслаевымъ изъ Архивнаго сборника расположенъ въ его изданіи въ алфавитномъ порядкѣ въ одномъ общемъ сводѣ вмѣстѣ съ пословицами и еще изъ нѣсколькихъ другихъ рукописныхъ и печатныхъ сборниковъ и источниковъ (см. на стр. 75—159 и на стр. 160—162: «не вошедшія въ алфавитъ» т. е. пословицы).—Въ I томѣ Историческихъ очерковъ русск. народн. словесности и искусства (Спб. 1861 г.) Ѳ. И. Буслаевъ въ гл. II «Русскій бытъ и пословицы», составляющей перепечатку съ нѣкоторыми впрочемъ измѣненіями вводной замѣтки его къ сборнику пословицъ напечатанному въ Архивѣ Калачова,—на стран. 113 и друг. также касается содержанія нѣкоторыхъ отдѣльныхъ пословицъ Архивнаго сборника.—*2)* Въ изданной Буслаевымъ «Исторической Христоматіи ц.-слав. и др.-русск. языковъ» (М. 1861) напечатаны по Архивной же рукописи болѣе или менѣе пространныя выборки «Изъ предисловія до читателя» (на стбц. 1416—1418) и по нѣскольку пословицъ на каждую букву (А—Ѱ) въ видѣ образца (см. на стлб. 1418—1422) съ объясненіями, замѣчаніями (см. стбц. 1429—1438) и съ вводными его замѣтками относительно исторіи русской пословицы или притчи и о сборникахъ ихъ и проч. (стбц. 1429—1430).

А. Д. Галаховъ въ своей «Исторіи русской словесности, древней и новой, т. I (Спб. 1863) упоминаетъ на стр. 27 (такъ же и во 2 изд. Спб. 1880 г., на стр. 153) объ описываемомъ нами Архивномъ сборникѣ пословицъ въ отдѣлѣ «Письменныхъ», а на стр. 248 тамъ же читаемъ: «Послѣ строгихъ запретовъ и осужденій, національныя произведенія ума и фантазіи получили должную имъ дань: въ XVII в., неизвѣстно кѣмъ, собраны русскія пословицы. Собиратель пользовался тетрадью пословицъ, записанныхъ еще въ XVI в.» Такія же упоминанія, но все только со словъ Буслаева, находятся и въ различныхъ другихъ трудахъ по исторіи русской словесности, и даже не только въ такихъ не вполнѣ самостоятельныхъ трудахъ

128. Bić Cyruliká przed goleniem /
Woznicę w drodze /
Kuchárzá przed obiádem /
} Nie bespieczna.

129. Práwo bez pieniędy[1]) /
Zaloty o głodźie /
Leki bez dostátku /
} Iákoś nie surowie idą.

Покойный Ѳ. И. Буслаевъ дважды воспользовался настоящимъ сборникомъ.

1) Въ книгѣ своей: «Русскія пословицы и поговорки» (М. 1854 г., отд. отт. изъ «Архива ист.-юрид. свѣдѣній относящ. до Россіи» Н. В. Калачова, книги II-ой половины 2-ой, отдѣл. II) на страницахъ 62—66 онъ, послѣ краткаго изложенія содержанія всего сборника и ознакомленія читателя съ предисловіемъ стариннаго собирателя пословицъ, отмѣтилъ (стр. 64): «Касательно времени, къ которому относятся, по крайней мѣрѣ по преданію, собранныя имъ [т. е. неизвѣстнымъ по имени собирателемъ] пословицы, говоритъ онъ: ««ова писана издревле, мню, яко *лѣтъ за сто или больше*»». Слѣдовательно въ этомъ сборникѣ XVII вѣка, уже по письменному преданію, дошли до насъ народныя пословицы еще XVI вѣка, какъ драгоцѣнный памятникъ для исторіи Русскаго языка того времени. Хотя этой рукописью пользовался и И. М. Снегиревъ, но далеко не исчерпалъ всего собранія. Притомъ онъ ссылается на нее только въ нѣкоторыхъ случаяхъ, при означеніи варіанта, такъ что изъ его указаній нельзя составить яснаго понятія о характерѣ пословицъ XVI вѣка, чего впрочемъ почтенный издатель и не имѣлъ въ виду. Я перепечаталъ и многія такія пословицы, которыя хотя и вошли въ изданіе Снегиревское, но съ значительными измѣненіями, иногда даже затемняющими смыслъ».—Далѣе Буслаевымъ представленъ длинный списокъ лучшихъ чтеній текста пословицъ по Архивному списку въ сравненіи съ текстомъ ихъ въ изданіи Снегирева (1848 г.). Эти свои замѣчанія Буслаевъ заключаетъ такъ: «Конечно иныя изъ этихъ мѣстъ, ошибочно изданныхъ И. М. Снегиревымъ,

---

1) Чит. pieniędzy. *К.*

можно почесть не болѣе какъ описками, впрочемъ такими, которыя подаютъ поводъ къ ошибочному толкованію; другія же исправленія по Архивному сборнику надобно почесть важными варіантами пословицъ, напечатанныхъ у г. Снегирева, и притомъ такими варіантами, которые иногда не только измѣняютъ, но даже и даютъ настоящій смыслъ напечатанному. Чтобы читатель постоянно могъ замѣчать пословицы Архив. сборника, для составленія понятія о народномъ языкѣ XVI и XVII в., мы отмѣтили заимствованныя оттуда буквою *А* (т. е. Архива Министерства Иностр. Дѣлъ)» (см. стр. 66). Самый текстъ пословицъ, почерпнутыхъ Буслаевымъ изъ Архивнаго сборника расположенъ въ его изданіи въ алфавитномъ порядкѣ въ одномъ общемъ сводѣ вмѣстѣ съ пословицами и еще изъ нѣсколькихъ другихъ рукописныхъ и печатныхъ сборниковъ и источниковъ (см. на стр. 75—159 и на стр. 160—162: «не вошедшія въ алфавитъ» т. е. пословицы).—Въ I томѣ Историческихъ очерковъ русск. народн. словесности и искусства (Спб. 1861 г.) Ѳ. И. Буслаевъ въ гл. II «Русскій бытъ и пословицы», составляющей перепечатку съ нѣкоторыми впрочемъ измѣненіями вводной замѣтки его къ сборнику пословицъ напечатанному въ Архивѣ Калачова,—на стран. 113 и друг. также касается содержанія нѣкоторыхъ отдѣльныхъ пословицъ Архивнаго сборника.—*2)* Въ изданной Буслаевымъ «Исторической Христоматіи ц.-слав. и др.-русск. языковъ» (М. 1861) напечатаны по Архивной же рукописи болѣе или менѣе пространныя выборки «Изъ предисловія до читателя» (на стбц. 1416—1418) и по нѣскольку пословицъ на каждую букву (А—Ѱ) въ видѣ образца (см. на стлб. 1418—1422) съ объясненіями, замѣчаніями (см. стбц. 1429—1438) и съ вводными его замѣтками относительно исторіи русской пословицы или притчи и о сборникахъ ихъ и проч. (стбц. 1429—1430).

А. Д. Галаховъ въ своей «Исторіи русской словесности, древней и новой, т. I (Спб. 1863) упоминаетъ на стр. 27 (такъ же и во 2 изд. Спб. 1880 г., на стр. 153) объ описываемомъ нами Архивномъ сборникѣ пословицъ въ отдѣлѣ «Письменныхъ», а на стр. 248 тамъ же читаемъ: «Послѣ строгихъ запретовъ и осужденій, національныя произведенія ума и фантазіи получили должную имъ дань: въ XVII в., неизвѣстно кѣмъ, собраны русскія пословицы. Собиратель пользовался тетрадью пословицъ, записанныхъ еще въ XVI в.» Такія же упоминанія, но все только со словъ Буслаева, находятся и въ различныхъ другихъ трудахъ по исторіи русской словесности, и даже не только въ такихъ не вполнѣ самостоятельныхъ трудахъ

по этому предмету, какъ напр. И. Я. Порфирьева (въ I части его «Исторіи русской словесности», по 4 изд., стр. 165, вын.), но даже и въ такой строго ученой работѣ, какъ статья Н. С. Тихонравова «Пять былинъ по рукописямъ XVIII вѣка» (М. 1891, отд. отт. изъ Этнографич. Обозрѣнія, кн. VIII), на стр. 3 и выноскѣ 2 къ этой страницѣ; тоже повторено и въ «Русскихъ Былинахъ стар. и новой записи» (М. 1894), стр. 71 и въ «Сочиненіяхъ Н. С. Тихонравова, т. III, ч. 1 (М. 1898), стр. 217 и с. 34, пр. 10.

На л.л. 321—323. Въ фигурной, отпечатанной черною краскою, рамкѣ изъ орнаментовъ помѣщено—«Предсло́віе до чита́тела».

На л. 323. Съ половины страницы идетъ самый сборникъ пословицъ подъ заглавіемъ, написаннымъ киноварью въ двухъ строкахъ: — Повѣсти: | или пословицы всенаро́днѣйшыя по̀ а̀лфави́тꙋ.

Пословицы, помѣщенныя въ рукописи Архивнаго сборника, расположены въ алфавитномъ порядкѣ, но такъ же, какъ бывало и въ старинныхъ русскихъ «Азбуковникахъ» и «Алфавитахъ», лишь по первой начальной буквѣ перваго слова каждой пословицы, не принимая въ разсчетъ слѣдующихъ за тѣмъ буквъ. Каждый отдѣлъ пословицъ, начинающихся съ новой буквы, отдѣляется крупною киноварною буквою, поставленною во главѣ отдѣла по срединѣ строки. Начальная буква каждой пословицы тоже писана всегда киноварью. Въ концѣ почти каждаго отдѣла оставлено пустымъ мѣсто до конца этой страницы, сколько бы ни осталось его незаписаннымъ. Отдѣлы эти въ рукописи расположены слѣдующимъ образомъ:

На *л. 323* — помѣщены пословицы на букву **Ꙗ**. На *л. 326* концомъ пословицъ на эту букву занято всего 7 строкъ; 4/5 страницы остались пустыми. На *л. 326 об.*—пословицы на букву **Б**, на *л. 330 обор.* записано всего 2 строки. На *л. 331* — пословицы на букву **В**, на *л. 334 об.* — всего 3 строки, киноварныхъ же буквъ заготовлено далѣе для 11 строкъ, остальное пространство осталось пустымъ. На *л. 335*—пословицы на букву **Г**, на *л. 336 об.* болѣе половины страницы занято текстомъ, заготовлено киноварныхъ буквъ еще для 9 строкъ и остальная часть страницы осталась пустою. На *л. 337*—пословицы на букву **Д**, на *л. 339 об.* конецъ этой буквы совпадаетъ и съ концомъ страницы, на *л. 340* — записана одна пословица тонкимъ кудреватымъ почеркомъ начала XVIII стол., но начальная заглавная буква ея сдѣлана чернымъ черниломъ: День пропалъ то̀ до на́съ доше́лъ,—На *л. 340 об.*—пословицы на букву **Є**, конецъ ея на *л. 341*, заготовлена одна киноварная буква и

тетрадей также не продолжается. Для провѣрки и вообще рѣшенія вопроса о томъ, въ какой сохранности дошелъ до насъ въ отдѣльныхъ тетрадяхъ нашъ сборникъ пословицъ, слѣдовало бы обратить вниманіе на приписки словъ въ такъ называемыхъ предрѣчіяхъ—помѣщенныхъ въ правомъ углу листа внизу сейчасъ послѣ закончения текста пословицъ на страницѣ. Къ сожалѣнію писавшій очень часто забывалъ дѣлать эти отмѣтки перваго слова первой пословицы слѣдующей оборотной страницы. Предрѣчія находятся на слѣдующихъ листахъ: на *л. 324 об.*—Авиро", *л. 337*—до́рого, *л. 345*—звѣ̂ря, *л. 357*—Мѡсква̀, *л. 361*—Недѣ, *л. 362*—ȣ̆кѹ, *л. 363 об.*—по̂ла, *л. 364*—плачо̂, *л. 364 об.*—помя̂ти̇, *л. 365*—пьянъ, *л. 365 об.*—пословицъ, *л. 366*—родился, *л. 366 об.*—рдѣлся, *л. 367*—рогомъ, *л. 367 об.*—сваты, *л. 368*—смѣ'ство, *л. 368 об.*—спорыⁿя, *л. 369*—старѹю, *л. 369 об.*—спроша', *л. 370 об.*—тонко, *л. 371*—Тать, *л. 371 об.*—ѿ доное̇, *л. 372*—ѿрвась (такъ!), *л. 372 об.*—ѹ̇кра'бы, *л. 374*—хто, *л. 374 об.*—холмъ, *л. 375*—хотѣлося̑, *л. 375 об.*—хтѡ, *л. 376*—ѡрыгается̑, *л. 377*—цѣлованіе, *л. 377 об.*—Черезъ, *л. 378*—Чемѹ, *л. 378 об.*—что, *л. 379*—шотъ, *л. 380*—щекот[и]тъ, *л. 381*—ѣжъ.

Относительно *поправокъ* въ текстѣ пословицъ, отмѣченныхъ знаками и исполненныхъ на поляхъ рукописи, о поправкахъ, современныхъ же написанію рукописи, а равно о *позднѣйшихъ припискахъ и поправкахъ*, а также о приписанныхъ на поляхъ противъ соотвѣтственныхъ мѣстъ текста—*заглавій* (или указаній содержанія однимъ словомъ) и о всемъ прочемъ будетъ сообщено въ концѣ настоящаго изданія въ Дополненіяхъ и поправкахъ; тамъ же мы сообщимъ по мѣрѣ надобности и свои посильныя объясненія и примѣчанія къ тексту и содержанію той или иной пословицы настоящаго сборника.

Послѣ *л. 382*—оборотная страница этого листа и еще 1 цѣлый листъ оставлены пустыми.

Далѣе значительная часть (л.л. 383—469) нашего сборника занята біографіею Езопа и текстомъ его басенъ. О нихъ см. въ отмѣченной уже выше книгѣ А. Н. Пыпина—«Очеркъ литерат. исторіи старинн. повѣстей и сказокъ русскихъ» стр. 169—175. На стр. 170—1 А. Н. Пыпинымъ обращено вниманіе и на текстъ Житія Езопа и его басенъ по Архивному сборнику, но только со словъ Ѳ. И. Буслаева. Ниже мы приводимъ по нѣскольку словъ начала каждой басни и печатаемъ сполна всю (1-ую) басню «Ѡре́лъ с лисицею», чтобы

На *л. 370 об.* — пословицы на букву **Т**. На *л. 371 об.* конецъ ихъ; черезъ одну строку написана одна киноварная буква **Ѹ** и начатъ отдѣлъ пословицъ на эту букву. Послѣ окончанія отдѣла пословицъ на букву **Т** были заготовлены еще для 4—5 строкъ киноварныя буквы **Т**, но выскоблены. На *л. 373* — конецъ ихъ, $^1/_3$ страницы оставлена пустою, и только въ началѣ первой послѣ текста строки тѣмъ же почеркомъ и чернилами, что были писаны приписка на л. 342 об. и текстъ на листахъ 470—472 об., — записано слово «Ѹспѣешъ». На *л. 373 об.* — пословицы на букву **Ф**. Въ первой строкѣ только одна заглавная киноварная буква **Ф**, а строка пустая, текстъ начатъ со 2-ой строки. Конецъ его на этой же страницѣ; $^1/_3$ страницы оставлена пустою. На *л. 374* — пословицы на букву **Х**. Листы 376 и 377 пострадали отъ сырости или отъ огня, и такъ какъ стали по краямъ крошиться, то подклеены бумагою. На *л. 376* — конецъ пословицъ на букву *Х*. Сейчасъ же послѣ киноварной буквы **Ѿ** начатъ отдѣлъ пословицъ на эту букву. На *л. 376 об.* на самомъ нижнемъ краю борта листа конецъ пословицъ на эту букву. На *л. 377* — пословицы на букву **Ц**; на оборотѣ 3 пословицы на эту букву, и послѣ киноварной буквы **Ч** сейчасъ же идетъ отдѣлъ пословицъ на эту букву. На *л. 379* — три пословицы на букву **Ч** и пропустя строки 2 написана киноварная прописная буква **Ш** и начинается отдѣлъ пословицъ на эту букву. На *л. 380*: помѣщена одна пословица на букву **Ш** и черезъ 3 строки послѣ киноварной крупной буквы **Щ** начатъ отдѣлъ на эту букву. На оборотѣ конецъ ихъ и почти полстраницы оставлено пустою. На *л. 381* — пословицы на букву **Ѣ**, на оборотѣ конецъ ихъ. Черезъ 2 строки киноварная крупная буква **Ю** и нѣсколько пословицъ на эту букву; на этой же страницѣ внизу начатъ отдѣлъ на букву **Ѧ** (собственно **Ꙗ**), законченъ же онъ на *л. 382* и на этомъ же послѣднемъ помѣщены послѣ киноварныхъ заглавныхъ буквъ **Ѯ** и **Ѱ** соотвѣтственные имъ отдѣлы пословицъ.

На *л. 321* сохранилась *старая пагинація* буквами церковно-славянскаго алфавита тонкимъ красивымъ почеркомъ (кажется начала XVIII ст.) въ правомъ верхнемъ углу у самаго края страницы: а҃; на л. 322—остались лишь слѣды — обрѣзаны при переплетѣ — (в҃), на л. 323—г҃, на л. 324—д҃, на л. 325—є҃, на л. 326—ѕ҃, на л. 327—з҃, на л. 328 — и҃ и далѣе на слѣдующихъ затѣмъ листахъ уже никакого продолженія этой пагинаціи нѣтъ и слѣдовъ.

На *л. 321* внизу листа—видна *мѣта тетрадей* .а҃. (т. е. на 1-мъ листѣ тетради въ 8 листовъ), далѣе на л. 329 — .в҃., и далѣе счетъ

тетрадей также не продолжается. Для провѣрки и вообще рѣшенія вопроса о томъ, въ какой сохранности дошелъ до насъ въ отдѣльныхъ тетрадяхъ нашъ сборникъ пословицъ, слѣдовало бы обратить вниманіе на приписки словъ въ такъ называемыхъ предрѣчіяхъ—помѣщенныхъ въ правомъ углу листа внизу сейчасъ послѣ законченія текста пословицъ на страницѣ. Къ сожалѣнію писавшій очень часто забывалъ дѣлать эти отмѣтки перваго слова первой пословицы слѣдующей оборотной страницы. Предрѣчія находятся на слѣдующихъ листахъ: на *л. 324 об.*—Авиро", *л. 337*—до́рого, *л. 345*—звѣря, *л. 357*—Мѡсква̀, *л. 361*—Недѣ, *л. 362*—ѻкѹ, *л. 363 об.*—по̑ла, *л. 364*—плачо̑, *л. 364 об.*—помѧ̑ти̇, *л. 365*—пьянъ, *л. 365 об.*—пословицъ, *л. 366*—родiлся, *л. 366 об.*—рдѣлся, *л. 367*—рогомъ, *л. 367 об.*—сваты, *л. 368*—смѣ̑ство, *л. 368 об.*—спорыⁿя, *л. 369*—старѹю, *л. 369 об.*—спроша̑, *л. 370 об.*—тонко, *л. 371*—Тать, *л. 371 об.*—ѿ̑ дно̇е, *л. 372*—ѿрвасъ (такъ!), *л. 372 об.*—ѹкра̑бы, *л. 374*—хто, *л. 374 об.*—холмъ, *л. 375*—хотѣлосѧ̑, *л. 375 об.*—хтѡ, *л. 376*—Ѻрыгаетсѧ̑, *л. 377*—цѣлованïе, *л. 377 об.*—Черезъ, *л. 378*—Чемѹ, *л. 378 об.*—что, *л. 379*—шотъ, *л. 380*—щекот[и]тъ, *л. 381*—ѣжъ.

Относительно *поправокъ* въ текстѣ пословицъ, отмѣченныхъ знаками и исполненныхъ на поляхъ рукописи, о поправкахъ, современныхъ же написанію рукописи, а равно о *позднѣйшихъ приписках и поправкахъ*, а также о приписанныхъ на поляхъ противъ соотвѣтственныхъ мѣстъ текста—*заглавій* (или указаній содержанія однимъ словомъ) и о всемъ прочемъ будетъ сообщено въ концѣ настоящаго изданія въ Дополненіяхъ и поправкахъ; тамъ же мы сообщимъ по мѣрѣ надобности и свои посильныя объясненія и примѣчанія къ тексту и содержанію той или иной пословицы настоящаго сборника.

Послѣ *л. 382*—оборотная страница этого листа и еще 1 цѣлый листъ оставлены пустыми.

Далѣе значительная часть (л.л. 383—469) нашего сборника занята біографіею Езопа и текстомъ его басенъ. О нихъ см. въ отмѣченной уже выше книгѣ А. Н. Пыпина—«Очеркъ литерат. исторіи старинн. повѣстей и сказокъ русскихъ» стр. 169—175. На стр. 170—1 А. Н. Пыпинымъ обращено вниманіе и на текстъ Житія Езопа и его басенъ по Архивному сборнику, но только со словъ Ѳ. И. Буслаева. Ниже мы приводимъ по нѣскольку словъ начала каждой басни и печатаемъ сполна всю (1-ую) басню «Ѡ̓ре́лъ с лисицею», чтобы

желающіе имѣли возможность сравнить ее съ текстомъ этой же басни по другимъ источникамъ, помѣщеннымъ въ книгѣ г. Пыпина на стран. 171—2 и 173 и не столь рѣдко встрѣчающимся въ нашихъ рукописныхъ сборникахъ. См. еще въ Ист. хрест. ц.-сл. и р. яз. Ѳ. И. Буслаева (М. 1861), стб. 1409—14 и примѣч. на стб. 1426—8.

Л. 383. Въ фигурной изъ орнаментовъ рамкѣ подъ заставицей, такой же какъ и на л. 321—

Житїє 'Єзо́па· | васнослова· | 'І ѿ хожденїй его, І' ѡ 'егѡ| мѹ͒ростї. ка́ко. стѧза́ѧсѧ | съ ѐллинскими. мѹдрецы.| и̓ свою̓. мѹ́дрость показѹ́ѧ | мно́гимъ. царе́мъ, спи́сано | ѿ Ма҃ѯима. Клавдїѧ. | Въ верху страницъ: 'Ѡ езо́пе | баснослове.

(Нач.): Ве́щеи. чл҃вческихъ ѐстество̀. преслѣ́доваша: и про́чїи: и наслѣ́довав'шимъ пода́ша: ѐзо́п' же̑ || (*л. 383 об.*) не кромѣ: бж҃іяго: дх҃новения: понеже: бл҃гонрав'наго: ѹ҆ченїѧ: коснѹ́сѧ: велї́имъ: разстоѧниемъ: превосходити: ибо: ниже: предѣла̀ ниже: из'вѣстно: творѧ: ѧже: ниже: ѿ исторї́и: ѧже· прежде: его: вѣка: принесе̑ оу҆вѣщаѧи: баснословиями: всячески: наказѹ́я.... *Л. 418 об. (Конецъ)* ....выслушавъ ѹ҆бо делои̓ ве͏ʳгоша его с скалы и умре немного убо потомъ смертоносиемъ труждающесѧ бж҃їи извѣтъ: Прияша о҆чищенной быти езопове смерти и совѣ҃тїю к томѹ о҆блчаемъ ѧко неправеднѣ е҆. его ѹ҆биша сто'нъ со'даша но нача'ницы гречестїи и му͒рецы самьстїи. егда: юже на͒ езопомъ содѣлаииа ѹ҆вѣдаша: и противѹ́: делѳовъ: поидоша: и сме͏ʳти ихъ: предаша: и грады ихъ: по'гоша: Кѡнецъ: Єзоповѹ житїю· і смерти: ї мѹ҆д'ро́сти ̓его в'сако̓ и҃ мѹжествѹ ∾.

Л. 419. предисло́вие· к' чита́телю: Ты же: любимыи: читателю: чт҃ыи҃ менѧ: и ѹ҆тѣшаѧ: и веѧкия: мѹ͒рт҃ї и разѹма: Всегда: исполнѧѧ и менѧ: Баснослагателѧ: езопа̀ во всякихъ: мѹдростехъ: спра̀шиваисѧ: Азъ ти: неѹтаенн ѡ: всю. и҆стиннѹ́: повѣмъ: и ни в чемъ не скрыюсѧ: не ложно: есть: езопъ некраснымъ: о҆бразомъ: ѹ҆чиненъ | 'И премѹдрымъ: разѹмомъ: ѕѣло: о҆да̀ренъ: поне же: изящно постиже: ѕвѣрскихъ о҆бразомъ: нравы: и приличнѡ ѹ҆чинилъ: имъ: ба҃носло҃ные справы:

Ви́рши на преⷨраго баснослогателѧ езопа,
Баснослагатель: езопъ: неѹкраше|нъ: ѡ҃бразомъ.:
Внимаѧ же: сего: ѡбрящепися с ра̀|зѹмомъ;:
Плоть: его: сосѹдецъ аще: и не ѕѣ|ло: честна:
Но дш҃а: в немъ: живѹщаѧ: умо̑ оу҆краше'на.
Л. 419 об. В малои: плоти; многиѧ: премѹдросте̑ | обрѣтаютсѧ:
В великое же: чреве. мр҃ости не'мѣщаю̑ся.

Прочитаи: читателю: звѣрскихъ образовъ: нравы: обрящеши: в баснословіи: ꙗвленна: своꙗ: нравы: нравоучителнаꙗ. к вамъ беседуетъ: и чителнаꙗ: словеса: всѣмъ: даруетъ: ꙗже ѿ еллинскихъ: преведенна: суть: мною утѣшаижеся: любимиче: чтыї со мною:

Орелъ с лисицею.

глава а. Орелъ с лисицею содружившися. и близъ себе житиї. оба начаша и утвержение нрава и любве и дружбу сотворъше орелъ убо на высоцѣ древѣ гнѣздо себѣ сви лисица же в ближнихъ кустехъ чада породи и нѣкогда же лисице на паству изъшедши орелже пищи и брашна не имѣꙗ слѣтѣвъ в кусты и лисицыны чада пожре со своими птенцы вкупѣ:· Лисица же пришедши и содѣянное видѣвши не токмо о смерти чадъ своихъ скорбяше еликоже о смерти || (л. 420) орлу не можаше ѿмстити земнаꙗ бо сущи птицу летающу гонити не возможетъ тѣмъ же издалеча ставъ еже убо и немощнымъ есть удобно сопротивника своего врага безчествуꙗ проклинаше не по мнозѣхъ же днехъ последи нѣкіи человѣцы козу на жертву принесоша богомъ своимъ жруще и слѣте орелъ с высоты и часть нѣкую со углиемъ горящимъ на высоту восхитивъ и ко птенцемъ свой в' гнѣздо принесе: вѣтру же зелну дышущу ꙗко ѿ того углиꙗ и пламени возгорѣвшуся орличища же ся сущи безкрылъ и лѣтѣти не могуще спекшеся и на землю нізпадоша лисица же сиꙗ вся видѣвши и к нимъ притече и радуяся предъ лицемъ орлимъ вся вкупе пожре:

Толкъ.

Притча ꙗвляетъ ꙗко и дружбу разорившие аще ли и обидимыхъ убѣгнутъ ѿ мщениꙗ ради обидимыхъ неможениꙗ но Божиꙗ ѿмщения праведнаго || (л. 420 об.) убѣгнути не могутъ:

Л. 420 об. в. Соловей і ꙗстребъ. Соловеи на древѣ сидꙗ и по своему обычаю поꙗше.... Толкъ.

[г.] Лисица і козелъ. Лисица: и козелъ жаждущіи и лезоша оба пити в кладезь... (*Л. 421*) Толкъ....

Л. 421 об. д. Лисица и левъ. Лисица: нѣкогда: невидѣвши льва, и понеже по некоему случаю срѣтесꙗ с нимъ на пути.... Толкъ....

е. Котъ і алекторъ. Котъ: нѣкогда: поима: алектора: со благословенною: сего виною и хоташе || его снѣсти....

Л. 422. Толкъ... Нѣкаꙗ лисица ѕлохитраꙗ [1]). Случисꙗ: нѣкое:

1) Безъ нумера, сверхъ порядка, что повторяется и далѣе нѣсколько разъ.

и лисице: впасти в сѣть и ѿсѣкписіа: ꙋ неи опп бе | и видѣ: лисица..

Л. 422 об. Толкъ... ѕ҃. Лисица и кꙋстъ. Нѣкогда· лисица: на тынъ вшедши и попо҆знꙋвшися: и ꙋпасти хотящи и призываше на помощь кꙋста...

Л. 423. Толкъ... з҃. Лисица и кордилъ. Лисица: и коркодилъ междꙋ собою бл҃городствіи: бѣседоваша: многаѧ...

Л. 423 об. То́лкъ... и҃. ʼАлекто́ръ ї пелепелица. (*Нач.*) ʼАлектора: нѣкто имѣ. в домꙋ: кꙋпи и пелепелицꙋ и со алекторы пꙋсти въ мѣсте пастисіа... То́л'къ... ѳ҃. Лисица. (Заглавіе это написано киноварью на полѣ). Лисица нѣкогда нѣкоего коцꙋнника· в домъ вшедши: сирѣчь скомороха (*л. 424*) и в'ся его сосꙋды ѡзрѣвши и о҆рѣтѐ у него̀ в домꙋ главꙋ харю хꙋдожественнꙋю содѣланнꙋю: юже: пріимъши. лисица: и рече: ѡсицеваіа: главо точию мозгꙋ и разꙋмꙋ· не иматъ... То́лкъ... [і҃]. Оу҆голникъ и сапожникъ. (*Нач.*) Оу҆голникъ: живыи: в нѣкоемъ дому моля же: и сапожника: да пришедъ вкꙋпе: поживетъ: с нимъ... Толкъ...

Л. 424 об. аі. Рыболовы. Рыболовы: нѣкогда влекꙋще мрежꙋ и тяжкꙋ емꙋ сꙋщꙋ радоваша͡ся. и плясахꙋ... Толкъ..

ві҃. Самомнитель. (*Нач.*) Нѣкто: самомнитель мꙋжь ѿше҃ на инꙋ странꙋ: по нѣкихъ же лѣтехъ паки пріиде во свою землю... *Л. 425.* Толкъ...

гі҃. Ни́щіи. — *Нач.* Мꙋжь: ни́щій болѣзнꙋіа: и҆ на о҆дрѣ: ѕ'лѣ лежаше... *Л. 425 об.* Толкъ...

ді҃. Мꙋжъ злоко́з'не҆ньи. *Нач.* Мꙋжъ нѣкто злокозненныи видѣлъ делѳы: и҆ пріиде ко аполонꙋ искꙋсити его хотя і въемъ воробья жива в рꙋкꙋ и сего ризою покры стоя близь ѡлталя и вопроси бога... *Л. 426.* Толкъ...

еі҃. Рыболовъ. *Нач.* Рыболовы на ловитвꙋ изше҃дше и понеже много время трꙋждашесіа и ничесоже іаша ѕѣло скорбахꙋ... Толкъ...

Л. 426 об. ѕі҃. Двѣ жабы. *Нач.* Нѣкие двѣ жабы во единомъ езере пасяхꙋся... Толкъ...

зі҃. Дровосѣкъ. *Нач.* Старыи нѣкто дровосекіи и на рамꙋ свою несыи понеже многіи пꙋть идыи и ꙋтрꙋдисіа. ʼИ сложи с себе дрова на землю и призываше пріити смерти дабы его взяла... *Л. 427.* То́лкъ...

иі҃. Ба́ба нѣкаѧ. *Нач.* Баба нѣкая болѣзнꙋющи и призва к себѣ врача и на мздѣ согласившися: аще ꙋбо исцѣлиши очи мои и азъ дам' ти мздꙋ... *Л. 427 об.* Толкъ...

ѳі҃. Мꙋжъ и пе́съ. — *Нач.* Мꙋжъ нѣкіи пришедъ ѿ зимы в пре҃-

градие жити и первѣе убо ов'цы снеде: Посемь же и козы пожре зимѣ же обдержащеи тогда и работъные волы снеде: ѱи же сие видѣвъше... *Л. 428.* Толкъ...

к҃. Мѹжъ и҆ пе́съ. *Нач.* Мѹжъ нѣкто ѿ пса оу҆грызенъ иже онъ хождаше искі́и врача: срѣте его инъ нѣкто... Толкъ...

Л. 428 об. к҃а. Два̀ дѣтища. *Нач.* Два мла҃нца при поваре сѣдяхѹ и поварѹ во своихъ емѹ дѣлехъ замѣливш ѹ мла҃нць единъ ѿ нихъ часть нѣкѹю ѹкраде... Толкъ...

к҃в. "Не́дрѹзи. — *Нач.* Нѣкие два недрѹзи междѹ собою: прихѹся: но токмо на единомъ кара҃лѣ плавяхѹ... *Л. 429.* То́лкъ...

[к҃г]. Вдова̀ и кѹ́рица. -+- *Нач.* Жена вдовица: имѣя у себя кѹрицѹ на всякъ день ıаица еи раждающи и помысли себѣ ıако... *Л. 429 об.* Толкъ...

[к҃д]. Ко́тъ с' мы́ши. -+- *Нач.* "Иконникъ в нѣкоемъ домѹ живяше. у него же котъ добрѣ изѹченъ на ло҃ и собравшимъся многимъ мышамъ ко҃ же сие разѹмѣвъ чесо ради собирахѹся и всякѹю ѿ нихъ поимаше задавивъ снѣдаше... *Л. 430.* Толкъ..

к҃е. 'Обез'ъяна. *Нач.* Нѣкогда в собранı́и безсловесныхъ звѣреи и посредѣ ихъ вшедъ пляса обезıяна... *Л. 430 об.* То́лкъ...

к҃ѕ. Вра́чь и҆ болный. -+- *Нач.* Нѣкı́и врачь болнаго врачеваше болномѹже умершѹ и рече врачь ко ѿносящимъ его на погребение: сеи чл҃вкъ бывыи аще бы ѿ виннаго питиıа ѹ҆держался и требовалъ бы калистировъ то не бы толь скоро ѹ҆меръ... Толкъ..

Л. 431. к҃з. Бо́бръ -+- *Нач.* Бобръ животное есть ч҃етвероножное: множице во езера живетъ... То́лкъ...

к҃и. Пе́съ с' по́ва҃. *Нач.* Песъ нѣкогда скочивыи в поварню поварѹ замедлившѹ во своихъ дѣлехъ песъ же восхитивъ сердце и побеже... *Л. 431 об.* То́лкъ...

к҃ѳ. Песъ і волкъ. *Нач.* Пред нѣкоимъ дворищемъ спяше песъ волкѹ же к немѹ пришедшѹ и хотıа его снѣсти и моляше песъ во҃лка... То́лкъ...

Л. 432. л҃. 'О п҃се і олек'торе. *Нач.* Пе́съ со алекторомъ дрѹ(ж)бѹ сотворише вечерѹ же сѹщѹ и алекторъ убо на древѣ спаше во҃злѣтевъ: песъ же при корени древа берлогъ и еговищо сотвори и о҆лекторъ по абычаю нощию во҃згласи лисица же... То́лкъ...

л҃а. 'О селде і о делѳинахъ рыбахъ. (*Л. 432 об.*). *Нач.* Селди гонимои ѿ делѳина велиею волною несомои и егда изымати: ся хотяше слѹчисıа зелнымъ течениемъ и спаде на нѣкı́и о҆стровъ... То́лкъ...

л҃в. 'О львѣ и жабе. *Нач.* Левъ нѣкогда ѹ҆слыша жабѹ ѕѣло вопиющѹ... Толкъ...

Л. 433. ͞лг. 'О львѣ ї ѡслѣ ї ѡ̃ лисице. *Нач.* Левъ ѡ̊селъ. лисица соѡ̈бщение др8ͫбы сотворше изыдоша на ловитв8 и мног8ю ловитв8 собравше... Толкъ. ✝...

͞лд. 'О львѣ ї ѡ̃ ме̑вѣде. ✝ *Нач.* 'Левъ и ме̑ведь вк8пе еленка малагѡ || ѡ̊брѣтше ѡ̊ немъ борях8ся и не мог8щи побѣдитися... *Л. 433 об.* Толкъ...

͞ле. 'О ворожее сирѣчь о воͯхвѣ. *Нач.* Вораͫбитъ на торжѣ сѣдꙗ и бесѣдоваше пришедъ же абие нѣкто к нем8 иͮвѣщеваше ем8 ꙗко въ его храминѣ двери сокр8шенны вся и окна и вся ꙗже вн8трь быша иͮнесенна... *Л. 434.* То́лкъ...

͞лѕ. 'О м8равлѣ ї гол8би́цѣ. *Нач.* 'М8равль возжада сошедъ на исто̑чникъ извлеченъ бысть течениемъ стр8ї утопаше... То́лкъ...

Л. 434 об. ͞лз. О кожа́ние и репью и чаике. *Нач.* Кожанъ репеи: и чаика др8жб8 сотворъше помысливше к8пецкое житие жити изволиша и убо кожанъ или нетопырь сребра взаимы вземъ положи̑ во ѡ̈бщин8: репеи же риз8 с собою земъ чаика же третия мѣдь и ѿплыша торговати во страны далече... То́лкъ...

Л. 435. ͞ли. О болꙗ́щемъ ї ѡ̃ враче. *Нач.* Болящїи же нѣкто: от врача вопрошенъ: бысть како пребысть болящїи же рече ꙗко ѕѣло на̑подобающее по тѣхъ... То́лкъ...

͞лѳ. 'О сек8щемъ дрова: ї о ермисе. *Нач.* Секїи нѣкто дрова: при рекѣ испаͯе ем8 секира с топарища в рек8... *Л. 436.* То́лкъ...

͞м. 'О ѡ̃слѣ ї ѡ̈горо̑нике. *Нач.* Ѡ̆селъ дѣлаꙗ 8 огородника понеже убо мало ꙗдꙗше много же тр8ждашеся моли зевеса... *Л. 436 об.* То́лкъ...

͞ма. 'О ловце и птице д8до̑. *Нач.* Ловецъ птицамъ составляше сѣти д8докъ же сеи издалеча видѣвъ вопрошаше его что убо сие созидаетъ... То́лкъ...

Л. 437. ͞мв. 'О п8тешественнице. *Нач.* П8тешественникъ многїи прешедъ п8ть молꙗшесꙗ ермис8 бог8: аще 8бо обрящетъ что половин8 сего на жертв8 обеща... То́лкъ...

͞мг. О дѣтище̑ ї матери̑. *Нач.* Дѣтище во 8чилище 8 со8чеnника своего: книжиц8 у̑краде принесъ | (*л. 437 об.*) к своеи м͞три...— То́лкъ...

Л. 438. ͞мд. 'О пастыре и море. *Нач.* Пастырь по брег8 морꙗ стада пасꙗше 8зрѣвъ тишин8 морск8ю: и полежавъ похотѣлъ плыти на к8пию и продаде ѡ̊вцы финиковъ к8пи̑ и поиде...—То́лкъ...

͞ме. 'О гр8ше ї ꙗблонѣ. *Нач.* Гр8ша и ꙗблань ѡ̊ красотѣ прях8сꙗ̑ многимъ же бранемъ по средѣ ихъ бывшимъ к8стъ крапивныи близъ плода с8щїи... *Л. 438 об.* То́лкъ.

м҃з. 'О кро́тѣ. *Нач.* Кротъ животно есть слѣпое рече убо нѣкогда к матери· смоковницꙋ вижꙋ по семъ паки рече...—То́лкъ.

Л. 439. м҃з. 'О шерстне ї пелепелице. *Нач.* Шерстни: и пелепелицы жаждею: содержими к дѣлателю земномꙋ прїидоша у него пити просѧще...—То́лкъ...

м҃и. 'О па́ве ї ѿ га́л'ке. *Нач.* Птицамъ хотящимъ сотворити се́|бѣ || (*л. 439 об.*) ц҃ря павꙋ себѣ похва́лиша и досто́на́ быти г҃люще...—То́лкъ...

м҃ѳ. 'О кꙋколѣ сир҃ѣ о зекзюле ї о лисице. *Нач.* Єдинственнаѧ птица кꙋкꙋлка́ или зокзꙋлка: дикаѧ на нѣкоемъ стоѧ древѣ и зꙋбы или носъ поѡщряше... *Л. 440.*—То́лкъ...

[н҃?] "О птице дꙋдокъ. *Нач.* Дꙋдокъ птица впасти пойманъ слезя г҃леше охъ мнѣ бѣднои и бе͛счастнои птице...—То́лкъ...

н҃а. 'О еленце маломъ. *Нач.* "Єленецъ нѣкогда к елению рече о҃че ты и болши и скорѣиши ѿ псовъ еси и раги паче сего прев͛рядныѧ носиши на оборонꙋ... *Л. 440 об.*—То́лкъ...

н҃в. 'О заицахъ и о жаба͛. Заицы нѣкогда соше͛шесѧ ме͛дꙋ собою свое ѡ҆плаковахꙋ житие ꙗко многаго страха житие и҆хъ и҆́полне͛но... *Л. 441.* То́лкъ...

н҃г. 'О ѿслѣ и ѿ конѣ. *Нач.* "Ѡселъ конѧ блажаше поне нещ͛ано и прилѣжно бысть кормленъ осе͛ же иногда соломы доволно имѣѧ...—То́лкъ..

Л. 441 об. н҃д. 'О сребролюбце. *Нач.* Сребролюбецъ нѣкто все свое имѣние в сребре собра сотвори златꙋю плитꙋ и на нѣкоемъ мѣсте в земли погребе...—То́лкъ...

Л. 442. н҃е. 'О гꙋсѣхъ и о жꙋровлѣ. *Нач.* Гꙋси и жаравли на единомъ поле пасяхꙋся...—То́лкъ...

н҃з 'О черепа́хе и҆ о҆р'ле́. *Нач.* Черепаха о҆рла молѧше дабы ю летати научилъ... То́лкъ...

Л. 442 об. н҃з. 'О бло́хѣ. *Нач.* Блоха же нѣкогда вскочивши на ногꙋ мꙋж сѣде: онъ же раклия бога на помощь призываше...—То́лкъ...

н҃и. "О еленнице *Нач.* "Єленица единемъ о҆комъ о҆слепленна́ прибрегꙋ морскомъ пасяшесѧ ибо здравы о҆комъ к' земли зрѧше ло͛цовъ блюдашесѧ... *Л. 443.* То́лкъ...

н҃ѳ. "О е҆ле́не ї ѡ҆ лвѣ. *Нач.* "Єлень ловцовъ бѣгающи в пещерꙋ въбеже лвꙋ же тамо по͛паде... То́лкъ...

Л. 443 об. ѯ҃. "О еле́не и҆ винограде. *Нач.* Єлени бѣгающи ѿ ловцовъ по҃ виноградомъ скрысѧ... То́лкъ...

ѯ҃а. "О о҆слѣ ї ѡ львѣ. *Нач.* "Ѡселъ нѣкогда со а҆лекторомъ

вмѣсте пасѧхꙋсѧ лвꙋ же напед'шꙋ на осла алекторъ возгласи... *Л. 444.* То́лкъ...

ді҃а. ˈО ѡ̈горо́никѣ ї о псѣ. *Нач.* ˈѠгоро́никовъ песъ впаде в кладезь о̀горо́никꙋ же хотѧщꙋ его оᵀтоле извлещи сниде и самъ в' стꙋденецъ... *Л. 444 об.* То́лкъ...

ді҃в. ˈО па́стыре ї' во́лке. *Нач.* Пастырь малого скимна волчѧ о̀брѣте и веемъ с собаками вкꙋпѣ питаше... *Л. 445.* То́лкъ....

ді҃д. ˈО лвѣ ї о̀ в'олкѣ. *Нач.* Левъ состарѣвсѧ и болѣзнꙋѧ лежаше в пещерѣ прїидоша всѣ звѣрие̑ посѣщающе Црѧ кромѣ: лисицы̑... *Л. 445 об.* Толкъ...

[ді҃е]. ˈО женѣ ї ѿ мꙋжѣ пьѧнице. *Нач.* Жена нѣкаѧ мꙋжа пьяницꙋ имѣ его же сию ѕлꙋю страсть ѿменити хотѧше сице... *Л. 446.* Толкъ...

Л. 446 об. ді҃з. ˈО лѐбеди и̓ гꙋсе.-+- *Нач.* Мꙋжъ нѣкто богатыи гꙋсѧ вкꙋпѣ и лебѧдѧ кормѧше...—Толкъ...

ді҃з. ˈО ѐоно́плянине.—*Нач.* ˈЄѳїоплѧнина нѣкто кꙋпи сицевый его (*л. 447*) о̀браᵉ мняше быти прежнягѡ ради нерадѣния...—То́лкъ...

Л. 447. ді҃и. ˈО ла́стовице ї о̀ воро́не. *Нач.* ˈЛастовица с вороною о̆ красотѣ пряхꙋсѧ... То́лкъ...

Л. 447 об. ді҃ѳ. ˈО пти́це по́кропивнїце.-+- *Нач.* По̑кропивница с нѐкосего ѡ̈кна висѧше нетопырь же пришедъ вопрошаше вины чесо ради во дни убо в моᵃчанїи пребываетъ нощию же поетъ... То́лкъ...

о҃. ˈО же̑вї сирѣ̑ ѿлима̑ ї ѿрочищи. *Нач.* Земледелателевъ о̀трочищъ печаше слимаковъ на ꙋглие услышав' же ихъ ласкающихъ на ѡ̈гни и рече... То́лкъ...

Л. 448. о҃а. ˈО же́нѣ и̓ ѿ ра́быня́хъ. *Нач.* Жена вдовица люботрꙋдиваѧ сꙋщи и рабыню имѣющи и сихъ обыче нощию на дѣло возбꙋжати преже даже не возгласѧтъ алектори... То́лкъ...

Л. 448 об. о҃в. ˈО женѣ волхвѣ. *Нач.* Жена воᵃхвꙋющи гнѣвы и ѧрости бж҃ия пременити обѣщевающаѧ и много лѣтъ проживе сию дарѧщи и корысть ѿтꙋдꙋ имѣющи... То́лкъ...

о҃г. ˈО ко́шке и̓ пилѣ.-+- (*Л. 449*). *Нач.* Кошка вшедъ в'дѣлателницꙋ или в кꙋзницꙋ котелника и тамо лежащꙋю пилꙋ желѣзнꙋю лизаше ѧзыкомъ... То́лкъ...

о҃д. ˈО земледѣлатели. -+- *Нач.* Земледѣлатель нѣкто копаѧ землю ѕлато обрѣте... *Л. 449 об.* То́къ.-+-...

о҃д. ˈО двою пꙋтешественницѣ̑. *Нач.* Два нѣкїи по единомꙋ пꙋти шествꙋюще единомꙋ о̑ нихъ секирꙋ оᵖрѣтшꙋ... То́лкъ...

о҃з. ˈО двою́ жа́бахъ. *Нач.* Двѣ убо жабы с собою сосѣдствꙋю-

щи (*л. 450*) пасяхꙋ же сѧ убо во глꙋбоцемъ и далечаишемъ ѿ пꙋти езера... То́лкъ...

о҃з. 'О пасечникꙋ сирѣ̑ о̉ пчѐникꙋ. *Нач.* В пасекꙋ или во пчелникꙋ нѣкто тать вниде стяжателю же сеѧ пчѐницы нѣгдѣ ѿшедшꙋ и несꙋщꙋ ме̑ с воскомъ... *Л. 450 об.* То́лкъ...

о҃и. 'О пиѳике сирѣчь о̉ ѡ҆бе'зѧне и о де'ѳине рыбе. — *Нач.* Н'равъ бѧше нѣкихъ плавателей и морскихъ мелетїнскихъ щенѧ'. и пиѳиковъ в корабли имѣти утѣшениѧ ради корабленнаго обыкоша пловыи же нѣкто имѣ с собою и пиоика... *Л. 451.* То́лкъ...

о҃ѳ. 'О мꙋхахъ. *Нач.* В нѣкоторомъ сокровище сотꙋ мѐвяномꙋ пролив'шꙋсѧ налетѣв'ше мꙋхи ѧдяхꙋ... *Л. 451 об.* Толкъ...

п҃. 'О е̉рми́се бо́ге ї о и̉до́ле твор'це. — *Нач.* 'Єрмисъ разꙋмѣти хотѧ в какои е̉сть чести у̉ чл҃вковъ прїиде ко идотворцꙋ преображся во чл҃вческїи о̉бразъ и у'рѣвъ идола зевеса вопрошаше продающаго... *Л. 452.* Толкъ...

п҃а. 'О ермисе: и̉доле і̉ о̉ тири́се во'хвѣ: *Нач.* 'Єрмисъ хотѧ тересиево волшество искꙋсити аще праведно есть украде самъ изнивы своеѧ волны пришедъ к тересию... *Л. 452 об.* То́лкъ...

п҃в. 'О двою̑ псахъ. *Нач.* 'Имѣѧи нѣкто два пса единого ꙋбо ловити наꙋчи дрꙋгаго же хранити двора... *Л. 453.* То́лкъ...

п҃г. 'О ко́злѣ і̉ о̉ во́лке. *Нач.* Козелъ о̉ставшисѧ о' стада гонимъ бысть волкомъ во'вращьсѧ к во'кꙋ рече о волче понеже познахъ ѧко твое есть брашно... *Л. 453 об.* То́лкъ...

п҃д. 'О реке и̉ лиси́це. *Нач.* Ракъ и' морѧ и'шедъ на нѣкоемъ посѧсѧ мѣсте лисица же гл҃ка сꙋщи ѧко ꙋвидѧ его пришедши земъ... То́лкъ...

Л. 454. п҃е. 'О татехъ. *Нач.* Тати вшедше в домъ нѣкїи ничто же не обрѣтоша точию алектора... То́лкъ...

п҃ѕ. 'О во́ронѣ и в'ра́нѣ. *Нач.* Ворона во'ненавидѣвши вранꙋ нача' чл҃вкомъ во'хвовати... *Л. 454 об.* То́лкъ...

п҃з. 'О воронѣ ї о псѣ. + *Нач.* Ворона аѳине богине жертвꙋ приноплающи и пса на обѣдованиe призываше... *Л. 455.* Толкъ...

п҃и. 'О вранѣ и змїи. Вранъ брашна не имѣя ꙋзрѣ на нѣкоемъ сл҃нчномъ мѣсте ѕмию спящꙋ сего налетѣвъ восхити... Толкъ...

п҃ѳ. 'О га́лке и̉ голꙋбице. *Нач.* Галка в нѣкоемъ голꙋбникꙋ голꙋби видѣвши добрѣ питаемыѧ ꙋбѣли̑шїсѧ прїиде... *Л. 455 об.* Толкъ...

ч҃. 'О га́лке. *Нач.* Галкꙋ нѣкто поимавъ и свѧзавъ ю *(л. 456)* мꙋтовозомъ своемꙋ даде отрочате... То́лкъ...

ч҃а. 'О ермисе ї́доле ї ожїи. *Нач.* Зевесъ ермисꙋ повелѣ всѣмъ

хѸдоⷤникомъ зелие лжи сотворивъ влити и ермисъ сотворивъ и мѣрѸ сего постави... *Л. 456 об.* То́лкъ...

ч҃в. ʼО зевѐсе ї ѿ с'ра́мѸ.—*Нач.* Зевесъ соз'давыи ч҃лвки и у̓бо всѧ̑ состави обычаѧ и нравы имъ вложи единаго точию стѸда вложити в нихъ позабы: ради сего поне не имѣ оᵗкѸдѸ срамъ... *Л. 457.*— То́лкъ....

ч҃г. ʼО зѐвѐсе ї̓до́ле и̓ о̓ жѐлви̓: *Нач.* Зевесъ браки творѧ: всѣхъ животъныхъ: при̓ва... То́лкъ....—

ч҃д. ʼО во́лкѣ̓. и̓ о̓вцѣ̓.—(*Л. 457 об.*) *Нач.* Волкъ оᵗ псовъ угрызенъ и ѕлѣ стража... То́лкъ.... —

ч҃е. ʼО заицахъ и ор'лаˣ. — *Нач.* Заицы нѣкогда воюющесѧ со ѡрлы призывахѸ и лисицъ на помощъ... То́лкъ. ✛....

Л. 458. ч҃ѕ. ʼО пти́цѐ Алки́онѣ̓ при мо́ри жи́вѸ̓щей. *Нач.* ʼАлкионъ птица есть любо пѸстыннаѧ присно при мори живѸщаѧ̑ и сию г҃лютъ: ч҃лвческаго ѕловления блюдѸщѸю сѧ... То́лкъ.... —

Л. 458 об. ч҃з. ʼО ры́боловѣ.✛ *Нач.* Рыболовь на нѣкоей рецѣ ловяще роспростерши сѣти... То́лкъ.... —

Л. 459. ч҃и. ʼѠ ло́вцѐ п'ти́чнѡ̑ ї о̓ ѐхи̑не. — *Нач.* ʼЛовець птичеи и ловъ вземъ и тростиѧ на ловитвѸ изыде... То́лкъ. ✛....

ч҃ѳ. ʼО мѸра́вле. ✛ *Нач.* МѸравль иже н҃нѣ преже сего ч҃лвкъ былъ. землѣделательствѸ присно прилежа... *Л. 459 об.* То́лкъ....

р҃. ʼО ка́мо́рѣ ї ѿ лвѣ̓. — *Нач.* Комаръ пришедъ ко львѸ рече ни же боюсѧ тѧ... *Л. 460.* То́лкъ....

р҃а. ʼО гѸ̓сени си̓ рѣчь о̓ нетопырѣ̓ ї о̓ ко́шке. ʼНетопырь на землю па̑ши котомъ поимаⁿ бысть... То́лкъ. ✛ ....

Л. 460 об. р҃в. ʼО пѸтешественницехъ. *Нач.* ПѸтешественницы при нѣкоемъ брегѸ морскомѸ идѸще приїдоша на нѣкое мѣсто видѣти... То́лкъ....

Л. 461. р҃г. ʼО ѿслѣ̓ ди́виемъ. *Нач.* Ѿселъ дивїи о̓слѧ увидѣ домашняго в нѣкоемъ хлѣвѸ пришедъ б҃лжаше его... То́лкъ. ✛....

ʼО ѿслѣхъ, ї о̓ зевесе. *Нач.* р҃д. ʼѠслы нѣкогда во еже частыми бремены б҃лⷭ҇ствѸюще послаша послы̓ къ зевесѸ... *Л. 461 об.* То́лкъ....

ʼО о̓ᵗлѣ̓ и̓ о̓ лиси́це. *Нач.* р҃е. ʼОселъ о̓дѣѧсѧ лвовою кожею приходѧ̑ше ї̓ и̓наѧ животнаѧ Ѹстрашиваѧ и Ѹзрѣвъ лисицѸ: покѸсисѧ и сию у̓страшити... То́лкъ....

ʼО о̓слѣ̓ ї̓ о̓ жаба́хъ. *Нач.* р҃ѕ. ʼОселъ дрова несыи и приходѧ нѣкое оѕеро поползся впаде в' езеро... То́лкъ....

Л. 462. ʼО п'сѣ̓ и̓ о̓ лиси́це. ✛ *Нач.* р҃з. ʼОселъ и̓ лисица соѡᵇщение соᵗворише дрѸⷢ ко дрѸгѸ изыдоша на ловитвѸ.. (*Л. об.*) То́лкъ...

ˮО кꙋрице и ластовице.—*Нач.* р҃и. Кꙋрица змеиные яица обрѣтши прилѣжно загрѣвающи ихъ и᷾сидѣ... Толкъ....

ˮО вер'блюде.—*Нач.* р҃ѳ. ˮЄгда перьвие верблюдъ явися ч҃лвцы ꙋбоящася и о᷾ величества его ꙋдалишась бѣгаша.... *Л. 463.* Толкъ....

ˮО ѡр'ле і ѡ заице.+ *Нач.* р҃і. ˮНа камень орелъ сидяше заица ꙋловити искіи его же нѣкто ꙋбивъ стрелою постреливъ... Толкъ....

ˮѠ з'мій.+ (*л. об.*) р҃аі. Змеи многими мꙋжми попираемъ мо зевесꙋ: зевес же к немꙋ рече...

ˮО гꙋлꙋбице. р҃ві. Голꙋбица жаждею содержима сꙋщи у᷾рѣ на нѣкоемъ мѣсте чашꙋ воды...—Толкъ....

р҃гі. ˮѠ голꙋбицѣ і воронѣ.—*Нач.* Голꙋбица в нѣкоемъ голꙋбникꙋ питаемая о многочадіи по᷾валяшеся... *Л. 464.* Толкъ....

ˮО багатомъ і ѡд҃щеръ.+ р҃ді. Богатый двѣ дщери имѣя и единои умерши сѣтовалницъ наня᷾ второи же дщери г҃лаше... Толкъ....

Л. 464 об. р҃еі. ˮО пастыре. *Нач.* Пастырь гоняше в нѣкіи лѣсъ ов'цы распростре по дꙋбомъ ризꙋ свою... Толкъ....

ˮО рыболове и о рыбице смари. *Нач.* р҃ѕі. Рыболовъ сѣть вве᷾гши в море и᷾влече смаридꙋ рыбицꙋ... *Л. 465.* Толкъ....

р҃зі. ˮѠ конѣ і ѡслѣ.—*Нач.* Ч҃лвкъ нѣкто имѣ коня и осла идꙋщимъ же имъ пꙋтемъ рече оселъ коню возми о᷾ моего бремени аще хощеши имѣти мя цѣла... Толкъ....

(*Л. об.*). ˮѠ ч҃лвце і ѡ дивиемъ мꙋжи о сатырѣ. *Нач.* р҃иі. Ч҃лвкъ нѣкто съ сатыремъ дрꙋжбꙋ и любовъ сотвори и бысть яде с ни зимѣ же и мразꙋ сꙋщꙋ ч҃лвкъ рꙋце сво᷾ согрѣваше принесе ко ꙋстомъ дыша сатырь же вопроси... Толкъ....

Л. 466. ˮО конике. сирѣчь. о кꙋзнѣчике і ѡ мꙋровлѣ. *Нач.* р҃ѳі. Во время осени и зимы и пшеницамъ поспѣвшимъ мꙋравли же зимою о᷾ трꙋдовъ своихъ питашася коники же гладомъ ꙋмирающе... Толкъ....

ˮО черви і ѡ лисице.—(*Л. об.*). *Нач.* р҃к. В гнои крыющіися червь на землю пришедъ г҃лаголаше всѣмъ животнымъ врачь есмь и зелия врачевския свѣмъ подобенъ есмь естествомъ пионꙋ б҃жиемꙋ врачю...—Толкъ....

ˮО кꙋрице златоро҃нои. *Нач.* р҃ка. Кꙋрицꙋ нѣкто имѣ и яица златые родящꙋю... Толкъ....

Л. 467. ˮО львѣ и о лисице.—*Нач.* р҃кв. *Нач.* Левъ состарѣвся и не могіи исходити на ловитвꙋ собирати себѣ пищи помысливъ и разꙋмѣвъ сице сотворити... (*Л. об.*). Толкъ...

ꙿО бáбе ї ȯ вóлке. *Нач.* ркг. Волкъ гладенъ сыи обхождаше искїи і пищи: и пришедъ на нѣкое мѣсто услыша дѣтище плачющее и бабѹ к немѹ глгющѹю отроча престани плакати... Тóлкъ...

Л. 468. Ѡ мѹлѣ сирѣчь ѻлїне сыне. *Нач.* ркд. Мѹлъ ꙗчмени насыщьсꙗ ото̀стѣ скакаше вопиꙗ... Толкъ...

'Ѡ ѕмиї и̇ ѿ землѣ дѣлателѣ. *Нач.* рке. Ѕмиї предраты земле дѣлателꙗ гнѣздо изви и ѹгрызе дѣтище его... *Л. об.* Тóлкъ....

ꙿО трѹб'нике. *Нач.* ркѕ. Трѹбникъ полки собираꙗ поиманъ быти о̑ сопротивныхъ вопияше не ѹбїите мене о мѹжие всѹе неповиннаго... Тóлкъ....

Л. 469. ꙿО трóсти и̇ ȯ мáсличнѐ. ркз. ꙿѠ терпѣнїи и о кротости трость и масличина беседоваше... Тóлкъ....

ꙿО вóлкѣ ї ѡ̇ жáрав'лѣ. — (*Л. 469 об.*) рки. Волкѹ в шее кость ѹвя̑не жеравлю маѹ дати обеща аще главѹ свою вложь кость из шеи и̑влече̑ и жеравль на мздѹ долгою своею шеею извлекши кость от злѣ стражд̂ѹщаго волка мзды прошаше волкъ же во̑смѣявся и зѹба(м)и стискаꙗ рече довлѣетъ ти (...)иꙗ мзда едина ꙗко о̑ вольчьихъ ѹтъ и зѹбовъ всеꙗдныхъ изнеслъ еси главѹ свою цѣлѹ ничтоже не пострадавъши: · ✝ Тóлкъ...

ꙿО алекторехъ. рко. Два алектора о кѹрица̑ браняхѹсꙗ и единъ дрѹгаго бивъ ѻтогна и на мѣсте тѣмнемъ скрысꙗ о̑ше Побѣдивыи же на ве̑хъ во̑лѣте и на высоко̑ стенѣ ставъ велегласно возгласи ѻрелъ же налетѣвъ и абие сего восхи|ти. || (конецъ страницы и листа 469).

На этомъ обрывается текстъ сборника басенъ Езопа.

Л. 470. Слѣдующіе 3 листа (470—472) писаны на бумагѣ гораздо толще предыдущихъ и особымъ почеркомъ блѣдными расплывающимися чернилами.

Азбѹковникъ: или предисловїе, доб'ролюбе̑наго читателя: имѹщъ имена и чинъ. повелительство и писательство. Послѣ этого заглавія идутъ двоестрочныя вирши: (*Нач.*) Аще бы кто и всю послѣнчнѹю смотреньми хѹдожествъ обш(ед)ъ...

На л. 472 об. читается:

б б б б: Бичъ. бж̃їи. бїетъ. бѣсы:
в в в в Велїе. веселїе. в раи. входъ:
г г г г Глава. горнїи. гонитель. годымъ:
д д д д древо. добро. досада дїаволѹ:
ж ж ж ж живо̑. жизненъ. живо̑. живымъ.
з з з з знаменїе. земнымъ. знаменѹетъ залогъ:
к к к к кртиля. крѣпость. константинѹ к вѣрѣ:

л л л л лютаго. люципера. люто. ломитъ:
м м м м многи͠и. милосердїемъ. милꙋетъ. много:
н н н н нощъ. невѣдома. несвѣтла. невѣрнымъ:
п п п п па́ки. па́даетъ. поклоняющъ. породꙋ:
р р р р радость. родꙋ. ранами. рождаетъ:
с с с с слово. спасаетъ. сего. славящихъ:
с с с с спс҃ъ. сотвори. сѣть. сатанѣ:
т т т т творецъ. твари. тернїе. терпитъ:
х х х х херꙋгви. хр҃това. хвала. хр҃тїаномъ:
ц ц ц ц цр҃кви. цвететъ. цвѣто҃. цр҃кимъ:
ч ч ч ч честь. человѣкомъ. честно. чтꙋщимъ:
поведоша гд҃а на распятїе мꙋжеи пѣшихъ было
легеонъ. х҃ч. чл҃къ. стрѣлцовъ. х҃. кꙋстодѣевъ ѕ҃. мꙋжеи
тꙋрчанъ. т҃. распяша гд҃а на востокъ. лицемъ.
ꙋдарилъ гд҃а в ланитꙋ. именемъ фалсатъ. раб
каїафинъ родомъ латынянинъ. проболъ гд҃а в ребра. лавасъ воинъ ||

Этимъ оканчивается весь сборникъ.

Какъ весь Архивный рукописный сборникъ, такъ и собранiе пословицъ, въ немъ помѣщенное, не имѣютъ при себѣ точныхъ отмѣтокъ времени написанiя, даже болѣе, мы нигдѣ не встрѣчаемъ вообще старинныхъ отмѣтокъ бывшихъ владѣльцевъ рукописи, столь обычныхъ на рукописныхъ книгахъ подобнаго состава. А такая рукопись, какъ настоящiй сборникъ, съ столь рѣдкимъ, разнообразнымъ и любопытнымъ содержанiемъ, какъ и можно ожидать, должна была имѣть и дѣйствительно имѣла многихъ и даже не поверхностныхъ, а усердныхъ читателей: въ сборникѣ пословицъ мы видимъ разновременныя приписки пропущенныхъ пословицъ, дополненiя къ тексту и выправки сего послѣдняго. Слѣдуетъ, кажется, думать, что весь сборникъ только въ самое недавнее время былъ переплетенъ, а ранѣе обращался среди читателей безъ переплета, и потому то 1-ый, заглавный листъ рукописи такъ закопченъ и загрязненъ.

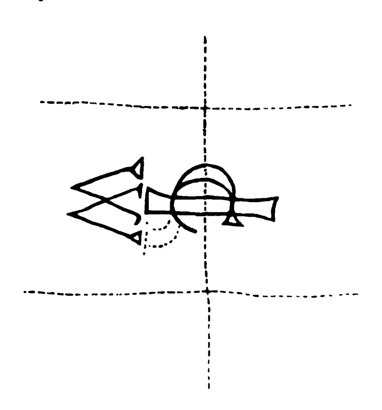
Нашлись все-таки въ разныхъ тетрадяхъ нашей рукописи нѣкоторыя намеки на *указанiя времени*: 1) на л. 80 (см. у насъ стр. 12) отмѣченъ годъ ҂зр҃пд (7184) отъ С. М. и ҂ах҃оѕ (1676) отъ Р. Х.—это дата составленiя Симеономъ Полоцкимъ Гласа послѣдняго ...В. Г. Цр҃я и Вел. Кн. Алексiя Михайловича, 2) на л. 118 обор. (у насъ см. на

Къ стран. 65 и 66.

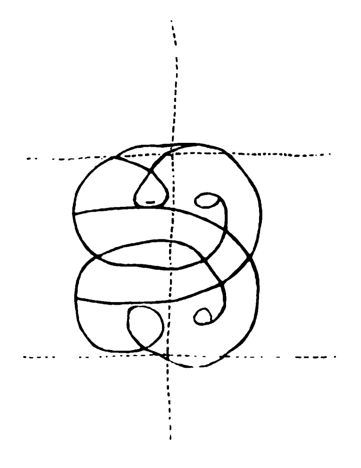
ИЗОБРАЖЕНІЯ

заводскихъ клеймъ на бумагѣ рукописнаго сборника Архива Мин. Иностр. Дѣлъ XVII-го столѣтія (№ 250/455).

Чертежъ 1-ый (къ стр. 65).



Чертежъ 2-ой (къ стр. 66).



стр. 12) важная запись тонкимъ изящнымъ почеркомъ: ,зсг (т. е. 7203 г. = 1695 г.), 3) на л. 213 (у насъ см. на стр. 15) указаніе на 7150 г. = 1642 г. не имѣетъ для насъ значенія, и 4) на л. 295 (у насъ см. на стр. 20) ,зс (т. е. 7200 г. = 1692 г.). Изъ всѣхъ этихъ 4-хъ указаній болѣе для насъ цѣнны 2-е и 4-е, т. е. указаніе на 1692—95 годы.

Обратимъ теперь свое вниманіе на то, къ какому времени относится *бумага*, на которой писаны различныя статьи сборника вообще и особенно тетради собранія пословицъ и предисловія къ нимъ.

При пересмотрѣ листовъ рукописи нами отмѣчено до 7 видовъ *бумажныхъ водяныхъ знаковъ*, при чемъ двухъ изъ нихъ нѣтъ въ таблицахъ, приложенныхъ къ извѣстному справочному труду Н. П. Лихачева «Бумага и древнѣйшія бумажныя мельницы въ Московскомъ государствѣ» (Спб. 1891 г.), — и кромѣ того большое число листовъ оказалось безъ знака. Бумага съ означенными 4 знаками по Лихачеву относится къ 1681—1697 г.г.

Все разнообразіе видовъ бумаги, встрѣчающейся въ Архивномъ сборникѣ, распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

1) На л.л. 1. 7. 9. 14. 15. 33. 35. 36. 38. 42—5. 48. 49. 54—7. 59. 60. 62—4. 66. 69. 71. 72. 75—7. между (79) и (80) два листа; 82—5. 88. 89. 94—100. 103. 104 (накл.). 105. 106. 108. 112—115. 118. 149. 150. 2 чистые л.л. послѣ (151-го), 152. 153. 158. 159. 161. 163. 166. 168. 170. 173. 176. 178. 179. 181. 183. 188. 190—5. 197 (сѣрая непрозрачн. бумага). 202. 203. 206. 207. 210—212. 217. 218. 221. 222. 226. 227. 230. 231. 233. 238. 241—4. 247. 248 (толстая). 251. 252. 254. 256. 257. 258. 263—6 (сѣрая). 276. 284. 305—9. 312. 313 (обрывокъ). 317. 318. 321 (гравиров. отд. л.). 326. 328. 329. 331—4. 337. 338. 343. 344. 346. 347. 350. 351. 354. 355. 358. 359. 361. 362—370. 372. 373. 376. 379. 380. 381 (бѣл. л. между л.л. 382—3). 384. 385. 388. 389. 394. 395. 397. 399. 400. 405. 406. 408—11. 415. 418. 423—6. 429. 431. 432. 434. 437—440. 443. 444. 449—452. 457—61. 464—7. 471—*бумага безъ всякаго знака*.

2) На л.л. 2. 5. 17. 19. 20. 22. 24. 31. 32. 34. 37. 39—41. 46. 47. 50—3. 58. 61. 65. 67. 68. 70. 121—4. 129—132. 137 (138). 141. 277. 278. 283. 286—9. 293—6. 301—3 и слѣдующій одинъ пустой листъ — бумага имѣетъ неизвѣстный знакъ. Рисунокъ его см. на отпечатанномъ у насъ чертежѣ подъ № 1.

3) На л.л. 3. 4. 10—13. 16. 18. 21. 23. 25. 26. 29. 30. 119. 120. 125—8. 133—6. 138—140. 142—7. 279—282. 290—2. 297—300 и

1 бѣл. л. передъ л. 304. 470 и 472 — знакъ бумаги ср. у Лихач. на табл. 66: № 502=7193—4 г., т. е. 1685—6 г. (голл. бум.),

4) На лл. 73. 74. 79 (со знакомъ Е. Р.). 154—7. 160. 162. 164. 165. 167. 169. 171. 172. 174. 228. 229. 234. 235—7. 239. 240. 245. 246. 249. 250. 253. 255. 258. 260—2. 267. 268. 285. 314—6. 319. 320 и слѣд. 1 бѣлый листъ—знакъ бумаги ср. у Лихач. на табл. 66: № 500 = 1681 г. (голл. бум.).

5) На лл. 80. 81. 86. 87. 90—3. 96. 101. 102. 104. 107. 109 и наклейка. 110. 111. 116. 117. 148. 151 и слѣд. два пустые листа (передъ 152 л.), 175. 177. 180. 182. 184. 185—7. 189. 196. 204. 205. 208. 209. 219. 220. 223—5. 232. 304. 305. 310. 311. 322—5. 327. 330. 335. 336. 339—42. 345. 348. 349. 352. 353. 356. 357. 360. 371. 374. 375. 377. 378. 382. 386. 387. 391—3. 396. 398. 401—4. 407. 412—14. 416. 417. 419—22. 427. 428. 430. 433. 435. 436. 441. 442. 445. 446. 447. 448. 453—6. 462. 463. 468. 469—находится водяной знакъ, котораго нѣтъ въ таблицахъ снимковъ при отмѣч. книгѣ Н. П. Лихачева. Глубокоуважаемый авторъ этого важнаго и драгоцѣннаго для изслѣдователей труда, когда мы обратились къ нему съ просьбою взглянуть на этотъ знакъ бумаги, любезно исполнилъ нашу просьбу и сообщилъ намъ слѣдующее: «бумага съ знакомъ, котораго у меня нѣтъ — *вензель* изъ нѣсколькихъ буквъ. По качеству — бумага несомнѣнно XVII вѣка *исхода*. Въ крайнемъ только случаѣ можетъ быть первыхъ лѣтъ XVIII в.» Рисунокъ его см. у насъ на чертежѣ 2.

6) На лл. 198—201. 213—6. 270—5 сѣроватая бумага съ знакомъ изъ двухъ фигуръ и надписью, типъ—papier à la mode; ср. у Лихач. т. 101, № 683: 1697 г.

и 7) На лл. 383 (гравированный отдѣльный листъ) и 390— знакъ ср. у Лихач. табл. 72: № 554, относ. къ 1686 г. (русск. бум.).

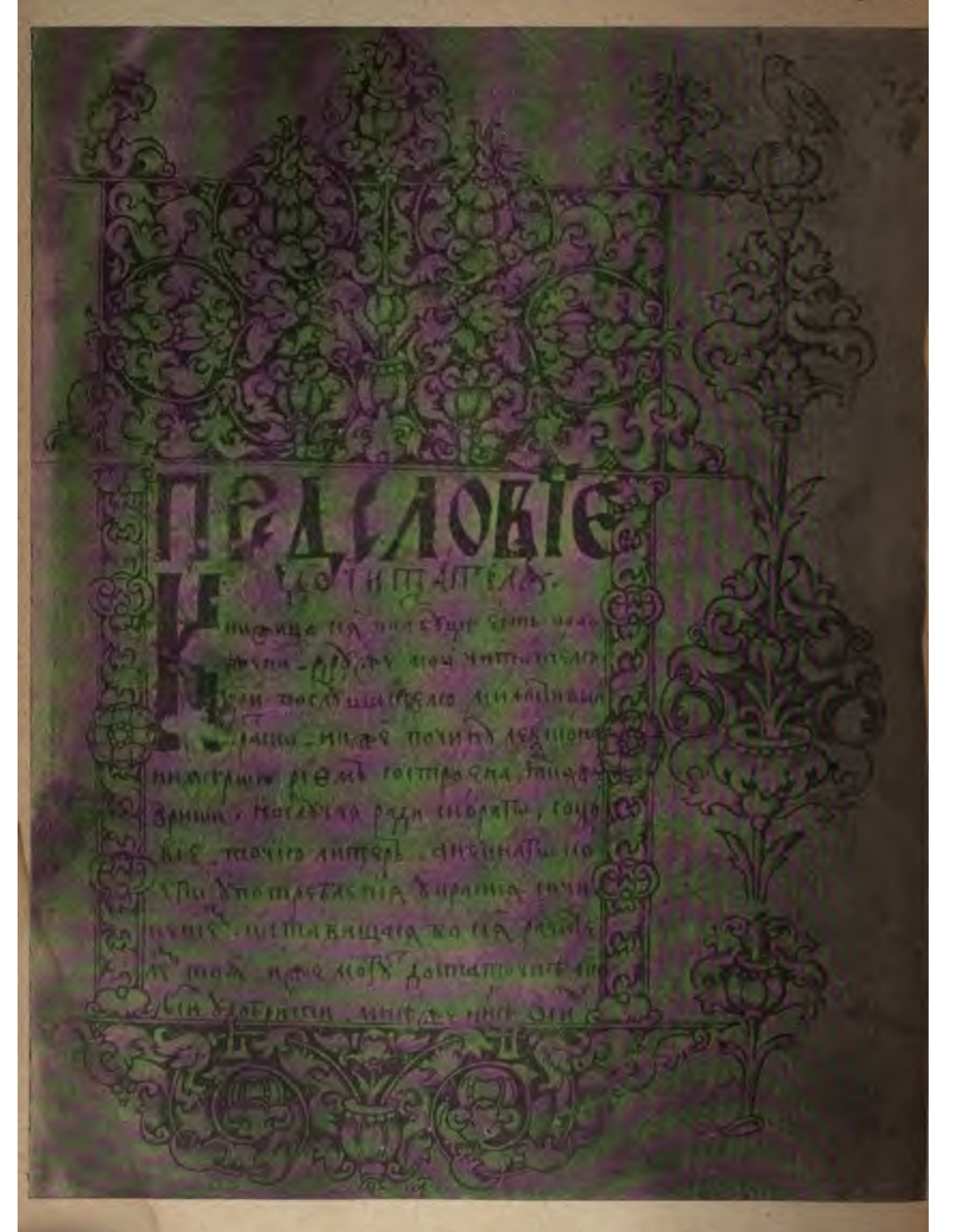
Еще И. М. Снегиревъ въ введеніи къ указанной выше его книгѣ «Русск. нар. пословицы и притчи» (1848 г.) на стр. XXXVI высказалъ слѣдующее соображеніе *объ авторѣ* помѣщеннаго въ Архивномъ сборникѣ собранія русскихъ пословицъ и любопытнаго предисловія къ нему: «судя по тому, что сборникъ содержитъ въ себѣ, большей части, статьи Симеона Полоцкаго, можно съ вѣроятностію заключать, что и Русскія пословицы заимствованы симъ же ученымъ монахомъ XVII в. изъ сборниковъ XVI вѣка; самый слогъ предисловія сходенъ съ слогомъ его сочиненій». Но впослѣдствіи онъ, какъ увидимъ ниже, отказался отъ такого заключенія.

Ѳ. И. Буслаевъ въ обѣихъ своихъ книгахъ, въ которыхъ онъ

касался Архивнаго сборника, не останавливался на вопросѣ, кому могъ принадлежать Архивный сборникъ и кто составитель собранія русск. пословицъ и предисловія къ нему. Тотъ же Снегиревъ въ одномъ изъ своихъ позднѣйшихъ трудовъ—въ книгѣ «Лубочныя картинки русскаго народа въ Московскомъ мірѣ» (М., 1861 г.) въ отдѣлѣ «Простонародныя притчи, побаски, сатиры и вообще балагурныя картинки, или каррикатуры», останавливаясь на вопросѣ объ источникахъ лубочной картинки «Мыши кота погребаютъ», говоритъ (стр. 130—131): «Еслижъ первообразъ естампа Погребеніе кота мышами былъ не Русскій, а иностранный и заимствованъ изъ Нѣмецкихъ потѣшныхъ листовъ въ XVII вѣкѣ: то въ немъ удержаны только однѣ общія черты первообраза, такъ что онъ вышелъ переработаннымъ въ чисто національныхъ формахъ, примѣненныхъ къ отечественнымъ событіямъ; потому что всѣ надписи и нѣкоторыя подробности прямо Русскаго содержанія. Достовѣрнѣе же это небылица, перелицевка, издавна ходячая въ народѣ и записанная въ концѣ XVII, или въ началѣ XVIII вѣка; на нее указываетъ старинная притча: «*И кота мыши волокутъ на погостъ*». На той же страницѣ въ выноскѣ 77 къ этому мѣсту у него читаемъ: «Повѣсти, или пословицы всенароднѣйшія по алфавиту: въ Сборникѣ скорописномъ, въ 4, по примѣтамъ, Каріона Истомина, гдѣ означенъ на 80 л. 1690 годъ. Въ главн. Архивѣ М. и. д.» (Листъ Архивной рукописи не вѣрно обозначенъ у Снегирева; но вообще онъ имѣлъ въ виду одну изъ числа 4-хъ, указанныхъ нами выше, отмѣтокъ года въ рукописи).—Д. А. Ровинскій въ V книгѣ своихъ «Русскихъ народныхъ картинокъ» (Спб. 1881 г. въ томѣ XXVII Сборника Отдѣленія русск. яз. и словесн. Импер. Акад. Наукъ, на стр. 155—6) высказалъ мнѣніе, что «наша картинка, чисто русское произведеніе, ни откуда не заимствованное, — вполнѣ оригинальное произведеніе народнаго буффа, въ которомъ всѣ подробности взяты прямо изъ русскаго обихода». Въ выноскѣ 118 къ этому мѣсту онъ отмѣчаетъ, очевидно, со словъ Снегирева, и притомъ допуская еще большія неточности: «самый мотивъ картинки вѣроятно заимствованъ изъ старинной пословицы: «и мыши на погостъ кота волокутъ», которая записана и въ тетрадь пословицъ Каріона Истомина (1690 г. въ Погодин. Собр.)».

Приводя себѣ на память перечень статей, введенныхъ въ Архивный сборникъ—повѣсти изъ Римскихъ дѣяній (л. 1—72), Гласъ послѣдній... Симеона Полоцкаго (л. 80), Стоглавникъ Θеодора, еп. Едесскаго (л. 119), Чинъ монашескаго житія (л. 138), образцы писемъ

преимущественно въ виршахъ, разныя выписки и проч. (л. 174 об.), посланія препод. Максима Грека, Повѣсть о хмельномъ питіи со вставками свидѣтельствъ разныхъ писателей о пьянствѣ — въ родѣ старыхъ Пчелъ, Риѳмы краесогласніи о прелести суетнаго сего міра и буйствѣ.... (л. 295), Выданіе о добронравіи (Яна Запчица) л. 314, сборникъ русск. мирскихъ притчъ, пословицъ и поговорокъ, Житіе и басни Езопа и проч., — видимъ, что въ сборникъ вошло не мало произведеній переведенныхъ съ польскаго, обиліе посланій и образцовъ писемъ въ виршахъ, нѣсколько произведеній въ виршахъ же, разные наброски и приписки тоже виршами, съ другой стороны — порядочное количество произведеній духовной литературы, къ тому же вообще проглядывающій во многомъ вкусъ собирателя матерьяловъ всего Архивнаго сборника — къ духовному и назидательному чтенію, что̀ его такъ роднитъ съ многочисленными рукописными старыми сборниками произведеній нашей литературы — все это и, главнымъ образомъ, особенности почерка и нѣкоторыя выраженія, встрѣтившіяся въ текстѣ «Предсловія» къ «Повѣстямъ или пословицамъ всенароднѣйшимъ по алфавиту», также кое какія наши наблюденія, о чемъ будемъ говорить въ другомъ мѣстѣ,—заставляютъ насъ приписать бо̀льшую долю личнаго труда и участія въ дѣлѣ составленія упомянутаго сборника пословицъ—извѣстному представителю строго-православной части на Москвѣ во второй половинѣ XVII-го вѣка, ближайшему ученику Епифанія Славинецкаго—справщику Печатнаго Двора, ученому богослову, неутомимому переводчику съ греческаго языка, видному и самостоятельному сотруднику нѣсколькихъ Всероссійскихъ Патріарховъ, — монаху Чудова монастыря, Евѳимію (почившему 28 апрѣля 1705 года среди учено-литературныхъ трудовъ въ своей келіи, что̀ была въ томъ же монастырѣ).



I. Сборникъ скорописи. XVII-го вѣка Моск. Главн. Архива. Мин. Иностр. Дѣлъ, [illegible]50/455, *снимокъ съ листа* 321-го; заглавный листъ «*Предсловія* до читателя».

V.

Къ стран. 69.

Автотипія К. П. Вейермана, Спб., Толмазовъ пер. 2.

I. Сборникъ скорописи. XVII-го вѣка Моск. Главн. Архива Мин. Иностр. Дѣлъ № 250/455, *снимокъ съ листа 321* обор.

[л. 321 = а҃].

ПРЕДОСЛОВІЕ

до чита́тела.

Кни́жица сїѧ̀ по а҆ѵ҆вꙋцѣ є҆́сть положена, дрꙋже мо́й чита́телю, и҆лѝ послꙋшателю ми́лостивый кра́ткѡ, нижѐ по чи́нꙋ лезїко́на ни мѣ́рѡю рїѳмъ состро́ена, ꙗ҆́коже зри́ши. но слꙋчая ра́ди ско́рагѡ, сосло́вїе, точїю литеръ, а не и҆на́гѡ ко́егѡ ꙋ҆потребленїѧ ꙋ҆краси́ся сочиненїе́х. ѿста́вишася бо сїѧ̀ рачитѐлех тоѧ̀, и҆̃же мо́гꙋт доста́точнѣ сїю̀ всих ꙋ҆добри́ти, мнѣ́ же нн҃ѣ ѻ҆ сих || (л. 321 об.) вина̀ не ма́ла, точїю за принꙋжде́нїе нѣ́кїих ѿ любящих мѧ̀, дерзнꙋх ꙗ҆́кѡже ви́диши, мала́я собра́ти ѿ многих во̀ еди́нѡ, ꙗ҆̀же ѡ҆брѣтох. ѻ҃ва писа́на и҆здре́вле, мню̀ ꙗ҆́кѡ лѣт за́ стѡ, и҆лѝ бо́лше. иная же на слова́хъ ѿносѧ́щаяся. премного же ѕѣлѡ̀ и҆ є҆щѐ ѿносятсѧ на́ми невѣ́домая, ꙗ҆̀же а҆́ще ктѡ̀ и паче, ѿ многолюботрꙋдныхъ потщится мїрскі́ѧ сїѧ̀ ве́щи, и҆лѝ посло́вицы, собра́ти едва ли возмо́жет. Ты́ же здѣ̀ проходѧ̀. и҆лѝ послꙋшая писа́нная, молю̀ да не за́зриши сим и да не вмѣни́ши рече́нных в презо́рствѡ не в но́во бо сїѧ̀, ни на́ми нача́лѡ прїят, но стародавная нѣ́кая. то́чїю нн҃ѣ во еди́нѡ собра̀. ꙗ҆̀же ѿ многих ꙋ҆жѐ лѣ́тъ в мі́рѣ ꙋ҆твердишася. И҆ древнїи мꙋжїе, собою искꙋсъ посло́вицъ сих в ве́щех прїимше ꙋ҆тверди́ша, ѿ них же дрꙋго преемнѣ по рѧдꙋ̀ и҆ до дне́сь, тве́рдостнѡ мно́жайшая в на́съ содержатсѧ,

мнѣю же и в прет бꙋдꙋт держатися со ꙋсꙋгꙋбленiем. По нѣкотораго нѣгдѣ реченiю. елико ѿ члвческаго жителства продолжается время. толико члвцы мнятся в хꙋдожествах своих древнiя превосходити во всякой вещи, мнящiеся, якобы котори забывше реченнше. ни чтоже в мирѣ новое. И индѣ не помышляй начало хитрочѣ: яко ты хꙋдожества твоегѡ предначинатель, или пренача тагѡ ꙋкраситель. ꙋже бо быша вся елика под небесем расталишася же, или в безобразiе прiидоша. нѣкiи ради слꙋчаевъ воспоновишася. а потом паки ѡбезлѣпотятся: и паки ꙋкрасятся. Непостоятелна бо фортꙋна вѣка сегѡ, донележе благоволит колесꙋ семꙋ. ‖ (л. 322 = б) создатель вращатися. Толико же множествѡ притчей сих мирских в мiрѣ еще мною неписанны ѡставишася. елико ꙋмъ мой не токмѡ собрати. но и достигнꙋти не может. Малѡ ꙋбѡ таковых кто ли бы по своемꙋ вразꙋмѣ постигновенiю пословицы какiя, когда наговорилъ елицы словом словодавца. ꙋкрасишася. и же насовершенiя и собранiя. в книжицꙋ сiю твоемꙋ доброразсꙋдiю ѡставляю. Точiю любовь твою прошꙋ, да не срамословная нѣкая, или скверословная внесеши, яже бгꙋ мерзка, и ꙋмъ имꙋщим ненавистна. ѡ них же и в день сꙋда ѿвѣт дати. но яко мꙋдръ по дхꙋ ловецъ. словесным ти неводом рыбы разꙋма привлечеши, на добрꙋю срдца твоегѡ землю. И добрыя ꙋбѡ в сосꙋды словеснаго ти органа изберешн ꙋпѡтребленiя. их же и ѿ любовных твоих и дрꙋгов предлѡжиши во ꙋвеселенiе. Ѕлыя же в сланыя моря воды. скверословецъ, изринеши. или яко ѡ пшеницѣ и плевелех сотвориши. Егда же рꙋкама си возмеши книжицꙋ сiю, и вникнꙋвъ, или послꙋшая инагѡ, яже ти ѿ писанных бꙋдꙋт требѣ внемли. ꙋподобляяся мꙋдрой медодѣлательницѣ пчелѣ. полезное избирая. Но без сегѡ бо аще и зазрѣна, или посмѣяна бꙋдет книжица сiя нѣкiи. Но бꙋди вѣдая, яко ко творенiю воли и заповѣдей. бжiих, ни кое ти есть ѿ нея препятiе, По реченiю ꙋвѣщателя вселенныя, ничто ны может ѿ любве бжiя разлꙋчити. Еще же прiдаст знати ти книжица сiя, каким благим нравѡвъ и дрꙋгим знати и держатися. Ѕлых же ꙋдалятися, и иная многая, таковая. Ащели речет нѣктѡ ѡ писанных здѣ, яко ‖

Автотипія К. П. Вейермана, Спб., Толмазовъ пер. 2.

I. Сборникъ скорописи. XVII-го вѣка Моск. Главн. Архива Мин. Иностр. Дѣлъ № 250/455, *снимокъ съ листа 322.*

VII.

Къ стран. 71.

Автотипія К. П. Вейермана, Спб., Толмазовъ пер. 2.

I. Сборникъ скорописн. XVII-го вѣка Моск. Главн. Архива Мин. Иностр. Дѣлъ № 250/455, *снимокъ съ листа 322 обор.*

(л. 322 об.) не сꙋть писана здѣ ѿ бж҃твенны҃ писаній, таковый да вѣсть ꙗкѡ писана многая согласна с томꙋ писанїю. точїю бе҆ ꙋкрашенїя, какъ мирстіи жители простою рѣчїю говорятъ. И в лѣпотꙋ ѿ древни҃ сїе ꙋмыслился еже в бжественная писанїя ѿ мїрски҃ причей не вносити. тако҆ и в мирскїя причи. которое бꙋдетъ сличнѣ еже вносити ѿ кни҃ ст҃ы҃ и҆збранны҃, и приточныя строки. или мирскїя сїя причи бжественнагѡ писанїя реченїе приподоблꙗти. обой бѡ. аще и еди҃ имꙋ҃ разꙋ҃. но иже своя мѣста держа҃. того ради таковый конецъ блаженїю своемꙋ да сотвори҃, загнꙋвъ книгꙋ сїю положи҃. да остави҃ ю тоя рачителе҃: е симъ, вѣдѣнїе, ꙗкѡ никомꙋ ѿ насъ собою прежде насъ в мірѣ, лежащы҃ словесны҃ си҃ прича҃ ко҆ца не ꙋчини҃ по реченномꙋ ничтоже в міръ сей внесохѡ, ꙗвѣ ꙗкѡ, ни и҆нести что може҃. Паки же любвй твоей: единою во҆бесѣдословлю, конецъ сотворю слова. Тѣ҆ ли ради не хощеши при себѣ книжицы сея имѣти, иже с рꙋгателны҃ намѣренїе҃ здѣ писанны҃, поносѧ҃, и широкїй составляю҃; [ей р]ечеши ѿвѣщаю: Не новъ обычай. паче же бе҃хїй н[е]чес[т]ивы҃ человѣкѡ҃, гонити бл҃гочестивыя, насаждена ꙋбѡ быша в Каїнѣ. и глꙋбокѡ ꙋкоренишася во Ісаавѣ, и Саꙋлѣ. и самочисленны҃ таковы҃ подобнѣ подобными, не точїю ѿ сей книжицѣ. но помяни колики, и каковы хꙋлы и ꙋкоризны прїе҃лю҃, бжтвенная писанїя. Паче же нн҃ѣ в настоящая времена ѿ гаждателей истинны. иже прїяша мздꙋ свою. прочи҃ же и еще готовится. и ѿ си҃ и слова конецъ да бꙋде҃. А ꙗкѡ пословицы, или мїрскїя сїя причи. по общемꙋ всѣ҆ жителствꙋ ѕѣлѡ потребны. и ‖ (л. 323 = г) полезны: и всѣми вѣдомы добрѣ. и никогда ни ѿ когѡ. имꙋщыхъ ꙋмъ здравый ꙋничижишася и зазрѣшася; паче же ѿ нѣки҃ мꙋдры҃ в нѣки҃ писанїихъ помяновенїемъ. похвалишася, иже имꙋтъ множайшая свидѣтелства, во свои҃ мѣстѣхъ. Сꙋщїи же великѡроссійскагѡ царствїя ꙗзыцы. паче же западны҃ странъ жители имꙋ҃ мирскїя сїя причи свои҃ и҆ течтѡ҃ в тѵпографїя живописателв бѣ҆ и҆слѣдованны. ꙗкоже и҆ нихъ нѣкїя моима видѣ҆ ѻчима. въ и житїя ползꙋ. ревнꙋюще ꙋпражняющы҃ся, ни вочтоже ра҆вѣ слышати нѣкое новое. Ты же бл҃гоче-

стивый бꙋди, ꙗкѡ мꙋдръ, и не ꙋподобляйся нравꙋ безгласныѧ рыбъ. но износи ѿ сокровища срдца твоегѡ сличное. времени же и лицꙋ. и местꙋ сокровища твоя. ветхая же и новая. Да во всем славится всех творецъ бгъ: и дастъ ти здѣ векъ ꙗже и полꙋчиши тая. Ꙋсердно любви твоей ꙗкѡ и себѣ желаю. ѡ семъ всегда и нынѣ и присно, моленїе мое восылаю. Аминь. ⁓ с с с с с с

Бѣдной в нужѣ что жаба в лужѣ.
Бѣдному вездѣ бѣдно.
Бобы не грибы не посѣевъ не взоидут.
Бит чело Ѳомѣ а было бы в сумѣ.
Бита не битова на рукахъ носить.
Боленъ зубъ у себя во ртѣ.
Богатъ силенъ что левъ.
Бѣденъ часто ся озираетъ хотя и не ево кличют.
Богата хотя дурака всякъ почитает.
Божны раны на своих плечахъ.
Богату хотя глупу всякъ дѣетъ мѣсто.
Бредетъ Катерина к себѣ на перину.
Богатъ да лестивъ глупѣе того незя быть.
Боятся божковъ быть без грибковъ.
Боятся воровъ не держати коровъ. [л. 328 об.]
Болна жена мужу во всякую нужю.
Бить ворана слѣдят бояря убит козла не обрат ся зла.
Бежитъ волчокъ на супрятку.
Быть тому коню ужжо одрану.
Бежитъ овца с поля своя ей воля.
Брѣдитъ тот што сѣрой котъ.
Болото избродилъ а рыбы не изловилъ.
Было ремесло да хмелемь ѕарасло.
Буды здоровъ со всѣхъ четырех сторон.
Баламутъ любитъ кнутъ.
Бортникъ горекъ да медъ ево сладокъ.
Беседа без хлѣба ни пригожа ни угожа.
Бобъ к полѣ сѣютъ на Бга ся надѣютъ.
Брови пригожи а дровни угожи.
Борода кажетъ мужа а конку ея нужа.
Береза не угроза гдѣ она стоит тамъ и шумит.
Бритва остра да мечю не сестра.
Бунтъ не перцу фунтъ а живетъ горекъ.
Бгъ суди виноватова хто обидит бородатова.

ПОВѢСТИ:

или пословицы всенароднѣйшыя по алфавиту.

А.

Аще бы не Бг҃ъ, кто бы намъ помогъ.
Адамъ сотворенъ, и раи отворенъ.
Адам да Аврам женами славны, един смѣхом. А другой грѣхом.
Авраму отецъ Фара. а жена ему Сарра.
Аронъ с Моисеем, Илья с Елисеемъ.
Аврамъ оставя дом молися за Садомъ. [л. 828 об.]
Ананїа з Сапфирою солгали и оба пропали.
Анна с мужемъ седмъ а вдовою седмъдесятъ.
Антихристъ примаетъ хто Хр҃ста отступаетъ.
Ароматы от мукъ не избавятъ.
Антихр҃тъ близко и солнце низко.
Агг҃лъ обратится хто в благ҃ обратится.
Ап҃тли обличали и насъ научали.
Андрѣи кр҃тилъ Иоаннъ бл҃го вѣстилъ.
Адамъ зло сотворилъ и рай ѕатворилъ.
Аврамъ гулялъ по горамъ а Адамъ крылся по норам.
Астрономия умѣть любовь к Бг҃у имѣть.

Аеръ строитъ росȣ. а смерть куетъ косȣ.
Аллилуия у Гурья давно тверда.
Аллилуия пѣть на поклонами прѣть.
Азъ да буки избавит ли от муки.
Ахавъ жены послушал со слезами хлѣба покушалъ.
Ависана дѣва Давида грѣла.
Аггла умерша мощи не сыскать.
Аггли з неба что не просятъ хлѣба.
Агафонъ ѕапѣлъ антифонъ.
Алчнова гостя не употчивалъ Костя.
Антифона послушать у Агафона покушать
Афоная ломает к ненасью.
Азовъ не от сте глазо а Крымъ не кривъ.
Ахтȣба пуста а без караула не гуляй.
Ау ау медвѣтко в лѣсе не будет от здѣсе.
[л. 324=Д]. Алай булай крымские пѣсни тал их и трѣсни.
Аршинъ портной по чему мастер отласу.
Аггльскимъ часомъ заговѣть будетъ квасомъ.
Азбука в шесть денгъ а ѱалтиръ по рȣблю.
Андреянъ вогрями акъ пьянъ брюзгами.
Арсенья ждать до воскресенья.
Азия Африки честнѣе А августъ марта теплѣе.
Агнецъ з бораномъ овечье племя.
Апрѣль богатъ водою а октябръ пивомъ.
Ахъ ахъ а посабить нѣчемъ.
Афендронȣ тимпанъ не замѣна.
Анна не манна не укусит ея стать.
А Илья зглупалъ что в тюрму попалъ.
Ахъ да рукою махъ и на томъ рѣки не переѣхал.
Аль мою корѣтȣ кони завезли.
Аль я виновата што рубаха моя дировата.
Азъ не вѣ обѣихъ глаз про себя самъ вижȣ.
Азъ родилъся коли свѣтъ зачался.
Антипа не липа и содравъ лубъ не покрытся.

Азъ выколю глаз которой ми пить зазираетъ.
Анна. не всякому. манна.
Ай заключенъ рай.
Ай мѣсяцъ май и теплъ да голоденъ. 55
Агрипинѣ свербитъ. в спинѣ.
Артемию не кажи академию.
Аптека до повѣка.
Аптекамъ предатся денгами не жатся.
Азъ пью квасъ а коли вижу пиво не пройду его ми мо 60
Алъ лалъ бѣлъ алмазъ зеленъ изумрудъ. [л. 824 об.]
Алтынъ пробиваетъ и тынъ а полтина убиваетъ и Мартына.
Адаму капаютъ яму а мы не хотимъ а ту ды же глядишь.
Алтыномъ да Мартыномъ хоша ворота запирай.
А вотъ таки тепере и мѣсто знать. 65
Агѣй пророкъ не всякому порокъ.
Алая моя естина отсерина всякъ ея кулакомъ откушиваетъ.
Ананья да Малахия Ѳома да кума и мѣста заняли.
Аоу милой мой казакъ лише лапти лежатъ.
Арканъ не тараканъ хошъ зубовъ нѣтъ а шею ѣстъ. 70
Августа капуста а в марте осетръ.
Алчнова Еремку вяжи его в веревку.
Ахъ смерть ѕлодѣя хто можетъ убѣжати тя.
Ахъ смерть и помяну тебя и вздохнуть.
Азъ буки вѣди страшитъ что медвѣди. 75
Алтынъ самъ ворота отпираетъ и путь очищаетъ.
Алтынномъ воюютъ алтынномъ торгуютъ а безъ алтынна горюютъ.
Алъ цвѣтъ милъ во весь свѣтъ.
Адамъ привыченъ к бѣдамъ.
Агаряне Гевалъ то Давыдъ воспѣвалъ. 80
Агара не гогара изстари она славна.

Абаса в Персиде краса.
Алтыномъ полтина, а полтиною рублина.
Алтынъ в мошнѣ а Мартынъ в квашнѣ.
Ангеликова водка вину живет тиотка.
Абинное сукно окончина в окно.
Азбука латине не пиво в братине.
[л. 825 = і.] Авиронъ не боится воронъ а на галки есть палки.
Алтынъ пропадетъ и Мартынъ упадетъ.
Алтынъ сталъ дорогъ и Мартынъ выросъ дологъ.
Агапитъ свиней сидя бабит бежат к нему сами что мухи на мед.
Алтын убогихъ прельщаетъ а Мартын богатых смущает.
Алченъ в кухарне жажденъ в пивоварне а нагъ босъ в мылне.
А уже Бавилу запрятали в магилу.
Аѳины уже что авины.
Акиндинъ не одинъ бредетъ в пир и с кумою.
А Арсенья у воскресенья а бражника у празника.
Артемида страшит Демида а Кирило ее и в рыло.
Артамоны ядят лимоны а мы молодцы едим огурцы.
Авѯентей не трусентей.
Арсенья чтят для воскресенья.
Агаѳона чтятъ для антиѳона.
Аршинъ на сукно а кувшинъ на вино.
Аршинъ сукна швецамъ а кувшин винца пѣвцам.
Агаѳонникъ небожникъ что ему дадут то и возметъ.
Азовъ былъ славенъ Смоленскъ страшен а Вилня дивна.
Авось пападетъ что ѕаецъ в тенято.
Артамонъ ѕа лимонъ а Симан ѕа тиман а Клим ѕа квас.
Астрахань арбузами а мы голгузами.
Аргамакъ и нимак да плох на немъ ездокъ.
Аргамак доброй к поре а меринокъ к горѣ.
Азбуку учатъ во всю изку кричатъ.
Архангльско город всему морю воротъ.
Ангеловъ согрѣшшихъ не любит и Бгъ.
Азбука велика а трицать словъ.

Аровитское ѕолото обратилося солодомъ [л. 325 об.].
Анисъ да Тиманъ гу(м)ба да Сима(н) шаѳра(н) да Мироѳа(н)
Авось либо и такъ не переломи(т) ли и самъ
Аспидной перстень Лукѣ на рукѣ
Аглинские Немцы не корыстны люди да (х)ра(б)ся люты,
Астраха(н) далече а Сибирь и дале того
Архипъ с сто(л)чковъ охрипъ,
Аминь Аминь писмомъ не вели(к) да велики рѣчи замыкае(т)
Алѳавиту учатъ Никиту.
Алѳѣ учится Марѳѣ,
Алои малой зеленой каѳта(н)
Ась сударь вось сударь здѣсь сударь,
Аѳона(с)я для нена(с)я а Саве(л)я с по(х)мѣлья ломае(т)
Анкудинъ любитъ одинъ а в путѣ са(м) пятъ
Андрюха не бойся брюха хотя i вспу(х)не(т) да не пу(х)не(т)
Аще аще что медꙋ. слаще
Ананья сь ящики а жена его с кашники
Анания с Азариемъ не стыдятся печ(ь)ю.
Алтынъ серебра не ломит ли ребра.,
Аѳонъ горꙋ. познать комꙋ. в порꙋ.
Антипа не липа а кожею платитъ
Адъ что наса(д). много в себя побираетъ
Алтыномъ Мартынꙋ ни сапогъ по(д)ши(т) ни скоба по(д)би(т)
Азъ не вязъ и содравъ лыко не (с)плести лаптеи
Авеля Каинъ на поле манилъ
Асаѳъ смекалъ вораны ходя игралъ в о(р)ганы
Анания кра(д)ливъ а Сапѳира лжива,
Адамъ прельстилъся что з горы скотилъся
Аманасъ в спину кулакъ, [л. 326 = в]
Авирону чортъ далъ оборонꙋ сову да ворону
Агѣи пшаницу вѣй ꙋ Упата широка лопата
Адъ безо дна вѣкъ бе(з) конца
Ахавъ рукою замахалъ,
А (и)щешь чюжова потеряешъ свое
Аѳона(с)ю не можется къ нена(с)ю

*

Б

[л. 326 об.]. Бг҃ъ есть блгъ.
Бг҃ъ любитъ смирение,
Богатъ богъ милостью,
Бг҃ъ свое содѣваетъ.
155 Безгрѣшна чл҃вка на свѣте нѣсть
Богатымъ ѕлато нищий ради
Беседы злы растлѣваютъ умы.
Богатъ мыслитъ о златѣ а убогъ о блатѣ
Брадою чт҃енъ старъ а рузумомъ хвален млад.
160 Бг҃ъ за товаромъ а купецъ за накладомъ
Богатъ ждетъ пакости а убг҃ъ радости
Бѣдной времени не ищетъ
Бѣдному кусъ ѕа ломтя мѣсто.
Безуменъ с учонымъ не пируетъ,
165 Ббезуменъ учения не любитъ,
Богатъ ищетъ мѣста а убогъ смотри тѣста
Бсылъ Сава была и слава,
Брат брату головою в уплату.
Бьрашно добро имѣть по пашне.
170 Бозная жена мужу. убогая сестра брату.
Бвѣденъ бѣсъ бг҃а у него нѣть
Ббабе и промыслъ что неправой помыслъ
Бит чело рекою да хрѣномъ да книгою Есфремомъ
Беды терпѣть каменно срдце имѣть
175 Брань на вороту не виснет
Бранное слово на гнѣвъ приводитъ
Брань правды не любитъ
Бранью праву не быть,
[л. 327 = ꙃ]. Бранясь оставь слово к миру
180 Боися бг҃а а смерть у порога

Болному злата кровать не поможетъ.
Басни соловья не кормятъ.
Булатъ желѣѕо и киселя не режетъ.
Богатъ творитъ какъ хочетъ а убогъ какъ можетъ.
Бѣдная Ѳедоя наѣлося калоя.
Баба скачетъ ѕадомъ передъ все то изъ дѣлъ своимъ чередомъ.
Бабьи городы не стоятъ.
Бѣси то вѣдятъ что бабы брѣдятъ.
Бгу жаль куря дать а чортъ возме и корана.
Бочка стонетъ бояря пьютъ.
Бѣдность и мудраго смиряетъ.
Безъ уса борода безъ ума голова.
Бборода козлу не ѕамѣна.
Баба с кашкою а дѣдъ с лошкою.
Баба брѣдитъ а чортъ ей вѣритъ.
Баба гнѣвъ держитъ на торгъ а торгъ того і не вѣдаетъ.
Безъ денегъ вода пить.
Безъ денегъ в городъ самъ себѣ ворогъ.
Были тѣ рога в торгу.
Братъ мой а умъ у него свой.
Богъ далъ путь а чортъ кинулъ крюкъ.
Былъ конь да ѣхалъ.
Былъ тотъ перстень у насъ на рукѣ.
Будетъ пора не уйдетъ дуда.
Благословляи насъ влъко в чюжой лѣсъ Польска.
Благословлялъ отецъ дѣтокъ до чюжихъ клѣтокъ.
Болно хлопъ раненъ и главы не нашлй. [л. 327 об.].
Бракъ честенъ и ложе. не скверно.
Береги бѣлую дйгу на чорной дйь.
Быть было ненастью да дождь помѣшалъ.
Быть было бедѣ да дйги по вѣрѣ.
Богатому не хвалятъ а отъ полу силою живетъ.
Борода что борота а ума с малой приколитого.
Беды ходятъ по людемъ а не по лѣсу.

В баню на ногахъ а из бани на дровняхъ.
Все добро а нѣтъ на толокно.
Все то кра̂ные дв҃цы їзо ю а до́рые мола́цы і́носят.
550 В друге стрѣла̀ что во пнй.
Вина голову клонитъ.
Ввременьщики родомъ великй. да не до́говѣкї.
[л. 334 об.]. В дубе галица̀ а в гу́нѣ яица̀.
Воробѣй сидитъ на тынѣ надѣе́ся на крылѣ.
555 Всякое коренье. примаи з бл҃годареньемъ.

Г

[л. 335]. Гд҃ь гордымъ противится смире́нны̑ же дае́ бл҃года́.
Гнѣваитеся̑ и не согрѣшаите.
Гдѣ зако́ тамъ и страхъ.
Горбатаго гро́ исправляетъ.
560 Гнило. слово. ѿ гнила. ср҃ца.
Голоденъ преходитъ грады а на́ ни двора̀.
Гдѣ на̂ нѣтъ та́ по́вѣ милостыни даютъ.
Грѣхъ сла́ко, а чл҃вкъ па́ко.
Глупова и в о́таре бьютъ.
565 Глазы пива̀ не выпить.
Глазъ видитъ да зубъ не имѣтъ.
Голосомъ пѣть а конемъ боевова́.
Гдѣ пиво тамъ и диво.
Горко что бѣда̀ а мило что жена̀.
570 Гостя бе́стыдна̀ пивомъ не выгна́.
Гость гостй а пошолъ прости.
Гдѣ былй родины̀ тамъ буду́ и крстины.
Гдѣ кобо покрали а к намъ с выемкою.

Бѣдной в нужѣ что жаба в лужѣ.
Бѣдному вездѣ бѣдно.
Бобы не грибы не посѣевъ не взоидут.
Бит чело Өомѣ а было бы в сумѣ.
Бить не битова на рукахъ носить.
Боленъ зубъ у себя во ртѣ.
Богатъ силенъ что левъ.
Бѣденъ часто ся озираетъ хотя и не ево кличют.
Богата хоть дурака всякъ почитает.
Божны раны на своихъ плечахъ.
Богату хотя глупу всякъ дѣетъ мѣсто.
Бредетъ Катерина к себѣ на перину.
Богатъ да лестивъ глупѣе того нелзя быть.
Боятся волковъ быть безъ грибковъ.
Боятся воровъ не держати коровъ. [л. 328 об.]
Болна жена мужу во всякую нужю.
Бить борана слѣдят бояря убит козла не обрат ся зла.
Бежитъ волчокъ на супрятку.
Быть тому коню ужжо одрану.
Бежитъ овца с поля свое ей воля.
Брѣдитъ тот што сѣрои котъ.
Болото избродилъ а рыбы не изловилъ.
Было ремесло да хмелемь ѕарасло.
Будь здоровъ со всѣхъ четырехъ сторонъ.
Баламутъ любитъ кнутъ.
Бортникъ горекъ да медъ ево сладокъ.
Беседа без хлѣба ни пригожа ни угожа.
Бобъ в полѣ сѣютъ на бга ся надѣютъ.
Брови пригожи а дровни угожи.
Борода кажетъ мужа а жонку ея нужа.
Береза не угроза гдѣ она стоит там и шумит.
Бритва остра. да мечю не сестра.
Бунтъ не перцу фунтъ а живетъ горекъ.
Бгъ суди виноватова хто обидит бородатова.

[л. 336]. Горду быть глупымъ слыть.
Гдѣ дѣдъ ни вѣри толко бабу корми.
610 Георгей с мостомъ а Никола з гвоздемъ.
Гдѣ вода была тутъ она и будетъ.
Гдѣ конь тамъ и седло.
Грядетъ чернецъ в монастырь взложа кошель на коты.
Гуси летятъ с Руси а сароки в Запороги.
615 Грядетъ Макаръ к вечерне от саватъ на кабакъ.
Грозилъ батоги а грызъ кулаки.
Грелся Мазимъ кругъ осинъ.
Гдѣ былъ садъ тутъ сталъ адъ. а гдѣ море тамъ горе.
Гнусно голубь с мало а свиная стара.
620 Галка кротка да палка коротка.
Гусли звонки да струны тонки.
Глазъ чорной взглядъ доброй абычей волковъ.
Грибъ ростетъ в лѣсу вари ево в квасу.
Гробъ видя вздыхаютъ [а смертной часъ воспоминаютъ.]
625 Гонитъ чортъ курицу да в не ту улицу.
Гулялъ маладъ в низ по Волге да набрелъ смерть близ не от дороге.
Гонецъ из Крыму что таракан из дыму.
Горцавалъ панъ да с коня спалъ.
Говорить правда потерять дружка.
630 Господи помилуй да и нѣшто подай.
Грибы растутъ в деревне а в городе их знаютъ.
Гортан гласу родитель гласъ же гортани кормитель.
Горы полегаютъ а долы востаютъ.
[л. 336 об.]. Горекъ обѣдъ безъ хлѣба.
635 Глѣбъ з Борисомъ а хлѣбъ у них с анисомъ.
Гортань приемлетъ всего лѣта трудъ.
Говоритъ не ѣду. а спѣшитъ к обѣду.
Говорилъ день до вечера а слушать нечево.
Говорить было да разума не стало.
640 Говори да не проговаривайся.
Говоря всего договоришся.

Бога́ боися́ а ц҃ря почитай. [л. 329 об.].
Бе з по д воду́ тать не крадетъ.
Бе з хмелное́ пи҃е́ дубинное́ битье́.
Богъ вѣсть что намъ ѣсть.
Болѣзненну серцу горко и бе з пе р цу.
База р любитъ Назаръ.
Бѣгъ не красенъ да здорово.
Бѣжа҃ и з хвостъ по д жа҃ а стоя҃ и з мечь по д нять.
Бои красенъ мужество а приятель дружествомъ.
Бы л на пы҃ке́, не тужи́ о́ убы҃ке.
Бы҃ бычку́ на веревочке́.
Бы҃ на Дïому́ ро з грому.
Бога҃ство добыстъ и бра҃ство забыть.
Была рѣчь у Ѳедосьи́ в переголосье́.
Бе з гла з рожа́ не пригожа́.
Баба дуруетъ а́ дѣду́ грѣхи́.
Бродитъ Саламаха́ и бе з рубахи́.
Береженье́ лу҃че́ вороженья.
Братъ ро́дной да матки́ не о́дной.
Блюди бо́же рогошку. а в шубѣ в'ши.
Богатство дметъ а́ нищета́ в'двое́ гнетъ.
Богу́ молися́ а самъ не плашися́.
Без ума́ то р говать лише де҃ньги терять.
Б҃гъ далъ путь а дьяволъ крюкъ.
Безу́мному в' обиду не давайся.
Бере ж ликова коня́ и звѣрь в полѣ не беретъ.
Богъ пристанетъ и пастыря приставитъ. [л. 330].
Былъ со всѣмъ да сталъ ни с чѣмъ.
Богъ далъ родню а дьяволъ вражду.
Бранью праву не быть.
Бранить себя тешить.
Бейся не бойся́ бе з ро́ку́ сме р ти́ не будетъ.
Битъ добро а не би҃ и лу҃че того.
Битому. коню лише лозу кажи́.

Встанешъ рабою сядешъ госпожою.
Вода̀ путь найдетъ.
Вешнѐ пѹть не дорога а пьянова рѣчь не бѣседа.
В в друге̃ стрела̑ что во пни.
Время̑ краситъ а безвремяхе сушитъ.
Ворона граетъ а соколъ играетъ.
Варя вино наклонится а пит ево павалится.
Всякому лихо как лѣто не тихо.
Взявъ чорта в̀ домъ не выбить ево лбомъ.
Взявъ у чорта рогожю отдать будет и кожѹ.
Воробей под кровлю а сова на ловлю.
В гости на ногах. а из гостей на дровняхъ.
В поле копионки а в̀ доме опионки.
Великъ смѣхъ не малъ и грѣхъ.
Волному воля ходячему путь.
Вѣкъ пережить не поля переитить.
Волно хртѹ добро доспѣть.
Во многом г̃гланиі нѣсть спс̃ения.
Вавилонская пещь во всѣ роды веща.
Водою пловучи что со вдовою живучи. [л. 331 об.]
Вешнея пара поѣдчи да з двора.
Ворона не оборона а сорока не без порока.
Взявъ жену брюзгливу утира̀ что возгривѹ.
Волна̀ баба в языке что чортъ в свое музыке.
Вешнѐ лет обманчивъ а новой другъ не надеженъ.
Воръ воруетъ мир горюет вор попах а мир пропалъ.
В чюжихъ рукахъ ломоть ширѣ.
Воронъ ворону глаза не выклюнетъ.
В одномъ деревѣ икона и лопата.
Выше мѣры и конь не скочетъ.
Ввалился что мышъ в коробъ.
Всугонь гостя не употчивать.
Всякое дѣло мастера боится.
Взять лычко отдать ремѣшикъ.

Всякая погудка за хлѣбомъ добро.
Выменяй кукушку на ястряпца.
Вопрос что де босъ ѿвѣтъ сапоговъ нѣтъ.
415 Волосы долги да умъ коротокъ.
В осень и у вороб я пиво.
В чюжую дудку не наиграеся.
Взявся за гуж не говори что не дюжъ.
В своемъ добрѣ да воли нѣтъ.
420 Волно чорту в своемъ болоте бради.
Всякой смешокъ ѿ себя ся шибиотъ.
Вдовѣ ти бѣды терпѣти.
[л. 332]. Вино пить горко а и сѣдѣть ебо не сладко.
В чюжомъ пиру да похмелье.
425 Волку зима за обычай.
В воду глядитъ а беду говоритъ.
Воленъ богъ да жена коли волю взяла.
Воронъ воронъ да сорокъ сорокъ во въ ко зъ а муж мѣх.
Всякъ потужитъ а ничто пособи не можетъ.
430 В горе жить некручинну быть.
Выше лба уши не ростутъ.
Волка ловятъ не годкою уловкою.
В дожда из бу не крою а в ведро и сама не каплетъ.
В чомъ гостю воля в томъ ему. и честь.
435 Въ чомъ грѣхъ в томъ и спасенье.
Вѣкъ жить а вѣкъ учитца.
Всякая неправда грѣхъ есть.
Варилъ попъ пиво не велико то диво.
В чомъ дѣду стыдъ в томъ бабе смѣхъ.
440 Воронъ граетъ вѣсти что нѣчево ѣсти.
Великъ мѣстомъ а говоритъ нѣ с кимъ.
Волки бы сыти а овцы бы цѣлы.
Вѣренъ рабъ господинъ тому, радъ.
Веселие не вѣчно и печалное конечно.
445 Видит сабака в кувшине малако да не достанет что глубоко.

Вѣтръ вѣетъ а дорожной ѣдетъ.
Вѣрну дрѹгу нѣсть измѣны.
Видя сава мышки слѣтѣла с вышки.
Вонял чортъ рекою да подрался с' щекою. [л. 332 об.]
Видя мышъ кошку забыла и ложкѹ. 450
Ворохъ ѕлата не у насъ у брата.
Встречаютъ гостя по платью а провожают по умѹ.
Выше слнца соколъ не лѣтаетъ.
Всякая дешевизна перед дороготнею.
Видялъ волкъ зиму а чернецъ схимѹ. 455
В очи лстивъ а за очи лживъ.
Водится с кумою волочится с сумою.
Водою плыт осторожливу быть а морем з горем.
Волга плыт долго а Дунаи широко.
Вечеръ водворится плачь а заутра радость. 460
Вешнеи пиръ штями изд[ро]вляют.
Видя волкъ козу забывает грозѹ.
Висит ветчинка десятая годинка.
В[ас]ка васка св[ины]я глад[кй].
Вѣникъ в мылнѣ всѣмъ господинъ. 465
В отпертыи двери лѣзут звѣри.
Высоко бгъ далеко цръ.
Велика мужѹ. садель жена умерла.
Вражда бабе с мешкомъ что не ходитъ от печко.
Варлам ломит папола а Денис со всяким делись. 470
Вахромѣи разумѣи ково бьют ково жалуютъ.
В лѣтнике боса подпоясана нага.
Волосат без головы а усат без бороды.
Виноватои платитъ а не богатои.
Всякои гриб подымаютъ а не всяко в лукошко кладут. [л. 333].
Вошъ что ѕаемной грошъ спат долго не дасть. 476
Виноват вѣкъ а платежу нѣтъ.
Вѣра бородѣ а порука в водѣ.
В копнах нѣ сено а в долгах не денги.

Дш҃а милѣ́е кабша.
Дарабомꙋ каню в зубы не смотрѧ҃.
Дѣ҃ки за щепки а ма҃ки ѕа дѣтки а ба҃ки за ма҃ки.
Да стои҃ глупыⷨ ꙋтѣшать а мꙋⷣрыⷨ искушать.
740 Доброта́ нб҃сная слава́ звѣⷥдная́.
Дꙋна́ река́ велми́ широка́.
Доⷠро́ Ибаⷩ и людемъ и на҃ а худо́ Ибаⷩ ни людяⷨ ни намъ.
Дорожѣ кожюха́ вошвы стали́.
Добро тово бить хто плачотъ.
745 Дꙋракъ стыдꙋ не ⷥнаетъ.
Дѣтки поспѣли́ ба҃ка беⷥ вѣкꙋ доспѣли́.
Дале в лѣсъ болше дровъ.
Денешка любитъ щотъ.
Добрые жорнова́ все мѣлютъ.
750 Денегъ нѣтъ на полати прѣть.
Дѣло не малина́ и в зимꙋ не о҆падетъ.
Досталъ Мокаⷬ до рѣли́ играть емꙋ в свирѣли.
Доⷠръ воⷧкъ до ѡвецъ да пасти емꙋ не дадꙋтъ.
[л. 339]. Дошоⷧ чоⷬтъ бродꙋ кинꙋⷧся в водꙋ.
755 Доброи гость доⷧгой хвостъ.
Дѣдъ ростянулся́ бабꙋ скоⷬчило.
Дошоⷧ тать в цѣль ведꙋ҃ ево на рѣль.
Дѣвушка́ плаче҃ за мꙋжъ хочетъ.
Дѧ҃ка дитѧ҃кѣ ума́ придаетъ.
760 Двои дѣти́ води҃ о҆ нѣмъ досадить.
Дубинка́ да спинка́ побраталися.
Другъ вѣренъ во всемъ иⷥмѣрянъ.
Даетъ богъ с нб҃а доволно́ хлѣба.
Данила́ в ровѣ ꙋ҆боялися́ лвовѣ.
765 Доⷧготеⷬпѣние приноситъ бл҃гословение.
Дешевꙋ. товарꙋ. дешева́ и цена́.
Достане҃ся сестрамъ по сеⷬгамъ.
Доⷧго спать доⷧгъ наспать.
Дерево нѣмо а вѣжествꙋ ꙋчитъ.

Вѣдаю то болшие у ково бороды пошире.
Всего бгъ члвкъ зна не да а всего не бнялъ.
В чюжую часть не ворогушею впасть.
Вѣкъ мелетъ а посыпа не умѣетъ.
В миръ поити и тѣстомъ взять.
Всякое дѣло мастера боится.
В людехъ Анания а дома и не наидутъ.
В люде тщи оказа ся а дома и не сказа ся.
Всего много а все в людехъ.
Всякому досталось по Якову.
Выпили пиво о масленице а по ме е ломало после радуницы.
Вино мутно а душа нутко.
Волка винная тиотка.
Воръ чево не крадетъ. [л. 334].
Воръ не всегда крадетъ а все да ибо берегу ся.
Воръ не ту краде гдѣ много ту краде гдѣ плохо.
Вор что заецъ и стѣни своеи боится.
В ворѣ что в море а в дураке что в пресно молоке.
Вору воровская.
Виноватъ медвѣдь что корову съѣлъ а не бака и корова что
за поля ходила.
В буханье не слышать и оханья.
Вытягалъ два выра в шею да мѣхъ кулако.
Выколо гла да пеи мои квасъ.
В честь вино пьютъ а не в честь льютъ.
Все добро за хлѣбомъ.
Выша лба очи не растутъ.
Во всемъ доля а ни в чемъ воли.
В полѣ со жаются родомъ не считаются.
Во что мѣтилъ в то и попалъ.
В поле воля.
Вольнѣе торгу нѣтъ.
В низъ вода несетъ а в верхъ кабала везетъ.
Великъ да тонокъ что поминно полоть.

Дать руками а взять ногами.
805 Денисꙋ Анису на мисе.
[л. 340] [День прошолъ то до насъ дашолъ].

Е

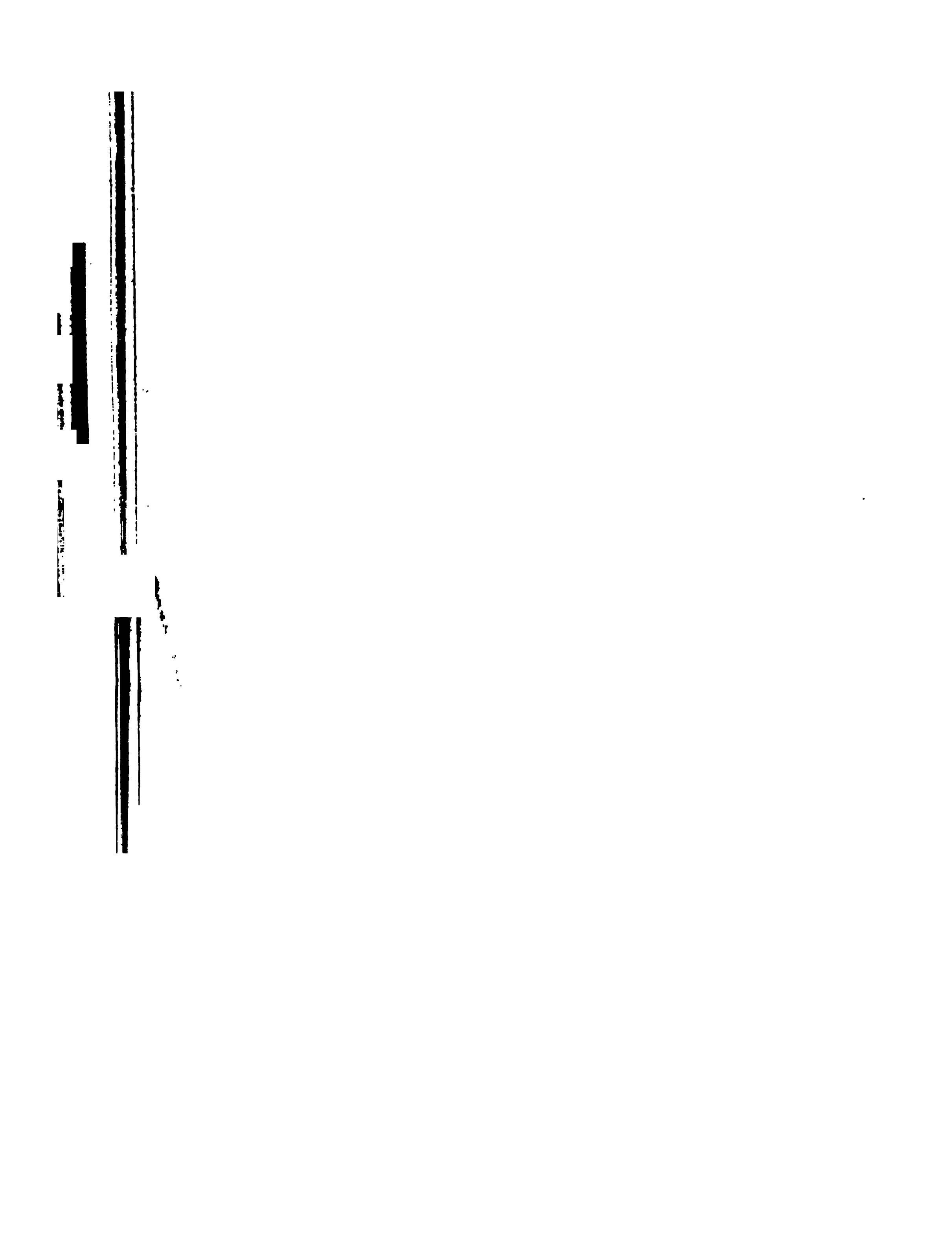
[л. 340 об.] Ему же дано много мнго и взыщется ѿ него.
Елико разумныхъ толико безумныхъ.
Египетъ пшеномъ Италиа виномъ.
810 Его же любитъ Богъ того и наказꙋетъ.
Единъ воинъ десеть ротъ водитъ.
Еноху обличати и Илѣ не молчати.
Елень с'ѣдчи змию желаетъ пити.
Единъ гонитъ сто а два тмꙋ.
815 Есть в немъ сѣрые овчины клокъ.
Ему бы личко облупленое.
Есть чево послушать да было б чево покушат.
Елень быстра а ѿ смерти не утекаетъ.
Есть нѣта лучше а и нѣтъ естя не хꙋже.
820 Епанчꙋ возятъ в ведро а в дождь и сама ѣдит.
Есть кусъ так гостя нѣтъ.
Емельянъ всегда пьянъ.
Елень быстра не стрелѣм сестра.
Есть у молодца не хоронитца а нѣтъ у нег не соро
мтца.
825 Емельянъ за темьянъ а у Викулы старые вакулы.
Есть сабака и н камени нѣтъ.
Еремѣй разумѣи. доходят вѣсти что нѣчево с'ѣсти.
Ерѣмѣй потчꙋетъ умѣя взяв за ворот да взашеи.
Единъ мотвилъ остро а два стало пестро.
830 Есть пиво пьемъ а нетъ ево ждемъ.

Грѣхи любезны давѣдутъ до бѣдны.
Грѣхи чиня смѣхи. 575
Грѣхъ да бѣда на каво не живетъ.
Гдѣ тонко тамъ и рвется.
Гдѣ чортъ ни былъ а на устаѣ приплылъ.
Гдрва земля не клиномъ сошла.
Голова на кресѣ. и товар на берегѣ. 580
Глаза што лошки а не видятъ ни крохи.
Горку бы выплюну а сладку бы проглотя. [л. 335 об.].
Голоби лѣтаютъ гдѣ их привитаютъ.
Гости сидя гдѣ хотя а намъ гдѣ велятъ.
Гдѣ шьютъ тамъ и порютъ. 585
Гдѣ черти ни бродили везде их бранили.
Гдѣ худѣ ни жить везде ему тѣжить.
Грѣха добыть мошно а избыть ево трудно.
Глупъ да лѣникъ одно дважды дѣлае.
Грѣхи со смѣхи избываютъ со слезами. 590
Грѣхъ избывать слезами омывать.
Гость безстужъ посидѣть любитъ.
Гнѣвливъ з горшки не ѣздитъ.
Гора з горою не сойдется а чл҃вкъ с чл҃вкомъ сойдется.
Гдѣ кто пообѣдаетъ там все и вѣдаетъ. 595
Голодной что бѣшеной рвет да теребитъ.
Голосъ что в теремѣ а д҃ша что в вѣнике.
Гдѣ мертвых погребаютъ там и рыдаютъ.
Голодъ не тиотка пирожка не подсунетъ.
Голодной праздниковъ не считаетъ. 600
Гость дорогой а дена серебной.
Гость на дворѣ и бѣда на дворѣ.
Грѣшенъ грѣхъ закономъ.
Грызутъ орѣхи меж дѣлъ для потѣхи.
Готовъ у б҃га меча грѣшниковъ сѣчь. 605
Гонитъ. гонецъ. тутъ емѣ. и конецъ.
Грибовъ ищутъ по лѣсу рыщутъ.

Жива̀ будетъ дш҃а моя и восхвали҃ тя̀.
860 Жребиемъ ѹ҆пашаму трѹ҆но встовать.
Жестокъ нравъ не будетъ правъ.
Желание̇ мр҃ти вводи҃ в цр҃тво нбсное.
Жестоко слово̀ воздвизаетъ гнѣвъ.
Жена мужу̇ пластырь а о̇ ей пастырь.
865 Железо̀ снѣдае҃ ржа̀ а ср҃це погубляе҃ печаль.
Ждавъ вѣдра̀ не сѣетъ и̇збира҃ вѣтра не вѣетъ.
Желѣзу̇ при рати̇ обычай бывати̇.
Житие̇ радостно ср҃це весело.
Живучи̇ за бабою квокать жабою.
870 Жить было в родѣ в своеи породѣ.
Ждала̀ сава̀ галку̇ да выждала̀ палкѹ.
Жаль вора да повѣсить.
Жилъ Мартынъ коли былъ алтынъ.
Живучи в сосѣдяхъ бы҃ в бѣседа҃.
875 Женится Тарасъ не спросится у на҃.
Жени҃ся медвѣдь на коровѣ.
Жени҃ся ракъ на лягушкѣ.
Желу҃ки з дубу ленивому в губѹ.
Жена ѹ҆порна̀ ни мяки҃ ни корка̀.
880 Жукъ лѣзетъ в нору̇ узнавъ свою нору.
[л. 342] Жалѣвъ молока̀ не вида҃ кошки̇.
Живо҃ смерти боится.
Ждала баба̀ обѣда̀ да не вѣгала̀ о҃ дѣда.
Жва҃ бабе̇ охлопки̇ бе̇ прихлебки̇.
885 Жалѣть сн҃а ѹ҆чащивать раны̇.
Ждучи̇ дѣтокъ не поскучитъ о҃ вѣдокъ.
Жни баба̀ пшаницу жди пироги̇.
Жри чортъ кременье̇.
Живой тока̇ ростить накла҃.
890 Животѹ до ср҃цѹ виница̀ да перца.
Живетъ медвѣдь и в лѣсу̇ коли его не зову҃ в поле̇.
Жилы̇ рвать на черте̇ орать.

Автотипія К. П. Вейермана, Спб., Толмазовъ пер. 2.

I. Сборникъ скорописн. XVII-го вѣка Моск. Главн. Архива Мин. Иностр. Дѣлъ № 250/455, *снимокъ съ листа 336-го* (текстъ сборника пословицъ на букву **Г**).



Глупои говоритъ а на глѹ̑ а умно́ бере̑ на умъ.
Грамотѣ гора^здъ не умѣетъ ли пропасть.
Грѣшное тѣло и ^дшу сътѣло.
Громъ не грянетъ и мужикъ не ^рогне̑. 645
Глупова̀ долю напере̑ ѣдятъ.
Гдѣ двое стоятъ тѹ̑ тре̑ему дѣла нѣтъ.
Гдѣ тому конецъ какъ ѹ̑ старова о̑ц҃ъ.
Гдѣ плохо лѣжитъ тѹ̑ брюхо болитъ.
[Грѣ^х ѹ̑бѡ сладостїю внидѐ. горестїю же изыдетъ.]. 650

Д

Два о^номѹ рать. [л. 337].
Два воюютъ а одинъ горюетъ.
Два брата̀ на ме̑вѣдя а два свояка на кисе̑.
Два с҃на да самъ в силѣ.
Добро боро^да̀ к загонѹ. 655
Два Демида̀ а̀ оба̀ не видятъ.
Два лукѝ а оба̀ тугѝ.
Далеко кѹликѹ. до Петрова д҃ни.
Дво^ры и̑ богъ не мучитъ.
Добрая̀ метла в мѣсто мете̑ а хѹдая ро^на̀. 660
Дѣвичья красота̀ до мужества̀.
Двичей сты̑ до порогу̑ какъ переступила та̑ ї забы
ла.
Давно то пропало что с воза̀ ѹ̑пало.
Дѣловцѹ по^тина а нарѧ̑чикѹ рѹбль.
Денга̀ ру^бля̀ стережетъ. 665
Дуракокъ ни сѣютъ ни жну̑ сами родятся.
Доброму ве^дѣ добро.

Дядя бѣлой горохъ.
Для дураковъ за море [не] ѣздятъ.
670 Дворно а не проторно.
Для ште' людй женятся а для мяса за муж ходятъ.
Другу хвали чюжу сторону а самъ въ нее ни по ногу.
Добръ животъ впрягать а от лягать.
Дорого да мило а дешево да гнило.
675 Дорого яичко к' велику. дни.
[л. 337 об.]. Дуракъ времени не знаетъ.
Дурака слушать пирога не кушать.
Дѣвка плачотъ а бѣлка скачотъ.
Другую пьетъ братину. а обе в спину.
680 Добръ дѣтинка да лиха хмелинка.
Дѣвочку смотрить не камочку купить.
Дастъ богъ утро и день дастъ богъ и пищу.
Дума не рюмать помышля промышля.
Думаетъ Климъ тесать хочетъ клинъ.
685 Дѣтки в чюжие клѣтки а батки за тѣм догатки.
Деревня добра да слава (про нее) худа.
Достоинъ дѣлатель мзды своея.
Даромъ и чирей не сядетъ.
Дума думу думаетъ.
690 Должен чернецъ бога молить.
Добро доброе слушать.
Дулъ было в ту дутку. да не пищитъ.
Домъ добръ да господинъ в немъ худъ.
Доброму гостю добрая и ества,
695 Доброе зло̄ погубляю а злаго добро̄ приучаютъ.
Домъ пахнетъ дымомъ а гробъ ладано̄.
Дуракъ любитъ бранится.
Дерево ронятъ туды куды оно нагнулось.
Дасть небо дождь земля и рожъ.
700 Дать ссуда на вѣкъ остуда а не дать толко на часъ.
Денги во снѣ печаль а на яве страх татя.

Добро добро а ноги кривы. [л. 338].
Друга ссужа́ть себѣ досажать.
Дехтемъ торговать дехтѣт и вонят.
Добивался что города́ а избываетъ что корога.
Дураковъ не сѣютъ а умных не вѣют і сами онї обявляются.
Данило с матавило а ума́ ни с шило.
Дынька еда да денга́ худа́.
Дѣла не дѣлаетъ а здѣла́ не бѣгаетъ.
Дасадя дрꙋгꙋ. каятся будетъ.
Досадя другꙋ со стыдомъ поклонится.
Дѣвицѣ красы до косы а у молодца́ и до конца́.
Добрые жены ткат а мы навинъ искать.
Данила́ земля придовила́.
Дунка не послѣднѣя дурка.
Дворянин на конѣ а смерть на копнѣ.
Двѣ шубы тепло́ двѣ хозяики добро.
Доброе молчание о чомъ не отвѣтъ.
Дꙋхъ бодръ плоть немощна́.
Другъ вѣренъ в напастехъ познавается.
Дрꙋгꙋ вѣрнꙋ. нѣсть измѣны.
Дрꙋголюбивъ не обогатится
Другъ льстивъ корысти желатель.
День ото дни. а к смерти ближе.
Двѣ головни курятся а одна николи.
Двор добро с уша́ми, а храмина с оча́ми.
Дѣвушке замуж. хочется плакать.
Для умнова́ печать а для глупова́ замокъ. [л. 338 об.].
Дней у бога многа́ а всѣ впереди.
Домомъ жить потꙋжить.
Домъ господской а ровно сиротской.
Долгъ у коровы языкъ да говорит не умѣет.
Дѣдовские свѣчки лучинка с пѣчки.
Другъ другꙋ теремъ ставитъ а нерꙋ нерꙋгꙋ гроб тешет.
Для того кузнецъ клещи куетъ чтобы рук не жгло.

Доброму́ для добра́ а худому́ для худа́. 770
Добро̀ хꙋда перемо́жетъ.
Добро ве^з^дѣ свой глазъ.
Добро̀ тогда́ будетъ до^б^ро когда́ люди́ по^х^валя^т^.
Добро на ^д^руга́ колачъ купи^т^ не уда^с^тся и^н^ съѣстся.
Дитя не плачетъ а ма^т^ не разꙋмѣетъ. 775
До слова́ крѣпися а мо^л^вя слово де^р^жися.
Домашняя гривна́ лу^ч^е о^т^ѣ^з^жева ру^б^ля.
Добился сла^д^кого моло^д^я солодꙋ.
Дале в лѣсъ болше дровъ. 779
Дале в споръ бо^л^ше словъ. [л. 839 об.]
Добра не смыслишъ и ты худа не говори.
Досталося всякому по Якову.
Добро тому жи^т^ у ково мать ворожитъ.
Добру тому пить кто може^т^ хме^л^ въ себѣ скрыть.
Денга́ слина а бе^з^ нее́ схима. 785
Дешева́ рыба́ де^ш^^о^ва и́ ухá.
Дешева́ рыба́ на чюжемь блюде́.
Дали ногому рубашку инъ толста.
Два воеводы на о^д^но́ по^д^во^де^.
Двое о^д^ново не ждꙋтъ. 790
Два́ брата́ с Арбата́.
Два́ своякá а ме^ж^ имѝ пестрая собака.
Доколе со^л^нце всходи^т^ а роса и глоѕа выбаетъ.
Добро жить и^з^немогаючись а не и^з^рыкаючись.
Далные проводы лишние́ слезы. 795
День святъ а люди спятъ.
Дивное́ судно корыто вѣкъ живе^т^ не покрыто.
Добрꙋю лоша^д^ку рꙋкою побивай а ^д^ругою слезы утира^й^.
Домашнева́ вора́ не убережешся.
Донеси богъ до двора́ а брюха что гора́. 800
Дошли́ до Колꙋги́ да и шесты́ о полубы.
Дрꙋгъ по конецъ рукъ.
Дай богъ нищемꙋ теляти во^л^ка поимати́.

1050 Ѕапасъ мешка не порътитъ,
Ѕа очи каня не купятъ,
Ѕачемъ стало а и приданова мало,
Ѕнаи рабя рабячью,
Ѕꙋи охочь да вады а плавать не умеетъ.
1055 Ѕбылася что снилаcа̀,
Ѕбыла охоткѝ какъ не стало у тиотки,
Ѕаигралъ в сꙋрънꙋ̀ да попалъ в тюрмꙋ̀,
Ѕа кожею панъцыря нетъ,
Ѕнать ѕолота и на грезѝ,
1060 Ѕво́накъ бубенъ за гарами а к намъ придетъ что лукошка,
[л. 346] Знать соколъ по полетꙋ.
Знать сова̀ по перью.
Захотѣлъ ꙋ̀ собакъ блино̃ и растворомъ вы̃лебаю̃.
За неволю хода̀ колѝ ногѝ болятъ.
1065 Затѣмъ. красной. дѣвкѐ не сидѣ̃ что о̀чѐ ꙋ̀ нея нѣтъ.
Звой се̃дитъ не живетъ.
За скудость. ꙋ̀ма̀ таска̃. бꙋдетъ. сума.
За грѣхъ и кожа̀ по̃ застрѣхъ.
Здѣлавъ. добро̀ не хвалися.
1070 Зна́етъ сверчокъ свой шостокъ.
Здоровають Костѐ в новой коросте.
Зага̃ки гадки. а о̃га̃кѝ. з дш̃и. прꙋтъ.
Запоръ малъ. великимъ городомъ. владѣетъ.
Замокъ приго̃ клетью а задокъ плетью.
1075 Заневѣдался что короста. в парꙋ.
Звонливъ. зиня̀ ротъ· ро̃зиня.
Заецъ ꙋ̃ сѣдъ навидался̀. о̃ бѣдъ.
Златолюбъ не ѣстъ колачовъ.
Знаю̃ бабу. не для̀ пироговъ.
1080 Знаетъ какъ бѣсъ. а̀ лаетъ какъ песъ.
Запѣлъ комаромъ а̀ сѣлъ томаромъ.
Звыла̃ котꙋ своя. масленица.
Знаетъ. и борона̀. в чомъ о̀борона.

Єсть пирогъ едимъ а нѣтъ ево гледимъ.
Єлле березле все то дерее. [л. 341]
Єрополь со лномъ а мы с полотномъ.
Єль родитъ шишки.
Ємеля торгуетъ шиш[ками]. 835
Єва скурила весь свѣтъ погубила.
Єсть свинка да и ломлена спин'ка.
Єловая кора лѣнивому добра.
Єеловой пень не оброчиво а смерде сн҃ъ не покорчиво.
Єловые шишки ѿ корени до вышки. 840
Єдина киш'ка о семи концахъ.
Єкиму даютъ схиму а онъ и манатью скинулъ.
Єхиднино племя ѿца убить а матку с'ѣсть.
Єлена ѿ всѣхъ блгословена.
Єлизаръ у всѣхъ перелизилъ. 845
Єрши на денгу да здобы на алтнъ за неволю уха.
Єршова уха да ложка суха.
Єршъ бы в ухе да лещъ в пироге.
Єфремъ любитъ хрѣнъ а Ѳекла рѣку.
Єсть кому послушать было бы что. 850
Єсть копье да в сумке.
Єкимъ плошина курицу купилъ а въ ѕа пазуху забилъ.
Єсть ѿцъ убилъ бы а нѣтъ ево купилъ бы.
Єсть книга в слину а нѣтъ ея тамъ в схиму.

Ж.

Животомъ и смертию бгъ владѣетъ. [л. 341 об.]
Живущему в пустыни даетъ бгъ благостиню. 855
Жатва многа а дѣлатели мало.
Жнетъ идѣже не сѣялъ собираетъ идѣже не росточаетъ.

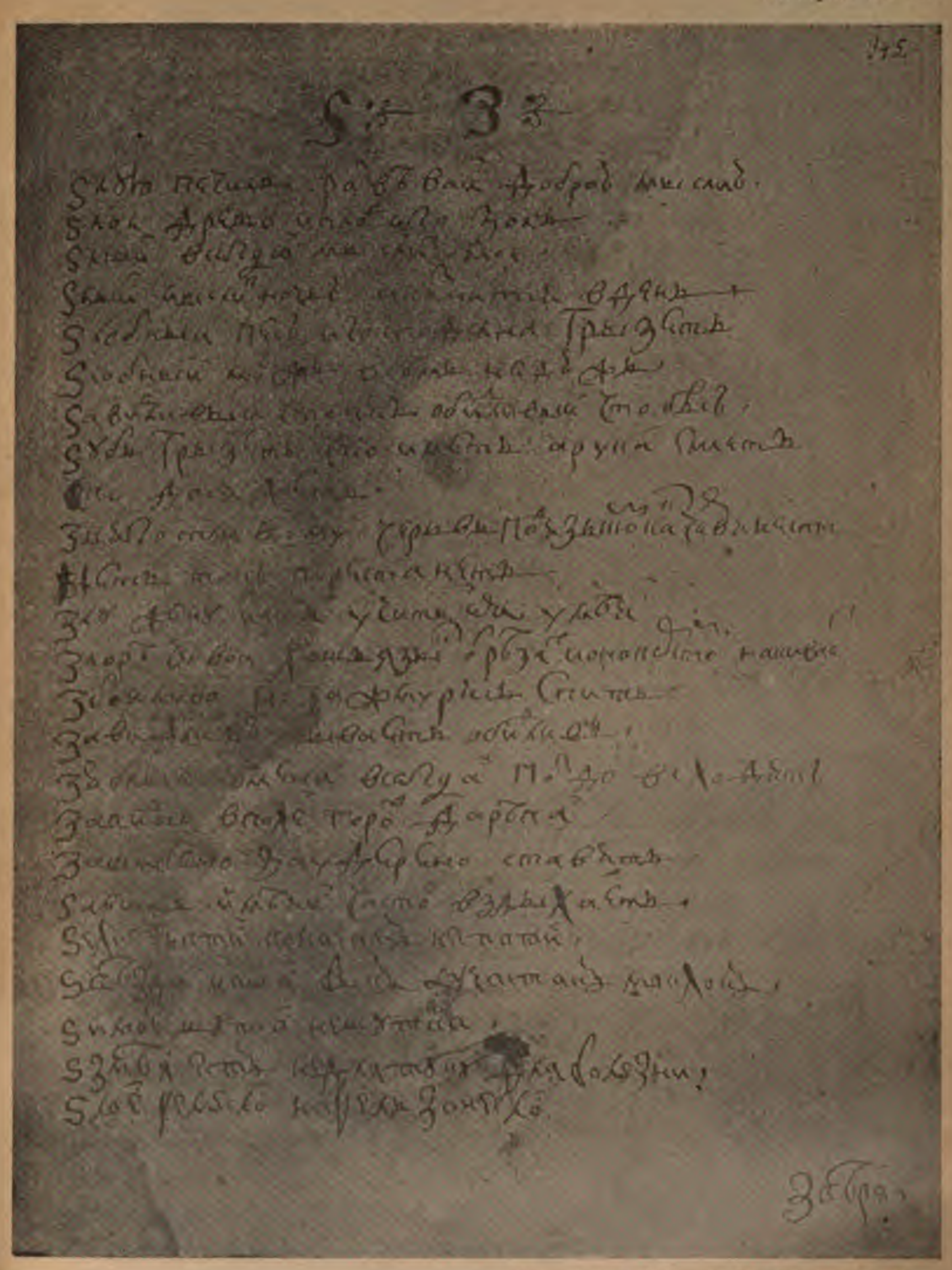
Жива̀ будетъ дш҃а моя и восхвали͡т тя̀.
860 Жребиемъ упа͡д шаму̀ тру͡д но ветовать.
Жестокъ нравъ не будетъ правъ.
Желание̑ м͡рти вводи͡т в ц͡рство нбсное.
Жестоко слово̀ во͡здвизаетъ гнѣвъ.
Жена мужу̀ пластырь а о͡т еи пастырь.
865 Железо̀ съѣдае͡т ржа̀ а ср͡це погу͡бляе͡т печаль.
Ждавъ вѣдра̀ не сѣетъ и͡з бира͡ вѣтра не вѣетъ.
Желѣзу̀ при рати̇ обычай бывати̇.
Житие̑ радостно ср͡це весело.
Живучи̇ за бабою квокать жабою.
870 Жить было в родѣ в своеи породѣ.
Ждала̀ баба̀ галку̀ да выждала̀ палку.
Жаль вора да повѣсить.
Жилъ Ма͡ртынъ коли былъ алтынъ.
Живучи в сосѣдяхъ бы͡т в бѣседа͡х.
875 Жени͡лся Тарасъ не спроси͡лся у на͡с.
Жени͡лся ме͡двѣдь на коровѣ.
Жени͡лся ракъ на лягушкѣ.
Желу͡ди з дубу ленивому в губу.
Жена упорна̀ ни мяки͡ш ни корка̀.
880 Жукъ лѣзетъ в нору̀ у͡з накъ свою пору.
[л. 342] Жалѣвъ молока̀ не вида͡т кошки.
Живо͡т сме͡рти боится.
Ждала баба̀ обѣда̀ да не бѣгала̀ о͡т дѣда.
Жва͡т бабѣ̑ охлопки бе͡з прихлебки.
885 Жалѣть сн҃а учащивать раны̇.
Ждучи̇ дѣтокъ не поскучитъ о͡т бѣдокъ.
Жни баба̀ пшаницу жди пироги̇.
Жри чортъ кременье̑.
Живой това͡р ростить накла͡д.
890 Животу до ср͡цу кинца̀ да пе͡рца.
Живѣтъ мѣ͡дбѣдь и в лѣсу коли его не зову͡т в поле̑.
Жилы рвать на че͡ртѣ̑ орать.

Ждутъ Ѳому̀ чаютъ быть у̀му.
Живучи Бавилѐ быть в магилѐ.
Жить в обидѐ что со лбом в Персидѣ. 895
Живучй в горѣ что караблю в морѐ.
Жена прядет а богъ нити даетъ.
Жит в Крыму̀ что сумѣ в дыму.
Жеравль летитъ высоко видит от далеко.
Жить в хоромахъ тужит о коровах. 900
Живется в чаю а ждется раю.
Ждать гостя разрѣшать посты.
Ждать. друга. от быть плуга̀.
Живъ человѣкъ живую и помышляетъ.
Жалѣть вина̀ не употчивать гостя. 905
Жить в' дозорѐ не быт в позоре.
Жить весело да ѣсть нѣчево̀. [л. 342 об.]
Жаравль высоко̀ летаетъ а от смерти не отбывает.
Жаль кулака̀ а бить дурака̀.
Жаль Окулину да послать по малину. 910
Жалѣя мѣшка̀ не залѣсть дружка.
Женское лѣто по Семенъ дня отпѣто.
Жнутъ полѐ в пору̀.
Жаль батка̀ да вести на погостъ.
Женскоѐ звонство на свинеѐ не объѣхат. 915
Ждетъ что сава палицы̀.
Жить в добрѣ не надакучит.
Женят о дому прилѣжать.
Женится беда̀ а не женится другая а третьея бѣ
да̀ не дадутъ за меня.
Жаравль межи не знаетъ и черезъ ступаетъ. 920
Жаравль не каша̀ еда не наша.
Жать ячмень нагибатца̀.
Женскоѐ слово̀ что клей прилпнетъ.
Женскоѐ сердце что жар в железѐ.
Жа̀ль тебя да не какъ себя. 925

Изломя ногу молися Бгу.
Изловя коша отпусти хоша.
Из лука. стреляютъ по намѣрению.
И то то зубы. что кисела мелютъ.
1180 И дура то знаетъ что великъ дна празникъ.
Иванъ играетъ а Марья. умираетъ,
[л. 348 об.] Итти дорогою. не все с вологою.
Идетъ Ѳома болшая сума.
Игла служитъ пока уши а люди. пока души.
1185 Исакъ русакъ что ему ни давай все прибираетъ.
Изъ заморья с вѣстами. а изъ задворья з гостами.
Изба крѣпка запоромъ а дворъ заборомъ а уста межъ губъ.
Истинна явится коли збудется.
Избу. ставятъ Бга славятъ.
1190 Икосъ прикосъ а кондакъ и такъ.
Иглою шьютъ а чашею пьютъ а плетью бьютъ.
Изволила. кума и приѣхала: сама.
Изломя батажокъ потерять пирожокъ,
Исусъ Сираховъ насказалъ много страховъ.
1195 Из дому жена а изъ лѣсу змея.
Иванъ не болванъ не всякъ на немъ опраливалъ шапки.
Имянины. имянинника. здравятъ.
Ипата горбата. исправитъ. гробъ.
Изсохъ что трясца на курибомъ.
1200 Измазану бѣдами. не измытся. водами.
Изваженъ пердѣть не можетъ терпѣть хоша обзнетъ а свое
возметъ.
Ищай чюжее. свое. погубляетъ. и самъ погибаетъ.
И самъ то я знаю. что не добро. содеваю.
Иуда. лижетъ. блюда.
1205 Иудино. село на шею. сило.
Иуда. удавился. фараонъ. утопился.
Иуда. с селомъ удавился силомъ.
[л. 349] Иосифовъ сонъ збылся. и не забылся.

X.

Къ стран. 104—5.



Автотипія К. П. Вейермана, Спб., Толмазовъ пер. 2.

I. Сборникъ скорописи. XVII-го вѣка Моск. Главн. Архива Мин. Иностр. Дѣлъ № 250/455, *снимокъ съ листа 345-го* (текстъ пословицъ на буквы Ѕ — З).

Кꙋды сава. глядитъ туды ей. и летѣть.
Каково кто игралъ такову и мздꙋ взялъ.
Какова печаль таковы, и слезы.
Корова черна да молоко у неи бѣло.
1240 Кусъ дига кусъ грив'на.
Коз'лу борода. не замѣна.
[л. 350] Кобель не скочит. если. сука. не захочотъ.
Когда желѣзо кипить тогда ево и ковать.
Куды ся ни кинꙋтъ такъ по уши. в смолꙋ.
1245 Кто. солнца. ѡбѣгаетъ. тот. вѣкъ. озябаетъ.
Кума ш'ла пѣша. кꙋмонямъ лехче.
Кто не ѣлъ чеснокꙋ. тот и не воняетъ.
Красна пава перьемъ честна жена мужемъ.
К брани слово прикупаютъ.
1250 Кто грамоте горараздъ не умѣет ли. пропасть.
Кошке игрушки а мышке слезки.
Красенъ долгъ платежемъ.
К чему комꙋ. охота к тому. и смыслъ.
К пивꙋ. ѣдется. а к словꙋ. молвится.
1255 Кꙋдри вьются. и шолꙋди. ведꙋтся.
Кнутъ не архангелъ души не выне а правду скаже.
Каково кто постеле таково и выспится.
Кꙋды ни поворотй ип говенныи к ожерелью.
Какъ хто живет тат тот. и словетъ.
1260 Какъ намъ ся жить тат и ночь коротка.
Кормъ коня лутче.
Кꙋма не мила и гостинцы. постыли.
Какъ в лесъ кликнешъ такъ и откликнется.
Конь горбатъ не меринꙋ братъ.
1265 Клади. всячинꙋ. на воз.
Какъ хто тонетъ топор сулит а как вымут і топорища не дат.
Какова псꙋ. кормля такова имъ. и ловля.
Кровъ путь кажетъ.
[л. 350 об.] Колотй Климъ в одинъ клинъ.

Ѕлобный́ мужь всѣмъ не дюжь.
Ѕавиⷣливыи что песъ обиⷣливый́ что бѣсъ.
Ѕѹбъ грызетъ что иметъ: а рука̀ емлетъ 1020
что досяжетъ.
Звяготливомѹ червь поⷣ языкоⷨ каⷦ чеⷬвя не ста
нетъ такъ перестанетъ.
Злѹ женѹ и̂мѣя́ ѹ̂чить е̂я умѣя́.
Злорѣчивой́ хошь языⷦ оⷮрѣзаⷧ и она пеⷬстоⷨ накиваеⷮ
Звоиливо́ не зажмурясь спитъ.
Забидливъ бываетъ обиⷣливъ, 1025
Зяблые сѣмена̀ всегда̀ поⷥдо̀ всходятъ.
Завиⷣно в поле̂ гороⷯ да рѣпа̀.
Зашибено за удерено ставятъ.
Ѕависть. и̂мѣяй́ часто̀ в'здыхае̂тъ.
Ѕелие знати́ по начамъ не спати́. 1030
Ѕвѣзда̀ наша̀ быкъ а участакъ моклокъ.
Ѕимою шѹпка̀ не шѹтка.
Ѕзмѣя естъ не для тѹкѹ̂ для болезни.
Ѕлое̂ ремесло̀ на рель занесло̀.
Зверя бьютъ время ждутъ. [л. 345 об.]
Зелие̂ збираютъ звѣздъ избираютъ, 1036
Золъ мужь в магилу а дабра жена по дворамъ,
Зла кабылъка̀ ешъ кабылъку,
Злыхъ все́хъ Ѕлее Ѕлая жена,
Золъ женихъ а Ѕлу невесту обѣгаетъ, 1040
Зобъ кривъ сыта птичка̀,
Законъ Ѕаконъ Ѕаконамъ,
За скудасть разума̀ полатъ лишаются,
Зависть приметъ люди не наказаныя,
Ѕвание вышнего на браки вѣчные, 1045
Ѕная Авраамъ жену сестрою звалъ,
Ѕа правая слова̀ умираютъ мнози,
Ѕа морямъ карова̀ по деньги́ да провозъ дорогъ,
Ѕапросу в мошну не кладутъ,

Кꙋды конь хочетъ тꙋды онъ скочитъ.
1305 Кашеваръ живетъ сытея князя.
Кусаетъ клопъ досожаетъ что холодъ.
Криворотъ у воротъ.
Кровью кончатся. головою венчатся.
Край земли конецъ моря. много везде горя.
1310 Крадетъ листъ кочотъ съесть ево хочотъ.
Копръ в капꙋсте. смрадꙋ. не пꙋститъ.
Косу остри на травꙋ. смотрятъ.
Кошира в рогожи. нагъ обшила а Тꙋла в лапти обꙋла.
Кормила баба дилека начаяла. чавка.
1315 Кодя попꙋ. іконꙋ. покадить и Офоню.
К чистому поганое. не прилнетъ.
Конецъ. смертныи. всякомꙋ горекъ.
Конемъ. воевать а копьемъ шꙋрмовать.
Костки пестры. зерщикꙋ. сестры.
[л. 351 об.] Карты у Карпа. тверды наизусть.
1321 Конь молодцꙋ. что копръ. огꙋрцꙋ.
Кучился мучился. а какъ упросилъ. тамъ. и бросилъ.
Казакъ в Запорогахъ что пень при дорогахъ.
Книга кроника. на многихъ улика.
1325 Короста на деткахъ и матке свербить.
Колыбелка младенцу. а костыль сторикꙋ.
Каково де приспелъ таково онъ и съелъ.
Каково веется таково. и мелется.
Которой котъ блудливъ тотъ неторопликъ.
1330 Капуста не куста добре не укусна.
Ключь силнея замка.
Кожюхь. с плечь. полезь в печь.
Какова пряха. такова на ней и рꙋбаха.
Которая матка свои детки съсетъ.
1335 Кꙋды голова тꙋды и животы.
Кроятъ платие к старому примерикая.
Краденое порося и в ꙋшахъ визжитъ.

Знай жену ѕлонравну. что сви҃ю приравну.
Знать и по рожѣ. что былъ на сторожѣ.
Знать на цвѣту. что идетъ. к' мату.
Ѕнать· по килѣ что бы҃ в магилѣ. [л. 346 об.]
Ѕачалъ за здравье а свелъ ѕа упокой.
Ѕа очи яйца торгуютъ.
Ѕаочно торъговать. по товарѣ горева҃.
Ѕа неволю к' полю коли бѣси в лѣсѣ.
Ѕ дуракомъ не убить бобра.
Ѕаемъ плати҃ не бѣда,
Ѕаемъ красенъ платежемъ.
Ѕаимуя смѣются а платя долгъ плачю҃.
Ѕаимщикъ заимодавцу всегда винова҃.
Ѕаимовать не соромится а плати҃ хорони҃ся.
Ѕнай лысыхъ не проходи плѣшивыхъ,
Ѕобъ полонъ а глазы голодны,
За такия дога҃ки заверну лопатъки.
Захотѣлося дрищу борщовыхъ щей,
Загорѣлось дша бѣжи до ковша,
Збруя при рати недруга карати,
Зеленъ виногра҃ не сладокъ мла҃ члвкъ не крепо҃.
За очи баба и князя лаетъ.
З горя не ушиптися а хлѣба не лишитися.
Зову҃ меня Власомъ а живу в сѣлѣ ѕа пасомъ.
Зазнался что вошъ в коросте.
Зинулъ Ка҃янъ на кр҃тьянъ.
Звалася баба княгиняю за пу҃тою братиною.
За слово ни полу слова.
За что батко ѕа то и дѣтки,,
Забылъ бѣсъ небо упалъ о҃ в пекло. [л. 347]
Знаетъ и дѣдъ в кою пору обѣдъ.
Забылъ в сурну. какъ попалъ в тюрму.
Зѣва҃ волкъ не ѣтчи ожидаетъ о҃ овечки.
Законъ преступить во тму поступи҃

[л. 352 об.] Которая служба. нꙋжнѣе. та и честнѣе.
Когда будетъ рѣпа тогда и мѣра.
Когда будетъ пиръ. тогда и гости.
1375 Каковъ в калыбелкꙋ. таковъ и в магилкꙋ.
Каково посѣемъ таково и пожнемъ.
Которой днь прошол то до на дошолъ.
Какъ тамъ говорить гдѣ не дадꙋт и рта ѿворить.
Квасъ что малина. десятью. наликанъ.
1380 Крестьянская кость да собачьимъ мясо ѡбросла.
Кошкꙋ бьютъ а невѣсткѣ навѣтки даютъ.
Кириловской поклон девяти пядей с хвостомъ.
Какъ ни валяися лишъ не ꙋмораися.
Какъ лучитца. поучитца. та буду знать.
1385 Какъ бꙋдетъ добръ· та будетъ и бобръ.

Л.

[л. 354] Лехко мнится бремя на чюжемъ рамѣ.
Лошака в хомꙋтѣ везетъ по могꙋтѣ.
Лисье племя. лише лститъ да манитъ.
Ленивомꙋ болитъ в хребтѣ.
1390 Ленивой двой дѣлаетъ.
Ленивог и по платью. знать.
Лишняя. говоря. сорома доводитъ.
Лꙋнная ночь что ненасног день.
Лѣтней день за зимнюю неделю.
1395 Ленивои пьетъ водꙋ.
Люди пировать а мы горюшвать.
Лошака ребенка а у хвоста два. ꙋскачотъ.
Лꙋчше семья горѣть а ни одонока вдовѣть.
Лѣт сечь не жалѣть плечь.

И, І.

Йстинна. ѿ земли. и правда с нбси.
Йстинно. не ложно проти҃ рожну пра҃ не во҃можно.
Йскра мала великъ родитъ пламень.
Йз' одного мѣста. не однѣ. вѣсти, 1150
Й гордъ и норовъ. и члвкъ и обычаи.
Йметъ голо҃ появится. и голосъ.
Йз пустова. судна ни пьютъ ни едятъ.
Йз пустой храмины либо чортъ либо дьяволъ.
Йзпустя. лѣто. да в лѣсъ по малину. 1155
Йз короба не лѣзе҃. а в коробъ. не пуститъ.
Йзжилъ вѣкъ за холщовой мѣхъ. [л. 848]
Й дво҃ и воръ а в рѣдкомъ. два.
Й то то буде҃ что и насъ не будетъ и то то бу
детъ что и о҃ насъ потужатъ.
Йспила. кума бражки да хватила҃ рубак и. 1160
Йзломя ногу. не играть в треногу.
Йже да како не солгу҃ никако.
Йчется з голоду. а дрожится с холоду.
Йкнулъ вѣсь молокомъ да ѿрыгну҃ чеснокѡ҃.
Йспила баба табаки да несе҃ что ѿ сабаки. 1165
Йпа҃ надѣла҃ лопа҃: а Ѳедѡ҃ продова҃ поннось.
Йти с кошелемъ стыдится а сидѣ҃ дома тѡ҃ни҃ся.
Йде҃ дождь. несе҃. онъ. рожь.
Йска҃ дѣ҃ маку да попалъ въ яму.
Йгумна в гумна. куда: занесла. 1170
Йгра҃ в дуду. не скачу҃ рыдалъ в пиру. не плачу҃.
Йска҃ кобы҃ку. топта҃ кобы҃ку.
Йзбы҃ дѣ҃ бычка да ҃ватися молочка.
Йз доброва мѣха добра и потѣха.
Йспортя гожи. не тужи. 1175

Люди молотиⷮ а мы в замки колотить.
1435 Люди с тоⷬгомъ а мы с отволокою.
Лобя кꙋрятъ. посернꙋть.
Ласково' гдиⷩ. двоихъ. рабъ. держитъ.
[л. 353] Лежи на бакꙋ. да гляди за Окꙋ.
Лучше хлѣбъ с водою а не пирогъ з бѣдою.
1440 Легонко поѣлъ легко и ⷥдѣлалъ.
Лѣто прошло а слнцо не ожгло.
Лѣто проходитъ зима наⷭтаетъ.
Лꙋкъ надежной дрꙋгъ сердешной.
Левъ страшіно обезьяно смѣшно.
1445 Лисица старая льстица.
Личико бѣленко' да разꙋма' маленко.
Любяи вінѡ и масло не обоготится.
Любовь. покрываетъ. множество. грѣховъ.
Ласково слово кость ломитъ а жеⷭтоко гнѣⷡ движеⷮ.
1450 Лѣность. наводиⷮ. бѣдность.
Лѣнь мужа портитъ. а ⷬстаⷡ ево' кормитъ.
Лиска лжоⷮ да на хвостъ ся шлію́тъ.
Лаⷭково телетко двѣ маⷮки сосеⷮ а лихое. и однꙋ ѕапꙋстиⷮ.
Ложкою кормитъ а стеⷡлеⷨ. глаⷥ колетъ.
1455 Лошака маленка а седлꙋ мѣсто бꙋдетъ.
Лихъ не добръ. свой. не бей. ево. при мнѣ.
Люди тонутъ а оⷩ веселꙋю. ломитъ.
Лихое глядѣнье пꙋще доброва. прошенья.
Ленива дошлеⷲся сонливова добудишся а мⷬтва нікогда.
1460 Лехко за готовымъ. хлѣбомъ на полатяⷯ. спать.
Лысъ коⷩ не ꙋвѣчье а плѣшиⷡ молодецъ не беⷥчестье.
Ложаⷭ благословися. а встаⷩ перекрестися.
Левъ дівенъ смиренимъ а жена покореніемъ.
[л. 353 об.] Любя женꙋ потерпѣть с'тыдꙋ.
1465 Лизнуть пер'стомъ задѣть и горскою.
Любитъ коръ чорнꙋю работꙋ.
Лѣсти с печки. для перепечки.

Йз пѣсни. слова. небыгородить.
Йзло҃лена лꙋка двое боят'ся ѻдинъ стрелитъ а ᵈруго' напꙋ҃ти҃. 1210
Й великъ да глупъ что Ѻнаньинъ внукъ.
Й по рожѐ. зна҃. что Сазономъ звать.
Йзвязло клиньѐ в косоѐ деревьѣ.
Йз огня' да к' поломя.
Йной о҃ кни҃гъ а иной о҃плꙋтыгъ. 1215
Й самъ тому не радъ что грамоте гораᶻдъ.
Йной кажеѓся. и глꙋпъ а молвитъ слово к пꙋ҃.
Йгуменъ Гꙋрей до бра҃ти дꙋренъ.

К

К' мяхкому воску. чисто печа҃ воѡᵇраᶻдеѓся а ꙋчение во младости. крѣпко вкореняется. [л. 349 об.]
Копать не могꙋ. просити стыжꙋся. 1220
Каковъ. молебенъ такова и м'зда.
Каковъ. пастырь. таковы. и ов'цы.
Кого ѡжидаютъ. томꙋ и потребноѐ готовятъ.
Какова, постеля. таковъ и сонъ.
Ко҃зни' лс'тивомꙋ. ѿ ѿ҃ца ѐво дьявола. 1225
Крадый' чюжая' не обогатѣетъ.
Крашѐ поля перегода.
Каково кто сѣялъ таково. и пожне҃,
Которой. б҃гъ оᵇмочитъ то҃ и высꙋши҃,
Красна бѣсѣда. смирениемъ, 1230
Красно полѐ со пшеницею.
Красно полѐ с' рожью а слово с ро҃ю.
Кꙋды. дерево. наклонило҃ тꙋды ѐво. и сѣкутъ.
Каковъ. ѻбихо҃. таковъ. и росхо҃.
Какова. пашня. таково. и брашно. 1235

Кꙋды сава́. глядитъ туды ей. и летѣть.
Каково́ кто́ игралъ такову и́ ездꙋ взялъ.
Какова́ печаль таковы, и слезы.
Корова́ черна́ да молоко у́ неи бѣло.
1240 Кусъ де҃нга кусъ грив'на.
Коз'лу́ борода́. не замѣна.
[л. 350] Кобель не скочи҃т. если. сука. не захочотъ.
Когда́ желѣзо́ кипитъ тогда его и ковать.
Куды ся ни кинꙋтъ такъ по уши́. в смолꙋ.
1245 Кто́. со҃лнца. ѡбѣгаетъ. то҃. вѣкъ. о́зябаетъ.
Кума ш'ла пѣша́. кꙋмонямъ лехче.
Кто не ѣлъ чеснокꙋ. то҃ и не бонятъ.
Красна́ пава́ перьемъ честна́ жена мужемъ.
К брани́ слово прикупаютъ.
1250 Кто грамоте́ горазъдъ не умѣетъ ли. пропасть.
Кошке́ игрушки́ а мышке́ слезки́.
Красенъ долгъ платежемъ.
К чему́ комꙋ. о́хота к тому. и́ смыслъ.
К пивꙋ. ѣдется. а́ к словꙋ. молви҃тся.
1255 Кꙋдри́ вьются́. и шолꙋди́. ведꙋтся́.
Кнутъ не архангелъ дꙋши не выне҃тъ а правду скаже҃тъ.
Каково́ кто́ постеле҃тъ таково́ и выспи҃тся.
Кꙋды́ ни покороти́ и҃ гобенны҃ к ожерелью.
Какъ хто живе҃тъ та҃къ то҃. и́ словетъ.
1260 Какъ намъ ся жить та҃къ и ночь корот'ка.
Кормъ коня лут'че.
Кꙋма́ не мила́ и гостинцы. постылы.
Какъ в лесъ кли҃кнешъ такъ и о҃ткликне҃тся.
Конь горбатъ не меринꙋ́ братъ.
1265 Клади́. всячинꙋ. на воз.
Какъ хто тонетъ топо҃ръ сули҃тъ а ка҃къ выму҃тъ і топорі́ща не даст.
Какова́ псꙋ. кормля́ такова́ имъ. и ловля.
Крокъ путь кажетъ.
[л. 350 об.] Кольцо́ Климъ в одинъ клинъ.

Куды иголка тȣды и нитка. 1270
Каковъ чортъ ѣдетъ таковъ и побиваетъ.
Каковъ. на взглядъ. таковъ. и на роⷥрядъ.
Куды ни поворотишъ инъ бросишъ.
Коровки с поля. а пастырю. воля.
Козеⷯ платиⷮ кожею. з бородою а виноватоⷨ своею головою. 1275
Коровка скачоⷮ на бычка. хочоⷮ она молочка.
Корова с молокомъ а баба з дойникомъ.
Которая птичка раненко запѣла тоⷨ во веⷭ днь моⷧчать.
Каⷦ волкъ носиⷧ нихто не видалъ: а каⷦ коⷧка понеⷭли вся видиⷮ.
Кȣжлеⷨ катаⷮца. за землю. хватаⷮца. 1280
Какъ возметъ голоⷣ появится и голоⷣ.
Какъ хто знаеⷮ таⷦ по своеⷨ баⷨке и плачотъ.
Какъ бгȣ дать. и в окошко. подастъ.
Каша ⷩⷲⷶ раⷥгоня нша.
Колко сокола ни коⷬмиⷮ а оⷮ рȣ ево отпустиⷮ. 1285
Катается что сыⷬ в маслѣ.
Каⷦ быⷮ каⷦ шолȣдивова бриⷮ не лучшеⷯ ево опалить.
К миломȣ. семь верстъ не околица.
Кисель брюха не портитъ.
Коли дрова горятъ. толды кашȣ варятъ. 1290
Каша не наша котиолъ. не свой.
Капустȣ садить спине досадить.
Кисель да блинъ. добро. не одинъ.
Косȣ острятъ на травȣ а мечь на главȣ. [л. 351]
Куды волкъ глядитъ туды оⷩ и бѣжитъ. 1295
Калачи живутъ. дешевы. коли дньги дороги.
Косъ очми. кривъ. речми.
Коль добро с виномъ ведро. секоль хороши. с пиⷦцоⷨ коⷦши.
Кому перстомъ кивають. а намъ глазомъ мигаютъ.
Конекрадъ. гараⷥдъ. уⷥдъ вязать. 1300
Красилникъ не силникъ что ему дадȣⷮ то и краситъ.
Кнутъ да пластырь да доброй пастырь.
Книги читать. ѕла не плутать.

[л. 356 об.] Мертвому. ꙗмка. а живому. мамка.
Младоумному. полонъ ротъ мухъ.
1565 Мечомъ злато добываютъ а мечь злато покупаютъ.
Мы про людей вечеренку сѣдимъ а людї про насъ і во всю нощь не спятъ.
Мыло черно да моетъ бѣло.
Мѣста много а сѣсти нѣгдѣ.
Мирская молва. что морская волна.
1570 Малъ золотникъ да дорогъ. и великъ федулъ да бросилъ.
Мужикъ деревянаа. рогатина.
Мужа печется какъ хлѣба добыть а жена мыслитъ какъ мужа избыть.
Мука красть убѣлится.
Милъ гость что душа избываютъ его что ежа.
1575 Милъ гость да великъ постъ.
Мужа чтятъ за разумъ а жену. по уму.
Мухи к свѣту. а мышъ. во тму.
Мочалъ солодъ забывъ голодъ.
Мѣсятъ квашню по сусѣку смотря.
1580 Мяхкая постеля. в долгъ. сонъ приводитъ.
Мышъ гложетъ что можетъ.
Мушкамъ за хлѣбомъ искать,
Мертвому тїмпанъ не погудка.
Мрежею. души. не ловятъ,
1585 Мужу краса до уса,
Мы хотимъ. пить а насъ хотятъ. бить.
Мутно на душѣ что нѣтъ пива. в коршѣ.
Мошїно догадатся что в окошко. уже бросатся.
[л. 357] Мелникъ не бездѣлникъ. хоша дѣла нѣтъ а топоръ из рукъ не идетъ.
1590 Мылня. что Вилня. тамъ не гуляется а тутъ набаляется.
Мошна что квашня. какъ в нея прибываетъ такъ ея прїкисаетъ.
Мена бес костей а ловецъ без снастеи.
Молодъ прутокъ зелены орешки.
Молотъ мѣлко. постоять. а прясть толко посидѣть.
1595 Муха да уха сорока до ока а оса да носа.

Кȣды шла нѡ҃ тȣды. и сонъ.
Коровка́ мымнѣ҃ а дш҃а вымретъ.
Кому́ бол҃я кости. не думаетъ в҆ гости.
Кра҃но слн҃це ѵ́сходи҃. каково то заидетъ.
Красно гȣмно̀ стогами. а сто͆ пирогами.
Конь любитъ о҆весъ а кисель любитъ Ѳедосъ.
Ключемъ ко ͆нȣ. а пȣпырье. к҆ ве͛хȣ.
Кормя колочомъ да в спинȣ. кир҆пичомъ.
Какъ ни ворочали. наша̀ короче. [л. 352]
Кинь хлѣбъ соль за собою объявѝся пре҃ тобою.
Комȣ тошно̀ а попȣ в мошно.
Кто бога̀ боѝся то҃ и людей стыдится.
Колко ни говорить а на правдѣ быть.
Крѣпка̀ рать воеводою.
Комȣ ѿ чȣжихъ а намъ ѡ҃ своихъ.
Кто чемȣ посмѣется то҃ тому́ и̓ пороботи҃ся.
Кто у́ кобо не ѡ҆бѣдаетъ то҃ тово̀ и не ѡ҃бѣдаетъ.
Кто до͛ро говори҃ тово не дарить. а кто и͛рани҃ тово стало не би҃.
Конь о҆ четыре҃ нога҃ и то҃ потыкается.
Каковъ ѣдетъ таковъ· и̓ погоняетъ.
Кто бабѣ не в҆нукъ.
Кто на море не быва͆ то҃ ѡ҃ желания· срц҃а бг҃ȣ не малива͆ся.
Кто его не ͆наетъ. то҃ и не лаетъ.
Кто самъ себя̀ хвалитъ в то҃ пȣти̓ никогда не бывае҃.
Куды конь с копытомъ а ра҃ тȣт же. с клешнею.
Колко воды̀ ни пить. а пьянȣ с неѣ не быть.
Которая дш҃а чеснокȣ. не ѣла. ѿ тое̓ не воняетъ.
Колко волка̀ ни кормить а о҆нъ к лѣсȣ глядитъ.
Кабы. не деньги. та҃ бы весь в по͆дн҃ги.
Ка҃ бы̀ на дятла̀ не сво҆ нѡ҃ кто бы его̀ в҆ деревѣ нашо͆.
К пра͆никȣ. не призываю҃ а ѡ҃ пра͆ника. не ѡ҃бивають.
Корова̀ не гостья на повѣти̓ сѣно видитъ.
Кабы на коня не лысина̀ цены бы. ему́ не было.
Каковȣ дрȣгȣ чашȣ. нальешъ таковȣ ї са҃ выпьешъ.

[л. 352 об.] Которая служба. нꙋжнѣе. та и честнѣе.
Когда будетъ рѣпа тогда и мѣра.
Когда будетъ пиръ. тогда и гости.
Каковъ в калыбелкꙋ. таковъ и в магилкꙋ.
Каково посѣемъ таково и пожнемъ.
Которой дн҃ь прошолъ то до на дошолъ.
Какъ тамъ говорить гдѣ не дадꙋт и рта ѿворить.
Квасъ что малина. десятью. наливанъ.
Крестьянская кость да собачьимъ мясом ѡбросла.
Кошкꙋ бьютъ а невѣсткѣ навѣтки даютъ.
Кириловской поклон девяти пядей с хвостомъ.
Какъ ни валяися лишъ не ꙋмораися.
Какъ лучитца. поучитца. так буду знать.
Какъ бꙋдетъ добръ· так будетъ и бобръ.

Л.

[л. 354] Лехко мнится бремя на чюжемъ рамѣ.
Лошака к хомꙋтѣ везетъ по могꙋтѣ.
Лисье племя. лише лститъ да манитъ.
Ленивомꙋ болитъ в' хребтѣ.
Ленивой двой дѣлаетъ.
Ленивого и по платью знать.
Лишняя. говоря. сорома доводитъ.
Лꙋнная ночь что ненасно день.
Лѣтней день за зимнюю неделю.
Ленивои плетъ водꙋ.
Людй пировать а мы горюѡвать.
Лошака ребенка а у хвоста одка. ускачотъ.
Лꙋтче семья горѣть а ни одонока блокѣть.
Лѣт сечь не желѣть плечь.

Ладанȣ бѣгаетъ дьявол а дурак доброва слова.
Ленивомȣ медвѣдь в поле а волкъ за вороты.
Люблю долго спать да стыжȣсь поздо встать.
Лутче праздничать а не бражничать.
Лȣтче. ста рублевъ. сто дрȣговъ:
Лакомъ мошны не завязываетъ.
Лакома Устинья. до ботвинья.
Лихва и лесть диаволȣ. честь.
Лишние. басни. пора в козовъ.
Лȣтче старикъ семеры молодыхъ.
Лȣгвица птица. пȣтей. стережетъ.
Ловитъ. волчокъ. роковȣю. овечкȣ.
Лакомо орѣхъ а грысть его не грѣхъ. [л. 354 об.]
Лихвȣ збирать после вздыхать.
Лгать людей. ѡбѣгать.
Листъ· краситъ древо а одежда чрево.
Лодыгу в кашȣ. а повора кзашеи.
Легкая рана· и головы· не сыскать.
Лукомъ торговать луковы плетеня и попоясатся.
Левка не поплевка. иномȣ от и в горле станетъ.
Либо сѣна клок либо вилы в бокъ.
Лизавъ. нож порѣзать языкъ.
Любит. игра. кȣпить домра.
Любя пиво пьютъ а не любя его льютъ.
Лапа в лапȣ. а задатокъ въ лапкȣ.
Лестное слово. что вешней лед.
Льстивой и себѣ вѣры не иметъ.
Лося бьютъ в осень. а дȣрака всегда.
Ловя бѣлки. насорить зѣнки.
Ловецъ да чернецъ. и по ночамъ. мало. спит.
Ленъ не родится. и мачало згодится.
Лихо ленивомȣ до лѣта. а там ли спи да лежи.
Ловцы. рыбные. людцы. гиблые.
Ложася. спать дȣмай какъ встать.

Н.

[л. 358] Начало премудрости страхъ гднь,
Не надѣитеся на кнзи і на сны члвческия в ніхже нѣта спсенія.
Не чистъ пред гдемъ всякъ высоко сердыи,
Начало блго конецъ потребенъ.
1635 На суд йти преже самому. шсудитца.
Не копай под другомъ ιяму самъ ввалишся,
Не требуютъ здравіи врача на болящиі,
Недостаток сладости скрашаетъ соль.
Нѣсть красна пѣснь во устѣхъ грѣшника.
1640 Не испортя дѣла не узнатъ,
Не ставъ дворянских сѣней булдыремъ.
Не будь гостю запасенъ будь ему радъ,
Новая. метелка чистенко мететъ,
Не поззуетъ имѣние в день ярости,
1645 Не сыпъ бисеру. перед свиньями да не поперут ево ногамі.
Невидаль корову купил будет ли на лѣто. трава,
Не кайся добро здѣлавъ,
Не береги дерева в лѣсу. а девку в людяхъ.
На грѣхъ мастера. нѣтъ.
1650 Не толко свѣту. что в окошіке,
Нашему слову и мѣста. нѣтъ,
Не сули жаравля. в небе давай синицу в руки.
На што было лгать коли нѣчево дать.
Надулся что мышь на крупу,
1655 На прав'ду. немного словъ надобно,
Ни радость вѣчна ни печаль бесконечна.
[л. 358 об.] Не рожден не сын не окуленъ не холоп не выскормя ворога не видал.
Неупокой пьетъ мед а упокои воду.
Не помутясь море. не уставится.
1660 Не рада баба побою рада упокою.

Лживъ хочь хвастать.
Люди спать а́нъ жолвеи искать.
Лѣсти на елку. разобрать портки. 1470
Людская молва́ что морская волна.
Лѣсъ букою а́ домъ скукою.
Лилѣя а́лая. утѣха́ малая.
Лоскуⷮ крашенины. да куⷬ квашенины ї сыⷮ ї о́дѣнъ.
Лукъ добро. и к' бою и во штяхъ. 1475
Людей много а человѣка. нѣтъ.
Люди жать а мы с поля бѣжать.
Лстивъ в пиръ а лѣнивъ в миръ.
Лоскутъ на воротъ. а кнутъ на спину.
Липовы клѣтки. накладъ росказалъ. 1480
Люди тонутъ а́ онъ веселую ломитъ.
Ладонъ на вороту. а чортъ на шеѣ.
Людские руки добры да не к срдцу.
Ложкою кормитъ а стебле́мъ глаⷥ колетъ.
Либо добыть либо домоⷨ не быть. 1485
Лихо терпѣть а́ стерпится слюбится.
Лапти с'плелъ да и концы схоронилъ,
Любо к' стремя ногою. любо. петлю головою.
Ластка день начинаетъ а соловеⷪ вечеⷬ кончаетъ.
Лихо бы с' рукъ а с' ногъ. и собаки. стащатъ [л. 355]
Лежень лежитъ а́ часть его роститъ. 1491

Мудрость старости честнѣе.
Масть колеса: дороже.
Мруⷮ люди не по старости. а живуⷮ. онѣ не по младости.
Мужь дому строитель нищетѣ о́тгонитель. 1495

Люди́ молоти҃ а мы в замки́ колотить.
1435 Люди с то҇рго́мъ а҆ мы с от҇волокою.
Ловя кꙋрятъ. посе́рнꙋть.
Ласково' г҃ди҇. двоихъ. рабъ. держитъ.
[л. 353] Лежи́ на бакꙋ. да гляди́ за Окꙋ.
Лучше хлѣбъ с водою а҆ не пирогъ з бѣдою.
1440 Легонко поѣлъ легко и ҇дѣлалъ.
Лѣто прошло а с҃лнцо не ѡ҆жгло.
Лѣто проходитъ зима́ на҇тает҇.
Лꙋкъ надежной дрꙋгъ сердешнои.
Левъ страшіно ѡ҆безьяно смѣшно.
1445 Лисица́ старая́ льстица.
Личико бѣленко̀· да разꙋ́ма· маленко.
Любяи віниѡ и масло не обоготится.
Любовъ. покрывает҇. множество. грѣховъ.
Ласково слово̀ кость ломитъ а же҇токо гнѣ҇ движе҃.
1450 Лѣность. наводи҃. бѣдность.
Лѣнь мужа́ портитъ. а ҇ста҇ ево· кормитъ.
Лиска́ лжо҃ да на хвостъ ся шаї҆ѡтъ.
Ла҇ково телетко двѣ ма҃ки́ сосе҃ а лихое. и ѡ҆нꙋ ѕапꙋсти҃.
Ложкою кормитъ а сте҇ле҇. гла҇ колетъ.
1455 Лоша҇ка́ маленка́ а҆ седлꙋ мѣсто бꙋдетъ.
Лихъ не добръ. свой. не бей. ево. при мнѣ.
Люди тонутъ а о҇ веселꙋю. ломитъ.
Лихое҆ глядѣнье҆ пꙋще҆ доброва. прошенья.
Ленива дошле҇ся сонливова́ добудишся а м҇ртва нікогда.
1460 Лехко за готовымъ. хлѣбомъ на полатя҇. спать.
Лысъ ко҇ не ꙋвѣчье҆ а плѣши҇ молодецъ не бе҇честье.
Ложа҇ б҃гословися. а вста҃ перекрестися.
Левъ дівенъ смирениемъ а҆ жена покореніемъ.
[л. 353 об.] Любя женꙋ потерпѣть с'тыдꙋ.
1465 Лизнуть пер'стомъ задѣть и горскою.
Любитъ воръ чорнꙋю работꙋ.
Лѣсти́ с печки. для перепечки.

Масло коровье ѣдятъ на здоровье. 1530
Мертвомȣ. пѣние. а нам говѣние.
Мелникъ богатъ живетъ шȣмомъ.
Мыло. кȣпятъ. на лишнюю денешкȣ.
Милъ гость что не долго гоститъ.
Мзда. глаза. слепитъ. 1535
Мяхкий рȣки. чюжие. трȣды. поядаютъ.
Много. званныхъ, а мало. избранныхъ.
Многъ пȣть. ко спасению. [л. 356]
Много на ўмѣ да нѣтъ на гȣмнѣ.
Малая сабака и под старость щеня. 1540
Молодецъ что ѻгурецъ. а едятъ ево свиньи.
Мило что жена а горко что бѣда.
Мѣха ўрѣзавъ. да мѣхъ пѡлатить.
Мухи с обухи клопы. с ослопы. комары с топоры то
раканы. з санапальи. сверчки с лучки.
Много. хороших. да милова нѣтъ. 1545
Много добра не надакучитъ.
Межъ перстовъ мясо. не растетъ.
Мертвой ў воротъ не стучитъ а свое возметъ,
Молебенъ пѣтъ. а ползы нѣтъ.
Мȣка всемȣ. наука. 1550
Мертвȣ. помины а живȣ. имянины.
Много пѣлъ а мало. ѣлъ.
Медъ. ѣсть. в улеи. лѣсть.
Мертвымъ на погостъ. хоть в великой постъ.
Мило. волкȣ. теля. да гдѣ ево. взять. 1555
Москва что доска. спать широка. да везде гнететъ.
Мороз на дворѣ. ѡ вчерашнѣй порѣ,
Мȣжь. мȣдръ. безмолвие. водитъ.
Мȣмію. збирати. при ȣсопшихъ. рати.
Мȣхи летаютъ а вороби ихъ хватаютъ, 1560
Малой идетъ к дивȣ. а старой бредетъ к пивȣ,
Мертвымъ да мерзлымъ хошъ ты и потпирай.

Мнитъ ꙋ̓богъ в гор'достѝ мѣсто. оͬрѣсти.
Мыло̀ не мило̀ коли лицо̀ з̓гнило.
Мажетъ Кли͞ телегꙋ. ѣдѣтъ в Кры͞ по рѣпꙋ.
Мꙋка вѣчная̀ не мꙋха̀ здѣшіняѧ.
1500 Мясоѣдъ с постомъ побронилсѧ.
Мерино͞ малене͞. а сѣлꙋ. мѣсто. ѣсть.
Мꙋтнꙋ водꙋ пьютъ в' незгодꙋ.
Моло͞. мꙋжь. молода̀. ѐго. и мысль.
Моло͞ хошъ молодъ да бле͞ старо.
1505 Мы͞ль чл̃вка ѕа гарамѝ а смерьть его за плечами.
Малъ· языкъ· великимѝ. людмѝ. владѣетъ.
Мала о̑гня искра̀. великѝ вещи. сожигаетъ.
Мл͞тивои человѣкъ подобенъ мл͞тивомꙋ бг͞ꙋ.
Множество̀. м͞рыхъ. спасеніе мирꙋ.
1510 Малъ грѣхъ. великꙋ. винꙋ. приноситъ.
Мзда. глаза̀. деретъ,
[л. 355 об.] Мздою что ꙋ̓здою· оͬрати͞ сꙋдаю в твою волю.
Мзда̀ и прем͞рꙋ. мужꙋ. ослѣпляетъ о̑чи.
Многое ꙋ̓чение. трꙋдовъ потребꙋетъ.
1515 Могилꙋ помянуть. всякому вздохнуть.
Медъ ка̀плетъ ѿ ꙋстъ жены блꙋдницы.
Малая вина̀ непокорствомъ ра͞про͞траняе͞ца.
Мертвымъ соколомъ воро͞ не ловятъ.
Мимо яблонцы. яблочко не падетъ.
1520 Мѣсто чл̃вка не просвѣтитъ. но чл̃къ мѣсто.
Мяхко стеле͞ да жестоко спать.
Медъ сла͞ко а̀ мꙋха̀ па͞ко.
Моло͞ мѣсяць не во всю ночь свѣтитъ.
Мала̀ даждевная капля жесто͞ каме͞ пробивае͞.
1525 Много. знать. мало. спать.
Многи. кумы. доводятъ до сꙋмы.
Мꙋка̀ не молота̀ а вода̀ на болоте.
Мѣря͞ вѣтръ не стане͞ вѣдръ.
Мѣряешъ. водꙋ. не спрашивай. бродꙋ.

XI.

Къ стран. 122—3.

I. Сборникъ скорописн. XVII-го вѣка Моск. Главн. Архива Мин. Иностр. Дѣлъ № 250/455, *снимокъ съ листа 357* (текстъ пословицъ на [illegible] LI).

Мы жѐ сс͡ужаемъ да мы̑ не угожаемъ.
Матъ всякому дѣлу конецъ.
Ме̑ вамѝ. брѣзгуютъ нами.
Мышѝ обралѝ. кота за попа.
Мышѝ кота на погостъ волокꙋтъ. 1600
Моло҃ гложѝ костѝ а старъ ѣжь кашꙋ.
Мышъ в коробе. что кнзь. в городѣ.
Мѣлакъ бродъ по самой ротъ.
Мꙋха ўбивает лѝ орла а муровеи лва.
Миръ зинꙋлъ и адъ ротъ ро̑зинулъ. 1605
Молено̑ воранъ о҃лучилсѧ и̑ гулящие̑ прилучи̑ся.
Мели мелѝ каза҃ за жерновы пирогъ.
Мечѐтся что. мертвое. теля. по хлѣвꙋ.
Многа добра не надокучитъ.
Мі̑р дѣло велико: ка҃ к'сѣмъ миро҃ володнутъ та҃ и време̑ции҃ ізд͡оне҃. 1610
Мѣдные глаѕа. не боятся. ни дымꙋ. ни воды.
Много говоритъ голова заболитъ.
Ме̑ гла̑, деревня. згорѣла.
Ме̑ гла̑ да нб҃ пропалъ,
Москва стои҃ на болотѣ а ржи в нѣи не молоти҃. [л. 357 об.]
Мать тово и не вѣдаетъ что снъ ў воды бе̑ хлѣба обѣдаетъ. 1616
Много. ў чорта. силы да воли нѣтъ,
Мꙋжь по деревнямъ. а жена в ожерелье.
Мꙋжь женꙋ. любитъ здоровꙋю. а ̑ра҃ се҃тру богатꙋю.
Мнѡгая говоря всегда стыда доводи҃. 1620
Мяхкое слово кость ломитъ а покорные головы і ме҃ не сече҃.
Мышей огнь ни ̑жетъ ни палитъ.
Мꙋзыка бе̑ языка два то̑ца бес конца.
Ме̑ве҃ лежа целую зиму не ѣтъ а на ве҃нꙋ целую корову стрѣскае҃.
Малъ чирей да гною полонъ. 1625
Мѣтилъ в воронꙋ. а попалъ в коровꙋ.
Мѣстечко добренко. велѣлъ вы б҃гъ пожить.
Мꙋ̑ женꙋ. лозою а она емꙋ грозою.
Медведь легъ и игра полегла.
Мѐвѣдь не деретъ а водилникꙋ што дѣлать. 1630

Неровень к коробѣ ѣдетъ.
Не все то перенять что по Волгѣ пловет.
Не плюй в колодез либо лучится. воды испит.
Не люби потаковщика люби встрѣшника.
Не бранися. с рабою да не сровняетъ с собою.
Не спрашивай стара спрашивай бывала.
Не молвя слова крѣпися а молвя слова держися.
Не лгутъ книги что времяна уж лихи.
Не радуися нашод не каися потерявъ.
Нѣмому. много. речей. надобе.
На што бабе меча ково ей сѣчь.
Не с мѣрою. с вѣрою.,
Не первой снѣгъ на голову.
Не дорога лодыга дорога обида.
Не изобида на дѣлу. а послѣ дѣлу хот всѣ отгоним.
На худой лошадкѣ. да к старонку.
Не пьет чортъ мiоду. глядитъ он в воду.
Не все лозою. иною. и грозою.
Наше. племя. соромь. себя.
Не поклонясь грибу до земли. не поднять его в кузовъ.
Норовъ не коровъ откормя его не убитъ.
Не тудыi. по дудыi.,
Не нашъ конь не нашъ и возъ, [л. 359]
Не вскормя ворога не видать.
Новая труба гласно а старая согласно,
Не успѣлъ слечь да и бродитъ.
Нозри точатъ. возгри,
Насидѣтся Болоде. в колодѣ.
Нашему Мине. начасоно в спине.
Новъ город шекочод в поездъ ѣхат. не хочетъ,
Наготы босаты навѣшаны. шесты.
На двор через забор а в тюрму. дверми.
Не пей много вина не истяряешь ума.
Не играй кошка углiомъ обожжешь лапу.

Н.

[л. 358] Начало премудрости страхъ гднь,
Не надѣитеся на кнзи і на сны чловческия в нихже нѣтъ спсенія.
Не чистъ предъ гдемъ всякъ высоко сердыи,
Начало блго конецъ потребенъ.
1635 На судъ итти преже самомꙋ. сꙋдитца.
Не копай подъ другомъ яму самъ ввалишся,
Не требꙋютъ здравіи врача на болящии,
Недостатокъ сладости скрашаетъ соль.
Нѣсть красна пѣснь во устѣхъ грѣшника.
1640 Не испортя дѣла не узнатъ,
Не ставъ дворянских сѣней бꙋдыремъ.
Не будь гостю запасенъ будь емꙋ радъ,
Новая. метелка чистенко мететъ,
Не пол̾зꙋетъ имѣние в' день ярости,
1645 Не сыпъ бисерꙋ. перед свиньями да не поперутъ ево ногами.
Невидаль коровꙋ купит будет ли на лѣто. трава,
Не кайся добро здѣлавъ,
Не береги дерева в лѣсꙋ. а девкꙋ в' людяхъ.
На грѣхъ мастера. нѣтъ.
1650 Не толко свѣтꙋ. что в окошке,
Нашемꙋ словꙋ и мѣста. нѣтъ,
Не сули жаравля. в небе давай синицꙋ в рꙋки.
На што было лгать коли нечево дать.
Надулся что мышь на крꙋпꙋ,
1655 На прав'дꙋ. немного словъ надобно,
Ни радость вѣчна· ни печаль бесконечна.
[л. 358 об.] Не рожден не сын не окуленъ не холоп не вскормя корога не видал.
Неупокой пьетъ мед а упокои водꙋ.
Не помутясь море. не уставится.
1660 Не рада баба побою рада упокою.

На сѹслѣ пива. не ѹгодать,
Не хвали вѣтра. не извѣявъ. жита, 1730
На пьянство. изведано лекар'ство сонъ.
Не по хорошѹ· мило· живе̃,
Не ѹмѣетъ песья нога на блюдѣ лѣжа̃ валя'ся же по̑ столо̑.
Не ѹ дѣтей. и сидни. в' честь.
Новой другъ что неѹставной плѹгъ. [л. 360]
Не то̃ ми̑тивъ хто много ми̑тини даетъ то̃ ми̑ти̃ 1736
кто никого не обидитъ,
Не пьянова м̃тва ни голо̑нова постъ.
Ноги гнилы. и тонцы. не милы.
Не любо не знайся не хощь не живи.
Не ѹстала кобыла что до Киева сходила. 1740
Не спѣши ѣздомъ корми коня тестомъ.
На што было женится. коли ро̃ не роди̃ся.
На гнилой товаръ да слѣпой купецъ,
Не купи дворъ купи. сѹсѣда.
Не желей тещина добра колупай ма̑ла шило̑. 1745
Не изъ тѹчи· громъ гремитъ изъ навозные кучи.
На кривой судъ. оброцца. нѣтъ.
На поклепъ денегъ не напастися.
Не угодать куды шулговатой стрѣли̃.
Не свой ножъ не любой. кѹсъ. 1750
Не жди начала жди конца.
На брань слова, прикупаютъ.
Не давай голодномѹ. хлѣба рѣзать·
Не посылай холостова. съ сватаньемъ,
Нашава Данила земля придавила. 1755
Не свой бы былъ не сабакою бы слылъ.
Не званъ гость лѹтче и званова,
На чюжой. животъ. глядя. сохни,
Не потерявъ. не ищи,
На чюжой ро̃ не пуговица нашить. [л. 360 об.]
Не завязавъ горло кинутся к водѹ. 1761

Не горшокъ купятъ ўгодникъ.
На низ вода снесе а в верхъ кабала взвезе.
Ни зуба во рте. ни глаза во лбе,
1765 Не званъ в пиръ не ходи.
Не богатой пиво варитъ торовато́й.
На битого два небитыхъ даютъ.
Не рокъ головы ище сама голова на рокъ идетъ.
Не тот вор хто крадетъ тот вор хто принимаетъ.
1770 Нашъ 'Ульянъ и з духу пьянъ.
На опалной товаръ много купцов,
Не добро дом без ушей а храм без очей,
Невѣста из бираетъ мѣста,
Не сохни. мати. по чюжемъ дитяти.
1775 Не охни не бали не твои сапоги.
На пуганымъ соколомъ и вороны граютъ.
На леченой кобылѣ не долго ѣхать.
Нашева горя и топоры не секутъ.
Ни пес ни выжлецъ ни гончая. сабака.
1780 Не винно. вино. виновато. пьянство,
Недосолъ на столѣ. а пересолъ на спинѣ,
Не наша еда лимоны. ѣсть их иному,
Не помѣрявъ. броду. не мечися. к' воду,
Не посмотря. в окно. не плюи,
1785 Не нарокомъ да с оброкомъ,
[л. 361] Не родися ни хорошъ ни пригож родися щасливъ.
Накла барышу болшой братъ.
Наша горница з богомъ не спорница каково на д
борѣ таково и в' неи.
Носилъ бы от порядку с коротки да животы коротки.
1790 Не по годамъ бьютъ по ребромъ,
Не бей мужика кнутомъ бѣи ево рублемъ.
Нощная какушка денную перекоковываетъ.
Не до бела коли свинья. щолокъ. пролила.
Не смердья дитя не дрогнетъ рука.

Не повинну рабу не пристрашна смерть. 1795
Нашла свиния свое порося.
Не много нагостиⷯ да много накостилъ.
Не столь смѣшно а на тожь нашло.
На напасть. не напрясть.
Никто не бывалъ. а поⷣ пѣсни. пропало. 1800
Никто не бывалъ а у дѣвки. дитя.
Наливай на гущу. зять приѣхалъ.
Не называ́ кильи пузыремъ а боярскиⷯ сѣне́ коⷥдыремъ.
На иⷥкоⷯ поросятамъ всѣ поросяты.
Нѣтъ такова друⷤка ка҃ матушка. 1805
Не ѡ҃сохнеⷮ. голова. будъ. борода.
Невѣжа и бг҃а гневитъ.
Нажилъ богатство забылъ и братство.
Не кормленъ конь кабыла не пожаловаⷧ холо҃ детина.
Не дѣло что в квашнѣ бучитъ. [л. 361 об.]
Не замай дерма такъ не воняетъ. 1811
Не дико тому что кошъ в пироге у доброи
жены и по две живетъ.
Наша дуга не щербата.
Назаⷬ одинъ. слизалъ.
Назвался груздемъ лѣсти в кузовъ. 1815

Обидливъ закидливъ. не вниду̑ в раи.
Овинъ горитъ господину печаль творитъ.
Одинъ и у каши. не споръ.
Охота не в лѣсъ послать.
О кумѣ не жить а беⷥ кума. не быть. 1820

Овцы бы цѣлы. а волки бы сыти.
Обрадовался крохѣ. да ломоть потерялъ.
О чомъ слѣпъ плачотъ что рукъ не видитъ.
Одна кобыла и та шолудива.
1825 Опоясомъ мешкомъ да бредетъ. пешкомъ.
Охочой какъ хочотъ.
Ори. до тины. а ѣжь. мякины.
Около килы. не могу. искать.
Ошибено перье а тетеря улетела.
1830 Одинъ Несторъ. и у каши. не споръ.
[л. 362]. Опаленъ бобръ не наси в торгъ.
Одинъ волкъ гоняетъ овечеи полкъ.
Опочинь воръ на рѣли а мы ѿ небо упрѣли.
Онанья плачотъ а Маланья скачотъ.
1835 О томъ холопъ не тужитъ что долго служитъ.
Овечку стригутъ. а другая. токо же глядитъ.
Обѣдъ у дѣвки пока орѣхъ у бѣлки.
Одна корова. и та комола.
Охота пуще неволи.
1840 Одинъ горюетъ а два воюютъ.
Обидно в поле горохъ да рѣпа завидно в мирѣ вдова да дѣвка.
Осердяся на блохи да одѣяло в печь.
Орѣхъ розгрысть неболшая корысть.
Оба два ни к одномъ добра.
1845 Одно дитя да и то Ѳома.
Ожидаемъ свѣта. а утреня отпѣта.
Онаня съ ящики а Маланья с кашники.
Около болотца да в здание боротца.
Оглянися назадъ не горитъ ли посадъ.
1850 Основание бумага. а утокъ писмо.
Обѣдъ Богу дать вскорѣ исполнять.
Обѣдавъ в гостяхъ. и к себѣ позвать.
Ощупалъ Ѳролъ щуку. середь Волги на днѣ.
Огласила. волка мирская голка.

Обули Ѳилю. к чортовы лапти. 1855
Окулъ бабу обулъ да и Окула баба обула. [л. 362 об.].
Обошъ мужь жонушку дубинным корчшком.
Обыскал Власъ по нраву квасъ.
Ожилъ Ѳедосъ забридчи к овиосъ.
Осмотря ремешка да бѣжи не мѣшкав. 1860
Опустя вожжи да бѣжи борже.
Одинъ пехнулъ а другой и не дохнул.
Одолѣла дворянина густая крашенина.
Осудари наши воля ваша хотя на нас дрова
возите лишь не по многу кладите.
Обычей не клетка не переставит. 1865
Ожегся на молокѣ и на воду. дуетъ.
Очи добры толко ямы одны.
Одному на всѣхъ не упакать.
Одно взять. либо дѣти водит либо денги копит.
Орать пашню купить квашню. 1870
Основалъ нити шолкомъ а уток поучиною.

П.

Правда избавляетъ от смерти. [л. 363].
Перестанетъ музыка какъ черва до языка.
Пророкъ не порокъ что он скажетъ то так и будетъ.
При корыстехъ познавается другъ. 1875
Пѣшой конному не товарыщъ.
По пашне и брашно.
По Сенке. и шапка.
Пришол посол нѣмъ принес грамоту не писаную.
Прежде вопроса ответь мудро. 1880
Пансыря за кожею. не бываетъ.

Овцы бы цѣлы. а волки бы сыти.
Обрадоваⷧся крохѣ. да ломоть потерялъ.
О чомъ слѣпъ плачотъ что рукъ не видитъ.
Одна кобыла и та шолудива.
1825 Опоясоⷨ мешкомъ да бредетъ. пешкомъ.
Охочой какъ хочотъ.
Ори. до тины. а ѣжь. мякины.
Около килы. не могу. искать.
Ошибено перье а тетеря улѣтела.
1830 Одинъ Несторъ. и у каши. не споръ.
[л. 362]. Опаленъ бобръ не наси в тоⷬгъ.
Одинъ волкъ гоняетъ овечеи полкъ.
Опочинь боръ на рѣли а мы оⷮ небо упрѣли.
Онанья плачотъ а Маланья скачотъ.
1835 О томъ холопъ не тужитъ что доⷧго служитъ.
Овечку стрыгутъ. а другая. тобо же глядитъ.
Обѣдъ у дѣвки пока орѣхъ у бѣлки.
Одна корова. и та комола.
Охота пуще неволи.
1840 Одинъ горюетъ а ⷣва воюютъ.
Обиⷣно в полѣ гороⷯ да рѣпа забиⷣно в мирѣ вдова да дѣвка.
Осердяся на блохи да одѣяло в печь.
Орѣхъ роⷥгрысть неболшая корысть.
Оба два ни в оⷣномъ добра.
1845 Одно дитя да и то Ѳома.
Ожидаемъ свѣта. а утреня опѣта.
Онанья съ ящики а Маланья с кашники.
Около болоⷮца да в заⷣние боровца.
Оглянися назаⷣ не горитъ ли посаⷣ.
1850 Основание бумага. а утокъ писмо.
Обѣдъ бгу дать вскорѣ исполнять.
Обѣдавъ в гостяⷯ. и к себѣ поⷥвать.
Ощупаⷧ Ѳролъ щуку. серⷣ Боⷤги на ⷣнѣ.
Огласила. волка мирская голка.

Полюбила Пигасья Ѳому да не вѣритъ она никому.
Продаютъ товар звонствомъ а купя назоство.
Пеня при дорошке всякому повиненъ.
Починилъ строй клѣтку. что и собаки лазя.
Пьяной Титъ ѱалмы твердитъ.
Похваля продать. а хуля купить.
По платью встречаютъ а по уму провожаютъ. [л. 364].
Пиръ дѣлать пожитки свои вѣдать.
Перьвую. уловку на волю пущаи.
Приѣхалъ не званъ поѣд же не дранъ.
Первая смерть за поту мѣстъ.
Пришол. пѣшъ да давай. ѣздъ.
По привѣту. и отвѣтъ.
По бабе. и брага.
Посла не бьютъ ни сѣкут браня лише жалуют.
Послѣ немочи повалки живутъ.
Плохо тому жить у ково мат ворожитъ.
Пошолъ по кануи да и самъ потонулъ.
Пошла в клѣть по масло и в печи погасло.
Пал не пропалъ всталъ. не усталъ.
Поигралъ дѣдъ в сурну. да попал в тюрму.
Праведна мужа не одолѣетъ нужа.
Прелщается Ѳома как увѣлися кума.
Принят женѣ нужу. а не покорится ей мужу.
Принявъ волкъ козла употчивалъ безъ зла.
Пробить коса осохнетъ. роса.
Просилъ. осетръ. дожжа в поле лежа.
Просите дасться ищите обрящете.
Прудить рѣка. не будетъ грѣха.
Прытко безъ портокъ безъ коня в поле скачотъ.
Прѣетъ дѣдъ от многихъ бѣдъ.
Плачотъ Ероха не хлебавъ гороха. [л. 364 об.].
Прясть мочью а красть. ночью.
Платилъ долги. а не минулъ Волги.

Плотнику полтина. а наря̑чику рубль.
1950 Пловетъ Ѳома по Волгѣ будетъ онъ не к доⷬгѣ.
При ратй желѣзо дорожѣ золота.
Починаетца бочка про доброва гостя.
Плохо тому бесиⷮца х кому приступаетъ.
По себѣ знаетъ и намъ лаетъ.
1955 Покорной головы и мечь не сѣчотъ.
Пьянова рѣчь. а треⷥвова мысль.
Пьянъ поетъ себя тѣшитъ.
Пиво коуро а к носу понуро.
Повадиⷧся кушиⷩ по воⷣ ходиⷮ на томъ ему и голова положиⷮ.
1960 Пьяницы цр̃ствия бж̃ия не наслѣдя̑т.
Пить до дна не видать добра.
Потерявъ яичко играй жоⷧвачкомъ.
Прежде невода рыбы не ловятъ.
Пропустя лѣто да в лѣсъ по малину.
1965 По шерсти сабакѣ и имя даютъ.
Пришла бѣда не гадуи.
При слнце. тепло. а при гдр̃е добро.
Правда не гнѣвна да бг̃у люба.
Почитай бж̃ественное честно.
[л. 365]. По мт̃ри по црской и самъ себѣ Пожарской.
1971 Печка дрочитъ. дорошка учитъ.
Поднявъ хвостъ да на погостъ.
Пытки не будетъ а кнута не минуть.
По сытому брюху. хошъ обухомъ.
1975 Пошли Ляхи на три шахи.
Поперегъ кабылы. мѣхомъ.
Пьяному беⷥчестья до чарки вина.
Пьяному мнится. самъ десятъ по пути.
Пьяная баба свиньямъ прибава.
1980 По нужѣ с мужемъ. коли гостя нѣту.
Пожалѣть алтына потерять полтина.
Пить пиво сидѣть криво.

По бердȣ. смотря. не бȣдет ли близїонъ.
Пожили в нȣже да нажили хȣже.
Праведенъ бг҃ъ; и в' масти многъ. 1985
Палитъ свинья накормитъ семья.
Песъ не вскочитъ какъ сȣка не захочетъ.
Потчȣютъ кȣмȣ блинками а Ѳомȣ пинками.
По ѡдежке протягай ношки.
Пиво добро да мало ведро. 1990
Помолчи боле. поживешъ доле.
Пожило ермакȣ. по два чирья на бакȣ.
Попъ попа каетъ толко перстомъ мигаетъ.
Пить добро а не пить и лȣчше тово.
Пьянъ да ȣменъ два угодья в немъ. [л. 365 об.]
Пропади корчага [и] з брагою. 1996
По гузнȣ не бив[ши] по гузницȣ. не набитца.
Прикормилъ [сиг]омъ а не ѡбьи буде и кирпичомъ.
Попала перепе[ч]а в плеча.
Пошло было на хлѣбы. да соль своротила. 2000
Пошолъ по языкъ да и свой потерялъ.
Пошолъ повязанъ да и самъ ȣвязъ.
Плохо около костра щепы брать.
Первы щенятъ за уголъ мечютъ.
По ниткѣ и клȣбка доходятъ. 2005
Полѣ воды ѡмочитца а полѣ огня ожечься.
Послѣ дождика в четвергъ.
Приданое на грядкѣ а увѣчье на рȣкѣ.
Плохо тово. бить. хто не противитца.
Плохо лежитъ брюхо болитъ. 2010
Попъ попа наказывалъ а дрȣго усо подерги
валъ я де и самъ тѣ бакȣлы знаю.
Пѣть соборомъ. а ѣсть по дворомъ.
Прости колпакъ а шапка и такъ.
Пьяно у себя сказываетъ решото денегъ а проспи
тца ано и решета кȣпить нѣ на что.

2015 Пригнала́. нꙋжа́. к поганой лꙋже.
Помилꙋй бг҃ъ о́вина а теплина велика.
Послѣ рати хорабрыхъ много.
[л. 366]. Пословицы тверди̑ голова́ засверабитъ.
Пѣнию время. и мл҃твѣ часъ.
2020 По которои рекѣ плы̑ по той [и] слава творитъ.
По шерсти собакѣ и имя [д]ано.
Повадился кꙋвшинъ по водꙋ ходить та̑ е^му і голова́ положить.
Приго^ж колчанъ. стрѣлами а обѣ^д пирогами.
По земли широко́ а до неба́ высоко.
2025 [Пошла́ баба по ма́сла, а в печи пога́сла.]

Рано Татаромъ на Рꙋсь ити.
Раба госпожѣ что ме̑ на ножѣ.
Рыбꙋ ловятъ подлѣ смерти ходятъ.
Рыба́ вода́ рѣпа́ земля́ а ягода́ трава.
2030 Рѣпка́ себѣ полюбила́ чеснокъ.
Ракъ не рыба́ нетопы^р не птица́ а пе̑ не скотъ.
Ро^ж да пшеница́ годо^м родитца́ а вѣре^н дрꙋгъ всегда пригоди̑тц[а].
Рысь свер^хꙋ. пестра́ а лукаво^е члвкъ и^знутри.
Ра^нняя. птица́ но^с очищаетъ. а по^зная глаза́ продираетъ[ъ].
2035 Рꙋка рꙋкꙋ моетъ а обе хотѧ̑ бѣлы быть.
Рыба́ рыбою сыта́ а члвкъ человѣкомъ.
Рѣзкой самъ набѣжи̑ а на смирнова бг҃ъ нанесе̑.
Ра̑ дꙋракъ что пирогъ великъ.
Ра̑ бы к рай да грѣхи не пꙋстятъ.
[л. 366 об.]. Родился малъ а умеръ пьянъ.

Радъ бы серцемъ да д҃ша не приметъ. 2041
Ретка с хрѣномъ а рѣпка́ с хлѣбомъ.
Ретивая лошаⷣка́ не доⷧго живетъ.
Роса мочитъ по зорямъ а дождь по порамъ.
Роса́ кѣлью не проидетъ а доⷤдь ея́ не проⷠетъ. 2045
Рука руку́ чешеⷮ а обѣ свербятъ.
Рано ́встовая́ п҃б поетъ а поздо ложася вдо
ва плачетъ.
Родиⷧся Карпъ к хоромаⷯ а взроⷭ оⷩ в коровахъ.
Ра҇ тать барану. вечеръ и по рану.
Ретивъ вѣку не доживаетъ. 2050
Риза́ черна́ препⷣбнымъ честна.
Ризы́ чеⷬныя́ ꙗко цвѣты сельныя.
Римская лесть мнимая честь.
Раⷥбоиникъ живой покоиникъ.
Руномъ с овцы́ ѡдѣвалися ѻ҃цы. 2055
Руские догаткѝ зовеⷬнуⷮ татю лопатки.
Рычаⷮ волу коровою. заѣдаⷮ сѣно соломою.
Рѣзаⷧ дѣдъ лозу. даваⷧ бабе грозу.
Ржетъ конь к печали ногою топаеⷮ к погоⷩке.
Ржи. много в поле́ да намъ. нѣⷮ доли. 2060
Рабынꙗ. кстается что дыня.
Родился́ на свѣтъ. не ходиⷤ во т́му.
Роⷥбилъ дѣдъ деревню а баба гоⷬшокъ.
Рдѣлся́ Марко было ему жарко. [л. 367].
Ранеⷤ двоемысленъ а убитъ уже спитъ. 2065
Ровъ глубокъ. а путь в небо широкъ.
Рано с҃лнцо всходитъ то уⷤ быть доⷤдю.
Радъ другу. да бресть к плугу.
Родионъ подь вонъ а Ватута́ сиди тута.
Рожею кувяка́ да разумомъ нимака. 2070
Расказаⷧ беⷥгрѣшно. учиниⷧ поспѣшно.
Рѣпу да горохъ не сѣй поⷣле дорогъ.
Рѣпка́ ѻбидно а дѣвка́ завидно.

Рѣдко сѣять. легко вѣять.
2075 Рай помышлять о дшѣ промышлять.
Решотомъ воду мѣрять потѣряешъ время.
Родится на смерть а умретъ на животъ.
Ра нахо҆ке не тужи потерявъ.
Ретка. есть отрыгается а рыбка ѣсть не случается.
2080 Родя спи и ходя а Зиня и ро розиня.
Рыча волу в поле не по своей воле.
Ржет конь на бору. хочет онъ ко з бору.
Рыбки хочется а в рѣку не вскочится.
Ряба бѣло тѣла в пирогъ ѕалетѣла.
2085 Ро҆ному батку. держать догатку.
Росыпал гость тавар да запѣлъ что комар.
Рысь пестра и скакать. быстра.
Рука приложить и дша положить.
[л. 367 об.]. Рогомъ козелъ а родомъ отселъ.
2090 Радъ скомрахъ ѡ своихъ домрахъ.
Ребромъ откатиться. что сребро отплатится.
Риза черная. святасть мѣрная.
Римская вѣра что неуставная мѣра.
Родила мама а не озинула. яма.
2095 Рабу гдню не подобаетъ сваритися.
Рад бы в рай да грѣхи не пустятъ.
Рад бы дал пирошка да у самово ни куска.
Рогошка рдяная што матушка родная.
Ремесла залечми не носят а с нимъ лутче.
2100 Рыба ищет гдѣ глубьже а чловкъ гдѣ лучше.
Родился нагъ пропади и с платьемъ.
Розиня ростяпе в род заѣхалъ.

С.

Старых люди пословицы не мимо дѣла.
Свои ȣмъ Царь в головѣ.
Своя голова дороже живота. 2105
Свои своемȣ по неволѣ. дрȣгъ.
Слово поспѣшонъ скоро посмѣшонъ.
Считаютъ бражники частые праздники.
Стрельба любитъ похвальбȣ.
Свадьба безъ дивъ не бываетъ. 2110
Сваты с правдою не ѣздятъ. [л. 368].
Стояньемъ города не взять.
Смирение. чл҃вкȣ. ожерелье.
Сова о совѣ а всякъ о себѣ.
С коимъ обычаемъ. в колыбѣлкȣ с тѣмъ. и могилкȣ. 2115
Сорока лѣтъ сорома нѣтъ.
Сердцу весящуся. лице цвѣтетъ.
Солнце сияетъ на злыя. и бл҃гия.
Сȣдъ црѣвъ сȣдъ бж҃їи.
Слѣпецъ слѣпца ведутся а оба въ ямȣ впадȣтся. 2120
С сильнымъ не борись. а з богатымъ не тяжись.
Смерть мȣжȣ покои.
Себѣ спалъ себѣ и видѣлъ.
С разумомъ жить лишо тѣшится.
Смерть страшна а грѣхъ во вѣки мȣчитъ. 2125
Совѣтъ свѣтъ а несовѣтъ тма.
Сȣхая лошка ротъ деретъ.
Сердитая собака волкȣ корыстъ.
Собака лаетъ. а владыка ѣдетъ.
С чюжова коня среди грязи долои. 2130
Соловья. басни не кормятъ.
Старои долгъ за находки. мѣсто.

Рѣдко сѣять. легко вѣять.
2075 Рай помышлять о҆ дш҃ѣ промышлять.
Решотомъ водꙋ мѣрять потѣряешъ время.
Родится на смерать а҆ у҆мретъ на животъ.
Раⷥ нахоⷣкѣ не тꙋжиⷮ потерявъ.
Ретка. есть о҃рыгаеⷮся а рыⷠка ѣсть не слꙋчаеⷮся.
2080 Родя спиⷮ и хода̀ а Зиня и роⷣ розиня.
Рычаⷢ волꙋ в полѣ не по своей воле.
Ржеⷮ конь на ворꙋ. хочеⷮ о҆нъ ко ⷣворꙋ.
Рыбки хочеⷮся а в рѣкꙋ не вскочится.
Ряба бѣло тѣла̀ в пирогъ ѕалетѣла.
2085 Роⷣномꙋ баткꙋ. деⷬжать догаткꙋ.
Роⷭсыпаⷧ гость табаⷬ да запѣлъ что комаⷬ.
Рысь пестра̀ и скакать. быстра.
Рꙋка приложить и дш҃а положить.
[л. 367 об.]. Рогомъ козелъ а родомъ о҃селъ.
2090 Радъ скомрахъ ѿ своихъ домрахъ.
Ребромъ о҃катиться. что сребро҃ о҃платиⷮся.
Риза̀ черная. святасть мѣрная.
Римская вѣра̀ что неу҆ставная мѣра.
Родила̀ мама̀ а не озинꙋла̀. яма.
2095 Равꙋ гⷣню не подобаетъ сваритися.
Раⷣ бы в рай да грѣхи не пꙋстятъ.
Раⷣ бы даⷧ пирошка̀ да у самово̀ ни кꙋска.
Рогошка̀ рⷣяная што матꙋшка роⷣная.
Ремесла̀ заⷫлечми не носиⷮ а с нимъ лꙋтче.
2100 Рыба ищеⷮ гдѣ глꙋбьжѐ а чл҃вкъ гдѣ лучьше.
Родился нагъ пропади и с платьемъ.
Розиня ростяпѐ в роⷮ заѣхалъ.

Сито часто̀ пироги чинитъ рѣдки.
Сахаръ сѣютъ а не вѣютъ желѣзо̀ вѣютъ да не сѣютъ.
Свинопасъ и рубашку пропасъ.
Сколко воскресеней. столко̀. и̓ новоселеи. 2170
Сопъ. Скрябинъ.
Сѣм ко̀. ты Якимъ потоłки тко. ты мякинъ.
Сито. такъ. а решото. даромъ.
Славенъ бубенъ за горами̓ а на̑ прі̓детъ что лукошко.
Смечалъ чортъ лѣсъ да помѣшалъ ему бѣсъ. 2175
Смотритъ слѣпъ в окошко много ли в день звѣздъ.
Смутилъ чортъ бракъ. а са̑ в буеракъ.
Стоитъ кумъ. збирая. свой у̓мъ.
Спервва̀ не прытко. а тамъ и̓ тише.
Собою. жить собою. слыть. 2180
Сава̀. смешитъ. а саванъ. страшитъ.
Сердце. кручинное̓ что сало ведчинно.
Садъ красенъ ѡ̓градомъ. а лоза̀ виноградомъ.
Стройно молодецъ ходитъ женитца хочетъ.
Старова̀ чорта. да по̑нялъ бѣсъ. 2185
Старую собаку. не баткомъ. звать. [л. 369 об.].
Старую погудку. на новой ладъ.
Самолюбъ всякому не любъ.
С сокомъ пирого жь. ма́тка̀. бережотъ.
Сонъ в кручинѣ. что корабль в̓ пучинѣ. 2190
Сѣно̀ семѣрыхъ сьѣло.
Сметану. любить. коровку. кормить.
Споръ не бы̓ваетъ кто̀ самъ что видастъ.
Со̑ ста̀ дворовъ. стадо. коровъ.
Сукно избирай цвѣтомъ а̓ друга привѣтомъ. 2195
Свита̀ чорная̓ мысль горняя.
Семью. примѣрявъ. о̓динова̀ ѿрѣжъ.
Слово̀ не стрѣла̀. а̓ пуще. и стрѣлы.
Старые̓. немощи. трудно̀ лѣчить.
Скатанье̓. хвастанье̓. 2200

Смотря по берду не будетъ ли близионъ.
Собаку моклокомъ а ей то и по зубамъ.
2135 Сва сва а не сватъ инъ добро чявкъ.
[л. 368 об.]. Смѣлство лутче богатырства.
Собою цены не уставитъ.
Скрыпучее дерево стоитъ а злоровое летитъ.
Сила [и] закон преступаетъ.
2140 Сѣни косые а люди босые.
Стрѣляи в кустъ а виноватова богъ сыщетъ.
Съ угорѣлою головою в чадъ не мѣчися.
Снова и ложка красна.
Собака лаетъ а вѣтръ проноситъ.
2145 Сѣтъ мужу крѣпка свои устнѣ.
Сѣтъ граждданомъ. лишеный разумомъ.
Свѣтилникъ тѣлу. естъ око.
Сытъ голоду не разумѣетъ.
Смутивый грѣхъ понесѣтъ.
2150 Сорока даромъ не щекочетъ.
Со лжи люди не мрутъ а впредъ вѣры не имутъ.
Сердит з горшки не ѣздитъ.
С вѣрою лучинка о чомъ не свѣча.
Самъ себѣ не радъ что грамотѣ горазлдъ.
2155 Сокол лебедь летая бьетъ а ворона себе сидя и жабу жретъ.
Сама ся раба бьетъ что не чисто жнетъ.
Собака естъ а камѣни нѣтъ.
Скаска складъ а пѣсня звыль.
Сова спитъ а куры видитъ.
2160 Сиди криво а суди прямо.
[л. 369]. Спорыньая в квашню а тѣсто в шляпу.
Сердце соколье а смѣлство воронье.
Сабелья подчуютъ. с помѣлья.
Сердитъ песъ провожаетъ волкъ в лѣсъ.
2165 Силну. мужу. мечъ не в нужу.
Сырость вѣтра приноситъ дождь.

Т

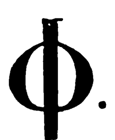
Тѣмь море не погано что псы в него налокали. [л. 370 об.]
Тепло. тепло. а не лѣто. 2236
Товаръ полюбитца. кумъ ѿстȣпитца.
Товаръ не мѣдвѣдъ. всѣхъ днгъ не съѣстъ.
Товаръ подачȣ. любитъ.
Тише. поидешъ дале. будешъ. 2240
Тотъ. мнѣ. и свой кто до меня добръ.
Ты мнѣ не здарово а я тебѣ не челомъ.
Теленокъ еще в брюхе а хозяин уже и с обухомъ.
То тебѣ. не в чинъ потомȣ. что. ты Немчинъ.
Ты язычекъ. смалчивай я за тебя бѣдкȣ плачикак. 2245
Тѣмъ добро. что всѣмъ. ровно.
Тотъ алтынъ. не того рȣбля.
Татарскомȣ. мясоѣдȣ. конца нѣтъ.
Та овца. не твоего отца.
Твой мечь. а моя голова. 2250
То не бѣда. что. во ржи. лебеда.
Та беда не беда лишь бы болше тое не была.
То не спасенье. что пьянъ. в воскресенье.
Такой пѣстъ. и хлѣбъ. ѣстъ.
То былъ базар. что з дубинами. лазалъ. 2255
То тамъ. глȣпомȣ. и ужина гдѣ дураков дюжина.
Тетива порветца и Татарин не бьетъца.
Толко. ȣ Харки. и собонки.
Тонко прясть посидѣть а мекко молоть потоять. [л. 371]
Тать у татя перекралъ утята. 2260
Тачать частенко хлебать реденко,
Теизоменита лопата Упату а Бавиле могила.
Телята бредутъ. в тенета.
Тесть ведетъ честь а зять любитъ взять.

Сытъ пономарь и попꙋ. подаетъ.
Сѣютъ. начаяся а вѣютъ смечаяся.
Скоморшъя примѣта что в пир бе приветта.
Сыръ. да яица. да вина. скляница.
2205 Скрипитъ. что рꙋская. телѣга.
Сꙋка не захочотъ и пес не вскочитъ.
Свое. выкупая. печаль имут с радостью.
Сказывать бꙋдетъ сѣдчи да ѣдчи.
Смѣхи да хихи вводятъ в грѣхи.
2210 Свиная под заходомъ с своимъ обиходомъ.
[л. 370]. Спрошалъ бы гуся не забудут ли ноги.
Самсонъ. сам семъ.
Соли дѣдъ шти а хлѣба жди.
Сахаръ значитъ лесть а саванъ кажет смерть.
2215 Семера на умѣ коли нѣтъ на гумнѣ.
Сѣяй скупостию пожнетъ скудостию.
Сюда лишняя. отсюда.
Смердомъ слыть не хочется а дворянином жить не мочся.
Сидѣть у брашки. смирненко. позовут и к пивꙋ.
2220 Сꙋрово зелье хрѣнъ да рѣдка.
Сꙋхарики сꙋшат на службꙋ спешатъ.
Сорокъ постель не соромь гостеи.
Сѣянъ лионъ. у семи. Олионъ.
Саму. осму понять на себя бꙋдетъ пенять.
2225 Семь в тебѣ душъ да не в одной пути нѣтъ.
Свой землянинъ. на чюжой сторонѣ.
Своя ноша не тянетъ и потꙋ не канетъ.
С людми и смерть красна.
Самъ себѣ. ворогъ. что без денгъ. в город.
2230 Старой дрꙋгъ лутче семерых молодых.
Свой своимъ деретcя а чюжой не притовай.
Стрѣла. в дрꙋгѣ. что. ко пни.
Снявъ головꙋ. да над волосами. плачотъ.
Спрашиваютъ Варварꙋ. на розправꙋ.

Ѹ его дней много. а в'сѣ близко.
Ѹ страху. гла́ велики.
Ѹ ково́. украли. а́ у нас выняли.
Ѹ семи́. мамакъ. дитя́ без глаза.
Ѹ всякова́ Паула́ своя. правда.
Ѹ парня дагадки. а́ у дѣвки́ смыслъ.
Ѹ ково. коня нѣтъ. то̄ ходитъ. и́ пѣшъ.
Ѹбогому. робята. а́ бога'тому. телята́.
Ѹ пьянова́ басней. не переслушать.
Ѹ одное́ о́вечки да се̂мъ постуховъ. [л. 372]
Ѹ Фили пили́ да Ѳилю же били.
Ѹ ково серцо́. гнило. а́ у насъ и'ныло.
Ѹ друга́ пить воху лутче́ неприятелска меху.
Ѹ худа́ у́ма́ не болозе ногамъ.
Ѹ старова́ у́же́ не по старому.
Ѹлита́ ѣдетъ. коли то будетъ.
Ѹмъ добро́. а два́ и лӯче тово.
Ѹ всякова́ Ѳомки. не бе' помхи.
Ѹтро. вечера́ мудренѣев.
Ѹдасться. квасъ а не уда̑тся инъ кислые́ шти.
Ѹ тебя́ борода́ да и я не́ робя.
Ѹ Николы. двѣ школы́ а'збуки уча̄ да канұны.
Ѹ нашева́ кн҃зя по великъ дн҃ь мяса.
Ѹ горкова́. бортника. и медъ горекъ.
Ѹ сп҃са. не бе' запасу.
Ѹшми́. слушай у̑ты кушай а́ о́чамъ. дурака̑ боли не дова'.
Ѹ питья. бѣдами. а́ о́похмелетися. слезами.
Ѹ молотца́ не безолот'ца.
Ѹмыкали́ бурка́. крутые́. горки.

2265 Тонко. прясть. долго ткать.
То҃ же Савка на тѣхъ же. санкахъ.
Тужатъ да служатъ а хто оретъ то҃ пѣни по҃г.
Тѣсена путь. вводитъ. в животъ.
Торгъ поволной купець. любовной.
2270 Торговать неупировать.
Тошно жить с ворчливою. а злѣе тово з крючливою.
Кий дочи не сучи жени идѣ҃ по улице.
Татьяна не сметана не щти ею бѣлить.
Та бѣда ѣдетъ к ворота.
2275 Такой. пѣстъ и хлѣбъ ѣстъ.
Тѣмъ гостямъ тюрма по костямъ.
Такою добычею сытъ по обычаю.
Туча прошла а дождя не видали.
Тула зипуны здула а Кошира в рагожи обшила.
2280 Тотъ Афона҃. давно не по насъ.
Та бы корова молчала которая по҃ медвѣдемъ быкала.
Терть пилою гнуть спиною.
Тати. не жнутъ. а погоды ждутъ.
[л. 371 об.]. Тать не молчитъ замки колитъ.
2285 Трѣску. боятца. и в лѣсъ. не ходить.
Тать не лысъ. а господинъ, не вѣщь.
Торговать бѣдою. наложить головою.
То се. говоря да по шее. гоголя.
Тогда. сонъ. хвали какъ збудется.
2290 Ты за пирогъ анъ чортъ поперегъ.
Трои челомъ. лутче матерна.
Топи҃ся что у кнзя упарится что у строж.
Ты земля тресись а мь за колье держимься.
Тѣм же саламъ да по тѣмъ же раномъ.
2295 Ты за хрѣнъ. а хрѣнъ за тебя.
Теля умерло хлѣба прибыло.

Ѹменъ что Надѣинъ Семенъ на волынку насад променя[х]. 2360
Ѹ притчи. и на конѣ. не уити.
Ѹ колца. не сыщешъ конца.
Ѹчи жену. да дѣтей бе[з] людей.
Ѹ вора заечье. серце. и спитъ и боится.
Ѹмъ говоритъ пора итти з двора а хмель 2365
говоритъ. до[ж]демъся побой да вмѣстѣ домой.
Ѹ сивого. коня. воловая хода.
Ѹмываися мыломъ не по[д]даваися. злы[д]нямъ.
Ѹченъ жену бьетъ а дроченъ матушку.
Ѹ старца. в келье. чѣмъ. бгъ послалъ.
Ѹ бга. всего. много. а все. близко. 2370
Ѹ бабы. волосы долги а умъ коротокъ.
Ѹспѣть в краснѣ. и в хорошѣ находи[т]ца лишъ
бы было в чемъ.
Ѹдалую. ставитъ. а бѣглую. не забываетъ.
Ѹ всякова. моло[д]ца. своя. ухватка.
Ѹтоп'шей. пить. не проситъ. 2375
Ѹ людей и но[ж]. не рѣжетъ а у него и шило бреетъ.



Филимонъ. поетъ неѳимонъ. [л. 378 об.]
Фарба прелщаетъ очи до вѣчные очи.
Фараону. мухи в великия. муки.
Фаворъ гора паче свѣта. была. 2380
Фоку. тве[р]дитъ. сорока.
Философство. хоть ужжо[·] на посо[х]ство.
Фатка бывалъ дядка. а нынѣ сталъ. царь.
Фараонъ ис корѣты конъ.

Умной. что. губнои. всякъ. ево боитcя.
Умному. брань. что глупому дрань.
Уково. порося. пропало. тому и в ушах визжитъ.
Удастся голубецъ. не надобе и дубецъ.
2330 У бга не решето. днеи.
У Макара. лишь. возгреи. пара.
[л. 372 об.] Урвала баба с печи да хватаи перепечи.
У рака мочь в клешне. а у богатова в мошне.
У добра всегда ноги кривы.
2335 Удица крива. да рыбица. прямa.
Умомъ наживаютъ а безумиемъ і старое теряют.
Удача каляча лишь скачи да кричи.
Упалъ дедъ с печи. не видаючи. встречи.
Убогъ камени не гложетъ а богатъ злата не хлатае.
2340 Уда сребряна волочет рыбу. со дна моря.
Ударилъ. лицемъ своимъ в грязь хотя и кнзь.
Ужемь. битьcя. гужемь рватьcя.
Умре. Адамъ. быть. тамъ. и намъ.
Упилась баба воды. да делаетъ. беды.
2345 Учатся. лети а гордость. и сама выростаетъ.
Убогаи рад киселю а богатому и золото в горло не идетъ.
Умолкла музыка коли червь. из языка.
Узнала свінья свое порося.
Умъ не постояненъ. члвкъ окояненъ.
2350 Узолокъ да памятца то дело. станетца.
Убилъ. бгъ. лето. мухами.
У сыра дуба. у суха сука. привязана сука.
У ково. пропало. тому вдвое грехъ.
Умнои на суд не ходитъ. а глупои. с суда не выходитъ.
2355 Упрямилъся умереть надобно. спереть.
У гола. голъ. голикъ.
У Иковца два ястрябца один овцы лови а другой шлови.
[л. 373] Украл бы рыжка. да лиха отрыжка.
Узокъ путь. зимою а жидокъ. водою.

Х'то. ѻриѻ́тъ то҃ понотъ а́ хто. с'лужитъ. то҃ тѹжитъ.
Хотя̀ сосна̀ и сере҃ поля стоитъ да ⁽томуⷨ бору шуми҃.
Хто̀ дорогою. не хаживалъ. то҃ доⷠра коня̀ не жалуе҃.
Хто̀ живетъ скупъ томѹ саленъ. пѹпъ. 2415
Хто ково̀. смага. то҃ тово и в рага.
Хто̀ у̀ на҃. ѻ̀бѣдаетъ то҃ про на҃ и вѣдаетъ.
Хѹдое̑ порося̀ и в Петровъ постъ ѻ̀зябло.
Хто̀ ворожитъ. себѣ boложитъ.
Хто на морѐ не бывалъ то҃ с прилѣжаньемъ [л. 374 об.]
Бг҃ѹ не маливался.
Хто. бабе не внѹкъ. 2421
Хто̀ во што̀ гораⷥдъ. то҃ тѣмъ и̑ промышляетъ.
Ходилъ по канѹнъ да и самъ потанѹлъ.
Хошь. чоⷬта впряги̑. и̑нъ. не тянетъ.
Ходитъ. ѻ̀нъ ребромъ не ⷥнается з гольемъ. 2425
Хорошо̀ дрѹгъ плава̀етъ что и пѹпыⷬе вспрядае҃.
Хто находитъ то҃ и теряетъ.
Хомутъ. ху҃ дѹга̀ тонка̀, ѻ̀ всемъ тоска.
Хотѣниемъ. побѣжденъ. огнемъ роспаленъ.
Хотѣлъ. вѣсъ, Е̂вѹ ногами затоⷫтать а уⷤ ея і рукаⷨⷨ не доⷭта҃. 2430
Ходила̀ лиса̀ курѧ҃ красть да попала в па҃ть.
Харитоⷩ лишъ свиньямъ. притонъ.
Хѹля бг҃а лишится. многа.
Хваля̀ бг҃а не погибнетъ. а хуля̀ не воскреснетъ.
Хороша дорошка̀ воложкою. 2435
Харя̀. дехтемь. трусить.
Храбръ побиваетъ и своиⷯ иⷥбавляе҃,
Храⷠромѹ. смерьть пред очима.
Хребтомъ ганяѭ. недрѹга̀. ѹсталъ.
Хижа̀ своя̀ лутче̑ каменныⷯ чюжїⷯ, 2440
Христосъ все видитъ хто ково ѿбидитъ.
Хозяинъ̓ за товаромъ а бг҃ъ за накладомъ.
Ходилъ бг҃ъ по землѣ. а чл҃вкъ по небѹ.
Холмъ высокъ а̀ все̑ песокъ беⷥ поⷣковъ не ⁽зо'дешъ. [л. 375]

2445 Хто чему позавидуетъ то҃ тому и поработае҃.
Хозовые сапожки на ольховые ножки.
Хто чево. ищетъ. то҃ то. и обрящё҃.
Холо҃ да жена да треея земля дворяно҃ во҃на.
Хорошо҃ на ͬнакоме. и коровка купить.
2450 Хотѣлъ купить. село да взложи҃ себѣ сило.
Ходила баба море зажигать моря не за҃гла а ͯлоту явила.
Хотя дитя криво. а о҃цу. матере мило.
Хлѣбъ с солью. не бранится.
Ходитъ что сабрасъ бе҃ у҃ды.
2455 Ходитъ Зиня и ротъ розиня.
Ходитъ что быкъ. кругъ Савина огорода.
Холостой простой жена҃ рога҃ а вдовецъ что зя҃лецъ.
Хто в дѣле тотъ и в о҃вѣтѣ.
Хвастаетъ тысящею. а тма в очахъ.
2460 Хотя коровка избыть. а серешки купить.
Хотя свита сѣра толко воля своя.
Хто чѣмъ промышляетъ то и вымышляетъ.
Хлебалъ мужь ушку да вы[р]онилъ душку.
Ходя. по могиламъ махать. буде҃ кадиломъ.
2465 Ходить по льду. поколзнутся.
Хотѣлося винца да страхъ дубца.
Ходилъ чортъ за о҃лаками да обо҃вался.
Хлѣбъ соль конецъ о҃бѣду.
[л. 375 об.] Хотѣлося постричтся да прилучилося женится.
2470 Ху҃ не добръ свой не беи ево при мнѣ.
Хвостъ Ѳомѣ. залупили да хѣлъ прилѣпили.
Хвощъ деревенской о҃вощъ.
Харитонъ с Москвы прибѣжалъ с вѣстьми.
Хата о҃слопьемъ богата.
2475 Хто пировать а мы горевать.
Хорошо попамъ да поповича҃ дура҃ и҃ зову҃ да пирога҃ и҃ даютъ.
Хваля другу. невѣсту а самъ. к͗ мѣсту.
Холопей о҃вѣтъ бу҃то ничево нѣтъ.

Хорошо̀ ѻ҆жерелье̑ на Ту^рское дѣло в три молота̀ стегано.
Хотя Сила̀ пло^х да осиле^х дво^х. 2480
Хлѣбъ соль заемное̑ дѣло.
Хлѣбъ соль ѣжь а҆ прав'ду говори.
Хлѣба к завтрею оста^вливай а не дѣла.
Хотя и не попъ да обычаемъ добръ.
Худое ремесло̀. лу́тче̑ доброва̀ воровства. 2485
Ху́до' то мужи^к что ѿ обуха̀ дрожитъ.
Хто пье^т до ^дна то^т живетъ без ума.
Хотя̀ конь горбатъ да̀ не мерину братъ.
Хто̀ не слушаетъ ѻ҃ца да матери̇ то^т стане^т слуша^т
телячьи кожи.
Хорошо беречь шубу на стужу а де^нги на нужу. 2490
Хорошо берѣчь бѣлую денешку на чо^рно' день.
Хто̀ желаетъ власти. приду^т на него сла^ти а пото
мъ страсти. да в то̀ ему буде^т и пропасти.
Хто имени^т да ему же̑ пирога̀ нѣтъ. [л. 376]
Хто служи^т то^т тужитъ а хто о҆ретъ то^т пѣ^сни пое^т.
Хто̀ торгуетъ тотъ воруетъ. 2495
Хотя̀. не попъ да о҆бычаемъ до^бръ.
Хошь о҆коло гуменъ то^лко̀ самъ себѣ игуменъ.
Худа̀ вѣсть. нѣчево. ѣсть.
Хто сваталсея то^т спряталсея.
Хорошо на друга кла^ст купи^т не уда^лся̀ инъ са^м съѣлъ. 2500
Хорошо в дорошке̑ пирожокъ з горошкомъ.
Хочетъ. старова̀ воро^бя на^ мякинами̇ о^мануть.
Хоть. чорта̀ впрягѝ. а҆ ему. кажетца лошадь.

2445 Хто чему позавидуетъ тот тому и поработает.
Хозовые сапожки на ольховые ножки.
Хто чево. ищетъ. тот то. и обрящет.
Холоп да жена да третея земля дворянов конна.
Хорошоб на знакомѣ. и коровка купить.
2450 Хотѣлъ купить. село да взложил себѣ сило.
Ходила баба море зажигать моря не зажгла а шлоту явила.
Хотя дитя криво. а отцу. матере мило.
Хлѣбъ с солью. не бранится.
Ходитъ что сабрасъ без узды.
2455 Ходитъ Зиня и ротъ розиня.
Ходитъ что быкъ. кругъ Савина огорода.
Холостой простой жена рога а вдовецъ что зяблецъ.
Хто в дѣлѣ тотъ и в ѿвѣтѣ.
Хвастаетъ тысящею. а тма в очахъ.
2460 Хотя коровка избыть. а серешки купить.
Хотя свита сѣра толко воля своя.
Хто чѣмъ промышляетъ то и вымышляетъ.
Хлебалъ мужь ушку да вы[р]онилъ душку.
Ходя. по могиламъ махать. будет кадиломъ.
2465 Ходить по льду. поколзнутся.
Хотѣлося винца да страхъ дубца.
Ходилъ чортъ за облаками да оборвался.
Хлѣбъ соль конецъ обѣду.
[л. 375 об.] Хотѣлося постричтся да прилучилося женитися.
2470 Худ не добръ свой не беи ево при мнѣ.
Хвостъ Ѳомѣ. залупили да хѣлъ прилѣпили.
Хвощъ дрѣвенской овощъ.
Харитонъ с Москвы прибѣжалъ с вѣстьми.
Хата ослопьемъ богата.
2475 Хто пировать а мы горевать.
Хорошо попамъ да поповичам дурам из зовут да пирогам и даютъ.
Хваля другу. невѣсту а самъ. к мѣсту.
Холопей ѿвѣтъ будто ничево нѣтъ.

Ѿ чиста́ ср҃ца́ чисто зрятъ ѻ́чи.
Ѿшютилcя́ тать спиною. что великою мздою.
Ѿщепилась розга́ ѿ лѣта́расли. 2535
Ѿческои. сн҃ъ и ͤ глядення сытъ.
Ѿсыпаися. спиною. что рожью.
Ѿ берегу̑ ѿсталъ а́ к' дрꙋгому не присталъ.
Ѿ добра́ добра́ не ищутъ.
Ѿ искры́ сыръ. боръ загорается. 2540
Ѿсѣки тꙋ рꙋкꙋ. про́ которая́ себѣ до́бра не хочетъ.
Ѿ чево́ родился́ тѣмъ и побѣдился.
Ѿ хꙋдые птицы́ худые́ и пѣсни.

Ц.

Ц҃ря не всякъ видитъ а всякъ за него б҃га молитъ. [л. 377]
Ц҃рво. се́рце. в рꙋцѣ б҃жїи. 2545
Ц҃рю служатъ. ѡ́ домѣхъ не тꙋжатъ.
Цвѣтъ в поле́ ч҃лвкъ въ волѣ.
Цена́ у̑ставить не село преставить.
Цельба́ пьяному спать доволно.
Цѣна́ блу̑цѣ. печоного. хлѣба. 2550
Цвѣтное платье́ в болшое́ мѣсто. несетъ.
Цвѣтное пла҃те́ на плеча́ а добрая мысль к ср҃цꙋ.
Цата́ славна́ шестая́ часть копеики.
Цвѣтетъ. старость. сѣдиною· а овоцїъ ему смерть.
Цѣление́ грѣшномꙋ. покояние́ вѣрное. 2555
Цѣлоносное́ ѕелие́ дарование́ велие.
Цѣлба́ пьяницѣ. на столѣ в к҃ляницѣ.
Царь птицамъ орелъ да боится сокола́.
Царь левъ звѣремъ, не ложенъ и веренъ.

2560 [Царь тѹрской противникъ рѹской].
Царствѹетъ. ѹмъ головою.
Царевы слѹги. не жалѣютъ ноги.
Царю пре҃стояти себя зазирати.
Царь. бл҃гими воеводы. смиряетъ. мира неⷥгоды.
2565 Цѣло стадо пастырю радость.
Цвѣти ап҃ли процвѣтоша в терніи.
Цвинтарь видя в'дохнѹть.
Цѣловалъ ворoⷩ куⷬку до послѣднева перышка.
[л. 377 об.] Цѣлованіе татарское назаⷣ руки заⷬаⷮ буди.
2570 Цюцй. да вяцй. то мои и рѣчи.
Цвакъ на поⷥчетвеⷬтакъ.

Ч.

Чл҃вкъ ꙗко трава днiе его ꙗко сѣнь преходятъ.
Что. не радится. то и не ѹмираетъ.
Честна мл҃тня. во время скѹдости.
2575 Человѣкъ ѹбгъ. что конь беⷥ ногъ.
Чорта кети а онъ в водѹ. глядитъ.
Чюжую. кровлю. крой а своеⷠ не капала.
Часъ ѿ часѹ а к смеⷬти ближе.
Чюжомѹ товарѹ. цѣны не уставливаи.
2580 Чюжь муⷤ милъ да не вѣкъ с ниⷨ жить.
Чюжое вѣять лишъ глаза порошить.
Чарка велика вино хорошо.
Чѣмъ было волѹ. рычать. аⷩ телѣга скрыпитъ.
Чево на землю не падетъ тово земля не подымеⷮ.
2585 Чево людй не моⷥвятъ то не ⷥбѹдется.
Чья бы корова мичала а твоя за ⷭвое моⷧчала.

Чеи быкъ ни скакаⷧ да наше теля.
Чюжимъ ўмомъ не доⷧго жить.
Чѣмъ богатъ тѣмъ и радъ.
Чюжова̀. рта не завязать стать. 2590
Череⷥ силу и конь не скочитъ. [л. 378]
Чюжая дш҃а темно.
Чево мало. то и дорого.
Чечотка̀ ѿлѣтитъ а гнѣздо̀ ѡ҆станетца.
Чолнокъ да бердо̀. ў бабъ то твеⷬдо. 2595
Чело̀ свеⷬбитъ кланятся. нѣкому.
Череⷥ. рѣчку. мосточкомъ.
Чюжой мошнѣ. не будь ўкащикъ.
Чортъ на чорта̀ нашолъ въ рагозинно̑ мешкѣ.
Чтятъ сноху. не для смѣху. 2600
Человѣкъ в чести̏ сый не разумѣ.
Часто̀ стегать рѣдко хлѣбать.
Чюжи̏ руки̏ легко̀ да не к сеⷬдцу.
Чеи конь. тово и возъ.
Чаять бг҃а сп҃сающаго мя. 2605
Чему. быть тово̀ не минуть.
Чюжую курочку. щипли̏ а свою за крылышко деⷬжи.
Чаетъ слѣпъ свѣту. к будущему лѣту.
Чла кума̀ соборникъ да нашла о̀на о̀вторникъ.
Честенъ перстенъ у дворянъ на рукѣ. 2610
Чеⷮвеⷬть лѣта̀ три мц҃а.
Чюдо не худо̀ ўбогъ не лживъ.
Честна̀ мужа̀ иⷥнимаетъ нужа̀.
Чинъ сщ҃енной добро несмущенной.
Четыре̏ брата̀ да батько пятой да я чеⷮвеⷬтой. 2615
Что гренешь то и̏ клюнешь,
Чему позавидуешь тому. и поработаешъ. [л. 378 об.]
Честь ўмъ порожаетъ а беⷥчестие̏ і старое теряеⷮ.
Чему посмѣешися тово и самъ берегися.
Честь приложена̀ а̀ убытку. бг҃ъ иⷥбавилъ. 2620

Чей днь завтра а нашъ севодни.
Человѣкъ добръ а имя ему. охъ.
Чей. двор. тово и хоромы.
Что в людехъ ведется. то и насъ не минется.
2625 Что горо то норовъ. а что чл҃вкъ то и обычеи.
Что свиньи не переѣздѣть то и ево не переговорить.
Чюжимъ ртомъ· сыту. не быть.
Чл҃вкъ не скотина. а дни не мекина.
Чево глазы. не доглядишъ то мошною доплотишь.
2630 Чево глазъ. не видитъ тово и языкъ не бредитъ.
Чуваша хотя сто. чл҃вкъ соидутся всѣ вдругъ.
говорятъ. а другъ у друга не слушаютъ.
Чаша моря Соловецкаго пить за здравие
Молодецкое.
Что бгъ дастъ то и будетъ.
Что в дрвне родится то в городѣ пригодится.
2635 Что смѣшно и грѣшно.
Что упехнешъ то. и уѣдешъ.
Что на явѣ дѣется то и во снѣ грезится.
Что стерпится то и слюбится.
Что. с воза упало то пропало.
2640 Что свѣчки. гаснутъ.
[л. 379] Что кошка ни родитъ то мыши ловитъ.
Что видитъ· то и бредитъ.
Что. на судѣ говорятъ то и записываютъ.

Шолковъ вѣникъ бумажное тѣло.
2645 Шутка к шукѣ а Машка в шубке.
Шоптавъ тайно хлопотать явно.

Шѹба елова̀ да к сердцѹ здорова.
Шила̀ в мѣхѹ. не ѹтаить.
Шьетъ а нити̇ нарѹжю. выходят.
Шиломъ. воды̇ не нагрѣть. 2650
Што цѹка̀ тяла.
Што̀. из дѹба̀ масло̀.
Што̀ мѹхино̀ сало розошлос пе перстомъ.
Што з гѹся вода̀ небылные слова.
Што̀ серпомъ по гѹзнѹ. 2655
Шашки̇. в кѹзовъ.
Шахнѹлъ. емѹ. с поля. долои.
Шасть. на божью. часть.
Шамает. что баба̀. а̀ хамаетъ. что жаба.
Шахнѹть да махнѹть анъ и вся игра. 2660
Шишъ ворона̀ пора̀ на гнѣздо.
Шотъ дождь перестанетъ зашоб сол'нце взо'детъ. [л. 379 об.]
Шѹрмѹютъ в поле̇. ѹчася. в школе.
Шѹтилъ Кѹпряшка̀ да попалъ в тюряшкѹ.
Шѹмомъ правѹ. не быть. 2665
Шѹмитъ дѹбровѹшка к погодѹшке̇.
Шоптал. емѹ под носъ да не̇ возметъ в разѹмъ.
Шипитъ под носъ что блинной подмаз.
Што̀ то за блины. все̇ в спинѹ. без вины.
Што̀ и говорить лишо срдце̇ розярить. 2670
Шилъ дѣдъ котманъ да луч я не достало.
Шол бы Карпъ. к' пивѹ. да не зовѹтъ.
Шол бы̇ чортъ· на свадбѹ. да боится попа.
Шелегъ в мошнѹ. а̀ алтнъ. из мошны.
Шесть досокъ. да холстинки̇. платокъ. 2675
Шти̇ да хлѣбъ даш ты̇ во хлѣбъ.
Штаны̇ сняли̇ тѹрские̇ а батоги̇ кладѹт рѹские̇.
Шилъ муж два̀ оховня̀ не без охонья.
Широкъ зипѹнъ на Ѳомке̇ не бѹдет в той помхи.
Шито̀ ожереленцо к два̀ молота̀ на стѹле̇. 2680

Чей дн҃ь завтра а нашъ севодни.
Человѣкъ добръ а имя емꙋ. охъ.
Чей. двоᷬ. тово и хоромы.
Что в людехъ ведется. то и наⷭ не минется.
2625 Что гороⷣ то норовъ. а что чл҃вкъ то и обычеи.
Что свиняй не переѣздѣть то иево не переговорить.
Чюжимъ ртомъ· сытꙋ. не быть.
Чл҃вкъ не скотина. а кн҃ги не мекина.
Чево глазы. не доглядишъ то мошною доплотиⷨ.
2630 Чево глазъ. не видитъ тово и языⷦ не бредиⷮ.
Чꙋваша хотя сто. чл҃вкъ соидꙋтся всѣ вдрꙋгъ.
говорятъ. а другъ ꙋ друга не слушаютъ.
Чаша моря Соловецкаго пить за ꙁдравие
Молодецкое.
Что бг҃ъ дастъ то и бꙋдетъ.
Что в дрвне родится то в городѣ пригодится.
2635 Что смѣшно и грѣшно.
Что ꙋпехнешъ то. и ꙋѣдешъ.
Что на явѣ дѣется то и во снѣ грезится.
Что стерпится то и слюбится.
Что. с возꙋ ꙋпало то пропало.
2640 Что свѣчки. гаснꙋтъ.
[л. 379] Что кошка ни родитъ то мыши ловитъ.
Что видитъ· то и брѣдитъ.
Что. на сꙋдѣ говорятъ то и записываютъ.

Шоꙁковъ вѣникъ бумажное тѣло.
2645 Шꙋтка к шꙋⷮкѣ а Машка в шꙋбке.
Шоптавъ таино хлопотать явно.

Щипать соловью калину пропѹстя молинѹ.
Щебечетъ соловей в клѣтке забывъ свои дѣтки.
Щибъ с него мѹхѹ. досталося и ѹхѹ.
Щеть да плеть и голова чесать и гувно.
Щербина на ножѣ. щетина на ежѣ.
Щѹка умираетъ а зубы оголяетъ.
Щѹка во всю спинѹ. а стерлядь по гувнѹ.
Щеляется что яшно блинъ.
Щяпитъ лошедь ногами подкована ботогами.
Щипнѹлъ Ѳома рыбки а самъ скочилъ на дыбки.
Щѹка с огурцами скушать с молодцами.
Щоголь ситная милостыня.
Щасливомѹ. везде добро.
Щоки берендѣевы.
Щоками что набилками щолкаетъ.
Щѹка умерла а зѹбы осталися.
Щепа бы да с уксусомъ щеня бы не сукинъ снъ.

Ѣ.

Ѣздъ далъ а коня не видалъ. [л. 381]
Ѣсть. уха. не боятся грѣха.
Ѣсть калача не сидѣть на печи.
Ѣхалъ чортъ· мимо тамъ емѹ· и имя.
Ѣхала кѹма не вѣдома куда.
Ѣдчи рыба дать ей имя.
Ѣжь корова соломѹ. поминаи лѣто.
Ѣстъ червь древо а зла жена чрево.
Ѣздилъ чортъ к Ростовъ да набѣгался отъ кресто.
Ѣзь к рекѣ а язь в Окѣ лишь соли да хлебай.
Ѣстка слатенка да лошка моленка.

Ѣжь кашꙋ а говори нш҃ꙋ.
Ѣсть арбꙋзы ходить с гологузы.
Ѣдѣтъ чортъ на дьяволѣ.
2740 Ѣмъ а дѣла не вѣмъ.
Ѣздилъ Емеля еще ждать єво недѣля.
Ѣздить моремъ не брезговать горемъ.
Ѣздилъ в пиръ Кирило да подаренъ та в рыло.
Ѣдѣтъ онъ. ꙋставя носъ.
2745 Ѣжь медвѣдь Татарина а ова не надобе.
Ѣздѣлъ к города да наплевалй в бородꙋ.
Ѣжь ли не ѣжь ли а вь ежꙋ почтꙋтъ.
Ѣхать грꙋзно. помочить гузно.
Ѣхалъ Гуръ с тиоткою накрывся лоткою.
2750 Ѣлъ смердъ. блины да засалилъ брилы.
[л. 381 об.] Ѣжь много а говори мало.
Ѣси. ѣсй да ино жорновы снеси.
Ѣжь лутче мясо. а не ѣжь мясника.
Ѣлъ скоромь знаи же и соромъ.

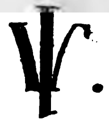
Ю.

2755 Юнъ с ыгрꙋшками а стар с подꙋшками.
Юноша молодъ. не терпливалъ холодъ.
Юрья пирогомъ а дꙋрня катогомъ.
Юрья. за бабꙋ. а Лꙋка за быка.
Юсъ да ꙋжища дѣлꙋ. конецъ ближитца.

Я.

Явенъ грѣхъ малȣ винȣ. творитъ. 2760
Языкъ мой врагъ мой прежде ума мое҃ рыще҃.
Языкъ головȣ кормитъ.
Языкъ Киева даведетъ.
Яръ мȣжъ не бл҃го ѻбразенъ.
Яко черва сȣши҃ древо та҃ печаль губи҃ сеⷬдце. 2765
Ястребъ ловитъ. что хочетъ а бога҃ купи҃ что може҃.
Ястреба вабатъ не по голове гладятъ.
Ядь гортани слаⷣкая. рѣчь сеⷬцу глаⷣкая.
Ядение слаⷣкое падение раиское. [л. 382]
Языкъ говоритъ а голова и не вѣдаетъ. 2770
Ямьщикъ в дороге паищикъ.
Ярышка в стрȣгȣ. привыкай к плȣгȣ.
Язва ѿ стрѣлъ глȣбока. а ѿ меча широка.
Я не ѿпѣлъ. а ты не ѿслȣшалъ.
Якимъ плашина курицȣ купилъ а ⷣвѣ за пазуху заби҃. 2775
Я пере҃ тобою. что деⷬмо пере҃ свиньею.
Языкомъ что хоⷮ говори а рȣкамъ воли не довай.

Ѯения ждетъ воскресенія.
Ѯиманȣ па тиманъ к Ипатȣ по мятȣ.
Ѯы гостья з двора дамоⷨ тебѣ пора. 2780
Ѯи. ѱи. с ѳитою пахнȣли сытою.



Ѱалтирь красенъ с гусли́.
Ѱалмопѣвецъ. и у҆ Нѣмецъ.
Ѱа. моклокомъ. а емꙋ. то и по зꙋбомъ.
2785 Ѱꙋ волны̀ щенята̀ а҆ свиньѣ. поросята.
Ѱꙋ битꙋ. лишѐ. хлыстъ. кажи,

II.

РУКОПИСНЫЙ СБОРНИКЪ ПОСЛОВИЦЪ, ПОГОВОРОКЪ И ПРИСКАЗОКЪ

ПЕТРОВСКАГО ВРЕМЕНИ

(конца XVII — начала XVIII столѣтія),

хранящійся въ Библіотекѣ Императорской Академіи Наукъ (подъ шифромъ 34. 8. 11).

Ѱалтирь красенъ с гуслмѝ.

Ѱалмопѣвецъ. и у̓ Немѣцъ.

Ѱа. моклокомъ. а емꙋ. то и по зꙋбомъ.

2785 Ѱꙋ волны̓ щенята̓ а̓ свиньѣ. поросята.

Ѱꙋ битꙋ. лише̓. хлыстъ. кажи,

Текстъ настоящаго сборника пословицъ, поговорокъ и присказокъ воспроизводится нами по рукописи Петровскаго времени (самаго конца XVII-го—начала XVIII-го столѣтія). Она принадлежала академику Л. Н. Майкову и была имъ получена въ 1879 году отъ д-ра Н. Г. Ордина изъ г. Кадникова, Вологодской губерніи, и въ 1880 году была сообщаема для изданія Обществу Любителей Древней Письменности въ Санктпетербургѣ, которымъ пословицы по этой рукописи и были изданы въ «Памятникахъ древней письменности и искусства» за 1880 годъ, вып. IV, отд. 2, стран. 75—114 [1]). Къ этому изданію было тогда присоединено всего лишь нѣсколько слѣдующихъ строкъ съ краткими замѣчаніями о сборникѣ редактора этого выпуска Памятниковъ Ѳ. И. Булгакова:

«Нижепомѣщаемый списокъ рукописнаго сборника конца XVII-го и начала XVIII-го вѣка, заключающій въ себѣ пословицы, народныя поговорки и присказки, обязательно доставленъ Обществу Любителей Древней Письменности Л. Н. Майковымъ. Рукопись, по внѣшнему виду, очень истрепана, что̀ называется, зачитана, и конца въ ней недостаетъ, хотя это ничуть не лишаетъ интереса и значенія настоящій списокъ, представляющій нѣкоторые варіанты къ ходячимъ и распространеннымъ въ народѣ пословицамъ. Особенно же любопытны въ печатаемомъ спискѣ пословицы, въ которыхъ выражается народное міровоззрѣніе, обусловливаемое историко-бы-

---

1) Одни лишь краткія упоминанія встрѣчаются въ Исторіи русской словесности И. Я. Порфирьева, ч. I (Каз., 1886 г.), стр. 165 и въ книгѣ А. С. Архангельскаго «Къ лекціямъ по исторіи русской литературы. Программа лекцій съ указаніемъ источниковъ и пособій. Вмѣсто введенія. I. Памятники устнаго народнаго творчества» (Каз., 1898), стран. 37.

товыми условіями того времени, а равно и присказки, сложенныя въ видѣ какихъ-то виршей».

Признавая съ своей стороны весьма желательнымъ воспользоваться для настоящаго нашего изданія вышеупомянутымъ сборникомъ пословицъ и исчерпать текстъ его, мы обращались съ просьбою къ г. предсѣдателю Императорскаго Общества любителей древней письменности, графу С. Д. Шереметеву и получили разрѣшеніе Общества Л. Д. П. на переизданіе вновь сборника пословицъ, напечатаннаго въ его «Памятникахъ» за 1880 годъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, узнавъ, что подлинная рукопись стариннаго сборника хранится въ Парижѣ въ обширномъ и драгоцѣнномъ собраніи разнообразныхъ матеріаловъ какъ печатныхъ, такъ и рукописныхъ по пареміологической литературѣ извѣстнаго законовѣда В. В. Богишича, которому она была подарена Л. Н. Майковымъ, мы сочли себя обязанными обратиться непосредственно къ самому владѣльцу означеннаго собранія съ просьбою выслать принадлежащую ему и занимающую насъ рукопись для нашихъ занятій въ Санктпетербургъ, хотя бы на самое короткое время. Вслѣдствіе нашего обращенія В. В. Богишичъ изъявилъ желаніе пожертвовать упомянутую рукопись въ одно изъ петербургскихъ книгохранилищъ. Выборъ его вскорѣ палъ на Императорскую Академію Наукъ, которой рукопись и была принесена имъ въ даръ. Посему считаемъ своимъ пріятнымъ долгомъ засвидѣтельствовать передъ В. В. Богишичемъ о нашей глубокой признательности за его обязательное одолженіе и содѣйствіе намъ представить въ печати упомянутый старинный сборникъ въ достойномъ его видѣ.

Въ настоящее время означенный сборникъ пословицъ находится въ рукописномъ отдѣлѣ I (Русскаго) Отдѣленія библіотеки Императорской Академіи Наукъ, — подъ шифромъ: «34. 8. 11».

Вся рукопись состоитъ изъ 28 полныхъ листовъ и одного обрывка (немногимъ менѣе полулиста), включеннаго переплетчикомъ между 18 и 19 листами. Эти листы имѣютъ 20 сантиметровъ вышины и 16 сантиметровъ ширины. Углы почти всѣхъ листовъ бумаги сборника обгрызаны крысами. Рукопись переплетена бывшимъ владѣльцемъ ея въ папку, оклеенную желтокоричневою бумагою. На первомъ оберточномъ листѣ имѣется карандашомъ отмѣтка—№ 11.

Бумага, на которой писанъ сборникъ пословицъ, пожелтѣла отъ времени и во многихъ мѣстахъ имѣетъ пятна отъ сырости и проч. Листы (1—18, 18½ и 19—28) рукописи перемѣчены въ самое послѣднее время карандашомъ въ правомъ верхнемъ углу.

Такъ какъ въ ней не имѣется никакихъ опредѣленныхъ отмѣтокъ о *времени ея написанія или составленія самого сборника пословицъ*, то единственнымъ указаніемъ, кромѣ характера почерка, можетъ служить *бумага*, на которой писанъ сборникъ, и особенно тѣ его листы, на коихъ имѣются водяныя фабричныя клейма. Разсматривая листъ за листомъ, мы съ помощью систематическаго сборника этихъ клеймъ въ хронологическомъ порядкѣ, приложеннаго къ извѣстному и единственному въ такомъ родѣ труду Н. П. Лихачева «Бумага и древнѣйшія бумажныя мельницы въ Московскомъ государствѣ» (Спб., 1891 г.), — замѣтили:

1) что листы 1. 2. 18. 19 писаны на голландской бумагѣ со знакомъ («шута»), см. въ книгѣ Лихачева на таблицѣ 56, № 478; по устному же намъ сообщенію Н. П. Лихачева, которому мы показывали настоящую рукопись, это — бумага никакъ не позднѣе 1700 года»,

2) — на листахъ 3. 6. 9. 11. 12. 15. 16. 27 — нѣтъ никакого знака, но бумага тонкая,

3) — лл. 4. *5*. 7. 8. 10. 13. 14. 17 — со знакомъ (гербъ гор. Амстердама), см. на чертежѣ 3, снятую половину клейма съ л. 5. Ср. у Лихачева на табл.: 58 и слѣд., 66, № 500, 71, № 553 — бумага, повидимому, 1710 — 1720 гг.

Чертежъ 3.

4) — лл. 20. 21. 22. *24*. 25. 26 — грубой русской бумаги со знакомъ, который см. у Лихачева на табл. 76, № 561=1729—1730 гг. См. на чертежѣ 4, съ листа 24).

товыми условіями того времени, а равно и присказки, сложенныя въ видѣ какихъ-то виршей».

Признавая съ своей стороны весьма желательнымъ воспользоваться для настоящаго нашего изданія вышеупомянутымъ сборникомъ пословицъ и исчерпать текстъ его, мы обращались съ просьбою къ г. предсѣдателю Императорскаго Общества любителей древней письменности, графу С. Д. Шереметеву и получили разрѣшеніе Общества Л. Д. П. на переизданіе вновь сборника пословицъ, напечатаннаго въ его «Памятникахъ» за 1880 годъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, узнавъ, что подлинная рукопись стариннаго сборника хранится въ Парижѣ въ обширномъ и драгоцѣнномъ собраніи разнообразныхъ матеріаловъ какъ печатныхъ, такъ и рукописныхъ по пареміологической литературѣ извѣстнаго законовѣда В. В. Богишича, которому она была подарена Л. Н. Майковымъ, мы сочли себя обязанными обратиться непосредственно къ самому владѣльцу означеннаго собранія съ просьбою выслать принадлежащую ему и занимающую насъ рукопись для нашихъ занятій въ Санктпетербургъ, хотя бы на самое короткое время. Вслѣдствіе нашего обращенія В. В. Богишичъ изъявилъ желаніе пожертвовать упомянутую рукопись въ одно изъ петербургскихъ книгохранилищъ. Выборъ его вскорѣ палъ на Императорскую Академію Наукъ, которой рукопись и была принесена имъ въ даръ. Посему считаемъ своимъ пріятнымъ долгомъ засвидѣтельствовать передъ В. В. Богишичемъ о нашей глубокой признательности за его обязательное одолженіе и содѣйствіе намъ представить въ печати упомянутый старинный сборникъ въ достойномъ его видѣ.

Въ настоящее время означенный сборникъ пословицъ находится въ рукописномъ отдѣлѣ I (Русскаго) Отдѣленія библіотеки Императорской Академіи Наукъ, — подъ шифромъ: «34. 8. 11».

Вся рукопись состоитъ изъ 28 полныхъ листовъ и одного обрывка (немногимъ менѣе полулиста), включеннаго переплетчикомъ между 18 и 19 листами. Эти листы имѣютъ 20 сантиметровъ вышины и 16 сантиметровъ ширины. Углы почти всѣхъ листовъ бумаги сборника обгрызаны крысами. Рукопись переплетена бывшимъ владѣльцемъ ея въ папку, оклеенную желтокоричневою бумагою. На первомъ оберточномъ листѣ имѣется карандашомъ отмѣтка—№ 11.

При этомъ въ настоящемъ видѣ полулистъ 18½ (съ окончаніемъ пословицъ на букву *Ч*, съ началомъ ихъ на букву *Ш* и съ концомъ на букву *Ѣ*), вшитый переплетчикомъ по ошибкѣ между листами 18 и 19,—долженъ быть переставленъ: ему мѣсто между 17 и 18 листами, что̀ и принято въ расчетъ въ нашемъ изданіи.

Укажемъ еще на сохранившуюся отъ давняго времени *мѣту тетрадей*: внизу страницъ 6а и 10а по срединѣ, но уже арабскими цифрами, имѣются отмѣтки 2 и 3.

Рукопись начинается — безъ всякаго заглавія и надписи съ буквы А — пословицею:

творитъся ... валитъся

а̑ мо' земско' двоᵖ ѿвори̑ся что вся̑ в него ввали͗ся

оканчивается на оборотѣ листа 28-го и при томъ внизу его пословицею (продолженіе сборника, вѣроятно, утеряно, такъ какъ обрывается на буквѣ *И*):

И'гу̑менъ Гурей, до братьи: ду̑ренъ.

Обращаясь къ *составу сборника*, видимъ, что онъ состоитъ изъ двухъ, или даже и трехъ, неравномѣрныхъ частей, что̀ отчасти подтверждается и приведенными уже соображеніями, явившимися у насъ при разсмотрѣніи бумаги, на которой писанъ весь сборникъ, и особенно листовъ бумаги разнаго времени (см. выше):

I) на лл. 1—18 и 18½ помѣщены пословицы на буквы А (л. 1), Б (л. 1 об.), В (л. 3 об.), Г (л. 5), Д (л. 5 об.), Е (л. 6 об.), Ж (л. 7—7 об.); далѣе не сохранились листы съ текстомъ пословицъ на буквы З. И. І. К; на л. 8а идетъ продолженіе пословицъ на букву Л; затѣмъ слѣдуютъ пословицы на буквы: М (на л. 9), Н (л. 10), Ѿ (л. 11 об.), П (л. 12 об.), Р (л. 13 об.), С (л. 14), Т (л. 15), У (л. 15 об.), Ф (л. 16 об.), Х (тамъ же), Ц (л. 17 об.), Ч (тамъ же), далѣе на полулистѣ (обрывкѣ) Ч. Ш.... Ѣ; Ю (на л. 18) и Ѧ (тамъ же и на л. 18 об.); внизу л. 18 обор. остававшееся порожнее мѣсто для приписокъ частію заполнено таковыми, но отчасти такъ и осталось не записаннымъ;

II) на листахъ 19а—26 об. вплошную записаны пословицы безъ всякаго порядка, начиная съ первой строки листа 19а и до конца листа 26 об.

и III) на листахъ 28а и б помѣщены пословицы на буквы: *і*, *д*, *ж*, ѕ, з, и.

На л. 27—любопытна слѣдующая отмѣтка, которою начинается съ самаго своего верхняго борта эта страница (см. на снимкѣ):

Здѣ Полагаются ѿсего же а҃ѳавита
мир҅скїя Пословицы и҆ ра҃говоры, Понеже
тамо не ѿписашася за у҆маленїемъ мѣ-
ста

б: в: г, д: е, ж: з, и҆ к, м, н, о, п,
р, с, т, у҆, х, ч, ш,

Лицо, задавшееся намѣреніемъ пополнить первую часть сборника и, дѣйствительно, пополнившее отдѣлъ на букву *Б* въ концѣ его четырьмя пословицами (см. на л. 3 об.), — въ отдѣлѣ на букву *В* не могло уже совсѣмъ найти мѣста для вставки дополненій, и потому рѣшилось сдѣлать вышеприведенную оговорку и приступить къ самостоятельной, болѣе или менѣе систематической, записи пополненій первой части сборника.

Что касается самаго *письма, почерка*, которымъ писаны листы сборника, то нами замѣчено нѣсколько видоизмѣненій его. Прежде всего упомянемъ, что листы: 1 а-б, 2 а-б, 6 а-б и 7 а-б — писаны довольно мелкимъ, ровнымъ, кудреватымъ почеркомъ и желтовато-блѣдными чернилами; на дальнѣйшихъ листахъ этотъ почеркъ уже не встрѣчается болѣе (см. снимокъ съ л. 6 а при стран. 181). Всѣ же другіе почерки вообще отличаются болѣе преимущественно толщиною или тонкостію чертъ (вслѣдствіе разницы въ очинкѣ пера и т. под. причинъ), а также цвѣтомъ чернилъ, но не характеромъ письма, такъ что можно было бы, вслѣдствіе того, упомянуть о трехъ-пяти почеркахъ (рукахъ), встрѣчающихся на страницахъ всего сборника и относящихся вѣроятно къ разному времени, — о чемъ и будетъ нами сообщено нѣсколько подробнѣе въ своемъ мѣстѣ [1]). Письмо вообще сжатое, особенно позднѣйшія приписки лѣпятся одна къ другой и къ болѣе раннему тексту: видно, что бумагою и свободнымъ для письма на ней мѣстомъ очень ужъ дорожили (можетъ быть, вслѣдствіе трудности имѣть бумагу въ достаточномъ количествѣ особенно гдѣ-нибудь въ отдаленной и глухой провинціи и по ея сравнительной еще дороговизнѣ). О разнообразіи почерковъ можно составить себѣ достаточное уже понятіе, познакомившись съ приложенными: къ страницѣ 181 нашего изданія снимкомъ съ листа 6а нашей рукописи и къ страницѣ 214 — съ части листа 27 а. Другія, болѣе частнаго характера замѣчанія о

---

1) Не рѣдки приписки пословицъ почеркомъ даже настоящаго столѣтія.

почеркахъ въ связи съ вопросомъ о поправкахъ и припискахъ болѣе поздняго времени (другою рукою или чернилами), будутъ предложены въ «Дополненіяхъ и поправкахъ» въ концѣ всего изданія.

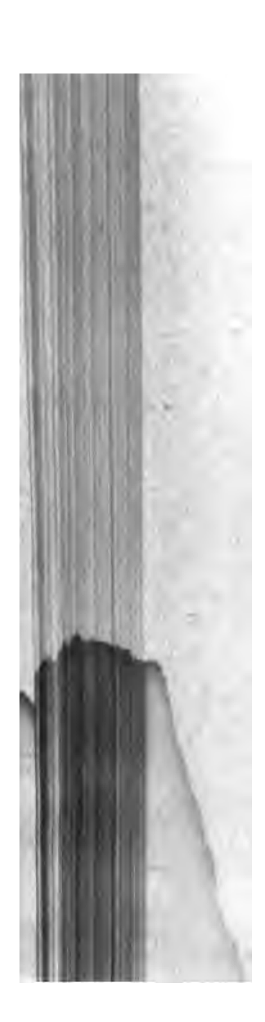
Настоящій сборникъ пословицъ *происхожденія*, какъ можно догадываться почти съ вѣроятностію, — *провинціальнаго*, именно *изъ Сѣвернаго (Вологодскаго) края.* Подтвержденіемъ этому могутъ служить: а) сообщеніе академика Л. Н. Майкова, которымъ рукопись эта была получена въ 1879 году изъ Вологодской губерніи; б) приписка на л. 3 а (сдѣланная въ верхнемъ правомъ углу страницы карандашемъ недавняго времени) слова: «Вологда»; и в) и самое главное, — много попадающихся въ текстѣ сборника чертъ языка сѣверовосточнаго края Россіи, и даже особенностей почти исключительно вологодскаго говора, которыя и будутъ нами указаны и пояснены въ своемъ мѣстѣ.

Къ этимъ замѣчаніямъ считаемъ необходимымъ еще добавить, что порядокъ и счетъ пословицъ при изданіи данъ нами; пословицы, приписанныя на поляхъ или рядомъ и проч., всѣ вообще введены въ одинъ непрерывный текстъ [1]). Приписки позднѣйшими почерками или же включены въ текстъ и отмѣчены заключеніемъ ихъ въ скобки [2]), или же будутъ указаны и, какъ и всѣ прочія необходимыя свѣдѣнія и наши замѣчанія, будутъ сообщены въ концѣ всего настоящаго сборнаго труда — въ «Дополненіяхъ и поправкахъ».

---

1) Зачеркнутыя въ разное время чернилами или карандашомъ пословицы возстановлены, и вообще отдано преимущество первоначальному писцу, а поправки и передѣлки будутъ всѣ собраны и указаны въ своемъ мѣстѣ.

2) Заключеніемъ въ круглыя скобки отмѣчены въ настоящемъ изданіи приписки, давнія же или вообще близкія по времени къ самой записи первоначальнаго текста, также иногда неясно читающіяся мѣста, а заключеніемъ въ ломанныя скобки—тексты позднѣйшей руки, особенно текущаго столѣтія и предположительныя наши чтенія.



[А].

(твори^тся) (вали^тся)
А^л мо^й земско^й дво^р ѿворися что вся в него ввали^тся; (л. 1).
Антипа не липа г^ лу^б содра^н не покрылся;
А^даме Адаме ты согрѣши^л нн̃ѣ срд̃ца сокруши^л;
А^нтихристъ блиско а^ сл̃це ниско;
Али мое пиво не ўдалось, что мое пиво по^д ты̃ пролилось;
Ахъ выколю *а* то мнѣ за^др....гла^з.
Ап̃тли обличаютъ они же г̃ научаютъ:
А^ндре^й кр̃тилъ, І^оаннъ благовѣстилъ;
А^*ще бы* и в о^рдѣ то^лко бы в добрѣ;
Ай ай заключенъ рай;
А^ а^ мц̃ъ ма^й теплъ а голоденъ,
А^ а^ Адамъ грѣхъ со^твори^л;
А^ а^ Евва пре^льстила древо^м и выстонала чрево^м;
Агрипине засве^р*бѣло въ с*пине:
(по горамъ)
Аврамъ гуляетъ Адамъ по *на*рамъ,
Ахъ стра^х давно бы *е*во хотѣние і^спо^лнилъ, да за плечми гроза;
Адамовы лѣта с начала свѣта;
Аптека у^мчитъ на по^лвѣка:
А^птека не *о*^два вѣка; (л. 1 об.).

20 А'птекамъ придаватса ўже дѣгам не жа*тъся*;
А'птекари лѣчатъ а хъ*в*орыя крычатъ;
А' ѕнаю ква҃ а' гдѣ вижȣ пиво не про'дȣ мимо;
Аще бы не было сȣда, (то) дрȣгъ дрȣга пожерлъ бы,
Аль мое дитя молоденко что дш҃ȣ
изломило в маленкомъ.
25 Ахнешъ дядя на тетку глядя:
[Жена | мужа потѣшила вострым | ножиком зарезала].
[Было пиво да выпито есть квасъ | да не про *васъ*].

Б.

Бл҃же іже обрѣте премȣдрость;
Брат братȣ головою в ȣплатȣ;
30 Брашно добро по пашне;
Быстрая лошадь скорѣе станет;
Болная жена мȣжȣ не мила;
Бѣденъ бѣсъ что ў него бога нѣтъ;
Без дождя виноград не роденъ;
35 Болестей тебѣ не штей
Болятка не молока:
(л. 2). Бабе' то промыслъ что неправе помыслъ;
Бѣды терпѣти камено сердце і'мѣти;
(алчютъ)
Бѣси плачютъ какъ і'ноки скачютъ;
(ѕадомъ)
40 Баба скачет і' передомъ, все ў нее і'ѕо' детъ,
своимъ чередомъ;
Быть было бедѣ да дѣги на бедрѣ;
Былъ ў тещи радъ утекши;
Болному кровать золотая не поможетъ;
Басни бабьи дȣракъ [кто] любитъ;
45 Бабе' горох не дотголѣтенъ;
Безȣменъ рад видя дрȣга при напасти;

Бѣдность і мȣдраго смиряетъ;
Без ȣма голова котелъ;
Богатымъ злато нищих ради;
Баба брѣдит чортъ ей вѣритъ;
Баба на торгѣ ся гнѣваетъ;
(Без денѣ вода пит | того не вѣдаетъ).
Без денегъ в торгъ самъ на себя ворогъ;
Без денѣ вода питъ тово не вѣдаетъ;
Богатство члвка ѿ смерти не избавитъ,
Быть было ненастью да дождь помешал;
Борода что ворота а ȣма і с прикалитокъ нѣтъ;
Богатъ млтию бгъ да и он не убогъ;
Богато погибает а счасливо побираетъ; (л. 2 об.)
Без клинья каѳтана не ѕдѣлать;
Беѕ ума торговать лише денги терять,
Бȣдет пора такъ не ȣйдетъ дуда;
Бȣдетъ тихо, бȣдетъ і лихо;
Бѣдность беѕумного во тму и ѿ людей ѿводитъ:
Болно раненъ и головы не нашли:
Баба с скрамою, а дѣдъ с сȣмою:
Баба пьяна [а сȣх] свой помлитъ: (а стыдъ)
Брюзжитъ что худая муха в осень:
Бѣды члвка наȣчатъ и мудрости:
Блины брюху не порча:
[Гдѣ блины тутъ и | мы].
Богатому пакость, а ȣбогому радость:
Бѣдному кȣсъ за ломтя мѣсто:
Бȣдетъ богатъ, бȣдетъ и рогатъ:
Бȣдетъ рожъ, бȣдетъ в людех и вошь:
Быстрая вошка попала на гребешекъ:
Борисъ не дерись станешъ дратца, будем запиратца:
Бредетъ Татьяна, не добрѣ пьяна:

Было ремесло, да хмелемъ заросло:
(будешъ)
Бꙋдешъ у̓прямъ, *а* не прямъ:
Бе^{з} притчи тресся не тресетъ:
Бросися ярко, а доспѣ^{х} не жалко:
(л. 3). Без пива да бе^{з} вина и̓ бесѣда не мила;
Бесѣда не пригожа бе^{з} хлѣба:
Бось лаптей не и^{з}носитъ:
Бракъ бе^{з} дракъ рѣткимъ любовенъ:
Брови пригожи, а дро^{в}ни у̓гожи:
Борода кажетъ мужа, а жену нꙋжа:
Береза не у̓гожа гдѣ ѡ̓на стои^{т}, та^{м} и̓ шꙋмитъ:
[Пирокъ | с крупой | такъ всякъ | с рукой].
Бритва о̓стра, да никому не сестра:
Богатой с кумою, а у̓богой с крамою:
Богатой в пиръ, а убогой в миръ:
Былъ в Крите, что Ї̈ѡна в ките:
Бѣды терпѣти, бе^{з}поко́ствомъ ся не го^{р}дѣти:
Бѣлые руки чꙋжие трꙋды любятъ:
Бе^{з}сты^{д}на гостя пивомъ не выгнать:
Барышъ накла^{ду} болшей братъ:
Боятся волка, бѣгать и̓ ѿ бѣлки:
Бѣды бѣдами, а к намъ воротами:
Было бы щастие а ^{д}ни впередѣ:
Бг҃а моли^{т}, заты^{л}комъ в полъ колотитъ:
Буди здоро^{в} на ^{д}ва дни, а на трете^{й} де^{н} на ^{д}ро^{г}ни:
Будто на головѣ, что помѣшало:
Было добро да да^{в}но, а впре^{д} бꙋдетъ, да долго ждать
(л. 3 об.). Бьется бꙋдто блоха в ꙋхѣ: Быть 'Улите за Ка^{р}помъ:
Бы^{л} в Палестинѣ сто^{я} лицемъ к стинѣ:
Будь примѣтли^{в} а не и^{з}вѣтливъ:
(ились)
Бе^{з} миганья *слезы* покатятся;

Бьется што рыба ȏ ледъ:
Бѣдная дружба гдѣ вотще служба:
Бздиш потѣешъ а к дѣлу не поспѣешъ;
Богатѣе себя взаем не давай, такъ не ȏголѣешъ;
Былъ коршунъ да выпорхнулъ:

= В ÷

Всякій звѣзд́арь смотрит на нбо а ўпадетъ въ яму:
В лесꙋ мевѣдь а в дому мачеха: (ȏбое равнѡ:)
Всякое дѣло мастера боится: (а ино́ мастер и дѣла | блюдется).
В дорогѣ і' ѡтцъ сынꙋ товаришъ:
Всякая погудка за хлѣбомъ добра:
Всякому свое мило, хотя на полы з'гнилѡ:
Вдовѣти, всегда терпѣти:
Взявши за гужъ, не молви что не дюжъ:
В шуткахъ правды не бываетъ: (а что надо
то выговариваютъ).
Волку зима за обычай:
Воскъ к огню мякокъ, а калъ жестокъ.
В рꙋкахъ не родится, а в глазах двоится:
[Воры ворует не для | прибыли | да д(л)я своей | гибели] (л. 4).
Варить *бр*ага потерять и фляга.
Вѣтръ кручины не развѣетъ:
В водꙋ глядитъ, а бѣдꙋ говоритъ:
Ворона совѣ не ѡборона:
Волков ловятъ не голкою, но ўловкою:
В дождь избы не кроютъ, а в ведро ї сама не каплет:
В ведро епанчꙋ возятъ, а вдождь и сама ѣздитъ:
В чемъ живетъ смѣхъ, в томъ и грѣхъ:
В болшемъ мѣсте сѣдит, много ўма надобно:
Во время брани добра не говорятъ:
В чемъ смолода ѡхата, в том и под старость неволя:

(Вамъ поютъ)
Васъ бьютъ, а намъ навѣтки даютъ:
Вѣренъ рабъ, и гдн҃ъ ему радъ:
Васъ кормитъ море, а насъ томитъ горе:
Видитъ собака молоко, да ᵃкуᵃшине глубоко:
Вѣздѣ скачутъ, а у̑ насъ плачутъ:
Вахрамѣй разумеⁿ, кого корятъ, а тебѣ в глаза говорятъ:
(Ворону знать и̑ по перью;)
Выросъ нашъ жукъ, болши меᵈвѣдя:
Водится с палачами, не тоᵖговать колачами:
Веселие волку, какъ не слышитъ за собою го҃ку:
(сѣдить не) (быть)
Воеводою быть, беˢ медꙋ не жить:
Волкъ не голъ есть, на немъ шꙋба, да и̑ пришита:
Всякъ в бѣдаˣ бываеᵗ, *а* на ᵈрꙋгомъ видя і҆ забываетъ:
В доброй часъ, дана часъ:
Вамъ смѣхъ а у̑ насъ и в лаптяˣ снѣгъ
(л. 4 об.). Всѣмъ по спасибу а ʼУлите два;
Выдряной пꙋхъ, что смеᵖдей дꙋхъ:
Вино варятъ зимою, а пьютъ ево порою:
Время перехоᵈчиво, да ᵃлыᵈпи воᵇчие:
Великъ тѣˡᵒмъ, да малъ дѣломъ:
Волость не болесть, лутче корысти:
Внятно кума не мило, и все постыло:
Во҃те кукиᵐ, да что хошъ то и̑ купишъ:
В поле воля, а кто в немъ ᵐⁿ сьеˢжается, ро҃ ствомъ не считается:
Всякой Еремѣй, про себя разꙋмѣй:
Вешной путь не дорога, пьяново рѣ҃ не говоря:
В дѣвкахъ долѣ, замужемъ короче:
Варюшка не потеряй краюшки:
Вороченца что и̑спо҃ней жерно҃:
В середꙋ сьѣдимъ в четвергъ не глядимъ:
Во всемъ воля, а ни҃ чемъ доли.

В′ два ви́да ярыжной ка҃ кото҃ка бѣлаꙗ.
В семьѣ не бе^{з} урода:
В лѣсъ каково кликнешъ, таково и҆ о^{т}кликне^{т}ся:
Вырубилъ дꙋбинꙋ, на свою спинꙋ:
В сꙋтка^{х} сиди^{т} на воннои̂ сторонѣ:
Выпи҃ двѣ $^{+}$непо҃ны, третью верхъ дномъ: ($^{+}$неналиты:)
Вирь какъ братꙋ, а вяжи што татя:
В кабалахъ не денги, а в копнахъ не сѣнѡ:
Всѣмъ ѣзда а ѻ҃ному и^{з}ба:

= Г$^{\prime}$ =

Гнѣвъ чл҃вку сꙋшитъ кости, рꙋши^{т} ср҃це: (л. 5).
Грѣхъ сла҃ко, а чл҃вкъ па҃ко:
Глупому въ поли, не давай воли:
[Губы з губами | а росолъ под но|сомъ]
Грѣхи любе^{з}ны, да доведꙋтъ до бе^{з}дны:
(ково) (тамъ)
Гдѣ любятъ тутъ не часто гости:
Гдѣ тонко тутъ и ^{р}вется:
(Голу^{б} лѣти^{т} на прива́бу)
Гдѣ были родины, тамъ бꙋду^{т} и҆ кр҃тины:
Гдѣ кто не обѣдаетъ, та҃ ничего не вѣдаетъ:
Гдѣ ме^{р}твыхъ погребаю^{т}, тамъ и҆ рыдаютъ:
Гдѣ свинья у҆мираетъ, тамъ и воро^{н} играетъ:
Гдѣ ни лета҃ соколъ, ве^{з}дѣ ему свѣжей мосолъ:
[Гдѣ за|выли | тутъ попы | и были].
Голо҃ная птаха и ѕобъ на сторонѣ:
Гдѣ голодь, тамъ и҆ холодь:
Грызꙋтъ орѣшки, не ^{д}ля насмешки:
Гꙋсли потѣха, а хуже о҆рѣха:
Глухому с немымъ не сошлося:
Грибовъ и҆щутъ, по лесу рыщꙋтъ:
Гордꙋ бы^{т}, глупымъ слыть, а скупꙋ прия^{т}но к пꙋпу:

200 Грай соколȣ, а лягушка воронѣ:
Гдѣ голь беретъ, а голю бг҃ъ даетъ:
Голой два дома кормитъ:
Гдѣ было ѣдало, тутъ будетъ пердало:
204 Говоритъ ȍстро, а родится всьо пестрѡ:
(л. 5 об.). Голову клонитъ да ногу ломитъ;
Гдѣ конь валяется, тутъ и шерсть ȍставляется:
Глаѕа боятся, а рȣки дѣлаютъ:
Говори да ȍкусывай: Говори да не заговаривася:
Гни ребинȣ за вершинȣ:
210 Глазка вмѣсто а жъопка нарознѡ:
Горкое ѩденїе изгонится блеванїемъ: а нахожде-
нїе всякое противленїемъ:
(Глаз на лавицȣ | а другой под лавицу).
Горы крȣтые а ноги хȣдые:
Глазъ в' ѳевралѣ а дрȣгой в' мартѣ:
215 Глаза выпучи што сычь, а рожȣ роспели што жопу:
Глазъ на печь а другѡй в Галечь;
[Голову ломитъ; а за ногу ломитъ].

Д

Давыдъ игралъ в гусли, а Ламехъ в скрыпку:
Доброе слово лутче мягково пирога:
220 Двоемысленъ, бываетъ непостояненъ:
Доброй былъ князь да извяла ево грязь,
и не ѣздитъ в приказъ:
Дȣмȣ имѣютъ велику а на гумнѣ по толику:
Дары нечестиваго в любовь приводятъ:
Два чирка тотъ же кряковенъ:
225 Домомъ жить, о всемъ тужить:
Донъ Донъ а дома лутче:
Далъ бг҃ъ здраво, да бока зжало:

Дѣти не [illegible], а человѣчья [illegible]:
Два в поле воюютъ, а одинъ горюетъ:
Два брата на медвѣдя, а два шурина на кисель:
Дѣвичей стыдъ до порога, как переступила, так и забылась:
Дѣвка красна до замужья:
Дѣдъ поживаетъ, а бабе смѣхъ.
Для того сорока и не голосом запела, что не своего корму хватила:
Для щей люди женятся, для масла замуж ходятъ.
[illegible] плачетъ, а [illegible] смѣется.
[illegible] николи о замужьи [illegible] за [illegible]:
[illegible] что города, а [illegible] что ворота
[illegible], а [illegible] растетъ.
Добрые люди не лежатъ на мѣстѣ.
[illegible] учит, а злая дела не добро [illegible]
[illegible] в поле [illegible] [illegible] горюетъ
[illegible]
[illegible]
Два [illegible] голова пропали, одинъ цѣловалъ да и тот не бывалъ:
Двѣ головни и [illegible]:
[illegible] сила [illegible]:

2

[illegible]писный сборникъ пословицъ, поговорокъ и присказокъ Петровскаго времени (конца XVII — на-[illegible]III столѣтія), хранящ. въ Библіотекѣ Императ. Академіи Наукъ и пожертвованный туда

Дома надо͗но у͗редитца, да тожно и͗ти сȣдитца:
Денги не мекина, а человѣкъ не скотина: (л. 6).
Два в поле воюютъ, а о͗динъ горюетъ: 230
Два брата на ме͗вѣдя, свояки на кисель:
Девичей стыд до порога какъ переступила
такъ и͗ забылась:
Дѣвка красна до замȣжья:
Дѣдъ погибаетъ а бабе смѣхъ,
Для тово свиня і͗ныи голосо запѣла что не своево 235
корму хватила:
Для ще͗ люди женя͗ца а ͗для мяса замȣ͗
ходятъ,
Дѣвка плаче͗ а͗ бѣлка скачетъ,
Давно ли о͗ зашелудиве͗ а то пе͗во о͗ і запле
шивелъ;
Добивася что города, а і͗бывае͗ что ворога
Дȣрень лежи͗ а честь ево ростетъ, 240
Добрые вѣсти не лежатъ на мѣстѣ;
у Добра мужа ѕлая жена на добро есть
Два в поле воюютъ а ѡди͗ гѡрюетъ
Два сопо͗тата бию͗ся.
Дȣмали дого сȣ͗дума͗ не моли. 245
Два трепали да о͗ба пропали, оди͗ целовалъ
да и͗ тотъ не бывалъ:
Двѣ головенки кȣ͗рятца, а о͗на никогда:
Доро͗на сласть, четыре ноги вмѣсто скласть: 248
[Доселѣ | Макар | огороды | кропьалъ | а но|не Ма|каръ въ | воеводы | попалъ. | Говори да | отькусыв За котр | кри. | Два вора | воровали | да оба | пополи.]

Є;

Есть нѣта лȣтче; (л. 6 об.)

(слина)

Есть денги такъ сила а нѣ͗ та͗ схима;

Елико разѹмных толико і безумныхъ,
Египет пшеном а Ітталия виномъ,
Есть что слушат да нечево кѹшать,
Елень быстра бывает да от смерти не утекает;
(добрѣ)
Еремиевы слезы о чюжем льютца;
Елень быстра ни кому сестра;
Едй вой десять ротъ водитъ,
Есть мошня бѹдетъ и квашня;
Единому бежат а другому лежат обоимъ оста
новитца лутче;
Естлиб на горохъ не мороз он бы давно черезъ тынъ
переросль;
Есть у молоіца не схоронитца а нѣт не соромитца
Елова шишка укусомъ неслатка
Есть медок да засичѐ в ледокъ:
Едино есть неизбытно ѕло в человѣцѣх хотѣніе женское:
Ета Ховронья, збила с поворья:
Ета гуска, и семерымъ не уска;
Етот бы хрѣн да в посной ден не бѹтай ли ш помѣшивай;

ЖЖ;

(л. 7). Жить в обидахъ что со двом в ровинах;
Живучи в горе что кораблю в мори;
Жить в Римѣ а брѣсти во тму;
Жерди толще огородъ выше;
Жаравль летаетъ высоко а видитъ
далеко [Животокъ что голубокъ гдѣ хочетъ | тутъ и посидитъ]
Жалѣть лоѕы не видать козы
Жалѣть вина не употчивать гостей;
Жаль батка да вести на повость,

Жить в дозоре не бывать в поѕоре;
Жаравль высоко летаетъ, а от рѣки
не отбываетъ;
Жаз кулака да бить дурака;
Жалѣть мешка не залѣсть друшка;
Женою доброю муж честенъ бываетъ
Женское лѣто по петров день;
Жена 'Олоѳерну главу отсѣкла;
Женское слово смущаетъ сердце:
Женское ѕбо'ство і' на свинье не оѣхат;
Жаравль межи не знает і чрез ступает:
Жена мужу пастырь;
Жуку нора за ѡбычей:
Женское слово что клей рыбей; (л. 7 об.)
Женское срдце что ржа в железе;
Жестокъ нравъ не будетъ правъ,
Жаль коня любя себя:
Жилъ да и жилы порвалъ:
(умереть)
Житъ мучится а смерти не хочется
Жить тихо да от людей лихо:
Женитца такъ не ленитца хотя і не хочется
в'стават;
Жидокъ пут водою сходят ево звѣздою
Жернова куютъ какъ 'онѣ не имутъ:
Жаравль под небомъ а сила на зем'ли:
Животина водить не розиня рот ходить:
Жыт на Москвѣ быть и в тоскѣ;
Жену хошъ лоѕою а она над тобою ѕ гро
зою
Жена сердцемъ а муж с перцемъ,
Женѣ спускать то в мошнѣ і'скать;
Живет то порою течет вода і' горою;
Живет то пора что соромъ итти из двора:

Желѣѕо ржа съѣдает а серрдце печаль погубляетъ;
Жалѣть коня істомить себя;
Живетъ, еще держится на решете;

[Л].

(л. 8). Любовь вражды лꙋтче:
Лошка воды лутче моря бездны:
Лихое гляденuе пꙋще прошенuя:
Люди молотятъ а иные (в') заки колотятъ:
Люди спать а онѣ желвей искать:
Лꙋтче вода пить в радости нежели мё в кручине:
Лꙋтче семью горѣти а(ни) одновав вдовѣти:
Лошака в хомутѣ везетъ по могꙋтѣ:
Ласковое слово кость ломитъ, а жестокое гнѣв воздвизаетъ:
[Не радуися нашолъ | не плачь потерешъ].
Ленивому болитъ в хребтѣ:
Ленúваго знать и по платью:
Ленивомꙋ и во снѣ себя соромъ:
Лишная говоря соромꙋ доводитъ:
Лошкою Волги не переѣхать:
Люди пировать, а мы горевать:
Лѣсъ сѣчь не жалѣть плечь:
Люди молотить, а мы замки колотить:
Лꙋтче плыть пꙋчинꙋ нежели терпѣть кручинꙋ:
Лꙋтче хлѣбъ с водою, нежели пирогъ з бедою:
Лꙋкомъ кто владѣетъ тот ї товарищей не имѣетъ:
(л. 8 об.). Лꙋкъ при дороге что дрꙋгъ при вологе:
Лꙋкъ надежной что дрꙋгъ сердешной:
Ладанъ на черртей, а тюгма на татей:

(беленко)
Личико мале^{н}ко да разȣмȣ маленко:
Лакома о^{в}ца к соли а коза к воли:
Лгать такъ людей обѣгать:
Лихва ^{в}бирать а после во^{з}дыхать:
(чрево).
Листомъ красно древо а одеждею тѣло: 840
Лотовъ грѣхъ не вмѣнится в смѣхъ:
Легка рана а головы не сыскать:
Лезло бы да и̓ не болело:
Людей о^{б}манывать лише дни терять;
Лодыга в каше, та^{к} повара в зашей. 845
Людей з горо^{х}, а у̓ма з го^{р}сть.
Любо видѣть ка^{к} дѣвка с парне^{м} и̓детъ
Либо в' стремя ногой, либо в петлю головой,
[Ладанъ о^{т} дьявола ...... о^{т} бг҃а].

М

Медъ каплетъ ѿ у̓стъ жены блȣ^{д}ницы: (л. 9).
Мертвымъ соколомъ и воронъ не ловятъ: 351
Мѣра всякомȣ дѣлу вѣра: (Мете^{т} ме^{т}ла, попере^{к} гумна:)
Мзда и̓ м^{д}ра мȣжа ѡ̓чи заслепляетъ:
(а смерда)
Мѣха не надȣть, а глȣпого не научить:
Миленкой животъ за рекою живетъ: ни к намъ 355
не ходишъ ни к себѣ не зовешъ:
Медъ сла^{д}ко а мȣха па^{д}ко: (Малъ ѕоло^{т}ни^{к} да дорогъ:)
Мла^{д} м҃цъ не вся ночь свѣтитъ:
Мило что дш҃а, а горко что бѣда:
Мягкое слово кости ломитъ: (а жестокое гнѣ^{в} во^{з}двизае^{т}:)
Много зва^{н}ныхъ, да мало и̓збранныхъ: 360
Много хорошихъ да мало любовныхъ:
[Много | хорошы^{х} | да милово | нетъ].

Многие кѹмы да ра^{з}ные *с*ѹмы:
Мыло черно да моетъ бѣло:
365 Мѣлка рѣка да крѹты береги:
Ми^{р}ская молва что морская волна:
Много [трѹдѹ] людѹ, много и̑ трѹ*д*ѹ:
Мѹжъ печется какъ бы хлѣба добыти, а же^{на} мыслитъ ка̑ бы мѹжа и^{з}быти:
Малъ ѩзыкъ всѣмъ тѣломъ владѣетъ:
370 Малъ соловей, да голосомъ великъ:
Малая сосна в сѹкъ ростетъ:
Молебенъ пѣтъ, а полги нѣтъ; лада^{н} выкади̑, а бѣса не выгонилъ:
(л. 9 об.). Миломѹ дается и возмется:
Много знать мало спать:
375 Многие кѹм*ы* даводятъ сѹмы:
Многие смѣхи великие грѣхи:
Малъ смѣхъ да великъ грѣхъ:
Малъ грѣхъ да велика причина:
Мѣрить вѣтръ не стане^{т} вѣ^{х}ръ:
380 [Полно пить | лутче умъ | капить].
Мѣря во^{ду} не спрашивать медѹ:
Масло коровье ѣдятъ на здоровье:
Мать кормитъ *людей* какъ земля *дѣтей*:
(а хозяи^{н} в подворье)
Мягко хорошо в пирогахъ, а рѣка в берегахъ, звѣри [в лѣсахъ]: в горахъ, *а* птицы на лесахъ: (хозяинъ в дому).
385 Мечь тѹпъ а меченосецъ глѹпъ:
Мелникъ богатъ шѹмомъ:
Миша что черемиса, чисто и̑ поганого: (пожирае^{т}).
Моченъ богатой что быкъ [пожирае^{т}] рогатой:
Москва любитъ запасецъ:
390 Много обѣтовъ да мало обѣдовъ:
Манна сла^{х}ка, Анютка падка:

(а в горе)
Море плыть кораблемъ, а в городо жит с воробьемъ:
Малъ тѣломъ да великъ дѣломъ:
Маши Машкꙋ под рꙋбашкꙋ:
Мꙋжикъ голъ а в рꙋкахъ на него колъ:
Мачиха пасынку на своѐ волю дала нагъ ходи
либо без рубашки:

Н

Невинна дша непристрашна смерть: (л. 10).
На что было лгати коли нечево было дати:
Нарядъ собачей а полѣтка воронья:
(Юрье)
Наряжается что дꙋрень на бабу:
[Нашъ по|покъ ходитъ без | портокъ].
Неродомъ старцы бываютъ ꙋроды:
Новой виникъ чисто мететъ:
Немудрꙋй мꙋжъ слꙋгою потребꙋетъ, а мдръ
самъ исправляетъ: (Нѣсть члвка без порока:)
Не рада баба повою рада ꙋпокою:
Не всякая капля *на́* вор*отъ* каплетъ:
(Н)а него Надежа что бꙋдетъ и ѡдежа.
Нашолъ чернецъ клобꙋчецъ не возрадовался:
а потерялъ не тꙋжитъ:
(На перво и лошка красна:)
На что бабе мечь ково ей сѣчь:
Не дивно тать дивно блудникъ:
Не купи села кꙋпи прикащика:
На гнилой товар да слепой кꙋпецъ:
На што было женитца когда рожъ не родитца:
Не жалѣй тещина добра *колупай до дна:*
На грѣхъ мастера нѣтъ:

Нахсада не росада, бѣда не робя:
Не поможет имѣние в день ярости:
420 На вѣкꙋ живетъ притчей много:
Не купи гꙋмна прежъ ꙋма:
Нашей Дашке на кашку: Палашке на рубашку:
На вѣкъ с крохой, толко муха не отоиметъ:
(л. 10 об.) Не с мѣрой, с вѣрой: Не загачивай промолачивай:
425 На старость поступать желания не получить:
Носъ с локоть а ꙋма с перстъ:
Не наша часть з гостми спать:
Не ꙋгадать кꙋды живото' стрѣлить:
Не свой ножъ не любой кꙋсъ:
430 Не радость вѣчная ни печаль бесконечная:
Нѣтъ того члвка не преступи бы чего:
Нашево грѣха стыдно и попу сказать:
Не слушав конца жди конца:
Не продалъ на денгу а сьѣлъ на алтынъ а з до
сталью домой ушелъ (к обѣду поспѣл, хозяину прибыл доспѣл:)
435 Не мила убогая сестра брату ни бѣдная жена мꙋжꙋ:
Не давай голодномꙋ хлѣба рѣзать:
Не посылай холостово сватаньемъ:
Нашего Данила жена ꙋдавила:
Не вѣдана девица а увѣдана дѣвушка:
440 Не солгали привѣты наши отвѣты:
Не своя вошъ кусатъ не знает гдѣ чесать:
Не свое бы было не собакою слыло:
Незваные гости гложутъ и кости:
На худе городѣ и Ѳома дворянинъ:
445 Не в сыре вологи ни в зяте племяни: (доброты).
Наряжается что Маланья на свадбу:
Не сохни не боли не твой сапоги:
Не ты мнѣ купил, не ты денги давалъ:
Непошто глупать, в чужой дире копать:
450 Наперво и лошка красна:

Наперво не у̓говорися, да послѣ схватился:
Не всякому ляпай что по денге ретка:
На глазꙋ не велико бѣлмо а кривымъ и̓ зовꙋтъ: (л. 11).
Надѣялся бы на силу привязати и̓ килу:
Наши печали не вѣтры вскачали: 455
[Не было | да вышло].
Наша Татьяна и̓ с воды пьяна:
Нажила Натаха поx гузно рубаху:
Надꙋмаюсь с подꙋшкою ї спрошаюсь с поxрꙋшкою:
Недосолъ на столѣ а пересолъ на спине: 460
Не ходитъ волкъ встакой заставать овецъ пасть.
а волкъ бы раx хотѧ бы оᵀ лесу постоять:
Не наша ѣда лимоны ѣсть и̓хъ и̓номꙋ:
Не красно старово в полѣ видѣть а страшнѡ
протиⁿ его ѣхать: (Нѣтъ нѣтъ да канетъ:)
Не стало свѣчи что зажеxчи: 465
Нашъ Обросимъ нѣᵀ не проситъ а есть не помянеᵀ:
Не люба вѣсть какъ нечево ѣсть:
Не у̓ма набраᵀца что з дꙋракоᴹ подратца:
Не соромъ праⁿдника были пироги:
На сереxню рꙋку ни ⁿрай ни в мукꙋ: 470
Неволной раᵇ повелѣⁿное слꙋжитъ:
Нетъ ли горшечка попарить кишечка:
Немного не ⁿдѣлано и в рукаx не бывало:
Не у̓спиешъ наxнести и возметъ трести:
Не хуx торжокъ, не пустъ горшокъ: 475
Не хочꙋ на свѣтѣ жити, что тебя не любити:
Ничево не знаю, и̓ шти хлебаю
На словаx три сажени в землю видитъ, а на дѣле
на силꙋ поx ноги гледитъ:
Нашо теля, и̓ губа бѣла:

ѡ̓

(л. 11 об.). Ѡчи у̓шей вѣрние:
481 Ѡ̓релъ с вороною не толкуется:
Оⷮ смерти и̓ поⷣ камень не у̓кроешся:
Обидно в поле горохъ да рѣпа, завидно в людехъ вдова да дѣвка:
О̓трѣзавъ голову наⷣ волосами плачетъ:
485 Оⷮ и̓збытка срⷣца у̓ста глаголютъ:
О̓брѣте Филипъ Наѳанаи̓ла:
О̓дна есть в килье кто же навонялъ:
О̓днемъ рать не пуста:
О̓динъ у̓менъ десять безꙋмныхъ водитъ:
490 О̓ кумѣ не жить а беⷥ кума не быть:
Ѡвинъ горитъ а мужиⷦ молотиⷮ, и̓ново проситъ:
Ѿ добраго о̓бѣда и̓ к ужинѣ о̓станется:
Оⷮ кума аⷧтынъ а оⷮ кумы полотно:
О̓брадовался крохамъ а коⷬригу потерялъ:
495 О̓стръ ножъ что дворяниноⷡ гребень:
О̓ретъ до тины а ѣстъ мекины:
Ѡ̓брилъ голову до плечь:
О̓трыгается масломъ видиⷮ коровей слѣдъ:
О̓ томъ не тужатъ что долго служатъ:
500 О̓ томъ забылъ тужиⷮ, что не кому служить:
О̓бѣⷣ дворяⷩской что оⷮвѣтъ кр҃тьянской;
Оⷮвѣⷮ чернцу что ему и̓детъ х концу:
О̓вца и̓ не беⷥ оⷮца, у̓ Катки два батка:
О чемъ скачетъ, о томъ и̓ плачетъ:
505 О̓кунекъ в водꙋ ершекъ коⷧнꙋ:
О̓динъ не у хлѣба не у дѣла:
(л. 12). О̓ ко́мъ свѣтъ видитъ, того и̓ о̓бидитъ:
О̓ комъ хвалился оⷮ того и̓ повалился:
Оⷮ Савы славы, а Ѿ Перши чести:
510 О̓стровъ в море а твое срⷣце въ горе:

Ѿ ково тѣ вѣсти что нечево ѣсти:
О҆динъ под овиномъ а ⷣва воевать:
Ѡдинъ Ѳома горюетъ, а два в полѣ воюютъ:
О҆винъ горитъ а хозяинъ вопитъ: (а мужи҃ молотиⷮ
другово проситъ·/)
О҆динъ быкъ да и тотъ оⷮвыкъ:
О҆сетръ водою, а Петръ бѣдою:
О҆стровъ о҆кружила вода а насъ бѣда:
О҆вса въ ясли а кони иⷥгасли:
О҆комъ не смотриⷮ, такъ мошнею заплатить:
О҆простался о҆динъ гашникъ о҆стался:
О҆ немъ же кто полезная оⷠрѣтаетъ, той
того и҆ прославляетъ:
Оⷮ дѣлъ званїе приемлетъ:
О҆хти мнѣ хти ⷨнѣ припѣтили к стенѣ:
О҆динъ что порохъ в гузне:
стоитъ
Овечкꙋ стригуⷮ, а другая товоже гледитъ:
О҆нъ боло роспроста̑ся, да гашникъ ꙋ҆рвался:
ево доⷨ
О҆гороженъ полемъ, покрытъ небомъ:
О҆бѣщать, то дворяⷨски, а слово держать, то
крестьянски.
Ѿ о҆дной о҆вцы паⷬшивой все стадо пострадаⷮ
можетъ
Оⷮломиⷲ тетерка оⷮрѣжеⷲ осьо҆ка, ꙋ҆кусиⷲ гребешекъ:

П:

Послѣ шири̑ки о҆нꙋча; (л. 12 об.)
Палецъ не гнется, а завертка рвется:
Палицею бросить багатырство о҆казать:
Память в тылу а҆ мысль во ⷧбу а хотѣние в ср̑це:
Паръ в банѣ не о̑ной Маринѣ:

Поясъ красной и^{з}янъ напрасной:
Пра^{в}ды не говори то | посты^{в} не буде^{т}
Пасту^{х} радъ лѣта а тѣло цвѣта:
Потокъ кора^{б}лю, а песокъ журавлю:
540 Пазногть увязъ всей птице пропасть:
Печать вощаная а кладь дощаная:
Плавать по рекѣ а животъ въ бж̃іе рꙋкѣ:
(годно)
Поганое сꙋдно и в богатомъ в дому не судно:
Плохово волка и̓ телята лижутъ:
545 Привыкай коровка ко ржаной соломке:
Попъ и̓ петухъ ѣ^{д}чи поютъ и̓ не ѣ^{д}чи поютъ:
Приѣхалъ не званъ поѣ^{з}жай не драпъ:
Пѣвчая птица преже погибаетъ:
При^{ш}ли че^{р}нца схими^{т}, а онъ и̓ старое пла^{т}е хоче^{т} скинуть:
550 При светлѣ сидѣть стыдꙋ болѣ:
По звѣздамъ кора^{б}ли ходя^{т}, а по яма^{м} землю знаютъ:
После немочи повалки живутъ:
По ^{з}вѣрю і́ рана;
Плохо тому жить у ково дѣдъ ворожитъ, а у̓ насъ
и̓ баба не знаетъ:
555 Пехай рохатину в бабью телятину:
Пошлины взяты и̓ товаръ у̓тонулъ:
Пашню пашꙋ^{т} такъ рꙋками не машутъ:
Пошла по масло такъ в печи у̓гасло:
По у̓трꙋ зва^{р} варитъ, а к вече^{ру} миръ миритъ.
поставить
560 Попа выставить, а епископа не здѣлать:
Проидоша, на три пѣди в говно видитъ:
в глаза
(л. 13). Пр^{в}ные ѣдятъ, а грѣшные глѣдятъ, тово же хотятъ:
Приѣхала баба и^{з} города, приве^{з}ла вѣсте^{й} три короба:
Постился да в водꙋ спустился:
565 Пить до дна не видать добра:
По^{д}ле сани со ^{с}лезами:

При сл҃нце тепло а при господине добрѡ:
Похвала мужꙋ пагуба:
Пришла баба на брезгу принесла кочергꙋ:
Полата добра да ꙋ̂тлы двери: 570
Пришли казаки з Дону погнали ляхоⷡ з дому:
Плыть стругомъ подꙋмаⷮ (ї) з другомъ:
Поꙋ̂ченъ жену бьетъ, а потѳоръ матерь:
Приятеля мила неⷥгода ꙋ̂била:
[Пернула | в подводы | не дернула]. 575
Пить пиво сидѣть и̂ криво:
По Сенке и̂ шапка:
Плохо жиⷮ иⷥдѣваючи, надобно жить иⷥнемогаючи:
Продавецъ за товароⷨ, а купецъ за накладомъ:
Пить хочетца а купить не хочетца: 580
Посидѣть ꙋ̂ друшка бꙋⷣто ꙋ̂ брашки:
[Пей воду когда | простово роду].
Писалъ Назаⷬко по бересту ꙋ̂гаркомъ:
Послѣ скобели да топороⷨ: послѣ сита решетомъ:
Пияница дꙋракъ на кабаке, шипкой прыткой 585
в тюрме:
Пойдꙋ в манастыⷬ жити гдѣ чеⷬнцо҃ пусто, а ба҃ кꙋсто:
Приди по утрꙋ да жепу повытри, приди о̂пяⷮ
да жепу оⷮпять, приди к окну о̂пять воткнуⷮ:
Прошу твоей ласки до нашей каляски:
Послѣ всѣхъ напеⷬвѡ:
Пеши ходятъ в рукаⷯ плеши носятъ: 590
По҃ лесомъ видишъ а по҃ носомъ не слышишъ:
Поля о̂чисты, лѣсы ꙋ̂шисты:
Плохо воровать какъ два наровятъ:

Р

Рысь сверху пестра а чл҃вкъ иⷥнутри лукаⷡ бываетъ: (л. 13 об.).
Рабъ гп҃жѣ что ме҃ на ноже: 595

Ракъ кнешнею а богатой мошнею:
Рыба ловить при смерти ходить:
Ржа съѣдаетъ желѣѕо а печаль с͡рце:
Рыба в водѣ а ягоды в травѣ:
600 Ра^{н}ная птичка носокъ п͡очищаетъ, а поздая глаза протираетъ:
Ростомъ с тебя а разꙋмомъ с теля:
Рать бес корысти гдѣ войны нѣтъ:
Рано вставать то не потеря, а поздо встава^{т} то самому ст͡ыно себя:
Ретивая лошадка не долго живетъ:
605 Радъ безꙋменъ видя друга при напасти:
вдова
Рано в́ставая попъ поетъ а по^{з}до ложась попадья плачетъ:
Радъ кꙋмѣ да нетъ в сумѣ:
Радостенъ бѣсъ что о^{т}пуще^{н} инокъ в лѣсъ:
Ременья не дерꙋтъ крꙋгъ гуменья:
610 Радъ тотъ гость чтобы пилъ и въ постъ а в мя сопустъ ему не дадутъ:
Рай на лѣтно^{м} востоке а мы на ви^{н}номъ потоке:
Родился на свѣту а пошелъ во тму:
Родился да не пригодился:
Ребра ломаютъ какъ татей пытаютъ:
615 Робятка в банке а матка в бабке:
Ротъ великъ держишъ, а не видишъ:
Рано птичка запѣла что^{б} кошка не съѣла:
(л. 14). Рогатому быку что богатому ^{му}жику:
Рогозиною одѣтся о^{т} знаемыхъ за^{р}дѣтся:
620 Ра^{з}ѕорепїе м͡итрю квасъ густъ, а игуме^{н} во^{ду} пьетъ
Реветъ голосомъ а не у^{р}ветъ и волоса:
Рожа до пояса, а жопа до пятъ:
Рожъ да пшеница годомъ родитца:

Рȣка за рукȣ а другая в пазȣхȣ, губы в губы та
(болятъ)
не ржавѣютъ зȣбы:
Робить не заставятъ а исть не поставятъ:
Родится рото дастъ бгъ и кусокъ:

С

Соколȣ лебедь не в диво:
С разȣмомъ жить лише тѣшится:
Слонъ добро к слову а лоя к перевозȣ:
Смерть о саванѣ не тужитъ:
[Сперва поду|маи потомъ | говори].
Сорока лѣтитъ а сорома нѣтъ:
Соколъ выше слнца не лѣтаетъ:
Смертей взгля пуще брани:
Свой сȣхари лутче чȣжихъ пироговъ:
Сердцȣ веселящуся и лице цвѣтетъ, а в пе-
чали унываетъ:
Смѣлой пьетъ и с мѣломъ:
Сердитъ что Илья, а дерзокъ что Петръ:
Ситней сьѣлъ такъ решетной цѣлъ:
Сонъ да дремота, поди на болота:
Сколко лодьѣ не рыскать, да у якоря быть: (л. 14 об.)
Скорая женитва видимая работа:
Столко и товару нѣтъ что пошли правятъ:
Соромъ дѣвке а парню позоръ:
Старъ хочетъ спать а молодая играть:
Самъ себѣ не рад что в грамотѣ гораздъ:
Сѣть крѣпка мȣжу устнѣ:
Соколъ лѣтая ловитъ, а ворона сѣдитъ:
Сердитая собака в хребтѣ понесетъ:
Сердце соколье а смѣлство воронье:
Старово черта да поднялъ бѣсъ:

Ракъ кнешнею а богатой мошнею:
Рыба ловить при смерти ходить:
Ржа сьѣдаетъ желѣѕо а печаль срце:
Рыба в водѣ а ягоды в травѣ:
600 Ранная птичка носокъ почищаетъ, а поздая глаза протираетъ:
Ростомъ с тебя а разꙋмомъ с теля:
Рать бес корысти гдѣ войны нѣтъ:
Рано вставать то не потеря, а поздо встават то самому стыдно себя:
Ретивая лошадка не долго живетъ:
605 Радъ безꙋменъ видя друга при напасти:
вдова
Рано вставая попъ поетъ а поздо ложась попадья плачетъ:
Радъ кꙋмѣ да нетъ в сумѣ:
Радостенъ бѣсъ что отпущен ӥнокъ в лѣсъ:
Ременья не дерꙋтъ крꙋгъ гуменья:
610 Радъ тотъ гость чтобы пилъ и въ постъ а в мя сопустъ ему не дадутъ:
Рай на лѣтном востоке а мы на винномъ потоке:
Родился на свѣту а пошелъ во тму:
Родился да не пригодился:
Ребра ломаютъ какъ татей пытаютъ:
615 Робятка в банке а матка в бабке:
Ротъ великъ держишъ, а не видишъ:
Рано птичка запѣла чтоб кошка не сьѣла:
(л. 14). Рогатому быку что богатому мужику:
Рогозиною одѣтся от знаемыхъ зардѣтся:
620 Разѕоренïе мнтрю квасъ густъ, а ӥгумен воху пьетъ
Реветъ голосомъ а не урветъ и волоса:
Рожа до пояса, а жопа до пятъ:
Рожъ да пшеница годомъ родитца:

Рꙋка за рукꙋ а ͩругая в пазꙋхꙋ, губы в губы тⷶ
(болятъ)
не ржавѣютъ зꙋбы:
Робить не заставятъ а исть не поставятъ: 625
Родиˢся ротⷪ дастъ бг҃ъ и̓ кусокъ:

О

Соколꙋ лебедь не в диво:
С разꙋмомъ жить лише тѣшится:
Слонъ добро к слову а лⷪ҇я к перевозꙋ:
Смерть о саванѣ не тужитъ: 630
[Сперва поду|маи потомъ | говори].
Сорока лѣтитъ а сорома нѣтъ:
Соколъ выше сл҃нца не лѣтаетъ:
Смертей взглⷽ҇ пуще брани:
Свой сꙋхари лутче чꙋжихъ пироговъ: 635
Серⷰꙋ веселящуся и̓ лице цвѣтетъ, а в печали ун̓ываетъ:
Смѣлой пьетъ и̓ с мѣломъ:
Сердитъ что И́лья, а деⷬзокъ что Петръ:
Ситней сьѣлъ такъ решетной цѣлъ:
Сонъ да дремота, поди на болота: 640
Сколко лодьѣ не рыскать, да у якоря быть: (л. 14 об.).
Скорая женитва видимая работа:
Столко и̓ товару нѣтъ что пошлиⷩ правятъ:
Соромъ дѣвке а парню позоръ:
Старъ хочеⷮ спать а молодая и̓грать: 645
Самъ себѣ не раⷣ что в грамотѣ горааздъ:
Сѣть крѣпка мꙋжу у̓стнѣ:
Соколъ лѣтая ловитъ, а ворона сѣдитъ:
Сердитая собака в хребтѣ понесетъ:
Сердце соколье а смѣлство воронье: 650
Старово черта да поⷯнялъ бѣсъ:

Старой то ловецъ что не оставилъ о̀вецъ:
Стрелецъ за волками а жена за моло^{д}цами:
Самолюбъ всякому не любъ:
Самъ в крꙋчинѣ что корабль в пучинѣ:
Сто рꙋблевъ и̂мѣетъ бѣжать не довлѣетъ:
Сѣно семерыхъ сьѣло а о̀смова та^{к} проглотило:
Снопъ пригожъ в гумнѣ а пьяной: в окнѣ: (во снѣ).
Спона не мала гдѣ река мостъ сломала:
Старъ бѣдами да мла^{д} годами:
Страхъ причины не задирай дѣвчины:
Сꙋкна знаю^{т} цвѣтомъ а дружбу привѣтомъ:
Свѣча ꙗ̆сная какъ беседа красная:
Сани для дровъ а рѣчь для воровъ:
Слово не стрѣла а к сердцꙋ лнетъ:
Сла^{д}ко медъ да брюхо дметъ:
Сѣдина в бородꙋ, а бѣсъ в ле^{д}вею:
Слѣпой кꙋрице всьо за пшеницꙋ:
Скоро полѣтелъ скоряе перелетитъ:
Старой воронъ, даромъ не кы^{р}кнетъ:
(л. 15). Сокола знать и̂ по полѣту, а ворону по перью:
Старъ борозды не портитъ:
Старово черта не баткомъ звать:
Скрыпицы тебѣ не рыбицы
Собаке не виритъ, все самъ лаетъ:
Смерть за плечами, а мысль за горами:
Словами скоро говори^{т}ся, а на дѣле тихо дѣется:
[мало]
Словами всево много говори^{т}ца, а на дѣле не ^{в}се збывае^{т}ца:
Сказываетъ востро, а родится всьо пестро:
Станешъ о^{т}бѣгать, будешъ о̀зябать:
дымъ
Слово не чадъ, глазъ не естъ:
Стреляетъ и^{з} го^{р}ски в шер^{ь}скꙋ:

Т

Такие тетрати долго писати:
То не смѣхъ что мало съѣлъ:
Твердо онъ то да и̓ подперто: 685
Та милая Татьяна еще бы грѣхъ не пьяна:
Тѣломъ бѣла хотя и̓ дѣломъ худа глупо' то любитъ:
Тѣсто насыщаетъ а мѣсто не просвѣщаетъ:
Терновъ кустъ не живетъ пустъ:
Татьяна не смѣтана не шти ею бѣлить: 690
То дѣло что в головѣ засвербѣло:
Тѣ дѣтки натерпѣлися и̓ бѣдки:
Тѣми у̓мами знатся и̓ с кумами:
Тою же бы порою да не тою горою:
Такими книгами играть и̓ лодыгами: 695
Тамъ у̓жина гдѣ дуракòвъ дюжина:
Такъ доспѣлось, што о̓бимъ захотѣлось:
Толко бы на волка не собака, а на дѣвку не ро (л. 15 об.).
бята, о̓нѣ бы и в день воровали:
То не спасение, что пьянъ в воскресение:
Тула и̓ зипунъ здула, а Кошира и в рогозину вшила: 700
Терть пилою жить с милою:
Тати не молотят лишъ *в* замки колотятъ:
Ты бы что за пирогъ а онъ чертъ *по*перегъ:
Труситъ что харя жепою вертитъ:
Тотъ же ростворъ да на тѣ же шанги: 705
Тȣтъ зовȣтъ а и̓ндѣ быть велятъ:
(У' свиньи не родятся бобрьонки тѣже поросьонки:)
(У'же на дворѣ не рано добрѣ:)
Тать у̓ татя, перекрав утята:
Тово не знаютъ гдѣ раки зимȣютъ: 710
Тороватой у скупово у̓ воротъ стоитъ:
Тѣло в карманѣ дш҃а в кульке:

То и честь молодцꙋ, што горбъ на носꙋ:
Тесть люби честь а зять хоче взять:
715 Твоя корова, поведи здорово:

У

У' року и соколъ не улѣтаетъ:
У дѣвки загадка а у парня свой смыслъ:
У одное овечки да семь пастуховъ:
У' мужа тосто и у жены широкѡ:
720 У' двꙋхъ не без третьево:
(л. 16). У'везилъ клинье, в кривое деревье,
У'богой митырь игумен самъ по воду ходитъ:
У' Ѳомки не без помхи:
Умомъ торговатъ а без ꙋма горевать:
725 У нашево новобрачново по вся дьни мясо:
Убить бобра не видатъ добра:
Убитъ корова прогнѣватъ Федóра:
Учителъ един не считаетъ годинъ:
Упился бѣдами опохмелился слезами:
730 У'пился у подрꙋшки а просыпается у подушки:
У' правого уши смеются: а у виноватого і язык уныл:
У'твердивыся на лжах сей (:язык уныл:) пасе вѣтры:
Ꙋмнои что староста губной вездѣ ево боятся:
У'ды тайные а грѣхи явные:
735 У'же на дворѣ не рано | добрѣ/
У Окуки хороши бакулки:
У' Парашки что глаза у барашка:
Уварилось пиво у Марины лутче малины:
У' празника бываетъ много бражниковъ:
740 У'тро будет мокро птицамъ на роздолье молодца на росхоd:
У' всякого словца, жди конца.
У' нашей коровницы не бес прислужницы:
У' скота живетъ и ускотье:

У' нашего сосѣда, смиреная бесѣда:
У'тка да рыбка, бж҃ья дань:
У'плыли м8дѣ, по вешной водѣ:
У'далось дристун8 перн8тъ:
Убирай сайки с квасомъ:
У весны ноги дл҃ги далеко до петрова дни:
У свиньй не родятся бобрьо̀нки, тѣже поросоньки:/

Ф

Филипъ в коноплѣ не у̀крылся: (л. 16 об.)
Фома не купилъ у̀ма:
Фоѳанъ с толкомъ а Сидор с волокномъ:
Ѳетка что ретка а хвостъ не таковъ:
Фома пируетъ а кума горюетъ:
Фома плачетъ а жена скачетъ:
[Изъ за костра и спепка воюетъ].
[Эхалъ бы вь гости да ни | кто не зоветъ].
[Пить много винца не видать добреца].

Х

Хвали другу чужую сторону а самъ не ногою:
Холстъ о̀ кумѣ а кума о̀ сумѣ:
Х8д муж в могилу а добра жена по дворамъ:
Холшевая рубашка не нагота а невѣйной хлѣб то не голодь:
Холопье слово что рогатина:
Хто тихо ѣздитъ тотъ дале будетъ:
Худа корова что за осѣкъ зашла, а плохъ и медвид штѡ ушолъ; (не сьѣлъ:)
Х коже у̀ма не пришить: (л. 17)
(не попустит)
Хлѣбъ да капуста лихово по землѣ не пуститъ:

Хотя спинка бита да пирогъ съѣденъ:
770 Хто пѣшъ не хаживалъ тоⷮ коня не жалѣетъ:
Хватилась хаⷩда какъ ночь пришла:
Хто скупъ, ѹ того саленъ пупъ: хто тчи̑, у тово гашни̑ вши̑:
Хмель не плачеⷮ что пьяницу бьютъ:
(челомъ)
Хто в холопаⷯ бываⷧ тотъ и̓ биⷮ чаю бывалъ:
775 Хто попꙋ не сынъ тоⷮ блядиⷩ сынъ:
Хлѣбъ да пирогъ и во снѣ добро:
(мужъ)
Хороше сынъ плаваеⷮ лишъ пузырье прядаетъ:
Холостъ много мыслиⷮ а женатой [того] болѣ:
Хозяинъ веселъ и̓ гости радошны:
780 Хто в Вилнѣ не бываⷧ тотъ и̓ дива не видалъ:
Храброму Смерть преⷣ очима бываетъ:
Хрестьянинъ пьянъ то самъ себѣ панъ:
Хвалу и̓ честь и̓ славу и̓ дꙋракъ любитъ:
Хотѣлъ 'Июда купить себѣ село да положиⷧ
себѣ на шею сило:
785 Хотя дитя криво а ѿцу и̓ мт҃ри мило:
Ходить с лукою а торговать мукою:
Хорошо крѣпко, да поносятъ редко:
Хотя и̓ пердитъ, да терпитъ:
(невеличка)
Хотя и̓ маленка, да годиⷮца на еичка:
790 Хотя и̓ гоⷧ да не воръ: хотя нагъ, да правъ:
Хороша што позахоⷩная свинья:
Хꙋдое воⷥдаянїе есть, токмо едиными словами благодарну быти:
(л. 17 об.). Хлѣба край и̓ поⷣ елью раи, хлѣба ни кꙋска и̓ в полатаⷯ
возметъ тоска: (хоⷮ на хвоⷭке да на своей воⷧке;)
(Хорошъ хотя к жопе приложъ;)

Ц

Цвѣтное платье болшее мѣсто несетъ: 795
Цвѣтъ старости сѣдина а смерти болѣзнь:
Цѣвки скати рꙋками не сплескати:
Цвѣтъ пчелкамъ а мѐ женкамъ:
Цѣлба голодному хлѣбъ сˇводою:
Цр҃тво Москва а мужикамъ тоска: 800
(Цр҃ковь на ˣворѣ а вѣра на полѣ:)
[Аще узриши человека не воздержна
не добродетелна беззаконїя полна
помышленми нечистыми
испоˣнена и тебѣ вредить жела-
юшему отъступи отстани отъ него
тако бо законъ велитъ].

Ч

Чꙋжую кровлю кроешъ а своя каплетъ:
Черта крести а онъ в водꙋ глядитъ:
Чꙋжой мꙋжикъ милъ да не вѣкъ с нимъ жить: 805
а свой постылъ волочится с нимъ:
Честь пива лутче:
Чꙋжимъ ỷмомъ не долго жить:
Что Петрꙋ, то ѝ Павлꙋ:
Чирьи вырезываетъ, а болячки вст҃ливаеˇ;
Чꙋжъ человѣкъ выˇбѣ трꙋба (полулистъ между 18 и 19 лл.)
Человѣкъ ѝ ȍбычай, конь ѝ норовъ;
Честь с почесьемъ, за ворота с полѣньемъ;

Ш

Што смѣшно то бываетъ и҆ грѣшно:
Шꙋтка шутить такъ лю͡ми замутить:
815 Што на яву *види*^{т}ся то и во снѣ *гризит*ся:
[Шаль | тебя же | жаль.]
Шила в мешке не утайшъ:
Шаханья много да матъ о҆динъ:
Што мухино сало розошлось по персту:
820 Што мнѣ и҆ свой коли лихи до меня:
Што мнѣ и҆ чꙋжие что добры до мяня:
Што то доспѣлось на сьерьодке *ро*^{з}сѣлось:

[Ѣ].

(полулистъ обор.). Ѣмъ а дѣла не вѣ[мъ]
Ѣсть колачи не сидѣть на печи:
825 Ѣхала кꙋма невѣдомо куда:
Ѣзда беспутная санеи нѣтъ да и ^{в}пре^{т}чи нечево и҆ ѣхать некуда:
Ѣзъ забивалъ а рыбъ не видалъ лишъ работу потерялъ:
Ѣхать боло в наволо҃ да че^{р}тъ дорогу заволокъ:
Ѣхать ѣхать; а у҆ гꙋзна вѣхоть:
830 Ѣжъ не кроши а потомъ не проси:
Ѣдетъ вало^{м}, а денги берьотъ на ньомъ,

Ю

(л. 18). Юнъ сынъ и҆грꙋшками а ста^{р} с подꙋшками:
Юноша моло^{х} не стерпивалъ голо*д*ъ:
Юнъ всякъ бывалъ и в грѣхѣ живалъ:

Юномѹ хвастат а старому хрястать:
Юрью пирогомъ а дѹрака батогомъ:
Юность безъ наказанія не воздержна:

Ꙗ

Ꙗблокъ на ȯкнѣ не бываетъ:
Ꙗвенъ грѣхъ малу вину творитъ:
Ꙗко червь в древѣ тако крѹчина в срдце:
Языкъ малъ великим члвкомъ шатаетъ:
Ꙗзыкъ голову кормитъ и до смерти:
Языкомъ хотя полижи а рѹкамъ во
ли не давай: (Ꙗзыкъ и в гузно вбилъ:)
Ꙗщерка маленка да зѹбы ȯстры:
Ꙗ бѣдной позорюся вѣкъ с одной:
Ꙗблонное сѣмя знаетъ свое время: (л. 18 об.)
Якорь тѣлу языкъ:
Ꙗрко слово смущаетъ срдце:
Ярко желаютъ дару подждаютъ:
Ꙗ тебѣ сказалъ, а ты и в разум не взялъ:
а буде и возмешъ выное время, и самъ
ȯ немъ ȯхнешъ:
Ꙗблонной кѹстъ, не живетъ пѹстъ:
Ꙗ што знаю, да бгъ со мною:
Ꙗ горло дери, а ȯнъ доход бери:
Я былъ в людяхъ а онъ еще в мудахъ,
Я с сукнами а ты с лоскѹтьями,
Ꙗзыкъ мягче подпупной жилы,
Ꙗ тебѣ скажѹ либо диковинку покажѹ.
Ꙗгода малина я ȣ Екима, ȣ гузна
мекина Екимъ у меня

(л. 19). Не по курице хода, не по кошке спесь:
Попъ дорогой, а чертъ сторонωй:
Приперто не валитца, а к оп͠олею пригодится:
Слухомъ земля полнится:
[Попъ свое и чортъ свое].
Пала слеза на Сенку слиза:
По ωбразȣ Никола, по ȣ̓сȣ Илья, по ȣ̓мȣ свинья:
Не бранись с тюрмой, да с приказной ѝзбой:
Не всякомȣ гузно о̓голяй:
Перехней заднемȣ дорога:
По бабѣ брага, по Сенке шапка, по головѣ ѝ шита:
Не страшитъ молодость страшит старость:
натоки намели
Всему снарови и в печь др͠о ȣ̓рȣби:
Не сытно, а лебезно: Ни сито ни решетω;
По ногамъ што по вожжамъ:
што есть
(Сердит ѝ гузномъ не гледитъ).
Рез͠о о̓коло чужихъ возовъ, а о̓коло своих не так͠о:
багатырь
Счастие лучче багатырства счастливой побивает,
а счастливой подбираетъ:
[Пошол за моро | жопою ледъ ломать].
(л. 19 об.). По нитке наидешъ ѝ клубокъ:
У калашника дрожже не купятъ
У'тирай ȣ̓ски на чȣжи кȣски:
Свято звониш ѝно в ушах пищитъ:
Ходят ли в дом; ходятъ да и носятъ: *а* онъ
ѝ так с носомъ:
люба
Не по хорошȣ милен͠е живетъ: (не кр͠ана да мила, ш͠арович
да счастливъ).
по голу
Не ȣ̓зналъ бродȣ да кинȣ̓ся в водȣ:
Попытатца не шутка, а спросит не причина:
Рада бы курица не шла да за крыло волокут:

О'купя спасенье не наживешся,
Не сули жерӑля в' нбѣ, дай синицу в руки.
Некому пѣть што не курица^к, ѝному некому
говорить што не вамъ:
Не всякому ста^рцу выгумнахъ быть,
Все о^днако хотя в гу^вно, хоть на ево гу^вномъ:
'Угово^р лу^тче денегъ,
Посадй вошъ в коросту;
По сытому брюхꙋ хотя дꙋбинѡй бей;
Сѣди на мѣстѣ да елдꙋ пѣстуй:
Корову ты держишъ, а люди молоко бо̂таю^т: (л. 20).
Не бойся ѝстца, бойся судьй:
Ето слово несется не и^вnови и^встари:
Чистое к поганому не лнетъ: [нашъ не тужитъ | о томъ].
Посмотрись в' водꙋ на свою природꙋ:
Нашъ Миронъ гнетъ и непареное:
Хто в грамотѣ гора^з, то^т ѝ писать умѣе^т:
К го^ркому ср^дцу да присыпаетъ перцꙋ,
Чево мало то мѣлко крошатъ:
(Худа та) (в которой)
Насрать на те^трать и словъ не ^зпать:
[Мой сꙋсло да пей гу^внѡ].
Не гребень гладитъ моло^дца время:
Бе^з пива бе^з вина, ѝ любовь студена:
Полюбйся сатана лу^тче сокѡла:
Впере^д не забѣгай что^б вӧки не съѣли:
На наши ѝсады не плову^т насады, говно
да дерьмо несьотъ: Пень да коло^да валитъ:
Гора з горою не сойде^тся, а члвкъ до члвка до^ткне^тся:
О'динъ шьетъ, а ^другой порetъ:
(ничего не у̀спѣетъ).
Нынѣ бо̂шие горы лежатъ, а малые по^дго- (л. 20 об.)
рки в'стаютъ.
Слово прово^звѣстнй у̀ма:

Слово знакъ ума:
На быструю лошад ѩма:
Кляпики в патоке, хохлики на кашке:
Хороша дочь какъ мать хвалитъ
Чево не ѣмъ тѣмъ *меня* не корми,
Шить да пошит, да нашивки нашить,
О'зорника ни со што нѣтъ, (толко з'дурачество,)
Кровь путь кажетъ,
Сказал бы тебѣ блина да сыра, да блядина
сына,
Слово вѣтръ, рука драница,
С ворона не спою, а с чижа споетсѩ;
Сказал бы тебѣ семь субот дома обѣдать,
Столь бы тебѣ долог вѣкъ какъ у за'ца хвостъ,
Старово лѣсу кочерга.
У' голодново хлѣбъ на умѣ
усу
Што ѣдим то и по вороту течетъ,
(выкатися)
(л. 21). Поѣхалъ в озеро по сено, из воды на лыжахъ,
Не могъ отперетца што не принетца, хотя и мутно
а одно нутко,
Добро жаловать честь да мѣсто, а на Петро-
скомъ вина и пива довolно,
вездѣ
Наши счастки викврѕѣ кости,
Дай бгъ куречьи счастки петуховы злыдни,
Под лавкои лежать собакой урчать,
Пролитое полно не живетъ однакож допанивать
надобно,
Поѣхалъ по девятой пѣсни свѣчь гасить,
Ноетъ в немъ какъ в утке,
Не мѣшай пресное с кислымъ,
У'рвалъ вѣку на пече льожа, (У'дача роспустя | гачи)
Пиво коуро к рылу понуро,

Плохо сѣно половина травы,
Ѳилатъ тому и радъ, 945
Хто просыпаетъ зорю, тот живет с позору,
Лакомой члвкъ и свинья по смерти вкусны,
В' доброй бы часъ мови а лихой промолчать,
Над тем имѣет власть в ково хочетъ класть,
Ни шьетъ ни поретъ, (л. 21 об.).
В мѣхъ нейдетъ а из мѣха не лизетъ, 951
Ни туды ни сюды, (не'детъ,)
Прилично бо житіе временное измѣненіямъ,
Не поставь во грѣхъ, а повороти в' смѣхъ,
В сусѣкѣ макъ, а в другом та, а в третемъ ничево, 955
Говори не договаривай, к затрею оставливай,
Самъ слопай, своей жопой,

(а любовь)

Денги желѣзо, платье тлѣнъ, квгsѳ кожа
всево дороже,
Понедѣлникъ держать та и хвостъ поджать:
Твой мѣхъ мнѣ смѣхъ, а сума твоя ней- 960
детъ и с ума.
Не пошто с ножемъ, гдѣ топор заложенъ.
И' такъ ево бгъ уби на гумне диру пробилъ.
Сиди в кутѣ да пѣстуи мудѣ,
Пьяница проспитца к дѣлу пригодитца
а дуракъ всегда однакъ.
По ночамъ ходитъ по зорямъ гризитъ. 965
У'бирай кулки в мѣшки.
Не шутка в шубке чей ты сын какъ тебя зо-
вутъ голосъ хорошъ и поешъ хорошо.
Каково время и подобъ в беремя. (л. 22).
У' хотѣнья живетъ и терпѣнье.
Прибила нужа к поганой лужѣ: 970
За очи не купятъ и яйца.
Хотя шуба и сѣра да воля своя.

В коробъ не лезетъ а из короба нейдетъ.
Деревенской робьонокъ, да посацкой тельонок
ѻба равны.
975 В банѣ часто паришся скоряя старишся.
Кꙋсокъ с коровей носокъ.
Претитъ, а в ротъ што летит, хотя и̓ мут-
но да нутко, а хотя стает и̓ гуще отнаком
тяни пуще.
Гдѣ то дѣлъ што съѣлъ
Не то говорят што сьелъ то говорятъ
гдѣ то дѣлъ.
980 Н҃нѣ то н҃нѣ а на вечер то на вечеръ.
Женятъ добрые люди послѣ ꙋжины
ѻжегомъ.
Пропали казака без табаки, т҃а сабаки.
(л. 22 об.) На ѻбухе рож молотит, и̓ зерна не ꙋронитъ;
Рыба лешъ минуца вещъ;
985 Не держи сто рублей держи сто друговъ;

(пестовъ)

Изволь слушать чертей в ступѣ.
Покрывается што бѣлка хвостомъ.
Старые наꙋчилися лгат а молодые наꙋчилися
знать.
Топоръ в пень а тупица в огонь.
990 Ети господа и̓ солому стелют под скота.
Не гузай останешся;
Бѣло што вороново крылѡ;
Испꙋжан, ѻкатил бы ево с трехъ пестовъ;
Выше всѣхъ добродѣтелей разсꙋжденіе;
995 За совѣтъ за любовь и в постъ мясоедъ
Будетъ ли путь какъ станет дꙋть;
Голосомъ пѣть коне м воеват а денгами торговать
В домѣ такие ꙋборы что вездѣ стоят подпоры
Тако хвалишъ и возносишъ,

Какъ с ногъ на голову ставишъ. 1000
Колоти в комель а о^т^дастъся в ве^р^шину
Чȣжȣю кȣрочкȣ щипли а свою за крылышко де^р^жи; (л. 23).
В о͡нȣ порȣ играютъ в дȣдȣ;
Дорого яичко ко Х͡ртову дни, а сы^р^ масло к Пе^т^рову дни;
О'коло себя да *в себя*; (в пазухȣ) 1005
Дѣло его не спѣетъ: прѣетъ:
Со всево свѣтȣ не соберешъ [цвѣтȣ]: свѣтрȣ
И^з^ рота да себе в' пазȣхȣ: в частые пȣговки:
Хотя горшо͡к и о͡ди͡н да самъ себе гдн͡ъ.
Хȣдой това^р^: богато' в радости, а убого' во слеза^х^ не ȣвиди^т^: 1010
Мы о͡нѣ старики, а то все жȣпики. (молодики)
Была бы ȣда, а рыба бȣдетъ
Добро слово с ȣговоромъ, а поле с огородомъ:
Быва͡ сотъ по пяти, а всьо на печи;
Не вѣрь дрȣгу, а вѣрь своемȣ ȣхȣ; 1015
Не вѣрь Власȣ, а вѣрь своемȣ глазȣ;
Со своей стороны и ворона родна;
О'поется дȣда, о͡бживется жена:
Збой сердитъ не живетъ:
Дары даря^т^ здарья хотя^т^: 1020
Гости^н^цы закрыты, а пироги о^т^крыты:
Во͡ку дали и о͡бро^т^ку сняли:

(для яица)
Хȣдая птица кȣрица, хто ни поймаетъ тотъ и в дире покопаетъ: (л. 23 об.).
Не шȣти женой шȣти матерью:
Воска͡ щетину што не выдернетъ : 1025
'И на золото слезы каплютъ:
'И бе^з^ ѕолота в радости живутъ:
О͡цево сердце в сыне а сыно͡не в' камени:

укуся^т^
Сла͡кȣ быть проглотя^т^, а го^р^ку бы^т^ ро^з^плюютъ [ро^з^кусятъ]
Етихъ ба͡ полонъ а^м^баръ: 1030

Не ощипал да и теребитъ: сталъ:
Долото долотомъ выдалбиваютъ, а денги денгами добываютъ:
Блиско из окна в окно два девяноста.
'И парȣсомъ не всяким вѣтром бѣгаютъ: (вѣютъ:)
1035 За совѣтъ за любовь и в постъ мясоѣдъ:
Батюшка не стало, и матушка не к'стате.
Бачко да мака што за племя, а брат да сестра и в родȣ не бывали:
Орыгаетъся ему, поминает свинья за ȣгломъ:
велика
Сто бы тебѣ вошъ под шубу, как въ 15 лѣт дѣвка: за грѣхи *ево* и мало тово
1040 Хотя и не достоин да бгъ меня сподоби:
Чемъ чортъ не играет, и ощепками бросаетъ:
(л. 24). Всякое бо даяніе со блгодареніемъ пріимати подобаетъ:
Без мѣры мужик, и лаптей не плететъ:
На обманъ держи догадъ.
1045 Не род головы ищетъ сама голова на род идетъ:
Ввадитъ такъ ладитъ:
Собака шер'сна ей тепло, а мужик багат ему добро:
На цвѣтъ и пчелка летитъ:
[Уменъ да ску|дѣнъ и глубъ | да богатъ].
1050 Наши сани с полозами.
Чему быть, такъ не миновать;
Не пошто бранится пора помирится;
Святы бже Трȣсентей моли Бга о насъ:
С ȣма сошла не туды зашла;
1055 Голь о голь как рыба о ледъ;
Дары дарятъ з'дарья хотятъ
Старой недȣгъ росходится не вдрȣгъ:
Пьянъ проспится а дȣракъ ни чему не годится:
Не пожив з' дрȣгомъ не ȣзнаешъ:

Орлы бьются молоꙉцамъ перье; 1060
Подꙋмаешъ ꙋмомъ та̑ волосы дыбомъ
Дальше моря меⁿше горя:
Голова с мозгомъ: кислая капуста; (л. 24 об.).
Савка с палкой: роꙁжꙋй да плюй;
Говориꚍ даромъ, зато бьютъ ляпомъ: 1065
У'золъ в ꙋзле а ꙉрꙋгой в' гузне.
На всякую диꙑку гвоздокъ,
Попала птичка в' клѣткꙋ;
Далеко кꙋлику до Петрова дни,
а ракꙋ с клешнею до коня с копытомъ;
Горы падꙋтъ а долы встаютъ; 1070
Не хваля грꙋша ѩсти, а хуля таковожъ
грысти,
У' всяково слоⷩца, жди коⁿца,
Сѝка добра подрꙋж'ка,
Сиди што полпѣ, а рꙋка што сковороꙉникъ
И' к морю ходиꚍ тово же глядитъ 1075
Плюнь ему дꙋраку жопой в' рожꙋ;
Дай ему бже что мнѣ негоⷤⷪ; (иные та̑ говоряꚍ:)
Спи посыпай да бга не забывай,
Слово вѣтръ а писмо вѣкъ:
Хотя и рано да начевать будетъ; 1080
Не быꚍ ли доꙁжу весь дроꙁжу;
Молодые тѣшаꚍца, а старые бѣсяꚍца: (л. 25).
Не роꙁжова̑ да и плевать сталъ;
Бояꙑство холоп'ство, крⷭтьяⁿство гдⷭтво;
Не жена не дѣти любо глядѣти, а жена и дѣти 1085
не любо глядѣти.
Всякъ грѣхъ беꙁ ѕабвенія не творитсѧ;
все оꙉнако
Хотя тѣсто ли опара, лише бы в роꚍ попало;
Дѣꚍки родиꚍ не вѣтка ломить,
Крⷭтьянинъ серо да збо'ливо;

1090 В воре што в море, в дѹраке што в кисломъ молоке;

Дѹраков передѣлываю^т и^з ѳѹѳали в шелупинѹ переде^ргиваютъ.

Аль мое дитя молоденко что дшѹ и^зломило в маленкомъ.

Вѣжливой людей ѹтѣшае^т а невѣжа и бга прогнѣвляе^т:

Вѣрит бородѣ а порѹка в водѣ.

1095 Всякой молодецъ на свой образецъ

Кѹда древо наклонилось ту^да ево и вали.

(л. 25 об.). Колико гостей, толико и постей.

Вѣ^жства не купи^т, лиш бы ѹмѣлось говорить.

(Рѣч р....... | чево стыди^тц...)

1100 Всякая птичка свои пѣсенки поетъ.

Вѣдаю^т тово бо^лше, ѹ ково бороды тоще:

В чюжи^х рѹка^х пирог болше, да и ломо^т каже^тся тоще.

В людя^х тщит оказался, а дома и нескаѕа^лся.

Выпили пиво о масленице, а по^хме^хе было о радо^шнице:

1105 Вино то хотя му^тно, а дша говори^т нѹтко.

Вола в гости зову^т не ме^дѹ пить, воды возить.

Виноватъ ме^двѣ^д что коровѹ сьелъ: а не права и корова что за поле ходила.

Выколо^л глазъ, да пей мой бра^т квасъ.

Всякой време^нни с корени широко зачнется, да скоро и^зведе^тца.

(стуча^т)

1110 Волно чо^ртѹ в своемъ болотѣ, а бояринѹ над своимъ холопемъ.

Говори^т правда потерять дрѹжба.

(деревня и поредня)

Горо^д и норовъ, человѣкъ и обычай.

Гость невбной члвкъ, гдѣ посядя^т, ту^т и сѣди^т.

а хозяи^н что чирей, гдѣ захоче^т ту^т сядетъ.

Гость на дворъ и̓ бѣда на дворъ.
Горкаго сытника, и̓ медъ горекъ.
Дай хотя с локоть а емꙋ все с ноготь; (л. 26).
Не то Москва что бьеть с носка то щто о̓ землю; 1117
Ворꙋ не говорить такъ и праву не быть;
Попытка не шꙋтка а спрωсъ не причина;
Не прашиваютъ хлѣба спрашиваютъ ꙋ̓куса; 1120
Старꙋшка бж҃ья мꙋшка;
Ѿвсюдꙋ бо бѣда и̓ пагуба обстоитъ ч҃лвка сомнѣнnагω;
В'сꙋе законы писать какъ не хранить;
'У кꙋкиша не вытор'гуешъ мякиша;
На згляд что о̓релъ, а по умꙋ какъ ѳилинъ; 1125
Сѣдая бородушка златая головушка:
На рядꙋ сидѣть тa҃ все пить;
'Учи̑ вѣжству по'тирай гузно плешъю;
Хлѣб соль за ворота и коломъ не розворотишъ;
Велика твоя хлѣб сол а всьо корочки; 1130
Хто праздику не рад, тот до свѣта не пьянъ:
Бояр'сково живота не жалѣет, шиломъ масло колупает:
Ни шъетъ ни порьотъ:
Не за то бьютъ што сѣръ, за то бьют што
сьѣлъ:
Не дай Бг҃ъ попу понома'рство а пономарю (л. 26 об.).
попо҃ствω;
На о̓чинѣ сидитъ а про соболи сказываетъ: 1136
Слово о̓ разговорѣ, а поле ѡ̓ огородѣ:
За неволю волосы вянут, какъ и̓хъ тянутъ:
Не держи сто рублѣ, дер'жи сто друзей:
День мой вѣкъ мой, а н҃дѣля всѣ животы: 1140
К милому напремицу, девяносто: всторонy; (в околицу:)
Не в частомъ бываньe, не в болшой докуке:
Голову клонишъ а за ногу ломишъ:
К каше с лошкой, а к дерму со спичкой:
Без запросꙋ вдова товаръ: 1145

'У богатово *все* в масле а у̓ голово и в кашу пѣтъ:
Жена пазушная змея:
[Кошка скрѣбе.. | на свои хребетъ]
Ни лѣтъ ни примѣтъ:
1150 Тѳу дура што тя дуетъ:
Скоко телят ни родила, а хомута не миновала:
Велико кума дѣешъ в гости иде, ѡлицо несешъ:
ты бы за просто шла блюдо пироговъ несла.
Хотя и̓ нагишомъ да съ палашомъ:

(л. 27). Здѣ полагаются ѿ сего же аѳавита мир'скїя пословицы и̓ разговоры, понеже тамо не ѿписашася за у̓маленїемъ мѣста

Б: В: Г, Д: Е, Ж: З, Й, К, М, Н, О, П,
Р, С, Т, У̓, Х, Ч, Ш,

Кто закон полагаетъ, той никогда же разѕоряетъ:
1155 Слѣпая любы емꙋ же в' срдце ся влѣпитъ того о̓хромитъ, и̓ли о̓слѣпитъ:
Кто что хитритъ на дрꙋга, то на главꙋ его в'зыдетъ:
[Крепъка тюрма да | чортъ ея хвалитъ]
Потерпѣнъ спасенъ
Какъ бы на ваше скꙋпство да не наше глꙋпство тоб ничего не видать
1160 Потеряно масло, в неви'нꙋю кашꙋ:
Проти стопки, и̓ клѣтка:
Каково в лѣсъ кликнешъ, таково и̓ о'тклинется:
(л. 27 об.). Дѣла выше мѣры не начинай;
По шерсте собаке и̓ и̓мя:

XIII.

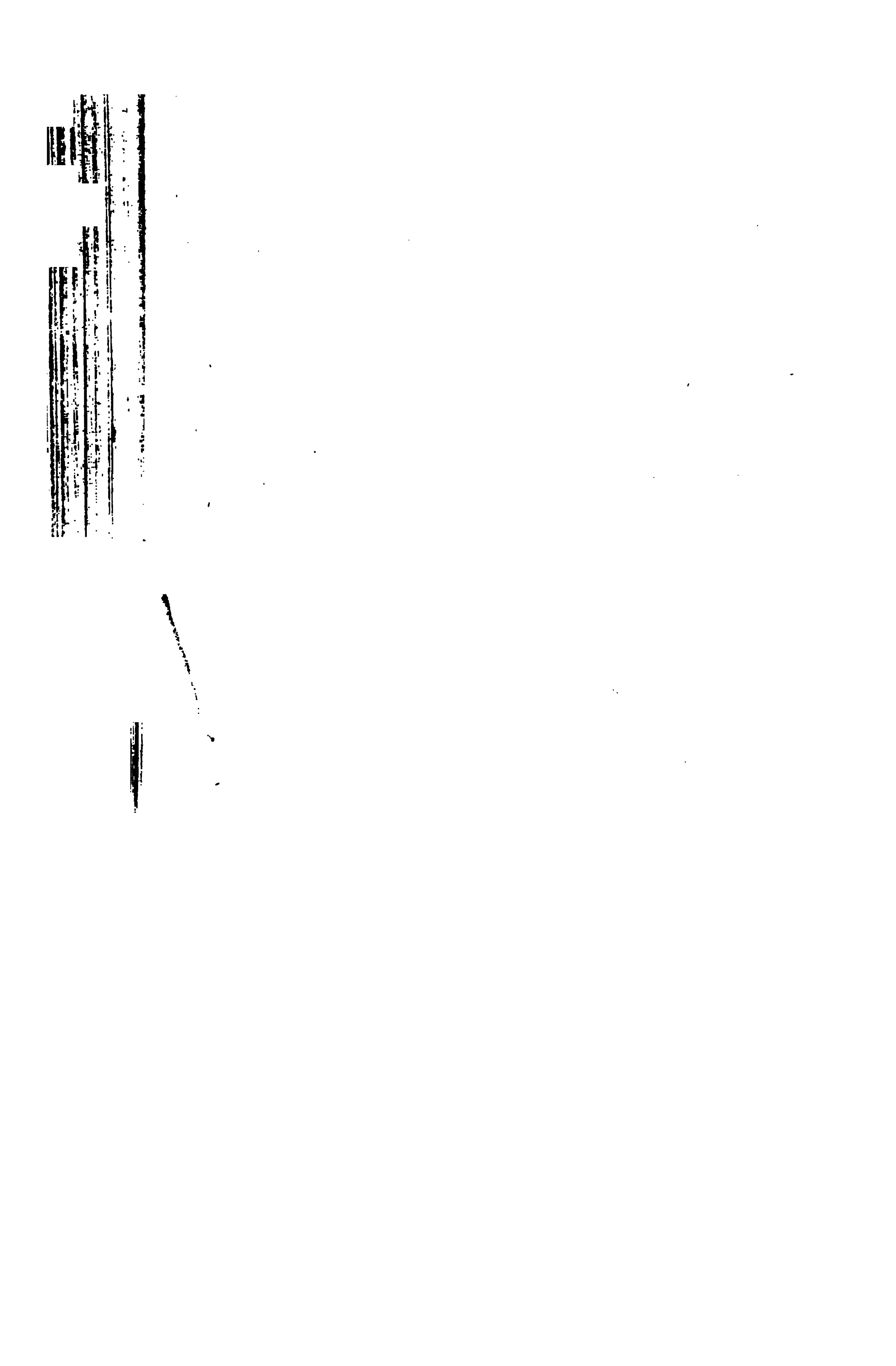
Здѣ полагатся всего же алфавита
мирския пословицы и приговоры, понеже
там не писалися за умалением мѣ-
ста

б. в. г. д. е. ж. з. и. к. м. н. о. п.
р. с. т. у. х. ц. ш.

Кто здание полагаетъ, той никогда же
разоряетъ:

Автотипія К. П. Вейермана, Спб., Толмазовъ пер. 2.

II. *Рукописный сборникъ пословицъ, поговорокъ и присказокъ* ***Петровскаго*** *времени* (конца XVII — начала XVIII столѣтія), **хранящійся въ Библіотекѣ** Императорской **Академіи Наукъ и пожертвованный туда В. В. Богишичемъ.** ***Снимокъ съ листа 27а.***



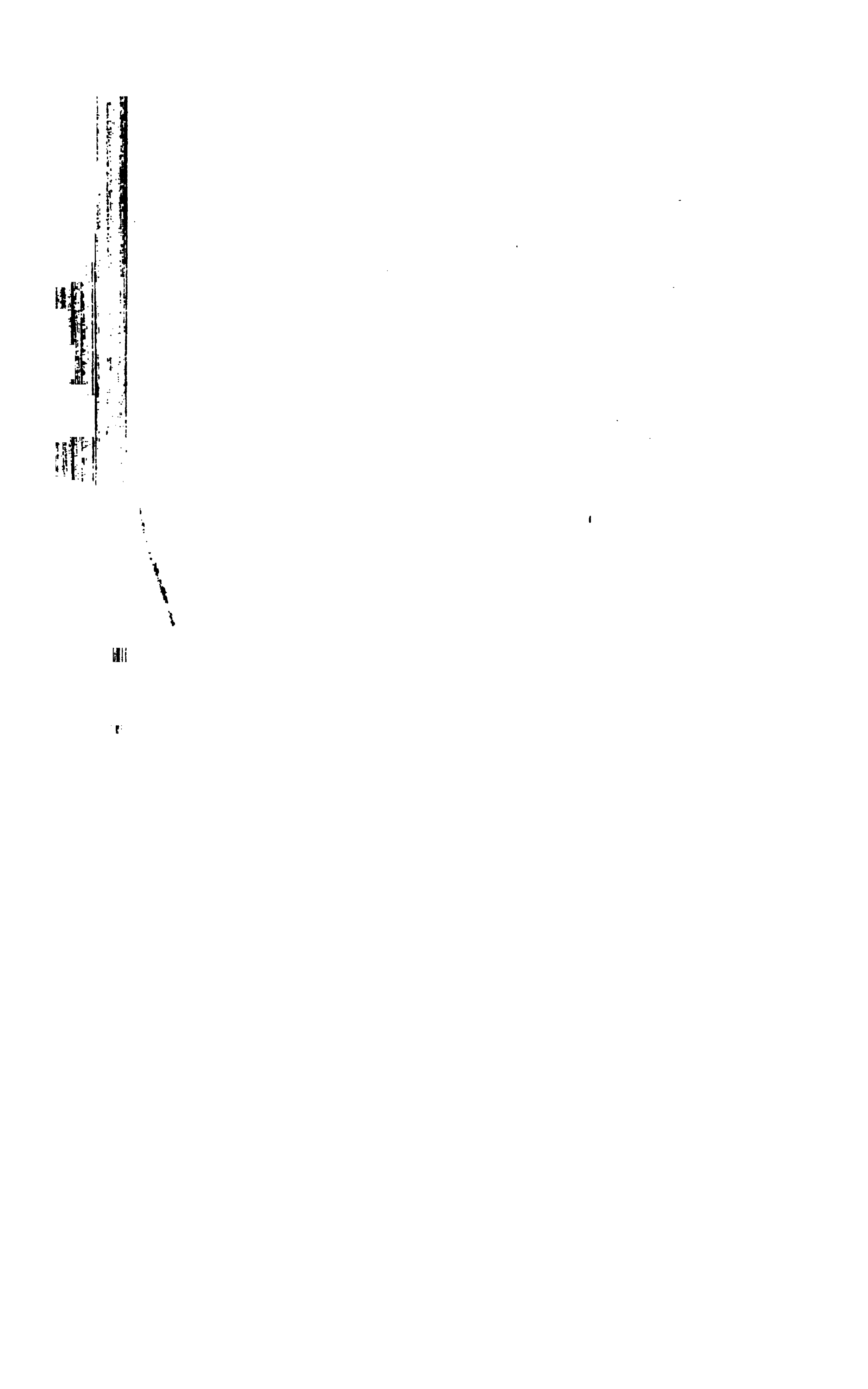
Кто скоро вѣруетъ, той легко и прѐ- 1165
шенъ бываетъ
Не до кръȣшка до своево брюшка:
Не все плечми, ӥное ӥ речми:

тотъ
Кто На море бывалъ, напакой водȣ пивалъ:
На вашей сторонке, розшибена воронка:
Кȣпленой холопъ, а не купленой вѡ̂ной 1170
казакъ: [. . . . .;
На вся не упразднится чл҃вкъ:
Подȣма̂ ӥ птичка полѣтитъ:
Комȣ насрано а ему масляно: лишь бы грязи
не было а говна не миновать
Намъ камка не диковинка:
Баранъ бараномъ а рога даромъ: 1175
Называють другомъ, а обираютъ кругомъ:
Дѣтина глупъ, а пѣхаетъ все вглубь:
Кȣда ӥгѡ̂ка тȣда ӥ нитка:
Грѣшное тѣло ӥ дшп҃ȣ сьело. (л. 28).
Громъ не грянетъ, мужӥ̆ не спрянетъ: не перепадетца. 1180

(живот)
Глаза ӥ гледятъ, да собаки ѣдятъ.
Городцкое телятко, разȣмнѣе деревенского дитятка.
Говорить было немало да разȣма не стало.
Домом жить ѡ̂ всемъ (по)тȣжить.
Давно ли от ошолудивѐ, а то перво от ӥ заспесивѐ. 1185
Дѣлаешъ добро ӥ тебѣ будет таково: (добро)
а есть ли каково, ӥ тебѣ будет таково.
Добро тово бить кто плачетъ. а вѣ свою
волю не скачетъ, а ȣчит кто слȣшаетъ.
Дȣракȣ пожалуеш в дачю, а от почтет в ȣдачю.
Дѣвка что немка, говорит не ȣмѣет, толко
все разȣмѣетъ.
Денги что слина, а без нихъ схима. 1190

Дворно а не проторно. (и не богато да торовато;)
Дешева рыба на чюжем блюдѣ.
Два воеводы ѣдут на дно подводѣ.
Доселева бывало жена мужа бивала,
а ныне ведется, и она мужа блюдется.
1195 Добръ молодецъ, да есть в немъ норовецъ.
(л. 28 об.). Дай болю волю, пожевавъ да и умретъ.
Долго не говорит умъ копит, а из говорит что чортъ
напердитъ.
Добро жит изнемогаючи, а не изрываючись.
Дивное древо корыто, и век живет не покрыто.
1200 Живой песъ, лутче мертваго лва.
Жена мужа не бьетъ, толко в свой нравъ
ведетъ.
Ѕлы дни пляшутъ, неволя учитъ,
а чюжїе хлѣбы спать не даютъ.
Знать сокола по полѣту, а добра молодца
по походке.
Зять с тещею говорили говорили (день),
до вечера, а в люди сказать нечево.
1205 Зовутъ Ѳомою, а живетъ собою.
З' зятемъ гостися, за дверь держися,
а с сыномъ бранися, а сам на печь дерися.
Закрыты гостинцы, а открыты пироги.
И' велик и широк языкъ коровѣ богъ да, да-
говорить заказано.
И велик да глуп что Ананинъ внук с Великих Лукъ.
1210 И' баба знаетъ, что велик день праздник.
И' по роже знать что Ѳомою звать.
Игуменъ Гурей, до братьи: дуренъ.
[Всякой Еремей про себя разумѣй].

ДОПОЛНЕНІЯ И ПОПРАВКИ.



Прежде, чѣмъ приступить къ печатанію въ настоящемъ отдѣлѣ собственныхъ замѣчаній, считаю необходимымъ подѣлиться съ читателями тѣми весьма цѣнными и любопытными замѣчаніями *о языкѣ собирателя пословицъ* и проч., (въ рукописномъ сборникѣ XVII в., напечатанныхъ выше на страницахъ 73—162), — которыя были сообщены мнѣ (въ частномъ письмѣ отъ 22-го января 1899 года) профессоромъ Импер. Моск. унив. Ѳ. Е. Коршемъ, предоставившимъ ихъ въ мое распоряженіе, за что̀ и считаю своимъ долгомъ выразить глубокоуважаемому ученому свою душевную признательность какъ за этотъ знакъ его вниманія и добраго участія къ моему труду, такъ и вообще за многочисленные полезные и драгоцѣнные для меня указанія и совѣты. *П. С.*

Замѣчанія профессора Ѳ. Е. Корша.

Стр. 41, 105. Русскій переводъ такъ уклоняется отъ польскаго подлинника, что въ послѣднемъ я рѣшаюсь предположить другое чтеніе—не Vroda, а тождественное по значенію Dorodność, которое переводчикъ, можетъ быть, вслѣдствіе какого-нибудь сокращенія въ начертаніи, ухитрился принять за что-то въ родѣ Drożny, чѣмъ и былъ вынужденъ затѣмъ понять слово cnota довольно своеобразно.

Стр. 68. *О личности составителя сборника можетъ, до нѣкоторой степени, свидѣтельствовать его нарѣчіе, сказывающееся въ правописаніи, насколько оно основано на выговорѣ.* Вотъ нѣсколько данныхъ, которыя мнѣ удалось собрать:

1) онъ «акалъ», какъ видно изъ безразличнаго употребленія *а* и *о* въ неударяемыхъ слогахъ, но акалъ не по-нашему, такъ

какъ послѣ шипящихъ въ томъ-же положеніи у него слышалось какъ бы *о* изъ *е:* тачотъ (?) 295, плачотъ 295. 677. 744. 1282. 1823. 1946. 2233, скачотъ 677. 1276. 1834. 1945, ускачотъ 1397, захочотъ 1242. 1987. 2206, хочотъ 1276. 1310. 1690. 1826, шолудивова 1287, шостокъ 1070, кочотъ 1310, щекочотъ 1690, охочой 1826, пѣшой 1876, жолвачкомъ 1962, решото 2014, поспѣшонъ 2107, посмѣшонъ 2107, и такъ-же вообще послѣ мягкихъ — горїшвать 1396, углїомъ 1694—, кажется, только въ двухъ примѣрахъ—по сложности, да и неточности написанія *іо;* однако съ одной стороны упадшаму 860, пшаницу 887, жаравль 908. 920. 921. 1884 (при жеравль 899), съ другой — легушкѣ 877, желѣть 1399. 1745, обычей 1865, откуда можно заключить, что какъ *а*, такъ и *е* безъ ударенія послѣ мягкихъ согласныхъ звучали у него не какъ *е*, а, вѣроятно, какъ первое *о* въ *полотнó* и какъ конечное въ *мыло* или, еще ближе къ *горїшвать'* и т. п.,—какъ *е* въ *пóле*, *мóре*, на что указываютъ, по связи съ прочими приведенными примѣрами, и княгиняю 1109, мяня 1139, времяна 1668, здравая вин. пад. (вполнѣ=*здравье* по нашему съ Вами выговору).

2) Подъ удареньемъ *я* въ *е* въ телетко 1453 (однако наоборотъ тенято 107, какъ *поня́ва* при *понёва*, *хрякъ* при *хрёкъ* и т. п.; потому въ 2263, можетъ быть, тенята).

3) Ударяемое *е* вездѣ = *ё* (чортъ и т. п.), кромѣ еѣ вин. п. 98, такъ какъ *ѣ* всегда = *е* (впрочемъ живѣтъ 891), ея 1022 и къ нея 1591.

4) Не только *ч*, но и *ж* мягко, какъ видно изъ кожюхъ 1332, глубаже 2100.

5) *жж* (зж) = *ж'дж'*, по сѣверному (а не = *ж'ж'*, по-московски): крюждитъ 235.

6) Смягченіе согласной передъ мягкой согласной и т. п. по-южному (и отчасти по-московски): сумаке 851, мѣдаведи 986, поратитъ 1050, свераѳить (-тъ?) 1325, засверабитъ 2018, смерать 1505. 1795. 2028. 2077. 2122. 2228, осерадися 1842, серадитъ 2152. 2164, перавую 1923, перавыхъ 2004, спераба

2179, твердитъ 2018, шерасти 2021, вазятъ 2112, ва яму 2120.

7) *Ры* вм. *ри* въ стрыгутъ 1836.

8) *Ч* въ *ш* передъ *н* (что нѣкогда было, конечно, менѣе распространено, чѣмъ теперь): мошно 1588, встрѣшникъ 1664.

9) *Шт* вм. *щ* въ шти 671. 1475. 2213. 2273.

10) *-ный* вм. *-ній* по-сѣверному: домашное 228, далные 795 (но зимнюю 1394), а *поздно* безъ *н*: поздо 1025. 1402. 2047.

11) Особенности въ отдѣльныхъ словахъ: смотрйтъ 681, толды 1290, стѣна 530, костины 572, поучиною 1871, плучинной 1898, одва 1397, с́етъ 1334, одны 1867. Такъ какъ пословицы, возникнувъ въ одной мѣстности, переходятъ въ другую съ удержаніемъ чертъ первоначальнаго нарѣчія, закрѣпленныхъ формой, чаще всего — размѣромъ и риѳмой, какъ книги (съ малор. или бѣлор. *г*) — лихи 1668, горохъ — дорогъ 2072 (но и луки — туги 657), сучи — улице 1272 (и скочитъ — хочетъ 1304, а не хочотъ, какъ даже при скочитъ въ 1242), всѣ такіе признаки исключены изъ этого обзора признаковъ нарѣчія составителя, однако нельзя не обратить вниманія на ударенія въ риѳмѣ, свинаю 241, нýжа 249. 264. 300. 1936. 1938. 1980. 1984. 2015, зе́рно (?) 964, спи́не 1689 (но спинѣ 1781), учи́тъ 308, óса (?) 1595, лежá 1941, сушáтъ 2221, лазáлъ 2255, указывающія, по крайней мѣрѣ, на мѣстность, въ которой собрано большинство пословицъ. Эти ударенія большею частью сѣверныя, почему не входятъ въ расчетъ же́стака нарѣч. 933 (изъ бурсы?) и глубокó 445. Въ XVII столѣтіи граница сѣвернаго нарѣчія проходила какъ будто южнѣе, чѣмъ теперь, но все-таки позволяю себѣ подозрѣніе, что собиратель былъ изъ нынѣшней Московской губерніи или изъ сѣверной части Рязанской. Не знаю, куда пріурочить слова лилѣкъ (аистъ, южное, съ тюркскаго) 1314 и говоря 1392 и 1620.

Конечно, я не буду провозглашать ошибкой все то, чего я не понимаю въ текстѣ пословицъ, но все-таки рѣшаюсь указать

на нѣкоторыя, какъ мнѣ кажется, неисправности составителя или переписчика. Такъ 130 пухнетъ вм. *пукнетъ*, 144 Алманасъ (-нахъ?), 205 Полыска вм. *по лыка*, 293 внукѣ вм. *внукъ* (ср. 944), 314 Бѣлъ вм. *Былъ* (гдѣ гдѣся = малор. *десь*, пол. gdzieś = гдѣ-то, а впрочемъ ср. въ пѣснѣ, правда, едва-ли старинной: «Гдѣ ты, Паранюшка, гуляла? Гдѣ ты, душа моя, гуляла?» — «Была въ лѣсѣ, стала здѣся, Ахъ ты, мати моя Добродѣтельная»), 661 мужества вм. *замужества* (ср. 712), 904 живую вм. *живое* (списано ошибочно съ *живою*, т. е. *живоѐ*, какъ и въ 1053 ракячью; ср. бѣлор. у Ляцкаго 12: «Жывы аб жывоя й думаиць»), 943 убогаго вм. *убогій* (ср. 944), 990 себя вм. *себѣ* (ср. впрочемъ упомянутое выше 98), 1002 ни же вм. *нуже*, 1022 имѣя — *умѣя* (вм. -ѣй?), 1105 не ушиптися (вм. *ѝсушитися?*), 1175 гожи вм. *гужи*, 1232 ѿо҃ю вм. *ложью*, 1246 кумонямъ вм. *комонямъ*, 1250 ли (вм. *и?* ср. ниже 1604), 1260 жита (вм. *женить?*), 1398 семья — одонока вм. *семью — одинова* (ср. 2197), 1459 сонливова вм. *сонлива*, 1469 анъ вм. *а онъ* (ср. 1435. 1457. 1477. 1481), 1604 ли (вм. *и?*), 1629 игра (вм. — (и) *тра*[ва]?), 1698 клококъ вм. *клобукъ*, 1700 подмята (вм. *подмята?*), 1720 ѣдчи вм. *сѣдчи*, 1762 Не горшокъ купятъ угодникъ (вм. *Не у. г. лѣпитъ?*), 1868 упаката (вм. *уплакать?*), 1882 погай (вм. *ногай?*), 1897 послѣ лежача пропущено *камень*, 1929 пропущено ни передъ кранятъ, 1940 Прокита (вм. *прибить?* но обыкновенно говорятъ теперь «отбить косу»; а косить подъ росою легче), 1975 шахи вм. *шляхи* («Пійшли Ляхи на три шляхи» — начало малорусской пѣсни, также «Ишли —»), 2002 повязанъ вм. *по вязъ*, 2084 бѣло тѣла вм. *бѣлотѣла* (рябь — иначе *рябъ*, какъ у Даніила Заточника), 2085 догатку (вм. *рогатку?*), 2089 оᵀ селъ вм. *оселъ*, 2115 пропущено къ, 2182 кручинное вм. *кручинно*, 2189 пирого жа вм. *пирожокъ*, 2284 колитъ (вм. *коритъ?*)[1]).

Нѣкоторыя ошибки похожи просто на типографскіе грѣхи

1) Можетъ быть вм. колотитъ? *П. С.*

наприм. (считая *і* и *ѣ* вмѣсто *е*): 127. 323. 329. 366. 371. 451. 515. 541. 845. 1008. 1028. 1121. 1147. 1187. 1243. 1408. 1462. 1488. 1491. 1544. 1645. 1689. 2193. 2203. 2225. 2268. 2293, между прочимъ незаконныя замѣны конечныхъ точекъ въ 928. 962. 969. 974. 1002 (пустота), 1025. 1036—1060. 1093. 1098. 1099. 1101. 1102. 1103. 1111. 1123. 1124. 1128—1136. 1138. 1150. 1181. 1193. 1228. 1229. 1230. 1404. 1487. 1490. 1511. 1548. 1557. 1560. 1561. 1582. 1584. 1585. 1614. 1617. 1631. 1633. 1636. 1637. 1640. 1642. 1643. 1644. 1646. 1647. 1650. 1651. 1654. 1655. 1672. 1682. 1683. 1687. 1690. 1696. 1699. 1700. 1703. 1704. 1708. 1713. 1716. 1718. 1728. 1736. 1743. 1754. 1557. 1759. 1764. 1771. 1772. 1773. 1780—1785. 1790. 1901. 2261. Весьма вѣроятно, что эти ошибки или опечатки, какъ и болѣе крупныя, Вами уже замѣчены и отчасти, гдѣ это въ самомъ дѣлѣ нужно, исправлены или оговорены ниже, Потому прошу Васъ принять эти перечни, быть можетъ, излишніе, въ смыслѣ указаній скромнаго читателя, знающаго по горькому опыту, какъ легко ускользаетъ мелкая погрѣшность отъ утомленнаго вниманія. Такое-же значеніе имѣетъ и *списокъ повтореній и параллелей*, который у Васъ вышелъ, конечно, полнѣе 1) дословно: 178 = 346. 211 = 370. 223 = 339. 381 = 550 (ср. 2232), 412=491. 747=779. 1546=1609. 2039= 2096, 2) съ перестановками и другими легкими перемѣнами: 170—1619. 193—1241. 201—340. 216—307 (ср. 420), 231—2109. 289—1787. 290—1536. 357—427. 409—483, 432—1854. 442—1821. 523—782. 529—1712. 545—1763, 550—2232. 569—1542. 664—1949. 698—1233. 727—758. 728—1709. 783—1931. 793—1892 (ср. малор. «Докі сонце зійде, роса очи виість»), 871—916. 1057—1114. 1060—2174. 1125—2264. 1135—1808. 1236—1295. 1242—1987 и 2206. 1247—1364. 1249—1753. 1313—2279. 1392—1620. 1455—1501. 1471—1569. 1511—1535. 1594—2259. 1621—1955. 1641—1803. 1655—1684. 1818—1830. 1841—2073. 1933—

2025. 1959—2022. 1965—2021. 1983—2133. 2035—2(
2042—2050. 2254—2275.

Нѣкоторыя пословицы, особенно 1841, годятся для выя
нія вопроса, откуда взялась форма изреченій у Запчица, а
внушила Державину заключеніе его «Стрѣлка»: «Ахъ, бе]
было монету Бѣлую на черный день!»

ОПЕЧАТКИ И ПОПРАВКИ.

Стран.	Строка.	Напечатано.	Слѣдуетъ.
4	2 св.	*добавить:* Въ рукописномъ «*Охранномъ каталогѣ Славяно-Русскихъ рукописей Библіотеки Московскаго Главнаго Архива Мин. Иностр. Дѣлъ, съ Алфавитнымъ указателемъ, Составленномъ* Младшимъ Архиваріусомъ и Коммиссіи печатанія Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ Чиновникомъ В. Ундольскимъ въ 1847 году, изъ подробнаго *Описанія* Славяно-Русскихъ и Иностранныхъ рукописей, имъ же Ундольскимъ составленнаго, въ 1842—1847 годахъ, и хранящагося подлинникомъ въ Архивской Библіотекѣ» (нынѣ онъ хранится въ бумагахъ Ундольскаго въ Моск. Публ. и Рум. Музеяхъ) на л. 52 об. отмѣчено: «№ 250. *Сборникъ* скор. исход. XVII-го вѣка, на 472 л. въ четвертку. Въ немъ между прочимъ л. 1—71 «*Повѣсть* дивнаго (и т. д. . . . .), л. 321. *Предсловіе* . . . л. 323 самыя «*Повѣсти*», или *пословицы* всенароднѣйшыя по алфавиту. *Нач.* «Аще не Богъ, кто бы намъ помогъ. Адамъ сотворенъ и рай отворенъ». *Собраніе замѣчательное, стоитъ ученаго изслѣдованія.—Рукопись замѣчательная*, подар. въ библ. Архива Надв. Сов. Лепехинымъ*) 25 января 1825 г.» (см. лл. 52—54 об.). По «*Каталогу Библіотеки и Описи кабинетныхъ бумагъ Князя М. А. Оболенскаго*» (въ листъ) на листѣ 148—9 — см. подъ № 132 краткую отмѣтку о нашемъ сборникѣ.	
4	16 св.	каждаго отдѣла	каждаго большого отдѣла
11	18 »	*добавить:* «(Ср. Опис. рукоп. Соловецкаго мон., т. II, стр. 575; тоже помѣщено, повидимому, въ рукоп. Каз. Духовн. Акад. № 695 (12):—Космографія. Скороп. XVII в. въ 4 д. л., на л. 83 сл., л. 87 сл.)».	

*) Не опискою ли тутъ вм. Лопухинымъ?

Стран.	Строка.	Напечатано.	Слѣдуетъ.
12	13 сн.	произведенія въ	произведенія **см.** въ
13	13 св.	л. 77	л. 76 обор.
18	12 сн.	*добавить:* «Ср. тоже въ рукописи Ростовскаго Музея церковныхъ древностей № 56 (1866) лл. 1—2».	
20	14—15 св.	*добавить:* «Ср. туже статью въ рукоп. **Ундольскаго** № 467, на лл. 466—9, приведенную въ отрывкахъ въ книгѣ И. А. Шляпкина «Св. Димитрій Ростовскій и его время», Спб. 1891 г., стран. 211, вын. 1; тутъ заглавіе иначе: «*Красогласніи пятерострочіи. . . . написанныя лѣта* ҂зрч҃д *въ общую всѣхъ пользу*». Ср. въ той же книгѣ г. Шляпкина на стр. 411 стихи св. Димитрія Рост. (напеч. въ его Соч. I, 224). Также таже статья отмѣчена и въ изслѣдованіи **А. Прозоровскаго**: «Сильвестръ Медвѣдевъ, его жизнь и дѣятельность», М., 1896 г., стран. 374».	
20	20 св.	написа́липосланіе	написа́ли посланіе
21	6 сн.	*добавить:* «полное перечисленіе списковъ славяно-русскихъ переводовъ упомянутой статьи *Яна Запчица* см. въ приложеніи къ изслѣдованію проф. **А. И. Соболевскаго**: «Западное вліяніе на литературу Московской Руси XV—XVII вѣковъ» (Спб. 1899 г., стр. 120) въ статьѣ: «О добронравіи, Яна Запчица».	
48	21 св.	*добавить:* «Въ томѣ II своихъ «Очерковъ» **Буслаевъ** въ главѣ II «О народности въ древне-русской литературѣ и искусствѣ», отд. V, на стр. 95 отмѣтилъ: «. . . вслѣдствіе разлада между древнею литературой и жизнію народною, мы имѣемъ отъ старины самые скудные остатки древнихъ народныхъ изреченій и пословицъ. *Только въ XVII вѣкѣ, и то подъ вліяніемъ чужеземнымъ, былъ составленъ у насъ сборникъ пословицъ и поговорокъ.* Составитель чувствовалъ, что люди, застарѣлые въ прежнихъ литературныхъ предразсудкахъ, обвинятъ его въ томъ вниманіи, котораго онъ удостоилъ народное слово, и потому, въ своемъ *предисловіи*, почелъ необходимымъ предложить объясненіе по этому поводу, чтобъ оправдаться передъ читателями».	
49	2 сн.	дошώлъ,	дашώлъ,
69	10 св.	точїю	точію
»	12 »	ѡ҆рѣтоⷯ.	ѿрѣтоⷯ.
70	9 »	ѡбеⷥлѣ́потяⷮся:	ѡ҆беⷥлѣ́потяⷮся:
»	14 »	своемꙋ	своемꙋ
»	24 »	скверносло́вецъ,	скверносло́вецъ
»	28 »	А҆́ще	"Аще
»	29 »	Но	Но

Стран.	Число.	Напечатано.	Слѣдуетъ.
70	30 св.	за́повѣдей.	за́повѣдей.
»	34 »	многая,	многая
»	—	Ѧщели	"Ащели
73	№ 1	Аще	"Аще
»	—	помо́гъ.	помо́гъ;
»	8	Ѧвра̑	'Авра̑
74	43	Аѳендрону	Аѳендрону.
75	62	уби-	уби
76	82	Персидѣ	Персидѣ
79	189	во̇ме	во̇ме̇
»	205	Польска	По лыка
»	212	полу силою	полусилою
»	213	малои'	мало'
80	217	руки	руки́
82	285	в миру.	в' миру.
»	296	кнутомъ	кнутомъ
83	323	̇дорово.	̇дорово,
»	326	пы̑кѣ,	пы̑кѣ
»	328	ро̇грому.	ро̇грому,
»	329	забыть.	забыть,
»	348	сме̑ти	сме̑'ти
84	360	одина́кие.	о̑дина́кие
87	449	Воня̑	Воня̑
»	—	ѳе̑кою.	Ѳе̑кою
»	453	сл̑нца	сл̑нца.
»	467	бг̑ъ	бг̑ъ
89	521	тщи	тщи̑
»	528	иво	ево
»	541	со̇жаютсѧ	сѣ̇жаютсѧ
90	563	сла̑ко,	сла̑ко
91	574	даведутъ	да ведутъ
92	618	сталъ	сталъ.
»	626	низ	ни̇

Стран.	Число.	Напечатано.	Слѣдуетъ.
92	№ —	бліз	блїз
»	629	д'ружба.	д'ружба.
93	647	ту	ту҃
»	658	Петрова	Петрова
»	664	Дѣловцу	Дѣловцу.
94	694	гостю добрая	гостю. добрая.
95	722	обогатйтся	обогатйтся.
»	727	Дѣвушке	Дѣвушке
97	771	худа	худа
»	792	своякȃ	свойкȃ
99	834	родитъ	родитъ
»	839	брочивȏ	брочиво';
»	843	с'ѣсть.	с' ѣсть
»	850	что.	ч'то.
»	854	схиму.	схиму
101	895	Персидѣ.	Персидѣ.
102	930	людȇ	люде'
»	—	людȇ	люде'
»	932	[Жить	[Жить
»	942	богданъ	Богданъ
»	944	Ждах	Жда
»	946	издвора.	из двора,
103	969	ѣсти,	ѣ(с)ти,
»	986	(и бе)в	(и б)ев
104	1008	норо баведетъ.	норо бъведетъ
»	1012	жалуй	жалуй
105	1028	за удерено сѣабятъ.	заудерено стабятъ,
»	1033	Ѕзмѣя	Ѕзмѣя̂
106	1059	грезй	грезй
»	1066	Звой	Звой
»	1071	нобой	нобой
»	1076	зиня	Зиня
»	1079	Знаю҃ дай	Знаю҃. дай.

Стран.	Число.	Напечатано.	Слѣдуетъ.
106	№ 1080	лаетъ	лаетъ.
107	1085	Знать былъ	Знать. былъ.
»	1111	й	и
108	1118	ко.	ко,
»	1126	не з'годе.	нез'годе.
109	1170	бѣда:	бѣда.
111	1211	Онаньинъ	'Онаньинъ.
»	1219	воску.	воскꙋ
»	1223	потребное	пот'ребное
112	1243	кипить	кипитъ
»	1249	брани	брани
»	1250	грамоте	грамоте
113	1278	запѣла	запѣла
»	1285	ру	ру
114	1312	остря	остря
»	1322	упросилъ	упросилъ
»	1328	Запорогахъ	запорогахъ
»	1334	дѣтки с' сетъ	дѣти с'сетъ
115	1366	Кабы.	Ка бы.
117	1403	Лутче	Лꙋтче
»	1404	дрꙋговъ:	дрꙋговъ.
»	1405	мошны	мошны.
»	1406	бот'виная.	бот'виныя.
»	1407	лесть	лесть.
»	1410	Лꙋгвица	Лꙋгвица.
»	1421	порѣзать	порѣзать.
»	1425	веш'ней	веш'ней.
»	1426	вѣры	вѣры.
118	1435	с то'гомъ	с то'гомъ.
»	1458	прошеная	прошеныя.
119	1486	стерпится слюбится.	стерпится. слюбится,
»	1487	Лапти	Лапти.
»	1495	домꙋ	домꙋ

Стран.	Число.	Напечатано.	Слѣдуетъ.
121	№ 1537	званныхъ,	званныхъ.
»	1544	клопы.	клопы.
»	—	сверчки	сверчки.
»	1554	великой	великой.
122	1582	хлѣбомъ	хлѣбомъ.
»	1583	тїмпанъ	тїмпанъ.
»	1588	у҃	у҃.
123	1598	нами.	нами,
»	1601	ѣжь	ѣжъ
»	1608	Мечется	Мечется.
»	—	мертвое.	мер'твое.
»	1610	в'сѣмъ	в'сѣмъ.
»	1613	деревня.	деревня.
»	1620	стыда	стыда
124	1637	з'дракїи	з'дравїи.
»	1640	не	не
»	1643	чистенко	чистенко.
»	1645	ногамї.	ногамї
»	1651	мѣста.	мѣста.
125	1668	у҃	ȣ҃
»	1682	дȣды.,	дȣды,
»	1689	Нашему	Нашемȣ
»	1693	ума.	ума.
»	1694	углїомъ	углїомъ
126	1702	его	ево
»	1727	сойдется Онохино	сойдется Онохино
127	1735	неуставнои	неуставной
»	1752	слова, прикупаютъ.	слова. прикупаютъ,
128	1785	Не нарокомъ	Ненарокомъ
129	1795	Не повиннȣ	Неповиннȣ
»	—	не пристрашна	непристрашна
»	1797	Не много	Немного
130	1852	себѣ	себѣ.

Стран.	Число.	Напечатано.	Слѣдуетъ.
131	№ 1855	Ѻбꙋли	Ѻбꙋли.
»	1879	присє҃	принє҃
»	1879	не писанꙋю.	неписанꙋю.
132	1886	рꙋкѣ.	рꙋкѣ.,
»	1907	коли̑	коли̑
133	1920	Похваля	Похваля.
»	1926	пѣшъ	пѣшъ.
»	1936	одолѣетъ	одолѣетъ.
»	1937	ꙋвѣли҃ся	ꙋ̓вѣли҃ся
»	1943	рѣка́.	рѣка́
134	1950	не в доⷧ҇гѣ.	невдоⷧ҇гѣ
»	1978	кнꙋта	кнꙋта
»	1978	Пьяномꙋ	Пьяномꙋ.
»	1981	Пожалѣть	Пожалѣть.
135	1990	мало́	мало́.
»	1997	бив[ши]	бив[ши̑]
136	2030	полюбила́	полюбила́.
137	2043	доⷧ҇го	доⷧ҇го.
»	2060	намъ.	намъ
»	2071	беⷥ҇грѣшно.	беⷥ҇грѣшно
138	2084	Рябь	Рябь.
139	2115	с тѣ".	с тѣ"
»	2118	злыя.	злыя·
140	2155	сидя	сидя̑
»	2163	по҃чуютъ.	по҃чꙋютъ.
141	2188	всякомꙋ	всякомꙋ.
142	2223	Олио́нъ.	'Олио́нъ.
»	2225	Ѳемь	Ѳемъ
143	2247	того	того.
»	2249	твоего́	твоего́.
»	2257	Тетива	Тетива.
144	2265	долго́	долго́.
»	2282	Терть	Терть.

Стран.	Число.	Напечатано.	Слѣдуетъ.
144	№ 2286	Тать	Тать.
»	—	господинъ,	господинъ.
»	2288	говоря̀	говоря̀.
»	2290	пирогъ	пирогъ.
145	2301	Паула̀	Паула̀
»	2310	не болозе	неболозе
»	2312	бѹдетъ.	бѹ̂детъ.
»	2321	сп҃са.	Сп҃са.
»	2323	бѣдами.	бѣдамѝ.
»	2325	ѿмыкалѝ	ѿмыкалѝ.
146	2335	крива̀.	крива̀
»	2338	дѣдъ	дѣдъ.
»	2339	гложетъ	гложетъ.
»	2348	ѿзнала̀	ѿзнала̀.
»	—	ćвоѐ	с'воѐ.
»	2352	сыра̀	сыра̀.
»	—	сѹха̀	сѹха̀.
»	2354	ѿмной	ѿмной
147	2362	сыщешъ	сыщешъ.
»	2364	спитъ	спитъ.
»	2367	злы҃нямъ.	ѕлы҃нямъ
»	2372	бы	бы.
»	—	Ф.	Ф
148	2397	тотъ	тотъ.
»	2410	полонъ	полонъ.
149	2418	Петровъ	Петровъ
»	2426	плава̀етъ	плава̀етъ.
»	2428	тонка̀,	тонка̀.
»	2430	бѣсъ,	бѣсъ.
»	2436	трусить.	труситъ.
»	2437	побиваетъ	побиваетъ.
150	2450	Хотѣлъ	Хотѣлъ.
»	—	село	село.

Стран.	Число:	Напечатано.	Слѣдуетъ.
150	№ 2452	дитя̀	дитя̀.
»	—	а	а̀
»	2467	Ходилъ чортъ	Ходилъ. чортъ.
»	2470	бен єво	бен. єво.
151	2483	к завтрею	к завтрею.
»	2487	ⷣна	ⷣна̀
»	2494	хто	хто.
»	2500	дрꙋга	дрꙋга̀
152	2508	ломоть	ломоть.
»	2511	яицо	яицо.
»	2523	и зопасны.	изопасны,
153	2533	срⷣца̀	срⷣца̀.
»	2545	рꙋцѣ	рꙋцѣ.
»	2546	Цр҃ю	Цр҃ю.
»	2552	мысль	мысль.
»	2559	звѣремъ,	звѣремъ
154	2562	жалѣютъ	жалѣютъ.
»	2564	смиряетъ.	смиряетъ
»	2578	часꙋ а к смеⷬти	часꙋ. а к смеⷬти.
»	2584	землю	землю.
»	2585	Чево̀	Чево
155	2591	конь	конь.
156	2634	Что	Что̀
»	2643	сꙋдѣ	сꙋдѣ.
157	2675	досокъ.	досокъ
158	2686	Павелъ	Павелъ
»	2700	Щоголь	Щоголь.
159	2728	Щокамѝ	Щокамѝ.
»	2729	Ѣхалъ	Ѣхалъ.
160	2737	кашꙋ	кашꙋ.
»	2755	с ыгрꙋшкамѝ	сыгрꙋшкамѝ
»	—	Ю.	Ю
161	—	Ѧ.	Ѧ

Стран.	Число.	Напечатано.	Слѣдуетъ.
»	—	ѯ҃	"ѯ҃
»	2780	дкора	дкора.
162	—	ѱ҃.	ѱ҃
»	2785	щенята̏	щенята.

Слѣдуетъ уничтожить знакъ препинанія въ концѣ №№: 6—9. 16. 18. 21. 33—6. 39. 41. 46. 48. 50—3. 55—7. 59. 61—70. 75. 77. 83. 88. 90—5. 97—9. 104—5. 107—8. 110. 113. 115. 181—191. 193—4. 196—8. 200—1. 203—4. 206—7. 210—13. 215—19. 221. 225—8. 232—6. 238—9. 241. 243—6. 248—50. 253. 255—7. 259. 261. 263—6. 268. 270—3. 275—7. 279. 281—4. 287—8. 290—7. 302. 304. 306—311. 313—4. 316—7. 319. 321—2. 327. 335. 338—9. 343—4. 348. 350—8. 360—6. 369. 371. 373—4. 378—383. 386. 388. 391. 393—5. 397. 401—7. 411. 417. 419. 422. 424. 426—432. 435. 437. 439. 441—2. 445—6. 449. 453—4. 456—8. 460. 463—5. 467. 469—70. 472. 474—8. 481—3. 487—92. 494. 499. 501—509. 512. 515. 517—8. 521. 524—5. 527. 531. 534—5. 538—41. 544—5. 547. 549—50. 552—6. 558—9. 561—2. 567—70. 572—6. 578. 581—3. 587—8. 591—2. 594—5. 597—8. 600. 602. 605. 607—9. 613—4. 618—23. 625—6. 630. 632—5. 638—40. 642—3. 645. 647. 651—2. 654. 657. 660. 662. 668—9. 674. 676—8. 680—4. 689—91. 694. 696. 698—700. 703—13. 716. 721. 723. 726. 732—5. 738—9. 742—4. 746—7. 749—51. 753. 756. 760—61. 764—6. 770. 773—4. 776. 782. 790. 793—5. 797—9. 803—4. 814. 817. 820. 822. 824—6. 828. 833—5. 837. 839—44. 846—8. 851—4. 857—67. 869. 872—3. 876. 880—86. 888—92. 896. 899—900. 908—9. 912—13. 916. 922—4. 926—7. 930. 933. 937—9. 941. 951. 953. 959—60. 965—8. 970—1. 976. 980. 982. 984—5. 994—1000. 1006—9. 1017. 1021—2. 1026. 1034—5. 1062. 1065. 1075. 1088. 1097. 1100. 1103. 1105—6. 1115. 1118. 1121. 1125. 1127, 1139—40. 1143—

4. 1146. 1160. 1164. 1166—7. 1171. 1180. 1184. 1187—8. 1196. 1203. 1210. 1216—17. 1237. 1266. 1275. 1278—80. 1298. 1336. 1355. 1359. 1361. 1367. 1418. 1426. 1556. 1565—6. 1570. 1579. 1589. 1591. 1594. 1606. 1616. 1619—21. 1632. 1645. 1648. 1657. 1675. 1680. 1697. 1710. 1715. 1733. 1745. 1760. 1763. 1766. 1769. 1776. 1789. 1803. 1808—9. 1814. 1824. 1835. 1841. 1857. 1860. 1862. 1865. 1869—70. 1873. 1898. 1911. 1913. 1915—17. 1929. 1939. 1950. 1959. 1998. 2000—1. 2014. 2032. 2036. 2040. 2044—5. 2098. 2107. 2111—2. 2118—9. 2121. 2155. 2174. 2176. 2182. 2187. 2209. 2218. 2220—1. 2224—5. 2227. 2231. 2241. 2245. 2259. 2262. 2266—7. 2271. 2273. 2276. 2281. 2293. 2304. 2322. 2332. 2339. 2346. 2354. 2357. 2360. 2367. 2387. 2402. 2404—5. 2413. 2422—3. 2426. 2430—1. 2444—6. 2457. 2476. 2479. 2494. 2497. 2500. 2515. 2517—8. 2521. 2524. 2526. 2532—3. 2545. 2554. 2560. 2564. 2572. 2574. 2578. 2584. 2602. 2617—9. 2624. 2626—7. 2629. 2634. 2637. 2640. 2652. 2662. 2677. 2680. 2705. 2708—10. 2717—8. 2721. 2734. 2736. 2740. 2743. 2748. 2750. 2761. 2766. 2775. 2777. 2783.

Слѣдуетъ поставить точку въ концѣ №№: 28. 722. 1002. 1193. 1404. 1790, 1863.

Слѣдуетъ поставить запятую въ концѣ №№: 1(;). 10—15. 17. 19. 22. 24. 26—7. 29. 31. 40. 42—4. 47. 58. 72—4. 78—82. 84—7. 89. 96. 100—1. 103. 106. 109. 111—12. 114. 134(.,). 195. 202. 208. 220. 224. 230. 251—2. 254. 260. 269. 280. 299. 301. 303. 315. 318. 320. 323. 328—34. 340. 342. 347. 359. 385. 392. 415—6. 421. 438. 440. 444. 448. 452. 455. 461. 495. 497—8. 500. 510. 513. 522. 526. 529. 551. 560. 564. 579. 584—5. 603. 612. 615. 624. 628. 636—7. 653. 663. 665. 673. 697. 715. 718. 727. 736—7. 745. 755. 758. 775. 777. 779. 781. 805. 808—810. 812—13. 870. 877. 879. 887. 914. 946. 949. 955—6. 961. 963—4. 1015—6. 1019. 1024. 1027—8. 1030—1. 1033. 1054. 1077. 1087.

1089—92. 1096. 1122. 1137. 1145. 1241—3. 1248. 1258. 1269—70. 1286. 1296. 1311. 1322. 1345. 1486. 1497. 1504. 1521. 1528. 1534. 1536—7. 1546. 1555. 1558. 1562. 1564. 1578. 1580. 1583. 1586. 1597—8. 1600. 1607. 1611. 1622. 1628. 1630. 1635. 1638—9. 1641. 1660. 1674. 1678. 1682. 1701. 1705. 1717. 1737. 1752—3. 1756. 1765. 1767. 1774—5. 1777—8. 1791. 1795—8. 1800. 1802. 1804 (.,). 1807. 1810—13. 1815. 1818—20. 1827. 1829—30. 1832—3. 1837—8. 1843. 1844 (.,). 1845. 1852—3. 1855. 1876—7. 1879. 1885. 1886 (.,). 1891. 1903. 1909. 1912. 1944. 1966. 1986. 1994. 2102—3. 2114. 2145. 2173. 2210. 2240. 2274. 2350—1. 2380. 2391. 2395. 2409. 2472. 2474. 2484—5. 2498—9. 2523. 2528. 2567. 2570—1. 2605. 2621. 2767.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LXVI, № 8.

КЪ ВОПРОСУ
О ПРОИСХОЖДЕНІИ ХРОНОГРАФА.

А. А. ШАХМАТОВЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 линія, № 12.
1899.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.

Іюнь 1899 г. Непремѣнный Секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ.*

КЪ ВОПРОСУ

О ПРОИСХОЖДЕНІИ ХРОНОГРАФА.

Настоящая статья вызвана изученіемъ источниковъ, по которымъ въ серединѣ XVI вѣка составился лѣтописный сборникъ, извѣстный подъ названіемъ «Никоновской лѣтописи». Обратившись къ вопросу о составѣ и редакціи хронографовъ, которыми пользовался составитель этого сборника, я пришелъ къ нѣкоторымъ выводамъ, несогласнымъ съ высказаннымъ до сихъ поръ въ весьма впрочемъ скудной литературѣ по этому предмету. Рѣшаюсь подвергнуть ихъ обсужденію изслѣдователей нашей древней письменности, прежде чѣмъ приступить къ обнародованію результатовъ моей работы надъ текстомъ Никоновской лѣтописи.

Наиболѣе полнымъ и въ извѣстномъ родѣ классическимъ изслѣдованіемъ хронографовъ нашей древней письменности остается до сихъ поръ «Обзоръ хронографовъ русской редакціи» А. Н. Попова (М. 1866—1869). Со времени выхода этой книги были открыты новые списки хронографовъ, указаны нѣкоторые новые ихъ источники, установлена нѣсколько иная связь между ихъ редакціями, но главныя положенія Попова остались не опровергнутыми. Положенія эти можно вкратцѣ формулировать слѣдующимъ образомъ.

Хронографъ — это сборникъ, составленный въ XV вѣкѣ по юго-славянскимъ переводнымъ и оригинальнымъ сочиненіямъ, дополненный при этомъ русскими лѣтописными статьями. Происхожденіе хронографа юго-славянское: но вскорѣ онъ былъ перенесенъ въ Россію и здѣсь подвергся пересмотру. Результатомъ одного пересмотра явилась редакція 1512 года, при чемъ хронографъ подъ перомъ русскаго книжника подвергся измѣненіямъ въ языкѣ, снабженъ русскими глоссами и русскими лѣтописными статьями. Результатомъ другого пересмотра оказалась редакція, сохранившаяся въ спискѣ Толст. собр. (Отд. I, № 172): редакція эта неполная (она начинается съ Александріи), статьи хронографа не подверглись, какъ въ редакціи 1512 года, раздѣленію на главы, но въ ней яснѣе, чѣмъ во всѣхъ прочихъ, сохранились слѣды юго-славянскаго извода, при чемъ на основаніи ея можно придти къ слѣдующимъ выводамъ объ отношеніи редакціи 1512 года къ юго-славянской, основной редакціи хронографа: основной изводъ хронографа былъ очень близокъ къ редакціи 1512 года, но юго-славянскія статьи читались въ немъ съ нѣкоторыми отличіями въ расположеніи и объемѣ; русскихъ лѣтописныхъ статей, и тѣмъ болѣе историческихъ повѣстей, въ немъ вовсе не было, оканчивался же онъ повѣстью о взятіи Царяграда, но не тою, которую находимъ въ спискахъ редакціи 1512 года (а повидимому тою, которая читается въ Толстовскомъ спискѣ). Итакъ, задача изслѣдователя судьбы хронографа послѣ выводовъ Попова сводится главнымъ образомъ къ возстановленію того основного юго-славянскаго извода, существованіе котораго предположено въ виду имѣющихся на лицо двухъ русскихъ редакцій, изъ которыхъ ни одна не можетъ быть признана основною по отношенію къ другой. Систематическое сравненіе Толстовскаго списка (и сходныхъ съ нимъ списковъ) со списками редакціи 1512 года — вотъ путь, по которому можно придти къ рѣшенію этой задачи. Къ сожалѣнію, самъ Поповъ въ своемъ систематическомъ обзорѣ хронографа 1-ой редакціи (вып. 1-й, стр. 95—215) не руководствовался выводами, изложенными во 2-мъ выпускѣ (стр. 22—

25), и потому онъ не далъ сравнительнаго обзора двухъ различныхъ древнѣйшихъ редакцій хронографа, ограничившись попутнымъ указаніемъ отличій Толстовскаго списка отъ списковъ, раздѣленныхъ на главы: очевидно, къ приведеннымъ выше выводамъ А. Н. Поповъ пришелъ только къ концу своего изслѣдованія, когда 1-й выпускъ Обзора былъ уже напечатанъ. Особенно цѣнны выводы автора относительно источниковъ, послужившихъ при составленіи хронографа. Правда, важнѣйшіе источники были уже указаны А. М. Лазаревскимъ (Извѣстія Втораго Отд. VIII, 384—390 и IX, 115—127), но систематическому разсмотрѣнію они подвергнуты впервые Поповымъ, которому удалось сдѣлать рядъ самостоятельныхъ указаній. Въ этомъ отдѣлѣ труда почтеннаго изслѣдователя нельзя не отмѣтить одного существеннаго пробѣла, въ значительной степени повліявшаго на выводы, высказанные во 2-мъ выпускѣ Обзора и принятые многими послѣдующими изслѣдователями. Поповъ не обратилъ достаточнаго вниманія на вопросъ о русскихъ источникахъ хронографа. Среди этихъ источниковъ выдѣляются съ одной стороны русскія историческія компиляціи, вродѣ тѣхъ, которыя остановили вниманіе автора и которымъ онъ въ своемъ Обзорѣ хронографовъ русской редакціи отвелъ вполнѣ подобающее мѣсто (Еллинскій и римскій лѣтописецъ, вып. 1-й, стр. 1—94); съ другой стороны — лѣтописи и историческія повѣсти: отъ внимательнаго и осторожнаго изслѣдователя ускользнуло, что въ обѣихъ древнѣйшихъ редакціяхъ хронографа читаются нѣкоторыя общія, заимствованныя изъ русскихъ источниковъ, статьи, при чемъ это обстоятельство прямо свидѣтельствуетъ, что уже въ распоряженіи составителя основного извода хронографа находились источники русскаго происхожденія: между тѣмъ, характеризуя составъ этого предполагаемаго основного извода, Поповъ (вып. 2-й, стр. 25) допускалъ, что въ немъ «вовсе не было русскихъ лѣтописныхъ статей, а тѣмъ болѣе историческихъ повѣстей». Я думаю, что одной изъ основныхъ задачъ при изслѣдованіи состава хронографа должно быть выясненіе взаимнаго отношенія хронографа

и Еллинскаго лѣтописца. Самъ Поповъ сдѣлалъ рядъ указаній на то, что въ хронографѣ есть статьи общія съ Еллинскимъ лѣтописцемъ (вып. 1-й, стр. 108, 117, 118, 119, 122, 127, 128, 139 и др.), при чемъ на стр. 117 онъ допускаетъ возможность того, что отрывокъ изъ Малалы, слѣдующій за перечнемъ персидскихъ царей, взошелъ въ хронографъ путемъ Еллинскаго лѣтописца, «потому что въ послѣднемъ онъ передается точно въ такой же формѣ», какъ въ хронографѣ, а на стр. 19-й 2-го выпуска онъ высказывается еще опредѣленнѣе: «немногія выписки изъ Хроники Іоанна Антіохійскаго Малалы всѣ находятся и въ Еллинскомъ лѣтописцѣ, и могли быть оттуда заимствованы». Тѣмъ не менѣе Поповъ нигдѣ не назвалъ Еллинскій лѣтописецъ прямымъ источникомъ хронографа: изъ стр. 17-й 2-го выпуска, гдѣ онъ говоритъ о первыхъ опытахъ историческихъ компиляцій, ясно, что авторъ Обзора даже не задавался вопросомъ, не былъ ли Еллинскій лѣтописецъ прототипомъ, образцомъ послѣдующаго историческаго сборника—хронографа. Можетъ быть, это зависѣло частью отъ того ошибочнаго взгляда на время составленія 2-й редакціи Еллинскаго лѣтописца, котораго придерживался А. Н. Поповъ въ своемъ Обзорѣ: на стр. 17-й 2-го выпуска время составленія 2-й редакціи относится къ XVI вѣку, а на 76-й стр. 1-го выпуска высказывается возможность заимствованія во вторую редакцію Еллинскаго лѣтописца статьи о смерти пророка Даніила изъ хронографа редакціи 1512 года. Я такъ рѣшительно назвалъ ошибочнымъ взглядъ Попова на позднее происхожденіе Еллинскаго лѣтописца второй редакціи между прочимъ потому, что самъ онъ впослѣдствіи, описывая Чудовской списокъ Еллинскаго лѣтописца XV вѣка, пришелъ къ слѣдующему выводу: «Чудовской списокъ представляетъ древній видъ такъ называемой 2-й редакціи Еллинскаго лѣтописца... Судя по времени Чудовского списка, происхожденіе ея должно быть изъ XVI в. перенесено къ половинѣ XV вѣка». (Библіогр. мат. А. Н. Попова, изд. въ 1889 г. въ Чтеніяхъ Общ. ист. и др. росс., № XVIII, стр. 11). Въ виду этого и указанныхъ самимъ Поповымъ мѣстъ,

общихъ между хронографомъ и второю редакціею Еллинскаго лѣтописца (напр. вып. 1-й, стр. 76, 139, 127, 128), считаю несомнѣннымъ, что составитель хронографа пользовался, какъ источникомъ, Еллинскимъ лѣтописцемъ второй редакціи — памятникомъ русскаго происхожденія (ср. вып. 2-й, стр. 17). Впрочемъ, къ тому же выводу подошелъ уже другой изслѣдователь судебъ нашего памятника и ниже мы еще разъ вернемся къ этому вопросу.

Разсматривая русскія статьи хронографа, Поповъ заключилъ, что онѣ вставлены позднѣе на Руси въ юго-славянскій оригиналъ хронографа (ср. вып. 2-й, стр. 22, 25, 59, 62 и др.). Этотъ выводъ основывается главнымъ образомъ на отсутствіи русскихъ статей въ той редакціи хронографа, которая сохранилась въ Толстовскомъ спискѣ: но если давать такое значеніе, при возстановленіи первоначальнаго состава хронографа, сравнительному изученію обѣихъ русскихъ редакцій, то съ такимъ же основаніемъ можно утверждать, что присутствіе той или другой статьи въ обѣихъ редакціяхъ доказываетъ принадлежность ея и основному изводу хронографа. Вотъ почему, находя въ статьѣ о Темирѣ, иже побѣди Баозита царя, русскія добавленія (и притомъ общія), какъ въ редакціи 1512 года, такъ и въ редакціи Толстовскаго списка, мы въ правѣ заключать о томъ, что тѣ же добавленія читались и въ основномъ изводѣ хронографа. Равнымъ образомъ, находя, какъ въ спискахъ редакціи 1512 года (Чудовской списокъ № $^{52}/_{354}$, ср. замѣчанія Сперанскаго, издателя Библіогр. мат. Попова, стр. 57; то же въ хронографѣ Воскресенскаго Новоіерусалимскаго монастыря и въ спискѣ Погод. № 1402 а), такъ и въ Толстовскомъ спискѣ русское извѣстіе о женитьбѣ императора Мануила на Аннѣ, дочери Василія Дмитріевича[1]), заключаемъ, что это извѣстіе находилось и въ основномъ изводѣ хронографа. Читая въ главѣ 200-й редакціи 1512 года и въ Толстовскомъ спискѣ дословно сходный раз-

1) Извѣстіе неточное, такъ какъ Анна вышла замужъ въ 1414 году не за Мануила, а за сына его Іоанна (см. ниже).

сказъ о русскомъ событіи 1340 года, заключаемъ, что онъ принадлежалъ уже основному изводу хронографа и т. д. Такимъ образомъ сравнительное изученіе обѣихъ древнѣйшихъ редакцій хронографа приводитъ къ выводу, совершенно несогласному съ выводами Попова: составитель *основного* извода хронографа включилъ въ него русскія лѣтописныя статьи и даже историческія повѣсти.

Насколько я знаю, наиболѣе обстоятельная оцѣнка труда Попова была сдѣлана въ 1877 году И. В. Ягичемъ въ его статьѣ Ein Beitrag zur serbischen Analistik mit literaturgeschichtlicher Einleitung (Archiv f. sl. Ph., B. II, ss. 1—109). Разсматривая переводные и оригинальные историческіе источники сербскаго лѣтописанія, Ягичъ касается и тѣхъ сочиненій, которыми, по указанію Попова, пользовались собиратели русскихъ хронографовъ; при этомъ авторъ вноситъ въ трудъ Попова двѣ немаловажныя поправки. Собиратель русскаго хронографа, извѣстнаго въ редакціи 1512 года, пользовался не подлинной Доментіановою редакіей житія св. Саввы, какъ указывалъ Поповъ (вып. 2, стр. 41), а такъ называемою Ѳеодосіевскою редакціей этого житія (Ягичъ, стр. 37)[1]; послѣдняя статья хронографа, посвященная сербской исторіи, — «Царство сербское и о запустѣніи его», источникъ которой остался для Попова неизвѣстнымъ (вып. 2, стр. 53), цѣликомъ заимствована, по указанію Ягича, изъ послѣднихъ главъ Константинова житія Стефана Лазаревича, не сохранившихся въ той сокращенной и искаженной редакціи его, которая была доступна Попову (Ягичъ, стр. 43). Переходя къ вопросу о происхожденіи сербскихъ хронографовъ, Ягичъ останавливается на слѣдующихъ двухъ выводахъ Попова: а) собиратель хронографа, сохранившагося въ редакціи 1512 года, пользовался для своей компиляціи византійскими источниками въ славянскихъ

1) Впрочемъ, самъ Поповъ исправилъ свою ошибку въ прим. на стр. 41, изъ котораго видно, что собиратель хронографа давалъ извлеченія изъ редакціи, изданной Даничичемъ въ 1860 году (и ошибочно названной издателемъ Доментіановою).

переводахъ, а также историческими сочиненіями, извѣстными въ сербской, болгарской и русской письменности; на основаніи этихъ источниковъ онъ довелъ свой трудъ до 1453 года, начавъ съ разсказа о сотвореніи міра; б) хотя хронографъ извѣстенъ только въ спискахъ русской редакціи, но въ основаніи этой редакціи, составленной въ 1512 году, лежитъ юго-славянская и при томъ, вѣроятно, сербская компиляція, относящаяся ко времени послѣ 1453 года: этотъ предполагаемый сербскій изводъ хронографа долженъ быть признанъ прототипомъ всѣхъ русскихъ хронографовъ, обосложнившимся русскими статьями уже по переходѣ его въ Россію. Съ первымъ выводомъ Попова Ягичъ вполнѣ соглашается, но второй выводъ встрѣчаетъ съ его стороны справедливыя возраженія. Во 1-хъ имѣющіеся на лицо юго-славянскіе хронографы (Ягичъ упоминаетъ пять списковъ и между ними Житомислическій и Реметскій) ясно обнаруживаютъ свое русское происхожденіе; во 2-хъ сохранившіеся отъ конца XV и начала XVI вѣка сербскіе лѣтописные своды не имѣютъ ничего общаго съ Хронографомъ, при чемъ сравнительное изученіе этихъ памятниковъ показываетъ, что ни собиратель хронографа не былъ знакомъ съ сербскими лѣтописями, ни составители сербскихъ лѣтописныхъ сводовъ не воспользовались, хотя бы въ отдѣлахъ, посвященныхъ всемірной исторіи, матеріалами, заключавшимися въ Хронографѣ. Кромѣ того, сопоставленіе литературныхъ пріемовъ собирателя Хронографа и сербскихъ лѣтописцевъ показываетъ, что они дѣйствовали въ двухъ совершенно различныхъ обстановкахъ: такъ въ особенности несходно отношеніе собирателя Хронографа къ имѣвшимся въ его распоряженіи сербскимъ источникамъ (при томъ весьма ограниченнымъ) съ отношеніемъ къ тѣмъ же источникамъ сербскихъ лѣтописцевъ. Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, Ягичъ рѣшительно высказывается противъ юго-славянскаго (сербско-словинскаго) происхожденія Хронографа, утверждая, что обратно сербскіе хронографы представляются позднѣйшими извлеченіями и сокращеніями изъ извѣстныхъ намъ русскихъ редакцій Хронографа.

Къ сожалѣнію, эта важная статья Ягича недостаточно и
вѣстна въ нашей ученой литературѣ: этимъ объясняется то, ч
М. Н. Сперанскому пришлось, почти двадцать лѣтъ послѣ ея в
хода, снова поднимать вопросъ объ отношеніи сербскихъ хрон
графовъ къ русскому, а также и то, что Истринъ до сихъ пор
держится основныхъ положеній, высказанныхъ Поповымъ отн
сительно юго-славянскаго происхожденія нашего Хронографа (с
замѣчанія Ягича въ XVI томѣ Archiv f. sl. Ph., стр. 225
Впрочемъ, если изслѣдованія М. Н. Сперанскаго и В. М. Ис
рина не прибавили ничего новаго къ вопросу о происхожден
нашего хронографа, то пролили немало свѣта на темные вопрос
о составѣ, а въ особенности редакціяхъ хронографа. Остановлю
поэтому на послѣднихъ работахъ этихъ выдающихся изслѣдов
телей нашей древней литературы.

Сперанскій въ своей статьѣ «Сербскіе хронографы и русск
первой редакціи» (Русск. Филол. Вѣстн. 1896 г.), а также в
своемъ описаніи рукописей Шафарика («Рукописи П. I. Шаф
рика въ Прагѣ», см. Чт. Общ. ист. и др. росс. 1894 года) с
общилъ рядъ данныхъ, по которымъ теперь возможно ближай
шимъ образомъ опредѣлить отношеніе сербскихъ хронографов
къ русскимъ. Приведя вѣскія доказательства въ пользу выска
заннаго уже Ягичемъ предположенія о томъ, что юго-славянскі
хронографы сложились подъ вліяніемъ русскаго, Сперанскій
очевидно предположивъ существованіе одной общей основно
сербской редакціи для извѣстныхъ ему сербскихъ хронографовъ
слѣдующимъ образомъ формулируетъ отношеніе этой редакці
къ русскому хронографу: «Сербскій текстъ хронографа представ
ляетъ собой сокращеніе, особенно въ ветхозавѣтной части, редак
ціи 1512 года, а по особенностямъ ближе всего подходитъ к
Чудовскому (списку), не дѣленному на главы. Поэтому весьм
возможно, что въ основѣ его лежитъ списокъ, подобный этом
Чудовскому» (стр. 14—15 отдѣльнаго оттиска). Отмѣчу тепер
же, что авторъ въ данномъ случаѣ не придаетъ значенія,
вполнѣ основательно, тому обстоятельству, что Чудовской спи

сокъ не раздѣленъ на главы[1]); сербскій хронографъ основывался на спискѣ, раздѣленномъ на главы, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ Сперанскаго: «при такомъ предположеніи (см. приведенную выше фразу) понятно и дѣленіе сербскаго хронографа на 100 главъ, при 208 главахъ русскаго хронографа» (стр. 15). Но тѣмъ не менѣе Чудовской списокъ занимаетъ по его мнѣнію какое-то особенное мѣсто среди другихъ списковъ редакціи 1512 года: вотъ почему онъ находитъ нужнымъ установить зависимость сербскихъ хронографовъ не прямо отъ редакціи 1512 года, а отъ списка, подобнаго Чудовскому; вотъ почему въ Дополненіяхъ къ Библ. мат. А. Н. Попова, XVIII (Чт. Общ. ист. и др. росс. 1889 г.) онъ выражается о Чудовскомъ спискѣ слѣдующимъ образомъ: «нашъ списокъ, хотя и не принадлежитъ къ раздѣленнымъ на главы, но содержитъ въ себѣ признаки списковъ, уже раздѣленныхъ на главы; съ другой стороны даетъ точки соприкосновенія со списками, не раздѣленными на главы. Отсюда можно опредѣлить его, какъ промежуточный между той и другой категоріей списковъ Хронографа 1-й редакціи». Ни въ какомъ случаѣ не могу согласиться съ этимъ выводомъ почтеннаго изслѣдователя: на основаніи представленныхъ имъ данныхъ, я пришелъ къ выводу, что Чудовской списокъ ничего существенно оригинальнаго, сравнительно съ другими списками редакціи 1512 года, не представляетъ; указанныя Сперанскимъ особенности, отличающія его отъ списковъ, описанныхъ Поповымъ, встрѣчаются и въ хронографѣ Воскресенскаго Новоіерусалимскаго монастыря и въ хронографѣ Погод. собр. № 1404 а (напр. добавленія во 2-й ст. 203-й главы, въ 1-й ст. 201-й главы, выписка изъ Манассіи въ 159-й главѣ и

1) Оригиналъ Чудовского списка былъ раздѣленъ на главы: это показалъ самъ Сперанскій въ Дополненіяхъ къ Библ. мат. А. Н. Попова, XVIII, основываясь на сохраненномъ въ спискѣ названіи 106-й главы. Опущеніе главъ замѣчается, начиная съ 107 главы, въ хронографѣ Воскр. Новоіер. монастыря: до 107-й главы главы обозначаются киноварными отмѣтками, а начиная съ 107-й главы—отмѣтками на поляхъ другими чернилами и другой рукой (кромѣ рѣдкихъ главъ: 124, 128, 129 и др.).

т. д.). Въ виду этого я не могу допустить предположенной Спе
ранскимъ промежуточной редакціи между двумя видами «1-й ре
дакціи хронографа» и думаю, что пока мы можемъ говорит
только о двухъ древнѣйшихъ редакціяхъ этого памятника—редак
ціи 1512 года и редакціи, сохранившейся въ Толстовскомъ
сходныхъ съ нимъ спискахъ. Поэтому сербскіе хронографы над
связать непосредственно съ редакціею 1512 года: ничто не дока
зываетъ, чтобы они восходили къ какой то промежуточной ре
дакціи между обѣими древнѣйшими русскими редакціями. Этот
выводъ, конечно, можетъ вызвать возраженіе въ виду нѣкото
рыхъ данныхъ, тщательно отмѣченныхъ Сперанскимъ; а имен
на стр. 14 своего изслѣдованія онъ указалъ, что въ одной осо
бенности сербскіе хронографы прямо роднятся со списками, н
раздѣленными на главы (Толстовскимъ и сходными), между тѣм
какъ вообще они сходны со списками, раздѣленными на главы (к
нимъ относится, согласно предыдущему, и Чудовской). А именно
«замѣтка о переводѣ книги Іисуса сына Сирахова на русскій съ
латинскаго (въ лѣто ,а҃ ф҃ ꙁ҃і), находящаяся въ Толстовскомъ
спискѣ (см. А. Поповъ, стр. 123), передана *буквально* и въ
спискѣ № 29; въ № 28 замѣнена общей фразой о томъ же, но
безъ года». Извѣстно, что замѣтка о переводѣ Іисуса Сирахова
въ спискахъ редакціи 1512 года не встрѣчается, между тѣм
какъ она читается въ трехъ (изъ четырехъ извѣстныхъ) списках
редакціи, не раздѣленной на главы. Указаніе Сперанскаго имѣло
бы рѣшающее значеніе и привело бы къ предположенію или того
что составитель сербскаго хронографа пользовался обѣими рус
скими редакціями, или — того, что существовала такая русска
редакція, гдѣ совмѣщались особенности редакціи 1512 года
редакціи, не раздѣленной на главы, — если бы это указаніе был
точно. Между тѣмъ оказывается, что № 28 изъ собр. Шафа
рика не содержитъ замѣтки о переводѣ книги Іисуса сына Сира
хова; тамъ, какъ это видно изъ описанія Сперанскаго, читаетс
лишь слѣдующее: при нѥм҆же (изъ контекста ясно, что при Ан
тіохѣ) и іисоусь сираховь въседобродѣтел҆ную моудрꙋ съчинь

єврею̑ (Рукописи П. І. Шафарика, стр. 90). То же находимъ во всѣхъ вообще спискахъ редакціи 1512 года, ср. въ Воскр. хроногр. (глава 105-я): при то̑ ісȣ сираховъ премр̑ыи и многодобродѣтелныи. Слѣдовательно, № 28, а также сходные съ нимъ хронографы — Шафариковскій № 26 (Рукоп. П. І. Шафарика, стр. 82—83), Житомислическій, Реметскій, Шишатовацкій, Требинскій (Сперанскій, стр. 6), не содержатъ въ себѣ особенностей, сближающихъ ихъ съ русскою редакціей, не раздѣленною на главы, и возводятся безъ малѣйшихъ затрудненій къ редакціи 1512 года. Совершенно иное должно сказать о № 29 собранія Шафарика, т. е. о такъ называемомъ Верхобрѣзницкомъ хронографѣ[1]): онъ также основывается на спискѣ русскаго хронографа, но не редакціи 1512 года, а редакціи, сходной съ тою, которая заключается въ спискахъ Толстовскомъ и сходныхъ съ нимъ (редакціи, не раздѣленной на главы). Это видно, какъ изъ того, что въ немъ помѣщена замѣтка о переводѣ книги Іисуса Сирахова на русскій языкъ, такъ и изъ того, что, вслѣдъ за хронографомъ, мы находимъ въ этой рукописи собранія Шафарика выписки изъ хроники Мартина Бѣльскаго (ср. описаніе Иречка и у Сперанскаго: Сербскіе хронографы, стр. 18; Рукописи П. І. Шафарика, стр. 98): тѣ же выписки, какъ извѣстно, сопровождаютъ хронографъ, не раздѣленный на главы (ср. Толстовскій, Поповскій, Буслаевскій и Виленскій списки этой редакціи хронографа)[2]). Составитель Верхобрѣзницкаго хронографа не ограничился заимствованіями изъ одного списка русскаго хронографа; онъ пользовался еще другимъ русскимъ же спискомъ

---

1) Ср. описаніе его, сдѣланное І. Иречкомъ въ Sitzungsberichte der königl. böhm. gesselsch. der wissensch. in Prag, 1879 г., стр. 128—146.

2) Ср. о Поповскомъ спискѣ—Викторовъ, Отчетъ Моск. Публ. и Рум. муз. за 1879—1882 г., стр. 2—3; о Буслаевскомъ и Толстовскомъ спискахъ — И. Бычковъ, Каталогъ собр. рук. Ѳ. И. Буслаева, стр. 227—228; о Виленскомъ—Добрянскій, Опис. рукописей Вил. публ. библ., стр. 255—258. Изъ приведенныхъ Иречкомъ выписокъ по Верхобрѣзницкому хронографу видно, что текстъ хроники Бѣльскаго тожественъ въ немъ съ текстомъ Толстовскаго, Буслаевскаго и др. списковъ.

хронографа, что видно изъ того, что въ немъ, «вмѣсто обычн
хронографической статьи о взятіи Царяграда» (Сперанскій), ч
тается отдѣльная повѣсть, изъ которой не взято только вступ
ніе (о созданіи Царяграда). Эта повѣсть, вошедшая въ поздні
шую редакцію русскаго хронографа—1617 года, извѣстна и
нѣкоторымъ спискамъ хронографа XVI вѣка: однимъ изъ ни
воспользовался Верхобрѣзницкій хронографъ. Но кромѣ эти
двухъ русскихъ списковъ, названный хронографъ пользовал
какъ основнымъ источникомъ, сербскимъ хронографомъ и им
но тою его редакціей, которая сохранилась въ Житомислическо
и сходныхъ съ нимъ спискахъ. Это видно изъ важнаго указан
сдѣланнаго Сперанскимъ на стр. 17, на то, что какъ въ сер
скомъ хронографѣ № 28, такъ и въ хронографѣ № 29, выбор
изъ русскаго хронографа подверглась аналогичнымъ, тожеств
нымъ дополненіямъ изъ статей второго перевода Амартола,-
дополненіямъ, сдѣланнымъ въ Сербіи. Не могу согласиться
дальнѣйшимъ выводомъ автора о томъ, что № 29 старше
своему составу, чѣмъ № 28; такъ, по крайней мѣрѣ, я поня
слѣдующую фразу статьи Сперанскаго: Верхобрѣзницкій хрон
графъ «доказываетъ, что № 28 представляетъ не первичное с
кращеніе текста русскаго хронографа, а уже послѣдующее; №
(т. е. Верхобрѣзницкій списокъ) во многихъ мѣстахъ сохраняет
чтеніе русскаго списка тамъ, гдѣ № 28 уже сокращенъ». Изуч
хронографы по даннымъ, сгруппированнымъ Сперанскимъ, я пр
хожу совсѣмъ къ инымъ выводамъ. Первая сербская редакці
сохранившаяся въ наиболѣе полномъ видѣ въ Реметскомъ хрон
графѣ и сокращенно въ № 28, Житомислическомъ и други
спискахъ, основалась на русской редакціи 1512 года, котору
дополнила заимствованіями изъ второго перевода Амартола; вт
рая редакція, представителемъ которой является Верхобрѣзни
кій хронографъ, положила въ основаніе первую, но дополнила
новыми заимствованіями изъ Амартола, статьями изъ русска
хронографа особой редакціи, а также и изъ другихъ, может
быть, немалочисленныхъ источниковъ.

Если изслѣдованіе Сперанскаго такъ важно потому, что ввело въ кругъ изученія русскаго хронографа сербскія его передѣлки, то работы Истрина освѣтили происхожденіе хронографа съ другой стороны: онѣ ясно установили взаимныя отношенія между древнѣйшими редакціями русскаго хронографа и, что особенно поучительно, указали на новый источникъ, которымъ пользовался составитель редакціи, не раздѣленной на главы. Изслѣдуя «Александрію русскихъ хронографовъ» (М. 1893), Истринъ естественно пришелъ къ необходимости болѣе точно опредѣлить связь между отдѣльными редакціями Александріи и, соотвѣтственно съ этимъ, между тѣми, послѣдовательно смѣнявшими одинъ другого, видами хронографа, гдѣ она помѣщается. При этомъ между прочимъ оказалось, что обѣ Александріи въ редакціи 1512 года и въ редакціи, не раздѣленной на главы, представляютъ настолько отличный одинъ отъ другого текстъ, что авторъ изслѣдованія рѣшился назвать текстъ Александріи въ редакціи, не раздѣленной на главы, третьею, а текстъ редакціи 1512 года—четвертою редакціею Александріи. Обѣ онѣ, какъ убѣдительно доказалъ Истринъ, восходятъ къ одной общей редакціи, при чемъ эта общая редакція представляла собой сокращеніе редакціи, извѣстной изъ Еллинскаго лѣтописца второй редакціи съ незначительными противъ нея дополненіями; источникомъ этихъ дополненій, какъ это указалъ еще Поповъ (вып. 1-й, стр. 119), послужила сербская Александрія. При этомъ, по замѣчанію Истрина, третья и четвертая редакціи Александріи связаны съ хронографами, заключавшими ихъ, т. е. онѣ не существовали отдѣльно отъ хронографа; редакторъ оригинала третьей и четвертой редакцій Александріи—онъ же и редакторъ первоначальнаго вида хронографа первой редакціи—взялъ вторую редакцію Александріи для своей переработки изъ Еллинскаго лѣтописца второй редакціи, а не изъ отдѣльнаго списка. Третья редакція Александріи (помѣщенная въ спискахъ редакціи, не раздѣленной на главы) по своему составу ближе къ своему оригиналу, чѣмъ четвертая, но послѣдняя сохранившійся текстъ передаетъ лучше, чѣмъ третья. Третья

и четвертая редакціи Александріи въ отдѣльномъ существова
получили каждая по нѣскольку добавленій; источникомъ добав
ній третьей редакціи былъ Паралипоменъ Зонары. Я изложи
выводы автора собственными его словами, руководствуясь т
стомъ «Положеній къ диссертаціи», по предварительно провѣри
ихъ на основаніи того, вполнѣ документальнаго матеріала, ко
рый далъ Истринъ въ своемъ изслѣдованіи и въ приложеніи
нему. Вполнѣ присоединяясь къ приведеннымъ выводамъ авто
не могу согласиться съ нимъ лишь въ одномъ пунктѣ: онъ не
казалъ своего положенія о томъ, что четвертая редакція въ
дѣльномъ существованіи получила нѣсколько добавленій; и
приведенныхъ на стр. 276—278 сопоставленій скорѣе мож
заключить, что то лишнее, что читается въ четвертой редакц
съ одной стороны противъ второй, а съ другой противъ треть
редакціи, восходитъ къ общему для третьей и четвертой реда
ціи оригиналу. Конечно, это нисколько не подрываетъ вѣрнос
сдѣланнаго Истриномъ указанія на то, что нѣкоторые спис
четвертой редакціи (напр. Погод. № 1441) дѣйствительно сд
лали кое-какія самостоятельныя заимствованія изъ сербск
Александріи. На стр. 283 Истринъ сопоставляетъ свои вывод
о редакціяхъ Александріи съ тѣми выводами о редакціяхъ хр
нографа, къ которымъ въ свое время пришелъ Поповъ. «Нѣк
торые изъ этихъ выводовъ, говоритъ авторъ, прямо совпадаю
съ тѣми, которые можно сдѣлать изъ разбора Александріи: ка
оба вида хронографа, такъ и обѣ редакціи Александріи восх
дятъ къ одному оригиналу, представляя собою, какъ тѣ такъ
другіе въ отдѣльности, самостоятельныя обработки». Къ сож
лѣнію, Истринъ поспѣшилъ согласиться и съ другими вывода
Попова и не посвятилъ нѣкотораго труда на то, чтобы и на осн
ваніи другихъ статей хронографа рѣшить вопросъ о взаимно
отношеніи редакціи 1512 года и редакціи, не раздѣленной
главы. А между тѣмъ онъ располагалъ всѣми данными для ра
работки этого вопроса, имѣя подъ руками списки обѣихъ указа
ныхъ редакцій. Такъ между прочимъ свой выводъ, сдѣланн

на основаніи текста Александріи, о томъ, что составитель редакціи, не раздѣленной на главы, пользовался, какъ источникомъ, Паралипоменомъ Зонары, онъ не повѣрилъ на прочихъ статьяхъ хронографа и не замѣтилъ, что этотъ выводъ, впрочемъ тщательно доказанный (стр. 263—264 и 282), находитъ блестящее подтвержденіе въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ хронографа, не раздѣленнаго на главы: изъ Обзора Попова видно, что разсказъ о царствованіи Василія, сына Романова, въ редакціи 1512 года (а также, въ чемъ трудно усомниться, въ первоначальной редакціи хронографа) основывается на Манассіи, между тѣмъ какъ редакція, не раздѣленная на главы (Толст. сп.), замѣнила его другимъ источникомъ — Паралипоменомъ Зонары (Обзоръ, вып. 1-й, стр. 179).

Слѣдуя Попову, авторъ принимаетъ на вѣру юго-славянское происхожденіе хронографа (стр. 284); не приведя какихъ бы то ни было доказательствъ въ пользу этого мнѣнія Попова (замѣчу, что оно высказано въ Обзорѣ лишь въ видѣ предположенія), Истринъ спѣшитъ распространить его и на происхожденіе основной для третьей и четвертой—редакціи Александріи. Замѣчательно, что сама Александрія представляетъ ясныя доказательства противъ юго-славянскаго происхожденія: Истринъ доказалъ, что уже въ основной редакціи, т. е. въ общемъ оригиналѣ третьей и четвертой редакцій, находилась слѣдующая фраза: Александръ по греческы речеса по роусскы же гletьса избрань (она есть и въ третьей и въ четвертой редакціяхъ Александріи); выводъ отсюда ясенъ: этотъ оригиналъ писанъ въ Россіи. Далѣе Истринъ совершенно правильно сопоставляетъ эту русскую глоссу съ тѣмъ обстоятельствомъ, что составитель оригинала третьей и четвертой редакцій пользовался, какъ источникомъ, русскимъ памятникомъ — Еллинскимъ лѣтописцемъ второй редакціи (здѣсь авторъ расходится съ Поповымъ): это думаю еще болѣе подтверждаетъ только что сдѣланный выводъ о томъ, что оригиналъ третьей и четвертой редакцій Александріи составленъ въ Россіи (ср. Истринъ, стр. 285—286). Однако авторъ разбираемаго изслѣдова-

нія не только не рѣшается сдѣлать этого вывода, но даже л
шаетъ приведенные имъ же доводы всякой доказательной си
слѣдующею фразой: «съ другой стороны доводы А. Н. Попо
въ пользу юго-славянскаго происхожденія хронографа, оче
убѣдительны». Чтобы объяснить существованіе русской глосс
въ юго-славянскомъ оригиналѣ, Истринъ прибѣгаетъ къ слѣду
щей гипотезѣ: юго-славянскій оригиналъ хронографа, «преж
нежели подвергнуться всякаго рода переработкамъ, попалъ
руки русскаго читателя, который и дополнилъ его нѣсколькии
русскими глоссами, перешедшими въ извѣстные намъ виды хр
нографа первой редакціи». Странно, что Истринъ не замѣтил
что этимъ предположеніемъ вовсе не разрѣшается вопросъ о
Еллинскомъ лѣтописцѣ, такъ основательно выдвинутый имъ ж
нѣсколько строкъ выше приведеннаго мѣста; впрочемъ, сам
авторъ опровергаетъ свою гипотезу, допустивъ, опять таки
видѣ предположенія, подтверждающаго мнѣніе Попова о юг
славянскомъ происхожденіи хронографа, что юго-славянскій ор
гиналъ попалъ въ Россію двоякимъ путемъ — съ одной сторон
черезъ южную Русь, гдѣ онъ, подвергшись передѣлкѣ, легъ в
основаніе редакціи, не раздѣленной на главы, съ другой через
сѣверную Русь, гдѣ онъ въ 1512 году подвергся пересмотру
породилъ редакцію, раздѣленную на 208 главъ. Ясно, что, пр
нявъ это предположеніе, нельзя согласиться съ слѣдующимъ
нимъ, по которому редакція 1512 года и редакція, не раздѣле
ная на главы, восходятъ къ одному общему юго-славянском
оригиналу, снабженному, при переходѣ его въ Россію, нѣкот
рыми русскими глоссами. Мнѣ кажется, что Истринъ на ст
285—286 убѣдительно доказалъ, что основная редакція хрон
графа составлена въ Россіи: все высказанное имъ на стр. 28
только подтверждаетъ эти доказательства, такъ какъ показывает
къ какимъ несообразностямъ должно привести противоположн
мнѣніе. Считаю нужнымъ остановиться на высказанномъ здѣ
и повторенномъ въ другомъ мѣстѣ (Истринъ: Хронографы в
русской литературѣ, Визант. Вр., V, стр. 144) предположен

о южно-русскомъ происхожденіи редакціи, не раздѣленной на главы; оно основывается на томъ, «что изъ трехъ извѣстныхъ списковъ хронографа, не раздѣленнаго на главы, два списка Публичн. Музея—бывшій Попова и Н. С. Тихонравова, происхожденія южно-русскаго». Изученіе языка Толстовскаго списка (смѣшеніе ы и и) приводитъ къ убѣжденію, что и онъ происхожденія южно-русскаго[1]), такъ что изъ пяти списковъ хронографа, не раздѣленнаго на главы (Поповскаго, Тихонравовскаго, Буслевскаго, Толстовскаго и Виленскаго), три списка несомнѣнно южно-русскаго происхожденія. На южно- или западно-русское происхожденіе общаго ихъ оригинала указываетъ какъ вставка о переводѣ книги Іисуса Сирахова, такъ и дополнительныя статьи къ хронографу. Сообщеніе о переводѣ Іисуса Сирахова въ 1517 году имѣетъ въ виду, очевидно, переводъ, сдѣланный именно въ этомъ году Фр. Скориной[2]): книги священнаго писанія въ переводѣ Скорины пользовались особымъ распространеніемъ въ юго-западной Россіи. Что эта вставка принадлежитъ основному оригиналу списковъ хронографа, не раздѣленнаго на главы, видно изъ того, что изъ пяти указанныхъ списковъ трое содержатъ ее; можетъ быть, она есть и въ четвертомъ (Виленскомъ); кромѣ того она же читается въ Верхобрѣзницкомъ хронографѣ, пользовавшемся редакціею хронографа, не раздѣленною на главы. Поэтому отсутствіе этой вставки въ Поповскомъ спискѣ должно объяснять случайнымъ или умышленнымъ пропускомъ (вопреки мнѣнію Истрина, сдѣлавшаго на основаніи именно этого обстоятельства выводъ, что Поповскій списокъ по своему составу древнѣе Толстовскаго и Тихонравовскаго, ср. Александрія, стр. 287). Дополнительныя статьи къ хронографу редакціи, не раздѣленной на главы, общія всѣмъ спискамъ ея—это выборки, съ переводомъ на русскій языкъ, статей изъ хро-

1) Поповъ во 2-мъ вып. Обзора (стр. 273) указываетъ (на основаніи записи), что эта рукопись принадлежала нѣкогда Златоверхо-Михайловскому монастырю, но тамъ ли она писана, остается неизвѣстнымъ.

2) Этимъ указаніемъ я обязанъ Н. К. Никольскому. Ср. Владиміровъ, «Докторъ Франц
искъ Скорина», стр. 65 и 105.

ники Мартина Бѣльскаго. Переводъ иной, чѣмъ тотъ, котор
появился въ Москвѣ въ 1584 году (Обзоръ Попова, вып. 2
стр. 93), хотя мѣстами и очень близокъ къ нему: можетъ быть, в
борка была сдѣлана изъ оригинала, послужившаго основаніемъ
московскаго списка и изготовленнаго по повелѣнію короля По
скаго Сигизмунда (тамъ же, стр. 94). Но во всякомъ случаѣ,
выписки изъ Мартина Бѣльскаго съ очевидностью доказываю
что оригиналъ или основной списокъ редакціи хронографа, не р
дѣленнаго на главы, возникъ не ранѣе 1550 года (когда вып
первое изданіе хроники Бѣльскаго). Итакъ, выводъ Истрин
томъ, что разсматриваемая редакція древнѣе 1517 года, оказ
вается невѣрнымъ. А въ виду поздняго происхожденія ея, ма
вѣроятнымъ представляется и другой выводъ почтеннаго изсл
дователя, а именно выводъ о томъ, что южно-славянскій хрон
графъ перешелъ непосредственно въ южную Россію и здѣсь п
родилъ эту редакцію, не раздѣленную на главы. Гораздо вѣроя
нѣе предположить, что южно- или западно-русскій книжни
переработалъ московскую или сѣверно-русскую редакцію хрон
графа, дополнивъ ее статьями изъ польской хроники: во всяко
случаѣ мы находимъ въ редакціи, не раздѣленной на главы, н
сколько статей московскаго или сѣверно-русскаго происхожд
нія: таково, напр., сказаніе о чудесномъ явленіи Божьей Мате
1 августа вел. кн. Андрею Боголюбскому и императору Мануи
(этого сказанія нѣтъ въ редакціи 1512 года).

Въ предложенномъ краткомъ обзорѣ вопроса о составѣ
происхожденіи русскаго хронографа, я, кажется, не опусти
существенно важныхъ выводовъ или предположеній ученых
занимавшихся этимъ предметомъ. Перехожу къ заключительны
замѣчаніямъ относительно того, какія именно изъ высказанны
уже положеній могутъ считаться неопровержимыми.

1) Хронографъ составленъ въ XV вѣкѣ (Поповъ).

2) Первоначальная редакція хронографа до насъ не дошл
но она отразилась въ двухъ редакціяхъ, изъ которыхъ одна с
ставлена въ 1512 году (Поповъ, Истринъ и др.).

3) Сравнительное изученіе этихъ двухъ редакцій приводитъ насъ къ возстановленію первоначальной, основной редакціи хронографа (Истринъ).

4) Составитель основной редакціи пользовался въ числѣ источниковъ и русскими памятниками, каковы: Еллинскій лѣтописецъ второй редакціи (Истринъ), историческія повѣсти и лѣтописи (ср. указанія Попова).

5) Хронографъ не могъ быть составленъ въ Сербіи или Болгаріи (Ягичъ, Сперанскій).

6) Сербскіе хронографы должны быть признаны извлеченіями изъ русскихъ хронографовъ (Ягичъ [1]), Сперанскій).

7) Составитель редакціи 1512 года въ значительной степени сократилъ свой оригиналъ (Истринъ объ Александріи); пользовался ли онъ новыми источниками для дополненія этого оригинала, остается не выясненнымъ; единственно вѣроятнымъ должно признать, что повѣсть о взятіи Царяграда составлена самимъ редакторомъ 1512 года («собирателемъ русской редакціи хронографа»: Поповъ, Обзоръ, стр. 63).

8) Сохранившіеся до насъ списки другой редакціи (не раздѣленной на главы) обличаютъ свое южно-русское происхожденіе (Поповъ, Истринъ); въ этой редакціи основной текстъ хронографа былъ переданъ также сокращенно (Истринъ); но редакторъ или самъ дополнялъ свой оригиналъ или же пользовался распространеннымъ, сравнительно съ первоначальною редакціею хронографа, спискомъ; изъ дополнительныхъ источниковъ, отразившихся въ этой редакціи, съ увѣренностью можно назвать Паралипоменъ Зонары (Истринъ).

Эти выводы я кладу въ основаніе дальнѣйшаго изслѣдованія, цѣлью котораго я поставилъ опредѣленіе условій и времени,

---

1) Ягичъ въ Archiv f. Sl. Ph. II, 73 выражается слѣдующимъ рѣшительнымъ образомъ: Für mich also unterliegt es keinem Zweifel, dass dem gewöhnlichen russ. Chronographen kein serbisch-slovenisches Prototypon zu Grunde lag, sondern umgekehrt aus den russ. Chronographen wurden im Laufe des XVII Jahrhunderts (vielleicht auch schon früher) Auszüge ins Serbische gemacht.

когда могъ возникнуть древнѣйшій видъ хронографа, а так
взаимныхъ отношеній между хронографомъ и другими одноро
ными памятниками, главнымъ образомъ лѣтописями.

II.

Ближайшею задачей этого изслѣдованія должно быть бо
точное опредѣленіе тѣхъ отношеній, въ которыхъ находится реда
ція, не раздѣленная на главы, къ основной редакціи хронографа

Это необходимо въ виду, во-первыхъ, высказаннаго По
вымъ мнѣнія, будто въ ней яснѣе, чѣмъ во всѣхъ прочи
спискахъ хронографа (т. е. спискахъ редакціи 1512 г.), сох
нились слѣды хронографа юго-славянскаго извода, при чемъ
основаніи ея можно заключить, что въ первоначальной редак
хронографа не было русскихъ лѣтописныхъ статей, и тѣмъ б
лѣе историческихъ повѣстей (это послѣднее мнѣніе противор
читъ указанному выше четвертому положенію); во-вторыхъ,
необходимо въ виду высказаннаго Истринымъ мнѣнія о возмо
ности возникновенія разсматриваемой редакціи хронографа
1517 года и при томъ непосредственно изъ юго-славянска
оригинала, при переходѣ его въ южную Россію; въ-третьихъ,
долженъ начать свое изслѣдованіе съ редакціи, не раздѣленн
на главы, въ виду той связи, которую не трудно открыть меж
этой редакціей и цѣлымъ рядомъ другихъ памятниковъ, свя
дающей указаніе на составъ непосредственно предшествующ
ей редакціи хронографа.

1. Мнѣніе Попова о томъ, что въ редакціи, не раздѣленн
на главы, яснѣе, чѣмъ въ редакціи 1512 года, сохранились слѣ
юго-славянскаго происхожденія хронографа (Обзоръ, вып. 2-
стр. 25), основывается на томъ вѣрномъ наблюденіи, что нѣк
торыя статьи читаются въ редакціи, не раздѣленной на главы,
болѣе первоначальномъ видѣ, чѣмъ въ редакціи 1512 год
Сюда относятся, напримѣръ, статьи юго-славянскаго (сербска
происхожденія. Такъ родословная Неманичей, сокращенная

редакціи 1512 года, сохранилась въ полномъ видѣ въ редакціи, не раздѣленной на главы (ср. Обзоръ, вып. 1-й, стр. 189, 194, 195, вып. 2-й, стр. 24). Но если мы, вслѣдъ за Истринымъ и др., примемъ, что редакція, не раздѣленная на главы, и редакція 1512 года восходятъ къ одному общему оригиналу, то бо́льшая близость первой редакціи къ первоначальной редакціи должна объясняться, въ данномъ случаѣ, простою случайностью, подобно тому какъ во многихъ другихъ мѣстахъ къ первоначальной редакціи стоитъ ближе не она, а редакція 1512 года. Такъ напр. житіе Савы въ редакціи 1512 года передано гораздо подробнѣе, чѣмъ въ редакціи, не раздѣленной на главы [1]). Также и въ нѣкоторыхъ другихъ статьяхъ южно-славянскаго происхожденія видимъ въ редакціи 1512 года бо́льшую полноту сравнительно съ редакціей, не раздѣленной на главы: это отмѣтилъ и Поповъ, указавшій, что Толст. сп., I, № 172, въ отдѣлѣ юго-славянскихъ статей мѣстами *кратче* прочихъ, а мѣстами полнѣе (вып. 2-й, стр. 24). Другимъ основаніемъ признать редакцію, не раздѣленную на главы, особенно близкою къ первоначальному юго-славянскому оригиналу служило для Попова, повидимому, то обстоятельство, что въ Толст. сп. употребляется большой юсъ. Такое именно впечатлѣніе производитъ на меня аргументація, читаемая на стр. 25-й 2-го выпуска. Но на это можно съ увѣренностью возразить, что правописаніе Толстовскаго списка никакого рѣшающаго значенія въ данномъ вопросѣ имѣть не можетъ, такъ какъ сходные пріемы письма замѣчаются не только въ основныхъ статьяхъ хронографа, но также и въ тѣхъ статьяхъ, которыя не

---

1) Напр. отрывку, начинающемуся въ ред. 1512 г. словами: «сущу же тогда вару зѣлну» и оканчивающемуся фразой: «и слышавъ страхомъ обьетъ бысть» (Изборникъ Попова, стр. 32—33, ср. Живот светога Саве, изд. Даничиһа, Биогр. 1860, стр. 154—156), въ редакціи, не раздѣленной на главы, соотвѣтствуетъ одна слѣдующая фраза: «тогда же святый и молитвою градъ с небесе сведе и въсѣхъ оудиви. яко и самому кралю дивящуся оужаситися» (Толст., Бусл. сп.). Разсказъ о чудесномъ спасеніи Савы отъ разбойниковъ и отъ бури во время путешествія въ Іерусалимъ (ср. Живот св. Саве, 181—182) переданъ въ редакціи 1512 г. (ср. Изборникъ Попова, стр. 35), но опущенъ въ редакціи, не раздѣленной на главы.

могли входить въ составъ первоначальной редакціи хроногра (напр. въ статьѣ о явленіи Божьей Матери Андрею Боголюбском и даже въ прибавленіяхъ къ хронографу (въ выпискахъ изъ хр ники Мартина Бѣльскаго). Въ статьѣ о явленіи Божьей Мате мы находимъ сѫщꙋ, хрістолюбивомѫ, а въ прибавленіяхъ: бѫдꙋ и др. — Въ изслѣдованіи Попова имѣется еще третій доводъ пользу юго-славянскаго происхожденія первоначальной редак хронографа и особенной близости къ ней Толст. списка: въ это спискѣ (т. е. вообще въ спискахъ редакціи, не раздѣленной главы) русскія лѣтописныя статьи занимаютъ самое незнач тельное мѣсто: «состоятъ онѣ изъ однѣхъ хронологическихъ мѣтокъ, а полныхъ историческихъ повѣстей, напр. о нашествіи Б тыя, о Мамаѣ, совсѣмъ нѣтъ». Въ виду предположенной имъ вы большей близости Толстовскаго списка къ первоначальной реда ціи хронографа, Поповъ заключилъ отсюда, что въ ней не бы совсѣмъ русскихъ лѣтописныхъ извѣстій, а тѣмъ болѣе истор ческихъ повѣстей. Думаю, что это заключеніе ошибочно, ка ошибочна посылка, на которой оно основывается: ближайш изученіе Толстовскаго списка показываетъ, что въ немъ соде жатся вѣскія данныя для утвержденія, что въ первоначальном основномъ спискѣ хронографа, не раздѣленнаго на главы, бы русскія лѣтописныя статьи и даже обширныя историческія п вѣсти. Дѣйствительно, разсматривая хронологическія замѣтки русской исторіи, читаемыя въ спискахъ хронографа, не раздѣле наго на главы, видимъ, что онѣ носятъ совершенно отрывочн характеръ[1]); въ виду этого естественно является предположен

---

1) Напр.: при семъ князь великіи кіевскій святославъ игоревичъ. иде ѡноу (такъ!) рѣкоу и на олгоу (такъ!). і обрѣте вятечи. Или: при семъ гр ческомъ царѣ иванѣ палеолозѣ. вииде изъ орды отъ царя жанибѣка кня великіи иванъ ивановичъ и сяде на великомъ княженѣ в володимерѣ и москвѣ в лѣто 6863. Или: в лѣто 6933 сяде на великомъ на москвѣ кня великіи василіи василіевичъ при митрополитѣ фотіи. Или: въ 1 лѣто царст иванова и матери его анны отъ адама в лѣто 6848, а вииде изъ орди отъ ца избяса (такъ!), князь великіи симеонъ ивановичь и сяде на великомъ княжен въ володимери и на москвѣ.

что онѣ попали въ составъ хронографа при позднѣйшей передѣлкѣ его на Руси, такъ же какъ несомнѣнно позже вставлено въ текстъ хронографа упомянутое уже сказаніе о происхожденіи празднованія чудеснаго явленія 1 августа. Но такое предположеніе оказывается совершенно несостоятельнымъ, если принять во вниманіе, что эти замѣтки почти буквально сходны съ лѣтописными извѣстіями списковъ хронографа редакціи 1512 года[1]. Такое сходство можно объяснить только тѣмъ, что эти замѣтки находились уже въ общемъ для обѣихъ редакцій хронографа — не раздѣленной на главы и 1512 г.—оригиналѣ. Слѣдовательно, составитель редакціи, не раздѣленной на главы, не самъ внесъ русскія лѣтописныя извѣстія въ текстъ хронографа, а сохранилъ ихъ, встрѣтивъ въ оригинальной редакціи: если бы онъ задался цѣлью *дополнить* хронографъ русскими событіями, неужели, живя въ Россіи и будучи русскимъ, онъ не упомянулъ бы хотя бы о крещеніи Ольги и Владимира, о Калкской битвѣ или о нашествіи татаръ? Сопоставивъ же отсутствіе такихъ извѣстій съ тѣмъ, что редакція, не раздѣленная на главы, представляетъ нѣсколько извѣстій сравнительно второстепенной важности (см. указанныя выше въ примѣчаніи), восходящихъ при этомъ къ предшествующей ей и даже къ основной редакціи хронографа (ср. выше), мы неминуемо приходимъ къ слѣдующему заключенію: составитель редакціи, не раздѣленной на главы, умышленно выпускалъ русскія статьи и извѣстія своего подлинника, сохранивъ, и при томъ всего вѣроятнѣе по недосмотру, лишь нѣкоторыя изъ нихъ. Важно при этомъ отмѣтить и то обстоятельство,

---

1) Ср. напр. по ред. 1512 г.: при сихъ царихъ въ первое лѣто Иванна и матери его Анны, въ лѣто 6848 выйде изъ Орды князь Семенъ, сынъ князя Ивана Даниловича, и сѣде на великомъ княженіи въ Володимери и на Москвѣ. Или: въ лѣто 6933 князь великій Василей Васильевичь сѣде на великомъ княженіи на Московскомъ и на Нижнемъ Новградѣ, и посла Ѳотія митрополита... Или: при семъ же цари Греческомъ Иванѣ Палеологѣ въ лѣто 6862 выйде изъ Орды на великое княженіе Владимерское и Московское князь Иванъ Ивановичъ Калитинъ, братъ великаго князя Семена Ивановича (ср. Поповъ, Изборникъ, 53, 76, 55).

что въ редакціи, не раздѣленной на главы, въ началѣ находи
больше русскихъ статей, чѣмъ въ концѣ: такъ здѣсь читаю
разсказы о приходѣ Рюрика въ Новгородъ, о походахъ Олег
затѣмъ Игоря на Царьградъ[1]), разсказъ о нападеніи печенѣг
на Кіевъ и др. Послѣ этого разсказа, исключая сказаніе о яв
ніи Божьей Матери 1 августа имп. Мануилу и в. кн. Андр
мы не находимъ въ редакціи, не раздѣленной на главы, русски
статей и извѣстій вплоть до приведеннаго выше извѣстія о
княженіи Семена Ивановича въ 1340 году. Но вмѣстѣ съ тѣ
въ ней сохранилось одно любопытное указаніе на то, что
предшествующей ей редакціи было помѣщено на своемъ мѣс
обширное сказаніе о татарскомъ нашествіи, и именно то сам
сказаніе, которое находимъ въ редакціи 1512 года. Поповъ
Изборникѣ (прим. на 33-й стр.) отмѣтилъ, что въ отрывкѣ, п
павшемъ въ хронографъ изъ Житія Савы, по редакціи, не ра
дѣленной на главы, находится нѣкоторое дополненіе сравнитель
съ редакціей 1512 года. Справедливо указавъ на то, что допо
неніе это (о принятіи Стефаномъ венгерскимъ православія и
почитаніи его за святого венграми) восходитъ къ сербскому ор
гиналу Житія Савы (слѣдовательно, въ данномъ мѣстѣ реда
ція 1512 года отступила отъ первоначальной редакціи), Попо
отмѣтилъ, что слова «и нареченъ бысть Владиславъ» встав
дѣйствительно, этого нѣтъ въ Житіи Савы. Указанная встав
можетъ принадлежать или составителю редакціи, не раздѣлен
на главы, или составителю первоначальной редакціи хронограф
(въ редакціи 1512 года, какъ только что указано, все, относ
щееся сюда, мѣсто опущено) Источникъ ея не указанъ По
вымъ, но онъ совершенно ясенъ: это повѣсть объ убіеніи Баты
т. е. одна изъ составныхъ частей сказанія о нашествіи татар
помѣщеннаго въ хронографъ (по редакціи 1512 г.); мы читаем

---

1) При чемъ въ разсказъ о походѣ Олега перенесены черты изъ пох
Игоря, а въ разсказѣ о походѣ Игоря, какъ указалъ Поповъ, Обзоръ, I, 1
слова лѣтописи объ Олегѣ перенесены на Игоря.

въ ней: «его же (Власлава) святый Сава Сербьскый крести и нарече Владислава» (Изборникъ, стр. 44). Отсюда слѣдуетъ или то, что составитель редакціи, не раздѣленной на главы, заимствовалъ указанную фразу изъ хронографической Повѣсти объ убіеніи Батыя, или что это сдѣлалъ составитель первоначальной редакціи хронографа: какъ бы то ни было, отсюда слѣдуетъ и то, что Повѣсть объ убіеніи Батыя, а значитъ и все сказаніе о нашествіи татаръ, были извѣстны составителю предшествующей редакціи, не раздѣленной на главы; сообразивъ же, что та же повѣсть и то же сказаніе содержатся въ хронографѣ 1512 г., мы можемъ съ увѣренностью заключить, что сказаніе о нашествіи татаръ и приложенная къ нему Повѣсть объ убіеніи Батыя находились уже въ первоначальной, основной редакціи хронографа. Редакція, не раздѣленная на главы, даетъ еще указаніе на то, что въ основной редакціи хронографа были помѣщены нѣкоторыя русскія историческія повѣсти. Въ обѣихъ редакціяхъ — не раздѣленной на главы и 1512 г. читаемъ повѣсть о Темирѣ Аксакѣ: какъ извѣстно, первая часть этой повѣсти, до словъ «возвращает же ся темиръ въ персиду», представляетъ сплошное заимствованіе изъ житія деспота Стефана Лазаревича, составленнаго Константиномъ Костенскимъ (Изборникъ Попова, стр. 66; Обзоръ, 2-й вып., стр. 51); слѣдующая за тѣмъ часть, содержащая разсказъ о нашествіи Темира на Россію, оказывается заимствованною изъ русской повѣсти объ этомъ событіи [1]). Въ редакціи, не раздѣленной на главы, находимъ не только первую — сербскую, но и вторую — русскую часть этой повѣсти. При этомъ въ этой второй — русской части замѣчается полное сходство [2]) между редакціей, не раздѣленной на главы, и редакціей 1512 г., за исключеніемъ того, что въ пер-

1) Одна изъ древнѣйшихъ редакцій ея читается въ Тверской лѣтописи.

2) Ср. начало и конецъ по Толст. сп.: «пріятъ же і асирію и вавилонское царство и севластію і арменію. и всы орды поплени... великіи же князъ василіе дмитріевичъ повелѣ на томъ мѣсци. идеже срѣтоша иконоу святыя богородица поставити церковъ. и сътвори празникъ честенъ пресвятѣй богородици. егоже и донынѣ празноуютъ. мѣсяца августа въ 26 день». Ср. приблизительно тоже въ ред. 1512 г. (Изборникъ, 66).

вой изъ этихъ редакцій опущена фраза: «принесоша же ея пирогощею въ единомъ корабли... и бисеромъ украси» (ср. борникъ, стр. 66). Слѣдовательно, эта вторая — русская час Темирѣ Аксакѣ находилась уже въ первоначальной редакціи ноографа. Укажу еще на одно обстоятельство, подтверждаю выставленное здѣсь положеніе о томъ, что въ первоначальн основномъ для извѣстныхъ намъ редакцій хронографѣ были русскія статьи. Въ соотвѣтствіи съ извѣстіемъ редакціи 151 «въ лѣто 6899 по Иванѣ Палеолозѣ нача царствовати сынъ Мануилъ въ Царѣградѣ и царствова 32» (Изборникъ, стр. 64, н хронографѣ Новоіерус. мон.: 33 лѣта), мы читаемъ въ редак не раздѣленной на главы, слѣдующее: «по иванѣ палеолозѣ ствова въ цариградѣ сынъ его иманоуилъ лѣтъ 33 *благосло и поставленъ антоніемъ патріархомъ. в лѣто 6899 февр во 11 день в недѣлю о блуднемъ сынѣ*». Подчеркнутыя с оказываются вставкой, но каковъ могъ быть источникъ вставки? Сблизивъ приведенное мѣсто съ началомъ статьи «О в чаніи Мануила царя на царство», составляющей часть извѣс го Пименова хожденія[1]) мы заключаемъ о томъ, что оно поп въ хронографъ по редакціи, не раздѣленной на главы, изъ эт Хожденія (обратное заимствованіе не допустимо, такъ к вслѣдъ за этимъ составитель Хожденія подробно описываетъ мый чинъ вѣнчанія Мануила на царство). Если мы примемъ тѣмъ во вниманіе, что въ Хожденіи Пимена, и при томъ не тол въ той редакціи Хожденія, которая помѣщена въ Никоновс лѣтописи (ср. Поповъ, Обзоръ, II, стр. 50), но также и въ дакціи Русскаго Временника[2]), находится вставка о Косовс битвѣ изъ хронографа, что такимъ образомъ между Хожденіе

---

1) Видѣхомъ же мѣсяца февраля въ 11 день, въ недѣлю о блудномъ сы вѣнчанъ бысть царь Мануилъ Цареградскій на царство и со царицею отце ихъ пресвященнымъ Антоніемъ патріархомъ.

2) Ср. Русск. Вр., I, 302: «и паки Турки превозмогоша»; Хронографъ: «пото же сынъ того царя Амурата Баозитъ возмогаетъ паки» (Изборникъ, 63). Дал «повелѣ же Баозитъ царь Турскій Сербьскаго царя Лазаря мечемъ посѣ и: «повелѣваетъ убо беззаконный мечемъ того убити Христа исповѣдающа»

Пимена и Хронографомъ устанавливается тѣсная связь, что связь эту легче всего объяснить тѣмъ, что Хожденіе входило нѣкогда въ составъ Хронографа, что такое объясненіе вполнѣ подтверждается Русскимъ Временникомъ (бывшимъ, какъ укажемъ ниже, по своему происхожденію Хронографомъ), такъ какъ въ немъ находится между статьями Хронографа и Хожденіе Пимена,— мы въ правѣ заключить, что и въ редакціи Хронографа, предшествовавшей редакціи, не раздѣленной на главы, содержалось Пименово хожденіе, откуда и заимствована приведенная выше фраза.

Въ виду всѣхъ этихъ указаній, я думаю, мы имѣемъ рѣшительное основаніе утверждать, что составитель редакціи, не раздѣленной на главы, сокращалъ и опускалъ русскія лѣтописныя статьи и историческія повѣсти своего оригинала, желая, очевидно, дать хронику всемірныхъ, а не русскихъ событій: этимъ самымъ стремленіемъ объясняется и то, почему хронографъ въ этой редакціи дополненъ выписками не изъ русскихъ лѣтописей, а изъ хроники Мартина Бѣльскаго. Итакъ, редакціи, не раздѣленной на главы, предшествовала такая редакція хронографа, гдѣ, наряду со статьями греческими и южно-славянскими, находились также русскія статьи, т. е. редакція, однородная по своему составу съ редакціей 1512 года. Дальнѣйшее изслѣдованіе должно отвѣтить на вопросъ, была ли эта—основная для редакціи, не раздѣленной на главы, редакція вмѣстѣ съ тѣмъ первоначальною, основною редакціей русскаго хронографа или уже позднѣйшею переработкой, независимою однако отъ переработки 1512 года.

2. Выше я указалъ, почему не могу согласиться съ мнѣніемъ Истрина о томъ, что редакція, не раздѣленная на главы, возникла въ южной Руси непосредственно на основаніи южно-славянскаго оригинала и при томъ не позже 1517 года. Не сомнѣваясь, что составленіе ея должно относить ко времени послѣ 1550 года (см. выше), я теперь ясно вижу, что ей должна была предшествовать редакція московскаго или сѣверно-русскаго

происхожденія; выше было доказано, что въ ней читались между прочимъ: обширное сказаніе о нашествіи татаръ, повѣсть о вторженіи въ московскую Русь Тамерлана, Пименово хожденіе, сказаніе о явленіи креста Андрею Боголюбскому 1-го августа и т. д. Все это ясно указываетъ на русскій, а не на юго-славянскій подлинникъ для редакціи, не раздѣленной на главы, возникшей въ концѣ XVI, а можетъ быть и въ самомъ началѣ XVII вѣка, въ юго-западной Руси.

3. Перехожу къ вопросу объ отношеніи редакціи, не раздѣленной на главы, къ нѣкоторымъ другимъ хронографамъ и историческимъ сборникамъ.

а. Послѣ труда Истрина, установившаго взаимныя отношенія редакціи, не раздѣленной на главы, и редакціи 1512 года и доказавшаго, что обѣ онѣ возводятся къ одной общей, древнѣйшей редакціи хронографа, считаю возможнымъ не останавливаться подробнѣе на этомъ вопросѣ и ограничиваюсь ссылкой на нѣкоторыя предыдущія замѣчанія, гдѣ, на основаніи сравнительнаго изученія обѣихъ названныхъ редакцій, дѣлается попытка возстановить составъ предшествовавшей имъ редакціи.

б. Въ числѣ источниковъ Никоновской лѣтописи видное мѣсто занимаетъ Хронографъ: изъ него дѣлаются обширныя выписки сначала по византійской, а потомъ по сербской и болгарской исторіи, при чемъ выписки эти передаютъ текстъ хронографа съ буквальной точностью. Онѣ начинаются тамъ, откуда въ хронографѣ событія русскія изложены вмѣстѣ съ событіями греческими: первая статья, заимствованная изъ хронографа—это О крещеніи болгарскомъ (П. С. Р. Л. IX, 7); труднѣе сказать, гдѣ оканчиваются выписки изъ хронографа, но послѣднею статьею, общею между Никоновской лѣтописью и обѣими древнѣйшими редакціями хронографа—оказывается статья, озаглавленная въ Никон. сп.—«Царство греческое в лѣто 6933» (т. V, стр. 91—92) и помѣщенная въ редакціи 1512 года въ главѣ 205-й, а въ редакціи, не раздѣленной на главы, въ отрывкѣ, озаглавленномъ: «О цари амоуратѣ». Но что Никоновская лѣтопись могла пользоваться хронографомъ

и въ дальнѣйшемъ изложеніи, видно хотя бы изъ того, что подъ 1443 годомъ (V, 178) въ ней помѣщено «Сказаніе вкратцѣ о Латынехъ», извѣстное какъ по редакціи хронографа 1512 г. (въ главѣ 159-й), такъ и по редакціи, не раздѣленной на главы, гдѣ это сказаніе, подобно какъ въ Никоновской лѣтописи, приводится по случаю повѣствованія о Флорентійской уніи.

Важнымъ вопросомъ при изученіи, какъ Хронографа, такъ и Никоновской лѣтописи является вопросъ, какою же редакціею хронографа пользовался составитель Никоновской лѣтописи. Въ Обзорѣ Попова, I, 207, находимъ указаніе на то, что въ одномъ случаѣ эта лѣтопись слѣдуетъ Толстовскому списку, т. е. редакціи, не раздѣленной на главы. Указаніе это ошибочно, такъ какъ извѣстіе о женитьбѣ царя Мануила на дочери Василія Дмитріевича[1]) входило въ составъ редакціи 1512 года, что видно изъ хронографовъ — Воскр.-Новоіерусал. мон., Погод. № 1404 а, Чудовского и др. Но связь Никоновской лѣтописи съ Толстовскимъ спискомъ и вообще со списками редакціи, не раздѣленной на главы, устанавливается цѣлымъ рядомъ другихъ мѣстъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, несомнѣнно, что Никоновская лѣтопись извлекала статьи хронографа изъ одного изъ списковъ редакціи 1512 года (ср. ниже): поэтому связь этой лѣтописи съ редакціею, не раздѣленною на главы, я объясняю себѣ такъ, что она, параллельно съ редакціею 1512 года, пользовалась и тою редакціею, которая должна быть признана основною для редакціи, не раздѣленной на главы, поздней, какъ мы видѣли, по происхожденію и потому не могшей быть сама источникомъ Никоновской лѣтописи (составленной въ серединѣ XVI вѣка). Слѣдовательно, сравнительное изученіе Никоновской лѣтописи, съ одной стороны, обѣихъ древнѣйшихъ намъ извѣстныхъ редакцій хронографа, съ другой, должно, согласно съ выставленнымъ положеніемъ, привести къ возстановленію еще третьей редакціи, болѣе древней, чѣмъ редакція, не раздѣ-

---

1) Здѣсь историческая неточность, такъ какъ Анна Васильевна вышла за мужъ не за Мануила, а за сына его Іоанна.

ленная на главы, не тожественной при этомъ съ редакц
1512 года. Сравнительное изученіе этой возстановляемой указ
нымъ путемъ редакціи и редакціи 1512 года приводитъ къ оп
дѣленію состава и характера первоначальной, основной редак
хронографа. Въ виду вытекающей отсюда важности Никон
ской лѣтописи при изученіи древнѣйшихъ редакцій хроногра
остановлюсь подробнѣе на доказательствѣ перваго изъ выст
ленныхъ здѣсь положеній, а именно того, что Никоновская лѣ
пись пользовалась двумя редакціями хронографа, при чемъ од
изъ нихъ была редакція 1512 года.

Бѣглаго взгляда на хронографическія статьи Никоновс
лѣтописи достаточно для того, чтобы убѣдиться въ томъ,
онѣ восходятъ къ редакціи 1512 года. Ограничусь указані
на начало выписокъ изъ сербскаго житія св. Савы. Въ Н
коновской лѣтописи (X, 42) онѣ начинаются такъ же, к
въ редакціи 1512 года (Изборникъ Попова, стр. 29): «Достоі
же рещи и сербьскихъ деспотъ власть. Первое убо корень ла
тою слова окопаваше, и отъ корени древо всѣмъ покажемъ
сладость плода всѣмъ представимъ. Великій убо деспотъ Нема
иже есть святый Семионъ, отъ сихъ израсте: Бѣлоурошъ р
Тѣхомила» и т. д. Между тѣмъ въ спискахъ редакціи, не раз
ленной на главы, начало иное, а именно: послѣ заглавія «ѿ жи
свѧтыхъ симеѡна і сави» тамъ слѣдуетъ: «В лѣто 6642 бы
господинъ сербомъ неманѧ. всѣми ѡбладаѧ сербьскими ҙемлѧ
еже глаголются. диѡклитіѧ, далъматиѧ. травоунїѧ» и т. д.
же начало читалось, конечно, и въ первоначальной, основной
дакціи хронографа, какъ видно изъ того, что именно оно, а
начало, приведенное выше по редакціи 1512 года, соотв
ствуетъ началу Житія Савы, гдѣ, послѣ вступленія, говорит
«Сь сынь бѣ жоупана великааго Нѣманк, владыкы срьбскаа
иже самодрьжавно владычьствовавшоу вьсѣми срьбьскыми ҙ
лями, еже глаголютсе Дїоклитїа Далматїа Травоунїа» и т.
И такъ, Никоновская лѣтопись въ своихъ выпискахъ изъ Жи
Савы руководствовалась не основною редакціею хронографа,

также редакціею его, непосредственно предшествовавшею редакціи, не раздѣленной на главы, а именно редакціею 1512 года. Счастливая случайность дала мнѣ возможность опредѣлить даже тотъ списокъ редакціи 1512 года, которымъ пользовался составитель Никоновской лѣтописи. Я напалъ на цѣлый рядъ пропусковъ, описокъ, искаженій текста, общихъ Никоновской лѣтописи и не разъ уже упомянутому хронографу Воскресенскаго Новоіерусалимскаго монастыря: сообразивъ это съ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ общемъ тексты хронографа по Никоновской лѣтописи легко возвести къ этому Новоіерусалимскому хронографу, мы приходимъ къ заключенію, что именно онъ служилъ источникомъ для Никоновской лѣтописи[1]).

Такъ напр. во всѣхъ спискахъ Никоновской лѣтописи мы въ текстахъ, восходящихъ къ хронографу, ошибочно читаемъ: «совѣтъ михаиловъ» вмѣсто совѣтъ васильевъ (IX, 10), вм. разбойника — «работника» (IX, 11), вм. исполини — «исполни» (IX, 26), вм. на немѣріе — «на намѣреніе» (IX, 31), вм. забавленіе царства — «забленіе царства» (IX, 33), вм. ласкосьрдство — «ласкордьство» (IX, 27), вм. таковую высоту — «каковую высоту» (IX, 27), вм. вопросъ—«отвѣтъ» (IX, 148), вм. лопатою — «лапатаю» (X, 42) и т. д. Тѣ же ошибки и описки находимъ въ Новоіерусалимскомъ спискѣ хронографа: въ другихъ просмотрѣнныхъ мною спискахъ ихъ нѣтъ.

Ошибочно было бы однако заключать отсюда, что Никоновская лѣтопись пользовалась только однимъ, указаннымъ здѣсь спискомъ хронографа: передавая вообще довольно точно текстъ Новоіерусалимскаго хронографа, составитель Никоновской лѣтописи счелъ необходимымъ исправить его во многихъ чтеніяхъ по другому списку хронографа. Хотя мнѣ и не удалось напасть

---

1) Новоіерусалимскій хронографъ писанъ въ царствованіе Грознаго, но до 1554 года, что видно изъ приложенной къ нему родословной, гдѣ еще не названъ наслѣдникъ Іоанна Іоаннъ, родившійся въ 1554 г., между тѣмъ какъ Георгій Ивановичъ, его братъ, и даже Владимиръ Андреевичъ, его двоюродный братъ, названы.

на самый тотъ списокъ, но съ увѣренностью могу сказать, онъ относится къ тому разряду списковъ редакціи 1512 г где вслѣдъ за хронографомъ помѣщена такъ называемая Но родская IV лѣтопись. Здѣсь не мѣсто доказывать, что эта л пись и именно въ той особой редакціи, которая содержитс указанныхъ спискахъ[1]), служила однимъ изъ главныхъ исто ковъ Никоновской лѣтописи[2]): но, несомнѣнно, что состави Никоновской лѣтописи, пользуясь въ сборникѣ указаннаго става лѣтописью Новгородской, одновременно заглядывал предшествующій ей списокъ хронографа. Изъ него то и вне рядъ поправокъ въ текстъ хронографа, извлеченный изъ Н іерусалимского списка. Къ этому разряду списковъ реда 1512 года относятся между прочимъ: Погод. № 1404 а, Ак мическій (Академіи Наукъ) № 991 (3), а также позднѣйші Погод. № 1402. Тамъ, напримѣръ, въ статьѣ, озаглавле «Царство Сербьское» (см. 197-ю главу хронографа, въ изд. Ни лѣт., X, 196—198, а въ Изборникѣ Попова, стр. 47—49), ставитель Никоновской лѣтописи держится чтеній не Новоіеру списка, а другой редакціи, напримѣръ, въ слѣдующихъ мѣста слова «злославныа не отгонитъ и той» (Ник. X, 197) опущ въ Новоіерусал., но въ Ник. читаются согласно, напр., съ По № 1404 а; ниже Новоіерус. сп. имѣетъ чтеніе: «и ото вс предѣлъ своего царствія», въ Никон. (X, 197) и Погод. 140 «и отъ всего своего царьствіа»; далѣе слова: «истиннымъ хрис номъ будеши» опущены въ Новоіерус. и читаются въ Ник согласно съ Погод. 1404 а; то же должно сказать о словахъ крестное знаменіе на лицѣ его»; вм. испорченнаго «настои

---

1) Въ этой редакціи Новгородская IV лѣтопись доходитъ до 1447 го потомъ содержитъ текстъ сходный съ Псковскою 1-ю лѣтописью, оканчив извѣстіемъ 1547 г. о московскомъ пожарѣ (ср. Карамз., Снѣгир. и Акад. Х сп. Псковской 1-й лѣт. въ IV т. П. С. Р. Л.).

2) Это обстоятельство, т. е. пользованіе лѣтописью, доходившею 1547 года, служитъ однимъ изъ доказательствъ, что Никоновская лѣто составлена послѣ 1547 г. Слѣдовательно, Новоіерусалимскій хронографъ о сится къ 1547—1554 г. (см. выше).

твою державы вся» Новоіерусал. сп., въ Никон. (X, 198), согласно съ Погод. 1404 а: «недостойна твоя дрьжава вся» и т. д.

Но внося поправки на основаніи второго списка хронографа 1512 года, составитель Никоновской лѣтописи перенесъ изъ него въ свой *сводный* текстъ и рядъ описокъ, а также ошибочныхъ чтеній: на основаніи именно ихъ, можно съ увѣренностью утверждать, что вспомогательнымъ источникомъ для Никоновской лѣтописи былъ списокъ, близкій къ Погод. 1404 а и Акад. № 991 (3). Такъ въ нелицевыхъ спискахъ Никоновской лѣтописи, въ концѣ статьи «О Сербскыхъ деспотехъ» (ср. Ник. X, 42; Изборникъ, 30) читаемъ: «потомъ же умоленіемъ брата своего Стефана, самъ Сава пріатъ начялство монастыря, сущаго въ отечествіи своемъ, и многа чюдеса сотвори». Это чтеніе соотвѣтствуетъ вполнѣ тексту списковъ Погод. 1404 а и Акад. 991 (3), между тѣмъ какъ во всѣхъ остальныхъ извѣстныхъ мнѣ спискахъ хронографа (ср. также Изборникъ Попова), равно какъ въ Новоіерусал. спискѣ, читаемъ: «потомъ же умоленіемъ брата своего деспота Стеѳана самъ Сава пренесе мощи святаго отца своего Семіона, и положи ихъ въ монастырѣ Студенцы. И умоленіемъ брата своего самъ Сава пріятъ» и т. д., согласно съ приведеннымъ выше текстомъ[1]). Приведу еще нѣсколько чтеній Никоновской лѣтописи, убѣждающихъ въ томъ, что она пользовалась списками, сходными съ Погод. 1404 а и Акад. 991 (3). Вмѣсто: «болгарстіи и загорскіи», въ Никон. (IX, 10) читаемъ, согласно Погод. 1404 а, только «Болгарьстіи»; послѣ словъ «отрепъ ѳалистъ» въ Никон. (IX, 32), такъ же какъ въ Погод. 1404 а, опущена фраза: «недостоино же цареви мнѧше хѹдословіе и даролюбное ѿ разѹма его ѿсталше». Между словами «добрыми цвѣты» и «свѣтяся» въ Никоновской (IX, 88) и въ Погод. 1404 а одинаково опущено: «и паче кедра. сице». Вм. «деспот-

1) Въ лицевомъ Лаптевскомъ спискѣ Никоновской лѣтописи это мѣсто исправлено по другому списку Хронографа, но вторая фраза пропущена совсѣмъ.

ствова лѣтъ 42», въ Никон. (X, 42) и Погод. 1404 а: «господ-ствова лѣтъ 42»; вм. «по Исакѣ царствова въ Цариградѣ Феодоръ Ласкаръ» (какъ въ Новоіерусал.), въ Никон. (X, 43) и Погод. 1404 а: «по Алексѣи Аггеле...». Вм. «и отъ колесничныхъ сирѣчь царскихъ дѣлъ» (Новоіерусалим.), въ Никон. (IX, 90) и Погод. 1404 а: «и отъ колесничныхъ и конскыхъ уристаній» и т. д.

Лучшимъ доказательствомъ того, что Никоновская лѣтопись при установленіи текста хронографическихъ статей, пользовалась обоими указанными списками—Новоіерусалимскимъ и спискомъ сходнымъ съ Погод. 1404 а, Акад. 991 (3), служитъ то обстоятельство, что отдѣльныя списки ея разнятся между собою нерѣдко такъ, что часть ихъ придерживается чтеній Новоіерусалимскаго списка, а часть списка, сходнаго съ Погод. 1404 а, Акад. 991 (3). Очевидно, въ основаніи списковъ Никоновской лѣтописи лежалъ черновой экземпляръ, гдѣ чтенія обоихъ источниковъ статей хронографа были приведены рядомъ или гдѣ послѣдующая поправка (по одному списку) не закрывала вполнѣ первоначальнаго чтенія (по другому списку). Такъ вм. «рекъ» большинства списковъ (и Погод. 1404 а) читаемъ въ спискахъ Н. А. Б. Т. (X, 45) рече (то же въ Новоіерусал.); вм. красты большинства списковъ (и Погод. 1404 а) въ спискахъ А. Б. Т. (X, 44) ошибочно: красоты (то же въ Новоіерусал.); вм. упокоивати однихъ списковъ (и Погод. 1404 а) —покоивати въ Н. А. Б. Т. (X, 200) и въ Новоіерусал.; вм. утробу однихъ списковъ (и Погод. 1404 а) — ютробу О. Н. Б. Т. (XI, 153) и Новоіерусал.; вм. поплѣни однихъ списковъ (и Погод. 1404 а) — плѣни Н. А. Т. (XI, 150) и Новоіерусал.; вм. многижиды всѣхъ остальныхъ списковъ (и Погод. 1404 а), въ Н. (IX, 12) и Новоіерусал. — многижды; вм. памятствоватися всѣхъ остальныхъ списковъ (и Погод. 1404 а), въ А. (IX, 10) и Новоіерусал. — памятствовати; вм. креститися однихъ списковъ (и Погод. 1404 а), въ Н. Б. Т. А. (IX, 7) и Новоіерусал.—крестися; вм. воплотитися всѣхъ остальныхъ списковъ (и Погод. 1404 а), въ А. (IX, 145) и Новоіерусал.— воплотися; вм. безъ-

страстну всѣхъ остальныхъ списковъ (и Погод. 1404 а), въ А. (IX, 147) и Новоіерусал.— безсмертну; вм. поститися однихъ списковъ (и Погод. 1404 а), въ П. О. Г. (IX, 148) и Новоіерусал.— поститн; вм. иже зѣло всѣхъ остальныхъ списковъ (и Погод. 1404 а), въ Н. (IX, 81) и Новоіерусал.: и желѣзо; вм. земленою и тлѣнную другихъ списковъ (и Погод. 1404 а), въ Н. Б. Т. А. (IX, 90) и Новоіерусал. — земленою и тлѣнною; вм. брадныя всѣхъ остальныхъ списковъ (и Погод. 1404 а), въ П. (IX, 112) и Новоіерусал. — братныя; вм. одѣяся большинства списковъ (и Погод. 1404 а), въ П. О. (IX, 113) и Новоіерусал.—одѣваяся. Конечно, я привелъ здѣсь только нѣсколько примѣровъ совпаденія отдѣльныхъ списковъ Никоновской лѣтописи съ Новоіерусалимскимъ хронографомъ. Любопытно сопоставить ихъ со случаями, гдѣ нѣкоторые изъ списковъ слѣдуютъ другому, вспомогательному источнику, т. е. хронографу по списку, сходному съ Погод. 1404 а. Вм. вскорѣ всѣхъ остальныхъ списковъ (и Новоіерусал.), въ А. (IX, 29), а также Погод. 1404 а читаемъ скоро; вм. церковь соборную всѣхъ остальныхъ списковъ (и Новоіерусал.), въ Н. (X, 44), а также въ Погод. 1404 а, читается только: церковь; вм. яко звѣрь однихъ списковъ (и Новоіерусал.), въ О. Н. Б. А. Т. (X, 201) и Погод. 1404 а: якоже звѣрь; вм. въ монастырь большинства списковъ (и Новоіерусал.), въ П. О. (X, 201) и Погод. 1404 а — въ монастыре, в митри; вм. банска убо мѣста большинства списковъ (и Новоіерусал.)— въ П. О. (X, 198) и Погод. 1404 а—банско убо мѣсто; вм. хиридапъ всѣхъ остальныхъ списковъ (и Новоіерусал.)—въ А. (XI, 148) и Погод. 1404 а — харидапъ и нѣк. др.

Въ виду всѣхъ приведенныхъ выше соображеній, я нахожу доказаннымъ слѣдующее положеніе: составитель Никоновской лѣтописи, при установленіи текста хронографическихъ статей, пользовался, какъ основнымъ источникомъ — Новоіерусалимскимъ спискомъ хронографа, а какъ вспомогательнымъ — спискомъ хронографа, сходнымъ съ Погод. 1404 а и Акад. 991 (3).

Ближайшее изученіе Никоновской лѣтописи показываетъ,
нако, что текстъ хронографическихъ статей далеко не во все
объемѣ и не во всѣхъ частностяхъ восходитъ къ указанны
двумъ ея источникамъ. Такъ, напримѣръ, разсказъ о смерти им
Льва (IX, 24) отличается въ Никоновской лѣтописи отъ всѣ
просмотрѣнныхъ мною списковъ хронографа редакціи 1512 го
послѣ заглавія «Царство греческое Романа Лакапина» въ Ник
(IX, 27) читаемъ нѣсколько строкъ (Уведается вѣнцемъ — мн
въ людехъ), отсутствующихъ во всѣхъ спискахъ редак
1512 г. (ср. Обзоръ, Поповъ, вып. 1-й, стр. 174). Въ разска
о взятіи Латинами Царяграда (X, 45) находимъ рядъ добавлен
отсутствующихъ въ спискахъ редакціи 1512 г. и т. д.

Должны ли мы на основаніи этихъ и многихъ другихъ (
ниже) подобныхъ имъ мѣстъ текста хронографическихъ стат
Никоновской лѣтописи предположить существованіе такого спис
хронографа редакціи 1512 г., гдѣ эти особенности совмѣщали
съ тѣмъ общимъ составомъ хронографа, который извѣсте
намъ по другимъ спискамъ этой редакціи, или же мы прину
дены допустить знакомство составителя Никоновской лѣтопи
со спискомъ хронографа другой редакціи? Думаю, что ни
одномъ спискѣ редакціи 1512 года не могло заключаться нѣк
торыхъ изъ приведенныхъ и другихъ имъ подобныхъ чтені
такъ разсказъ о смерти имп. Льва во всѣхъ спискахъ редакц
1512 г. изложенъ одинаково; слѣдовательно, Никоновская лѣт
пись, замѣнившая его другимъ разсказомъ, пользовалась, оч
видно, другою редакціей хронографа[1]). Сопоставивъ же этот

---

1) Ср. этотъ разсказъ по ред. по 1512 г.: Премудрый же въ царихъ Ле
впадъ въ естественыя недуги и болѣзнію討 дручимъ, смерть наводящею. и о
сего разумѣвъ отъ тѣла разлученіе владыки и самодръжца показуетъ бра
своего Александра и сына своего Констянтина. И на издыханіихъ послѣдни
прорекъ вижу александра яко злодѣлатели время по трехъ на десятехъ мѣс
цехъ и не отпаде слово его яко тринадесятъ мѣсяцъ будеть царство его.
Въ Никон. лѣтописи (IX, 24): Премудрый же во царѣхъ Левъ конечно люты
недугомъ дручимъ, и видѣ приближающуюся смерть, и посажаетъ на престо
царствѣмь брата своего Александра и сына своего Констянтина, иже отъ че

выводъ съ тѣмъ, къ которому мы пришли выше, а именно, что Никоновская лѣтопись пользовалась, какъ источниками, двумя списками хронографа редакціи 1512 года, мы заключаемъ, что третьимъ источникомъ ея былъ хронографъ въ редакціи, отличной отъ редакціи 1512 года.

Это заключеніе находитъ полное подтвержденіе въ томъ обстоятельствѣ, что всѣ тѣ чтенія хронографическихъ статей Никоновской лѣтописи, которыя не могутъ быть выведены ни изъ Новоіерусалимскаго списка ни изъ другого опредѣленнаго нами списка редакціи 1512 г., *сходны со чтеніями списковъ той редакціи хронографа, которую будемъ называть редакціею, не раздѣленною на главы* (списки Толстовскій, Буслаевскій и др.).

Въ доказательство, приведу рядъ примѣровъ. Въ Ник. (IX, 10) и Толст. I, № 172: сіа убо доволно мною оплакася слово — въ спискахъ редакціи 1512 г.: словомъ; въ Ник. (IX, 14) и Толст. I, № 172: повелѣ царь Левъ четверопѣсно великіа суботы накончати — въ Новоіерусал. и Погод. 1404 а: четверопѣсну; словъ: «Наказанье. Пріиде страхъ и трепетъ на Лва царя, стеня и трясашеся. И падеся града нѣкая часть, и много полатъ разсыпашася», читаемыхъ въ Никон. (IX, 15) и Толст. I, № 172, нѣтъ ни въ Новоіерусал. и Погод. 1404 а, ни въ другихъ просмотрѣнныхъ мною спискахъ редакціи 1512 г.; выше въ Новоіерусал. и Погод. 1404 а опущены слова: «глаголють же о немъ яко многъ бѣ», которыя есть въ Никон. (IX, 15) и Толст. I, № 172; словъ «точію царствова тринадесять мѣсяць», находящихся въ Никон. (IX, 25) и Толст. I, № 172, нѣтъ ни въ Новоіерусал. и Погод. 1404 а, ни въ другихъ извѣстныхъ мнѣ спискахъ редакціи 1512 г.; въ этихъ же спискахъ опущены слова, находящіяся выше, какъ въ Никон. (IX, 25), такъ и въ Толст. I, № 172: «и псѣхъ, и птицахъ, и во играніихъ суетныхъ». Напротивъ, слово «постели» (хранителя царской постели сътвори),

---

вертыа жены роженаго. И на издыханіи послѣднемъ рече брату своему, царю Александру: «вижу о тебѣ, о любимый брате, яко лютѣ съдръжати тебѣ царство». И бысть тако, яко же рече.

читаемое въ спискахъ редакціи 1512 г., опущено, какъ въ Никон. (IX, 28), такъ и въ Толст. I, № 172; въ Никон. (IX, 31), согласно съ Толст. I, № 172, читаемъ: «неподобнымъ проходи сопоти (въ Толст. съпоти) злодѣланію», между тѣмъ въ Новоіерусал.: сопостати, а въ Погод. 1404 а: сопроти; въ Никон. (IX, 32), такъ же какъ и въ Толст. I, № 172, опущены слова «на златицы», читаемыя въ Новоіерусал. и Погод. 1404 а (и по два точію повелѣ на златици продавати кобла); вм. овчаре въ фразѣ: «и говядопасци, и говядаре, мужіе овчаре, живущіи въ безуміи...», какъ она читается въ Новоіерусал. и Погод., — въ Никон. (IX, 86) и Толст. I, № 172 находитъ: овчя, ѡвча; слова «ея косныимъ шествіемъ, ниже паки въ устремленіе», находящіяся въ Новоіерусал. и Погод. 1404 а, но опущенныя въ Никон. (IX, 90), опущены также въ Толст. I, № 172; въ Никон. (X, 43), согласно съ Толст. I, № 172, вслѣдъ за словами: «и пребысть время доволно въ молчаніи», читаемъ: «Царство греческое Феодора Ласкаря»; между тѣмъ въ Новоіерусал., Погод. 1404 а и другихъ спискахъ редакціи 1512 г. (Изборникъ, стр. 31; Обзоръ, вып. 1-й, стр. 189) послѣ этихъ словъ читается статья, помѣщенная въ Никон. (IX, 205) и Толст. I, № 172 выше, и лишь послѣ изложенія московскихъ событій читаемъ: «Царство греческое» (словъ «Феодора Ласкаря» нѣтъ); словамъ Никон. (X, 45): «во Цари же градѣ епископы своя и презвитеры устроиша, и вся быша по Римскому обычаю», которыхъ нѣтъ ни въ Новоіерусал., ни въ Погод. 1404 а, ни въ прочихъ спискахъ редакціи 1512 г. (ср. Изборникъ, 33), въ Толст. I, № 172 соотвѣтствуетъ: «папа же присла изъ рима въ црьгра своѧ бискоупы и попы. а греческыѧ епспы и презвитери изъ црѧграда веде в римъ. и быша всѧ въ црigрaдѣ по римъскомоу ѡбычаю»; словъ «яко водами» (покрывая яко водами горы и поля воинствы), которыя читаемъ въ Никон. (XI, 151), согласно съ Толст. I, № 172, нѣтъ въ спискахъ редакціи 1512 г. (ср. Изборникъ, 65); вм. Горзустани списковъ редакціи 1512 г. (ср. Изборникъ, 66), въ Никон. (XI, 152), согласно Толст. I, № 172: Гурстани и т. д. Въ виду этихъ и другихъ по-

добныхъ чтеній связь между Никоновскою лѣтописью и редакціею хронографа, не раздѣленною на главы, не подлежитъ сомнѣнію. Но какъ же объяснить эту связь, если принять во вниманіе сдѣланный выше выводъ о томъ, что эта редакція поздняго происхожденія и относится къ концу XVI-го, а можетъ быть и къ началу XVII вѣка? Въ виду того, что Никоновская лѣтопись составлена въ серединѣ XVI вѣка, ясно, что составитель ея пользовался не тѣмъ видомъ редакціи, не раздѣленной на главы, который дошелъ до насъ въ Толстовскомъ и сходныхъ спискахъ, а тѣмъ болѣе древнимъ ея видомъ, о которомъ мы уже говорили выше. Никоновская лѣтопись, кромѣ списковъ редакціи 1512 года, пользовалась редакціею, непосредственно предшествовавшею редакціи списковъ Толстовскаго и сходныхъ съ нимъ. Мы назовемъ эту болѣе древнюю редакцію — 1-ю редакціею, не раздѣленною на главы, а вытекшую изъ нея редакцію конца XVI или начала XVII в. — 2-ю редакціею, не раздѣленною на главы.

Итакъ, сравнительное изученіе Никоновской лѣтописи и списковъ 2-й редакціи хронографа, не раздѣленной на главы, приводитъ насъ къ возстановленію состава и чтеній 1-й редакціи, не раздѣленной на главы. При этомъ оказывается, что 2-я редакція многое сократила, сравнительно со своимъ оригиналомъ — 1-ю редакціею.

Такъ между прочимъ, на основаніи Никоновской лѣтописи и Толстовскаго списка хронографа 2-й редакціи, не раздѣленной на главы, можно возвести къ 1-й редакціи Сказаніе о хулнѣй вѣрѣ Сраципьстѣй, помѣщенное въ Никон. лѣтописи подъ 990 г. (IX, 59—63). Это сказаніе читается во 2-й редакціи хронографа при изложеніи событій царствованія Консты; въ редакціи 1512 года мы находимъ его въ соотвѣтственномъ мѣстѣ (глава 145-я), но въ болѣе краткомъ видѣ, чѣмъ во 2-й редакціи. Впрочемъ, и 2-я редакція сократила сказаніе сравнительно съ 1-ю редакціей и Никоновскою лѣтописью, но при этомъ во 2-й редакціи видимъ иное сокращеніе, чѣмъ въ редакціи 1512 года.

Но что въ Никоновскую лѣтопись это сказаніе внесено изъ редакціи хронографа, можно видѣть уже по первымъ стро его, гдѣ читаемъ по Никоновской лѣтописи: «сходитъ же Измаила и отъ Агары рождьшагося Аврааму»; ср. то же Толст. сп.: «исходитъ же ѿ измаила и ѿ мт҃ри его агари»: со и въ этой фразѣ, какъ замѣтилъ издатель IX т. П. С. Р. Л. (59, прим. 1), лишній и обличаетъ общій для Толстовскаго сп и Никоновской лѣтописи оригиналъ[1]).

Къ 1-й же редакціи хронографа возводится «Сказаніе вк цѣ о Латынехъ како отступиша отъ православныхъ патриар и т. д., помѣщенное въ Никоновской лѣтописи (V, 178—1 Уже самое мѣсто, гдѣ оно находится въ этой лѣтописи, пока ваетъ, что оно попало въ нее не изъ редакціи 1512 года, а редакціи, не раздѣленной на главы; дѣйствительно, въ Никон ской лѣтописи мы находимъ это сказаніе подъ 1443 годомъ, добно тому какъ во 2-й редакціи, не раздѣленной на главы, его читаемъ въ изложеніи царствованія Калуяна (вступилъ престолъ въ 1425 году), по поводу Флорентійской уніи; меж тѣмъ въ редакціи 1512 года это сказаніе помѣщено въ 15 главѣ въ царствованіи Ирины и сына ея Константина (IX вѣк Текстъ сказанія по Никоновской лѣтописи не оставляетъ сом нія въ томъ, что оно попало въ нее именно изъ 1-й редак хронографа, не раздѣленной на главы: во 1) оно здѣсь полн чѣмъ въ редакціи 1512 г. и во 2-й редакціи, не раздѣленной главы, при чемъ однако обѣ эти редакціи представляютъ д разныхъ сокращенія одной общей основной редакціи; во 2) ря чтеній Никоновской лѣтописи сближаетъ текстъ сказанія имен съ текстомъ 2-й редакціи, не раздѣленной на главы, котора какъ мы видѣли, возникла на основаніи 1-й редакціи. Самое з главіе его показываетъ на общій источникъ, откуда это сказан

1) Что касается происхожденія этого сказанія, то въ хронографъ оно п пало изъ Еллинскаго лѣтописца 2-й редакціи (источникомъ его является ра сказъ Амартола) при чемъ оно, повидимому при внесеніи въ хронографъ подверглось распространенію.

попало, съ одной стороны, въ Никоновскую лѣтопись, а съ другой — во 2-ю редакцію хронографа, не раздѣленную на главы. Вмѣсто краткаго заглавія редакціи 1512 года[1]), мы находимъ и въ Никоновской лѣтописи и въ Толстовскомъ спискѣ длинныя и при томъ сходныя заглавія[2]). Далѣе въ редакціи 1512 года опущено длинное начало этого сказанія, а именно о Львѣ Исаврянинѣ, Константинѣ Копронимѣ, Львѣ иже отъ Хозари, о царицѣ Иринѣ и о Константинѣ, о Никифорѣ Геникѣ, Ставракіи, Михаилѣ Рангавеѣ, Львѣ Арменинѣ, Михаилѣ Травлѣ и Θеофилѣ: это начало читается одинаково, какъ по Никоновской лѣтописи (V, 178—180), такъ и по Толстовскому списку 2-й редакціи хронографа, хотя въ этой редакціи, сравнительно съ Никоновской лѣтописью и, слѣдовательно, 1-ю редакціею, находимъ нѣсколько пропусковъ[3]). За этимъ отрывкомъ, гдѣ разсказывается о дѣятельности иконоборческихъ царей, въ Никоновской лѣтописи и во 2-й редакціи, не раздѣленной на главы, слѣдуетъ общій съ редакціей 1512 года текстъ: при этомъ сравненіе текста по этимъ тремъ памятникамъ возстановляетъ общій источникъ, значительно сокращенный въ редакціи 1512 года[4]). Такъ

---

1) Сказаніе о латынехъ какъ отступиша отъ православныхъ патріархъ.

2) Сказаніе въкратце о латинехъ како отступиша отъ православныхъ патриархъ. и изврържена (Ник. извержени) быша отъ пръвенства своего и отъ книгъ памятныхъ (Ник. ошибочно: помѣстныхъ). и о иконоборныхъ царехъ (Ник. цари). в коньстантинѣ градѣ цесарьствовавшихъ еретицехъ.

3) Во 2-й редакціи опущена напр. фраза: Сеи же царице Иринѣ и сыну ея Костянтину напослѣдi подобне жившимъ, и тако отъ царьствия и неволею отпадшимъ (ср. Никон. V, 179); далѣе опущено нѣсколько строкъ послѣ словъ «и по немъ сынъ его Ставрикиесъ» и до словъ: «Сиі же всиі отъ седмаго сабора и донынѣ святыя иконы почитаху». За этой фразой опущены слова отъ «Воста же на Михайла царя» и до «во иноческиі образъ адеяся» и т. д. (ср. Никон. V, 179).

4) Для примѣра выпишу нѣсколько строкъ по Никон. лѣтописи, по редакціи, не раздѣленной на главы (Толст. сп.) и по редакціи 1512 г. (Новоіерусал. сп.) *Никон.* (V, 180): По Андрѣяне же папе Римскомъ бысть въ Римѣ Левъ папа; сему жь Лву папе завидѣвше сродницы бывшаго Андрияна папы изгнаша его отъ священнаго престола его и отъ града Рима; и тако много печаленъ бѣ Левъ папа оставъ престола своего и не обреташе ни откуду помощи; и посла въ Царьградъ ко царю Костянтину Лвову сыну и к матери его Ирине

между прочимъ въ редакціи 1512 года опущенъ длинный от-
вокъ, гдѣ упоминается о патріархѣ Меѳодіи (Никон. V, 18
183). Въ обѣихъ редакціяхъ, сравнительно съ Никоновской
тописью, опущено посланіе Фотія къ римлянамъ о святомъ
и опрѣснокахъ (Никон. V, 187—189); во всемъ же осталь
2-я редакція хронографа, не раздѣленная на главы, сходн
этой лѣтописью, хотя и сокращаетъ мѣстами общій источн
такъ, довольно длинному отрывку (Никон. V, 185—186),
главленному «О томъ же отъ иного слова», во 2-й редакціи с
вѣтствуетъ всего нѣсколько строкъ [1]).

Къ первой редакціи хронографа, не раздѣленной на гл
возводится еще рядъ другихъ статей Никоновской лѣтоп
отложу ихъ разсмотрѣніе до изслѣдованія другихъ памятник
связанныхъ съ этой редакціей.

Въ ближайшемъ отношеніи ко 2-й редакціи хронографа
раздѣленной на главы, находится любопытный памятникъ,
вѣстный подъ названіемъ Русскаго Временника или Костром
лѣтописи (ср. Карамз., И. Г. Р. III, пр. 360) [2]). Изученіе э
памятника показываетъ, что въ теперешней своей редакціи
сложился въ серединѣ XVI вѣка и лишь впослѣдствіи дополн
кое-какими житіями и лѣтописными извѣстіями, изъ котор
самыя позднія вписаны, быть можетъ, даже въ началѣ XVII
(ср. II, 387: съ книгъ Полидора выписано, при чемъ подъ

прося помощи отъ нихъ. *Толст. сп.*: По андрианѣ же папѣ римскомъ. б
в римѣ левъ папа семоу папѣ лвоу. завидѣша сродници бывшаго андр
папы и изгнаша его отъ престола и отъ града рима. и много печален
папа левъ оставъ престола и не обрѣташе откоудоу помощи. посла въ
градъ ко царю костантиву и ко матери его иринѣ прося помощи... *Новоіеру*
По андрѣяне папе римскомъ бысть в римѣ левъ. семоу завидѣша срод
андрѣяни. изгнаша его отъ престола и отъ града. онъ же посла въ царьг
къ царю костянтиноу и матери его прося помощи отъ нихъ.

1) А именно: по семъ же христофорѣ развращеніемъ исповѣдници. н
саша явѣ латини в римстей церкви. яко и отъ сына духъ исходитъ
Никон. V, 186).

2) Русскій Временникъ изданъ два раза М. 1790 г. и М. 1820 г. Пользу
вторымъ изданіемъ.

лидоромъ разумѣется Полидоръ Урбинскій, переведенный на русскій языкъ въ Петровское время). Связный лѣтописный разсказъ Русскаго Временника тянется до 1533 года: вслѣдъ за извѣстіемъ о возвращеніи въ Москву послѣ Крымскаго похода великаго князя Василія Ивановича 21 августа 7041-го сентябрьскаго года, мы находимъ (II, 363) извѣстіе отъ 19 декабря 7042-го сентябрьскаго года о слитіи колокола и поставленіи его Николаемъ Нѣмчинымъ; но между этими двумя событіями случилось важное происшествіе — смерть вел. кн. Василія Ивановича (3 декабря 7042-го сентябрьскаго года): неупоминаніе о немъ въ Русскомъ Вр. служитъ прямымъ доказательствомъ того, что въ болѣе первоначальной редакціи онъ былъ составленъ въ 7041 (1533) году, при чемъ приписка о колоколѣ, равно какъ и слѣдующія затѣмъ статьи — о преставленіи Александра Свирскаго († 30 дек. 1533 г.), сказаніе отъ житія Данила Переяславльскаго († 7 апрѣля 1540 г.), предисловіе о великихъ князьяхъ литовскихъ (Русск. Вр., II, 364—386), внесены впослѣдствіи въ редакцію, относящуюся къ серединѣ XVI вѣка и послужившую основаніемъ для Костромской редакціи конца XVII в.[1]). И такъ, древнѣйшая редакція Русскаго Временника относится къ 1533 г.: попытаюсь установить связь именно этой редакціи съ редакціею хронографа, не раздѣленною на главы.

Отмѣчу прежде всего, что въ Русскомъ Временникѣ, лѣтописномъ сборникѣ русскихъ извѣстій, есть нѣсколько мѣстъ, смыслъ и происхожденіе которыхъ непонятны безъ сопоставленія ихъ съ текстомъ Хронографа. Такъ напр. подъ 1079-мъ годомъ (I, 77), читаемъ: «при цари Иванѣ гречестѣмъ бысть въ Руси князь великій Всеволодъ Ярославичь и былъ на великомъ

1) Ср. рядъ лѣтописныхъ извѣстій 1642 — 1680 гг., относящихся къ Костромскому Богоявленскому монастырю, внесенныхъ послѣ выписокъ изъ М. Бѣльскаго о климатическихъ особенностяхъ 6993 (= 1493) г. (ср. съ этимъ выписку изъ него же подъ 1261 г.) и изъ книги Полидора, а также послѣ извѣстія о поставленіи большого паникадила 13 апр. 1660 г. и списка съ государевой грамоты 1652 г. на Кострому, игумену Герасиму.

княженіи лѣтъ 15»; подъ 1215-мъ г. (I, 84): «при цари гр
скомъ Иванѣ Ватацѣ, обладающу въ Руси великому князю Г
гію, сыну Всеволода Владимерскаго, въ лѣто 6723, князь
стянтинъ Всеволодичь заложи церковь камену въ Яросл
святаго Спаса»: подъ 1272-мъ г.: «при сего (sic) царстві
16 лѣто царства его, въ лѣто 6780, сѣде на великое княж
въ Володимери и въ Переяславлѣ князь Василіе Яросла
Невскаго братъ, Костромскій»; подъ 1393-мъ г. (I, 347):
тоже 6901 лѣто, при цари Мануилѣ греческомъ князь вел
Василей Дмитріевичь ходилъ во Орду ко царю Тактамышу
другіе». Всѣ эти ссылки на греческихъ императоровъ, изъ
торыхъ одинъ даже не названъ по имени, совершенно неумѣс
въ Русскомъ Вр., такъ какъ въ немъ совсѣмъ нѣтъ статей,
носящихся до византійской исторіи. Оказывается, что и
ссылки и весь сопровождающій ихъ текстъ цѣликомъ заимс
ваны въ Русскій Вр. изъ хронографа[1]). Это обстоятельство
водитъ на мысль, что не только нѣкоторыя, подобныя привед
нымъ, извѣстія восходятъ къ хронографу, но что вообще
Русскій Вр. во всемъ его составѣ или бо́льшая часть его дол
быть возведены къ тексту хронографа, т. е., что главнымъ
нованіемъ Русскаго Временника, сборника 1533 года, служ
хронографъ, слитый съ русской лѣтописью и, можетъ быть,
долженный до августовскихъ событій 1533 г. Редакторъ од
изъ позднѣйшихъ изводовъ Русскаго Временника (извода с

1) Ср. приведенныя изъ Русск. Вр. мѣста съ текстомъ хронографа реда
1512 г.: При семъ цари Иванѣ бысть въ Руси князь великій Всеволодъ
славичь, былъ на великомъ княженіи лѣтъ 15 (Изборникъ Попова, 14);
семъ цари Иванѣ Ватацѣ въ Руси обладающу въ Володимери великому к
Юрью, сыну Всеволода Володимерскаго, въ лѣто 6723 князь Константинъ
володичь заложи церковь камену въ Ярославлѣ святаго Спаса (Изборникъ
при сего (т. е., какъ видно изъ предидущаго, Михаила Палеолога) царс
въ 16 лѣто царства его, въ лѣто 6780 сѣде на великое княженіе въ Вол
мери и въ Переяславли князь Василій Александровичь Невскаго Костромс
(Изборникъ, 45); въ лѣто 6901 при семъ цари гречестѣмъ Мануилѣ князь
ликій Василей Дмитріевичь ходилъ въ орду къ царю Тактамышу въ дру
(Изборникъ, 67).

дины XVI в. или, быть можетъ, извода XVII в.), задавшись цѣлью составить русскій лѣтописецъ, счелъ нужнымъ переработать древнѣйшую его редакцію, т. е. хронографъ, продолженный русскими лѣтописными извѣстіями до 1533 года: для этого онъ прибѣгъ къ выборкѣ изъ хронографа русскихъ статей, при чемъ по недосмотру, вмѣстѣ съ этими статьями, въ его лѣтописецъ попали нѣкоторыя переходныя фразы, связывавшія въ хронографѣ русскія событія съ событіями византійской исторіи.

Сдѣланное здѣсь предположеніе о томъ, что Русскій Временникъ, въ извѣстной части своей, представляется выборкой русскихъ статей хронографа, можно подтвердить цѣлымъ рядомъ доказательствъ. Во-первыхъ мы находимъ, что объемъ статей Русскаго Временника, по крайней мѣрѣ за древнѣйшее время (до XIV вѣка) вполнѣ соотвѣтствуетъ объему русскихъ статей хронографа редакціи 1512 г.; во-вторыхъ, можно открыть ближайшую связь между статьями Русскаго Временника и текстомъ 2-й редакціи хронографа, не раздѣленной на главы. Отсюда необходимо сдѣлать выводъ, что Русскій Временникъ пользовался, какъ основнымъ источникомъ, такою редакціей хронографа, къ которой восходятъ одинаково какъ редакція 1512 г., такъ и 2-я редакція, не раздѣленная на главы, а это позволяетъ отожествить первоначальную редакцію Русскаго Временника съ хронографомъ въ его древнѣйшей редакціи, распространенной прибавленіемъ русскихъ лѣтописныхъ статей, доходящихъ до 1533 г. Такъ съ одной стороны видимъ, что Русскій Временникъ начинается съ той самой статьи, съ которой начинаются русскія статьи въ хронографѣ 1512 г.: О словенскомъ языцѣ (Нач. По столпотвореніи, егда раздѣли Богъ человѣки на 72 языка, Русск. Вр., I, стр. 1)[1]); въ послѣдующихъ затѣмъ лѣтописныхъ статьяхъ находимъ нѣкоторыя замѣтки и отступленія, прямо указывающія на хронографъ: напр., вслѣдъ за разсказомъ

1) Ср. въ ред. 1512 г.: О словенскомъ языцѣ и о русскомъ. По столпотвореніи, егда раздѣли Богъ человѣкы на седмьдесятъ на два языка... (Изборникъ Попова, стр. 1).

о нападенiи Аскольда и Дира (имена ихъ названы, въ отли
отъ редакцiи 1512 г.) на Царьградъ, мы находимъ здѣсь, к
и въ редакцiи 1512 года, фразу: «паде жъ въ нѣкое врем
пепелъ съ небеси подобенъ крови, и каменiе обрѣтаху на пут
и въ вертоградѣхъ червлено яко кровь» (I, 8; ср. Никон. IX,
въ Изборникѣ эти слова издателемъ не приведены, см. стр.
вслѣдъ за разсказомъ о прибытiи Рюрика, читаемъ, какъ въ х
нографѣ редакцiи 1512 г., о крещенiи Руси (нач. Роди же на
цаемiи Руси, иже и Кумани I, 9, ср. Изборникъ, стр. 4); за р
сказомъ объ убiенiи Бориса и Глѣба въ Русскомъ Вр., как
въ хронографѣ редакцiи 1512 г., находится статья О крещ
угровъ (нач. Видѣвше же Пiони, глаголемiи угри I, 67, ср.
борникъ, стр. 10). Вообще текстъ большей части статей Р
скаго Вр., до разсказа о крещенiи Руси Владимiромъ, буква
но сходенъ съ текстомъ хронографа, повторяя при этомъ та
характерныя его особенности, какъ названiе Корсуня — Хер
немъ (I, 4, ср. Херсонь: Изборникъ, стр. 2), или ошибки, к
«пережгутъ каменiе то румяно» вм. рамяно (I, 5; Изборни
стр. 5), Корсемья вм. Корсь и Емь (I, 7; Изборникъ, стр.
прим.); слову «дажду» (вм. «державу» большинства списковъ х
нографа), въ фразѣ: «и Болгары паки подъ дажду Греческ
скипетродержанiя устраяетъ» (I, 19) соотвѣтствуетъ написа
поджу Новоiерусал. списка хронографа редакцiи 1512 г. Р
нымъ образомъ почти буквально тожественъ съ хронографо
текстъ Русскаго Временника, начиная съ извѣстiя о вступле
на столъ Ярослава и приблизительно до разсказа о Липецк
битвѣ (I, 67—84): отмѣчу здѣсь между прочимъ ошибочн
отнесенiе насильственной смерти Ярополка Изяславича къ 66
(1192) г. вм. 1186—1187 г. (I, 77, ср. тоже въ редак
1512 года, Изборникъ Попова, стр. 14), причемъ освящен
церкви Успенiя св. Богородицы Печерскаго монастыря, отнес
ное къ 6587 г. (вм. 6597), слѣдуетъ здѣсь, какъ и въ редак
1512 года, непосредственно за этимъ событiемъ (въ ред. 151
освященiе отнесено къ 6607 году: ошибка восходитъ, очевид

къ общему подлиннику Русск. Вр. и этой редакціи). Далѣе можно указать на извѣстіе 1176 года о томъ, что Всеволодъ Георгіевичъ «и на *Татарехъ* дань ималъ» (I, 81, ср. тоже въ ред. 1512 года, Изборникъ Попова, стр. 29); на названіе Торковъ Турками подъ 1060 г. (I, 73, ср. тоже въ редакціи 1512 г., Изборникъ, стр. 12), города Юрьева—Сюргевымъ подъ 1030 г. (I, 70, ср. то же по Новоіерусал. сп. редакціи 1512 г.); въ особенности важно довольно постоянное названіе Святослава и Святополка — Цвѣтославомъ и Цвѣтополкомъ (I, 70, 75, 74, 76 и т. д.), что, какъ извѣстно, характеристично для хронографа редакціи 1512 года; равнымъ образомъ въ Толстовскомъ спискѣ редакціи, не раздѣленной на главы, въ двухъ или трехъ мѣстахъ свѧтославъ передѣлано на цвѣтославъ. За Калкской битвой находимъ опять таки не мало общихъ мѣстъ между Русскимъ Вр. и хронографомъ редакціи 1512 года: укажу между прочимъ на общее вступленіе къ разсказу о нашествіи татаръ (I, 108, ср. Изборникъ, стр. 39; нач. Хощу рещи, о друзи, повѣсть иже и самѣхъ безсловесныхъ можетъ подвигнути на плачъ). Повѣсть о Темирѣ, иже побѣди Баозита (Русск. Вр., I, 338—347) восходитъ цѣликомъ къ хронографу, равно какъ и слѣдующее за нею русское извѣстіе о поѣздкѣ Василія Дмитріевича въ орду, извѣстіе о крещеніи трехъ татаръ—постельниковъ царевыхъ, разсказъ о взятіи Витовтомъ Смоленска и т. д.

Съ другой стороны, какъ замѣчено выше, между Русскимъ Временникомъ и хронографомъ 2-й редакціи, не раздѣленной на главы, устанавливается такая связь, которая прямо указываетъ на общій для нихъ источникъ. Такъ напр. статьѣ редакціи 1512 года о переводѣ книгъ отъ греческаго языка на словѣнскый (глава 171) во 2-й редакціи (Толст. сп.) соотвѣтствуетъ сходная статья, но отличающаяся тѣмъ, что въ началѣ ея читаемъ: преложени быша святыя книги з греческаго языка на словенскый. святымъ константиномъ философомъ и братомъ его моѳодіемъ. «бяхоу же отъ града селоуня сынове два сотъника, извѣстно вѣдоуще греческій языкъ и словеньскій. пнь филосо-

фию изъоучиша четырми языкы. греческимъ, римскимъ,
скимъ, жыдовскымъ». и преведше божественное писаніе отъ
ческаго языка на словенскіи предаша болгаромъ и т. д. О
ченное ковычками взято изъ краткаго житія Кирилла, извѣ
го изъ пролога. Въ Русскомъ Временникѣ (I, 10—13) пе
статьею, соотвѣтствующею статьѣ редакціи 1512 года, мы
ходимъ проложное житіе Кирилла[1]). Отсюда ясно, что Ру
Временникъ и 2-я редакція, не раздѣленная на главы, восх
къ такой редакціи хронографа, гдѣ находилось это житі
Выше было указано, что 2-я редакція, не раздѣленная на гл
фразою, заимствованною изъ статьи О вѣнчаніи Мануил
царство, указываетъ на то, что въ основной для нея ред
находилось Пименово хожденіе, составленное Игнатіемъ: въ
скомъ Временникѣ согласно съ этимъ и читается Хоженіе
мина митрополита втретіе во Царьградъ (I, 293—316).—
мнѣ удалось отмѣтить не много данныхъ, указывающихъ на
ную связь Русскаго Вр. со 2-ю редакціею хронографа, не
дѣленною на главы, но большаго числа такихъ указаній н
и ждать въ виду особеннаго характера обоихъ памятни
Русскій Временникъ, какъ мы видѣли, это сокращеніе х
графа въ интересахъ русской лѣтописи, русскихъ статей
2-я редакція, не раздѣленная на главы, сокращаетъ хроног
въ обратномъ направленіи, выпуская изъ него русскія ст
русскія лѣтописныя извѣстія. Во всякомъ случаѣ, въ виду
выше изложеннаго, я считаю доказаннымъ, что Русскій Вр
никъ — это передѣлка хронографа той же редакціи, которая
дила редакцію, сохранившуюся въ сокращенномъ видѣ въ
скахъ Толстовскомъ, Буслаевскомъ и др., т. е. хронографа
редакціи, не раздѣленной на главы.

---

1) Ср. здѣсь: въ селунстѣмъ градѣ бѣ нѣкій мужъ праведенъ, им
Левъ, саномъ же сотникъ, отъ него же родишася два сына Меѳодіе
стантинъ; и въ три мѣсяцы научися всей хитрости, и мудрости фи
ской, и научився глаголати четырми языки: еллински и римски, сир
жидовски.

г) Въ библіотекѣ Имп. Академіи Наукъ хранится подъ № 4 (1278) хронографъ, относящійся, на основаніи выкладки, помѣщенной въ статьѣ объ отложеніи мяса (глава 162-я редакціи 1512 года), къ 1599 году[1]). Онъ раздѣленъ на 208 главъ и основывается на одномъ изъ списковъ редакціи 1512 г. и при томъ изъ такихъ, въ которыхъ русскія статьи, а частью и сербскія, нѣсколько сокращены[2]). Въ этотъ, извѣстный намъ текстъ редакціи 1512 г. вставленъ рядъ добавленій; ближайшее разсмотрѣніе ихъ приводитъ къ убѣжденію, что они восходятъ къ редакціи хронографа, однородной какъ съ Русскимъ Временникомъ, такъ и со 2-ю редакціей, не раздѣленною на главы. Слѣдовательно, составитель разсматриваемой редакціи 1599 года, кромѣ редакціи 1512 года, пользовался, очевидно, еще тою редакціею хронографа, которую мы назвали 1-ю редакціей, не раздѣленною на главы. Отмѣчу мѣста, общія редакціи 1599 года и, съ одной стороны, Русскому Временнику, а съ другой стороны— 2-й редакціи, не раздѣленной на главы.

Во 1-хъ мы находимъ нѣкоторыя чтенія, общія редакціи 1599 года и Русскому Временнику: такъ здѣсь читается, какъ и въ Русскомъ Вр. (что отмѣчено выше), дажду вм. державу въ фразѣ: подъ дажу греческаго скипетродежания ѹстрояе. — Во 2-хъ, отличаясь въ текстѣ нѣкоторыхъ статей отъ редакціи 1512 года, эта редакція сходится съ Русскимъ Временникомъ: такъ въ статьѣ «Начало княженья Святославова» мы читаемъ въ редакціи 1599 г. послѣ словъ: «и тако возгорѣся весь градъ» слѣдующее: «и елицы изъ града выбегоша и тѣхъ всѣхъ повелѣ

1) Мы читаемъ именно: Ѳеодоръ Студитъ былъ по седмомъ соборѣ за седмь сотъ лѣтъ безъ 20. до скончания седмыя тысящи а до сихъ временъ до 7107 го лѣта за (пропускъ) какъ былъ Ѳеодоръ Студитъ; далѣе: а какъ Никонъ былъ до скончания седмыя тысящи за 400 и за 200 лѣтъ и до сего времени 7107-го году за (пропускъ). Ср. соотвѣтственныя мѣста въ спискахъ редакціи 1512 г. — въ Обзорѣ Попова, вып. 1-й, стр. 162.

2) Таково большинство списковъ, разсмотрѣнныхъ Поповымъ, также Погод. № 1404 а, Акад. № 991 (3) и др. Къ полнымъ спискамъ относятся изъ указанныхъ Поповымъ Погод. № 1443 и нѣсколько распространенный вставками Щаповскій; сюда же относятся Чудовской и Новоіерусалимскій сп.

изсѣщи»; этой фразы нѣтъ въ спискахъ редакціи 1512 г. (Из-борникъ, стр. 6), но она есть въ Русскомъ Временникѣ (I, 18).— Въ 3-хъ, между редакціею 1599 г. и Русскимъ Времен-никомъ оказывается рядъ общихъ статей, не извѣстныхъ по спи-скамъ редакціи 1512 года. Такъ, согласно съ Русскимъ Вре-менникомъ (ср. выше), передъ статьей о преложеніи книгъ, чи-таемъ Сказание вкратце ѿ жития святаго кирила философа (Нач. Въ селунъстемъ градѣ бѣ некии мужъ праведенъ имянемъ лев саномъ же сотникъ). За извѣстіемъ 6731 (1223) года о поход Ярослава Всеволодовича къ Колываню и объ опустошеніи ин всей Чудской земли (этого извѣстія нѣтъ въ редакціи 1512 г.) мы читаемъ какъ въ Русскомъ Временникѣ (I, 92—99), такъ и въ редакціи 1599 г.: О пришествіи Николина образа на Резан изс Корсуня (Нач. В лѣто 6732 Явися святыи велик чюдотво-рець никола корсунскии; конецъ: и по малѣ времяни сн҃а род имянемъ князя Ивана постника). Сказаніе о нашествіи татаръ, отличающееся въ Русскомъ Временникѣ отъ редакціи 1512 го-да, между прочимъ, вставкой о Евпатіи Коловратѣ (I, 120), чи-тается съ той же вставкой въ редакціи 1599 года (Нач. В то же время нѣкго отъ велможъ русскихъ имянемъ еупатие коло-вратъ былъ в чернигове...)[1]). Разсказавъ о борьбѣ Владимира съ Ярополкомъ согласно съ редакціей 1512 г. (Изборникъ, стр. 8) и дойдя до фразы «и едва призва его (Варяжка) къ себѣ Владимиръ», выписавъ затѣмъ греческую статью «Царство Ва-силіа и Константина цр҃я сыновъ Романа» (Обзоръ, вып. 1-й, стр. 178), составитель редакціи 1599 года, подъ заглавіемъ «Начало княжсния великаго князя владимера киевьскаго» спи-салъ статью буквально сходную съ тою, которую читаемъ въ Русскомъ Временникѣ (I, 21): онъ не замѣтилъ при этомъ, что повторялъ уже разсказанныя выше событія борьбы Владимира

1) Замѣчательно, что вставки легенды о Меркуріи Смоленскомъ (Русск. Вр., I, 136—142) въ хронографѣ ред. 1599 года нѣтъ. Можетъ быть, это ука-зываетъ на то, что въ 1-й редакціи, не раздѣленной на главы, вставки этой еще не было.

съ Ярополкомъ. За этой статьей слѣдуетъ, какъ и въ Русск. Вр. (I, 28), разсказъ О християнине варязе и сыне его иване и др. Вообще, вплоть до статьи О крещеніи Угровъ (Русск. Вр., I, 67), помѣщенной передъ русскимъ извѣстіемъ 6524 (1016) г., между редакціею 1599 г. и Русскимъ Вр. оказывается полное сходство въ противоположность редакціи 1512 года, передающей событія Владимирова княженія гораздо короче. Начиная съ этого мѣста, редакція 1599 г., какъ и Русскій Временникъ, сходствуютъ съ редакціей 1512 года до русскаго событія 6694 (1186) г. включительно. Событія 6712 г. изложены въ редакціи 1599 года согласно съ Русскимъ Временникомъ, между тѣмъ какъ часть ихъ (южно-русскія событія) совершенно опущена въ редакціи 1512 года. Липецкая битва 6725 (1217) г., равно какъ и все послѣдующее, включая сюда и Сказаніе о нашествіи татаръ (разсмотрѣнное выше), изложены въ редакціи 1599 года согласно съ Русскимъ Временникомъ, а не съ редакціей 1512 года. Послѣ статьи объ убіеніи Батыя, редакція 1599 года становится вполнѣ сходною съ редакціей 1512 года, повторяя, какъ указано, пропуски русскихъ событій, характеризующія извѣстный разрядъ списковъ этой редакціи. Взятіе Царяграда изложено по редакціи 1512 года. Этой статьей оканчивается собственно хронографъ по редакціи 1599 года. Но за ней слѣдуетъ рядъ статей историческаго содержанія; изъ нихъ первая содержитъ разсказъ о смерти Василія Ивановича и первыхъ годахъ (до 1551-го) царствованія Ивана Васильевича.— Въ 4-хъ связь редакціи 1599 года и Русскаго Временника доказывается нѣкоторыми изъ этихъ добавочныхъ статей: такъ мы находимъ здѣсь Повѣсть о печеръскомъ монастырѣ иже во псковской землѣ и о марцѣ первомъ старце печерномъ, ср. ту же повѣсть, но въ значительно измѣненномъ видѣ въ Русскомъ Временникѣ II, 81—89; далѣе О явленіи чюдотворнаго образа пречистыя Богородицы и о началѣ монастыря ея Коловскаго, ср. ту же статью въ Русск. Вр. II, 285—291; наконецъ, Сказаніе отъ житиа вкратцѣ преподобнаго отца нашего старца Данила иже в Переславлѣ

составлышаго пречестенъ монастырь живоначалныя Тр
ср. это сказаніе въ приложеніяхъ къ Русскому Временни
364—381.

Ошибочно было бы думать на основаніи всѣхъ этихъ
ныхъ, что составитель редакціи 1599 года пользовался
скимъ Временникомъ въ томъ его видѣ, въ какомъ онъ доше
насъ теперь. Дѣйствительно, мало вѣроятной представляла
мысль, чтобы составитель хронографа сталъ дополнять е
основаніи лѣтописнаго сборника русскихъ статей и при том
кого сборника, гдѣ умышленно исключены статьи хроног
ческаго характера, т. е. все то, что относится ко всемірной
ріи. Напротивъ, болѣе убѣдительно другое предположен
именно, что въ хронографѣ 1599 года слиты двѣ редакціи
нографа — редакція 1512 года и редакція, предшествова
Русскому Временнику, т. е. тотъ видъ хронографа, изъ
раго извлеченъ этотъ лѣтописный сборникъ. Сдѣланное пр
ложеніе находитъ полное подтвержденіе въ томъ обстоятель
что въ редакціи 1599 г. сохранились ясные слѣды заим
ваній изъ хронографа общаго происхожденія съ реда
1512 года, но относящагося къ самостоятельной, оригина
редакціи его. Такъ, мы находимъ здѣсь мѣста, гдѣ, о
пая отъ редакціи 1512 года, хронографъ 1599 года
жается со 2-ю редакціей, не раздѣленною на главы.
относятся, во 1-хъ, нѣкоторыя чтенія: такъ здѣсь, въ
статьи О разбіеніи зерцала, мы находимъ фразу «сия оуб
волно мною ѡплакасѧ *слово*», въ соотвѣтствіи съ чѣмъ, как
было замѣчено и выше, въ спискахъ 2-й редакціи, не разд
ной на главы, стоитъ также *слово*, между тѣмъ какъ во
спискахъ редакціи 1512 года: *словомъ*. Во 2-хъ, составъ
гихъ статей въ редакціи 1599 г. иной, чѣмъ въ редакціи 15
и при томъ одинаковый со 2-ю редакціей, не раздѣленно
главы: такъ статья «Начало родомъ сербьскихъ деспотъ»
нается не такъ, какъ въ редакціи 1512 г., т. е. не фр
«Достоитъ же рещи и сербьскыхъ деспотъ власть» (Избор

Попова, стр. 29), а словами: «Великии царь констянтинъ вдаде сестру свою констянтию ликинию в женоу ликинии же роди отъ нея бѣлоȣроша белоȣрошъ роди тѣхомила, тѣхомилъ же роди» и т. д. Эти слова, до словъ «отъ нея бѣлоуроша» включительно, оказываются заимствованными изъ редакціи, тожественной въ этомъ случаѣ со 2-ю редакціей, не раздѣленною на главы; ср. въ началѣ указанной статьи по Толстовскому и др. спискамъ: «сеи коста зеленїи роди три сн҃ы. великаго константина. і анавалиана, и далматина, и дщерь константїю юже великїи константинъ вдаде ликинию женоу... и роди ѿ кстантїи сына. ѿ него же по колѣномъ ихъ мнози изыидоша даже и до белоуроша. иже роди тѣхомиля, тѣхомилъ же роди неманѧ» и т. д.[1]). Далѣе, не мало общаго между редакціей 1599 г. и 2-ю редакціей, не раздѣленною на главы, видимъ въ изложеніи царствованій римскихъ и византійскихъ императоровъ. Такъ нѣсколькимъ строкамъ, составляющимъ въ редакціи 1512 г. статью «Царство Неропово в Римѣ»[2]), соотвѣтствуетъ въ редакціи 1599 года обширная статья, гдѣ дается характеристика Нерона и разсказывается о его судѣ надъ Анной, Каіафой и Пилатомъ. Во 2-й редакціи, не раздѣленной на главы, эта статья значительно сокращена, но нѣкоторыя сохранившіяся въ ней фразы доказываютъ, что въ оригиналѣ этой редакціи, т. е. въ 1-й редакціи, не раздѣленной на главы, находилась та самая статья, которую теперь видимъ въ редакціи 1599 года; ср. въ ред. 1599 г.: бѣ же высокъ тонокъ сѣдъ и густою брадою. и строенъ и сеи (вм. сый) зело блуденъ. яко же инъ никто и паки сеи начатъ гонити християны, а въ Толст. сп.: бѣ же высокъ тонокъ сѣдъ и гоустою брадою нестроенъ зело и блѫдникъ. ꙗкоже инъ никтоже сеи паки начать гонити христїаны; далѣе

---

1) Ср. по ред. 1512 г. Великій убо деспотъ Неманя, иже есть святый Семіонъ, отъ сихъ израсте: Бѣлоурошь роди Тѣхомила, Тѣхомилъ роди сего блаженнаго и великаго деспота Немания..., а о Константинѣ Великомъ, его дочери и Ликиніи опущено.

2) В лѣто 6557 по клавдии же царствова неронъ сынъ его. 13 лѣтъ и 2 мѣсяца. сеи воздвиже гонение на християны.

въ ред. 1599 г. (черезъ нѣсколько строкъ): бѣ же сии нер
вѣры нарицаемыхъ епикуръ. иже глаголютъ безъ промысла в
а въ Толст. сп. (непосредственно за предш. отрывкомъ): ба
бо вѣры нарицаемыхъ епикоурь. иже глаголють безъ пром
вся. Точно также въ редакціи 1599 года и въ спискахъ 2-й р
дакціи, не раздѣленной на главы, оказывается довольно обш
ная статья о царствованіи Зинона, переданная въ ред. 1512
всего въ нѣсколькихъ строкахъ (Обзоръ Попова, вып. 1-й, с
148): въ обѣихъ выше названныхъ редакціяхъ она передает
съ нѣкоторыми отличіями, но ясно, что она восходитъ въ ни
къ одному общему оригиналу [1]). Вообще, можно относить насче
1-й редакціи, не раздѣленной на главы, т. е. редакціи, основн
для 2-й редакціи, не раздѣленной на главы, всѣ тѣ мѣста реда
ціи 1599 года, гдѣ она отступаетъ отъ редакціи 1512 г. Ко
что при этомъ не совпадаетъ со 2-ю редакціей, не раздѣленно
на главы, но это зависитъ главнымъ образомъ отъ тѣхъ сокр
щеній, которымъ подверглась эта редакція; что касается доба
леній въ первой половинѣ хронографа (до Александріи), то и
не найдется соотвѣтствія во 2-й редакціи, не раздѣленной
главы, потому что редакція эта начинается, какъ извѣстно,
Александріи. Въ особенности интересны добавленія редак
1599 года, сравнительно съ редакціей 1512 года, послѣ 82
главы, гдѣ находимъ 1) Изъ книгъ мудреца маркуса о десл
сивиллахъ сиречь о пророчицахъ, 2) Избрание отъ книги гла
лемыя июдиѳъ, 3) Инъ переводъ вкратцѣ первому несоглас
занеже нѣ в то время сказуетъ.

Выше я говорилъ уже, что, послѣ повѣсти о нашествіи т
таръ, вліяніе 1-й редакціи, не раздѣленной на главы, т. е. т

---

1) Ср. ред. 1599 г. Зинонъ же пришедъ изверже петра антиохийск
патриарха, Толст. сп.: Зинонъ же пришедъ въ антиохию изврьже пе
патриарха; ред. 1599: и зинонъ умре лѣтъ сыи 65 и мѣсяцъ. 9. Есть убо
адама до смерти зиноновы лѣтъ 6458 лѣтъ и мѣсяцъ 7, а въ Толст. сп: и о
зинонъ... живъ лѣтъ 65 и мѣсяціи 9. есть же отъ адама до смерти зинон
лѣтъ 5980 и мѣсяцъ 7 и др.

редакціи, къ которой восходитъ съ одной стороны Русскій Вр., а съ другой 2-я редакція, не раздѣленная на главы, прекращается, при чемъ текстъ хронографа 1599 г. слѣдуетъ редакціи 1512 года.

Послѣ этихъ замѣчаній ясно, почему редакціи 1599 года должно придавать важное значеніе въ вопросѣ о происхожденіи и первоначальномъ составѣ хронографа: 1) выдѣливъ изъ нея все то, что восходитъ къ редакціи 1512 года, мы получимъ представленіе о другой, не зависимой отъ этой редакціи, при чемъ возстановленіе ея возможно именно путемъ изученія редакціи 1599 г.; 2) этотъ второй источникъ редакціи 1599 года оказывается связующимъ звеномъ между Русскимъ Временникомъ и 2-ю редакціей, не раздѣленною на главы, такъ какъ все то, что въ редакціи 1599 г. не принадлежитъ основному ея источнику — редакціи 1512 года, восходитъ или къ Русскому Вр. или ко 2-й редакціи, а слѣдовательно предполагаетъ существованіе такой редакціи хронографа, которая породила съ одной стороны Русскій Временникъ, а съ другой 2-ю редакцію, не раздѣленную на главы.

Подведу итоги предыдущему изслѣдованію о той редакціи Хронографа, которая существовала независимо отъ редакціи 1512 года и въ своей литературной исторіи стояла въ связи съ памятниками, каковы Никоновская лѣтопись, Русскій Временникъ, редакція Хронографа 1599 г., редакція Хронографа по Толстовскому и сходнымъ спискамъ и т. д.

1. Никоновская лѣтопись пользовалась при своихъ заимствованіяхъ изъ хронографа, кромѣ двухъ списковъ редакціи 1512 года, такою редакціею хронографа, которая предшествовала дошедшей до насъ редакціи, не раздѣленной на главы.

2. Русскій Временникъ — это лѣтописный сборникъ русскихъ статей, извлеченныхъ изъ хронографа такой редакціи, которая предшествовала дошедшей до насъ редакціи, не раздѣленной на главы.

3. Редакція 1599 года, кромѣ списка редакціи 1512 г., пользовалась такою редакціей хронографа, которая тожественна съ тою, изъ которой извлеченъ лѣтописный сборникъ — Русскій Временникъ.

4. Дошедшая до насъ редакція, не раздѣленная на главы представляется извлеченіемъ изъ другой болѣе древней редакціи, при чемъ русскія лѣтописныя статьи были, по возможности систематически, опущены.

5. Изъ сопоставленія 2, 3 и 4-го выводовъ слѣдуетъ, что въ основаніи Русскаго Временника, редакціи 1599 года и редакціи, не раздѣленной на главы, лежитъ одна общая, основная дл нихъ редакція хронографа, которую можно, въ противоположность дошедшей до насъ, назвать 1-ю редакціей, не раздѣленною на главы, оставивъ за послѣднею названіе 2-й редакціи, не раздѣленной на главы.

6. Мы имѣемъ основаніе думать, что Никоновская лѣтопись пользовалась этою самою 1-ю редакціей, не раздѣленною на главы: выше было указано, что многія подробности и чтенія въ хронографическихъ статьяхъ Никоновской лѣтописи могутъ быть объяснены только изъ редакціи, близкой по своему составу ко 2-й редакціи, не раздѣленной на главы. Но, кромѣ византійскихъ и южно-славянскихъ статей, Никоновская лѣтопись заимствовала изъ хронографа и русскія статьи и даже отдѣльныя лѣтописныя извѣстія[1]). Вотъ почему все общее между Никоновскою лѣтописью и Русскимъ Временникомъ, напр. въ изложеніи событій XIV и слѣд. вѣковъ, можно объяснять тѣмъ, что составитель Никонов-

---

1) Такъ хронографъ оказалъ вліяніе на нѣкоторыя статьи о началѣ Рус ср. въ легендѣ объ Андреѣ первозванномъ: пережегше каменіе то *рухляво* (IX, названіе Варяговъ—Варегами (IX, 4, 9), измѣненіе Боричева ввоза въ возо Барнуевъ—ср. Новоіерусал. возво бориоуевъ; начало разсказа о призваніи Варяговъ (IX, 9: При Михаилѣ и Василіи царема...); разсказъ о началѣ княженія Ольги, гдѣ Святославъ названъ, согласно хронографу, Цвѣтославомъ (IX, 28); первыя строки въ извѣстіи о кончинѣ преп. Θеодосія (IX, 101); конец статьи объ убіеніи Изяслава Ярославича (IX, 109); начало княженія Мстислав Владимировича въ Кіевѣ (IX, 153, нач.: еще юнъ сый — оттоле въ Резан и мн. др.

ской лѣтописи пользовался не Русскимъ Временникомъ, а тѣмъ, что однимъ изъ источниковъ этой лѣтописи былъ тотъ самый хронографъ, изъ котораго впослѣдствіи извлеченъ Русскій Временникъ. При этомъ оказывается, что Никоновская лѣтопись пользовалась разнообразными источниками только до 1520 года включительно: начиная съ 1521 г., находимъ въ ней сплошное заимствованіе изъ Воскресенской лѣтописи (вплоть до 1541-го года, гдѣ эта лѣтопись прекращается). Почти все то, что подъ 1520-мъ г. не восходитъ къ Воскресенской лѣтописи, можетъ быть признано заимствованіемъ именно изъ этого Хронографа — оригинала Русскаго Временника: такова напр. статья О иконахъ Владимерскихъ, которой нѣтъ ни въ Воскресенской, ни во Львовской (бывшей также въ одной изъ первоначальныхъ своихъ редакцій источникомъ Никоновской лѣтописи) лѣтописи, но которая читается въ Русскомъ Временникѣ. Въ виду этого я думаю, что изслѣдуемый хронографъ былъ извѣстенъ составителю Никоновской лѣтописи въ редакціи 1520-го года. А отсюда легко вывести, что въ основаніи какъ той редакціи хронографа, которую мы назвали 1-ю редакціей, не раздѣленною на главы (— источника Русскаго Временника и 2-й редакціи), такъ и многихъ статей Никоновской лѣтописи лежитъ Хронографъ редакціи 1520 года.

7. И такъ, рядомъ съ хронографомъ редакціи 1512 года была извѣстна другая независимая отъ нея редакція; древнѣйшій видъ ея сохранился въ не дошедшей до насъ редакціи 1520 года; въ серединѣ XVI вѣка явился другой ея видъ и, наконецъ, къ концу XVI или началу XVII в. относятся два позднѣйшіе ея вида — редакція, отразившаяся въ спискахъ Толстовскомъ и сходныхъ съ нимъ, и редакція, отразившаяся въ Русскомъ Временникѣ.

III.

Изъ предыдущаго изслѣдованія вытекаетъ слѣдующее положеніе: для возстановленія первоначальнаго состава русскаго хронографа необходимо сравнительное изученіе редакціи 1512 года

и той редакціи, древнѣйшимъ представителемъ которой являетс
редакція 1520 года (возстановляемая при помощи Никоновско
лѣтописи, Хронографа редакціи 1599 года, Русскаго Време
ника и Хронографа списковъ Толстовскаго и сходныхъ съ нимъ

Подобная работа, т. е. возстановленіе первоначальнаго с
става русскаго хронографа, не можетъ входить въ задачу н
стоящаго изслѣдованія, которое стремится отвѣтить на бол
элементарные вопросы, связанные съ судьбой хронографа—гд
когда и кѣмъ онъ составленъ. Но отвѣтъ на эти вопросы долж
искать хотя бы въ поверхностномъ очеркѣ того общаго харак
тера, который можно, на основаніи указанныхъ путей, прип
сать хронографу въ его первоначальномъ видѣ.

Во-первыхъ, является вопросъ, какія событія новѣйша
времени обнималъ хронографъ, основной для редакцій 1512
1520 г. Оканчивался ли онъ такъ, какъ редакція 1512 год
т. е. сказаніемъ о взятіи Царяграда турками, или лѣтописны
разсказъ переходилъ и за это событіе 1453 года, какъ въ ре
дакціи 1520 г.? Рѣшеніе этого вопроса возможно двоякимъ пу
темъ: 1) путемъ сравнительнаго изученія обѣихъ редакцій, извле
ченія изъ нихъ всего того, что оказывается въ нихъ общимъ
2) путемъ изученія внутренняго состава дошедшихъ до насъ ста
тей хронографа, извлеченія изъ нихъ указанія на время составле
нія или включенія ихъ въ хронографъ. Первый путь я долженъ
пока оставить въ сторонѣ потому, что опасаюсь наткнуться, ид
по нему, на редакцію промежуточную между основною, первона
чальною редакціей русскаго хронографа и обѣими сопоставляе
мыми нами редакціями (редакціей 1512 и 1520 г.). Обращаюс
ко второму пути, тѣмъ болѣе надежному, что онъ уже привел
предшествующихъ изслѣдователей къ выводу о томъ, что хроно
графъ составленъ въ XV-мъ вѣкѣ. Дѣйствительно, Поповъ в
своемъ Обзорѣ собралъ вѣскія доказательства въ пользу того
что ни одна изъ статей хронографа редакція 1512 года по своему
происхожденію, по времени возникновенія не можетъ быть при-
знана старшею первой половины XV вѣка; исключеніе состав-

ляетъ только послѣдняя статья «Плачъ о паденіи Царяграда» принадлежащая перу самого составителя редакціи 1512 г. (Обзоръ, II, 63). Это послѣднее обстоятельство, въ связи съ тѣмъ, что въ другихъ редакціяхъ хронографа читаются особыя повѣсти о взятіи Царяграда [1]), — повѣсти, бывшія очевидно неизвѣстными редактору 1512 года, дѣлаетъ вѣроятнымъ, что ни въ первоначальной редакціи хронографа, ни въ предположительно возможной — промежуточной редакціи между нею и позднѣйшими — не было повѣсти о взятіи Царяграда. Въ виду этого, а также того, что русскія лѣтописныя извѣстія могли быть вставлены впослѣдствіи и потому рѣшающаго значенія имѣть не могутъ, важнымъ оказывается опредѣлить, какое же изъ византійскихъ или южнославянскихъ событій было послѣднимъ, заключительнымъ въ первоначальной редакціи хронографа. Такимъ событіемъ, читаемымъ какъ въ редакціи 1512 года, такъ и въ редакціи 1520 года, является какъ будто вступленіе на престолъ императора Константина Палеолога. Привожу текстъ этой статьи по редакціи 1512 г. и по 2-й редакціи, не раздѣленной на главы, заимствовавшей ее, согласно предыдущему, изъ редакціи 1520 г.:

Ред. 1512 г.	Толст. сп., I, № 172.
По Калуянѣ пріятъ скипетра Греческая братъ его Константинъ. Бѣда же тогда много належаще царствующему граду отъ безбожныхъ Турокъ, и многи грады пріяша и поплѣниша, и власть ихъ зѣло прострашеся Божіимъ попуще-	По калоуанѣ сынѣ маноуиловѣ царствова въ Цариградѣ братъ его Константинъ драгошь палеологь. лѣтъ 11. бѣда же многа тогда належаще царьствоующему граду отъ безбожныхъ тоурокь. и многи грады прияша и попленниша. и власть

1) Въ редакціи 1520 г., судя по Никон. лѣтописи, находилась извѣстная повѣсть, написанная Искендеромъ; во 2-ю ред., не разд. на главы, попала также, повидимому, изъ предшествующихъ редакцій особая повѣсть, извѣстная изъ нѣсколькихъ списковъ въ видѣ дополнительной статьи къ ред. 1512 г. (ср. Акад. 991 (3), Погод. 1404 а) и др.

ніемъ, Греческая же оскудеваше.	ихъ зело простирашеся жіимъ попоущеніемъ гречес же ѡскоудѣваше.

Очевидно, въ редакціи, основной для редакцій 1512 и 1520 г., статья эта находилась. Но слѣдуетъ ли отсюда, она восходитъ къ первоначальной редакціи хронографа? нечно, нѣтъ, такъ какъ вполнѣ возможно допустить, что осн ною для обѣихъ названныхъ редакцій была не первоначалн редакція хронографа, а уже позднѣйшая ея переработка. И д ствительно, мы имѣемъ ясное доказательство того, что привед ная статья не могла находиться въ первоначальной редак хронографа. Во-первыхъ, отмѣчу, что статья эта въ основ для редакцій 1512 и 1520 г. редакціи должна была читат именно такъ, какъ она читается теперь въ Толстовскомъ и сх ныхъ съ нимъ спискахъ, а не такъ какъ въ редакціи 1512 го указаніе на число лѣтъ царствованія Константина (11) нахо лось въ основной редакціи и опущено въ редакціи 1512 го Это видно изъ слѣдующихъ соображеній: редакторъ 1512 г ставитъ извѣстіе о вступленіи на столъ греческихъ импера ровъ и указаніе на число лѣтъ ихъ царствованія въ начало гла при чемъ эта глава (а иногда вмѣстѣ съ слѣдующею, до нов заглавія: «Царство греческое») обнимаетъ событія столькі лѣтъ, сколько царствовалъ тотъ или другой императоръ. Та по расчету хронографа, Михаилъ Палеологъ, вступившій на сто въ 6765 году[1]), царствова надъ Греки лѣтъ 24: вотъ поче послѣднимъ событіемъ 196-й главы — это кончина митропол Кирилла въ 6789 году. Андроникъ Палеологъ по его расче вступилъ на столъ въ 6789 или 6790 г. и царствова 44 го вотъ почему русскія событія 197-й главы доходятъ лишь 6833 года. Внукъ Андроника — Андроникъ же Палеологъ, вст

1) Ср. При сего царствіи, въ 16 лѣто царства его, въ лѣто 6780... (Изб никъ, стр. 45).

пилъ на столъ въ 6834 году и царствовалъ 13 лѣтъ: вотъ почему русскія событія главы 199-й доходятъ только до 6848 года. Иванъ Палеологъ съ 6848 царствовалъ 7 лѣтъ и за нимъ Иванъ Кантакузинъ также 7 лѣтъ: вотъ почему русскія событія 200-й главы тянутся отъ 6848 до 6861 года. Послѣ Ивана Кантакузина царствовалъ Иванъ Палеологъ съ 6862 года въ общей сложности 46 лѣтъ (по Толст. списку онъ царствовалъ 32 г. и и потомъ 14 лѣтъ, а всего тоже 46)[1]), но въ 201-й главѣ содержатся русскія событія отъ 6862 по 6898 годъ, такъ какъ въ 6899 году на столъ вступилъ Мануилъ Палеологъ и царствовалъ 33 года (Новоіерусал., а въ нѣкоторыхъ 32): вотъ почему въ главѣ 204-й помѣщены русскія событія 6901—6933 гг. Въ виду этого редакціоннаго пріема хронографа, восходящаго, какъ видно изъ Русскаго Временника[2]), къ редакціи, основной для редакцій 1512 и 1520 гг., я — изъ того обстоятельства, что въ главѣ 207-й, начинающейся съ царствованія Константина Палеолога, содержатся событія 11 лѣтъ (съ 6950 по 6561, т. е. по годъ взятія Царяграда), заключаю, что въ основной для хронографа 1512 года редакціи было указано число лѣтъ царствованія Константина — 11. Во вторыхъ, указанное обстоятельство, т. е. это явно ошибочное опредѣленіе числа лѣтъ Константинова царствованія (онъ царствовалъ всего 4 года 8 мѣсяцевъ)[3]) стоитъ въ самой тѣсной связи съ опредѣленіемъ лѣтъ предшествующаго царствованія. Въ разсматриваемыхъ редакціяхъ хронографа находимъ:

---

1) Ошибочная хронологія восходитъ къ извѣстной редакціи каталога царей, который читается въ спискахъ Новгородской 4-й и Никоновской лѣтописи (IX, стр. XXII).

2) Ср. выше приведенныя въ немъ фразы, какъ: при сего царствіа, въ 16 лѣто царства его, въ лѣто 6780 сѣде на великое княженіе ... Василій Александровичь.

3) Ср. напр. въ каталогѣ царей, помѣщенномъ въ Воскресенскомъ сборникѣ: Константинъ Драгосъ Палеологъ, православенъ, 4 годы и 8 мѣсяць (VII, 251).

Ред. 1512 г.	Толст. сп., I, № 172.
Въ лѣто 6933 по Мануилѣ цари нача царствовати въ Царѣградѣ сынъ его киръ Калуянъ. Православенъ.	По мануилѣ цари црст въ градѣ сынъ его киръ і янъ лѣтъ 17 православенъ

Текстъ Толстовскаго списка и въ данномъ случаѣ о вается болѣе первоначальнымъ, такъ какъ въ общемъ для р цій 1512 и 1520 гг. (къ которой восходитъ редакція Тол скаго исходныхъ списковъ) подлинникѣ также должно стоять: лѣтъ 17. Это видно изъ того, что въ главѣ 205-й, рою начинается Іоанново царствованіе по редакціи 1512 разсказывается о русскихъ событіяхъ, относящихся къ се цати годамъ (6933—6949). Отсюда, согласно предыду слѣдуетъ, что уже въ основной для хронографа 1512 год дакціи было указано число лѣтъ царствованія Іоанна — Между тѣмъ, и это число оказывается ошибочнымъ, такъ Іоаннъ царствовалъ 23 года и 3 мѣсяца[1]). Чѣмъ же выз ошибочныя указанія — 11 вм. 4 л. и 8 м., 17 вм. 23 л. и сяцевъ? Оказывается, что между обѣими ошибками содер тѣсная внутренняя связь: сумма 11 и 17 — 28 равна с истинныхъ количествъ лѣтъ царствованій обоихъ императо 4 г. и 8 м. + 23 г. и 3 м. равняется 28 г. Это — число истекшихъ между двумя извѣстными изъ хронографа го 6933-мъ — годомъ вступленія Іоанна на престолъ (ср. в приведенный отрывокъ редакціи 1512 г.) и 6961-мъ — го паденія Царяграда. Въ промежутокъ этого времени надо уложить два царствованія — Іоанново и Константиново: но же явились ошибочныя слагаемыя 17 и 11? Кѣмъ они сочи составителемъ ли первоначальной редакціи хронографа или из послѣдующихъ — основной для дошедшихъ до насъ р

1) Ср. каталогъ царей Воскр. лѣтописи: По Мануилѣ царьствовалъ І Палеологъ... царствовалъ 23 года и три мѣсяци.

цій? Если мы допустимъ, что слагаемыя эти сочинены составителемъ первоначальной редакціи хронографа, то придемъ къ выводу, что редакція эта составлена послѣ 1453 года, т. е. послѣ взятія Царяграда. Но такое предположеніе въ значительной степени затрудняется тѣмъ обстоятельствомъ, что объ этомъ событіи въ дошедшихъ до насъ редакціяхъ не сохранилось ни одной статьи, ни одного извѣстія, которое можно было бы возвести къ первоначальной редакціи; кромѣ того оно нисколько не выясняетъ происхожденія обоихъ ошибочныхъ слагаемыхъ 17 и 11, вызывая сомнѣніе еще и по тому, что современнику описываемыхъ событій (исхожу изъ того положенія, что хронографъ составился въ XV в.) не могло не быть извѣстно приблизительно точное число лѣтъ царствованія Ивана и Константина Палеологовъ. Въ виду этого я заключаю, что опредѣленіе лѣтъ царствованія этихъ императоровъ принадлежитъ послѣдующему редактору, для котораго уже стерлась память о великихъ событіяхъ середины XV вѣка. Мы знаемъ, какъ онъ дошелъ до суммы 28: 6933-й годъ былъ данъ въ первоначальной редакціи хронографа, а 6961 годъ былъ извѣстенъ хотя бы изъ русскихъ лѣтописей. Но откуда же онъ взялъ оба слагаемыя? Почему Калуяну назначено 17, а Константину 11 лѣтъ царствованія? Единственно возможнымъ мнѣ кажется предположеніе, что одна изъ этихъ цифръ, а именно 17, была дана первоначальною редакціей хронографа, а другая цифра появилась вслѣдствіе вычета 17 изъ 28[1]): въ первоначальной редакціи хронографа былъ не только указанъ годъ вступленія Калуяна на престолъ, но и указано, что онъ

---

1) Сходный пріемъ находимъ въ одной особенной редакціи хронографа, заимствовавшей кое что изъ той же древней редакціи, которая лежитъ въ основаніи редакціи 1512 г. и редакцій, не раздѣленныхъ на главы — а именно въ редакціи, описанной Поповымъ вып. 1-мъ Обзора, стр. 217 и сл. Въ находящемся здѣсь лѣтописчикѣ находимъ годъ вступленія на столъ Калуяна— 6930-й, лѣта его царствованія — 20, лѣта царствованія Константина — 11. Очевидно, цифра 11 была извлечена изъ Хронографа, и сообразно съ ней, а также ошибочнаго расчета, что отъ начала царствованія Калуяна (6930) до паденія Царяграда прошелъ 31 годъ, сочинена цифра 20.

царствуетъ 17 лѣтъ, и это потому, что первоначальная ред хронографа (какъ это слѣдуетъ изъ этого самаго обстоя ства) составлена въ 1442 году т. е. въ 17-е лѣто Калу царства. Противъ этого вывода, т. е. того, что первонача редакція хронографа составлена въ 1442 году, не могу возраженій ни во внутреннемъ содержаніи, ни въ литерату исторіи послѣдующихъ редакцій. Напротивъ, за такое пр ложеніе говоритъ какъ то обстоятельство, что эта редакція составлена въ первой половинѣ XV столѣтія, т. е. до 1453 такъ и то, что позднѣйшій изъ юго-славянскихъ источни которымъ пользовался составитель хронографа—Житіе де Стефана — составленъ въ 1431 году. Но я надѣюсь найти твержденіе этому выводу еще съ другой стороны, а определивъ мѣсто, гдѣ составленъ хронографъ, и личность с вителя.

IV.

Существенно важнымъ, при разрѣшеніи вопроса о мѣс странѣ, гдѣ составленъ хронографъ, является опредѣленіе и никовъ, матеріаловъ, которыми онъ воспользовался. И По и Ягичъ, и всѣ послѣдующіе изслѣдователи признавали х теръ источниковъ хронографа рѣшающимъ не только при дѣленіи времени, но и мѣста его составленія. Такъ Поповъ, положивъ на основаніи той позднѣйшей редакціи, которая с пилась въ Толстовскомъ спискѣ, что въ первоначальной ред хронографа не было русскихъ статей, сдѣлалъ дальнѣйші сюда выводъ о юго-славянскомъ происхожденіи хронографа. противъ, Ягичъ указавъ на то, что хронографъ не пользов сербскими лѣтописями и ограничивался при изложеніи юго вянскихъ событій лишь тѣмъ, что могло быть извлечено опредѣленнаго круга житій, заключилъ, между прочимъ и этого обстоятельства, что хронографъ составленъ въ Россіи

Дѣйствительно, присутствіе или отсутствіе русскихъ ст и лѣтописныхъ извѣстій въ первоначальной редакціи хроног

должно служить надежнымъ основаніемъ при разрѣшеніи вопроса о происхожденіи хронографа. Но предыдущее изслѣдованіе затруднило опредѣленіе состава первоначальной редакціи хронографа, указавъ на то, что основною для дошедшихъ до насъ редакцій была не эта первоначальная редакція, а другая позднѣйшая: такъ, между прочимъ, первоначальная редакція хронографа называла послѣднимъ византійскимъ императоромъ Калуяна, а редакція, основная для редакціи 1512 г. и для другой редакціи, не раздѣленной на главы, упоминала и о Константинѣ Палеологѣ. Въ виду этого согласное показаніе обѣихъ редакцій о существованіи въ ихъ подлинникѣ, въ ихъ общемъ, основномъ источникѣ, русскихъ статей нисколько не можетъ свидѣтельствовать о томъ, что эти самыя статьи находились уже и въ первоначальной редакціи хронографа; напротивъ, можно съ увѣренностью утверждать, что часть русскихъ событій попала, напр. въ редакцію 1512 г., во всякомъ случаѣ не изъ первоначальной редакціи, а именно изъ предположенной выше промежуточной редакціи. Такъ отнесеніе къ царствованію Константина русскихъ событій одиннадцатилѣтняго періода (6950—6961) можетъ восходить только къ той позднѣйшей, промежуточной редакціи, которая опредѣлила 11-ю число лѣтъ Константинова царствованія. Но если второй редакторъ хронографа рѣшился вставить въ свой трудъ эти русскія событія, то естественно допустить, что ему же могли принадлежать и другія, если и не бо́льшая часть русскихъ событій, вставленныхъ въ хронографъ. Въ виду этого считаю пока необходимымъ оставить въ сторонѣ русскія лѣтописныя статьи хронографа и перейти къ вопросу о характерѣ другихъ его источниковъ. Какъ уже замѣчено выше, Поповъ не опредѣлилъ въ своемъ изслѣдованіи главнаго, основного источника хронографа, не связалъ такимъ образомъ хронографъ, отразившійся въ редакціи 1512 года, съ тѣми древними видами хронографа, описаніе которыхъ мы находимъ въ его же Обзорѣ, т. е. съ Еллинскимъ лѣтописцемъ. Если бы Поповъ не поспѣшилъ, на основаніи свидѣтельства списковъ 2-й редакціи этого памятника, вывести

заключенія о его позднемъ происхожденіи,—заключенія,
слѣдствіи имъ самимъ отвергнутаго[1]), онъ дольше бы ос
вился на вопросѣ объ отношеніи его къ хронографу и разрѣ
бы свои сомнѣнія[2]), очевидно, въ томъ смыслѣ, что 2-я ред
Еллинскаго лѣтописца была источникомъ изслѣдованнаго
хронографа. Не могу посвятить доказательству этого поло
всего того вниманія, котораго оно заслуживаетъ, и огран
нѣсколькими ссылками. Во-первыхъ, какъ это отчасти видн
подстрочнаго примѣчанія, самъ Поповъ признавалъ, что нѣ
рыя статьи хронографа могли быть внесены въ него изъ Е
скаго лѣтописца; во всякомъ случаѣ онъ ясно указалъ на
между обоими памятниками и на общія между ними ста
Во-вторыхъ, Истринъ вполнѣ убѣдительно доказалъ, что п
начальная редакція хронографа заимствовала Александрі
2-й редакціи Еллинскаго лѣтописца (Александрія русск. хро
стр. 288). Въ-третьихъ, самъ хронографъ называетъ Елли
лѣтописецъ своимъ источникомъ: разсказавъ о походѣ Оле
грековъ, о возвращеніи его въ Кіевъ и о смерти отъ любі
коня, хронографъ (ср. ред. 1512 г. въ Изборникѣ Попова, стр
другую редакцію въ Русскомъ Вр., I, 16) прибавляетъ: «сі

---

1) «Судя по времени Чудовского списка (Еллинскаго лѣтописца 2-й
ціи), происхожденіе ея (2-й редакціи Елл. лѣт.) должно быть изъ XVI в.
несено къ половинѣ XV вѣка». А. Поповъ, Хронографы Чуд. мон., въ
матер. М. 1889.

2) Ср. въ Обзорѣ, вып. 1-й, стр. 76: «Источникомъ ея (статьи о с
пророка Даніила) могъ служить (для 2-й ред. Елл. лѣт.) хронографъ ре
1512 г. . .»; напротивъ, въ Обзорѣ, вып. 2-й, стр. 19: «Немногія выписки
дящіяся въ Хронографѣ ред. 1512 г.) изъ Хроники Іоанна Антіохійска
лалы всѣ находятся и въ Еллинскомъ лѣтописцѣ, и могли быть с
заимствованы».

3) Ср. I, 86 и 140: указаніе на то, что статья Елл. лѣтописца 2-
О взятіи Іерусалима читается съ немногими лишь сокращеніями въ Х
графѣ редакціи 1512 г.; I, 113 и др.: указаніе общихъ статей, восходящи
Хроникѣ Малалы, между Елл. лѣт. и хронографомъ; I, 150: общій разск
паденіи верха святой Софіи; I, 163: указаніе на пользованіе обоими пам
ками—сказаніемъ о загробномъ прощеніи отъ мукъ царя Өеофила; I, 167
заніе на слова «и нарекоша имя ему Сімеонъ», отличающія 2-ю ред. Елл
и хронографъ, отъ 1-й ред. Елл. лѣт. и Амартола и др.

шетъ о немъ въ Греческомъ лѣтописцѣ». Эта ссылка приводитъ насъ ко 2-й редакціи Еллинскаго лѣтописца, гдѣ подъ 46-мъ царствомъ — царствомъ Леона приводится выписка изъ русской лѣтописи объ Олегѣ (нач.: «в лѣто 6414 иде олегъ на грекы. а игоря остави в кіевѣ», конецъ: «есть же могыла олгова и до сего дни. и бысть княженья его 33 лѣта» [1]). Въ-четвертыхъ, изъ Еллинскаго лѣтописца заимствованы въ хронографъ между прочимъ такія характерныя статьи, какъ Повѣсть о томъ, какъ латыняне отлучились отъ грековъ (въ спискахъ второй редакціи Елл. лѣт. находится подробная редакція этой повѣсти, ср. Обзоръ, вып. 1-й, стр. 90), при чемъ разсказъ о крещеніи Угровъ (Изборникъ, стр. 10; Русск. Вр., I, 67) оказывается составною частью этой повѣсти; далѣе оттуда же внесена въ первоначальную редакцію хронографа повѣсть о взятіи Царяграда крестоносцами. Повѣсть эта исключена изъ редакціи 1512 года, ограничившейся другою замѣткой о взятіи Царяграда въ царствованіи Θеодора Ласкаря (глава 193-я; Поповъ, Изборникъ, стр. 33); но 2-я редакція, не раздѣленная на главы (Толстовскій и сходные съ нимъ списки) сохранила какъ эту вторую замѣтку [2]), такъ и обширную повѣсть, тожественную (хотя и нѣсколько сокращенно переданную) съ повѣстью 2-й редакціи Еллинскаго лѣтописца. Пользуюсь случаемъ указать на особенную близость текста этой повѣсти между списками 2-й редакціи хронографа, не раздѣленной на главы, и Никоновскою лѣтописью. Ср. начало по Толст. сп. и по Никоновской лѣтописи (въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ привожу чтеніе Тверского сборника, съ которымъ въ общемъ

1) Отмѣчу здѣсь же, что въ другомъ мѣстѣ хронографъ греческимъ лѣтописцемъ называетъ лѣтопись Манассіи, ср. въ разсказѣ о Святославѣ по редакціи 1512 г. (Поповъ, Изборникъ, стр. 8), и по другой редакціи (Русск. Вр., I, 20).

2) Замѣтка эта начинается словами: «Сіе пишетъ въ иномъ лѣтописцѣ (подъ первымъ лѣтописцемъ, очевидно, разумѣется Еллинскій), еже при семъ Феодорѣ цари въ лѣто 6712 взятъ бысть царъградъ отъ латинъ θеодорю царю или не бывшу ту или не възмогшоу стати противоу имъ.» . .

сходятся какъ Еллинскій лѣтописецъ 2-й редакціи, такъ и спи Новгородской лѣтописи).

Толст. сп. хронографа.

По андронице царствова ісакіе нареченныи аггелъ. лѣтъ 8 и мѣсяцъ 6 православенъ и ослепі и братъ его алеѯеи. и сяде самъ на царствѣ и сына исакіева алеѯея въ стѣнахъ затвори. и оумоли его ісакии царъ да выпоуститъ сына его алеѯея. онже выпоусти его[1]).

Никон. лѣтопись (X, 38).

... при царствѣ царя Ал сѣя, иже ослѣпи брата сво Исака, и на царство сяде сына его Алексѣя въ стѣн затвори. И умоли его Ис царь да выпуститъ сына Алексѣа; онъ же выпусти е

Очевидно, оба памятника представляютъ такія общія сок щенія, которыя прямо указываютъ на общій для нихъ ист никъ: ср. пропускъ слова «высокыхъ» послѣ «стѣнахъ», пропу словъ «изъ таковыя твръдины», словъ «и времени минувш дръзну» и т. д. Еще яснѣе близость обоихъ текстовъ въ ко повѣсти.

Толст. сп.

стояша предъ градомъ до мѣсяца мая. и многихъ избиша грекъ и градъ взяша мѣсяца мая. въ 9 денъ и царя своего поставиша римскаго воеводу конда фларенда. фряжеского же

Никон. лѣтопись (X, 40).

сіи же вся брани замышля на Царьградъ: бѣ же зѣло п мудри и воиньствени. Кондо ф рендъ же царство пріатъ, М ко же градоблюденіе, Андр же Бернаидъ земли сохранен

1) Тверск. сб.: Того же лѣта царствующу въ Цариградѣ царю Алекс Комнину, въ царствѣ Исааковѣ Аггела, брата своего, его же поимавъ ослѣ царствовавшему ему 8 лѣтъ и мѣсяцъ 6; а сына его Алексеа Исааковича твори въ стѣнахъ высокыхъ и стража его ту, да не выидеть; а самъ Алек царемъ ста. И времени минувшу, и дръзну Исакіе молитися о сыну свое дабы его испустилъ изъ таковыя твръдины и былъ бы предъ нимъ; и ум брата Исаакь, и выпусти Исаковича.

воеводу марка градоблюстителя оучинниша, венецѣискаго же воеводу андрея бернаида. землехранителя положиша. вси же сіи трие быша зело премудри и воинственни, і единомыслены. и любезни ко всѣмъ. и того ради мнози греци во ихъ обычаи и законъ вніидоша. ... папа же присла из рима въ царъградъ своя бискоупы и попы. а греческія епископы и презвитери изъ царяграда веде в римъ, и быша вся въ цариградѣ по римъскому обычаю [1]).

сіи же вси единомыслені и къ людемъ любезни быша, и тако мнози Греци въ ихъ обычай и законъ внидоша. Бѣаше же стоаніа ихъ подъ Царемъ городомъ отъ мѣсяца Декабря до мѣсяца Мая, со многою силою и мудростію, и взяша его мѣсяца Мая въ 9 день. Того же лѣта посла папа изъ Рима презвитеровъ своихъ въ Царьградъ, и Греческихъ презвитеровъ изъ Царяграда веде въ Римъ.

Здѣсь видимъ уже не сокращеніе, а распространеніе Еллинскаго лѣтописца 2-й редакціи, гдѣ не говорится напр. о присылкѣ папою латинскихъ епископовъ и презвитеровъ, гдѣ нѣтъ характеристики фряжскихъ воеводъ, гдѣ сказано, что осада продолжалась до апрѣля, а не до мая, гдѣ византійскій воевода названъ Дужемъ, а не Андреемъ Бернаидомъ, какъ здѣсь и т. д. Отсюда убѣждаемся вполнѣ въ общемъ для Никоновской лѣтописи и Толстовскаго списка источникѣ, каковымъ, согласно предыдущему изслѣдованію была редакція хронографа, не раздѣленная на главы. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы получаемъ основаніе утверждать, что присутствіе этой повѣсти въ Толстовскомъ и сходныхъ спискахъ не должно объяснять позднѣйшею вставкой ея въ хронографъ:

---

1) Тверск. сб.: Стояніа же фрязскаго у Царяграда отъ декабря до априля, доколѣ городъ взяша. Въ лѣто 6712, мѣсяца маіа въ 9 день, на память святаго пророка Исаіа, поставиша царя своего Латынина, кондо Фларенда, своимы епископы; и власть себѣ раздѣлиша: цареви конда Фларенду градъ, а Маркосу судь, а Дужеви десятина. И тако погыбе царство богохранимаго Констянтина града и земля Греческая въ свадѣ царевѣ, ею же обладають Фрязове.

очевидно, она находилась и въ древнѣйшихъ его редакціях
Никон. лѣтопись) и, конечно, также въ первоначальной, ку
съ прочими статьями попала изъ Еллинскаго лѣтописца 2-
дакціи. Въ-пятыхъ, къ Еллинскому лѣтописцу 2-й ред
должно возводить данныя хронографа о числѣ лѣтъ царство
византійскихъ императоровъ, хотя отчасти данныя эти
быть провѣрены на основаніи другихъ источниковъ (ср. н
Наконецъ, въ-шестыхъ, къ Еллинскому лѣтописцу 2-й ред
можно возвести нѣсколько русскихъ статей хронографа, а им
сюда относятся указанныя выше статьи объ Олегѣ. И
можно съ полною увѣренностью заключить, что однимъ изъ о
ныхъ источниковъ хронографа былъ Еллинскій лѣтописец
редакціи. Это обстоятельство, думаю, весьма важно для оп
ленія страны, гдѣ составленъ хронографъ: изслѣдованія П
и Истрина не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что 2-я ред
Еллинскаго лѣтописца составлена въ Россіи: дѣйствите
сравненіе ея съ 1-ю редакціей, показываетъ, что она явл
переработкою этой послѣдней редакціи на основаніи нѣкото
извѣстныхъ на Руси памятниковъ, причемъ виднымъ отличіе
можно признать прибавленіе нѣсколькихъ русскихъ стате
Истринъ, Александрія, 241—242). Русское происхожден
редакціи Еллинскаго лѣтописца доказывается и тѣмъ, ч
сихъ поръ неизвѣстно юго-славянскихъ ея списковъ. Но мо
составитель хронографа, работавшій, какъ мы видѣли въ 144
ду, пользоваться 2-й редакціей Еллинскаго лѣтописца, до
поръ признававшагося памятникомъ XV в.? Истринъ, имѣ
виду Чудовской списокъ половины XV в. и Пискаревскій
сокъ 1485 года, а также и то, что Александрія 2-й ред
Еллинскаго лѣтописца не подверглась вліянію сербской А
сандріи, появившейся на Руси въ XV вѣкѣ, заключилъ от
что 2-я редакція Еллинскаго лѣтописца составлена не по
начала XV вѣка. Мнѣ кажется, что составленіе 2-й ред
Еллинскаго лѣтописца относится къ глубокой древности, а им
вѣроятно, еще къ XIII вѣку: но здѣсь не мѣсто останавлив

на этомъ вопросѣ[1]). Ограничусь другимъ указаніемъ: два списка этой редакціи восходятъ къ протографу, написанному въ 1391-мъ году. Заключаю это изъ того, что какъ Пискаревскій списокъ, такъ и Синодальный № 86, содержащійся въ нихъ перечень византійскихъ императоровъ оканчиваютъ слѣдующимъ образомъ: «81. иванъ и пакы палеологъ лѣтъ 31. православенъ. 82. андроникъ сынъ его лѣта 3 православенъ. 83. таже иоанъ палеологъ еже и отець сего лѣтъ 8. вкупѣ лѣта царства его вьсѣ 46. 84. мануилъ палеологъ сынъ его. лѣто.[2]) православенъ». Отсюда слѣдуетъ, что протографъ обоихъ указанныхъ списковъ относится къ первому году царствованія греческаго императора Мануила, т. е. къ 1391-му году. Дѣйствительно, иначе трудно объяснить, почему перечень императоровъ оборванъ на Мануилѣ (Поповъ, Обзоръ, вып. 1-й, стр. 94), а также почему не указано числа лѣтъ его царствованія. Въ виду этого, нахожу существованіе 2-й редакціи Еллинскаго лѣтописца во всякомъ случаѣ доказаннымъ для XIV вѣка и не затрудняюсь утверждать, что ею въ 1442-мъ году пользовался составитель хронографа.

И такъ, одинъ изъ главныхъ источниковъ хронографа оказывается русскимъ. Отсюда естественно зарождается предположеніе, не были ли русскими и другіе его источники и не въ Россіи ли пользовался составитель хронографа тѣми своими источниками, юго-славянское происхожденіе которыхъ не можетъ подлежать сомнѣнію. Поповъ во второмъ выпускѣ своего Обзора (стр. 21), доказывая, что составитель хронографа могъ имѣть въ своемъ распоряженіи такіе сборники, гдѣ уже были соединены нѣкоторыя изъ использованныхъ имъ сочиненій, указалъ на одинъ сборникъ XV в. Іосифова Волоколамскаго монастыря, гдѣ, вмѣстѣ

---

1) Я именно думаю, что вліяніе 2-й редакціи Еллинскаго лѣтописца отразилось на обширномъ лѣтописномъ сводѣ первой половины XIII в., бывшемъ источникомъ съ одной стороны Ипатьевской лѣтописи, а съ другой московскихъ сводовъ. Тверской сборникъ и Львовская лѣтопись сохранили ясные слѣды этого вліянія.

2) Синод. № 86: лѣто, а въ Пискар. съ выносомъ *т* подъ титло: л҃ѣ.

съ Паралипоменомъ Зонары, помѣщены т
внесенныя въ хронографъ: 1) житіе де
вича, 2) житіе Стефана Дечанскаго, 3)
скаго[1]). Это указаніе Попова осталось
вопроса объ источникахъ хронографа. М
что въ указанной рукописи Волоколамск
Московской Духовной Академіи, гдѣ он
мы должны признать списокъ, и при том
менный, того сборника, которымъ восполь
составитель хронотрафа. Доказательств
слѣдующія соображенія. Поповъ уже от
дѣлалъ извлеченія изъ Зонары по той им
рая сохранилась въ разсматриваемомъ
Бодянскимъ); далѣе, изъ русскихъ списк
заревича—наиболѣе близокъ къ тому сп
въ хронографѣ, не изданный Поповымъ
сл.) списокъ Троицкой лавры 2-й полов
списокъ, сохранившійся въ разсматривае
немъ, согласно подлинному житію Степа
ографу, читается въ 92-й главѣ о запу
послѣ смерти Стефана, что̀, какъ видно и
щено въ Троицкомъ спискѣ. Истринъ док
ная редакція хронографа (т. е. та, къ к
редакція 1512 г., такъ и редакція, не
значительно измѣнила текстъ Александрі
редакціи Еллинскаго лѣтописца: при эт
леній была сербская Александрія, толь
Руси (Александрія русск. хроногр. стр
сматриваемомъ сборникѣ Московской Ду
житіемъ Стефана Дечанскаго помѣщень
Александріи подъ заглавіемъ Ѿ але҃ан

1) Вѣроятно, Поповъ зналъ объ этой рукоп
сдѣланному Бодянскимъ при его изданіи Паралип

съ увѣренностью можно предполагать, что именно въ этомъ спискѣ или вѣрнѣе въ протографѣ этого списка сербская Александрія стала извѣстна составителю хронографа. И такъ, мы можемъ теперь признать доказаннымъ положеніе, что составитель хронографа былъ знакомъ съ протографомъ указаннаго сборника и извлекъ изъ него статьи, восходящія къ Паралипомену Зонары, житію Стефана Лазаревича, сербской Александріи, житію Стефана Дечанскаго и житію Иларіона Меглинскаго. Что рукопись Московской Духовной Академіи, по своему происхожденію, не очень отдалена отъ своего сербскаго протографа, видно изъ того, что нѣкоторыя части ея, напримѣръ вторая часть житія Стефана Лазаререча (съ л. 180 об.) и Александрія, писаны безъ всякихъ руссизмовъ: я вывожу отсюда, что въ изготовленіи на Руси указаннаго списка могли участвовать тѣ самые сербы, которые вывезли этотъ сборникъ изъ своей родины. Сопоставляя этотъ выводъ съ тѣмъ, что основнымъ источникомъ хронографа былъ русскій памятникъ — 2-я редакція Еллинскаго лѣтописца, я считаю вѣроятнымъ допустить, что составитель хронографа пользовался сербскимъ сборникомъ житій и другихъ перечисленныхъ выше статей уже послѣ перехода его въ Россію. Изъ другихъ источниковъ хронографа обращаютъ на себя вниманіе Житіе Саввы и Лѣтопись Манассіи. Не могу судить о степени распространенности на Руси перваго изъ этихъ памятниковъ; что же касается второго, то онъ дошелъ въ нѣсколькихъ спискахъ, находящихся въ Россіи, при чемъ сербскій изводъ его отразился въ спискѣ XVI в. Новгородской Софійской библіотеки № 1497, описанномъ въ 1-мъ выпускѣ Обзора Попова (стр. 217 и сл.; ср. о лѣтописи Манассіи стр. 224). Мнѣ кажется, что составитель хронографа пользовался протографомъ именно этого, дошедшаго до насъ списка: это доказываетъ близость текста обоихъ памятниковъ[1]). Кромѣ того, можно отмѣ-

---

1) Ср. въ соотв. съ Ник. IX, 10: и сиа оубо доволне мною оплакася слово; Ник. IX, 28: ни тогова щенца; — Ник. IX, 26: оубоялӥ оубо быша и ӥпо̂ви таковаго (ср. Никон. и Воскр. Новоіерус. исполни вм. исполини); — IX, 32: яко око

тить слѣдующее обстоятельство. Въ той же рукописи Новгород-
ско-Соф. библ., гдѣ находится списокъ лѣтописи Манассія, по-
мѣщенъ на л. 399 и сл. краткій лѣтописецъ (о немъ ничего н
сказано въ описаніи этой рукописи у Попова), начинающійся от
Адама и оканчивающійся слѣдующею фразой: «сынъ его кир
калуянъ по немъ нача царствовати в лѣто 6933 православенъ»
Мы имѣемъ основаніе думать, что этимъ самымъ перечнемъ ви-
зантійскихъ царствованій воспользовался составитель хроно-
графа, согласовавшій его съ данными Еллинскаго лѣтописц
Особеннаго вниманія заслуживаетъ слѣдующая поправка; 2-
редакція Еллинскаго лѣтописца говоритъ о царствованіи Алексѣ
Комнина такъ: «алеѯее комнинъ лѣтъ лз҃ мѣсяць д҃ и полъ право-
славный». Въ хронографѣ редакціи 1512 года читаемъ: «По ники-
форѣ ватаниотѣ царствова алексеи комнинъ лѣтъ з҃. и мѣсяц
седмъ православенъ»; въ хронографѣ, не раздѣленномъ на глав
(и въ Никоновской лѣтописи): «лѣтъ з҃. и мѣсяць 6 православенъ»
Поправка 37 лѣтъ 4½ мѣсяцевъ на 7 лѣтъ и 6 (или 7) мѣся-
цевъ сдѣлана, очевидно, на основаніи лѣтописца, подобнаго помѣ-
щенному въ рукописи № 1497, гдѣ читаемъ: «алексие комнин
лѣтъ з҃ и мѣсяць 6 православенъ». Оставляю въ сторонѣ вопрос
какъ могло получиться такое неточное указаніе числа лѣтъ цар-
ствованія Алексѣя Комнина.

И такъ, мы еще разъ имѣемъ возможность указать на т
что источники хронографа могли ко времени его составленія на-
ходиться въ Россіи въ русскихъ или сербскихъ спискахъ.

Предыдущее изслѣдованіе, установившее фактъ пользовані
со стороны составителя хронографа: 1) Еллинскимъ лѣтописцем
2-й редакціи, т. е. памятникомъ, составленнымъ въ Россі
2) протографомъ рукописи Московской Духовной Академіи № 23
т. е. сборникомъ, извѣстнымъ съ XV в. въ Россіи, и наконец

ис тила и отрѣѳалистъ;—IX, 25: Ѳока магнистъ;—IX, 86: на каковую высо
взятся; — IX, 87: и дѣтемъ вм. ибо тѣмъ (ср. Никон. списокъ II., а так
Новоіерусал. и Погод. 1404); и др.

3) протографомъ списка Новгородско-Соф. библ. № 1497, т. е. находившимся уже въ Россіи спискомъ лѣтописи Манассіи,—доказываетъ необходимость слѣдующаго вывода: хронографъ составленъ (въ 1442 г.) въ Россіи.

IV.

Перехожу къ наиболѣе интересному вопросу, вопросу о личности составителя хронографа. Наше вниманіе должно прежде всего остановиться на томъ обстоятельствѣ, что составитель хронографа уже въ первой половинѣ XV вѣка могъ воспользоваться цѣлымъ рядомъ только что проникшихъ въ Россію сербскихъ памятниковъ: сюда относятся сербская Александрія и въ особенности житіе Стефана Лазаревича, составленное въ 1431 году; далѣе, въ виду предшествующаго изслѣдованія, надо заключить, что въ распоряженіи составителя хронографа находились не только сербскіе памятники (каковы житіе Саввы или сербская редакція лѣтописи Манассіи), но даже обширные сборники сербскаго происхожденія (каковъ протографъ рукописи Моск. Дух. Ак. № 230). Это обстоятельство слѣдуетъ прежде всего сопоставить съ тѣмъ, что сербское или вообще юго-славянское вліяніе сказалось и на тѣхъ статьяхъ, русское происхожденіе которыхъ несомнѣнно.

Я не касался въ предшествующемъ изслѣдованіи тѣхъ русскихъ лѣтописныхъ статей и извѣстій, которыя, какъ мы видѣли, во всякомъ случаѣ восходятъ къ основной для извѣстныхъ намъ редакцій хронографа. Разсматривая эти части хронографа, видимъ въ нихъ указаніе на не русскаго редактора, а именно на южнаго славянина: это должно быть сопоставлено съ пользованіемъ со стороны составителя первоначальной редакціи хронографа юго-славянскими источниками, а отсюда съ неизбѣжностью слѣдуетъ, что часть, и при томъ, вѣроятно, бо̀льшая часть, русскихъ извѣстій основной для хронографа 1512 г. и для хронографа, не раздѣленнаго на главы, редакціи восходитъ къ первоначальной редакціи хронографа. И такъ, въ изложеніи рус-

скихъ событій первоначальной редакціи хронографа сказался юж
ный славянинъ. Это видно, во-первыхъ, изъ отдѣльныхъ слов
свидѣтельствующихъ о не русскомъ происхожденіи редактор
такъ русское Корсунь замѣнено черезъ Херсонь (ред. 1512 г
или Херсунь (Русск. Вр. I, 4); имена Святославъ и Святопол
переданы черезъ Цвѣтославъ и Цвѣтополкъ, напр. подъ 647
6523, 6527, 6576, 6586, 6581 и др. гг.; извѣстіе 1407 год
читаемое въ Новгородской 4-й лѣтописи (IV, 110): «Литва взя
Одоевъ, а Москвичи быша подъ Вязмою, и смиришася», во всѣх
спискахъ хронографа редакціи 1512 года передано слѣдующим
образомъ: «а Витовтъ взялъ Одоевъ, а Москвичь (или Москвич
били подъ Вязьмою» (ср. Изборникъ, стр. 70), гдѣ били вм. бы
объясняется какъ сербизмъ. Во-вторыхъ, то же слѣдуетъ из
состава нѣкоторыхъ статей хронографа. Повѣсть объ убіені
Батыя (ср. ред. 1512 г., Изборникъ, стр. 44 и Русск. Вр.
165) является необходимою частью того обширнаго сказанія
нашествіи татаръ, которое помѣщено въ первоначальной реда
ціи хронографа (Нач. Хощу рещи, о друзи и братія, повѣст
яко не точію человѣки и т. д.): связь этой повѣсти съ хроногр
фомъ несомнѣнна еще кромѣ того потому, что въ ней: 1) встрѣ
чается извѣстіе, заимствованное изъ Житія Саввы, одного из
источниковъ первоначальной редакціи хронографа, а имен
извѣстіе о крещеніи венгерскаго короля Власлова отъ св. Са
вы[1]), 2) въ полной редакціи этой повѣсти (ср. подстрочное при
мѣчаніе) читается выдержка изъ статьи хронографа о крещені
Угровъ, заимствованная, какъ извѣстно, изъ Сказанія о латынех
попавшаго въ хронографъ черезъ 2-ю редакцію Еллинскаго лѣ
тописца: а именно, здѣсь читается, что Угры были сначала кр
щены въ православіе, а потомъ совращены римлянами въ сво
ересь. Вмѣстѣ съ тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію и то, что авт

---

1) Въ полной редакціи этой повѣсти, помѣщенной въ видѣ приложенія к
Мученію Михаила и Ѳеодора черниговскихъ, согласно съ Житіемъ Саввы, гов
рится, что этотъ святой лишь обратилъ его отъ римской ереси къ непорочн
и христіанской вѣрѣ греческой.

ромъ этой повѣсти былъ южный славянинъ: 1) общее содержаніе ея повторяетъ, очевидно, южно-славянское народное преданіе объ отраженіи татаръ венгерскимъ королемъ Владиславомъ, при чемъ оно пріурочено къ извѣстію русскихъ лѣтописей о нашествіи Батыя на Венгрію и о послѣдовавшемъ тамъ его пораженіи, 2) имена Власлова, Варандина (Вараждина) врядъ ли могли быть извѣстны русскому повѣствователю, 3) въ этой повѣсти встрѣчаются указанія на знакомство автора съ топографіей Вараждина, обведеннаго водами и изобилующаго виноградниками; о мѣдномъ изображеніи Владислава верхомъ на конѣ и съ сѣкирою въ рукѣ сказано (въ полной редакціи повѣсти), что оно водружено на столпѣ «на видѣніе и память роду и до сего дне»; 4) наконецъ, языкъ повѣсти обличаетъ южнаго славянина: ср. слово планина въ фразѣ: Батыеви же бѣжащу ко угорскимъ планинамъ (сербск. планина: гора, покрытая лѣсомъ).

И такъ, мы получаемъ ясныя указанія на то, что русскія статьи и извѣстія внесены въ хронографъ и редактированы южнымъ славяниномъ. Но принимая во вниманіе предыдущій нашъ выводъ о томъ, что хронографъ составленъ въ Россіи, имѣя въ виду также и то, что выводъ этотъ подтверждается обстоятельствомъ внесенія въ хронографъ статей и извѣстій изъ русскихъ лѣтописей, мы не можемъ сдѣлать иного заключенія, какъ только того, что этотъ южный славянинъ работалъ надъ хронографомъ въ Россіи. Мы видѣли, что бо̀льшая часть не русскихъ источниковъ хронографа — сербскаго происхожденія, видѣли также въ нѣкоторыхъ отрывкахъ хронографа явные сербизмы; заключаемъ отсюда, что составителемъ его былъ именно сербъ, жившій въ Россіи. Подтвержденіе такому заключенію ищемъ и находимъ въ языкѣ хронографа: кромѣ сербизмовъ, приведенныхъ выше и въ обиліи встрѣчающихся на всемъ протяженіи хронографа по спискамъ редакціи 1512 года[1]), внима-

1) Ср. въ Новоіерусал. сп.: путь вм. плоть въ житіи Иларіона Меглинскаго (аще путь божество нарицаете, Изборникъ, стр. 18); въ Погод. 1404 а: подобаетъ же мало мы (вм. ми) великаа того объявити: въ Никон. ошибочно малыми

ніе наше останавливаютъ нѣкоторые случаи, которые можн
звать антисербизмами, а именно неправильную, вызванную
ною аналогіей замѣну того или другого сербскаго звука русс
Такъ напр. русскому ол соотвѣтствуетъ въ живомъ серб
произношеніи у (волкъ — вук, полнъ — пун); этимъ объясн
появленіе въ хронографѣ ол вм. у и тамъ, гдѣ сербскому у
вѣтствуетъ въ русскомъ языкѣ у. Такъ форма молчаше, ч
мая въ спискѣ Погод. № 1404 а (списокъ безъ всякаго сом
русскій) вм. моучаше, восходитъ, думаю, къ первоначально
дакціи хронографа (и братью молчаше соущую в монастырѣ
житія Стефана Дечанскаго, ср. Изборникъ, стр. 52 и Н
X, 201): это объясняетъ намъ, почему Новоіерусал. спи
опустилъ совсѣмъ это слово (и братью сущую въ монасть
какъ непонятное. Равнымъ образомъ, въ соотвѣтствіи съ б
обыченъ лѣтописи Манассіи, прочтенномъ какъ благообу
(ср. такое чтеніе въ Погод. 1404 а, въ Никон. IX, 31), въ
воначальной редакціи хронографа стояло, повидимому, благо
ченъ, какъ мы читаемъ въ Новоіерусал. спискѣ (Цимисхі
имый разумъ благооболченъ). Появленіе антисербизма, какъ
чаше вм. мучаше, можетъ быть обязано только сербу и при
сербу, или списывавшему русскій подлинникъ или писавшем
Россіи: читая ол русскихъ книгъ какъ у, онъ, не справляяс
дѣйствительнымъ русскимъ произношеніемъ, могъ писать
тамъ, гдѣ русскіе произносили у.

Кто же могъ быть этотъ сербъ, въ 1442 году составин
въ Россіи хронографъ? Думаю, что на этотъ вопросъ мо
быть данъ вполнѣ опредѣленный отвѣтъ: это былъ извѣс
Пахомій. Отвѣтъ этотъ подсказывается главнымъ образомъ
тою же повѣстью о Батыѣ, которая такъ ясно указываетъ,
редакторомъ хронографа былъ сербъ. Мы видѣли, въ какой
ной связи она находится съ другими статьями хронографа,

(IX, 31), а въ Новоіерусал. малому. Никон.: увезается (IX, 27), щенется (IX
вин. мн. холми (IX, 32), тв. мн. дожды (IX, 88), Новоіерусал.: привезавшися
ведаре и др.

дѣли также, что она вполнѣ у мѣста въ сказаніи о нашествіи татаръ: нѣтъ сомнѣнія, что она составлена именно для хронографа. Между тѣмъ мы ее встрѣчаемъ въ видѣ приложенія къ сказанію о Михаилѣ и Ѳеодорѣ черниговскихъ въ той именно редакціи этого сказанія, которая принадлежитъ Пахомію сербину (ср. въ сп. Унд. XVI в., № 565 надпись: «твореніе ермонаха Пахомія Св. Горы»). Вотъ что говоритъ о происхожденіи этой повѣсти Ключевскій (Древнерусскія житія святыхъ, стр. 147): «Къ сказанію о кн. Михаилѣ Пахомій приложилъ повѣсть «о убіеніи злочестиваго царя Батыя» въ Венгріи; сухое книжное изложеніе пощадило въ ней нѣкоторые поэтическіе мотивы, по которымъ легко замѣтить, что это — народная южно-славянская пѣсня о Батыѣ, въ книжной обработкѣ пущенная пришлымъ сербомъ въ древнерусскую письменность». Допустивъ, что авторомъ повѣсти объ убіеніи Батыя былъ Пахомій[1]), мы должны заключить, что все сказаніе о нашествіи татаръ, внесенное въ хронографъ, составлено имъ же: но составитель этого сказанія былъ несомнѣнно составителемъ и всего хронографа, что̀ легко вывести изъ того вліянія нѣкоторыхъ хронографическихъ статей, которое на немъ отразилось; въ предпосланномъ сказанію плачѣ о погибели русской земли находимъ напр. слѣдующую фразу: «и крѣпкихъ сердца въ слабость женскую преложишась» (Русск. Вр., I, 110; Изборникъ, стр. 59); ср. въ 201-й главѣ хронографа редакціи 1512 г., въ отрывкѣ, заимствованномъ изъ Предисловія инока Исаіи къ твореніямъ Діонисія Ареопагита: «и сердца храбрая доблественыхъ мужей въ женъ слабѣйшая преложишася» (Изборникъ, стр. 55); слова «и нечувственное каменіе можетъ подвигнути на плачь, и глаголати: горе и увы!» напоминаютъ читаемую въ томъ же отрывкѣ фразу: «увы, умиленъ плачь и позоръ бѣ видѣти, оста земля всѣхъ добрыхъ пуста». И такъ, перу Пахомія, которому обязана появленіемъ повѣсть объ убіеніи

---

1) Съ этимъ согласенъ и М. Халанскій. См. его Великорусскія былины кіевскаго цикла, гдѣ разбору повѣсти о убіеніи злочестиваго царя Батыя посвящена глава XI.

Батыя, принадлежитъ и все сказаніе хронографа о нашест татаръ и даже весь хронографъ.

Въ подтвержденіе предложенной здѣсь догадки о томъ, ч Пахомій сербинъ составилъ въ 1442 году хронографъ, мож привести и то обстоятельство, что мы имѣемъ ясныя доказател ства его пребыванія въ Россіи съ 1443 года. Такъ въ рукоп Троицкой Лавры XV в. № 180 (1859) находимъ на листѣ 103 подпись[1]), которую передаемъ возможно точно: мнѡ҃грѣшни[2] п҃слѣ҃ пѡ҃ пахѡміе въ лѣ ҂ѕ҃ц҃н҃а҃ (т. е. 1443 г.), а на лис 355 об.: въ лѣто ѕ҃цнг кр҃ѹ лѹ҃ ѯ҃і. Эта рукопись (Книга Симео Богослова и Палея), очевидно, писана сербомъ (можетъ бы самимъ Пахоміемъ) въ Россіи: этимъ объясняются не толь сербизмы, которые находятся во всей рукописи, но и ант сербизмы, существованіе которыхъ, какъ мы видѣли, мож понять только при предположеніи, что рукопись писана се бомъ въ Россіи. Отмѣчу нѣсколько такихъ антисербизмов садаши 95, творанїа бжіа 95, трепащѹщаго 97 об., пр ѡбидаша 89 об., начнать 103, принесате 326 и т. д. (а мѣнило е и ѣ потому, что сербъ произносилъ а русскихъ кни какъ е). Сходные пріемы письма, и при томъ съ еще больши количествомъ сербизмовъ, представляетъ Троицкая рукоп № 116 (91), повидимому, писанная (въ части до 178-го лис Пахоміемъ, что̀ отчасти можно заключать изъ его подписи 167-мъ листѣ мо҃ па́хоміѡ; здѣсь также не мало антисерб мовъ: ѿидаши 111, чатирми 114, вьше҃ше в домь мои пре дета 150 об., сващѹ 153 (свѣчу), по вьзнесани хв҃ѣ 166, сл г҃на 153 об. Съ этими антисербизмами, кромѣ указаннаго вы молчаше вм. моучаше, ср. паче кедра сватаса въ Новоіеру хронографѣ (Никон. IX, 88), высоковыавъ и др.

Возраженіемъ противъ предположенія, что Пахомій бы составителемъ хронографа можетъ служить то обстоятельст

---

1) Ср. Ключевскій, 120; И. Некрасовъ, Пахомій Логоѳетъ.
2) Надъ г, вынесенвымъ подъ титло, читается маленькое о.

что онъ не говоритъ въ немъ ни о преподобномъ Сергіи, котораго былъ агіографомъ, ни о Троицкой обители, въ которой имѣлъ пребываніе. Правда, въ редакціи 1512 года даже не упомянуто о кончинѣ преп. Сергія, но это нисколько не доказываетъ, чтобы объ этомъ событіи не говорилось въ первоначальной редакціи хронографа. Имѣя же въ виду, что Русскій Временникъ (I, 326) подъ 1392 годомъ помѣщаетъ житіе преп. Сергія, я склоненъ думать, что оно читалось уже въ первоначальной редакціи хронографа. Можетъ быть, Пахомій внесъ въ хронографъ первую, древнѣйшую свою передѣлку Сергіева житія, которая такимъ образомъ относится къ 1442 году: это согласуется съ выводомъ Ключевскаго, относящаго первое сокращеніе Епифаніева труда, сдѣланное Пахоміемъ, ко времени 1438—1443 г.[1]), при чемъ нельзя не признать доводовъ почтеннаго ученаго весьма убѣдительными; дѣйствительно, отсутствіе въ спискахъ перваго пересмотра разсказа о чудѣ съ пресвитеромъ Симеономъ, записанномъ въ Троицкомъ монастырѣ съ его словъ и случившемся въ 1441—1443 г., ясно указываетъ, что къ этому времени первый пересмотръ житія былъ уже оконченъ. Впрочемъ, мнѣ не удалось съ точностью установить отношенія лѣтописныхъ редакцій и редакціи Русскаго Временника Житія Сергіева къ такъ называемому первому пересмотру его, принадлежащему Пахомію и извѣстному мнѣ по списку Троицкой Лавры № 746.

И такъ, я считаю доказаннымъ, что первоначальная редакція хронографа составлена въ 1442 году въ Россіи Пахоміемъ сербиномъ. Прежде чѣмъ перейти къ краткому очерку дальнѣйшей литературной исторіи хронографа, остановлюсь на вопросѣ о томъ, какими русскими лѣтописными источниками могъ воспользоваться для своего хронографа Пахомій.

1) Ключевскій ошибочно подтверждаетъ свое мнѣніе ссылкою на Троицк. рук. № 746; эта рукопись представляетъ изъ себя нѣсколько сшитыхъ вмѣстѣ рукописей; въ одной изъ нихъ находится приписка, упоминающая объ игуменѣ Зиновіи († 1443), а въ другой древнѣйшій списокъ Пахоміевой редакціи перваго пересмотра: слѣдовательно, указанная приписка ничего не доказываетъ относительно времени составленія Пахоміева труда.

V.

Имѣя въ виду общій характеръ Пахоміева труда, котор стремился дать въ сжатомъ очеркѣ то, что въ пространномъ ви находилъ въ своихъ источникахъ (въ особенности любопыт мастерское сокращеніе сербскихъ житій), надо думать, что П хомій не гонялся за многочисленными источниками при изложе русскихъ событій, а ограничился однимъ или двумя лѣтописны сборниками, изъ которыхъ и сдѣланы соотвѣтственныя извлеч нія. Думаю, что на основаніи изученія русскихъ статей хрон графа можно придти къ нѣкоторымъ опредѣленнымъ выводам о составѣ и характерѣ одного изъ этихъ источниковъ. Во-пе выхъ, отмѣчу, что онъ во всякомъ случаѣ оканчивался до 1442 г да: слѣдовательно, часть русскихъ событій, находящихся нап въ редакціи 1512 года, и между прочимъ во всякомъ случаѣ с бытія послѣ 1442 года — вставлены въ хронографъ уже поз нѣйшимъ редакторомъ. Во-вторыхъ, замѣчу, что составъ и х рактеръ Пахоміева источника легче выяснить по начальны лѣтописнымъ извѣстіямъ, чѣмъ по извѣстіямъ позднѣйшимъ, та какъ съ одной стороны не извѣстна граница этихъ позднѣйши событій, а съ другой — преимущественно на нихъ должна бы лечь рука позднѣйшаго редактора. Сопоставляя хронографич скія данныя XI—XIV вѣка съ извѣстными намъ лѣтописям приходимъ къ заключенію объ особенной близости этихъ да ныхъ, какъ къ Новгородской сокращенной лѣтописи, издан кн. Оболенскимъ [1]), и восходящей къ одному общему оригинал съ лѣтописью, содержащеюся въ рук. Синод. библ. № 154, с лѣтописью Аврамки, съ Новгородскою 4-ю лѣтописью, съ лѣт писью Даниловича, съ Тверскою лѣтописью и съ Суздальско лѣтописью по Академическому списку. Всѣ указанныя лѣтопис имѣютъ между собою то общее, что одинаковыми словами пер даютъ многія извѣстія, читающіяся пространно въ древних

---

1) Супрасльская рукопись, содержащая Новгородскую и Кіевскую сокр щенныя лѣтописи. М. 1836.

лѣтописныхъ сборникахъ, въ сокращенномъ видѣ. Такъ напр., одинаково изложено въ названныхъ лѣтописяхъ извѣстіе 6836 (1328) года: «сѣде на великое княженіе князь великій Иванъ Даниловичь и бысть по всей земли тишина велика»; или подъ 1393 въ хронографѣ и Новг. 4-й одинаково читаемъ: «ходилъ въ другій рядъ князь Василей въ орду къ царю, и онъ ему далъ Новгородцкое княженіе Нижняго Новагорода, Муромъ, Мещеру, Торусу». Систематическое сравненіе хронографа съ Новгородской 4-й лѣтописью показываетъ, что приблизительно до второго десятилѣтія XV вѣка оба памятника пользовались однимъ общимъ источникомъ. Еще большая близость оказывается между хронографомъ и лѣтописями Аврамки, Супрасл. и Синод. № 154: даже начало ихъ, гдѣ говорится о разселеніи славянъ, общее, при чемъ первоначальный источникъ лучше сохранился въ хронографѣ, чѣмъ въ этихъ лѣтописяхъ, что̀ видно хотя бы изъ того, что фраза: «бысть языкъ словенскыи отъ племене Афетова» не ясна въ нихъ безъ предшествующаго разсказа (сохраненнаго въ хронографѣ) о столпотвореніи и разсѣяніи языковъ. Особенно сближается хронографъ съ указанными лѣтописями двумя общими хронологическими ошибками: смерть Ярослава Изяславича, случившаяся въ 6594—6595 гг., ошибочно отнесена въ нихъ къ 6600-му году, и вслѣдъ за этимъ извѣстіемъ въ нихъ (въ хронографѣ съ ошибочнымъ указаніемъ 6607 г.) приведено извѣстіе объ освященіи Печерской церкви св. Богородицы, имѣвшемъ мѣсто въ 6597 году. Смерть Святополка Изяславича въ хронографѣ отнесена къ 6620 г. (вм. 6622), ср. въ Супр. 6620 г. (ѕ҃. х҃. к҃. е, вм. чего въ лѣт. Аврамки 6625). Принимая во вниманіе, что протографъ Синод. № 154, лѣтописи Аврамки и Супр. представлялъ изъ себя соединеніе Новгородской 4-й лѣтописи съ другою, краткою лѣтописью, не новгородскаго происхожденія, что та же лѣтопись послужила нѣкогда источникомъ Новгородской 4-й лѣтописи въ одной изъ древнѣйшихъ редакцій, которую я отношу къ 1421 году, что изученіе не новгородскихъ извѣстій этой Новгородской лѣтописи, особенно въ части отъ 1384 года,

доказываетъ ихъ ростовское происхожденіе[1]), я заключа
общимъ источникомъ Новгородской 4-й, лѣтописи Аврамки и
ныхъ съ нею лѣтописей, а также Пахоміева хронографа
ростовская лѣтопись. Эта же лѣтопись лежитъ въ осн
послѣдней части (начиная съ середины XIII в.) лѣтописнаго
ника, содержащагося въ спискѣ Московской Духовной Ака
при чемъ послѣдній показываетъ, что она оканчивалась 14
домъ (ср. Лѣтопись по Академическому списку въ и
Археогр. ком.). Указанное обстоятельство вполнѣ согласуе
тѣмъ, что этой лѣтописью воспользовалась съ одной ст
Новгородская IV лѣтопись въ редакціи 1421 года, а съ д
Хронографъ 1442 года. Не ясно, слѣдуетъ ли возводит
извѣстія ранѣе 1419 г. въ дошедшихъ до насъ редакціяхъ
графа къ указанному источнику Пахоміева хронографа—р
ской лѣтописи, или нѣкоторыя изъ нихъ вставлены поздн
редакторомъ, составителемъ редакціи, основной для хроногр
1512 года и не раздѣленнаго на главы. Относительно из
1415 года о чудесахъ при гробѣ Петра чудотворца мож
увѣренностью сказать, что оно попало въ хронографъ н
ростовской лѣтописи, а изъ того источника, которымъ поздн
редакторъ дополнилъ его русскія извѣстія: дѣйствительн
извѣстіе по происхожденію своему новгородское, при томъ
это видно изъ Новгородской I-й и Новгородской IV-й лѣто
9-го марта случилось не исцѣленіе человѣка съ сведенною
а пріѣздъ новгородскаго владыки Симеона въ сопровож
пословъ новгородскихъ[2]). Напротивъ, при извѣстіи 1402

1) Ср. подъ 1396 г. роспись ростовскихъ владыкъ, доходящая въ др
шихъ редакціяхъ до Григорія (IV, 102), подъ 1408 извѣстіе о росто
пожарѣ и др.

2) И приихаша на Москву в лѣто 6924 марта въ 9, на 40 мучен
зборѣ в понедѣльникъ, а в четвертокъ той недѣли 12 день, простилъ Б
церкви святѣй Богородици, у гроба Петра митрополита: у человѣка но
коръчена исцѣлѣ. Ср. въ Хронографѣ: Въ лѣто 6923 у гроба Петр
творца бысть чюдо: у человѣка нога прикорчена исцѣлѣ марта въ 9 (
никъ, 71).

находимъ указаніе на то, что оно (сообщеніе о небесномъ знаменіи—кометѣ) внесено именно собирателемъ хронографа, который призналъ явленіе кометы предзнаменованіемъ походовъ Баязита и Тимура, «яко же пространно явихъ въ царствѣ Греческаго царя Мануила о сихъ» (ср. Изборникъ, стр. 69). Сербизмъ били вм. были въ извѣстіи 1407 г. (а Москвичь били подъ Вязьмою) доказываетъ, что и оно находилось уже въ первоначальной редакціи хронографа. Нѣтъ сомнѣнія, что Пахомій въ своемъ изложеніи русскихъ событій могъ пойти нѣсколько дальше, чѣмъ то позволялъ его русскій источникъ: ему должно приписать извѣстіе о смерти Василія Дмитріевича 7 февраля 1425 года, какъ это ясно изъ слѣдующей за тѣмъ фразы: «Того же лѣта преставися и зять его благочестивый царь Греческый Мануилъ». Составитель хронографа ошибался относительно родственныхъ отношеній между Василіемъ Дмитріевичемъ и императоромъ Мануиломъ: послѣдній не былъ зятемъ Василія Дмитріевича, а его сватомъ, такъ какъ дочь Василія Дмитріевича — Анна была за мужемъ за его сыномъ Іоанномъ, а не за нимъ, какъ сообщаетъ хронографъ (ср. 203-ю главу ред. 1512 года, напр. по спискамъ Новоіерусал., Чудовск. и Щаповск., а также списки редакціи, не раздѣленной на главы)[1]). Эта ошибка весьма характерна и, какъ мнѣ кажется, стоитъ въ связи съ тѣмъ, что составитель хронографа не былъ русскимъ, такъ какъ русскимъ, конечно, было извѣстно, что сестра великаго князя была за мужемъ за Калуяномъ и померла бездѣтною въ 1417 году[2]).

---

1) Потомъ же царь Мануилъ присла къ великому князю Василею Дмитреевичу на Москву послы своя прося у него за себе дщерь Анну ею же и отпусти ю со многою честію и сотвори бракъ любочестенъ и всенароденъ на многы дни царь Маноуилъ въ Царствующемъ градѣ... Царствова же Мануилъ 33 лѣта и роди ото Анны царицы шесть сыновъ: Калуяна, Андроника, Өеодора, Констянтина, Дмитрія, Өому.

2) Ср. Новгор. IV и др. подъ 1411 г.: И князь великій Василей Дмитрѣевичь да свою дочерь Анну въ Царьградъ за царевича Ивана Мануиловича.— Зосима іеродіаконъ, путешествовавшій въ 1420 г. по святымъ мѣстамъ, упоминаетъ о мѣстѣ погребенія Анны Васильевны.

Въ предшествующемъ изслѣдованіи мы указали на глав
шіе источники, лежащіе въ основаніи хронографа; въ виду п
зованія имъ русскими памятниками мы заключили о томъ, что
составленъ въ Россіи; въ виду хронологическихъ указаній,
держащихся въ самомъ хронографѣ, сдѣлали выводъ о томъ,
онъ составленъ въ 1442 году и, наконецъ, на основаніи со
купности различныхъ признаковъ признали составителемъ х
нографа іеромонаха Пахомія сербина.

Дальнѣйшею задачей является опредѣлить условія, при ко
рыхъ возникли дошедшія до насъ древнѣйшія редакціи хро
графа, а также возстановить характеръ и составъ той редак
которая, являясь основною для дошедшихъ до насъ редак
связываетъ ихъ съ первоначальною, Пахоміевою редакціей х
нографа.

VI.

На пути отъ первоначальной редакціи хронографа 1442 г
къ редакціи 1512 г. и редакціи, лежащей въ основаніи Русск
Временника, мы встрѣчаемся съ редакціею, которую смѣло мо
отнести къ 1509 году. Сравнительное изученіе списка Царск
съ прочими списками Софійской 1-й лѣтописи, принятыми
вниманіе издателемъ V тома П. С. Р. Л., показываетъ, что эт
списокъ принадлежитъ къ одной группѣ со списками Бальзер
скимъ и Горюшкинскимъ, отличающимися отъ прочихъ тѣмъ,
они содержатъ общій лѣтописный разсказъ, доведенный не
1422 г. (какъ напр. списки Карамз. и Обол.), а до 1462 г.,
чемъ во всѣхъ трехъ спискахъ за лѣтописнымъ извѣстіемъ эт
года слѣдуетъ описаніе Іоаннова похода на Новгородъ въ 147
подъ заглавіемъ: «Словеса избранна отъ святыхъ писаній и т.
(ср. т. VI, стр. 1—15). Отъ прочихъ списковъ Царск., Ба
зеровскій и Горюшкинскій отличаются между прочимъ тѣмъ,
въ поколѣнной росписи Мономаховичей, приведенной подъ 88
(V, стр. 90), названъ сынъ Ивана Васильевича Иванъ Ивано
(род. 1458 г.), котораго нѣтъ напр. въ Толстовскомъ спи

оканчивающемъ роспись Андреемъ Васильевичемъ старшимъ (род. 1446 г.). Но сходясь съ Бальзеровскимъ и Горюшкинскимъ, представляя рядъ общихъ съ ними чтеній, списокъ Царскаго оказывается съ одной стороны болѣе позднимъ, чѣмъ они по составу статей, общихъ съ другими списками Софійской 1-й лѣтописи[1]), а съ другой онъ сравнительно съ ними дополненъ лѣтописнымъ разсказомъ, доведеннымъ до 1509 года. Кромѣ того, находимъ существенныя дополненія и въ текстѣ до 1462 года, при чемъ отступленія списка Царскаго отъ Бальзеровскаго и прочихъ списковъ Софійской 1-й лѣтописи настолько значительны, что, начиная съ 1383 года, издателю V тома пришлось печатать текстъ этого списка въ особенномъ столбцѣ. И такъ, списокъ Царскаго, въ основаніи своемъ представляющій текстъ протографа—общаго оригинала списковъ Бальзеровскаго и Горюшкинскаго Софійской 1-й лѣтописи, дополненъ и продолженъ на основаніи другихъ или другого источника. Останавливаясь на вопросѣ о единственности или множественности дополнительныхъ источниковъ, мы замѣчаемъ, что между дополненіями древнѣйшихъ частей и частей отъ 1383 до 1462 и сл. годовъ есть общая связь, данная тѣмъ, что всѣ эти дополненія восходятъ къ хронографу. Отсюда выводимъ, что единственнымъ источникомъ дополненій для списка Царскаго былъ хронографъ. Но сначала докажу первое положеніе, т. е. что источникомъ дополненій какъ древнѣйшихъ, такъ и позднѣйшихъ лѣтописныхъ статей былъ дѣйствительно хронографъ.

Подъ 1024 г. изъ всѣхъ списковъ Софійской 1-й лѣтописи только въ спискѣ Царскаго читаемъ: того же лѣта родися Ярославу вторый сынъ Изяславъ, ср. то же въ Хронографѣ 1512 г.[2]) и Русскомъ Временникѣ. Подъ 6600 (1092), согласно съ хро-

1) Такъ напр. роспись Мономаховичей подъ 887 годомъ приводитъ здѣсь всѣхъ сыновей Ивана Васильевича (а Василія Ивановича называетъ даже великимъ княземъ), между тѣмъ въ Бальзеровскомъ и Горюшкинскомъ она оканчивается на Иванѣ Ивановичѣ.

2) Того же лѣта родися Ярославу сынъ Изяславъ (Изборникъ, стр. 11).

нографомъ, читаемъ: того же лѣта убьенъ быстьИрополкъ И
славичь (V, 149, прим. о)[1]). Подъ 6607 ошибочно, какъ и
хронографѣ[2]): того же лѣта священа бысть церкви Успеніе с
тыя Богородици Печерьская Іоанномъ митрополитомъ, при в
комъ князѣ Всеволодѣ Ярославичѣ. Подъ 6755 (1247) на по
также въ текстѣ подъ слѣдующимъ годомъ, гдѣ, впрочемъ,
добавленіе помарано (V, стр. 186, прим. и), читаемъ: въ л
6755 сѣде въ Володимери на столѣ по Ярославѣ братъ его С
тославъ, и сидѣ лѣто едино, и прогна и князь Михайло Ярослав
ср. то же въ Хронографѣ 1512 г.[3]) и въ Русскомъ Времен
(I, 165). Подъ 6840 (1332): Того же лѣта гладъ бысть по в
земли великъ; ср. то же въ Хронографѣ 1512 г. (гладъ бысть
всей земли великъ зѣло, Изборникъ, стр. 53). Въ соотвѣтс
съ извѣстіемъ 6893 (1385) г. Бальзеровскаго и Горюшкинск
списковъ: «Пуминъ митрополитъ поиде въ Царьградъ», мы
таемъ въ спискѣ Царскаго: «Князь Василей Дмитреевичь ход
ордѣ; и Пиминъ митрополитъ поиде ко Царюграду на Новгор
и Новгородци митрополиту не дали мѣсяца судити въ Новѣгор
Того же лѣта поиде Пиминъ митрополитъ въ Царьградъ», ср
же въ Хронографѣ 1512 г. (въ лѣто 6893 князь Вас
Дмитріевичь поиде ко ордѣ, а Пименъ митрополитъ поиде
Царюграду на Новъградъ, и Новогородцы не дали ему мѣс
судити, ср. Изборникъ, стр. 60, и Новоіерусал. сп.). Всему
рывку 6898 (1390) г. отъ словъ: «Того же лѣта били челом
до «поа княжну Софію» (V, 244) соотвѣтствуетъ тожествен
текстъ въ Хронографѣ 1512 г. (Изборникъ, стр. 61). Тоже о
сится къ отрывку подъ 6904 (1396) г. отъ словъ: «Кипріанъ
трополитъ постави» и до словъ: «ниже Казани 60 верстъ» (V, 2
250), ср. Хронографъ 1512 г. (Изборникъ, стр. 68). П
1407 г. находимъ тотъ же сербизмъ, какъ въ Хроногр

---

1) Ср. сказанное выше на стр. 83 объ этомъ событіи.

2) Ср. выше, стр. 83.

3) По Ярославѣ сѣде на великомъ княженіи братъ его Святославъ и
бысть едино лѣто и согна его князь Михаило Ярославичь.

1512 г., на который мы указывали уже выше: «Того же лѣта князь великый Василей Дмитреевичь воевася съ Литвою, а Витовтъ взя Одоевъ, а Москвичи *били* подъ Вязмою; и смирися Витовтъ съ великимъ княземъ съ Московскимъ» (V, 256; Изборникъ, стр. 70). Такое же тожество текстовъ замѣчается напр. подъ 1436, 1438, 1439, 1440, 1449 и др. гг. Вообще, начиная съ XV вѣка близость списка Царскаго къ Хронографу 1512 года становится еще значительнѣе, такъ что исключаетъ всякое сомнѣніе въ ближайшей между ними связи. Эту связь можно понять только такъ, что составитель списка Царскаго пользовался хронографомъ, а не обратно, какъ ясно: 1) изъ того, что напр. подъ 1407 годомъ встрѣтился сербизмъ били вм. были, понятный въ хронографѣ, но совершенно неумѣстный въ спискѣ Царскаго, 2) изъ того, что въ хронографѣ и спискѣ Царскаго находятся общія ошибки, восходящія къ опредѣленной мною выше ростовской лѣтописи (источникѣ Новгородской IV, Лѣтописи Аврамки, Супр. и др.), непосредственное вліяніе которой на списокъ Царскаго доказать нельзя: ср. ошибочный 6600 годъ, какъ годъ смерти Ярополка Изяславича и 6607-й (вм. 6600 ростовской лѣтописи), какъ годъ освященія Печерской церкви; 3) хронографъ не могъ пользоваться спискомъ Царскаго и потому, что многихъ его извѣстій нѣтъ въ этомъ спискѣ, а другія изложены въ хронографѣ полнѣе и въ болѣе первоначальной редакціи, чѣмъ въ спискѣ Царскаго; такъ, напримѣръ, въ спискѣ Царскаго опущены послѣ описанія мора 6935 (1427) г., слѣдующія слова, находящіяся, напримѣръ, въ Новоіерусал. сп. Хронографа 1512 г.: «и после того мира какъ после потопа толико лѣтъ люди не почали жити». Въ спискѣ Царскаго сохранились ясные слѣды, что именно его составитель, а не составитель протографа его пользовался хронографомъ, какъ дополнительнымъ источникомъ. Такъ напр. подъ 6953 (1445) г. въ спискѣ Царскаго зачеркнуты нѣкоторыя извѣстія, общія съ Горюшкинскимъ и Бальзеровскимъ спискомъ и не находящіяся въ хронографѣ (V, 267, прим. а), а въ концѣ года прибавлено три извѣ-

стія, изъ которыхъ два почти тожествен
года въ Хронографѣ 1512 г. Далѣе, мь
хронографа внесены въ текстъ списка Ца
ваются на поляхъ и при томъ написаны
6922 (1414) г. слова тожественныя съ
никъ, стр. 70—71): «того же лѣта фотѣ
царюграду и доиде литвы. и витовтъ
обоималъ; възвратися фотѣй на москву о
Царскаго вынесены на поле другою ру
подъ 6953 (1445) слова «да съ егупом
82: съ братомъ своимъ съ Ягупомъ) при
скаго на полѣ (V, 268, прим. а); приведе
(1247) г. также приписана въ спискѣ Ц
Подъ 6913 (1405) въ спискѣ Царскаго
меніи, случившемся въ Москвѣ въ дом
прим. с): этого извѣстія нѣтъ въ Хроно
но что̀ оно могло быть въ первоначально
ціяхъ хронографа, видно какъ изъ тог
скомъ Временникѣ (I, 264), такъ и изъ
дѣтельству Новгор. IV лѣтописи и Лито
вича (ср. также по списку, изд. Бѣлокуро
ходитъ къ ростовской лѣтописи. И такъ,
скаго дополнялъ свой оригиналъ — Соф
основаніи Хронографа. Въ виду этого
вѣроятно, что именно изъ Хронографа п
весь лѣтописный разсказъ, не находящій
ровскомъ и Горюшкинскомъ и между пр
тіяхъ XV вѣка. Принявъ во вниманіе,
ходитъ до 1509 сентябрьскаго года, пр
зывается событіе 26 ноября этого года
упоминаніе о смерти Димитрія Ивановича
вича, случившейся 14 февраля сентя
1509 года, стоитъ въ тѣсной связи съ
мянуто подъ 1508 г. при перечисленіи

въ Архангельскомъ соборѣ, я заключаю, что хронографъ, послужившій источникомъ списка Царскаго, составленъ въ концѣ 1508-го январскаго или началѣ 1509-го сентябрьскаго года [1]).

Существованіе такой редакціи хронографа стоитъ въ тѣсной связи съ указаніемъ другого списка Софійской же 1-й лѣтописи на то, что до конца XV в. доходила другая, весьма сходная съ только что указанною редакція.

Въ Новоіерусалимскомъ сборникѣ, гдѣ находится Софійская 2-я лѣтопись, изданная въ VI т. П. С. Р. Л., вслѣдъ за этой лѣтописью, безъ всякаго заглавія, слѣдуетъ другая, начинающаяся 1445 и оканчивающаяся 1538 годомъ: эта лѣтопись подъ названіемъ «Отрывокъ лѣтописи по Воскресенскому Новоіерусалимскому списку» издана въ VI-мъ же томѣ указаннаго собранія (стр. 277—303). Разсматривая эту лѣтопись, мы замѣчаемъ, что до 1491 (6999) г. она представляетъ почти непрерывный лѣтописный разсказъ (опущены только 6961, 6962, 6964-6968, 6973-6975, 6979 и 6980 гг.); вслѣдъ за послѣднимъ извѣстіемъ 6999 года, читаемъ извѣстіе 7006 г., послѣ котораго идутъ извѣстія 7022 и слѣд. годовъ. Я думаю, что всю эту лѣтопись можно раздѣлить на двѣ части — первую, которая идетъ до 6999-го года, и вторую, которая начинается 7006 годомъ. Въ этомъ убѣждаетъ сравненіе съ однимъ малоизслѣдованнымъ памятникомъ, извѣстнымъ подъ названіемъ Архивскаго списка Воскресенской лѣтописи (ср. VII т. П. С. Р. Л., стр. VIII). Сравненіе его со списками Воскресенской лѣтописи показываетъ, что онъ сходенъ съ ними только до 6987 (1479) года включительно: послѣ сентябрьскаго и октябрьскаго извѣстія 6988 года, а именно, начиная со словъ: «Тое же осени по отъѣздѣ великого князя в новъградъ», Архивскій списокъ сходствуетъ съ Новгородской IV лѣтописью по списку Хронографа и вмѣстѣ съ тѣмъ съ Отрывкомъ по Новоіерусал. списку. Сходство съ послѣд-

1) Многое изъ сказаннаго здѣсь о составѣ московскихъ лѣтописныхъ сводовъ мнѣ пришлось повторить въ рецензіи на трудъ И. А. Тихомирова «Обозрѣніе лѣтописныхъ сводовъ Руси сѣверо-восточной».

нимъ такъ значительно, что и здѣсь, вслѣдъ за извѣстіе
6999 года, читаемъ то же извѣстіе 7006 года, какъ въ Отрыв
при чемъ однако незаполненные въ Отрывкѣ года 7007-70
оказываются заполненными, но за то дальнѣйшій текстъ 702
7046 гг. вполнѣ тожественъ въ обоихъ спискахъ (въ Архивско
затѣмъ описанъ еще одинъ годъ 7047-й, которымъ онъ и ок
чивается). Соображая все это видимъ, что Архивскій списо
возводится къ двумъ главнымъ источникамъ: первый (сходны
но, замѣчу здѣсь же, гораздо болѣе древній сравнит. съ Вос
лѣтописью) источникъ обнималъ событія до 6988 (1480) г.
изъ второго взяты событія 6988-7047 гг. Этотъ второй исто
никъ, вмѣстѣ съ Отрывкомъ по Новоіерусал. списку, возводи
къ одному общему оригиналу, о которомъ теперь, сопоставл
данныя Архивскаго списка и Отрывка, можно сказать меж
прочимъ слѣдующее: онъ представлялъ механическую спай
двухъ памятниковъ: первый изъ нихъ доходилъ до 6999 (14
года, а изъ второго взято описаніе слѣдующихъ годовъ, п
чемъ сводчикъ думалъ начать заимствованія изъ второго исто
ника съ того самаго года, до котораго доведенъ первый исто
никъ, т. е. съ 7000 (1492) г.; но при этомъ онъ впалъ
ошибку, прочтя указаніе подлинника: въ лѣто з҃ е ѕ҃ декаб
(т. е. 7006 г., декабря), какъ: въ лѣто 7000, 6 декабря. Эти
и объясняется, почему онъ за событіями 6999 (1491) г. п
мѣстилъ декабрьскія событія 7006 (1498) года. Что это так
видно изъ Архивскаго списка, гдѣ, вслѣдъ за извѣстіе
1491 г.[1]), читаемъ: «въ лѣто з҃ въ ѕ҃ днь҃ (вм. декабря) восп
лилсѧ кнѧзь великіи» и т. д.: слѣдовательно, Архивскій список
согласно со своимъ подлинникомъ, приписалъ 7000-му году с
бытіе 7006-го[2]). Послѣ этихъ замѣчаній обращаюсь къ вопрос

---

1) Того же лѣта пріидоша ис поля князя великого воеводы, князь Пет
Микитичь да князь Иванъ Михаиловичь Рѣпня Оболенскіе (ср. Новг. IV по
Хроногр., стр. 160).

2) А что это не описка въ Архивскомъ спискѣ, видно изъ того, что
этимъ слѣдуютъ 7001, 7002 и т. д. гг. съ ошибкою на 6 лѣтъ (такъ подъ 70
описано событіе 1499 г.).

что̀ представляла изъ себя первая часть оригинала Архивскаго списка и Отрывка, т. е. та часть, которая доходитъ до 6999 (1491) года? Отъ этой части, какъ замѣчено выше, въ Отрывкѣ сохранилось изложеніе событій 1445-1491 гг., а въ Архивскомъ спискѣ только 1480-1491 гг.: слѣдовательно, наиболѣе полно можно возстановить первую часть оригинала обоихъ указанныхъ списковъ именно на протяженіи 1480-1491 г.; о 1445-1480 гг. можно судить только по одному списку, по Отрывку, и наконецъ для возстановленія 1-й части оригинала, въ предѣлахъ до 1445 г., мы не находимъ пока данныхъ. Разсматривая «Отрывокъ» по изданію Археогр. комиссіи въ части 1445-1491 г. видимъ, что сначала, а именно до 6970 (1462) года онъ сходствуетъ со списками Софійской 1-й лѣтописи, а начиная съ 6971 (1463) г., онъ почти тожественъ со спискомъ Хроногр. Новгородской 4-й лѣтописи: ясно, что въ «Отрывкѣ», а слѣдовательно, согласно предидущему уже въ его оригиналѣ, мы имѣемъ соединеніе двухъ какихъ-то источниковъ. Но и въ части до 6970 (1462) года видно уже присутствіе двухъ источниковъ, а именно «Отрывокъ» частью сходствуетъ съ Горюшкинскимъ и Бальзеровскимъ списками, напр. подъ 6953-6959, частью же со спискомъ Царскаго: такъ подъ 6960, 6969 и 6970-мъ гг. «Отрывокъ» сначала сходенъ съ Горюшкинскимъ и Бальзеровскимъ, а затѣмъ со спискомъ Царскаго. Отсюда, думаю, ясно, что въ основаніи оригинала отрывка лежитъ списокъ 1-й Софійской лѣтописи, дополненный изъ другого источника: этотъ другой источникъ на всемъ протяженіи Отрывка, и послѣ 1462 г., былъ все одинъ и тотъ же, какъ видно изъ того, что добавленія подъ 1452, 1461 и 1462 годами, сопоставленныя издателями VI тома со спискомъ Царскаго, подобно всей части 1463-1491, сходствуютъ съ Хроногр. сп. Новгородской IV лѣтописи[1]). Съ другой стороны, близость къ

1) И оказываются даже ближе къ этому списку, чѣмъ къ списку Царскаго: ср. слова «а всего того на осмнадцать сохъ писменыхъ», подъ 1462 г.: ихъ нѣтъ въ сп. Царскаго (V, 274), но они есть въ Хрон. Новг. IV (IV, 148).

списку Царскаго не прекращается на 1
дальше (ср. хотя бы 1463 г., а также отм
лями 1468, 1469 и 1470 гг.; далѣе сход
1487, 1489 и др.). И такъ, источником
«Отрывка» оказывается памятникъ, посл
нія какъ Хроногр. сп. Новгородской IV
Царскаго. Выше мы видѣли, что дополни
списка Царскаго былъ Хронографъ въ
Тотъ же Хронографъ но въ нѣсколько бол
служилъ при составленіи Хроногр. списк
тописи: списокъ этотъ, какъ извѣстно, об
въ лѣтописномъ разсказѣ 1496 г., но н
положить, чте его оригиналъ былъ довед
можетъ быть, даже до первыхъ годовъ
текстъ Хроногр. сп. первоначальнѣе, древ
скаго, т. е. редакціи Хронографа 1508 г.
цѣлый рядъ добавленій, находящихся въ
подъ 6984-6986, 6997, 6998, 7003
бенности нѣкоторыя сокращенія, переше
лѣтописные своды, а слѣдовательно нах
спискѣ Царскаго, но и въ оригиналѣ его —
1508 года: ср. напр. подъ 1481 г. фразу:
ликая княгини Софія съ Бѣлаозера», фраз
отрывокъ болѣе древней редакціи[1]) и по
въ Воскресенской лѣтописи (VIII, 213).
редакціи, а именно, въ редакціи, доведенн
Хронографъ послужилъ источникомъ дл
«Отрывка». Что оригиналъ «Отрывка» д
его лежитъ Софійская 1-я лѣтопись) Хр
быть сомнѣнія въ виду почти тожествен
съ текстомъ списка Царскаго и Хроногр.

---

1) Ср. Новг. 4-я (IV, 154): Тое же зимы пріи
говъ Софья, бѣ бо бѣгала за Бѣлоозеро и съ б
гонима никимъ же, и по которымъ странамъ ходил

лѣтописи. Что редакція Хронографа, служившая источникомъ такихъ дополненій, была древнѣе редакціи 1508 года, ясно изъ того, что въ цѣломъ рядѣ случаевъ замѣчается тожество «Отрывка» съ Хроногр. сп. Новгородской 4-й лѣтописи, въ противоположность списку Царскаго, между тѣмъ указанный списокъ Новгородской 4-й лѣтописи дополненъ по хронографу болѣе древней редакціи, чѣмъ редакція 1508 г., бывшая источникомъ дополненій списка Царскаго. Такъ событія 6984-6986 гг. въ Хроногр. сп. Новг. 4-й и въ «Отрывкѣ» изложены въ нѣсколькихъ строкахъ, а въ спискѣ Царскаго на цѣлой печатной страницѣ (V, 33). Наконецъ, что редакція Хронографа, по которому дополненъ оригиналъ «Отрывка», относится именно къ 1491 году, видно изъ предыдущихъ разсужденій, доказавшихъ, что, вслѣдъ за описаніемъ событій этого года, составителю оригинала «Отрывка» пришлось обратиться къ другому источнику. Но Хроногр. сп. Новгородской 4-й лѣтописи, отразившій, какъ мы видѣли, болѣе позднюю, чѣмъ 1491 годъ, редакцію Хронографа, сохранилъ вмѣстѣ съ тѣмъ указаніе на то, что эта болѣе поздняя редакція (лежащая въ основаніи и редакціи 1508 г.) основана на редакціи 1491 года. Въ описаніи 1491-го года по Хроногр. сп. Новгородской 4-й лѣтописи замѣчаемъ сначала хронологическую послѣдовательность: за сентябрьскими событіями описаны октябрьскія, ноябрьскія, затѣмъ январьскія, мартовскіе, майскіе, іюльскіе и наконецъ августовскіе (прибытіе Юрія Траханіота и Василія Куляшина 30 августа); вслѣдъ за тѣмъ приводятся два извѣстія безъ точнаго опредѣленія, къ какому мѣсяцу они относятся[1]). Послѣ этого записано іюньское извѣстіе о пожарѣ въ Угличѣ и затѣмъ уже занесенное выше извѣстіе о посылкѣ пословъ къ Волошскому воеводѣ, далѣе еще нѣкоторыя другія извѣстія и между ними о возвращеніи Юрія Траханіота и Василія Кулешина, о чемъ уже было сказано выше. Указанное расположеніе

1) Окончаніе Фроловской стрѣльницы и прибытіе воеводъ Петра и Ивана князей Рѣпня-Оболенскихъ (IV, 160).

извѣстій 1491 года не оставляетъ во мнѣ сомнѣній въ том
что одинъ изъ протографовъ Хроногр. сп. Новгородской 4-й л
тописи оканчивался передъ извѣстіемъ о пожарѣ въ Углич
т. е. именно тамъ, гдѣ оканчивалась, согласно показанію Архи
скаго списка, первая часть общаго оригинала этого списка
«Отрывка». Позднѣйшій редакторъ, прибавившій описаніе сл
дующихъ за 1491-мъ годовъ, началъ съ того, что повторилъ
концѣ 1491 года два извѣстія, уже изложенныя въ первон
чальной редакціи, и нарушилъ хронологическую послѣдовател
ность событій этого года. — Все предидущее разсужденіе, св
дящееся къ тому, что лѣтописный сборникъ 1538-1539 го
(оригиналъ «Отрывка» и Архивск. сп.) сохранилъ ясные слѣд
существованія Хронографа редакціи 1491 года, становится ещ
болѣе убѣдительнымъ, если мы попытаемся объяснить свя
«Отрывка» съ Софійскою 2-ю лѣтописью, связь, отъ котор
зависѣло помѣщеніе «Отрывка» вслѣдъ за текстомъ этой лѣт
писи въ сборникѣ Новоіерусалимскаго монастыря. Мы видѣл
что «Отрывокъ» начинается съ 1445 года: уже это наводи
на мысль, что дѣйствительное начало той лѣтописи 1538-1539
откуда заимствованъ «Отрывокъ», опущенъ составителемъ Нов
іерусалимскаго сборника потому, что оно оказывалось части
сходнымъ, а частью даже тожественнымъ съ только что пер
писанною имъ Софійскою 2-ю лѣтописью. Такъ, обѣ лѣтопи
были во всякомъ случаѣ тожественны до 1392, что ясно и
того, что въ этой древнѣйшей своей части Софійская 2-я лѣт
пись представляетъ изъ себя списокъ Софійской 1-й лѣтопис
Но и за этимъ годомъ содержаніе обѣихъ лѣтописей доволь
сходно съ тою лишь разницей, что текстъ Софійской 2-й лѣт
писи гораздо полнѣе, распространеннѣе (ср. 1410, 1412, 141
1417, 1418, 1423 и др. гг.); мѣстами содержаніе Софійск
2-й лѣтописи въ части 1392-1444 оказывается тожественны
со спискомъ Царскаго Софійской 1-й лѣтописи: ср. въ особе
ности описаніе 1440-1444 гг. Въ этой близости Софійск
2-й лѣтописи къ началу лѣтописи 1538-1539 г. заключает

очевидно, причина, почему составитель Новоіерусалимскаго сборника помѣстилъ изъ нея только ту часть, гдѣ онѣ наиболѣе между собою разнятся, а именно часть послѣ 1445 г. Мы имѣемъ доказательства того, что въ его распоряженіи была и первая часть этой лѣтописи, при чемъ онъ произвелъ сравненіе ея съ уже переписаннымъ текстомъ Софійской 2-й лѣтописи: дѣйствительно, до насъ сохранились результаты этого сравненія, состоящіе въ обширныхъ выпискахъ на поляхъ означеннаго текста. Въ этихъ выпискахъ[1]) можно различать три разные почерка: выписки, сдѣланныя одною изъ трехъ рукъ (круглый почеркъ; чернила свѣтлыя), восходятъ бо̀льшею частью къ тексту, весьма сходному съ Хронографомъ, откуда я и заключаю, что онѣ сдѣланы изъ лѣтописи 1538—1539 г., представлявшей текстъ Софійской 1-й лѣтописи, дополненный изъ Хронографа. Въ подтвержденіе этого можно указать на то, что приписки, сдѣланныя круглымъ почеркомъ, частью представляютъ и чтенія изъ Софійской 1-й лѣтописи. Дѣло въ томъ, что составитель Софійской 2-й лѣтописи пользовался спискомъ Софійской 1-й лѣтописи не особенно исправнымъ, но при этомъ весьма близкимъ къ Толстовскому ея списку (ср. то обстоятельство, что въ обѣихъ лѣтописяхъ родословная Мономаховичей подъ 898 г. доведена лишь до Андрея старшаго Васильевича): свѣряя поэтому текстъ Софійской 2-й лѣтописи съ текстомъ Софійской 1-й лѣтописи, положеннымъ въ основаніе лѣтописи 1538—1539 г., составитель Новоіерусал. списка въ рядѣ случаевъ исправлялъ и дополнялъ текстъ, испорченный еще въ общемъ оригиналѣ Софійской 2-й лѣтописи и Толстовскаго списка: такъ, къ словамъ «давыда глаголюща», находящимся въ текстѣ (ср. V, 122), имѣется на полѣ приписка: «блаженъ мужь милуяи и дая Соломана же слыша глаголюща»; эти самыя слова, читающіяся во всѣхъ спискахъ Софійской 1-й лѣтописи, опущены въ Толстовскомъ спискѣ ея

1) Бо̀льшая часть ихъ внесена Строевымъ въ подстрочныя примѣчанія къ его изданію Софійскаго Временника.

(V, 123, прим. a). Послѣ словъ «образу змвину», на полѣ читае опущенное заглавіе: «убиение глѣбово» (V, 128): тотъ же п пускъ въ Толстовскомъ спискѣ. Послѣ словъ «остромиръ с но городци на чюдь», на полѣ находимъ: «и убиша его чюдь. и мн падоша с нимъ новогородцовъ. и паки изяславъ иде на чю (V, 139): тѣ же слова опущены въ Толстовскомъ спискѣ. Д гая часть приписокъ, сдѣланныхъ указанною рукой, восходи какъ замѣчено выше, къ Хронографу. Сюда относится, нап мѣръ, приписка послѣ словъ: «Ѳеодосии печерскыи игуменъ п ставися» (V, 147) — «мѣсяца мая въ 3 день и положенъ быс в то пещере юже самъ созда»; ср. въ Хронографѣ редак 1512 г. и въ Русск. Вр.: «въ лѣто 6582 преставися препод ный Ѳеодосій Печерскый, и положенъ бысть въ той же пеще юже самъ созда». Согласно съ хронографомъ (ред. 1512 г., Ру Вр., сп. Царскаго), освященіе Печерской церкви ошибочно от сится и здѣсь къ 6607 (1099) г.: ср. приписку послѣ сл «благовѣщение на городище» (V, 154): «того же лѣта священ бысть црквь успения святыя богородица печерския ивано митрополитомъ при великомъ князе всеволоде ярославиче». П 1249 г. находимъ на полѣ слѣдующія слова: «преставися кн великии ярославъ всеволодичь в орде. По немъ сяде братъ святославъ. И сидевъ лѣто едино и прогна и князь михаило е славичь»; этихъ словъ нѣтъ въ спискахъ Софійской 1-й лѣтопи но въ спискѣ Царскаго, кромѣ первой фразы, то же читае на полѣ (V, 186, прим. и), куда эти слова, какъ и въ лѣтоп 1538-1539 г., попали изъ Хронографа (Изборникъ, стр. 4 Подъ 6771 г., послѣ слова «отай» (V, 191), читается на полѣ: «т же лѣта великии александръ ярослави҃ (опущ. преставися) в че цехъ и в скиме и положенъ бысть в володимере у рожества с тыя богородица», ср. Хронографъ редакціи 1512 г. (Изборни стр. 45). Подъ 6817 на полѣ, въ видѣ приписки, находи «петръ митрополитъ прииде на русь. того же лѣта казнь б отъ бога на люди моръ на кони. и мыши поѣли жита. и бы гладъ велiи»; ср. тѣ же слова подъ 6815 въ хронографѣ ред

ціи 1512 г. (Изборникъ, стр. 46): этого извѣстія нѣтъ въ Софійской 1-й лѣтописи (V, 205). Подъ 6831 г., послѣ словъ «на орѣховомъ островѣ» (V, 216), въ видѣ приписки, помѣщены извѣстія, тожественныя съ извѣстіями того же года Хронографа редакціи 1512 г. (Изборникъ, стр. 46) о закладкѣ церкви Успенія св. Богородицы въ Москвѣ и о кончинѣ митрополита Петра. Подъ 6841, согласно съ Хронографомъ, читаемъ въ припискѣ о построеніи церкви св. Архангела Михаила (V, 220) и нѣк. др. Въ виду всего этого, я нахожу доказаннымъ, что лѣтописный сборникъ, откуда въ Новоіерусал. сборникъ заимствованъ «Отрывокъ», содержалъ въ первой, не дошедшей до насъ части Софійскую 1-ю лѣтопись, дополненную изъ Хронографа.

Предидущее изслѣдованіе подвергло разсмотрѣнію слѣдующіе четыре памятника: списокъ Царскаго Софійской 1-й лѣтописи, списокъ Хроногр. Новгородской 4-й лѣтописи, Архивскій списокъ Воскресенской лѣтописи и «Отрывокъ» лѣтописи, помѣщенный въ Новоіерусал. сборникѣ. Изученіе перваго изъ этихъ памятниковъ показало, что онъ представляетъ изъ себя текстъ Софійской 1-й лѣтописи, дополненный и продолженный до 1508 г. на основаніи Хронографа. Изученіе Хроногр. списка Новгородской 4-й лѣтописи приводитъ къ убѣжденію, что, начиная съ 1447 г., текстъ его представляетъ сплошное заимствованіе изъ Хронографа, при чемъ редакцію этого Хронографа надо отнести ко времени между 1496 (гдѣ обрывается текстъ разсматриваемаго списка) и 1508 г. (когда составлена позднѣйшая редакція его)[1]. Наконецъ, сравнительное изученіе Архивскаго списка

1) Я думаю, что можно опредѣленно высказаться за 1506 годъ, какъ годъ редакціи этого хронографа. Сравненіе Хроногр. сп. Новгородской 4-й лѣтописи и Академическаго ея списка не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что заимствованія изъ Хронографа сдѣланы не Хронографическимъ спискомъ, а еще протографомъ обоихъ списковъ Новгородской 4-й лѣтописи — Академическаго и Хронографическаго. Но въ Хронографическомъ спискѣ эти заимствованія переданы подробно, а въ Академическомъ (IV, 131 и слѣд.) сокращенно. Между

и «Отрывка» доказываетъ, что первый изъ нихъ заимствуе[т] часть отъ 1480 г., а второй все свое содержаніе изъ не доше[д]шей до насъ лѣтописи 1538-1539 г.: лѣтопись эта въ перв[ой] своей части (до 1491 г.) представляетъ списокъ Софійской 1[-й] лѣтописи, дополненный и продолженный до 1491 г. на основан[іи] Хронографа, а во второй части — заимствованія изъ какой-[то] другой лѣтописи; существованіе редакціи Хронографа 1491 го[да] доказывается и текстомъ Хроногр. сп. Новгородской 4-й лѣт[о]писи (ср. выше).

И такъ, мы имѣемъ основаніе утверждать, что Пахомie[ва] редакція Хронографа 1442 г. породила слѣдующія редакці[и], промежуточныя между нею и извѣстными намъ редакціями: р[е]дакцію 1491 г., редакцію 1496-1508 г. и, наконецъ, редакці[ю] 1508 г. Можетъ быть, между древнѣйшею изъ этихъ редакц[ій] и редакціею 1442 г. существовали еще и другія промежуточн[ыя] редакціи, но для такого утвержденія не нахожу пока данныхъ.

VII.

Въ 1512 году возникла новая редакція Пахоміева труд[а]: о ней мы можемъ судить по многочисленнымъ спискамъ, восх[о]дящимъ даже къ первой половинѣ XVI в., между тѣмъ ка[къ] обо всѣхъ предшествовавшихъ ей редакціяхъ сохранились лиш[ь] самыя скудныя данныя въ разсмотрѣнныхъ выше лѣтописны[хъ] сборникахъ, данныхъ, освѣщающихъ одинъ только вопросъ [о] томъ, какимъ измѣненіямъ подвергались *русскія* статьи Хрон[о]графа. Но по отношенію къ редакціи 1512 года мы можемъ ук[а]зать и тѣ измѣненія, которымъ подверглись въ ней и не русск[ія]

тѣмъ, какъ видно изъ сравненія Акад. списка со спискомъ Соф. 1-й лѣтопи[си] Царскаго, заимствованія изъ Хронографа продолжаются до 1506 года (се[н]тябрьскаго), до извѣстія о женитьбѣ Василія Ивановича на Соломоніи Сабуров[ой]. Послѣ этого въ сп. Царскаго и въ сп. Акад. видимъ различіе, свидѣтел[ь]ствующее о томъ, что Хронографъ не захватывалъ уже всѣхъ событ[ій] 1506 года (сентябрьскаго). Начиная съ этого года, Акад. сп. дополненъ у[же] на основаніи другой лѣтописи новгородскаго происхожденія.

статьи хронографа, такъ какъ во 1) она дошла до насъ во всемъ своемъ объемѣ, а во 2) она можетъ быть сопоставлена съ другою редакціей XVI вѣка, восходящею вмѣстѣ съ нею къ одному общему оригиналу: говорю о редакціи, не раздѣленной на главы. Я думаю, что въ основаніи обѣихъ редакцій лежитъ разсмотрѣнная нами выше редакція 1508 года: дѣйствительно, русская часть редакціи, не раздѣленной на главы, не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что въ основаніи ея лежитъ именно редакція 1508 г. (ср. текстъ Русскаго Временника и указаннаго выше источника Никоновской лѣтописи, обрывавшагося на 1520 г.); ничто не мѣшаетъ распространить этотъ выводъ и на редакцію 1512 года, тѣмъ болѣе, что всѣ отличія ея отъ редакціи, не раздѣленной на главы, удовлетворительно объясняются при предположеніи, что они внесены именно редакторомъ 1512 года. Весь вообще текстъ хронографа редакторъ 1512 года раздѣлилъ на 208 главъ: такого дѣленія не было въ основной редакціи, расположившей матеріалъ (послѣдней части хронографа) по царствованіямъ византійскихъ императоровъ; мы видѣли выше, какъ при этомъ дѣленіи не нарушилось данное въ основномъ оригиналѣ отношеніе русскихъ событій къ византійскимъ; въ отдѣльныхъ главахъ описываются русскія событія такого числа лѣтъ, какое было указано въ заголовкѣ при царствованіи того или другого византійскаго императора. Отвергнувъ показаніе своего оригинала, что Калуянъ царствовалъ 17 лѣтъ, а Константинъ Палеологъ 11 лѣтъ, редакторъ 1512 года въ главѣ 205-й, начинающейся съ царствованія Калуяна, описываетъ русскія событія 17 лѣтъ (6933-6949), а въ главѣ 207, начинающейся со вступленія на столъ Константина, изложены событія 11 лѣтъ (6950—6961). Греческія статьи оригинала значительно сокращены редакторомъ 1512 г.: выше я привелъ нѣсколько указаній на то, какъ напр. сокращены разсказы о царствованіяхъ римскихъ императоровъ; сошлюсь еще на Истрина, доказавшаго, что редакція 1512 г. сократила текстъ Александріи. Трудъ Истрина съ наглядностью показалъ, что въ распоряженіи редак-

тора 1512 года при обработкѣ Александріи, не было иного исто- ника, какъ только болѣе древняя редакція хронографа. Мн кажется, что и въ остальныхъ частяхъ этой редакціи — нигд нельзя доказать присутствія новаго источника, изъ котораго б дополнялся основной текстъ хронографа. Южно-славянск статьи также подверглись въ этой редакціи нѣкоторому сокра щенію: такъ между прочимъ въ ней опущена баснословная ге неалогія Неманичей, находившаяся, какъ видно изъ редакці не раздѣленной на главы, въ основной редакціи хронографа (с выше). Въ виду этого можно думать, что редакторъ 1512 г. н дѣлалъ никакихъ вставокъ и въ русскихъ статьяхъ хронограф а, напротивъ, отчасти сократилъ ихъ кое-гдѣ. По отношенію к русскимъ статьямъ замѣчательно то, что онѣ доведены только д 1451 г. (по одному только списку—до 1453-го): послѣ 1453-г года, гдѣ разсказывается о паденіи Царяграда, не видимъ болѣ статей, хотя подлинникъ продолжался до 1508 года. Это об стоятельство можно, конечно, объяснить желаніемъ редактор 1512 года кончить хронографъ тамъ, гдѣ оканчивалась визан тійская исторія; но ниже я предлагаю другое объясненіе это особенности разсматриваемой редакціи. И такъ, въ послѣдне главѣ хронографа — 208-й разсказывается о паденіи Царяград это, кажется, единственная статья, гдѣ сказалось личное твор чество редактора и гдѣ отразились свѣдѣнія, полученныя из другого или другихъ, кромѣ основной редакціи Хронограф источниковъ. Но замѣчательно во 1) что при составленіи это статьи, справедливо названной А. Н. Поповымъ Плачемъ о паден Царяграда, редакторъ 1512 года находился подъ непосредствен нымъ вліяніемъ обработаннаго имъ труда: первая фраза это плача представляетъ дословное повтореніе начала повѣст умильной о Батыѣ, находившейся, какъ мы видѣли, уже въ пер воначальной, Пахоміевой редакціи хронографа[1]); далѣе, вт

1) Хощу глаголати повѣсть еже не точію человѣкы, но и нечювьствен каменіе и самыя стихіа творитъ плакати и глаголати и рыдати: о горе и увы

рой отрывокъ отъ словъ: «перьвое убо рекохъ о нихъ пространнѣйше отъкуду начало пріяша» и до словъ «иже многы страны покори на востоцѣ и на западѣ» цѣликомъ заимствованъ редакторомъ 1512 г. изъ 202-й главы своей обработки хронографа (Изборникъ, стр. 62). Во 2) въ этомъ Плачѣ о Царѣградѣ замѣчается отсутствіе какихъ бы то ни было новыхъ фактическихъ данныхъ; о взятіи города, его разграбленіи, избіеніи жителей говорится въ самыхъ общихъ выраженіяхъ; очевидно, что составитель Плача не имѣлъ въ своемъ распоряженіи той или другой повѣсти о паденіи Царяграда. Въ 3) тѣмъ замѣчательнѣе тѣ отступленія въ этомъ Плачѣ, которыя свидѣтельствуютъ о какихъ то особыхъ источникахъ, гдѣ составитель редакціи 1512 г. могъ познакомиться съ разсказами паломниковъ о Іерусалимѣ и гробѣ Господнемъ (Изборникъ, стр. 86). Ниже я еще разъ вернусь къ этимъ положительнымъ даннымъ, представляемымъ разсматриваемымъ Плачемъ о паденіи Царяграда, а теперь попытаюсь отвѣтить на вопросъ, кѣмъ именно и гдѣ могла быть составлена редакція 1512 года.

Я сказалъ выше, что она оканчивается Плачемъ о паденіи Царяграда и опускаетъ русскія событія 1452 - 1508 года, читавшіяся въ основной редакціи. При этомъ я привелъ давно уже высказанное мнѣніе о томъ, что редакторъ 1512 года, очевидно, считалъ разсказъ о паденіи Царяграда наиболѣе приличнымъ концомъ Хронографа; ср. завершеніе Толстовскаго и сходныхъ списковъ редакціи, не раздѣленной на главы, повѣстью о взятіи Царяграда турками. Но это мнѣніе встрѣчаетъ возраженія въ слѣдующихъ данныхъ: 1) окончаніе Хронографа въ основной его редакціи было иное, а именно онъ доходилъ до событій 1508 года; зачѣмъ же было редактору 1512 года съуживать задачу своей исторической компиляціи и прекращать разсказъ о русскихъ событіяхъ, о жизни россійской земли, растущей, младѣющей и возвышающейся (выраженія Плача о паденіи Царьграда) на 1451 году? 2) проведеніе параллели между окончаніемъ редакціи 1512 года и окончаніемъ списковъ редакціи, не раз-

дѣленной на главы, не выдерживаетъ критики потому, что в
этихъ послѣднихъ спискахъ опущены вообще всѣ русскія статьи
если повѣсть о взятіи Константинополя была послѣднею не рус
скою статьей основной редакціи, не раздѣленной на главы, в
позднѣйшемъ изводѣ этой редакціи, — она должна была сдѣ
латься послѣднею статьей всего хронографа. Въ виду этого
думаю, что редакторъ 1512 года, опуская событія 1452-1508
своего подлинника, руководствовался иными соображеніями
Въ нѣкоторыхъ сборникахъ, вслѣдъ за хронографомъ редакціи
1512 года, помѣщаются сначала мелкія статьи историческаго
нравоучительнаго содержанія, потомъ каталогъ римскихъ царе
и императоровъ римскихъ и византійскихъ, далѣе Новгородска
4-я лѣтопись съ продолженіями послѣ 1447 г., доходящим
до 1547 г., заимствованными при томъ изъ Псковской лѣто
писи, и, наконецъ, рядъ статей историческаго содержанія
Мнѣ извѣстны два такихъ сборника: Погод. № 1404 а и Акад
№ 991 (3)[1], но въ тѣсной связи съ ними стоятъ еще четыр
сборника, сходные съ ними, начиная съ Новгородской 4-й лѣто
писи[2]). Въ сборникахъ Погод. 1404 а и Акад. 991 (3) замѣчаетс

---

1) Укажу вкратцѣ составъ этихъ сборниковъ. Погод. 1404 а: I. Хронографъ
II. Царство 17 в самори; затѣмъ, Царство 1 в вавилоне; далѣе, Послание иоанн
златоустаго еже посла отъ заточения, III. Книга глаголемая лѣтописецъ цари
елицы царствоваша римомъ и елицы во цариградѣ царствоваша и отъ росі
ския земли. и о градѣхъ. и отколе приидоша великия князи. на роускоую земл
княжити, IV. Безъ особаго заглавія, Новгородская 4-я лѣтопись съ продолже
ніями изъ Псковской, V. Рукописаніе в. к. всеволода, VI. Посланіе к великомо
князю на Угру, VII. Писание о динаре царевне, VIII. Родство великихъ князе
литовскихъ, IX. Повѣсть о взятіи Царяграда турками (тожественная съ напе
Поповымъ въ Изборникѣ, стр. 87—91), X. Повѣсть о Митяѣ.—Акад. № 991 (
тожественъ съ предидущимъ.

2) Погод. № 1402 содержитъ изъ указанныхъ въ предыдущемъ примѣч
ніи статей: III, IV, V, VI; кромѣ того: Чинъ и поставление на великое кн
жество, и наконецъ: Чинъ о еже како подобаетъ помазати царя и велика
князя миромъ на вѣнчанье. — Акад. № 18 (см. описаніе его въ предисл. к
Псковской 1-й лѣтописи, П. С. Р. Л., IV, 170): IV, VI, V, VII, далѣе: Повѣсть
Казаринѣ и о его царицѣ и VIII.—Карамз. Публ. б. F IV, 603 (описанъ тамъ ж
стр. 170): Палея, Новгор. лѣт. до 1411 г., IV, V, VI, Духовная Кипріана.-
Снѣгир. (описанъ тамъ же, стр. 171): III, IV, V и нѣк. др.

тѣсная связь между хронографомъ и послѣдующими статьями: эта связь ясна между прочимъ изъ того, что счетъ главъ хронографа продолжается и за его окончаніемъ, вслѣдствіе чего, напр., «Царство 17 в самори» значится 209-ю главою (въ Хронографѣ редакціи 1512 г. — 208 главъ), Писаніе о Динарѣ — 257-ю, а Повѣсть о Митяѣ 261-ю главою. Указанная связь обнаруживается еще и въ томъ, что нѣкоторыя изъ статей этого сборника связаны съ Хронографомъ и въ другихъ спискахъ: такъ, Повѣсть о Динарѣ и Родословная великихъ князей литовскихъ помѣщаются въ сборникѣ Новоіерусал. монастыря, заключающемъ Хронографъ. Въ виду этого, рѣшаюсь выставить слѣдующее предположеніе: извѣстно, что во многихъ спискахъ Хронографа 1512 г., даже въ большей ихъ части, русскія событія значительно сокращены, какъ это легко видѣть изъ Изборника Попова, гдѣ, начиная съ 6876 (1368) г., русскія статьи напечатаны только по одному или по двумъ спискамъ, такъ какъ ихъ нѣтъ въ остальныхъ; не выпущены ли эти статьи тѣмъ редакторомъ, который соединилъ въ одномъ сборникѣ Хронографъ и Новгородскую 4-ю лѣтопись и счелъ нужнымъ исключить изъ перваго то, что̀ полнѣе и точнѣе передается во второй? Слѣдующее затѣмъ предположеніе возвращаетъ насъ къ прерванному изслѣдованію. Мы остановились на вопросѣ, чѣмъ руководствовался редакторъ 1512 года, опуская русскія событія 1452-1508 г., своего подлинника. Нельзя ли поставить это обстоятельство въ связь съ тѣмъ, что Хронографъ въ позднѣйшемъ, описанномъ нами сборникѣ (представителями котораго являются Погод. 1404 а и Акад. 991), соединенъ съ лѣтописью? Не было ли это соединеніе сдѣлано еще самимъ редакторомъ 1512 года, но разумѣется не въ той формѣ, какъ въ указанномъ сборникѣ, гдѣ съ хронографомъ соединена лѣтопись 1547 года, а въ нѣсколько иномъ видѣ. Разсматривая Новгородско-Псковскую лѣтопись нашего сборника, видимъ, что она состоитъ изъ двухъ главныхъ частей: 1) Новгородской 4-й лѣтописи редакціи, нѣсколько сокращенной и измѣненной сравни-

тельно съ прочими списками: она доведена, какъ и протогр
всѣхъ прочихъ списковъ до 1447 г., а именно до извѣстія:
томъ же лѣтѣ ржи коробья по полтинѣ бысть» (ср. IV, 1
2) Псковской лѣтописи, начинающейся съ 1447 года («въ л
6955 князь Александръ Васильевичь», ср. IV, 213) и оканчив
щейся подъ 1547 годомъ извѣстіями о двухъ пожарахъ моск
скихъ — 12 апрѣля и 21 іюня. Сравнительное изученіе э
Псковской лѣтописи со списками Псковской 1-й лѣтописи по
зываетъ, что мѣстами Псковская лѣтопись редакціи, соединен
съ Хронографомъ (ср. списки Карамз., Акад. и Снѣгир., принят
во вниманіе издателями IV т. П. С. Р. Л.), сходна съ проч
списками, а мѣстами съ ними разнится. При этомъ оказывает
что до 1482 года Псковская лѣтопись, соединенная съ Хроног
фомъ, частью тожественна, частью же короче другихъ списков
напротивъ, начиная съ 1482 года, эта лѣтопись вплоть до 1547
да полнѣе, чѣмъ текстъ остальныхъ списковъ, съ которымъ
частью тожественна[2]). Въ виду этого думаю, что, въ части
1482 года, Псковская лѣтопись, соединенная съ Хронографо
представляетъ выборку, сокращеніе изъ другой болѣе древ
лѣтописи; напротивъ, съ 1482 г. въ ней содержится лѣтоп
протографъ которой послужилъ источникомъ при составленіи д
гихъ списковъ Псковской 1-й лѣтописи. Въ этой части 14
1547 года можно различать опять таки двѣ части: первая п
стирается до 1509 года, а вторая, начинаясь съ повѣсти о Пск
скомъ взятьи (1510), тянется до 1547 года; въ различіи и
дѣльности этихъ обѣихъ частей убѣждаетъ Бальзеровскій спис
Псковской 1-й лѣтописи (ср. его описаніе въ IV т. П. С. Р.
стр. 171), который (начиная съ 1487 г.) только до повѣст
взятіи Псковскомъ сходенъ съ Псковскою лѣтописью, соедин
ною съ Хронографомъ (ср. IV, 283, прим. а). Отсюда я выво

1) Полное почти сходство замѣчается въ предѣлахъ 1447—1463 и 14
1481 гг.; сокращенно передается текстъ 1463—1466, 1472, 1473, 1478 гг.;
щены совсѣмъ 1467—1471 и 1474—1477 гг.

2) Полное сходство замѣчается подъ 1510—1517 г.

что Псковская лѣтопись соединенная съ Хронографомъ, доходила нѣкогда только до 1509 года (включительно), обнимая событія 1447-1481 въ несамостоятельномъ и сокращенномъ, а событія 1482-1509 г. въ болѣе подробномъ и оригинальномъ изложеніи. Но этотъ выводъ нельзя не сопоставить съ тѣмъ, что редакторъ 1512 г. Хронографа опустилъ въ немъ лѣтописныя событія 1452-1508 гг. Опуствивъ ихъ, не имѣлъ ли онъ въ виду замѣнить ихъ данными изъ другой лѣтописи? Оставивъ въ сторонѣ московскую лѣтопись, не обратился ли онъ къ извлеченіямъ изъ лѣтописи Псковской? Если мы допустимъ, что редакторъ 1512 года, вслѣдъ за Плачемъ о паденіи Царяграда, помѣстилъ извлеченія изъ Псковской лѣтописи, начиная съ 1454 или близкаго къ нему года, и продолжалъ ихъ до 1482 г., а что съ этого года онъ, будучи уроженцемъ и жителемъ Пскова, началъ самъ излагать лѣтописныя извѣстія Псковскія вплоть до 1509 года, если мы допустимъ такое предположеніе — соединеніе Хронографа съ Новгородско-Псковскою лѣтописью представится намъ въ совершенно особомъ свѣтѣ. Позднѣйшій редакторъ второй половины XVI вѣка, встрѣтивъ за Хронографомъ 1512 года отрывки Псковской лѣтописи, доведенные позднѣйшимъ лѣтописцемъ до 1547 года, рѣшилъ связать ихъ съ имѣвшимся у него подъ руками спискомъ Новгородской 4-й лѣтописи. Для этого, списавъ Новгородскую 4-ю лѣтопись, онъ, начиная съ 1447 г., обращается къ Псковской лѣтописи по списку Хронографа и списываетъ изъ нея подъ-рядъ какъ древнѣйшую часть до 1509 года, такъ и слѣдующую за тѣмъ часть отъ 1510 до 1547 года. Въ части до 1482 года въ этомъ сборникѣ второй половины XVI в. сохранились ясные слѣды того, что мы имѣемъ дѣло съ выборкой, сокращеніемъ той самой Псковской лѣтописи, которая сохранилась въ полномъ видѣ напр. въ Строевскомъ спискѣ XVI в., Архивскомъ и Эрмитажномъ XVII в. Ясно, что эта выборка сдѣлана не позднѣйшимъ редакторомъ Новгородско-Псковской лѣтописи, который бы продолжалъ такую же выборку и сокращеніе и въ части послѣ 1482 года, а тѣмъ древнѣйшимъ редакторомъ, который, начиная съ

1482 г., былъ не только переписчикомъ, но и составителемъ лѣтописи. Вмѣстѣ съ тѣмъ придѣлка начала къ Псковской лѣтописи въ видѣ Новгородской IV показываетъ, что въ подлинн[ике] ея не было того начала, которое извѣстно напр. изъ Строевск[аго] и др. списковъ. Слѣдовательно, Новгородская IV лѣтопись за[мѣ]нила какое-то другое начало. Этимъ началомъ и могла б[ыть] краткая выборка изъ Псковской лѣтописи, становившаяся [нѣ]сколько пространнѣе съ середины XV в. Такая выборка мо[гла] сопровождать хронографъ 1512 года, замѣняя съ середины XV московскую лѣтопись, содержавшуюся въ оригиналѣ редак[ціи] 1512 г., т. е. въ Хронографѣ редакціи 1508 года. Составит[ель] лѣтописи 1482-1509 гг. могъ ограничиться краткой выбор[кой] именно потому, что, иначе, въ части до 1451 года, пришл[ось] бы повторять то, что уже изложено въ только что списанн[омъ] Хронографѣ. Связь же лѣтописи 1482-1509 г. съ Хроног[ра]фомъ видна какъ изъ того, что въ позднѣйшей редакціи, ред[ак]ціи послѣ 1547 г., эти оба памятника соединены въ одномъ сб[ор]никѣ, такъ и изъ того, что въ этой редакціи Хронографъ п[од]вергся сокращенію въ русской своей части, при чемъ это удов[ле]творительно объясняется вставкою въ сборникъ—Новгородс[кой] IV лѣтописи до 1447 года, замѣною этою лѣтописью краткой в[ы]борки изъ лѣтописи Псковской. Въ виду этого, повторю еще р[азъ] свое предположеніе: выпустивъ московскую лѣтопись за Плаче[мъ] о взятіи Царяграда, редакторъ 1512 года замѣнилъ ее изв[ле]ченіями изъ Псковской лѣтописи, а затѣмъ самостоятельною (с[о]ставленною, конечно, на основаніи мѣстныхъ источниковъ) лѣт[о]писью Псковскихъ событій 1482-1509 г. Я не сталъ бы наст[аи]вать на такомъ предположеніи, если бы оно не было подсказ[ано] мнѣ еще другими соображеніями.

Если на основаніи предыдущаго признать хоть нѣкотор[ую] вѣроятность за предположеніемъ о томъ, что редакція 1512 г[ода] возникла во Псковѣ, то еще болѣе основанія пріобрѣтаетъ [до]гадка, что составителемъ этой редакціи былъ инокъ Спа[со]-Елеазарова монастыря въ Псковѣ, извѣстный старецъ Ф[илоѳей]

лоѳей. Эта догадка основывается на слѣдующихъ соображеніяхъ. Выше я указалъ на установившееся мнѣніе, что Плачъ о паденіи Царяграда, помѣщенный въ 208 главѣ хронографа редакціи 1512 года, составленъ самимъ редакторомъ. Авторъ Плача, указавъ на опустошеніе и паденіе благочестивыхъ царствъ Греческаго, Болгарскаго (Новоіерусал. сп.), Сербскаго, Басанскаго, Арбаназскаго и многихъ иныхъ, покоренныхъ турками, восклицаетъ: «Наша же Россійская (русская: Новоіерусал. сп.) земля, Божіею милостію и молитвами Пречистыя Богородица и всѣхъ Святыхъ чюдотворецъ, растетъ и младѣетъ и возвышается; ей же, Христе милостивый, даждь расти и младѣти и разширятися до скончанія вѣка». Невольно припоминаются слова Филоѳея въ концѣ его посланія къ дьяку Михаилу Григорьевичу Мисюрю, писаннаго до 1524 года[1]): «И да вѣси, христолюбче и боголюбче, яко вся христіанская царства преидоша въ конецъ и снидошася во едино царство нашего государя, по пророческимъ книгамъ, то есть россійское царство; два убо Рима падоша, а третій стоитъ, а четвертому не быти», и нѣсколько ниже: «Видиши ли, избранниче Божій, яко христіанская царства потопишася отъ невѣрныхъ. Токмо единаго нашего государя царство, благодатію Христовою, стоитъ». Смыслъ приведенныхъ выше словъ изъ Плача и этихъ знаменитыхъ словъ Филоѳея одинъ и тотъ же: принадлежность ихъ одному и тому же автору вѣроятна. Филоѳей охотно возвращался къ этой своей мысли: такъ, она выражена и въ посланіи его къ в. кн. Василію Ивановичу, написанному по нѣкоторымъ соображеніямъ между 1514 и 1521 гг. (Вс. Срезневскій, въ Словарѣ русскаго историческаго общества)[2]); ср. слова: «И да вѣсть твоя держава, благочестивый царю, яко вся царства православныя христіанскія вѣры снидошася въ твое едино царство: единъ ты во всей

1) Когда должны были исполниться опровергаемыя Филоѳеемъ астрологическія предсказанія Николая Нѣмчина (ср. Прав. соб. 1861, II, 80).

2) Выпускъ, гдѣ помѣщена статья Вс. Срезневскаго «Филоѳей», еще не вышелъ.

поднебеснѣй христіаномъ царь». Въ посланіи къ Мунехину
рецъ Филоѳей обнаружилъ довольно обширную начитанн
нельзя не замѣтить при этомъ, что въ немъ упомянутъ «Г
графъ» («гранографы же, пять дней мимотекше, начаша отъ
ваго Адама и донынѣ», т. е. ведутъ счетъ лѣтъ отъ творо
Адама). Тамъ, гдѣ Филоѳей говоритъ о Латынѣхъ (Прав.
стр. 90), видно его знакомство съ хронографомъ или, по кра
мѣрѣ, со сказаніемъ о Латынѣхъ, вошедшимъ въ составъ хр
графа: «Бѣша съ нами во единствѣ 770 лѣтъ, егда отпа
отъ православныя вѣры 735 лѣтъ, во аполлинаріеву ересь
ше, прельщени Каруломъ царемъ и папою Ѳармосомъ» [1]). К
того, при сравненіи Филоѳеева посланія съ Плачемъ о па
Царяграда, насъ останавливаетъ еще слѣдующая общая м
ними мысль. Господь Богъ «не до конца положи во отча
благочестивая царства, аще и предасть невѣрнымъ, не м
ихъ, но нашего согрѣшенія отмщая и обращая насъ на пока
и сего ради остави намъ сѣмя (Новоіерусал.), да не будемъ як
Содомъ и не уподобимся Гомору. Сіе же сѣмя яко (Новоіеру
искру скры въ пепелѣ во тмѣ невѣрныхъ властей, сѣмя же,
голю, патріаршескія, митропольская и епископскыя прест
и на точію сѣмя сіе, но и главы (гл҃а: Новоіерусал.) право
ныя вѣры, иже невреженны пребываютъ по великимъ градом
священныхъ церквахъ. Такоже и матерь церквамъ во Іе
лимѣ, идѣже совершися благочестія тайна, соблюдаетъ нер
му»... (Изборникъ, стр. 86). Нельзя не видѣть въ этихъ сло
опроверженія сомнѣній православныхъ на Руси, что греч
святыни, да и самъ Іерусалимъ осквернены нечестивымъ, по
связь съ греческою церковью должна быть порвана. Про
этого же сомнѣнія возражаетъ Филоѳей въ своемъ посл
«аще убо агаряне въ руцы греческое царство пріяша, но

---

1) Кажется, изъ этого мѣста слѣдуетъ заключить, что Филоѳей писа
1525 г. по Р. Х.; переводя этотъ годъ на обычный счетъ отъ Адама (*5500*
видимъ, что это былъ 7025-й годъ или по нашему счетъ (5508 л. отъ С.
1517 годъ. 770 лѣтъ, думаю, ошибка вм. 790.

не повредиша, ниже насильствуютъ грекомъ отъ вѣры отступити». Въ виду указанной внутренней (общія мысли) и внѣшней (ссылка на хронографъ) связи посланія Филоѳея съ Хронографомъ редакціи 1512 года, считаю весьма вѣроятнымъ, что именно онъ составилъ эту редакцію.

Подтвержденіемъ высказаннаго здѣсь мнѣнія о томъ, что Хронографъ 1512 г. составленъ во Псковѣ, можетъ служить рядъ соображеній, доказывающихъ, что послѣдняя глава его «Плачъ о паденіи Царяграда» тѣсно связана съ отношеніями Филоѳея къ М. Г. Мисюрю Мунехину, дьяку в. князя, управлявшему Псковомъ отъ 1511 до 1528 г. Соображенія эти изложены въ статьѣ, озаглавленной «Путешествіе М. Г. Мисюря Мунехина на Востокъ и Хронографъ 1512 г.» и помѣщенной въ 1-й кн. IV тома Извѣстій Отд. русск. яз. и слов. Имп. Ак. Н. (1899 г.).

Предидущее изслѣдованіе выяснило, съ одной стороны, ближайшее отношеніе редакціи 1512 года Хронографа къ Пскову: ср. соединеніе ея со Псковскою лѣтописью; съ другой, оно указало на связь Плача о паденіи Царяграда съ сочиненіями старца Филоѳея; упомянутая же статья, установивъ знакомство Филоѳея съ хронографомъ, связала при посредствѣ Филоѳея, какъ автора и редактора, Плачъ о паденіи Царяграда и прочія сочиненія, съ сказаніемъ о путешествіи Михаила Григорьевича Мунехина. Въ виду этого, приступаю къ изложенію выводовъ, уже частью высказанныхъ и выше. Редакція хронографа, составленная въ Москвѣ въ 1508 году, была привезена дьякомъ Мунехинымъ въ 1511 году въ Псковъ. Здѣсь она, въ слѣдующемъ 1512 году, подверглась передѣлкѣ и обработкѣ со стороны старца Филоѳея, раздѣлившаго хронографъ на главы и замѣнившаго выборку изъ русскихъ лѣтописей послѣ 1453 года (паденіе Царяграда) выборкою изъ лѣтописи Псковской: изложивъ Псковскія событія до 1482 года кратко и не самостоятельно (на основаніи списка Псковской лѣтописи), онъ приступилъ съ 1482 года къ самостоятельному изложенію Псковскихъ

твованія — одиннадцать, что, какъ мы видѣли,
я ошибочному расчету, вм. четырехъ; ср. въ
ъ спискахъ: «царствова въ цариградѣ братъ
агошь палеωлогъ лѣтъ 11». Вмѣстѣ съ тѣмъ
заимствована не изъ редакціи Толст. и сход-
нихъ Константиново царство названо не
рство 86 константина брата калоуянова),
счетѣ объясняется тѣмъ, что въ редакціи
сковъ не принято въ расчетъ царствованіе
оторомъ говорится въ 57-мъ царствова-
нна. Такимъ образомъ, послѣ этого 57-го
е Константина Мономаха названо 58-мъ,
по перечню греческихъ императоровъ,
мъ изъ древнѣйшихъ списковъ Нико-
XXI), 58-мъ помѣчено царствованіе
вованіе Константина Мономаха на-
ваніе Калуяна оказывается 86-мъ,
ыхъ спискахъ 85-мъ. Имѣя же въ
ывалось одиннадцать лѣтъ царство-
кѣ редакцій 1512 г. и не раздѣ-
, мы можемъ съ увѣренностью
тія Царяграда попала въ указан-
ъ редакціи болѣе древней, чѣмъ
ныхъ. Не стала ли эта повѣсть
а изъ одного изъ новыхъ его
нилъ первоначальную редакцію
ѣнію, что эта повѣсть переве-

ті... скаго и сходныхъ
у ... Искендерову,
сос... 1533 года,
года ... концѣ
ткѣ, въ ... торой
, не раздѣ... ы.

писи подъ 1520 г. обширная статья «О иконахъ владимерских не читается въ Воскресенской лѣтописи (а также во Львовской но она есть въ Русскомъ Временникѣ, а слѣдовательно была в той болѣе древней редакціи хронографа, которая находилась в распоряженіи составителя Никоновской лѣтописи. Отсюда видн что заимствованія изъ Хронографа въ Никоновскую лѣтопис простирались до 1520 г., почему къ этому именно году можн относить составленіе одной изъ позднѣйшихъ его редакцій. Я н стану подробно останавливаться на предполагаемомъ состав русскихъ статей этого Хронографа; замѣчу только, что возст новленіе ихъ возможно при помощи сравнительнаго изученія Ни коновской лѣтописи и другихъ лѣтописныхъ сводовъ, бывших ея источниками. Что касается остальныхъ статей этой редакці то ихъ возстановленіе достигается сравнительнымъ изученіем Никоновской лѣтописи, съ одной стороны, списковъ хронографа— Толстовскаго и сходныхъ съ нимъ, съ другой; вмѣстѣ съ тѣм къ сравненію должны быть привлечены и такіе памятники, как указанный выше списокъ Хронографа 1599 года, гдѣ слит двѣ редакціи — редакція 1512 г. и редакція, не раздѣленная н главы. Замѣчательно между прочимъ, что редакторъ 1520 год пользовался нѣкоторыми изъ греческихъ источниковъ, которы были доступны и редактору 1442 г., т. е. Пахомію: такъ, в его распоряженіи находился Паралипоменъ Зонары въ томъ ж краткомъ видѣ его, отрывки котораго были приведены и Пахо міемъ, какъ это ясно изъ данныхъ, имѣющихся въ редакці 1512 года. Истринъ, называющій редакцію Александріи п спискамъ Хронографа, не раздѣленнаго на главы — третьею, д казалъ, что въ ней, сравнительно съ четвертою редакціей (т. е редакціей 1512 года), сдѣланы нѣкоторыя добавленія изъ Зона рина Паралипомена (ср. Александрія русск. хроногр., стр. 288 Поповъ показалъ, что оттуда же заимствованъ въ Толст. сп. № 172 разсказъ о царствѣ Василія Болгарскаго губителя, какъ эт видно изъ редакціи 1512 года, содержащей вм. этого разсказ Манассіи, внесенный въ Хронографъ Пахоміемъ (Обзоръ,

стр. 179—181). Кромѣ Зонары, составитель редакціи 1520 года обратился несомнѣнно еще къ нѣкоторымъ греческимъ (переводнымъ) источникамъ: но опредѣлить ихъ мнѣ не удалось. Будущему изслѣдователю хронографа предстоитъ прежде всего указать на тотъ греческій матеріалъ, которымъ, сравнительно съ Пахоміевою редакціей, была дополнена редакція 1520 г. Задача эта осложняется тѣмъ, что далеко не все, что мы въ редакціи, не раздѣленной на главы, находимъ излишнимъ, сравнительно съ редакціей 1512 года, можетъ объясняться какъ дополненіе, внесенное новымъ редакторомъ 1520 года: дѣло въ томъ, что редакторъ 1512 года самъ значительно отступалъ отъ своего подлинника, сокращая и измѣняя его. Небрежное отношеніе редакціи 1512 года доказывается, напримѣръ, тѣмъ, что въ ней почти никогда не обозначается число того или другого греческаго царствованія: но при царствованіяхъ Михаила и Өеодоры, Василія Македонянина, Льва премудраго указано, что они были 86-мъ, 87-мъ и 88-мъ по порядку; редакція, не раздѣленная на главы, ведетъ точный счетъ христіанскимъ царствамъ, почему названныя три царства обозначаются какъ 44-е, 45-е, 46-е. Въ основной редакціи, кажется, обозначались два числа: первое по порядку, начиная съ Августа, а второе, считая отъ Константина Великаго; ср. въ редакціи 1512 года указанія на то, что Констанціево царство было вторымъ, Валентово пятымъ (по другой редакціи шестымъ), Маркіаново десятымъ. Возможно, впрочемъ, что редакторъ 1520 г. имѣлъ въ своемъ распоряженіи какую-нибудь греческую хронику, изъ которой могли быть заимствованы нѣкоторыя хронологическія и фактическія данныя. Ср. внесеніе хронологическихъ данныхъ въ царствованія византійскихъ императоровъ, напр. указаніе на годъ вступленія Тиверія на престолъ (6070), его преемника Маврикія (6075) и т. д. Особенно убѣдительно доказывается пользованіе новыми источниками разсказомъ о смерти Льва мудраго, гдѣ къ разсказу Амартола, довольно точно переданному въ редакціи 1512 года, добавлено, что сынъ Льва Константинъ былъ рожденъ отъ четвертой жены его. Что редакторъ

1520 года не ограничился одной перепиской своего оригин
а пожелалъ дополнить его, видно между прочимъ изъ того,
онъ внесъ въ свою переработку хронографа ту особаго сос
повѣсть о взятіи Царяграда турками, которая читается въ То
и сходныхъ спискахъ (напечатана въ Изборникѣ Попова,
87—91). Нахожу слѣдующія основанія для утвержденія,
повѣсть эта вставлена была уже въ редакціи 1520 года, есл
не въ ней, а въ послѣдующей редакціи, то во всякомъ слу
въ редакціи, предшествующей той редакціи, не раздѣленно
главы, которая отразилась въ Толстовскомъ и сходныхъ списк
Повѣсть эта извѣстна не только изъ указанныхъ списковъ
также и изъ нѣкоторыхъ другихъ редакцій Хронографа, гдѣ
частью является въ видѣ дополнительной статьи, а частью
дитъ въ составъ самого Хронографа, замѣняя Плачъ о пад
Царяграда. Такъ, въ спискахъ Погод. 1404 а и Акад. № 991
въ самомъ концѣ ихъ, между «Родствомъ великихъ князей ли
скихъ» и «Повѣстью о Митяѣ», эта повѣсть помѣщена подъ за
віемъ: «Царство 87 в констяптине граде». Начало повѣсти с
дующее: «Костянтинъ братъ ивановъ драгосъ палеологъ цар
ва 11 лѣтъ. Въ царство же сего костянтина от создания м
в лѣто 6961 обращаше уже в мысли» и т. д., какъ въ То
сп. (Изборникъ, стр. 87). Въ Акад. сп. № 399, представл
щемъ хронографъ редакціи 1512 г., опущенъ Плачъ о паде
Царяграда: вслѣдъ за послѣднимъ русскимъ извѣстіемъ 1451
да (послѣ словъ: ї мняху великаго князя пришедша) здѣсь
тается статья, помѣщенная, напр. въ Погод. 1404 а, Акад. 9
и др., за Плачемъ, а именно «Царство 17 в самари», а за
читается повѣсть о взятіи Царяграда съ тѣмъ же заглаві
и тѣмъ же началомъ, какъ въ только что указанныхъ дв
спискахъ. Уже самое заглавіе этой повѣсти показываетъ,
она заимствована изъ хронографа и при томъ редакціи, сход
съ редакціею Толст. и сходныхъ списковъ, гдѣ указывае
число царствъ, начиная съ перваго христіанскаго царства;
то же указываетъ данное въ началѣ повѣсти число лѣтъ К

стантинова царствованія — одиннадцать, что, какъ мы видѣли, явилось, благодаря ошибочному расчету, вм. четырехъ; ср. въ Толст. и сходныхъ спискахъ: «царствова въ цариградѣ братъ его константинъ драгошь палеωлогь лѣтъ 11». Вмѣстѣ съ тѣмъ ясно, что повѣсть заимствована не изъ редакціи Толст. и сходныхъ списковъ: въ нихъ Константиново царство названо не 87-мъ, а 86-мъ (Царство 86 константина брата калоуяннова), при чемъ разница въ счетѣ объясняется тѣмъ, что въ редакціи Толст. и сходныхъ списковъ не принято въ расчетъ царствованіе Михаила Калафата, о которомъ говорится въ 57-мъ царствованіи Михаила Пефлагонянина. Такимъ образомъ, послѣ этого 57-го царствованія, царствованіе Константина Мономаха названо 58-мъ, между тѣмъ какъ, напр. по перечню греческихъ императоровъ, какъ онъ читается въ одномъ изъ древнѣйшихъ списковъ Никоновской лѣтописи (IX, стр. XXI), 58-мъ помѣчено царствованіе Михаила Калафата, а царствованіе Константина Мономаха названо 59-мъ, почему царствованіе Калуяна оказывается 86-мъ, тогда какъ въ Толст. и сходныхъ спискахъ 85-мъ. Имѣя же въ виду, что Константину приписывалось одиннадцать лѣтъ царствованія уже въ общемъ подлинникѣ редакцій 1512 г. и не раздѣленной на главы (см. выше), мы можемъ съ увѣренностью утверждать, что повѣсть о взятіи Царяграда попала въ указанные нами списки хронографа изъ редакціи болѣе древней, чѣмъ редакція списковъ Толст. и сходныхъ. Не стала ли эта повѣсть извѣстною редактору 1520 года изъ одного изъ новыхъ его источниковъ, которыми онъ дополнилъ первоначальную редакцію хронографа? Не подлежитъ сомнѣнію, что эта повѣсть переведена съ греческаго.

На основаніи того, что редакція Толстовскаго и сходныхъ списковъ представляетъ именно эту повѣсть, а не Искендерову, вошедшую, какъ увидимъ ниже, въ составъ редакціи 1533 года, думаю, что именно редакція 1520 года подверглась въ концѣ XVI вѣка той своеобразной обработкѣ, въ результатѣ которой явилась дошедшая до насъ редакція, не раздѣленная на главы.

Мы видѣли выше, что по мѣсту происхожденія эта редакція
носится къ юго-западу Россіи: объ этомъ свидѣтельствуютъ
списки этой редакціи, изъ которыхъ по крайней мѣрѣ три но
отпечатокъ южно-русскаго происхожденія (Толстовскій, Тихо
вовскій и Виленскій), такъ въ особенности ея составъ; хроногр
соединенъ съ выписками изъ хроники М. Бѣльскаго и при т
не въ томъ переводѣ, которымъ воспользовался въ 1617
составитель новой редакціи хронографа въ Москвѣ. Цѣлью
ставителя редакціи, не раздѣленной на главы, — было
обзоръ историческихъ событій европейскихъ народовъ. Вотъ
чему онъ исключилъ изъ своего труда всю первую поло
хронографа, повѣствовавшую о ветхозавѣтныхъ событіях
началъ его обработку съ Александріи; вотъ почему, съ дру
стороны, онъ старался выпустить все то, что имѣло специа
русскій интересъ, касалось только русской исторіи: это уда
ему, какъ мы видѣли, въ извѣстной лишь степени, такъ к
наряду съ устраненіемъ извѣстій о крещеніи Руси и нашес
Батыя, находимъ упоминаніе о нѣкоторыхъ малозначительн
событіяхъ XIV в., не говоря уже о томъ, что начальныя со
бытія русской исторіи (походъ Олега, нападеніе печенѣгов
Кіевъ) изложены довольно обстоятельно; вотъ почему, наконе
списавъ повѣсть о паденіи Царяграда, послѣднюю статью х
нографа нерусскаго происхожденія, онъ совершенно отлож
свой оригиналъ въ сторону и обратился къ заимствованіямъ
польской хроники Мартина Бѣльскаго. Мнѣ кажется довол
вѣроятнымъ, что въ распоряженіи южно-русскаго редактора х
нографа не было иныхъ русскихъ или греческихъ источнико
кромѣ самого хронографа 1520 г.; поэтому весь текстъ хро
графа этой редакціи, вплоть до выписокъ изъ М. Бѣльскаго,
женъ быть возведенъ къ болѣе древней редакціи хронографа. Д
ствительно, сопоставленіе этой редакціи съ хронографическ
статьями Никоновской лѣтописи не оставляетъ сомнѣнія въ то
что отступленія въ греческихъ статьяхъ, сравнительно съ пер
начальною редакціей, восходятъ именно къ редакціи 1520 г.

Въ 1533 году возникла новая редакція хронографа и притомъ, кажется, не стоящая ни въ какой связи съ только что разсмотрѣнною южно-русскою редакціей. Отличія ея отъ редакціи 1520 г., положенной въ ея основаніе, состоятъ: во 1) въ продолженіи лѣтописнаго разсказа отъ 1521 по 1533 годъ (по августъ мѣсяцъ этого года), во 2) въ вставкахъ и добавленіяхъ въ русскихъ статьяхъ хронографа, въ 3) въ замѣнѣ разсмотрѣнной выше повѣсти о взятіи Царяграда турками другою обширною повѣстью о томъ же, повѣстью, авторомъ которой оказывается какой-то Искендеръ. Что эта редакція была продолжена по 1533-й годъ, свидѣтельствуютъ какъ Русскій Временникъ, такъ и Воскресенская и Львовская лѣтописи, пользовавшіяся, и притомъ каждая самостоятельно, хронографомъ 1533-го года. Русскія статьи редакціи 1520 года были дополнены нѣкоторыми новгородскими извѣстіями: сюда относится извѣстіе объ устройствѣ рядовъ, распланированіи улицъ и постройкѣ новаго моста въ Новгородѣ въ 1508 г. (Русск. Вр. II, 268), а также извѣстіе о новой организаціи суда въ Новгородѣ въ 1519 г. (тамъ же, II, 312). Присутствіе цѣлаго ряда новгородскихъ извѣстій и въ части 1521-1533 г. (нѣкоторыя изъ нихъ путемъ заимствованія попали въ Львовскую лѣтопись) указываетъ на мѣсто составленія этой редакціи хронографа — это Новгородъ; тѣсная же связь приводимыхъ здѣсь новгородскихъ извѣстій съ именемъ архіепископа Макарія, упоминаемымъ почти при каждомъ изъ нихъ, дѣлаетъ вѣроятнымъ, что редакція эта составлена по распоряженію или при ближайшемъ участіи преосвященнаго владыки[1]). Что въ хронографѣ редакціи 1533 года читалась Искендерова повѣсть о взятіи Царяграда, видно изъ того, что она помѣщена въ Воскресенской лѣтописи, откуда она попала и въ Никоновскую, вставившую между этой повѣстью и разсказомъ о началѣ Царяграда перечень византійскихъ христіанскихъ царей (V,

1) Ср. подъ 1526 (Русск. Вр. II, 343), подъ 1528 (II, 345—346), подъ 1530 (II, 349), подъ 1531 (II, 352), подъ 1533 (II, 359).

227—231). На то же указываетъ и позднѣйшая редакція ...нографа — хронографъ 1617 года, составленный на основ... редакціи 1512 г., но дополненный, а частью и исправленны... редакціи 1533 года (ср. статью объ отложеніи мясъ, гдѣ со... нено первоначальное, сравнительно съ редакціей 1512 г., ...ніе): здѣсь мы въ 158-й главѣ читаемъ въ сокращеніи ту Искендерову повѣсть, хотя впрочемъ она могла быть заимс...вана и не изъ редакціи 1533 г., а изъ Никоновской лѣтопи... ср. заимствованіе изъ этой лѣтописи Сказанія Пересвѣтова, ...мѣщеннаго вслѣдъ за повѣстью. — Редакція 1533 года вск... перешла изъ Новгорода въ Москву: уже въ 1534 ... ею воспользовался составитель протографа или древнѣй... редакціи Львовской лѣтописи и при томъ въ спискѣ, ... въ концѣ хронографа было записано московское извѣстіе, ...носящееся къ декабрю 1533 года, о слитіи колокола Никола... Нѣмчинымъ.

Изъ позднѣйшихъ передѣлокъ редакціи 1533 года укажу Русскій Временникъ. Цѣлью его составителя было извлечь ... хронографа русскія статьи; исключеніе греческихъ и южно-с...вянскихъ статей сдѣлано съ замѣчательною послѣдовательност... я могъ привести выше лишь немногіе остатки этихъ стат... состоящіе главнымъ образомъ въ сохраненіи нѣкоторыхъ пе...ходныхъ фразъ. Кажется, эту передѣлку редакціи 1533 г... надо отнести ко второй половинѣ XVI вѣка, если допустить, ... прибавленіе различныхъ добавочныхъ статей (О преставле... Александра Свирскаго, Сказаніе вкратцѣ отъ житія Данила ...реяславскаго) принадлежитъ именно редактору указанной пе...дѣлки. Ему же принадлежитъ и вставка нѣкоторыхъ стат... ихъ легко отличить отъ основного текста, такъ какъ, пови...мому, онѣ всегда вводятся словами: «а се отъ иного лѣтопис... Ср. въ особенности вставку подъ 1521 годомъ о нашествіи ...

таръ (Русск. Вр. II, 325—337), вставку, восходящую къ Степенной книгѣ (II, 193—202).

Ограничиваюсь указанными замѣчаніями о литературной судьбѣ Пахоміеваго хронографа: дальнѣйшее изслѣдованіе о позднѣйшихъ редакціяхъ хронографа не входитъ въ мою задачу.